

**Материалы
по Археологии,
Истории
и Этнографии
Таврии**

Выпуск XXVI

**Materials
in Archaeology,
History
and Ethnography
of Tauria**

Volume XXVI

**Симферополь
Simferopol
2021**

УДК 908(477.75)
ББК 28.89(2Рос-6Кры)
М 34

**Научная подготовка журнала осуществляется
Научно-исследовательским центром истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского**

Рекомендовано к изданию Научно-техническим советом
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
(Протокол № 6 от 05.10.2021 г.)

Редакция:

Айбабин А. И., ответственный редактор
Власова С. И., ответственный секретарь

М 34 Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
Вып. XXVI. — Симферополь: Соло-Рич, 2021. — 700 с.

Издание профинансировано Благотворительным фондом «Деметра»

ISSN 2413-189X

© Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского, 2021
© Центр археологических исследований
БФ «Деметра», 2021
© Авторы, текст, 2021

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ТАВРИИ

Научный журнал
Основан в 1990 году
Выходит один раз в год
Сайт журнала: <http://maiet.cfuv.ru>

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского».

Редакция: 295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, 4, НИЦ истории и археологии Крыма.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-61809 от 18.05.2015 г.).

Журнал включен в базы данных: Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index), European Reference Index for the Humanities (ERIH) и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (список научных журналов ВАК Минобрнауки РФ) по специальности 07.00.00 — исторические науки и археология.

Редакционная коллегия:

Айбабин А.И., главный редактор, д.и.н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Герцен А.Г., к.и.н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Дайм Ф., д.и.н., Центральный Римско-германский музей (Майнц, Германия)

Зинько В.Н., д.и.н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Иштванович Э., к.и.н., Музей им. Андраша Йожа (Ньиредьхаза, Венгрия)

Казанский М., д.и.н., Центр истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс (Париж, Франция)

Кузнецов В.Д., д.и.н., Институт археологии РАН (Москва, Россия)

Кульчар В., к.и.н., Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Майко В.В., д.и.н., Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия)

Сидоренко В.А., к.и.н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Степаненко В.П., д.и.н., Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия)

Тункина И.В., член-корреспондент РАН, д.и.н., Архив Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

Хайрединова Э.А., к.и.н., Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия)

Храпунов И.Н., д.и.н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Цукерман К., д.и.н., Центр истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс, Практическая школа высших исследований в Париже (Париж, Франция)

MATERIALS IN ARCHAEOLOGY, HISTORY AND ETHNOGRAPHY OF TAURIA

Academic Periodical

Publishes from 1990

One volume a year

English version of Website: <http://maiet.cfuv.ru/en/>

Founder: V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Editorial Office: V. I. Vernadsky Crimean Federal University, History and Archaeology of the Crimea Research Centre, 4 Akademika Vernadskogo Ave, Simferopol, Republic of the Crimea, 295007.

The journal is included into Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index), European Reference Index for the Humanities (ERIH), Russian Science Citation Index.

Editorial Board:

Aibabin Aleksandr, DSc, Professor, Director of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

Daim Falko, Dr. hab., Director of the Romano-Germanic Central Museum (Mainz, Germany)

Gertsen Aleksandr, CSc, Dean of the Historic Faculty at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

Istvánovits Eszter, Dr, Academic Secretary of the Jósa András Múzeum (Nyíregyháza, Hungary)

Kazanski Michel, DSc., Directeur de Recherche, Centre national de la recherche scientifique (CNRS), UMR-8167 «Orient et Méditerranée» (Paris, France)

Khairedinova Elzara, CSc, Head of the Mediaeval Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia)

Khrapunov Igor², DSc, Professor at the Ancient and Mediaeval History Department at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

Kulcsár Valéria, Dr, Associate Professor at the University of Szeged (Szeged, Hungary)

Kuznetsov Vladimir, DSc, Head of the Classical Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Maiko Vadim, DSc, Director of the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia)

Sidorenko Valery, CSc, Deputy Director of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

Stepanenko Valery, DSc, Professor at the Ancient and Mediaeval History Department at the Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia).

Tunkina Irina, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc, leading researcher, Director of the Saint Petersburg Branch of the Russian Academy of Sciences Archive (Saint Petersburg, Russia).

Zin'ko Viktor, DSc, Leading Researcher of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia).

Zuckerman Constantin, Dr. hab., Professor of Byzantine history at the Ecole pratique des hautes études / Université Paris Sciences et Lettres (EPHE / PSL), Deputy Director of the Centre d'histoire et civilisation de Byzance, Collège de France (Paris, France)

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: <https://doi.org/10.37279/2413-189X.2021.26.5-21>

НАСКАЛЬНОЕ ПАННО У С. КРАСНЫЙ МАК В КРЫМУ

**Александр Германович Герцен¹, Антон Анатольевич Душенко²,
Владимир Леонидович Руев³**

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия

¹ *gertsenag@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1586-5886>*

² *tnu.dushenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7287-0086>*

³ *vl.ruev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5394-6973>*

Аннотация. На территории Крыма памятники изобразительного искусства каменного века и эпохи бронзы единичны, поэтому выявление нового объекта можно считать важным событием для археологии полуострова. Статья посвящена недавно открытому памятнику – комплексу наскальных изображений в юго-западной части крымских предгорий на западном склоне горы Кызык-Кулак-Кая, расположенной во Второй (Внутренней) гряде Крымских гор южнее села Красный Мак Бахчисарайского района. Наскальные изображения находятся на западном обрыве горы в одном из скальных гротов. На скальной поверхности расположено три композиции, включающих антропоморфные фигуры, изображения животных и рисунки символического характера. По всей вероятности, наскальные изображения на горе Кызык-Кулак-Кая отражают перекочевки скотоводческого племени и перегон табуна лошадей, а также сцену совершения ритуала шаманом. В комплексе изображений присутствуют основные хронологические компоненты – колесные повозки и всадники на лошадях, которые могут датировать писаницы не ранее начала эпохи бронзы. Датировка данного комплекса по аналогиям возможна с привлечением как небольшого числа крымских аналогий, так и с территории Хакасии и Южного Урала. В публикации проведен анализ семантического сходства и отличий с изображениями из других крымских памятников археологии – стоянок Таш-Аир и Алимова балка, каменного ящика у с. Долинное Бахчисарайского района, а также с рельефными изображениями на стенах, найденных в районе с. Казанки и с. Бахчи-Эли.

Ключевые слова: Крым, наскальные изображения, Кызык-Кулак-кая, Таш-Аир, Алимова балка, А.Д. Столяр, Д.А. Крайнов, А.А. Щепинский

A ROCK ART PANEL NEAR THE VILLAGE OF KRASNYI MAK IN THE CRIMEA

Alexander G. Gertsen, Anton A. Dushenko, Vladimir L. Ruev

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Abstract. Since there are a very few monuments of the Stone and Bronze Age art found in the Crimea, the discovery of a new object of the kind is an important event for local archaeology. This paper

© Герцен А.Г., Душенко А.А., Руев В.Л., 2021

addresses a recently discovered site, the complex of rock paintings located in the south-western area of the Crimean foothills, on the western slope of the mountain of Kyzyk-Kulak-Kaia, which is a part of the Second (Inner) Range of the Crimean Mountains, south of the village of Krasnyi Mak, Bakhchisarai District. The rock paintings appeared in a grotto in rock on the western precipice of the mountain. The surface of the rock houses three compositions comprising anthropomorphic figures, images of beasts, and symbolic pictures. By all appearance, rock paintings of Kyzyk-Kulak-Kaia feature migrations of a cattle-breeding tribe, driving of a herd of horses, and the scene of a ritual performed by a shaman. The complex of images contains the main chronological components, wheeled carts and horse-riders, dating the paintings to the period no earlier than the Bronze Age. The dating of this complex by analogies is possible with the attraction of both a few parallels from the Crimea and also the finds from Khakassia and the Southern Ural area. This publication has also analysed semantic similarities and differences with the images from other Crimean archaeological sites such as the stations of Tash-Air and Alimova Ravine, a cist from the vicinity of the village of Dolinnoe in the Bakhchisarai District, and relief pictures on the steles uncovered near the villages of Kazanki and Bakhchi-Eli.

Key words: Crimea, rock art, Kyzyk-Kulak-Kaia, Tash-Air, Alimova ravine, A. D. Stoliar, D. A. Krainov, A. A. Shechepinskii

К 100-летию со дня рождения А. Д. Столяра

Крымский период в жизни А. Д. Столяра приходится на 1954–1956 гг. После окончания Великой Отечественной войны создается Крымский филиал Академии наук СССР (с 1954 г. – Крымский филиал АН УССР). В его состав входит отдел истории и археологии под руководством П. Н. Шульца. Сотрудником этого отдела становится молодой археолог А. Д. Столяр. До этого он проводил исследования мезолитического и неолитического могильников Васильевка I и Васильевка III на Днепровском Левобережье. В Крыму в это время началась реализация проекта, направленного на решение острейшей проблемы – обеспечения растущего населения водой, и главной его стройкой стало создание Симферопольского водохранилища, которое местные жители без тени иронии стали называть Симферопольским морем. Как это было положено на всех крупных новостройках советского времени, проводилось предварительное археологическое обследование участка долины Салгира, дна будущего водохранилища. Тогда были выявлены десятки памятников от неолита до средневековья, и в этом значительная заслуга А. Д. Столяра и А. А. Щепинского [11; 12; 14]. Также совместно ими были проведены раскопки мезолитической стоянки в Качинской долине в Алимовой балке [10]. Эта работа стала основой для многолетней дружбы исследователей (рис. 1).

30 лет спустя, в апреле 1985 г., кратковременное пребывание Абрама Давидовича в Крыму было отмечено походом по маршруту: Бахчисарай – Чуфут-Кале – Иосафатова долина – Тепе-Кермен – Качи-Кальон. Завершением пешеходной части путешествия были Качинские ворота, живописное ущелье в среднем течении Качи, где река прорывает Внутреннюю гряду Крымских гор. Здесь слева в нее впадает упомянутая Алимova балка, носящая имя полуполюгендарного крымского разбойника. Туда не стали подниматься, а остановились у скального навеса со стоянкой

Таш-Аир, исследованной Д. А. Крайновым в 1935 г. [8]. Памятник известен своими наскальными изображениями, обычно относимыми к периоду энеолита – бронзы. Абрам Давидович в ответ на сетования об исключительной редкости подобных памятников на полуострове уверенно сказал, что открытия еще впереди, и не исключено, что даже на, казалось бы, достаточно изученных объектах. Его предвиденье получило подтверждение в находке наскальных рисунков на известном с довоенного времени городище Кызык-Кулак-Кая (рис. 2). До этого в юго-западной части крымского предгорья, кроме Таш-Аира, скопление петрографов было выявлено в Алимовой балке, во втором Алимовском навесе. Некоторые из них имеют сходство с фигурами росписи Таш-Аира. В других районах полуострова отмечены отдельные наскальные изображения, чаще всего имеющие характер тамг [16].

В 2007 г. местный житель села Красный Мак Бахчисарайского района А. Остапчук сообщил сотрудникам Мангупской археологической экспедиции о группе наскальных изображений на западном склоне горы Кызык-Кулак-Кая. Первоначально это не вызвало доверия, т.к. памятник считался хорошо изученным. Для проверки этой информации был направлен сотрудник, который подтвердил полученные сведения.

Возвышенность Кызык-Кулак-Кая расположена в пределах Второй (Внутренней) гряды Крымских гор на южной окраине села Красный Мак. В этом месте гряда расчленена глубокими балками, разделившими некогда единый скальный массив на отдельные останцы мысового типа с обрывистыми склонами. Возвышенность на западе отделена от соседнего мыса Узун-сырт (Суллу-сырт) балкой Суллу-дере, на востоке – от возвышенности Улаklar-бурун балкой Ахмулла-дере. Длина вытянутого по линии север–юг массива составляет около 360 м, максимальная ширина – 40 м. Культурный слой на плоской поверхности имеет толщину до 0,5 м и покрывает ее на отдельных участках (рис. 3–5).

В 1937 г. Н. И. Репников установил на поверхности останца наличие следов поселения. В 1938 и 1949 гг. объект обследовался Е. В. Веймарном и типологически определен как таврское «убежище» [1, с. 428–429]. Отмечено, что наряду с типичной кизилкобинской керамикой в культурном слое встречаются немногочисленные обломки красноглиняных амфор. В целом, по литературным и архивным источникам он датируется второй половиной I тыс. до н.э. Оборонительные сооружения отсутствуют, поскольку обводы плато представляют собой вертикальные и с отрицательным уклоном обрывы, высотой до 30 м. В настоящее время подняться наверх можно с трудом, только с помощью проволоки, закрепленной в южной части останца. В нижней части склонов, с западной стороны, находятся естественные, широко открытые гrotы-навесы.

Наскальные изображения находятся в одном из крупных навесов шириной около 17 м, высотой около 7 м, глубиной до 4 м. Его северная часть разделена на два яруса горизонтальной скальной полкой протяженностью до 6 м (рис. 6; 8). В пределах второго яруса над скальной полкой в пределах площади скальной поверхности длиной 3,5 м и высотой 0,6 м расположено два участка скопления изображений, образующие на участке 2 три сюжетно построенные композиции.

Участок 1 расположен в северной части скальной полки, на стене отдельного природного углубления. Изображения нанесены оранжевым минеральным красителем (охра?) и в настоящее время плохо различимы. Среди отдельных пятен и полос краски читается крест и фигура, напоминающая букву Н [4, с. 59].

Участок 2 представлен тремя композициями схематичных изображений, нанесенных на скальную поверхность в большинстве случаев линейным способом (рис. 7).

Композиция 1 включает в себя 25 изображений, нанесенных красным минеральным красителем (охра?) на скальной поверхности, покрытой темным лишайником. Преимущественно изображены стилизованные динамичные силуэты фигур животных и людей. Высота рисунков до 7 см, длина до 10 см (рис. 7–8).

Изображение 1. Круг, перечеркнутый линией по диагонали (стилизация колеса либо солярный знак).

Изображение 2. Две пересекающихся линии в виде буквы «X» с закрученными окончаниями (стилизованный вид повозки сверху?).

Изображение 3. Круг, перечеркнутый двумя перпендикулярными линиями по диагонали. От круга вправо выступает изображение трезубца (стилизованное изображение колесной повозки с выступающим дышлом или солярный знак).

Изображение 4. Антропоморфное изображение в устрашающей позе, держащее в поднятых руках неопределенные предметы (палки, копье, щит?).

Изображение 5. Изображение в виде ветви, отходящей от ствола дерева. Интерпретация на данный момент затруднена. Не исключено, что указанное изображение является частью изображения 4.

Изображение 6. Стилизованное изображение животного с ветвистыми рогами (самец благородного оленя?).

Изображение 7. Стилизованное изображение животного (лошадь?).

Изображение 8. Две пересекающихся линии в виде буквы «X» с закрученными окончаниями, по своей семантике сходное с изображением 2 (стилизованный вид повозки сверху?).

Изображение 9. Стилизованное изображение животного (лошадь?).

Изображение 10. Стилизованное изображение животного (лошадь?).

Изображение 11. Стилизованное изображение животного (бык, корова?).

Изображение 12. Неполное антропоморфное изображение с поднятыми руками.

Изображение 13. Интерпретация изображения затруднительна (повозка, крупное животное?).

Изображение 14. Антропоморфное изображение в устрашающей позе, держащее в поднятых руках неопределенные предметы (палки, копье, щит?). Изображение сходно с изображением 4.

Изображение 15. Стилизованное изображение животного (лошадь?).

Изображение 16. Стилизованное изображение всадника на лошади.

Изображение 17. Стилизованное изображение животного (лошадь?).

Изображение 18. Стилизованное изображение животного (лошадь?).

Изображение 19. Стилизованное изображение всадника на лошади.

Изображение 20. Интерпретация изображения затруднительна.

Изображение 21. Интерпретация изображения затруднительна.

Изображение 22. Изображение горизонтальной решетки (ограда, загон для скота?).

Изображение 23. Антропоморфное изображение в устрашающей позе, держащее в поднятых руках неопределенные предметы (палки, копые, щит?). Изображение сходно с изображениями 4 и 14.

Изображение 24. Интерпретация изображения затруднительна.

Изображение 25. Стилизованное изображение животного. Интерпретация затруднительна.

Вероятнее всего, композиция 1 представляет собой сюжет, отражающий перекочевки скотоводческого племени и перегон табуна лошадей. Именно здесь присутствуют основные датирующие компоненты – колесные повозки и всадники на лошадях, которые могут датировать изображения не ранее начала эпохи бронзы и появления пастушеских племен ямной историко-культурной общности или кемиобинской культуры (?).

Композиция 2 включает в себя 6 изображений преимущественно стилизованных силуэтных антропоморфных фигур, нанесенных черной краской на участке скальной поверхности, покрытой темным лишайником. Высота рисунков до 7 см, длина до 10 см (рис. 7; 10).

Изображение 1. Сохранившееся частично стилизованное антропоморфное изображение с поднятой рукой.

Изображение 2. Стилизованное антропоморфное изображение с поднятыми руками в сцене устрашения или совершения ритуала (?).

Изображение 3. Изображение вертикальной решетки (ограда?).

Изображение 4. Стилизованное антропоморфное изображение фигуры, идущей в правую сторону.

Изображение 5. Стилизованное изображение всадника.

Изображение 6. Частично сохранившееся изображение неизвестного животного.

Подобный сюжет возможно трактовать как сцену совершения ритуала шаманом либо изображение каких-то сверхъестественных существ. Отметим, что антропоморфные фигуры этой композиции существенно отличаются от композиций 1 и 3.

Композиция 3 включает в себя 6 изображений. В ней преимущественно изображены стилизованные, силуэтные антропоморфные фигуры, нанесенные оранжевой краской на участке скальной поверхности, покрытой темным лишайником. Высота рисунков до 4 см, длина до 5 см (рис. 7). Стилистически сходны с изображениями композиции 1.

Изображение 1. Изображение неизвестного животного.

Изображение 2. Антропоморфное изображение в устрашающей позе, держащее в поднятых руках неопределенные предметы (палки, копые, щит?). Отчасти сходно с изображениями 4, 14, 23 композиции 1.

Изображение 3. Антропоморфное изображение в устрашающей позе, держащее в поднятых руках неопределенные предметы (палки, копье, щит?). Отчасти сходно с предыдущим изображением и изображениями 4, 14, 23 композиции 1.

Изображение 4. Интерпретация затруднительна.

Изображение 5. Интерпретация затруднительна.

Изображение 6. Сохранившееся частично антропоморфное изображение в устрашающей позе, держащее в поднятых руках неопределенные предметы (палки, копье, щит?). Отчасти сходно с предыдущими двумя изображениями и изображениями 4, 14, 23 композиции 1.

Несмотря на наличие вооруженных антропоморфных фигур, сюжетная линия композиции 3 прослеживается слабо из-за плохой сохранности изображений. Предположительно, здесь схематически отображен эпизод боевого столкновения или выпаса животных.

О датировке и этнической принадлежности данного памятника судить трудно, т.к. культурные напластования, непосредственно связанные с ним, отсутствуют. Культурный слой на вышележащей поверхности плато по литературным и архивным источникам датируется второй половиной I тыс. до н.э., также отмечены обломки красноглиняных амфор. Современный осмотр поверхности плато выявил только фрагменты амфор, в основном так называемых «причерноморских», датируемых в пределах VIII–IX вв. Не обнаружено фрагментов типичной лепной кизилкобинской керамики, представленных на фотографии в статье Е. В. Веймарна 1953 г. На дне долины под западным склоном плато, по данным разведок 1970 г. и 2017 г., находилось поселение первых веков нашей эры. Современный осмотр этой территории, используемой уже многие годы под пашню, дал находки керамики этого периода, а также ранне- и позднесредневекового времени [3, с. 30; 4, с. 64–68].

Поскольку определенными аналогиями рисункам г. Кызык-Кулак-Кая являются писаницы Таш-Аира (с. Предущельное Бахчисарайского района), Алимовой балки (с. Баштановка Бахчисарайского района), на каменном ящике у с. Долинное Бахчисарайского района, а также рельефные изображения на стелах, найденных в районе с. Казанки Бахчисарайского района и Бахчи-Эли (на территории г. Симферополь), рассмотрим их с точки зрения поиска сходства и различия.

Наскальные росписи Таш-Аира были открыты в 1935 г. при проведении разведок Д. А. Крайновым в долине р. Кача, изучены в 1936–1940 гг. в ходе многолетних полевых исследований этого многослойного памятника (рис. 11). Первые заметки об изображениях были опубликованы в 1936 и 1939 гг. Наскальное панно расположено в восточной части навеса на высоте около 2 м от современной дневной поверхности. Разрушение изображений началось еще в древности. При раскопках площадки под навесом в слое раннего железного века были обнаружены куски стены навеса с остатками рисунков, идентичных наскальным. Эти находки определяют верхнюю хронологическую границу росписей. Рисунки выполнены минеральной красновато-буровой краской. К 1935 году на трех участка скального навеса сохранилось 34

фигуры, не считая отдельных точек, линий и фрагментов осыпавшихся изображений. Фигуры скомпонованы в 3 группы. Группа 1 расположена на высоте 2 м вверху левой части всего фриза. Сохранились 5 фигур и несколько красных точек. Фигуры схематически представляют людей, изображенных в разных положениях. Группа 2 является центральной «картиной» всего панно и содержит около 24 фигур. В этой группе наряду со схематическими малопонятными изображениями имеются фигуры людей и животных, отличающихся по технике исполнения от рисунков группы 1 и в некоторой степени приближающиеся к реалистической живописи. Почти все фигуры этой группы объединены одним сюжетным содержанием, отражающим, по-видимому, какое-то событие военного характера. Можно выделить две враждебные друг другу группы – фигуры людей, вооруженных копьями и щитами, и фигуры людей без оружия. Группа 3 расположена примерно в 4-х метрах от группы 2. В ней сохранились только 3 фигуры, изображающих какие-то предметы, наподобие лестницы и круга с перекрещивающимися внутри линиями [8, с. 111–122]. С изображениями из Кызык-Кулак-Кая явное сходство по технике исполнения имеют антропоморфные фигуры в устрашающей позе, держащее в поднятых руках неопределенные предметы (палки, копьё, щит?), решетки, круг, перечеркнутый двумя перпендикулярными линиями по диагонали (стилизованное изображение колесной повозки или солярный знак). Высказанное Д. А. Крайновым предположение об изображенной в Таш-Аире сцене древней битвы между аборигенами и завоевателями прочно вошло в научно-популярную литературу как установленный факт и стало обрастать дополнительными подробностями. При этом нельзя исключать, что наскальные изображения Таш-Аира запечатлели бытовые реалии жизни местного населения, занятого уходом за скотом. Д. А. Крайнов датировал эти изображения энеолитом или бронзой [8, с. 120–122]. А. А. Щепинский связывал изображения Таш-Аира, фигуры на каменном ящике у с. Долинное, на стеле из с. Казанки Бахчисарайского района и из Бахчи-Эли с кеми-обинской археологической культурой III – первой половины II тыс. до н.э. [15, с. 44, 46].

Изображения в Алимовой балке были обнаружены А. А. Щепинским в 80-х гг. XX в. Наскальное панно представлено тремя группами композиций, нанесенных коричневатой-красной краской (охрой?). В этих рисунках их первооткрыватель усматривал стилизованные изображения построек (загона или ограды), антропоморфных фигур, в том числе женских, исполняющих ритуальный танец (рис. 12) [16, с. 29–30]. Интерес вызывает всадник на коне, который имеет отдаленное сходство с подобными изображениями Таш-Аира и Кызык-Кулак-Кая. А. А. Щепинский датировал наскальные изображения Алимовой балки (второго Алимовского навеса) концом III – началом II тыс. до н.э. Он отмечал, что изображения носят сюжетный, повествовательный характер. В то же время, они сочетаются с определенными культурными представлениями и обрядами. Среди наскальных росписей преобладают изображения человека. Люди изображались двумя художественными приемами – в стилизованном (схематическом-геометризованном) и относительно реалистическом

стилях. Реже отмечаются рисунки повозок, оград (загонов для скота). Из животных хорошо представлены рисунки верховых лошадей [16, с. 44]. Отметим, что подобное описание А. А. Щепинского соответствует и изображениям на Кызык-Кулак-Кая.

Ближайшие параллели рисункам в навесе на западном склоне горы Кызык-Кулак-Кая за пределами Крымского полуострова имеются в Хакасско-Минусинской котловине и датируются эпохой бронзы. По мнению О. В. Ковалевой, среди основных сюжетов, получивших наибольшее распространение в эпоху поздней бронзы, удалось выделить четыре группы изображений: изображения животных, сюжеты, содержащие образ человека, и рисунки предметов. Особую группу составляют изображения колесниц, повозок и отдельных колес. Самая большая сюжетная группа, которая включает почти половину всех известных изображений эпохи поздней бронзы, представлена рисунками животных. Наиболее популярной здесь становится фигура лошади. Изображают табуны лошадей, противостоящих животным, одиночных лошадей, запряженных в колесницу и везущих людей. Такое преобладание образа лошади в искусстве эпохи поздней бронзы отражало конкретную историческую ситуацию и было связано с окончательным освоением в этот период лошади как верхового животного. Значительно реже среди петроглифов встречаются другие животные: козлы, быки, олени, собаки и т.д. [7, с. 25–26]. Подобные обнаруженным в Крыму схематические изображения О. В. Ковалева относит к линейной стилистической группе [7, с. 21]. Подобный изобразительный стиль отмечен среди рисунков на юго-восточном склоне горы Чалпан на памятнике «Чалпан-1» в Хакасии. Ю. Н. Есин близкое к крымскому изображение копытного относит к эпохе поздней бронзы. Близкие аналоги отмечены на плитах из погребений и поселений карасукского времени. В их числе изображение туловища одной или двумя линиями, дугообразная изогнутость нижней части живота, длинные уши, направленные назад и вверх, поднятая вверх голова лошади, изображение ног прямыми линиями, манера изображения хвоста [5, с. 102, 105–106]. Подобное описание практически полностью соответствует изображениям предполагаемых лошадей из Кызык-Кулак-Кая.

На начальном этапе этого исследования пока не представилось возможным выяснить состав красок черного и красного цвета. На памятниках окуневской культуры в Хакасии красную краску изготовляли из смеси охры, глины и гематита, черную – из толченого древесного угля [6, с. 87]. Железистые включения в красной краске отмечены в Карелии [2, с. 434]. При изготовлении красной краски и близких к этому цвету оттенков для изображений на территории Южного и Среднего Урала оксиды железа не играли решающего значения, основной акцент древние художники делали на красители органического происхождения [13, с. 109–110]. Отметим, что до настоящего времени анализ росписей на памятниках эпохи бронзы в Крыму не производился. Отсутствуют также и данные о составе краски на изображениях в Таш-Аире. Сходства и отличия в составе красок впоследствии могут стать важным датирующим фактором. При этом отметим, что оранжевой краской изображены сцены из реальной жизни – перегон скота (композиция 1) и, возможно, боевое стол-

кновение (композиция 3). Черной краской изображены ритуальные действия шамана или сверхъестественные существа (композиция 3). Считается, что черная краска указывала на загробный мир и его духов [9, с. 137–138].

Проблема выяснения исторического контекста обнаруженных изображений на западном склоне горы Кызык-Кулак-Кая пока далека от своего решения, хотя на основании аналогий, вероятнее всего, они соответствуют горизонту эпохи бронзы. Однако кроме проблемы датировки и семантики изображений, на сегодняшний день остро стоит проблема их охраны. Рисунки Таш-Аира поливаются водой любознательными туристами для лучшего рассмотрения, в результате чего сейчас они просматриваются с трудом. Росписи Кызык-Кулак-Кая уничтожаются вандалами. Наскальные изображения Алимовой балки дорисовываются уже современными «художниками». К большому сожалению, на сегодняшний день нет реальных правовых механизмов для сохранения и защиты этих ценнейших единичных памятников в горнолесной местности Крымского полуострова.

Рис. 1. Март 1985 г., Крым, Бахчисарайский район, с. Малое Садовое. Слева направо: А. А. Щепинский, Э. Б. Петрова, А. Д. Столяр, второй справа налево – В. Н. Даниленко. Фото А. Г. Герцена
Fig. 1. March 1985, Crimea, Bakhchysarai District, Maloe Sadovoe village. Left to right: A. A. Shchepinskii, E. B. Petrova, A. D. Stoliar, the second from the right – V. N. Danilenko. Photo: A. G. Gertsen

Рис. 2. Декабрь 2007 г., Санкт-Петербург. А. Д. Столяр и А. Г. Герцен, последняя встреча у «Атлантов»
Fig. 2. December 2007, St. Petersburg, A. D. Stoliar and A. G. Gertsen, the last meeting at the “Atlanteans”

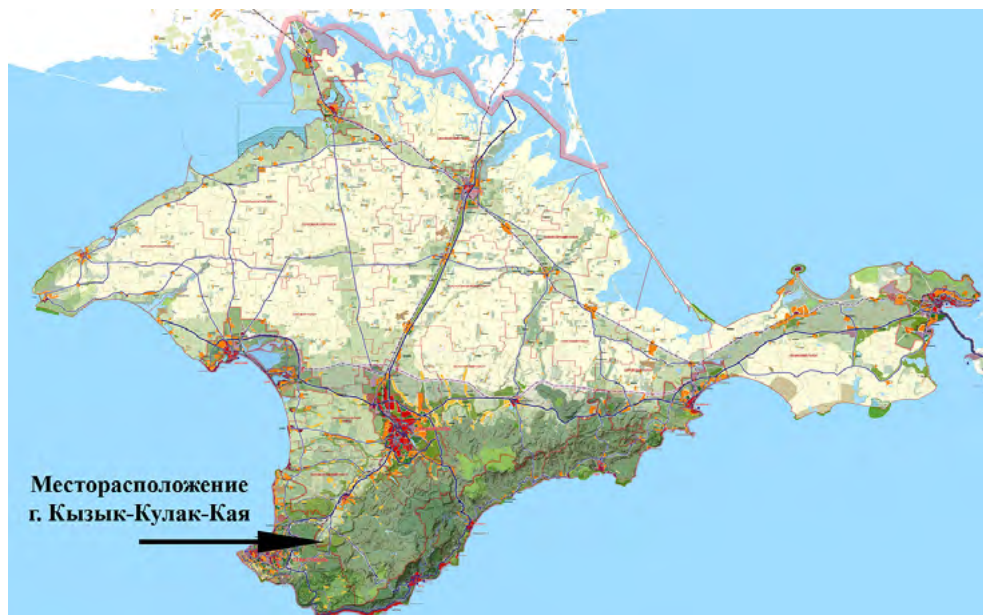

Рис. 3. Месторасположение горы Кызык-Кулак-Кая в Бахчисарайском районе Республики Крым
Fig. 3. Location of the mountain of Kyzzyk-Kulak-Kaia in the Bakhchysarai District of the Republic of the Crimea

Рис. 4. Ортофотосъемка горы Кызык-Кулак-Кая с ресурса Яндекс.Карты
Fig. 4. Orthophotography of the mountain of Kyzzyk-Kulak-Kaia by Yandex.Maps

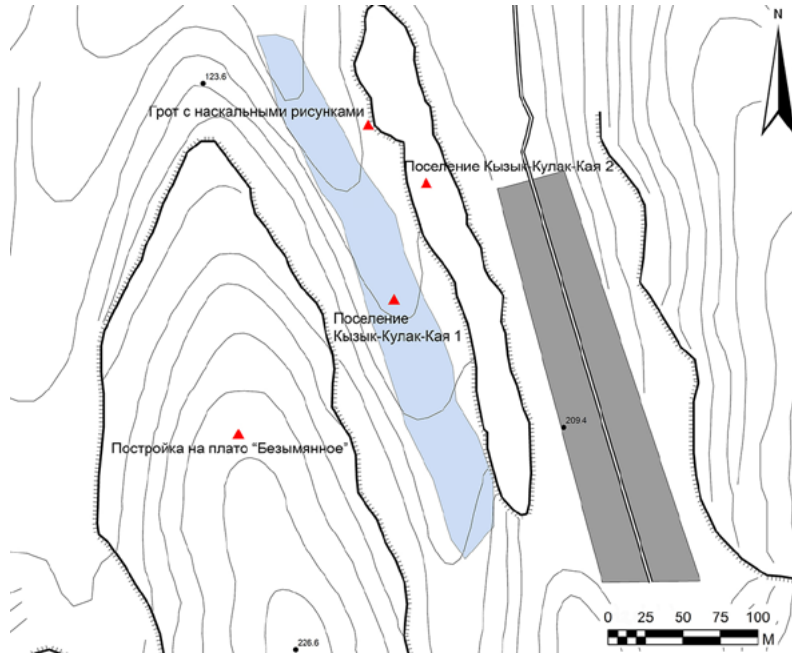

Рис. 5. Топографический план местности в районе горы Кызык-Кулак-Кая с указанием ближайших памятников. Выполнен А. А. Душенко
Fig. 5. Topographic map of the area near the mountain of Kyzyk-Kulak-Kaia indicating the nearest monuments. Design: A. A. Dushenko

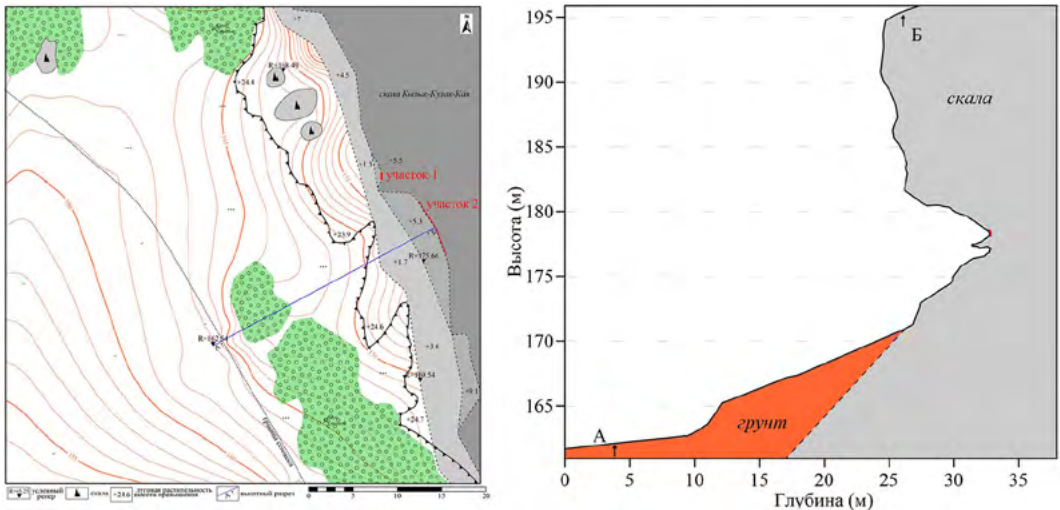

Рис. 6. Топографический план и разрез грота с наскальными изображениями на горе Кызык-Кулак-Кая. Выполнен А. М. Михайловым
Fig. 6. Topographic plan and section of the grotto with rock paintings on the mountain of Kyzyk-Kulak-Kaia. Design: A. M. Mikhailov

Рис. 7. Наскальные рисунки участка 2 (композиции 1–3). Прорисовка А. А. Душенко

Fig. 7. Rock paintings of site 2 (compositions 1–3). Line drawing: A. A. Dushenko

Рис. 8. Грот с наскальными изображениями. Вид с северо-запада. Фото А. Г. Герцена

Fig. 8. Grotto with rock paintings. Viewed from the northwest. Photo: A. G. Gertsen

Рис. 9. Фото изображений 7–10 композиции 1. Фото В. Л. Руева
Fig. 9. Photographs of images 7–10 in composition 1. Photo: V. L. Ruev

Рис. 10. Фото изображения 2 композиции 2. Фото А. Г. Герцена
Fig. 10. Photographs of image 2 in composition 2. Photo: A. G. Gertsen

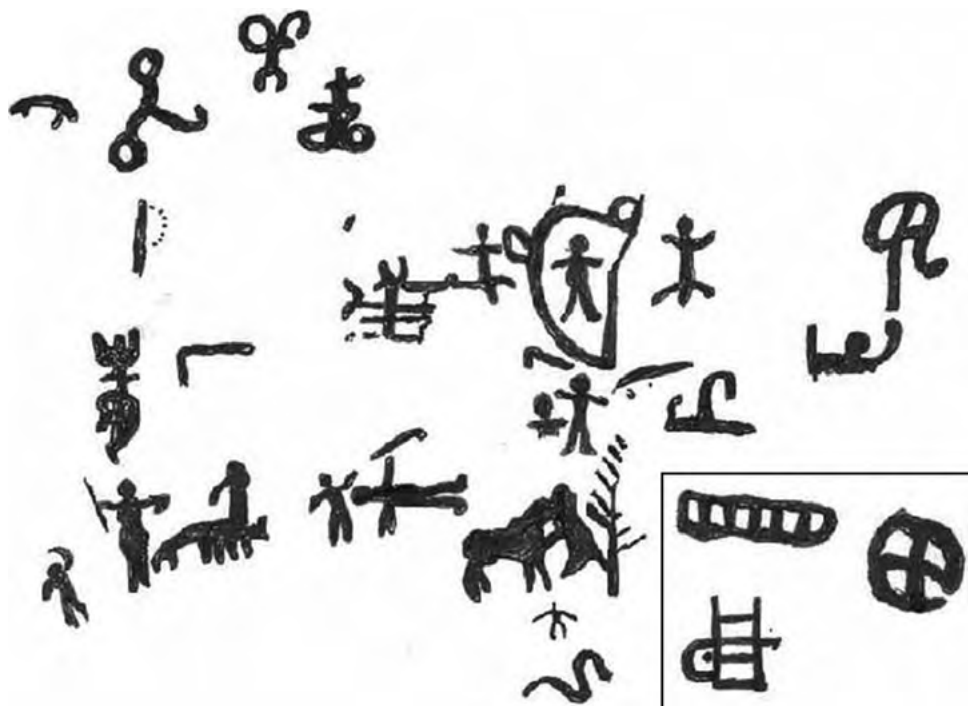

Рис. 11. Прорисовка наскальных изображений многослойного памятника Таш-Аир I [по: 8, рис. 14]
Fig. 11. Line drawing of rock paintings of the multi-layered site of Tash-Air I [after: 8, Fig. 14]

Рис. 12. Прорисовка наскальных изображений из Алимовой балки [по: 16, рис. 3]
Fig. 12. Line drawing of rock paintings from Alimova Ravine [after: 16, Fig. 3]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веймарн Е.В. Разведка оборонительных стен и некрополя // Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). М., Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 419–435. (МИА. № 34).
2. Витенкова И.Ф. Цвет жизни красный: использование минеральных красок древним населением Карелии // Тверской археологический сборник. Материалы V Тверской археологической конференции и 16-го и 17-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь, 2015. Т. 1. С. 434–440.
3. Герцен А.Г., Душенко А.А., Руев В.Л. Вновь открытые наскальные рисунки на городище Кызык-Кулак-Кая // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма. Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию А. И. Айбабина. Симферополь, 2019. С. 28–33.
4. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Душенко А.А., Ганцев В.К., Михайлов А.М., Набоков А.И. Новые материалы к археологической карте округа Мангупского городища (предварительные результаты исследований 2017 г.) // Ученые записки Крымского федерального университета. Исторические науки. 2019. Т. 5 (71). № 1. С. 52–74.
5. Есин Ю.Н. Наскальные изображения памятника Чалпан-1 в Минусинской котловине // Уральский исторический вестник. 2010. № 1(26). С. 100–106.
6. Есин Ю.Н., Магай Ж., Руссельер Э., Вальтер Ф. Краска в наскальном искусстве окуневской культуры Минусинской котловины // РА. 2014. № 3. С. 79–88.
7. Ковалева О.В. Петроглифы эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Новосибирск, 2008. 31 с.
8. Крайнов Д.А. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 190 с. (МИА. № 91).
9. Сериков Ю.Б. Краски и цвет в ритуалах древнего населения Урала // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2012. Вып. 5. С. 122–142.
10. Столяр А.Д. Мезолитические комплексы Алимовского навеса // КСИА. 1961. Вып. 84. С. 38–44.
11. Столяр А.Д., Щепинский А.А. Археологические памятники Симферопольского водохранилища // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980. С. 81–96.
12. Столяр А.Д., Щепинский А.А. Курганы у Симферопольского водохранилища // Катакомбные памятники Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981. С. 35–50.
13. Широков В.Н., Дубровский Д.К., Суриков В.Т., Киселева Д.В., Петрищева В.Г. Наскальные изображения Среднего и Южного Урала: микроэлементный состав образцов древних красок // Уральский исторический вестник. 2014. № 1(42). С. 100–111.
14. Щепинский А.А. Археологические разведки в долине реки Салгир // Известия Крымского отделения Географического общества СССР. Симферополь, 1954. Вып. 3. С. 81–96.
15. Щепинский А.А. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму // СА. 1963. № 3. С. 38–47.
16. Щепинский А.А. О наскальных изображениях и тамгообразных знаках Горного Крыма // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1993. С. 25–46.

REFERENCES

1. Veimarn E.V. Archaeological exploration of defensive walls and necropolis. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR* [Materials and research on archeology of the USSR], 1953, no. 34, pp. 419–435.
2. Vitenkova I.F. The color of life is red: the use of mineral paints by the ancient population of Karelia. *Tverskoi arheologicheskii sbornik* [Tver archaeological collection], Tver, 2015, vol. 1, pp. 434–440.
3. Gertsen A.G., Dushenko A.A., Ruev V.L. A newly discovered rock paintings in the ancient town of Kyzyk-Kulak-Kaia. Khairedinova E.A. (ed.), *Problemy istorii i arheologii srednevekovogo Kryma. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 70-letiyu A. I. Aibabina* [Aspects of the history and archaeology of mediaeval Crimea. Materials of the international conference dedicated to Aleksandr Aibabin's 70th birthday anniversary], Simferopol, Antikva Publ., 2019, pp. 28–33.
4. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Dushenko A.A., Gantsev V.K., Mykhaylov A.M., Nabokov A.I. New materials for the archeological map of the surroundings of mangup Settlement (preliminary results of 2017

- research). *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta. Istoricheskie nauki* [Scientific notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical science], 2019, vol. 5 (71), no. 1, pp. 52–74.
5. Esin Yu.N. Rock drawings of Chalpan-1 monument in the Minusinsk basin. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural historical journal], Ekaterinburg, 2010, no. 1 (26), pp. 100–106.
 6. Esin Yu.N., Magay Zh., Russelier E., Valter Ph. Paint in rock art of the okunev culture of the Minusinsk basin. *Rossiiskaia arheologiya* [Russian archaeology], 2014, no. 3, pp. 79–88.
 7. Kovaleva O.V. *Petroglify epohi pozdnei bronzy Hakassko-Minusinskoj kotloviny* [Petroglyphs of the late bronze age of the Khakass-Minusinsk basin]. Abstract of kandidat. diss. Novosibirsk, 2008, 31 p.
 8. Krainov D.A. *Peshchernaya stoianka Tash-Air I kak osnova periodizatsii poslepaleoliticheskikh kul'tur Kryma* [Cave site Tash-Air I as the basis for the periodization of the post-Paleolithic cultures of Crimea]. Moscow, Academy of Sciences USSR Publ., 1960, 190 p.
 9. Serikov Yu.B. Colors and light in the rituals of the ancient population of the Urals. *Mirovozzrenie naseleniia Yuzhnoi Sibiri i Central'noi Azii v istoricheskoi retrospektive* [Worldview of the population of Southern Siberia and Central Asia in the historical retrospective], Barnaul, 2012, vol. 5, pp. 122–142.
 10. Stolyar A.D. Mesolithic complexes of the Alimovsky naves. *Kratkie soobshcheniia Instituta arheologii* [Brief communications of the Institute of archaeology], Moscow, 1961, no. 84, pp. 38–44.
 11. Stolyar A.D., Shchepinskiy A.A. Archaeological sites of the Simferopol reservoir. *Problemy arheologii Severnoi Osetii* [Problems of archeology of North Ossetia], Ordzhonikidze, 1980, pp. 81–96.
 12. Stolyar A.D., Shchepinskiy A.A. Mounds near the Simferopol reservoir. *Katakombnye pamyatniki Severnogo Kavkaza* [Catacomb monuments of the North Caucasus], Ordzhonikidze, 1981, pp. 35–50.
 13. Shirokov V.N., Dubrovskiy D.K., Surikov V.T., Kiseleva D.V., Petrishcheva V.G. Petroglyphs of the Middle and the South Ural: microelement composition of ancient paint samples. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural historical journal], Ekaterinburg, 2014, no. 1(42), pp. 100–111.
 14. Shchepinskiy A.A. Archaeological exploration in the valley of the Salgir river. *Izvestiya Krymskogo otdeleniya Geograficheskogo obshchestva SSSR* [Bulletin of the Crimean branch of the Geographical society of the USSR], Simferopol, 1954, vol. 3, pp. 81–96.
 15. Shchepinskiy A.A. Monuments of art of the early metal era in Crimea. *Sovetskaia arheologiya* [Soviet archaeology], 1963, no. 3, pp. 38–47.
 16. Shchepinskiy A.A. About rock carvings and tamga-like signs of the Mountain Crimea. *Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ya i Kryma* [Antiquities of the steppe Black Sea and Crimea], Zaporozh'e, 1993, pp. 25–46.

Информация об авторах

Герцен А. Г. – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: AAU-9228-2020.

Душенко А. А. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: N-6345-2019.

Руев В. Л. – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

Authors information

Gertsen A. G. – Candidate of Science (History), Head of the Department archaeology and world history of the Taurida Academy of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: AAU-9228-2020.

Dushenko A. A. – Candidate of Science (History), Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: N-6345-2019.

Ruev V. L. – Candidate of Science (History), Docent of the Department archaeology and world history of the Taurida Academy of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University.

ФИБУЛЫ ОПУШКИНСКОГО МОГИЛЬНИКА И ИХ РОЛЬ В КОСТЮМЕ

(по материалам раскопок 2003–2020 гг.)

Анастасия Анзоровна Стоянова

*Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
ancient2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8364-6135>*

Аннотация. В статье представлен обзор фибул из могильника Опушки, расположенного в центральной части крымских предгорий. Некрополь использовался с I в. до н.э. до IV в. н.э. носителями различных археологических культур. Из раскопанных 318 комплексов фибулы зафиксированы в 72 могилах. Всего обнаружено 190 целых и фрагментированных экземпляра. Наиболее массовую группу составляют одночленные лучковые подвязные фибулы и застежки с пластинчатым приемником I – первой половины III в. н.э. Выделяется серия фибул римского производства, среди которых самые многочисленные – фибулы-броши. Малочисленны смычковые застежки и сильно профилированные фибулы северопричерноморского типа, а также двучленные лучковые подвязные застежки и прогнутые подвязные фибулы, в большом количестве представленные на других памятниках предгорного Крыма римского времени. Фибулы встречены во всех типах погребальных сооружений, однако большая их часть сосредоточена в позднескифских склепах I в. до н.э. – II в. н.э. Они сопровождали женские, мужские и детские погребения. В подавляющем большинстве случаев одно захоронение сопровождалось одной фибулой, редко – двумя, лишь в одном детском погребении зафиксировано три застежки. Чаще всего фибулы располагались в районе грудной клетки погребенных, в единичных случаях – на плече, в районе шейных позвонков, тазовых костей и за пределами костяка. Примечательно, что большое число фибул обнаружено в захоронениях детей разного возраста – от года до 8–12 лет. По всей видимости, фибулы в детском костюме использовались на протяжении всей жизни ребенка, начиная с младенчества. В целом, типы фибул из Опушкинского могильника, их распределение в комплексах и расположение на костяках вписываются в общую картину, характерную для варварских некрополей крымских предгорий римского времени.

Ключевые слова: предгорный Крым, римское время, могильник Опушки, фибулы, костюм

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 19-59-23001 «Население горного Крыма и Венгерской низменности в римское время: миграции и контакты».

BROOCHES FROM THE CEMETERY OF OPUSHKI AND THEIR ROLE IN COSTUME

(According to the 2003–2020 Excavation Materials)

Anastasia A. Stoianova

Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia.

Abstract. This paper presents a review of the brooches from the cemetery of Opushki located in the central area of the Crimean foothills. The cemetery was used from the first century BC to the fourth century AD by peoples of various archaeological cultures. 72 of 318 graves excavated there contained brooches. The total number of complete and fragmented brooches discovered there is 190. The largest group comprises one-piece bow-shaped brooches with returned foot and the brooches with flattened catch-plate from the first to the first half of the third century AD. There is a series of brooches made in the Roman Empire, with the most numerous group of plate brooches. There are a few violin-bow-shaped brooches, highly-profiled brooches of the Northern Black Sea type, two-piece violin-bow-shaped brooches with returned foot, and brooches with curved arched bow (P-shaped): great many pieces of these types occurred at other sites from the Roman Period in the Crimean foothill area. In Opushki, brooches appeared in all types of burial constructions, and mostly in the Late Scythian vaults from the first century BC to the second century AD. They accompanied graves of women, men, and children. In the overwhelming majority of cases, one burial was accompanied with one and rarely two brooches; there is only one burial of a child with three clasps. Most often brooches occurred at the chest, in rare cases on the shoulder, near the cervical vertebrae, pelvic bones, or outside the skeleton. It is noteworthy that a great number of brooches was found in the burials of children of different ages, from 1- to 8-12-year-old. Apparently, brooches as a part of the child's costume were used throughout the child's life from the very infancy. Generally, the brooch types from the cemetery of Opushki, their distribution in the assemblages and location on the skeletons correspond to the general pattern typical of barbarian cemeteries in the Crimean foothill area dated to the Roman Period.

Key words: sub-mountainous Crimea, Roman Period, Opushki cemetery, brooches, costume

Acknowledgments: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 19-59-23001 "The Population of the Crimea and the Hungarian Plain in the Roman Period: Migrations and Contacts."

Расположенный в центральной части крымских предгорий Опушкинский могильник исследуется, с перерывами, с 2003 года. За 13 лет раскопок на памятнике изучено 318 погребальных сооружений, которые датируются в целом I в. до н.э. – IV в. н.э. Здесь открыты типичные для поздних скифов склепы с многократными погребениями, подбойные и грунтовые могилы, которые можно связать со среднесарматской и позднесарматской культурами, склепы III–IV вв. н.э., оставленные, предположительно, переселившимися с Северного Кавказа предками средневековых алан, а также одно трупосожжение германской традиции [24; 25; 31; 33; 36; 38; 39; 40; 41; 42; 46]. Погребальный инвентарь представлен разнообразными категориями предметов, среди которых довольно многочисленную группу составляют фибулы. Коллекция застёжек насчитывает 190 целых и фрагментированных экземпляров. Бесперывное функционирование могильника на протяжении 500 лет обусловило большое типологическое разнообразие фибул. Их подробный анализ и публикация – дело будущего, цель данной статьи – предварительный обзор этой категории находок с акцентом на их роль в costume населения, оставившего Опушкинский некрополь¹.

Статистическая информация о типах фибул представлена в таблице 1. Они обнаружены в 72 могилах (или в 27,4% погребений, если не брать в расчет конские за-

¹ В статье используется неопубликованный материал из раскопок И. Н. Храпунова. Благодарю Игоря Николаевича за возможность работать с находками и полевой документацией.

хоронения²). Наиболее многочисленную и разнообразную группу застежек составляют *лучковые подвязные фибулы* (89 экз. или 46,8% от общего количества, рис. 1,1–6; 2,1–3), среди которых подавляющее большинство – одночленные серии I по классификации А. К. Амброза³. Лучковые подвязные фибулы присутствуют во всех типах погребальных сооружений, но больше половины этих вещей сосредоточено в склепах. Вполне закономерно распределение подвязных фибул разных вариантов в склепах разных хронологических периодов. Почти все застежки «лебяжинской» серии (рис. 1,6) и 1–3 вариантов серии I (рис. 1,1–3) зафиксированы в позднескифских склепах. Со склепами позднеримского времени связаны все «инкерманские» (рис. 2,1,2) и двучленные (рис. 2,3) фибулы, а также большинство одночленных 4 и 5 вариантов (рис. 2,4,5).

Таблица 1. Типы фибул Опушкинского могильника

Типы фибул	Кол-во экз.	% от общего кол-ва экз.	Кол-во погребений с фибулами
Лучковые подвязные (группа 15)	89	46,8	
Одночленные, серия I	53		
- вариант 1	18		11
- вариант 2	8		6
- вариант 3	10		10
- вариант 4	12		10
- вариант 5	6		5
Одночленные, серия II (инкерманские)	4		4
Двучленные, серия III	4		3
Лебяжинские, серия VI	10		6
Неопределенных вариантов	17		15
Со сплошным приемником (группы 12, 13)	30	15,8	20
Смычковые (группа 14)	8	4,3	6
Сильнопрофилированные причерноморские (группа 11)	2	1,05	2
Фибулы провинциально-римских типов	16	8,3	10
Прогнутые подвязные (группа 16)	1	0,5	1
Фибулы редких форм	2	1,05	2
Фибулы неопределенного типа (фрагментированные или сильно коррозированные)	42	22,2	18
ВСЕГО:	190	100	72

Вторую по численности группу – 30 экземпляров (15,8%) составляют *пружинные фибулы со сплошным пластинчатым приемником* (рис. 1,7,8). Такие фибулы, в зависимости от оформления окончания приемника кнопкой или завитком, А. К. Амброс объединил в группы 12 и 13 [2, с. 43–47], В. В. Кропотов – в группы

² В Опушкинском могильнике открыто 55 могил с захоронениями коней, которые не совсем корректно учитывать в данной статистике.

³ В дальнейшем при описании типов фибул, кроме специально оговоренных случаев, будет использоваться классификация А. К. Амброза [2].

8 и 9 [16, с. 182–224], К. Хёлльстрем – в тип IC.2 [45, S. 62–66]. У многих опушкинских экземпляров конец приемника отломан, поэтому отнести их к конкретному типу или варианту можно лишь предположительно. 20 застежек имеют небольшие размеры в диапазоне от 2,5 до 4 см, преимущественно нижнюю тетиву, у некоторых образцов спинка выпуклая и орнаментирована пуансонным орнаментом. Пять фибул отличаются более крупными размерами – от 5 до 7 см, все они имеют верхнюю тетиву и орнаментированную плоскую или выпуклую спинку. S-видный завиток сохранился лишь у четырех экземпляров рассматриваемой группы. Одна фибула украшена на конце приемника спиралевидным завитком, но по форме отличается от включенных А. К. Амброзом в 3-й вариант 13-й группы образцов (рис. 2,4). Опушкинская застежка имеет низкий удлинённый приемник, круто изогнутую спинку, верхнюю тетиву; размеры ее (4,5 см) превышают длину фибул, представленных в своде [2, с. 46]. Большинство фибул со сплошным приемником сконцентрированы на раннем участке некрополя, в позднескифских склепах I – первой половины II в. н.э. и грунтовых могилах, преимущественно, детских. Только одна фибула найдена в комплексе более позднего времени. Она сопровождала погребение в склепе № 77. Инвентарь комплекса – пара фибул 4-го варианта серии I, пряжка с прогнутым в центре язычком и наборы бус – позволяют датировать погребения в пределах самого конца II – первой половиной III в. н.э.

Немногочисленны в Опушкинском могильнике *смычковые фибулы* (рис. 1,9). Обнаружено всего 8 экземпляров, хотя в других синхронных памятниках Крыма этот тип фибул представлен массово [7, с. 101; 9, с. 83; 11, рис. 6,16,25,26; 16, с. 170; 32, с. 27]. Они присутствовали в женском и детских погребениях в грунтовых и подбойных могилах, только две застежки найдены в позднескифском склепе № 3, причем одна из них имела щиток, который рассыпался при зачистке погребения.

Всего двумя экземплярами представлены *сильно профилированные застежки северопричерноморского типа*. Обе имеют крючки для удержания тетивы, но отличаются формой спинки – у одной она проволочная (рис. 1,15), у второй – плоская ромбовидная (рис. 1,10). Соответствуют группе 11, серии I, варианту 2 [2, с. 40–41], группе 10, серии II по типологии В. В. Кропотова [16, с. 229–233] и типу 1D.2 по К. Хёлльстрем [45, S. 69–70]. О хронологической значимости формы спинки в литературе до сих пор нет единого мнения [дискуссию см.: 8, с. 196–199; 12, с. 48–50; 15, с. 85–88; 16, с. 229; 22, с. 109–110]. Опушкинские экземпляры не добавляют новых аргументов в этом споре. Стоит лишь отметить, что в качестве сопутствующего инвентаря в обоих случаях присутствовали зеркала-подвески типа Хазанов-IX, а погребение, содержавшее фибулу с плоской спинкой, сопровождалось еще двумя застежками – смычковой фибулой и одночленной лучковой 5-го варианта.

Группа фибул провинциально-римских типов представлена 16 экземплярами. Они рассмотрены в специальной статье, посвященной римским импортам из Опушкинского могильника [26, с. 294–296], но в настоящее время представленный там материал нуждается в дополнении. Наиболее многочисленна коллекция фибул-бро-

шей (10 экз.). Застежки с круглыми прорезными щитками (рис. 1,11), ромбовидными (рис. 1,13), в виде лунницы (рис. 1,12) и в виде голубя (рис. 1,14) соответствуют формам 3, 6, 8 группы 16 по В. В. Кропотову, типам 7.5 и 7.6 по классификации Э. Рихи [48, S. 181–183], типам VII.3a и VII.4b-d по типологии К. Хёлльстрем [45, S. 119]. Аналогичные застежки с территории римских провинций датируются 30-70-ми годами нашей эры, фибулы со щитком в виде голубя бытуют и во II в. н.э. [49, S. 171, Tab. 227]. Восточноевропейские образцы, по мнению В. В. Кропотова, сосредоточены в комплексах второй половиной I – начала II в. н.э. [16, с. 305, 314, 318]. Особая концентрация таких вещей наблюдается в западных провинциях – в Галлии, на Рейне и в Британии. Некоторые исследователи предполагают, что центр их производства мог располагаться на территории современной Швейцарии [44, S. 341, Fig. 49–51].

Среди самых поздних погребений, совершенных во входной яме позднескифского склепа № 288, найдена массивная бронзовая фибула с шестигранным щитком, украшенным рельефным орнаментом (рис. 1,20). На углах щитка расположены гнезда с красной эмалью. Ножка узкая прямоугольная, орнаментирована насечками. Фибула фрагментирована, приемник пробит, в него продето проволочное бронзовое кольцо. К застежке прикипела железная цепь, на которой сохранился кусок ткани или кожи и стеклянная бусина. Фибула близка одному из образцов типа 7.16 по классификации Э. Рихи [48, Taf. 64, no. 1666], бытовавших в римских провинциях с третьей четверти I в. н.э. и наиболее характерных для первой половины II в. н.э. [48, S. 191–192]. В крымских памятниках подобные опушкинской застежки встречены в Усть-Альминском некрополе [16, с. 322, форма 41; 20, рис. 204,17]. В могильнике Бельбек IV фибулы с украшенными эмалью геометрическими щитками встречаются в погребениях с конца I в. н.э. [9, с. 78–79]. По мнению авторов публикации материалов Бельбекского некрополя, такие застежки весьма ценились жителями крымских предгорий и попадали в могилы после длительного использования – некоторые экземпляры обломаны, к одной фибуле была припаяна петля [9, с. 79]. Очевидно, что погребенный в опушкинском склепе владелец необычного для этих мест аксессуара тоже стремился максимально долго использовать фибулу, несмотря на ее фрагментированность и отсутствие пружинного аппарата.

В детской могиле № 178 найдена бронзовая сильно профилированная фибула с плоским приемником типа Almgren-69 [43, fig. 69]. Игла у фибулы отсутствовала, и, судя по положению в могиле – у стенки, вместе с фрагментами двух зеркал типа Хазанов-IX – застежка уже не использовалась по назначению (рис. 1,16). Э. Риха датирует находки из римских провинций второй четвертью – концом I в. н.э. [49, S. 69, Tab. 45, Tur 2.9.4], К. Хёлльстрем допускает, что в Дакии некоторые образцы используются также в течение всей первой половины II в. н.э. [45, S. 81–82]. Бытование немногочисленных восточноевропейских экземпляров отечественные исследователи относят в целом ко второй половине I – II в. н.э. [2, с. 36, тип 10.1г; 16, с. 257–259; 20, с. 176–177].

Тремя экземплярами представлены шарнирные дуговидные фибулы. Одна из них относится к типу «Авсисса» (рис. 1,17) [26, с. 294], остальные незначительно

отличаются от нее конструктивно, в частности плоской спинкой, переходящей без изгиба в ножку (рис. 1,18). Последние соответствуют немногочисленной группе застежек, выделенных А. К. Амброзом в тип 2 раннеримских шарнирных дуговидных фибул на основании находок из Херсонеса, Танаиса, округи Симферополя и Закавказья [2, с. 27]. Серия таких фибул найдена в Пантикапее [29, с. 59, рис. 3,1–4]. Некоторые исследователи считают, что эти фибулы, возможно, являются дериватами и продуктом местных мастерских [16, с. 271, 281–282; 45, S. 102–103, Abb. 39,2,4,6]. В. В. Масякин соотнес боспорские застежки с наиболее ранним вариантом по классификации М. Фужера, датируемым 20-ми гг. до н.э. – рубежом эр, и предположил, что они являются развитием особой группы фибул, производившихся в мастерских Малой Азии по римским образцам [18, с. 169–171].

Все рассмотренные выше фибулы провинциально-римских типов сконцентрированы на раннем участке Опушкинского могильника, причем большинство – в позднескифских склепах I – первой половины II в. н.э. На позднем участке некрополя найдена только одна фибула этой группы – шарнирная Т-образная с «луковичными» головками (рис. 1,19). Соответствует типу 4.2 по классификации Д. А. Костромичева и датируется 330–400 гг. н.э. [13, с. 96–97, 99]. Сопровождала мужское погребение в склепе IV в. н.э. Ее расположение на костяке – в центральной части груди, горизонтально, спинкой вверх – свидетельствует о том, что застежка использовалась для скрепления краев верхней распашной одежды, возможно, куртки. Многочисленные изобразительные примеры и археологические данные с территории Римской империи демонстрируют иной способ ношения таких фибул: они применялись для закрепления тяжелого плаща на плече военнослужащих римской армии, причем всегда застежки располагаются ножкой вверх [13, с. 102]. Кроме Херсонеса, где сконцентрированы основные крымские находки Т-образных фибул, несколько штук известны на Боспоре [14], по одной – в Инкерманском и Нейзацком могильниках [5, с. 26, рис. 10,4; 47, s. 467, fig. 8,10]. Вероятнее всего, в крымские предгорья эти единичные экземпляры попадали в результате каких-то контактов местного населения с Херсонесом, возможно, торговых. Нейзацкая фибула, как и опушкинский экземпляр, располагалась в центральной части грудной клетки погребенного. Очевидно, местные варвары использовали необычную для них вещь таким же образом, как и остальные, привычные им фибулы.

Еще одна бронзовая фибула, найденная на позднем участке Опушкинского некрополя, относится к группе *двучленных прогнутых подвязных* со спинкой, декорированной кольцами (рис. 2,7). А. К. Амброз выделил такие находки в «южный» вариант серии III подгруппы II группы 16. Появление таких фибул в Крыму он связал с переселением группы германских племен с территории юго-восточной Прибалтики, где подобные застежки хорошо известны с III в. н.э. [2, с. 67]. Для могильников предгорного Крыма фибулы «южного» варианта не характерны. Более распространенным типом застежек в регионе в IV в. были прогнутые подвязные фибулы с гладкой полукруглой в сечении спинкой [1, с. 52; 30, с. 55; 32, с. 28].

В позднескифском склепе № 127 найдена фрагментированная **бронзовая фибула с плоской полукруглой в сечении спинкой, плоской раздвоенной ножкой и двойной пружиной с верхней тетивой**. Спинка украшена пуансонным орнаментом и врезными линиями, расположенными в форме «елочки» (рис. 2,5). Аналогии застежке найти не удалось. Иные по форме, но тоже с двумя пружинами и раздвоенной ножкой фибулы обнаружены в некрополе Нижне-Гниловского городища [16, с. 165–166, рис. 49,3,4]. По мнению автора раскопок В. К. Гугуева, нижнегниловские находки уникальны, но наличие фасеток на корпусе позволяет отнести их к разновидности провинциально-римских фибул или их копиям. Содержавший эти фибулы комплекс можно датировать временем ближе к середине I в. н.э. или, по крайней мере, не позднее этого столетия⁴.

Необычна для предгорного Крыма и **миниатюрная бронзовая застежка с прямоугольной в сечении круто выгнутой спинкой** (рис. 2,6) [33, с. 141, рис. 11,8]. Подобная фибула обнаружена в синхронном Опушкинскому могильнику Фронтное 3 в юго-западном Крыму [7, с. 101, рис. 5,13]. А. К. Амброз объединил такие изделия, найденные Пантикапее и на Северном Кавказе, в вариант 3 серии II группы 11, датируя их III в. н.э. [2, с. 42–43]. От представленных в своде образцов опушкинский экземпляр отличается относительно короткой пружиной, кроме того, он фрагментирован, поэтому непонятна конструкция ножки. На Нижнем Дону такие фибулы встречаются в комплексах второй половины III – IV в. н.э. [3, с. 287–288, рис. 4,5,6]. Ю. А. Малашев и З. П. Кадзаева подробно рассмотрели хронологию этих предметов на основании находок из хорошо датированных комплексов и пришли к выводу, что появляются они в середине III в. н.э. в ареале раннеаланской культуры на Северном Кавказе, во второй половине этого же столетия начинают распространяться за пределы «метрополии», а основная масса находок связана с комплексами самого конца III – IV в. [17]. Примечательно, что в низовьях Волги и Дона такие фибулы происходят преимущественно из «катакомб, генетически связанных с погребальной традицией аланской культуры» [17, с. 67]. В этой связи стоит отметить, что опушкинский экземпляр обнаружен в склепе, конструкция которого (наличие короткого дромоса между входной ямой и камерой) предположительно также восходит к аланским катакомбам Северного Кавказа [34]. Обнаруженный в склепе инвентарь указывает на самое начало IV в. н.э., как на наиболее вероятное время формирования комплекса [33, с. 143–144]. Нельзя исключать, что появление рассматриваемых застежек в крымских предгорьях – еще один маркер миграции северокавказских алан в глубинные районы полуострова.

Обращают на себя внимание четыре пружинных дуговидных фибулы с приемником в виде загнутого конца дужки. Две из них имеют обмотку, а конец дужки раскован (рис. 2,8,9). На двух других следы обмотки не сохранились (рис. 2,10,11). Вероятнее всего, это сломанные лучковые подвязные фибулы, приспособленные путем такой модификации к дальнейшему использованию.

⁴ Благодарю В. К. Гугуева за консультацию.

В Опушкинском могильнике фибулы встречены во всех типах погребальных сооружений. Однако большая их часть – 88 экз. (46,3%) происходит из 13 позднескифских склепов⁵. В этих же склепах отмечается особое разнообразие типов застежек. Самая большая коллекция фибул (26 экз.) найдена в склепе № 3, в котором было похоронено не менее 38 человек, уложенных в пять ярусов. Здесь присутствовали фибулы римских типов, пружинные со сплошным приемником, подвязные фибулы «лебяжьинской» серии, смычковые и самые многочисленные – лучковые подвязные фибулы 1–3 вариантов. Все эти типы хронологически компактны и позволяют ограничить период использования склепа второй половиной I в. до н.э. – первой половиной II в. н.э., причем застежки достаточно равномерно сопровождали погребенных всех пяти ярусов. Такой же набор типов зафиксирован и в склепах № 111 и № 127, из которых происходят 13 и 7 застежек соответственно. В отличие от богатого на фибулы и лишь частично ограбленного склепа № 3, в склепе № 42 найдено только 6 фибул (лучковые подвязные 2-го варианта, «лебяжьинской» серии, 2 фибулы неопределенного типа), хотя количество погребенных в нем значительно больше – около 130 человек. Причем все фибулы относятся к поздним погребениям [39, с. 11–12, 33]. Подобная ситуация наблюдается и в каменном склепе № 250, где на более чем 130 погребенных приходится всего 7 застежек [41, с. 76, 108]. Незначительное количество фибул характерно и для синхронных опушкинским склепов из других памятников крымских предгорий [10, с. 164; 19, с. 169–170; 21, с. 151–168; 37, с. 94–97]. Например, в 52 склепах, открытых в Восточном некрополе Неаполя скифского, обнаружено всего 63 экземпляра фибул [28, с. 15, 89]. По наблюдениям Т. Н. Высотской, сделанным по материалам Усть-Альминского некрополя, в I – начале II в. н.э. фибулы еще не получили массового распространения и встречаются главным образом в богатых погребениях знати [6, с. 94]. Материалы Опушкинского могильника свидетельствуют, что фибулы могли быть и атрибутом одежды небогатых людей, по крайней мере, погребальный инвентарь из указанных выше комплексов достаточно беден и стандартен. По всей видимости, у проживавшего в предгорьях в раннеримское время позднескифского населения преобладал бесфибульный костюм, и традиция скреплять одежду металлическими застежками, а не, например, поясом, только начала распространяться, возможно, под влиянием прибывших в регион сарматских племен.

63 фибулы найдены в 43 грунтовых и подбойных могилах. В них совершали преимущественно одиночные погребения, реже – парные или тройные, поэтому общее число индивидуальных захоронений с фибулами – 45. Застежки из этих комплексов также представлены разнообразными типами, но преобладают пружинные фибулы со сплошным приемником групп 12–13 и одночленные лучковые подвязные 3–4 вариантов. Единичными экземплярами представлены фибулы «лебяжьинской» серии, римские броши и фибула Almgren-68, смычковые и сильно профилированные причерноморского типа. На основании этих находок в целом погребения в грунтовых ямах и подбоях датируют-

⁵ Наверняка, находок фибул в этих склепах было бы гораздо больше, если бы все они не были полностью или частично разграблены в недавнее время.

ся I – первой половиной III в. н.э., хотя редко, но использовались такие погребальные конструкции и в IV в. н.э. [40, с. 191–193], правда, фибулы в них не обнаружены.

В 16 склепах позднеримского времени сосредоточено 40 фибул. Подавляющее большинство поддающихся определению фибул относятся к группе лучковых подвязных – это преимущественно одночленные застежки 4 и 5 вариантов, реже – «инкерманской» серии и двучленные. В двух склепах наблюдается сочетание одночленных фибул 4–5 вариантов с изделиями «инкерманской» серии. Больше всего фибул в этой группе комплексов найдено в склепе № 164 (6 экз.). Комплект застежек представлен одночленными 5-го варианта и «инкерманской» серии, двучленными застежками и воинской Т-образной фибулой, что свидетельствует о длительном использовании склепа (не менее 80 лет). Такая ситуация не уникальна – склеп с многократными погребениями III–IV вв. н.э., в котором также сочетаются одночленные и двучленные лучковые подвязные фибулы, известен в Нейзацком могильнике [32, с. 17].

Фибулы сопровождали женские, мужские и детские погребения. Только 68 экземпляров, найденных в не потревоженных грабителями комплексах, можно уверенно соотнести с конкретным захоронением, еще меньше (44 экз.) – с погребениями, пол и возраст которых установлен. Половозрастное распределение застежек выглядит следующим образом. 14 фибул сопровождали мужские или предположительно мужские погребения⁶. В основном это лучковые подвязные фибулы 4–5 вариантов, «инкерманской» серии и двучленные. С одним погребением мужчины 40–45 лет связывается фибула «лебяжьинской» серии, в одном случае зафиксирована фибула-брошь [47, pl. 5,1], еще один раз – воинская Т-образная. Только два мужских захоронения сопровождалось двумя фибулами. В обоих случаях фибулы лежали в центральной части грудной клетки, одна чуть выше другой. Остальные погребения имели по одной фибуле: 8 застежек зафиксированы на груди, в ее центральной части или с небольшими отклонениями вправо или вверх, 1 – на тазовых костях, 1 – за пределами костяка в углу могилы. Скорее всего, фибула в мужском костюме служила для скалывания краев верхней распашной одежды типа куртки. Иногда фибулы сочетаются с расположенными на тазовых костях пряжками, которыми были снабжены пояса. В погребении из склепа № 158 в верхней части грудной клетки, чуть выше фибулы, лежали рядом две бронзовые пронизи, выполнявшие, по всей видимости, роль пуговиц [42, с. 224].

Лишь 6 фибул можно уверенно или почти уверенно связать с женскими погребениями. Во всех захоронениях присутствовала одна фибула, располагавшаяся на груди (4 раза), у шейных позвонков (1 раз) и на левом плече (1 раз). Женские погребения сопровождали фибулы типа «Авцисса» и фибула-брошь со щитком в виде голубя [26, с. 297, рис. 1,2; 2,4], застежки «инкерманской» серии, двучленная фибула

⁶ Антропологический материал из Опушкинского могильника изучался В. Ю. Радочиным и В. Безбородых. Пока он исследован не полностью, поэтому пол в некоторых случаях определен на основании состава погребального инвентаря.

и фибула с завитком на конце сплошного приемника. Столь малое число рассматриваемых предметов в женских погребениях Опушкинского могильника пока трудно объяснить. В расположенном неподалеку Нейзацком могильнике фибулы в захоронениях женщин фиксируются гораздо чаще и являются достаточно устойчивым элементом костюма [23, с. 116–117]. Возможно, на такую статистику влияет плохая сохранность костей, особенно в склепах и подбойных могилах позднеримского времени, хотя обилие бус, как правило типичных именно для женского костюма, позволяет с высокой степенью уверенности определить пол умершего. Очевидно, этот вопрос нуждается в более тщательном изучении с привлечением данных антропологических исследований опушкинского материала.

Больше всего фибул обнаружено в детских погребениях – 24 экземпляра. Они достаточно разнообразны, хотя большинство образцов относятся к группе одночленных лучковых подвязных, преимущественно 3-го и 4-го вариантов. С захоронениями детей связаны также четыре застёжки со сплошным приемником групп 12 и 13, две смычковых фибулы, две сильнопрофилированных, в том числе типа *Almgren-69*, и одна шарнирная фибула-брошь. В основном каждое захоронение сопровождалось одной фибулой, в одном случае – двумя, еще в одной могиле расчищено три экземпляра. Стоит, правда, отметить, что в большинстве детских могил кости сохраняются очень плохо или вовсе отсутствуют, поэтому судить точно о количестве погребенных проблематично. Так же как и о месте расположения застёжки на костяке. Лишь предположительно, исходя из общей картины размещения вещей в могиле, можно говорить о том, что фибулы находились в районе грудной клетки умерших или за пределами костяка, под стенкой могилы, вместе с другими вещами, например, с зеркалом или бусами. Три фибулы из могилы № 241 размещались вертикально в ряд, предположительно от центральной части груди до тазовых костей. В трех случаях антропологам удалось определить возраст погребенных – 1 год, 2–3 года и 8–12 лет. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что фибулы в детском костюме могли использоваться на протяжении всей жизни ребенка, начиная с младенчества.

В целом, типы фибул из Опушкинского могильника, их распределение в комплексах и расположение на костяках вписываются в общую картину, характерную для варварских некрополей крымских предгорий римского времени. Количественное доминирование лучковых подвязных застёжек в I–III вв. н.э., находки импортных римских изделий, особенно типичных для первых двух столетий нашей эры, использование фибул римских типов преимущественно в детском и женском костюме, преобладание модели однофибульного костюма у представителей разных половозрастных групп, сокращение количества фибул и их разнообразия в IV в. н.э. – общие черты, сближающие Опушкинский могильник с кругом синхронных ему памятников Крыма. Есть и некоторые особенности. В силу длительного, почти пятисотлетнего, функционирования могильника набор типов фибул здесь более разнообразен. Он сочетает в себе типы, характерные как для позднескифских па-

мятников (могильники Усть-Альминский, Бельбек-IV, Неапольский, Заветное), так и для могильников иного культурно-хронологического горизонта, объединенных недавно в нейзацкую археологическую культуру [35]. При этом имеются и отличия: в Опушкинском могильнике пока не встречены самые ранние типы фибул, известные в позднескифских комплексах, в частности застежки среднелатенской схемы «неапольского» варианта, или т.н. «воинские» [19, с. 170; 27, с. 140; 37, с. 94–96]. Обращает на себя внимание малочисленность сильнопрофилированных и, особенно, смычковых фибул. Последние – массовое явление в предгорнокрымских памятниках, особенно в могильниках юго-западного Крыма, где смычковые фибулы встречаются наборами по несколько десятков экземпляров в одном комплексе [4, с. 137, 143, табл. 2]. Небольшую группу в Опушкинском некрополе составляют фибулы второй половины III – IV в. н.э., особенно показательно отсутствие типичных для этого времени прогнутых подвязных застежек группы 16. Возможно, это объясняется пока небольшим количеством раскопанных в Опушкинском могильнике комплексов IV в. н.э. Дальнейшие исследования памятника принесут новые материалы, которые, вероятно, скорректируют эти выводы и помогут ответить на пока нерешенные вопросы.

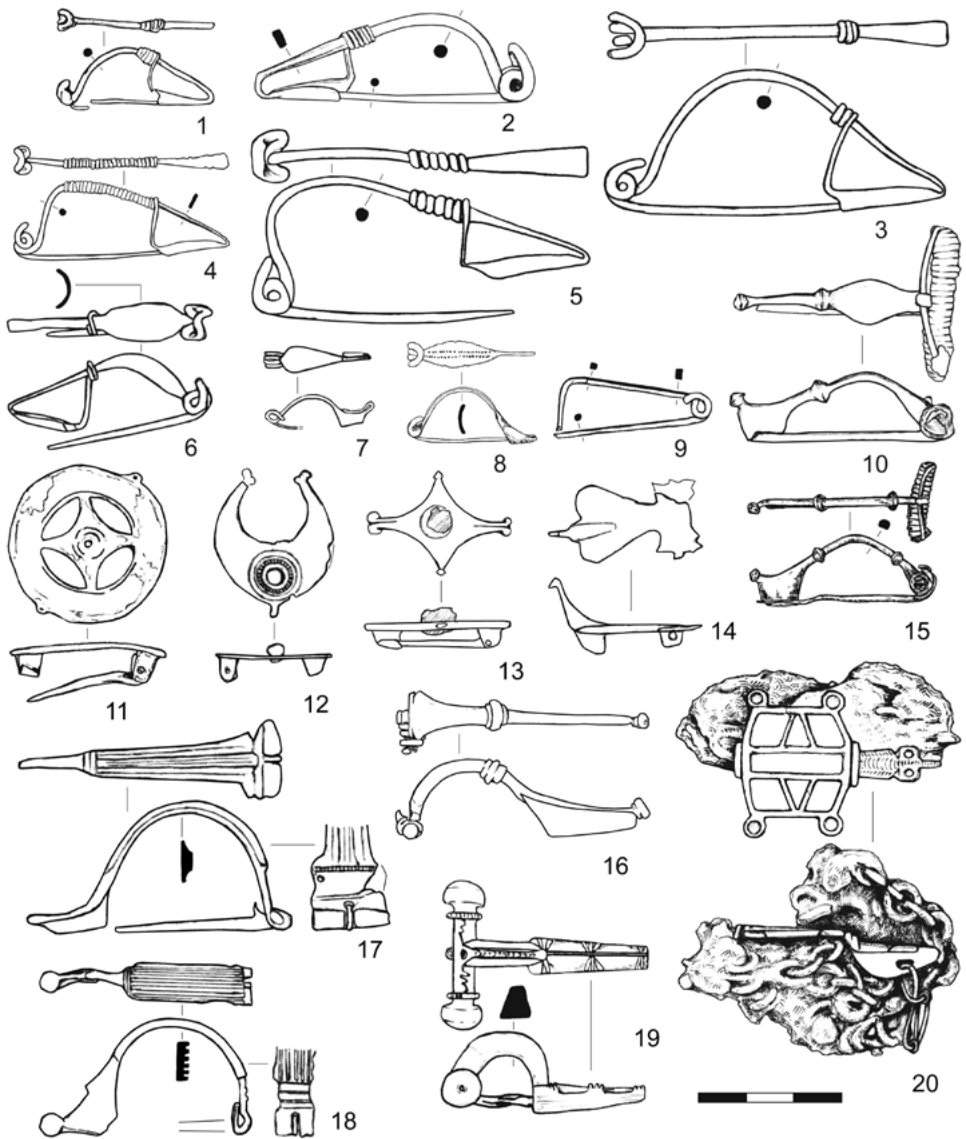

Рис. 1. Фибулы Опушкинского могильника: 1–5 – одночленные лучковые подвязные вариантов 1–5 по А. К. Амброзу; 6 – «лебяжьинской» серии; 7, 8 – со сплошным пластинчатым приемником; 9 – смычковая; 10, 15 – сильно профилированные северопричерноморского типа; 11–14, 20 – провинциально-римские фибулы-броши; 16 – фибула типа Almgren-69; 17, 18 – шарнирные дуговидные римские фибулы; 19 – Т-образная римская фибула с «луковичными» головками

Fig. 1. Brooches from the cemetery of Opushki: 1–5 – one-piece bow-shaped brooches with returned foot of A. K. Ambroz's variants 1–5; 6 – “Lebiazh’e” series; 7, 8 – brooches with solid flattened catch-plate; 9 – violin-bow-shaped brooch; 10, 15 – highly-profiled brooches of the Northern Black Sea type; 11–14, 20 – provincial Roman plate brooches; 16 – brooch of the type Almgren-69; 17, 18 – hinged bow-shaped Roman brooches; 19 – T-shaped Roman brooch with “onion” heads

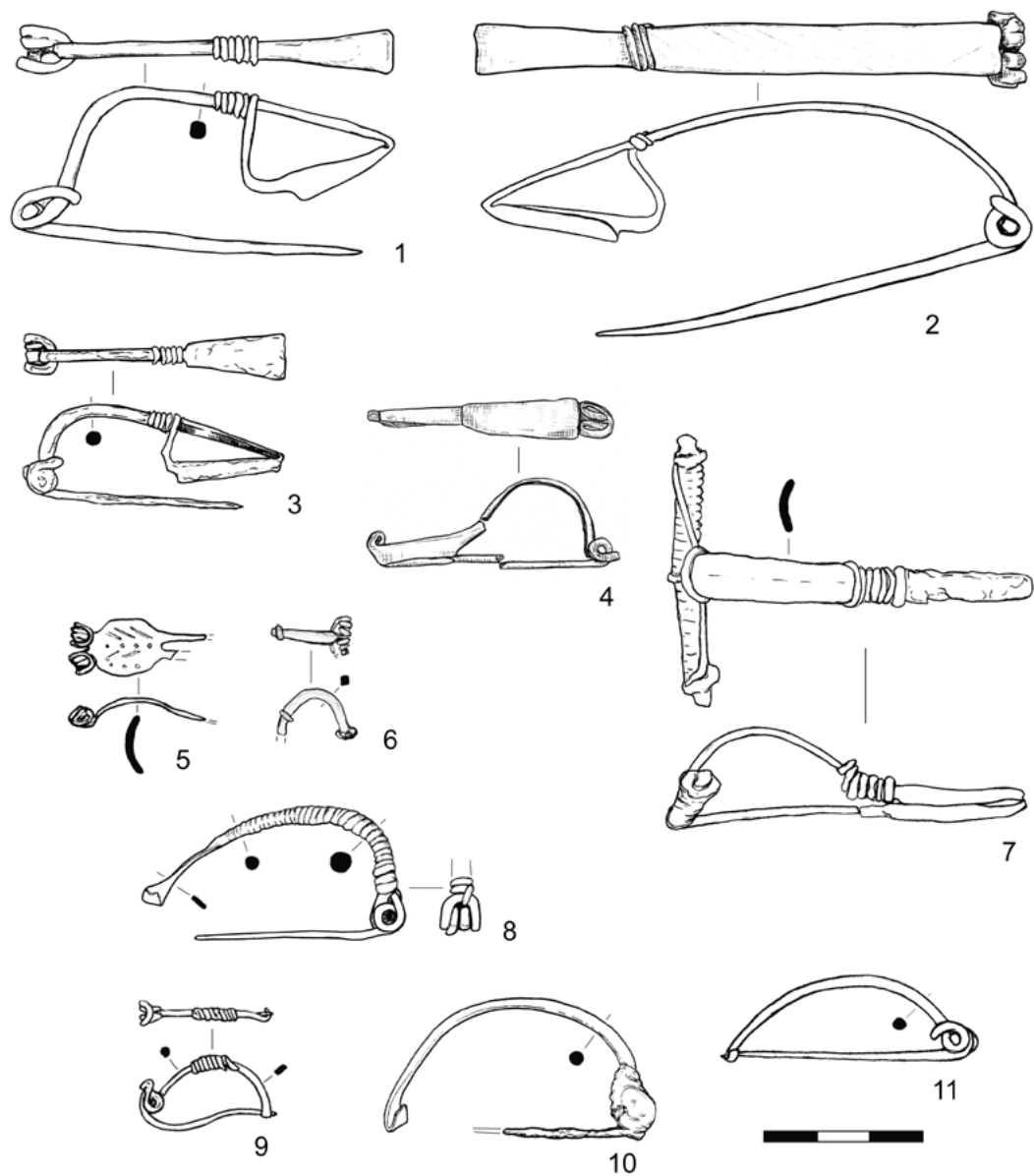

Рис. 2. Фибулы Опушкинского могильника: 1, 2 – лучковые подвязные «инкерманской» серии; 3 – двучленная лучковая подвязная; 4 – фибула с завитком на конце пластинчатого приемника; 5 – фибула с двумя иглами; 6 – сильно профилированная северокавказского типа; 7 – прогнутая подвязная; 8–11 – фибулы неопределенного типа

Fig. 2. Brooches from the cemetery of Opushki: 1, 2 – bow-shaped brooches with returned foot of the “Inkerman” series; 3 – two-piece bow-shaped brooch with returned foot; 4 – brooch with scroll on the end of the flattened catch-plate; 5 – two-pin brooches; 6 – highly-profiled brooches of the North Caucasus type; 7 – brooch with curved arched bow (P-shaped); 8–11 – brooches of unclear type

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 366 с.
2. Амброс А.К. Фибулы юга европейской части СССР. М.: Наука, 1966. 111 с. (САИ. Вып. Д 1–30).
3. Безуглов С.И. Курганные катакомбные погребения позднесарматской эпохи в нижнедонский степях // Проблемы современной археологии / Ред. М.Г. Мошкова. М.: Институт археологии РАН; ТАУС, 2008. С. 284–301.
4. Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И. Могильник Скалистое III в юго-западном Крыму (I–III вв.) // СА. 1976. № 4. С. 121–151.
5. Веймарн С.В. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ: Вид-во АН УРСР, 1963. Т. XIII. С. 15–89.
6. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. 208 с.
7. Гавритухин И.О., Свиридов А.Н., Язиков С.В. Могильник римского времени Фронтное 3 в юго-западном Крыму (предварительное сообщение) // РА. 2020. № 2. С. 91–110.
8. Гугуев В.К., Нечипорук А.А. Погребение с импортами из некрополя Темерницкого городища // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). VI / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь, 2020. С. 189–214.
9. Гущина И.И., Журавлев Д.В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. Т. 1. М.: Исторический музей, 2016. 272 с.
10. Зайцев Ю.П. Склеп № 390 Усть-Альминского позднескифского некрополя // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1997. С. 156–166.
11. Зайцев Ю.П., Волошинов А.А., Кюнелът Э., Масыкин В.В., Мордвинцева В.И., Фирсов К.Б., Флесс Ф. Позднескифский некрополь Заветное (Алма-Кермн) 1–3 вв. н.э. в юго-западном Крыму. Раскопки 2004 г. // Древняя Таврика / Ред. Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 249–290.
12. Коробкова Е.А. Фибулы из сарматских комплексов Есауловского Акся // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 6. С. 44–60.
13. Костромичев Д.А. Римское военное присутствие в Херсонесе в начале I – первой половине V вв. (по данным археологии) // Stratum plus. 2011. № 4. С. 15–166.
14. Костромичев Д.А. Т-образные шарнирные фибулы Боспора // XIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории / Ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь, 2013. С. 236–239.
15. Косяненко В.М. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.) Азов: Азовский музей-заповедник, 2008. 544 с. (Донские древности. Вып. 9).
16. Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.
17. Малашев В.Ю., Кадзаева З.П. Сильнопрофилированные фибулы середины III–IV вв. н.э. // РА. 2021. № 2. С. 54–72.
18. Маскин В.В. Римские шарнирные дуговидные фибулы Боспора // Боспорский феномен: Население, языки, контакты: Материалы международной научной конференции. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 166–174.
19. Пуздровский А.Е. Грунтовый склеп рубежа н.э. из окрестностей Неаполя скифского // Северное Причерноморье в античное время / Ред. П.П. Толочко. Киев, 2002. С. 162–172.
20. Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
21. Пуздровский А.Е., Труфанов А.А. Двухкамерный склеп с надгробным рельефом из Усть-Альминского некрополя в Крыму // Stratum plus. 2015. № 4. С. 143–174.
22. Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. № 2. С. 100–121.

23. Стоянова А.А. Аксессуары женского костюма II – первой половины III в. н.э. из могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Доля, 2011. С. 115–152.
24. Стоянова А.А. Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003–2009 гг.). Симферополь: Доля, 2012. 100 с.
25. Стоянова А.А. Погребение с провинциально-римским зеркалом и двумя курильницами из могильника Опушки в Крыму // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). IV / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь, 2018. С. 83–101.
26. Стоянова А.А., Храпунов И.Н. Римские импорты из Опушкинского могильника в Крыму // Археологическое наследие. 2020. № 1(3). С. 294–303.
27. Сымонович Э.А. Фибулы Неаполя скифского // СА. 1963. № 4. С. 139–152.
28. Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного некрополя Неаполя скифского). Киев: Наукова думка, 1983. 173 с.
29. Трейстер М.Ю. Римляне в Пантикапее // ВДИ. 1993. № 2. С. 50–74.
30. Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skladowskiej, 2002. 313 с.
31. Храпунов И.Н. Погребение война 2 в. н. э. из могильника Опушки // Древняя Таврика / Ред. Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 115–124.
32. Храпунов И.Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Доля, 2011. С. 13–60.
33. Храпунов И.Н. Склеп с вещами в догуннском полихромном стиле из могильника Опушки // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). III / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь, 2018. С. 137–169.
34. Храпунов И.Н. Склепы с короткими дромосами в Крыму и на Северном Кавказе // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). IV / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь, 2018. С. 133–145.
35. Храпунов И.Н. Археологическая культура позднеримского времени в предгорном Крыму // РА. 2019. № 1. С. 32–49.
36. Храпунов И.Н. Склеп с монетами III в. н.э. из могильника Опушки // Нижневолжский археологический вестник. 2020. Т. 19, № 2. С. 247–272.
37. Храпунов И.Н., Мяскин В.В., Мульд С.А. Позднескифский могильник у с. Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I / Ред.-сост. И.Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1997. С. 76–155.
38. Храпунов И.Н., Мульд С.А. Трупосожжение римского времени из могильника Опушки // ХСб. 2005. Вып. XIV. С. 341–345.
39. Храпунов И.Н., Мульд С.А., Стоянова А.А. Позднескифский склеп из могильника Опушки. Симферополь: Доля, 2009. 96 с.
40. Храпунов И.Н., Стоянова А.А. Три подбойные могилы из некрополя Опушки в Крыму // Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху / Ред. Е. В. Смынтына. Киев: Видавель Олег Філюк, 2013. С. 184–207.
41. Храпунов И.Н., Стоянова А.А. Каменный склеп из могильника Опушки // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). VI / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь, 2020. С. 66–112.
42. Храпунов И.Н., Стоянова А.А. Склеп с многократными погребениями III в. н.э. из могильника Опушки // Нижневолжский археологический вестник. 2021. Т. 20, № 1. С. 217–250.
43. Almgren O. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Stockholm: Druck von Ivar Haeggström, 1897. 243 s.
44. Feugère M. Les fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du Ve s. ap. J.-C. Paris: Editions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1985. 503 s.
45. Hellström K. Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2. Jh. v. Chr. – 3. Jh. n. Chr.). Bonn: Habelt Verlag, 2018. 284 s.

46. Khrapunov I., Stoyanova A. Grave with Roman Imports in the Cemetery of Opushki in the Crimea // *Ziridava. Studia archaeologica*. 2020. No. 34. P. 287–304.
47. Khrapunov I., Stoyanova A. Fibulae in the cemetery of Nezac // *Studia barbarica. Professorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin / Red. B. Niezabitowska-Wiśniewska, P. Łuczkiwicz, S. Sadowski, M. Stasiak-Cyran, M. Erdrich. Tom I. Lublin, 2018. P. 456–479.*
48. Riha E. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Augst: Römermuseum, 1979. 222 p. (Forschungen in Augst. 3).
49. Riha E. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Die Nrfunde seit 1975. Augst: Römermuseum, 1994. 204 p. (Forschungen in Augst. 18).

REFERENCES

1. Aibabin A.I., Khairidinova E.A. *Krymskie goty strany Dori (seredina III – VII v.)* [Crimean Goths in the region of Dory (middle of the 3rd – 7th century)]. Simferopol, Antikva Publ., 2017, 366 p.
2. Ambroz A.K. *Fibuly iuga evropeiskoi chasti SSSR* [Fibulae of the South of the European part of the USSR]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 111 p.
3. Bezuglov S.I. Kurgan catacomb burials of the late Sarmatian era in the lower Don steppes. Moshkova M.G. (ed.), *Problemy sovremennoi arkheologii* [Problems of modern archeology], Moscow, Institut arkheologii RAN, TAUS Publ., 2008, pp. 284–301.
4. Bogdanova N.A., Gushchina I.I., Loboda I.I. Burial ground Skalistoe III in southwestern Crimea (1st–3rd centuries). *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet archaeology], 1976, no. 4, pp. 121–151.
5. Veimarn E.V. Archaeological work in the area of Inkerman. *Arheologichni pam'jatnyky URSS* [Archaeological monuments of the Ukrainian SSR], Kyev, 1963, vol. 13, pp. 15–89.
6. Vysotskaia T.N. *Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol'* [Ust-Alma settlement and necropolis]. Kiev, Kievskia Akademiia Evrobiznesa Publ., 1994, 208 p.
7. Gavritukhin I.O., Sviridov A.N., Iazikov S.V. The Roman Period cemetery Frontovoye 3 in the Southwestern Crimea (preliminary publication). *Rossiiskaia arkheologiia* [Russian archaeology], 2020, no. 2, pp. 91–110. DOI: 10.31857/S086960630009075-1.
8. Guguev V.K., Nechiporuk A.A. Burial with imports from the necropolis of Temernitsky settlement. Khrapunov I.N. (ed.). *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [Crimea in the Sarmatian era (2nd century BC – 4th century AD)], vol. VI, Simferopol, 2020, pp. 189–214.
9. Gushchina I.I., Zhuravlev D.V. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Iugo-Zapadnom Krymu* [Necropolis of Roman time Belbek IV in South-West Crimea]. Moscow, Istoricheskii muzei Publ., 2016, 272 p.
10. Zaitsev Iu.P. Crypt 390 of the Ust-Alma Late Scythian necropolis. Khrapunov I.N. (ed.), *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik* [Bakhchisarai historical and archaeological collection], vol. 1, Simferopol, Tavriia Publ., 1997, pp. 156–166.
11. Zaitsev Iu.P., Voloshinov A.A., Kiunel't E., Masiakin V.V., Mordvintseva V.I., Firsov K.B., Fless F. Late Scythian necropolis Zavetnoye (Alma-Kermn) 1st–3rd centuries BC in southwestern Crimea. Zaitsev Iu.P., Mordvintseva V.I. (eds.), *Drevniaia Tavrika* [Ancient Taurika], Simferopol, Universum Publ., 2007, pp. 249–290
12. Korobkova E.A. Fibulae from Sarmatian Complexes of the Esaulovsky Aksai. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriia 4, Istorika. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Science journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 6, pp. 44–60.
13. Kostromichev D.A. Roman military presence in Chersonesos in early 1st – first half of 5th century (by archaeological evidence). *Stratum plus*, 2011, no. 4, pp. 15–166.
14. Kostromichev D.A. T-shaped articulated fibulae of the Bosphorus. *XIV Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Arkheologicheskii ob'ekt v kontekste istorii* [14th Bosporan Readings. Cimmerian Bosphorus and the world of barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Archaeological object in the context of history], Kerch, 2013, pp. 236–239.

15. Kosianenko V.M. *Nekropol' Kobiakova gorodishcha (po materialam raskopok 1956–1962 gg.)* [Necropolis of Kobyakova settlement (based on materials from excavations in 1956–1962)]. Azov, Azovskii muzei-zapovednik Publ., 2008, 544 p.
16. Kropotov V.V. *Fibuly sarmatskoi epokhi* [Fibulae of the Sarmatian era]. Kiev, ADEF-Ukraina Publ., 2010, 384 p.
17. Malashev V.Iu., Kadzaeva Z.P. Strongly profiled fibulae of the middle 3rd–4th century. *Rossiiskaia arkheologiia* [Russian archaeology], 2021, no. 2, pp. 54–72. DOI: 10.31857/S086960630009953-7.
18. Masiakin V.V. Roman articulated arcuate fibulae of Bosporus. *Bosporskii fenomen: Naselenie, iazyki, kontakty* [The phenomenon of Bosporan kingdom: population, languages, contacts], St.-Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2011, pp. 166–174.
19. Puzdrovskii A.E. Crypt of the turn of the eras from the vicinity of Scythian Naples. Tolochko P.P. (ed.), *Severnoe Prichernomor'e v antichnoe vremia* [Northern Black Sea region in Ancient times], Kiev, 2002, pp. 162–172.
20. Puzdrovskii A.E. *Krymskaia Skifiia II v. do n. e. – III v. n. e. Pogrebal'nye pamiatniki* [Crimean Scythia in the 2nd century BC – 3rd century AD. Funeral monuments]. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2007, 480 p.
21. Puzdrovskii A.E., Trufanov A.A. Two-chambers crypt with relief tombstone from Ust-Alma necropolis (Crimea). *Stratum plus*, 2015, no. 4, pp. 143–174.
22. Skripkin A.S. Fibulae of the Lower Volga Region (based on materials from Sarmatian burials). *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet archaeology], 1977, no. 2, pp. 100–121.
23. Stoianova A.A. The 2nd and the first half of the 3rd century AD female costume accessories from the cemetery of Neyzats. Khrapunov I.N. (ed.), *Issledovaniia mogil'nika Neizats* [Exploring the cemetery of Neizats], Simferopol, Dolia Publ., 2011, pp. 115–152.
24. Stoianova A.A. *Detskie pogrebeniia iz mogil'nika Opushki (po rezul'tatam raskopok 2003–2009 gg.)* [Children's burials from the Opushka burial ground (according to the results of excavations in 2003–2009)]. Simferopol, Dolia Publ., 2012, 100 p.
25. Stoianova A.A. Burial with a provincial-Roman mirror and two incense burners from the cemetery of Opushki in Crimea. Khrapunov I.N. (ed.), *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [Crimea in the Sarmatian era (2nd century BC – 4th century AD)], vol. 4, Simferopol, 2018, pp. 83–101.
26. Stoianova A.A., Khrapunov I.N. Roman imports from the cemetery of Opushki in Crimea. *Arkheologicheskoe nasledie* [Archaeological heritage], 2020, no. 1(3), pp. 294–303.
27. Symonovich E.A. Fibulae of Scythian Naples. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet archaeology], 1963, no. 4, pp. 139–152.
28. Symonovich E.A. *Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (po materialam Vostochnogo nekropolia Neapolia Skifskogo)* [Population of the capital of the late Scythian kingdom (based on materials from the Eastern Scythian necropolis of Naples)]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1983, 173 p.
29. Treister M.Iu. Romans in Panticapaeum. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], 1993, no. 2, pp. 50–74.
30. Khrapunov I.N. *Mogil'nik Druzhnoe (III–IV vv. nashei ery)* [Druzhnoe cemetery (3rd–4th centuries AD)]. Lublin, Wydawnictwo Uniwersitetu Marii Curie-Skladowskiej, 2002, 313 p.
31. Khrapunov I.N. Burial of a warrior from the 2nd century AD from the cemetery of Opushki. Zaitsev Iu.P., Mordvintseva V.I. (eds.), *Drevniaia Tavrika* [Ancient Taurika], Simferopol, Universum Publ., 2007, pp. 115–124.
32. Khrapunov I.N. Some results of the researches of the cemetery of Neyzats. Khrapunov I.N. (ed.), *Issledovaniia mogil'nika Neizats* [Exploring the cemetery of Neizats], Simferopol, Dolia Publ., 2011, pp. 13–60.
33. Khrapunov I.N. Crypt with things in the pre-Hunnic polychrome style from the cemetery of Opushki. Khrapunov I.N. (ed.), *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.)* [Crimea in the Sarmatian era (2nd century BC – 4th century AD)], vol. 3, Simferopol, 2018, pp. 137–169.
34. Khrapunov I.N. Crypts with short dromos in the Crimea and the North Caucasus. Khrapunov I.N. (ed.), *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.)* [Crimea in the Sarmatian era (2nd century BC – 4th century AD)], vol. 4, Simferopol, 2018, pp. 133–145.

35. Khrapunov I.N. Archaeological culture of the Late Roman period in the piedmont Crimea. *Rossiiskaia arkheologiia* [Russian archaeology], 2019, no. 1, pp. 32–49. DOI: 10.31857/S086960630004115-5.
36. Khrapunov I.N. A crypt with 3rd century coins in the cemetery of Opushki. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2020, vol. 19, no. 2, pp. 247–272. DOI: 10.15688/nav.jvolsu.2020.2.13.
37. Khrapunov I.N., Masiakin V.V., Mul'd S.A. Late Scythian burial ground near the village of Kolchugino. Khrapunov I.N. (ed.), *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik* [Bakhchisarai historical and archaeological collection], vol. 1, Simferopol, Tavriia Publ., 1997, pp. 76–155.
38. Khrapunov I.N., Mul'd S.A. The cremations of the Roman times from the cemetery of Opushki. *Khersonesskii sbornik* [Chersonesos collection], Sevastopol, 2005, vol. 14, pp. 341–345.
39. Khrapunov I.N., Mul'd S.A., Stoianova A.A. *Pozdnescijskii sklep iz mogil'nika Opushki* [Late Scythian crypt from the cemetery of Opushki]. Simferopol, Dolia Publ., 2009, 96 p.
40. Khrapunov I.N., Stoianova A.A. Three undercut graves from the cemetery of Opushki in Crimea. Smyntyna E.V. (ed.), *Varvarkskii mir severopontiiskikh zemel' v sarmatskuiu epokhu* [The barbarian world of the northern Pontic lands in the Sarmatian era], Kiev, Oleg Filiuk Publ., 2013, pp. 184–207.
41. Khrapunov I.N., Stoianova A.A. Stone crypt from the cemetery of Opushki. Khrapunov I.N. (ed.), *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [Crimea in the Sarmatian era (2nd century BC – 4th century AD)], vol. 6, Simferopol, 2020, pp. 66–112.
42. Khrapunov I.N., Stoianova A.A. A 3rd century AD burial vault with multiple burials at the cemetery of Opushki. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2021, vol. 20, no. 1, pp. 217–250. DOI: 10.15688/nav.jvolsu.2021.1.11.
43. Almgren O. *Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen*. Stockholm, Druck von Ivar Haeggström, 1897, 243 p.
44. Feugère M. *Les fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du Ve s. ap. J.-C.* Paris, Editions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1985, 503 p.
45. Hellström K. *Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2. Jh. v. Chr. – 3. Jh. n. Chr.)*. Bonn, Habelt Verlag, 2018, 284 p.
46. Khrapunov I., Stoyanova A. Grave with Roman Imports in the Cemetery of Opushki in the Crimea. *Ziridava. Studia archaeologica*, 2020, no. 34, pp. 287–304.
47. Khrapunov I., Stoyanova A. Fibulae in the cemetery of Nezac. Niezabitowska-Wiśniewska B., Łuczkiwicz P., Sadowski S., Stasiak-Cyran M., Erdrich M. (eds.), *Studia barbarica. Professorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin*, Tom I, Lublin, 2018, pp. 456–479.
48. Riha E. *Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst*. (Forschungen in Augst. 3). Augst, Römermuseum, 1979, 222 p.
49. Riha E. *Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst*. Die Nrfunde seit 1975. (Forschungen in Augst. 18). Augst, Römermuseum, 1994, 204 p.

Информация об авторе

Стоянова А. А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: ABA-4684-2020.

Author information

Stoyanova A. A. – Candidate of Science (History), Senior Researcher at the Institute of Archaeology of the Crimea RAS, Researcher ID: ABA-4684-2020.

ЗОЛОТО В ЖЕНСКОМ ПОГРЕБАЛЬНОМ КОСТЮМЕ ЭЛИТЫ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО БОСПОРА: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ФАНАГОРИИ

Ольга Михайловна Ворошилова¹, Алексей Николаевич Ворошилов²

Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

¹ helga-mir@yandex.ru

² voroshilov.aleksej@yandex.ru

Аннотация. В статье публикуется уникальный женский костюм гуннской эпохи, украшенный золотом. Он найден в грунтовом склепе Фанагории конца IV – первой половины V в. н.э. Многочисленные бляшки из золотой фольги обнаружены нетронутыми на шее и груди женщины. Они были нашиты на ворот платья и верхней одежды. Золотом была украшена только лицевая сторона костюма, которую было видно участникам погребальной церемонии. Открытый в Фанагории декор подтверждает существование универсального набора золотых украшений одежды гуннского времени. Выдвигается предположение о церемониальном назначении украшенного тонким золотом костюма. Его изготавливали специально для похорон знатных и состоятельных женщин элиты Боспорского государства. Возможно, в культуре варварского окружения Боспора эпохи Великого переселения народов отношение к этому костюму могло быть иным.

Ключевые слова: Боспорское царство, Фанагория, некрополь, эпоха Великого переселения народов, женский костюм, золотой декор

Благодарности: Исследование выполнено в рамках НИР Института археологии РАН по теме «Археологические культуры евразийских степей и античный мир – контакты и взаимовлияния» (AAAA-A18-118011790093-2).

GOLD IN A WOMAN'S BURIAL COSTUME OF THE LATE ANCIENT BOSPORAN ELITE: NEW MATERIALS FROM PHANAGOREIA

Ol'ga M. Voroshilova, Aleksej N. Voroshilov

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences

Abstract. This paper publishes a unique woman's costume with gold ornaments from the Hunnic Period. This find originates from a burial vault in Phanagoreia dated back to the late fourth or early fifth century AD. There are numerous gold foil badges uncovered *in situ* on a woman's neck and chest. They were sewn on the collar of a robe and an outer garment. Gold ornaments appeared only on the front side of the cloths to be seen by the funeral ceremony participants. The find of the ornaments in Phanagoreia contributes to the suggestion that there was a universal set of gold ornaments for cloth in the Hunnic Period. It has been inferred that the costume decorated with fine gold ornaments played ceremonial role. It was made especially for funerals of noble and rich women belonging to the Bosporan elite. However,

the culture of the barbarians living in the vicinity of the Bosporan Kingdom in the Migration Period possibly developed alternative perception of the costume in question.

Key words: Bosporan Kingdom, Phanagoreia, cemetery, Great Migration Period, women's costume, gold ornaments

Acknowledgments: This work was carried out within the framework of the research project of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences Института археологии РАН "The Archaeological Cultures of Eurasian Steppes and the World of Antiquity: Contacts and Interactions" (AAAA-A18-118011790093-2).

Костюм является одним из важнейших элементов материальной культуры традиционных обществ, помимо утилитарной совмещая в себе широкий спектр значимых функций: социальные, биологические, сакральные, эстетические и др. [27, с. 585; 30, с. 5–6; 18, с. 7 и др.]. Столь мощная семантическая емкость «археологического костюма» делает его качественным и самостоятельным историческим источником. Следует выделить женский костюм, как наиболее этнически выразительный и консервативный элемент древнего вещевого комплекса. Это в полной мере относится и к костюму населения Боспорского государства в эпоху Великого переселения народов. Традиционным источником для его изучения являются находки из погребальных комплексов. В подавляющем большинстве случаев органическая основа (текстиль, кожа) в могилах не сохраняется, вследствие чего археологи вынуждены оперировать данными о металлических деталях костюма и их локализации в комплексе. Именно поэтому особую роль в реконструкции фасона одежды играют погребения, где ее элементы обнаружены *in situ* [27, с. 585]. В этом отношении крайне важны те погребальные комплексы, где в первоначальном положении сохранились нашивные бляшки, фиксирующие собой контуры древней одежды и морфологию ее золотого убранства. К сожалению, в Северном Причерноморье и на сопредельных территориях известны лишь единичные находки таких погребений гуннского времени.

Уникальным случаем стала находка женского костюма, декорированного золотом, у спутницы знатного воина в неограбленной камере грунтового склепа Фанагории [9, с. 174–181]. Именно это открытие послужило поводом написания данной работы.

В 2019 году при раскопках на Восточном некрополе столицы Азиатского Боспора была исследована глубокая гробница, которая относится к числу погребальных комплексов столичной элиты конца IV – первой половины V в. н.э., так называемому горизонту Унтерзибенбрунн. Склеп датируется периодом D2 (380/400–440/450 гг.) по хронологии европейского Барбарикума, что соответствует ранней части гуннского времени в Восточной Европе. Выдающийся комплекс принадлежал к наиболее престижной группе погребальных сооружений конца античной эпохи Азиатского Боспора – двухкамерным грунтовым склепам [7, с. 17–18]. Подобные гробницы, даже ограбленные в древности, содержат богатый и разнообразный погребальный инвентарь [13]. В одном из семи деревянных гробов (гроб № 3), стоявших в непострадавшей от действий грабителей северной камере склепа 315/2019, была похоро-

нена женщина (рис. 1), умершая в возрасте около пятидесяти лет¹. Ее похоронили рядом с мужчиной-всадником, владевшим редким образцом парадного клинкового оружия иранского происхождения [9, с. 179]. Эта гробница бесспорно принадлежала представителям столичной знати. На состоятельность и высокий социальный статус владельцев усыпальницы указывает не только монументальность глубокого погребального сооружения, но и многочисленный богатый погребальный инвентарь. Поэтому не удивительно, что облачения погребенной женщины были обильно украшены золотом (рис. 2).

Золотое убранство женского костюма гуннской эпохи на сегодняшний день довольно основательно изучено. Выдающийся вклад в разработку этой проблематики внесли Э. А. Хайрединова и А. В. Мастыкова², работы которых отличаются детальным анализом археологических источников [4–5; 18–22; 26–28]. Однако ощутимый дефицит археологических контекстов с достоверно зафиксированным положением золотых элементов декора одежды непосредственно на костях скелета погребенных [20, с. 147] всегда создавал определенные трудности при реконструкции женского костюма эпохи Великого переселения народов. Именно поэтому открытие богато украшенного золотом убранства *in situ* на останках жительницы Фанагории заслуживает самого пристального внимания.

Женщину похоронили в деревянном гробу традиционной для позднеантичных захоронений Фанагории формы и конструкции (рис. 1). Она лежала вытянуто на спине головой на юго-восток, к входу в погребальную камеру склепа. Руки вытянуты вдоль тела, ноги параллельны. Между бедренными костями погребенной чуть выше колен на темном органическом пятне найдены: бронзовая игольница, предмет из бронзовой проволоки, мел, железный нож. Отметим, что ножи являются распространенным атрибутом церемонии в позднеантичных погребениях Фанагории [16, с. 123; 23, с. 335, 337, 351, 365, 375, 379, 385, 389, рис. 6,1; 7,5; 15,1; 23,2; 30,7; 33,2; 40,4; 42,8; 29, с. 458; 14, с. 156, рис. 8,2; 10, с. 288]. Все предметы, компактно лежавшие у ног женщины, очевидно, находились в небольшой кожаной сумке-кошельке. Подобные сумки являются распространенным элементом костюма эпохи Великого переселения народов, известны они и в захоронениях жителей позднеантичной Фанагории [12, с. 137–145; 10, с. 288].

Вокруг шеи и на груди женщины поверх ее ключиц обнаружено скопление элементов декора из золотой фольги³. Благодаря выдающейся сохранности комплекса при тщательной расчистке удалось зафиксировать положение золотых предметов *in situ* (рис. 2). Выявлено семь разновидностей золотых изделий (3 вида пронизей/подвесок,

¹ Антропологические определения сделаны заведующим лабораторией контекстуальной антропологии ИА РАН, д.и.н. М. В. Добровольской.

² Авторы искренне благодарны Эльзаре Айдеровне Хайрединовой и Анне Владимировне Мастыковой за интересное и конструктивное обсуждение женского костюма гуннской эпохи и дружескую помощь при подготовке данной работы.

³ Находки сданы на хранение в Государственный музей-заповедник «Фанагория» (№ ВХ-82/1-19).

4 вида нашивных бляшек), украшавших наряд женщины. Находки локализованы в двух местах. На шее обнаружены пронизы (рис. 3). На груди (по уровню ключиц) сохранилась декоративная композиция из нашивных бляшек (рис. 4). Прежде чем переходить к подробному рассмотрению украшений, отметим, что при описании предметов была использованная терминология, предложенная Э. А. Хайрединовой [26, с. 53–118].

Декоративный элемент костюма на шее женщины

Итак, в нижней части шеи женщины удалось выявить декоративную композицию (рис. 2–3), сформированную линией чередующихся элементов трех видов: круглая бляха с вставкой (1 экз.); подвески-лунницы (8 экз.); ромбические бляшки (7 экз.). Все они имеют конструкцию, позволяющую использовать их не только в качестве нашивных элементов декора, но и в качестве пронизей.

В центре композиции находился единственный и самый крупный элемент комплекса украшений – круглая бляха с вставкой (рис. 3, 1–2). Бляха сделана из круглого золотого листа диаметром 1,5 см, на края которого напаян пластинчатый каст шириной 0,2 см, у основания обрамленный напаянной рубчатой проволокой. В касте – вставка из янтаря или стекла (распалась при расчистке). На оборотной стороне припаяны две узкие пластинки (0,2x0,9–1,0 см), образующие параллельно расположенные петли. Диаметр бляхи – 1,5 см, высота – 0,4–0,5 см, масса – 1,48 г. Украшение места ми помято, имеется небольшой разрыв, вставка утрачена. Среди похожих по форме и технике изготовления предметов стоит отметить драгоценные накладки, происходящие из погребений боспорского некрополя IV – первой половины V в. н.э. [15, табл. 35,157д,159д; табл. 57,321], находку из могилы 82 могильника у с. Лучистое [26, с. 69] и подобный элемент декора из богатого погребения в Северном Дагестане [17, рис. 2].

По обеим сторонам от круглой бляхи с кастом располагались подвески-лунницы – по 4 экз. с каждой стороны (рис. 3, 1). Подвески имеют пельтовидную форму с штампованным орнаментом в виде рельефных завитков и псевдозерни по краю и в центре (рис. 3, 3–4). В верхней части находится петля для подвешивания. Петля сформирована из скрученного в трубочку прямоугольного элемента, припаянного к обеим сторонам подвески. Размер подвесок – 1,1–1,4 см в длину, 1,2–1,3 см в ширину, масса отдельно взятой подвески колеблется в диапазоне 0,18–0,25 г. Некоторые экземпляры слегка помяты и/или имеют небольшие повреждения по краям. Необходимо отметить, что косвенным подтверждением использования в фанагорийской композиции подвесок-лунниц в качестве нашивных бляшек, а не пронизей является форма ремонта одной лунницы. У единственной бляшки с утраченной петлей (надо сказать, что петли для крепления довольно хрупкие) не стали восстанавливать крепление, вместо этого пробиты два отверстия в месте основания петли (возможно непосредственно в момент пришивания). Подобный прием «ремонта» изделия недвусмысленно свидетельствует о том, что лунницы пришивали, а не нанизывали. Последнее было бы невозможно осуществить через пару небольших отверстий. Заслуживает внимания и комплектность набора штампованных лунниц. Из вось-

ми изделий, семь изготовлены при помощи одной матрицы – с линией псевдозерни по вертикальной оси бляшки, расположенной между волютами (рис. 3,1,3). Только одна лунница в наборе изготовлена при помощи матрицы другого типа (рис. 3,1,4). Вместо вертикального ряда псевдозерни она имеет орнамент в виде полукруга над волютами. Надо сказать, что размеры двух типов лунниц совпадают, а разница в орнаментации при беглом взгляде трудно различима.

В композиции лунницы чередовались с ромбическими бляшками-пронизями (3 с правой стороны композиции и четыре – с левой), изготовленными из золотой фольги в виде коробочки (рис. 3,1,5). В углах торцевых граней по диагональной оси пробиты отверстия для нанизывания или пришивания. Ромбические бляшки имели размеры 0,4–0,5х0,4–0,5 см, толщиной 0,2 см и массой 0,9–0,13 г.

И лунницы, и ромбические бляшки имеют множество аналогий в синхронных комплексах эпохи Великого переселения народов, как правило, их находят в женских захоронениях.

Анализ элементов золотого декора, найденных на шее знатной фанаторийской женщины, и археологического контекста (рис. 2; 3,1,6), в котором они обнаружены, позволяет интерпретировать их как детали ворота нижней одежды/платья. Крупная и достаточно прочная бляшка с янтарной вставкой и двумя петлями на обороте могла выполнять функции пуговицы, при помощи которой верхний край одежды с двумя бортами застегивался, а ее ворот достаточно плотно облегал шею. При этом остальные бляшки обрамляли край лицевой части ворота. Надо сказать, что первоначальная интерпретация этого набора декоративных элементов как деталей ожерелья, сделанная в поле, не выдерживает критики – количество элементов слишком мало для полноценного ожерелья, а хрупкие крепления лунниц вряд ли выдержат нагрузку при подвешивании.

Декоративный элемент костюма на груди женщины

Особую ценность для реконструкции поздеантичного костюма представляет зафиксированная в верхней части груди – в области ключиц женщины обшивка ворота ее верхней одежды (плаща, накидки?). Композиция из четырех видов бляшек, пришитых плотно друг к другу, формирует дуговидную «пектораль» общей шириной 5,0–5,5 см, обрамлявшую только переднюю (лицевую) часть ворота одежды с двумя бортами, сходящимися в стык на груди. Зафиксированная *in situ* обшивка ворота одежды женщины (рис. 2) включала три композиционных пояса (рис. 4,1–3).

Верхний состоял из 27 круглых бляшек диаметром 1,0–1,1 см, массой 0,11–0,18 г, нашитых вплотную друг к другу вдоль верхней кромки одежды (рис. 4,1–3). Бляшки имеют два сквозных отверстия, расположенных симметрично по краям (рис. 4,4). На поверхности штампованный рельеф в виде розеток, состоящих из выпуклых окружностей: одна в центре и восемь вокруг. Внешний диаметр оформлен в виде рифленого бортика шириной 1,5 мм, имитирующего зернь. С левой стороны ворота найдено 14 бляшек, с правой стороны располагались 13 таких бляшек.

Средний пояс шириной 3 см состоял из двух видов нашивных бляшек сигмовидной формы, нашитых вплотную друг к другу (рис. 4, 1–3). Края бортов ворота одежды оформляли две концевые внешние сигмовидные бляшки (рис. 4, 1–3, 7). По своей морфологии они идентичны сигмовидным рядовым нашивкам, только пространство между выступами изготовлено из того же листа фольги. Эти элементы завершают каждую из сторон (левая/правая) ворота. Левая нашивка размером 2,9x1,1x0,1 см, массой 0,29 г. Правая нашивка размером 3,0x1,1x0,1 см, массой 0,29 г. Сигмовидные рядовые бляшки в количестве 45 экз. формировали основное поле золотой «пекторали» воротника. Они имеют выпуклую тисненую форму, окончания выполнены в виде полусфер, на каждой из бляшек имеется по пять сквозных отверстий маленького диаметра (рис. 4, 1–3, 6). Отверстия располагаются на всех углах и окончаниях бляшек. Размер сигмовидных рядовых бляшек колеблется в диапазоне 2,7–3,1 см в длину и 1,0–1,1 см в ширину, масса варьируется от 0,18 до 0,30 г. С левой стороны ворота найдено 22 бляшки, с правой – 23.

Нижний пояс шириной около 1,5 см выполнен из 29 плотно нашитых друг к другу бляшек треугольной формы, расположенных основанием равнобедренного треугольника вдоль границы пояса сигмовидных бляшек (рис. 4, 1–3, 5). На всех трех окончаниях бляшек имеются сквозные отверстия. Бляшки крепились при помощи двух отверстий в верхних углах треугольника. Нижний угол оформлен в виде окружности/петли. Весь периметр бляшки оконтурен рельефным рифленным бортиком псевдозерни, как и у круглых бляшек. Выпуклый ободок вокруг нижней окружности гладкий, рифление отсутствует. Внутреннее поле щитка бляшки декорировано по принципу круглых бляшек – штампованный рельеф в виде розеток, вписанных в треугольник внутреннего поля композиции, состоящих из выпуклых окружностей: одна в центре и восемь вокруг. Размер треугольных бляшек – 1,3–1,4 см в длину и 1,1–1,2 см в ширину, масса колеблется от 0,10 до 0,17 г. С левой стороны находилось 13 бляшек, с правой – 16.

Положение большей части нашивных бляшек *in situ* позволяет реконструировать не только размеры ворота, но и его форму, особенности конструкции одежды. Ворот имел форму правильной дуги, окружавшей основание шеи женщины по линии ключиц (рис. 2). Положение концевых бляшек внахлест позволяет говорить о том, что одежда могла запахиваться левой стороной на правую. Хотя несколько миллиметров нахлеста ворота скорее свидетельствуют в пользу фасона верхней одежды с бортами встык.

Следует отметить, что первоначальное положение сохранили бляшки правой стороны ворота, а также бляшки левой стороны на протяжении 4 см длины ворота (рис. 2). Остальные бляшки левой стороны смещены, перевернуты и находятся у левого плеча погребенной под ее черепом у нижней челюсти и между ребер. Одна треугольная бляшка обнаружена на внутренней части крестца (вероятно, перемещена землеройными животными). Смещение бляшек в левой стороне ворота объясняется, скорее всего, тем, что при разложении мягких тканей голова женщины завалилась влево к плечу, увлекая за собой в пустом пространстве гроба левую часть ворота одежды.

Таблица 1. Количество золотых элементов декора в комплексах из Фанагории и Лучистого.

№	Наименование элемента декора	Фанагория, погр. 315/2019, северная камера, гроб 3	
		Кол-во в экз. (№ комплекта)	Лучистое, могила 82 Кол-во в экз. (№ комплекта)
1	Круглая бляха/пуговица (?)	1 (I комплект)	1 (I комплект)
2	Подвески-лунницы	8 (I комплект)	12 (I комплект)
3	Ромбические бляшки	7 (I комплект)	13 (I комплект)
4	Круглые бляшки	27 (II комплект)	45 (II и III комплекты)
5	Сигмовидные концевые внешние бляшки	2 (II комплект)	2 (II комплект)
6	Сигмовидные концевые внутренние бляшки	0	2 (III комплект)
7	Сигмовидные рядовые бляшки	45 (II комплект)	106 (II и III комплекты)
8	Треугольные бляшки	29 (II комплект)	34 (II и/или III комплекты)
9	Трубочки-пронизы	0	48 (II и/или III комплекты)
Итого		119	263

Подводя итоги, отметим, что в Фанагории традиция украшения погребального савана и одежды умерших золотыми нашивными бляшками существовала на протяжении долгого времени. Единичные случаи фиксируются в классическую эпоху, а массовое распространение эта традиция получает в римское время.

Элементы декора из золотой фольги широко известны в комплексах позднеантичного времени. Среди синхронных захоронений фанагорийского некрополя гуннского времени аналогичные подвески-лунницы и ромбические бляшки происходят из погребения 29/2005 [24, рис. 43,2; 46]. Здесь украшения также найдены в области шеи погребенного и представляли собой, очевидно, обшивку ворота одежды. Схожие декоративные элементы известны в комплексах первой половины V в. н.э. в некрополе Боспора [15, табл. 25,94–97; 57,323; 58,336, 343], в могильниках Крыма [2, с. 112, рис. 9,19,20; 3, с. 69, рис. 25,1,8; 5, рис. 26,1; 24, с. 40, рис. 2,18], некрополе Танаиса [6, с. 85, 122, табл. 6,58–60; 40,483–485]. В целом, использование нашивных бляшек для декорирования костюма в гуннскую эпоху было широко распространено на просторах Евразии [20, с. 147–149].

Открытие в Фанагории сохранившегося *in situ* декора подтверждает существование в эпоху Великого переселения народов универсального «конструктора» для декорирования различных элементов женского костюма (платье, накидка/плащ, головной убор), состоящего из нескольких устойчивых форм нашивных бляшек и пронизей, изготовленных из золотой фольги и иногда отличающихся особенностями оформления. В связи с этим хочется обратить внимание на один из самых близких фанагорийскому по составу элементов набор декора из широко известного комплекса могилы 82 некрополя у села Лучистое в Крыму, где нашивки были найдены в небольшом углублении на дне могилы. По мнению исследователей, бляшки могли составлять украшение налобной повязки [4, с. 283, 299]

или являться элементами свернутой одежды [20, с. 149]. По нашему мнению, фанагорийский комплекс может стать «ключом» к более детальной реконструкции костюма из Лучистого. Для этого сравним общую статистику элементов декора из этих погребений.

Сопоставление количественных показателей различных элементов золотого декора из Фанагории и Лучистого позволяет высказать предположение о наличии, как минимум, трех элементов костюма в тайнике из Лучистого. При этом I комплект достаточно убедительно соотносится с пуговицей и отделкой ворота фанагорийского платья. II и III комплекты условно можно интерпретировать как детали двух комплектов декора верхней одежды – накидки или плаща. Это косвенно подтверждается наличием двух пар концевых бляшек. Однако нельзя исключать, что один из этих комплектов мог украшать и женский головной убор. Естественно, что приведенная статистическая выкладка не может быть единственным вариантом реконструкции комплекса женского убора из Лучистого, однако она дает в руки исследователей дополнительные реперы, помогающие приблизиться к истине.

Устойчивая традиция украшения одежды золотыми бляшками, появившись на Боспоре в первые века нашей эры, сохраняется и в V в. Штампованные из тонкой золотой фольги выпуклые бляшки создавали видимость массивных вещей, при минимальной затрате металла [26, с. 71–72]. По мнению некоторых авторов, женский убор с золотыми бляшками, типичный для варварской аристократии гуннского времени, имеет северопричерноморские истоки и более связан с культурой оседлого населения позднеантичных центров, таких как Боспор Киммерийский и Танаис. В гораздо меньшей степени он присущ степным варварам Северного Причерноморья, гуннам и аланам [19, с. 147].

В этой связи представляются крайне интересными наблюдения Э. А. Хайрединовой, отметившей непрочность золотых нашивных бляшек и то обстоятельство, что они не предназначались для перешивания [26, с. 72]. Фанагорийские материалы позволяют нам всецело поддержать это мнение, так как детальное рассмотрение нашивных элементов женской одежды свидетельствует о том, что декор из тонкой золотой фольги не мог выдержать нагрузок, связанных с повседневным использованием одежды (даже парадной, одевавшейся далеко не каждый день и ненадолго). Присоединяясь к наблюдениям исследователя, мы не можем полностью принять ее мнения о том, что в гуннскую эпоху хоронили только в прижизненной (не специальной погребальной) одежде [26, с. 53]. Скорее всего, это мнение в полной мере справедливо для подавляющего большинства погребальных комплексов рядовых членов общества того времени, но, как нам кажется, эта закономерность не распространяется на элитарную культуру эпохи Великого переселения народов, особенно на Боспоре. Присоединяясь к мнению коллег о боспорском происхождении и производстве золотых деталей декора женской одежды гуннского времени [26, с. 72; 19, с. 147; 25, с. 255–265], отметим их близость к церемониальным изделиям из золотой и серебряной фольги, имитировавшим дорогие ременные гарнитуры и монеты в по-

гребальном обряде позднеримского и позднеантичного времени [11, с. 321–324; 8, с. 138–139; 1, с. 35 и др.].

Учитывая крайне низкие эксплуатационные характеристики бляшек из золотой фольги, отсутствие на них следов продолжительного использования (деформации, изломы, разрывы, свидетельства ремонта/замены элементов и др.)⁴, эта близость не выглядит случайной. Кроме того, в отношении фанагорийского наряда важно учитывать, что в позднеантичной столице Азиатского Боспора «погребальная индустрия» была хорошо развита, ее продукция повсеместно встречается в захоронениях горожан, но более всего в престижных гробницах. Нельзя игнорировать и то обстоятельство, что золотом была украшена исключительно лицевая сторона одежды жительницы Фанагории, то есть та, которую было видно участникам погребальной церемонии. Перечисленные доводы дают нам основания предположить, что женский костюм, декорированный золотыми нашивками, с высокой долей вероятности мог быть погребальным, то есть специально изготовленным для похорон знатных и состоятельных горожанок, как правило, являвшихся спутницами представителей военно-аристократической элиты Боспорского государства того времени. Не исключено, что в культуре варварской аристократии племен, окружавших Боспор в эпоху Великого переселения народов, отношение к аналогичным элементам женского «княжеского» костюма могло быть несколько иным.

⁴ В комплексе золотого декора из Фанагории повторные пробития отверстий зафиксированы на описанной выше подвеске-луннице, а также на шести треугольных бляшках. Между тем, характер повреждений треугольных бляшек свидетельствует о том, что, скорее всего, их повредили во время пришивания. Все повторные пробития отверстий в этих элементах производились тонкой иглой в углах основания треугольника, которые крепились в самом неудобном для нашивания месте – вдоль нижней кромки среднего композиционного ряда из сигмовидных бляшек. Т.е. ремонтные отверстия, скорее всего, появились не в результате эксплуатации наряда, а при его создании в результате неудачных действий портного.

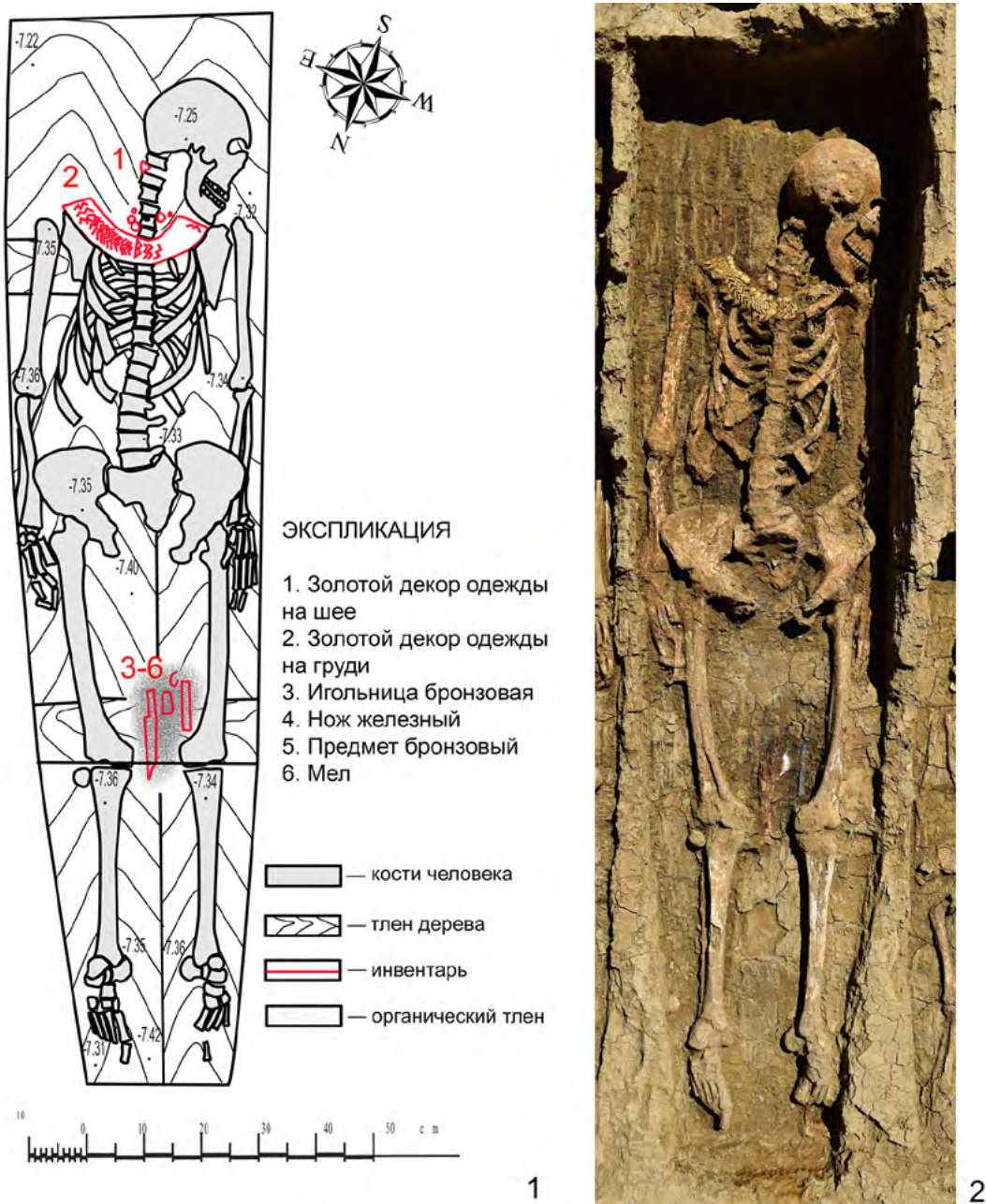

Рис. 1. Гроб 3 из северной камеры склепа 315/2019 некрополя Фанагории:
 1 – план захоронения; 2 – фотография гроба после расчистки
Fig. 1. Coffin 3 from the northern chamber of burial vault 315/2019 in the cemetery of Phanagoreia:
 1 – ground plan of the burial; 2 – photo of the coffin after cleaning

Рис. 2. Золотой декор женского костюма в захоронении *in situ*: 1 – верхняя часть скелета с элементами костюма; 2 – вид сверху на элементы обшивки одежды

Fig. 2. Gold ornaments of the woman's costume in the burial *in situ*: 1 – upper skeleton with costume details; 2 – cloth embroider elements viewed from above

Рис. 3. Золотой декор на шее женщины: 1 – реконструкция расположения бляшек обшивки ворота платья; 2 – бляха с янтарной вставкой («пуговица»); 3 – подвески-лунницы (7 экз.); 4 – подвеска-лунница (1 экз.); 5 – ромбовидные пронизи; 6 – элементы золотого декора на шее *in situ*

Fig. 3. Gold ornaments on the woman's neck: 1 – reconstruction drawing of the location of the badges embroidering the collar of the robe; 2 – badge with amber inset ("button"); 3 – lunula pendants (7 specimens); 4 – lunula pendant (1 specimen); 5 – diamond-shaped tubes; 6 – gold ornaments on the neck *in situ*

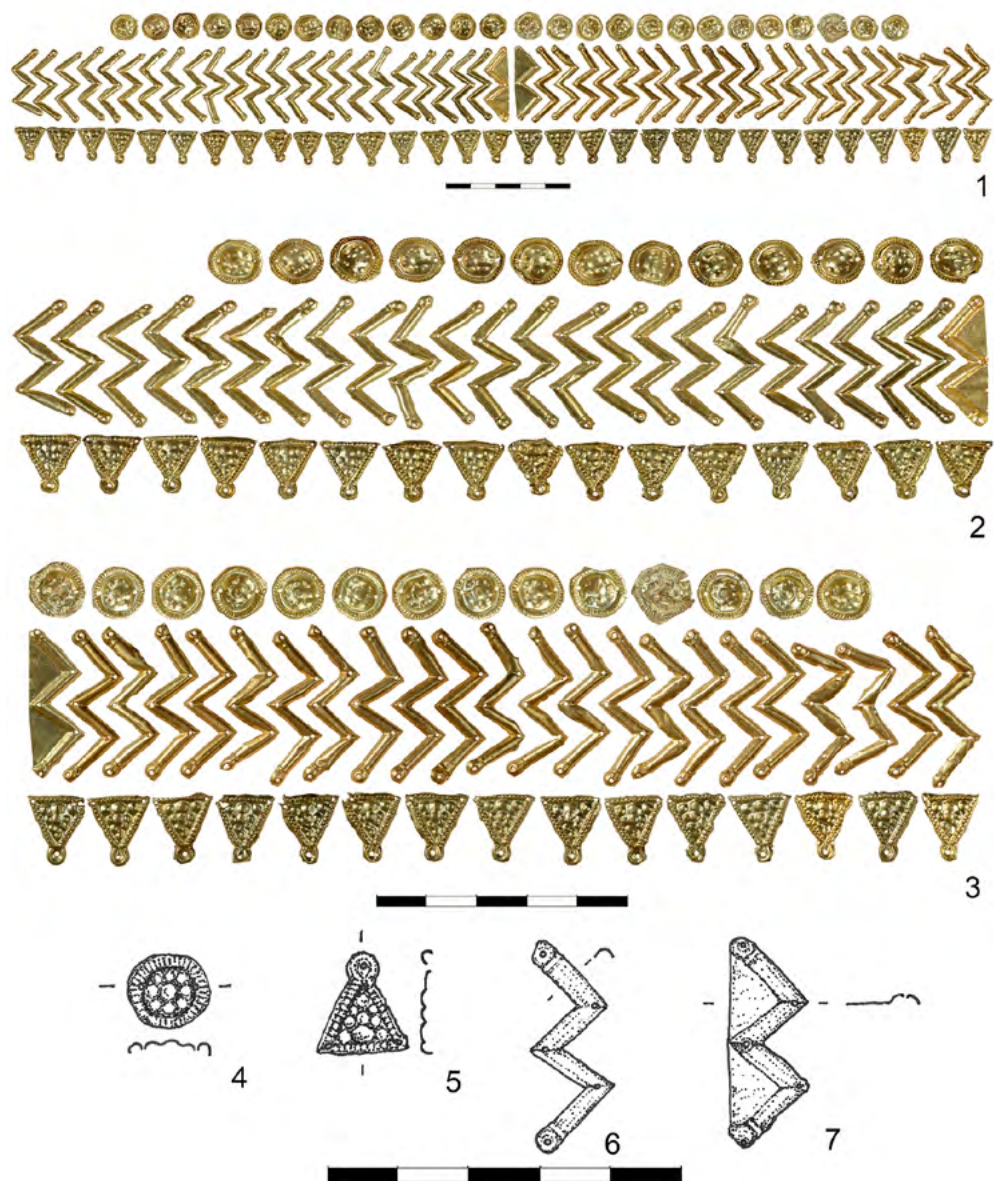

Рис. 4. Золотой декор на груди женщины: 1 – реконструкция расположения бляшек обшивки ворота верхней одежды; 2 – обшивка правой стороны ворота; 3 – обшивка левой стороны ворота; 4 – круглые бляшки; 5 – треугольные бляшки; 6 – сигмовидные рядовые бляшки; 7 – сигмовидные концевые бляшки

Fig. 4. Gold ornaments on the woman's chest: 1 – reconstruction drawing of the location of the badges embroidering the collar of the outer garment; 2 – embroidering of the right side of the collar; 3 – embroidering of the left side of the collar; 4 – circular badges; 5 – triangular badges; 6 – sigma-shaped badges placed within lines; 7 – sigma-shaped badges used as end-pieces

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамзон М.Г., Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. Золотые индикации из позднеантичного склепа Фанагории // *Hesperis. Труды отдела классической археологии ИА РАН. Т. 2 / Ред. В.Д. Кузнецов. М.: ИА РАН, 2020. С. 27–36.*
2. Айбабин А.И. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 году // *МАИЭТ. 1994. Вып. IV. С. 89–131.*
3. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
4. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // *МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 274–311.*
5. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Том. 1. Раскопки 1977, 1982–1984 годов. Киев: Адеф-Украина, 2008. 336 с.
6. Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М.: Палеограф, 2001. 385 с.
7. Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. Население Фанагории по материалам позднеантичного некрополя // *Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные: материалы международной научной конференции / Ред. А.В. Мастыкова. М., 2015. С. 16–19.*
8. Ворошилова А.Н., Ворошилова О.М. Позднеантичное захоронение с погребальным ремненным гарнитуром из Фанагории // *ПИФК. 2018. № 3. С. 125–142.*
9. Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. Тайник в позднеантичном склепе Фанагории (предварительная публикация) // *КСИА. 2019. Вып. 257. С. 174–181.*
10. Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. Позднеантичный склеп из кургана на южном некрополе Фанагории // *КСИА. 2021. Вып. 262. С. 283–294.*
11. Ворошилова О.М. Об имитациях деталей ремненной гарнитуры из некрополя Фанагории // *Боспорский феномен: население, языки, контакты. СПб., 2011. С. 321–324.*
12. Ворошилова О.М. Позднеантичное погребение с монетами из некрополя Фанагории // *ПИФК. 2011. № 4. С. 137–145.*
13. Ворошилова О.М. Склеп позднеантичного времени из раскопок Фанагории в 2011 году // *Stratum plus. 2013. № 4. С. 123–131.*
14. Ворошилова О. М. Двухкамерный склеп 170 из Фанагории // *ПИФК. 2019. № 4. С. 145–162.*
15. Засецкая И.П. Материалы боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. // *МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 23–105.*
16. Марченко И.Д. Раскопки Восточного некрополя Фанагории в 1950–1951 гг. // *МИА. 1956. № 57. С. 102–127.*
17. Маслов В.Е., Державин В.Л. Богатое погребение эпохи Великого переселения народов из Северного Дагестана // *Stratum plus. 2018. № 4. С. 333–346.*
18. Мастыкова А.В. Женский костюм центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI вв. н.э. М.: ИА РАН, 2009. 502 с.
19. Мастыкова А.В. «Княжеский» костюм с золотыми аппликациями в эпоху Великого переселения народов // *КСИА. 2014. Вып. 232. С. 136–150.*
20. Мастыкова А.В. Золотые аппликации и трубочки-пронижи в престижном женском костюме в гуннское время // *Археологическое наследие. 2021. Вып. 1. С. 146–159.*
21. Мастыкова А.В. Золотые ожерелья с удлиненными подвесками эпохи Великого переселения народов и их средиземноморско-понтийские истоки // *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XIII Международная Византийский Семинар / Ред. Н.А. Алексеев. Симферополь: Ариал, 2021. С. 191–200.*
22. Мастыкова А.В., Казанский М.М. О происхождении «княжеского» женского костюма варваров гуннского времени (горизонт Унтерзибенбрунн) // *II Городцовские чтения. Труды ГИМ. М., 2005. Вып. 145. С. 253–268.*
23. Медведев А.П. Позднеантичный некрополь Фанагории 4–5 вв. (раскопки 2005 г.) // *Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 1 / Ред. В.Д. Кузнецов. М.: ИА РАН, 2013. С. 330–402. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 1).*

24. Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Неневоля И.И. Новые памятники III–IV вв. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 32–50.
25. Сапрыкина И.А. Техника изготовления золотых изделий из Фанагории // Золото Фанагории / Ред. М.Ю. Трейстер. М.: ИА РАН, 2015. С. 208–265. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 2).
26. Хайрединова Э.А. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма V–VII вв. // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 53–118.
27. Хайрединова Э.А. О реконструкции женского костюма варваров Юго-Западного Крыма в V – первой половине VI вв. // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 585–601.
28. Хайрединова Э.А. Некоторые аспекты истории изучения женского костюма крымских готов // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь, 2016. С. 517–525.
29. Шавырина Т.Г., Ворошилова О.М. Исследования Западного некрополя Фанагории (по материалам раскопок 1987–2000 гг.) // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 1 / Ред. В.Д. Кузнецов. М.: ИА РАН, 2013. С. 415–481. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 1).
30. Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Восточная литература, 2006. 664 с.

REFERENCES

1. Abramzon M.G., Voroshilov A.N., Voroshilova O.M. Gold danakes from late antique tomb in Phanagoria. Kuznetsov V.D. (ed.), *Hypanis. Trudy otдела klassicheskoi arkheologii IA RAN* [Hypanis. Proceedings of the Department of classical archeology of the Institute of Archeology RAS], vol. 2, Moscow, IA RAS Publ., 2020, pp. 27–36.
2. Aibabin A.I. Excavation of the cemetery near Druzhnoe village in 1984. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 1995, vol. 4, pp. 89–131.
3. Aibabin A.I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma* [Ethnic history of the early Byzantine Crimea]. Simferopol, Dar Publ., 1999, 352 s.
4. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Early complexes of the cemetery near the village of Luchistoe in Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 1998, vol. 6, pp. 274–311.
5. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. 1. Raskopki 1977, 1982–1984 godov* [Cemetery near the village of Luchistoe. Vol. 1. Excavations 1977, 1982–1984]. Kiev, Adef-Ukraine Publ., 2008, 336 p.
6. Arsen'eva T.M., Bezuglov S.I., Tolochko I.V. *Nekropol' Tanaisa. Raskopki 1981–1995 gg.* [Necropolis of Tanais. Excavations 1981–1995]. Moscow, Paleograf Publ., 2001, 385 p.
7. Voroshilov A.N., Voroshilova O.M. The population of Phanagoria based on the materials of the late antique necropolis. Mastykova A.V. (ed.), *Sotsial'naiia stratifikatsiia naseleniia Kavkaza v kontse antichnosti i nachale srednevekov'ia: arkheologicheskie dannye. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Social stratification of the population of the Caucasus at the end of Antiquity and the beginning of the Middle Ages: archaeological evidence. Materials of the international scientific conference], Moscow, 2015, pp. 16–19.
8. Voroshilov A.N., Voroshilova O.M. *A Late Antique burial with a funeral belt set in the necropolis of Phanagoria. Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies], 2018, No. 3, pp. 125–142.
9. Voroshilov A.N., Voroshilova O.M. The cache in a Late Classical vault in Phanagoria. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief communications of the Institute of Archaeology], 2019, vol. 257, pp. 174–181.

10. Voroshilov A.N., Voroshilova O.M. The late antiquity vault from the kurgan in the southern necropolis in Phanagoria. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief communications of the Institute of Archaeology], 2021, vol. 262, pp. 283–294.
11. Voroshilova O.M. On imitations of parts of a belt set from Phanagoria necropolis. *Bosporskii fenomen: naselenie, iazyki, kontakty* [Bosporan phenomenon: population, languages, contacts], St.-Petersburg, 2011, pp. 321–324.
12. Voroshilova O.M. Late ancient time burial with coins from Phanagoria necropolis. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies], 2011, No. 4, pp. 137–145.
13. Voroshilova O.M. Late-antiquity vault from excavations in Phanagoria in 2011. *Stratum plus*, 2013, no. 4, pp. 123–131.
14. Voroshilova O.M. Two-chamber crypt 170 in Phanagoria. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies], 2019, no. 4, pp. 145–162.
15. Zasetskaia I.P. Materials from Bosphorus nekropolis of the second half of the 4th – the first half of the 5th centuries AD. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 1993, vol. 3, pp. 23–105.
16. Marchenko I.D. Excavations of the Eastern necropolis of Phanagoria in 1950–1951. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* [Materials and research on archaeology of the USSR], 1956, no. 57, pp. 102–127.
17. Maslov V.E., Derzhavin V.L. A rich burial of the Great Migration Period from Northern Dagestan. *Stratum plus*, 2018, no. 4, pp. 333–346.
18. Mastykova A.V. *Zhenskii kostium Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ia v kontse IV – seredine VI vv. n.e.* [Female costume of the Central and Western Ciscaucasia in the late 4th – mid 6th centuries AD]. Moscow, IA RAS Publ., 2009, 502 p.
19. Mastykova A.V. “Princely” costume with gold appliques the Period of the Great Migration. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief communications of the Institute of Archaeology], 2014, vol. 232, pp. 136–150.
20. Mastykova A.V. Gold appliqués and string-beads in a prestigious women's costume in the Hunnic time. *Arkheologicheskoe nasledie* [Archaeological heritage], 2021, vol. 1, pp. 146–159.
21. Mastykova A.V. Gold necklaces with elongated pendants from the Great Migration Period and their mediterranean-pontic origins. Alekseenko N.A. (ed.), *XIII mezhdunarodnyi vizantiiskii seminar “ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis”* [13th international Byzantine workshop “Chersonos Themata: the empire and the polis”], Simferopol, Arial Publ., 2021, pp. 191–200.
22. Mastykova A.V., Kazanskii M.M. About the origin of the “princely” female costume of the barbarians of the Hunnic period (Untersibenbrunn horizon). *II Gorodtsovskie chteniia. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia* [2nd Gorodtsov Readings. Works of the State Historical Museum], Moscow, 2005, vol. 145, pp. 253–268.
23. Medvedev A.P. Late antique necropolis of Phanagoria, 4th–5th centuries (excavations 2005). Kuznetsov V.D. (ed.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii. Vyp. 1* [Materials on archeology and history of Phanagoria. Vol. 1], Moscow, IA RAS Publ., 2013, pp. 330–402.
24. Puzdrovskii A.E., Zaitsev Iu.P., Nenevolia I.I. New monuments of the 3rd-4th centuries in the South-western Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2001, vol. 8, pp. 32–50.
25. Saprykina I.A. The technique of making gold items from Phanagoria. Treister M.Iu. (ed.), *Zoloto Fanagorii* [Fanagoria's gold], Moscow, IA RAS Publ., 2015, pp. 208–265.
26. Khairedinova E.A. Female costume of the Barbarians in the South-Western Crimea in the 5th – the first half of the 6th centuries. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2002, vol. 9, pp. 53–118.
27. Khairedinova E.A. On the reconstruction of a woman’s costume of barbarians from the South-Western Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2006, vol. 12, pp. 585–601.

28. Khairedinova E.A. Some aspects of the history of studying the female costume of the Crimean Goths. Zin'ko V.N., Zin'ko E.A. (eds.), *XVII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Issledovateli i issledovaniia* [17th Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and the world of barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Researchers and research], Kerch, 2016, pp. 517–525.
29. Shavygina T.G., Voroshilova O.M. Research of the Western necropolis of Phanagoria (based on excavations from 1987–2000). Kuznetsov V.D. (ed.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii. Vyp. 1* [Materials on archeology and history of Phanagoria. Vol. 1], Moscow, IA RAS Publ., 2013, pp. 415–481.
30. Iatsenko S.A. *Kostium drevnei Evrazii (iranoiazychnye narody)* [Costume of Ancient Eurasia (Iranian-speaking peoples)]. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2006, 664 p.

Информация об авторах

Ворошилова О. М. – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН, Researcher ID: J-2220-2018.

Ворошилов А. Н. – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела научной информации и подготовки публикаций Института археологии РАН, Researcher ID: F-9140-2017.

Authors information

Voroshilova O. M. – Candidate of Science (History), Researcher of the Department of Classical Archaeology of the Institute of Archaeology RAS, Researcher ID: J-2220-2018.

Voroshilov A. N. – Candidate of Science (History), Researcher of the Scientific Information and Publications Department of the Institute of Archaeology RAS, Researcher ID: F-9140-2017.

DOI: <https://doi.org/10.37279/2413-189X.2021.26.57-70>

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПРЕСТИЖНОГО КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ С ДЕКОРОМ В СТИЛЕ ПЕРЕГОРОДЧАТОЙ ИНКРУСТАЦИИ В ПОСТГУННСКОЕ ВРЕМЯ (Восточная Европа, Подунавье и евразийские степи)

Михаил Михайлович Казанский

*Национальный центр научных исследований (CNRS), Париж, Франция
michel.kazanski53@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0306-0936>*

Аннотация. Элементы престижного конского снаряжения ранневизантийского происхождения, украшенные декором в стиле перегородчатой инкрустации, уже довольно давно выявлены у степных кочевников постгуннского времени (т.н. шиповский горизонт – вторая треть V – вторая треть VI в.), а также и у оседлых варваров в Восточной и Центральной Европе. К числу таких находок надо отнести дисковидные бляхи-накладки, прямоугольные наконечники ремней, удила с зооморфными изображениями. Сейчас трудно говорить о конкретных механизмах распространения престижных ранневизантийских вещей в Барбарикуме в постгуннское время. Представляется, что помимо обычной военной добычи, эти предметы могли входить в состав дипломатических даров. В письменных источниках засвидетельствованы конкретные случаи дарения варварским вождям предметов конского убора (седла). Эти вещи вместе с оружием могли быть также получены в результате символической инвеституры союзников Империи от имени императора. Менее вероятной представляется гипотеза изготовления вещей в стиле перегородчатой инкрустации непосредственно в Барбарикуме, хотя сам по себе факт присутствия там мастеров, в том числе владеющих техникой константинопольской ювелирной «школы», вполне вероятен. Однако следует помнить, что техника распила и обработки драгоценных камней отличается особой сложностью и ею владело очень ограниченное количество мастеров. Именно поэтому подавляющее большинство варварских украшений гуннского и постгуннского времени несет камни вторичного использования, чего не скажешь про изделия из таких степных находок как Морской Чулек, Былым–Кудинетово, Ялпуг или Алтынказган. Скорее, все же это продукция средиземноморских мастерских.

Ключевые слова: конское снаряжение, постгуннское время, перегородчатая инкрустация, Восточная Европа, Подунавье, евразийские степи

EARLY BYZANTINE ELEMENTS OF THE PRESTIGIOUS HORSE HARNESS WITH CLOISONNÉ INLAID DECORATION IN THE POST-HUNNIC PERIOD (Eastern Europe, Danube Area, and Eurasian Steppes)

Michel M. Kazanski

National Centre for Scientific Research (CNRS), Paris, France

© Казанский М.М., 2021

Abstract. The elements of prestigious horse harness of the Early Byzantine origin, decorated with cloisonné inlay style, have long been identified among the steppe nomads of the Post-Hunnic Period (the so-called Shipovo horizon from the second third of the fifth to the second third of the sixth centuries), as well as among the sedentary barbarians in Eastern and Central Europe. These finds include disc-shaped badges or plaques or appliques, rectangular belt-ends, and horse bits with zoomorphic images. Now it is difficult to infer specific mechanisms for the distribution of prestigious Early Byzantine artefacts in the Barbaricum in the Post-Hunnic Period. It looks like that apart from the usual military trophies these items could have been included in diplomatic gifts. Written sources testify to specific cases of donation of horse accessories (saddles) to barbarian leaders. Along with weapons, these artefacts could also be obtained as a result of a symbolic investment of the Empire's allies on behalf of the emperor. The hypothesis of making the artefacts in the cloisonné inlay style directly in the Barbaricum seems less probable, though the presence there of craftsmen including those who knew the technique of the Constantinople jewellery "school" is quite possible. However, it should be remembered that the technique of sawing and processing precious stones was particularly complex and was owned by a very limited number of craftsmen. Therefore, the overwhelming majority of barbarian jewellery pieces from the Hunnic and Post-Hunnic Periods used the secondary-used stones, in contrast to the case of the finds in steppe, like those from Morskoi Chulek, Bylym-Kudinetovo, Ialbug, or Altynkazgan. Rather, the latter were made in the Mediterranean workshops.

Keywords: horse harness, Post-Hunnic Period, cloisonné inlaid decoration, Eastern Europe, Danube, Eurasian steppes

Элементы престижного конского снаряжения ранневизантийского происхождения, украшенные декором в стиле перегородчатой инкрустации, уже довольно давно выявлены у степных кочевников постгуннского времени (т.н. шиповский горизонт – вторая треть V – вторая треть VI в.) [об этих памятниках подробнее см.: 10]¹, а также у варваров в Центральной Европе и Подунавье [11, там же библиография]. Работы последних лет показали, что эти предметы конского снаряжения в стиле *cloisonné* в интересующее нас время известны и в азиатских степях, в частности на Мангышлаке, а также на южной окраине лесной зоны Восточной Европы, на Днепровском Левобережье. В статье будет предпринята попытка обобщить сведения об этих находках.

Дисковидные накладные бляхи

Дисковидные аппликации, часто умбоновидной формы, вся поверхность которых покрыта перегородчатыми инкрустациями, явно произведенные в византийских мастерских, пожалуй, лучше всего представлены среди постгуннских предметов конского убора в стиле *cloisonné* [подробнее: 11]. Они известны в ритуальных комплексах Алтынказгана на Мангышлаке (рис. 1, 1–7) [2, рис. 13,7; 15,12,16–18], в погребении 2 гунно-болгарского (видимо, оногурского) могильника Морской Чулек, близ устья Дона (рис. 1, 8–11) [6, с. 60–75], а также в составе клада на территории совр. Глуховского района Сумской области (рис. 1, 21, 22), т.е. в зоне раннеславянской культуры Колочин [8, с. 89, рис. 13,7]. В состав данной находки входили элементы конского снаряжения – удила и ременная гарнитура, в том числе пряжки,

¹ О хронологии постгуннских древностей см.: [12; 13, с. 80–88; 9].

в частности цельнолитые с вытянуто-треугольным щитком, инкрустированные накладки, полусферические неорнаментированные накладки, «солярные» накладки с орнаментом из птичьих голов по краю², подвески, ременные наконечники [8, рис. 13]. Композиция, аналогичная узору на умбовидной части круглых блях конских наборов из Морского Чулека, украшает золотую бляшку, также, скорее всего, от конского убора, из находки (курган 14?) 1886 г. близ с. Былым (Кудинетово) на территории совр. Кабардино-Балкарии, о которой еще пойдет речь ниже (рис. 1,17) [15, с. 156; 18, с. 143, рис. 173; 28, р. 39]. В постгуннском степном погребении Ялпуг близ устья Дуная также имеются умбовидные накладки с инкрустированным декором [31, fig. 1], вероятно, принадлежавшие конской сбруе (рис. 1,18,19). Инкрустированные вещи из Ялпуга, несомненно, являются продукцией византийских мастерских [подробнее см.: 31, р. 170]. Дисковидные бляхи конского убора V в., декорированные перегородчатой инкрустацией, происходят с Тамани (рис. 1,20,24) [37, S. 44, Abb. 10]. В Восточной Европе известны случаи, когда украшением конской упряжи служили вторично использованные дисковидные фибулы с инкрустированным декором, как, например, бляха из Комунты, в Северной Осетии (рис. 1,14) [6, с. 67, 68, рис. 23,10].

Дисковидные инкрустированные фалары происходят из погребения 2 гепидского могильника Апахиды (Apathida), в Трансильвании (рис. 1,12,13) [30, Taf. 63, 65, 66]. Это погребение относится к периоду D3 по хронологии европейского Барбарикума (450–480/490 гг.), на основании сопоставления его с древностями из могилы франкского короля Хильдерика, захороненного в 481–482 гг., обнаруженной в бельгийском г. Турнэ [последняя публикация: 25]. Тождество дисковидных накладок из Апахиды и Морского Чулека позволяет рассматривать их как продукцию одного центра производства. Общий облик изделий, технология изготовления, характер инкрустации могут указывать на их византийское происхождение [подробнее: 6, с. 62–66]. Б. Аррениус в своей фундаментальной работе о меровингских украшениях, выполненных в технике перегородчатой инкрустации, выделяет группу предметов со вставками, укрепленными на цементе, в том числе вещи из Апахиды 2 и могилы Хильдерика, которые она относит к продукции ювелирных мастерских Константинополя. Спецификой этих мастерских было использование цемента на основе гипса [24, р. 100–113]. Однако не исключено, что могли существовать и другие средиземноморские мастерские, в которых изготавливались вещи с перегородчатой инкрустацией на “цементе”, например, в Равенне или при везиготском дворе [34, р. 160]. Как уже неоднократно отмечалось, также близка фаларам из Апахиды 2 и Морского Чулека фибула-брошь, изготовленная из позолоченной бронзы и инкрустированная гранатами, найденная в погребении 18 нормандского некрополя Френувилль (Frenouville) (рис. 1,16) и сделанная из конской накладки раннемеровингского времени [34, р. 181]³.

² Эти накладки [8, рис. 7,37–40] напоминают находку из Верхней Рутхи [1, рис. 57,3].

³ Впервые это изделие как конский фалар идентифицировала И. П. Засецкая в 1996 г. во время визита в Музей Нормандии в г. Кан (деп. Кальвадос).

На южном пограничье позднеримской / ранневизантийской цивилизации дисковидные инкрустированные аппликации были найдены в «княжеской» могиле 3 нубийского некрополя Баллана (Ballana), где они украшают луку седла (рис. 1,28) [39, рl. 94,286]. Средиземноморское происхождение накладок, а также их дата в пределах конца V – начала VI в. установлены благодаря итало-острэготским и меровингским параллелям [40; 34, р. 181, fig. 16,5,6]. Дискovidные инкрустированные бляхи конского убора найдены также в «вождеском» погребении 1782 на меровингском могильнике Крефельд-Геллеп (Krefeld-Gellep), на Рейне (рис. 1,15). Погребение относится к 520–540 гг. [26, Abb. V.4.8; 37, Abb. 18,1]. Как предполагает Б. Аррениус, эти бляхи могли быть средиземноморского, а точнее даже византийского происхождения (доклад Б. Аррениус на Саксонском симпозиуме в г. Кан в 1988 г., не опубликован).

Дискovidные накладки конской сбруи можно найти на ранневизантийских изображениях, например, на знаменитой чаше из Гордиковского склепа в Керчи или на мозаиках на «Вилле амазонок» в Эдессе – там округлые бляхи украшают оголовье коня (рис. 2,1,2)⁴. Собственно на территории Византии инкрустированные дискovidные накладки конского убора также известны в Восточном Средиземноморье, в Ниццане (Nizzana), в Хомсе (Homs) в Ливане (рис. 1,23,25,27) [37, S. 43, 44, Abb. 5,1,2; 15,1]. Кстати, очень похожи на конские фалары и довольно многочисленные средиземноморские дискovidные фибулы с декором в стиле перегородчатой инкрустации [см., напр.: 36, Abb. 4,3,6; 9–10]. Стоит отметить и навершия некоторых ранневизантийских мечей, напоминающие по форме и декору умбоновидные накладки интересующей нас конской сбруи [4, табл. 29,135].

Для дискovidных блях конского убора возможны не только средиземноморские, но и сасанидские параллели. Так, округлые бляхи видны на ременных гарнитурах шахских коней с сасанидских блюд [19, кат. № 3, 9, фото 8, 9, 19; 38, fig. 82, kat. 52, 61], в том числе на оголовьях [19, кат. № 17, фото 35; 38, fig. 94, kat. 50, 53, 54, 56] (рис. 2,3–5). Правда, пока сасанидские изделия с декором в стиле перегородчатой инкрустации известны недостаточно, а в качестве конской сбруи предположительно идентифицированы только накладные диски без инкрустаций, с орнитоморфным штампованным декором [38, kat. 46, 47], что заставляет воздержаться от каких-либо заключений относительно сасанидских параллелей.

Прямоугольные ременные наконечники

Еще один элемент конской сбруи, который может быть связан с ранневизантийской / средиземноморской традицией, это прямоугольные наконечники ремней с горизонтальным валиком на конце, также украшенные в стиле перегородчатой инкрустации, происходящие из Алтынказгана (рис. 3,6,7) [2, рис. 15,7–11]. Такие наконечники в степи появляются уже в позднесарматское время, например, в находке из Муслуново

⁴ Здесь не упомянуты небольшие дискovidные бляхи с инкрустацией из «вождеских» погребений Варникам (Warnikam) – Первомайское в Восточной Пруссии и Брут в Северной Осетии [37, Abb. 16,1; 17,1], поскольку они отличаются по характеру декора и общей морфологии.

на Урале (рис. 3,1) [5, табл. 43,4], относящейся, на мой взгляд, ко второй половине IV в. [подробнее: 7, с. 243]. Известны они в степном регионе и в гуннское время, например, в погребении Федоровка на Волге (рис. 3,2) [5, табл. 34,11]. Также к гуннскому времени относятся инкрустированные наконечники из боспорских склепов эпохи Великого переселения народов: Керчь, два склепа, разграбленные 24.06.1904 г., и склеп 175.1904 г. – «первичное захоронение» (рис. 3,3–5) [4, табл. 28,128; 57,322]. Наконеч, алтынказганские предметы могут быть сопоставлены с наконечниками из могил в Турнэ (рис. 3,9) [23, Abb. 1] и Апахиде (рис. 3,8) [30, Taf. 63,10–12,30]. Кстати, далеко не все эти наконечники могут принадлежать конской сбруе, они могут входить и в состав поясной гарнитуры.

Пятиугольные сбруйные накладки

В состав убора конской сбруи из погребения 2 Морского Чулека входят и инкрустированные пятиугольные бляхи (рис. 3,10) [6, с. 74, 75, табл. 7,1–5], близкой аналогией которым является пятиугольная накладка из византийской крепости VI в. Бреговина, в Южной Сербии (рис. 3,11). Она происходит не из закрытого комплекса, однако ее нахождение подтверждает гипотезу о византийском происхождении гарнитуры из Морского Чулека. Арочный декор на чулекских пятиугольных накладках близок орнаменту гард мечей второй половины V в. из Дмитриевки и Дюрсо, он более архаичен, чем орнамент накладки из Бреговины [подробнее см.: 9, с. 107, 108, там же библиография].

Удила с перегородчатой инкрустацией и зооморфным декором

Среди элементов конского убора, украшенных перегородчатой инкрустацией, выделяются два предмета. Это, во-первых, стержневые псалии с птичьей головкой из уже упоминавшейся находки постгуннского времени в Былым–Кудинетово, украшенные вставками камней, заканчивающиеся широкой лопастью (рис. 4,1). Псалии с птичьими головками в эпоху Великого переселения народов характерны, в первую очередь, для Восточной Европы (рис. 4,2,3), где представлены и изделия с широкой лопастью, как в Былым–Кудинетово. Реже удила с птичьими головками попадают в Западную и Северную Европу [из последних работ: 3; 32, там же библиография]. Псалии из Былым–Кудинетова, вне всякого сомнения, были изготовлены в одной из средиземноморских мастерских. Действительно, характер обработки камней в виде валика на псалиях напоминает гранаты на «императорской» фибуле из Ребрин (Rebrin / Nagymihaly), в Словакии, римское происхождение которой общепризнано, или же декор средиземноморской пряжки в Ля Кай (La Calle), в Тунисе [33, p. 539, 540; 34, p. 176]. Декор края псалий в виде мелких шариков также типичен для средиземноморских предметов в стиле перегородчатой инкрустации [ср., напр.: 24, fig. 116, 125, 217]. Как известно, изображения орлов и орлиных голов широко распространены в позднеримской и ранневизантийской иконографии, в частности на оружии, конском снаряжении, личном уборе, знаковых предметах, таких как консульские жезлы, знамена и пр. [6, с. 62, там же библиография]. Несомненно, речь идет об одном из проявлений хорошо известного феномена *d'imitatio imperii*.

Надо упомянуть и удила с зооморфными скобами для зажимов поводий из Ялпуга (см. выше) (рис. 4,4). Реалистичность изображения хищных зверей (львов?)

указывает, на мой взгляд, на средиземноморское происхождение этих удил. Эти скобы являются предшественниками В-образных скоб, хорошо известных на удилах V–VI вв. из таких памятников, как уже упоминавшиеся Апахида, Былым–Кудинетово, а также Нейзац в Крыму, Кустул (Qustul) в Нубии, Сарды (Sardis) в Малой Азии, Деерсхайм (Deersheim), Альдинген (Aldingen), Плейдельсхайм (Pleidelsheim), Либенау (Liebenau) в Германии [20, с. 205, 206, там же библиография].

Сейчас трудно говорить о конкретных механизмах распространения престижных ранневизантийских вещей в евразийском Барбарикуме в постгуннское время. Это могла быть военная добыча или же покупки и подарки. О покупке аварами оружия в Константинополе сообщает Менандр: «Посланники аварские ... получили от царя обычные подарки, купили всё для себя необходимое, между прочим и оружие, и были отпущены» [Менандр Византиец, отрывок 9, перевод цит. по: 14, с. 239]. Помимо официальных закупок, наверняка существовала и тайная торговля оружием с кочевниками, как это было, например, в империи Тан [21, с. 342].

Другим честным способом приобретения варварами престижных византийских вещей были богатые дипломатические дары, которые получали степные властители от константинопольских посланников [см. подробнее: 6, с. 92–95]. Для находок из Морского Чулека это подтверждается и присутствием в погребении 2 массивных золотых браслетов с расширенными концами, с латинской весовой надписью [6, с. 48–60]. Также известно, что аварские послы, прибывшие к Юстиниану, получили от него, в числе подарков, седла. Скорее всего, речь идет о богато украшенных изделиях, которые здесь называются в одном ряду с золотыми поясами [Иоанн Эфесский, Церковная история, кн. 6, гл. 24; цит. по: 16, с. 558]. Эти предметы могли быть получены и в результате символической инвеституры союзников Империи от имени императора. Так, по Прокопию Кесарийскому, оружие и доспехи вручались византийскими императорами, в частности при Юстиниане, при инвеституре варварских вождей [17, Война с персами, I.9.22; см.: 6, с. 96].

Менее вероятной представляется гипотеза изготовления вещей в стиле пергородчатой инкрустации непосредственно в Барбарикуме, хотя сам по себе факт присутствия там мастеров, в том числе владеющих техникой константинопольской ювелирной «школы», вполне вероятен. Ювелиры работали при королевских дворах, в частности при дворе короля ругов, как об этом рассказывает «Житие Святого Северина» [27, Vie de Saint Séverin, 8,3]. Однако следует помнить, что техника распила и обработки драгоценных камней [24, р. 43–76; 22, р. 38, 39] отличается особой сложностью и ею владело очень ограниченное количество мастеров. Именно поэтому подавляющее большинство варварских украшений гуннского и постгуннского времени несет камни вторичного использования, чего не скажешь про изделия из Морского Чулека, Былым–Кудинетово, Ялпуга или Алтынказгана. Скорее, все же это продукция средиземноморских мастерских.

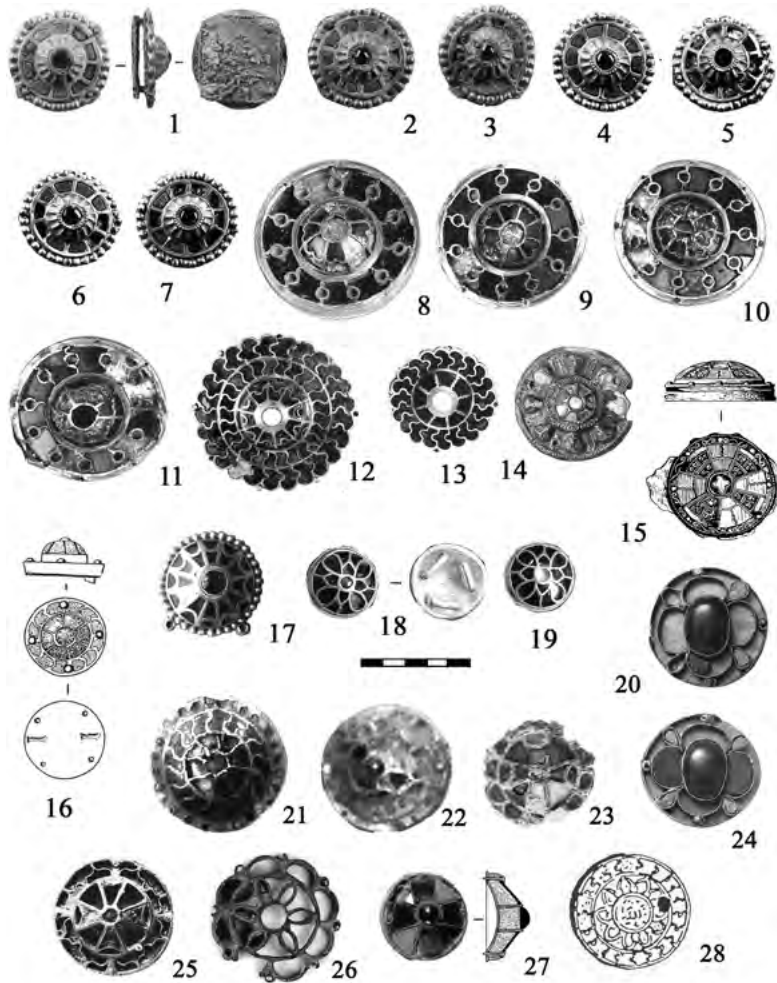

Рис. 1. Дисковидные накладки

1–3 – Алтынказган, ритуальное захоронение в ограде 158 («клад» № 3); 4–7 – Алтынказган, находка у стеновидной кладки объекта 82 («клад» № 5); 8–11 – Морской Чулек, погр. 2; 12, 13 – Апахида, погр. 2; 14 – Комунта; 15 – Крэфельд-Геллеп, погр. 1782; 16 – Френувиль, погр. 18; 17 – Былым-Кудинетово, курган 14; 18, 19 – Ялпуг; 20, 24 – Тамань; 21, 22 – Глуховский район Сумской области; 23 – Нищана; 25 – Хомс; 26 – коллекция Дьергардта; 27 – Ливан; 28 – Баллана

Fig. 1. Disk-shaped appliques

1–3 – Altynkazgan, ritual burial within fence 158 (“hoard” no. 3); 4–7 – Altynkazgan, a find at the wall-shaped stonework of the site 82 (“hoard” no. 5); 8–11 – Morskoi Chulek, grave 2; 12, 13 – Apahida, grave 2; 14 – Komunta; 15 – Krefeld-Gellep, grave 1782; 16 – Frénouville, grave 18; 17 – Bylym-Kudinetovo, barrow 14; 18, 19 – Ialpug; 20, 24 – Taman; 21, 22 – Hlukhivs’kyi district of the Sumy oblast; 23 – Nizzana; 25 – Homs; 26 – Diergardt’s collection; 27 – Lebanon; 28 – Ballana

1–7 – [after: 2, fig. 13.7,8; 15.12–16]; 8–14, 16, 28 – [after: 6, fig. 21.3,4; 23.4,10; 25.5, pl. 4,5]; 15 – [after: 35, fig. 15]; 17 – State Hermitage Museum; photo: A.V. Mastykova; 18, 19 – [after: 31, fig. 1]; 20, 24 – [after: 37, Abb. 10.1,2]; 21, 22 – [after: 8, fig. 7.22,23]; 23, 25, 26 – [after: 37, Abb. 5.1–3]; 27 – [after: 37, Abb. 15.1]. 12–17, 20–28 – not to scale

Рис. 2. Изображения дисковидных блях в конском уборе

1 – Керчь, блюдо из Гордиковского склепа; 2 – Урфа (Эдесса), «Вилла амазонок»;

3 – сасанидский ритон в форме коня; 4 – Стрелка (Прикамье), сасанидское блюдо;

5 – сасанидское блюдо с изображением Хосрова I

1 – [по: 29, fig. 347]; 2 – фото Mick Palarczyk (<https://www.pinterest.ru/pin/572660908871463004/>);

3–5 – [по: 38, fig. 94, kat. 52, 61]

Fig. 2. Images of disc-shaped badges of horse-harness

1 – Kerch, a dish from Керчь, a dish from the Gordikov burial vault; 2 – Urfa (Edessa), “Villa of the

Amazons”; 3 – horse-shaped Sasanian drinking horn; 4 – Strelka (Kama area), Sasanian dish;

5 – Sasanian dish featuring the image of Khosrow I

1 – [after: 29, fig. 347]; 2 – photo: Mick Palarczyk (<https://www.pinterest.ru/pin/572660908871463004/>);

3–5 – [after: 38, fig. 94, cat. 52, 61]

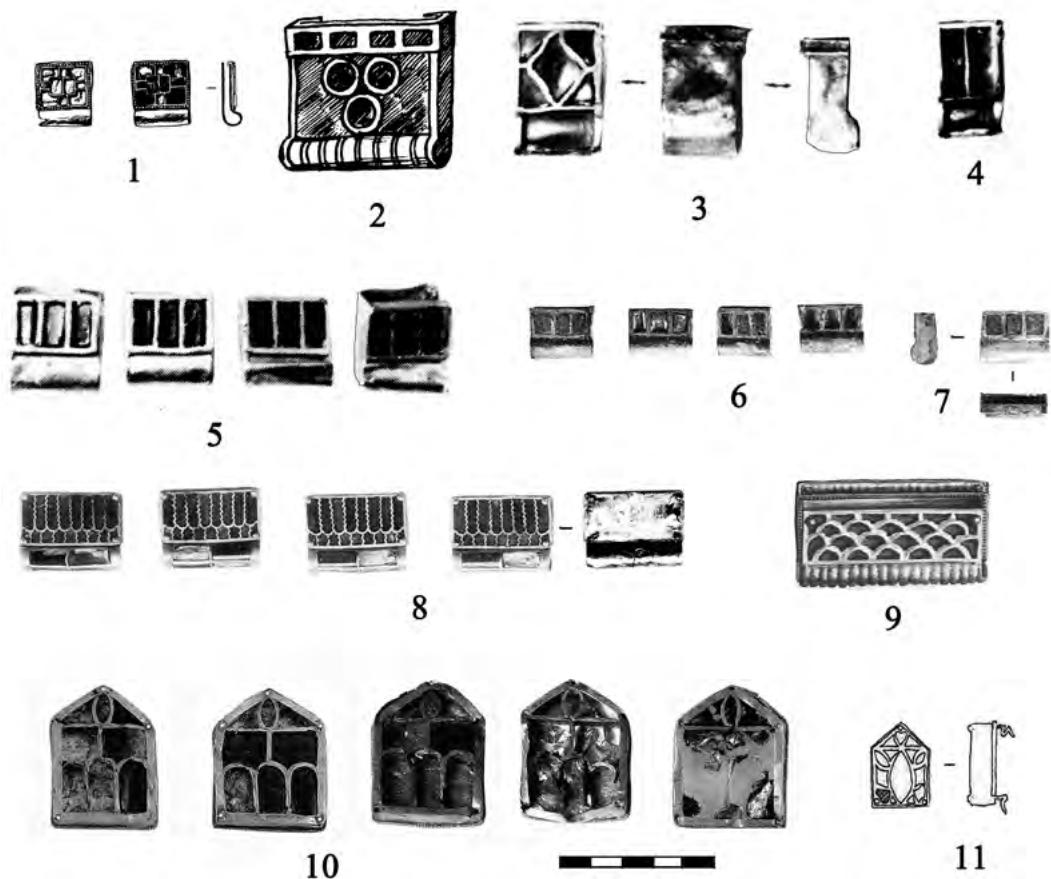

Рис. 3. Прямоугольные наконечники ремней и пятиугольные накладки

1 – Муслимово; 2 – Федоровка; 3, 4 – Керчь, два склепа, разграбленные 24.06.1904 г.; 5 – Керчь, склеп 175.1904 г.; 6, 7 – Алтынказган, находка у стеновидной кладки объекта 82 («клад» № 5); 8 – Апахида, погр. 2; 9 – Турнэ, погребение Хильдерика; 10 – Морской Чулек, погр. 2; 11 – Бреговина 1 – [по: 5, табл. 43,4]; 2 – [по: 5, табл. 34,11]; 3, 4 – [по: 4, табл. 28,128]; 5 – [по: 4, табл. 57,322]; 6, 7 – [по: 2, рис. 15,7–11]; 8 – [по: 30, Taf. 63,10–12,30]; 9 – [по: 23, Abb. 1]; 10 – [по: 6, табл. 7,1–5]; 11 – [по: 9, рис. 3,22]. 3–5, 7 – без масштаба

Fig. 3. Rectangular strap-ends and pentagonal overlays

1 – Musliumovo; 2 – Fedorovka; 3, 4 – Kerch, two burial vaults plundered on 24.06.1904; 5 – Kerch, burial vault 175 of the year 1904; 6, 7 – Altynkazgan, the find at the wall-shaped stonework of the site 82 (“hoard” no. 5); 8 – Apahida, grave 2; 9 – Tournai. Childeric’s grave; 10 – Morskoj Chulek, grave 2; 11 – Bregovina 1 – [after: 5, pl. 43.4]; 2 – [after: 5, pl. 34.11]; 3, 4 – [after: 4, pl. 28.128]; 5 – [after: 4, табл. 57.322]; 6, 7 – [after: 2, fig. 15.7–11]; 8 – [after: 30, Taf. 63.10–12,30]; 9 – [after: 23, Abb. 1]; 10 – [after: 6, pl. 7.1–5]; 11 – [after: 9, fig. 3.22]. 3–5, 7 – not to scale

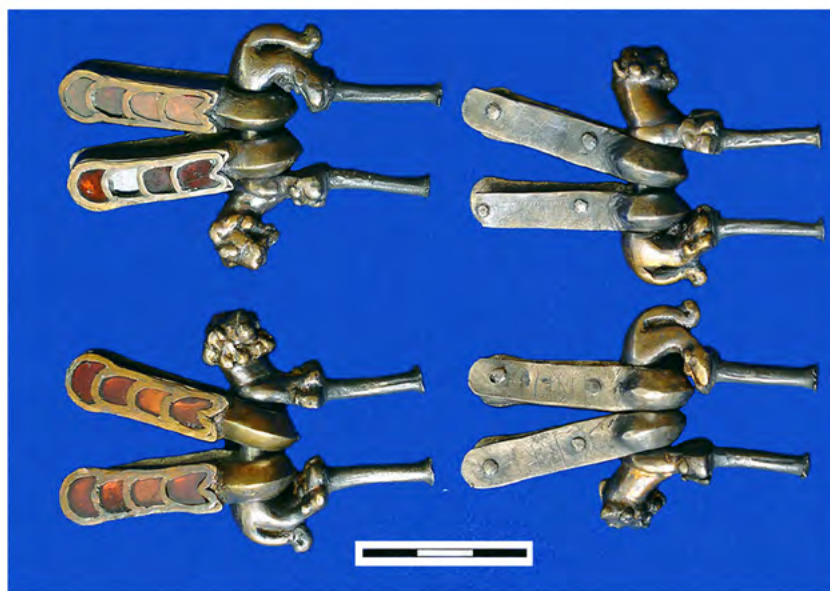
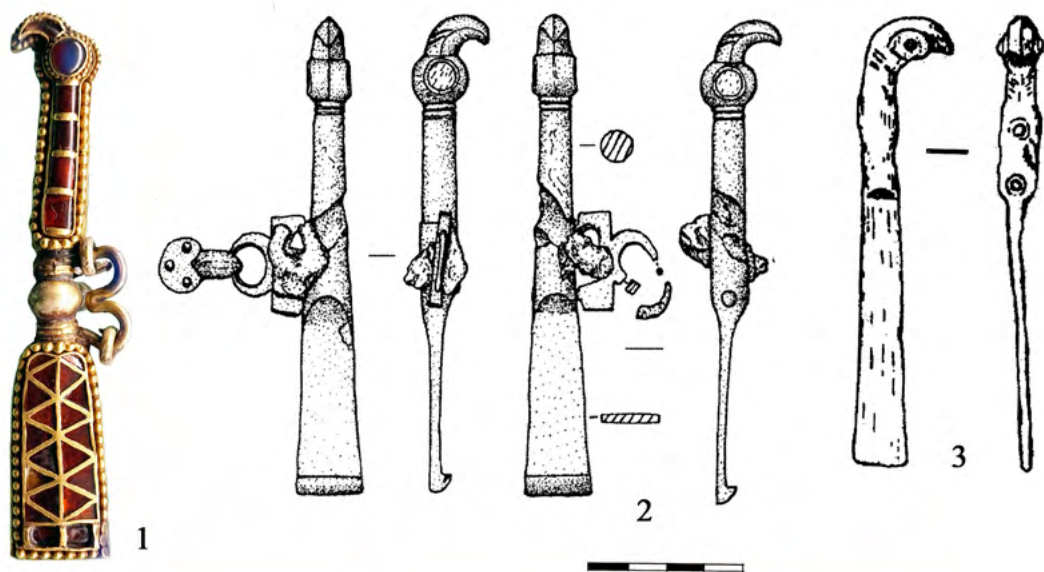

Рис. 4. Удила из Былым–Кудинетово, некоторые их аналогии и удила из Ялпуга
 1 – Былым–Кудинетово, курган 14 (?); 2 – Кубань; 3 – Камунта-Кумбулта; 4 – Ялпуг
 1 – Гос. Эрмитаж, фото А. В. Мастыковой; 2, 3 – [по: 32, fig. 1,4,17,21];
 4 – [по: 31, fig. 2,3]. 1 – без масштаба

Fig. 4. Horse bits from Bylym-Kudinetovo, some of the analogies, and horse bits from Ialpus
 1 – Bylym-Kudinetovo, barrow 14 (?); 2 – Kuban; 3 – Kamunta-Kumbulta; 4 – Ialpus
 1 – State Hermitage Museum; photo: A. V. Mastykova; 2, 3 – [after: 32, fig. 1,4,17,21];
 4 – [after: 31, fig. 2,3]. 1 – not to scale

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н.э. М.: ИА РАН, 1997. 165 с.
2. Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Ритуальные сооружения гуннского времени на Мангышлаке // *Stratum plus*. 2018. № 4. С. 347–370.
3. Ахмедов И.Р. Новые материалы к истории престижной узды Восточной Европы гуннского и постгуннского времени // *Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем* / Ред. А.Г. Фурасьев. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 152–166.
4. Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. // *МАИЭТ*. 1993. Вып. III. С. 23–105.
5. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). СПб.: Эллипс Лтд, 1994. 223 с.
6. Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 212 с.
7. Казанский М.М. Могилы сармато-аланских вождей IV в. в Понтийских степях // *МАИЭТ*. 1995. Вып. IV. С. 238–256.
8. Казанский М.М. Престижные находки и центры власти постгуннского времени в Поднепровье // *Stratum plus*. 2018. № 4. С. 83–118.
9. Казанский М.М. Хронологические индикаторы степных древностей постгуннского времени в Восточной Европе // *Нижневожский археологический вестник*. 2019. Вып. 18/2. С. 109–124.
10. Казанский М.М. Древности степных кочевников постгуннского времени (середина V – середина VI в.) в Восточной Европе // *МАИЭТ*. 2020. Вып. XXV. С. 90–167.
11. Казанский М.М. Элементы декора конской сбруи из Алтынказгана на Мангышлаке и их ранне-византийские параллели // *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XII Международный Византийский Семинар* / Ред. Н.А. Алексеев. Симферополь: Колорит, 2020. С. 143–150.
12. Казанский М.М., Мастыкова А.В. Хронологические индикаторы древностей постгуннского времени на Северном Кавказе // *Верхнедонской археологический сборник*. 2010. Вып. 5. С. 93–104.
13. Мастыкова А.В., Казанский М.М., Сапрыкина И.А. Пашковский могильник № 1. Том 2. Исследование материалов Пашковского могильника № 1. М., СПб.: Нестор-История, 2016. 372 с.
14. Менандр Византиец // *Византийские историки* / Пер. С. Дестуниса; подг. к изд. А.И. Цепков. Рязань: Александрия, 2003. С. 220–335.
15. Отчет Императорской археологической комиссии за 1882–1888 гг. СПб., 1891.
16. Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 832 с.
17. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. А.А. Чекаловой. СПб.: Алетей, 2001. 543 с.
18. Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Выпуск третий. Древности времен переселения народов. СПб., 1890. 158 с.
19. Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1987. 156 с.
20. Храпунов И.Н., Казанский М.М. Погребения эпохи переселения народов в могильнике Нейзац // *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.)*. II. Двадцать лет исследований могильника Нейзац / Ред. Н.И. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 194–229.
21. Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М.: Наука, 1981. 608 с.
22. Adams N. The Development of Early Garnet Inlaid Ornaments // *Kontakte zwischen Irtan, Byzanz und der Steppe im 6.–7. Jahrhundert* / Hrsg. C. Bálint. Budapest, Napoli, Roma: Archäologisches Institut der UAW, 2000. P. 13–70.
23. Ament H. Das Childerichgrab in der archäologischen Forschung // *Das Grab des fränkischen König Childerich in Tournai und die Anastasis Childerici von Jean-Jacques Chifflet aus dem Jahre 1655* / Hrsg. D. Quast. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseum, 2015. S. 123–155.

24. Arrhenius B. Merovingian Garnet Jewellery. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1985. 230 p.
25. Das Grab des fränkischen König Childerich in Tournai und die Anastasis Childerici von Jean-Jacques Chifflet aus dem Jahre 1655 / Hrsg. D. Quast. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseum, 2015. 516 S.
26. Die Franken, Wegbereiter Europas / Hrsg. A. Wiczorek, P. Périn, K. von Welck, W. Menghin. Mainz: Philipp von Zabern, 1996. Bd. 1–2. 1112 S.
27. Eugippe. Vie de Saint Séverin / Introduction, texte latin, traduction, notes et index par P. Régerat. Paris: Les éditions du Serf, 1991. 346 p. (Sources chrétiennes. N° 374)
28. Fettich N. La trouvaille de la tombe princière hunnique à Szeged-Nagyszéksos. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum. 1953. 203 p.
29. Grabar A. L'Age d'or de Justinien. De la mort de Théodose à l'Islam. Paris: Gallimard, 1966. 416 p.
30. Harhoiu R. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest: Editura Enciclopedică, 1998. 268 S.
31. Kazanski M. Deux appliques de selle post-hunnique provenant de Jalpug (Delta du Danube): parallèles et datation // *Studia Romana et Mediaevalia Europænsia. Miscellanea in honorem annos LXXXV peragentis Professoris emeriti Dan Gh. Teodor oblata* / Eds. D. Aparaschivei, G. Bilavschi. București, Brăila: Editura Academiei Române, 2018. P. 169–187.
32. Kazanski M. Les mors de cheval à décor zoomorphe de l'époque des Grandes Migrations // *Cherchez la petite bête. L'animal au haut Moyen Âge. Actes des XXXVIIe Journées internationales d'archéologie mérovingienne* / Eds. S. Desbrosse-Degobertière, M.-C. Truc. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 2019 (2020). P. 63–73.
33. Kazanski M., Mastykova A. Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e–6e siècles. À propos de la formation de la civilisation aristocratique barbare // *Eurasia Antiqua*. 1999. Bd. 5. P. 523–573
34. Kazanski M., Mastykova A., Périn P. Byzance et les royaumes barbares d'Occident au début de l'époque mérovingienne // *Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum* / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archeologický Ústav Akademie Věd České Republiky Brno, 2002. P. 159–194.
35. Périn P. Les tombes des «chefs» du début de l'époque mérovingienne. Datation et interprétation historique // *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle* / Eds. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 1995. P. 247–302.
36. Quast D. Mediterrane Scheibenfibeln der Völkerwanderungszeit mit Cloisonnéverzierung – eine typologische und chronologische Übersicht // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. 2006. Bd. 36/2. S. 259–278.
37. Quast D. Zwischen Steppe, Barbaricum und Byzanz. Bemerkungen zu prunkvollen Reiterzubehör des 5. Jahrhunderts n. Chr. // *Acta Praehistorica et Archaeologica*. 2007. Bd. 39. S. 35–64.
38. Splendeur des Sassanides. L'empire perse entre Rome et la Chine (224–642) / Coord. B. Overlaed. Bruxelles: Musées royaux d'Art et d'Histoire, 1993. 310 p.
39. Török L. Late antique Nubia. History and archaeology of the southern neighbour of Egypt in the 4th–6th c. A.D. Budapest: Archaeological Institute of the Hungarian Academy of Sciences, 1988. 282 p. (Antaeus 16).
40. Werner J. Eine ostgotische Prunkschnalle von Köln-Severinstor // *Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte*. 1958. Bd. 3. S. 55–61.

REFERENCES

1. Abramova M.P. *Rannie alany Severnogo Kavkaza III–V vv. n.e.* [Early Alans of the North Caucasus 3rd–5th centuries AD]. Moscow, Institut arkheologii RAS Publ., 1997, 165 p.
2. Astafiev A.E., Bogdanov E.S. Ritual constructions of the Hunnic Time in Mangyshlak. *Stratum plus*, 2018, no. 4, pp. 347–370.
3. Akhmedov I.R. New materials for the history of the prestigious bridle of Eastern Europe during the Hunnic and post-Hunnic times. Furas'ev A.G. (ed.), *Gunny, goty i sarmaty mezhdru Volgoi i Dunaem* [Huns, Goths and Sarmatians between the Volga and Danube], St.-Petersburg, Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU Publ., 2009, pp. 152–166.

4. Zaset'skaya I.P. Materials from Bosporus nekropolis of the second half of the 4th – the first half of the 5th centuries AD. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 1993, vol. 3, pp. 23–105.
5. Zaset'skaya I.P. *Kul'tura kochevnikov iuzhnorusskikh stepei v gunnskuui epokhu (konets IV – V v.)* [The culture of the nomads of the southern Russian steppes in the Hunnic era (late 4th–5th centuries)]. St.-Petersburg, Ellipsis Ltd Publ., 1994, 223 p.
6. Zaset'skaya I.P., Kazanski M.M., Akhmedov I.R., Minasian R.S. *Morskoi Chulek. Pogrebeniia znati iz Priazov'ia i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ia v postgunnskuui epokhu* [Morskoy Chulek. Burials of the nobility from the Sea of Azov region and their place of the history of tribes from the North Black sea coast in the post-Hunnic epoch]. St.-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2007, 212 p.
7. Kazanski M.M. Graves of Alan-Sarmatian leaders of the 4th century AD in the Pontic steppes. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 1995, vol. 4, pp. 238–256.
8. Kazanski M.M. Prestigious finds and post-Hunnic centers of power in the Dnieper Region. *Stratum plus*, 2018, no. 4, pp. 83–118.
9. Kazanski M.M. Chronological indicators of post-Hunnic steppe antiquities in Eastern Europe. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2019, vol. 18, no. 2, pp. 109–124. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.7>.
10. Kazanski M.M. The antiquities of the steppe nomads of the post-Hunnic period (mid-fifth to mid-sixth centuries) in Eastern Europe. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2020, vol. 15, pp. 90–167.
11. Kazanski M.M. Decorative elements of horse trappings from Altynkazgan at the Mangyshlak and their Early Byzantine parallels. Alekseenko N.A. (ed.), *XII mezhdunarodnyi vizantiiskii seminar "XEPΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis"* [12th international Byzantine workshop "Chersonos Themata: the empire and the polis"], Simferopol, Kolorit Publ., 2020, pp. 143–150.
12. Kazanski M.M., Mast'ykova A.V. Chronological indicators of post-Hunnic antiquities in the North Caucasus. *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik* [The Upper Don archaeological collection], 2010, vol. 5, pp. 93–104.
13. Mast'ykova A.V., Kazanski M.M., Saprykina I.A. Pashkovskii mogil'nik No. 1. Tom 2. *Issledovanie materialov Pashkovskogo mogil'nika No. 1* [The Pashkovskaia 1 cemetery. Volume 2. The study of the materials of the Pashkovskaia 1 cemetery]. Moscow, St.-Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2016, 372 p.
14. *Vizantiiskie istoriki* [Byzantine historians]. Transl. by S. Destunis. Ryazan, Aleksandriia Publ., 2003, 432 p.
15. *Otchet Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1882–1888 gg.* [Report of the Imperial Archaeological commission for 1882–1888]. St.-Petersburg, 1891.
16. Pigulevskaya N.V. *Siriiskaia srednevekovaia istoriografiia. Issledovaniia i perevody* [Syrian medieval historiography. Research and translations]. St.-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2011, 832 p.
17. Prokopii Kesariiskii. *Voina s persami. Voina s vandalami. Tainaia istoriia* [The Persian war. The Vandalic war. The secret history]. St.-Petersburg, Aleteia Publ., 2001, 543 p.
18. Tolstoi I., Kondakov N. *Russkie drevnosti v pamiatnikakh iskusstva. Vypusk tretii. Drevnosti vremen pereseleniia narodov* [Russian antiquities in the monuments of art. Issue 3. Antiquities of the Migration period]. St.-Petersburg, 1890, 158 p.
19. Trever K.V., Lukonin V.G. *Sasanidskoe srebro. Sobranie Gosudarstvennogo Ermitazha* [Sassanian silver. Collection of the State Hermitage]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1987, 156 p.
20. Khrapunov I.N., Kazanski M.M. Graves from the Migration period in the cemetery of Neyzats. Khrapunov N.I. (ed.), *Krym v sarmatskuui epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)*. [Crimea in the Sarmatian era (2nd century BC – 4th century AD)], vol. 2, Simferopol, Nasledie tysiacheletii Publ., 2016, pp. 194–229.
21. Shefer E. *Zolotyie persiki Samarkanda. Kniga o chuzhezemnykh dikovinakh v imperii Tan* [Golden peaches of Samarkand. Book of foreign Ccuriosities in the Tang Empire]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 608 p.
22. Adams N. The Development of Early Garnet Inlaid Ornaments. Bálint C. (Hrsg.), *Kontakte zwischen Irtan, Byzanz und der Steppe im 6.–7. Jahrhundert*, Budapest, Napoli, Roma, Archäologisches Institut der UAW, 2000, pp. 13–70.

23. Ament H. *Das Childerichgrab in der archäologischcn Forschung. Quast D. (Hrsg.), Das Grab des fränkischen König Childerich in Tournai und die Anastasis Childerici von Jean-Jacques Chifflet aus dem Jahre 1655*, Mainz, Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseum, 2015, pp. 123–155.
24. Arrhenius B. *Merovingian Garnet Jewellery*. Stockholm, Almqvist & Wiksell, 1985, 230 p.
25. Quast D. (Hrsg.), *Das Grab des fränkischen König Childerich in Tournai und die Anastasis Childerici von Jean-Jacques Chifflet aus dem Jahre 1655*, Mainz, Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseum, 2015, 516 p.
26. Wiczorek A., Périn P., von Welck K., Menghin W. (Hrsg.), *Die Franken, Wegbereiter Europas*, Bd. 1–2, Mainz, Philipp von Zabern, 1996, 1112 p.
27. Eugippe. *Vie de Saint Séverin*. Introduction, texte latin, traduction, notes et index par P. Régerat. Paris, Les éditions du Serf, 1991, 346 p.
28. Fettich N. *La trouvaille de la tombe princière hunnique à Szegeed-Nagyszéksos*. Budapest, Magyar Nemzeti Múzeum Publ., 1953, 203 p.
29. Grabar A. *L'Age d'or de Justinien. De la mort de Théodose à l'Islam*. Paris, Gallimard Publ., 1966, 416 p.
30. Harhoiu R. *Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien*. Bukarest, Editura Enciclopedică, 1998, 268 p.
31. Kazanski M. Deux appliques de selle post-hunnique provenant de Jalpug (Delta du Danube): parallèles et datation. Aparaschivei D., Bilavski G. (eds.), *Studia Romana et Mediævalia Europænsia. Miscellanea in honorem annos LXXXV peragentis Professoris emeriti Dan Gh. Teodor oblata*, Bucureşti, Brăila, Editura Academiei Române, 2018, pp. 169–187.
32. Kazanski M. Les mors de cheval à décor zoomorphe de l'époque des Grandes Migrations. Desbrosse-Degobertière S., Truc M.-C. (eds.), *Cherchez la petite bête. L'animal au haut Moyen Âge. Actes des XXXVIIe Journées internationales d'archéologie mérovingienne*, Saint-Germain-en-Laye, Association française d'archéologie mérovingienne, Musée d'Archéologie nationale, 2019 (2020), pp. 63–73.
33. Kazanski M., Mastykova A. Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e–6e siècles. À propos de la formation de la civilisation aristocratique barbare. *Eurasia Antiqua*, 1999, Bd. 5, pp. 523–573
34. Kazanski M., Mastykova A., Périn P. Byzance et les royaumes barbares d'Occident au début de l'époque mérovingienne. Tejral J. (Hrsg.), *Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonaauraum*, Brno, Archeologický Ústav Akademie Věd České Republiky, 2002, pp. 159–194.
35. Périn P. Les tombes des «chefs» du début de l'époque mérovingienne. Datation et interprétation historique. Vallet F., Kazanski M. (eds.), *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle*, Saint-Germain-en-Laye, Association française d'archéologie mérovingienne, 1995, pp. 247–302.
36. Quast D. Mediterrane Scheibenfibeln der Völkerwanderungszeit mit Cloisonnéverzierung – eine typologische und chronologische Übersicht. *Archäologisches Korrespondenzblatt*, 2006, Bd. 36/2, pp. 259–278.
37. Quast D. Zwischen Steppe, Barbaricum und Byzanz. Bemerkungen zu prunkvollen Reiterzubehör des 5. Jahrhunderts n. Chr. *Acta Praehistorica et Archaeologica*, 2007, Bd. 39, pp. 35–64.
38. Overlaed B. (Coord.), *Splendeur des Sassanides. L'empire perse entre Rome et la Chine (224–642)*, Bruxelles, Musées royaux d'Art et d'Histoire, 1993, 310 p.
39. Török L. *Late antique Nubia. History and archaeology of the southern neighbour of Egypt in the 4th–6th c. A.D.* Budapest, Archaeological Institute of the Hungarian Academy of Sciences, 1988, 282 p.
40. Werner J. Eine ostgotische Prunkschnalle von Köln-Severinstor. *Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte*, 1958, Bd. 3, pp. 55–61.

Информация об авторе

Казанский М. М. – доктор хабилитет (docteur habilité), ведущий научный сотрудник, Национальный центр научных исследований (CNRS), исследовательская лаборатория 8167 «Восток и Средиземноморье» (UMR 8167 «Orient et Méditerranée»), Коллеж де Франс, Researcher ID: N-9288-2015.

Author information

Kazanski M. – Habilitat of Archaeology, Leading Researcher at the National Centre for Scientific Research (CNRS; UMR-8167 “Orient et Méditerranée”), Researcher ID: N-9288-2015.

ТУРБУЛЕНТНОСТЬ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ВОСТОЧНОЙ ТАВРИКЕ В VI–VII вв.

Виктор Николаевич Зинько¹, Алексей Викторович Зинько²

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия

¹ zinko@bfdemetra.org, <https://orcid.org/0000-0001-6208-7293>

² a.zinko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6017-4449>

Аннотация. В статье представлены результаты археологических исследований, позволившие реконструировать этнополитические процессы в Восточной Таврике в VI–VII вв. К VI в. восточно-крымские степи обезлюдили и служили для сезонных перекочевок гуннских племен. Значительное влияние на этнополитические процессы на Боспоре в VI–VII вв. оказала Византийская империя, которая в 527/528 гг. присоединила эти земли. Археологические исследования дают достаточно скудные сведения о городских постройках столицы Боспора в VI в. Иная археологическая ситуация сложилась с сохранностью ранневизантийских слоев боспорского города Тиритака, где благодаря постоянным многолетним научным исследованиям открыты большие площади. Судя по археологическим материалам и немногочисленным эпиграфическим находкам, подавляющее большинство населения Тиритаки в VI в. составляли, как и ранее, боспорские греки, в основной массе невысокого достатка, занятые в рыболовстве и сельскохозяйственном производстве, а также ремесле и мелкой торговле. После набега тюрков в 576 г. Боспор и Тиритака пришли в упадок, и лишь на некоторых участках этих городов были восстановлены отдельные усадьбы, просуществовавшие до третьей четверти VII в., а затем сожженные хазарами. Боспор постоянно испытывал давление орд кочевников, которые на протяжении столетий перемещались, сменяя друг друга, в великом поясе степей. Турбулентность этнополитических процессов в Восточной Таврике особенно усилилась в ранневизантийскую эпоху. После хазарского погрома все боспорские поселения обезлюдели, а незначительные остатки прежнего населения сосредоточились в разрушенном пожарами городе Боспор, который на долгие столетия превратился в захолустный провинциальный городок, входящий в состав различных государственных образований.

Ключевые слова: Восточная Таврика, Византия, город Боспор, город Тиритака, ранневизантийское время, археологические исследования, этнополитические процессы

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках госзадания № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

TURBULENT ETHNOPOLITICAL PROCESSES IN THE EASTERN TAURICA IN THE SIXTH AND SEVENTH CENTURIES

Viktor N. Zin'ko, Alexey V. Zin'ko

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Abstract. This paper presents the results of archaeological researches allowing the one to reconstruct ethnopolitical processes in the eastern Taurica in the sixth and seventh centuries. By the sixth century, the eastern Crimean steppes were depopulated and used for seasonal migrations of the Hunnic tribes. The Byzantine Empire made a significant influence on the ethnopolitical processes in the Bosporos in the sixth and seventh centuries when annexed this country in 527/528. Archaeological researches supply scanty information about the urban buildings of the Bosporan capital in the sixth century. Alternative archaeological situation developed with the preserved Early Byzantine layers of the Bosporan town of Tyritake, where continuous many-year-long archaeological research uncovered large areas. According to the archaeological materials and a few epigraphic finds, Bosporan Greeks constituted the overwhelming majority of the population of Tyritake in the sixth century as before, being mostly the persons of moderate means, engaged in fishing and agricultural production, crafts and petty trade. After the raid of the Turks in 576, Bosporos and Tyritake declined, with only isolated residential houses reconstructed in certain areas in these towns; these houses lived to the third quarter of the seventh century when they were burned down by the Khazars. Bosporos constantly experienced the pressure from nomadic hordes, which, over the centuries, moved here and there, replacing each other, along the great tract of the steppes. The turbulence of ethnopolitical processes in the Eastern Taurica especially intensified in the Early Byzantine Period. Following the Khazar devastation, all the Bosporan settlements were depopulated, and the insignificant remnants of the former population concentrated in the fire-ravaged town of Bosporos, which for centuries became an out-of-the-way provincial town forming a part of different polities.

Keywords: eastern Taurica, Byzantium, town of Bosporos, town of Tyritake, Early Byzantine Period, archaeological research, ethnopolitical processes

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of the state assignment No. FZEG-2020-0029 “The Byzantine Empire’s Influence on Historical Processes in the Mediaeval Crimea” supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

К VI в. Боспорское царство находилось в закате своего былого величия. Восточно-крымские степи обезлюдил и служили для сезонных перекочевок гуннских племен [8, с. 48–49; 28, с. 108–131]. По сведениям письменных источников, в начале VI в. Византия активизирует свою политику на Крымском полуострове, в том числе в таком важном стратегическом районе как Боспор Киммерийский [3, с. 94; 6, с. 190–191]. Вероятно, боспориты обратились за помощью к византийскому императору из-за захвата царства гуннами. Император Юстин отправил на Боспор патрикия Проба, племянника прежнего императора Анастасия, чтобы склонить утигуров прийти на помощь иверам в войне против персов. Раздираемые внутренними распрями варвары не выполнили просьбу, однако в 522 г. Боспорское царство попало под непосредственный контроль империи [6, с. 190–191; 4, с. 5].

О дальнейших событиях на Боспоре известно из кратких и довольно путаных упоминаний в сочинениях византийцев. Так, в первый год правления императора Юстиниана I (527–565) правитель живших близ Боспора гуннов Горд или Грод крестился в Константинополе. Возможно, его крещение было подготовлено армянином Кардостом [10, с. 92–93, прим. 76], который ранее крестил многих гуннов и даже создал священное писание на гуннском языке. После крещения Горда отправили на Боспор «блести интересы империи» [29, с. 26–27]. Согласно Феофану, для этого ему был придан небольшой

византийский арифм стратиотов под командой трибуна для охраны границ государства и сбора дани с гуннов быками [38, с. 51]. Все это указывает на то, что гуннские племена Горда и город Боспор перешли под контроль Византийской империи.

Вернувшись в степи, гуннский вождь Горд переплавил гуннских идолов, сделанных из драгоценных металлов, и обменял их на милиарисии в городе Боспоре. Однако не пожелавшие принять христианство гунны по наущению жрецов убили Горда и передали власть его брату Муагериию (Мугелю). Но, возможно, как утверждает Иоанн Никиусский, Муагерий принял христианство вскоре после Горда [41, р. 141, 67]. После смены правителя гунны захватили город Боспор и уничтожили византийский гарнизон. Для подавления мятежа византийский император послал морем отряд «скифов» под командой комита устьев Евксинского Понта апоипата Иоанна и одновременно сушей из Одиссополя – Годилу и стратига Бадурия [38, с. 51]. Иоанн Никиусский сообщает, что отряд состоял из «скифов и готов». А. И. Айбабин полагает, что этноним «скифы» является архаическим заимствованием у классических античных авторов и под ним скрываются «готы», служившие в византийском войске [3, с. 95]. Гунны, как только узнали о приближении византийцев, бежали из боспорской столицы и «... в Боспоре наступил мир, и ромеи владели им безбоязненно» [38, с. 51]. Феофан отнес описанные события к 527–528 гг. [6, с. 191]. Наступивший после этого период некой политической стабильности на Боспоре Киммерийском продолжался довольно недолго, в течение двух царствований – Юстиниана I и Юстина II. В найденной на Таманском полуострове строительной надписи с именем императора Юстиниана I упомянуты византийский трибун и отец города [32, с. 667–672; 6, с. 192]. Отец города возглавлял городскую администрацию [6, с. 192].

Древние авторы сообщали о различных гуннских племенах, кочевавших в Крыму, а также в степях Северного Причерноморья и Приазовья. По мнению Ф. Алтхейма, в борьбе за Боспор участвовали крымские гунны [40, р. 20]. М. И. Артамонов был убежден, что это были восточно-приазовские гунны-болгары или оногуры, или утигуры [10, с. 90–91]. А. В. Гадло считал, что Горд и Муагерий были вождями утигуров [11, с. 81]. Для определения этникона гуннов Горда А. И. Айбабин провел специальный анализ письменных источников и, по его мнению, это были альциагиры-кутригуры [3, с. 95–97; 8, с. 51]. С этими племенами исследователь связывает немногочисленные кочевнические погребения VI – начала VII в., выявленные у восточного берега Азовского моря и в степной части Крымского полуострова. По погребальному обряду они близки гуннским погребальным комплексам конца V в. из Изобильного, Мелитополя и из Марфовки в Восточном Крыму [2, с. 206–210; 3, с. 97].

В первой половине VI в. область на западе Меотиды занимали кутригуры, а утигуры размещались на ее восточном побережье. Кутригуры ранней весной пасли скот в крымской степи, а с наступлением летней жары перемещались на новые пастбища в низовья рек Днепра и Буга. Поздней осенью они возвращались на свои зимники на Крымском полуострове. Эти гуннские племена и в первой половине VI в.

находились все на той же первой стадии примитивного кочевания. Западная степная часть Восточной Таврики также, вероятно, входила в зону этих гуннских кочевий [3, с. 97]. Они вплотную подходили к приморским территориям Боспорского царства вдоль азовского и черноморского побережий, где сохранилось несколько городов и небольших поселений. Судя по материалам некрополей, какие-то отдельные небольшие группы гуннского населения могли входить и в состав боспорских жителей сельских поселений и городов.

Археологические исследования дают достаточно скудные сведения о городских постройках столицы Боспора в VI в. Ведение масштабных и планомерных археологических раскопок оказалось здесь невозможным, так как еще в первой половине XIX в. городское ядро современного города Керчь полностью поглотило территорию, которую занимал ранневизантийский город. Таким образом, более чем два столетия назад его культурные напластования оказались практически недоступны для археологов, не говоря уже о том, что в результате последующей активной строительной деятельности они понесли, и продолжают нести, невосполнимые утраты и разрушения. Материалы небольших локальных охранно-спасательных археологических раскопок позволяют предположить, что во время императора Юстиниана сохранялись прежние границы города Боспора у подножия горы Митридат, но основные элементы городской планировки неизвестны [18, там же библиография]. Т. И. Макарова во время охранных раскопок раскрыла в приморской части столичного Боспора фундаменты южной стены византийской крепости и остатки христианской базилики, видимо, построенной при императоре Юстиниане [33, с. 140; 34, с. 367–371; 6, с. 192]. Бывший столичный город украшали и мраморные статуи византийских императоров. Так, в собрании Керченского лапидария хранится часть привозной мраморной статуи – скульптурный портрет молодого императора Юстиниана I (рис. 1), который датируется первыми годами правления [31, с. 46]. У подножия г. Митридат раскопан дом рыбака VI в. [9, с. 7–16]. Боспор стал важной византийской крепостью, контролирующей Керченский пролив и переправу к предгорьям Кавказа. В порту Боспора были размещены военные корабли [6, с. 192].

Значительно большую информацию дают материалы исследований боспорских некрополей на склонах горы Митридат [19, там же библиография]. Они сохраняют свой традиционный боспорский городской облик, но наряду с семейными склепами и грунтовыми могилами появляется новый тип погребальных сооружений – небольшие плитовые могилы, которые вскоре становятся доминирующими. Среди погребального инвентаря здесь выявлены и ювелирные изделия в полихромном стиле инкрустации, которые служат археологическим признаком культуры варваров степей гуннского времени. Они распространились в Северном Причерноморье под влиянием гуннов, в археологическом материале из степи и из погребальных комплексов некрополя Боспора прослеживаются несомненные параллели. И. П. Засецкая, анализируя эти памятники, выделяет несколько хронологических групп, среди которых обращает на себя внимание вторая (вторая половина V – первая половина VI в.)

и третья (вторая половина VI – начало VII в.) [16, с. 97–106]. Вторая относится к периоду сравнительно стабильной политической обстановки в Северном Причерноморье, ознаменовавшемся сложением в степях мощного гуннского племенного союза. В это время широко распространились полихромные украшения, которые, хотя и представлены новыми формами орнамента и техники, продолжают традиции ювелирного искусства Боспора. Именно столица Боспорского царства была одним из центров производства полихромных украшений гуннской эпохи [15, с. 88].

Появление «гуннских» предметов в погребальном инвентаре некрополей Боспора и других поселений Восточного Крыма, вероятно, следует рассматривать как инфильтрацию какой-то незначительной части этого нового этноса или его традиций в материальную культуру боспорян. Аналогичная ситуация прослеживается в погребальном инвентаре со второй четверти VI в. и с украшениями в «готском» стиле, связанная с расквартированием в городе Боспоре византийских военных отрядов. Как полагает А. И. Айбабин, прибывшие в 527/528 гг. с войсками из Подунавья готы поселились в Боспоре с семьями и привезли в город остроготские и гепидские пальчатые фибулы, большие пряжки с прямоугольным и орлиноголовым щитком [3, с. 100]. В первой половине VI в. боспорские мастера стали копировать дунайские пальчатые фибулы с концентрическими ромбами на ножке, а во второй половине VI в. – пальчатые фибулы типов Керчь и Удине-Планис 2 варианта, а также серийно изготавливать боспорские орлиноголовые пряжки [1, с. 20, 21, 70–71, рис. 14,10; 15,3; 35,3]. Наличие таких фибул и пряжек в погребальном инвентаре некрополей Боспора А. И. Айбабин считает признаком германского этноса погребенных [3, с. 104–105], однако со второй половины VI в. эти элементы костюма становятся традиционными для большинства боспорян и свидетельствуют о проникновении новой моды в сложившуюся материальную культуру.

Иная археологическая ситуация сложилась с сохранностью ранневизантийских слоев боспорского города Тиритака, где благодаря постоянным многолетним научным исследованиям открыты большие площади [23]. Так, в приморской части города на месте разрушенного рыбозасолочного комплекса первых веков была построена, вероятно, византийскими архитекторами, трехнефная базилика с привозными колоннами из проконесского мрамора с капителями [12, с. 67]. Стены и фундаменты базилики сложены из местного известняка в виде грубо обработанных квадров или просто бута. Многочисленные обломки говорят о том, что некоторые части этого здания были сложены из кирпичей-плинф, а кровля была черепичная. Долгое время предполагалось, что алтарная часть была пристроена на отдельных фундаментах впритык к основному корпусу здания базилики. Однако при расчистке фундамента постройки в 2007 г. нам, совместно с архитектором В. В. Житниковым, удалось установить, что с восточной стороны находилась не пристройка, а два контрфорса, в толще же очень массивной восточной стены была устроена небольшая овальная ниша – апсида. Внутри базилики местами сохранились основания колоннад, состоявших из четырех колонн, имевшие продольное направление через все помещение

базилики (рис. 2–3). В восточной части южного нефа находилась купель, к которой можно было пройти через боковой вход, сделанный в южной стене базилики. В основании этого входа *in situ* сохранился массивный порожный камень с квадратными основаниями для двухстворчатой двери [27, с. 381].

В VI в. строительство идет и в центральной части боспорского города Тиритака, где возводятся новые производственные и хозяйственные комплексы. В этот период в этой части города сохраняется все та же террасная планировка. Террасы разделяла подпорная стена, вдоль которой проходила I-я продольная (керамическая) улица, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Улица перестала функционировать не ранее третьей четверти VI в., на это указывают датировки материалов из развала, перекрывшего улицу [23, с. 173]. С западной стороны к улице примыкала большая городская усадьба, где были исследованы ванны для обработки кожи. С западной стороны от ворот этой усадьбы в начале VI в. взводится комплекс для обработки кожи (рис. 4), состоящий из четырех небольших ванн. Кладка из плохо обработанных камней обрамляла четыре смежных цистерны, разделенные перегородками, сложенными из хорошо обработанных прямоугольных известняковых камней. Каждый из резервуаров имел покатое, с уклоном к северо-западу, днище, завершавшееся округлым в плане и сужающимся книзу углублением, занимавшим не менее одной трети площади резервуара. Борта и днища резервуаров были обмазаны цемянкой розово-красного цвета, нанесенной в 3–4 приема. Средние размеры резервуаров составляют 2,0x0,8 м, а размеры отстойников – 0,86x0,8 м. Судя по находкам керамики, этот комплекс ванн, как и сама городская усадьба, просуществовал до третьей четверти VI в. [17]. Однако уже не строятся большие рыбоперерабатывающие комплексы, выявлены лишь небольшие отдельно стоящие цистерны, рассчитанные для соления рыбы для личных нужд. Во дворах и постройках городских усадеб Тиритаки исследовано значительное количество хозяйственных ям и керамических пифосов, которые служили для хранения зерна, вина и рыбы. Так, в одной из ранневизантийских усадеб в центральной части города был исследован винный склад из 9 амфор. Общий объем хранимого вина составлял около 147,5 л. Такое небольшое количество вряд ли предназначалось для продажи, а скорее хранилось для личного употребления одной семьей [22].

На основании проведенных нами археологических исследований, город Тиритака в ранневизантийское время был довольно крупным и важным центром в южной части европейского побережья Боспора Киммерийского. Кварталы на южной и восточной окраине города, ранее открытые В. Ф. Гайдукевичем, сохранили регулярную застройку и направление основных улиц. В центральной части города также выявлены кварталы и улицы, в основе своей повторяющие городскую планировку первых веков. В результате археологических исследований нами установлено, что в основе планировки Тиритаки в VI в., как и в предшествующие эпохи, была городская усадьба, состоящая из жилого одно- или двухэтажного дома и расположенных во дворе хозяйственных комплексов и построек. Размеры тиритакских усадеб были

сравнительно невелики – от 150 до 300 м² [23, с. 179]. Все это свидетельствует о том, что здесь проживало достаточно однородное городское население, сравнительно невысокого достатка. Жилищно-хозяйственные постройки блокировались в кварталы и занимали всю городскую территорию общей площадью до 10 га, ограниченную ветхими крепостными стенами, капитально перестроенными еще в I в.

Судя археологическим материалам и немногочисленным эпиграфическим находкам, подавляющее большинство населения Тиритаки в VI в. составляли боспорские греки, в основной массе невысокого достатка, занятые в рыболовстве и сельскохозяйственном производстве, а также ремесле и мелкой торговле. Можно также предполагать, что самые большие городские усадьбы с производственными и хозяйственными постройками могли принадлежать незначительной по численности социальной верхушке из среды зажиточных горожан, в которую входили и немногочисленные представители клира во главе с местным епископом.

Исследования последних десятилетий дали некоторое количество материалов и о боспорском городе Китее, который в VI в. продолжал существовать в границах крепостных стен первых веков. На раскопанных участках нет следов катастрофических разрушений, перепланировок улиц, заброшенных мест. В самом центре города, в старой сакральной зоне исследованы остатки комплекса культовых зданий с круглым зданием-святилищем, которые неоднократно на протяжении VI в. перестраивались. Е. А. Молев полагал, что языческие религиозные обряды отправлялись в них и в раннехристианское время [35, с. 222–223]. О продолжении существования боспорского города Китее в прежних размерах свидетельствуют и находки последних лет на некрополе, где открыт ряд новых земляных склепов гуннского времени с фрагментами краснолаковой посуды со штампованными крестами. Судя по исследованным участкам некрополя, территория с новыми захоронениями, совершенными на протяжении V–VI вв., была достаточно обширной. Городской некрополь занимал, по всей видимости, всю ближнюю сельскую округу Китее. Земельные наделы должны были переместиться на запад и восток от города или на север от возвышенности Джург-Оба. В целом, Китей предстает одним из немногих боспорских городов этого периода, который функционировал в территориально-хозяйственной микрозоне юго-восточной части Восточного Крыма как небольшой локальный центр.

В 574 г. тяжело больной император Юстин II провозгласил наследником престола Тиберия. В первый год своего соправительства в ознаменование Пасхи 575 г. Тиберий объявил об отмене одного годового налога-канона, распределив льготу на четыре года. Согласно этому эдикту, жителям Боспора на тех же условиях сократили морскую повинность [30, с. 61]. На следующий 576 г. император Тиберий, стремясь получить помощь тюрков в войне с Персией, направил к ним посольство во главе с Валентином. Пройдя трудный и долгий путь, посольство достигло ставки кагана Турксанфа, который после переговоров отправил Валентина к своему брату Тарду. В то время, когда Валентин там находился, Турсанф приказал хану утигуров Анагею осадить город Боспор, начав тем самым военные действия против византийских

владений в Таврике. Вскоре после прибытия на помощь утигурам тюркских войск Бохана, город Боспор был ими взят [3, с. 134; 7, с. 41].

Тюрки сожгли и разрушили городские постройки Боспора. Образовавшийся в результате пожаров слой зафиксирован на небольшом участке, исследованном Т. И. Макаровой в припортовой части у базилики [34, с. 389]. Аналогичный слой пожара был выявлен А. И. Айбабиным в 1990–1992 гг. при охранных раскопках в Кооперативном переулке. Здесь на северной окраине города Боспор были выявлены три городские усадьбы, погибшие при пожаре, который по сочетанию циклов бытования выявленной на полах и в заполнении краснолаковой керамики и амфорной тары можно связать с нападением тюрков в 576 г., а перекрывающий пожар слой относится к последней четверти VI – третьей четверти VII в. [3, с. 135–137, рис. 54].

В ходе тюркского похода 576 г. Тиритака также сильно пострадала, но следов сплошных пожаров в слое третьей четверти VI в. нам не удалось выявить при раскопках ни в центральной, ни в северной, ни в западной частях города. Город, вероятно, был покинут жителями, однако жизнь в нем после недолгого перерыва продолжалась вплоть до третьей четверти VII в. В процессе исследований в центральной части города были открыты лишь частично сохранившиеся жилищно-хозяйственные комплексы (рис. 5) – постройки, небольшие участки мощеных дворов, цемьяночная площадка с желобом-сливом винодельни, хозяйственные ямы, врытые в землю пифосы и амфоры. Иными словами, выявлена вполне рядовая – жилая, хозяйственная и производственная городская застройка, при этом функциональное назначение и планировку открытых сооружений и жилищно-хозяйственных комплексов в большинстве случаев выяснить не удалось. Из существовавших на этом центральном участке города до начала последней четверти VI в. шести усадеб, в VII в. были частично восстановлены лишь 2–3 жилищно-хозяйственных постройки, остальные остались лежать в руинах [24, с. 496–498].

Несколько иная ситуация открыта в ходе раскопок городской усадьбы у западной крепостной стены Тиритаки. Здесь двухэтажный жилой дом погиб в пожаре, который, судя по находкам краснолаковой керамики и небольшого склада амфор, следует датировать третьей четвертью VI в. Интересная находка была сделана в перекрывающем эту разрушенную усадьбу слое, где была обнаружена небольшая мраморная плитка с надгробной эпитафией церковного чтеца Феодора [42, с. 549–550]. Имя Феодор и ранее встречалось в Тиритаке на одной находке из раскопок В. Ф. Гайдукевича. При исследованиях в припортовой части города на участке XV был найден сосуд в форме фляги с двумя ручками. С одной стороны фляги в центре, на самой возвышенной части сосуда, изображен крест, а на плоской стороне процарапана греческая надпись – обращение к святому Феодору [12, с. 172–173, рис. 28,а,б]. Эту христианскую глиняную ампулу-флягу А. И. Айбабин датирует VII в. [3, с. 137]. Постройки, функционировавшие в VII в., были выявлены на нескольких участках и в приморской части города, где проводил раскопки В. Ф. Гайдукевич [12]. Здесь на участках V–VI, XIII и XV над слоем с разрушениями и пожарами третьей

четверти VI в. выявлен слой с частично восстановленными постройками, которые А. И. Айбабин отнес к концу VI – VII в. [3, с. 137]. Однако большинство поселений в приморских частях черноморского и азовского побережий Восточной Таврики были оставлены жителями, лишь на некоторых выявлены отдельные обитаемые постройки. Так, среди развалин крепости Илурата слой VII в. с краснолаковыми мисками LR-C формы 3-F был выявлен на участке III во дворе дома 2 [14, с. 110].

После ухода тюрков в 581 г. из Крыма [39, S. 124, 128] император Маврикий (582–602) предпринял усилия по защите владений Империи в Таврике и продолжил военно-административную реформу на полуострове. Так, из надписи, найденной в Тамани, известно, что «среди прочих великих и дивных деяний в сие славное на Боспоре кесарское здание возобновил М[авр]икий, благочестивейший и богохранимый наш владыка, через собственного своего раба Евпатерия, славнейшего стратилата и дука Херсонского. Индикта 8-го». Текст надписи дает основание говорить о подчинении дукe Херсона всех владений Империи на Крымском полуострове – Херсона, Юго-Западного Крыма и городов на Европейском Боспоре. Дука Херсона, вероятно, содействовал восстановлению в городе Боспор только разрушенных тюрками общественных (кесарских) зданий и оборонительных сооружений [3, с. 132, 141; 7, с. 39–41]. Однако жилые постройки города пришли в упадок, и на протяжении всего VII в. так и не были восстановлены все кварталы. Так, в северной части города, на месте охранных раскопок А. И. Айбабина, из трех сгоревших усадеб заново отстроили только одну [4].

Несмотря на все катастрофические последствия, связанные с тюркским погромом, жизнь в городах Боспор и Тиритака, а также в некоторых выживших приморских поселениях, начинает постепенно восстанавливаться. Сохранились и некоторые традиционные боспорские отрасли экономики. В VII в. продолжали солить рыбу в небольших цистернах, расположенных у гавани города Боспор [33, с. 140–141]. Однако, судя по тому, что был заброшен большой комплекс рыбозасолочных цистерн в юго-восточном предместье Боспора и на его месте возник христианский некрополь из плитовых могил [5, с. 6], соленую рыбу производили лишь для внутреннего употребления. В Тиритаке также продолжают использовать некоторые рыбозасолочные цистерны и винодельни [12, с. 55, 60–61; 24, с. 496]. Особо следует отметить в Тиритаке находку амфоры типа Якобсон 7 VI–VII вв., заполненную нефтью, о чем также свидетельствует и надпись на самой амфоре [12, с. 62–63, рис. 70]. Судя по проведенным исследованиям, нефть была добыта на Керченском полуострове [37]. Источники самородной нефти до сих пор известны вблизи Тиритаки, и она предназначалась на экспорт в Византию, где активно использовалась, в том числе и при изготовлении знаменитого «греческого» огня. Тиритака оставалась в VII в. и центром по производству зерновых культур. В 1992 г. в ближайших окрестностях этого города нами была на берегу моря исследована сельская усадьба с комплексом по переработке зерна, которую по находкам керамики и бронзовой боспорской монеты с начальными буквами императора Ираклия можно датировать первой половиной

VII в. [20, с. 19; 26, с. 161]. Еще одна боспорская монета с надчеканками монограммы из начальных букв имени Ираклия, датируемая 20-ми гг. VII в., была случайно найдена на территории раннесредневековой сельской усадьбы у с. Героевка в 2003 г. [36, с. 376]. Все это свидетельствует о достаточно оживленных товарно-денежных отношениях в сельском хозяйстве Тиритаки.

К интересным выводам о политической истории византийского Боспора пришел В. А. Сидоренко в результате изучения медной чеканки этого города в 590–668 гг. Начав с выпуска заимствованных из Херсона монетных типов, что отражало административное подчинение Боспора в 590 г. Херсону, этот город и при императоре Ираклии ориентировался на монетный тип Херсона (оборотная сторона), используя для лицевой стороны монет столичные прототипы чеканки. Позднее, в монетном типе города Боспора времени императора Константа II, не наблюдается прежних приверженностей традиционному типу херсонских анонимных монет. На монетах Константа II впервые появляется символ, который мог использоваться как инициальная буква названия Боспора, что, очевидно, свидетельствует о зависимом от администрации Херсона статусе византийского города Боспора. В целом монетная чеканка Боспора отражает его политическую историю на протяжении VII в. [36, с. 376].

Относительная стабилизация политической и хозяйственной жизни в Восточной Таврике в последней четверти VII в. вновь была разрушена. Этнополитическая ситуация коренным образом изменилась в результате завоевания степей Северного Причерноморья хазарами. По свидетельству Никифора, около 679 г. хазары напали на боспорские города и поселения на обоих берегах пролива [38, с. 154, 162; 3, с. 185, 187–189; 39, S. 170–183]. В городе Боспор в припортовой части Т. И. Макарова выявила слой пожара, который уничтожил базиликальный комплекс с крещальней и другими постройками. Исследовательница связывает этот пожар с вторжением хазар [34, с. 389–390]. Этот же пожар, от которого погибла вновь отстроенная в конце VI в. усадьба 1, был зафиксирован А. И. Айбабиным в Кооперативном переулке. По монетам слой этого пожара в северной части города Боспор им датируется между 659 и 686/687-ми гг. [3, с. 185–187, рис. 79]. От пожаров в последней четверти VII в. погибли восстановленные жилые и хозяйственные постройки в Тиритаке [12, с. 49–55, 67–72; 13, с. 172–173; 24, с. 498], а также христианская базилика в припортовой части города. Город был окончательно заброшен и оставлен жителями, а на его территории в VIII–IX вв. функционирует варварское селище [25].

Расположенный на далекой северной окраине средиземноморской ойкумены, Боспор постоянно испытывал давление орд кочевников, которые на протяжении столетий перемещались, сменяя друг друга, в великом поясе степей, вытянутом от Китая до Паннонии. Турбулентность этнополитических процессов в Восточной Таврике особенно усилилась в ранневизантийскую эпоху. С деградирующей экономикой и перманентно уменьшающейся численностью населения, ослабленный Боспор, не имея постоянной действенной военно-финансовой поддержки Империи, не мог оказать какого-либо эффективного сопротивления кочевым племенам, с завидным

постоянством нападавших на приморские боспорские города и поселения. После хазарского погрома все поселения обезлюдили, а незначительные остатки прежнего населения сосредоточились в разрушенном пожаром городе Боспор, который на долгие столетия превратился в захолустный провинциальный городок, входящий в состав различных государственных образований. Лишь через несколько десятилетий после хазарского набега новые орды кочевников начинают активно осваивать прибрежные и степные пространства Восточной Таврики, которые в VIII–X вв. покрылись несколькими сотнями новых селищ [21].

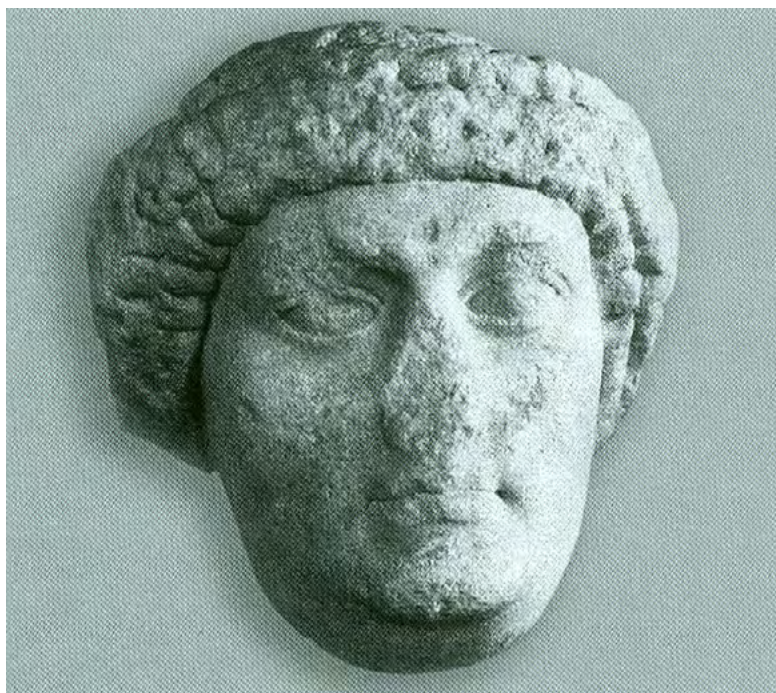

Рис. 1. Скульптурный портрет императора Юстиниана I
Fig. 1. A sculptured portrait of the Emperor Justinian I

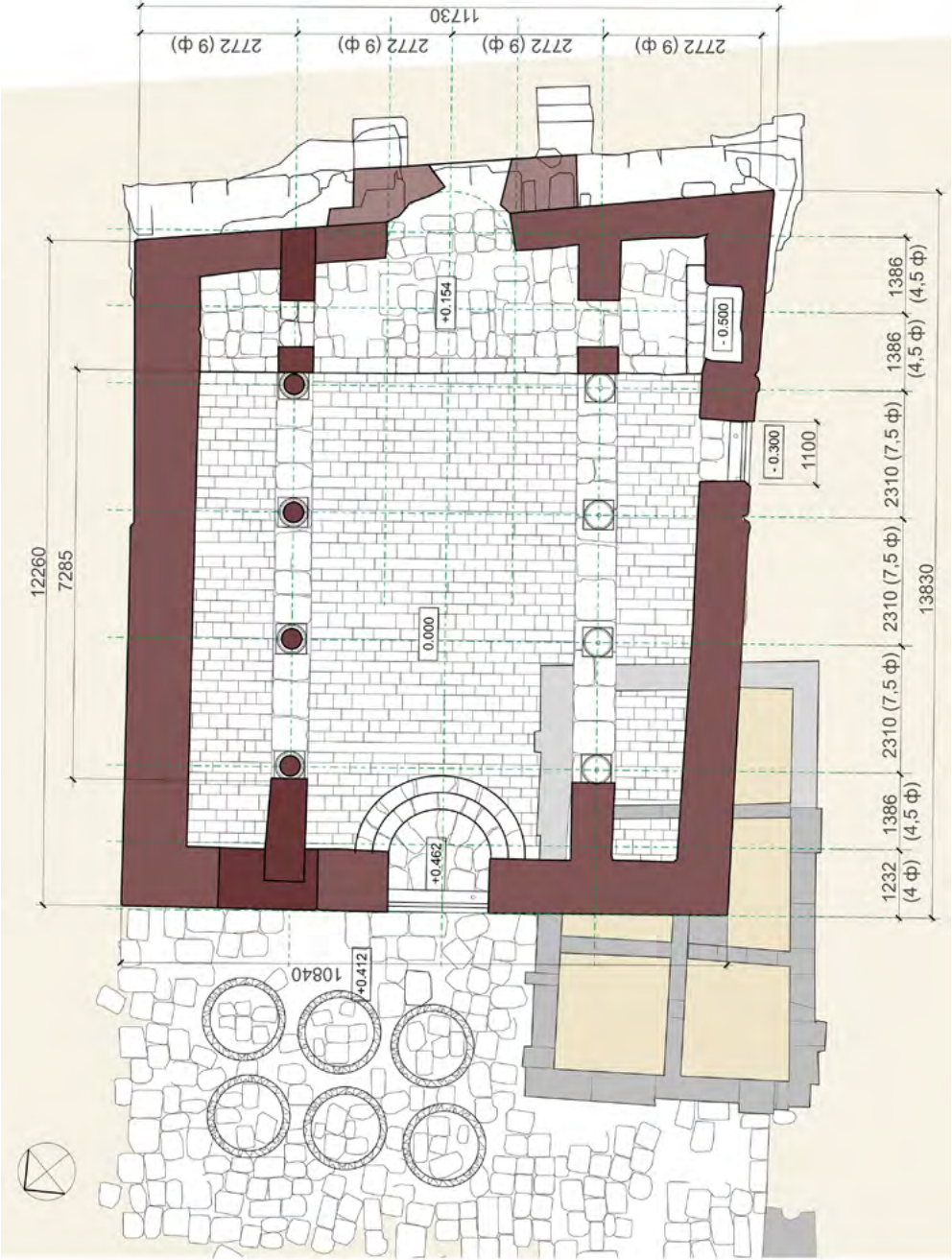

Рис. 2. План тиритакской базилики (по В. В. Житникову и В. Н. Зинько)
Fig. 2. Ground plan of the basilica of Tiritake (after: V. V. Zhitnikov and V. N. Zin'ko)

Рис. 3. Тиритакская базилика. Современное состояние, фото 2014 г.
Fig. 3. The basilica of Tyritake. Modern condition. Photographed in 2014

Рис. 4. Комплекс ванн для дубления кож в центральной части Тиритаки
Fig. 4. A complex of tanning baths in the central area of Tyritake

Рис. 5. План построек последней четверти VI – третьей четверти VII в. в центральной части Тиритаки
Fig. 5. Plan of the buildings from the last quarter of the sixth to the third quarter of the seventh century in the central area of Tiritaki

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 4–86.
2. Айбабин А.И. Погребения кочевнической знати в Крыму конца IV – VI вв. // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 206–211.
3. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
4. Айбабин А.И. Боспор в конце VI – VII вв. // II Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Керчь, 2001. С. 5.
5. Айбабин А.И. Раскопки нового рыбозасолочного комплекса в г. Боспор // XIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Керчь, 2012. С. 6.
6. Айбабин А.И. Византийские порты в Крыму в IV–VII вв. // Боспорские исследования. 2016. Вып. XXXIII. С. 186–189.
7. Айбабин А.И. О реформе системы управления владениями Византии в Крыму в последней четверти VI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22, № 5. С. 38–45.
8. Айбабин А.И. Гунны в Равнинном Крыму // Нижневолжский археологический вестник. 2019. Т. 18. № 2. С. 47–61.
9. Айбабин А.И. Усадьба рыбака в ранневизантийском Боспоре // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма. Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию А.И. Айбабина / Ред.-сост. Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антиква, 2019. С. 7–16.
10. Артамонов М.И. История хазар. Л.: Наука, 1962. 523 с.
11. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. 216 с.
12. Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 15–134.
13. Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946–1952 гг. // МИА. 1958. № 85. С. 149–218.
14. Гайдукевич В.Ф. Илурат // МИА. 1958. № 85. С. 3–148.
15. Засецкая И.П. Некоторые итоги изучения хронологии памятников гуннской эпохи в южнорусских степях // АСГЭ. 1986. Вып. 27. С. 79–91.
16. Засецкая И.П. Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового боспорского некрополя (конец IV – начало VII в.) // АСГЭ. 1990. Вып. 30. С. 97–106.
17. Зинько А.В. О кожевенном деле в боспорском городе Тиритака // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь, 2010. С. 145–150.
18. Зинько А.В., Зинько В.Н. Вопросы топографии города Боспора в ранневизантийское время // ТГЭ. 2017. Т. LXXXIX: Византия в контексте мировой культуры. С. 164–176.
19. Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. К топографии ранневизантийского города Боспора и его плито-грунтовых некрополей // Боспорские исследования. 2016. Вып. XXXII. С. 107–148.
20. Зинько В.Н. Жилищно-хозяйственные комплексы IV–VIII вв. на поселениях Героевка-II и Героевка-VI // Византия и народы Причерноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.): Тезисы докладов. Симферополь, 1994. С. 18–20.
21. Зинько В.Н. Восточный Крым в эпоху Хазарского каганата // Хазары: миф и история. Иерасулим; М.: Мосты культуры, 2010. С. 217–248.
22. Зинько В.Н., Зинько А.В. Амфорный склад из раскопок ранневизантийской Тиритаки // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 173–185.
23. Зинько В.Н., Зинько А.В. Основы планировочной структуры боспорского города Тиритака в ранневизантийское время // МАИЭТ. 2020. Вып. XXV. С. 168–186.
24. Зинько В.Н., Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том III. Археологические комплексы второй половины III – VII вв. Симферополь, Керчь, 2020. 704 с.
25. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. Киев: АДЕФ-Украина, 2009. 328 с.

26. Зинько В.Н., Соловьев С.Л. Раскопки на поселении Героевка-2 в 1992 году // Боспорский сборник. М., 1994. Вып. 4. С. 159–163.
27. Зинько Е.А., Зинько В.Н. Процесс христианизации населения боспорского города Тиритака // ТГЭ. 2015. Т. LXXIV: Византия в контексте мировой культуры. С. 377–388.
28. Казанский М.М. Гунны на Боспоре Киммерийском // Боспорские исследования. 2021. Вып. XLII. С. 108–131.
29. Кулаковский Ю.А. Керченская христианская катакомба 491 г. // Материалы по археологии России. СПб., 1891. Вып 6. С. 1–30.
30. Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. Киев, 1914. 156 с.
31. Куликов А.В., Иванина О.А. Об одном скульптурном портрете Керченского лапидария // Научный сборник Керченского заповедника. 2008. Вып. II. С. 44–50.
32. Латышев В.В. Этюды по византийской эпиграфике // ВВ. 1894. Т. I. С. 657–672.
33. Макарова Т.И. Боспор-Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика / Ред. П.П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1991. С. 135–149.
34. Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 344–394.
35. Молев Е.А., Молева Н.В. Комплекс культовых зданий на юго-восточной границе китейского городского святилища (раскопки 2005–2006 гг.) // VIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Керчь, 2007. С. 219–225.
36. Сидоренко В.А. Медная чеканка византийского Боспора (590–668 гг.) // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 355–392.
37. Успенский В.А. Исследование древней амфоры с нефтью, найденной в Тиритаке // МИА. 1952. № 25. С. 415–421.
38. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора (тексты, перевод, комментарий). М.: Наука, 1980. 214 с.
39. Ajbabin A.I. Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit. Mainz: Verlag des RGZM, 2011. 276 S., 32 Taf. (Monographien des RGZM. Band 98).
40. Altheim F. Geschichte der Hunnen. Bd. II. Berlin, 1960.
41. Charles R.H. The chronicle of John (c. 690 A.D.), Coptic bishop of Nikiu. London, 1916. 317 p.
42. Twardecki A. New greek inscription and graffito from Tyritake // XIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Керчь, 2013. С. 545–551.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. The chronology of the cemeteries in the Crimea in the Late Roman and Early Byzantine periods. *Materialy po arkeologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 1990, vol. 1, pp. 4–86.
2. Aibabin A.I. Burials of nomad nobility in the Crimea in the end of the 4th–6th centuries. *Materialy po arkeologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 1993, vol. 3, pp. 206–211.
3. Aibabin A.I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma* [Ethnic history of the early byzantine Crimea]. Simferopol, Dar Publ., 1999, 352 p.
4. Aibabin A.I. Bosphorus at the end of the 6th–7th centuries. II Bosporskie chteniia. *Bospor Kimmeriiskii i Pont v period antichnosti i srednevekov'ia* [The materials of 2nd Bosporan Readings. The Cimmerian Bosphorus and Pont in the period of Antiquity and the Middle Ages], Kerch, 2001, p. 5.
5. Aibabin A.I. Excavation of a new fish salting complex in Bosphorus. *XIII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i Pont v period antichnosti i srednevekov'ia. Problemy urbanizatsii* [The materials of 13th Bosporan Readings. The Cimmerian Bosphorus and barbarian world in the period of Antiquity and the Middle Ages. Problems of Urbanization], Kerch, 2012, p. 5–6.

6. Aibabin A.I. The byzantine ports in the Crimea in the 4th–7th centuries. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2016, vol. 23, pp. 186–189.
7. Aibabin A.I. On the reform of the administrative system of byzantium's possessions in the Crimea in the last quarter of the 6th century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriiia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Science journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 5, pp. 38–45. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.4>.
8. Aibabin A.I. The Huns in the plains of Crimea. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2019, vol. 18, no. 2, pp. 47–61.
9. Aibabin A.I. A fisherman's house in Early Byzantine Bosporos. Khairedinova E.A. (ed.), *Problemy istorii i arkheologii srednevekovogo Kryma: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu A.I. Aibabina* [Aspects of the history and archaeology of mediaeval Crimea. Materials of the international conference dedicated to Aleksandr Aibabin's 70th birthday anniversary], Simferopol, Antikva Publ., 2019, pp. 7–16.
10. Artamonov M.I. *Istoriiia khazar* [History of the Khazars]. Leningrad, Nauka Publ., 1962, 523 p.
11. Gadlo A.V. *Eticheskaia istoriia Severnogo Kavkaza IV–X vv.* [Ethnic history of the North Caucasus of the 4th–10th centuries]. Leningrad, University Publ., 1979, 216 p.
12. Gaidukevich V.F. Excavations of Tiritaka in 1935–1940. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* [Materials and research on archeology of the USSR], 1952, no. 25, pp. 15–134.
13. Gaidukevich V.F. Excavations of Tiritaka and Myrmeky in 1946–1952. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* [Materials and research on archeology of the USSR], 1958, no. 85, pp. 149–218.
14. Gaidukevich V.F. Ilurat. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* [Materials and research on archeology of the USSR], 1958, no. 85, pp. 3–148.
15. Zasetskaia I.P. Some results of the study of the chronology of the monuments of the Hunnic era in the southern Russian steppes. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological collection of the State Hermitage], 1986, vol. 27, pp. 79–91.
16. Zasetskaia I.P. Relative chronology of the crypts of the late antique and early medieval Bosporos necropolis (late 4th – early 7th centuries). *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological collection of the State Hermitage], 1990, vol. 30, pp. 97–106.
17. Zin'ko A.V. On the tanning business in the Bosporos city Tyritake. *XI Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Remesla i promysly* [The materials of 11th Bosporan Readings. The Cimmerian Bosporos and Barbarian World in the period of Antiquity and the Middle Ages. Handicrafts and Trades], Kerch, 2010, pp. 145–150.
18. Zin'ko A.V., Zin'ko V.N. On the topography of the Bosporos in the Early Byzantine period. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Transactions of the State Hermitage], 2017, vol. 89, pp. 164–176.
19. Zin'ko A.V., Ponomarev L.Iu. To the topography of the early Byzantine city of Bosporos and its slab and ground necropoleis. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2016, vol. 32, pp. 107–148.
20. Zin'ko V.N. Housing complexes of the 4th–8th centuries on the settlements of Heroevka-2 and Heroevka-6. *Vizantiia i narody Prichernomor'ia v rannee srednevekov'e (IV–IX vv.): Tezisy dokladov* [Byzantium and the peoples of the Black Sea region in the early Middle Ages (4th–9th centuries): Abstracts], Simferopol, 1994, pp. 18–20.
21. Zin'ko V.N. Eastern Crimea during the era of the Khazar Kaganate. *Khazary: mif i istoriia* [Khazars: myth and history], Jerusalem, Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2010, pp. 217–248.
22. Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. An amphorae storage excavated in Early Byzantine Tyritake. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2019, vol. 24, pp. 173–185.
23. Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. The principles of the planning structure of the Bosporan city of Tyritaka in the Early Byzantine period. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2020, vol. 25, pp. 168–186.

24. Zin'ko V.N., Zin'ko A.V., Ponomarev L.Iu. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom III. Arkheologicheskie komplekсы vtoroi poloviny III–VII vv.* [Tiritake. Excavation Trench XXVI. Volume III. Archaeological complexes of the second half of the 3rd–7th centuries]. Simferopol, Kerch, 2020, 704 p.
25. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom I. Arkheologicheskie komplekсы VIII–X vv.* [Tiritake. Excavation Trench XXVI. Volume I. Archaeological complexes of the 8th–10th centuries]. Kiev, ADEF-Ukraina Publ., 2009, 328 p.
26. Zin'ko V.N., Solov'ev S.L. Excavations at the settlement of Geroyevka-2 in 1992. *Bosporskii sbornik* [Bosporan collection], Moscow, 1994, vol. 4, pp. 159–163.
27. Zin'ko E.A., Zin'ko V.N. The process of christianization of the Bosporan town of Tiritake. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Transactions of the State Hermitage], 2015, vol. 74, pp. 377–388.
28. Kazanskii M.M. Huns on Cimmerian Bosphorus. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2021, vol. 42, pp. 108–131.
29. Kulakovskii Iu.A. Kerch Christian catacomb of 491. *Materialy po arkheologii Rossii* [Materials on archeology of Russia], St.-Petersburg, 1891, vol. 6, pp. 1–30.
30. Kulakovskii Iu.A. *Proshloe Tavridy* [The past of Taurida]. Kiev, 1914, 156 p.
31. Kulikov A.V., Ivanina O.A. About one sculptural portrait of the Kerch Lapidarium. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika* [Scientific collection of the Kerch nature reserve], 2008, vol. 2, pp. 44–50.
32. Latyshev V.V. *Sbornik grecheskikh nadpisei khristianskikh vremen iz iuzhnoi Rossii* [Collection of Greek inscriptions from Christian times from Southern Russia]. St.-Petersburg, 1896, 144 p.
33. Makarova T.I. Bospor-Korchev according to archaeological data. Tolochko P.P. (ed.), *Vizantiiskaia Tavrika* [Byzantine Taurica], Kiev, Naukova dumka Publ., 1991, pp. 135–149.
34. Makarova T.I. Archaeological excavations in Kerch near John the Baptist Church. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 1998, vol. 6, pp. 344–394.
35. Molev E.A., Moleva N.V. The complex of cult buildings on the south-eastern border-line of the Kytaia city sanctuary (excavations of 2005–2006). *VIII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Sviatilishcha i sakral'nye ob'ekty* [The materials of 8th Bosporan Readings. The Cimmerian Bosphorus and Barbarian World in the period of Antiquity and the Middle Ages. Sanctuaries and Sacred Objects], Kerch, 2007, pp. 219–225.
36. Sidorenko V.A. Copper coinage of Byzantine Bospore (590–668 AD). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2003, vol. 10, pp. 355–392.
37. Uspenskii V.A. Exploration of an ancient oil amphora found in Tiritake. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* [Materials and research on archeology of the USSR], 1952, no. 25, pp. 415–421.
38. Chichurov I.S. *Vizantiiskie istoricheskie sochineniia: «Khronografii» Feofana, «Breviarii» Nikifora (teksty, perevod, kommentarii)* [Byzantine historical works: “Chronography” of Theophanes, “Breviaries” of Nicephorus (texts, translation, commentary)]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 214 p.
39. Ajbabin A.I. *Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit*. Mainz, Verlag des RGZM, 2011, 276 p.
40. Altheim F. *Geschichte der Hunnen*. Bd. II. Berlin, 1960.
41. Charles R.H. *The chronicle of John (c. 690 A.D.), Coptic bishop of Nikiu*. London, 1916. 317 p.
42. Twardecki A. New greek inscription and graffito from Tyritake. *XIV Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i Pont v period antichnosti i srednevekov'ia. Arkheologicheskii ob'ekt v kontekste istorii* [The materials of 14th Bosporan Readings. The Cimmerian Bosphorus and Barbarian World in the period of Antiquity and the Middle Ages. Archaeological site in the context of history], Kerch, 2013, pp. 545–551.

Информация об авторах

Зинько В. Н. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: AАН-7506-2019.

Зинько А. В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: ААН-7554-2019.

Authors information

Zin'ko V. N. – Doctor of Science (History), Leading Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: ААН-7554-2019.

Zin'ko A. V. – Candidate of Science (History), Senior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: ААН-7506-2019.

КОМПЛЕКС НАХОДОК НАЧАЛА XI В. ИЗ ЦИСТЕРНЫ В IX КВАРТАЛЕ ХЕРСОНЕСА

Лариса Васильевна Седикова¹, Станислав Григорьевич Рыжов²

*Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»,
Севастополь, Россия*

¹ *sedikova7@yahoo.com*

² *staspolis@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается керамический комплекс находок из раскопок цистерны в IX квартале Северо-Восточного района Херсонеса, снабжавшей водой общественную баню на первом этапе ее существования. Причины засыпки цистерны не ясны, но на ее месте позднее появилась жилая застройка. Публикуемые находки представлены импортной тарной и столовой керамикой. В состав комплекса входили коричневоглиняные тарные кувшины с плоскими ручками, происходящие предположительно из региона Тамани, амфоры типа Günsenin I, местом производства которых считается побережье Мраморного моря к юго-западу от Константинополя, столовая посуда типа Glazed White Ware II по классификации Дж. Хейса и белоглиняная расписная керамика (Polychrome ware), также производившаяся в окрестностях византийской столицы. Сосуд с лощеной поверхностью, вероятно, связан с производством круга Хазарского каганата. Рассматриваются вопросы хронологии отдельных типов керамики с учетом современных датировок. По сочетанию циклов датирующего материала комплекс находок из цистерны может быть отнесен к началу XI в. Важную роль в датировке комплекса играет уточненная Г. Сандерсом хронология белоглиняной полихромной посуды, а также отсутствие в комплексе амфор типа Günsenin II середины XI – начала XII в. Вся керамика из засыпки цистерны представлена исключительно привозными образцами и отражает два направления торговли Херсона этого периода – Константинополь и его окрестности, а также регион Приазовья – Северного Кавказа.

Ключевые слова: Херсонес (Херсон), Византия, X–XI вв., амфоры, поливная столовая посуда

A COMPLEX OF THE EARLY-ELEVENTH CENTURY FINDS FROM A CISTERN IN QUARTER IX OF CHERSONESE

Larissa V. Sedikova, Stanislav G. Ryzhov

State Historical and Archaeological Museum Preserve of Tauric Chersonese, Sevastopol, Russia

Abstract. This paper discusses a complex of ceramic finds excavated from a cistern in quarter IX in the north-eastern area of Chersonese, which supplied water to a public bath at the first stage of its existence. Although the reasons why the cistern was covered with soil remain unclear, later on residential buildings appeared at this site. The finds published here comprised imported transport and table ceramic wares. The complex included brown-clay flat-handle transport pitchers, presumably

from the Taman area; Günsenin I amphorae produced on the Marmara Sea coast to the south-west of Constantinople; Glazed White Ware II tableware (according to J. Hayes' classification) and painted white-clay Polychrome Ware also produced in the vicinity of the Byzantine capital. A vessel with polished surface is probably connected with the manufacture of the Khazar Khanate circle. The questions of the chronology of specific pottery types have been analysed with account to their modern dating. According to the combination of dates, the complex of finds from the cistern in question is attributable to the beginning of the eleventh century. An important role for the dating of the complex is played by the chronology of the white-clay polychrome ware clarified by G. Sanders and the absence of Günsenin II amphorae dating from the mid-eleventh to the early twelfth centuries. The ceramic ware from the infill of the cistern comprises only imported pieces and reflects the two directions of Cherson's trade in the said period: first, Constantinople and its environs and second, the Azov Sea and Northern Caucasus area.

Keywords: Chersonese (Cherson), Byzantium, ninth and tenth centuries, amphorae, glazed table vessels

Одной из актуальных задач изучения городища Херсонеса Таврического является уточнение его стратиграфии по материалам последних исследований, а также по данным старых раскопок. Северный и Северо-Восточный районы Херсонесского городища исследуются со второй половины XIX столетия. Здесь открыты раскопками важные архитектурные доминанты средневекового города – Уваровская и Северная базилики. Вместе с тем, большой интерес представляет окружающая их застройка. Если планировка последнего периода существования города на данном участке достаточно хорошо читается, то стратиграфия предшествующей фазы существования района нуждается в уточнениях.

Из атриума Уваровской базилики, пересекая шестую поперечную улицу на юго-запад вела вторая продольная улица, ограничивавшая IX квартал с юго-востока. Раскопками 1893 г., проведенными К. К. Косцюшко-Валюжиничем, в IX квартале было открыто здание – общественная баня, представлявшая собой вытянутый прямоугольник размерами 16,0x6,75 м, состоящий из четырех помещений [11, с. 54–55]. Прилегающая территория не исследовалась.

В 1982 г. С. Г. Рыжовым при раскопках участка к юго-востоку от раскопанного К. К. Косцюшко-Валюжиничем здания были открыты три ванны, безусловно относившиеся к бане, и колодец-цистерна, по всей вероятности, снабжавшая баню водой [16, л. 10–15] (рис. 1). Дискуссия о датировке бани подробно изложена в статье Л. А. Голофаст [4, с. 306–308]. Доследовавший здание С. Г. Рыжов считал V–начало VI в. наиболее вероятной датой строительства здания, хотя не исключал и более позднюю датировку [16, л. 32].

Прямоугольная цистерна размерами 3,7x2,3 м была вырублена в скале на глубину более 10 м. Верх цистерны-колодца на глубину 1,2 м был облицован тесаными известняковыми блоками, к моменту раскопок сохранившимися только в восточной части. Облицовка трех оставшихся сторон обрушилась в цистерну. Археологический материал из ее заполнения определяет время разрушения бани и является *terminus post quem* для строительства домов, возникших на месте засыпанной цистерны.

Засыпь представляла собой слой земли с камнями и керамикой. В ее верхней части глубиной до двух метров встречаются единичные находки XII–XIII вв., отражающие время функционирования домов, возникших на месте засыпанной цистерны. Это фрагменты амфор с плоским дном и бугристой поверхностью класса 52 по классификации 1995 г. [15, с. 83–84], считающиеся местными. Традиционная дата типа – XIII–XIV вв. может быть скорректирована на XII–XIII вв. [20, с. 404–405]. К этому же времени относятся фрагменты белоглиняной поливной тарелки с акварельным рисунком под прозрачной поливой и фрагмент миски типа *Zeuxippos Ware*. Эти изделия имеют полные аналогии среди комплексов времени разрушения Херсона, произошедшего в пределах второй половины XIII в. [5, с. 224; 20, с. 428].

Основная же часть материала из заполнения цистерны относится ко времени прекращения функционирования сооружения. Комплекс находок расширяет представления о керамическом наборе, бывшем в употреблении у жителей средневекового Херсона в этот период.

Кувшины с плоскими ручками (рис. 2). Наибольшее число находок тарной керамики относится к этому типу. Всего из засыпи извлечено 284 фрагмента, часть из которых удалось склеить. Кувшины характеризуются плоским дном, вытянутым корпусом, одной, реже двумя плоскими ручками и высоким горлом, заканчивающимся отогнутым двучастным венчиком. Размеры сосудов различны. Так, диаметр венчика варьирует от 9 до 14 см. Черепок красный или красно-коричневый, редко – оранжевый. Снаружи кувшины покрыты коричневатым ангобом, внутри темное смолянистое покрытие.

Датировка кувшинов в целом долгое время определялась в пределах VIII–XI вв. Основой служили исследования С. А. Плетневой Саркела и Тамани [12, с. 260, рис. 45; 13, с. 54; 22, с. 310, рис. 163]. В своей последней работе по керамике средневековой Таврики А. Л. Якобсон датировал эту группу VIII–X вв. [24, с. 32–33, рис. 14]. После корректировки С. А. Плетневой даты слоев с кувшинами на памятниках круга Хазарского каганата (конец IX – конец XI в.) [14, с. 74] началось уточнение датировки типа на других памятниках. Так, И. А. Баранов нижнюю дату бытования кувшинов с плоскими ручками отнес к середине IX в. [2, с. 24, рис. 7]. На основании детального рассмотрения материалов раскопок Тмутаракани, а также опубликованной С. А. Плетневой стратиграфической колонки, А. В. Сазановым предложена дата – середина / вторая половина IX – начало / первые десятилетия XII в. [19, с. 45–47]. В херсонесской классификации амфор 1995 г. эти сосуды отнесены к классу 41 и датированы второй половиной IX – началом XII в. [15, с. 63–66, №№ 135–143]. По материалам исследований Фанагории В. Н. Чхаидзе высказал предположение о возможном начале производства кувшинов в VII в. в окрестностях Таманского городища [21, с. 164]. К сожалению, несмотря на большое количество публикаций, четкая типология и хронология кувшинов с плоскими ручками пока не разработана [17, с. 318–320; 9, с. 185; 10, с. 57; 22, с. 162–166]. Подавляющее большинство находок этого типа керамики происходит из городов и поселений Таманского полуострова.

Отсюда, видимо, сосуды поступали в Крым. Незначительное количество находок кувшинов с плоскими ручками отмечено на территории Древней Руси [7, с. 174], их единичные находки зафиксированы и в Константинополе в районе Сарашаны в депозите 39 середины X в. или позже [27, р. 183, fig. 63,6] и депозите 43, датированном периодом после середины XI в. [27, р. 191, fig. 71,53].

Амфоры tuna Günsenin I (рис. 2–3). Фрагментированные красноглиняные амфоры из хорошо отмученной оранжево-красной или красно-коричневой глины с включениями мелких частиц известняка и слюды. Тулово амфор округлое бороздчатое, короткое горло завершает валикообразный венчик, под которым крепились изогнутые ручки. Поверхность покрыта светлым ангобом. На стенках амфор в верхней, придонной части и у основания ручки встречаются граффити. В современной литературе эти амфоры соотносятся с типом Günsenin I [28, р. 21–22, fig. 4]. В свое время А. Л. Якобсон датировал подобные амфоры из Херсонеса концом IX – X в., предполагая, что часть амфор этой серии производилась в Херсонесе. В корпусе амфор из Херсонеса 1995 г. этот тип соотносится с классом 42, где, несмотря на датировку типа от последней трети IX до второй половины XI в., отмечено, что в Херсонесе они встречаются в комплексах последней трети X – XI в. [15, с. 66–67, табл. 28, 33, 51]. В классификации Дж. Хейса это тип 54, датированный концом X – началом XII в. [27, р. 73, 75, fig. 24,1–11]. Амфоры из засыпи цистерны имели достаточно высокое горло, что, по мнению Дж. Хейса, является признаком более ранней формы этого типа [27, р. 75]. Этот тип амфор был распространен во всем Средиземноморско-Черноморском бассейне. Их находки известны по раскопкам в Египте, Леванте, Греции, южной Италии, Болгарии, Сербии, в городах Северного Причерноморья, а также в древнерусских городах и даже в Швеции [35, р. 186; 6, с. 152–153, ил. 62–65]. Местом производства амфор считается побережье Мраморного моря к юго-западу от Константинополя, вероятно Ганос и остров Мармара (античный Проконес). Высококачественное вино производилось в известном монастырском паломническом центре Ганоса. На землях острова Мармара, по всей вероятности, принадлежавших монастырю, также были открыты печи по производству амфор типа Günsenin I. Монастырское вино в амфорах транспортировалось в Константинополь и далее распространялось по всему византийскому миру [29, р. 145–152].

Столовая посуда в засыпи цистерны представлена двумя типами. Первый тип – *белоглиняная поливная посуда*, которая в современной литературе ассоциируется с группой *Glazed White Ware II* по Дж. Хейсу. В комплекс находок входили фрагментированные тарелки и блюда на кольцевом поддоне, на дне которых в большинстве случаев оттиснуты изображения крестов (рис. 5,15,22), птиц (рис. 5,16,19,21,23) и грифонов (рис. 5,18,20), размещенных в розетках. Полива желтая или пятнистая зеленая, возможно сочетание желтой и зеленой поливы на одном изделии. В состав комплекса также входит маленький кувшинчик с вытянутым туловом с отбитой ручкой, покрытый снаружи желтой поливой (рис. 6,25), и фрагмент глубокой круж-

ки с ручкой. Наружная поверхность бороздчатая, с небрежными горизонтальными мазками красной краски под желтой поливой (рис. 6,26).

В базовых работах А. Л. Якобсона данная группа поливной посуды из раскопок Херсонеса датировалась IX–X вв. [24, с. 83–93]. Эта датировка была основана большей частью на публикациях Р. Стивенсона и Ч. Моргана [32, р. 35–41; 30, р. 42–49]. Современные датировки херсонесских материалов опираются на классификацию Дж. Хейса. Время наибольшего распространения группы Glazed White Ware II приходится на начало X – XI в. [27, р. 18–29]. В Херсонесе сосуды группы GWWII входили в состав комплексов X в. [17, с. 312–329] и начала XI в. [18, с. 118–145]. Византийская столица, безусловно, производила основную часть этой широко известной во всем византийском мире посуды, однако, опубликованные В. Франсуа находки отходов производства этой группы керамики с северо-запада Турции, из Nikei, позволяют говорить и о других производственных центрах [25, р. 417]. Ареал распространения керамики группы Glazed White Ware II включал все основные торговые пути Византийской империи и ее партнеров [33, р. 147–150]. Находки керамики отмечены и в Крыму, на Тамани, на Дунае, в крепостях южной Италии, на Кипре [26, р. 146, 151, map. 2].

Вторая группа – *белоглиняная расписная керамика*, покрытая тонким слоем прозрачной поливы (*Polychrome ware*). В комплексе присутствуют два типа сосудов.

Тип 1. Кружки на низком кольцевом поддоне, на дне которых черной краской нарисованы кресты с перечеркнутыми концами (так называемый иконоборческий крест); снаружи – роспись в виде растительного орнамента или так называемой красной пестроты (рис. 7,30,33). В. Н. Залеская датирует подобные сосуды в пределах IX в. и считает культовыми, связанными с обрядами евхаристии и миропомазания знатных новокрещенцев из варваров [6, с. 12–13]. В комплексе присутствует сосуд с изображением креста, нарисованным красной краской, однако сохранившиеся остатки стенок в нижней части не позволяют отнести его к кружкам, для которых характерно изображение крестов на дне (рис. 7,31).

Тип 2. Блюда с растительным орнаментом в виде стебля с ответвляющимися от него пальметтами. Контуры изображений выполнены черной, а заполнения – желтой и зеленой красками. Тонкий слой бесцветной поливы едва сохранился внутри. Снаружи оливковая полива более густая.

Классификация поливной керамики средневекового Херсона и Крыма, в свое время разработанная А. Л. Якобсоном, в значительной степени опиралась на классификации находок из Константинополя Р. Стивенсона и Коринфа Ч. Моргана, где полихромная керамика датировалась IX–X вв. и относилась к константинопольскому производству [24, с. 93, рис. 56; 30, р. 64–69]. В корпусном издании Дж. Хейса хронологические рамки контекстов, содержащих полихромную посуду из раскопок в районе Константинополя Сарашаны – начало X в. – 1150 г. [27, р. 35–36]. Важные материалы для датировки этой группы керамики дали современные исследования Коринфа, позволившие Г. Сандерсу уточнить стратиграфическую колонку памятника и отнести

время бытования белоглиняной полихромной керамики из раскопок Коринфа к XI – началу XII в. Этим же периодом автор предлагает датировать аналогичную керамику из раскопок Сарашан [31 р. 98–101]. Белоглиняная полихромная керамика была распространена на территории Византии. Ее выразительные, но немногочисленные находки известны по раскопкам в Эгейском регионе, в Малой Азии, Палестине, на Балканах, в Крыму, а также на древнерусских памятниках [34, р. 79].

Единичной находкой является горло *коричневоглиняного кувшина*, с полосками лощения и желобками в месте перехода от горла к тулову. Венчик кувшина имеет зашип, образующий слив. Черепок коричневатый снаружи, черный внутри (рис. 6,24). Наибольшее количество аналогов можно найти среди материалов Саркела [12, с. 214, рис. 3], городов и поселений Крыма [24, с. 80, рис. 49; 3, с. 289; 18, с. 57], Таманского городища [21, с. 195–198], Фанагории [22, с. 179, рис. 119]. Находки кувшинов со шлифованной поверхностью также отмечены в Румынии, Болгарии, Албании, Греции, Турции [33, р. 145]. Наш сосуд близок к группе Fine Orange-Red Burnished Ware, выделенной Дж. Хейсом из контекстов конца X – XI столетий в Сарашанах. Исследователь проводит параллели этой группе керамики с изделиями круга Хазарского каганата [27, р. 50, fig. 18,1–3]. А. Л. Якобсон рассматривал подобную керамику как «салтовскую» [24, с. 80]. В. В. Майко допускает, что производство кувшинов, под воздействием северокавказских традиций, могло быть также связано с Юго-Восточным Крымом [8, с. 212].

В отчете о раскопках цистерны есть информация о находках в засыпи многочисленных фрагментов кухонных горшков, которые не вошли в коллекцию и у нас нет возможности их проиллюстрировать. Среди находок также присутствует некоторое количество бронзовых изделий, но отсутствие информации об уровне их залегания в засыпи не дает возможности отнести предметы к комплексу первоначального заполнения цистерны.

Из текста отчета о раскопках следует, что в засыпи цистерны было найдено 24 монеты, самые поздние из которых в количестве 4 единиц относятся ко времени правления византийских императоров Василия II и Константина (976–1025 гг.), а также одной монеты Херсона XI–XII вв. Датировка последней монеты с монограммой «ро» скорректирована Н. А. Алексеенко. По всей вероятности, она относится к местному выпуску XIII в. [1, с. 189]. Учитывая, что монета находилась в верхней части заполнения цистерны, она может быть связана с поздней застройкой участка.

Таким образом, время засыпи цистерны можно отнести к началу XI в. Важную роль в этой датировке играет уточненная Г. Сандерсом хронология полихромной посуды, а также отсутствие в комплексе амфор типа Günsenin II (тип 60 по Дж. Хейсу) середины XI – начала XII в. [27, р. 75–76].

Эта дата вызывает необходимость вновь вернуться к вопросу о времени существования бани в IX квартале Херсонеса. По мнению Л. А. Голофаст, баня не была разобрана после пожара конца X в. и продолжала существовать в урезанном виде до момента гибели квартала в XIII в. [4, с. 308]. По всей вероятности, после восста-

новления бани цистерна перестала служить резервуаром для хранения запаса воды и была засыпана. Сведений о том, каким образом баня снабжалась водой после восстановления у нас нет.

Полученный в результате раскопок археологический материал, хоть и не представляет собой закрытый комплекс, все же отражает набор керамики определенного хронологического периода.

Как мы видим, керамика, как тарная, так и столовая, входившая в состав комплекса и находившаяся в обиходе у жителей города в этот период, представлена исключительно привозными образцами и отражает два направления торговли – Константинополь и его окрестности, а также регион Приазовья – Северного Кавказа. Херсон в этот период был одним из центров транзитной торговли между Византийской столицей, Крымом и территориями, расположенными к востоку и к северу от Керченского пролива.

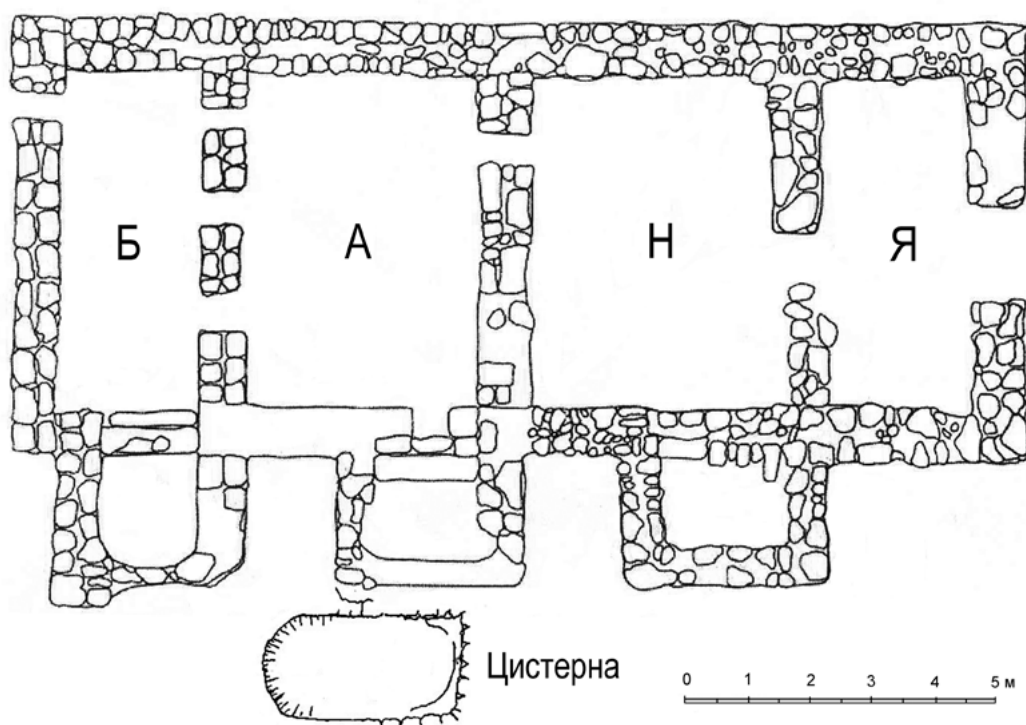

Рис. 1. Баня с цистерной в квартале IX Херсонесского городища
Fig. 1. Public bath with a cistern in quarter IX of the ancient city of Chersonese

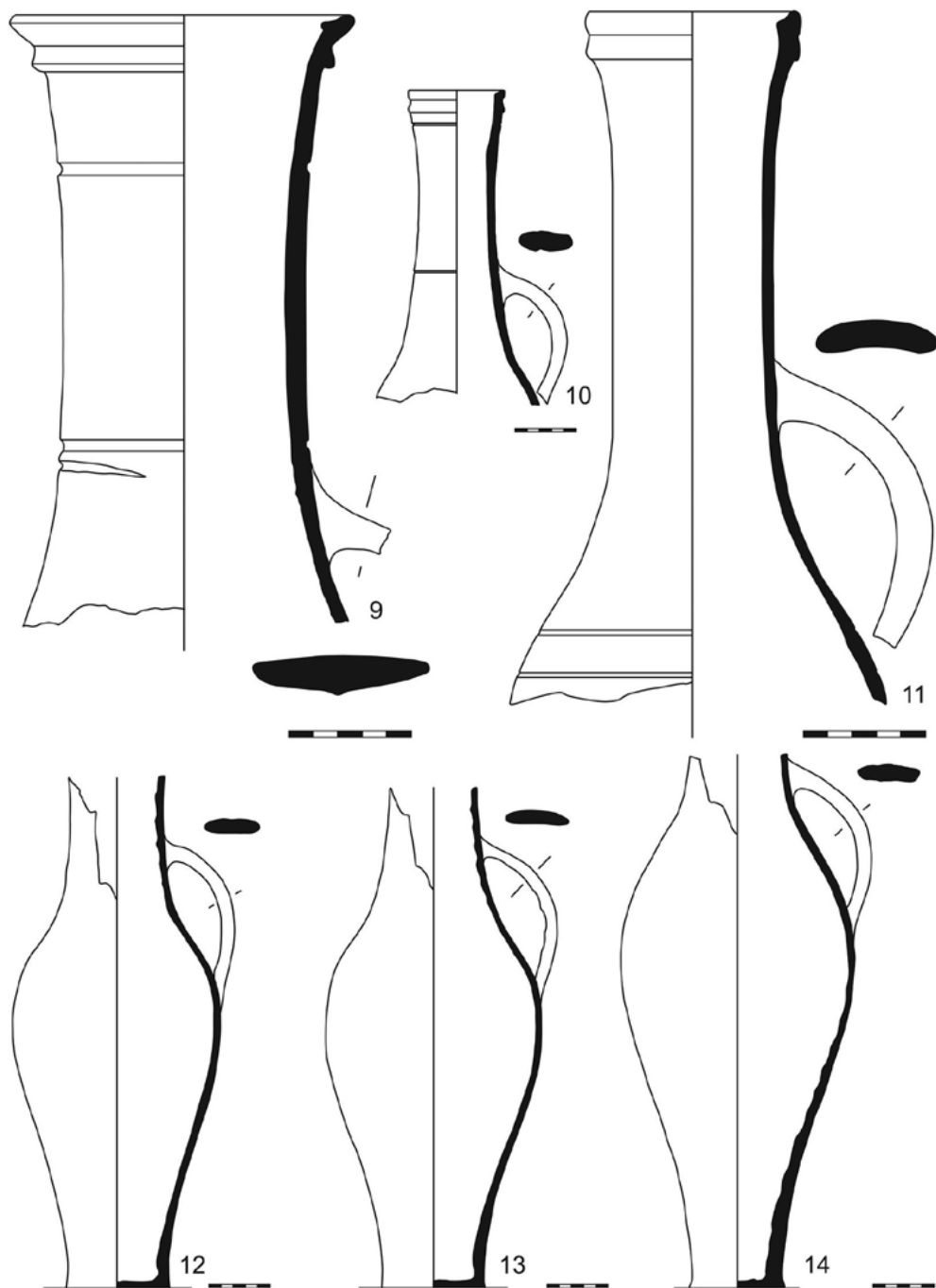

Рис. 2. Кувшины с плоскими ручками

Fig. 2. Flat-handle pitchers

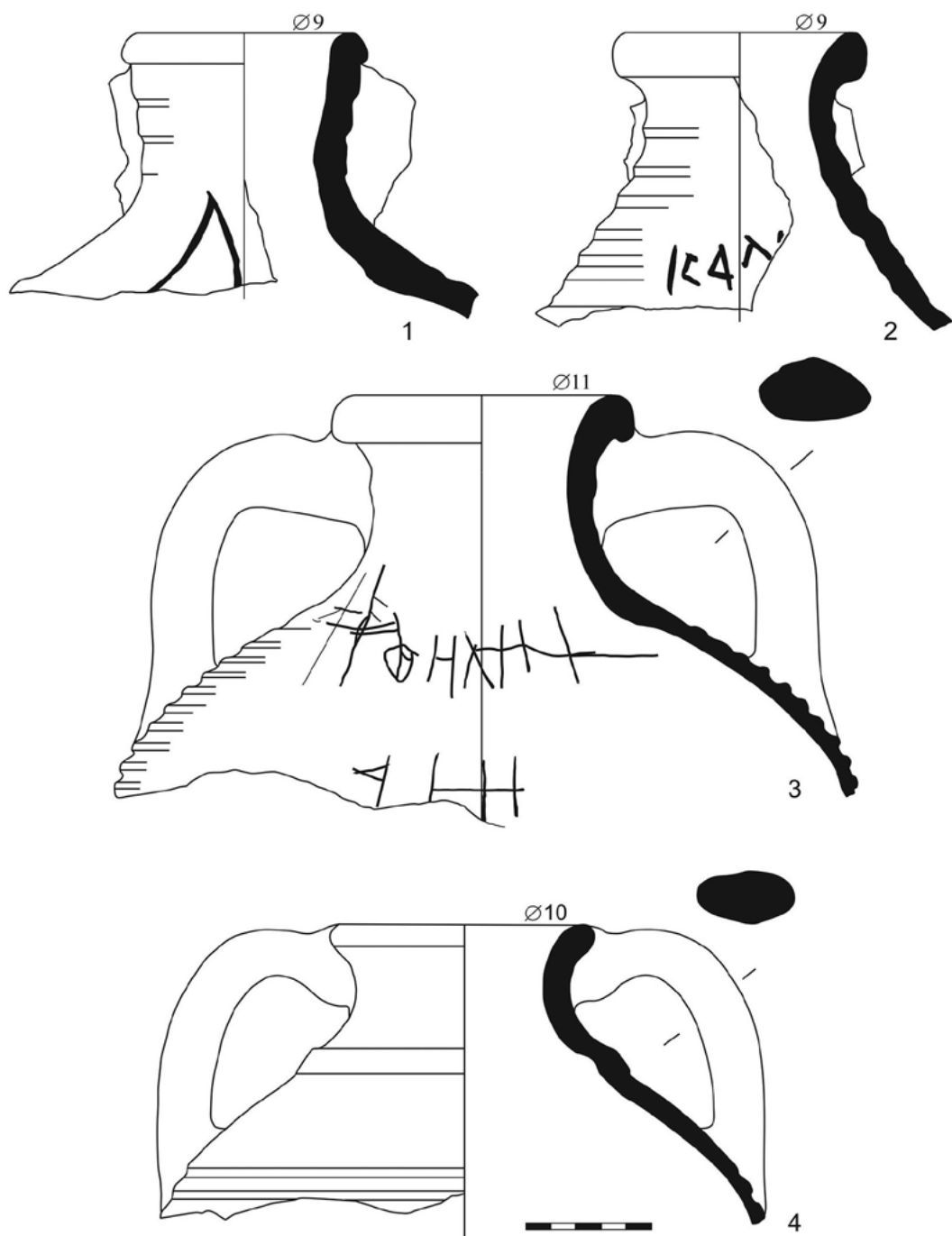

Рис. 3. Амфоры типа «Günşenin I»

Fig. 3. Günşenin I amphorae

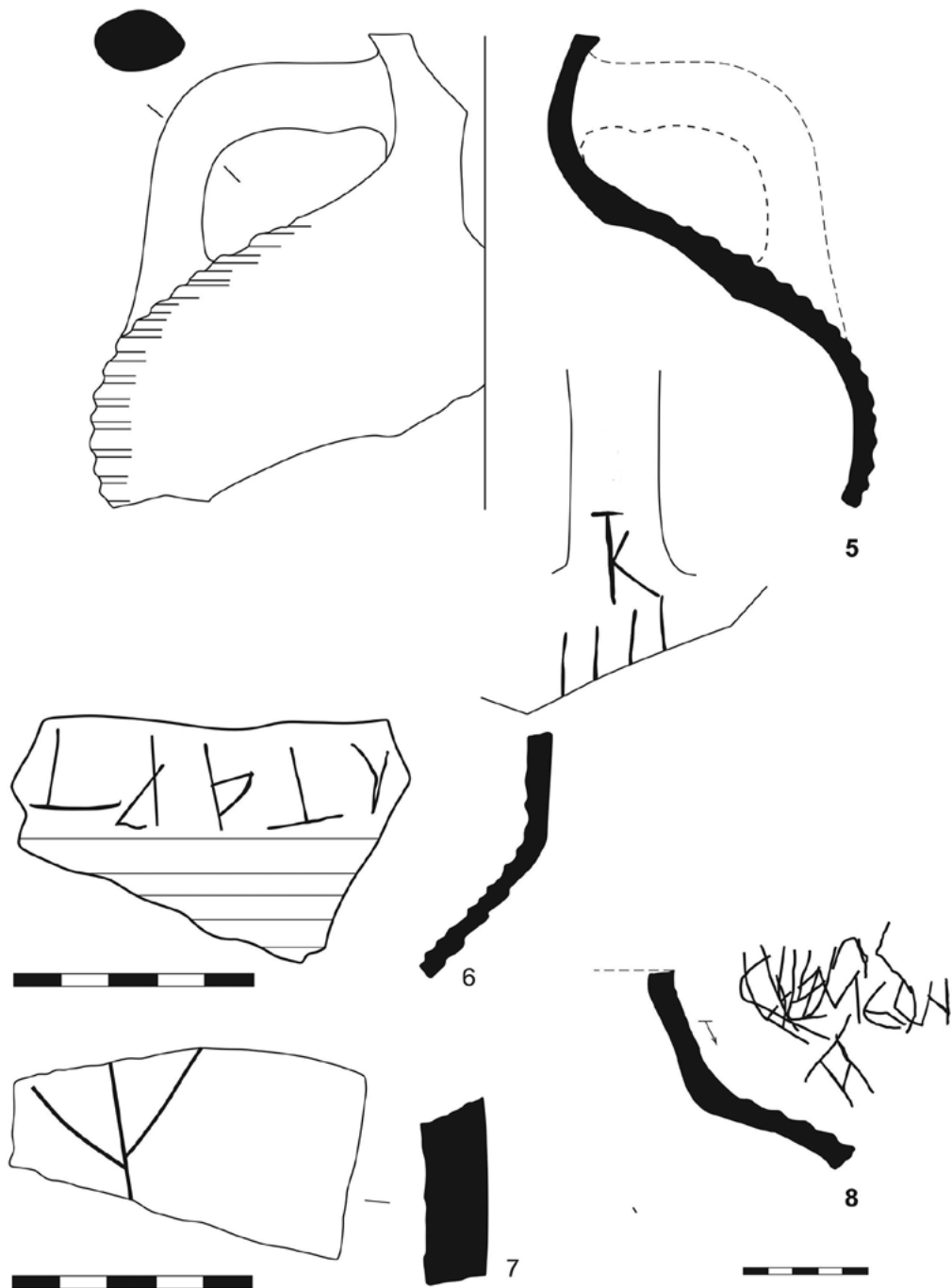

Рис. 4. Амфоры типа «Günsenin I»
Fig. 4. Günsenin I amphorae

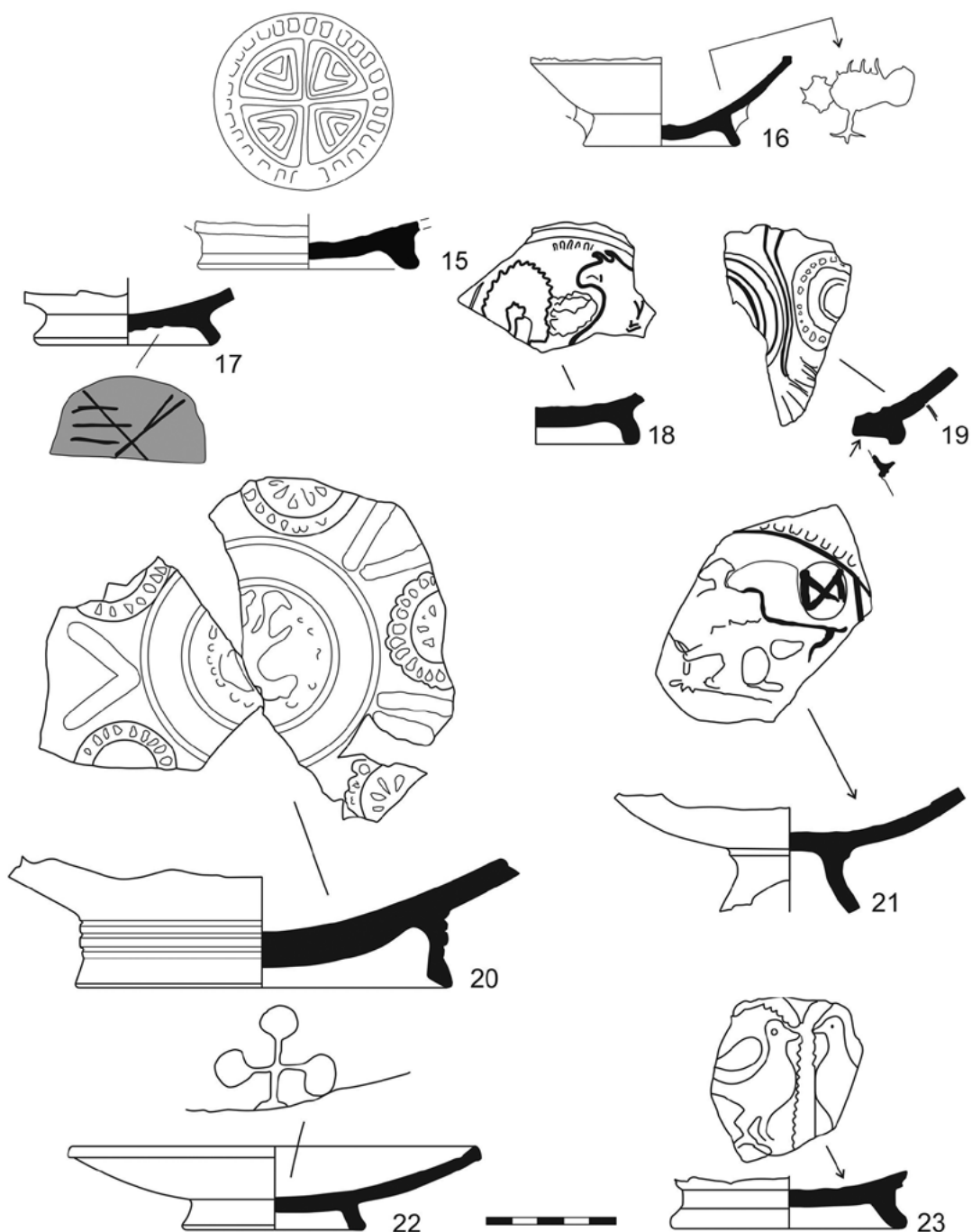

Рис. 5. Керамика типа «Glazed White Ware II»

Fig. 5. Glazed White Ware II ceramic finds

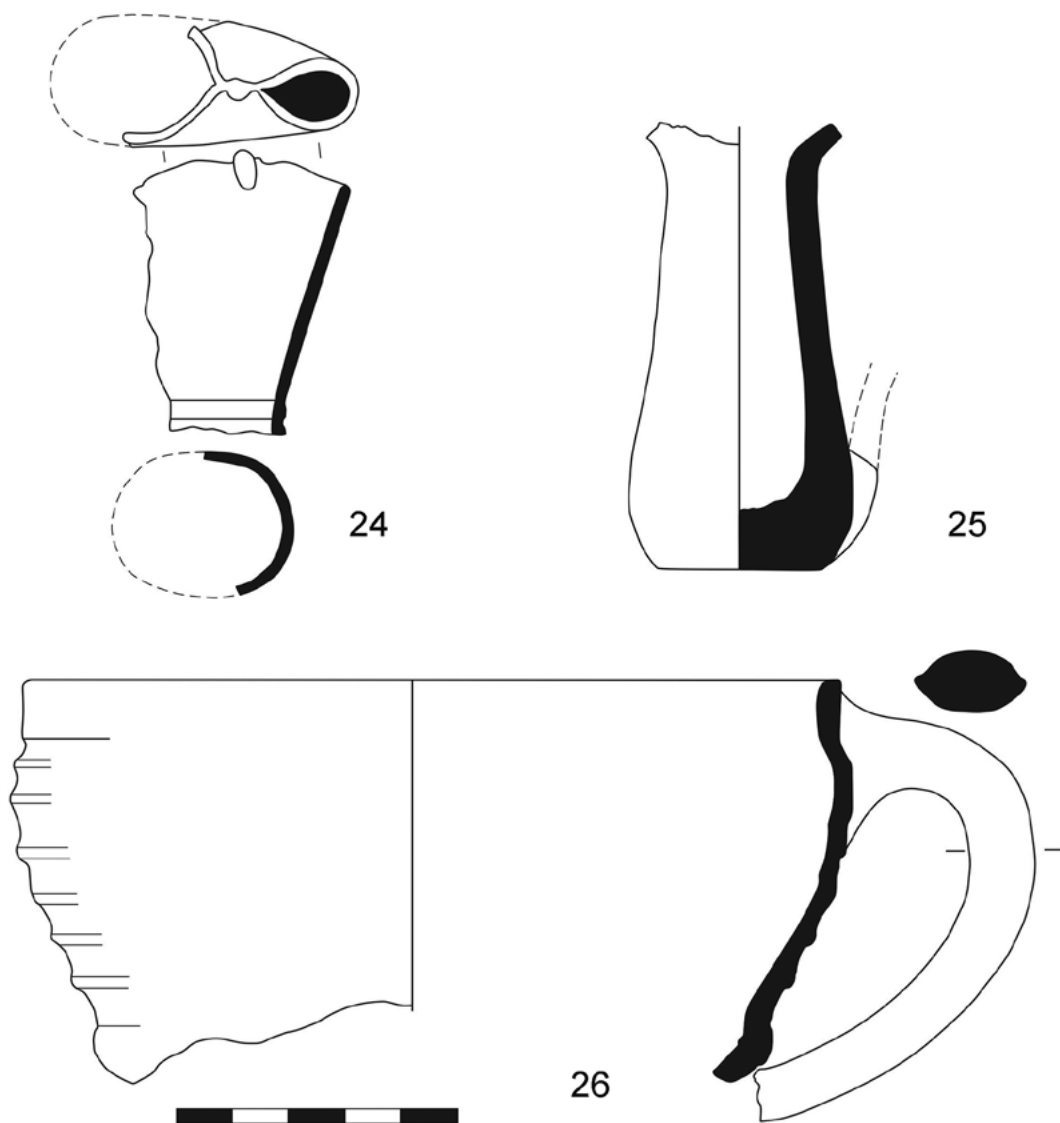

Рис. 6. Сосуд с лощением (24) и керамика типа «Glazed White Ware II» (25–26)

Fig. 6. Polished vessel (24) and Glazed White Ware II ceramic finds (25–26)

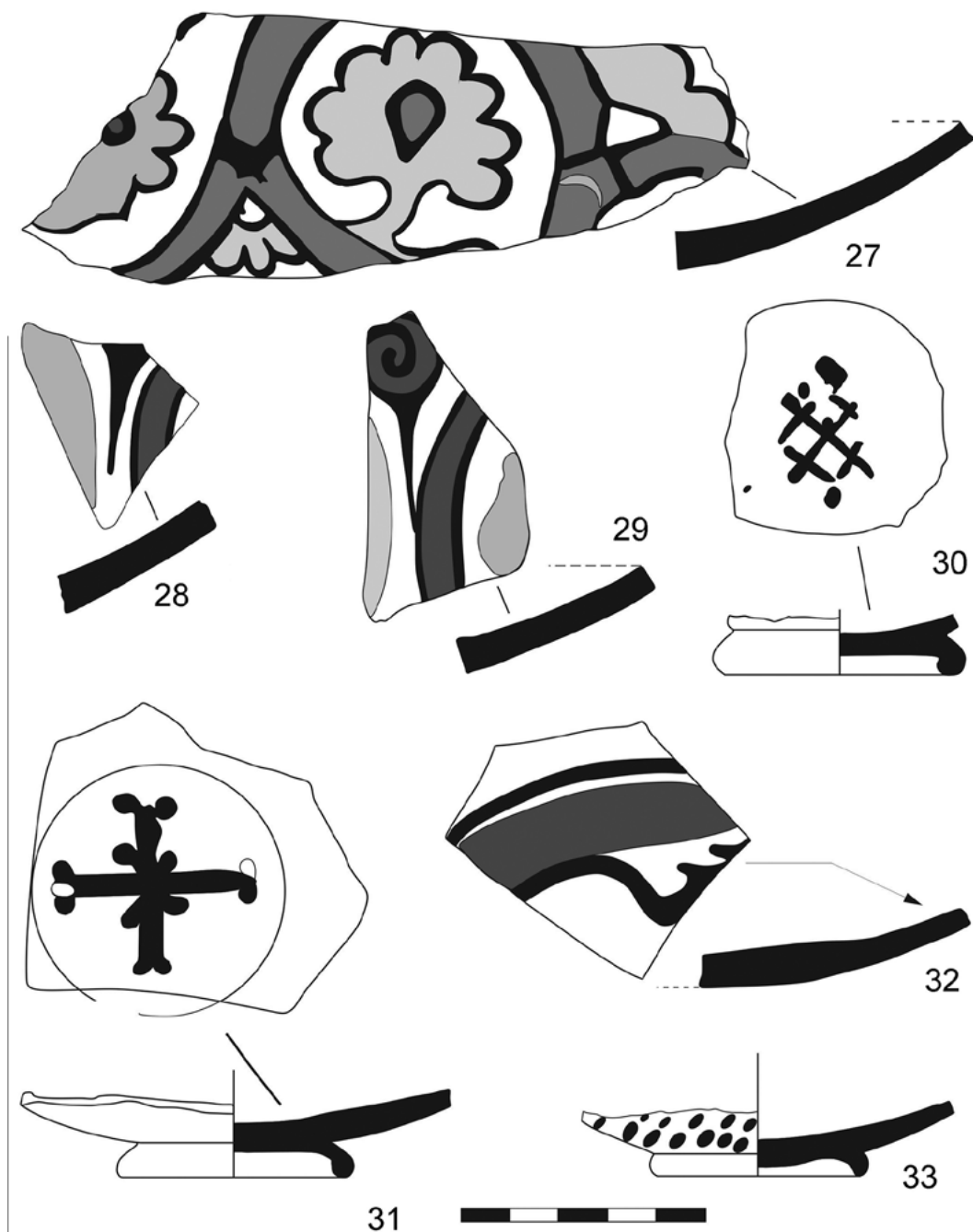

Рис. 7. Керамика типа «Polychrome ware»
Fig. 7. Polychrome Ware ceramic finds

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеенко Н.А. К вопросу о деятельности херсонесского монетного двора в XIII столетии // ХСб. 1996. Вып. VII. С. 187–192.
2. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев: Наукова думка, 1990. 165 с.
3. Баранов И.А., Майко В.В. К вопросу о типологии столовой лощеной посуды юго-восточного Крыма второй половины X века // ХСб. 1999. Вып. X. С. 287–290.
4. Голофаст Л.А. Градостроительный облик Херсона в XIII веке // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 275–377.
5. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Раскопки квартала X в северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 182–260.
6. Залеская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства. Византийская керамика IX–XV веков. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. 269 с.
7. Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси IX–XVII века. М.: Наука, 2010. 268 с.
8. Майко В.В. К вопросу о крымских керамических импортах на территории хазарского Саркела // ПИФК. 2001. Вып. XI. С. 205–217.
9. Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. Киев: Академперіодика, 2004. 316 с.
10. Науменко В.Е. Пифосы. Амфоры. Фляги. Столовая посуда // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь, Керчь, 2009. С. 32–63.
11. Отчет заведующего раскопками в Херсонесе за 1893 год // Отчет Археологической комиссии за 1893 год. СПб., 1895. С. 51–75.
12. Плетнева С.А. Керамика Саркела – Белой Вежи // МИА. 1959. № 75. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 2. С. 212–272.
13. Плетнева С.А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тму-таракани / Ред. Б.А. Рыбаков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 5–72.
14. Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981. С. 62–75.
15. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995. 110 с.
16. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках IX квартала в северном районе Херсонеса в 1982 году // Научно-архивный отдел ГИАМЗХТ. Ф. Р-2. Д. 2346.
17. Рыжов С.Г., Седикова Л.В. Комплексы X в. из раскопок квартала X «Б» Северного района Херсонеса // ХСб. 1999. Вып. X. С. 312–329.
18. Сазанов А.В. Базилика 1987 г. и некоторые проблемы интерпретации памятников христианского Херсонеса // Причерноморье в Средние века. 2000. Вып. 4. С. 276–316.
19. Сазанов А.В. К хронологии цитадели Баклинского городища IX–XI вв. // Проблемы истории и археологии Крыма / Ред. Могаричев Ю.М. Симферополь: Таврия, 1994. С. 42–57.
20. Седикова Л.В. Керамический комплекс XIII в. из слоя разрушения усадеб 2 и 3 квартале L Херсонесского городища // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 402–458.
21. Чхаидзе В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.: Таус, 2008. 326 с.
22. Чхаидзе В.Н. Фанагория в VI–X веках. М.: Триумф принт, 2012. 589 с.
23. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 362 с. (МИА. № 63).
24. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 164 с.
25. François V. Les ateliers de céramique byzantine Nicée / Iznik et leur production (X – début XIe siècle) // Bulletin de Correspondance Hellénique. 1997. 128(1). P. 411–442.

26. François V. A distribution Atlas of Byzantine ceramics. A new approach to the pottery trade in Byzantium // Trade in Byzantium. Papers from the Third International Sevgi Gönül Byzantine Studies symposium / Ed. P. Magdalino, N. Necipoğlu. Istanbul, 2016. P. 143–155.
27. Hayes J.W. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. Oxford: Princeton University Press, 1992. 455 p.
28. Günsenin N. Les amphores byzantines (X–XIII siècles): typologie, production, circulation d'après les collections turques. Paris, 1990.
29. Günsenin N. Ganos wine and its circulation in the 11th century // Byzantine trade 4th–12th centuries. The archaeology of local, regional and international exchange / Ed. M. Mundell Mango. Oxford, 2009.
30. Morgan Ch. The byzantine pottery. Corinth. Results of the excavations conducted by the American School of classical studies of Athens. Vol. XI. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1942. 373 p.
31. Sanders G.D. Byzantine polychrome pottery // Mosaic. Festschrift for A.H.S. Megaw / Eds. J. Herrin, M. Mullett, C. Otten-Froux. London: British School at Athens, 2001. (British School at Athens. 8).
32. Stevenson R. The pottery // The Great Palace of the Byzantine Emperors. Being a first report on the excavations carried out in Istanbul on behalf of the Walker Trust (the University of St. Andrews) 1935–1938 / Eds. G. Brett, W.J. Macaulay, R.B.K. Stevenson. Oxford: University Press, 1947.
33. Vroom J. After Antiquity: Ceramics and society in the Aegean from the 7th to the 20th century A.C. A case study from Boeotia, Central Greece. Leiden: Faculty of Archaeology, 2003. 412 c. (Archaeological Studies Leiden University 10).
34. Vroom J. Byzantine to Modern Pottery in the Aegean. An Introduction and Field Guide. Utrecht: Parnassus Press, 2005. 224 p.
35. Vroom J. Ceramics // The Archaeology of Byzantine Anatolia: From the end of Late Antiquity until the Coming of the Turks / Ed. Ph. Niewöhner. Oxford: University Press, 2017.

REFERENCES

1. Alekseenko N.A. On the activity of the Chersonesus mint in the 13th century. *Khersonesskii sbornik* [Chersonesos collection], Sevastopol, 1996, vol. 7, pp. 187–192.
2. Baranov I.A. *Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ia* [Tavrika in the Early Middle Ages]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1990, 165 p.
3. Baranov I.A., Maiko V.V. On the question of the typology of tableware in the Southeastern Crimea of the second half of the 10th century. *Khersonesskii sbornik* [Chersonesos collection], Sevastopol, 1999, vol. X, pp. 287–290.
4. Golofast L.A. Urban image of Chersonesos in the 13th century. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2009, vol. 15, pp. 275–377.
5. Golofast L.A., Ryzhov S.G. Excavations in the quarter X in the northern district of Chersonesos. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2003, vol. 10, pp. 182–260.
6. Zaleskaia V.N. *Pamiatniki vizantiiskogo prikladnogo iskusstva. Vizantiiskaia keramika IX–XV vekov* [Monuments of Byzantine applied arts. Byzantine ceramics of the 4th–7th centuries]. St.-Petersburg, Gos. Ermitazh Publ., 2011, 269 p.
7. Koval' V.Iu. *Keramika Vostoka na Rusi IX–XVII veka* [Oriental ceramics in Rus' 9th–17th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 2010, 268 p.
8. Maiko V.V. On the question of the Crimean ceramic imports in the territory of the Khazar Sarkel. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies], 2001, vol. 11, pp. 205–217.
9. Maiko V.V. *Srednevekovoe gorodishche na plato Tepsen' v iugo-vostochnom Krymu* [Medieval settlement on a plateau of Tepsen in southeast of Crimea]. Kiev, Akadempriodika Publ., 2004, 316 p.

10. Naumenko V.E. Pithoi. Amphora. Flasks. Tableware. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom I. Arkheologicheskie komplekсы VIII–X vv.* [Tyritake. Excavation trench XXVI. Vol. 1. Archaeological assemblages 8th–10th cc. AD], Simferopol, Kerch, 2009, pp. 32–63.
11. Report of the head of excavations in Chersonesos for 1893. *Otchet Arkheologicheskoi komissii za 1893 god* [Archaeological Commission Report], St.-Petersburg, 1895, pp. 51–75.
12. Pletneva S.A. Ceramics of Sarkel – Belaya Vezha. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* [Materials and research on archeology of the USSR], 1959, no. 75, pp. 212–272.
13. Pletneva S.A. Medieval ceramics of the Taman settlement. Rybakov B.A. (ed.), *Keramika i steklo drevnei Tmutarakani* [Ceramics and glass of ancient Tmutarakan], Moscow, Akademiia nauk SSSR Publ., 1963, pp. 5–72.
14. Pletneva S.A. Saltovo-Mayak culture. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia. Arkheologiya SSSR* [The steppes of Eurasia in the Middle Ages. Archeology of the USSR], Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 62–75.
15. Romanchuk A.I., Sazanov A.V., Sedikova L.V. *Amfory iz kompleksov vizantiiskogo Khersona* [Amphorae from the complexes of Byzantine Kherson]. Ekaterinburg, 1995, 110 p.
16. Ryzhov S.G. Report on the excavation of the 9th quarter in the northern region of Chersonesos in 1982. *Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"* [Scientific and Archival Department of the State Museum-Reserve "Tauric Chersonesos"], F. R-2, D. 2346.
17. Ryzhov S.G., Sedikova L.V. Complexes of the 10th century from the excavations of quarter 10-B of the Northern region of Chersonesos. *Khersonesskii sbornik* [Chersonesos collection], Sevastopol, 1999, vol. 10, pp. 312–329.
18. Sazanov A.V. Basilica of 1987 and some problems of interpretation of the monuments of Christian Chersonesos. *Prichernomor'e v Srednie veka* [Black Sea region in the Middle Ages], 2000, vol. 4, pp. 276–316.
19. Sazanov A.V. To the chronology of the citadel of the Baklinsky settlement in the 9th–11th centuries. Mogarichev Iu.M. (ed.), *Problemy istorii i arkheologii Kryma* [Problems of the history and archeology of Crimea], Simferopol, Tavriia Publ., 1994, pp. 42–57.
20. Sedikova L.V. A Thirteenth-Century Pottery Assemblage from the Destruction Layer of Urban Houses 2 and 3v in Quarter L of Ancient Chersonese. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2018, vol. 23, pp. 402–458.
21. Chkhaidze V.N. *Tamatar'kha. Rannesrednevekovyi gorod na Tamanskom poluostrove* [Tamatar'kha. Early medieval city on the Taman peninsula]. Moscow, Taus Publ., 2008, 326 p.
22. Chkhaidze V.N. *Fanagoriia v VI–X vekakh* [Phanagoria in the 6th–10th centuries]. Moscow, Triumf print Publ., 2012, 589 p.
23. Iakobson A.L. *Rannesrednevekovyi Khersones. Ocherki istorii material'noi kul'tury* [Early medieval Chersonese. Essays on the history of material culture]. Moscow, Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1959, 362 p.
24. Iakobson A.L. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoj Tavriki* [Ceramics and ceramic production of medieval Taurica]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 164 p.
25. François V. Les ateliers de céramique byzantine Nicée / Iznik et leur production (X – début XIVe siècle). *Bulletin de Correspondance Hellénique*, 1997, no. 128(1), pp. 411–442.
26. François V. A distribution Atlas of Byzantine ceramics. A new approach to the pottery trade in Byzantium. Magdalino P., Necipoğlu N. (eds.), *Trade in Byzantium. Papers from the Third International Sevgi Gönül Byzantine Studies symposium*, Istanbul, 2016, pp. 143–155.
27. Hayes J.W. *Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery*. Oxford, Princeton University Press, 1992, 455 p.
28. Günşenin N. *Les amphores byzantines (X–XIII siècles): typologie, production, circulation d'après les collections turques*. Paris, 1990.
29. Günşenin N. Ganos wine and its circulation in the 11th century. Mundell Mango M. (ed.), *Byzantine trade 4th–12th centuries. The archaeology of local, regional and international exchange*, Oxford, 2009.

30. Morgan Ch. *The byzantine pottery. Corinth. Results of the excavations conducted by the American School of classical studies of Athens*. Vol. XI. Cambridge, MA, Harvard University Press., 1942, 373 p.
31. Sanders G.D. Byzantine polychrome pottery. Herrin J., Mullett M., Otten-Froux C. (eds.), *Mosaic. Festschrift for A.H.S. Megaw*, London, British School at Athens, 2001.
32. Stevenson R. The pottery. Brett G., Macaulay W.J., Stevenson R.B.K. (eds.), *The Great Palace of the Byzantine Emperors. Being a first report on the excavations carried out in Istanbul on behalf of the Walker Trust (the University of St. Andrews) 1935–1938*, Oxford, University Press, 1947.
33. Vroom J. *After Antiquity: Ceramics and society in the Aegean from the 7th to the 20th century A.C. A case study from Boeotia, Central Greece*. Leiden, Faculty of Archaeology, 2003, 412 p.
34. Vroom J. *Byzantine to Modern Pottery in the Aegean. An Introduction and Field Guide*. Utrecht, Parnassus Press, 2005, 224 p.
36. Vroom J. Ceramics. Niewöhner Ph. (ed.), *The Archaeology of Byzantine Anatolia: From the end of Late Antiquity until the Coming of the Turks*, Oxford, University Press, 2017.

Информация об авторах

Седикова Л. В. – кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический».

Рыжов С. Г. – заведующий отделом «Городище и некрополь» Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический».

Authors information

Sedikova L. V. – Candidate of Science (History), Deputy director in research of the State Museum-Preserve “Tauric Chersonese”.

Ryzhov S. G. – Head of the department “Settlement and necropolis” of the State Museum-Preserve “Tauric Chersonese”.

DOI: <https://doi.org/10.37279/2413-189X.2021.26.107-142>

НЕСКОЛЬКО ГРУПП СТЕКЛЯННЫХ СОСУДОВ ИЗ СЛОЯ ПОЖАРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII В. В ХЕРСОНЕСЕ

Лариса Алексеевна Голофаст

Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия
larisa_golofast@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1743-5057>

Аннотация. В статье представлена небольшая коллекция стеклянных изделий, происходящих, за исключением нескольких фрагментов, из раскопок закрытого комплекса – слоя пожара второй половины XIII в. в Херсонесе. В публикацию включены четыре группы сосудов, всегда привлекающих повышенный интерес исследователей: флаконы с прокатанным орнаментом, кубки с росписью золотом и цветными эмалями, кубки с налечами (*printed beakers*) и сосуды с каплями и нитями цветного стекла. Подробно рассматриваются вопросы о происхождении технологий изготовления сосудов каждой из представленных групп и о путях их распространения. Определяется время бытования рассматриваемых сосудов, предполагаемые центры их производства, очерчивается ареал. Приводятся находки таких сосудов в других центрах Северного Причерноморья. Количество найденных в Херсонесе сосудов рассматриваемых групп невелико, что свидетельствует, что они не были предметом торговли. В Херсонес их либо привозили путешественники и паломники, либо они попадали в город в качестве даров, в том числе дипломатических. Кроме того, это не позволяет считать Херсонес центром, через который такие сосуды ввозились в северные земли, в том числе в города Древней Руси. Нетоварный характер их поступления в Северное Причерноморье подтверждается и крайне незначительным количеством их находок в тех центрах Таврики, которые, как считается, снабжались через херсонесский рынок. Коллекция расширяет представление исследователей о распространении стеклянных сосудов рассматриваемых групп, а также пополняет количество их находок в закрытых узко датированных комплексах.

Ключевые слова: Херсонес, слой пожара второй половины XIII в., сосуды с прокатанным орнаментом, сосуды с росписью золотом и эмалью, сосуды с налечами, сосуды с каплями и нитями цветного стекла.

Благодарности: Автор глубоко признателен Станиславу Григорьевичу Рыжову, Ларисе Васильевне Седиковой и Адаму Рабиновичу за возможность изучить и опубликовать находки из их раскопок.

A FEW GROUPS OF GLASS VESSELS FROM THE SECOND HALF OF THE THIRTEENTH CENTURY FIRE LAYER IN CHERSONESE

Larissa A. Golofast

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. This paper presents a small collection of glass vessels revealed, with the exception of a few fragments, in a closed deposit, the second half of the thirteenth century fire layer in Chersonese.

This publication includes four groups of vessels that always attract specific interest of the researchers: marvered scent bottles, enamel- and gold-painted vessels, pruned beakers, and vessels with drops and threads of coloured glass. The issues concerning the origin of manufacturing technologies of these vessels and the ways of their distribution have been considered in details. The research has determined the period of use of these vessels, supposed centres of their production, and distribution area. The finds of similar vessels in other Northern Black Sea centres have been cited. The insignificant amount of these vessels found in Chersonese testifies that they were not traded but rather brought to Chersonese by travellers and pilgrims or came there as gifts including diplomatic ones. Besides, this fact does not allow considering Chersonese an intermediate centre through which the vessels in question were imported to the northern countries, Rus'ian towns in particular. The non-commodity character of these vessels' arrival to the Northern Black Sea Area is confirmed by the small number of their finds in those Crimean centres that are thought to have been supplied through Chersonesan market. The collection expands the distribution area of the regarded vessels and increases the number of their finds in closed and narrow-dated assemblages.

Keywords: Chersonese, second half of the thirteenth century fire layer, marvered glass vessels, enamel- and gold-painted glass vessels, pruned beakers, glass vessels with drops and threads of coloured glass

Acknowledgments: The author is deeply grateful to Stanislav G. Ryzhov, Larissa V. Sedikova, and Adam Rabinowitz for the opportunity to study and publish the finds from their excavations

Большая часть представленных в статье сосудов найдена в слое пожара, после которого значительная часть Херсонеса была заброшена, и весь комплекс вещей, находившихся в использовании на момент разрушения, остался в неприкосновенности. Пожар был такой силы, что от огня плавилась даже массивные бронзовые ступы, стеклянные сосуды теряли форму, плавилась, а некоторые превращались в почти бесформенные куски стекла. Среди исследователей нет единого мнения по поводу точной даты и виновников катастрофы, которая настигла не только Херсон, но и ряд других городов Крымского полуострова (Эски-Кермен, Сюйрень, Бакла, Тепе-Кермен): вторая половина XIII в. [35, с. 249]¹, начало второй половины XIII в. [4, с. 190], середина – третья четверть XIII в. [31, с. 102], начало третьей четверти XIII в. [30, с. 310], 1278 г. [26; 14, с. 224], 1299 г. [1, с. 249–250]. В последнее время проведенный А. И. Айбабиным анализ данных письменных источников склонил автора присоединиться к последней точке зрения и отнести разрушение Херсонеса и других крымских городов к 1299 г. [19, с. 328, 331]. Однако ясно, что для определения окончательной даты интересующего нас события необходимы дальнейшие исследования на самих памятниках и уточнение хронологии содержащихся в слое пожара групп материала. Для нас важно, что все предлагаемые даты не выходят за рамки второй половины XIII в.

I. Сосуды с прокатанным орнаментом (*marvered decoration*).

Техника прокатанного орнамента заключается в украшении сосуда полосами или нитями непрозрачного стекла, отличающегося по цвету от стекла самого сосуда: нити накладывали на заготовку, которую затем прокатывали на плоской

¹ При личном общении Ирина Борисовна Тесленко высказала мнение, что, исходя из современных знаний о керамике второй половины XIII – начала XIV в., массовые пожары можно датировать временем не позднее 1260–1270-х гг.

отполированной мраморной или металлической плите (*marver*, отсюда название техники), в результате чего накладные полосы уплощались и как бы впаивались в толщу стекла основы. В большинстве случаев заготовку вновь разогревали и «прочесывали» вверх-вниз для получения орнамента, получившего название «птичье перо». Реже делали диагональные прочесы, получая эффект перекрученной ленты или пояса примыкающих друг к другу ромбов (112, р. 193, 196–197, 199–200, nos. 945, 949, 253–254). Только после этого приступали к окончательной формовке сосуда – заготовку при постоянном разогревании раздували до нужных размеров, придавали необходимую форму и формовали детали. Некоторые сосуды делали путем выдувания в форму, в ходе которого нити «вдавливались» в толщу стекла основы при давлении на стенки формы [66, р. 151; 47, р. 910; 11, с. 470, рис. 2,19,20].

Сами сосуды, как правило, делали из темного стекла: темно-синего, марганцевого, коричневого, изумрудно-зеленого и т.д., а орнамент – из непрозрачного белого или, реже, бледно-зеленого, бледно-синего, желтого или красного стекла. Иногда встречаются экземпляры из бесцветного стекла, декорированные более темными (синими или бирюзовыми) нитями [50, р. 106, nos. 53, 56, 58]. Следует отметить, что в разные периоды доминировали разные цвета стекла как самих сосудов, так и украшавших их нитей.

Время бытования. Прокатанный орнамент принадлежит к числу древнейших способов украшения стеклянных изделий. Появился он в Месопотамии в XVI в. до н.э. или в Египте в эпоху Нового Царства (1450–1100 гг. до н.э.), был широко распространен в эллинистический и римский периоды и продолжал использоваться в эпоху средневековья, то угасая в какие-то периоды, то вновь обретая популярность. Континуитет в бытовании сосудов, украшенных прокатанным орнаментом, на протяжении всего средневековья прослежен, например, в Бет-Шане и Ком-Эль-Дека (Александрия), где они происходят из надежно датированных контекстов [66; 79, р. 79]². Однако своего расцвета техника достигает в айюбидское (1171–1250) и мамлюкское (1250–1516) время (главным образом, в XIII–XIV вв.): на территории Израиля, например, сосуды, украшенные подобным образом, находят почти во всех заселенных в мамлюкское время поселениях [63, р. 124].

Центры производства. Считается, что сосуды с прокатанным орнаментом были характерны для исламского мира и производились в XII–XV вв. в Сирии (Хама, Алеппо) [50, р. 144] и Египте (Фустат), где использовались соответственно марганцевая и марганцевая и синяя основы [46, р. 302; 47, р. 912; 97]. Из документов каирской Генизы известно, что на изготовлении «красного» (марганцевого) стекла специализировалась мастерская в Бейруте [74, р. 45]. В Палестине одним из центров³, выпускавших сосуды, выполненные в такой технике, был Иерусалим, где,

² При личном общении Ирина Борисовна Тесленко высказала мнение, что, исходя из современных знаний о керамике второй половины XIII – начала XIV в., массовые пожары можно датировать временем не позднее 1260–1270-х гг.

³ Предполагается, что на территории Израиля функционировало несколько центров производства таких сосудов [47, р. 912].

судя по находкам большого количества фрагментов и отходов их производства в нескольких районах старого города, одновременно функционировало несколько мастерских, которые выпускали сосуды, главным образом, из марганцевого стекла с орнаментом из белого непрозрачного [70, р. 109–110].

Формы. В разные периоды доминировали разные формы сосудов, выполненных в рассматриваемой технике [подробно см.: 66]. В XIII в. в технике прокатанного орнамента производили сосуды самых разных форм. В Палестине особенно популярны были чаши со сферическим ребристым туловом и слегка вогнутым дном, которые составляют большую часть комплекса стекла из раскопок Иудейского квартала в Старом городе Иерусалима [46] и раскопок в Цфате; несколько фрагментов было найдено в ходе раскопок небольшого участка в Иерихоне [11, р. 470, fig. 2, 19, 20; 12, с. 148–150, рис. 2, 4–5; 3, 3–7]. Причем использовали такие чаши не как столовую посуду, а в качестве светильников [47, р. 913]. Очень популярны были различных форм бутылки и флаконы, которые предназначались для хранения благовоний, использовавшихся во время религиозных церемоний, а также земли или воды со святых мест или масла из лампад, горевших в гробницах святых [47, р. 912, 916], т.е. служили эвлогиями, и в качестве таковых попадали в Европу вместе с паломниками, число которых неуклонно росло, особенно с приходом в Святую землю крестоносцев [70, р. 111; 45, р. 189]. Встречаются также кувшины, банки, разбрызгиватели, сосуды в форме птиц [48, р. 361, fig. 3; 112, р. 218–219, nos. 992–993], косметические флаконы (kohl) с узкой конической нижней частью [12, рис. 3, 5], использовавшиеся для хранения сурьмы [107, р. 103, fig. 2, nn, pp; 83, pl. 19, 552; 47, р. 916, fig. 5, 15], кубки с цилиндрическим туловом [12, рис. 3, 6] и даже шахматные фигуры, большое количество которых хранится в различных музейных и частных собраниях [66, р. 154; 112, р. 193, 219–220, nos. 994–995]. В Браничево (Сербия) в слое пожара, надежно датированном временем между серединой и концом XII в., найден целый набор из 16 сосудов разных форм (8 чаш, 3 кувшина, 2 цилиндрических флакона и 3 сосуда, которые предположительно можно определить как флаконы), выполненных в технике свободного выдувания из темно-марганцевого стекла и украшенных нитями белого непрозрачного [99, р. 155]. Большая коллекция сосудов разных форм (чаши, банки, вазы с яйцевидным туловом на полом кольцевом поддоне, пиксиды, колбообразные сосуды), сделанных из марганцевого стекла, происходит из раскопок в цитадели Дамаска и в Хаме [57, р. 433, pl. 2].

Ареал. Помимо уже перечисленных, находки сосудов с прокатанным орнаментом известны во многих центрах: Двин (Армения) [5, табл. 166, 22]; Сарды [88, р. 102–103]; несколько фрагментов сосудов из марганцевого стекла, украшенных орнаментом «птичье перо», происходят из слоев XII–XIII вв. в Пергаме [93, S. 95, Abb. 57 SG]; в Коринфе несколько фрагментов выявлены в слоях XI–XII вв. [55, р. 88–89, 115–116, pl. 58, 755–757]. Довольно часто их находят в городах Волжской Булгарии [8, с. 53]; в Болгаре известны находки более 30 фрагментов сосудов с подобным декором [9, с. 249]; большое количество фрагментов найдено на Царевском и Сели-

тренном городищах, причем не только синего или лилового, но и горчичного цвета [9, с. 249]. Фрагменты сосудов с подобным орнаментом встречаются и в древнерусских городах (Новогрудке [16, табл. XII,20], Волковыске и Полоцке [24, с. 247, рис. VII; 81, р. 452, fig. 5], Вщиже, Старой Ладогe [37, с. 122], Новгороде, где они происходят из слоя, относящегося к 20 ярусу Неревского раскопа, датирующемуся 1116 г. [21, с. 90; 37, с. 117, 120, рис. 4,3; 7,1; 28, с. 174, илл. 5,19], на Рюриковом городище [27, с. 60–62, табл. IV,11–12], в Белоозере, Владимире [9, с. 249]⁴.

Херсонес. В Херсонесе средневековые сосуды этой группы крайне малочисленны. Мне удалось выявить лишь два экземпляра, один из которых можно отнести к эпохе средневековья лишь предположительно. Это найденный в дерновом слое в квартале L Южного района города фрагмент стенки сосуда с цилиндрическим туловом, украшенным прокатанным орнаментом «птичье перо», выполненным нитями белого непрозрачного стекла (рис. 1,2)⁵. Стекло сосуда темно-синее с мелкими сферическими и эллиптическими вертикальными пузырьками и радужной побежалостью на поверхности.

В 1997 г. в квартале X-Б Северного района Херсонеса в слое пожара второй половины XIII в. найдены фрагменты слегка деформированного от пребывания в огне флакона с коротким, слегка расширяющимся кверху горлом, покатыми плечиками (к сожалению, из-за деформации плечики не удалось соединить с туловом), раздутым туловом и слегка вогнутым сферическим в сечении дном (рис. 1,1)⁶. На нижней поверхности дна – углубление овальной формы от понтии. Орнамент «птичье перо» заходит на дно сосуда⁷. На внутренней поверхности сосуда орнаменту соответствуют выпуклости. Стекло синее, с многочисленными светлыми круглыми и эллиптическими вертикальными пузырьками (на тулове) и радужной побежалостью на поверхности. К сожалению, из-за деформации фрагментов не удалось точно восстановить форму его тулова. Скорее всего, она была близка форме флаконов с цилиндрическим коротким горлом, цилиндрическим, иногда более или менее суживающимся книзу туловом и округлым или, в редких случаях, вогнутым дном. Диаметр дна херсонесского экземпляра указывает на его несколько большие размеры.

Такие флаконы украшали по-разному: росписью цветными эмалями и золотом, накладными нитями стекла [22, с. 25–34; 78, р. 412, fig. 8], прокатанным орнаментом; встречаются сосуды и без какой-либо декорировки. Например, в Которе (Черногория) в заполнении колодца, засыпанном в XII–XIII вв., выявлен 21 сосуд такой формы, в том числе 4 с росписью золотом и эмалью, 13 – с прокатанным орнаментом и 3 –

⁴ Обширный список находок сосудов, выполненных в технике прокатанного орнамента, как на территории Европы, где они встречаются довольно редко [78, р. 412], так и в различных ближневосточных центрах, откуда происходит их наибольшее количество, см.: 99, р. 163–164; карту находок таких сосудов в сиро-палестинском регионе см.: 47, fig. 2.

⁵ Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (далее – ГИАМЗХТ), Инв. № 80/37363.

⁶ ГИАМЗХТ, Инв. № 11/37304.

⁷ Точнее, орнамент начинается на дне сосуда, т.к. нить, как правило, начинали накладывать с дна.

без декорировки [22, с. 25–34; 78, р. 409]. В Херсонесе также найдены флаконы как с росписью золотом и эмалью, так и без орнамента [13]. Первые обычно связывают с Византией. Однако такие же флаконы производили и на исламских территориях, где, как полагают, их начали делать даже несколько раньше, чем в Византии⁸ [104, р. 114]. Исламские и византийские флаконы схожи не только формой, но и похожими изображениями птиц и животных с процарапанной детализировкой, поясами шевронов, а также обрамляющими горло треугольниками, как на одном из флаконов из раскопок Херсонеса [13, рис. 1,1]. Имеется и ряд отличий: на исламских сосудах схема росписи более упорядочена, сложна и насыщена, само исполнение рисунка отличается большей тщательностью, по сравнению с несколько небрежно выполненной росписью византийских сосудов; кроме того, если византийские сосуды расписывали цветными эмалями и золотом, то исламские – исключительно золотом [104, р. 114]. К исламской продукции, скорее всего, следует относить флаконы, украшенные комбинированным орнаментом, состоящим из прокатанного перьевидного орнамента и росписи золотом в виде спиралей и растительных мотивов, заполняющих пространство между фестонами. Мне известны находки таких флаконов в Коринфе и Которе [55, р. 88, pl. 58,755; 78, р. 412, fig. 7]. Происхождение флаконов, хранящихся в музейных собраниях, как правило, неизвестно [112, р. 193, 221–223, nos. 1000–1003].

Таким образом, схожесть формы византийских флаконов с росписью золотом и эмалью и флаконов с прокатанным орнаментом, которые считаются продукцией исламского мира [78, р. 412; 107, р. 103, fig. 2], не удивительна и, скорее, свидетельствует о востребованности таких сосудов как в христианском, так и исламском мире.

Предназначались они для перевозки и хранения благовоний. Поскольку они не могли стоять самостоятельно из-за слишком узкого дна, для них делали специальные подставки из дорогих металлов, соответствующие по стоимости дорогим сосудам с дорогими благовониями, которые они поддерживали [78, р. 409].

Ареал таких флаконов довольно широк. Помимо уже упоминавшихся центров, флаконы, украшенные орнаментом «птичье перо» из белого непрозрачного стекла, найдены в яме XIV в. в Болгаре (два тонкостенных сосуда из марганцевого стекла) [29, с. 211, рис. 94,1–2; 9, с. 249, рис. X,8,9]. Флаконы из марганцевого стекла известны по раскопкам слоев золотоордынского времени (XIII–XIV вв.) на Самосдельском городище [10, с. 69–70, рис. 2,9]. Возможно, аналогичным флаконам принадлежали фрагменты сосудов из синего стекла из раскопок новгородского Рюрикова городища [28, с. 174, рис. 5,19–22].

II. Восточное стекло с росписью золотом и цветными эмалями.

Техника. Техника росписи стекла цветными эмалями была известна еще в римское время, но затем была забыта и возродилась лишь в XI или XII в., но это было не возрождение римской традиции, а новое изобретение [103, р. 16]. Техника заклю-

⁸ Исламские флаконы с росписью обычно относят к середине XII в. Центр (школа), где производили расписанное золотом стекло, в том числе и флаконы рассматриваемой формы, располагался в Сирии или Джазире (Верхняя Месопотамия), наиболее вероятно в Ракке [104, р. 114–115].

чается в смешивании измельченного стекла с красителями и водой, накладывании на охлажденный готовый сосуд, который затем вновь медленно разогревали до тех пор, пока к нему можно было прикрепить понтию, с помощью которой сосуд помещали внутрь печи, чтобы эмали сплавилась с поверхностью стекла, температура плавления которого выше температуры плавления эмали. Т.к. красители разных цветов и золото плавилась при разных температурах, они теоретически должны были накладываться и обжигаться поочередно; но такое постоянное разогревание могло привести к разрушению сосуда, поэтому все или большинство эмалей накладывали одновременно [59, р. 263–264]. Обычно в производстве таких сосудов были задействованы два типа мастеров: те, которые изготавливали сам сосуд, и те, которые его украшали. Часто эти два процесса производились в разных мастерских. Известно, например, о стеклоделах из Тира, переехавших в окрестности Алеппо, откуда они посылали свои сосуды в город для росписи [59, р. 264].

Характеристика. Роспись сосудов рассматриваемой группы, выполненная золотом и эмальями разных цветов (красный, синий, желтый, зеленый, белый, черный), включала фризы, заполненные геометрическим и растительным орнаментом, изображения животных и птиц, арабские надписи. Украшали такой росписью сосуды самых разных форм: бутылки, флаконы, чаши, большие лампы для мечетей, но наибольшее распространение получили кубки с цилиндрическим туловом, слегка расширяющимся в верхней части, и сплошным кольцевым поддоном, сформованным из напаянного на дно сосуда жгута стекла. Предполагается, что такие кубки использовали не только как сосуды для питья, но и в качестве церемониальных сосудов и светильников, хотя второе – менее вероятно [73, р. 94].

Происхождение. Где и когда появилось исламское стекло, расписанное золотом и эмалью, точно неизвестно, и его происхождение остается предметом дискуссии. Предполагается, что техника росписи была изобретена в стеклоделательных мастерских Египта, в частности в Фустате, и зарождение этой индустрии в Сирии, которая доминировала в производстве расписного стекла в XIII в., связывают с предполагаемой миграцией ремесленников из Египта в Сирию в результате свержения в 1168 г. династии Фатимидов Салах ад-Дином (1171) [59, р. 263]. Согласно другой точке зрения, техника попала в мастерские Ракки, Алеппо, Хамы и Дамаска в XII в. из Византии [69, р. 96; 106, р. 5–7; 100, р. 130–131], где расписные сосуды начали делать, скорее всего, еще в X в. Самый ранний сосуд с росписью золотом и цветными эмальями, византийское производство которого общепризнано (чаша из марганцевого стекла из Сокровищницы собора Сан Марко в Венеции), датируется X или XI в. [59, р. 265]. Р. М. Джанполадян приводит интересное свидетельство армянского историка X в., который сообщает, что царь Смбат Баградуни преподнес арабскому полководцу Юсуфу «кубок и стакан – творение византийских мастеров из цветного стекла, расписанного золотом» [17, с. 45]. В XI в. техника росписи золотом и цветными эмальями, по-видимому, получает более широкое распространение, т.к. уже в первой половине XII в. технику описывает монах Теофил в главе «Стеклянные сосуды, которые гре-

ки украшали золотом и серебром» книги II трактата «О различных искусствах» (*De Diversis Artibus*) [34, с. 106–107]⁹. Однако новые свидетельства, количество которых постоянно увеличивается, способствовали появлению еще одной точки зрения, согласно которой исламская школа росписи далека от того, чтобы быть ответвлением византийской, и, скорее, сама оказывала на нее влияние [104, р. 115].

Картина, по-видимому, была более сложная. Отсутствие сходства между византийским и исламским расписным стеклом¹⁰ говорит о том, что, скорее всего, на территории Сирии произошло смешение разных традиций росписи: люстровой и цветными эмалями. Роспись люстром и роспись эмалью и золотом схожи: обе предполагают нанесение рисунка на готовый сосуд и закрепление росписи на поверхности путем вторичного обжига сосуда при низких температурах. Изобретение техники люстровой росписи, которое приписывают египетским, точнее коптским, мастерам, произошло, по-видимому, самое раннее в VII или VIII в. Самый ранний экземпляр с росписью люстром имеет надпись с именем правителя Египта, который правил один месяц в 773 г. Еще один сосуд с датой «779», написанной коптскими цифрами, хранится в Коптском музее в Каире. Приблизительно этим или немного более поздним временем датируются два небольших сосуда с росписью люстром из Сирии (один хранится в Музее стекла в Корнинге, второй, найденный в Ракке, хранится в Национальном музее в Дамаске). Надписи на этих сосудах говорят о том, что они были сделаны в Дамаске, а первый, возможно, в 786–787 гг. [103, р. 16; 50, р. 201]. Таким образом, как в Египте, так и в Сирии были все предпосылки для освоения местными мастерами, владевшими сложной техникой люстровой росписи, более простой техники росписи золотом и эмалью. Однако и в новой технике они продолжали делать сосуды привычных им форм и украшать их «своими» мотивами и сюжетами¹¹.

Роспись ранних сосудов, хорошо датируемых по помещенным на них надписям, позволила восстановить изменения в использовании золота и цветных эмалей на исламских сосудах: сначала для росписи использовали только золото, затем появляются детали, нанесенные цветными эмалями¹², и, наконец, эмали начинают превалировать над золотом, которое используется только в качестве вспомогательного цвета. Высказывается предположение, что стекло с росписью золотом было мостом от более ранней люстровой росписи Сирии и Египта, которая угасла при Фатимидах в XII в., к росписи цветными эмалями [104, р. 112]. Самый ранний исламский

⁹ Список находок византийских расписных сосудов в датированных комплексах см. [13].

¹⁰ Имеется в виду форма сосудов, орнаментальные мотивы, цвет стекла (исламские сосуды сделаны, по преимуществу, из бесцветного стекла, тогда как византийские мастера предпочитали роспись по цветному) [13].

¹¹ Основными мотивами люстровой росписи по стеклу были арабески, растения, геометрические фигуры, надписи, встречаются также изображения птиц, рыб и зверей [98, р. 174].

¹² Возможно, исламские мастера, которые хорошо знали о том, что происходит в византийском стеклоделии, начали комбинировать золото с цветными эмалями именно под влиянием византийских изделий [49, р. 172].

сосуд с росписью только золотом датируется второй четвертью XII в., а с росписью золотом и эмалью – последней четвертью XII – началом XIII в. [74, р. 39; 50, р. 204, 323; 43, р. 180].

Датировка. Существуют разные мнения относительно времени начала широкого распространения росписи золотом и цветными эмалями в исламском мире. С. Карбони считает, что эта техника была хорошо известна уже к концу XII в. [49, р. 174], другие относят начало ее широкой популярности к середине XIII в., хотя не исключают датировку отдельных образцов более ранним временем [73, р. 95; 9, с. 250]. Скорее всего, изначально из-за дороговизны самого производства расписанные золотом и эмалью сосуды были очень дороги и производились в небольших количествах для состоятельной клиентуры, часто на заказ по каким-то особым случаям; ими торговали на далекие расстояния и преподносили в качестве даров. Но в XIII в. такие сосуды стали вполне доступным товаром, и ими начали пользоваться в повседневной жизни, что, естественно, стимулировало мастерские увеличивать объем их производства [43, р. 188]. Т.е. становление техники росписи золотом и цветными эмалями по стеклу в исламском стеклоделии происходит в течение второй половины XII – первой половины XIII в., а наивысшего расцвета она достигает во второй половине XIII – XIV в. или чуть раньше. На Русь, судя по находкам расписных исламских сосудов в комплексах Северо-Восточной Руси, они начали поступать уже в 1230-х гг. [23 с. 154], скорее всего, ближе к концу десятилетия, о чем свидетельствует тот факт, что в домонгольском Биляре, разрушенном в 1236 г. и не восстановленном впоследствии, при всем обилии восточных изделий, поступавших в город в последней четверти XII – первой трети XIII в., не найдено ни одного сосуда с росписью [9, с. 250].

Считается, что нашествие Тимура (Тамерлана) около 1400 г. положило конец стеклоделению Сирии, на смену которой приходит Европа, и к концу XV в. Мамлюки вынуждены заказывать расписанные золотом и эмалью лампы для мечетей в Венеции [74, р. 41].

Центры производства. Традиционно центрами производства исламского расписного стекла считаются Ракка, Хама, Алеппо и Дамаск, хотя археологически следы стеклоделательного производства XIII в. в этих центрах не зафиксированы.

В Ракке найдено большое количество фрагментов сосудов с росписью золотом и эмалью, однако археологические свидетельства их производства в этом городе отсутствуют, и единственная на сегодняшний день открытая там стеклоделательная мастерская относится к Аббасидскому времени и датируется концом VIII – началом IX в. [72; 59, р. 266]. Тем не менее, Ракка считается наиболее вероятным центром, где в конце XII в. возникло производство стеклянных изделий с росписью эмалями, и наиболее ранние исламские расписные сосуды предположительно считаются произведенными в Ракке [50, р. 204].

В Алеппо стеклоделательные мастерские XIII в. также не зафиксированы, но о них писали европейские путешественники и мусульманские писатели, восхищав-

шиеся высоким качеством алеппского стекла, которое экспортировалось по всему мусульманскому миру и Средиземноморью. Так, арабский ученый и литератор Закария аль-Казвини (ум. 1283) свидетельствует о том, что алеппское стекло даже в его время было легендой, и одним из чудес Алеппо был рынок стекла, заполненный множеством изысканных сосудов, которые широко экспортировались, и что завороженные посетители рынка (*sug*) не хотели уходить оттуда [74, р. 41]. Известно о стеклоделах из Тира, переехавших в окрестности Алеппо [59, р. 264]. После разгрома Алеппо монголами в 1260 г. производство стекла в городе более не возрождалось.

Данные о производстве расписного стекла в Дамаске XIII в. содержатся в письменных источниках того времени, которые упоминают о дамаской посуде, «инкрустированной» золотом и серебром (возможно, имеется в виду роспись золотом и эмалями), которая экспортировалась в Египет, Ирак и Малую Азию [74, р. 41]. После разгрома города монголами в 1300 г. стеклоделие здесь возродилось и прекратилось только спустя сто лет после захвата в 1401 г. города Тимуром (Тамерланом), который, по сообщению посла Ruy Gonzalez de Clavijo (ум. 1412), насильно перевез дамаских стеклоделов, которые славились «как лучшие в мире», в Самарканд [84, р. 201]. Однако появление стеклоделия на новом месте не отражено ни в письменных, ни в археологических источниках [50, р. 207; 9, с. 252].

В Хаме, в цитадели которой было найдено около 350 фрагментов расписного стекла, датские археологи P. J. Riis и H. V. Poulsen каких-либо следов стеклоделательной мастерской не обнаружили, а находки не смогли датировать более точно, чем временем до или после 1259 г., когда Хама была захвачена Mongol il-Khan Hulegu [87, р. 65–116; цит. по: 59, р. 263].

Сотни дошедших до нас целых сосудов и тысячи их фрагментов говорят о том, что производство расписных сосудов имело беспрецедентно огромные масштабы, и количество производственных центров не ограничивается перечисленными выше [59, р. 262]. Например, предполагается производство расписного стекла в Самсате на верхнем Евфрате, где во время раскопок «дворца правителя» было открыто помещение с большим количеством фрагментов стеклянных сосудов, в том числе кубков с росписью золотом и эмалью [59, р. 263].

Многочисленные фрагменты, происходящие из раскопок различных центров Египта (Кусейр аль-Кадим, Ком-аль-Дикка (Александрия), Фустат и т.д.), а также высококачественные лампы в каирских мечетях, куда их жертвовали мамлюкские султаны и члены двора, послужили основанием для предположения о появлении в XIV в. крупного центра производства расписного стекла в Фустате [107; 83; 59, р. 263, 268; 79, р. 81–82, fig. 3,3,4]. Однако следует отметить, что пока следы такого производства в Египте не обнаружены, а ряд исследователей все же придерживаются мнения о производстве ламп для мечетей, которые до сих пор украшают каирские мечети, в Сирии [74, р. 41]. Тем не менее, в синодальном акте XIV в. о суде над константинопольским монахом упоминается «александрийский кубок», что говорит об импорте мамлюкского стекла в Константинополь [101, р. 143].

К. Ламм в фундаментальных работах, посвященных исламскому стеклу [напр.: 80], выделил несколько стилей в соответствии с центрами их производства: стиль «Ракка», характеризующийся орнаментом из нанесенных эмалью точек и выполненных золотом надписей; стиль «Алеппо» с богато расписанными большими фигурами; стиль «Дамаск» с редко расположенными мелкими фигурами. Однако эти не подтвержденные археологически построения подвергаются критике [87, р. 23; 100, р. 131; 90, р. 27; 50, р. 204; 110, р. 11; 102, р. 41]. Тем не менее, отсутствие альтернативы заставляет исследователей вновь и вновь обращаться к классификации К. Ламма.

Ареал. Ареал находок расписных сосудов чрезвычайно широк и охватывает всю Европу: от Сицилии до Швеции и от Англии и Ирландии до России. Довольно большое количество целых сосудов, расписанных золотом и эмалью, и их фрагментов, находимых во время раскопок различных европейских центров, объясняется не только тем, что они попадали туда в качестве товара, но и тем, что путешественники и паломники, возвращаясь в Европу, привозили их домой; многие сосуды попали в Европу с крестоносцами [74, р. 41]. Перевозили их с особой осторожностью в соломе или тканом бамбуке, завернутыми в слои стеганого шелка [59, р. 262]. В Европе эти ценные сосуды входили в состав частных коллекций европейской аристократии или жертвовались в храмовые сокровищницы [59, р. 262]. Например, в Орвьето под алтарем храма Санта Маргерита был найден служивший реликварием кубок середины XIII в. с пеплом [86, р. 407–413]. Хранившиеся в сокровищницах исламские сосуды с росписью часто обрамляли оправой из ценных металлов и хранили в роскошных кожаных футлярах.

В Северном Причерноморье исламские расписные сосуды относятся к редким находкам. Два мелких фрагмента стенок с росписью (неширокий поясик из трех параллельных красных линий с белыми точками между первой и второй, ниже – элементы меандра) из Тмутаракани опубликованы Ю. Л. Шаповой, которая предположила их сирийское происхождение. Оба фрагмента были найдены в слое конца XIII в. [3, с. 123–124, рис. 7,4,5]. На Эски-Кермене фрагменты сосудов исламского производства, украшенных растительным орнаментом, изображениями фантастических существ и арабскими надписями, найдены в усадьбе, принадлежавшей семье с высоким имущественным и социальным статусом и погибшей в пожаре в конце XIII в. [3, с. 22, 23].

Херсонесская коллекция исламского стекла также невелика. Большая ее часть была опубликована в 1973 г. Людмилой Григорьевной Колесниковой [20]. С тех пор коллекция пополнилась всего несколькими новыми находками. Однако, учитывая тот факт, что с момента первой публикации прошло уже почти полвека, а также для получения полной картины представляется целесообразным опубликовать всю коллекцию целиком.

3 фрагмента из раскопок Херсонеса украшены изображениями рыб, которые относятся к числу наиболее распространенных, а, по мнению С. Карбони, и самых ранних мотивов [50, р. 339]. Все сосуды с изображением рыб представляют собой кубки с цилиндрическим туловом, расширяющимся в верхней части, вогнутым ко-

ническим в сечении дном и поддном, сформованным из сплошного жгута стекла. В большинстве известных случаев выполненную золотом фигуру рыбы оконтуривает тонкая красная линия.

Самый ранний расписанный золотом и цветными эмалями кубок с разбросанными по всей его поверхности изображениями рыб датируется довольно узко благодаря надписи с именем султана Санджар-Шаха, правившего с 1180 до 1209 гг. [49, р. 173, fig. 3]. На Руси фрагменты кубков с изображениями рыб или дельфинов найдены в Переяславле Рязанском, где три фрагмента были обнаружены в комплексах второй половины XIII – XIV в., XIII–XIV вв. и первой половины XIV в. [33, с. 264, рис. 2]; в Новгороде фрагмент кубка с изображением рыбы найден в слое 1299–1313 гг. [36, с. 234–235, рис. 1,4]; еще один происходит из раскопок на Рюриковом городище [28, с. 173, цв. ил. 5,27]; в Твери несколько фрагментов обнаружены в строительном горизонте 1364–1385 гг. [18, с. 145, табл. 2, рис. 1,63,76; цит. по: 28, с. 173]; фрагмент кубка с изображением рыб, который не удалось связать с конкретным археологическим контекстом, был найден во Владимире. Известны такие кубки по раскопкам в Болгаре, где найдена целая серия стаканов цилиндрической формы с отогнутым венчиком, украшенных эмалевой росписью [9, с. 250, рис. X,3]. Сосуды с изображением рыб и арабскими надписями встречаются в курганных могильниках черноморского побережья от Анапы до Абхазии [9, с. 252, рис. 3,3,5; 6, с. 25, рис. 12, 13].

Из Пражского града происходит кубок с золотыми рыбками и арабской надписью, который, как считается, был подарком чешскому королю Пржемыслу Отакару II (1253–1278). Еще один или два кубка с золотыми рыбками обнаружены в контексте 1270–1350 гг. в Брно [95, р. 203, fig. 4a; 32, с. 267, рис. XIV, XVI].

На территории Израиля известно очень незначительное количество находок расписного стекла. Среди них – два кубка с изображением рыб, надписью и растительным орнаментом, найденные в Арсуфе (Аполлония) в комплексе 1265 г. [73, р. 91–95, fig. 6,8]. В Египте фрагменты кубков с изображением рыб, датирующиеся серединой XIII в., происходят из Ком-Эль-Дека [79, р. 81–82, fig. 3,3–5], Фустата [91, р. 117, No. 46, fig. 46n], Кусейр аль-Кадима [107, р. 103–104, fig. 4. fig. 3,k] и Куфта [100, р. 130–131, No. 164]. Целые экземпляры с изображением одной или нескольких рыб хранятся в собраниях музея Ганновера [82, S. 120], Британского музея (около 1250 г.) [100, р. 131, fig. 164]. Обширный список находок сосудов с изображением рыб приводит Р. Кучаршик [79, р. 81–82].

Таким образом, кубки с изображением рыб, в том числе на территории Руси, происходят из комплексов второй половины XIII – XIV в. Однако следует учитывать упоминавшийся фрагмент орнаментированного рыбками кубка с именем султана Санжар Шаха, правившего в 1180–1209 гг. [50, р. 204, 205, fig. 100].

В *Херсонесе* все фрагменты кубков с изображением рыб происходят из слоя пожара второй половины XIII в.

1. В 1967 г. в Портовом районе в засыпи подвала помещения 60 был найден фрагмент цилиндрического тулова бокала с изображением рыбы: контур фигуры и

детали выполнены тонкой красной линией, сама фигура – золотом (рис. 2,2)¹³. Поверх горизонтальной линии, нанесенной золотой эмалью, проведена тонкая красная линия. Горизонтальная линия обрамлена еле заметными волнами, выполненными золотой эмалью. Этот мотив очень характерен для восточного расписного стекла. Например, он украшает, сосуд с изображением птицы из раскопок в Новогрудке [25, с. 226, рис. IV]. Стекло сосуда почти бесцветное с легким зеленоватым оттенком с редкими светлыми эллиптическими вертикальными пузырьками и радужно-белесой пленкой продуктов выветривания на поверхности. Комплекс, в котором был обнаружен фрагмент, образовался в результате обрушения в подвал вещей из погибших в пожаре верхних этажей и кровли дома. Позже при ремонте дома над неочищенным подвалом был сделан новый пол и содержимое подвала дошло до нас нетронутым, представляя собой закрытый комплекс, содержавший большое количество черепицы, простой гончарной и поливной посуды и фрагменты флаконов из синего стекла, расписанных золотом и эмалью, а также монеты, в том числе Кай Кавуса I (1210–1219). Авторы раскопок отнесли пожар, от которого пострадали и соседние усадьбы, ко второй половине XIII в. [20, с. 252–253].

2, 3. В Портовом районе в 1965 г. в слое пожара того же времени (помещение 48-86в) найдены еще два фрагмента сосудов с изображением рыб [20, с. 253]¹⁴. Один принадлежал кубку с цилиндрическим туловом: контуры фигур (стилизованные изображения рыб) выполнены тонкой линией красновато-коричневой эмали, сама фигура внутри заполнена золотом (рис. 2,3). В верхней части фрагмента – горизонтальная линия, нанесенная красновато-коричневой эмалью, над которой тонкой линией такой же эмали нанесены контуры плетенки, заполненной толстым слоем плотной голубой эмали и тонким слоем в значительной степени утраченного золота. Стекло почти бесцветное с легким зеленоватым оттенком с редкими светлыми эллиптическими вертикальными пузырьками. Поверхность стекла покрыта радужно-белесой пленкой продуктов выветривания. Второй фрагмент с плохо сохранившимся изображением рыбы, нанесенным темной эмалью, также принадлежал кубку, но, по-видимому, несколько больших размеров (рис. 2,4).

4. В 1988 г. в Портовом квартале 2 найден фрагмент кубка с цилиндрическим туловом (утрачена его верхняя часть), вогнутым коническим в сечении дном на низком кольцевом поддоне, сформованном из круглого в сечении стеклянного жгута (рис. 2,10) [15, с. 172–173]¹⁵. На нижней поверхности дна – след от понтии в виде налепа. Средняя часть тулова украшена симметрично расположенными изображениями летящих птиц, под которыми помещены две перевитые ленты. Рисунок выполнен белой эмалью, а контуры и детали – тонкой коричневой, скорее, красновато-коричневой линией. Стекло зеленоватое, естественно окрашенное с плотным радужно-серебристым слоем продуктов выветривания на поверхности. Изобра-

¹³ Раскопки В. И. Кадеева; ГИАМЗХТ, Инв. № 29/36749.

¹⁴ ГИАМЗХТ, Инв. № 8/36703.

¹⁵ ГИАМЗХТ, Инв. № 24/37245.

жения птиц относятся, наряду с рыбами, к числу наиболее популярных мотивов исламского стекла. Как среди изображений рыб не удастся найти двух, точно повторяющих друг друга, так нет таковых и среди изображений птиц, поэтому точных аналогий изображению на херсонесском сосуде найти не удалось. Некоторое сходство херсонесские птицы имеют с птицей, изображенной на декантере первой половины XIV в. из музея Метрополитен [74, р. 45, ill. 49].

Изображения рыб и птиц часто сочетались с арабскими надписями обычно благожелательного или хвалебного характера. Так, в Переславле Рязанском фрагменты как минимум трех сосудов с изображением рыб в сочетании с арабскими надписями найдены в слое второй половины XIII – начала XIV в. [33, рис. 2, цв. рис. 1].

5. Сочетание изображений рыб и надписи имеется на фрагменте цилиндрического тулова кубка из помещения 55 Портового района города: контур фигуры рыбы и детали выполнены тонкой линией красной эмали, сама фигура внутри заполнена тонким слоем золота; золотом нанесена также горизонтальная линия, поверх которой красной эмалью нанесена тонкая линия¹⁶; золотом, по-видимому, было выполнено нечто вроде арабской надписи, от которой остались только слабые следы (рис. 2,1). Стекло почти бесцветное с легким зеленоватым оттенком с редкими светлыми эллиптическими вертикальными пузырьками. Поверхность стекла покрыта радужно-белесой пленкой продуктов выветривания.

6. Возможно, на беспаспортном фрагменте кубка с цилиндрическим, слегка расширяющимся кверху туловом имелось такое же сочетание надписи и изображений рыб или птиц. На фрагменте сохранилась часть надписи, нанесенной широкой линией золота, поверх которой нанесена густая голубая эмаль, что дает эффект рельефа (рис. 2,6)¹⁷. Надпись сверху и снизу обрамлена тонкими линиями золота, поверх которого нанесены тонкие линии красной эмали. Стекло почти бесцветное с радужно-серебристым плотным слоем продуктов выветривания на поверхности.

7. Еще один кубок с росписью белой, голубой и красной эмалью, к сожалению, очень фрагментированный (более 40 фрагментов) был найден в 1988 г. в слое пожара второй половины XIII в. в квартале X-A Северного района (усадебка 3, помещение 1а; раскопки С. Г. Рыжова). На некоторых фрагментах можно распознать геометрический орнамент и арабскую вязь.

8. К другой группе принадлежал фрагмент цилиндрического (?) тулова бокала (?), украшенного поясом рельефного точечного орнамента (рис. 2,7)¹⁸. Похоже, точки были нанесены на золотой фон: местами как будто видны остатки золота. Пояс из точек прерывается медальоном (?): видны следы двойной линии (две концентрические окружности?), выполненной красной эмалью; центральная часть медальона и пространство между линиями были заполнены золотом. Пояс из рельефных точек с обеих сторон был обрамлен горизонтальными полосами, выполненными золотом,

¹⁶ Раскопки Л. Г. Колесниковой и С. Ф. Стржелецкого; ГИАМЗХТ, Инв. № 5/36661.

¹⁷ Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича; ГИАМЗХТ, Инв. № 25 г. 5190.

¹⁸ Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича; ГИАМЗХТ, Инв. № 25 г. 5314.

с тонкими красными линиями по краям. Выше также была роспись, вероятно, также золотом – зигзагообразная линия (?), но следы очень слабые и, возможно, это игра воображения. Стекло почти бесцветное с легким зеленоватым оттенком. Поверхность стекла покрыта плотным серебристым слоем продуктов выветривания.

9. Фрагмент расширяющейся верхней части кубка из оливково-зеленоватого стекла найден в слое пожара второй половины XIII в. в квартале L Южного района города (рис. 2,11)¹⁹. Сосуд под воздействием огня деформировался, в результате чего противоположные его стенки сплывались и на момент находки он представлял собой темный клякиш стекла, на котором с трудом можно было рассмотреть роспись золотом и цветными эмалями, которая украшала его верхнюю часть: плетенка, над которой изображена вьющаяся виноградная лоза с гроздьями белого и синего винограда, нанесенными тончайшей линией и мельчайшими точками (виноградины).

Орнамент, включающий рельефные точки, украшает сосуды из раскопок в Новогрудке, где они датируются XII – 70-ми гг. XIII в. [16, с. 13, табл. VIII, IX]. Рельефные синие точки и плетенка, выполненная золотом, синей и красной эмалями, составляли орнаментику нескольких фрагментов, найденных при раскопках здания конца XIII – XV в. в Новгороде [28, с. 173, ill. 6,1–11,17]. Орнамент, включающий участки, заполненные крошечными (1 мм в диаметре) синими и белыми шариками, украшал два кубка, найденные при раскопках во Владимире в слое пожара 1238 г. [23, с. 150–151, рис. 2–3]. Серединой XIII в. датируется фрагмент кубка, украшенный мелкими точками бирюзовой, синей и белой эмали, организованными в зигзагообразный орнамент, из коллекции Насера Д. Халили [59, р. 263, fig. 14].

10. Фрагмент толстостенного (Т. стенок – 0,2–0,3 см) сосуда с росписью красной, белой и золотой эмалью был найден в 1965 г. в слое пожара в уже упоминавшемся помещении 48 Портового района города (рис. 2,8)²⁰. Поверхность стекла покрыта плотным радужно-серебристым не отслаивающимся слоем продуктов выветривания, за которым практически невозможно разобрать сюжет. Удалось рассмотреть: в верхней части фрагмента – оконтуренные золотом овалы, внутри овалов – толстый слой розовой эмали, сверху покрытой золотом; в нижней части фрагмента вытянутый по вертикали косой крест, выполненный красной эмалью. Стекло почти бесцветное с легким зеленоватым оттенком, с единичными эллиптическими пузырьками. Следует отметить, что розовый цвет относится к числу редко применяемых при росписи исламских сосудов [59, р. 264]. Редкий фрагмент стакана цилиндрической формы, украшенного цветком, составленным из похожих овалов, найден в Болгаре [9, с. 250, рис. X,2].

Надо отметить, что при раскопках Херсонеса помимо фрагментов сосудов с более или менее читаемым сюжетом, иногда встречаются совсем мелкие осколки с росписью золотом и цветными эмалями, по которым невозможно определить ни форму сосуда, ни, тем более, сюжет росписи. Кроме того, находят фрагменты нижней

¹⁹ Раскопки Л. В. Седиковой и А. Рабиновича 2004 г.; ПО SR 410, SF 2499.

²⁰ ГИАМЗХТ, Инв. № 8/36703.

части сосудов со слегка расходящимися кверху стенками, вогнутым коническим в сечении дном на низком кольцевом поддоне, сформованном из сплошного круглого в сечении стеклянного дрота (рис. 2,5,9), которые, скорее всего, принадлежали кубкам с росписью. Сделаны они, как правило, из практически бесцветного стекла с легким голубоватым или зеленоватым оттенком и мелкими светлыми пузырьками.

Количество выявленных в Херсонесе сосудов исламского происхождения слишком незначительно, чтобы город можно было считать центром, через который восточное стекло поступало в северные земли [7, с. 88]. Большое количество таких изделий в могильниках восточного побережья Черного моря, на памятниках Нижней и Средней Волги, в городах Северо-Восточной Руси и в Новгороде свидетельствуют о ведущей роли Волжского пути в движении восточного художественного импорта в XIII–XV вв.: через Болгар и другие города Золотой Орды ближневосточная стеклянная художественная посуда поступала на Русь (обширный список находок такого стекла в центрах, распложенных по указанному маршруту приведен С. И. Валиулиной [9, с. 254–255]). Однако, судя по находкам в городах Северо-Восточной Руси, попадали такие сосуды в обиход только богатых горожан и не были предметом специальной торговли, а привозились на Русь путешественниками, или в качестве дипломатических даров [23, с. 155]. Этот же вывод можно сделать относительно расписных сосудов восточного происхождения из раскопок Херсонеса. Крайне незначительное их количество говорит о том, что, скорее всего, они были привезены в город либо путешественниками, среди которых были паломники, из Святой земли, либо являлись дарами, в том числе дипломатическими.

III. Кубки с налечами, в англоязычной литературе обычно называемые *Prunted Beakers*, выполнены в технике свободного выдувания и имеют сплошной кольцевой поддон, сформованный из стеклянного жгута, напаянного на дно сосуда. Иногда поддон украшали «выщипами», сформованными с помощью щипцов [76, p. 77, fig. 4,5,9; 85, p. 39, fig. 5i; 77, p. 182; 79, p. 83]. На поверхность уже готового сосуда напаявали небольшие капли горячего стекла, которые слегка прокручивали для придания им формы узла или свернувшейся змеи. Капли могли быть из стекла как того же цвета, что и весь сосуд, так и других цветов. Например, известны кубки с синими налечами или с налечами цвета сосуда, но с цветными кончиками [76, p. 89; 67, p. 118; 85, p. 39, fig. 5f]. Из Братиславы, Брно и замка Весели-над-Моравоу в Чехии происходят кубки второй половины XIII в., украшенные чередующимися рядами бесцветных и синих налечев [96, p. 401].

Происхождение. Общепринято мнение, что *prunted decoration* появляется где-то на Ближнем Востоке и затем распространяется в Южной Европе [60, p. 248]. Так, по мнению Г. Дэвидсон, украшенная таким образом посуда появилась в Сирии, через Египет попала в Коринф и затем распространилась по Европе [54, p. 308, fig. 11, 12,1–3]. Похожего мнения придерживается Н. Шварцер, который считает, что, появившись на Ближнем Востоке, такие сосуды за короткое время через Малую Азию (например, через Пергам) проникают в Европу [93, S. 94; 94, p. 173]. Аналогич-

ного мнения придерживается Д. Фуа, по мнению которой отсутствие таких кубков на Западе до середины XIII в. говорит о возникновении рассматриваемого типа на Востоке, откуда он позже попадает на Запад, и открытым остается лишь вопрос о том, кто был создателем типа: сирийские стеклоделы или обосновавшиеся в Сирии латинские мастера [57, p. 433].

Хотя европейские мастера долго копировали формы сосудов восточного производства [60, p. 248], ряд особенностей отличает сирийские сосуды от сопоставимой западной продукции. Если на первых, как правило, имеется не более трех рядов налепов, то на сосудах из Коринфа или Италии – 5 и даже 8 рядов. На сирийских сосудах капли довольно высокие, поскольку часто одна капля перекрывается второй, меньшего размера, иногда окрашенной в сине-бирюзовый цвет. На Западе также иногда использовали вторую синюю каплю стекла для создания колористического эффекта, но синий, кобальтовый цвет западных образцов отличается от бирюзово-голубого восточных сосудов. Восточные мастера использовали и другие варианты декорировки: оттискивание на каплях розеток или чередование капель с зигзагообразно напаянными нитями [57, p. 433, pl. 1,33–34].

Датировка. Самые ранние сосуды рассматриваемой группы происходят из комплексов XII в. В контексте XII в. найден фрагмент такого кубка в Александрии Троадской [92, S. 74, Abb. 51–52]. Судя по находкам в Палермо, в XII в. такие сосуды, возможно, появляются в Италии [108, p. 115–116]. Во всяком случае, они зафиксированы в контекстах конца XII – XIII в. на Сицилии и в Апулии [68, p. 71; 85, p. 39]: в Айдоне (Сицилия) фрагменты таких сосудов найдены с монетой Фридриха II (ум. 1250) [108, p. 115–116], а в Бриндизи (Апулия) они происходят из комплекса с монетой Фридриха II 1209 г. выпуска [109, p. 77]. В Дамаске фрагменты таких сосудов найдены в контекстах, относящихся ко времени до 1220–1230 гг., но не ранее XII в., и предполагают изготовление таких сосудов в конце XII или начале XIII в. [57, p. 433]. В Палестине в замке Монфор в 20 км от Акры фрагменты таких кубков найдены в слое, датированном временем между 1226 и 1271 гг. [111, p. 191].

Особо следует остановиться на раскопках Южной стеклоделательной мастерской в Коринфе, где украшенные подобным образом кубки и чашечки были найдены впервые, и где они составляют одну из самых больших групп среди производимых там стеклянных сосудов [54, p. 308, fig. 11,1–2; 12,1–3]. Автор раскопок Г. Дэвидсон сначала датировала мастерскую XI – первой половиной XII в. и, соответственно, к этому же времени отнесла найденные там сосуды [55, p. 83, 88]. Однако в работе 1975 г. отметила, что более не настаивает на предложенных ею ранее датах [105, p. 133], а Д. Уайтхаус, проанализировав методику, по которой проводились раскопки, отнес мастерскую ко времени оккупации Коринфа франками (ок. 1250–1312). Аргументом в пользу такой даты послужил и тот факт, что самые ранние сосуды, схожие с теми, которые обычно связывают с Южной стеклоделательной мастерской, на различных памятниках Италии, в частности в Тарквинии и Фарфе, происходят из надежно датированных комплексов XIII в. [109, p. 73–78]. Позже Ч. К. Вильямс,

проводивший в 1989–1996 гг. новые раскопки на участке мастерской и прилегающей к ней территории, обратил внимание на отмеченную в полевых дневниках Г. Дэвидсон-Вайнберг находку в засыпи, на которой была возведена печь мастерской, монеты XII в., т.е. печь не могла быть построена ранее этого времени [113, р. 431]. Еще более показательным явился тот факт, что стеклянные изделия, найденные в огромных количествах в ходе исследования в слоях, надежно датированных концом XIII в., т.е. временем, непосредственно предшествующем каталанскому нашествию 1312 г. [114, р. 150], по всем параметрам (типы, стиль, качество стекла, технология изготовления) полностью совпадают со стеклом, опубликованным Г. Вайнберг. По предположению Ч. К. Вильямса, стеклоделы XII в. и мастера франкского времени использовали для своей деятельности один и тот же участок, и франкские мастера, возможно, инкорпорировали сохранившиеся от стеклоделательной мастерской XII в. строительные остатки в сооружения своего центра [113, р. 431]. Все это не прояснило ситуацию, т.к. найденные при раскопках сосуды могли производиться как в мастерской XII в., так и в мастерской второй половины XIII столетия. Наконец, новые исследования, проведенные в 2015 г., показали, что практически все помещения на участке были возведены не во второй половине XIII в., как Г. Сандрес и Ч. Вильямс считали ранее, а в начале XIV в.: на полах помещений и в слоях, образовавшихся в результате разрушения брошенных построек, были найдены счетные жетоны, датированные временем не ранее 1380 или 1390 г., и Г. Сандерс предложил «еще более радикальную корректировку даты «стеклоделательной мастерской», которая при первой публикации датировалась XII в.» [89, р. 4–5]. Выпускала эта мастерская преимущественно очень востребованные кубки для питья, предназначавшиеся для повседневного использования, но, тем не менее, отличавшиеся довольно высоким качеством, в том числе и большое количество кубков с налечами [58, р. 597].

Предложенная Г. Сандерсом дата коринфской мастерской соответствует времени наибольшей популярности сосудов рассматриваемой группы, которое приходится на XIII–XV вв. [108, р. 115–116, fig. 1; 109, р. 73–78; 83, р. 81, pl. 16, 427, 429; 79, р. 83], хотя в Европе они встречаются до XVI в. включительно [54, р. 308; 95].

Центры производства. В настоящее время, помимо Коринфа, предполагается производство таких кубков во многих центрах, хотя не везде оно подтверждено археологически. В конце XIII в. эту технику широко использовали мастерские Италии (есть свидетельства производства таких сосудов на венецианском Мурано и в одном из центров Южной Италии [76, р. 89]). На юго-востоке Франции открыта мастерская в Варе [56, р. 144], предполагается производство таких сосудов к северу от Альп [92, р. 79] и в Богемии [60, р. 248; 57, р. 431]. Одна из мастерских XIII–XIV вв., производившая сосуды с налечами, открыта в Хорбат-Узе [62, р. 180–181, fig. 3.39:5]. Предполагается также их производство в Сомеларии (в шести километрах к северу от Акко) в мастерской, функционировавшей в XIII в. и разрушенной в 1291 г. [61, р. 83]. Считается, что найденные на территории Израиля сосуды, отличающиеся высоким качеством стекла и формовки сосуда, привозились с Запада, а сосуды более гру-

бой работы и из стекла худшего качества приписывают местным мастерским [61, p. 82–84, fig. 2, 20–26]. Большое количество находок таких кубков из прозрачного, в основном, оливкового или желтовато-зеленого стекла со множеством пузырьков в Пергаме в слоях XIII в. позволило сделать вывод об их местном производстве, что подтверждено результатами археометрического анализа (кубки принадлежат к той химической группе стекла, которая использовалась в региональных стекольных мастерских) [94, p. 173].

Ареал украшенных налепами сосудов чрезвычайно обширен. Самый восточный экземпляр происходит из Горгана на северо-востоке Ирана [112, p. 163–164, No. 895]. На территории Израиля, где такие сосуды характерны, главным образом, для периода присутствия в регионе крестоносцев, их находки известны по раскопкам в Акре и недалеко расположенном замке Монфор, Бет-Шане, Хорбат-Узе, Йокнеаме, Яффе [61, p. 83, fig. 2, 20–26; 111, p. 191], Назарете [39, p. 90, fig. 4, 3; 5, 6], Тверии [40, p. 180–181, fig. 11.2, 19], Баниасе [64, p. 85–86, fig. 5.4, 13] и т.д. Довольно часто они встречаются на территории Сирии (Дамаск, Хама) [57, p. 433]. Небольшой фрагмент был найден в Константинополе в комплексе XI – начала XIII в. [71, p. 404, fig. 152, 68]. Фрагменты нескольких сосудов с налепами были найдены в Аланье при раскопках дворца, построенного в 1221–1226 гг. для сельджукского правителя Конийского султаната Ала ад-Дин Кей-Кубада I (1219–1236) и его сына Кей-Хосрова (1236–1246) [41, p. 133–135, fig. 6–7]. 3 экземпляра таких кубков с налепами происходят из византийской церкви св. Николая в Мире (недалеко от современного города Демре) и датированы опубликовавшими их авторами XI–XIII вв.: на двух налепы и напаянная нить были выполнены из стекла того же цвета, что и весь сосуд, на третьем – из синего стекла [53, fig. 4e-g; цит. по: 42, p. 136]. Фрагменты стенок таких кубков найдены в Александрии Троадской в контекстах XII и XIII вв. [92, S. 74, Abb. 51–52]. На территории Италии, включая Сицилию, по подсчетам Д. Уайтхауза, к 1983 г. такие сосуды были найдены в 30 центрах [108, p. 115–116]. Их находят на территории Швейцарии, Германии, Франции, Голландии и Великобритании [54, p. 308; 67, p. 118–1196; 56]. В XIII в., особенно в его второй половине, такие кубки были распространены на территории Венгрии [65, S. 208, Abb. 9; 14], Богемии [52, p. 191], на побережье Далмации, в Герцеговине [76, p. 77–79, fig. 4, 5, 9; 77, p. 182, fig. 3], Словакии [96, p. 400], Моравии [95, p. 195, fig. 3, 3.6–8; 3a], Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории, Боснии²¹.

В Крыму кубки с налепами представлены лишь единичными фрагментами. Небольшой фрагмент стенки из прозрачного желтоватого стекла был найден при раскопках часовни на Эски-Кермене [2, с. 427, рис. 21,1]. Из Крыма происходит хранящийся в Британском музее стакан с расширяющимся кверху туловом с поясом налепов между двумя горизонтальными нитями стекла того же цвета, что и весь сосуд, найденный в Керчи с монетами 1313–1373 гг. (рис. 3,3). По предположению Х. Тейта, сосуд был произведен в Венеции в конце XIII – XIV в. [100, p. 149, fig. 189a].

²¹ Обширный список находок таких сосудов см. [79, p. 83].

Единичными фрагментами они представлены и в Херсонесе. Из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича происходит фрагмент бокала с коническим в сечении туловом со слегка отогнутым венчиком и оплавленным краем [20, с. 255, рис. 3]²². Верхняя часть тулова украшена накладным орнаментом из стекла того же цвета, что и весь сосуд: горизонтально наложенная нить с заходящими друг за друга концами и поясом налепов в форме запятых (рис. 3,1). Стекло светло-зеленое с оливковым оттенком, прозрачное, с мельчайшими светлыми эллиптическими горизонтальными (сильно вытянутыми на венчике) пузырьками. Поверхность стекла блестящая гладкая, без малейших признаков выветривания.

Из слоя пожара второй половины XIII в. в квартале X-A (помещение 1 усадьбы 1) в Северном районе Херсонеса происходит фрагмент стенки, украшенной напаянной нитью марганцевого стекла и марганцевым прокрученным налепом (рис. 3,2)²³. Стекло сосуда с легким голубоватым оттенком с мелкими светлыми пузырьками и серебристым слоем продуктов выветривания на поверхности.

IV. Сосуды с каплями и нитями цветного стекла.

Скорее всего, вариантом вышеописанных кубков с налепами является сосуд, фрагменты которого были найдены в слое пожара второй половины XIII в. в квартале X-A Северного района Херсонеса (помещение 1 усадьбы 1). Фрагменты сильно деформированы от воздействия огня (рис. 4), но, скорее всего, принадлежали кубку с расходящимися кверху стенками и оплавленным краем (Д. – около 5,0 см), к внешней стороне которого напаяна нить бирюзового стекла (рис. 4,8). Тулово сосуда украшено горизонтально напаянными нитями бирюзового и налепами марганцевого и бирюзового стекла. Сохранилось несколько фрагментов: один с налепом из марганцевого (рис. 4,3) стекла, второй (рис. 4,2) – бирюзового, на третьем фрагменте (рис. 4,1) – один марганцевый, второй – бирюзовый, третий – рельефный (выдут вместе с туловом сосуда?) и еще 3 сильно деформированных спекшихся фрагмента стенок с напаянными жгутами бирюзового стекла (рис. 4,4–7)²⁴. Стекло сосуда серовато-голубоватое с мелкими светлыми пузырьками и плотной серебристой пленкой продуктов выветривания.

Редкие сосуды, украшенные цветными (синими и бирюзовыми) каплями в сочетании с другими видами накладного орнамента (горизонтально, зигзагообразно или прихотливо наложенными нитями стекла, как правило, того же цвета, что и сосуд), происходят из исламских стран [50, р. 123–124, nos. 40–41]. Д. Уайтхаус несколько сосудов, хранящихся в различных музеях, датирует XI – началом XIII в. и относит к продукции сирийских стеклоделательных мастерских [112, р. 164, 185–186, 190, nos. 896, 928, 934]. Раскопки в Хаме дали несколько кубков с цилиндрическим туловом, украшенным накладными нитями стекла того же цвета, что и сам сосуд, или контрастирующего цвета [87, fig. 162; цит. по: 50, р. 124]. С. Карбони отмечает находки таких сосудов в Крыму [50, р. 125].

²² ГИАМЗХТ, Инв. № 5193.

²³ ГИАМЗХТ, Инв. № ВФ 641, 37131.

²⁴ ГИАМЗХТ, Инв. № ВФ 641, 37131.

Сосуды, декорированные марганцевыми и бирюзовыми нитями и налестами стекла, по предположению Р. М. Джанполадян, в XII–XIII вв. производила одна из мастерских Двина. Двинские сосуды украшены нитями разной толщины и разного цвета, которые накладывались разными способами (горизонтально, одной или несколькими волнистыми линиями, зигзагами, жгутом, плетенкой) и сочетались с напаянными цветными каплями и точками. Таким узором украшали чаши, стаканы, кубки и флаконы, которые такая декорировка делала особенно нарядными. Один из способов оформления венчиков, использовавшихся двинскими мастерами, заключался в приваривании к краю сосуда нити, иногда цветной [17, с. 38–39, илл. 59, 71, 95, 101, 102, табл. XVI]. Такое же оформление венчика имеет херсонесский сосуд.

С. Кенессон отмечает, что кубки с простым цветным декором, хоть и отдаленно, но все же напоминающим орнаменту херсонесского экземпляра, в XIII–XIV вв. были распространены на юге России, в Крыму и вдоль восточного побережья Черного моря [75, р. 47, 48; цит. по: 32, с. 267, рис. XXIII]. Надо отметить, что мне находки таких сосудов в Крыму неизвестны.

Выводы. Представленная коллекция расширяет представление о распространении стеклянных сосудов, принадлежащих к той группе изделий, которые всегда вызывают повышенный интерес исследователей. Немаловажен и тот факт, что, за исключением нескольких беспаспортных фрагментов, представленные сосуды выявлены в закрытом комплексе – слое пожара второй половины XIII в. Коллекция немногочисленна, что, несомненно, свидетельствует о том, что входящие в ее состав сосуды не были предметом торговли. В Херсонес их либо привозили путешественники и паломники, либо они попадали в город в качестве даров, в том числе дипломатических. Кроме того, это не позволяет считать Херсонес центром, через который стеклянные сосуды представленных групп ввозились в северные земли, в том числе города Древней Руси. Нетоварный характер поступления таких сосудов в Северное Причерноморье подтверждается и крайне незначительным количеством их находок в тех центрах Таврики, которые, как считается, снабжались через херсонесский рынок.

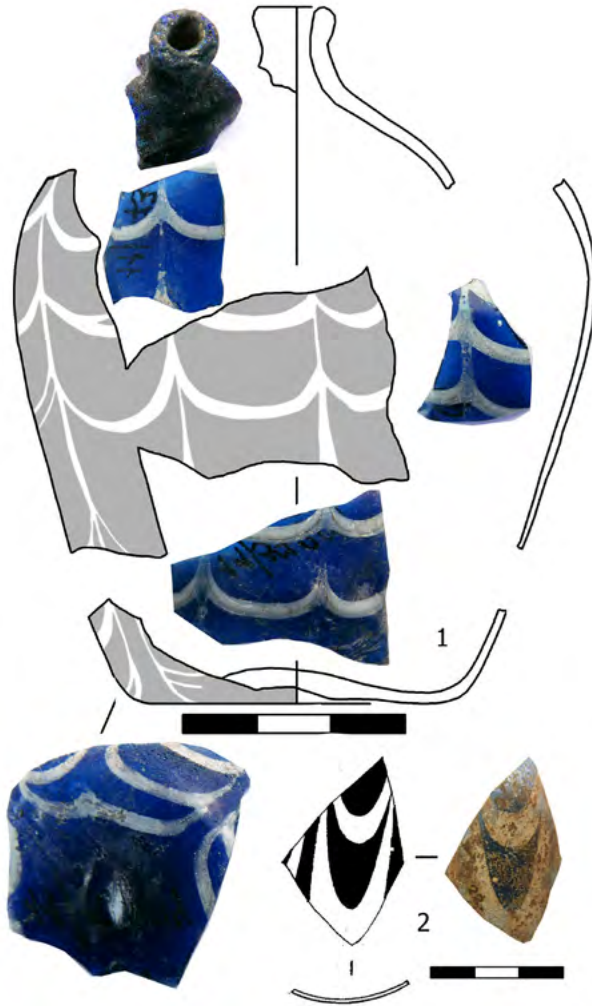

Рис. 1. Сосуды с прокатанным орнаментом из раскопок Херсонеса: 1 – флакон из слоя пожара в квартале X-Б Северного района города; 2 – фрагмент сосуда из раскопок в квартале L Южного района

Fig. 1. Marvered glass vessels excavated in Chersonese: 1 – scent bottle from the fire layer in quarter X-B in the northern area of the ancient city; 2 – vessel fragment excavated in quarter L in the southern area

Рис. 2. Кубки с росписью золотом и эмалью из раскопок Херсонеса: 1 – фрагмент из слоя пожара в помещении 55 Портового района; 2 – фрагмент из слоя пожара в подвале помещения 60 в Портовом районе; 3, 4 – фрагменты из раскопок слоя пожара в помещении 48-86в в Портовом районе; 5, 9 – фрагменты с кольцевым сплошным поддоном; 6, 7 – фрагменты из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича; 8 – фрагмент из слоя пожара в помещении 48 Портового района; 10 – фрагмент из слоя пожара в Портовом квартале 2; 11 – фрагмент из слоя пожара в квартале L Южного района города

Fig. 2. Enamel- and gold-painted beakers excavated in Chersonese: 1 – fragment from the fire layer in room 55 of the port area; 2 – fragment from the fire layer in the basement of room 60 in the port area; 3, 4 – fragments from the fire layer in room 48-86v of the port area; 5, 9 – beaker fragments with a solid ring base; 6, 7 – fragments excavated by K. K. Kostsiushko-Valiuzhinich; 8 – fragment from the fire layer in room 48 of the port area; 10 – fragment from the fire layer in the port quarter 2; 11 – fragment from the fire layer in quarter L in the southern area of the ancient city

Рис. 3. Кубки с налепами (prunted beakers): 1 – фрагмент из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича в Херсонесе; 2 – фрагмент из слоя пожара в усадьбе 1 Северного района Херсонеса; 3 – кубок из Крыма, хранящийся в Британском музее [по: 100, fig. 189a]

Fig. 3. Prunted beakers: 1 – fragment excavated by K. K. Kostsiushko-Valiuzhinich in Chersonese; 2 – fragment from from the fire layer in quarter X-A of the northern area of Chersonese; beaker from the Crimea housed in the British Museum [after: 100, fig. 189a]

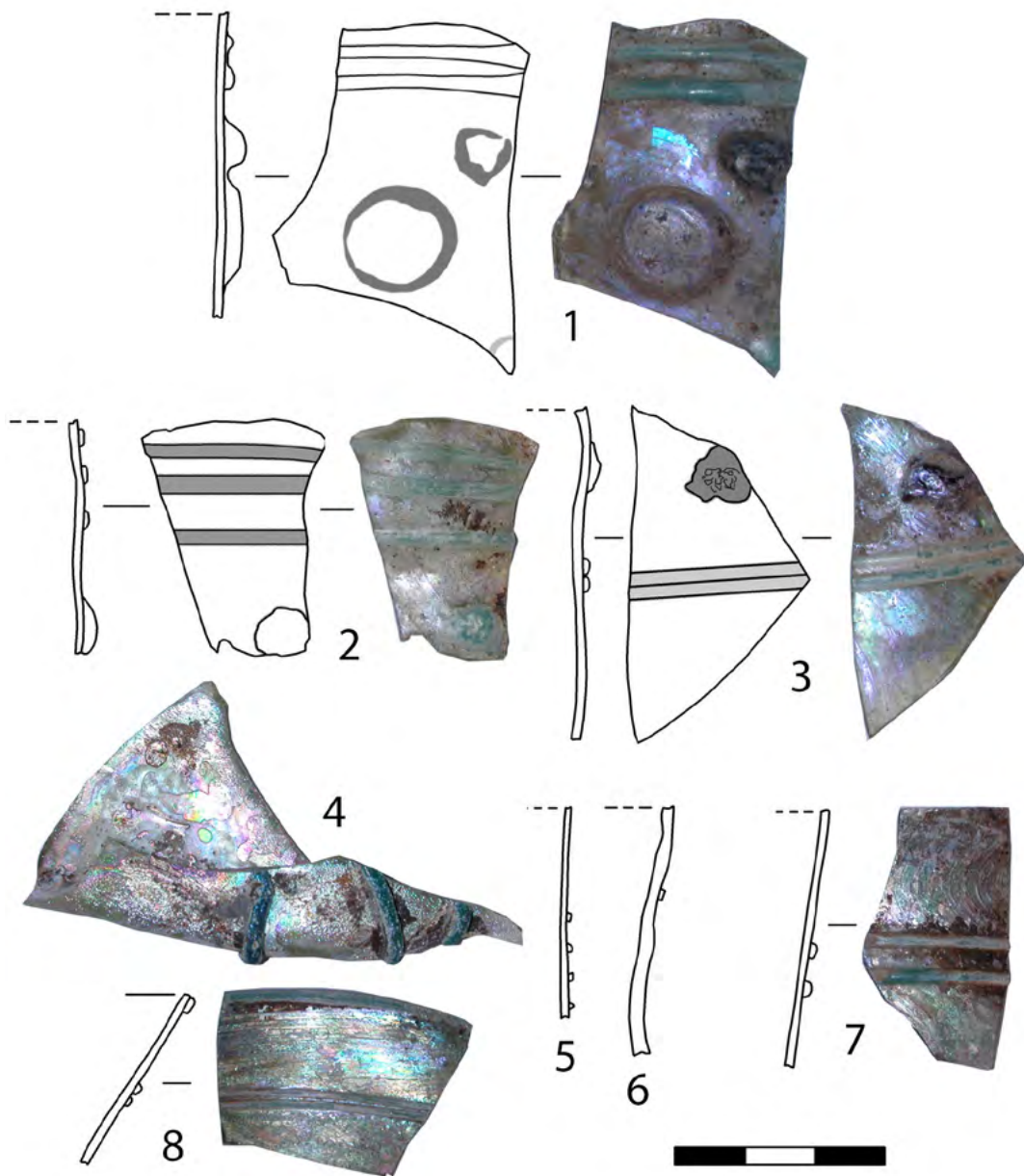

Рис. 4. Фрагменты сосуда с каплями и нитями цветного стекла из слоя пожара в усадьбе 1 квартала X-A Северного района Херсонеса

Fig. 4. Fragments of a vessel with drops and threads of coloured glass from the fire layer in house 1 in quarter X-A of the northern area of Chersonese

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 240–277.
2. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 422–457.
3. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Исследования средневекового городища на плато Эски-Кермен в 2018 г. // История и археология Крыма. 2019. Вып. XI. С. 21–28.
4. Алексеенко Н.А. К вопросу о деятельности Херсонесского монетного двора в XIII столетии // ХСб. 1996. Вып. VII. С. 187–191.
5. Аракелян Б.Н. Армения в IX–XIII вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. / Ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 335–350.
6. Армарчук Е.А. Северо-восточное Причерноморье XI–XIV вв.: традиционные черты и привнесенные «степные» элементы культуры // От Руси до Китая. Из новых археологических исследований. Сборник статей к юбилею Ю.Ю. Моргунова / Ред. В.Ю. Коваль. М., 2017. С. 14–34.
7. Бусятская Н.Н. Художественное стекло стран Ближнего Востока на территории Восточной Европы (X–XIV вв.) // Вестник Московского университета. 1972. № 2. С. 83–90.
8. Бусятская Н.Н. Стекланные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья / Ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1976. С. 38–72.
9. Валиулина С.И. Средневековое исламское стекло в Восточной Европе // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века / Ред. П.Г. Гайдуков. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 236–261.
10. Валиулина С.И., Зиливинская Э.Д. Стекланные изделия Самосдельского городища // Ученые записки Казанского университета. 2010. Т. 152, кн. 3, ч. 1. С. 63–76.
11. Голофаст Л.А. Керамика и стекло Иоасафовского участка: аналитические каталоги // Беляев Л.А. Византийский Иерихон: раскопки спустя столетие. Материалы Российско-Палестинской археологической экспедиции 2010–2013 гг. М.: Индрик, 2016. С. 359–477.
12. Голофаст Л.А. Стекло из раскопок на участке музейно-паркового комплекса Российской Федерации в Иерихоне // РА. 2019. № 4. С. 144–157.
13. Голофаст Л.А. Византийские сосуды с росписью золотом и цветными эмалями из слоя пожара второй половины XIII в. в Херсонесе // Стекло на путях Евразии в древности и Средневековье. Материалы международной научной конференции. М., 2022 (в печати).
14. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 182–260.
15. Голофаст Л.А., Романчук А.И., Рыжов С.Г., Антонова И.А. Византийский Херсон. Каталог выставки. М., 1991. 253 с.
16. Гуревич Ф.Д., Джанполадян Р.М., Малевская М.В. Восточное стекло в Древней Руси. Л.: Наука, 1968. 26 с.
17. Джанполадян Р.М. Средневековое стекло Двина IX–XIII вв. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1974. 76 с. (Археологические памятники Армении. 7. Средневековые памятники. Вып. II).
18. Егорьков А.Н. Химический состав твердого посудного стекла монгольского времени // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993–1997) / Ред. В.А. Лапшин. СПб., 2001. С. 138–148.
19. Завадская И.А., Голофаст Л.А. Керамические комплексы хозяйственных вырубков в квартале 1 на городище Эски-Кермен (раскопки 2006 и 2007 гг.) // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 305–358.
20. Колесникова Л.Г. Восточное стекло из собрания Херсонесского музея // ВВ. 1973. Т. 34. С. 249–256.
21. Колчин Б.А. Дендрохронология Новгорода // Новые методы в археологии: Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III / Ред. А.В. Арциховский, Б.А. Колчин. М., 1963. С. 5–103. (МИА. № 117).
22. Крижанец М. Средневековно стакло из катедрале светог Трипуна у Котору. Београд, 2001. 84 с.
23. Кузина И.Н. Импортные стеклянные сосуды из раскопок во Владимире в 2007 г. // РА. 2015. № 4. С. 149–157.

24. Лавыш К.А. Художественные изделия Востока, найденные на территории Беларуси: известные и новые находки (X–XIV вв.) // КСИА. 2012. Вып. 226. С. 244–254.
25. Лавыш К.А. Находки восточного и византийского стекла на территории Беларуси: новые факты и интерпретации // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века / Ред. П.Г. Гайдуков. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 225–235.
26. Мыц В. О дате гибели византийского Херсона: 1278 г. // Византия и Крым. Тез. докл. междунар. конф. Симферополь, 1997. С. 66–67.
27. Носов Е.Н., Плохов А.В. Исследование центральной части Рюрикова городища в 1984–1989 гг. // Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения (Новые материалы и исследования). СПб., 2005. С. 53–66.
28. Плохов А.В. Средневековая стеклянная посуда Новгородского (Рюрикова) городища // У истоков русской государственности / Ред.-сост. А.Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 166–175.
29. Полубояринова М.Д. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности / Ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 149–217.
30. Рыжов С.Г. Средневековые жилые кварталы X–XIII вв. в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 290–311.
31. Седикова Л.В. Квартал на участке водохранилища в Херсонесе в поздневизантийский период // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма. Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию А.И. Айбабина / Ред. Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антика, 2019. С. 100–102.
32. Седлачкова Г. Византийские и ближневосточные сосуды и оконное стекло IX–XIV вв. в чешских землях // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века / Ред. П.Г. Гайдуков. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 262–269.
33. Стрикалов И.Ю., Кузина И.Н. Новая находка импортного стеклянного сосуда из Переяславля Рязанского // КСИА. 2015. Вып. 240. С. 263–270.
34. Теофил. Записка о разных искусствах // Сообщения Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации музейных художественных ценностей. М., 1963. Вып. 7. С. 66–184.
35. Тесленко И.Б. Керамика Эски-Кермена эпохи «посткатастрофы» (по материалам исследований в центральной части городища) // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XII Международный Византийский семинар / Ред. Н.А. Алексеев. Симферополь, 2020. С. 249–253.
36. Щапова Ю.Л. Два сирийских сосуда из Новгорода // Историко-археологический сборник / Ред. Д.А. Авдусин, В.Л. Янин. М.: МГУ, 1962. С. 232–235.
37. Щапова Ю.Л. Стеклянные изделия древнего Новгорода // Новые методы в археологии: Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III / Ред. А.В. Арциховский, Б.А. Колчин. М., 1963. С. 104–163. (МИА. № 117).
38. Щапова Ю.Л. Стеклянные изделия средневековой Тмутаракани // Керамика и стекло древней Тмутаракани / Ред. Б.А. Рыбаков. М., 1963. С. 102–133.
39. Alexandre Y. The Glass Finds // Mary's Well, Nazareth. The Late Hellenistic to the Ottoman Periods / Eds. Y. Alexandre, G. Bar-Oz, A. Berman, N. Raban-Gerstel. Jerusalem: IAA, 2012. P. 89–106.
40. Amitai-Preiss N. Glass and Metal Finds // Hirschfeld Y., Amir R. Excavations at Tiberias, 1989–1994. Jerusalem, 2004. P. 177–190. (IAA Reports, 22).
41. Bakirer Ö. Glass from the Seljuk Palace at Alanya // Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean / Ed. E. Laffi. Izmir, 2009. P. 199–212.
42. Bakirer Ö. The Palace of 'Alā ad-Dīn Kay-Qubād I ar Alanya and its Glass Finds. P. 129–138 [Электронный ресурс]. URL: <https://books.ub.uni-heidelberg.de/propylaeum/reader/download/53/53-30-366-1-10-20160218.pdf> (дата обращения 15.03. 2021).
43. Bakirer Ö., Redford S. The Kubadabad Plate: Islamic Gilded and Enamelled Glass in Context // JGS. 2017. 59. P. 171–191.

44. Bass G., Lledo B., Matthews SH., Brill R.H. Serce Limani, Vol 2: The Glass of an Eleventh-Century Shipwreck. Texas A&M University Press, 2009. 536 p.
45. Brosh N. Islamic Glass Finds of the Thirteenth to Fifteenth Century from Jerusalem – Preliminary Report // *Annales du 16e Congrès de l’AIHV*. Nottingham, 2005. P. 186–190.
46. Brosh N. Mamluk Glass Bowl from Area J // Geva H. Jewish Quarter Excavations in the Old City of Jerusalem Conducted by Nahman Avigad, 1969–1982. Vol. VI: Areas J, N, Z and Other Studies. Jerusalem, 2014. P. 302–305.
47. Brosh N. Mamluk Glass Workshops in Jerusalem: Marvered Glass // *Proceedings of the 9th ICAANE* / Eds. R.A. Stucky, O. Kaelin, H.-P. Mathys. Basel, 2014. P. 909–920.
48. Brosh N. Mamluk Glass Workshops in Jerusalem: Marvered Glass // *Proceedings of the 9th ICAANE* / Eds. R.A. Stucky, O. Kaelin, H.-P. Mathys. Wiesbaden, 2016. P. 357–368.
49. Carboni S. Glass Production in the Fatimid Land and Beyond // *L’Égypte Fatimide son art et son histoire. Actes du colloque organisé à Paris les 28, 29 et 30 mai 1998* / Ed. M. Barrucand. Paris: Presses de l’Université de Paris-Sorbonne, 1999. P. 169–177.
50. Carboni S. Hot-Worked Glass // Carboni S., Whitehouse D. Glass of the Sultans. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2002. P. 101–145.
51. Carboni S. Painted Glass // Carboni S., Whitehouse D. Glass of the Sultans. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2002. P. 199–273.
52. Černa E., Tomková K. On the Road from the Early to High Middle Ages: Glass of the IXth – XIIIth centuries in Bohemia // *Archaeologia Polona*. 2017. 55. P. 189–210.
53. Çömezoğlu Ö. Myra-Demre Aziz Nikolas Kilisesinde Oniki ve Onüçüncü Yüzyıl Cam Buluntuları // *Uluslararası Sevgi Gönül Bizans Araştırmaları Sempozyumu* / Eds. A. Ödekan, E. Akyürek, N. Necipoğlu. İstanbul, 2010. P. 505–520.
54. Davidson G.R. A Medieval Glass-Factory at Corinth // *American Journal of Archaeology*. 1940. Vol. 44, No. 3. P. 297–332.
55. Davidson G.R. The Minor Objects. Corinth. Vol. XII. Princeton; New Jersey, 1952. 366 p.
56. Foy D., avec la collaboration de M.-Ch. Bailly-Maître. Verres médiévaux (XIIIe–XIVe siècle) à décor de gouttes rapportées. Les témoignages du midi de la France et leurs parallèles: variantes, chronologie et filiations // *Archéologie médiévale*. 2014. 44. P. 125–154.
57. Foy D. Verres islamiques de la Citadelle de Damas (IXe–XIIIe s.): Un aperçu // *Annales du 19e Congrès de l’AIHV* (Piran, 17th–21st September). Koper, 2015. P. 429–437.
58. François V., Spesier J.-M. Pottery and Glass in Byzantium // *The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century* / Ed. A.E. Laiou. Washington, 2002. P. 593–609.
59. Gibson M. Admirably Ornamented Glass // *Glass from Sasanian antecedents to European imitations* / Ed. S.M. Goldstein. London, 2005. P. 262–289. (The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art 15).
60. Goldstein S.M., with contributions by J.M. Rogers, M. Gibson and J. Kröger. The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art. Vol. XV. Glass from Sasanian Antecedents to European Imitations. London: The Nour Foundation, 2005. 384 p.
61. Gorin-Rosen Y. Excavation of the Courthouse Site at ‘Akko: Medieval Glass Vessels (Area TA) // *‘Atiqot*. 1997. 31. P. 75–85.
62. Gorin-Rosen Y. Glass Vessels from Strata 5-1 // Getzov N. et al. Horbat ‘Uza, the 1991 excavations II: The Late Periods. Jerusalem, 2009. P. 175–182. (IAA Reports 42).
63. Gorin-Rosen Y. A Mamluk-Period Glass Assemblage from the al-Watta Quarter, Safed (Zefat) // *‘Atiqot*. 2019. 97. P. 101–153.
64. Gorin-Rosen Y., Jackson-Tal R. Area B: The Glass Vessels // Tzaferis V., Israeli S. Paneas I. Jerusalem, 2008. P. 81–89. (IAA Reports 37).
65. Gyürky K.H. Glasfunde aus dem 13. u. 14. Jahrhundert im mittelalterlichen Dominikanerkloster von Buda // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1971. 23. S. 199–220.
66. Hadad S. Marvered Glass Vessels from the Umayyad through Mamluk Periods at Bet Shean, Israel // *Levant*. 2002. 34. P. 151–158.

67. Han V. The Origin and Style of Medieval Glass Found in the Central Balkans // *JGS*. 1975. 17. P. 114–141.
68. Harden D.B. Some Glass Fragments, Mainly of the 12th – 13th Century AD, from Northern Apulia // *JGS*. 1966. 8. P. 70–79.
69. Harden D.B. Ancient Glass III // *Archaeological Journal*. 1972. 128. P. 78–117.
70. Hasson R. Islamic Glass from Excavations in Jerusalem // *JGS*. 1983. 25. P. 109–113.
71. Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. The pottery. Princeton N.J., 1992. 455 p.
72. Henderson J. Archaeological and Scientific Evidence for the Production of Early Islamic Glass in al-Raqqa, Syria // *Levant*. 1999. Vol. 31, Iss. 1. P. 225–240.
73. Jackson-Tal R. E., Tal O. Crusader Glass in Context: The Destruction of Arsuf (Apollonia-Arsuf, Israel), April 1265 // *JGS*. 2013. 55. P. 85–100.
74. Jenkins M. Islamic Glass: A Brief History // *The Metropolitan Museum of Art Bulletin, New Series*. 1986. Vol. 44, No. 2. P. 10–56.
75. Kenesson S. Islamic enamelled beakers: a new chronology // *Gilded and Enamelled Glass from the Middle East* / Ed. R. Ward. Dorchester: British Museum Press, 1998. P. 45–49.
76. Kojić L., Wenzel M. Medieval Glass Found in Yugoslavia // *JGS*. 1967. 9. P. 76–93.
77. Krizanac M. Medieval Glass from the Cathedral of St. Tripun at Kotor // *JGS*. 2001. 43. P. 182–184.
78. Križanac M. Scent Bottles from Kotor, Montenegro // *Annales du 18e congrès de l'association internationale pour l'histoire du verre. Thessaloniki, 2009*. P. 409–413.
79. Kucharczyk R. Islamic Glass from Area U (2012–2013) // *Polish Archaeology in the Mediterranean*. 2015. 24/1. P. 73–86.
80. Lamm C.J. *Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten*. Berlin: Dietrich Reimer, 1929–1930. Bd. 1–2. 566 S. (Forschungen zur islamischen Kunst, Bd. 5).
81. Lavysch K. New Finds of Oriental Glass in the Territory of Belarus // *Annales du 19e Congrès de l'AIHV (Piran, 17th–21st September)*. Koper, 2015. P. 446–454.
82. Liepmann U. *Glas der Antike*. Hannover, 1982. 143 S.
83. Meyer C. Glass from Quseir el-Qadim and the Indian Ocean Trade. Chicago, 1992. 200 p. (SAOC 53).
84. Milwright M. Glass and Glassworking in Damascus during the Late 19th and Early 20th Centuries // *JGS*. 2014. 56. P. 201–217.
85. Newby M.S. The Glass from Farfa Abbey: An Interim Report // *JGS*. 1991. 33. P. 32–41.
86. Riccetti L. Nota sul bicchiere mamelucco trovato a Orvieto nel 1899 // *JGS*. 2017. 59. P. 407–413.
87. Riis P.J., Poulsen V. Hama. Fouilles et recherches 1931–1938. IV.2. Les verreries et poteries médiévales. Copenhagen, 1957. 316 p. (Nationalmuseet Skrifter. Større Beretninger III).
88. Saldern A. *Ancient and Byzantine Glass from Sardis*. London: Harvard University Press, 1980. 176 p.
89. Sanders G. Recent Finds from Ancient Corinth: How Little Things Make Big Differences. Tenth BABESCH Byvanck Lecture. Leiden: The Babesch Foundation, 2016. P. 1–31.
90. Scanlon G. Lamm's Classification and Archaeology // *Gilded and Enamelled Glass from the Middle East* / Ed. R. Ward. Dorchester: British Museum Press, 1998. P. 27–29.
91. Scanlon G.T., Pinder-Wilson R. Fustat Glass of the Early Islamic Period: Finds Excavated by the American Research Center in Egypt 1964–1980. London, 2001. 140 p.
92. Schwarzer H. Spätantike und byzantinische Glasfunde aus Alexandria Troas // *Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean* / Ed. E. Laffi. Izmir, 2009. P. 67–84.
93. Schwarzer H. Spätantike, byzantinische und islamische Glasfunde aus Pergamon // *Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean* / Ed. E. Laffi. Izmir, 2009. S. 85–109.
94. Schwarzer H., Rehren T. Glass Finds from Pergamon. A Report on the Results of Recent Archaeological and Archaeometric Research // *From Artificial Stone to Translucent Mass-Product. Innovations in the Technologies of Glass and their Social Consequences between Bronze Age and Antiquity* / Eds. F. Klimscha, H.-J. Karlsen, S. Hansen, J. Renn. Berlin, 2021. P. 161–217.
95. Sedlačková H. Ninth- to Mid-16th Century Glass Finds in Moravia // *JGS*. 2006. 48. P. 191–223.
96. Sedlačková H., Kořošová P., Lesák B. Medieval Glass in Bratislava (ca 1200–1550) // *Annales du 19e Congrès de l'AIHV (Piran, 17th–21st September)*. Koper, 2015. P. 400–410.

97. Shindo Y. Islamic Marvered Glass from al-Tur, South Sinai // *Annales du 12e Congrès de l'AIHV*. Amsterdam, 1993. P. 297–305.
98. Shindo Y. Islamic Lustre-Stained Glass from from Raya between the Ninth and Tenth Centuries // *Annales du 16e Congrès de l'AIHV*. London, 2003. P. 174–177.
99. Spasić-Đurić D., Jovanović S. A 12th Century Set of Marvered Purple Glass Vessels from Braničevo (Serbia) // *Starinar*. 2018. 68. P. 151–173.
100. Tait H. *Five Thousand Years of Glass*. London: British Museum Press, 1995. 256 p.
101. Talbot A.-M. Evidence about Byzantine Glass in Medieval Greek Texts from the Eighth to the Fifteenth Century // *Dumbarton Oaks Papers*. 2005. 59. P. 141–145.
102. Ward R. The Origins of the Gilded and Enamelled Glass Industry in Syria // *Transactions of the Oriental Ceramic Society*. 2010–2011. 75. P. 39–52.
103. Watson O. Pottery and Glass: Lustre and Enamel // *Gilded and Enamelled Glass from the Middle East* / Ed. R. Ward. London: British Museum Press, 1998. P. 15–19.
104. Watson O. Another Gilt Glass Bottle // *Fact and Artefacts: Art in the Islamic World. Festschrift for Jens Kröger on His 65th Birthday* / Eds. A. Hagedorn, A. Shalem. Leiden, Boston: Brill, 2007. P. 107–122.
105. Weinberg G.D. A Medieval Mystery: Byzantine Glass Production // *JGS*. 1975. 17. P. 127–141.
106. Wenzel M. Thirteenth-Century Islamic Enamelled Glass Found in Medieval Abingdon // *Oxford Journal of Archaeology*. 1984. 3. P. 1–21.
107. Whitcomb D.S. Islamic Glass from al-Qadim, Egypt // *JGS*. 1983. 25. P. 101–108.
108. Whitehouse D. Medieval Glass in Italy: Some Recent Developments // *JGS*. 1983. 25. P. 115–120.
109. Whitehouse D. Glassmaking at Corinth: A reassessment // *Ateliers de verriers, de l'antiquité à la période pré-industrielle: actes des 4emes Rencontres, Rouen, 24–25 novembre 1989* / Eds. D. Foy, G. Sennequier. Rouen: Association française pour l'archéologie du verre, 1991. P. 73–82.
110. Whitehouse D. The Growth of Interest in Islamic Glass // Carboni S., Whitehouse D. *Glass of the Sultans*. New York: The Metropolitan Museum of Art; Corning: Corning Museum of Glass; Athens: Benaki Museum; New Haven: Yale University Press, 2001. P. 8–13.
111. Whitehouse D. Glass from the Crusader Castle at Montfort // *Annales du 16e Congrès de l'AIHV* (London 2003). Nottingham, 2005. P. 191–193.
112. Whitehouse D. *Islamic Glass in the Corning Museum of Glass*. Vol. 2. Corning, New York: The Corning Museum of Glass, 2014. 333 p.
113. Williams II Ch.K. Frankish Corinth. An Overview // *Corinth*. Vol. XX. The Centenary. 1896–1996 / Eds. Ch.K. Williams II, N. Bookidis. Athens: The American School of Classical Studies at Athens, 2003. P. 423–434.
114. Williams II Ch.K., Zervos O.H. Frankish Corinth: 1991 // *Hesperia*. 1992. 61/2. P. 133–191.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. City on the Eski-Kermen plateau in 13th century. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2014, vol. 19, pp. 240–277.
2. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Late Medieval chapel on the Eski-Kermen plateau. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2011, vol. 17, pp. 422–457.
3. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Exploration of the medieval settlement on the Eski-Kermen plateau in 2018. *Istoriia i arkheologija Kryma* [History and archaeology of the Crimea], Simferopol, 2019, vol. 11, pp 21–28.
4. Alekseenko N.A. On the question of the activities of the Chersonesos mint in the 13th century. *Khersonesskii sbornik* [Chersonesos collection], Sevastopol, 1996, vol 7, pp. 187–191.
5. Arakelian B.N. Armenia in the 9th–13th centuries. Makarova T.I., Pletneva S.A. (eds.), *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia. IV–XIII vv.* [Crimea, North-eastern

- Black Sea region and Transcaucasia in the Middle Ages. 4th–13th centuries], Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 335–350.
6. Armarchuk E.A. North-eastern Black Sea region 11th–14th centuries: traditional features and introduced “steppe” elements of culture. Koval V.Iu. (ed.), *Ot Rusi do Kitaia. Iz novykh arkheologicheskikh issledovanii. Sbornik statei k iubileiu Iu.Iu. Morgunova* [From Russia to China. From new archaeological research. Collection of articles for the anniversary of Yu.Yu. Morgunova], Moscow, 2017, pp. 14–34.
 7. Busiatskaia N.N. Art glass from the Middle East in Eastern Europe (10th–14th centuries). *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow University bulletin], 1972, no. 2, pp. 83–90.
 8. Busiatskaia N.N. Glass products from the cities of the Volga region (13th–14th centuries). Smirnov A.P., Fedorov-Davydov G.A. (eds.), *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia* [Medieval monuments of the Volga region], Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 38–72.
 9. Valiulina S.I. Medieval islamic glass in Eastern Europe. Gaidukov P.G. (ed.), *Steklo Vostochnoi Evropy s drevnosti do nachala XX veka* [Glass from Eastern Europe from antiquity to the beginning of 20th century], St.-Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2015, pp. 236–261.
 10. Valiulina S.I., Zilivinskaia E.D. Glass products of the Samosdelsky settlement. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta* [Scientific notes of Kazan University], 2010, vol. 152, book 3, part 1, pp. 63–76.
 11. Golofast L.A. Ceramics and glass of the Ioasafovsky site: analytical catalogs. Beliaev L.A. *Vizantiiskii Ierikhon: raskopki spustia stoletie* [Byzantine Jericho. Excavations after a century], Moscow, Indrik Publ., 2016, pp. 359–477.
 12. Golofast L.A. Glass from the 2017 and 2019 excavations in the Russian museum and park complex in Jericho. *Rossiiskaia arkheologiya* [Russian archeology], 2019, no. 4, pp. 144–157.
 13. Golofast L.A. Byzantine vessels painted with gold and colored enamels from the fire layer of the second half of the 13th century in Chersonesos. *Steklo na putiakh Evrazii v drevnosti i Srednevekov'e. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Glass on the paths of Eurasia in antiquity and the Middle Ages. Materials of the international scientific conference], Moscow, 2022 (in print).
 14. Golofast L.A., Ryzhov S.G. Excavations in the quarter X in the northern district of Chersonesos. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2003, vol. 10, pp. 182–260.
 15. Golofast L.A., Romanchuk A.I., Ryzhov S.G., Antonova I.A. *Vizantiiskii Kherson. Katalog vystavki* [Byzantine Kherson. Exhibition catalog]. Moscow, 1991, 253 p.
 16. Gurevich F.D., Dzhanpoladian R.M., Malevskaia M.V. *Vostochnoe steklo v Drevnei Rusi* [Eastern glass in Ancient Russia]. Leningrad, Nauka Publ., 1968, 26 p.
 17. Dzhanpoladian R.M. *Srednevekovoe steklo Dvina IX–XIII vv.* [Medieval glass from Dvin in the 9th–13th centuries]. Erevan, Academy of Sciences of the Armenian SSR Publ., 1974, 76 p.
 18. Egor'kov A.N. The chemical composition of the Tver glassware of the Mongolian time. Lapshin V.A. (ed.), *Tverskoi kreml': kompleksnoe arkheologicheskoe istochnikovedenie* [Tver kremlin: comprehensive archaeological source study], St.-Petersburg, 2001, pp. 138–148.
 19. Zavadskaia I.A., Golofast L.A. Pottery assemblages from production carvings in quarter 1 of the ancient town of Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2018, vol. 23, pp. 305–358.
 20. Kolesnikova L.G. Oriental glass from the collection of the Chersonesos Museum. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantine vremennik], 1973, vol. 34, pp. 249–256.
 21. Kolchin B.A. Dendrochronology of Novgorod. Artsikhovskii A.V., Kolchin B.A. (eds.), *Novye metody v arkheologii: Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* [New Methods in Archeology: Proceedings of the Novgorod Archaeological Expedition], T. 3, Moscow, 1963, pp. 5–103.
 22. Krizhanats M. *Srednevekovno staklo iz katedralne svetog Tripuna u Kotoru* [Medieval Glass from the Cathedral of St. Tripun at Kotor]. Beograd, 2001, 84 p.
 23. Kuzina I.N. Import glass vessels from the excavation sites in Vladimir in 2007. *Rossiiskaia arkheologiya* [Russian archeology], 2015, no. 4, pp. 149–157.

24. Lavysh K.A. Pieces of Oriental art from the territory of Byelorussia: known and new finds (the 10th–14th centuries). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief communications of the Institute of archaeology], 2012, vol. 226, pp. 244–254.
25. Lavysh K.A. Finds of oriental and Byzantine glass on the territory of Belarus: new facts and interpretations. Gaidukov P.G. (ed.), *Steklo Vostochnoi Evropy s drevnosti do nachala XX veka* [Glass from Eastern Europe from antiquity to the beginning of 20th century], St.-Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2015, pp. 225–235.
26. Myts V. On the date of the death of Byzantine Kherson: 1278. *Vizantiia i Krym. Tezisia dokladov mezhdunarodnoi konferentsii* [Byzantium and Crimea. Abstracts of the international conference], Simferopol, 1997, pp. 66–67.
27. Nosov E.N., Plokhov A.V. Exploration of the central part of the Rurik settlement in 1984–1989. Nosov E.N., Goriunova V.M., Plokhov A.V. *Gorodishche pod Novgorodom i poseleniia Severnogo Priil'men'ia (Novye materialy i issledovaniia)* [The settlement near Novgorod and the settlements of the Northern Priilmenye (New materials and research)], St.-Petersburg, 2005, pp. 53–66.
28. Plokhov A.V. Medieval glassware of the Novgorod (Rurik) settlement. Musin A.E. (ed.), *U istokov russkoi gosudarstvennosti* [The origins of the russian snate], St.-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2007, pp. 166–175.
29. Poluboiarinova M.D. Glass products of the Bolgar settlement. Fedorov-Davydov G.A. (ed.), *Gorod Bolgar: ocherki remeslennoi deiatel'nosti* [Bolgar city: sketches of craft activities], Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 149–217.
30. Ryzhov S.G. Medieval residential blocks of the 10th–13th centuries in the new North district of Chersonesos. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2001, vol. 8, pp. 290–311.
31. Sedikova L.V. Residential quarter in the water reservoir district of Chersonese in the Late Byzantine Period. Khairedinova E.A. (ed.), *Problemy istorii i arkheologii srednevekovogo Kryma. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu A.I. Aibabina* [Aspects of the history and archaeology of mediaeval Crimea. Materials of the international conference dedicated to A. Aibabin's 70th birthday anniversary], Simferopol, Antikva Publ., 2019, pp. 100–102.
32. Sedlachkova G. Byzantine and Middle Eastern vessels and window glass 9th–14th centuries in the Czech lands. Gaidukov P.G. (ed.), *Steklo Vostochnoi Evropy s drevnosti do nachala XX veka* [Glass from Eastern Europe from antiquity to the beginning of 20th century], St.-Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2015, pp. 262–269.
33. Strikalov I.Iu., Kuzina I.N. A new find of imported glass vessel from the Pereyaslavl Ryazansky. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief communications of the Institute of archaeology], 2015, vol. 240, pp. 263–270.
34. Teofil. A note on the different arts. *Soobshcheniia Vsesoiuznoi tsentral'noi nauchno-issledovatel'skoi laboratorii po konservatsii i restavratsii muzeinykh khudozhestvennykh tsennostei* [Messages from the all-union central research laboratory for the conservation and restoration of museum art treasures], Moscow, 1963, vol. 7, pp. 66–184.
35. Teslenko I.B. The ceramic pottery from the “post-catastrophe” period of Eski-Kermen: According to the materials of researches in the central area of the ancient town. Alekseenko N.A. (ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis. XII Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar* [12th international Byzantine workshop “Chersonos Themata: the empire and the polis”], Simferopol, 2020, pp. 249–253.
36. Shchapova Iu.L. Two Syrian vessels from Novgorod. Avdusin D.A., Ianin V.L. (eds.), *Istoriko-arkheologicheskii sbornik* [Historical and archaeological collection], Moscow, MGU Publ., 1962, pp. 232–235.
37. Shchapova Iu.L. Glass products of ancient Novgorod. Artsikhovskii A.V., Kolchin B.A. (eds.), *Novye metody v arkheologii: Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* [New methods in archeology: proceedings of the Novgorod archaeological expedition], T. 3, Moscow, 1963, pp. 104–163.

38. Shchapova Iu.L. Glassware of medieval Tmutarakan. Rybakov B.A. (ed.), *Keramika i steklo drevnei Tmutarakani* [Ceramics and glass of ancient Tmutarakan], Moscow, 1963, pp. 102–133.
39. Alexandre Y. The Glass Finds. Alexandre Y., Bar-Oz G., Berman A., Raban-Gerstel N. (eds.), *Mary's Well, Nazareth. The Late Hellenistic to the Ottoman Periods*, Jerusalem, 2012, pp. 89–106.
40. Amitai-Preiss N. Glass and Metal Finds. Hirschfeld Y., Amir R. *Excavations at Tiberias, 1989–1994*. (IAA Reports, 22). Jerusalem, 2004, pp. 177–190.
41. Bakirer Ö. Glass from the Seljuk Palace at Alanya. Laffi E. (ed.), *Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*, Izmir, 2009, pp. 199–212.
42. Bakirer Ö. *The Palace of 'Alā ad-Dīn Kay-Qubād I ar Alanya and its Glass Finds*. URL: <https://books.ub.uni-heidelberg.de/propylaeum/reader/download/53/53-30-366-1-10-20160218.pdf>
43. Bakirer Ö., Redford S. The Kubadabad Plate: Islamic Gilded and Enameled Glass in Context. *Journal of Glass Studies*, 2017, 59, pp. 171–191.
44. Bass G., Lledo B., Matthews SH., Brill R.H. *Serce Limani, Vol 2: The Glass of an Eleventh-Century Shipwreck*. Texas A&M University Press, 2009, 536 p.
45. Brosh N. Islamic Glass Finds of the Thirteenth to Fifteenth Century from Jerusalem – Preliminary Report. *Annales du 16e Congrès de l'AIHV*, Nottingham, 2005, pp. 186–190.
46. Brosh N. Mamluk Glass Bowl from Area J. Geva H. *Jewish Quarter Excavations in the Old City of Jerusalem Conducted by Nahman Avigad, 1969–1982. Vol. VI: Areas J, N, Z and Other Studies*. Jerusalem, 2014, pp. 302–305.
47. Brosh N. Mamluk Glass Workshops in Jerusalem: Marvered Glass. Stucky R.A., Kaelin O., Mathys H.-P. (eds.), *Proceedings of the 9th ICAANE*, Basel, 2014, pp. 909–920.
48. Brosh N. Mamluk Glass Workshops in Jerusalem: Marvered Glass. Stucky R.A., Kaelin O., Mathys H.-P. (eds.), *Proceedings of the 9th ICAANE*, Wiesbaden, 2016, pp. 357–368.
49. Carboni S. Glass Production in the Fatimid Land and Beyond. Barrucand M. (ed.), *L'Égypte Fatimide son art et son histoire. Actes du colloque organisé à Paris les 28, 29 et 30 mai 1998*, Paris, Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, 1999, pp. 169–177.
50. Carboni S. Hot-Worked Glass. Carboni S., Whitehouse D. *Glass of the Sultans*, New York, The Metropolitan Museum of Art, 2002, pp. 101–145.
51. Carboni S. Painted Glass. Carboni S., Whitehouse D. *Glass of the Sultans*, New York, The Metropolitan Museum of Art, 2002, pp. 199–273.
52. Černa E., Tomková K. On the Road from the Early to High Middle Ages: Glass of the IXth–XIIIth centuries in Bohemia. *Archaeologia Polona*, 2017, 55, pp. 189–210.
53. Çömezoğlu Ö. Myra-Demre Aziz Nikolas Kilisesinde Oniki ve Onüçüncü Yüzyıl Cam Buluntuları. Ödekan A., Akyürek E., Necipoğlu N. (eds.), *Uluslararası Sevgi Gönül Bizans Araştırmaları Sempozyum*, İstanbul, 2010, pp. 505–520.
54. Davidson G.R. A Medieval Glass-Factory at Corinth. *American Journal of Archaeology*, 1940, vol. 44, no. 3, pp. 297–332.
55. Davidson G.R. *The Minor Objects. Corinth. Vol. XII*. Princeton, New Jersey, 1952, 366 p.
56. Foy D., avec la collaboration de M.-Ch. Bailly-Maître. Verres médiévaux (XIIIe–XIVe siècle) à décor de gouttes rapportées. Les témoignages du midi de la France et leurs parallèles: variantes, chronologie et filiations. *Archéologie médiévale*, 2014, 44, pp. 125–154.
57. Foy D. Verres islamiques de la Citadelle de Damas (IXe–XIIIe s.): Un aperçu. *Annales du 19e Congrès de l'AIHV (Piran, 17th–21st September)*, Koper, 2015, pp. 429–437.
58. François V., Spesier J.-M. Pottery and Glass in Byzantium. Laiou A.E. (ed.), *The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century*, Washington, 2002, pp. 593–609.
59. Gibson M. Admirably Ornamented Glass. Goldstein S.M. (ed.), *Glass from Sasanian Antecedents to European Imitations (The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art 15)*, London, 2005, pp. 262–289.
60. Goldstein S.M., with contributions by J.M. Rogers, M. Gibson and J. Kröger. *The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art. Vol. XV. Glass from Sasanian Antecedents to European Imitations*. London, The Nour Foundation, 2005, 384 p.

61. Gorin-Rosen Y. Excavation of the Courthouse Site at 'Akko: Medieval Glass Vessels (Area TA), *'Atiqot*, 1997, 31, pp. 75–85.
62. Gorin-Rosen Y. Glass Vessels from Strata 5-1. Getzov N. et al. *Horbat 'Uza, the 1991 excavations II: The Late Periods*. (IAA Reports 42), Jerusalem, 2009, pp. 175–182.
63. Gorin-Rosen Y. A Mamluk-Period Glass Assemblage from the al-Watta Quarter, Safed (Zefat). *'Atiqot*, 2019, 97, pp. 101–153.
64. Gorin-Rosen Y., Jackson-Tal R. Area B: The Glass Vessels. Tzaferis V., Israeli S. *Paneas I*. (IAA Reports 37), Jerusalem, 2008, pp. 81–89.
65. Gyürky K.H. Glasfunde aus dem 13. u. 14. Jahrhundert im mittelalterlichen Dominikanerkloster von Buda. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1971, 23, pp. 199–220.
66. Hadad S. Marvered Glass Vessels from the Umayyad through Mamluk Periods at Bet Shean, Israel. *Levant*, 2002, 34, pp. 151–158.
67. Han V. The Origin and Style of Medieval Glass Found in the Central Balkans. *Journal of Glass Studies*, 1975, 17, pp. 114–141.
68. Harden D.B. Some Glass Fragments, Mainly of the 12th–13th Century AD, from Northern Apulia. *Journal of Glass Studies*, 1966, 8, pp. 70–79.
69. Harden D.B. Ancient Glass III. *Archaeological Journal*, 1972, 128, pp. 78–117.
70. Hasson R. Islamic Glass from Excavations in Jerusalem. *Journal of Glass Studies*, 1983, 25, pp. 109–113.
71. Hayes J.W. *Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. The pottery*. Princeton N.J., 1992, 455 p.
72. Henderson J. Archaeological and Scientific Evidence for the Production of Early Islamic Glass in al-Raqqā, Syria. *Levant*, 1999, vol. 31, iss. 1, pp. 225–240.
73. Jackson-Tal R. E., Tal O. Crusader Glass in Context: The Destruction of Arsuf (Apollonia-Arsuf, Israel), April 1265. *Journal of Glass Studies*, 2013, 55, pp. 85–100.
74. Jenkins M. Islamic Glass: A Brief History. *The Metropolitan Museum of Art Bulletin, New Series*, 1986, vol. 44, no. 2, pp. 10–56.
75. Kenesson S. Islamic enamelled beakers: a new chronology. Ward R. (ed.), *Gilded and Enamelled Glass from the Middle East*, Dorchester, British Museum Press, 1998, pp. 45–49.
76. Kojić L., Wenzel M. Medieval Glass Found in Yugoslavia. *Journal of Glass Studies*, 1967, 9, pp. 76–93.
77. Krizanac M. Medieval Glass from the Cathedral of St. Tripun at Kotor. *Journal of Glass Studies*, 2001, 43, pp. 182–184.
78. Križanac M. Scent Bottles from Kotor, Montenegro. *Annales du 18e congrès de l'association internationale pour l'histoire du verre*, Thessaloniki, 2009, pp. 409–413.
79. Kucharczyk R. Islamic Glass from Area U (2012–2013). *Polish Archaeology in the Mediterranean*, 2015, 24/1, pp. 73–86.
80. Lamm C.J. *Mittelalterliche Gläser und Steinschnitarbeiten aus dem Nāhen Osten*. Berlin, Dietrich Reimer, 1929–1930, Bd. 1–2, 566 p.
81. Lavysh K. New Finds of Oriental Glass in the Territory of Belarus. *Annales du 19e Congrès de l'AIHV (Piran, 17th–21st September)*, Koper, 2015, pp. 446–454.
82. Liepmann U. *Glas der Antike*. Hannover, 1982, 143 p.
83. Meyer C. *Glass from Quseir el-Qadim and the Indian Ocean Trade. (SAOC 53)*. Chicago, 1992, 200 p.
84. Milwright M. Glass and Glassworking in Damascus during the Late 19th and Early 20th Centuries. *Journal of Glass Studies*, 2014, 56, pp. 201–217.
85. Newby M.S. The Glass from Farfa Abbey: An Interim Report. *Journal of Glass Studies*, 1991, 33, pp. 32–41.
86. Riccetti L. Nota sul bicchiere mamelucco trovato a Orvieto nel 1899. *Journal of Glass Studies*, 2017, 59, pp. 407–413.
87. Riis P.J., Poulsen V. *Hama. Fouilles et recherches 1931–1938. IV.2. Les verreries et poteries médiévales*. (Nationalmuseet Skrifter. Større Beretninger III). Copenhagen, 1957, 316 p.
88. Saldern A. *Ancient and Byzantine Glass from Sardis*. London, Harvard University Press, 1980, 176 p.

89. Sanders G. *Recent Finds from Ancient Corinth: How Little Things Make Big Differences*. Tenth BABESCH Byvanck Lecture. Leiden, The Babesch Foundation, 2016, pp. 1–31.
90. Scanlon G. Lamm's Classification and Archaeology. Ward R. (ed.), *Gilded and Enamelled Glass from the Middle East*, Dorchester, British Museum Press, 1998, pp. 27–29.
91. Scanlon G.T., Pinder-Wilson R. *Fustat Glass of the Early Islamic Period: Finds Excavated by the American Research Center in Egypt 1964–1980*. London, 2001, 140 p.
92. Schwarzer H. Spätantike und byzantinische Glasfunde aus Alexandria Troas. Lafli E. (ed.), *Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*, Izmir, 2009, pp. 67–84.
93. Schwarzer H. Spätantike, byzantinische und islamische Glasfunde aus Pergamon. Lafli E. (ed.), *Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*, Izmir, 2009, pp. 85–109.
94. Schwarzer H., Rehren T. Glass Finds from Pergamon. A Report on the Results of Recent Archaeological and Archaeometric Research. Klimscha F., Karlsen H.-J., Hansen S., Renn J. (eds.), *From Artificial Stone to Translucent Mass-Product. Innovations in the Technologies of Glass and their Social Consequences between Bronze Age and Antiquity*, Berlin, 2021, pp. 161–217.
95. Sedlačková H. Ninth- to Mid-16th Century Glass Finds in Moravia. *Journal of Glass Studies*, 2006, 48, pp. 191–223.
96. Sedlačková H., Košová P., Lesák B. Medieval Glass in Bratislava (ca 1200–1550). *Annales du 19e Congrès de l'AIHV (Piran, 17th–21st September)*, Koper, 2015, pp. 400–410.
97. Shindo Y. Islamic Marvered Glass from al-Tur, South Sinai. *Annales du 12e Congrès de l'AIHV*. Amsterdam, 1993, pp. 297–305.
98. Shindo Y. Islamic Lustre-Stained Glass from from Raya between the Ninth and Tenth Centuries. *Annales du 16e Congrès de l'AIHV*, London, 2003, pp. 174–177.
99. Spasić-Đurić D., Jovanović S. A 12th Century Set of Marvered Purple Glass Vessels from Braničevo (Serbia). *Starinar*, 2018, 68, pp. 151–173.
100. Tait H. *Five Thousand Years of Glass*. London, British Museum Press, 1995, 256 p.
101. Talbot A.-M. Evidence about Byzantine Glass in Medieval Greek Texts from the Eighth to the Fifteenth Century. *Dumbarton Oaks Papers*, 2005, 59, pp. 141–145.
102. Ward R. The Origins of the Gilded and Enamelled Glass Industry in Syria. *Transactions of the Oriental Ceramic Society*, 2010–2011, 75, pp. 39–52.
103. Watson O. Pottery and Glass: Lustre and Enamel. Ward R. (ed.), *Gilded and Enamelled Glass from the Middle East*, London, British Museum Press, 1998, pp. 15–19.
104. Watson O. Another Gilt Glass Bottle. Hagedorn A., Shalem A. (eds.), *Fact and Artefacts: Art in the Islamic World. Festschrift for Jens Kröger on His 65th Birthday*, Leiden, Boston, Brill, 2007, pp. 107–122.
105. Weinberg G.D. A Medieval Mystery: Byzantine Glass Production. *Journal of Glass Studies*, 1975, 17, pp. 127–141.
106. Wenzel M. Thirteenth-Century Islamic Enamelled Glass Found in Medieval Abingdon. *Oxford Journal of Archaeology*, 1984, 3, pp. 1–21.
107. Whitcomb D.S. Islamic Glass from al-Qadim, Egypt. *Journal of Glass Studies*, 1983, 25, pp. 101–108.
108. Whitehouse D. Medieval Glass in Italy: Some Recent Developments. *Journal of Glass Studies*, 1983, 25, pp. 115–120.
109. Whitehouse D. Glassmaking at Corinth: A reassessment. Foy D., Sennequier G. (eds.), *Ateliers de verriers, de l'antiquité à la période pré-industrielle: actes des 4emes Rencontres, Rouen, 24–25 novembre 1989*, Rouen, Association française pour l'archéologie du verre, 1991, pp. 73–82.
110. Whitehouse D. The Growth of Interest in Islamic Glass. Carboni S., Whitehouse D. *Glass of the Sultans*. New York, The Metropolitan Museum of Art; Corning, Corning Museum of Glass; Athens, Benaki Museum; New Haven, Yale University Press, 2001, pp. 8–13.
111. Whitehouse D. Glass from the Crusader Castle at Montfort. *Annales du 16e Congrès de l'AIHV (London 2003)*, Nottingham, 2005, pp. 191–193.

112. Whitehouse D. *Islamic Glass in the Corning Museum of Glass. Vol. 2. Corning, New York, The Corning Museum of Glass*, 2014, 333 p.
113. Williams II Ch.K. Frankish Corinth. An Overview. Williams II Ch.K., Bookidis N. (eds.), *Corinth. Vol. XX. The Centenary. 1896–1996*, Athens, The American School of Classical Studies at Athens, 2003, pp. 423–434.
114. Williams II Ch.K., Zervos O.H. Frankish Corinth: 1991. *Hesperia*, 1992, 61/2, pp. 133–191.

Информация об авторе

Голофаст Л. А. – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН, Researcher ID: J-7642-2018.

Author information

Golofast L. A. – Candidate of Science (History), Researcher of the Department of Classical Archaeology of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Researcher ID: J-7642-2018.

ОСОБЕННОСТИ ЧИСЛОВЫХ ПРОПОРЦИЙ ПЛАНА ЭСКИ-КЕРМЕНСКОЙ БАЗИЛИКИ

Ирина Анатольевна Завадская

Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
zavadsкая_irina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3915-136X>

Аннотация. В статье приведены результаты исследования планировочной структуры базилики ранневизантийской крепости и средневекового города, существовавших на плато Эски-Кермен в Горном Крыму (конец VI – XIII в.). В XI или XII в. в восточной части базилики пристроили три многогранные апсиды с пиллястрами, характерные для средневизантийских крестовокупольных храмов. Это существенно изменило облик первоначальной базилики, реконструкция которой вызывает определенные сложности. Однако вполне очевидно, что она принадлежала тому же архитектурно-планировочному типу, что и ранневизантийские базилики Херсонеса: имела три нефа, один нартекс и, скорее всего, одну полукруглую или гранную апсиду и была перекрыта деревянными стропилами. При проектировании херсонесских и эски-керменской базилик, с большой долей вероятности, использовали систему числовых пропорций, которую вычислил архитектор и историк архитектуры Ханс Бухвальд. В плане Эски-Керменской базилики есть числовые пропорции всех трех вариантов пропорциональной системы, к которым принадлежат херсонесские базилики, но ни к одному из них базилику на Эски-Кермене нельзя отнести в полной мере. Ее центральная часть, наос (1:1 о.с./с.л.), пропорционально соответствует «укороченным» херсонесским базиликам (3-й вариант пропорциональной системы). А пропорции наоса вместе с апсидой или нартексом (2:3 с.л./о.с.) сопоставимы с херсонесскими базиликами со «средними» пропорциями (2-й вариант). Это связано с увеличенными объемами ее алтарной части и нартекса. Несмотря на индивидуальный набор числовых пропорций Эски-Керменской базилики, практически все они имеют аналогии в ранневизантийской базиликальной архитектуре и, прежде всего, в Херсонесе, административном и религиозном центре Юго-Западного Крыма. Особенности планировки Эски-Керменской базилики объясняются, прежде всего, ее небольшими размерами и необходимостью расширить пространство алтаря и нартекса. Возможность комбинировать числовые пропорции при создании базилик свидетельствует о том, что набор этих пропорций не был жестко регламентирован и они могли подбираться с учетом конкретных условий и потребностей.

Ключевые слова: Эски-Кермен, Херсонес/Херсон, Горный Крым, ранневизантийские базилики, методы проектирования, числовые пропорции

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время».

THE PARTICULARS OF THE NUMERIC PROPORTIONS OF THE GROUND PLAN OF THE BASILICA OF ESKI-KERMEN

Irina A. Zavadskaya

Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia

Abstract. This paper presents the results of the research of the planning structure of the basilica of the Early Byzantine castle and mediaeval town located on the plateau of Eski-Kermen in the mountainous area of the Crimea (late sixth to the late thirteenth century). In the eleventh or twelfth century, three polyhedral apses with pilasters typical of the Middle Byzantine cross-inscribed churches were added to the eastern part of the basilica, thus greatly changing the appearance of the original basilica, which reconstruction now causes certain difficulties. However, it is quite obvious that this structure belonged to the same type of basilicas featuring the nave and two aisles, one narthex, wooden raftering, and most probably one semi-circular or faceted apse. The designers of the basilicas of Cherson and Eski-Kermen most likely used the system of numerical proportions, uncovered by an architect and architectural historian Hans Buchwald. Although the ground plan of the basilica of Eski-Kermen contains numerical proportions of all three variants of the proportional system of the basilicas of Chersonese, it is not possible to attribute the basilica of Eski-Kermen to one of the said variants. Its central part, or naos (1:1 o.c./cl.) corresponds proportionally to the “shortened” basilicas of Chersonese (3rd variant of the proportional system). However, the proportions of the naos with the apse or narthex (2:3 cl./o.c.) are comparable with the basilicas of Chersonese with “medium” proportions (2nd variant). It is related to the enlarged volumes of its chancel and narthex. Although the set of numerical proportions of the basilica of Eski-Kermen is individual, almost all of them have analogies in the early Byzantine architecture of basilicas, especially in Chersonese, the administrative and religious centre of the south-western Crimea. The specificity of the planning structure of the basilica of Eski-Kermen are explained, primarily, by its small size and the need to extend the space of the chancel and narthex. The possibility of combining numerical proportions in the building of basilicas indicates that the set of these proportions was not strictly regulated, so they were chosen according to the specific conditions and needs. .

Key words: Eski-Kermen, Chersonese/Cherson, mountainous Crimea, Early Byzantine basilicas, design planning methods, numeric proportions

Acknowledgments: This study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 20-18-00076 “The Evolution of the Towns on the Inner Ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages and Modern Period.”

Трехнефная базилика, расположенная в центральной части горного плато Эски-Кермен, была самым большим храмом существовавшего там средневекового города. Согласно хронологии А. И. Айбабина, она возникла одновременно с византийской крепостью в конце VI в. и функционировала до разрушения города в конце XIII в. [2, с. 241–250; 3, с. 9].

Самое раннее упоминание города «на каменной горе» и его храма оставил Мартин Броневский, посетивший Крым в 1578 г. По выражению польского посланника, обломки храма, среди которых были украшавшие его когда-то «мраморные и серпентиновые колонны», свидетельствовали о прежней славе и роскоши этого города [4, с. 344]. Руины церкви были достаточно хорошо заметны и спустя несколько столетий. А. Л. Бертъе-Делагард на составленном им в 1886 г. общем плане городища отметил базилику, которая, как ему тогда показалось, имела «одну апсиду и по четыре колонны с каждой стороны» [11, с. 213]. Н. Л. Эрнст еще до начала системных раскопок Эски-Кермена называл базилику наиболее интересным памятником городища. Он первый предположил ее связь с храмом, описанным Мартином Броневским, а также упомянул о неоднократном разграблении руин кладоискателями

[13, с. 38]. Археологические раскопки базилики проведены Ф. И. Шмитом в 1930 г. [10, с. 25–27; 11, с. 213–253]. В течение одного полевого сезона остатки здания были практически полностью открыты. Под землей оставался лишь наружный панцирь северной стены, зачистку которой завершили под руководством Е. А. Паршиной в 1979–1980 гг. Тогда же раскопали часовню у северо-восточного угла базилики и часть некрополя за ее северной стеной [9, с. 36–59; 8, с. 99–113]. В 2018–2020 гг. под руководством А. И. Айбабина и Э. А. Хайрединовой в ходе археологических исследований открыта центральная площадь города перед базиликой. На площади под отвалом 1930 г. обнаружены ряды блоков от внешнего панциря западной стены базилики, упавшей, вероятно, в результате подземного толчка спустя какое-то время после разрушения здания [12, с. 111–113]. Детальные промеры этих остатков кладки позволили Э. А. Хайрединовой предложить реконструкцию западного фасада базилики и вычислить его примерную высоту [12, с. 112, 121, рис. 84,1]. Судя по расположению и количеству рядов блоков, а также размерам самих блоков, по мнению исследовательницы, высота фасада могла составлять 7,5–8,0 м [12, с. 112].

Главная особенность Эски-Керменской церкви состоит в том, что она сочетает в себе структуру простой трехнефной базилики и алтарную часть с тремя многогранными апсидами с пилястрами, характерными для средневизантийских крестовокупольных храмов. Это уникальное для крымских базилик сочетание не сразу получило адекватное объяснение и стало основным камнем преткновения для первых исследователей Эски-Керменской базилики, пытавшихся определить происхождение и время ее строительства. Ф. И. Шмит, раскопавший базилику, датировал ее в пределах конца IV и начала VII в. и был уверен в том, что апсиды, сложенные из тщательно тесанных и подогнанных друг к другу каменных блоков, принадлежат первоначальному зданию [11, с. 243]. Северная и южная стены были сложены аналогичным образом только в восточной своей части, вблизи апсид. К западу их кладка состояла из грубо отесанных разновеликих камней. Эту часть продольных стен Ф. И. Шмит считал результатом более позднего ремонта или попыткой восстановить разрушенную базилику [10, с. 29; 11, с. 216]. Не найдя в Крыму и в Константинополе аналогий трехапсидной ранневизантийской базилике Ф. И. Шмит путем долгих рассуждений пришел к выводу, что «родину эски-керменской базилики» нужно искать в далекой области Коммагена, расположенной между Каппадокией и Сирией [11, с. 224–240]. Он полагал, что только так можно объяснить сочетание, по его мнению, типично сирийского трехчастного алтаря, характерную для Каппадокии многогранность апсид и кладку из хорошо тесанных блоков с забутовкой внутри, распространенную в Малой Азии.

А. Л. Якобсон достаточно аргументированно показал неоправданную гипотетичность и ошибочность этой теории [14, с. 217–219]. Ближайшие аналогии общей композиции и технике кладки здания базилики на Эски-Кермене он видел, прежде всего, в ранневизантийской архитектуре Херсонеса. Эски-Керменскую базилику он назвал памятником строительной периферии Херсонеса, полагая, что ее возвела именно херсо-

несская строительная артель, скорее всего, в VI в. [14, с. 219]. Трехапсидность базилики он считал ее единственной, причем существенной отличительной чертой, которую следует связывать с Малой Азией, а не с Сирией. Однако также относя ее к первоначальному периоду, А. Л. Якобсон не нашел ей рационального объяснения и лишь допустил вероятность когда-нибудь «встретить эту черту и в Херсонесе» [14, с. 218].

Вопрос о происхождении трехгранных апсид с пилястрами удалось прояснить после исследований 1979–1980 гг. Полное открытие северной стены подтвердило разницу кладок восточной и западной частей базилики. Однако, в отличие от своих предшественников, Е. А. Паршина и Ю. Г. Лосицкий сделали обоснованный вывод о том, что результатом достаточно поздней перестройки была не западная, а восточная часть с тремя апсидами, форма и облицовочная (бесшовная) кладка которых имеют аналогии среди трехчастных алтарей крестовокупольных храмов XI–XII вв. [9, с. 50; 8, с. 108].

Таким образом в средневизантийский период алтарная часть базилики была кардинально перестроена в соответствии с формами господствовавшей в то время крестовокупольной архитектуры. Это существенно изменило первоначальный облик ранневизантийской базилики, реконструкция которого вызывает определенные сложности. Тем не менее, как отмечал А. Л. Якобсон, а впоследствии Е. А. Паршина и Ю. Г. Лосицкий, Эски-Керменская базилика принадлежит тому же архитектурно-планировочному типу, что и базилики Херсонеса. Она также имела три нефа, разделенные двумя колоннадами, один нартекс и была перекрыта деревянными стропилами, что подтверждает соотношение толщины стен и пролетов нефов [8, с. 112]. Скорее всего, Эски-Керменская базилика также, как и херсонесские, изначально была построена с одной выступающей апсидой, которая снаружи могла быть полукруглой или гранной. К особенностям базилики можно отнести ее небольшие размеры. По своему объему она уступает даже так называемым малым базиликам Херсонеса. Ее внешняя ширина равна примерно 13,5 м, а длина – 23,5 м¹. Минимальные размеры для базилик Херсонеса: ширина 16–19 м, длина 25–27 м [5, с. 153, табл. 1].

Типологическое сходство базилик Херсонеса и Эски-Кермена позволяет говорить о том, что они были спроектированы с использованием одних и тех же приемов и методов, которые пока достоверно не известны, но поиск которых ведется не только для крымских памятников, но и для всех раннехристианских базилик Поздней Римской империи. Для выявления закономерностей плановой структуры базиликальных зданий наиболее часто применяются метод геометрических пропорций и модульная система [5, с. 138]. Согласно последней, все основные размеры церкви

¹ Материалы раскопок Эски-Керменской базилики содержат крайне скудную и не всегда точную информацию о размерах здания в целом и его отдельных частей. Ф. И. Шмит указал лишь приблизительный размер зала (наоса) базилики: 12x12 м [11, с. 216]. В статье Е. А. Паршиной и Ю. Г. Лосицкого в одном месте упомянут размер базилики 24x13 м, в другом – ширина базилики 13,5 м [8, с. 104, 116]. В настоящее время остатки базилики находятся в плачевном состоянии: кладки стен разворочены, частично затянута землей. Поэтому натурные измерения очень затруднены. Тем не менее, в последние годы удалось осуществить некоторые промеры, в том числе длины и ширины базилики, которые в целом соответствуют плану 1930 г.

кратны базовой величине – модулю, которым может быть как определенная единица измерения (например, фут или 100-футовая мера), так и часть самого здания (например, ширина центрального нефа). Некоторые исследователи базовым или начальным модулем считают толщину стены. С помощью данной величины формируется модульная сетка, в которую вписывается план всей базилики (классический пример применения модульной системы: [18]). Именно такую модульную систему применил Ю. Г. Лосицкий при изучении планов разных крымских церквей, в том числе базилик Херсонеса и Эски-Керменской базилики [6, с. 40–43; 7, с. 92–93; 8, с. 112–113]. Согласно его вычислениям, размеры херсонесских базилик кратны модулю в 91–94 см, т.е. примерно 3 византийских фута. Для Эски-Керменской базилики он определил модуль в 62,5 см (2 византийских фута), считая, что толщина ее стен равна 62–64 см [8, с. 112–113]. Несмотря на то, что продольные стены базилики сохранились очень плохо, в некоторых местах удалось измерить их толщину, которая варьирует от 66 до 92 см, а толщина южной стены в нартексе равна примерно 1,3 м. Таким образом, толщина стен – очень нестабильная величина, зависевшая от многих факторов (качество строительного материала, квалификация строителей, местные условия, поздние ремонты и т.д.). Поэтому точно определить изначально задуманную строителями толщину стен практически невозможно.

Безусловно, толщина стен была очень важна при проектировании сооружения. Однако ее использование в качестве основного модуля для определения размеров всех частей здания вряд ли было удобным. Учитывая тот факт, что строители использовали довольно примитивные измерительные приспособления (веревки, рейки), скорее всего, модуль малого размера было бы сложно использовать при вычислении сравнительно больших величин, например, таких, как общая длина сооружения. Чем меньше единица измерения, тем больше вероятность существенных просчетов в этих измерениях. Кроме того, для понимания принципов проектирования здания одного модуля недостаточно. Нужна также определенная пропорциональная система, в рамках которой он может использоваться.

При проектировании ранневизантийских базилик, с большой долей вероятности, использовали систему числовых пропорций, которую вычислил архитектор и историк архитектуры Ханс Бухвальд [16, р. 1–26; 17, р. 14–48; 5, с. 135–159]. Числовые пропорции – это соотношения разных величин базилики или ее частей, выраженных в целых числах. Они могут применяться независимо от бытующей системы измерения, без использования единого модуля, с помощью простых измерительных инструментов и элементарной арифметики. Пропорции можно вычислять от трех точек стены и стилобата колоннады – от внутренней или внешней границы, или от центра кладки², что придает гибкость этой системе, так как позволяет учесть возможные неточности при проектировании и строительстве здания.

² Для обозначения способа вычисления пропорций используются следующие сокращения в круглых скобках: (cl.) – от внутренней границы стены или основания колоннады (*clear*), (ext.) – от внешней границы (*exterior*); (o.c.) – от середины кладки (*on centers*) [17, р. 15; 5, с. 140].

Числовые пропорции выявлены в планах всех ранневизантийских базилик Херсонеса [17, р. 14–48; 5, с. 135–159]. Сопоставление этих данных позволило установить, что при их проектировании могло быть использовано не менее трех вариантов пропорциональной системы с определенным набором числовых пропорций. Эти варианты достаточно четко отличаются по главным пропорциям, которые формируют план основной части здания (пространство трех нефов, т.е. наоса) и базилики в целом [подробно: 5, с. 135–159]. Так, первому варианту соответствуют базилики, у которых соотношение ширины и длины здания с одним нартексом равно 1:2, а наос имеет пропорцию 2:3. К ним принадлежат наиболее «удлиненные» херсонесские базилики – Западная и Уваровская. Особенностью Уваровской базилики является удвоенная ширина ее нартекса³, поэтому пропорцию 1:2 имеет наос с апсидой и половиной нартекса или наос с целым нартексом (без апсиды). Во втором варианте пропорцию 1:2 имеет здание базилики с двумя нартексами, а пропорция 2:3 применима к наосу вместе с апсидой или нартексом. Эти пропорции условно можно назвать «средними». Их имеют Базилика 1935 г., Восточная базилика и Базилика на холме. К третьему варианту отнесены базилики с «укороченными» пропорциями (Базилика в базилике № 15, Базилика 1932 г. и Базилика № 28), у которых соотношение ширины и длины всего здания равно 2:3, а наоса – 1:1. Две херсонесские базилики, Северная и № 17, имели еще более укороченные пропорции, которые можно считать подвариантом третьего варианта [5, с. 149–151]. Все варианты системы числовых пропорций имеют очень близкие аналогии в Константинополе, на Балканах, в Малой Азии и на островах Средиземного моря.

Числовые пропорции определяются и в плане Эски-Керменской базилики. Для их вычисления был использован план 1930 г., который является на данный момент наиболее точным и подробным⁴.

Наос (три нефа) и нартекс Эски-Керменской базилики, составляющие большую часть ее плана, скорее всего, сохранили свои первоначальные размеры и пропорции. Как отмечал Ф. И. Шмит, зала (наос) базилики имела «вид довольно правильного квадрата (12x12 м)» [11, с. 216]. Размеры наоса указаны приблизительно. Его южная стена немного (на 0,2–0,3 м) короче северной стены. Длина наоса по северной стене примерно на толщину кладки ($\approx 0,7$ –0,8 м) больше ширины. Поэтому наос имеет пропорцию 1:1, если его ширину измерять от центра кладки продольных стен, а длину – от внутренней границы северного плеча и западной стены наоса, отделяющей его от нартекса (1:1 о.с./с.л.) (рис. 1). Практически тот же результат будет если ширина

³ У большинства базилик Херсонеса, включая и Западную базилику, соотношение ширины и длины нартекса равно 1:4, в то время как в Уваровской базилике пропорция нартекса 1:2 [5, с. 143].

⁴ Схематический план архитектурных остатков базилики, снятый по результатам обмеров 1979–1980 гг. и опубликованный в статье Ю. Г. Лосицкого и Е. А. Паршиной, совпадает по пропорциям с планом 1930 г., однако он имеет неточный масштаб и лишен некоторых важных деталей [8, с. 101, рис. 2,1]. В той же статье предложена реконструкция плана базилики (в рамках модульной сетки), созданная на основе плана, опубликованного в статье Е. А. Паршиной в 1988 г. [9, с. 37, рис. 1]. Последний план слишком схематичен и неточен. Его пропорции искусственно удлинены, по сравнению с планом 1930 г.

наоса включает толщину стен, а длина измеряется примерно от середины указанных кладок (1:1 ext./o.c.). Пропорция наоса 1:1 характерна для четырех «укороченных» херсонесских базилик (3-й вариант пропорциональной системы) [5, с. 152–154, табл. 2]. Наиболее точное совпадение пропорций наосов Эски-Керменской и двух херсонесских базилик – Базилики в базилике № 15 и Базилики на агоре (№ 28) (1:1 ext./o.c.) (рис. 2)⁵. За пределами Крыма базилики с похожими пропорциями наоса хорошо известны на Балканах и, прежде всего, в Константинополе [5, с. 148]. Например, соотношение 1:1 (o.c./cl.) было у наоса базилики св. Иоанна Студийского монастыря в Константинополе (рис. 3), хотя ее размеры значительно больше крымских аналогий (26,30x32,68 м) [19, р. 302].

Наос и центральная апсида вместе, а также наос и нартекс вместе у Эски-Керменской базилики имеют соотношение 2:3 (cl./ext.). Подобная пропорция характерна для херсонесских базилик 2-го варианта пропорциональной системы (со средними пропорциями) [5, с. 143–146, с. 154, табл. 2]. В Эски-Керменской базилике это соотношение предопределено достаточно сильно выступающей центральной апсидой и широким нартексом, ширина и длина которого соразмерны 1:3 (o.c.). В большинстве херсонесских базилик пропорция нартекса – 1:4, и только у Восточной базилики – 1:3 (o.c./cl.) [5, с. 144, 154, табл. 2]. Похожее соотношение у нартексов базилик на Мангупе (1:3 ext./o.c.) и в Партените (1:3 o.c.) [17, р. 25–26]. Относительно широкий нартекс Эски-Керменской базилики, скорее всего, можно объяснить ее небольшими размерами и стремлением увеличить площадь нартекса для размещения большого количества людей в этой части здания.

Ширина нартекса Эски-Керменской базилики практически равна длине ее центральной апсиды – 1:1 (ext.). Следует отметить, что подобное соотношение ширины

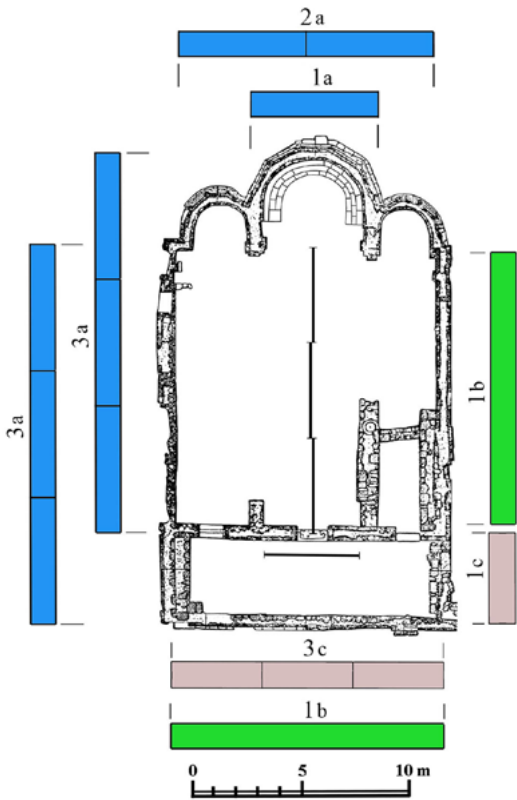

Рис. 1. План Эски-Керменской базилики с числовыми пропорциями (на основе плана 1930 г. [11, с. 217, рис. 56])

Fig. 1. Ground plan of the basilica of Eski-Kermen with numerical proportions (according to the 1930 ground plan [11, p. 217, fig. 56])

⁵ Практический способ сравнения планов разных базилик путем их совмещения с изменением масштаба и сохранением пропорций продемонстрирован в авторской статье [5, с. 142–151].

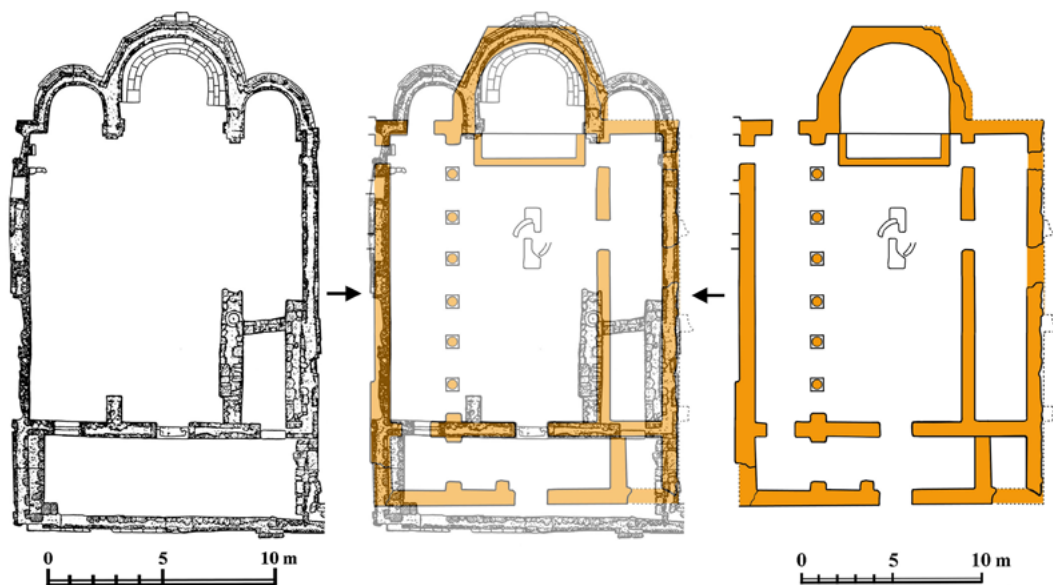

Рис. 2. Эски-Керменская базилика (слева) и Базилика № 28 в Херсонесе (справа) [1, рис. 44].
Совмещение планов

Fig. 2. The basilica of Eski-Kermen (left) and Basilica no. 28 in Chersonese (right) [1, fig. 44].
The alignment of the ground plans

нартекса и длины апсиды характерно для многих ранневизантийских базилик эллинистического типа. В Херсонесе эта пропорция наблюдается у большинства базилик, причем как с относительно узким нартексом (1:4), так и с более широким (1:3 у Восточной базилики). Исключением являются только Уваровская базилика, нартекс которой имел пропорцию 1:2, и Базилика № 28, у которой глубина апсиды превышает ширину нартекса даже с учетом толщины обеих стен. Благодаря сильно выступающей апсиде пропорция наоса и апсиды вместе у Базилики № 28 составляет 2:3 (cl./ext.), т.е. абсолютно аналогична тому же соотношению в Эски-Керменской базилике (рис. 2). Соотношение длины (глубины) апсиды и длины наоса и центрального нефа для Эски-Керменской базилики – 1:3 (cl.), для базилики № 28 – 1:3 (o.c.).

Соотношение ширины и длины пространства, включающего апсиду и центральный неф с колоннадой, на плане Эски-Керменской базилики равно 1:3 (ext./o.c.). Близкую пропорцию имели Базилика № 28 и все херсонесские базилики с «удлиненными» и «средними» пропорциями, то есть базилики 1-го и 2-го вариантов пропорциональной системы [5, с. 154, табл. 2, «центр. неф и апсида вместе»]. Но наиболее точное совпадение этого показателя у Эски-Керменской и Западной базилик. У обеих базилик аналогична также пропорция центрального нефа без колоннад – 1:3 (cl./o.c.) (рис. 1). Для сравнения можно отметить, что 6 херсонесских базилик 2-го и 3-го вариантов имели более широкий центральный неф, с пропорцией 1:2 [там же].

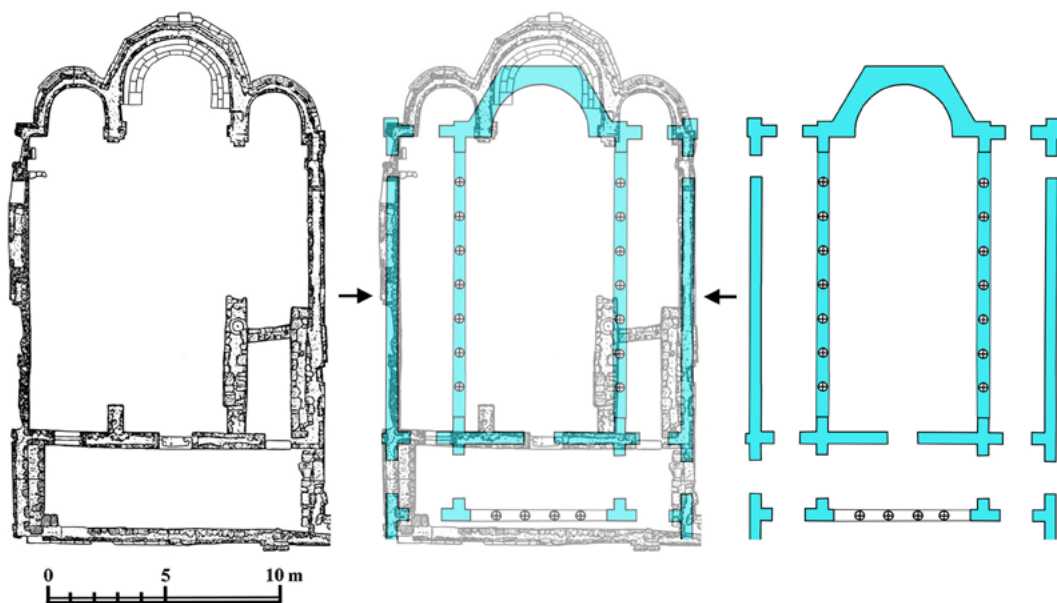

Рис. 3. Эски-Керменская базилика (слева) и базилика св. Иоанна Студийского монастыря в Константинополе (справа) (на основе плана: [19, p. 305, 307, fig. 6, 8]). Совмещение планов.

Fig. 3. The basilica of Eski-Kermen (left) and St. John's Basilica in the Stoudios Monastery in Constantinople (right) [after: 19, p. 305, 307, fig. 6, 8]. The alignment of the ground plans

Таким образом, пропорции Эски-Керменской базилики вместе с поздней центральной апсидой наиболее близки тем же пропорциям Западной базилики и Базилики № 28 в Херсонесе. Это позволяет предположить, что в средневизантийский период при строительстве новой алтарной части могли использовать те же пропорции, что и в VI в. Не исключено также, что позднюю центральную апсиду построили с учетом размеров первоначальной апсиды, возможно, на ее фундаменте. Сравнительно сильно выступающая апсида была редкостью среди ранневизантийских базилик, но не исключением. Наиболее близкой аналогией, как уже отмечалось, является Базилика № 28 Херсонеса, в которой соотношение апсиды и наоса такое же, как и в Эски-Керменской базилике (2:3 cl./ext.) (рис. 2).

Еще одной особенностью базилики на Эски-Кермене является соотношение ширины нефов. У большинства херсонесских базилик боковые нефы приблизительно равны по ширине и центральный неф примерно в 3 раза, а у Западной базилики чуть больше, чем в 2 раза⁶ шире одного бокового нефа [5, с. 154, табл. 2]. В Эски-Керменской базилике пропорцию 1:2 имеют внутренняя ширина правого (южного) нефа и ширина центрального нефа, с учетом примерно половины толщины колоннад с обеих сторон (cl./o.c.). Левый (северный) неф шире правого (южного) примерно на

⁶ Соотношение ширины одного бокового и ширины центрального нефа в Западной базилике равно 1:2 (o.c./cl.), т.е. с учетом половины толщины продольной стены и стилобата колоннады.

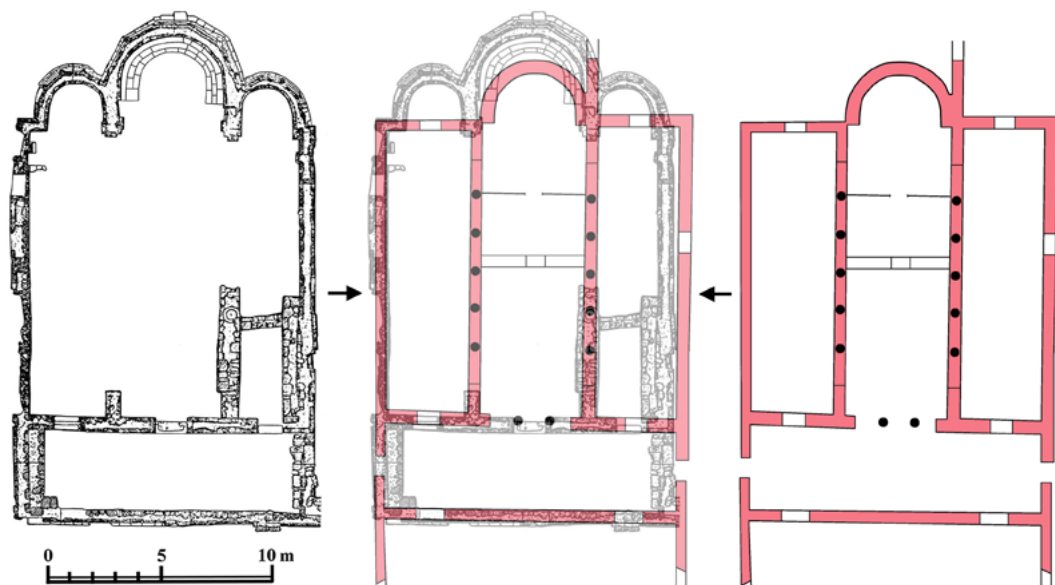

Рис. 4. Эски-Керменская базилика (слева) и базилика в Стамате (справа) [по: 15, р. 189, fig. 239].
Совмещение планов.

Fig. 4. The basilica of Eski-Kermen (left) and the Basilica in Stamata (right) [after: 15, p. 189, fig. 239].
The alignment of the ground plans

толщину одной кладки. Внутренняя ширина левого нефа практически равна ширине нартекса (1:1 cl.). С учетом толщины стен ширина нартекса, так же как и ширина левого нефа, сопоставимы с шириной центрального нефа – 1:1 (ext./o.c. или ext./cl.). Следовательно, центральный неф шире левого бокового нефа всего лишь на толщину примерно двух кладок. Относительно широкие боковые нефы не уникальны для ранневизантийских базилик. Примером может служить базилика в Стамате (Греция) [15, р. 189, fig. 239]. Пропорции ее северного и центрального нефа, а также нартекса практически те же, что и в Эски-Керменской базилике (рис. 4). Отличие в том, что в Стамате базилика шире примерно на толщину 1–2 кладок (за счет того, что южный неф по ширине равен северному).

Следовательно, при разбивке внутреннего пространства наоса на нефы в Эски-Керменской базилике была нарушена симметрия, в результате чего южный неф получился уже северного, и продольная ось центрального нефа сместилась к югу по отношению к оси базилики. Несмотря на это, в ее плане была соблюдена пропорция между шириной центрального нефа (с учетом колоннад) и шириной всей базилики – 1:2 (ext./cl.) (рис. 1). Данная пропорция, которая предполагает, что ширина здания в 2 раза больше ширины центрального нефа (с или без учета колоннад и продольных стен), характерна для всех ранневизантийских базилик Крыма [17, р. 17–27, 31–32].

Таким образом числовые пропорции плана Эски-Керменской базилики вполне сопоставимы с пропорциями планов базилик Херсонеса и Юго-Западного Крыма. Однако точных аналогий с полным совпадением всех пропорций в других крымских базиликах нет. Ее центральная часть, наос, пропорционально соответствует «укороченным» херсонесским базиликам 3-го варианта пропорциональной системы. Главное отличие Эски-Керменской базилики – в увеличенных размерах ее алтарной части и нартекса. Благодаря этому, по своим пропорциям наос вместе с апсидой или нартексом сопоставим с херсонесскими базиликами со «средними» пропорциями (2-й вариант пропорциональной системы). Увеличение площади нартекса и апсиды, обусловленное, скорее всего, небольшими размерами базилики, не было произвольным и подчинялось определенным пропорциям с учетом размеров других частей базилики. Сравнительно широкий нартекс с пропорцией 1:3 был также в Восточной базилике Херсонеса, в Мангупской и Партенитской базиликах. Наиболее близкую аналогию сильно выступающей апсиде демонстрирует херсонесская Базилика № 28. В обеих базиликах глубина апсиды соотносится с длиной центрального нефа и наоса – 1:3, то есть длина центральной части этих базилик в 3 раза больше глубины их апсид. Сравнительно узкий центральный неф имеет совершенно ту же пропорцию, что и неф Западной базилики, относящейся к 1-му варианту пропорциональной системы (1:3 сл./о.с.). Общим для Эски-Керменской и всех крымских базилик было соотношение ширины центрального нефа и ширины всей базилики – 1:2 (с или без учета колоннад и продольных стен).

Несмотря на индивидуальный набор числовых пропорций Эски-Керменской базилики, практически все они имеют аналогии в ранневизантийской базиликальной архитектуре и, прежде всего, в Херсонесе, административном и религиозном центре Юго-Западного Крыма. Не исключено, что в проектировании и возведении базилики на Эски-Кермене могли участвовать византийские строители или артели, строившие некоторые из херсонесских базилик. Особенности планировки Эски-Керменской базилики объясняются, прежде всего, ее небольшими размерами и демонстрируют гибкость используемых при ее строительстве методов, которые, скорее всего, были связаны с применением числовых пропорций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айналов Д.В. Памятники христианского Херсонеса. Вып. 1. Развалины храмов. М., 1905. 153 с.
2. Айбабин А.И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 240–277.
3. Айбабин А.И. Изучение центральной части города на плато Эски-Кермен // Итоги археологических исследований центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. / Ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антиква, 2021. С. 5–13. (Материалы Эски-Керменской экспедиции. Вып. I).
4. Броневский М. Описание Крыма (Tartariae Descriptio) // ЗООИД. 1867. Т. VI. С. 333–367.
5. Завадская И.А. Числовые пропорции ранневизантийских базилик Херсонеса // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 135–159.
6. Лосицкий Ю.Г. До питання типологічної еволюції монументальної архітектури середньовічного Криму // Археологія. Київ, 1990. № 2. С. 33–46.
7. Лосицкий Ю.Г. Про візантійські базилики Херсонеса // Археологія. Київ, 1991. № 2. С. 83–97.
8. Лосицкий Ю.Г., Паршина Е.А. Эски-Керменская базилика // Православные древности Таврики: сборник материалов по церковной археологии. Киев: Стилос, 2002. С. 99–113.
9. Паршина Е.А. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму / Ред. С.Н. Бибииков. Киев: Наукова думка, 1988. С. 36–59.
10. Шмит Ф.И. Отчет Эски-Керменской экспедиции // Сообщения ГАИМК. 1931. № 7 (июль). С. 25–29.
11. Шмит Ф.И. Эски-Керменская базилика // ИГАИМК. Готский сборник. 1932. Т. XII. С. 213–253.
12. Хайрединова Э.А. Раскопки центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. // Итоги археологических исследований центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. / Ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антиква, 2021. С. 26–143. (Материалы Эски-Керменской экспедиции. Вып. I).
13. Эрнст Н.Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма // ИТОИАЭ. 1929. Вып. III (60). С. 15–43.
14. Якобсон А.Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму // СА. 1940. VI. С. 205–226.
15. Atlas of the Christian Monuments of the Aegean from the Early Christian Years to the Fall of Constantinople. Athens, 2014. 453 p.
16. Buchwald H. Christian Basilicas, Proportions, Pythagoras and Vitruvius // SYMMEIKTA: Collection of Papers in Honour of the Fortieth Anniversary of the Institute of Art History of the Faculty of Philosophy, University of Belgrade / Ed. I. Stevovic. Beograd: Filozofski fakultet, 2012. P. 1–26.
17. Buchwald H., Zavadskaya I. Early Christian Basilicas in Crimea and their Numeric Proportions // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 14–48.
18. Spremo-Petrović N. Proportions architecturales dans les plans des basiliques de la préfecture de l'Illyricum. Beograd: Institut archéologique, 1971. 137 p.
19. Thieme Th. Metrology and Planning in the Basilica of Johannes Stoudios // Le dessin d'architecture dans les sociétés antiques. Actes du Colloque de Strasbourg, 26–28 Janvier 1984. Université des Sciences Humaines de Strasbourg. Travaux de Centre de Recherche sur le Proche Orient et la Grèce Antiques. Vol. 8. 1985. P. 291–308.

REFERENCES

1. Ainalov D.V. *Pamiatniki khristianskogo Khersonesa. Vol. 1. Razvaliny khramov* [Monuments of Christian Chersonesos. Vol. 1. Ruins of churches]. Moscow, 1905, 153 p.
2. Aibabin A.I. City on the plateau of Eski-Kermen in 13th century. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2014, vol. 19, pp. 240–277.
3. Aibabin A.I. Research the central part of the city on the Eski-Kermen plateau. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. (eds.), *Itogi arkheologicheskikh issledovaniy tsentral'noi chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2018–2020 gg.* [Results of archaeological research of the central part of the city on the Eski-Kermen plateau in 2018–2020], Simferopol, Antikva Publ., 2021, pp. 5–13.
4. Bronevskii M. Description of Crimea (Tartariae Descriptio). *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* [Proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities], 1867, vol. 6, pp. 333–367.

5. Zavadskaia I.A. Numeric Proportions of the Early Byzantine Basilicas of Chersonesos. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2019, vol. 24, pp. 135–159.
6. Lositskii Iu.G. On the problem of typological evolution of the monumental architecture in the medieval Crimea. *Arkheologiya* [Archaeology], Kiev, 1990, no. 2, pp. 33–46.
7. Lositskii Iu.G. About the Byzantine basilicas of Chersonesos. *Arkheologiya* [Archaeology], Kiev, 1991, no. 2, pp. 83–97.
8. Lositskii Iu.G., Parshina E.A. Eski-Kermen basilica. *Pravoslavnye drevnosti Tavriki: sbornik materialov po tserkovnoi arkheologii* [Orthodox antiquities of Taurica: a collection of materials on church archeology], Kiev, Stilos Publ., 2002, pp. 99–113.
9. Parshina E.A. Eski-Kermen basilica. Bibikov S.N. (ed.), *Arkhitekturno-arkheologicheskie issledovaniia v Krymu* [Architectural and archaeological researches in the Crimea]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1988, pp. 36–59.
10. Shmit F.I. Report of the Eski-Kermen expedition. *Soobshcheniia Gosudarstvennoi Akademii istorii materialnoi kul'tury* [Communications of the State Academy of the History of Material Culture], 1931, no. 7, pp. 25–29.
11. Shmit F.I. Eski-Kermen basilica. *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii materialnoi kul'tury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture], 1932, vol. 12, pp. 213–253.
12. Khairedinova E.A. Archaeological excavations of the central part of the city on the Eski-Kermen plateau in 2018–2020. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. (eds.), *Itogi arkheologicheskikh issledovaniit sentral'noi chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2018–2020 gg.* [Results of archaeological research of the central part of the city on the Eski-Kermen plateau in 2018–2020], Simferopol, Antikva Publ., 2021, pp. 26–143.
13. Ernst N.L. Eski-Kermen and the cave cities of the Crimea. *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii* [Proceedings of the of the Tauride Society of History, Archeology and Ethnography], Simferopol, 1929, vol. 3 (60), pp. 15–43.
14. Iakobson A.L. From the history of medieval architecture in the Crimea. *Sovetskaia arkheologiya* [Soviet archaeology], 1940, vol. 6, pp. 205–226.
15. *Atlas of the Christian Monuments of the Aegean from the Early Christian Years to the Fall of Constantinople*. Athens, 2014, 453 p.
16. Buchwald H. Christian Basilicas, Proportions, Pythagoras and Vitruvius. Stevovic I. (ed.), *SYMMEIKTA: Collection of Papers in Honour of the Fortieth Anniversary of the Institute of Art History of the Faculty of Philosophy, University of Belgrade*, Beograd, Filozofski fakultet Publ., 2012, pp. 1–26.
17. Buchwald H., Zavadskaia I. Early Christian Basilicas in Crimea and their Numeric Proportions. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2013, vol. 18, pp. 14–48.
18. Spremo-Petrović N. *Proportions architecturales dans les plans des basiliques de la préfecture de l'Illyricum*. Beograd, Institut archéologique, 1971, 137 p.
19. Thieme Th. Metrology and Planning in the Basilica of Johannes Stoudios. *Le dessin d'architecture dans les sociétés antiques. Actes du Colloque de Strasbourg, 26–28 Janvier 1984. Université des Sciences Humaines de Strasbourg. Travaux de Centre de Recherche sur le Proche Orient et la Grèce Antiques*, Strasbourg, 1985, vol. 8, pp. 291–308.

Информация об авторе

Завадская И. А. – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; старший научный сотрудник отдела реализации грантов Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: Y-8383-2018.

Author information

Zavadskaia I. A. – Candidate of Science (History), Leading Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Senior Researcher of the Grants Implementation Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: Y-8383-2018.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПИГМЕНТОВ И СВЯЗУЮЩИХ КРАСОЧНЫХ СЛОЕВ РОСПИСЕЙ ХРАМА X–XIII ВВ. НА ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН

Анастасия Юрьевна Лобода¹, Игорь Николаевич Трунькин², Роман Дмитриевич Светогоров³, Виктор Михайлович Пожидаев⁴, Андрей Владимирович Камаев⁵, Сергей Николаевич Малахов⁶, Кирилл Юрьевич Пельве⁷, Елена Юрьевна Терещенко⁸, Эльзара Айдеровна Хайрединова⁹, Александр Ильич Айбабин¹⁰, Екатерина Борисовна Яцишина¹¹

^{1,2,3,4,5,6,7,8,11} Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», Москва, Россия

^{1,8,11} НИЦ «Курчатовский институт» – ИРЕА, Москва, Россия

¹ lobodaau@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4926-1140>

² igor.trunkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3470-5036>

³ rdsvetov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0360-1023>

⁴ pojidaev2006@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5916-4374>

⁵ avkamaev54@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1839-6093>

⁶ s.malakhov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9015-2117>

⁷ kpelve@gmail.com <http://orcid.org/0000-0002-4951-6417>

⁸ ФНИЦ «Кристаллография и фотоника» РАН, Москва, Россия, elenatereschenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5035-6978>

⁹ Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия, khairedinovaz@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1362-757X>

¹⁰ Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия, aleksandraibabin@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4116-8198>

¹¹ yatsishina_eb@nrcki.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7652-7253>

Аннотация. В 2018–2019 гг. на территории провинциального византийского города, находившегося на плато Эски-Кермен, при раскопках однефного храма X–XIII вв. в квартале II обнаружены фрагменты штукатурки с полихромной росписью. Зафиксировано несколько оттенков зеленого цвета, два оттенка красного, белый (бежевый), желтый (охристый) и серо-коричневый цвета. В статье представлены результаты исследований красочного слоя, проводится определение пигментов и связующих компонентов красок, а также выявляются особенности техники нанесения росписи на стены храма.

Для исследования отобраны четыре группы образцов: 1 – белого, 2 – желтого, 3 – красного и 4 – зеленого цветов. Определение элементного состава красочного слоя проводилось методом растровой электронной микроскопии с энергодисперсионным рентгеновским микроанализом (РЭМ-ЭРМ). Исследование фазового состава проб проводилось методом порошковой рентгеновской дифрактометрии (РФА) на экспериментальной станции «РСА» Курчатовского источника синхротронного излучения. Химический состав красочных слоев исследовался методом

ИК-спектроскопии, а изучение связующих материалов красок проводилось методами газовой хроматографии с масс-спектрометрией (ГХ/МС).

Элементный и фазовый состав белой краски указывает на применение известковых белил. В качестве желтой краски была использована желтая охра (гётит). Красная краска выделяется присутствием гематита, характерного для группы пигментов, объединенных названием красные земли. Однако, обнаружение в фазовом составе одного из образцов 1% гётита, характерного для желтых охр, оставляет также вероятность использования в качестве красного пигмента жжёной желтой охры. Зеленая краска представляет собой зеленую землю (глауконит и селадонит). Следует отметить, что ни в одном из исследованных образцов красного пигмента не было выявлено следов киновари, которая встречается и в античных росписях на территории Крыма, и характерна для византийской стенописи.

Во всех образцах пигментов было обнаружено значительное присутствие кальцита (36–98%), что может быть обусловлено наличием в измеряемых пробах частиц грунта стеной росписи, либо разведением пигмента известковой водой для росписи стен в технике фрески. На применение данной техники указывает и наличие известковой белой краски. Следы связующего состава в виде рыбного клея и белковых продуктов из куриного яйца, выявленные в образцах красной и зеленой краски, позволяют сделать вывод об использовании техники росписи «по сухому». Таким образом, можно говорить о применении в росписи эски-керменского квартального храма двух видов техники – фрески и росписи по сухой штукатурке.

Ключевые слова: средневековый город на плато Эски-Кермен, стенная роспись, пигменты, однефный храм, X–XIII вв., растровая электронная микроскопия с энергодисперсионным рентгеновским микроанализом, порошковая рентгеновская дифрактометрия, ИК-спектроскопия, газовая хроматография с масс-спектрометрией

A STUDY OF THE PIGMENTS AND COHESIVE COLOUR LAYERS OF THE PAINTINGS IN A CHURCH FROM THE TENTH TO THIRTEENTH CENTURIES ON THE PLATEAU OF ESKI-KERMEN

**Anastasia Yu. Loboda¹, Igor N. Trunkin², Roman D. Svetogorov³,
Victor M. Pojidaev⁴, Andrey V. Kamaev⁵, Sergey N. Malakhov⁶,
Kirill Yu. Pelve⁷, Elena Yu. Tereschenko⁸, Elzara A. Khairedinova⁹,
Alexander I. Aibabin¹⁰, Ekaterina B. Yatsishina¹¹**

^{1,2,3,4,5,6,7,8,11} National Research Center “Kurchatov Institute”, Moscow, Russia

^{1,8,11} National Research Center “Kurchatov Institute” – IREA, Moscow, Russia

⁸ Federal Research Center “Crystallography and Photonics” RAS, Moscow, Russia

⁹ Institute of Archaeology of the Crimea of Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia

¹⁰ V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Abstract. In 2018–2019, the excavations of an aisleless church dated from the tenth to thirteenth centuries and located in quarter II on the territory of a provincial Byzantine town atop of the plateau of Eski-Kermen discovered fragments of wall-plaster with polychrome painting. There are several shades of green, two shades of red, white (beige), yellow (ochre), and grey-brown colours. This paper presents the results of studies of the colour layer, determines pigments and cohesive colour components,

and uncovers the features of the painting technique applied to the walls of the church. Four groups of samples were selected for the study featuring: 1 – white, 2 – yellow, 3 – red, and 4 – green colours. The elemental composition of the colour layer was studied by scanning electron microscopy combined with energy-dispersive X-ray microanalysis (SEM/EDX). The phase constitution of the samples was investigated by X-ray powder diffraction (XRD) method with the use of diffractometers operated in a transmission mode at the Kurchatov synchrotron radiation source. The chemical composition of colour layers was studied by infrared spectroscopy, and the study of cohesive colour materials was carried out by gas chromatography with mass spectrometry (GC/MS). The elemental composition and phase constitution of the white colour indicated the use of lime whitewash. Yellow ochre (goethite) was used as yellow colour. Red colour features the presence of hematite typical for the group of pigments united under the name of red soils. However, the discovery of 1% goethite typical for yellow ochres in the phase constitution of one sample allows the possibility that burnt yellow ochre was used as a red pigment. The green colour was green soil (glauconite and celadonite). It should be noted that none of the examined samples of red pigment contained traces of vermilion, which occurred in ancient paintings in the Crimea and was typical for Byzantine wall-paintings. In all the samples of pigments contained a significant degree of calcite (36-98%), possibly due to the presence of particles of undercolour in the measured samples of wall paintings, or diluting the pigment with lime water for the making of wall-painting featuring fresco technique. The use of the latter technique is also indicated by the presence of white lime colour. The traces of cohesive component in the form of fish glue and protein products from chicken eggs found in the red and green paint samples also suggests the use of the dry painting technique. Therefore, there are reasons to suppose that the painting of the quarter church of Eski-Kermen used two techniques, fresco and dry plaster paintings.

Keywords: mediaeval town atop of the plateau of Eski-Kerment, wall-painting, pigments, aisleless church, tenth to thirteenth centuries, scanning electron microscopy combined with energy-dispersive X-ray microanalysis (SEM/EDX), X-ray powder diffraction (XRD), infrared spectroscopy, gas chromatography with mass spectrometry (GC/MS)

В 2018–2019 гг. на территории провинциального византийского города, находившегося на плато Эски-Кермен, экспедицией Института археологии Крыма РАН и Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского был раскопан одноступенчатый храм, датированный X–XIII вв. (рис. 1). Здание с пристроенным к наосу притвором было расположено в юго-западном углу квартала II и обращено западным фасадом на главную улицу, а южной стеной – на вторую поперечную улицу, разделявшую кварталы I и II. Как и во многих квартальных церквях, функционировавших в это время в Херсоне и на территории пещерных городов Юго-Западного Крыма, внутри стены храма были покрыты полихромной росписью [1, с. 318–321, ил. 5]. В наосе, на каменных блоках южной стены зафиксированы *in situ* остатки зеленой и красной краски, разделенные белой полосой (рис. 1, I; 2). Рядом, в слое разрушения, в светло-сером грунте, насыщенном известью и мелким камнем, выявлено около 200 небольших фрагментов штукатурки со следами росписи зеленого и красного цвета (рис. 3, I). Остатки аналогичной по цвету росписи выявлены в заполнении верхней части гробницы 5/2019, пристроенной к южной стене притвора (рис. 1, 3; 3, I). Из грунта, заполнявшего верхний слой с захоронениями в гробнице 6/2019, собраны фрагменты штукатурки со следами росписи красной краской (рис. 1, 2). Каменный блок со следа-

ми полихромной росписи найден в развале камней около аркосолия, устроенного в северной стене в месте стыка наоса и притвора (рис. 1,4). В целом, на фрагментах штукатурки с росписью зафиксировано несколько оттенков зеленого цвета, два оттенка красного, белый (бежевый), желтый (охристый) и серо-коричневый цвета [2].

Стенная живопись является важным источником для изучения культуры и искусства прошедших веков. Исследование пигментов и связующих веществ, использовавшихся для приготовления красок, дает возможность говорить о технологических традициях в изобразительном искусстве, господствовавших в определенном регионе. В предлагаемой работе представлены результаты исследований красочного слоя, проводится определение пигментов и связующих компонентов красок, а также выявляются особенности техники нанесения росписи на стены однефного храма из квартала II на плато Эски-Кермен.

Особенности средневековой стенной росписи

Существует два основных вида стенной росписи, различающихся составом красок и техникой нанесения – фреска и «*in secco*» [7, с. 77; 9, с. 38; 4, с. 47–48]. Фресковая живопись выполнялась водяными красками по сырой свежей штукатурке. Основой для фрески служила известь, она же использовалась и как связующее вещество, добавлявшееся в пигменты и обеспечивавшее крепкую фиксацию росписи на стене. При высыхании, под воздействием воздуха на поверхности фрески образовывалась прозрачная корочка нерастворимого известкового карбоната, который закреплял и сохранял пигменты [8]. Техника «*in secco*» является живописью по сухой штукатурке. В этом случае в пигменты добавлялись различные, преимущественно органические, связующие вещества [8, с. 4]. Иногда в стенописи применялись обе техники: первичную роспись по сырому (фреску) дополнительно прорабатывали по сухому [8, с. 4; 9, с. 37]. Итальянский живописец XVI в. Джорджио Вазари отмечал, что так делают многие живописцы, и подвергал критике этот метод, поскольку «помимо того, что нарушается естественный ход высветления стены, краски, темнеющие от этой ретуши, через короткое время становятся черными. И поэтому пусть те, кто хотят работать на стене, работают мужественно по сырому и не переписывают по сухому, ибо, помимо того, что это очень позорно, это укорачивает жизнь живописи...» [4, с. 47, гл. V].

Известно, что в стенной росписи X–XIII вв. использовали такие пигменты, как известковые и свинцовые белила, желтая и красная охра, киноварь, зеленая земля, серая сланцевая, древесная и минеральная черная, синопия и др. [5; 18; 20]. Ченнино Ченнини, итальянский художник и автор трактата «Книга об искусстве», живший в последней четверти XIV – первой половине XV в., рекомендовал смешивать краски, которыми работают «по сырому», с известковыми белилами, а «по сухому» – со свинцовыми. При этом, по его мнению, красками, используемыми для росписи «по сырому», можно работать и «по сухому», но есть краски, которыми «по сырому» работать нельзя, например, киноварь, сурик, свинцовые белила и др. [9, с. 38]. Джорджио Вазари считал, что белила не годятся для росписей на доске, а применяются только «для работ по оштукатуренной стене, ибо они слишком плотные» [4, с. 47–48, гл. VI]. Афонский иконописец Дионисий Фурноаграфиот (1670–1744) сообщал, что «иконные

белила, ярь от меди, голубая краска (лахури), лак и арсеник не употребляются для стеной живописи, а прочие краски все употребляются» [6, гл. 66].

Связующими материалами для красящих пигментов в росписи «по сухому» служили различные органические материалы: высыхающие растительные масла, животные (пергаментный клей, рыбный клей, клеи из шкур, нервных волокон и хрящей млекопитающих – крупного рогатого скота, овец, кроликов) и растительные (отвары семян зерновых) клеи, желток и/или белок куриного яйца, казеин молока [4, с. 47–48, гл. VI; 31; 26]. Они использовались как по отдельности, так и в различных комбинациях [24; 29]. Ченнино Ченнини назвал связующие растворы темперой и указал, что в их состав чаще всего входили куриные яйца (целиком или только желток) [9, с. 38; 31]. По сообщению Джорджио Вазари, при росписи сухих стен добавляют одну или две пригоршни горячего мездрового клея, и на нем замешивают краски, которыми и выполняют всю работу [4, с. 48, гл. VI]. Интересно, что для красок разных цветов могли использовать разные связующие растворы. Тот же Дж. Вазари рекомендовал синюю краску замешивать только на мездровом клее, «так как от желтка она становилась зеленой, клей же сохранял ее сущность» [4, с. 48, гл. VI].

Образцы и методы исследования

Для исследования красочного слоя и связующих материалов стеновой росписи однефного храма из квартала II на плато Эски-Кермен были отобраны четыре группы образцов: 1 – белого, 2 – желтого, 3 – красного и 4 – зеленого цветов.

Методика исследования пигментов и связующих стеновых росписей, как правило, базируется на рамановской спектроскопии и ИК-спектроскопии, растровой электронной микроскопии с элементным анализом, высокоэффективной жидкостной, газовой и пиролизной газовой хроматографии, а также на дифференциальном термическом анализе [18; 12; 14; 15; 23; 25; 32; 34].

Определение элементного состава фрагментов штукатурки с росписью из эски-керменского храма проводилось методом растровой электронной микроскопии с энергодисперсионным рентгеновским микроанализом (РЭМ-ЭРМ). Измерения выполнены на двухлучевом растровом электронно-ионном микроскопе VERSA 3D (ThermoFisher Scientific) в НИЦ «Курчатовский институт». Микроскоп с кольцевым твердотельным детектором обратно рассеянных электронов (CBS) совмещен с ЭРМ-микроанализатором – Si(Li)-детектор (EDAX). Съемка происходила при низком вакууме (70 Па) при ускоряющем напряжении 30 кВ и токе 45 нА. А также на микроскопе Jeol JSM-7100F (Япония). Режим сканирования: ускоряющее напряжение 10 кВ, рабочее расстояние 10–11 мм, остаточное давление азота – 50 Па, детектор обратноотраженных электронов (LVBED-C). ЭРМ-микроанализатор EDX – OXFORD INSTRUMENTS X-MaxN, 50 мм. Программное обеспечение AZtec 3.0. Часть аналитических исследований выполнялась с использованием научного оборудования ЦКП НИЦ «Курчатовский институт» – ИРЕА при финансовой поддержке проекта Российской Федерации в лице Минобрнауки России, Соглашение № 075-11-2021-070 от 19.08.2021. При анализе результатов исследования поверхностного слоя стеновой

росписи методом РЭМ-ЭРМ принимали во внимание влияние состава нижележащих слоев левкаса на элементный состав, получаемый от красочного слоя.

Измерение фазового состава образцов методами РФА позволило получить данные о минералах, входящих в состав поверхностного слоя образцов стеновой росписи. Исследование фазового состава проб проводилось методом порошковой рентгеновской дифрактометрии (РФА) на экспериментальной станции «РСА» специализированного источника синхротронного излучения КИСИ-Курчатов [35]. Для измерения использовалось сфокусированное монохроматическое излучение с длиной волны $\lambda = 0,8 \text{ \AA}$, размер пучка на образце составлял 400 мкм. Регистрация дифракционных картин осуществлялась двумерным позиционно-чувствительным детектором Rayonix SX165, располагавшимся на расстоянии 80 мм от образца перпендикулярно к оси прямого пучка. Время экспозиции составляло 2 мин. Полученные двумерные дифрактограммы интегрировались к одномерному виду зависимости $I(2\theta)$ с использованием программы Dionis [Светогоров Р.Д. “Dionis – Diffraction Open Integration Software”, свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2018660965]. Определение количественного фазового состава проводилось по методу корундовых чисел [22] с помощью базы данных PDF4+.

Химический состав красочных слоев исследовался методом ИК-спектроскопии. ИК-спектры регистрировались по схеме однократно нарушенного полного внутреннего отражения при помощи ИК-Фурье спектрометра Nicolet iS50 (Thermo Fischer Scientific) – кристалл – алмаз, светоделители – KBr для средней ИК-области, Solid Substrate – для дальней ИК-области, детектор – DTGS. Параметры регистрации спектров: диапазон $4000\text{--}250 \text{ см}^{-1}$, число сканов – 64, разрешение cm^{-1} .

Идентификация связующих в красочных слоях является одним из самых сложных вопросов для исследователей, реставраторов и химиков-аналитиков. Основная проблема заключается в небольшом количестве доступного образца и сложности его состава, что усугубляется изменениями компонентов материала вследствие их старения. В нашем случае изучение связующих материалов красок проводилось методами газовой хроматографии с масс-спектрометрией (ГХ/МС).

ГХ/МС-анализ проводили на хроматографе HP-6890 с масс-спектрометрическим детектором MSD 5975 фирмы Agilent Technologies. Условия хроматографирования: колонка капиллярная HP-5ms длиной 30 м и внутренним диаметром 0.25 мм, толщина пленки неподвижной фазы 0.25 мкм. Начальная температура колонки 80°C (выдержка 4 мин); повышение температуры от 80 до 280°C со скоростью $4^\circ\text{C}/\text{мин}$. Выдержка при конечной температуре 10 мин. Газ-носитель – гелий, 1 мл/мин, деление потока 1:10. Температура испарителя 280°C , интерфейса детектора 280°C . Объем пробы 1 мкл. Детектирование проводили методом ионизации электронным ударом в режиме сканирования по полному ионному току в диапазоне $50\text{--}900 \text{ m/z}$. Скорость сканирования – 1.76 скан/с , энергия ионизации 70 эВ, температура квадруполя и источника ионов – 150 и 230°C .

Липидные материалы в образцах краски могут быть определены на основе их жирно-кислотных профилей. Для идентификации животных жиров и растительных

масел в археологических образцах используется величина отношения содержания пальмитиновой и стеариновой жирных кислот (С16:0/С18:0). Присутствие пальмитиновой кислоты в меньшем количестве, чем стеариновой (величина отношения меньше 1) используется как маркер наличия в образце животного жира. Растительные масла, в том числе и высыхающие, характеризуются величиной отношения С16:0/С18:0 больше 2 [27; 28]. Старение липидной составляющей красок незначительно сказывается на содержании насыщенных кислот [15]. Величина отношения С16:0/С18:0 остается постоянной со временем и составляет в среднем около 1,5, 2,5, 3,3, 2,3 для льняного, орехового, макового масла и желтка/белка куриного яйца, соответственно.

Пробоподготовка образцов для ГХ/МС проходила двумя методами:

1. Для исследования жирно-кислотного профиля связующих материалов к образцу около 50 мг, полученному путем соскабливания с помощью металлического шпателя с окрашенной поверхности фрагментов фресок, добавляли 2 мл 3% раствора серной кислоты в метаноле и обрабатывали на УЗ-бане (80°C в течение 3 часов). После охлаждения до комнатной температуры, к реакционной смеси добавляли 2 мл воды и 5 мл эфира и энергично встряхивали в течение 10 мин. Слои разделяли, верхний эфирный слой отделяли и упаривали при комнатной температуре до сухого остатка. Остаток растворяли в 50 мкл н-гексана и исследовали методом ГХ/МС.

2. Оценка возможного использования растительных масел проводилась путем определения наличия и состава стеринов в материале связующего пигментов фресок. Для этого к образцу с поверхности фресок (около 50 мг) добавляли 4 мл 2М КОН в 95% этаноле и обрабатывали на ультразвуковой ванне (45 мин, 60°C). После охлаждения подкисляли 10% раствором соляной кислоты до pH=3–4 и упаривали в вакууме (около 1 мм рт. ст.) на песчаной бане (45–50°C) до сухого остатка. К сухому остатку прибавляли 100 мкл БСТФА (N,O-бис-(триметилсилил)трифторацетамид). Реакционную смесь переносили в стеклянный флакон, закрывали крышкой с резиновой прокладкой и мембраной из политетрафторэтилена и выдерживали в течение 1 часа при 90°C. После охлаждения до комнатной температуры реакционную смесь центрифугировали (4000 об/мин, 10 мин), надосадочную жидкость анализировали методом ГХ/МС. Идентификацию аминокислот осуществляли с использованием масс-спектров базы данных NIST/EPA/NIH mass spectral library 2014.

Результаты

Белый цвет. В образцах белого цвета было обнаружено высокое содержание кальция (58,64–65,04%), а также присутствие кремния (1,57–2,2%), никеля (2,16–2,26%) и алюминия (1,13–1,56%) (табл. 1,1,1,2). Они преимущественно состояли из кальцита (98%) с небольшой примесью кварца (2%) (табл. 2,1).

Желтый цвет. Образцы желтого цвета содержали высокий процент железа (52,64–67,56%), кальция (7,73–11,99%), кремний (5,96–9,69%) и алюминий (2,94–3,96%) (табл. 1,2,3). Содержали в составе гётит (3%). В некоторых пробах, помимо того, было зафиксировано присутствие мусковита (6%) и диккита (48%) (табл. 2,2,3).

Красный цвет. В образцах красного цвета было выявлено высокое содержание железа (45,09–80,12%), кальций (6,39–20,08%), кремний (1,68–3,32%) и алюминий (1,09–2,31 %) (табл. 1,4,5). В них был выявлен гематит (8–11%). В одном образце было также обнаружено присутствие гётита (1%), альбита (12%) и мусковита (6%) (табл. 2,4,5).

Зеленый цвет. В образцах зеленого цвета было зафиксировано высокое содержание кальция (41,3–43,93%) и железа (11,89–13,05%), наличие калия (5,93–6,3%), алюминия (1,87–3,68%) и магния (1,04–1,19%) (табл. 1,6,7). Они содержали значительную долю глауконита (21–47%) (табл. 2,6,7).

Таблица 1. Элементный состав поверхностного слоя образцов стеновой росписи по данным растровой электронной микроскопии.

	<i>Белый</i>		<i>Желтый</i>		<i>Красный</i>		<i>Зеленый</i>	
	<i>№ 1.1</i>	<i>№ 1.2</i>	<i>№ 2</i>	<i>№ 3</i>	<i>№ 4</i>	<i>№ 5</i>	<i>№ 6</i>	<i>№ 7</i>
С К	3,76	5,34	5,06	3,79	5,32	7,17	2,16	3,16
О К	23,32	29,03	13,72	10,39	4,34	20,37	16,63	9,39
CaK	65,04	58,64	11,99	7,73	6,39	20,08	43,93	41,3
FeK	0,65	0,73	52,64	67,56	80,12	45,09	13,05	11,89
AlK	1,56	1,13	3,96	2,94	1,09	2,31	1,87	3,68
SiK	2,2	1,57	9,69	5,96	1,68	3,32	13,34	11,8
К К	0,23	0,11	0,54	0,28	0,3	0,17	6,3	5,93
NaK	0,06	0,16	0,62	0,07	0,05	0,01	0,02	0,02
NiK	2,16	2,26	0,26	0,25	0,14	0,47	0,51	0,97
CrK	0,26	0,2	0,11	0,06	0,09	0,09	0,43	0,51
Р К	0,37	0,41	0,18	0,16	0,09	0,18	0,31	0,35
S К	0,17	0,13	0,09	0,33	0,1	0,14	0,11	0,15
ClK	0,03	0,04	0,43	0,03	0,03	0,03	0,07	0,06
MgK	0,2	0,24	0,24	0,2	0,03	0,17	1,19	1,04
CuK			0,4	0,24	0,15	0,12		0,6
TiK			0,07			0,13		
V К					0,1	0,1		
MnK						0,06	0,05	
CoK								0,35

Таблица 2. Фазовый состав поверхностного слоя образцов стеновой росписи по данным порошковой рентгеновской дифрактометрии.

	<i>Белый</i>	<i>Желтый</i>		<i>Красный</i>		<i>Зеленый</i>	
	<i>№ 1</i>	<i>№ 2</i>	<i>№ 3</i>	<i>№ 4</i>	<i>№ 5</i>	<i>№ 6</i>	<i>№ 7</i>
Кальцит	98%	76%	48%	58%	80%	72%	36%
Кварц	2%	9%	<1%	17%	7%	7%	17%
Гематит				8%	11%		
Гётит		3%	3%	1%			
Диккит			48%				
Альбит				12%			
Мусковит		6%		2%			
Глауконит						21%	47%

В ИК-спектрах, полученных от образцов белого цвета и материала основы (грунт), самые интенсивные полосы (1395 , 872 и 712 см^{-1}) соответствуют карбонату кальция (кальциту) [20, р. 2068] (рис. 3,IIа).

В желтом пигменте, помимо полос кальцита, характеризующих основу, присутствуют полосы 1119 (колебания связи Fe-O), 1032 (колебания связи Si-O / Mn-O / Fe-O), 935 (колебания связи Al-O-H), 911 (колебания связи Al-O-H), 796 (колебания связи Fe-O), 538 (колебания связи Si-O-Al / Fe-O) и 469 (колебания связи Fe-O) см^{-1} , которые характерны для желтой охры. Часть из присутствующих полос (1032 , 538 , 469 и 425 см^{-1}) и наличие пиков поглощения OH связи в области 3500 – 3600 описываются наличием фазы каолинита [37, р. 1065–1066; 10, р. 11–13] (рис. 3,IIв).

В красном пигменте выявлены пики, характерные для кварца и гематита – 1163 , 796 , 779 , 695 , 527 см^{-1} , для кварца – 457 , 1083 см^{-1} [10, р. 12] (рис. 3,IIб).

Зеленый пигмент характеризуют полосы – 3600 и 3557 (колебания связи OH), 1075 и 974 (колебания связи Si-O), 798 (колебания связи OH), 679 , 494 , 461 , 438 (колебания связи Si-O) см^{-1} [21, р. 563–586]. В области 900 – 1100 см^{-1} наблюдается асимметричный пик, характерный для глауконита [30, р. 387; 33, р. 1070], в области 3500 – 3700 см^{-1} присутствуют три полосы поглощения, типичные для селадонита [33, р. 1069] (рис. 3,IIг).

На ИК-спектрах нескольких красных и зеленых образцов были зафиксированы слабые полосы поглощения в области 2800 – 3000 см^{-1} (соответствующие валентным колебаниям связей C-H), что может свидетельствовать о присутствии в составе образцов органических компонентов.

По данным ГХ/МС, в полученных от данных образцов экстрактах были идентифицированы насыщенные, ненасыщенные и дикарбоновые жирные кислоты, с заметным преобладанием пальмитиновой, стеариновой и олеиновой кислот. В экстрактах образцов исследуемых фресок было зафиксировано отношение содержания пальмитиновой и стеариновой жирных кислот (C16:0/C18:0), превышающее 3 (2.7–4.5), что формально позволяет исключить использование в составе связующего продуктов животного происхождения. Однако этот параметр должен использоваться с большой осторожностью для идентификации природы связующих в красках при наличии смесей цельного или желтка куриного яйца и растительного высыхающего масла, а также пчелиного воска [27; 28]. Состаренные краски на растительных высыхающих маслах обычно содержат значительные количества дикарбоновых кислот – пимелиновой, субериновой, себациновой и азелаиновой, с преобладанием последней. Краски, в которых в качестве связующего использовали желток и/или белок куриного яйца, также содержат дикарбоновые кислоты, но в значительно меньшем количестве [27; 16; 36; 38]. Поскольку в исследованных образцах обнаружено небольшое количество азелаиновой кислоты, при практически полном отсутствии других дикарбоновых кислот (обнаружена только янтарная), можно исключить использование растительных высыхающих масел в составе материала связующего вещества в красках стенной росписи эски-керменского храма.

Для подтверждения гипотезы об использовании продуктов на основе куриного яйца определяли составы аминокислот материала связующего пигментов красок исследуемых фресок. В растворе после щелочной обработки, полученном для анализа стеринов, методом ГХ/МС были обнаружены аминокислоты – аланин, глицин, глютаминовая кислота. Отношение содержания аланина и глицина во всех образцах фресок составило примерно 2:1, что характерно для белковых продуктов из куриного яйца [17].

В экстрактах красок исследуемых фресок обнаружена янтарная кислота. Как было показано нами ранее [3], янтарная кислота может образоваться в процессе старения (разложения со временем) только одной из жирных кислот, входящих в составы животных жиров и растительных масел – докозагексаеновой кислоты. Эта кислота присутствует в составе липидов рыбьего жира, она является полиненасыщенной и очень быстро разлагается со временем. При разложении докозагексаеновой кислоты образуется янтарная кислота, которая значительно более устойчива, вследствие чего может служить биомаркером остатков рыбных продуктов. Под действием атмосферной влаги дикарбоновая кислота вымывается с поверхности артефактов и не сохраняется в древних органических остатках. Один из путей сохранения янтарной кислоты – взаимодействие ее с карбонатами щелочноземельных металлов, присутствующих в почвенных породах. Соли янтарной кислоты (сукцинаты кальция и магния) менее подвержены воздействию атмосферной влаги, что способствует их сохранению в органических остатках на поверхности археологических предметов. Материалом основы фресок служит известняк, в котором содержание карбонатов кальция и магния очень велико, поэтому обнаружение в остатках материалов связующего пигментов красок янтарной кислоты однозначно указывает на использование рыбных продуктов. Это может быть животный клей, получаемый при выварке рыбных костей и остатков [12]. Помимо того, в экстрактах красок фресок обнаружен холестерол, а растительные стерин (ситостерин, кампестерин, стигмастерин) отсутствовали.

Таким образом, удалось установить, что в качестве связующего вещества в исследуемых красках использованы рыбный клей и белковые продукты из куриного яйца.

Заключение

Полученные результаты исследований позволяют сделать выводы о пигментах, использованных в стенописи храма из квартала II на плато Эски-Кермен. Элементный и фазовый состав белой краски, в частности, преобладание в ней кальция (98%), указывает на применение известковых белил. В качестве желтой краски была использована желтая охра, выявленная по присутствию в пигментсодержащем слое гётита $\text{FeO}(\text{OH})$, а отсутствие марганцевых соединений в ее составе позволяет отнести данный пигмент к светлой охре. Красная краска выделяется присутствием в составе значительного количества гематита Fe_2O_3 , который является характерным маркером группы пигментов, объединенных названием красные земли. Однако, обнаружение в фазовом составе одного из образцов 1% гётита $\text{FeO}(\text{OH})$,

характерного для желтых охр, оставляет также вероятность использования в качестве красного пигмента жженой желтой охры. Зеленая краска представляет собой зеленую землю, в состав которой в разных пропорциях входят глауконит $((K,Na)(Fe^{3+},Al,Mg)_2(Si,Al)_4O_{10}(OH)_2)$ и его разновидность – селадонит, с преобладанием в составе калия $(KMgFe^{3+}Si_4O_{10}(OH)_2)$ [30].

Пигменты, обнаруженные в красках из росписи эски-керменского храма, в целом, характерны для византийской стеной живописи [13; 18; 20]. В Северном Причерноморье применение аналогичных пигментов в стеной росписи известно с эпохи античности [5, с. 32]. Изучение пигментов византийской фресковой живописи X–XV вв. церковью полуострова Мани в Южной Греции выявило использование лазурита, ультрамарина, красной охры, киновари, красного сурика и зеленой земли [20]. Для фресок XIV в. собора Протата на горе Афон применялась охра, киноварь, свинцовый сурик, азурит, земляная краска [18, р. 91–92], а для фресковой живописи XIV в. в церкви в селении Пацос на Крите в качестве пигментов использовались красная и желтая охра, зеленая земля и киноварь [13, р. 552–553].

Следует отметить, что ни в одном из исследованных образцов красного пигмента из однефного храма на плато Эски-Кермен не было выявлено следов киновари, которая встречается и в античных росписях на территории Крыма, и характерна для византийской стеной живописи [5, с. 32; 13; 18; 20]. Возможно, отказ от использования киновари при росписи рядового квартального храма в провинциальном городе объясняется трудностями в применении красителя, легко черневшего на ветру. Так, Дионисий Фурноаграфиот предупреждал: «...о киновари надобно знать тебе, что если расписываешь наружную часть храма на таком месте, где дует ветер, то не клади ее, потому что она чернеет, а замени светло-коричневою краской. Если же расписываешь внутренность храма, то прибавь к киновари немного стеной белил и константинопольской охры, и она не почернеет» [6, гл. 66].

По данным РФА, во всех образцах пигментов было обнаружено значительное присутствие кальцита (36–98%), что может быть обусловлено наличием в измеряемых пробах частиц грунта стеной живописи, либо разведением пигмента известковой водой для росписи стен в технике фрески. На применение данной техники указывает и наличие известковой белой краски [9, с. 38]. Напомним, что Джорджио Вазари рекомендовал при нанесении фресок постоянно увлажнять стену, применять только земляные, а не минеральные краски и использовать белила из жженого травертина [4, с. 47, гл. V]. В свою очередь, следы темперы (связующего состава) в виде рыбного клея и белковых продуктов из куриного яйца, выявленные в красочном слое методом ГХ/МС, позволяют сделать вывод и об использовании техники росписи «по сухому». Следы связующих веществ, характерных для росписи «по сухому», обнаружены в образцах красной и зеленой краски.

Таким образом, можно говорить о применении в квартальном храме на плато Эски-Кермен двух видов техники – как фресковой, так и росписи по сухой штукатурке.

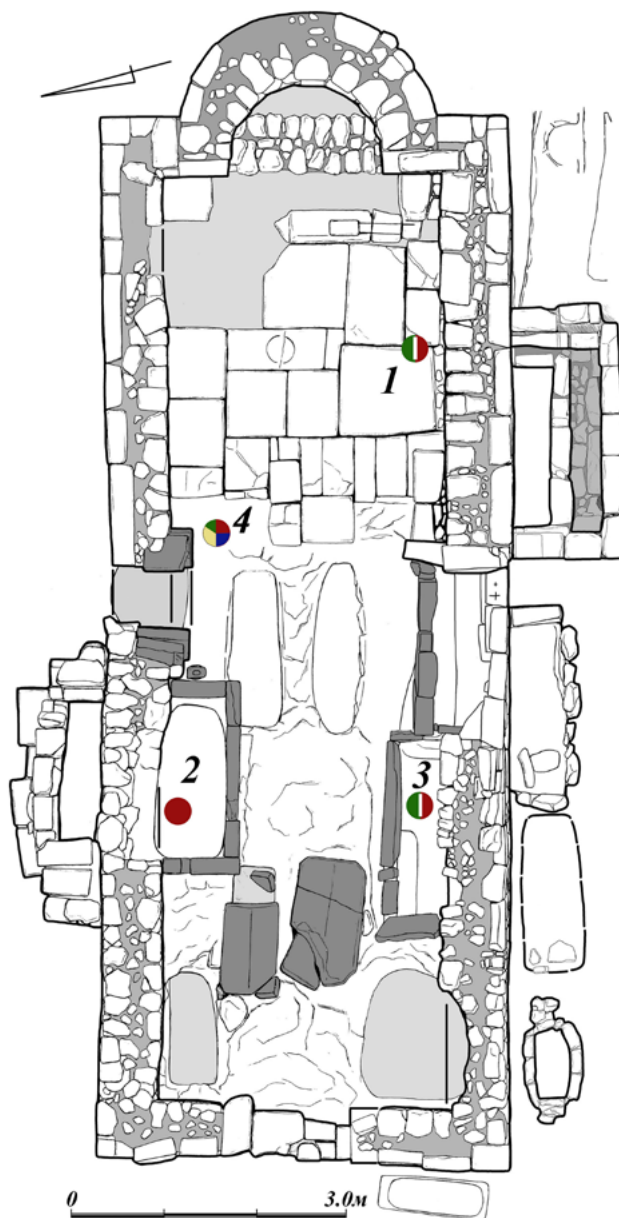

Рис. 1. Город на плато Эски-Кермен. Квартал 2. Однонефный храм. Общий план с указанием мест находок фрагментов фресок. 1 – наос храма, южная стена; 2 – гробница 6/2019; 3 – гробница 5/2019; 4 – аркосолий над гробницей 7/2021 (чертеж Э.А. Хайрединовой)

Fig. 1. The town atop of the plateau of Eski-Kermen. Quarter 2. Aisleless church. General view indicating the findspots of the fresco fragments. 1 – church naos, southern wall; 2 – tomb 6/2019; 3 – tomb 5/2019; 4 – arched niche above tomb 7/2021 (draft: E. A. Khairedinova)

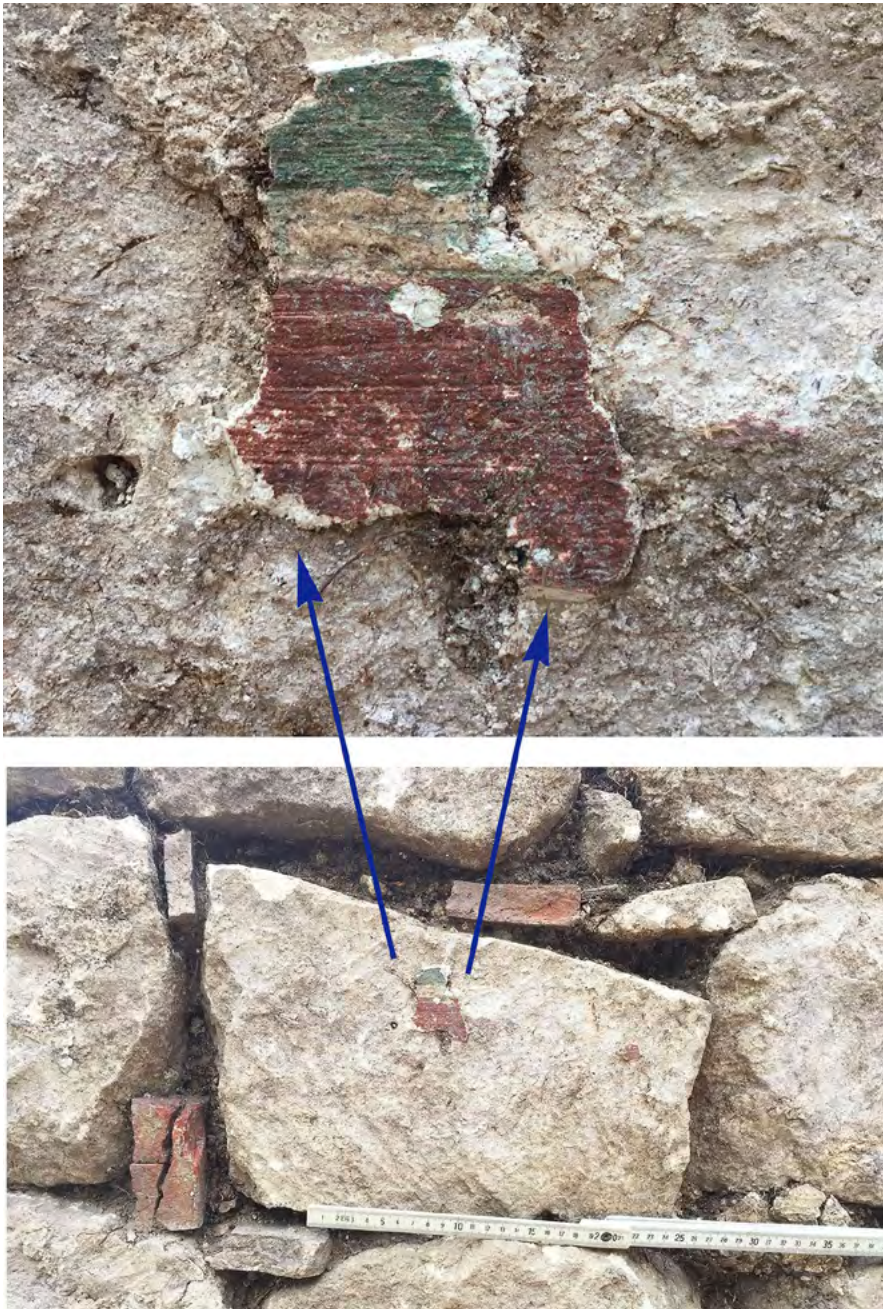

Рис. 2. Однонефный храм. Южная стена наоса, внутренний панцирь. Деталь кладки со следами штукатурки и остатками фрески. Общий вид и деталь (фото Э.А. Хайрединовой)
Fig. 2. Aisleless church. The southern wall of its naos, inner face. Stonework detail featuring the traces of plaster and the remains of a fresco. General view and detail (photo: E. A. Khairedinova)

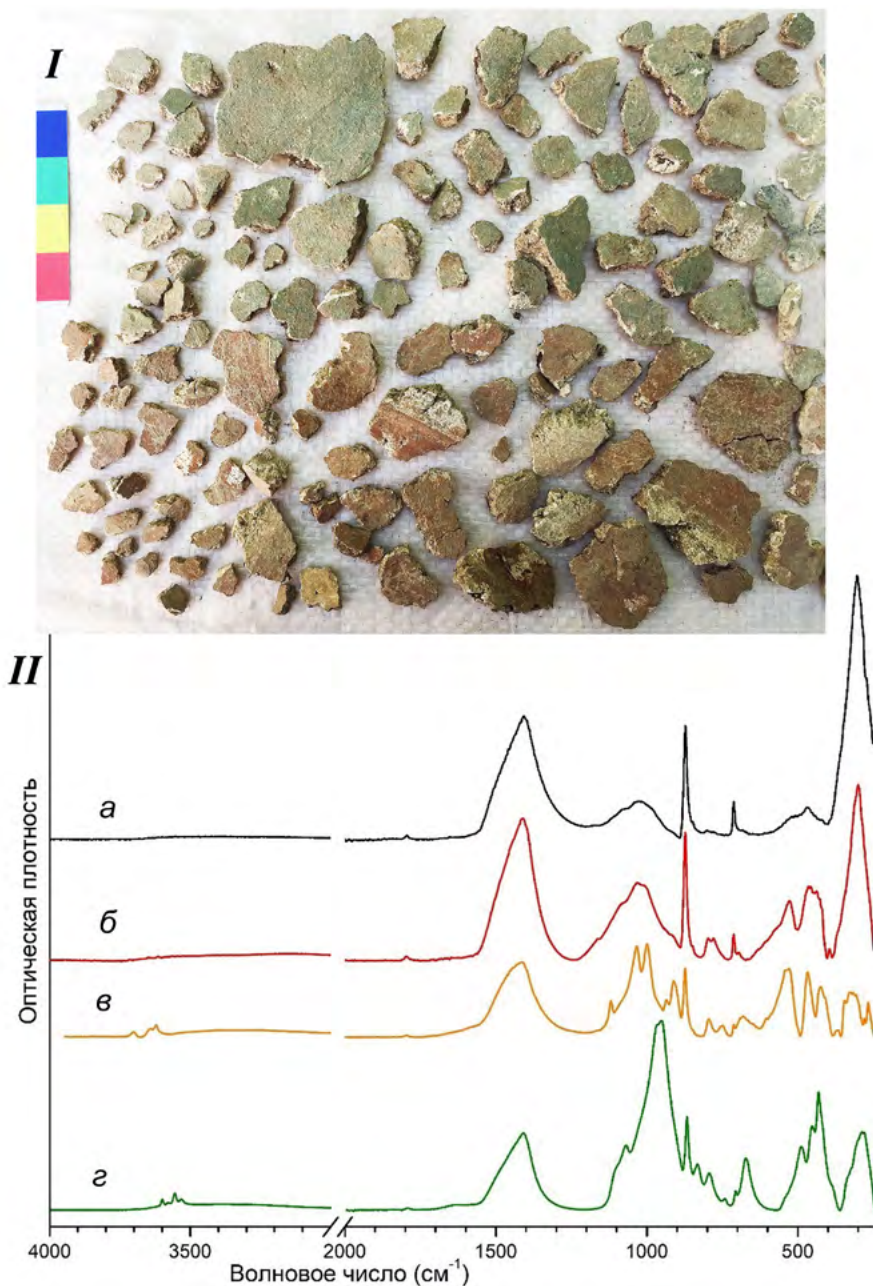

Рис. 3. I – Фрагменты фресок, найденные в засыпи наоса, около южной стены; II – Ик-спектры от красочного слоя образцов стенной росписи.

а – белый, б – красный, в – желтый, г – зеленый

Fig. 3. I – Fresco fragments uncovered from the filling of the naos, at southern wall; II – IR spectres of the colour layer of the wall painting samples: а – white, б – red, в – yellow, г – green

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Квартальные храмы средневекового города на плато Эски-Кермен // АДСВ. 2020. Т. 48. С. 310–326.
2. Айбабин А.И., Иожица Д.В., Хайрединова Э.А. Стеновая роспись однонефного храма из квартала 2 на плато Эски-Кермен // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XIII Международный Византийский семинар / Ред. Н.А. Алексеевко. Симферополь: Ариал, 2021. С. 21–30.
3. Азаров Е.С., Пожидаев В.М., Борисевич И.С., Бабиченко Н.П., Яцишина Е.Б. О типе хозяйства поселений с «сетчатой» керамикой бронзового века Волго-Окского междуречья: новые данные из старых керамических коллекций // РА. 2021. № 2. С. 19–36.
4. Вазари Дж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Полное издание в одном томе / Пер. с итал. А.Г. Габричевского, А.И. Венедиктова. М.: Альфа-книга, 2017. 1278 с.
5. Виннер А. Фресковая и темперная живопись. Вып. 1. Материалы и техника стенописей античных мастеров на юге СССР. М.: Искусство, 1948. 68 с.
6. Дионисий Фурноаграфиот. Ерминия или наставление в живописном искусстве, составленное иеромонахом и живописцем Дионисием Фурноаграфиотом. 1701–1733 год // Труды Киевской Духовной академии. 1868. № 2. С. 269–315.
7. Теофил Пресвитер «О различных искусствах» / Пер. А.А. Морозова, ред. и примеч. А.В. Виннера // Сообщения Центральной научно-исследовательской лаборатории по консервированию и реставрации музейных художественных ценностей. 1963. Вып. 7. С. 66–184.
8. Техника фрески: Практическое пособие / Сост. В.И. Морозов. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 38 с.
9. Ченнино Ченнини. Книга об искусстве или трактат о живописи / Пер. с итал. А. Лужнецкой; ред. А. Рыбников. М., 1933. 76 с.
10. Bikiaris D., Sister D., Sotiropoulou S., Katsimbiri O., Pavlidou E., Moutsatsou A., Chryssoulakis Y. Ochre-differentiation through micro-Raman and micro-FTIR spectroscopies: application on wall paintings at Meteora and Mount Athos, Greece // Spectrochimica Acta. Part A: Molecular and Biomolecular Spectroscopy. 2000. Vol. 56. No. 1. P. 11–13.
11. Buti D., Rosi F., Brunetti B.G., Miliani C. In situ identification of copper-based green pigments on paintings and manuscripts by reflection FTIR // Analytical and bioanalytical chemistry. 2013. Vol. 405. No. 8. P. 2699–2711.
12. Casoli A., Mirti P., Palla G. Characterization of medieval proteinaceous painting media using gas chromatography and gas chromatography-mass spectrometry // Fresenius' journal of analytical chemistry. 1995. Vol. 352. No. 3-4. P. 372–379.
13. Cheilakou E., Troullinos M., Kouli M. Identification of pigments on Byzantine wall paintings from Crete (14th century AD) using non-invasive Fiber Optics Diffuse Reflectance Spectroscopy (FORS) // Journal of Archaeological Science. 2014. Vol. 41. P. 541–555.
14. Chiavari G., Bocchini P., Galletti G.C. Rapid identification of binding media in paintings using simultaneous pyrolysis methylation gas chromatography // Science and Technology for Cultural Heritage. 1992. Vol. 1. P. 153–158.
15. Colombini M.P., Modugno U.F., Fuoco E.M.R., Giacomelli A. GC-MS characterization of proteinaceous and lipid binders in UV aged polychrome artifacts // Microchemical Journal. 2000. Vol. 67. P. 291–300.
16. Colombini M.P., Modugno F., Fuoco R., Tognazzi A. A GC-MS study on the deterioration of lipidic paint binders // Microchemical Journal. 2002. Vol. 73. P. 175–185.
17. Colombini M.P., Modugno F. Organic Mass Spectrometry in Art and Archaeology. John Wiley & Sons Ltd, 2009. 508 p.
18. Daniilia S., Sotiropoulou S., Bikiaris D., Salpistis C., Karagiannis G., Chryssoulakis Y., Price B.A., Carlson J. Panselinos' Byzantine wall paintings in the Protaton Church, Mount Athos, Greece: a technical examination // Journal of Cultural Heritage. 2000. Vol. 1. No. 2. P. 91–110.
19. Halpine S.M. Amino acid analysis of proteinaceous media from Cosimo Tura's 'The Annunciation with Saint Francis and Saint Louis of Toulouse' // Studies in Conservation. 1992. Vol. 37. Issue 1. P. 22–38.

20. Hein A., Karatasios I., Mourelatos D. Byzantine wall paintings from Mani (Greece): microanalytical investigation of pigments and plasters // *Analytical and bioanalytical chemistry*. 2009. Vol. 395. No. 7. P. 2061–2071.
21. Hradil D., Pišková A., Hradilová J., Bezdička P., Lehrberger G., Gerzer S. Mineralogy of Bohemian green earth pigment and its microanalytical evidence in historical paintings // *Archaeometry*. 2011. Vol. 53. No. 3. P. 563–586.
22. Hubbard C.R., Evans E.H., Smith D.K. The reference intensity ratio, I / I_c , for computer simulated powder patterns // *Journal of Applied Crystallography*. 1976. Vol. 9. No. 2. P. 169–174.
23. Kenndler E., Schmidt-Beiwel K., Mairinger F., Pohm M. Identification of proteinaceous binding media of easel paintings by gas chromatography of the amino acid derivatives after catalytic hydrolysis by a protonated cation exchanger Fresenius // *Journal of Analytical Chemistry*. 1992. Vol. 342. No. 1. P. 135–141.
24. Masschelein-Kleiner L. Ancient binding media, varnishes and adhesives. Rome: ICCROM, 1985. 115 p.
25. Masschelein-Kleiner L. Analysis of paint media, varnishes and adhesives // *PACT*. 1986. Vol. 13. P. 185–207.
26. Mayer R. A dictionary of art terms and techniques. New York: Crowell, 1969. 447 p.
27. Mills J.S. The gas chromatographic examination of paint media. Part I: Fatty acid composition and identification of dried oil films // *Studies in Conservation*. 1966. Vol. 11. P. 92–107.
28. Mills J.S., White R. *The Organic Chemistry of Museum Objects*. Oxford, 1994. 206 p.
29. Mora P., Mora L., Philippot P. Conservation of wall paintings. Sevenoaks: Butterworths, 1984. 484 p.
30. Moretto L.M., Orsega E.F., Mazzocchin G.A. Spectroscopic methods for the analysis of celadonite and glauconite in Roman green wall paintings // *Journal of Cultural Heritage*. 2011. Vol. 12. No. 4. P. 384–391.
31. Murray P., Murray L. *Dictionary of art and artists*. Baltimore: Penguin Books, 1989. 460 p.
32. Odlyha M., Burmester A. Preliminary investigations of the binding media of paintings by differential thermal analysis // *Journal of Thermal Analysis and Calorimetry*. 1988. Vol. 33. P. 1041–1052.
33. Ospitali F., Bersani D., Di Lonardo G., Lottici P.P. ‘Green earths’: vibrational and elemental characterization of glauconites, celadonites and historical pigments // *Journal of Raman Spectroscopy*. 2008. Vol. 39. P. 1066–1073.
34. Shedrinsky A.M., Wampler T.P., Indictor N., Baer N.S. Application of analytical pyrolysis to problems in art and archaeology: A review // *Journal of Analytical and Applied Pyrolysis*. 1989. Vol. 15. P. 393–412.
35. Svetogorov R.D., Dorovatovskii P.V., Lazarenko V.A. Belok/XSA diffraction beamline for studying crystalline samples at Kurchatov Synchrotron Radiation Source // *Crystal Research and Technologies*. 2020. Vol. 5 (55). P. 184–197.
36. Spyros A., Anglos D. Study of aging in oil paintings by 1D and 2D NMR spectroscopy // *Analytical Chemistry*. 2004. Vol. 76. P. 4929–4936.
37. Vahur S., Teearu A., Leito I. ATR-FT-IR spectroscopy in the region of 550–230 cm^{-1} for identification of inorganic pigments // *Spectrochimica Acta. Part A: Molecular and Biomolecular Spectroscopy*. 2010. Vol. 75. No. 3. P. 1065–1066.
38. Van den Berg D.J., van den Berg K.J., Boon J.J. GC/MS analysis of fractions of cured and aged drying oil paints // *Advances in Mass Spectrometry*. 1998. Vol. 14. D052100/1-D052100/8.

REFERENCES

1. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Quarter churches of the mediaeval town atop Eski-Kermen plateau. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2020, vol. 48, pp. 310–326.
2. Aibabin A.I., Iozhitsa D.V., Khairedinova E.A. Wall paintings of the aisleless church in quarter 2 at the plateau of Eski-Kermen. Alekseenko N.A. (ed.), *XIII mezhdunarodnyi vizantiiskii seminar “XEPΣΩNOC ΘEMATA: imperia i polis”* [13th international Byzantine workshop “Chersonos Themata: the empire and the polis”], Simferopol, Arial Publ., 2021, pp. 21–30.
3. Azarov E.S., Pozhidaev V.M., Borisevich I.S., Babichenko N.P., Iatsishina E.B. On the type of economy of the settlements with bronze age “textile” pottery in the Volga-Oka interfluvium: new data from old collections of ware. *Rossiiskaia arkhologiia* [Russian archaeology], 2021, no. 2, pp. 19–36.

4. Vazari G. *Zhizneopisanii naibolee znamenitykh zhivopistsev, vaiatelei i zodchikh* [Lives of the most excellent painters, sculptors and architects]. Transl. A.G. Gabrichevsky, A.I. Venediktov. Moscow, Alfakniga Publ., 2017, 1278 p.
5. Vinner A. *Freskovaia i tempernaia zhivopis'*. Vyp. 1. *Materialy i tekhnika stenopisei antichnykh masterov na iuge SSSR* [Fresco and tempera painting. Vol. 1. Materials and techniques of murals by ancient masters in the south of the USSR]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1948, 68 p.
6. Herminia or instruction in the art of painting, compiled by the hiermonk and painter Dionysius Fournographiot. 1701–1733. *Trudy Kievskoi Dukhovnoi akademii* [Proceedings of the Kiev Theological Academy], 1868, no. 2, pp. 269–315.
7. Theophilus Presbyter “On the Various Arts”. Transl. A.A. Morozov. *Soobshcheniia Tsentral'noi nauchno-issledovatel'skoi laboratorii po konservirovaniu i restavratsii muzeinykh khudozhestvennykh tsennostei* [Messages from the Central Research Laboratory for the conservation and restoration of museum art treasures], 1963, vol. 7, pp. 66–184.
8. Morozov V.I. (ed.), *Tekhnika freski: Prakticheskoe posobie* [Fresco technique: A practical guide]. Izhevsk, Udmurtskii universitet Publ., 2012, 38 p.
9. Chennino Chennini. *Kniga ob iskusstve ili traktat o zhivopisi* [A book on art or a treatise on painting]. Transl. A. Luzhetskaia. Moscow, 1933, 76 p.
10. Bikiaris D., Sister D., Sotiropoulou S., Katsimbiri O., Pavlidou E., Moutsatsou A., Chrysoulakis Y. Ochre-differentiation through micro-Raman and micro-FTIR spectroscopies: application on wall paintings at Meteora and Mount Athos, Greece. *Spectrochimica Acta. Part A: Molecular and Biomolecular Spectroscopy*, 2000, vol. 56, no. 1, pp. 11–13.
11. Buti D., Rosi F., Brunetti B.G., Miliani C. In situ identification of copper-based green pigments on paintings and manuscripts by reflection FTIR. *Analytical and bioanalytical chemistry*, 2013, vol. 405, no. 8, pp. 2699–2711.
12. Casoli A., Mirti P., Palla G. Characterization of medieval proteinaceous painting media using gas chromatography and gas chromatography-mass spectrometry. *Fresenius' journal of analytical chemistry*, 1995, vol. 352, no. 3-4, pp. 372–379.
13. Cheilakou E., Troullinos M., Kouli M. Identification of pigments on Byzantine wall paintings from Crete (14th century AD) using non-invasive Fiber Optics Diffuse Reflectance Spectroscopy (FORS). *Journal of Archaeological Science*, 2014, vol. 41, pp. 541–555.
14. Chiavari G., Bocchini P., Galletti G.C. Rapid identification of binding media in paintings using simultaneous pyrolysis methylation gas chromatography. *Science and Technology for Cultural Heritage*, 1992, vol. 1, pp. 153–158.
15. Colombini M.P., Modugno U.F., Fuoco E.M.R., Giacomelli A. GC-MS characterization of proteinaceous and lipid binders in UV aged polychrome artifacts. *Microchemical Journal*, 2000, vol. 67, pp. 291–300.
16. Colombini M.P., Modugno F., Fuoco R., Tognazzi A. A GC-MS study on the deterioration of lipidic paint binders. *Microchemical Journal*, 2002, vol. 73, pp. 175–185.
17. Colombini M.P., Modugno F. *Organic Mass Spectrometry in Art and Archaeology*. John Wiley & Sons Ltd, 2009, 508 p.
18. Daniilia S., Sotiropoulou S., Bikiaris D., Salpistis C., Karagiannis G., Chrysoulakis Y., Price B.A., Carlson J. Panselinos' Byzantine wall paintings in the Protaton Church, Mount Athos, Greece: a technical examination. *Journal of Cultural Heritage*, 2000, vol. 1, no. 2, pp. 91–110.
19. Halpine S.M. Amino acid analysis of proteinaceous media from Cosimo Tura's ‘The Annunciation with Saint Francis and Saint Louis of Toulouse’. *Studies in Conservation*, 1992, vol. 37, issue 1, pp. 22–38.
20. Hein A., Karatasios I., Mourelatos D. Byzantine wall paintings from Mani (Greece): microanalytical investigation of pigments and plasters. *Analytical and bioanalytical chemistry*, 2009, vol. 395, no. 7, pp. 2061–2071.
21. Hradil D., Pišková A., Hradilová J., Bezdička P., Lehrberger G., Gerzer S. Mineralogy of Bohemian green earth pigment and its microanalytical evidence in historical paintings. *Archaeometry*, 2011, vol. 53, no. 3, pp. 563–586.

22. Hubbard C.R., Evans E.H., Smith D.K. The reference intensity ratio, I / I_c , for computer simulated powder patterns. *Journal of Applied Crystallography*, 1976, vol. 9, no. 2, pp. 169–174.
23. Kennedler E., Schmidt-Beiwel K., Mairinger F., Pohm M. Identification of proteinaceous binding media of easel paintings by gas chromatography of the amino acid derivatives after catalytic hydrolysis by a protonated cation exchanger Fresenius. *Journal of Analytical Chemistry*, 1992, vol. 342, no. 1, pp. 135–141.
24. Masschelein-Kleiner L. *Ancient binding media, varnishes and adhesives*. Rome, ICCROM, 1985, 115 p.
25. Masschelein-Kleiner L. Analysis of paint media, varnishes and adhesives. *PACT*, 1986, vol. 13, pp. 185–207.
26. Mayer R. *A dictionary of art terms and techniques*. New York, Crowell, 1969, 447 p.
27. Mills J.S. The gas chromatographic examination of paint media. Part I: Fatty acid composition and identification of dried oil films. *Studies in Conservation*, 1966, vol. 11, pp. 92–107.
28. Mills J.S., White R. *The Organic Chemistry of Museum Objects*. Oxford, 1994, 206 p.
29. Mora P., Mora L., Philippot P. *Conservation of wall paintings*. Sevenoaks, Butterworths, 1984, 484 p.
30. Moretto L.M., Orsega E.F., Mazzocchin G.A. Spectroscopic methods for the analysis of celadonite and glauconite in Roman green wall paintings. *Journal of Cultural Heritage*, 2011, vol. 12, no. 4, pp. 384–391.
31. Murray P., Murray L. *Dictionary of art and artists*. Baltimore, Penguin Books, 1989, 460 p.
32. Odlyha M., Burmester A. Preliminary investigations of the binding media of paintings by differential thermal analysis. *Journal of Thermal Analysis and Calorimetry*, 1988, vol. 33, pp. 1041–1052.
33. Ospitali F., Bersani D., Di Leonardo G., Lottici P.P. ‘Green earths’: vibrational and elemental characterization of glauconites, celadonites and historical pigments. *Journal of Raman Spectroscopy*, 2008, vol. 39, pp. 1066–1073.
34. Shedrinsky A.M., Wampler T.P., Indictor N., Baer N.S. Application of analytical pyrolysis to problems in art and archaeology: A review. *Journal of Analytical and Applied Pyrolysis*, 1989, vol. 15, pp. 393–412.
35. Svetogorov R.D., Dorovatovskii P.V., Lazarenko V.A. Belok/XSA diffraction beamline for studying crystalline samples at Kurchatov Synchrotron Radiation Source. *Crystal Research and Technologies*, 2020, vol. 5 (55), pp. 184–197.
36. Spyros A., Anglos D. Study of aging in oil paintings by 1D and 2D NMR spectroscopy. *Analytical Chemistry*, 2004, vol. 76, pp. 4929–4936.
37. Vahur S., Teearu A., Leito I. ATR-FT-IR spectroscopy in the region of 550–230 cm^{-1} for identification of inorganic pigments. *Spectrochimica Acta. Part A: Molecular and Biomolecular Spectroscopy*, 2010, vol. 75, no. 3, pp. 1065–1066.
38. Van den Berg D.J., van den Berg K.J., Boon J.J. GC/MS analysis of fractions of cured and aged drying oil paints. *Advances in Mass Spectrometry*, 1998, vol. 14, D052100/1-D052100/8.

Информация об авторах

Лобода А. Ю. – ведущий специалист лаборатории естественнонаучных методов в гуманитарных науках НИЦ «Курчатовский институт»; научный сотрудник лаборатории ЛЕНМГИ-ИРЕА НИЦ «Курчатовский институт» – ИРЕА, Researcher ID: U-4725-2017.

Трунькин И. Н. – кандидат физико-математических наук, научный сотрудник Ресурсного центра зондовой электронной микроскопии НИЦ «Курчатовский институт», Researcher ID: F-7106-2017.

Светогоров Р. Д. – инженер-исследователь НИЦ «Курчатовский институт», Researcher ID: A-7091-2015

Пожидаев В. М. – кандидат химических наук, старший научный сотрудник отдела биотехнологий и биоэнергетики Курчатовского комплекса НБИКС-природоподобных технологий НИЦ «Курчатовский институт».

Камаев А. В. – научный сотрудник ресурсного центра «Молбиотех» НИЦ «Курчатовский институт».

Терещенко Е. Ю. – кандидат физико-математических наук, заместитель начальника лаборатории естественнонаучных методов в гуманитарных науках НИЦ «Курчатовский институт»;

старший научный сотрудник ФНИЦ «Кристаллография и фотоника» РАН; заместитель заведующего лаборатории ЛЕНМГИ-ИРЕА НИЦ «Курчатовский институт» – ИРЕА, Researcher ID: A-8731-2014.

Малахов С. Н. – кандидат химических наук, научный сотрудник Ресурсного центра оптической микроскопии и спектроскопии НИЦ «Курчатовский институт», Researcher ID: B-3048-2015.

Пельве К. Ю. – ведущий специалист НИЦ «Курчатовский институт».

Хайрединова Э. А. – кандидат исторических наук, заведующая Отделом средневековой археологии Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: Y-5905-2019.

Айбабин А. И. – доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Researcher ID: Y-8384-2018.

Яцишина Е. Б. – кандидат философских наук, заместитель директора, начальник лаборатории естественнонаучных методов в гуманитарных науках НИЦ «Курчатовский институт»; начальник лаборатории ЛЕНМГИ-ИРЕА НИЦ «Курчатовский институт» – ИРЕА», Researcher ID: AAX-1228-2020.

Authors information

Loboda A. Yu. – Leading Specialist of the Laboratory of natural science methods in the humanities of the National Research Center “Kurchatov Institute”; Researcher of the LENMGI-IREA Laboratory of the NRC “Kurchatov Institute” – IREA, Researcher ID: U-4725-2017.

Trunkin I. N. – Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Researcher at the Resource center for probe electron microscopy of the National Research Center “Kurchatov Institute”, Researcher ID: F-7106-2017.

Svetogorov R. D. – Research Engineer of the National Research Center “Kurchatov Institute”, Researcher ID: A-7091-2015.

Pozhidaev V. M. – Candidate of Science (Chemistry), Senior Researcher of the NBIKS-Center for nature-like technologies of the National Research Center “Kurchatov Institute”.

Kamaev A. V. – Researcher of the resource center “Molbiotech” of the National Research Center “Kurchatov Institute”.

Tereschenko E. Yu. – Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Deputy Chief of the Laboratory of natural science methods in the humanities of the National Research Center “Kurchatov Institute”; Senior Researcher of the Federal Research Center “Crystallography and Photonics” RAS; Deputy Head of LENMGI-IREA Laboratory of the NRC “Kurchatov Institute” – IREA, Researcher ID: A-8731-2014.

Malakhov S. N. – Candidate of Sciences (Chemistry), Researcher at the Resource center for optical microscopy and spectroscopy of the National Research Center “Kurchatov Institute”, Researcher ID: B-3048-2015.

Pelve K. Yu. – Leading Specialist of the National Research Center “Kurchatov Institut”.

Khairedinova E. A. – Candidate of Science (History), Head of the mediaeval archaeology department of the Institute of Archaeology of the Crimea RAS, Researcher ID: Y-5905-2019.

Aibabin A. I. – Doctor of Science (History), Professor, Director of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: Y-8384-2018.

Yatsishina E. B. – Candidate of Science (Philosophy), Deputy Director, Head of Laboratory of natural science methods in the humanities of the National Research Center “Kurchatov Institute”; Head of the LENMGI-IREA Laboratory of the NRC “Kurchatov Institute” – IREA, Researcher ID: AAX-1228-2020.

DOI: <https://doi.org/10.37279/2413-189X.2021.26.175-183>

ПОГРЕБАЛЬНОЕ ГРАФФИТО ИЗ ХРАМА НА ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН (предварительная публикация)

Александра Алексеевна Евдокимова

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

ae@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6557-2064>

Аннотация. В статье впервые опубликовано погребальное граффито раба Божия Константина из позднесредневекового храма на плато Эски-Кермен. Помимо чтения самой надписи, приведен ее подробный палеографический и лингвистический анализ, в результате которого предварительная датировка памятника определена как X–XIII вв.

Ключевые слова: Эски-Кермен, византийская эпиграфика, погребальные надписи, граффити, византийский греческий язык, греческая палеография

A FUNERAL GRAFFITO FROM A CHURCH ATOP OF THE PLATEAU OF ESKI-KERMEN (Preliminary Information)

Aleksandra A. Evdokimova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. This paper is the first to publish a funeral graffito of Constantine the servant of God from a late mediaeval church atop of the plateau of Eski-Kermen. In addition to the reading and translation of the inscription, there is a detailed palaeographical and linguistic analysis of the graffito. In result, the preliminary chronology of the monument has been determined as the tenth to thirteenth centuries.

Key words: Eski-Kermen, Byzantine epigraphy, funeral inscriptions, graffiti, Byzantine Greek language, Greek palaeography

В 2019 г. в ходе работ экспедиции под руководством А. И. Айбабина и Э. А. Хайрединовой на плато Эски-Кермен, в квартале II, в северо-западном углу наоса однонефного храма X–XIII вв., в слое разрушения найден известняковый блок размером 23,5x29,5 см, толщиной 16 см с граффито (рис. 1) [2, с. 318–321, ил. 5]. На поверхности блока, помимо рассматриваемого в статье граффито, имеются расположенные крестообразно круглые углубления, предназначавшиеся, возможно, для накладных металлических крестов. Аналогичные отверстия можно увидеть на фрагментах каменного креста, обнаруженного в часовне в находившемся рядом квартале I [1, с. 437–438, рис. 5–6]. В нижней части блока с правой стороны видны следы других

граффити, а также три поперечные линии, похожие на ступени лестницы, и другие линии ближе к краю камня, напоминающие рамку. Одно из плохо сохранившихся граффити содержит три буквы – ΚΕ Β, которые, скорее всего, являются началом традиционной молитвенной формулы: Κ(ύρι)ε βοήθει τὸν δοῦλον σοῦ... (Господи, помоги рабу своему, имярек).

Три строки погребального граффито начертаны с небольшим наклоном на известняке сверху камня в подготовленной для этого специальной выемке (размер 5,0–6,0х16,0 см), занимающей в длину 3/4 ширины камня (рис. 2). Наличием этой специально подготовленной выемки объясняется и сокращение слова δοῦλ(ος) в конце 1 строки и написание «λ» над строкой (рис. 2,1). Вторая строка ближе к концу выходит за пределы этой выемки. От предполагаемой третьей строки, где ожидалась бы, согласно традиционным формулам подобных погребальных надписей, дата смерти, осталось в конце лишь несколько букв плохой сохранности, за пределами выемки.

† εκημοιθι Δουλ
του θυ Κων(στ)α

ἐκοιμήθη ὁ δοῦλ(ος) || τοῦ θεοῦ Κων(στ)α(ντῖνος)
Почил раб Божий Константин

Основная формула данной погребальной надписи – наиболее частотная среди глагольных формул такого рода надписей, представленных на территории Крыма [см.: 6].

Палеография: большая часть надписи написана маюскулом, высота букв 1,2–2,0 см, ширина 0,8–1,2 см. В первой строке "ε" лунарный, усы "κ" соединяются с вертикальной гастой, относится к типу III [типы см.: 5], "η" маюскульная и выделяется на фоне остальных букв своим малым размером (высота буквы 0,6 см, ширина 0,4 см), меньше всех почти в два раза. "μ" имеет три параллельных вертикальных гасты, стоящих на строке, соединенных между собой, является вариацией типа IVa, встречающегося в Константинополе, и встречается в надписях на предметах прикладного искусства X–XIII вв. и на печатях в VIII–XIII вв. [см.: 16] "ο" и "θ" маюскульные, большие, довольно широкие, "ι" между ними чуть меньше их по размеру, хотя чуть больше "η". Над "θ" стоит палочка, вполне вероятно, надписанная "ι". "δ" унциальная, треугольная и ее правая гаста продолжается за соединение с левой и закругляется, как у лигатуры "ου" и надписанной над ней "λ" немного влево. Подобное начертание "δ" встречается в памятниках прикладного искусства X в. "υ" во второй строке минускульные и могут быть датированы X в. [см.: 14], вторая из них соединена с "θ". "τ" соединена с "ο". "κ" больше предыдущих букв и нижний ус имеет округлую форму, относится ко II типу, который представлен в граффити Киева и Константинополя и в надписях на предметах прикладного искусства X–XIII вв. "ο" маленький по сравнению с другими буквами в имени и имеет внизу

нижней части овала зарубку, и поскольку верхняя часть овала неочерчена четко, может быть таким вариантом узкого написания "ω". Над "κ" и "ο" стоит длинная черта, знак сокращения (рис. 3). У "ν" правая вертикальная гаста выше левой и по высоте равняется высоте вертикальной гасты "κ", соединение ее с перемычкой при этом округлой формы. Между "α" и "ν" небольшие черточки вверху, возможно, первая из них, похожая на полукруг, это лунарная маленькая "σ", а оставшаяся – "τ". "α" с петлей (тип VIc), треугольная и широкая, имеет длинный хвост, совпадающий по высоте с гастой "κ". По палеографии "κ" и "ε" из первой строки похожи на соответствующие буквы из молитвенной надписи монаха, найденной на этом же памятнике [1, с. 456, рис. 24,3, описание надписи с. 428].

Орфография: вариант написания имени Константин через "ο" согласно базе РН17 [22] представлен в 30 надписях: в 7 из Малой Азии (VII–VIII вв., 913–920 гг., X в., 2 надписи середины X в., 2 недатированных), в 6 из Македонии и Фракии (2 надписи VI в., 976–1025 гг., 1059–1067 гг., начало XI в.), в 4 из Греции (873/4 г., 1027 г., 1502 г., недатированная), в 3 из Италии (VIII в. и позже, 1067–1071 гг., недатированная), в 2 из Константинополя (957 г., недатированная), в 2 из Палестины и по одной из Сирии (337–340 гг.), недатированная из Кипра, недатированная с Таманского полуострова, из Селимбрии (978–1025 гг.), из Израиля (1140–1149 гг.) и недатированная из Киммерийского Босфора. В то время, как через "ω" это имя встречается в собранных в базе надписях около 328 раз, почти в 11 раз чаще, чем через "ο". Вариант же написания глагола "Εκρηγοιθη" с заменой "οι" на "η" во втором слоге и "η" на "οι" в третьем не встречается в других надписях, содержащихся в базе РН17. Как показывает анализ, в базе встречается несколько разновидностей этого глагола с заменой во втором слоге "οι" на "η". Первая разновидность с уподоблением написания второго и третьего слогов довольно частотна (23 надписи) и представлена, например, двумя надписями из Крыма, из Феодосии 1378 г. [7, № 76] и из деревни Шуры 1328 г. [7, № 58] – ἐκρη(η)οιθη. Другие примеры двух "η" во втором и третьем слогах слова встречаются в трех надписях из Ликаонии: в двух из Бинбир Килисе – недатированной [17, р. 536, no. 25] и 1162–1171 гг. [17, р. 540, no. 30], из Конии 1569 г. [11, р. 356, no. 110]. Из Каппадокии в надписи из Соганли XIII в. [12, no. 207]. Из северного Эпира из Аполлонии-Авллона 1381 г. [10, no. 102,2], из Лаконии из Мистры 1445 г. [15, р. 138, no. 35]. В надписях из Египта: в двух недатированных надписях из Арсиноита [13, no. 85, 104], недатированной неизвестного места находки [13, no. 676], недатированной из Фаюма [13, no. 792], недатированной из Канописа [8, р. 256, no. 34; 20, vol. 8, no. 459], в 4 надписях V–VI вв. из Акориса [13, no. 119, 122, 136, 139], в недатированной из области Рода [13, no. 206], в недатированной из Луксора-Фив [13, no. 528]. Из Нубии 775 г. [13, no. 645] и двух недатированных [13, no. 663; 9, no. 107], из Джебеля Баркала IV–V вв. [18, no. 8948] или позже VI в. по другому изданию [20, vol. 2, no. 883].

Вторая разновидность с заменой "η" на "ι" в третьем слоге встречается реже, один раз в РН17 в надписи XV в. с острова Кипр, село Пелендри [19, р. 107, no. 8.а]

и, например, в надписи из архива Репникова, опубликованной у А. Ю. Виноградова [3, № V 224], которая также имеет первую мену "oi" на "η" во втором слоге, однако дальнейшая "η" заменена в ней на "t" с тремой. Как мы писали ранее [6], в глаголе "ἐκοιήθη" в 19 надписях X–XV вв. из Крыма в предударном слоге "oi" заменена на "η", а в 13 надписях с 1271 г. по XV в. в ударном слоге "η" заменена на "t".

Единственный пример замены в третьем (ударном) слоге "η" на "oi" из Египта в надписи из Акориса V–VI вв. [13, no. 150] – ἐκοιήθη – тоже представляет из себя вариант уподобления второго и третьего слогов, но в пользу второго.

Таким образом, можно сказать, что в анализируемом нами граффито написание глагола представляет собой реализацию взаимной замены "η" и "oi". Как мы писали ранее [4], замена "oi" на "η" происходила в граффити Киева, Каппадокии, Афин, а обратная – в граффити Каппадокии. При этом все примеры из Каппадокии датированы X–XIII вв., а сама замена происходит перед или после назального. Самый ранний пример подобной замены датируется С. Теодорсоном II в. до н.э. [21, p. 141]. Все эти данные позволяют сказать, что по орфографии надпись можно датировать в пределах X–XIII вв.

Возможно, применение при фотографировании этой надписи метода 3D моделирования позволит прочесть то, что осталось от третьей строки. На данном этапе исследования предлагаем чтение, доступное глазу, при такой сохранности памятника. Аналогично сохранилась и другая плита с граффито, происходящая с плато Эски-Кермен, известная по фотографии из Фотоархива ИИМК РАН (O.27.44; II–2445) и представленная у А. Ю. Виноградова [3, № V 222]. Таким образом, по совокупности палеографических и лингвистических данных останавливаемся на широкой датировке надписи в пределах X–XIII вв.

Рис. 1. Известняковый блок с граффито из наоса однефного храма X–XIII вв. из квартала II на плато Эски-Кермен. Общий вид сверху

Fig. 1. Limestone block with a graffito from the naos of an aisleless church from the tenth to thirteenth century in quarter II atop of the plateau of Eski-Kermen. General view from above

Рис. 2. Известняковый блок с граффито. Детали увеличено
Fig. 2. Limestone block with a graffito. Details magnified

Рис. 3. Известняковый блок с граффито. Деталь
Fig. 3. Limestone block with a graffito. Detail

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 422–457.
2. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Квартальные храмы средневекового города на плато Эски-Кермен // АДСВ. 2020. Т. 48. С. 310-326.
3. Виноградов А.Ю. Византийские надписи Северного Причерноморья. *Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/index-ru.html>.
4. Евдокимова А.А. Языковые особенности греческих граффити Софии Киевской: Дисс. ... канд. фил. наук: 10.02.20. М., СПб., 2008. 456 с.
5. Евдокимова А.А. Палеография греческих граффити Софии Константинопольской, Софии Киевской и Софии Новгородской: сравнительный анализ // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. М., 2013. Т. VII. С. 132–180.
6. Евдокимова А.А. Крымские византийские граффити. Лингвистические и палеографические особенности // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. IV международная научная конференция (Севастополь, 6–10 октября 2020 г.). М., 2020. Т. 3. С. 14–17.
7. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1896. 143 с.
8. Bernard A. *Le Delta égyptien d'après les textes grecs. I: Les confins libyques*. 3 vols. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 1970. 1133 p.
9. Bernard É. *Inscriptions grecques d'Égypte et de Nubie au Musée du Louvre*. Paris: CNRS, 1992. 228 p.
10. Buschhausen H., Buschhausen H. *Die Marienkirche von Apollonia in Albanien: Byzantiner, Normannen und Serben im Kampf um die Via Egnatia*. Vienna: Osterreichische Academie der Wissenschaften, 1976. 266 S. (Byzantina Vindobonensia. VIII).
11. Cronin H.S. First Report of a Journey in Pisidia, Lycaonia and Pamphylia II // *Journal of Hellenic Studies*. 1902. 22. P. 339-376.
12. Jerphanion G. de. *Une nouvelle province de l'art byzantin. Les églises rupestres de Cappadoce*. Paris, 1925–1942.
13. Lefebvre G. *Recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Égypte*. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 1907. 176 p.
14. Mazucchi C.M. Minuscole greche corsive e libreria // *Aegyptus*. 1977. 57. P. 166–189.
15. Millet G. *Inscriptions byzantines de Mistra (Pl. XIV–XXIII)* // *Bulletin de Correspondance Hellénique*. 1899. XXIII. P. 97–156.
16. Oikonomides N. *A collection of dated Byzantine lead seals*. Washington: Dumbarton Oaks, 1986. 175 p.
17. Ramsay W.M., Bell G. *The Thousand and One Churches*. London, 1919. 580 p.
18. *Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten*. Vol. 5. Nos. 7515–8963 / Eds. F. Bilabel, E. Kiessling. Wiesbaden, 1934–1955.
19. Stylianos A., Stylianos J. Donors and Dedicatory Inscriptions, Suppliants and Supplications in the Painted Churches of Cyprus // *Jahrbuch der Osterreichischen byzantinischen Gesellschaft*. 1960. IX. P. 97–128.
20. *Supplementum Epigraphicum Graecum*. Vol. 1–36. Leiden, 1923–1989.
21. Teodorson S.-T. The phonemic system of the attic dialect 400–340 B.C. Lund: Acta Universitatis Gathoburgensis, 1974. 141 p.
22. Packard Humanities Institute CD #7, 1996. Including Ancient Greek and Byzantine inscriptions and Greek papyri.

REFERENCES

1. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Late Medieval chapel on Eski-Kermen plateau. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2011, vol. 17, pp. 422–457.

2. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Quarter chapels of the medieval city on the Eski-Kermen plateau. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2020, vol. 48, pp. 310–326.
3. Vinogradov A.Iu. *Byzantine inscriptions from the Northern Black Sea*. Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. 2015. URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/index-ru.html>.
4. Evdokimova A.A. *Iazykovye osobennosti grecheskih graffiti Sofii Kievskoi* [Linguistic peculiarities of the Greek graffiti from Sofia cathedral in Kiev]. Text of kandidat. diss. Moscow, St.-Petersburg, 2008, 456 p.
5. Evdokimova A.A. Paleography of the Greek graffiti from Saint Sophia cathedrals in Constantinople, in Kiev and in Novgorod: a comparative analysis. Aristei. *Vestnik klassicheskoi filologii i antichnoi istorii* [Aristeas. Bulletin of classical philology and ancient history], Moscow, 2013, vol. 7, pp. 132–180.
6. Evdokimova A.A. Crimean Byzantine graffiti. Their linguistic and paleographical features. *Istoricheskie, kulturnye, mezhnatsionalnye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka*. IV mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia (Sevastopol, 6–10 oktyabrya 2020 g.) [Historical, cultural, religious, interethnic and political Crimean connections with region and countries of the East]. Moscow, 2020, vol. 3, pp. 14–17.
7. Latyshev V.V. *Sbornik grecheskikh nadpisei khristianskikh vremen iz iuzhnoi Rossii* [Collection of Greek Inscriptions of Christian Times from Southern Russia]. St.-Petersburg, Akademiia nauk Publ., 1896, 143 p.
8. Bernard A. *Le Delta égyptien d'après les textes grecs. I: Les confins libyques*. 3 vols. Le Caire, Institut français d'archéologie orientale, 1970, 1133 p.
9. Bernard É. *Inscriptions grecques d'Égypte et de Nubie au Musée du Louvre*. Paris, CNRS, 1992, 228 p.
10. Buschhausen H., Buschhausen H. *Die Marienkirche von Apollonia in Albanien: Byzantiner, Normannen und Serben im Kampf um die Via Egnatia*. (Byzantina Vindobonensia. VIII). Vienna, Osterreichische Academie der Wissenschaften, 1976, 266 p.
11. Cronin H.S. First Report of a Journey in Pisidia, Lycaonia and Pamphylia II. *Journal of Hellenic Studies*, 1902, 22, pp. 339–376.
12. Jerphanion G. de. *Une nouvelle province de l'art byzantin. Les églises rupestres de Cappadoce*. Paris, 1925–1942.
13. Lefebvre G. *Recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Égypte*. Le Caire, Institut français d'archéologie orientale, 1907, 176 p.
14. Mazzucchi C.M. Minuscole greche corsive e libreria. *Aegyptus*, 1977, 57, pp. 166–189.
15. Millet G. Inscriptions byzantines de Mistra (Pl. XIV–XXIII). *Bulletin de Correspondance Hellénique*, 1899, 23, pp. 97–156.
16. Oikonomides N. *A collection of dated Byzantine lead seals*. Washington, Dumbarton Oaks Publ., 1986, 175 p.
17. Ramsay W.M., Bell G. *The Thousand and One Churches*. London, 1919, 580 p.
18. Bilabel F., Kiessling E. (eds.), *Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten*. Vol. 5. Nos. 7515–8963. Wiesbaden, 1934–1955.
19. Stylianou A., Stylianou J. Donors and Dedicatory Inscriptions, Suppliants and Supplications in the Painted Churches of Cyprus. *Jahrbuch der Osterreichischen byzantinischen Gesellschaft*, 1960, 9, pp. 97–128.
20. *Supplementum Epigraphicum Graecum*. Vol. 1–36. Leiden, 1923–1989.
21. Teodorson S.-T. *The phonemic system of the attic dialect 400–340 B.C.* Lund, Acta Universitatis Gathoburgensis, 1974, 141 p.
22. Packard Humanities Institute CD #7, 1996. *Including Ancient Greek and Byzantine inscriptions and Greek papyri*.

Информация об авторе

Евдокимова А. А. – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Сектора прикладного языкознания Института языкознания РАН, Researcher ID: I-9221-2016.

Author information

Evdokimova A. A. – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Section of applied linguistics of the Institute of Linguistics RAS, Researcher ID: I-9221-2016.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ИЗ ГРОБНИЦЫ 1 ОДНОНЕФНОГО КВАРТАЛЬНОГО ХРАМА НА ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН

Владимир Юрьевич Радочин

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
radochin_v@mail.ru*

Аннотация. Совместная экспедиция Института археологии Крыма РАН и НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского в 2018 г. продолжила многолетние систематические раскопки жилого квартала средневекового городища на плато Эски-Кермен. В ходе планомерного исследования были открыты новые помещения ранее раскопанных средневековых построек, прилегающие к ним участки главной и боковой улиц, а также южная стена однефного храма с пристроенной к ней гробницей 1/2018. Исследователи крымских средневековых христианских памятников отмечают большое разнообразие погребальных традиций, связанных как с конструкциями погребальных сооружений, так и с последующим их использованием. Как правило, большинство средневековых погребальных сооружений на плато Эски-Кермена использовались неоднократно и на протяжении длительного времени. В предлагаемой статье рассматривается антропологический материал, полученный из гробницы 1/2018. Большинство костяков сохранилось в полном анатомическом порядке. Все кости захороненных в гробнице индивидуумов остались в пределах погребального сооружения. Сохранность костных останков можно считать удовлетворительной. Установлен количественный и половозрастной состав погребенных, проведен анализ палеопатологических состояний, отмечен ряд не метрических признаков. Эпигенетические признаки чаще фиксировались на костях черепа, возможно, это обстоятельство связано с сохранностью костей посткраниального скелета. Из патологических проявлений наиболее частыми были заболевания, связанные с зубочелюстным аппаратом. Заболевания опорно-двигательного аппарата отмечались на костях позвоночника и крупных суставах длинных костей рук и ног у всех половозрелых индивидуумов. У одного из погребенных индивидуумов мужского пола отмечены изменения позвоночника, характерные для болезни Форестье. Выявлены патологические изменения, связанные с железodefицитными состояниями, воспалительными процессами, а также изменения костной ткани, связанные с перенапряжением костного аппарата вследствие чрезмерных физических нагрузок. На новом материале отмечен только один случай травматического поражения.

Ключевые слова: Крым, Эски-Кермен, палеоантропология, погребальные сооружения, гробница, патологии, маркеры стресса, spina bifida, болезнь Форестье

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках госзадания № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму». Автор выражает благодарность А. И. Айбабину и Э. А. Хайрединовой за предоставленный для исследования материал.

**PRELIMINARY RESULTS OF THE RESEARCH
OF ANTHROPOLOGICAL MATERIAL FROM TOMB I
OF AN AISLELESS QUARTER CHURCH AT THE PLATEAU
OF ESKI-KERMEN**

Vladimir Yu. Radochin

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Abstract. In 2018, the joint expedition of the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences and the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University continued the long-term systematic excavations of a residential quarter of the mediaeval town located atop of the plateau of Eski-Kermen. The regular research uncovered new rooms in the previously excavated mediaeval buildings with adjacent areas of the main and streets and a wall of a previously unknown church with tomb I annexed to it. The researchers of the mediaeval Christian monuments in the Crimea have paid attention to a great variety of burial traditions connected with constructions of burials and the ways of using them. As a rule, the majority of mediaeval burial constructions at Eski-Kermen plateau were continuously used throughout a long period. The given paper examines the material obtained from tomb I annexed to the wall of an aisleless church. In the tomb under study, there are skeletons of some of the buried persons laying in anatomic order. All the bones of the individuals buried in the tomb occurred within this burial construction. The preservation of bone remains can be evaluated as satisfactory. In the course of work, quantitative and sex-age-related characteristics of the buried persons have been determined; the analysis of palaeopathological conditions has been made; a number of non-metric features has been documented. Epigenetic features more often appeared on the cranium bones; it is possibly connected with the preservation of the bones of postcranial skeletons. Among pathological developments, diseases related with teeth-maxillary apparatus are most common. Diseases of locomotor apparatus have been documented on the bones of vertebral column and big joints of long bones of arms and legs of all sexually mature individuals. Some changes typical of the Forestier disease have been recorded at the backbone of one of the buried male individuals. Pathological changes caused by iron-deficient conditions, inflammatory processes, and changes of osseous tissues connected with physical overexertion of osseous apparatus caused by extreme physical burden have been recorded among those who were buried in tomb I. Only one traumatic lesion has been documented at the new material.

Key words: Crimea, Eski-Kermen, paleoanthropology, burial structures, tomb, pathologies, stress markers, *spina bifida*, Forestier disease

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of the state assignment no. FZEG-2020-0029 “The Byzantine Empire’s Influence on Historical Processes in the Mediaeval Crimea” supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. The author is grateful to A. I. Aibabin and E. A. Khairedinova for the materials provided for his research.

Исследователи крымских средневековых христианских памятников отмечают большое разнообразие погребальных традиций, связанных как с конструкциями погребальных сооружений, так и с последующим их использованием [1, с. 422–425; 3, с. 19–21; 7, с. 27; 8, с. 387–388; 9, с. 91–97; 10, с. 107–108, 115–136, 140; 16, с. 62; 19, с. 84–85]. В 2018 г. в ходе работ совместной экспедиции Института археологии Крыма РАН и НИЦ истории и археологии Крыма Крымского феде-

рального университета им. В.И. Вернадского на плато Эски-Кермен, в квартале 2 открыт однефный храм с пристроенной к южной стене гробницей 1/2018 [2, с. 155–158, 4, с. 21–28]. Пристроенная к южной стене храма, гробница была сложена из крупных известняковых блоков. Сооружение имело прямоугольную в плане форму и было ориентировано по оси восток–запад. Исследователи установили два этапа функционирования погребального сооружения. Первоначально гробница была рассчитана на небольшое количество погребений и имела размеры 2,0x0,65 м. Позднее к уже существующей конструкции пристроили дополнительное пространство с вымосткой и внешними стенами по периметру. Размеры достроенной гробницы составили 2,85x1,25 м. Конструктивные особенности исследованного погребального сооружения подробно рассмотрены и описаны в статье А. И. Айбабина и Э. А. Хайрединовой [4, с. 21–22].

Как правило, большинство средневековых погребальных сооружений на плато Эски-Кермена использовались неоднократно и на протяжении длительного времени. При такой ситуации останки ранее захороненных оставались *in situ*, либо смещались для компактности, нередко кости извлекались для последующего перемещения в костницы. В исследованной гробнице часть погребенных сохранила полный анатомический порядок. Прежде всего, это наиболее ранние погребения в пределах первоначальной конструкции. Несколько костяков из верхних слоев были смещены, при этом полного разрушения скелетов не отмечено, за исключением нескольких детских погребений. Все кости захороненных индивидуумов остались в пределах погребального сооружения. Сохранность костных останков можно считать удовлетворительной. В ряде случаев понадобился ряд реставрационных мероприятий, в особенности для костяков, находящихся в верхних слоях гробницы.

Работа с материалом проводилась по классическим, принятым в отечественной науке методикам, в сочетании с зарубежными программами [5; 6; 30; 31; 32; 35]. В некоторых случаях привлечены методики и программы, разработанные для судебной медицины [20; 29]. При определении возраста погребенных детей учитывалась степень развития зубной системы [32] и костей посткраниального скелета [20]. Определение возраста половозрелых индивидуумов проходило с учетом степени облитерации черепных швов [5], состояния зубной системы, лобкового симфиза и ушковидных поверхностей тазовых костей [35]. Рост погребенных рассчитывался по длине длинных костей скелета (формулы Л. Мануврие, М. Троттера и Г. Глезера, В. П. Алексеева, Й.-В. Й. Найниса). При описании зубного аппарата использована международная двухцифровая система «Виола», принятая FDI в 1971 г. Исследование костных останков на предмет палеопатологических состояний проводилось с применением комплексной методики, разработанной А. П. Бужиловой [12].

В описательной части сохранена нумерация костяков, зафиксированная в отчетной документации. Возможные, в виду сохранности материала, краниологические и остеологические измерения половозрелых индивидуумов представлены в таблицах 1–10.

Костяк 1. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. Кости рук не сохранили анатомического порядка. Череп грацильный, разрушен. Лоб почти прямой. Верхний глазничный край острый. Развитие сосцевидных отростков 0,1 балл. Альвеолярная часть параболическая. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Развитие зубной системы соотносится с 2 годами. Нижняя челюсть грацильная, округлой формы. Подбородочный край выражен слабо. Из костей посткраниального скелета получены кости ребер, позвонков, тазовые кости и длинные кости ног. Возраст погребенного по костям посткраниального скелета соотносится с 2–3 годами. Некоторые измерения костей посткраниального скелета: тазовая кость 12-62 мм, 26-26 мм, бедренная 1-161 мм, большеберцовая 1-130 мм.

Эпигенетические варианты. Добавочные косточки на черепе (suturae lambdaeidea).

Костяк 2. Погребение частично разрушено, совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. Длинные кости рук, тазовые позвонки и бедренные кости не сохранили анатомического порядка. Череп грацильный, разрушен. Угол наклона лобной кости практически прямой. Верхний глазничный край острый. Развитие сосцевидных отростков 0,2 балла. Альвеолярная часть параболическая. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Развитие зубной системы соотносится с возрастом 3 года. Возраст погребенного по костям посткраниального скелета соотносится с 5–6 годами. Некоторые измерения костей посткраниального скелета: лопатка 1-83 мм, 2-55 мм, 7-69 мм, тазовые кости 12-84 мм, 26-33 мм, бедренные 1-220 мм.

Костяк 2а. Погребение практически разрушено. Сохранившиеся *in situ* кости позволяют предположить, что оно было совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. Получены фрагменты черепа, нижняя челюсть, лопатки, ключицы, плечевые, локтевые, бедренные и большеберцовые кости. Череп разрушен. Стенки черепа грацильные, верхний глазничный край острый. Развитие сосцевидных отростков 0,1 балл. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть грацильная, округлой формы. Возраст погребенного 1–1,5 года. Некоторые измерения костей посткраниального скелета: ключица 1-58 мм, плечевая 1-93 мм, локтевая 1-81 мм, лучевая 1-75 мм, бедренная 1-120 мм, большеберцовая 1-100 мм.

Костяк 3. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. Череп не сохранил анатомического положения. Правая рука погребенного была согнута в локтевом суставе, под прямым углом. Левая рука была согнута в локтевом суставе и кости левой кисти перекрывали правую подвздошную кость. Ладонная поверхность левой кисти была обращена к тазовым костям. Положение тела при погребении было свободным.

Череп массивный, разрушен. Лоб умеренно покатый. Развитие сосцевидных отростков 4 балла. Облитерация черепных швов соотносится с 35–40 годами. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости и затылочный

бугор выражены очень хорошо. Нижняя челюсть массивная, округлой формы. Хорошо выражен подбородочный край. Жевательная бугристость выражена средне. Состояние зубной системы соотносится с 30 годами.

Ключицы массивные, с умеренным изгибом и хорошо выраженным рельефом. Верхний край лопатки умеренно наклонный. Суставная впадина лопатки грушевидная. Плечевые кости очень массивные. Дельтовидная бугристость выражена средне. Хорошо выражен гребень большого бугорка. Локтевая и лучевая кости массивные, с хорошо выраженным межкостным краем. Крестец массивный, основание нормальное. Тазовые кости мужские. Состояние лобкового симфиза и ушковидных поверхностей тазовых костей соотносится с возрастом 30–35 лет. Бедренные кости массивные. Хорошо выражены *linia aspera*, пилястр, большие и малые вертелы. Линия камбаловидной мышцы на большеберцовых костях в виде гребня. Хорошо выражены бугристость большеберцовой кости и дистальный гребень. Погребение мужское. Рост погребенного составлял 170–175 см.

Патологии и эпигенетические варианты. Адентия третьих моляров сверху. Рукоятка грудины срослась с телом грудины. Зуб 27 утрачен при жизни. На крестцовых костях отмечена *spina bifida*. Остеофитоз позвонков грудного и поясничного отделов. Незначительный остеофитоз по гребню подвздошных костей и крестцово-подвздошной связке. Энтезопатия пяточных костей.

Костяк 4. Захоронение было совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. Погребение частично разрушено и несколько смещено. Положение длинных костей рук не прослежено. Положение длинных костей ног указывает на перемещение тела до полного истления мягких тканей.

Череп массивный, высокий, брахикранный, сфеноидной формы. Облитерация черепных швов не отмечена. Лоб узкий, плоский. Надбровье 3 балла. Верхний глазничный край округлый. Развитие сосцевидных отростков 4 балла. Затылочное отверстие овальное, среднеширокое. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть массивная, округлой формы, с хорошо выраженным подбородочным краем. Жевательная бугристость выражена средне. Состояние зубной системы соотносится с 30 годами.

Кости посткраниального скелета очень массивные. Ключицы массивные, с хорошо выраженным конусовидным бугорком. Суставная впадина лопатки грушевидной формы. Плечевые кости массивные, с хорошо выраженной дельтовидной бугристостью, большим и малым бугорками. Хорошо выражена переднемедиальная поверхность. Локтевые и лучевые кости очень массивные. Рельеф локтевых и лучевых костей выражен умеренно. Хорошо выражен межкостный край и бугристость лучевых костей. Тазовые кости мужские. Состояние лобкового симфиза и ушковидных поверхностей тазовых костей соотносится с возрастом 30–35 лет. Бедренные кости массивные. Очень хорошо выражены вертелы и *linia aspera*. Пилястр бедренной кости выражен умеренно. Хорошо выражена бугристость большеберцовой кости. Линия камбаловидной мышцы на большеберцовых костях в виде гребня. Мало-

берцовые кости умеренно массивные, с хорошо выраженным рельефом. Погребение мужское. Рост погребенного составлял 173–175 см.

Патологии и эпигенетические варианты. Добавочные косточки на черепе (os suturae lambdoidea). Зуб 47 кариес. Зубы 14–18, 48 утрачены при жизни. Зубной камень. На левой теменной кости отмечена компрессионная травма диаметром 30 мм и глубиной до 3 мм. Поротизация надбровья. Поротический гиперостоз теменных костей. Грудина с анатомическим отверстием. Анкилозирующий диффузный идиопатический скелетный гиперостоз (болезнь Форестье). Окостенение реберно-позвоночных сочленений. Артроз суставных впадин лопаток. Артроз головки и блока правой плечевой кости. На правой и левой локтевых костях отмечена энтезопатия локтевого отростка («локоть дровосека»). Деформация головки левой плечевой кости. Остеофитоз гребня подвздошных костей. Энтезопатия надколенников и пяточных костей. Остеофитоз малоберцовых костей (по всей длине). Остеофитоз поясничных позвонков. Оссифицирующий лигаментоз крестцово-подвздошного сочленения. Энтезопатия бугристости большеберцовых костей.

Костяк 5. Погребение частично разрушено. Захоронение было совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. *In situ* положение сохранили позвонки грудного отдела, правые тазовые кости и длинные кости ног.

Череп массивный, брахикранный, средневысокий, овальный формы. Облитерация черепных швов соотносится с 30–40 годами. Надпереносье 2 балла. Верхний глазничный край округлый. Орбиты высокие. Лоб плоский, узкий. Развитие носовидных отростков 4 балла. Нос средний, передняя носовая ость 5 баллов. Нижний край грушевидного отверстия симметричный, инфантильной формы. Небо узкое. Лицо ортогнатное. Затылочное отверстие широкое, овальной формы. Хорошо выражены рельеф затылочной кости и затылочный бугор. Альвеолярная часть параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 25–30 годами. Нижняя челюсть очень массивная, округлой формы. Хорошо выражены подбородочный край и жевательная бугристость.

Кости посткраниального скелета очень массивные. Рельеф и изгиб ключиц выражены умеренно. Суставная впадина лопатки грушевидной формы. Лопаточная ость первого варианта. Верхний край лопатки умеренно наклонный. Край лопаточной вырезки образует почти окружность. Плечевые кости очень массивные. Хорошо выражены дельтовидная бугристость, большой и малый бугорки. Хорошо выражен межкостный край локтевых и лучевых костей. Основание крестца нормальное. Тазовые кости мужские. Состояние лобкового симфиза и ушковидных поверхностей тазовых костей соотносится с возрастом 30–35 лет. Хорошо выражены вертелы, ягодичная бугристость и *linia aspera* бедренных костей. Линия камбаловидной мышцы большеберцовых костей в виде гребня. Бугристость большеберцовых костей выражена умеренно. Погребение мужское. Рост погребенного составлял 176–180 см.

Патологии и эпигенетические варианты. Добавочные косточки на черепе (os suturae lambdoidea). Мышелковый канал справа открытый, слева закрытый. Васку-

лярные реакции на небной поверхности. Поропитический гиперостоз затылочной кости. Шов по сосцевидному отростку. Костное новообразование в носовых пазухах. Задержка роста 22 зуба. Зубной камень. Зубы 14, 24, 31, 35–38, 43–47 утрачены при жизни. Артроз суставной впадины правой лопатки и блоковидной вырезки правой локтевой кости. На левой локтевой кости отмечена энтезопатия локтевого отростка. Артроз тел шейных позвонков (С3–С5) и основания крестца. Энтезопатия надколенников и пяточных костей.

Костяк 6. Погребение совершено в вытянутом положении на левом боку, головой на запад. Левая рука была согнута в локтевом суставе, кости левой кисти находятся в области левого плечевого сустава. Правая рука была согнута в локтевом суставе под прямым углом, кости правой кисти находятся в области левого локтевого сустава. Ноги погребенного были слегка согнуты в коленных суставах.

Череп частично разрушен, брахикранный, средневысокий, грацильный, пентагоноидной формы. Облитерация черепных швов соотносится с 25–30 годами. Верхний глазничный край острый. Надглазничная вырезка справа открытая, слева закрытая. Лоб узкий, округлый. Лобные бугры выражены средне. Надбровье 0,1 балл. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Незначительная асимметрия черепа. Затылочная кость заметно отступает кзади. Рельеф затылочной кости выражен средне. Затылочное отверстие узкое, ромбическое. Облитерация черепных швов соотносится с 20–30 годами. Альвеолярная часть параболическая, небо широкое. Нижний край грушевидного отверстия симметричный, инфантильной формы. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Хорошо выражен подбородочный край.

Ключицы грацильные, с умеренным изгибом. Суставная впадина лопатки грушевидной формы. Верхний край лопатки умеренно наклонный. Форма лопаточной ости 2 варианта. Лопаточная вырезка 3 варианта. Плечевые кости массивные. Хорошо выражены дельтовидная бугристость, медиальный край и гребень малого бугорка. Локтевые и лучевые кости грацильные. Межкостный край обеих пар выражен средне. Основание крестца нормальное с незначительным искривлением. Тазовые кости женские. Состояние лобкового симфиза и ушковидных поверхностей тазовых костей соотносится с возрастом 25–30 лет. Бедренные кости умеренно массивные. Большой и малый вертелы выражены средне. *Linia aspera*, ягодичная бугристость и пиластр бедренной кости выражены хорошо. Линия камбаловидной мышцы в виде гребня. Бугристость большеберцовой кости выражена умеренно. Малоберцовые кости имеют сильное искривление по вертикальной линии. Погребение женское. Рост погребенной составлял 165–170 см.

Патологии и эпигенетические варианты. Добавочные косточки на черепе (*os suturae lambdoidea*). Проявления отита (слева). Зубы 14–18, 26 утрачены – лунки заросли. Зубы 35–38, 43–44 утрачены незадолго до смерти. Зубы 24–25 разрушены. В области зубов 26, 31 одонтогенный остеомиелит. Васкулярные реакции на небной поверхности. Артроз правого мыщелка нижней челюсти. На правой плечевой кости отмечено межмышечковое отверстие. На нижних грудных позвонках (Т10–Т12) от-

мечены узлы Шморля и краевой остеофитоз тел позвонков. Незначительный остеофитоз по краю ушковидных поверхностей тазовых костей. Энтезопатия надколенников. Остеофитоз малоберцовых костей.

Костяк 7. Погребение не сохранило анатомического порядка. Получен только череп. Кости черепа грацильные, частично разрушены. Развитие сосцевидный отростков 0,1 балл. Верхний глазничный край округлый. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Развитие зубной системы соотносится с 1,5 годами. *Патологии.* Cribra orbitalia. Поротический гиперостоз теменных костей.

Костяк 8. Погребение не сохранило анатомического порядка. Получен только череп. Кости черепа грацильные, частично разрушены. Развитие сосцевидный отростков 0,3 балла. Верхний глазничный край острый. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Развитие зубной системы соотносится с 5–6 годами. *Патологии.* Cribra orbitalia. Поротический гиперостоз теменных костей.

Костяк 9. Погребение частично разрушено. Захоронение было совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. Левая рука была слегка согнута в локтевом суставе, кости левой кисти находятся в области крестцовых костей. Череп грацильный, разрушен. Верхний глазничный край острый. Развитие сосцевидных отростков 0,1 балл. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть треугольной формы. Развитие зубной системы соотносится с 2 годами. Развитие костей посткраниального скелета соотносится с 2–3 годами. Некоторые измерения костей посткраниального скелета: ключица 1-75 мм, лопатка 1-65 мм, 2-50 мм, 7-60 мм, плечевая 1-130 мм, тазовые кости 12-80 мм, 26-32 мм, бедренная 1-160 мм, большеберцовая 1-137 мм, малоберцовая 1-137 мм. *Патологии.* Cribra orbitalia.

Костяк 10. Погребение не сохранило анатомического порядка. Череп разрушен. Фрагменты стенок черепа грацильные со следами посмертной деформации. Возраст погребенного 1–2 года. Некоторые измерения костей посткраниального скелета: плечевая 1-110 мм, локтевая 1-105 мм, лучевая 1-95 мм, ключица 1-65 мм, бедренная 1-136 мм.

Костяк 11. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. При погребении положение тела было свободное. Обе руки были согнуты в локтевых суставах почти под прямым углом, локтевые и лучевые кости обеих рук перекрывают поясничные позвонки.

Череп массивный, резко брахикранный, средневысокий, по форме – асимметричный сфеноид. Облитерация черепных швов соотносится с 45–50 годами. Лоб узкий, округлый. Верхний глазничный край округлый. Надглазничные отверстия открытые. Орбиты высокие. Лицо узкое, ортогнатное. Надпереносье 1 балл. Переденосовая ость 3 балла. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Нос узкий, нижний край грушевидного отверстия симметричный, инфантильной формы. Альвеолярная часть параллельная, из-за утраты зубного ряда, небо широкое. Наружный рельеф затылочной кости выражен умеренно. Затылочное отверстие широкое, кру-

глой формы. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы. Хорошо выражен подбородочный край.

Кости посткраниального скелета очень массивные. Ключицы массивные, с умеренно выраженным изгибом. Хорошо выражен конусовидный бугорок. Суставная впадина лопатки грушевидной формы. Лопаточная вырезка имеет форму отверстия. Плечевые кости массивные, рельеф выражен умеренно. Хорошо выражены гребень дельтовидной бугристости, большие и малые бугорки плечевых костей. Локтевая и лучевая кости массивные, с хорошо выраженным межкостным краем. Бедренные кости массивные. Очень хорошо выражена *linia aspera*, большой и малый вертелы. Ягодичная бугристость и пиластр бедренной кости выражены умеренно. Основание крестца завышенное. Тазовые кости мужские. Состояние лобкового симфиза и ушковидных поверхностей тазовых костей соотносится с возрастом 40–45 лет. Линия камбаловидной мышцы в виде гребня. Бугристость большеберцовой кости выражена хорошо. Погребение мужское. Рост погребенного составил 173 см.

Патологии и эпигенетические варианты. Все зубы на верхней челюсти, кроме зуба 14, утеряны при жизни, лунки заросли. Все зубы на нижней челюсти утрачены при жизни. Деформация правого мыщелка нижней челюсти. Холодовый стресс. Проявления отита (с обеих сторон). Артроз суставной впадины правой лопатки. Остеофитоз тел всех позвонков грудного и поясничного отделов. Спондилёз нижних грудных и поясничных позвонков. Узлы Шморля на грудных и поясничных позвонках. Артроз суставных площадок ребер. Артроз тазобедренного сустава. Энтезопатия надколенников и бугристости большеберцовой кости. Оссифицирующий лигаментоз крестцово-подвздошного сочленения. Деформирующий артроз суставных поверхностей плюсневых и фаланговых костей обеих стоп.

Перемещенные кости. При зачистке гробницы из разных слоев с захоронениями были получены разрозненные кости разрушенных детских погребений. После реставрационных мероприятий удалось установить, что полученный материал соотносится с шестью погребенными детьми в возрасте от 6 месяцев до 5–6 лет: 2 погребенных в возрасте 6 месяцев, 1 погребенный в возрасте 1–1,5 года, 2 погребенных в возрасте 2–3 года и 1 погребенный в возрасте 5–6 лет.

В ходе исследования достоверно установлено, что в гробнице 1/2018 было захоронено 18 индивидуумов, из них 13 – детского возраста, 4 мужского пола и 1 женского. Все зафиксированные *in situ* погребенные, за исключением одного, были похоронены в вытянутом положении на спине, головой на запад. Единственная погребенная в гробнице женщина (костяк б) была похоронена на левом боку. Зафиксированное положение костей указывает на то, что это было именно преднамеренное телоположение на боку, а не смещение костных останков.

Возраст погребенных детей по количественному составу распределился следующим образом: 2 погребенных в возрасте 6 месяцев, 1 погребенный в возрасте 1–2 года, 3 погребенных в возрасте 1,5 года, 5 погребенных в возрасте 2–3 года и 2

погребенных в возрасте 5–6 лет. Возраст погребенных индивидуумов половозрелого возраста мужского пола составил для трех захороненных около 30 лет и одного – 45–50 лет. Единственная захороненная в гробнице женщина была погребена в возрасте 20–30 лет. Конечно, для демографических выкладок этого явно недостаточно, можно лишь отметить, что вновь полученные данные коррелируются с ранее полученными результатами, как для детей, так и для взрослых индивидуумов [23, с. 97–99; 24, с. 124–132; 25, с. 332–347; 26, с. 219–223].

На вновь полученном материале удалось зафиксировать ряд не метрических признаков и патологических изменений.

Эпигенетические признаки у погребенных обоих полов и детей чаще фиксировались на костях черепа. Наиболее часто отмечались добавочные косточки на черепе, реже – зубочелюстные варианты. Такие варианты развития, как межмышцелковые отверстия на плечевых костях, варианты развития грудины и др. отмечены единичными случаями.

Проблемы с зубочелюстным аппаратом, в частности, прижизненная утрата зубов, отмечены у всех взрослых индивидуумов. Зубной камень и кариозные проявления отмечены только у погребенных мужского пола. Зубной камень светло-серого цвета фиксировался преимущественно на лингвальной поверхности зубов. Запущенная форма одонтогенного остеомиелита на верхней и нижней челюстях отмечена у погребенной женщины. Заболевание, очевидно, было связано с разрушениями зубов (26, 31) и, как следствие, инфицированием внутреннего пространства кости.

Поражения костно-суставного аппарата, характерные для артроза, отмечены у 4 погребенных. У погребенной женщины отмечен артроз правого мыщелка нижней челюсти. В двух случаях проявления артроза в крупных суставах костей рук у погребенных мужчин (костяк 4, 5) отмечались сочетанно с маркерами перенапряжения костного аппарата, указывающими на чрезмерные нагрузки на пояс верхних конечностей. Проявления артроза в суставах рук и ног на костяке 11, вероятнее всего, следует отнести к возрастным изменениям организма.

Патологии позвоночника выявлены у всех половозрелых индивидуумов. Чаще других (четыре случая) отмечался остеофитоз тел позвонков. В трех случаях на мужских костяках отмечены изменения в крестцово-подвздошной связке с образованием костного блока, исключающего подвижность сустава.

На мужском костяке 4 отмечено достаточно редкое заболевание, известное как диффузный идиопатический гиперостоз (болезнь Форестье) [28, с. 115–116; 18, с. 143–145; 17, с. 76–79]. Позвонки грудного отдела T1–T8 покрыты напластованием мощной, вновь продуцированной костной ткани. Обычно данное заболевание фиксируется у индивидуумов (чаще мужского пола) в возрасте около 50 лет. В нашем случае патология обнаружена у погребенного в возрасте 30–35 лет. У этого же индивидуума отмечен фиксирующий лигаментоз крестцово-подвздошной связки. Считается, что данная патология может являться дополнительным маркером болезни Форестье. Патологических изменений в шейном отделе позвоночника у этого погре-

бенного не отмечено. К сожалению, однозначного ответа о причинах возникновения данной патологии пока нет, к вероятным относят процессы старения, интоксикации, наследственные факторы.

На нижних грудных позвонках погребенной женщины (костяк 6) отмечены хрящевые узлы (узлы Шморля). Механизм их возникновения определяется изменениями, происходящими в межпозвоночных дисках, с образованием хрящевых узлов, имеющих определенную плотность, которые, в свою очередь, вдавливаются в сегменты смежных позвонков. Узлы Шморля рассматриваются как вариант отклонения от нормы формирования тел позвонков, и потенциально такие позвонки более подвержены возможным дистрофическим процессам [17, с. 107]. Чаще узлы Шморля встречаются у людей пожилого возраста, однако, данная патология на позвонках молодых индивидуумов также не редкость [28, с. 76; 17, с. 106]. Остается устойчивой, но спорной теория, что, обнаруживая такие изменения в позвонках, уместно предполагать чрезмерные физические нагрузки на позвоночный столб или его травматизацию [17, с. 104–108; 15, с. 179–180].

Дегенеративно-дистрофическое заболевание позвоночника, известное как спондилёз, отмечено у одного погребенного на позвонках поясничного отдела L2–L5. Чаще данная патология фиксируется у людей пожилого возраста. Не стал исключением и наш случай, где спондилёз выявлен на костяке преклонного, по меркам средневековья, возраста (костяк 11). Это заболевание характеризуется определенными изменениями в суставных поверхностях тел позвонков и разрастанием остеофитов по краям, ограничивающих подвижность позвоночного столба [28, с. 54–55]. Причины спондилёза могут быть различны: травмы позвоночника, длительные статические нагрузки, ведущие к перенапряжению, остеохондроз [17, с. 60, 65–67]. К провоцирующим факторам относят также переохлаждение или чрезмерные физические нагрузки.

У одного погребенного мужского пола (костяк 3) были отмечены патологические изменения и аномалия развития крестца. Средний крестцовый гребень, закрывающий крестцовый канал позвоночного столба, сформировался с анатомическими нарушениями, известными как *spina bifida*. В нашем случае *spina bifida* локализована на крестцовых костях и выражена неполным зарастиванием крестцового гребня и нарушением формирования дуг на теле крестца (S1). Многие исследователи считают расщепление дужки пятого поясничного и нижележащих позвонков у взрослых вариантом нормы и предлагают разделять вариации аномалии и в каком случае считать данную аномалию патологией [33, с. 115–117].

Поротический гиперостоз костей черепа и его частный случай *cribra orbitalia* фиксировались у 7 индивидуумов (два случая на мужских костяках и остальные на детских). Считается, что поротический гиперостоз возникает как компенсаторная реакция организма на железодефицитные состояния и хронические инфекционные процессы [27, с. 36; 33, с. 350], но на сегодняшний день причина возникновения данной патологии остается дискуссионной [11, с. 21–28]. Существует мнение, что

поротизация может быть вызвана наличием гельминтов в организме или локальными воспалительными процессами [21, с. 206–220; 34, с. 336–338]. Высокий процент фиксации данных патологических изменений принято связывать с общей санитарно-эпидемиологической обстановкой, в особенности в условиях компактного проживания [27, с. 40–41].

На одном мужском костяке в области надпереносья и надорбитальных участках отмечены изменения, характерные для холодового стресса. Подобные проявления в виде «узора апельсиновой корочки» могут свидетельствовать о стрессовых нагрузках на организм вследствие экстремально низких температур или, что более вероятно в нашем случае, длительного пребывания индивидуума в условиях повышенной влажности при низких температурах [13, с. 104–105]. В подтверждение данного предположения может свидетельствовать отмеченная у этого же индивидуума поротизация наружной области слуховых проходов и их сужение. Данные стрессовые маркеры в сочетанном виде ранее уже фиксировались нами на материале из Эски-Кермена, как на мужских, так и на женских черепах [25, с. 336].

Перенапряжение костного аппарата, отмеченное энтезопатиями, фиксировалось на костях всех половозрелых погребенных. В четырех случаях отмечалась энтезопатия пяточных костей в месте прикрепления ахилова сухожилия. У трех погребенных мужского пола энтезопатия пяточных костей была сочетанна с энтезопатией надколенников и еще в одном случае – с энтезопатией бугристости большеберцовой кости, что позволяет говорить о комплексе повышенных нагрузок на пояс нижних конечностей для данных индивидуумов. В двух случаях на мужских костяках отмечалась энтезопатия локтевых отростков. Вполне вероятно, что двигательная активность, повлекшая изменения костной ткани, не подразумевала чрезмерных нагрузок, но могла носить продолжительный характер без чередования с продолжительным отдыхом. Наряду с оценкой общего развития костного рельефа и патологическими проявлениями, локализация и степень выраженности энтезопатии помогают реконструировать двигательную активность индивидуума. При этом важную роль играют индивидуальные особенности костяка в каждом случае.

Проявления воспалительных процессов на костях черепа, характерные для запущенных форм отита, отмечены в двух случаях на мужском (костяк 11) и женском (костяк 6) черепах. Помимо традиционных причин их возникновения, таких как осложнения после респираторных заболеваний, травматические поражения, проблемы гигиены, переохлаждение и т.д., есть мнение, что его причинами может стать плохое состояние зубного аппарата [14, с. 227]. На нашем материале проблемы с зубочелюстным аппаратом и признаки отита также были сочетанны в обоих случаях.

На мужском черепе (костяк 5) отмечено костное новообразование (предположительно остеома), видимое в полости носа. Новообразование повлекло за собой искривление носовой перегородки, что говорит о запущенности заболевания. Причины возникновения данной патологии еще требуют дополнительных исследований, но к вероятным можно отнести наследственные факторы, травматиче-

ские поражения, воспалительные процессы и генетические предрасположенности [22, с. 50]. Нужно сказать, что данная патология отмечается сравнительно часто у индивидуумов обоих полов, погребенных на плато и на склоне Эски-Кермена [25, с. 334–335; 26, с. 222].

Отметим низкую степень травматизма на полученном материале. Нами зафиксирована одна вдавленная травма левой теменной кости мужского черепа (кость 4). Травма имеет следы заживления в центральной части, возможно, имело место разрушение слоя компакты. Вторичных трещин и воспалительных процессов не отмечено. Не взирая на серьезность травмы, можно говорить о благополучном ее исходе.

В заключение можно констатировать, что полученный из гробницы 1/2018 антропологический материал, благодаря своей удовлетворительной сохранности и комплектности, позволил провести не только комплекс метрических мероприятий, но и затронуть вопросы, связанные с палеопатологическими аспектами. Тем не менее, ряд вопросов еще требует дополнительных исследований и специального внимания специалистов смежных дисциплин.

Таблица 1. Индивидуальные краниологические измерения.

Измерения на черепе	№ погребений				
	К.3	К.4	К.5	К.6	К.11
1 продольный диаметр	-	181	180	177	175
8 поперечный диаметр	154	161	160	145	163
9 наименьшая ширина лба	-	103	101	93	100
10 наибольшая ширина лба	-	133	120	132	130
11 ширина основания черепа	131	143	135	121	130
5 длина основания черепа	-	100	111	92	95
16 ширина затылочного отверстия	-	33	33	29	31
7 длина затылочного отверстия	-	39	37	36	34
12 ширина затылка	116	127	118	102	120
17 высотный диаметр	-	150	135	132	130
20 ушная высота	-	133	118	113	119
29 лобная хорда	-	117	109	107	119
30 теменная хорда	-	114	105	115	107
31 затылочная хорда	-	96	95	80	97
26 лобная дуга	-	132	120	130	134
27 теменная дуга	-	128	115	132	115
28 затылочная дуга	-	121	115	94	121
24 поперечная дуга ро-b-ро	-	350	328	331	347
23 горизонтальная окружность через глабеллу	-	557	-	512	541
25 сагитальная дуга п-о	-	391	350	356	370
высота изгиба лба	-	32	25	37	31
высота изгиба затылка	-	28	29	24	30
43 верхняя ширина лица fmt-fmt	-	110	105	100	110
45 скуловой диаметр	-	-	-	-	135
длина скуловой кости	-	-	62	-	62
ширина скуловой кости (по Ву)	-	-	54	-	54
40 длина основания лица	-	-	97	-	85
48 верхняя высота лица	-	-	-	-	66
47 полная высота лица	-	-	-	-	97
46 средняя ширина лица	-	-	-	-	99
60 длина альв. дуги	-	55	51	51	48
61 ширина альв дуги	-	-	64	48	57
62 длина неба	-	41	42	42	42
63 ширина неба	-	-	38	34	35
55 высота носа	-	-	58	-	57
54 ширина носа	-	-	28	-	24
51 ширина орбиты	-	-	38	-	37
52 высота орбиты	-	-	35	-	34
бималлярная ширина fmo-fmo	-	101	95	88	95
высота назиона над fmo-fmo	-	-	18	16	15
высота над субспинале zm-zm	-	-	-	-	23
SC симотическая ширина (57)	-	-	8	-	9
SS симотическая высота	-	-	4	-	4
MC максиллофронтальная ширина (50)	-	-	25	-	25
MS максилловронгальная высота	-	-	10	-	9
DC дакриальная ширина (49a)	-	-	26	-	26
DS дакриальная высота	-	-	12	-	12
глубина клыковой ямки	-	-	11	-	4

Таблица 1 (продолжение)

68 длина нижней челюсти от углов	81	83	90	67	72
70(а) высота ветви нижней челюсти	70	52	77	61	64
69(с) медиальная высота	29	31	32	26	29
65 мыщелковая ширина	-	42	144	121	129
66 угловая ширина	104	-	114	98	106
67 передняя ширина нижней челюсти ml-ml	46	42	57	45	45
71 ширина ветви	31	35	36	26	34
69-1 высота тела P2-M1	31	26	-	-	-
69-2 высота тела M1-M2	29	25	-	-	-
69(3)толщина тела	15	15	16	11	14
79 угол ветви нижней челюсти	107	123	114	117	126
32 угол профиля лба от назиона	-	-	-	-	87
угол профиля лба от глабеллы	-	-	-	-	87
77 назо-молярный угол	-	-	142	141	145
зиго-максиллярный угол	-	-	-	-	130
72 общелицевой угол	-	-	-	-	91
73 средний лицевой угол	-	-	-	-	85
75 угол наклона носовых костей	-	-	-	-	63
75(1) угол выступания носа	-	-	-	-	-
угол выступания подбородка	-	-	-	-	60
74 угол альвеолярной части	-	-	-	-	110
8:1 черепной указатель	-	88,9	88,8	81,9	93,1
17:1 высотно-продольный	-	82,8	74,5	74,5	74,2
17:8 высотно-поперечный	-	93,1	84,3	91,0	79,7
48:45 верхне-лицевой	-	-	-	-	48,8
40:5 выступания лица	-	-	87,3	-	89,4
54:55 носовой	-	-	48,2	-	42,1
9:8 лобно-поперечный	-	63,9	63,1	64,1	61,3
9:10 лобный	-	77,4	84,1	70,4	76,9
9:45 лобно-скуловой	-	-	-	-	74,0
47:45 общий лицевой	-	-	-	-	71,8
MS:MC максиллофронтальный	-	-	40	-	36
DS:DC дакриальный	-	-	46,1	-	46,1
SS:SC симотический	-	-	50	-	44,4
52:51 орбитный	-	-	92,1	-	91,8
26:25 лобно-сагиттальный	-	34,7	32,8	42,6	35,7
27:25 теменно-сагиттальный	-	33,6	31,5	43,2	30,6
28:25 затылочно-сагиттальный	-	31,8	31,5	30,8	32,2
29:26 указатель изгиба лба	-	96,6	90,8	82,3	86,5
31:28 указатель изгиба затылка	-	79,3	82,6	85,1	86,1
28:27 затылочно-теменной указатель	-	94,5	100	71,2	105,2

Таблица 2. Индивидуальные измерения ключиц.

	<i>№ погребений</i>							
	К.3		К.5		К.6		К.11	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
1	155	157	-	156	150	141	132	-
6	37	37	-	40	30	30	37	38
6:1	23,8	23,5	-	25,6	20	21,2	28,0	-

Таблица 3. Индивидуальные измерения лопаток.

	<i>№ погребений</i>									
	К.3		К.4		К.5		К.6		К.11	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
1	176	-	-	-	176	169	-	145	-	-
2	-	-	-	-	111	109	106	102	-	-
7	-	-	-	-	-	136	134	142	-	-
12	42	42	43	48	46	41	41	-	42	43
13	30	30	37	30	35	32	27	26	31	-

Таблица 4. Индивидуальные измерения плечевых костей.

	<i>№ погребений</i>									
	К.3		К.4		К.5		К.6		К.11	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
1	-	332	325	315	335	327	305	296	325	324
5	25	25	25	23	28	27	23	22	24	23
6	23	23	20	18	23	23	18	17	18	18
7	67	67	61	61	68	67	56	55	60	60
4	68	67	68	64	70	68	65	65	58	59
10	50	50	51	48	49	52	43	42	51	51
7:1	-	20,1	18,7	19,6	20,2	20,4	18,3	18,5	18,4	18,5
6:5	92	92	80	78,2	82,1	85,1	78,2	77,2	75	78,2

Таблица 5. Индивидуальные измерения лучевых костей.

	<i>№ погребений</i>									
	К.3		К.4		К.5		К.6		К.11	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
1	-	241	262	-	-	255	229	227	254	247
2	-	231	245	-	-	243	217	216	241	237
3	42	41	51	45	-	47	36	37	40	39
4	-	18	23	-	-	22	16	17	20	18
5	-	13	13	-	-	13	11	10	12	12
5:4	-	72,2	56,5	-	-	59,0	68,7	58,8	60	66,6
3:2	-	17,1	20,8	-	-	19,3	16,5	17,1	16,5	16,4

Таблица 6. Индивидуальные измерения локтевых костей.

	<i>№ погребений</i>									
	К.3		К.4		К.5		К.6		К.11	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
1	-	256	280	-	-	278	259	253	-	263
2	-	235	250	-	-	250	230	225	-	240
3	-	40	42	-	-	40	32	32	40	37
11	16	15	15	-	14	15	12	12	13	14
12	18	20	21	-	20	20	16	16	18	18
13	31	27	29	22	26	29	25	24	27	25
14	30	25	29	25	25	28	22	22	31	22
3:2	-	17,0	16,8	-	-	16	13,9	14,2	-	15,4
11:12	88,8	75	71,4	-	70	75	75	75	72,2	77,7
13:14	103,3	108	100	-	104	103,5	113,6	109,0	87,0	113,6

Таблица 7. Индивидуальные измерения бедренных костей.

	<i>№ погребений</i>									
	К.3		К.4		К.5		К.6		К.11	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
1	455	459	459	465	489	499	423	427	465	472
2	451	456	457	463	487	493	419	423	462	466
21	88	89	87	85	91	91	81	80	81	-
6	31	32	33	33	34	33	26	26	29	30
7	31	31	28	29	27	29	26	23	26	28
8	94	95	95	93	93	96	80	75	86	90
9	38	36	31	31	30	32	30	30	28	32
10	30	27	31	28	31	30	24	22	28	27
13	104	105	97	100	104	106	92	87	96	101
15	38	37	34	37	38	42	34	36	38	41
18	53	52	51	51	55	55	46	42	51	52
29	126	126	140	140	146	146	135	135	141	141
8:2	20,8	20,8	20,7	20,0	19,0	19,4	19,0	17,7	18,6	19,3
6:7	100	103,2	117,8	113,7	125,9	113,7	100	113,0	111,5	107,1
10:9	78,9	75	100	90,3	103,3	93,7	80	73,3	100	84,3

Таблица 8. Индивидуальные измерения надколенников.

	<i>№ погребений</i>									
	К.3		К.4		К.5		К.6		К.11	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
1	-	45	43	45	56	51	41	41	44	45
2	47	45	43	43	53	53	47	-	44	44
1:2	-	100	104,6	100	105,6	96,2	87,2	-	100	102,2

Таблица 9. Индивидуальные измерения большеберцовых костей.

	<i>№ погребений</i>									
	К.3		К.4		К.5		К.6		К.11	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
1	366	370	378	383	390	397	346	344	-	392
1a	375	377	383	388	396	406	350	348	-	395
2	351	355	362	368	377	383	328	329	370	374
3	80	87	81	78	85	85	73	75	74	-
9(a)	26	28	23	26	26	26	25	23	26	25
10(b)	77	77	76	77	81	81	71	70	80	80
10(b):1	21,0	20,8	20,1	20,1	20,7	20,4	20,5	20,3	-	20,4

Таблица 10. Индивидуальные измерения малоберцовых костей.

	<i>№ погребений</i>									
	К.3		К.4		К.5		К.6		К.11	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
1	-	-	-	-	391	-	345	-	-	-
2	-	-	16	16	16	15	15	15	15	-
3	-	-	14	14	13	10	13	13	11	-
4(a)	35	-	41	41	37	36	35	-	-	-
3:2	-	-	87,5	87,5	81,2	66,6	86,6	86,6	73,3	-

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 422–457.
2. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Раскопки на плато Эски-Кермен в 2017 г. // История и археология Крыма. 2018. Вып. VIII. С. 155–158.
3. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Средневековый некрополь у храма «Трех всадников» на склоне плато Эски-Кермен // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Материалы X международного Византийского семинара / Ред. Н.А. Алексеенко. Севастополь, Симферополь, 2018. С. 19–22.
4. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Исследования средневекового городища на плато Эски-Кермен в 2018 г. // История и археология Крыма. 2019. Вып. XI. С. 21–28.
5. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
6. Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 249 с.
7. Бармина Н.И. Мангупская базилика в свете некоторых проблем крымского средневековья // АДСВ. 1995. Вып. 27: Византия и средневековый Крым. С. 77–84.
8. Бармина Н.И., Пономарев Д.Ю. Антропологические особенности погребений некрополя мангупской базилики // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 387–393.
9. Бармина Н.И. Погребальные памятники мангупской базилики // Причерноморье. История, политика, культура. Севастополь, 2017. Вып. XXII (VII). Серия А. С. 91–97.
10. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Шведчикова Т.Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.). М., СПб.: Нестор-История, 2017. 272 с.
11. Бочкарева И.В., Калмина О.А., Иконников Д.С., Исаев И.Н., Андреев К.В., Панюшкина Л.И. Criba orbitalia как показатель железодефицитного состояния // Материалы IV Межрегиональной научной конференции «Актуальные проблемы медицинской науки и образования» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dep_anatom.pnzgu.ru/files/dep_anatom.pnzgu.ru/conference/aktualnye_problemy_meditsinskoy_nauki_i_obrazovaniya_2013.pdf
12. Бужилова А.П. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). М.: ИА РАН, 1995. 189 с.
13. Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований / Ред. А.П. Бужилова, М.В. Козловская, М.Б. Медникова. М.: Новый сад, 1998. С. 87–147.
14. Бужилова А.П. Homo sapiens: история болезни. М.: Языки славянской культуры, 2005. 320 с.
15. Добровольская М.В. Человек и его пища. М.: Научный мир, 2005. 367 с.
16. Иванов А.В. Население «пещерного города» Тепе-Кермен по антропологическим данным // ПИФК. 2010. № 2(28). С. 61–75.
17. Жарков П.Л. Остеохондроз и другие дистрофические изменения позвоночника у взрослых и детей. М.: Медицина, 1994. 240 с.
18. Косинская Н.С. Дегенеративно-дистрофические поражения костносуставного аппарата. Л.: Медгиз, 1961. 196 с.
19. Мастыкова А.В. О погребальных конструкциях средневекового могильника Горзувиты // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма: материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию А.И. Айбабина / Ред. Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антикава, 2019. С. 84–85.
20. Пашкова В.И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М.: Медгиз, 1963. 154 с.
21. Перерва Е.В. Палеопатологические особенности неполовозрелого и подросткового населения среднесарматского времени, погребенного в могильниках Нижнего Поволжья // Genesis: исторические исследования. 2016. № 6. С. 206–220. [Электронный ресурс]. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.6.21304. Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=21304.

22. Перич Б. Остеомы носа и околоносовых пазух (обзор литературы) // Российская ринология. 2016. № 2. С. 50–54. DOI: 10.17116/rosrino201624250-54.
23. Радочин В.Ю. Предварительные результаты исследования антропологического материала из погребений на плато Эски-Кермен (по результатам раскопок 2018 г.) // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма: материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию А.И. Айбабина / Ред. Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антиква, 2019. С. 97–99.
24. Радочин В.Ю. К вопросу о населении Эски-Кермена по материалам раскопок позднесредневековой часовни (антропологический аспект) // Христианство в археологических и письменных источниках. Материалы IX международной научной конференции по церковной археологии / Ред. В.В. Майко, Э.А. Хайрединова, Т.Ю. Яшаева. Симферополь: Антиква, 2020. С. 124–132.
25. Радочин В.Ю. Антропологические материалы из плитовых могил у главной базилики на плато Эски-Кермен // Итоги археологических исследований центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. / Ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антиква, 2021. С. 332–347. (Материалы Эски-Керменской экспедиции. Вып. I).
26. Радочин В.Ю. Предварительные результаты исследования антропологического материала из некрополя у храма «Трех всадников» на склоне плато Эски-Кермен // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Материалы XIII международного Византийского семинара / Ред. Н.А. Алексеев. Симферополь, 2021. С. 219–223.
27. Ражев Д.И. Факторы распространения поротического гиперостоза в средневековых группах Западной Сибири // Вестник МГУ. Серия XXIII. Антропология. 2016. № 1. С. 35–45.
28. Рохлин Д.Г. Болезни древних людей. М.: Наука, 1965. 304 с.
29. Свадковский Б.С. Учебное пособие по судебно-медицинской стоматологии. М.: Медицина, 1974. 175 с.
30. Aufderheide A.C., Rodriguez-Martin C. Human paleopathology. Cambridge University Press, 1998. 478 p.
31. Standards for data collection from human skeletal remains // Arkansas archeological survey research series. Indianapolis, 1994. No. 44.
32. Ubelaker D.H. Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation. Washington, DC: Taraxacum, 1988. 172 p.
33. Vargová L., Horácková L. Interpretation of Palaeopathological Finds // Interdisciplinaria archaeologica. Natural sciences in archaeology. 2010. Vol. I. Issue 1–2. P. 115–120.
34. Wapler U., Crubezy E., Schultz M. Is Cribra Orbitalia Synonymous with Anemia? Analysis and Interpretation of Cranial Pathology in Sudan // American Journal of Physical Anthropology. 2004. Vol. 123. P. 333–339.
35. White T.D., Folkens P.A. The human bone manual. Academic Press, 2005. 488 p.

REFERENCES

1. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Late medieval chapel on Eski-Kermen plateau. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2011, vol. 17, pp. 422–457.
2. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Excavations on Eski-Kermen plateau in 2017. *Istoriia i arkheologiia Kryma* [History and archeology of Crimea], Simferopol, 2018, vol. 8, pp. 155–158.
3. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Medieval Cemetery at the “Three Riders’ Church” on the Slope of Eski-Kermen Plateau. Alekseenko N.A. (ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperia i polis. Materialy X mezhdunarodnogo vizantiiskogo seminara* [10th international byzantine workshop “Chersonos Themata: the empire and the polis”], Sevastopol, Simferopol, 2018, pp. 19–22.
4. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Exploration of the medieval settlement on Eski-Kermen plateau in 2018. *Istoriia i arkheologiia Kryma* [History and archeology of Crimea], Simferopol, 2019, vol. 11, pp. 21–28.

5. Alekseev V.P., Debets G.F. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniï* [Cranio-metry. Anthropological research methodology]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 128 p.
6. Alekseev V.P. *Osteometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniï* [Osteometry. Anthropological research methodology]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 249 p.
7. Barmina N.I. Mangup basilica in the light of some problems of the Crimean Middle Ages. *Antichnaïa drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 1995, vol. 27, pp. 77–84.
8. Barmina N.I., Ponomarev D.Iu. Anthropological features of the burial of the necropolis of the Mangup basilica. *Antichnaïa drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2001, vol. 32, pp. 387–393.
9. Barmina N.I. Funeral monuments of the Mangup basilica. *Prichernomor'e. Istoriia, politika, kul'tura* [Black Sea region. History, politics, culture], Sevastopol, 2017, vol. 22 (7), Seriya A, pp. 91–97.
10. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Shvedchikova T.Iu. *Naselenie Dorosa-Feodoro po rezul'tatam kompleksnogo arkheologo-antropologicheskogo analiza nekropolei Mangupskogo gorodishcha (IV–XVII vv.)* [The population of Doros-Feodoro according to the results of a comprehensive archaeological and anthropological analysis of the necropolises of the Mangup settlement (4th–17th centuries)]. Moscow, St.-Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2017, 272p.
11. Bochkareva I.V., Kalmina O.A., Ikonnikov D.S., Isaev I.N., Andreev K.V., Paniushkina L.I. Cribra orbitalia as an indicator of iron deficiency. *Materialy IV Mezhtsebnogo nauchnoi konferentsii "Aktualnye problemy meditsinskoï nauki i obrazovaniia"* [Materials of the 4th interregional scientific conference "Actual problems of medical science and education"]. URL: https://dep_anatom.pnzgu.ru/files/dep_anatom.pnzgu.ru/conference/aktualnye_problemy_meditsinskoy_nauki_i_obrazovaniya_2013.pdf.
12. Buzhilova A.P. *Drevnee naselenie (paleopatologicheskie aspekty issledovaniia)* [Ancient population (paleopathological aspects of research)]. Moscow, Institute of archeology RAS Publ., 1995, 189 p.
13. Buzhilova A.P. Paleopathology in bioarchaeological reconstructions. Buzhilova A.P., Kozlovskaiia M.V., Mednikova M.B. (eds.), *Istoricheskaïa ekologïia cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniï* [Historical human ecology. Biological research technique], Moscow, Novyi sad Publ., 1998, pp. 87–147.
14. Buzhilova A.P. Homo sapiens: istoriia bolezni [Homo sapiens: case history]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2005, 320 p.
15. Dobrovolskaïa M.V. *Chelovek i ego pishcha* [Man and his food]. Moscow, Nauchnyi mir Publ., 2005, 367 p.
16. Ivanov A.V. Population of the "cave town" Tepe-Kermen for date of anthropology. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies], 2010, no. 2 (28), pp. 61–75.
17. Zharkov P.L. *Osteokhondroz i drugie distroficheskie izmeneniia pozvonochnika u vzroslykh i detei* [Osteochondrosis and other degenerative changes of the spine in adults and children]. Moscow, Meditsina Publ., 1994, 240 p.
18. Kosinskaiia N.S. *Degenerativno-distroficheskie porazheniia kostnosustavnogo apparata* [Degenerative-dystrophic lesions of the osteoarticular apparatus]. Leningrad, Medgiz Publ., 1961, 196 p.
19. Mastykova A.V. Burial structures in the mediaeval cemetery of Gorzubitai. Khairedinova E.A. (ed.), *Problemy istorii i arkheologii srednevekovogo Kryma: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu A.I. Aïbabina* [Aspects of the history and archaeology of mediaeval Crimea. Materials of the international conference dedicated to Aleksandr Aïbabin's 70th birthday anniversary], Simferopol, Antikva Publ., 2019, pp. 84–85.
20. Pashkova V.I. *Ocherki sudebno-meditsinskoï osteologii* [Sketches of forensic osteology]. Moscow, Medgiz Publ., 1963, 154 p.
21. Pererva E.V. Paleopathological features of the immature and adolescent population of the Middle Sarmatian time, buried in the burial grounds of the Lower Volga region. *Genesis: istoricheskie issledovaniia* [Genesis: historical research]. 2016, no. 6, pp. 206–220. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=21304.
22. Perich B. Osteomas of the nose and paranasal sinuses: A review of literature. *Rossiiskaïa rinologïia* [Russian rhinology], 2016, no. 2, pp. 50–54.
23. Radochin V.Iu. Preliminary results of researches of palaeoanthropological materials from the graves in Eski-Kermen plateau (according to 2018 excavations). Khairedinova E.A. (ed.), *Problemy istorii i*

- arkheologii srednevekovogo Kryma: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu A.I. Aibabina* [Aspects of the history and archaeology of mediaeval Crimea. Materials of the international conference dedicated to Aleksandr Aibabin's 70th birthday anniversary], Simferopol, Antikva Publ., 2019, pp. 97–99.
24. Radochin V.Iu. To the question of the population of Eski-Kermen based on materials from the excavations of a late medieval chapel (anthropological aspect). Maiko V.V., Khairedinova E.A., Iashaeva T.Iu. (eds.), *Khristianstvo v arkheologicheskikh i pis'mennykh istochnikakh. Materialy IX mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po tserkovnoi arkheologii* [Christianity in archaeological and written sources. Proceedings of the 9th international scientific conference on church archeology], Simferopol, Antikva Publ., 2020, pp. 124–132.
 25. Radochin V.Iu. Anthropological materials from slab graves near the main basilica on the Eski-Kermen plateau. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. (eds.), *Itogi arkheologicheskikh issledovaniy tsentral'noi chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2018–2020 gg.* [Results of archaeological research of the central part of the city on the Eski-Kermen plateau in 2018–2020], Simferopol, Antikva Publ., 2021, pp. 332–347.
 26. Radochin V.Iu. Preliminary results of the researches of the palaeoanthropological materials from the cemetery near the three Holy Riders' Church at the plateau of Eski-Kermen. Alekseenko N.A. (ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperia i polis. Materialy XIII mezhdunarodnogo vizantiiskogo seminaru* [13th international Byzantine workshop "Chersonos Themata: the empire and the polis"], Simferopol, 2021, pp. 219–223.
 27. Razhev D.I. Reasons for the spread of porotic hyperostosis in medieval populations of Western Siberia. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria XXIII. Antropologia* [Bulletin of Moscow University. Anthropology], 2016, no. 1, pp. 35–45.
 28. Rokhlin D.G. *Bolezni drevnikh liudei* [Diseases of ancient people]. Moscow, Nauka Publ., 1965, 304 p.
 29. Svadkovskii B.S. *Uchebnoe posobie po sudebno-meditsinskoj stomatologii* [Textbook of forensic dentistry]. Moscow, Meditsina Publ., 1974, 175 p.
 30. Aufderheide A.C., Rodriguez-Martin C. *Human paleopathology*. Cambridge University Press, 1998, 478 p.
 31. Standards for data collection from human skeletal remains. *Arkansas archeological survey research series*, Indianapolis, 1994, no. 44.
 32. Ubelaker D.H. *Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation*. Washington, DC, Taraxacum, 1988, 172 p.
 33. Vargová L., Horáčková L., Interpretation of Palaeopathological Finds. *Interdisciplinaria archaeologica. Natural sciences in archaeology*, 2010, vol. I, issue 1–2, pp. 115–120.
 34. Wapler U., Crubezy E., Schultz M. Is Cribra Orbitalia Synonymous with Anemia? Analysis and Interpretation of Cranial Pathology in Sudan. *American journal of physical anthropology*, 2004, vol. 123, pp. 333–339.
 35. White T.D., Folkens P.A. *The human bone manual*. Academic Press, 2005, 488 p.

Информация об авторе

Радочин В. Ю. – старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: ААН-7490-2019.

Author information

Radochin V. Yu. – Senior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: ААН-7490-2019.

DOI: <https://doi.org/10.37279/2413-189X.2021.26.205-228>

КОЛЬЦА И ПЕРСТНИ XII–XIV ВВ. ИЗ ЭСКИ-КЕРМЕНА

Эльзара Айдеровна Хайрединова

*Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
khairedinovaz@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1362-757X>*

Аннотация. В научный оборот вводятся кольца и перстни, найденные на плато Эски-Кермен в ходе раскопок последних лет. Найденные в усадьбах и в погребениях из храмов в кварталах I и II перстни и кольца XII–XIII вв. – небогатые, выполненные из бронзы, простые в декоре украшения, относящиеся к изделиям византийского круга. Часто такие украшения носились взрослыми женщинами парой или набором из трех экземпляров. Украшения рук XIV в. представлены только перстнями, часть из которых можно отнести к изделиям византийского круга, часть – к продукции сельджукских мастеров. Преобладают дорогие, выполненные из серебра или золота украшения. Разница в ассортименте украшений XII–XIII вв. и XIV в. объясняется не только сменой моды, но и различием в социальной принадлежности жителей разных районов провинциального города. В кварталах I и II, откуда происходят только бронзовые украшения, в XII–XIII вв. жили рядовые горожане. На участке перед базиликой, в центре города, в XIV в. в плитовых могилах, где найдены серебряные и золотые перстни, хоронили представители богатых семейств. В XIV в. перстни были принадлежностью женского и детского уборов. Молодые женщины, 18–20 и 19–25 лет, носили перстни по одному – на безымянном пальце правой руки, женщины постарше, 30–35 лет, украшали левую руку набором из двух перстней, выполненных в едином стиле. Девочки носили только по одному перстню на среднем пальце левой руки. Специальных перстней для детей не существовало, для них переделывались украшения взрослых.

Ключевые слова: Византия, Юго-Западный Крым, город на плато Эски-Кермен, кольца, перстни

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время».

THE TWELFTH-FOURTEENTH-CENTURY FINGER-RINGS AND SIGNET-RINGS FROM ESKI-KERMEN

Elzara A. Khairedinova

Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia

Abstract. This paper introduces into the scholarship finger-rings and signet-rings discovered on the plateau of Eski-Kermen during the excavations in recent years. The twelfth- and thirteenth-century finger- and signet-rings uncovered in the churches in quarters I and II were modest bronze ornaments

of featuring décor belonging to the group of Byzantine-circle artefacts. Adult women often wore a pair or a set of three pieces of the ornaments of the kind. The fourteenth-century hand ornaments comprise only signet-rings, partially attributable to the Byzantine circle and partially to the artefacts made by Seljuk artisans. Predominant were expensive ornaments of silver or gold. The difference between the assortment of ornaments from the twelfth and thirteenth centuries and those from the fourteenth century can be explained not only by the change of fashion, but also by the different social status of those who lived in various districts of the provincial town. In the twelfth and thirteenth centuries, only the ordinary townspeople lived in quarters I and II, where only the bronze ornaments originate from. In the fourteenth century, the members of wealthy families were buried into slabbed graves located in the area in front of the basilica in the town centre, where silver and gold signet-rings were found. In the fourteenth century, signet-rings made a part of women's and children's attire. Young women, 18–20 and 19–25 years old, wore one signet-ring at once, on the fourth finger of the right hand; older women, 30–35 years old, decorated their left hand with a set of two signet-rings made in the same style. Young girls wore only one signet-ring on the third finger of the left hand. There were no signet-rings specially made for children: they got reshaped adults' ornaments.

Key words: Byzantium, south-western Crimea, town atop the plateau of Eski-Kermen, finger-rings, signet-rings

Acknowledgments: This study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 20-18-00076 “The Evolution of the Towns on the Inner Ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages and Modern Period.”

В ходе раскопок последних лет на территории города на плато Эски-Кермен в постройках и погребальных сооружениях XII–XIII вв. из кварталов I и II (рис. 1,1–5), а также в плитовых могилах XIV в. перед главной базиликой (рис. 1,6–11) обнаружено четыре кольца и девять перстней. В предлагаемой работе в научный оборот вводятся новые находки, обосновывается их датировка, выявляется круг аналогий и дается культурно-историческая атрибуция. Положение почти всех перстней и колец, выявленных в могилах, зафиксировано *in situ*, что позволяет реконструировать способы их ношения и высказать наблюдения об особенностях использования у представителей разных возрастных групп. По форме и способу изготовления перстни и кольца из Эски-Кермена можно разделить на шесть групп: 1 – пластинчатые кольца (рис. 1,1); 2 – литые кольца (рис. 1,2); 3 – цельнолитые перстни с плоским щитком (рис. 1,5–7); 4 – цельнолитые перстни с многоугольным щитком (рис. 1,3,4); 5 – цельнолитые перстни с фигурным щитком с рельефным декором (рис. 1,8,9); 6 – перстни с напаянным цилиндрическим гнездом со вставкой (рис. 1,10,11).

1. Пластинчатые кольца

В могиле 12/2020 из притвора однефного храма в квартале II обнаружена пара бронзовых колец из гладкой узкой пластины с заходящими друг за друга концами (рис. 1,1). Одно кольцо, диаметром 2,0 см, сделано из пластины шириной 0,5 см (рис. 2,1), второе, размером 1,9х2,4 см, – из слегка расширяющейся в центральной части пластины шириной 0,5–0,8 см (рис. 2,2). Могила 12/2020 относится к ранним погребальным сооружениям, высеченным в скальном полу в центральной части притвора храма, построенного на рубеже X–XI вв. [4, с. 318–322, ил. 5,9–12]. Из за-

полнения могил извлечены обломки амфор класса 36/ХК-95 второй половины IX – XI в., класса 43/ХК-95 (Günseñin II) второй половины X – XI в., коричневоглиняных высокогорлых кувшинов класса 41/ХК-95 конца IX – XI в. и белоглиняного сосуда открытой формы с желтой глазурью византийского производства X–XIII вв.¹ В этих могилах хоронили на протяжении XI–XII вв., в каждой зафиксировано не менее 44–54 костяков. В XIII в. могилы были перекрыты глиняным полом. В могиле 12/2020 пластинчатые кольца зачищены в одном из поздних захоронений (слой 2, костяк 14; рис. 2, II), совершенных, скорее всего, в XII в.

Простые в исполнении пластинчатые кольца с заходящими друг за друга концами известны с ранневизантийского времени. Их носили жители византийских крепостей в Подунавье [57, Taf. 124,9,10] и городов Италии и Малой Азии [51, Taf. 116,6; 50, S. 80, Kat. Nr. S196, Taf. 28]. В Юго-Западном Крыму пара подобных колец найдена в Скалистом, в склепе 500, в погребении женщины 30–35 лет с инвентарем VII в. [11, с. 125–126, рис. 92,26,27] и в так называемом Симеизском склепе 1955 г. – вместе с вещами VII–XIII вв. [27, с. 126, 143, рис. 3, кат. 36–37].

В X–XII вв. аналогичные украшения пользовались популярностью на широкой территории и у многих народов. Они найдены в погребениях этого времени на византийских некрополях в Коринфе [42, р. 241–242, type K, pl. 105,1915,1916,1920] и Ясоче [36, р. 193, 209, pl. 7,t.202], в захоронениях болгар [12, с. 47, 187, 200, тип I.3, обр. 57,7,8; 70], венгров [49, tabl. 39,4; 111,5,6; 168,10,11; 177,14; 184,9; 188,3,10; 242,2; 242,8,9; 245,2; 254,11; 279,5,6; 286,1; 302,2], в Древней Руси [18, с. 488–489, рис. 2,6,7, цв. вкл. 12,6,7].

Многие кольца украшены циркульным орнаментом или прямыми линиями, зигзагами, спиралями, выполненными пуансонными точками или мелкими черточками [49, tabl. 104,2,3; 151,6,9; 154,8; 158,1; 173,14–16; 189,5; 242,9; 254,11; 12, с. 47, 187, 200, тип I.3, обр. 57,7,8; 70]. На кольце X–XII вв. из Венгрии тонкими черточками нанесены знаки, имитирующие надпись [49, tabl. 234,14]. На поверхности одного из византийских колец X–XI вв. из некрополя на акрополе Коринфа выгравированы первые слова псалма 90 [42, р. 241–242, fig. 47, pl. 105,1915]. Издревле этот текст имел репутацию мощного отвращающего беду средства, отдельные цитаты из него размещали на косяках окон и дверей, на стенах жилых помещений и могил, а начальные слова часто гравировали на браслетах-амулетах и подвесках-куллонах со святым всадником для защиты носящего от всяких бед [45, р. 575–579; 29, с. 158]. Строки псалма, нанесенные на перстень, должны были наделять украшение защитной силой и превратить в амулет.

В погребениях пластинчатые кольца часто находятся парой. Так, в венгерских могильниках Хайдусобосло-Аркошалом (Hajdúszoboszló-Árkoshalom) и Пюшпёкладань (Püspökladány-Eperjesvölgy) в захоронениях X–XI вв. ребенка 6–8 лет и женщин 17–20 и 31–36 лет кольца лежали по одному на безымянных пальцах каждой

¹ Керамика определена А. В. Смокотиной, старшим научным сотрудником НИЦ истории и археологии Крыма КФУ имени В.И. Вернадского и И. Б. Тесленко, старшим научным сотрудником Института археологии Крыма РАН. Классы амфор даны по Херсонесской классификации 1995 г. [25].

руки [49, S. 75, 152, кер. 92, 98, tabl. 46,5,6; 168,10,11; 184,9]. В погребении славянского воина конца X – середины XI в. из Подгорцев (летописный Плеснеск) на костях правой руки лежало кольцо из золотой пластины, а на костях левой руки – подобное кольцо, изготовленное из широкой серебряной ленты [18, с. 488–489, рис. 2,6,7, цв. вкл. 12,6,7]. На плато Эски-Кермен, в храме из квартала II женщину, умершую в возрасте 30–35 лет², также похоронили с двумя пластинчатыми кольцами, надетыми на средний палец левой руки и на безымянный палец правой руки (рис. 2, I, III). Видимо, таким же образом украшения носились женщиной при жизни.

2. Литые кольца

В квартале I, в костнице под апсидой часовни и в подвале 1 усадьбы 4 найдены бронзовые кольца, целиком отлитые в двусторонней форме (рис. 1,2). Кольцо из костницы – гладкое, полуовальное в поперечном сечении, его размер 2,0x2,2 см, толщина – 0,35 см (рис. 3,4). Кольца из подвала 1 отлиты с ребром на внешней стороне и имеют подромбическое поперечное сечение; диаметр колец по внешнему краю – 2,4 и 2,5 см, внутри – 1,7–1,8 см, толщина – 0,4–0,5 см (рис. 3, I, 2). В костнице под апсидой часовни кольцо обнаружено среди костей из не менее 120 погребений, вместе с инвентарем X–XIII вв. (рис. 3,4) [4, с. 425–427, рис. 19–20], а в подвале 1 пара колец найдена вместе с перстнем (рис. 3, I–3) среди костей женщины, прятавшейся здесь и погибшей от пожара во время набега войск Ногая в 1299 г.

Цельнолитые кольца – самое простое украшение рук, известное с древнейших времен. Подобные изделия были широко распространены на территории Восточной Римской империи, их находки известны как в слоях ранневизантийского времени [41, р. 149–150, pl. 44,431–432; 59, р. 132–133, Cat. Nr. 857, 866, pl. 49,857,866; 40, р. 80, pl. XV,738], так и в погребениях XI–XII вв. [36, р. 193, 203, pl. 1,t.40] и XIII–XIV вв. [33, р. 77, 78, fig. 7]. В Царичин Граде и в Сардах найдены каменные литейные формы для производства таких колец [59, р. 143, Cat. Nr. 952, pl. 54,952; 40, р. 155, pl. XXXII,1398]. Находки однотипных колец, датированных XIII в., известны на сельджукских памятниках из Юго-Западной Анатолии [60, р. 1549, tipe 1, Şek. 3, foto 2].

Цельнолитые кольца пользовались популярностью в Древней Руси во второй половине X – XII в. [23, с. 53–54, тип 3, рис. 1,6]. На территории Болгарии этот тип украшений бытовал на протяжении VIII–XII вв., однако большинство его находок связано с комплексами XI в. [12, с. 47, 187, 200, тип I.1, обр. 57,1; 70].

В Юго-Западном Крыму цельнолитые кольца известны с раннесредневекового времени. Похожее кольцо обнаружено в могильнике у с. Лучистое, в склепе 35, вместе с инвентарем VII в. [2, с. 232, табл. 98,7]. Более поздние экземпляры происходят с Мангула [10, с. 423, рис. 4,а] и из Херсона [9, с. 87, рис. 53]. В Херсоне найдено и несколько литейных форм для отливки сплошных колец, что свидетельствует о местном массовом производстве этого типа украшений в средневековое время [31, рис. 178,2,6,8,9].

² Исследования антропологического материала из раскопок на плато Эски-Кермен выполнены В. Ю. Радчиным, старшим научным сотрудником НИЦ истории и археологии Крыма КФУ имени В.И. Вернадского.

Следует отметить, что литые бронзовые кольца могли использоваться не только в качестве украшений для рук, но и в качестве поясных деталей – для соединения портупейных или вспомогательных поясных ремней, либо в качестве поясного кольца, к которому подвешивали нож или сумочку [41, р. 149; 28, с. 161–162].

3. Цельнолитые перстни с плоским щитком

На плато Эски-Кермен найдено три литых перстня с плоским щитком, составляющим единое целое с шинкой. Один перстень обнаружен на второй поперечной улице, разделявшей кварталы I и II, рядом с помещением 3 усадьбы 4, в слое разрушения конца XIII в. (рис. 1,5). Два перстня выявлены в плитовых могилах в центральной части города, перед главной базиликой (рис. 1,6,7). Некрополь с плитовыми могилами функционировал в XIV в. Могилы впущены в слой разрушения конца XIII в., а в некоторых погребениях найдены золотые серьги в виде знака вопроса, серебряная монета хана Узбека выпуска 1320–1341 гг. и кувшины группы Юго-Западный Крым [30, с. 39, рис. 36,3; 37,1; 37,4,6; 5, с. 33, рис. 1].

Перстень XIII в., обнаруженный на второй поперечной улице, отлит из бронзы с сегментовидной в сечении шинкой и плоским широким округлым щитком с треугольными боковыми сторонами (рис. 4,1). Размер перстня 2,2x2,3 см, внутренний диаметр 1,8 см, размер щитка 1,5x1,6 см. От изображения на поверхности щитка сохранились только многочисленные мелкие точки, нанесенные инструментом с заостренной рабочей частью (рис. 4,1a). По форме и декору перстень относится к группе византийских украшений XI–XIII вв., распространенных в Малой Азии и на Балканах [42, р. 238, 243, Type G, L, Cat. No. 1872, 1932, 1933, pl. 104–105; 56, р. 126–129; 50, S. 63, Kat. Nr. S108, Taf. 22, Farbtaf. 21]. На плоских овальных или круглых щитках большинства этих цельнолитых перстней в одинаковой манере изображались птицы, лики святых или пентальфа. Их контуры прочерчивались врезной линией, тогда как фон, а зачастую и сама фигура заполнялись точками. Такая техника нанесения изображения – с точечным фоном для оттенения гравированных фигур и знаков, в целом характерна для византийской и восточной тюркской культуры XI–XIII вв. [13, с. 129; 35, Cat. Nr. 262]. На щитках некоторых перстней этого типа встречаются выгравированные надписи на греческом языке «Господи, помоги Евдокии» и «Господи, помоги носящему», взятые в рамку из точек, нанесенных пунсоном по контуру [54, р. 130, 132, Cat. Nr. 18, 19, fig. 33–36]. Отметим, что изображения (птицы, лики святых, пентальфа) и надписи на названных перстнях служили не для декора, а имели защитный характер, что позволяет рассматривать этот тип украшений еще и в качестве амулета.

Перстень из плитовой могилы 1/2018 XIV в. (рис. 4,2) сделан из сплава, содержащего 70,08% серебра, 28,61% меди и небольшие примеси свинца (1,07%) и цинка (0,24%)³. Шинка перстня – пластинчатая, ее диаметр по внешнему краю 2,0 см,

³ Исследование элементного состава металла публикуемых перстней выполнено А. В. Антипенко, младшим научным сотрудником НИЦ истории и археологии Крыма КФУ имени В.И. Вернадского, на рентгенофлуоресцентном спектрометре Bruker M1 Mistral с ускоряющим напряжением 50 kV.

внутри – 1,7 см. На овальном щитке размером 1,0x1,2 см прорезан стилизованный растительный орнамент. Узор, размещенный на небольшом пространстве, детально проработан. Щиток разделен двумя поперечными полосами на три части (рис. 4,2б). Центральная – в виде вытянутого прямоугольника, полностью заполнена изогнутым стеблем с трехлепестковой полупальметтой и расположенным у ее основания завитком-усиком. В боковых, треугольных частях щитка помещены трилистники (рис. 4,2а,б).

По форме перстень аналогичен византийским украшениям, бытовавшим в X–XIII вв. в Малой Азии [50, S. 59, 64, 79, Kat. Nr. S88, S112, S190, Taf. 20, 22, Farbtaf. 19, 21, 26] и на Балканах [42, p. 243–244, Type L, Cat. No. 1937, 1939, 1942, pl. 105–106]. По декору он близок привезенным, скорее всего, из Малой Азии перстням XIV в., найденным якобы в окрестностях Солхата (рис. 4,3) [17, с. 143–145, ил. 3–4], и деталям поясного набора этого же времени из погребения 482 в центральном нефе большой трехнефной базилики Мангуа (рис. 4,4,5) [15, с. 391–393, кат. № 299]. На всех названных изделиях в единой манере изображены стебли с полупальметтами и завитками-усиками, а также трилистники с центральным листом ромбической формы. Одинаково скомпонованы и отдельные элементы декора: на перстнях из Эски-Кермена и окрестностей Солхата трилистники вписаны в небольшое боковое пространство щитка (рис. 4,2а,3).

Расположение орнаментальных мотивов на публикуемом перстне повторяет декоративную композицию на богатых византийских перстнях с многоугольными щитками XII–XIII вв., поверхность которых разделена поперечными врезными линиями на три части. В центре золотого перстня из Художественного музея Уолтерса выгравирована греческая надпись, а на боковых частях треугольной формы – трилистники, обращенные, как и на перстне из Эски-Кермена, острием к краю щитка [58, p. 37, 40, fig. 17]. На перстнях из Керчи, из плитовой могилы около церкви Иоанна Предтечи [20, с. 372, рис. 17,1] и из клада, найденного в Фессалониках [37, pl. 28, Cat. No. 15] центральное поле заполнено стеблем с полупальметтами, а боковые – симметрично расположенными растительными мотивами. Такие же декоративные мотивы, разделенные узкими поперечными полосами, присутствуют в византийской рукописной орнаментике XII–XIII вв. [13, с. 215–217, 220, илл. 348, 353; 56, p. 226]. Отмеченные особенности формы и декора перстня из Эски-Кермена позволяют отнести его к продукции византийских ювелиров или мастеров, хорошо знавших традиции византийского художественного ремесла.

В могиле 1/2018 перстень лежал в погребении женщины 19–25 лет, в области пояса, среди переворошенных костей правой руки [30, с. 49, 52, рис. 25,III; 28,4].

Перстень из могилы 9/2021 XIV в. (рис. 4,6) отлит из высокопробного серебра с сегментовидной в сечении шинкой, в центральной части переходящей в эллипсовидный, сильно вытянутый щиток, на плоской поверхности которого в овальной рамке выгравированы расположенные в три строки знаки (надпись на арабском языке или ее имитация?) (рис. 4,6а). В углублениях, оставленных резцом при нанесении зна-

ков, сохранились следы позолоты. Диаметр перстня по внешнему краю 1,9х2,0 см, внутри – 1,5 см, размер щитка 0,8х1,5 см.

Форма перстня со слегка расширяющейся центральной частью – универсальная, существовавшая с ранневизантийского времени [42, р. 229, 237, Type G, Cat. No. 1850, 1851, 1855, 1856, pl. 103; 50, S. 56–57, Kat. Nr. S78, Taf. 19, Farbtaf. 19]. Форма щитка, подчеркнутая врезной линией, повторяет щитки перстней в форме рыбы – оберега, популярного на мусульманском Востоке в предмонгольское и монгольское время. Часто оберегающая функция таких перстней усиливалась стилизованной арабской надписью [24, с. 378, кат. № 210]. Такие же перстни с вытянутым эллипсовидным щитком с благожелательными арабскими надписями или их имитацией пользовались популярностью на Юго-Западе Турции в XIII–XV вв., где их распространение связывают с сельджукским и османским присутствием [48, р. 238–239]

В могиле 9/2021 перстень выявлен в погребении ребенка 7–8 лет, среди костей левой руки. Судя по размерам, перстень предназначался для взрослого человека, но был специально уменьшен до размера тонких детских пальцев. Для этого шинка перстня в нижней части была разломана и сдавлена (рис. 4,6б).

4. Цельнолитые перстни с многоугольным щитком

В квартале 1 найдено два бронзовых перстня, отлитых с сегментовидной в сечении шинкой и высоким октогональным щитком с вогнутыми сторонами (рис. 1,3,4). В месте перехода шинки в щиток с обеих сторон сделано по небольшому углублению. Один перстень зачищен в костнице под апсидой часовни, среди костей из не менее 120 погребений, вместе с инвентарем X–XIII вв. [4, с. 451, рис. 19,1]. На его щитке видны врезные линии и небольшие углубления от разрушенного коррозией декора (рис. 3,5). Диаметр перстня по внешнему краю 2,2 см, внутри – 1,8 см, размер щитка 1,2х1,5 см, толщина – 0,4 см. Похожий по форме и пропорциям щитка перстень с неясным, по причине плохой сохранности, изображением происходит из Коринфа, из слоя X–XI вв. [42, р. 240, Cat. No. 1895, pl. 104].

Второй перстень (рис. 3,3) обнаружен в подвале 1 усадьбы 4, в слое разрушения конца XIII в. Его диаметр по внешнему краю – 2,2 см, внутри – 1,8 см, размер щитка 1,4х1,5 см, толщина 0,3–0,4 см. По контуру щиток обведен врезной линией, в центре – выгравировано стилизованное изображение птицы вправо (рис. 3,3а). Голова и туловище птицы переданы двумя круглыми углублениями, сложенное крыло – вытянутым треугольником, на завершении которого прочерчена изогнутая линия с утолщением на завершении, изображающая, вероятно, поднятый хвост. Ноги отсутствуют, а клюв из-за качества изображения только угадывается. Ближайшими аналогиями публикуемой находке являются бронзовые перстни XIII в. со стилизованным изображением птицы, происходящие из Центрального района Херсона (рис. 3,6) [55, р. 246, 533, Cat. Nr. 214] и из Древнего Армавира (Армения) [6, с. 343, 445, табл. 159,33]. Перстни из Херсона и Эски-Кермена (рис. 3,3,б) практически идентичны по размерам, форме и изображению на щитке. Скорее всего, они были сделаны в одной мастерской.

Подобные по форме щитка цельнолитые бронзовые перстни XIII в., отличающиеся декором, найдены в сельджукском дворце Кубад-Абад из Юго-Западной Анатолии [60, p. 1549, 1558, type 2, Şek. 4, foto 5] и в Херсоне [55, p. 532, Cat. Nr. 212], Перстень из Турции украшен растительным, а из Херсона – геометрическим гравированным орнаментом. Помимо перечисленных бронзовых перстней, являвшихся массовой продукцией, рассчитанной на небогатого потребителя, в XIII в. бытовали и дорогие византийские золотые перстни с высоким октогональным щитком, изготовлявшиеся ювелирами по индивидуальному заказу. Речь идет о трех перстнях, хранящихся в коллекциях Национального археологического музея в Афинах, в Британском музее и Метрополитен-музее. Щиток перстня из Афин украшен изображением женской головки в рамке из растительного декора [37, p. 221, 227, pl. 7, 8]. На щитке перстня из Британского музея, происходящего, вероятно, из Мистры, выгравирована монограмма имени Мануил [39, p. 45–46, Cat. Nr. 15; 37, p. 221, pl. 35]. Судя по надписи «Печать Михаила Зориана», прорезанной в зеркальном отображении, перстень из Метрополитен-музея использовался в качестве личной печати [39, p. 46, Cat. Nr. 16].

По приведенным аналогиям очевидно, что публикуемые перстни с выступающим октогональным щитком из Эски-Кермена относятся к изделиям византийского круга. Обратим внимание на особенность изображения птицы на перстнях из Эски-Кермен и Херсона. Она представлена с поднятым хвостом, обозначенным одной врезной линией. Подобным образом птица выгравирована на овальном щитке бронзового перстня, найденного в окрестностях Судака, в урочище Димитраки – в одной из могил XIII в. около храма в монастыре [8, с. 610–612, рис. 12,9]. Изображение на небольших щитках бронзовых перстней выполнено схематично и по нему невозможно определить вид птицы.

Птица с поднятым хвостом – мотив, обычный в искусстве Ирана X–XIII вв. [21, с. 163, рис. 144], который, судя по изображениям на серебряных сосудах XI–XII вв. и браслете из коллекции Г. Шлюмберже XII–XIII вв., был заимствован византийскими ювелирами и торевтами [7, с. 61, рис. 50; 13, с. 97, 99, 272, 274, ил. 151, 162, 387; 16, с. 72, рис. 16]. Похожее изображение шагающей птицы с высоким поднятым хвостом можно увидеть на хранящейся в Музее Виктории и Альберта серебряной амулетнице XII–XIII вв., считающейся византийского [53, p. 31–32, fig. 12; 13, с. 273–274, ил. 389] или восточного происхождения [21, с. 163]. Исследователями неоднократно отмечалось защитное значение изображения птицы, которое в X–XIII вв. помещали не только на украшениях, металлических сосудах, но и на тканях и керамической поливной посуде, использовавшейся в повседневной жизни [13, с. 202–204; 12, с. 64].

5. Цельнолитые перстни с фигурным щитком с рельефным декором

В плитовой могиле 6/2020 XIV в., расположенной перед главной базиликой, зачищено два свинцовых перстня, выполненных в единой технике (рис. 1,8,9). Они целиком отлиты в разъемной форме: на обратной стороне щитков и по внешнему краю шинки виден литейный шов, образовавшийся в результате затека расплава

в зазоры между частями формы (рис. 5,1a,2a) [22, с. 152–153]. Один перстень (рис. 5,1,1a) сделан с щитком эллипсовидной формы с заостренными боковыми частями и овальной в сечении шинкой. В нижней части и около щитка на внешней стороне шинки сделаны рельефные выступы. Шинка погнута, ее размер по внешнему краю 1,8x2,7 см, внутри – 1,1x2,1 см. Щиток отлит с рельефным геометрическим орнаментом в виде двух, смыкающихся в центре дуговидных полос, рассеченных на мелкие прямоугольники поперечными линиями. Контур щитка украшен полосой с аналогичным декором. В заостренных частях щитка сделаны полусферические выступы: четыре – с одной стороны, два – с другой. Размер щитка 1,1x1,8 см, толщина 0,3 см.

По форме и декору перстень относится к группе украшений, большинство находок которых происходит из Центральной и Западной Турции, из памятников и культурных слоев XIII–XV вв., связанных с сельджукским и османским присутствием [48, р. 234, 238, 239; 50, S. 64–68]. Эти перстни изготавливались, в основном, из бронзы, но известны и свинцовые экземпляры. На их щитки наносили растительный или геометрический декор [50, S. 64–68, Kat. Nr. S114–131, Taf. 23, 24, Farbtaf. 21, 22], иногда – арабские надписи благожелательного характера [48, р. 213]. Встречается и декор из дуговидных линий, подобный орнаменту на перстне из Эски-Кермена [50, S. 64–65, Kat. Nr. S115, S119, Taf. 23, Farbtaf. 21, 22]. Вариации такого узора из дуговидных линий, называемого А. М. Пюльц «арабскими мотивами», можно увидеть и на одновременных, отличающихся формой щитка бронзовых перстнях из Эфеса [50, S. 71, Kat. Nr. S145–147, Taf. 25, Farbtaf. 23].

Для названной группы перстней характерен декор в виде рельефных выступов на боковых сторонах и в нижней части шинки. По мнению А. М. Пюльц, выступ в нижней части шинки перстней – это остаток литника, доработанный после отливки и сохраненный как декоративный элемент [50, S. 64]. Не отрицая возможность такой интерпретации, отметим, что, судя по бытовавшим на широкой территории богатым золотым и каменным перстням, которые зачастую служили образцами при изготовлении более дешевых бронзовых изделий, в XIV в. существовала мода на декорирование шинки фигурными выступами около щитка и в нижней части. В качестве примера можно привести золотые перстни, распространенные на территории Золотой Орды, у которых выступы на шинке украшены резным декором [24, с. 378, кат. № 210; 15, с. 408, кат. № 315, 316], а также халцедоновые перстни из Фессалоник и Сербии, которые связывают с появлением осман в регионе в последние десятилетия XIV в. [33, р. 77–78, fig. 8; 61, р. 196–197, Cat. Nr. 72]. Фигурные выступы на шинке свинцового перстня из Эски-Кермена (рис. 5,1), бесспорно, сделаны как декоративные элементы, в соответствии с модой, существовавшей в восточном ювелирном производстве XIV в.

Второй перстень из могилы 6/2020 (рис. 5,2,2a) отлит с узкой, сегментовидной в сечении шинкой с небольшим полусферическим выступом в нижней части и щитком в виде девятилепестковой розетки с полусферическим выступом в центре, рельефными концентрическими кругами и подчеркнутым рельефной линией кон-

туром. Диаметр шинки по внешнему краю 1,8 см, внутри – 1,5 см, размер щитка 1,2x1,3 см, толщина 0,2–0,3 см.

Перстни с щитками в форме многолепестковой розетки характерны для византийского ювелирного производства с раннесредневекового времени. В качестве примера можно назвать золотые перстни VI–VII вв. из Восточного Средиземноморья с щитком в форме шестилепестковой розетки с выгравированной греческой монограммой мужского имени Феодор [43, S. 329, Cat. Nr. 642] или в виде восьмилепестковой розетки, на которой изображена брачная церемония с греческой подписью «Гармония» [34, p. 214, Cat. No. 17–18]. Перстни с щитком в виде многолепестковой розетки пользовались популярностью и в поздневизантийское время. Они найдены в Коринфе, в слоях XII–XIII вв. [42, p. 232, 247, Type R, Cat. No. 1982, pl. 107] и на северо-западе Греции, в некрополе XIII–XIV вв. около базилики святого Ахиллия на озере Микра-Преспа [44, p. 586, Cat. Nr. 838]. Такая форма украшения была заимствована у византийских ювелиров сельджукскими мастерами, о чем свидетельствуют находки бронзовых перстней XII–XIII вв. с щитком в форме семилепестковой розетки из Турции [48, p. 237].

Публикуемые перстни из свинца XIV в. были, скорее всего, привезены из Малой Азии. Они сделаны из одного материала, в одной технике (литье в разъемной форме) и украшены в едином стиле (тонкая шинка с выступами в нижней части, щиток с рельефным орнаментом). Видимо, они изготовлены в одной мастерской и приобретены единым набором. Перстни зачищены в погребении женщины 30–35 лет, в области левой кисти. Зафиксировать точное положение перстней на костях пальцев левой руки не удалось. На предложенной нами реконструкции перстень с щитком в форме многолепестковой розетки изображен надетым на среднюю фалангу мизинца – такой способ ношения украшения соответствует его небольшому диаметру (рис. 5,А). О том, что в средние века кольца носили не только на проксимальной фаланге, но и на средней, свидетельствуют иконографические данные [47, p. 77, 79, fig. 8].

6. Перстни с напаянным цилиндрическим гнездом со вставкой

В центре города перед главной базиликой, в двух плитовых могилах XIV в. найдены перстни с пластинчатой шинкой с продольным рифлением на внешней стороне и напаянным цилиндрическим гнездом с полусферической вставкой из бирюзового камня или глухого стекла (рис. 1,10,11). Перстень, происходящий из могилы 2/2019 (рис. 6,1,1а), сделан из сплава золота, серебра и меди, в котором количество золота приближено к 750-й пробе [32, p. 595–596]. Размер шинки 1,8x2,0 см, диаметр гнезда 0,9 см, высота – 0,5 см. Перстень из могилы 8/2020 (рис. 6,3,3а) изготовлен из серебряно-медного сплава (количество серебра до 70%, меди – до 28%) с примесями свинца (2%) и цинка (1%). Размер шинки 1,7x2,0 см, диаметр гнезда 1,0 см, высота – 0,7 см.

Перстни относятся к группе византийских украшений, известных с раннесредневекового времени. Они найдены в Константинополе [52, 84, pl. LXI,115], в погребении VII в. аварского вождя из Кунбабони [46, Taf. 53,9], в Юго-Западном Крыму –

в склепах VII–IX вв. из Скалистого [11, с. 48–50, 82–83, рис. 29,16,23; 56,9], на некрополе, расположенном на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен, в могиле 290 с инвентарем второй половины VIII – IX в. [1, с. 370, рис. 5,16], а также в Судаке, на городском некрополе, в могилах 3 и 48 второй половины VIII – первой половины X в. [19, с. 100, 259, 128, рис. 91; 92; 128,18–20]. Перстни этого типа, датированные более поздним временем – X–XII вв., обнаружены на территории Греции [44, р. 446, Cat. Nr. 592] и Болгарии [12, с. 62, 199, 202, тип VIII.1, обр. 69,5; 74]. Во второй половине XIII – XIV в. такой же вид украшения зафиксирован у оседлого христианского населения Нижнего Поднепровья [14, рис. 13,13].

Обратим внимание на особенности декора золотого перстня из могилы 2/2020. По обе стороны от гнезда, на расстоянии 0,5 см, на пластинчатой шинке сделаны небольшие круглые отверстия, в которых сохранились остатки бронзового стержня. Скорее всего, здесь крепились дополнительные украшения перстня – бусины или небольшие жемчужины (рис. 6,1б). Подобным образом оформлены золотые перстни XIV–XV вв. и из других регионов. Так, найденные в Болгаре перстни, относящиеся к иранскому производству, имели на пластинчатой шинке рядом с центральным гнездом со вставкой из бирюзы два небольших напаянных цилиндрических гнезда для дополнительных вставок [26, с. 221, 308, 453, 458, илл. 366, кат. № 266, 285]. На золотом перстне с каменной вставкой с арабской надписью XIV–XV вв., хранящемся в коллекции Римско-германского центрального музея г. Майнц, на золотом штыре укреплены дополнительные сферические вставки из жемчуга [38, S. 88–91, 270–271, Kat. 29, Abb. 73, 74, 148]. Об аналогичной практике украшения свидетельствуют отверстия, сделанные рядом с центральным кастом на шинках перстней XIV–XV вв. из Сербии [61, р. 184–185, Cat. Nr. 52–53].

Таким образом, золотой перстень из Эски-Кермена, форма которого повторяет традиционные византийские ювелирные изделия, был декорирован в соответствии с распространившейся с Востока в XIV в. модой. В могиле 2/2020, в погребении молодой женщины 18–19 лет перстень найден вместе с парой золотых серег в виде знака вопроса (рис. 6,2), появление которых в Юго-Западном Крыму связано с влиянием золотоордынской моды [30, с. 44]. Объединенные в набор украшения выполнены из материала разного качества: серьги изготовлены из высокопробного золота (в состав металла входило 92,71% золота с небольшой примесью серебра – до 4,35% и меди – до 3,36%), перстень сделан из золота низкого качества. Перстень лежал *in situ* на проксимальной фаланге безымянного пальца правой руки (рис. 6,А).

В могиле 8/2020 однотипный серебряный перстень зачищен в погребении ребенка 8–12 лет, на проксимальной фаланге среднего пальца левой руки. Перстень, имевший большой диаметр, вероятно, изначально предназначался для взрослого человека. Для руки ребенка его немного уменьшили, сжав шинку по бокам (рис. 6,3).

Особенности ношения перстней и колец

Перстни и кольца XII–XIII вв. найдены в усадьбах и в погребениях из храмов в кварталах I и II. Все они – небогатые, выполненные из бронзы, простые в декоре

украшения, использовавшиеся в повседневной жизни (рис. 1,1–5). Зачастую такие украшения носились парой или набором из трех экземпляров (рис. 2,III; 3,1). Женщина 30–35 лет, похороненная в XII в. в притворе квартального храма, носила пару пластинчатых колец – по одному на среднем пальце левой руки и на безымянном пальце правой руки (рис. 2,1,2). Набор из бронзового перстня и двух колец (рис. 3,1–3) обнаружен среди костей скелета женщины, прятанной в подвале 1 и погибшей от пожара во время набега войск Ногая в 1299 г. Принадлежность остальных украшений из квартала 1 установить невозможно. Найденные в костнице перстень и кольцо (рис. 3,4,5) лежали среди перемещенных костей, а перстень со второй поперечной улицы (рис. 4,1) – в слое разрушения. Поскольку по размерам эти украшения аналогичны перстням и кольцам из женских погребений, можно предположить, что они тоже использовались в женском уборе.

Украшения рук XIV в. представлены только перстнями (рис. 1,6–11). Почти все они – сравнительно дорогие, выполненные из серебра или золота украшения. Два перстня сделаны из свинца – металла белого цвета, который по внешним признакам трудно отличить от серебра. Разница в ассортименте украшений XII–XIII вв. и XIV в. объясняется не только сменой моды, но и различием в социальной принадлежности жителей разных районов провинциального города. В кварталах I и II, откуда происходят только бронзовые украшения, в XII–XIII вв. жили рядовые горожане. На участке перед базиликой, в центре города, в XIV в. в плитовых могилах хоронили представители богатых семейств. О высоком социальном и имущественном положении похороненных здесь людей свидетельствуют трудоемкие погребальные сооружения, на возведение которых требовалось не менее 10 массивных хорошо обработанных плит, захоронение в прижизненной одежде с золотными нитями и с золотыми украшениями, а также наличие погребального инвентаря – керамической и металлической посуды [30, с. 39].

Судя по находкам из погребений, в XIV в. перстни были принадлежностью женского и детского уборов. Молодые женщины, 18–20 и 19–25 лет, носили перстни по одному – на безымянном пальце правой руки (рис. 4,2; 6,А). Учитывая находки из могилы 6/2020, можно говорить о том, что женщины постарше, 30–35 лет, украшали левую руку набором из двух перстней, выполненных в едином стиле (рис. 5,А). Девочки носили только по одному перстню на среднем пальце левой руки (рис. 4,6; 6,3). Специально сделанных для детей перстней не существовало: для них переделывались украшения взрослых, подгонявшиеся под размер детских пальцев.

Сравнительно небольшая выборка украшений, имеющихся в нашем распоряжении, не дает полной картины того, какие перстни и кольца бытовали в XII–XIV вв. у жителей города на плато Эски-Кермен, и каким образом они носились представителями разных половозрастных групп. Тем не менее, высказанные наблюдения позволяют расширить наши представления о повседневной жизни жителей провинциального города в Юго-Западном Крыму, на периферии Византийской империи.

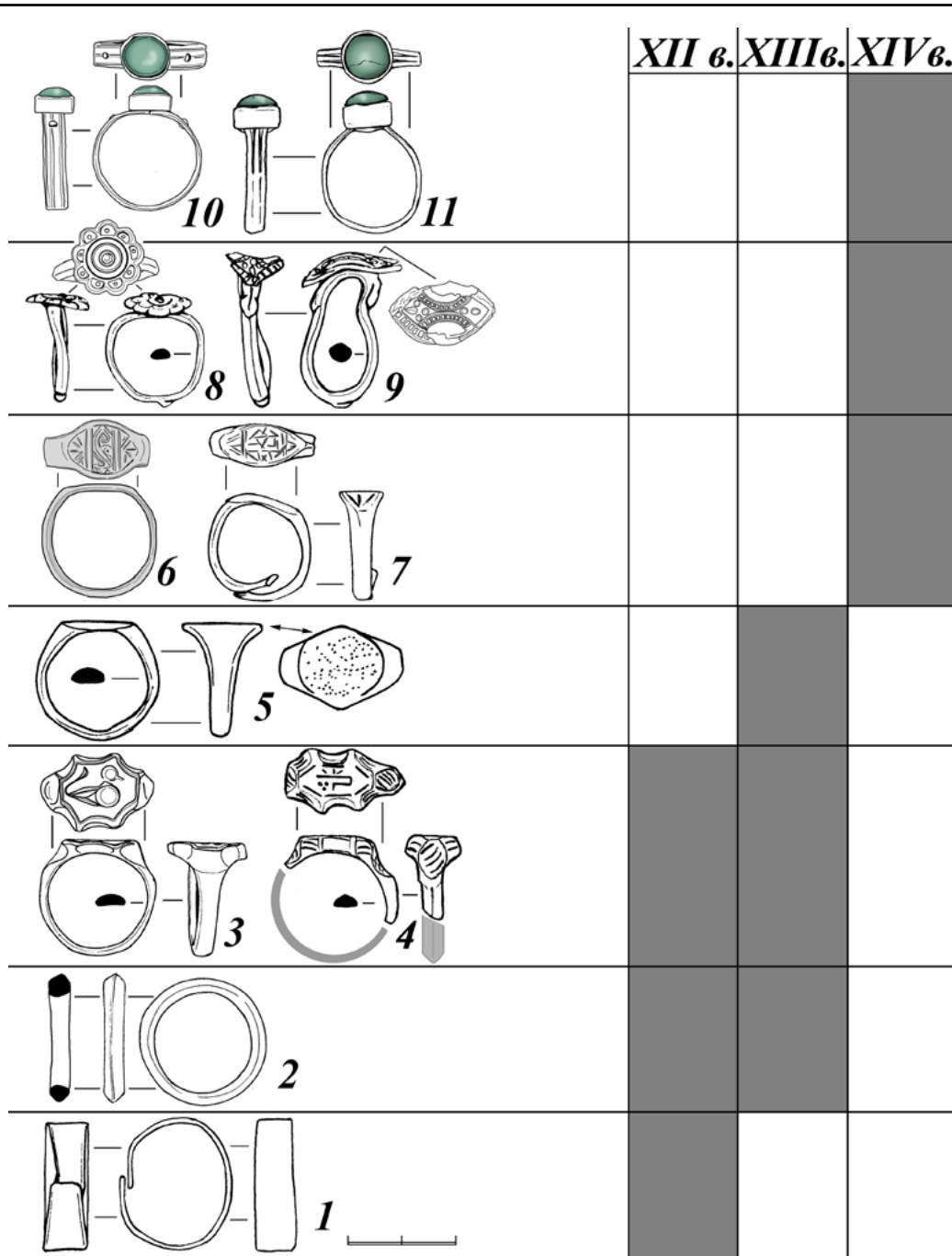

Рис. 1. Перстни и кольца XII–XIV вв. из раскопок города на плато Эски-Кермен. Рисунок автора
Fig. 1. The twelfth- and thirteenth-century finger-rings and signet-rings excavated at the town on the plateau of Eski-Kermen. Drawing: the author

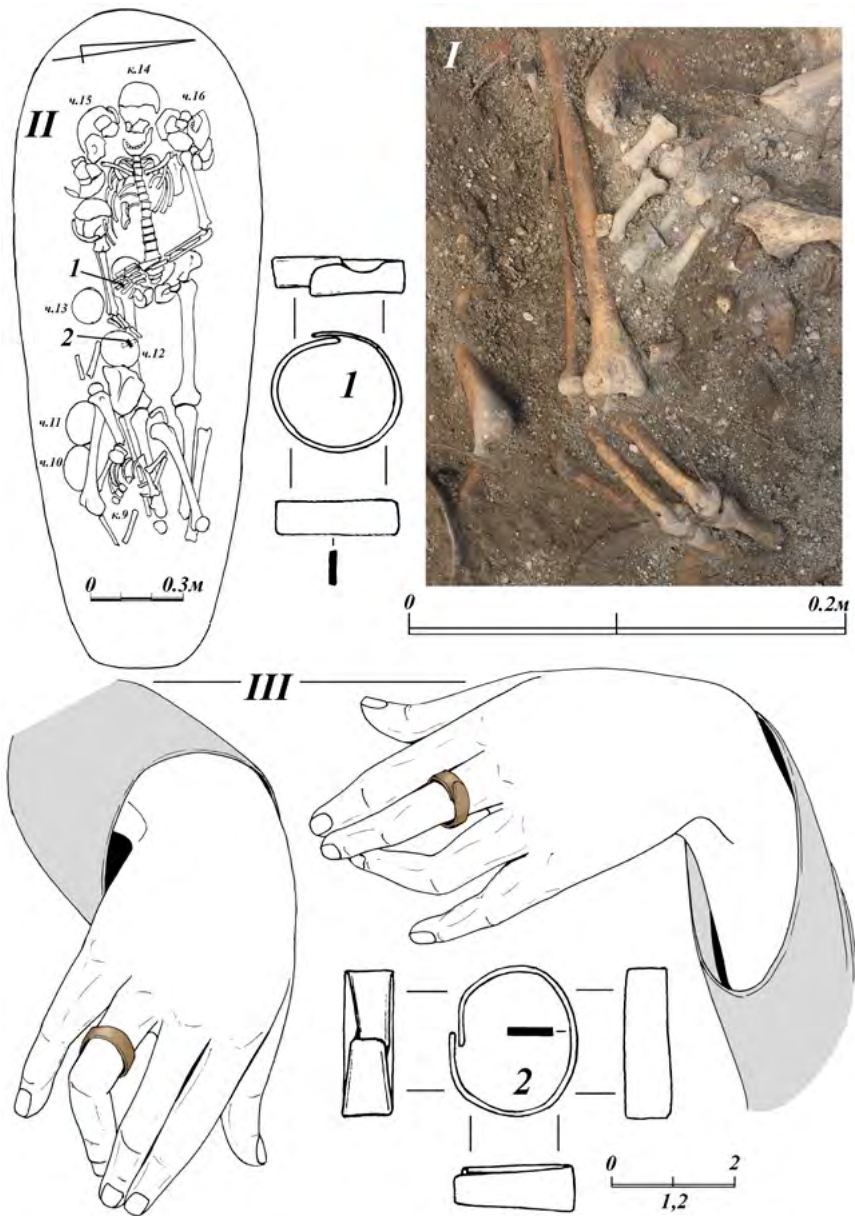

Рис. 2. Город на плато Эски-Кермен. Квартал II, притвор однефного храма. Женское погребение XII в. из могилы 12/2020. I – план погребения, II – фото костей левой руки *in situ*; III – реконструкция украшений рук погребенной; 1, 2 – бронзовые пластинчатые кольца. Фото и рисунок автора

Рис. 2. The town on the plateau of Eski-Kermen. Quarter II, narthex of an aisleless church. The twelfth-century woman's burial in grave 12/2020. I – ground plan of the burial, II – photo of the left hand bones *in situ*; III – reconstruction drawing of the ornaments on the hands of the buried lady; 1, 2 – bronze flattened finger-rings. Photo and drawing: the author

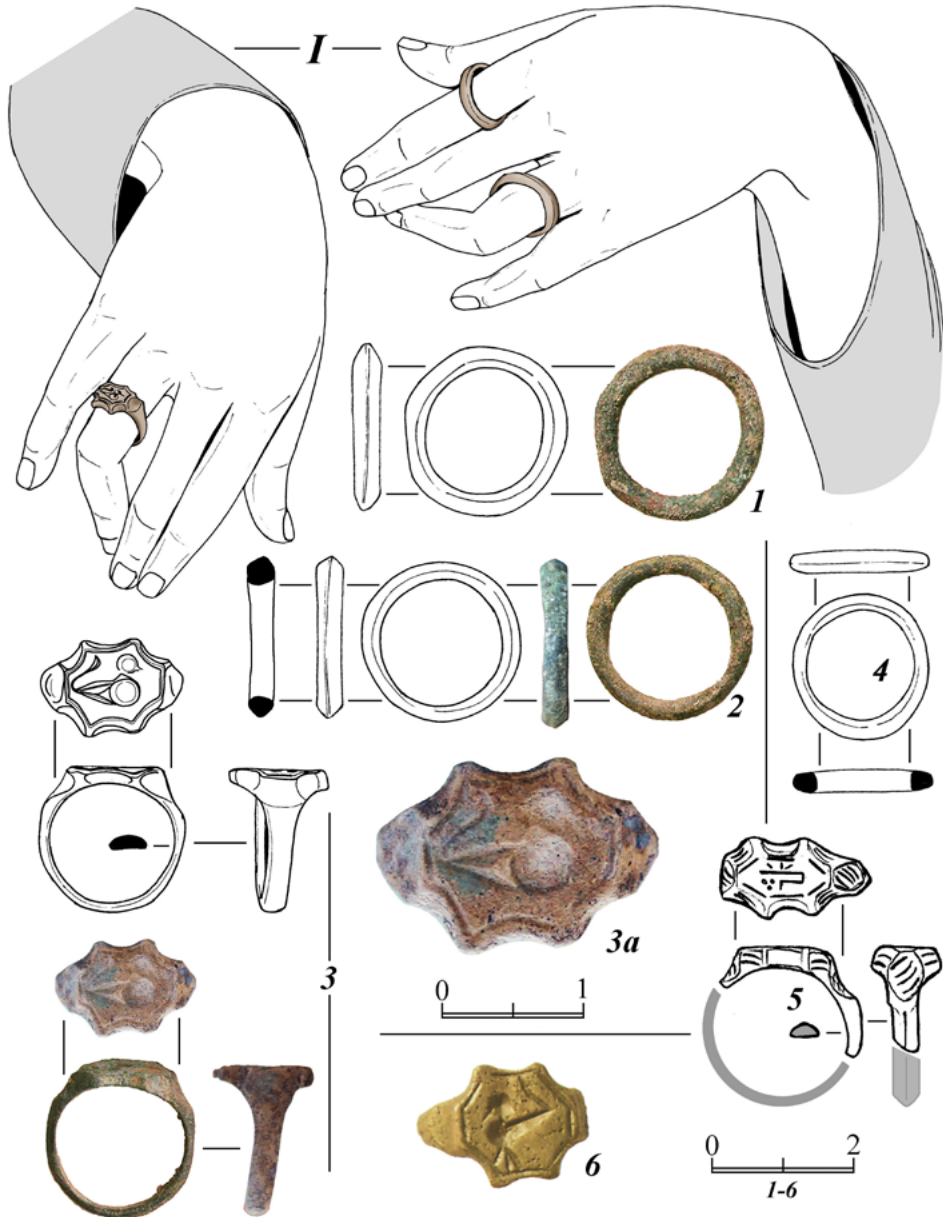

Рис. 3. Город на плато Эски-Кермен. Квартал I. Бронзовые кольца и перстни XII–XIII вв. из подвала 1 (1–3), из костницы часовни (4, 5) и аналогичная находка из Херсона (6); I – реконструкция украшений рук, найденных в подвале 1. 1–5, I – фото и рисунок автора; 6 – [по: 55, Cat. Nr. 214]

Fig. 3. The town on the plateau of Eski-Kermen. Quarter I. The twelfth- and thirteenth-century bronze finger-rings and signet-rings from subterranean room 1 (1–3), the grave for the secondary burial of bones in the chapel (4, 5), and an analogous find from Cherson (6); I – reconstruction drawing of the hand decorations discovered in subterranean room 1. 1–5, I – photo and drawing; the author; 6 – [after: 55, cat. no. 214]

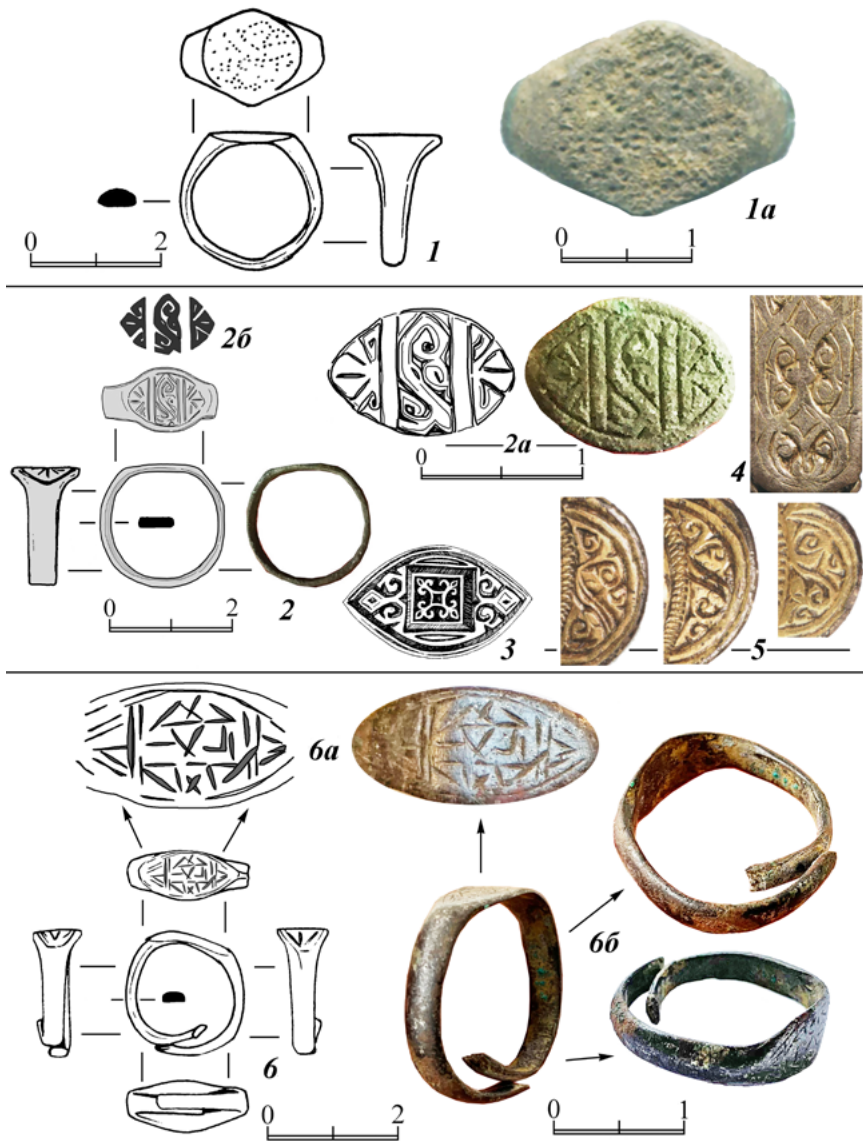

Рис. 4. Город на плато Эски-Кермен. Цельнолитые перстни с плоским щитком XIII в. (1), XIV в. (2, б) и аналогии декора (3–5). 1, 1а – квартал 1, вторая поперечная улица; 2, 2а-б – плитовая могила 1/2018; 3 – окрестности Солхата; 4, 5 – Мангуп, погребение 482 в центральном нефе большой базилики; 6, 6а-б – плитовая могила 9/2021. 1, 1а, 2, 2а-б, 6, 6а – фото и рисунок автора; 3 – [по: 17, ил. 4]; 4, 5 – [по: 15, кат. № 299]

Fig. 4. The town on the plateau of Eski-Kermen. Solid-cast signet-rings with flat panel from the thirteenth century (1), fourteenth century (2, б) and parallels to their decor (3–5). 1, 1а – quarter 1, second transverse street; 2, 2а-б – slabbed grave 1/2018; 3 – vicinity of Solkhat; 4, 5 – Mangup, burial 482 in the nave of the big basilica church; 6, 6а-б – slabbed grave 9/2021. 1, 1а, 2, 2а-б, 6, 6а – photo and drawing: the author; 3 – [after: 17, ill. 4]; 4, 5 – [after: 15, cat. no. 299]

Рис. 5. Город на плато Эски-Кермен. Некрополь XIV в. перед главной базиликой, плитовая могила 6/2020. 1, 1a, 2, 2a – свинцовые перстни; А – реконструкция украшений рук погребенной. Фото и рисунок автора.

Fig. 5. The town on the plateau of Eski-Kermen. The fourteenth-century cemetery in front of the main basilica church, slabbed grave 6/2020. 1, 1a, 2, 2a – lead signet-rings; A – reconstruction drawing of the ornaments on the hands of the buried lady. Photo and drawing: the author

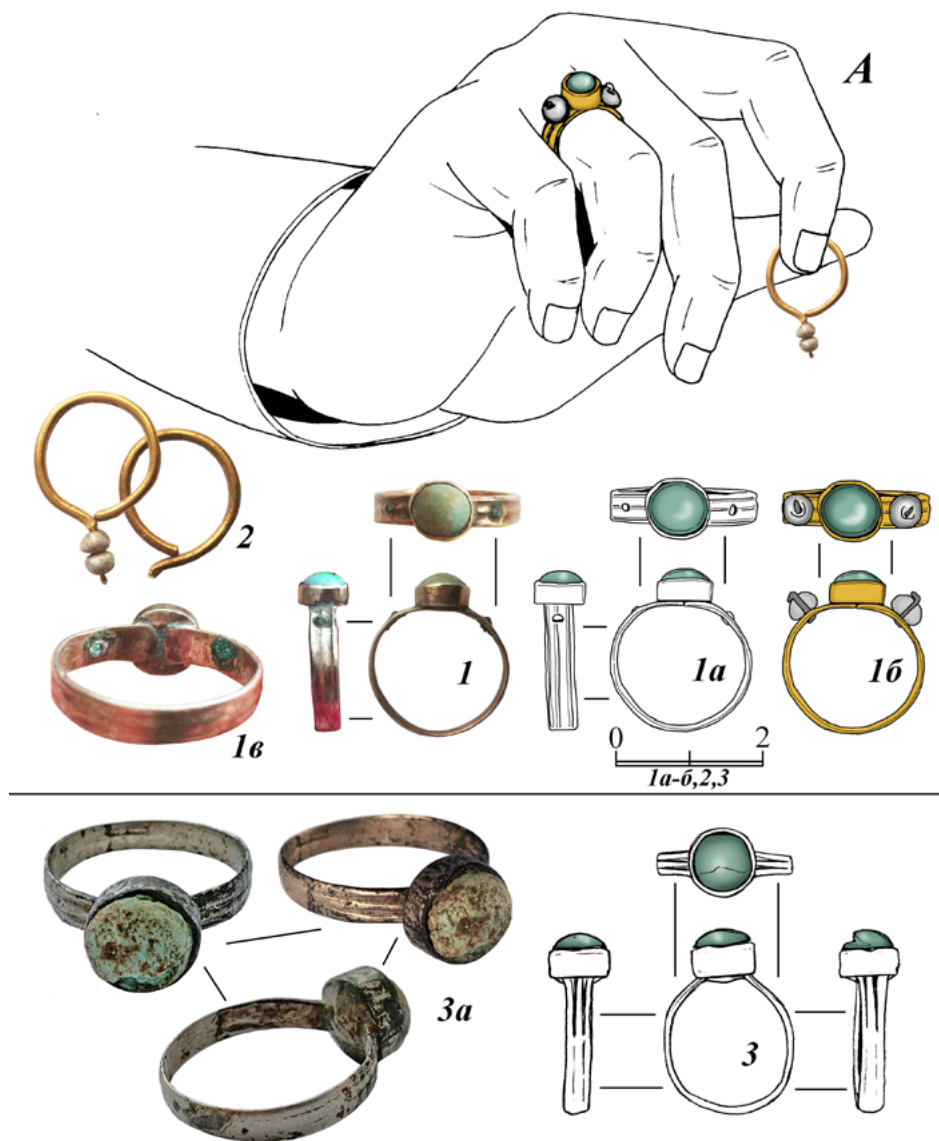

Рис. 6. Город на плато Эски-Кермен. Некрополь XIV в. перед главной базиликой.
 1, 1а-в, 2, А – плитовая могила 2/2020 (1 – золотой перстень, фото; 1а – рисунок; 1в – реконструкция перстня с дополнительным украшением из бусин; 2 – золотые серьги; А – реконструкция правой руки с перстнем); 3, 3а – серебряный перстень из плитовой могилы 8/2020. Фото и рисунок автора
Fig. 6. The town on the plateau of Eski-Kermen. The fourteenth-century cemetery in front of the main basilica church. 1, 1а-в, 2, А – slabbed grave 2/2020 (1 – gold signet-ring, photo; 1а – drawing; 1в – reconstruction drawing of the signet-ring with additional ornamentation of beads; 2 – gold earrings; А – reconstruction drawing of the right hand with the signet-ring); 3, 3а – silver finger-ring from slabbed grave 8/2020. Photo and drawing: the author

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 121–133, 365–383.
2. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. 1. Раскопки 1977, 1982–1984 гг. Симферополь, Керчь: АДЕФ-Украина, 2008. 336 с.
3. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 422–457.
4. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Квартальные храмы средневекового города на плато Эски-Кермен // АДСВ. 2020. Вып. 48. С. 310–326.
5. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Некрополь XIV в. на плато Эски-Кермен // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XIII Международный Византийский семинар / Ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Ариал, 2021. С. 31–36.
6. Аракелян Б.Н. Армения в IX–XIII веках // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / Ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 335–350.
7. Банк А.В. Прикладное искусство Византии IX–XII вв. Очерки. М.: Наука, 1978. 312 с.
8. Баранов И.А. Раскопки на мысе Димитраки в 1982 г. // Сугдейский сборник. 2010. Вып. IV. С. 601–617.
9. Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф. Кварталы XV и XVI (Раскопки 1937 г.) // Археологические памятники Юго-Западного Крыма. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 32–108. (МИА. № 34).
10. Веймарн Е.В. Разведки оборонительных стен и некрополя // Археологические памятники Юго-Западного Крыма. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 419–429. (МИА. № 34).
11. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка, 1993. 201 с.
12. Григоров В. Металлики от средневековья Болгария (VII–XI в.). София: Национален археологически институт с музей, 2007. 255 с.
13. Даркевич В.П. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII века. М.: Искусство, 1975. 350 с.
14. Ельников М.В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989–1992 гг.). Запорожье: Запорожский гос. ун-т, 2001. 275 с.
15. Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи: каталог выставки / Гос. Эрмитаж. М.: Фонд Марджани, 2019. 504 с.
16. Карачаров К.Г. Византийский кувшин из окрестностей Сургута // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург, Сургут: Уральское издательство, 2008. С. 56–91.
17. Крамаровский М.Г. «...Рукою, полною перстней...» (находки второй половины XIII–XIV веков из Поднепровья и Крыма) // ТГЭ. 2013. Т. 69. Византия в контексте мировой культуры. С. 138–147.
18. Ливох Р. Большие курганы летописного Плеснеска // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной / Ред.-сост. А.А. Пескова, О.А. Щеглова, А.Е. Мусин. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 486–492.
19. Майко В.В. Сугдея во второй половине VII – первой половине X века. Симферополь: Институт археологии Крыма РАН, 2020. 312 с. (Серия «Археологические памятники Северного Причерноморья». Вып. 2).
20. Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 344–393.
21. Маршак Б.И. История восточной торевтики III–XIII вв. и проблемы культурной преемственности. СПб.: Академия исследования культуры, 2017. 736 с.
22. Минасян Р.С. Металлообработка в древности и средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. 472 с.
23. Михайлик Л.П. Металлические перстни X – первой половины XIII в. из Киева (хронология, типология) // СА. 2006. № 3. С. 52–62.

24. «Подарок созерцающим». Странствия Ибн Батуты: Каталог выставки / Ред. А.Д. Притула, А.Н. Теплякова, О.М. Ястребова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. 512 с.
25. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Часть 2. Екатеринбург, 1995. 110 с.
26. Руденко К.А. Булгарское серебро. Казань: Заман, 2015. 528 с.
27. Турова Н.П. Полевые и историко-архивные материалы «Симеизского склепа 1955 г.» в фондах Ялтинского историко-литературного музея // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 118–146.
28. Хайрединова Э.А. Раскопки некрополя на склоне плато Эски-Кермен в 2006–2008 гг. // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 140–213.
29. Хайрединова Э.А. Медальоны с изображением святого всадника из могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 147–210.
30. Хайрединова Э.А. Археологические раскопки центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. // Итоги археологических исследований центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. / Ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антиква, 2021. С. 26–143. (Серия «Материалы Эски-Керменской экспедиции». Вып. 1).
31. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 364 с. (МИА. № 63).
32. Antipenko A.V., Khairedinova E.A., Mandrykina A.V., Loboda A.Yu., Tereschenkoc E.Yu., Aibabin A.I., Yatsishina E.B. Medieval Objects in Gold and Its Imitation from Eski-Kermen // Nanotechnologies in Russia. 2020. Vol. 15, Nos. 9–10. P. 592–598.
33. Antonaras A. Late Byzantine Jewellery from Thessaloniki and its Region: The Finds from Ippodromiou I Street and Other Excavations // New Research on Late Byzantine Goldsmiths' Works (13th–15th Centuries) / Ed. A. Bosselmann-Ruickbie. Mainz: Verlag des RGZM, 2019. P. 73–81.
34. Baldini-Lippolis I. L'oreficeria nell' Imperio di Constantinopoli tra IV e VII secolo. Bari, 1999. 283 p.
35. Banck A. L'art Byzantin dans les musée de l'Union Soviétique. Leningrad: Edition d'art Aurora, 1985. 342 p.
36. Berti F. Grave Goods from the Necropolis in the Agora of Iasos // Byzas. 2012. Vol. 15. P. 187–211.
37. Bosselmann-Ruickbie A. A 13th Century Jewellery Hoard from Thessalonica: A Genuine Hoard or an Art Dealer's Compilation? // Intelligible beauty: recent research on Byzantine jewellery / Eds. Ch. Entwistle, N. Adams. London: British Museum Press, 2010. P. 219–232.
38. Byzantinische Goldschmiedearbeiten im Römisch-Germanischen Zentralmuseum / Hrsg. M. Schulze-Dörrlamm. Mainz, 2020. 336 S. (Kataloge Vor- und Frühgeschichtlicher Altertümer. Bd. 42).
39. Byzantium: Faith and Power (1261–1557) / Ed. H.C. Evans. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2004. 658 p.
40. Caričin Grad IV. Catalogue des objets des fouilles anciennes et autres études / Eds. B. Bavant, V. Ivanišević. Rome: École française de Rome, Belgrade: Institut archéologique de Belgrade, 2019. 368 p.
41. Chavane M.-J. Salamine de Chypre VI. Les petits objets. Paris: de Boccard, 1975. 341 p.
42. Davidson G.R. Corinth. Vol. XII: The Minor Objects. Princeton, New Jersey: The American School of Classical Studies at Athens, 1952. 366 p.
43. Die Welt von Byzanz. Europas Östliches Erbe / Hrsg. L. Wamser. München: Theiss, 2004. 475 S.
44. Everyday Life in Byzantium / Ed. D. Papanikola-Bakirtzi. Athens: Kapon Editions, 2002. 600 p.
45. Feissel D. Notes d'épigraphie chrétienne (VII) // Bulletin de correspondance hellénique. 1984. Vol. 108. P. 545–579.
46. Garam É. Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 2001. 432 S. (Monumenta Avarorum Archaeologica, Vol. 5).
47. Hindman S. Rings of their fingers: Ring wearing from ancient times to the Renaissance // Magazine antiques. New York, 2007. Vol. 172 (6). P. 74–81.
48. Museum of Seljuk civilization. Catalog. Vol. 2 / Ed. S. Özgöncü. Kayseri: Büyükşehir Belediyesi, 2016. 319 p.

49. Nepper Ibolya M. Hajdú-Bihar Megye 10–11. századi sirleletei. Budapest, Debrecen: Déri Múzeum, Magyar Nemzeti Múzeum, 2002. 852 S.
50. Pülz A.M. Byzantinische Kleinfunde aus Ephesos. Ausgewählte Artefakte aus Metall, Bein und Glas. Vien: Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2020. 558 S.
51. Riemer E. Romanische Grabfunde des 5.–8. Jahrhunderts in Italien. Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH, 2000. 485 p. (Internationale Archäologie. Vol. 57).
52. Ross M. Catalogue of the Byzantine and early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Washington: Harvard University, 1965. Vol. II. 144 p.
53. Ross M.C., Downey G. An Emperor's Gift, and Notes on Byzantine Silver Jewelry of the Middle Period // The Journal of the Walters Art Gallery. 1956/1957. Vol. 19/20. P. 22–33.
54. Spieser J.-M. Collection Paul Canellopoulos (II). Bagues romaines et médiévales // Bulletin de correspondance hellénique. 1972. Vol. 96, I. P. 117–135.
55. The Legacy of Byzantine Cherson / Eds. T. Yashava, E. Denisova, N. Ginkut, V. Zaleskaya, D. Zhuravlev. Sevastopol: Telescope, Austin: ICA of the University of Texas at Austin, 2011. 708 p.
56. “The Remnants”. 12th and 13th centuries Byzantine objects in Turkey / Ed. A. Ödekan. Istanbul: Ofset Yapimevi, 2007. 303 p.
57. Unse S. Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien). München: C.H. Beck Verlag, 1992. 600 S. (Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. Bd. 43).
58. Vikan G. Early Christian and Byzantine Rings in the Zucker Family Collection // The Journal of the Walters Art Gallery. 1987. Vol. 45. P. 32–43.
59. Waldbaum J.C. Metalwork from Sardis. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983. 216 p.
60. Yavaş A. Kubad-Abad sarayı kazılarında bulunan ziyinet eşyaları (Jewellery found in excavations of Kubad-Abad palace) // International Journal of Social Science. 2013. Vol. 6. Issue 1. January. P. 1543–1566.
61. Zečević E. Jewelry from Novo Brdo. From the Archaeological Collection of the Late Middle Ages. Belgrad: Narodni muzej, 2006. 295 p.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Cemeteries of the 8th – the beginning of the 10th centuries in the Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 1993, vol. 3, pp. 121–133, 365–383.
2. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. 1. Raskopki 1977, 1982–1984 gg.* [Cemetery near the village of Luchistoye. Tom 1. Excavations 1977, 1982–1984]. Simferopol, Kerch, ADEF-Ukraina Publ., 2008, 336 p.
3. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Late Medieval chapel on Eski-Kermen plateau. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2011, vol. 17, pp. 422–457.
4. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Quarter chapels of the medieval city on the Eski-Kermen plateau. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2020, vol. 48, pp. 310–326.
5. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. The fourteenth-century cemetery at the plateau of Eski-Kermen. Alekseenko N.A. (ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperia i polis. XIII Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar* [13th international Byzantine workshop “Chersonos Themata: the empire and the polis”], Simferopol, Arial Publ., 2021, pp. 31–36.
6. Arakelian B.N. Armenia in the 9th–13th centuries. Makarova T.I., Pletneva S.A. (eds.), *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia. IV–XIII veka* [Crimea, North-Eastern Black Sea region and Transcaucasia in the Middle Ages. 4th–13th centuries], Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 335–350.
7. Bank A.V. *Prikladnoe iskusstvo Vizantii IX–XII vv. Ocherki* [Applied art of Byzantium in the 9th–12th centuries. Essays]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 312 p.

8. Baranov I.A. Excavations at Cape Dimitraki in 1982. *Sugdeiskii sbornik* [Sugdeya collection], 2010, vol. 4, pp. 601–617.
9. Belov G.D., Strzheletskii S.F. Quarters XV and XVI (Excavations 1937). *Arkheologicheskie pamiatniki Iugo-Zapadnogo Kryma* [Archaeological sites of Southwest Crimea], Moscow, Leningrad, Akadimiia nauk SSSR Publ., 1953, pp. 32–108.
10. Veimarn E.V. Reconnaissance of defensive walls and necropolis. *Arkheologicheskie pamiatniki Iugo-Zapadnogo Kryma* [Archaeological sites of Southwest Crimea], Moscow, Leningrad, Akadimiia nauk SSSR Publ., 1953, pp. 419–429.
11. Veimarn E.V., Aibabin A.I. *Skalistsinskii mogil'nik* [Skalistinsky burial ground]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1993, 201 p.
12. Grigorov V. *Metalni nakiti ot srednevekovna B'lgariia (VII–XI v.)* [Metal jewellery from medieval Bulgaria 7th–11th centuries]. Sofia, Natsionalen arkheologicheski institut s muzei Publ., 2007, 255 p.
13. Darkevich V.P. *Svetskoe iskusstvo Vizantii. Proizvedeniia vizantiiskogo khudozhestvennogo remesla v Vostochnoi Evrope X–XIII veka* [Secular art of Byzantium. Works of Byzantine art craft in Eastern Europe X - XIII centuries]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1975, 350 p.
14. El'nikov M.V. *Srednevekovyi mogil'nik Mamai-Surka (po materialam issledovaniu 1989–1992 gg.)* [Medieval burial ground Mamai-Surka (based on research materials 1989–1992)]. Zaporozh'e, ZGU Publ., 2001, 275 p.
15. *Zolotaia Orda i Prichernomor'e. Uroki Chingisidskoi imperii: katalog vystavki* [The Golden Horde and the Black Sea region. Lessons of the Genghisid Empire]. Moscow, Fond Mardzhani Publ., 2019, 504 p.
16. Karacharov K.G. Byzantine jug from the vicinity of Surgut. *Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priob'ia* [Barsova Gora: antiquities of the taiga Ob region], Ekaterinburg, Surgut, Ural'skoe izdatel'stvo Publ., 2008, pp. 56–91.
17. Kramarovskii M.G. “...With a hand filled rings...” (Finds of the second half of the 13th–14th centuries from the Lower Dnieper region and Crimea. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Transactions of the State Hermitage], 2013, vol. 69, pp. 138–147.
18. Livokh R. Large burial mounds of the annalistic Plesnesk. Peskova A.A., Shcheglova O.A., Musin A.E. (eds.), *Slaviano-russkoe iuvelirnoe delo i ego istoki. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia Gali Fedorovny Korzukhinoi* [Slavic and Old Russian Art of Jewellery and its roots. Materials of the International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of Galia Korzukhina's birth], St.-Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2010, pp. 486–492.
19. Maiko V.V. *Sugdeia vo vtoroi polovine VII – pervoi polovine X veka* [Sugdeya in the second half of the 7th – first half of the 10th century]. Simferopol, Institute of archaeology of Crimea RAS Publ., 2020, 312 p.
20. Makarova T.I. Archaeological excavations in Kerch near John the Baptist Church. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 1998, vol. 6, pp. 344–393.
21. Marshak B.I. *Istoriia vostochnoi torevniki III–XIII vv. i problemy kul'turnoi preemstvennosti* [History of oriental toretics of the 3rd–13th centuries and problems of cultural continuity]. St.-Petersburg, Akademiia issledovaniia kul'tury Publ., 2017, 736 p.
22. Minasian R.S. *Metalloobrabotka v drevnosti i srednevekov'e* [Metalworking in antiquity and the middle ages]. St.-Petersburg, State Hermitage Publ., 2014, 472 p.
23. Mikhailik L.P. Metal rings of the 10th – first half of the 13th century from Kiev (chronology, typology). *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet Archaeology], 2006, no. 3, pp. 52–62.
24. Pritula A.D., Tepliakova A.N., Iastrebova O.M. (eds.), “*Podarok sozertsaiushchim*”. *Stranstviia Ibn Batuty: Katalog vystavki* [“A Gift to Contemplators” Ibn Battuta's Travels: Exhibition Catalogue]. St.-Petersburg, State Hermitage Publ., 2015, 512 p.
25. Romanchuk A.I., Sazanov A.V., Sedikova L.V. *Amfory iz kompleksov vizantiiskogo Khersona. Srednevekovyi Kherson. Istoriia, stratigrafiia, nakhodki. Chast' 2* [Amphorae from the complexes of Byzantine Cherson. Medieval Cherson. History, stratigraphy, finds. Part 2]. Ekaterinburg, 1995, 110 p.
26. Rudenko K.A. *Bulgarskoe serebro* [Bulgar silver]. Kazan, Zaman Publ., 2015, 528 p.

27. Turova N.P. Field and historic-archival materials of “Simeiz vault of 1955” in the funds of Yalta History-Literature Museum. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2014, vol. 19, pp. 118–146.
28. Khairedinova E.A. Excavations of necropolis on the slope of Eski-Kermen plateau in 2006–2008. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2010, vol. 16, pp. 140–213.
29. Khairedinova E.A. Medallions with the image of Holy Rider from the necropolis near the village of Luchistoye. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2014, vol. 19, pp. 147–210.
30. Khairedinova E.A. Archaeological excavations of the central part of the city on the Eski-Kermen plateau in 2018–2020. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. (eds.), *Itogi arkheologicheskikh issledovaniy tsentral'noi chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2018–2020 gg.* [Results of archaeological research of the central part of the city on the Eski-Kermen plateau in 2018–2020], Simferopol, Antikva Publ., 2021, pp. 26–143
31. Iakobson A.L. *Rannesrednekovyi Khersones. Ocherki istorii material'noi kul'tury* [Early medieval Chersonese. Essays on the history of material culture]. Moscow, Leningrad, Akadimiia nauk SSSR Publ., 1959, 364 p.
32. Antipenko A.V., Khairedinova E.A., Mandrykina A.V., Loboda A.Yu., Tereschenkoc E.Yu., Aibabin A.I., Yatsishina E.B. Medieval Objects in Gold and Its Imitation from Eski-Kermen. *Nanotechnologies in Russia*, 2020, vol. 15, nos. 9–10, pp. 592–598.
33. Antonaras A. Late Byzantine Jewellery from Thessaloniki and its Region: The Finds from Ippodromiou I Street and Other Excavations. Bosselmann-Ruickbie A. (ed.), *New Research on Late Byzantine Goldsmiths' Works (13th–15th Centuries)*, Mainz, Verlag des RGZM, 2019, pp. 73–81.
34. Baldini-Lippolis I. *L'oreficeria nell' Imperio di Constantinopoli tra IV e VII secolo*. Bari, 1999, 283 p.
35. Banck A. *L'art Byzantin dans les musée de l'Union Soviétique*. Leningrad, Edition d'art Aurora, 1985, 342 p.
36. Berti F. Grave Goods from the Necropolis in the Agora of Iasos. *Byzas*, 2012, vol. 15, pp. 187–211.
37. Bosselmann-Ruickbie A. A 13th Century Jewellery Hoard from Thessalonica: A Genuine Hoard or an Art Dealer's Compilation? Entwistle Ch., Adams N. (eds.), *Intelligible beauty: recent research on Byzantine jewellery*, London, British Museum Press, 2010, pp. 219–232.
38. Schulze-Dörrlamm M. (Hrsg.), *Byzantinische Goldschmiedearbeiten im Römisch-Germanischen Zentralmuseum*. Mainz, 2020, 336 p.
39. Evans H.C. (ed.), *Byzantium: Faith and Power (1261–1557)*. New York, The Metropolitan Museum of Art Publ., 2004, 658 p.
40. Bavant B., Ivanišević V. (eds.), *Caričin Grad IV. Catalogue des objets des fouilles anciennes et autres études*. Rome, École française de Rome, Belgrade, Institut archéologique de Belgrade, 2019, 368 p.
41. Chavane M.-J. *Salamine de Chypre VI. Les petits objets*. Paris, de Boccard Publ., 1975, 341 p.
42. Davidson G.R. *Corinth. Vol. XII: The Minor Objects*. Princeton, New Jersey, The American School of Classical Studies at Athens, 1952, 366 p.
43. Wamser L. (Hrsg.), *Die Welt von Byzanz. Europas Östliches Erbe*. Munchen, Theiss Publ., 2004, 475 p.
44. Papanikola-Bakirtzi D. (ed.), *Everyday Life in Byzantium*. Athens, Kapon Editions, 2002, 600 p.
45. Feissel D. Notes d'épigraphie chrétienne (VII). *Bulletin de correspondance hellénique*, 1984, vol. 108, pp. 545–579.
46. Garam È. *Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum End des 7. Jahrhunderts*. Budapest, Magyar Nemzeti Múzeum Publ., 2001, 432 p.
47. Hindman S. Rings of their fingers: Ring wearing from ancient times to the Renaissance. *Magazine antiques*, New York, 2007, vol. 172 (6), pp. 74–81.
48. Özgöncü S. (ed.), *Museum of Seljuk civilization. Catalog. Vol. 2*. Kayseri, Büyükşehir Belediyesi, 2016, 319 p.
49. Nepper Ibolya M. *Hajdú-Bihar Megye 10–11. századi sirleletei*. Budapest, Debrecen, Déri Múzeum Publ., Magyar Nemzeti Múzeum Publ., 2002, 852 p.

50. Pülz A.M. *Byzantinische Kleinfunde aus Ephesos. Ausgewählte Artefakte aus Metall, Bein und Glas*. Wien, Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2020, 558 p.
51. Riemer E. *Romanische Grabfunde des 5.–8. Jahrhunderts in Italien*. Rahden/Westf., Verlag Marie Leidorf GmbH, 2000., 485 p.
52. Ross M. *Catalogue of the Byzantine and early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection*. Vol. II. Washington, Harvard University Press, 1965, 144 p.
53. Ross M.C., Downey G. An Emperor's Gift, and Notes on Byzantine Silver Jewelry of the Middle Period. *The Journal of the Walters Art Gallery*, 1956/1957, vol. 19/20, pp. 22–33.
54. Spieser J.-M. Collection Paul Canellopoulos (II). Bagues romaines et médiévales. *Bulletin de correspondance hellénique*, 1972, vol. 96,1, pp. 117–135.
55. Yashaeva T., Denisova E., Ginkut N., Zalesskaya V., Zhuravlev D. (eds.), *The Legacy of Byzantine Cherson*. Sevastopol, Telescope Publ., Austin, ICA of the University of Texas at Austin, 2011, 708 p.
56. Ödekan A. (ed.), *"The Remnants". 12th and 13th centuries Byzantine objects in Turkey*. Istanbul, Ofset Yapimevi, 2007, 303 p.
57. Uense S. *Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien)*. München, C.H. Beck Verlag, 1992, 600 p.
58. Vikan G. Early Christian and Byzantine Rings in the Zucker Family Collection. *The Journal of the Walters Art Gallery*, 1987, vol. 45, pp. 32–43.
59. Waldbaum J.C. *Metalwork from Sardis*. Cambridge, Harvard University Press, 1983, 216 p.
60. Yavaş A. Kubad-Abad sarayı kazılarında bulunan ziyinet eşyaları (Jewellery found in excavations of Kubad-Abad palace). *International Journal of Social Science*, 2013, vol. 6, issue 1, pp. 1543–1566.
61. Zečević E. *Jewelry from Novo Brdo. From the Archaeological Collection of the Late Middle Ages*. Belgrad, Narodni muzei Publ., 2006, 295 p.

Информация об авторе

Хайрединова Э. А. – кандидат исторических наук, заведующая Отделом средневековой археологии Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: Y-5905-2019.

Author information

Khairedinova E. A. – Candidate of Science (History), Head of the Mediaeval Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: Y-5905-2019.

DOI: <https://doi.org/10.37279/2413-189X.2021.26.229-245>

ЗОЛОТНЫЕ НИТИ ИЗ ПЛИТОВЫХ МОГИЛ XIV В. НА ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН

Анна Витальевна Антипенко¹, Анастасия Юрьевна Лобода²,
Эльзара Айдеровна Хайрединова³, Артем Маратович Исмагулов⁴,
Екатерина Сергеевна Ващенко⁵, Елена Юрьевна Терещенко⁶,
Екатерина Борисовна Яцишина⁷

^{1,3} *Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия*

^{2,6,7} *Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», Москва, Россия*

^{2,4,5,6,7} *НИЦ «Курчатовский институт» – ИРЕА, Москва, Россия*

¹ *an.antipenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8699-3132>*

² *lobodaau@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4926-1140>*

³ *khairidinovaz@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1362-757X>*

⁴ *ismagulov.art@mail.ru*

⁵ *e_katerina2708@mail.ru*

⁶ *ФНИЦ «Кристаллография и фотоника» РАН, Москва, Россия, elenatereschenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5035-6978>*

⁷ *yatsishina_eb@nrcki.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7652-7253>*

Аннотация. В статье представлены результаты изучения золотных нитей, найденных в погребениях XIV в. из плитовых могил на плато Эски-Кермен. Методом масс-спектрометрии с индуктивно-связанной плазмой металл нитей определен как высокопробное серебро. По результатам исследования морфологии поверхности изделий методом растровой электронной микроскопии предложен вариант реконструкции последовательности технологических операций при изготовлении публикуемых золотных нитей. Особенностью всех изученных золотных нитей является очень ровная внешняя и внутренняя поверхность, а также стабильная толщина и ширина металлической полосы. Во всех случаях включения золота были растянуты в массе металла вдоль длинного края полос. Отлитый металл уплотняли в тонкую полосу. Параллельные царапины, идущие вдоль по торцу нитей, позволяют допустить, что раскатанный металл нарезался орудием с тонким острым лезвием, оставляющим царапины вдоль хода лезвия. Полученные заготовки навивались на органическую основу. Нити, найденные в плитовых могилах на плато Эски-Кермен, можно охарактеризовать как пряденые серебряные, навитые на шелковую основу. Технологически нити соответствуют продукции средиземноморских ремесленных мастерских. Расположение золотных нитей в погребении указывает на то, что они использовались в обшивке ворота и горловины.

Ключевые слова: городище Эски-Кермен, плитовые могилы, костюм средневекового населения Крыма, золотные нити, растровая электронная микроскопия с энергодисперсионным рентгеновским микроанализом, масс-спектрометрия с индуктивно-связанной плазмой.

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время».

© Антипенко А.В., Лобода А.Ю., Хайрединова Э.А., Исмагулов А.М., Ващенко Е.С., Терещенко Е.Ю., Яцишина Е.Б., 2021

METAL THREADS FROM THE FOURTEENTH-CENTURY SLABBED GRAVES AT THE PLATEAU OF ESKI-KERMEN

Anna V. Antipenko¹, Anastasia Yu. Loboda², Elzara A. Khairedinova³,
Artem M. Ismagulov⁴, Ekaterina S. Vashchenkova⁵, Elena Yu. Tereschenko⁶,
Ekaterina B. Yatsishina⁷

^{1,3} *Institute of Archaeology of the Crimea of Russian Academy of Science, Simferopol, Russia*

^{2,6,7} *National Research Center "Kurchatov Institute", Moscow, Russia*

^{2,4,5,6,7} *National Research Center "Kurchatov Institute" – IREA, Moscow, Russia*

⁶ *Federal Research Center "Crystallography and Photonics" RAS, Moscow, Russia*

Abstract. This paper presents the results of the study of metal threads found in the fourteenth-century burials in slabbed graves located atop of the plateau of Eski-Kermen. The inductively coupled plasma mass spectrometry determined the metal of the threads in question as high-grade silver. The results of scanning electron microscopy of the surface morphology of the artefacts allowed the one to suggest a variant of reconstruction of the sequence of technological operations in the manufacture of the metal threads in question. The feature of all the metal threads under study is very even outer and inner surface and stable thickness and width of the metal band. In all cases, gold inclusions were stretched in the mass of metal along the long edge of the bands. Cast metal was flattened into a thin band. Parallel scratches along the butt end of the threads suggest that rolled out metal was cut with a tool with a thin, sharp blade leaving scratches along the course of the blade. Semi-finished products were wound onto an organic core. The threads found in the slabbed graves atop of the plateau of Eski-Kermen were spun silver threads wound onto a silk core. Technologically, these threads correspond to the products of Mediterranean workshops. The location of the metal threads in the burial indicates that they were used in the embroidering of the collar and neck.

Keywords: ancient town of Eski-Kermen, slabbed graves, costume of the mediaeval Crimean population, metal threads, scanning electron microscopy with energy dispersive spectroscopy, inductively coupled plasma mass spectrometry

Acknowledgments: This study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 20-18-00076 "The Evolution of the Towns on the Inner Ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages and Modern Period."

С древнейших времен одежда, наряду с утилитарной функцией, была наделена знаковой системой, позволяющей различать людей по полу и возрасту, по территориальной, этнической, религиозной и социальной принадлежности [5, с. 4; 7, с. 43–44]. Поэтому костюм является важным источником для изучения различных аспектов жизни древнего общества. При воссоздании внешнего облика одежды, в виду плохой сохранности органического материала, в большинстве случаев исследователи вынуждены ограничиваться набором вещей, изготовленных из металла, камня, кости и стекла. Особый интерес представляют находки металлических нитей.

Декорирование одежды драгоценными металлами всегда служило способом подчеркнуть высокий социальный статус и материальное благополучие владельца. Находки золотных нитей известны со II тыс. до н.э. Они встречаются на территории Ближнего Востока, Древней Греции, Римской империи, и позже – Византии,

средневековой Европы, Древней Руси и Золотой Орды [30, р. 72–74; 25, с. 347–348]. Золотные нити вплетали в ткани, применяли при изготовлении гобеленов, вышивки и кружев. Чаще всего они использовались вместе с шелком, из которого изготавливались самые дорогие, престижные одеяния. Выделяется три основных типа металлических нитей, различающихся морфологическими характеристиками: 1 – тонкие полоски золота или серебра, навитые на шелковую или льняную нить (пряденые); 2 – золотая или серебряная проволока, наматываемая по спирали; 3 – позолоченные полоски кожи, бумаги, кишечника животных. Эта типология может быть еще более дробной, если дополнять ее технологическими нюансами изготовления [26, р. 55–60].

Одежда из тканей с золотными нитями пользовалась популярностью и у средневекового населения Юго-Западного Крыма. Фрагмент импортной, вероятно, византийской, расшитой золотными нитями шелковой ткани XII в. найден в Херсонесе [11, с. 49–50]. Обрывки позумента от головного убора из плетеных серебряных позолоченных нитей зачищены в одном из женских погребений XIV в. около западной стены Мангупской базилики [18, с. 358–359, рис. 23,ж]. В могиле XIII–XIV вв. около часовни на плато Кыз-Куле выявлены фрагменты узкой тесьмы и жгута, плетенных из золоченых нитей [2, с. 86]. При этом, в публикациях, посвященных названным находкам, отсутствует информация о технологии изготовления средневековых золотных нитей. В предлагаемой работе представлены результаты исследований золотных нитей, найденных в 2020 г. в плитовых могилах XIV в. перед главной базиликой на плато Эски-Кермен, проводившихся с применением естественно-научных методов.

Для изучения отобрано три образца нитей. Образец 1 – нити, обнаруженные в верхней части грудной клетки в женском погребении из плитовой могилы 5/2020, сплетенные в плоский шнур. Ширина металлической полосы составляет ~350–400 нм, толщина ~11–13 нм. Нити спрядены неплотно в S-направлении, с просветами между круткой. Изделия деформированы – уплощены, в просветах между металлом видна свитая нить из органического материала (рис. 1,1; 3,1).

Образец 2 – нити, происходящие из того же женского погребения из могилы 5/2020, но собранные в области шеи. Они лежали разрозненно и, скорее всего, были вплетены в ткань горловины платья. Ширина металлической полосы составляет ~390–420 нм, толщина ~12–14 нм. Нити спрядены неплотно, в S-направлении, с просветами между круткой (рис. 1,2; 3,2).

Нити образца 3 зачищены на шейных позвонках девочки-подростка из плитовой могилы 8/2020. Ширина металлической полосы составляет ~310–390 нм, толщина ~21–25 нм. Нити спрядены неплотно в S-направлении, с просветами между круткой. Изделия деформированы – уплощены, в просветах между металлом видна свитая нить (рис. 2,2; 3,3).

Для исследования морфологии нитей использовался двулучевой растровый электронно-ионный микроскоп VERSA 3D (ThermoFisher Scientific) с кольцевым

твердотельным детектором обратно рассеянных электронов (CBS). При помощи CBS детектора был визуализирован контраст по электронной плотности (т.е. получена информация о составе поверхности нитей), были зафиксированы неоднородности в составах металла, а также визуализированы области высоких концентраций золота [более подробно: 28, р. 591–597]. Особенностью всех изученных золотных нитей является очень ровная внешняя и внутренняя поверхность металлического листа. В образцах включения золота были растянуты в массе металла вдоль длинного края полос, что свидетельствует о раскатывании металла в этом направлении.

На недеформированных участках металлических полос всех трех видов нитей были выявлены следующие морфологические особенности, позволяющие реконструировать технологию их изготовления:

- торцевые края всех металлических полос имеют достаточно ровный срез, расположенный почти под прямым углом к плоскости листа металла;
- один из краев (в большинстве случаев внешний край свернутого листа) имеет небольшую оборку выступающего металла (рис. 3,4–6);
- вдоль длинного края торцов на всех фрагментах нитей наблюдаются протяженные и достаточно глубокие параллельные царапины (рис. 3,4–6).

Известно несколько технологий изготовления золотого листа. Теофил Пресвитер, живший в начале XII в., приводит способ создания листового золота: небольшие плоские кусочки золота или серебра (обязательно чистого) укладывают между листами бумаги, которые в два раза больше фрагментов металла по размеру. Все складывается в футляр из пергамента. Медным литым молотком с плоской рабочей стороной наносятся равномерные удары, пока золото или серебро не утоньшится и не растянется до нужных параметров [17, с. 86–87]. К XIV в., к началу эпохи Возрождения, в Италии спрос на листовое золото значительно вырос, в связи с широким его применением в живописи, внутреннем декоре храмов и дворцов, что, вероятно, вызвало появление мастеров – «золотобитов», которые изготавливали листы разной толщины и текстуры под разные цели [24, с. 54]. Однако оба средневековых источника повествуют о листовом металле, применявшемся для нужд живописи и создания книжных миниатюр. По мнению А. Каратзани и Т. Рэрена, для создания текстиля, начиная с XIV в., применялись и пряденые золотные нити, в которых металлическая составляющая представляет собой расплюснутую проволоку. Такие изделия имеют более закругленные края и равномерную ширину по всей длине. Более того, они обычно несут на своей поверхности характерные параллельные линии от процесса вытяжения [27, р. 444.11, fig. 1]. Однако, как показывают исследования золотных нитей, найденных в разграбленном склепе I–II вв. н.э. некрополя Херсонеса Таврического, эта технология применялась с античного времени [1, с. 206, рис. 6, кат. № 351, табл. 92, 95].

Растянутые вдоль длинного края металлического листа включения в сплаве, а также абсолютно гладкая поверхность металла нитей из Эски-Кермена свидетельствуют о плющении отлитого металла, вероятно, в виде проволоки, в тонкую по-

лосу. Зафиксированные в исследуемых нитях растянутые включения золота аналогичны параллельным линиям на поверхности нитей, применявшихся в XIV в. для декорирования греческого церковного текстиля, которые исследователи связывают с вытяжением металла проволоки [27, р. 444.11, fig. 1]. Параллельные царапины, идущие вдоль по торцу исследуемых нами нитей, позволяют предположить, что раскатанный металл затем был нарезан на более узкие полосы. Резка раскатанной проволоки производилась орудием с тонким острым лезвием, оставляющим царапины вдоль хода лезвия. Оборка металла, во всех случаях расположенная на одном из краев торца, представляет собой зону деформированного, растянутого в процессе резки, нижнего края металлической заготовки (рис. 3,5–6).

На макрофотографиях видно, что полоска металла навита на основу, имеющую органическое происхождение. В результате исследования нитей основы было установлено, что они изготовлены из шелка (более подробно см. статью В. М. Пожидаева и др. в настоящем сборнике).

Для определения точного количественного элементного состава металлической составляющей нитей был проведен ее анализ методом масс-спектрометрии с индуктивно-связанной плазмой. Работа выполнена с использованием научного оборудования ЦКП НИЦ «Курчатовский институт» – ИРЕА. Масс-спектрометрия с индуктивно-связанной плазмой выполнялась на установке Elan DRC-e, Perkin Elmer.

Анализ был выполнен с использованием многоэлементного градуировочного стандартного образца для ИСП-спектроскопии ICP-MS-3-10 (5% HNO₃) (Ag, Al, As, Ba, Be, Bi, Ca, Cd, Co, Cr, Cs, Cu, Fe, Ga, In, K, Li, Mg, Mn, Na, Ni, Pb, Se, Sr, Tl, U, V, Zn – 10 мкг/мл), производитель High-Purity Standards (США), с применением метода TotalQuant.

Параметры работы масс-спектрометра:

<i>Параметр</i>	<i>Значение</i>
Мощность высокочастотного генератора	1200 Вт
Время измерения на массе, мс	25
Число циклов	20
Число чтений	1
Число реплик	2
Расход плазмообразующего потока Ar	15 л/мин
Расход вспомогательного потока Ar	1.2 л/мин
Расход пробоподающего потока Ar	0.5 л/мин

Атомно-эмиссионная спектрометрия с индуктивно-связанной плазмой (ИСП-АЭС) производилась на установке iCAP6300 Duo, Thermo Fisher Scientific с использованием ПО – iTEVA, версия: 2.5.0.84.

Анализ был выполнен с использованием многоэлементных градуировочных стандартных образцов:

1) IV-STOCK – 58 (10% HCl) (Au, Ir, Os, Pd, Pt, Re, Rh, Ru – 100 мкг/мл) производитель Inorganic Ventures (США).

2) ICP-MS-68B-100 Solution B (ICP-MS-68B-B-10) (2% HNO₃) (Ag, Ge, Hf, Mo, Nb, Sb, Si, Sn, Ta, Te, Ti, W, Zr – 10 мкг/мл), производитель High-Purity Standards (США).

<i>Параметр</i>	<i>Значение</i>
Мощность высокочастотного генератора	1200 Вт
Время интегрирования на 1 щели, с	25
Время интегрирования на 2 щели, с	20
Число повторов	1
Расход плазмообразующего потока Ar	15 л/мин
Расход вспомогательного потока Ar	1.2 л/мин
Расход потока Ar распылителя пробы	0.6 л/мин

Во избежание потерь серебра при растворении образцов пробоподготовка проходила в 2 этапа.

1) Навески проб 10–25 мг растворялись в полипропиленовых пробирках в 2 мл азотной кислоты с применением системы HotBlock 200 Series при $t=105^{\circ}\text{C}$. Растворенную часть отделяли от осадка и промывали осадок. Весь раствор с промывными водами переносили в новую пробирку, доводили объем деионизованной водой до 50 мл (раствор 1).

2) Отмытый осадок растворяли в 2 мл царской водки, доводили объем деионизованной водой до 50 мл (раствор 2).

Полученные растворы анализировались методами ИСП-АЭС (основные компоненты) и ИСП-МС (примесные компоненты). Результаты измерений раствора 1 и раствора 2 складывались.

Полученные данные представлены в таблице 1. Металл всех трех фрагментов нитей был определен как серебро высокой пробы, в составе которого присутствует золото в концентрации 2–3%.

Таблица 1. Результаты масс-спектрометрии нитей из плитовых могил 5/2020 и 8/2020

<i>Элементный состав</i>	<i>Могила 5/2020</i>		<i>Могила 8/2020</i>
	<i>Нити 1</i>	<i>Нити 2</i>	<i>Нити 3</i>
Ag	95,8	95,4	96,0
Au	2,69	2,99	2,24
Cu	0,11	0,12	0,30
Fe	0,025	0,028	0,012
Pb	0,049	0,046	0,16
S	0,16	0,11	0,033
Si	0,027	0,024	0,018
Al	0,016	0,022	0,008
Ca	0,091	0,16	0,076
Na	0,002	0,003	0,007
Mg	0,005	0,006	0,003
P	0,012	0,020	0,005
K	0,008	0,012	0,16
V	0,001	0,002	0,001
Cr	0,001	0,001	0,002
Zn	0,001	0,001	0,001
Hg	0,013	0,005	0,004
Bi	< 0,001	< 0,001	< 0,001

В целом, найденные в плитовых могилах нити можно охарактеризовать как пряденые серебряные, навитые на шелковую основу. Технологически нити соответствуют изделиям, которые относятся к средиземноморским ремесленным мастерским [14, с. 152; 21, с. 141–142; 22, с. 64–68].

Златотканые одежды характеризуют определенные культурные комплексы и, что особенно важно, являются свидетельствами доминирующих тенденций в моде региона и направлении торговых контактов, поэтому важно рассмотреть историю их распространения и использования на сопредельных с Крымом территориях.

В Византии при императорском дворе существовала специальная шелкоткацкая мастерская по производству золотных лент, предназначенная для украшения церемониальной одежды [29, р. 22–29]. Существовало и ремесленное производство, которое также довольно строго регламентировалось государством. Значение дорогих тканей и одежд в торговле и внешней политике Византии подчеркивают многочисленные законы, регулирующие их продажу и изготовление. В Книге Эпарха – официальном своде уставов константинопольских ремесленных и торговых корпораций X в., находившихся в ведении градоначальника, отмечается, что изготовителям шелковых тканей и одежд-иматиев запрещается перепродавать их иностранцам без особого разрешения властей. Ткани, законно проданные иностранцам, осматривались чиновниками эпарха и пломбировались специальными свинцовыми печатями [3, с. 52–53, 57–58; 16, с. 1116–1117].

В Древней Руси золотные нити получили распространение благодаря функционированию торгового пути «из варяг в греки» [25, с. 356]. Дорогие ткани, в том числе орнаментированные золотными нитями, являлись важным предметом импорта из Византийской империи на Русь. О ценности тканей свидетельствуют источники в сюжетах, рассказывающих о «византийской дани» Олегу, Игорю и Святославу. Одним из главных пунктов в перечне подарков стоят шелковые ткани – паволоки русских летописей. Попадая на Русь, шелка, украшенные тесьмой с золотной нитью и позументами из золотой и серебряной проволоки, в дальнейшем поступали в крупные торговые центры Швеции. Знать в молодых государственных образованиях Северной и Восточной Европы подражала традициям Византийской империи. Византийский придворный костюм служил своеобразным эталоном, что привело в X столетии к желанию иметь престижные знаки власти и богатства, которыми являлись шелковые, парчовые и златотканые ткани [9, с. 144; 10, с. 262–279]. Пряденые золотные нити византийского или ближневосточного происхождения использовались в первых древнерусских государственных центрах, что подтверждают находки на месте древнейшего рва Рюрикова городища в Великом Новгороде в слое второй половины X в., где были найдены скопления золотных нитей из фольги и золотая проволока для изготовления тесьмы [12, с. 80].

Золотыми нитями или «битью» вышивали воротники и иногда «поручьи»-нарукавники древнерусской одежды, а также литургические облачения иерархов православной церкви и парадные костюмы древнерусской знати. Судя по миниатюрам,

фрескам и иконам XI–XIII вв., на Руси в княжеско-боярской среде носили плащи из тяжелого шелка, окаймленные золотной лентой, платье с разрезом спереди, обшитым с двух сторон золототканой тесьмой [21, с. 140–141].

В домонгольское время на Руси золотными нитями расшивался не только костюм высших сословий, но и рядового населения. На высокую популярность металлических нитей указывает тот факт, что коллекция шитья из Государственного исторического музея состоит преимущественно из находок этого периода, происходящих из сельских кладбищ Руси. Шелк с вышивкой золотными нитями использовался сельским населением только для отделки праздничного костюма, сшитого из шерстяных или льняных тканей. Полосками шелка обшивали ворот платья, из шелка выкраивали пристяжные воротнички и невысокие стоячие, которые носили на шее подобно ожерелью, их украшали различными узорами. Основным материалом для шитья служили спряденные на шелковую или льняную основу золоченые серебряные нити. Так, многие из фрагментов тесьмы находились в погребениях на шейных позвонках скелетов, большей частью вместе с мелкими шаровидными пуговками, которыми застегивался ворот платья. Шитьем украшали также узкие полоски на рукавах [20, с. 222; 21, с. 140–141; 23, с. 4–12]. Для того, чтобы удовлетворить возрастающий спрос на престижную, украшенную золотом одежду, сестра Владимира Мономаха Анна открыла в Киеве при монастыре школу для обучения девочек вышивке золотом и серебром. Однако, судя по находкам из курганов сельского населения, вышитые изделия производили и местные вышивальщицы [23, с. 4].

Способ изготовления золотных нитей из памятников Древней Руси различен, встречаются как пряденые, так и проволочные изделия из золота, серебра, позолоченного серебра и органической подложки. Общим является применение для изготовления нитей золота или серебра высокой пробы. На Руси металлические нити использовались для создания парчовых тканей, золотной вышивки, золототканых лент и плетеных позументов [25, с. 352–355].

Современные исследования археологического текстиля с золотными нитями дают представления не только об орнаменте и регионе распространения, но и о технике изготовления и материале. Изучение одежды из шелковых и золотных нитей, найденных в погребениях XII–XIII вв. на территории Дмитровского кремля, позволило установить, что золотные нити прядены на шелковой основе. Исследование поверхности изделия и состава металла показало, что в одном случае металлическая полоска выполнена в технологии «двойника», в остальных случаях использовалась серебряная полоска с позолотой. Образцы тесьмы из Дмитровского кремля отнесены О. В. Орфинской к византийскому импорту [15, с. 130–132].

В золотоордынское время география распространения металлических нитей меняется. Их находки известны как на некрополях, связанных с крупными городскими центрами на Волге, так и в подкурганых захоронениях на обширных степных просторах, подконтрольных кочевникам. В кургане 2 у пгт. Токовское Днепропетровской области, в погребении второй половины XIII – середины XIV в.

обнаружено несколько видов текстиля с золотными нитями: куски от трех парчовых тканей; ткани, декорированной золотыми «горошинами»; фрагменты позолоченной кожи. Золотные нити, входившие в состав двух парчовых тканей, представляют собой шелковую основу красного цвета, спряденную с полоской животной субстанции, покрытой сусальным золотом довольно высокой пробы. Золотая нить из третьего фрагмента покрыта тонко раскатанной фольгой. Золотой декор в виде горошин состоит из полосок органического происхождения, покрытых сплавом, который содержит более 80% золота. Т. Н. Крупа, исследовавшая названный текстиль, предположила его китайское происхождение, при этом не исключив возможность изготовления подобных золотных нитей в конце XIII в. в крупных центрах Золотой Орды пленными мастерами или их учениками [6, с. 220–221].

Исследование одежды знатной золотоордынской женщины, найденной в 1995 г. недалеко от Астрахани во время раскопок могильника Маячный бугор, было проведено в ГИМе. Золотные нити применялись в парчовых тканях в качестве узорных утков, с помощью которых формируется рисунок этих дорогих тканей. Обнаруженные золотные нити представляют собой тонкие узкие полоски, которые состоят из двух слоев: нижнего из темного органического материала и верхнего – тонкой полоски желтого сусального металла. Выделяется два варианта золотных нитей, различающихся по структурным характеристикам: плоская золотная нить, играющая роль самостоятельного утка, и плоская золоченная полоска, обвитая вокруг центральной шелковой нити. Проведен качественный и количественный элементный состав слоя сусального металла в золотных нитях восьми образцов различных тканей. Во всех изученных нитях плетенка металла была изготовлена из золота очень высокой пробы. Лишь в двух случаях найдены небольшие примеси серебра. Органическая подложка выполнена из кишечника животных, клеем служила слизь из эпителиальных клеток [8, с. 9–10, 167–181].

При раскопках 2012 г. мавзолея Болгарской аристократии золотордынского времени, в одном из женских погребений конца XIV в. обнаружены остатки женского головного убора, составленного из различных видов тканей, в числе которых – красная шелковая ткань с узором, выполненным плоскими золотными нитями на органической основе. Отдельно обнаружены фрагменты плетеного изделия из шелковых и золотных нитей. Золотная нить, в этом случае, представляет собой шелковый сердечник, на который в S-направлении навита полоска металла. Учитывая разницу в технике изготовления тканей, головной убор интерпретируется как предмет восточного или средиземноморского импорта. География возможных центров производства данных тканей – от Китая до Египта [19, с. 74–80].

Текстиль с золотными нитями, обнаруженный в погребении из мавзолея № 5 Болгарского городища, реконструируется исследователями как фрагмент шелковой шали с тканым декором. Изделие украшено двумя полосами из золотных нитей на шелковой основе, обвитой металлической полоской в S-направлении. Изучение качественного и количественного состава металла лицевой и оборотной поверхности металлической

полоски нити показало, что она изготовлена из серебра с небольшой добавкой меди и позолочена с лицевой стороны. Результаты исследования золотных нитей позволили предположить их западное происхождение. Скорее всего, тонкие шелковые шали с золотным декором поступали из Средиземноморского региона [14, с. 146–153].

В погребении золотоордынского времени на Водянском городище в Волгоградской области обнаружена тонкая шелковая ткань с декоративной полосой, выполненной золотными нитями из белого металла, навитого на шелковый сердечник. Также найден фрагмент плетеной цепочки из золотных нитей, выполненных в аналогичной технике. Металлическая составляющая нитей разрушена, но сохранились окислы серебра. В другом погребении на этом же памятнике зачищен фрагмент ткани с вышивкой металлической нитью «в прикреп». Металлическая нить – волооченая проволока из белого металла диаметром 0.32–0.45 мм. По наблюдению исследователей, золотные нити из названных погребений не характерны для восточных регионов и, вероятно, произведены в районе Средиземного моря [13, с. 235–240].

Комплекс мужской одежды конца XIII – XIV в., представленный двумя шелковыми платьями и головным убором, обнаружен в курганном могильнике Джухта в Ставропольском крае. Шелковые ткани халатов имели дополнительный уток, образованный путем скручивания вправо шелковой нити и узкой полоски животной субстанции с нанесенным с одной стороны тонким слоем золота. По мнению З. В. Доде, ткани из Джухтинского могильника маркируют китайскую шелкоткацкую традицию [4, с. 138–139, 142].

Таким образом, можно отметить, что золотные нити, в соответствии с распространенной на территории Золотой Орды модой, употреблялись для декорирования халатов, жилетов, обуви и головных уборов. Отличается и технология их изготовления: шелковая основа, спряденная с полоской животной субстанции, покрывалась золотом довольно высокой пробы [6, с. 220–221; 8, с. 9–10, 167–181; 4, с. 138–139, 142]. Хотя на памятниках городского населения известны и пряденые нити, состоящие из шелковой основы, обвитой металлической полоской, а также нити-волоочки. Нити двух указанных вариантов, вероятно, являются западным импортом [14, с. 146–153; 13, с. 235–240]. В погребении мавзолея Болгарской аристократии золотордынского времени обнаружены как пряденые, так и нити на органической основе, входившие в состав различных видов ткани [19, с. 74–80].

В плитовых могилах XIV в. на плато Эски-Кермен золотные нити узкой полосой локализируются в районе шеи и груди погребенных, что позволяет говорить об их использовании в изделиях, относящихся к обшивке ворота и горловины. Схема переплетения нитей образцов 2 и 3 указывает на то, что золотными нитями осуществлялась вышивка изделия шириной не менее 2,0 см (рис. 2), а нити образца 1 входили в состав плетеного шнура (тесьмы?) шириной около 1,0 см (рис. 1,1). Использование золотных нитей, навитых на шелковую основу, для украшения горловины платья является отражением единой традиции в costume христианского населения регионов, попадавших под культурное влияние Византии.

Рис. 1. Женское погребение и золотные нити из могилы 5/2020. Фото Э.А. Хайрединовой.
Fig. 1. Woman's burial and metal threads from grave 5/2020. Photo: E. A. Khairedinova

Рис. 2. Погребение девочки-подростка и золотные нити из могилы 8/2020. Фото Э.А. Хайрединовой
Fig. 2. The burial of a teenage girl and metal threads from grave 8/2020. Photo: E. A. Khairedinova

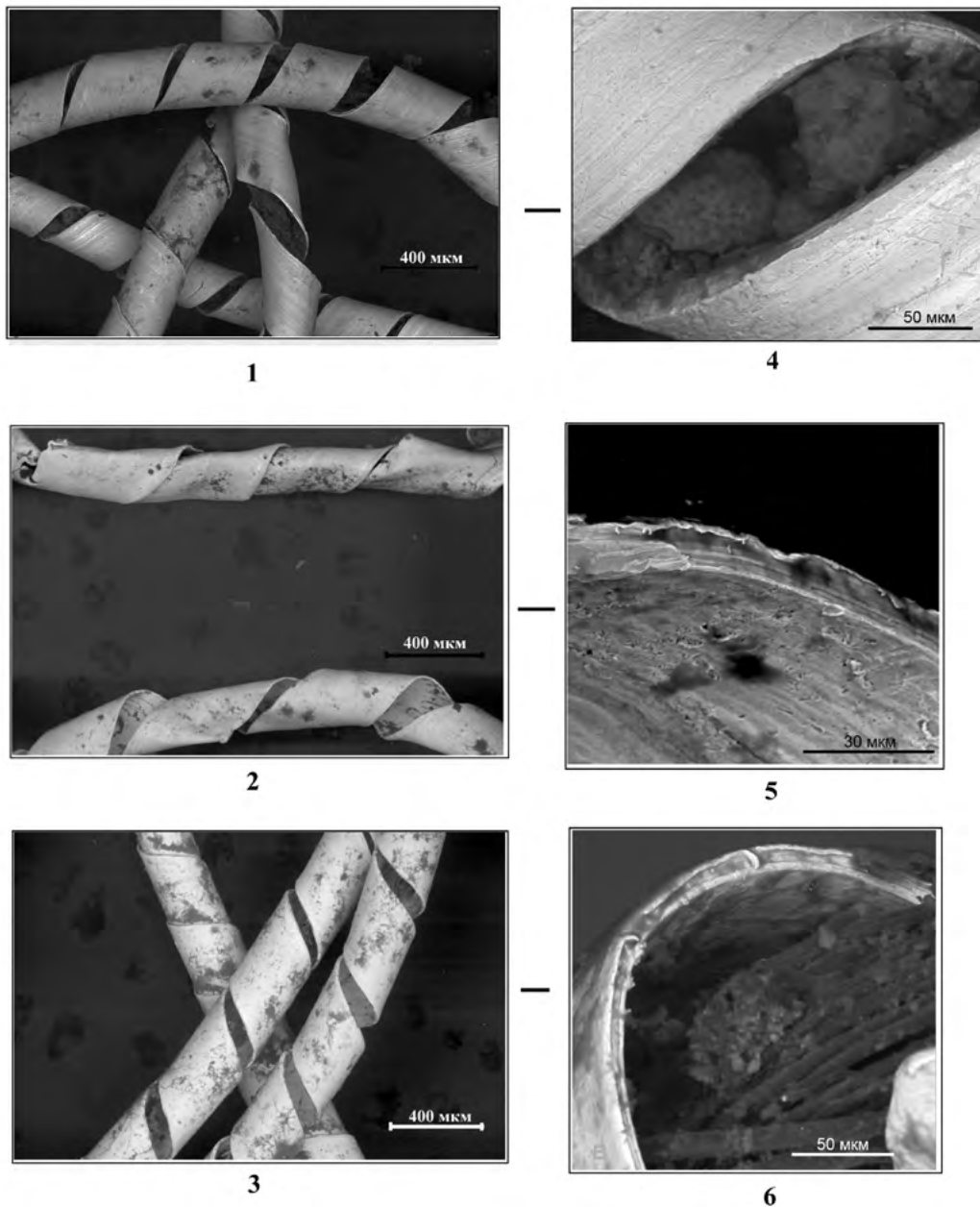

Рис. 3. РЭМ-изображения поверхностей нитей и края металлических полос.

1, 4 – нити 1; 2, 5 – нити 2; 3, 6 – нити 3

Fig. 3. SEM image of the surface of threads and the edge of metal bands.

1, 4 – threads 1; 2, 5 – threads 2; 3, 6 – threads 3

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев И.Б., Кадикова И.Ф., Шемаханская М.С., Юрьева Т.В. Золотные нити Херсонеса // Золото Херсонеса Таврического (Ювелирные изделия из собрания Государственного исторического музея). М.: РИА Внешторгиздат, 2017. С. 204–209.
2. Боданинский У.А. Черкес-Керменское укрепление Кыз-Куле по разведкам 1933 г. // ИГАИМК. 1935. Вып. 117. Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931–1933 гг. С. 81–87.
3. Византийская книга Эпарха. М.: Издательство восточной литературы, 1962. 296 с.
4. Доде З.В. Уникальный шелк с «драконами» из могильника Джухта (Северный Кавказ) // РА. 2005. № 2. С. 138–150.
5. Древняя одежда народов Восточной Европы: материалы к историко-этнографическому атласу / Отв. ред. М.Г. Рабинович. М.: Наука, 1986. 272 с.
6. Крупа Т.Н. Исследование костюма золотоордынского времени из кургана 2 группы Токовские могилы // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6 / Ред. А.В. Евлевский. Донецк, 2008. С. 215–268.
7. Кузнецов И.В. Одежда армян Понта. Семиотика материальной культуры. М.: «Восточная литература» РАН, 1995. 294 с.
8. Лантарова О.Б., Голиков В.П., Орфинская О.В., Владимирова О.Ф., Егоров В.Л. Исследование уникальных археологических памятников из собрания Государственного исторического музея – комплексов одежд XIII–XIV вв. М., 2002. 237 с.
9. Михайлов К.А. Ранние образцы древнерусского золотого шитья в Чернигове и Шестовице // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи: Збірник наукових праць, присвячених 1100-літтю першої літописної згадки про Чернігів. Чернігів, 2007. С. 138–153.
10. Михайлов К.А. Византийские влияния на парадный костюм североевропейской и древнерусской аристократии эпохи викингов // Диалог культур и народов средневековой Европы / Ред. Н.В. Хвошинская. СПб., 2010. С. 262–279.
11. Новицкая М.А. Золотная вышивка Киевской Руси // Byzantinoslavica: Revue internationale des études byzantines. 1972. Fasc. 1. Т. XXXIII. С. 42–58.
12. Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 211 с.
13. Орфинская О.В. Текстильные находки с Селитренного и Водянского городищ (раскопки Поволжской экспедиции 1974 и 1981 гг.) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань, Астрахань, 2011. С. 235–240
14. Орфинская О.В., Лантарова О.Б. Золототканая шаль Золотой Орды // Поволжская археология. 2014. № 4 (10). С. 146–153.
15. Орфинская О.В., Энговатова А.В., Голиков В.П. Исследования и реконструкция деталей костюма из погребений домонгольского времени из некрополей Дмитровского кремля // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 6. М.: ИА РАН, 2010. С. 130–138.
16. Сорочан С.Б. Византийские Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.): очерки истории и культуры. Ч. 1–2. Харьков: Майдан, 2005. 1644 с.
17. Теофил Пресвитер «О различных искусствах» / Пер. А.А. Морозова, ред. и примеч. А.В. Виннера // Сообщения Центральной научно-исследовательской лаборатории по консервированию и реставрации музейных художественных ценностей. 1963. Вып. 7. С. 66–184.
18. Тиханова М.А. Базилика // МИА. 1953. № 34. Археологические памятники Юго-Западного Крыма. С. 334–389.
19. Федотова Ю.В., Синицына Н.П., Орфинская О.В., Визгалова М.Ю. Реставрация и исследования археологического текстиля периода Золотой Орды из захоронения Булгарской женщины (конец XIV в.) // Поволжская археология. 2015. № 3 (13). С. 74–91.
20. Фехнер М.В. Золотное шитье Владимир-Суздальской Руси // Средневековая Русь / Ред. Г.К. Вагнер, Д.С. Лихачев, П.А. Раппопорт. М.: Наука, 1976. С. 222–225.

21. Фехнер М.В. Изделия шелкоткацких мастерских Византии в Древней Руси // СА. 1977. № 3. С. 130–142.
22. Фехнер М.В. Шелковые ткани в средневековой Восточной Европе // СА. 1982. № 2. С. 57–70.
23. Фехнер М.В. Древнерусское золотное шитье X–XIII вв. в собрании Государственного Исторического музея // Труды Государственного исторического музея. 1993. Вып. 82. Средневековые древности Восточной Европы. С. 3–21.
24. Ченнино Ченнини. Книга об искусстве или трактат о живописи / Пер. с итал. А. Лужнецкой; ред. А. Рыбников. М., 1933. 76 с.
25. Яковчик М.С. Текстильные изделия с золотными нитями на территории Древней Руси X – начала XI вв. // Stratum plus. 2017. № 5. С. 347–358.
26. Karatzani A. Metal threads: the historical development // Textiles and Dress in Greece and the Roman East: a Technological and Social Approach. Athens: Ta Pragmata Publications, 2012. P. 55–65.
27. Karatzani A., Rehren T. Clothes of gold: metal threads in Byzantine-Greek orthodox ecclesiastical textiles // Proceedings ISA. 2006. P. 444.09-444.19.
28. Loboda A.Yu., Antipenko A.V., Mandrykina A.V., Khairedinova E.A., Tereschenko E.Yu., Aibabin A.I., Yatsishina E.B. Electron Microscopic Study of Metal Threads from a Slab Grave on the Eski-Kermen Plateau // Nanobiotechnology Reports. 2021. Vol. 16. No. 5. P. 591–597
29. Lopez Robert Sabatino. Silk industry in the Byzantine empire // Speculam. 1945. Vol. XX (1). P. 1–42.
30. Roche-Bernard G. Costumes et textiles en Gaule romaine. Paris: Edition Errance, 1993. 175 p.

REFERENCES

1. Afanas'ev I.B., Kadikova I.F., Shemakhanskaia M.S., Iur'eva T.V. The golden threads of Chersonesos. *Zoloto Khersonesa Tavricheskogo (Iuvelirnye izdeliia iz sobraniia Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia)* [Gold of Tauric Chersonesos (Jewelry from the collection of the State Historical Museum)], Moscow, RIA Vneshtorgizdat Publ., 2017. pp. 204–209.
2. Bodaninskii U.A. Circassian-Kermen fortification of Kyz-Kule according to reconnaissance 1933. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Bulletin of the State academy of the history of material culture], 1935, vol. 117, pp. 81–87.
3. *Vizantiiskaia kniga Eparkha* [Byzantine Book of Eparch]. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 1962, 296 p.
4. Dode Z.V. Unique silk textile with “dragons” from the cemetery Djukhta (the North Caucasus). *Rossiiskaia arkheologiiia* [Russian Archaeology], 2005, no. 2, pp. 138–150.
5. Rabinovich M.G. (ed.), *Drevniaia odezhda narodov Vostochnoi Evropy: materialy k istoriko-etnograficheskomu atlasu* [Ancient clothing of the peoples of Eastern Europe: materials for a historical and ethnographic atlas]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 272 p.
6. Krupa T.N. Exploring the costume of the Golden Horde time from the mound 2 Tokovskie graves. Evglevskii A.V. (ed.), *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia* [The steppes of Europe in the Middle Ages], vol. 6, Donetsk, 2008, pp. 215–268.
7. Kuznetsov I.V. *Odezhda armian Ponta. Semiotika material'noi kul'tury* [The clothes of the Armenians of Pontus. The semiotics of material culture]. Moscow, Vostochnaia literatura RAN Publ., 1995, 294 p.
8. Lantarova O.B., Golikov V.P., Orfinskaia O.V., Vladimirova O.F., Egorov V.L. *Issledovanie unikal'nykh arkheologicheskikh pamiatnikov iz sobraniia Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia – kompleksov odezhd XIII–XIV vv.* [Study of unique archaeological monuments from the collection of the State Historical Museum – clothing complexes of the 13th – 14th centuries]. Moscow, 2002, 237 p.
9. Mikhailov K.A. Early examples of Old Russian gold embroidery in Chernigov and Shestovitsa. *Chernigiv u seredn'ovichnii ta rann'omodernii istorii Tsentral'no-Skhidnoi Evropy: Zbirnik naukovikh prats', prisviachenikh 1100-littiu pershoi litopisnoi zgakdy pro Chernigiv* [Chernigov in the medieval history of Central and Eastern Europe. Collection of scientific works dedicated to the 1100th anniversary of the first mention of Chernigov in chronicles], Chernigov, 2007, pp. 138–153.

10. Mikhailov K.A. Byzantine influences on the ceremonial dress of the Northern European and Old Russian aristocracy of the Viking Age. Khvoshchinskaia N.V. (ed.), *Dialog kul'tur i narodov srednevekovoi Evropy* [Dialogue of cultures and peoples of medieval Europe], St.-Petersburg, 2010, pp. 262–279.
11. Novitskaia M.A. Gold embroidery of Kievan Rus. *Byzantinoslavica: Revue internationale des études byzantines*, 1972, fasc. 1, vol. 33, pp. 42–58.
12. Nosov E.N. *Novgorodskoe (Riurikovo) gorodishche* [Novgorod (Rurikovo) settlement]. Leningrad, Nauka Publ., 1990, 211 p.
13. Orfinskaia O.V. Textile finds from Selitrenny and Vodyansky settlements (excavations of the Volga expedition in 1974 and 1981). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve. Materialy V Mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati G.A. Fedorova-Davydova* [Dialogue between urban and steppe cultures in the Eurasian space. Materials in the International conference dedicated to the memory of G.A. Fedorov-Davydov], Kazan, Astrakhan, 2011, pp. 235–240
14. Orfinskaia O.V., Lantratova O.B. The shawl, woven with gold from the Golden Horde. *Povolzhskaia arkheologiia* [The Volga River Region Archaeology], 2014, no. 4 (10), pp. 146–153.
15. Orfinskaia O.V., Engovatova A.V., Golikov V.P. Analysis and reconstruction of the garment's elements from the burials of the pre-Mongolian time from the necropolises of the Dmitrov Kremlin. *Arkheologiia Podmoskov'ia. Materialy nauchnogo seminara* [Archeology of the Moscow Region: materials of the scientific seminar], vol. 6, Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2010, pp. 130–138.
16. Sorochan S.B. *Vizantiiskie Kherson (vtoraia polovina VI – pervaiia polovina X vv.): ocherki istorii i kul'tury* [Byzantine Kherson (second half of the 4th – first half of the 10th centuries): essays on history and culture]. Part 1–2. Kharkov, Maidan Publ., 2005, 1644 p.
17. Theophilus Presbyter “On the Various Arts”. Transl. A.A. Morozov. *Soobshcheniia Tsentral'noi nauchno-issledovatel'skoi laboratorii po konservirovaniu i restavratsii muzeinykh khudozhestvennykh tsennostei* [Messages from the Central Research Laboratory for the conservation and restoration of museum art treasures], 1963, vol. 7, pp. 66–184.
18. Tikhanova M.A. Basilika. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* [Materials and research on archaeology of the USSR], Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1953, no. 34, pp. 334–389.
19. Fedotova Iu.V., Sinitsyna N.P., Orfinskaia O.V., Vizgalova M.Iu. Restoration and research of the archaeological fabric from burial of the bulgarian woman of the Golden Horde period (the end of the 14th century). *Povolzhskaia arkheologiia* [The Volga River Region Archaeology], 2015, no. 3 (13), pp. 74–91.
20. Fekhner M.V. Gold embroidery of Vladimir-Suzdal Rus. Vagner G.K., Likhachev D.S., Rappoport P.A. (eds.), *Srednevekovaia Rus'* [Medieval Rus], Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 222–225.
21. Fekhner M.V. Products of silk weaving workshops of Byzantium in Ancient Rus. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet Archaeology], 1977, no. 3, pp. 130–142.
22. Fekhner M.V. Silk fabrics in medieval Eastern Europe. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet Archaeology], 1982, no. 2, pp. 57–70.
23. Fekhner M.V. Old Russian gold embroidery of the 10th – 13th centuries in the collection of the State Historical Museum. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia* [Proceedings of the State Historical Museum], 1993, vol. 82, pp. 3–21.
24. Chennino Chennini. *Kniga ob iskusstve ili traktat o zhivopisi* [A book on art or a treatise on painting]. Transl. A. Luzhnetskaia. Moscow, 1933, 76 p.
25. Iakovchik M.S. Textiles with golden threads in the Ancient Rus in the 10th – early 11th centuries. *Stratum plus*, 2017, no. 5, pp. 347–358.
26. Karatzani A. Metal threads: the historical development. *Textiles and Dress in Greece and the Roman East: a Technological and Social Approach*, Athens, Ta Pragmata Publications, 2012, pp. 55–65.
27. Karatzani A., Rehren T. Clothes of gold: metal threads in Byzantine-Greek orthodox ecclesiastical textiles. *Proceedings ISA*, 2006, pp. 444.09-444.19.
28. Loboda A.Yu., Antipenko A.V., Mandrykina A.V., Khairedinova E.A., Tereschenko E.Yu., Aibabin A.I., Yatsishina E.B. Electron Microscopic Study of Metal Threads from a Slab Grave on the Eski-Kermen Plateau. *Nanobiotechnology Reports*, 2021, vol. 16, no. 5, pp. 591–597

29. Lopez Robert Sabatino. Silk industry in the Byzantine empire. *Speculam*, 1945, vol. 20 (1), pp. 1–42.
30. Roche-Bernard G. *Costumes et textiles en Gaule romaine*. Paris, Edition Errance, 1993, 175 p.

Информация об авторах

Антипенко А. В. – младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; младший научный сотрудник отдела реализации грантов Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: U-2937-2019.

Лобода А. Ю. – ведущий специалист лаборатории естественнонаучных методов в гуманитарных науках НИЦ «Курчатовский институт»; научный сотрудник лаборатории ЛЕНМГИ-ИРЕА НИЦ «Курчатовский институт» – ИРЕА, Researcher ID: U-4725-2017.

Хайрединова Э. А. – кандидат исторических наук, заведующая Отделом средневековой археологии Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: Y-5905-2019.

Исмагулов А. М. – младший научный сотрудник НИЦ «Курчатовский институт» – ИРЕА.

Вашенкова Е. С. – заместитель заведующего аналитическим испытательным центром НИЦ «Курчатовский институт» – ИРЕА.

Терещенко Е. Ю. – кандидат физико-математических наук, заместитель начальника лаборатории естественнонаучных методов в гуманитарных науках НИЦ «Курчатовский институт»; старший научный сотрудник ФНИЦ «Кристаллография и фотоника» РАН; заместитель заведующего лаборатории ЛЕНМГИ-ИРЕА НИЦ «Курчатовский институт» – ИРЕА, Researcher ID: A-8731-2014.

Яцишина Е. Б. – кандидат философских наук, заместитель директора, начальник лаборатории естественнонаучных методов в гуманитарных науках НИЦ «Курчатовский институт»; начальник лаборатории ЛЕНМГИ-ИРЕА НИЦ «Курчатовский институт» – ИРЕА, Researcher ID: AAX-1228-2020.

Authors information

Antipenko A. V. – Junior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Junior Researcher of the Grants Implementation Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: U-2937-2019.

Loboda A. Yu. – Leading Specialist of the Laboratory of natural science methods in the humanities of the National Research Center “Kurchatov Institute”; Researcher of the LENMGI-IREA Laboratory of the NRC “Kurchatov Institute” – IREA, Researcher ID: U-4725-2017.

Khairedinova E. A. – Candidate of Science (History), Head of the mediaeval archaeology department of the Institute of Archaeology of the Crimea RAS, Researcher ID: Y-5905-2019.

Ismagulov A. M. – Junior Researcher of the National Research Center “Kurchatov Institut” – IREA.

Vashchenkova E. S. – Deputy Head of the Analytical Testing Center of the National Research Center “Kurchatov Institute” – IREA.

Tereschenko E. Yu. – Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Deputy Chief of the Laboratory of natural science methods in the humanities of the National Research Center “Kurchatov Institute”; Senior Researcher of the Federal Research Center “Crystallography and Photonics” RAS; Deputy Head of LENMGI-IREA Laboratory of the NRC “Kurchatov Institute” – IREA, Researcher ID: A-8731-2014.

Yatsishina E. B. – Candidate of Science (Philosophy), Deputy Director, Head of Laboratory of natural science methods in the humanities of the National Research Center “Kurchatov Institute”; Head of the LENMGI-IREA Laboratory of the NRC “Kurchatov Institute” – IREA, Researcher ID: AAX-1228-2020.

ИССЛЕДОВАНИЕ МАТЕРИАЛА СЕРДЕЧНИКА ЗОЛОТНЫХ НИТЕЙ ИЗ ПЛИТОВЫХ МОГИЛ XIV В. НА ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН

Виктор Михайлович Пожидаев¹, Андрей Владимирович Камаев²,
Анастасия Юрьевна Лобода³, Елена Юрьевна Терещенко⁴,
Эльзара Айдеровна Хайрединова⁵, Екатерина Борисовна Яцишина⁶

^{1,2,3,4,6} *Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», Москва, Россия*

^{3,4,6} *Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт» – ИРЕА, Москва, Россия*

¹ *rojidaev2006@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5916-4374>*

² *avkamaev54@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1839-6093>*

³ *lobodaau@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4926-1140>*

⁴ *ФНИЦ «Кристаллография и фотоника» РАН, Москва, Россия, elenatereschenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5035-6978>*

⁵ *Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия, khairedinovaz@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1362-757X>*

⁶ *yatsishina_eb@nrcki.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7652-7253>*

Аннотация. В 2020 г. в ходе раскопок центральной части города на плато Эски-Кермен в плитовых могилах 5/2020 и 8/2020 перед главной базиликой, в двух погребениях XIV в. были обнаружены золотные нити, представляющие собой тонкие полоски драгоценного металла, спирально навитые на сердечник. Настоящее исследование посвящено анализу материала сердечника изделий. Известно, что чаще всего полосы драгоценного металла навивали вокруг сердцевины на белковой основе (шелк, шерсть или волос) или же на основе целлюлозы (лён, хлопок или конопля). Анализировались образцы трех золотных нитей, но в одном образце не было обнаружено сохранившегося органического сердечника. При проведении электронно-микроскопического исследования нитей был зафиксирован волокнистый характер сердечника нитей, что позволило исключить применение в качестве основы для золотных нитей волос, кожи или сухожилий. Дальнейшее исследование природы материала сердечника выполнялось методом газовой хроматографии с масс-спектрометрией (ГХ/МС). Исследование позволило обнаружить следовые количества двух аминокислот – глицина и аланина, что наблюдается только в фиброине шелка. По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что сердечник исследуемых золотных нитей изготовлен из шелкового волокна. Это указывает на импортное, вероятно, средиземноморское происхождение золотных нитей, найденных в погребениях на плато Эски-Кермен. Изделия из таких нитей могли привозить в Крым генуэзские купцы. Известно, что в XIV в. различные шелковые ткани были приоритетным товаром в торговле, которую вели итальянцы в Каффе и городах Генуэзской Газарии.

Ключевые слова: городище Эски-Кермен, плитовые могилы, костюм средневекового населения Крыма, золотные нити, газовая хроматография с масс-спектрометрией, ГХ/МС

A RESEARCH OF THE MATERIAL OF THE CORE OF METAL THREADS FROM THE FOURTEENTH-CENTURY SLABBED GRAVES AT THE PLATEAU OF ESKI-KERMEN

Victor M. Pojidaev¹, Andrey V. Kamaev², Anastasia Yu. Loboda³,
Elena Yu. Tereschenko⁴, Elzara A. Khairedinova⁵, Ekaterina B. Yatsishina⁶

^{1,2,3,4,6} National Research Center "Kurchatov Institute", Moscow, Russia

^{3,4,6} National Research Center "Kurchatov Institute" – IREA, Moscow, Russia

⁴ Federal Research Center "Crystallography and Photonics" RAS, Moscow, Russia

⁵ Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia

Abstract. In 2020, the excavations of the fourteenth-century burials in slabbed graves 5/2020 and 8/2020 located in front of the main basilica in the central area of the town atop of the plateau of Eski-Kermen discovered metal threads of thin strips of precious metal spirally wound round the core. The present research analyses the material of this core. It is known that most often the strips of precious metal were wound around the core with protein base (silk, wool, or hair) or with cellulose base (linen, cotton, or hemp). The samples of three metal threads were analysed, though no preserved organic core was found in one of the samples. Electron microscopy of the threads recorded their fibrous core, thus showing that the base of metal threads was not hair, skin, or tendons. Further, the core material was investigated by gas chromatography – mass spectrometry. The research detected trace amounts of two amino-acids, glycine and alanine, which appeared in silk fibroin only. The results of this study suggest that the core of metal threads was made of silk cloth. This indicates an imported, probably Mediterranean origin of the metal threads found in the burials at Eski-Kermen plateau. The artefacts made of such threads were possibly brought to the Crimea by Genoese merchants. It is known that in the fourteenth century various silk cloths were a priority commodity in the trade carried on by the Italians in Caffa and the towns of Genoese Gazaria.

Keywords: ancient town of Eski-Kermen, slabbed graves, costume of the mediaeval Crimean population, metal threads, gas chromatography – mass spectrometry, GC/MS

С древнейших времен в изготовлении дорогих тканей использовались нити из драгоценных металлов. По рассказам Плиния Старшего, еще в Вавилоне особо роскошные ткани украшались пропущенной в них золотой нитью [8, с. 90]. Судя по находкам, ткани с металлическими нитями бытовали не только на территории Ближнего Востока, но и в Древней Греции. Одежды из ткани с золотыми нитями пользовались популярностью у привилегированных слоев населения в Римской империи, Византии, средневековой Европе, Древней Руси, Золотой Ордеи Китае [20, р. 72–74; 11, с. 273; 13, с. 347–348]. Существуют разные виды золотых нитей, отличающиеся способами изготовления [17, р. 55–60]. Чаще всего их делали из тонких полосок золота или серебра, навивавшихся на шелковую или льняную нить [16, р. 86–87, photo 28–31; 7, с. 9–10, 167–181; 10, с. 130–132], иногда – из проволоки драгоценного металла, наматываемой по спирали [9, с. 235–240; 17, р. 55–60]. В качестве нитей использовались и позолоченные тонкие полосы кожи, бумаги, кишечника животных [1, с. 138–139, 142; 6, с. 220–221; 7, с. 9–10, 167–181; 18, р. 444.10].

В 2020 г. в ходе раскопок центральной части города на плато Эски-Кермен в плитовых могилах 5/2020 и 8/2020 перед главной базиликой, в двух погребениях XIV в. были обнаружены золотные нити, представляющие собой тонкие полоски драгоценного металла, спирально навитые на сердечник. Изучение состава и технологических особенностей металла этих нитей описано в отдельных работах [19] (см. статью А. В. Антипенко и др. в данном выпуске). Настоящее исследование посвящено анализу материала сердечника изделий. Известно, что чаще всего полосы драгоценного металла навивали вокруг сердцевинки на белковой основе (шелк, шерсть или волос) или же на основе целлюлозы (лён, хлопок или конопля) [17, р. 55–60].

Анализировались образцы трех золотных нитей:

- фрагмент сплетенных в плоский шнур нитей, найденных в женском погребении из плитовой могилы 5/2020, в верхней части грудной клетки (нити 1);
- фрагмент разрозненных нитей из этого же погребения, лежавших в области шеи (нити 2);
- фрагмент нитей, обнаруженных на шейных позвонках девочки-подростка в плитовой могиле 8/2020 (нити 3).

При проведении электронно-микроскопического исследования нитей [19] был зафиксирован волокнистый характер сердечника (рис. 1). Это позволило исключить применение в качестве основы для золотных нитей волос, кожи или сухожилий. В образце нитей 2 не было обнаружено сохранившегося органического сердечника.

Исследование природы материала сердечника было выполнено методом газовой хроматографии с масс-спектрометрией (ГХ/МС), который позволяет идентифицировать органические соединения, сохранившиеся в составе археологических находок [12; 3; 15]. Измерения выполняли на хроматографе HP-6890 с масс-спектрометрическим детектором MSD 5975 фирмы Agilent Technologies. Условия хроматографирования: колонка капиллярная HP-5ms длиной 30 м и внутренним диаметром 0.25 мм, толщина пленки неподвижной фазы 0.25 мкм. Начальная температура колонки 80°C (выдержка 4 мин); повышение температуры от 80 до 280°C со скоростью 4°C/мин. Выдержка при конечной температуре 10 мин. Газ-носитель – гелий, 1 мл/мин, деление потока 1:10. Температура испарителя 280°C, интерфейса детектора 280°C. Объем пробы 1 мкл. Детектирование проводили методом ионизации электронным ударом в режиме сканирования по полному ионному току в диапазоне 50–900 m/z. Скорость сканирования – 1.76 скан/с, энергия ионизации 70 эВ, температура квадруполя и источника ионов – 150 и 230°C. Идентификацию соединений осуществляли с использованием масс-спектров базы данных NIST/EPA/NIH mass spectral library 2014.

В ходе исследования последовательно проверяли следующие гипотезы, каждая из которых требовала специальной пробоподготовки:

- материал сердечника растительной природы – лен, хлопок или конопля;
- материал сердечника животного происхождения – шелковый или шерстяной.

Растительные волокна (лен, хлопок, конопля) представляют собой целлюлозные волокна, устойчивые к воздействию щелочей, поэтому для определения возможной растительной природы к образцу исследуемых нитей добавляли 3% водный раствор гидроксида натрия и обрабатывали в УЗ-ванне (60°C, 15 мин). В результате щелочной обработки материал сердечника полностью растворился с образованием бесцветного раствора без запаха, что позволило исключить использование в качестве основы для изучаемых золотных нитей волокон на основе целлюлозы.

При проверке гипотезы животного происхождения материала сердечника отдельно выявляли наличие признаков шерстяных или шелковых волокон.

Волокна шерсти обычно содержат значительное количество примесей: около 8–18% шерстяного жира или ланолина и 15% сухого пота, выделяемого сальными и потовыми железами животных. Для исследования «жировых» остатков, которые могли сохраниться на сердечнике из шерстяной нити, к образцу исследуемых нитей (около 30 мг) добавляли 1 мл смеси растворителей (хлороформа-метанола, 2:1) и экстрагировали в УЗ-ванне (60°C, 30 мин). После экстракции растворители отделяли, добавляли 2 мл 2% раствора серной кислоты в метаноле и нагревали при 80°C в течение 3 часов. После охлаждения до комнатной температуры, к реакционной смеси добавляли 3 мл воды и 5 мл эфира и энергично встряхивали в течение 10 мин. Слои разделяли, верхний эфирный слой упаривали при комнатной температуре до сухого остатка. Остаток растворяли в 20 мкл н-гексана и исследовали методом ГХ/МС. В результате проведенного исследования «жировые» остатки не были обнаружены.

Шерстяное волокно состоит из белка кератина [4, с. 543], а шелк – из белка фиброина [5, с. 425]. Белковые волокна чувствительны к воздействию растворов щелочей. Под действием 3–5% раствора щелочи, при нагревании до 90–100°C, шерстяное волокно полностью растворяется, образуя мутный желтый раствор с неприятным запахом. Фиброин шелка под действием 3–5% раствора щелочи при комнатной температуре также растворяется, но образует прозрачный бесцветный раствор без запаха.

При щелочном гидролизе кератин и фиброин расщепляются по полипептидным связям с образованием аминокислот. В составе аминокислот фиброина шелка свыше 60% составляют глицин и аланин (около 35% глицина и 25% аланина) [5, с. 425]. Кератин шерсти состоит из около 14% глютаминовой кислоты, 10–12% серина и цистина, при этом содержание аланина и глицина составляет около 4 и 7%, соответственно [4, с. 543].

Для определения шерстяной или шелковой природы материала сердечника нитей проводили определение содержания аминокислот. Для этого к образцу, оставшемуся после экстракции органическими растворителями, добавляли 0,5 мл 3% водного раствора гидроксида калия и обрабатывали в ультразвуковой ванне (25°C, 15 мин). Раствор после щелочной обработки подкисляли 10% раствором соляной кислоты до pH=3–4 и упаривали в вакууме (около 1 мм. рт. ст.) на песчаной бане (45–50°C) до сухого остатка. К сухому остатку последовательно прибавляли 0,3 мл

БСТФА (N,O-бис-(триметилсилил) трифторацетамид, «Supelco» кат. № 33024). Реакционную смесь переносили в стеклянный флакон, закрывали крышкой с мембраной из политетрафторэтилена и выдерживали в течение 1 часа при 90°C. После охлаждения до комнатной температуры реакционную смесь центрифугировали (4000 об/мин, 10 мин), а надосадочную жидкость анализировали методом ГХ/МС.

ГХ/МС исследование состава аминокислот сердечника золотных нитей позволило обнаружить следовые количества двух аминокислот – глицина и аланина. Их крайне малое содержание свидетельствует о значительной деградации белкового вещества сердечника в условиях длительного захоронения. Учитывая, что аминокислоты белков со временем подвержены деградации примерно в равной степени, обнаружение только этих двух аминокислот свидетельствует об их преобладании в исходном составе белкового вещества сердечника золотных нитей. Преобладание этих двух аминокислот, по данным литературы, наблюдается только в фиброине шелка [5, с. 425].

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что сердечник исследуемых золотных нитей изготовлен из шелкового волокна. Это указывает на импортное, вероятно, средиземноморское происхождение золотных нитей, найденных в погребениях на плато Эски-Кермен. Изделия из таких нитей могли привозить в Крым генуэзские купцы. Известно, что в XIV в. различные шелковые ткани были приоритетным товаром в торговле, которую вели итальянцы в Каффе и городах Генуэзской Газарии [2, с. 346].

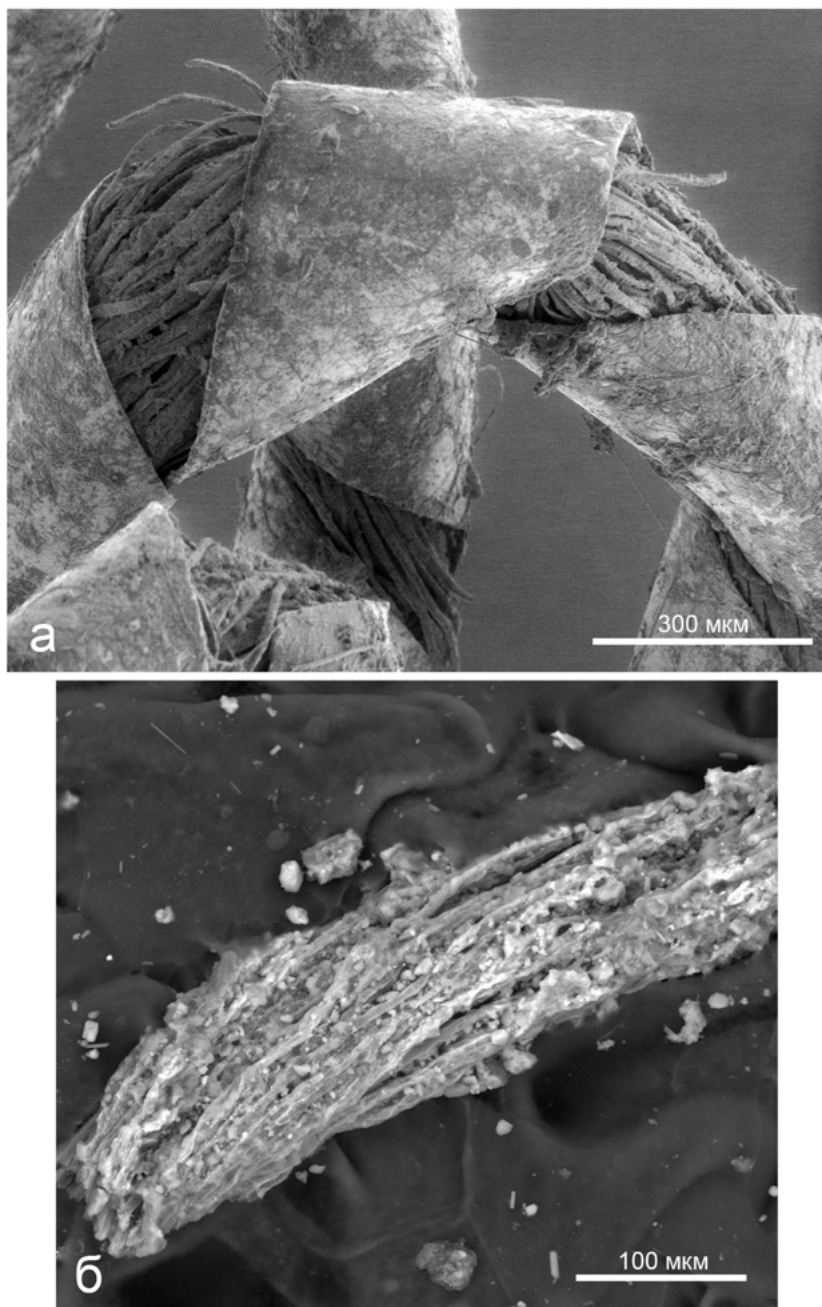

Рис. 1. *a* – РЭМ-изображение золотных нитей 3 с сердечником.

б – РЭМ-изображение сердечника золотных нитей 1

Fig. 1. *a* – SEM image of metal threads no. 3 with a core.

b – SEM image of the core of metal threads no. 1

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доде З.В. Уникальный шелк с «драконами» из могильника Джухта (Северный Кавказ) // РА. 2005. № 2. С. 138–150.
2. Карпов С.П. Генуэзские и венецианские фактории в Крыму // История Крыма / Ред. А.В. Юрасов. Т. 1. М.: Кучково поле, 2017. С. 314–364.
3. Куликова И.С., Пожидаев В.М., Камаев А.В. Продукты окисления жиров – биомаркеры органических остатков на археологической керамике // Окисление, окислительный стресс, антиоксиданты. М.: РУДН, 2019. С. 220–222.
4. Краткая химическая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1963. Т. 2. 1088 с.
5. Краткая химическая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1967. Т. 5. 1184 с.
6. Крупа Т.Н. Исследование костюма золотоордынского времени из кургана 2 группы Токовские могилы // Степи Европы в эпоху средневековья / Ред. А.В. Евглевский. Т. 6. Донецк, 2008. С. 215–268.
7. Лантарова О.Б., Голиков В.П., Орфинская О.В., Владимирова О.Ф., Егоров В.Л. Исследование уникальных археологических памятников из собрания Государственного исторического музея – комплексов одежд XIII–XIV вв. М.: ГИМ, 2002. 237 с.
8. Лурье И., Ляпунова К., Матье М., Пиотровский Б., Флитнер Н. Очерки по истории техники Древнего Востока. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 352 с.
9. Орфинская О.В. Текстильные находки с Селитренного и Водянского городищ (раскопки Поволжской экспедиции 1974 и 1981 гг.) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань, Астрахань, 2011. С. 235–240.
10. Орфинская О.В., Энгватова А.В., Голиков В.П. Исследования и реконструкция деталей костюма из погребений домонгольского времени из некрополей Дмитровского кремля // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. Вып. 6. М.: Институт археологии РАН, 2010. С. 130–138.
11. Перен П., Галлиен В. Погребение королевы Арегонды (Арнегунды) в аббатстве Сен-Дени (основные итоги исследований органических остатков, обнаруженных в 2003 г.) // Археологический сборник. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. Вып. 39. С. 267–279.
12. Пожидаев В.М., Лобода А.Ю., Камаев А.В., Яцишина Е.Б. Исследование древесины гребня для волос из раскопок городища на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2020. Вып. XXV. С. 313–321.
13. Яковчик М.С. Текстильные изделия с золотными нитями на территории Древней Руси X – начала XI вв. // *Stratum plus*. 2017. № 5. С. 347–358.
14. Andreotti A., Bonaduce I., Colombini M.P., Gautier G., Modugno F., Ribechini E. Combined GC/MS analytical procedure for the characterization of glycerolipid, waxy, resinous, and proteinaceous materials in a unique paint microsample // *Analytical Chemistry*. 2006. 78. P. 4490–4500.
15. Colombini M.P., Modugno F., Fuoco R., Tognazzi A. A GC-MS study on the deterioration of lipidic paint binders // *Microchemical Journal*. 2002. 73. P. 175–185.
16. France-Lanord A. La fouille en laboratoire. Méthodes et résultats // *Dossiers de l'archéologie*. 1979. No. 32. P. 66–91.
17. Karatzani A. Metal threads: the historical development // *Textiles and Dress in Greece and the Roman East: a Technological and Social Approach*. Athens: Ta Pragmata Publ., 2012. P. 55–65.
18. Karatzani A., Rehren T. Clothes of gold: metal threads in Byzantine-Greek orthodox ecclesiastical textiles // *Proceedings ISA*. 2006. P. 444.09–444.19.
19. Loboda A.Yu., Antipenko A.V., Mandrykina A.V., Khairedinova E.A., Tereschenko E.Yu., Aibabin A.I., Yatsishina E.B. Electron microscopic study of metal threads from a slab grave on the Eski-Kermen plateau // *Nanobiotechnology reports*. 2021. Vol. 16, No. 5. P. 590–596.
20. Roche-Bernard G. Costumes et textiles en Gaule romaine. Paris: Edition Errance, 1993. 175 p.

REFERENCES

1. Dode Z.V. Unique silk textile with “dragons” from the cemetery Dzhukhta (North Caucasus). *Rossiiskaia arheologiya* [Russian archeology], 2005, no. 2, pp. 138–150.

2. Karpov S.P. Genoese and Venetian trading posts in Crimea. Iurasov A.V. (ed.), *Istoriia Kryma* [History of Crimea], vol. 1, Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2017, pp. 314–364.
3. Kulikova I.S., Pozhidaev V.M., Kamaev A.V. Fat oxidation products – biomarkers of organic residues on archaeological ceramics. *Okislenie, okislitel'nyi stress, antioksidanty* [Oxidation, oxidative stress, antioxidants], Moscow, RUDN Publ., 2019, pp. 220–222.
4. *Kratkaia khimicheskaiia entsiklopediia* [Brief chemical encyclopedia]. Vol. 2, Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1963, 1088 p.
5. *Kratkaia khimicheskaiia entsiklopediia* [Brief chemical encyclopedia]. Vol. 5, Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1967, 1184 p.
6. Krupa T.N. Investigation of the costume of the Golden Horde time from the mound of the 2nd group Tokovskie graves. Evglevskii A.V. (ed.), *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia* [The steppes of Europe in the Middle Ages], vol. 6, Donetsk, 2008, pp. 215–268.
7. Lantarova O.B., Golikov V.P., Orfinskaia O.V., Vladimirova O.F., Egorov V.L. *Issledovanie unikal'nykh arkheologicheskikh pamiatnikov iz sobraniia Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia – kompleksov odezhd XIII–XIV vv.* [Research of unique archaeological monuments from the collection of the State Historical Museum – complexes of clothes of the 13th–14th centuries]. Moscow, Gos. istoricheskii muzey Publ., 2002, 237 p.
8. Lur'e I., Liapunova K., Mat'e M., Piotrovskii B., Flitner N. *Ocherki po istorii tekhniki Drevnego Vostoka* [Essays on the history of technology of the Ancient East]. Moscow, Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1940, 352 p.
9. Orfinskaia O.V. Textile finds from Selitrenny and Vodyansky settlements (excavations of the Volga expedition in 1974 and 1981). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve. Materialy V Mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati G.A. Fedorova-Davydova* [Dialogue between urban and steppe cultures in the Eurasian space. Materials in the International conference dedicated to the memory of G.A. Fedorov-Davydov], Kazan, Astrakhan, 2011, pp. 235–240.
10. Orfinskaia O.V., Engovatova A.V., Golikov V.P. Analysis and reconstruction of the garment's elements from the burials of the pre-Mongolian time from the necropolises of the Dmitrov Kremlin. *Arkheologiia Podmoskov'ia. Materialy nauchnogo seminara* [Archeology of the Moscow Region: materials of the scientific seminar], vol. 6, Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2010, pp. 130–138.
11. Peren P., Gallien V. Burial of Queen Aregonda (Arnegunda) in the Abbey of Saint-Denis (main results of research on organic remains discovered in 2003). *Arkheologicheskii sbornik* [Archaeological collection], St.-Petersburg, Ermitazh Publ., 2013, vol. 39, pp. 267–279.
12. Pozhidaev V.M., Loboda A.Iu., Kamaev A.V., Iatsishina E.B. Wood of a hair comb excavated at the ancient town atop Eski-Kermen plateau. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2020, vol. 25, pp. 313–321.
13. Iakovchik M.S. Textiles with golden threads in the Ancient Rus in the 10th – early 11th centuries. *Stratum plus*, 2017, no. 5, pp. 347–358.
14. Andreotti A., Bonaduce I., Colombini M.P., Gautier G., Modugno F., Ribechini E. Combined GC/MS analytical procedure for the characterization of glycerolipid, waxy, resinous, and proteinaceous materials in a unique paint microsample. *Analytical Chemistry*, 2006, 78, pp. 4490–4500.
15. Colombini M.P., Modugno F., Fuoco R., Tognazzi A. A GC-MS study on the deterioration of lipidic paint binders. *Microchemical Journal*, 2002, 73, pp. 175–185.
16. France-Lanord A. La fouille en laboratoire. Méthodes et résultats. *Dossiers de l'archéologie*, 1979, 32, pp. 66–91.
17. Karatzani A. Metal threads: the historical development. *Textiles and dress in Greece and the Roman East: a technological and social approach*, Athens, Ta Pragmata Publ., 2012, pp. 55–65.
18. Karatzani A., Rehren T. Clothes of gold: metal threads in Byzantine-Greek orthodox ecclesiastical textiles. *Proceedings ISA*, 2006, pp. 444.09–444.19.

19. Loboda A.Yu., Antipenko A.V., Mandrykina A.V., Khairedinova E.A., Tereschenko E.Yu., Aibabin A.I., Yatsishina E.B. Electron microscopic study of metal threads from a slab grave on the Eski-Kermen plateau. *Nanobiotechnology reports*, 2021, vol. 16, no. 5, pp. 590–596.
20. Roche-Bernard G. *Costumes et textiles en Gaule romaine*. Paris, Edition Errance, 1993, 175 p.

Информация об авторах

Пожидаев В. М. – кандидат химических наук, старший научный сотрудник отдела биотехнологий и биоэнергетики Курчатовского комплекса НБИКС-природоподобных технологий НИЦ «Курчатовский институт».

Камаев А. В. – научный сотрудник ресурсного центра «Молбиотех» НИЦ «Курчатовский институт».

Лобода А. Ю. – ведущий специалист лаборатории естественнонаучных методов в гуманитарных науках НИЦ «Курчатовский институт»; научный сотрудник лаборатории ЛЕНМГИ-ИРЕА НИЦ «Курчатовский институт» – ИРЕА, Researcher ID: U-4725-2017.

Терещенко Е. Ю. – кандидат физико-математических наук, заместитель начальника лаборатории естественнонаучных методов в гуманитарных науках НИЦ «Курчатовский институт»; старший научный сотрудник ФНИЦ «Кристаллография и фотоника» РАН; заместитель заведующего лабораторией ЛЕНМГИ-ИРЕА НИЦ «Курчатовский институт» – ИРЕА, Researcher ID: A-8731-2014.

Хайрединова Э. А. – кандидат исторических наук, заведующая Отделом средневековой археологии Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: Y-5905-2019.

Яцишина Е. Б. – кандидат философских наук, заместитель директора, начальник лаборатории естественнонаучных методов в гуманитарных науках НИЦ «Курчатовский институт»; начальник лаборатории ЛЕНМГИ-ИРЕА НИЦ «Курчатовский институт» – ИРЕА, Researcher ID: AAX-1228-2020.

Authors information

Pozhidaev V. M. – Candidate of Science (Chemistry), Senior Researcher of the NBIKS-Center for nature-like technologies of the National Research Center “Kurchatov Institute”.

Kamaev A. V. – Researcher of the resource center “Molbiotech” of the National Research Center “Kurchatov Institute”.

Loboda A. Yu. – Leading Specialist of the Laboratory of natural science methods in the humanities of the National Research Center “Kurchatov Institute”; Researcher of the LENMGI-IREA Laboratory of the NRC “Kurchatov Institute” – IREA, Researcher ID: U-4725-2017.

Tereschenko E. Yu. – Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Deputy Chief of the Laboratory of natural science methods in the humanities of the National Research Center “Kurchatov Institute”; Senior Researcher of the Federal Research Center “Crystallography and Photonics” RAS; Deputy Head of LENMGI-IREA Laboratory of the NRC “Kurchatov Institute” – IREA, Researcher ID: A-8731-2014.

Khairedinova E. A. – Candidate of Science (History), Head of the mediaeval archaeology department of the Institute of Archaeology of the Crimea RAS, Researcher ID: Y-5905-2019.

Yatsishina E. B. – Candidate of Science (Philosophy), Deputy Director, Head of Laboratory of natural science methods in the humanities of the National Research Center “Kurchatov Institute”; Head of the LENMGI-IREA Laboratory of the NRC “Kurchatov Institute” – IREA, Researcher ID: AAX-1228-2020.

DOI: <https://doi.org/10.37279/2413-189X.2021.26.255-281>

ХРИСТИАНСКИЙ МАНГУП. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ

Валерий Евгеньевич Науменко¹, Александр Германович Герцен²,
Дарья Васильевна Иोजица³

^{1,2} Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия

¹ byzance@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2590-6314>

² gertsenag@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1586-5886>

³ Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
arhi-arhi@mail.ru

Аннотация. На протяжении всего периода средневековья Мангупское городище являлось одним из наиболее важных идеологических центров распространения христианства в Юго-Западном Крыму. С момента образования самостоятельной Готской епархии здесь находились резиденция и кафедральный храм иерархов Крымской Готии. Об этом свидетельствуют многочисленные христианские храмы и монастыри, выявленные за многие годы раскопок памятника (всего 27). В статье впервые в историографии предпринимается попытка систематизации всех имеющихся сведений источников применительно к христианской истории Мангупской крепости – письменных, эпиграфических, археологических и других. Особое внимание уделено результатам современных раскопок памятников церковной археологии на городище, проводившихся систематически в 2012–2021 гг. На основе их анализа в работе выполнена реконструкция основных этапов храмового строительства и наиболее важных периодов в истории местной христианской общины. В целом она охватывает широкий период от середины VI в., когда на Мангупе вместе с обширной византийской крепостью была построена крупная трехнефная базилика – будущий кафедральный храм Готской епархии (митрополии), и вплоть до начала XVII в. Строительство и функционирование большей части известных христианских храмов и монастырей Мангупской крепости приходится на период XIV–XV вв., когда она окончательно превратилась в крупный средневековый город, столицу княжества Феодоро в Юго-Западном Крыму.

Ключевые слова: Крым, Мангуп, Готская епархия, церковная археология, история христианства, христианская археология, сакральная топография

Благодарности: Начиная с 2015 г., исследование выполнялось при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-31-10159) и Российского фонда фундаментальных исследований (проекты №№ 15-06-04670, 19-09-00124 и 19-49-910007).

CHRISTIAN MANGUP: THE MODERN SOURCE BASE AND THE MAIN STAGES OF ITS HISTORY

Valery E. Naumenko¹, Aleksandr G. Gertsen², Darya V. Iozhitsa³

^{1,2} V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

³ Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia

Abstract. Throughout the entire period of the Middle Ages, the settlement of Mangup was one of the most important ideological centres for the spread of Christianity in the south-western Crimea. From the creation of the independent Gothic bishopric on, it housed the residence and the cathedral church of the hierarchs of Crimean Gothia. This is evidenced by numerous churches and monasteries discovered by many-year-long excavations of the site (27 in total). This paper is the first in the scholarship attempt of systematization of all available information from the sources related to the Christian history of the castle of Mangup, written, epigraphic, archaeological, and so on. Particular attention has been paid to the results of modern excavations of the church archaeology monuments at the settlement in question, carried out systematically in 2012–2021. They formed the basis for the reconstruction of the main stages of church building and the most important periods in the history of the local Christian community. Generally, it covers a wide period from the mid-sixth century, when a big basilica featuring the nave and two aisles, the future cathedral of the Gothic bishopric (metropolia), was built at Mangup along with the large Byzantine castle, and finished in the early seventeenth century. The construction and functioning of most part of known churches and monasteries of the castle of Mangup dates to the fourteenth and fifteenth centuries, when this site finally developed into a large mediaeval city, the capital of the principality of Theodoro in the south-western Crimea.

Key words: Crimea, Mangup, Gothic bishopric, church archaeology, history of Christianity, Christian archeology, sacral topography

Acknowledgments: From 2015 on, the research was supported by the Russian Foundation for Humanities (project no. 15-31-10159) and the Russian Foundation for Basic Research (projects nos. 15-06-04670, 19-09-00124, and 19-49-910007).

Для реконструкции основных этапов истории христианизации Юго-Западной Таврики исследования Мангупского городища имеют первостепенное значение. Уже с момента включения региона в VI в. в зону политически и, скорее всего, административно подконтрольную Византийской империи, городище быстро превратилось в один из наиболее важных идеологических центров распространения христианства. После появления здесь самостоятельной Готской епархии, дата учреждения которой по-прежнему дискуссионна – между 692 и 754 гг. [1], в конце VIII – начале IX в. [15] или в конце IX – начале X в. [40], на Мангупе вплоть до османского завоевания Крымского полуострова в 1475 г. находились кафедральный храм и резиденция иерарха Крымской Готии. Такой церковно-административный статус стал одной из главных причин появления множества христианских культовых объектов на территории городища. На сегодняшний день в пределах Мангупского плато, на его склонах и в близлежащих горных долинах всего известно 27 скальных и наземных храмово-погребальных и монастырских комплексов (рис. 1) [25, с. 39–50, ил. 1–2; 21, с. 150–158, рис. 1–2]¹.

Несмотря на обилие христианских архитектурно-археологических объектов и относительную многочисленность фонда письменных и эпиграфических источников, всестороннего исследования истории христианской общины Мангупа никогда

¹ На карту не нанесен ряд объектов, расположенных за пределами крепостных стен Мангупа – пещерная церковь в южном обрыве Мангупского плато под «площадкой со склепами», церковь на г. Илька, церковно-монастырский комплекс на г. Бабулган, «базилика Маркевича», Каралезская базилика и пещерная церковь на поляне Кильсе-тубю.

не проводилось. Как правило, изучались лишь некоторые аспекты этой большой научной проблематики – исторические и эпиграфические сюжеты, хронология храмово-погребальных комплексов, исторический контекст отдельных предметов христианского культа. Только в монографии А. Г. Герцена и Ю. М. Могаричева 1996 г. были подведены итоги многолетнего изучения пещерных церквей городища, что позволило установить датировку таких памятников в пределах XIV–XV вв. и окончательно отказаться от гипотезы их появления в результате миграции сторонников византийского иконопочитания [14]. В 2006 г. А. И. Айбабиным выполнена необходимая для нашего исследования систематизация письменных свидетельств по истории Готской епархии [1]. Позднее были изданы ряд общих работ, посвященных христианским древностям Мангупа в османский период его истории [11], современному корпусу эпиграфики с территории городища [9], а также особенностям сакральной топографии памятника [22] и местной христианской погребальной практики [41]. Однако связного очерка истории христианского Мангупа, основанного на синтезе всех имеющихся данных материальных и нарративных источников, до сих пор нет.

В настоящей работе предпринята попытка хотя бы частично ликвидировать этот историографический пробел. В ней использованы материалы новейших архитектурно-археологических исследований памятников церковной археологии на Мангупском городище, которые целенаправленно проводились на протяжении последних лет, в 2012–2021 гг. На наш взгляд, именно эти раскопки позволили, по сути, завершить многолетнюю работу по формированию источниковой базы для изучения истории христианского Мангупа в полном объеме, что ранее было совершенно невозможно, и существенно скорректировать наши представления о периодизации храмового строительства на городище и, соответственно, основных этапах процесса христианизации местного населения в эпоху средневековья. При этом важно отметить, что свое исследование мы не рассматриваем в качестве своеобразного отчета о проделанной работе. Скорее, оно посвящено наиболее важным результатам и актуальным задачам современного этапа изучения христианской истории и археологии памятника².

Об источниковой базе исследования

Круг источников по истории христианского Мангупа представляется достаточно многочисленным и разнообразным, особенно в сравнении с другими крупными религиозными центрами Юго-Западного Крыма.

Письменные источники содержат фрагментарную информацию об истории христианизации населения Мангупского городища, но, с другой стороны, ими охвачены практически все основные периоды существования местной христианской общины.

Наиболее ранние из них – Житие Иоанна Готского (между 815 и 842 гг.) и так называемая нотиция К. Де Боора, составленная в начале IX в. [53, с. 402–405] или

² Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на научной конференции «XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты» (г. Керчь, 24–27 мая 2021 г.) [45].

в начале 860-х гг. [57, р. 241–242, 245 (№ 3)], свидетельствуют о том, что уже для VIII – первой половины IX в. первенствующее положение Мангупа-Дороса в церковно-политической организации региона не вызывало особых сомнений у современников. При этом, если следовать традиционной трактовке Готской митрополии в нотиции К. Де Боора, как нереализованного проекта по организации отдельных христианских общин на территории Хазарского каганата в рамках единой епархии, непосредственно подчиненной Константинопольскому патриархату, известность и статусность Мангупской крепости и, соответственно, ее церковных иерархов не ограничивались пределами юго-западной части Крымского полуострова [о географической номенклатуре этой митрополии см.: 39, с. 134–141].

Неизменное существование Готской епархии в Юго-Западной Таврике на протяжении X–XII вв. подтверждается ее упоминанием в нотициях Константинопольского патриархата [57, р. 274 (№ 7), 294 (№ 8), 346 (№ 11), 352 (№ 12), 377 (№ 14)] и участием готских архиепископов в работе константинопольских синодов 1066, 1067, 1140, 1143, 1144, 1147 (Константин), 1166–1167 (Иоанн и Константин), 1169, 1170 (Константин), 1173 (Константин) и 1177 (Константин) годов [55, S. 310, 314–316, 319–327]. Известны четыре печати иерархов Крымской Готии этого времени, найденные случайно, при раскопках Херсонеса либо в акватории Таманского городища, и принадлежащих архиепископам Иоанну (3 экземпляра; X–XI вв. и начала XI в.) и Кесарию (XI–XII вв.) [54].

Пожалуй, главной сложностью при интерпретации данных всех перечисленных нотиций, актов соборов и материалов сфрагистики X–XII вв. является их до конца не установленная связь с историей Мангупа, где, как предполагается, должен был находиться кафедральный храм и резиденция главы церковно-административного округа. Проблема заключается еще и в том, что, начиная со второй половины XI в. и вплоть до конца XIII в., городище переживает период длительного упадка; крайне редкими являются находки этого времени, не говоря уже об археологических комплексах или участках сохранившегося культурного слоя на памятнике [об этом см.: 20, с. 627–628]. Скорее всего, речь идет о резком снижении политической и экономической активности в жизни Мангупского городища в данный исторический период, возможно, даже о значительном сокращении обжитой территории, иначе трудно объяснить указанные выше свидетельства нарративных и сфрагистических источников о Готской архиепископии в это время.

Среди письменных источников XIV в. наиболее информативным является «Рассказ о городе Феодоро», составленный около 1395 г. иеромонахом Матфеем и являющийся, по сути, единственным развернутым топографическим описанием средневекового Мангупа [цит. по: 3, с. 286–309; реконструкцию маршрута Матфея по территории городища см.: 10]. Из его содержания следует наделение Мангупа-Феодоро всеми признаками крупного поселения городского типа, топографическими доминантами которого выступают, в том числе, христианские храмовые комплексы с прилегающими городскими некрополями [21, с. 123]. Готские митро-

политы регулярно упоминаются среди документов патриаршей канцелярии в XIV в. [см. их обзор: 1, с. 622]. Отметим также уникальную печать митрополита Готии Иакова, найденную у подножия Мангупского плато и датированную первой или второй третью этого столетия [29].

Наконец, еще один блок письменных источников связан с функционированием христианской общины Мангупа в османский период его истории – турецкие дефтеры 1520, 1542–1543 и 1638 гг. [62, р. 235, 246–247, tabl. VI–VII; 58, р. 221; 59, р. 151, 161, 167, app. II], сочинений Мартина Броневского (около 1578 г.) [35, с. 167–168] и Эмиддио Дортелли д'Асколи (около 1624–1634 гг.) [27, с. 121]. Все более поздние свидетельства, вплоть до начала археологических исследований городища в середине XIX в. (Эвлия Челеби, С. П. Паллас, Е. Е. Келлер, П. И. Кеппен, Дюбуа де Монпере), интересуют нас лишь в связи с описанием уже заброшенных к 30–40-м гг. XVII в. христианских храмов и некрополей на территории Мангупского плато [обзор этих сведений см.: 21, с. 129–134]. К ним можно также добавить немногочисленные позднесредневековые *картографические источники* – планы Мангупа русских военных топографов 1780-х гг. с указанием местоположения наиболее поздних квартальных церквей городища в верховьях балок Капу-дере и Гамам-дере – церкви св. Константина, церкви св. Георгия и, вероятно, «церкви 1969 г.» [25, с. 19–20, илл. 3–4].

Корпус *эпиграфических источников* по истории христианского Мангупа, систематизированный в последние годы А. Ю. Виноградовым, сейчас уже включает 19 эпиграфических памятников, обнаруженных на территории городища либо в его округе (далее – IOSPE V, №№ 173–174, 180–196) [9, с. 292–298]³. Главные сложности их изучения общеизвестны – плохая сохранность надписей и отсутствие датировок для большей части из них. Лишь пять надписей имеют точную хронологию: с именем правителя княжества Феодоро Алексея о строительстве в 1427 г. крепости и храма, скорее всего, октагональной церкви внутри Мангупской цитадели (IOSPE V, № 180); надгробие анагноста Стефана 1456 г. из раскопок Большой базилики (IOSPE V, № 189); две надписи-граффити 1220–1221 и 1224–1225 гг. на стенах церкви и одного из помещений Северного пещерного монастыря в ущелье Табана-дере (IOSPE V, №№ 174 и 196); и дискуссионная по содержанию надпись 1189 г. о возобновлении в Варзарах (?) какой-то постройки (храма?) из раскопок Каралезской базилики у подножия Мангупа (IOSPE V, № 173). В остальных случаях датировка памятников устанавливается в широких пределах, на основании палеографических или археологических данных.

Также необходимо отметить две эпиграфические находки, обнаруженные за пределами городища, но имеющие отношение к его истории: надпись о строительстве в X в. христианского храма усилиями некоего Нила и с помощью жителей города Дорос (?), найденную вблизи пещеры Данильча-Коба в Горном Крыму и являющуюся наиболее поздним свидетельством использования топонима «Дорос» в

³ Полное издание этих надписей, как и других византийских эпиграфических источников из Северного Причерноморья, существует пока только в электронном виде [8].

источниках [7, с. 236–239, № 11], и хорошо известную надпись 1427 г. о возобновлении Партенитской базилики митрополитом города Феодоро и всей Готии Дамианом [34, с. 77–79, № 70].

К числу наиболее общих наблюдений над интересующей нас группой эпиграфики по истории христианизации Мангупа следует отнести:

- Их широкую хронологию, от IX–X до XV вв., и отсутствие надежно датированных надписей для ранневизантийского и османского периодов в истории городища;
- Важное значение для установления времени строительства и использования отдельных храмовых комплексов. Помимо октагональной церкви и Северного монастыря, речь в данном случае также идет о крестообразном храме и Каралезской базилике, надписи из раскопок которых не противоречат археологическим данным (IOSPE V, №№ 173, 181, 192);
- Упоминание церковной титулатуры – иеромонахов (IOSPE V, № 174), ктиторов (IOSPE V, № 180), анагностов (IOSPE V, №№ 181, 183, 189), пресвитеров (IOSPE V, № 183), что свидетельствует о неизменности приходской структуры в организации жизни местной христианской общины на протяжении IX–XV вв. и сети городских монастырей в топографии Мангупа-Феодоро в XIII–XV вв.;
- Использование местных топонимов (Дорос, Феодоро, Пойка, Варзары) и христианской антропонимии. Исключением в последнем случае являются тюркские или неясные по происхождению имена Мунзи, Карамани, Кедо/Кедот, Эрдастий (IOSPE V, №№ 184, 190, 193), что справедливо связывается с неоднородностью населения городища в различные эпохи [9, с. 282].

Основной объем *археологических источников* связан с раскопками христианских храмов и некрополей Мангупского городища, которые ведутся с середины XIX в. [21, с. 134–147, 150–158]. К сожалению, материалы многих из них полностью не изданы. Особенно актуальной выглядит полная публикация результатов исследований Большой Мангупской трехнефной базилики Н. И. Барминой в 1967–2005 гг., из-за отсутствия которой стратиграфия и периодизация памятника остается дискуссионной (рис. 1,6) [4; ср.: 52]. Именно поэтому для понимания археологической ситуации на месте базилики по-прежнему сохраняют свое значение материалы раскопок ее юго-западной части, в том числе частично открытой крещальни-баптистерия, проводившихся еще в 1938 г. М. А. Тихановой [50]. Для установления общей хронологии епископского комплекса и основных этапов его строительной истории наиболее важными, на сегодняшний день, остаются результаты изучения композиционно-планировочного решения базилики, ее архитектурного и художественного декора, а также надгробных памятников с территории прилегающего некрополя [см.: 32; 5; 6; 52, с. 114–120, 129–132].

В связи с нерешенностью многих ключевых вопросов истории и археологии Большой базилики возрастает значение итогов раскопок других христианских храмовых комплексов Мангупского городища, исследованных полностью в 1980–1990-е гг.

и, по большей части, опубликованных – крестообразного храма (1981 г.) [38], церкви св. Константина (1992–1994 гг.) [17], октагонального храма (1997–1999 гг.) [16] и культового комплекса с пещерной церковью под оконечностью мыса Тешкли-бурун (1999 г.) [13] (рис. 1,10,24,27,30). Исключением в этом смысле является расположенная у северного подножия Мангупа так называемая Каралезская базилика, охранные раскопки которой проводились в 1983–1986 гг. В. А. Сидоренко и остались не завершенными, а их материалы практически не изданными. В литературе она известна лишь благодаря краткому упоминанию о планировочном решении и общей хронологии храмового комплекса – трехнефная базилика с несколькими строительными периодами [49, с. 114, 280, рис. 1], а также дискуссии вокруг нескольких надписей-граффити на архитектурных деталях из слоя разрушения памятника (IOSPE V, №№ 173, 186, 192) [61, S. 313–314; ср.: 8]. Чтение и датировка надписей В. А. Сидоренко позволила А. И. Айбабину датировать строительство базилики второй половиной VI – началом VII в. [2, с. 6], в то время как А. Ю. Виноградов, основываясь на их палеографии, относит все граффити к средневизантийскому времени [9, с. 292, 295–296, V 173, 186, 192]. Как представляется, выяснение точной хронологии и периодизации памятника возможно лишь с привлечением всех материалов исследований, сохранившихся в фондах и архивах музеев и научно-исследовательских центров Крымского полуострова.

В начале 2000-х гг. сакральная топография городища пополнилась двумя новыми храмовыми комплексами, к сожалению, практически полностью разрушенными – так называемой «церковью 2005 г.» у тыльной стороны Мангупской цитадели (рис. 1,25) и церковью на г. Бабулган на южной периферии Мангупа. В 2008 г. небольшие охранные раскопки были проведены в центральном гроте Южного пещерного монастыря, в результате которых открыты остатки водосборной цистерны времени его функционирования (рис. 1,9) [21, с. 152, 156, 158].

Новейший этап раскопок церковных комплексов Мангупского городища фактически начинается в 2012 г., когда был полностью раскопан храм на г. Илька [47]. Позднее были археологически исследованы еще шесть памятников – «базилика Маркевича» (2012–2016 гг.) [48], церковь св. Георгия (2015–2016 гг.) [25, с. 56–108; 19], «церковь 2015 г.» (2015–2017 гг.) [46], «церковь 1967 г.» (2018 г.) [23], «церковь 1968 г.» (2019 г.) [24] и Северный пещерный монастырь (2020–2021 гг.) (рис. 1,1,12,15,18,19). Одновременно современные архитектурные обмеры с использованием ГИС-технологий выполнены для ряда малоизвестных или по-прежнему дискуссионных объектов христианского Мангупа – «гарнизонной церкви», надвратной церкви с усыпальницами в районе Главных крепостных ворот, «малой южной базилики», алтаря в карстовой пещере МК-2, «церкви 1969 г.», безымянной церкви в верховьях балки Капу-дере («церкви 2019 г.»), Северо-Восточного и Юго-Восточного пещерных монастырей (рис. 1,8,11,13,16,20,23,26,28), проведена работа по систематизации сведений о погребальных сооружениях христианских некрополей городища [41, табл. 1].

Помимо этого, круг археологических источников в последние годы пополняется за счет комплексов с элементами христианской обрядности из раскопок ран-

несредневековых могильников, а также предметов личного христианского благочестия, выявленных на территории самой крепости [26, с. 355–358; 28; 51; 46; 42; 12].

Наконец, особую группу археологических источников составляют памятники монументальной живописи, выявленные в разные годы в ходе архитектурно-археологического изучения некоторых скальных храмов Мангупа – Южного пещерного монастыря, пещерной церкви на поляне Кильсе-тубю, алтаря в карстовой пещере МК-2, а также в ходе раскопок Большой трехнефной базилики, церкви св. Георгия и церкви св. Константина. Современный этап изучения фресок ясно указывает на необходимость систематизации всех имеющихся материалов и междисциплинарного характера дальнейших исследований [30; 36; 37].

О современной периодизации храмовых комплексов Мангупа и основных этапах истории местной христианской общины

Все основные этапы истории христианской общины Мангупского городища хорошо согласуются с его исторической периодизацией, которая ныне включает семь основных этапов: докрепостной (конец III – середина VI в.), ранневизантийский (середина VI – конец VIII в.), хазарский (конец VIII – середина IX в.), фемный (середина IX – середина XI в.), золотоордынский (конец XIII в. – около 1395 г.), феодоритский (около 1400–1475 гг.) и османский (1475–1792 гг.). Важно отметить, что эта периодизация основана, главным образом, на результатах многолетнего археологического изучения, в нашем случае, раскопок памятников церковной археологии.

О начальном этапе христианизации Мангупа известно немного. Скорее всего, этот процесс начинается лишь со строительством на Мангупском плато византийской крепости в конце правления императора Юстиниана I (527–565). Одновременно сооружается Большая трехнефная базилика, выполнявшая роль топографического, административного и идеологического центра поселения (рис. 2, I). Ее планировочно-композиционное решение, выявленные в ходе раскопок участки мозаичного покрытия, фресковой росписи, мраморный скульптурный декор явно свидетельствуют в пользу ранневизантийской датировки памятника [ср.: 5; 52]. По справедливому замечанию Л. Г. Хрушковой, план, размеры, декор, наличие отдельно стоящего баптистерия, предназначенного для крещения взрослого населения, позволяют рассматривать Мангупскую базилику как центр обширного епископского архитектурного комплекса, который должен был состоять из множества жилых, культовых и вспомогательных сооружений, до сих пор не раскрытых или не получивших должной интерпретации по итогам раскопок, и иметь ясные границы на местности [52, с. 108–111, 124–127]. Также до конца не решенным остается вопрос местонахождения и развития первоначального прихрамового некрополя памятника.

Несмотря на очевидность поддержки местной администрацией новой религиозной политики, говорить о быстрых темпах распространения христианства среди жителей Мангупа-Дороса, по крайней мере, для второй половины VI – первой половины VII в. еще не приходится. Опубликованы лишь два археологических ком-

плекса этого времени, имеющих христианскую атрибуцию – склеп № 56 (1997 г.) Алмалыкского могильника, с высеченным над входом в его погребальную камеру крестом и входившей в состав погребального инвентаря сердоликовой геммой с изображением шагающего Херувима с огненным мечом [60, Taf. 17–21; 12], и так называемый «тешкли-бурунский клад» с золотым крестом и бляшками-«городками» с территории цитадели, представляющий собой, по сути, парадный убор замужней богатой жительницы крепости гото-аланского происхождения [51].

Раскопки могильников и ранневизантийской застройки Мангупской крепости показывают рост численности местной христианской общины, начиная со второй половины VII в. Наиболее показательными в этом смысле являются результаты раскопок Адым-Чокракского могильника второй половины VII – VIII в. на южной периферии Мангупа, где предметы с христианской символикой в costume погребенных (поясные пряжки и накладки, перстни, медальоны, нательные кресты) являются регулярными находками [56, Taf. 2,27; 5,12; 8,23–24,26; 12,14–16; 14,1; 15; 16,1; 17,4 (kat. 30); 17,10 (kat. 31); 18,13; 20; 21,11,16; 24,8 (kat. 52); 25,11; 26,8 (kat. 82); 28,14–15,17; 31,1 (kat. 93A); 31,1 (kat. 95)].

Вплоть до конца VII в. Крымская Готия входила в состав Херсонской епархии Константинопольского патриархата. Лишь между 692 и 754 гг. ее территория была выделена в самостоятельную церковно-административную единицу [1, с. 617], очевидно, с центром на Мангупе-Доросе. Ранняя история Готской епархии остается крайне противоречивой. Из Жития Иоанна Готского определенно следует, что вскоре после Лже-Вселенского собора 754 г. избранный населением Готии новый епископ Иоанн, выступивший против решений иконоборческого собора и рукоположенный около 758 г. католикосом Иверийской церкви, уже не имел легитимного статуса в Византийской империи. Церковно-политическая ситуация в регионе еще более осложняется в связи с усилением экспансии Хазарского каганата в 780-е гг., завершившейся захватом Дороса, подавлением хазарами восстания населения Готии во главе с местными архонтами и арестом епископа Иоанна вместе с его сторонниками. Иоанну удалось бежать из хазарского заточения и найти спасение на территории Византии, в Амастриде. На VII Вселенском соборе 787 г. в Никее его полномочным представителем, как и другого готского епископа Никиты, являлся монах Кирилл, оставивший подписи под несколькими актами собора. Означает ли это трудно объяснимое двоевластие в управлении Готской епархии, либо, с учетом данных Жития, упоминание имени Иоанна в актах собора следует признать обычной ошибкой (*lapsus*) поздних переписчиков, в то время как Кирилл был действительным и единственным епископом Готии, назначенный на этот пост в Константинополе незадолго до событий 787 г.? Или же все-таки местоположение этой Готской епископии нужно искать за пределами Крыма, к примеру, в Подунавье, и в таком случае о самостоятельной церковной организации крымских готов в 780-е гг. говорить еще не приходится? Ни одна из перечисленных научных проблем в

историографии, на наш взгляд, не имеет однозначного решения [см.: 15; 1, с. 619; 53, с. 416–418; 44].

Следующий этап христианской истории Мангупа начинается после его включения в состав византийской фемы в 841 г. и восстановления Готской епархии в регионе не позднее конца IX – начала X в. Активность фемной и церковной администрации приводит к серьезной трансформации местного сакрального пространства. Особенно ощутимы изменения на южной периферии Мангупа, где перестают функционировать раннесредневековые грунтовые могильники и появляются два новых крупных храмовых комплекса с типичным для византийской архитектуры композиционно-планировочным решением – крестообразный храм и «базилика Маркевича» (рис. 2,5,8). Вместе с погребальными комплексами этого времени вокруг Большой Мангупской базилики они свидетельствуют о повсеместной византинизации и окончательной христианизации местного населения.

Материалы археологических исследований крестообразного храма на вершине холма Мазар-тепе уже давно введены в научный оборот [38]. Из его раскопок происходит фрагмент плиты от алтарной преграды с рельефным изображением креста с расширяющимися концами, на одном из которых сохранилась часть надписи-граффити IX–X вв. с упоминанием анагоста (IOSPE V, № 181). По мнению А. Ю. Виноградова, этот чтец являлся заказчиком алтарной преграды или даже всего крестообразного храма [9, с. 281]; последнее, конечно, сомнительно.

Менее известны результаты раскопок «базилики Маркевича», расположенной приблизительно в 700 м от южного обрыва Мангупского плато в соседней Адым-Чокракской долине, на берегу высохшего русла р. Кара-Ильяз (рис. 2,5; 3). Памятник был открыт еще в 1890 г. А. И. Маркевичем, археологически полностью доследован в 2012–2016 гг. Его планировочно-композиционное решение является уникальным для средневековой Таврики – пятинефная пятиапсидная базилика, центральный неф которой отделен от боковых двумя дополнительными нефами с двойной колоннадой. Центральная апсида с солеей ограничена алтарной преградой, оформленной в виде вертикальных плит, декоративных колонок и плиты-архитрава. Внутреннее пространство храма вымощено стандартными плитами из местного известняка (размеры – 0,7x0,6, 0,7x0,7 и 0,7x0,8 м). Из такого же материала выполнены все его архитектурные детали. Базилика функционировала в течение непродолжительного периода времени, в пределах конца IX – первой половины X в.; отсутствуют следы перестроек и крупных ремонтов памятника [подробнее см.: 48; 31]. Функционально ее, скорее всего, следует рассматривать как центральный храм отдельного монастырского комплекса в округе Мангупа. Возможно, такое же назначение имел и крестообразный храм на юго-восточном склоне Мангупского плато.

Как уже отмечалось, после до конца не ясной катастрофы середины XI в. Мангупское городище вступает в полосу длительного упадка. До сих пор на памятнике не выявлены культурный слой и выразительные археологические комплексы этого времени. Однако представления о цезуре в истории городища мы не склонны рас-

смагивать как окончательные. Отдельные находки XII–XIII вв. известны на территории цитадели на мысе Тешкли-бурун [20, с. 627–628]. Перечисленные византийские нотиции и акты соборов фиксируют регулярные связи готских архиепископов с Константинополем вплоть до конца XII в. Эпиграфические источники свидетельствуют об организации новых монастырей либо перестройках уже существующих храмовых комплексов в конце XII – начале XIII в. (IOSPE V, №№ 173–174, 196). Особенно показательным выглядит сооружение на западном склоне мыса Чуфут-Чарган-бурун так называемого Северного пещерного монастыря, датированного надписями-граффити 1220–1221 и 1224–1225 гг. (IOSPE V, №№ 174, 196). В надписи 1224–1225 гг., помещенной на северной стене пещерной церкви, рядом с гробницей-аркосолием, упоминается заказчик строительства монастыря, носивший титул иеромонаха (см.: 8, № 174).

В конце XIII в. Готская архиепископия получает ранг митрополии [1, с. 622]. Тогда же начинается новый этап истории христианской общины Мангупского городища, отмеченный, прежде всего, строительством множества храмовых и монастырских комплексов. При этом важно отметить своеобразный политический статус Мангупской крепости вплоть до конца XIV в., управлявшейся улусной администрацией Крымского Юрта Золотой Орды. Эпиграфические источники 1360–1390-х гг. сохранили титул таких наместников – гекатонтарх («сотник»), в функции которых, очевидно, входили контроль за состоянием оборонительных стен крепости и сбор определенного воинского контингента. Вместе с выявленными на памятнике в последнее время многочисленными археологическими находками золотоордынского круга все это позволяет выделить период конца XIII – XIV в. в качестве особого этапа в истории городища [18; 43].

Мангуп XIV в. можно условно обозначить «городом Матфея», по имени автора единственного средневекового топографического описания городища, составленного около 1395 г. Источник свидетельствует о городском характере поселения на Мангупском плато в это время, архитектурно-топографическими доминантами которого становятся, в том числе, многочисленные храмовые комплексы с окружающими их христианскими некрополями. Отметим также выразительное многообразие церковей городища, по словам Матфея – надвратная церковь Главных крепостных ворот, купольные, «базиликopodobные» и круглые в плане храмы в центральной части крепости [21, с. 123].

Современные археологические исследования Мангупского городища подтверждают обилие и разноплановость появившихся в золотоордынское время христианских культовых комплексов. Вероятно, в полном объеме продолжает функционировать Большая трехнефная базилика. Участок некрополя этого времени, датированный золотоордынскими монетами, начиная с номиналов хана Токты (1291–1313), выявлен М. А. Тихановой снаружи западной стены базилики [50, с. 350–354]. Недавно М. Г. Крамаровским опубликовано неординарное погребение 30–50-х гг. XIV в. из ее центрального нефа, сопровождавшееся серебряным (с позолотой)

поясом, который, по мнению издателя, относится к парадным сельджукским «городским» поясам, распространившимся в Крыму в золотоордынское время и указывающим на высокое социальное положение их владельцев [33]. Возможно, речь идет о ранге уровня гекатонтарха, если сравнивать находку с данными известных мангупских эпитафических источников второй половины XIV в.

Помимо Большой базилики, к числу христианских храмовых комплексов конца XIII – XIV в. следует отнести также ряд наземных церквей, изученных в последнее время археологически – «церковь 2015 г.», «церковь 1967 г.», «церковь 1968 г.» и, вероятно, «церковь 2005 г.» с «южной «малой базиликой» (рис. 1,11,12,15,19,25; 2,2–4,6). В этот же период, скорее всего, была вырублена и значительная часть известных на городище скальных храмов и монастырей, в том числе Северо-восточный монастырь, «гарнизонная церковь» на мысе Тешкли-бурун и Юго-восточный монастырь на эспланаде Мангупской цитадели (рис. 1,13,26,28). Обращает внимание хорошо продуманная планировка этих археологических объектов. Все они, за исключением «церкви 2015 г.», расположены в восточной части Мангупского плато, с определенной периодичностью вдоль его южного обрыва, что свидетельствует о спланированности открытой городской застройки. По Матфею, синхронным ей является комплекс надвратной церкви Главных крепостных ворот, от которого сейчас сохранилась лишь группа мемориальных скальных склепов-усыпальниц [21, с. 157]. Менее определенна датировка еще двух скальных христианских культовых объектов Мангупа с остатками фресковой росписи – алтаря в карстовой пещере МК-2 (рис. 1,8) и церкви на поляне Кильсе-губю [14, с. 21, 31; ср.: 37, с. 182–183].

Среди всех перечисленных храмовых комплексов Мангупа эталонным для установления их хронологии является «церковь 2015 г.», раскопанная в 2015–2017 гг. и уже достаточно полно опубликованная. Отмечаем ее оригинальное планировочное решение – трехнефная композиция наоса с двумя симметрично расположенными известняковыми колоннами, стропильное перекрытие базиликального типа и наличие небольшого двуколонного нартекса-притвора, что редко встречается на памятниках поздневизантийской храмовой архитектуры. Датировка храма надежно обосновывается полученным археологическим материалом в пределах конца XIII – XIV в. [46, с. 219–224].

Одновременными «церкви 2015 г.» являются полностью исследованные в 2018–2019 гг. «церковь 1967 г.» и «церковь 1968 г.» на эспланаде Мангупской цитадели (рис. 4–5) [23, с. 81–82; 24, с. 112–113]. Оба памятника представляют собой однонефные одноапсидные храмы, предположительно кладбищенские часовни, вокруг которых располагались участки, возможно, единого и хорошо спланированного христианского некрополя (рис. 1,21–22). К северу от «церкви 1968 г.», возведенной на месте более раннего винодельческого комплекса IX–X вв. (МКВ-13), открыт участок жилой застройки (помещения А и Б) и прилегающей городской улицы. Оба храма сооружены на месте мемориальных скальных склепов, расположенных под их апсидами. Еще одной общей особенностью планировки памятников является на-

личие вблизи них разнотипных фортификационных сооружений, предназначенных для контроля за участком дороги в крепость вдоль мыса Тешкли-бурун и либо предшествующих церковным комплексам, как в случае со стеной брустверного типа у «церкви 1967 г.», либо появившихся в период их функционирования (пещерный каземат с боевой амбразурой под «церковью 1968 г.»).

Для большинства храмово-погребальных комплексов Мангупского городища конца XIII – XIV в. военная катастрофа 1395 г., о которой пишет Матфей, стала верхним рубежом их существования. Пережившие ее церкви были полностью разобраны, окружающие могильники заброшены. Сакральная топография городища принципиально изменяется после возобновления жизни на памятнике в начале XV в., когда Мангуп приобретает облик столичного центра княжества Феодоро в Юго-Западном Крыму.

Свое прежнее значение и общее планировочное решение сохраняет, пожалуй, лишь Большая трехнефная базилика – кафедральный храм Готской митрополии. Статусный характер получают октагональный храм внутри Мангупской цитадели и Южный пещерный монастырь, построенные в 20–30-е гг. XV в. и имевшие прямое отношение к новой правящей династии [16; 14, с. 37–41; ср.: 36]. Феодоритские квартальные церкви с некрополями возникают уже в верховьях балок Капу-дере и Гамам-дере – церкви св. Георгия и св. Константина и, возможно, «церковь 1969 г.» (рис. 1,10,16,18; 2,10–12). Однонефная церковь св. Георгия, как показывают материалы ее раскопок, была построена во второй четверти XV в., имела богатую полихромную роспись и функционировала вплоть до осады Мангупа османской армией в 1475 г. [25, с. 56–108; 19]. Еще одна церковь этого исторического периода – храм на г. Илька в округе Мангупского городища, представляла собой однонефную одноапсидную придорожную часовню с южным входом и функционировала в конце XIV – первой половине XV в. [47].

После включения Мангупской крепости в состав Османской империи в 1475 г. в этноконфессиональной структуре ее населения и топографии культовых комплексов происходят значительные изменения. Уже в первой половине XVI в. сформировалась система этнических кварталов – мусульманских в районе мыса Тешкли-бурун и в верховьях балки Капу-дере, иудейских вокруг балки Табана-дере и греко-православных в верховьях балки Гамам-дере. Христианская община, по данным дефтера 1520 г., оставалась наиболее многочисленной: 80 домохозяйств, 15 вдов, всего 460 человек, то есть около 50% от общего числа жителей городища [59, р. 151, 167, арр. II]. В том же дефтере по именам приходских священников (пара) приведены названия шести греческих кварталов (mahale), в которых проживало православное население («неверующие» – *gebřan*) Мангупа – дважды «квартал отца Феодора» (mahale-i para Todor), «квартал отца Алексея» (mahale-i para Aleksı), «квартал отца Христуло» (mahale-i para Hristodulo), «квартал отца Георгия» (mahale-i para Yorgı) и «квартал отца Василия» (mahale-i para Vasil) [62, р. 235]. Каждый такой приход имел квартальную церковь с прилегающим кладбищем, хотя, по результа-

там археологических исследований последних лет, нам известны пока только две – уже упомянутые церкви Св. Константина и Св. Георгия, которые использовались до конца XVI – начала XVII в. Дефтер 1542–1543 гг. фиксирует резкое уменьшение греческого населения Мангупской крепости, что, безусловно, должно было сказаться на количестве действующих православных приходов и квартальных храмов. Ж. Вайнштейн указывает на сохранившийся к этому времени только один квартал греков на Мангупе, где насчитывалось 25 домохозяйств, 6 холостяков и 3 вдовы, что составляло 26% от общего числа жителей [62, р. 247, tabl. VII]. А. Фишер приводит несколько иные расчеты – 13 домохозяйств, 6 холостяков, 3 вдовы, всего 77 человек общины [59, р. 161]. Трудно определить точное местообитание армянской общины в османский период истории Мангупа. В дефтере 1520 г. ей отведен один квартал, в котором находилось 8 домохозяйств (5%), а в 1542–1543 гг. от общины сохранилось лишь одно домохозяйство [62, р. 246, tabl. VI].

Ко времени посещения Мангупской крепости Мартином Броневским в 1578 г. ее христианская община еще более сокращается. Путешественник упоминает две «совершенно ничтожные» церкви Св. Константина и Св. Георгия, из которых действующей оставалась лишь первая [35, с. 167–168]. Дортелли д'Асколи сообщает, без деталей, о проживании в городе греков (православных) [27, с. 121]. Дефтер 1638 г. называет их приблизительную численность – 41 дом [58, р. 221]. Однако в дефтерах 1649 и 1662 гг., как и во всех более поздних письменных источниках, христианского населения на Мангупе уже нет [21, с. 129]. Таким образом, на основании данных письменных и археологических источников, финальный этап истории христианской общины Мангупского городища, а, следовательно, и функционирования ее последних храмов и некрополей, приходится на 30–40-е гг. XVII в., не позднее.

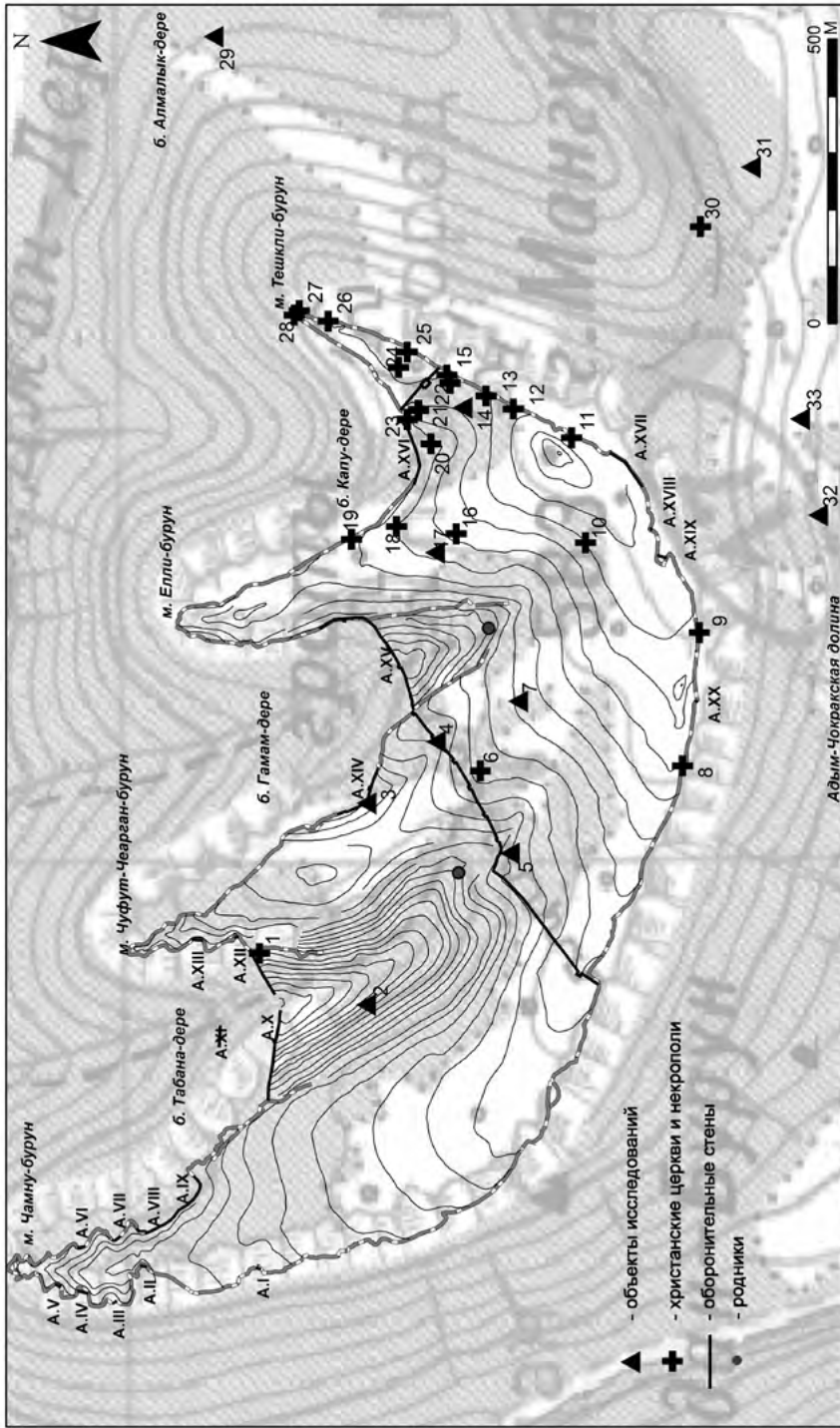

Рис. 1. Общий план Мангупского городища с указанием основных объектов археологических исследований в 1853–2020 гг.
 Fig. 1. General plan of the ancient town of Mangup indicating the main objects of archaeological researches in 1853–2020

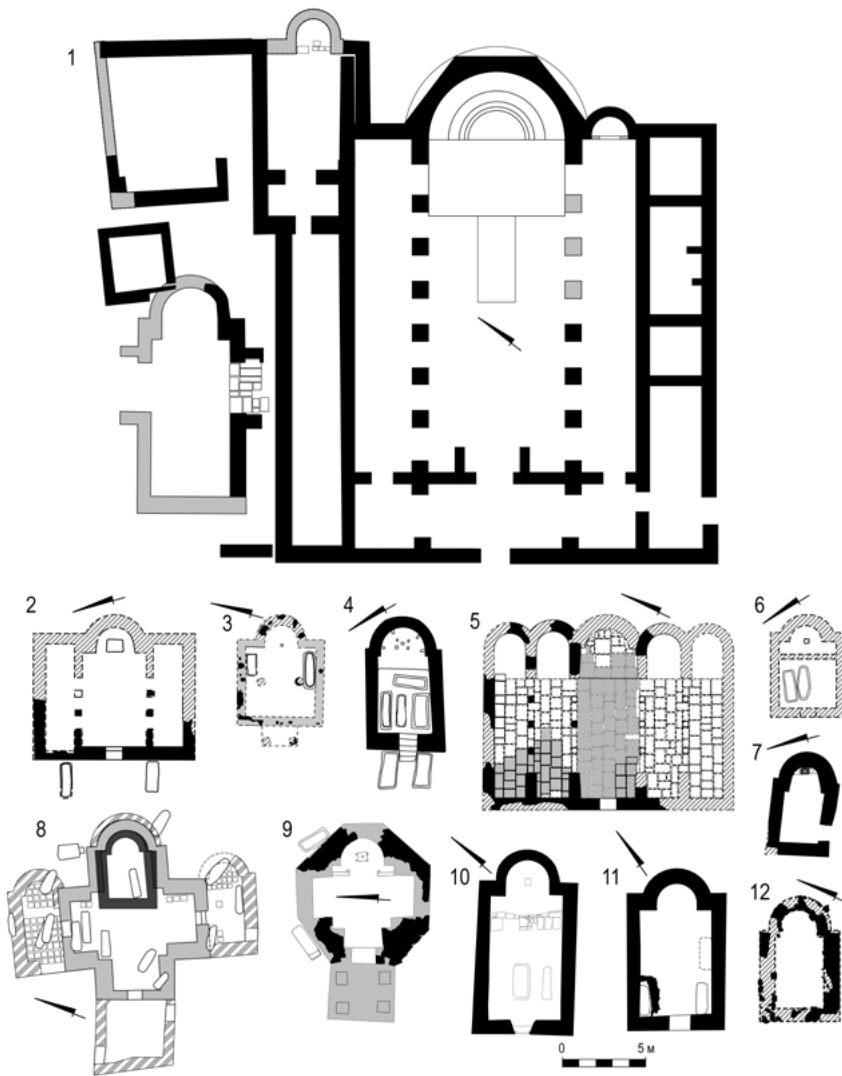

Рис. 2. Планы-реконструкции христианских храмов Мангупского городища, изученных археологически: 1 – Большая трехнефная базилика; 2 – «малая южная базилика»; 3 – «церковь 2015 г.»; 4 – «церковь 1967 г.»; 5 – «базилика Маркевича»; 6 – «церковь 1968 г.»; 7 – храм на г. Илька; 8 – крестообразный храм; 9 – октагональный храм; 10 – церковь св. Константина; 11 – церковь св. Георгия; 12 – «церковь 1969 г.». Реконструкция выполнена: 1 – по: 4, с. 307, ил. 3; 8 – по: 38, с. 227, рис. 3; 2–7, 9–12 – по материалам раскопок авторов

Fig. 2. Reconstruction plans of the churches in the ancient town of Mangup which have been studied archaeologically: 1 – big basilica with the nave and two aisles; 2 – “small southern basilica”; 3 – “2015 church”; 4 – “1967 church”; 5 – “Markevich basilica”; 6 – “1968 church”; 7 – a church atop Il’ka mountain; 8 – cross church; 9 – octagonal church; 10 – St. Constantine’s Church; 11 – St. George’s Church; 12 – “1969 church.” Reconstructions after: 1 – 4, p. 307, fig. 3; 8 – 38, p. 227, fig. 3; 2–7, 9–12 – materials from the excavations by the authors

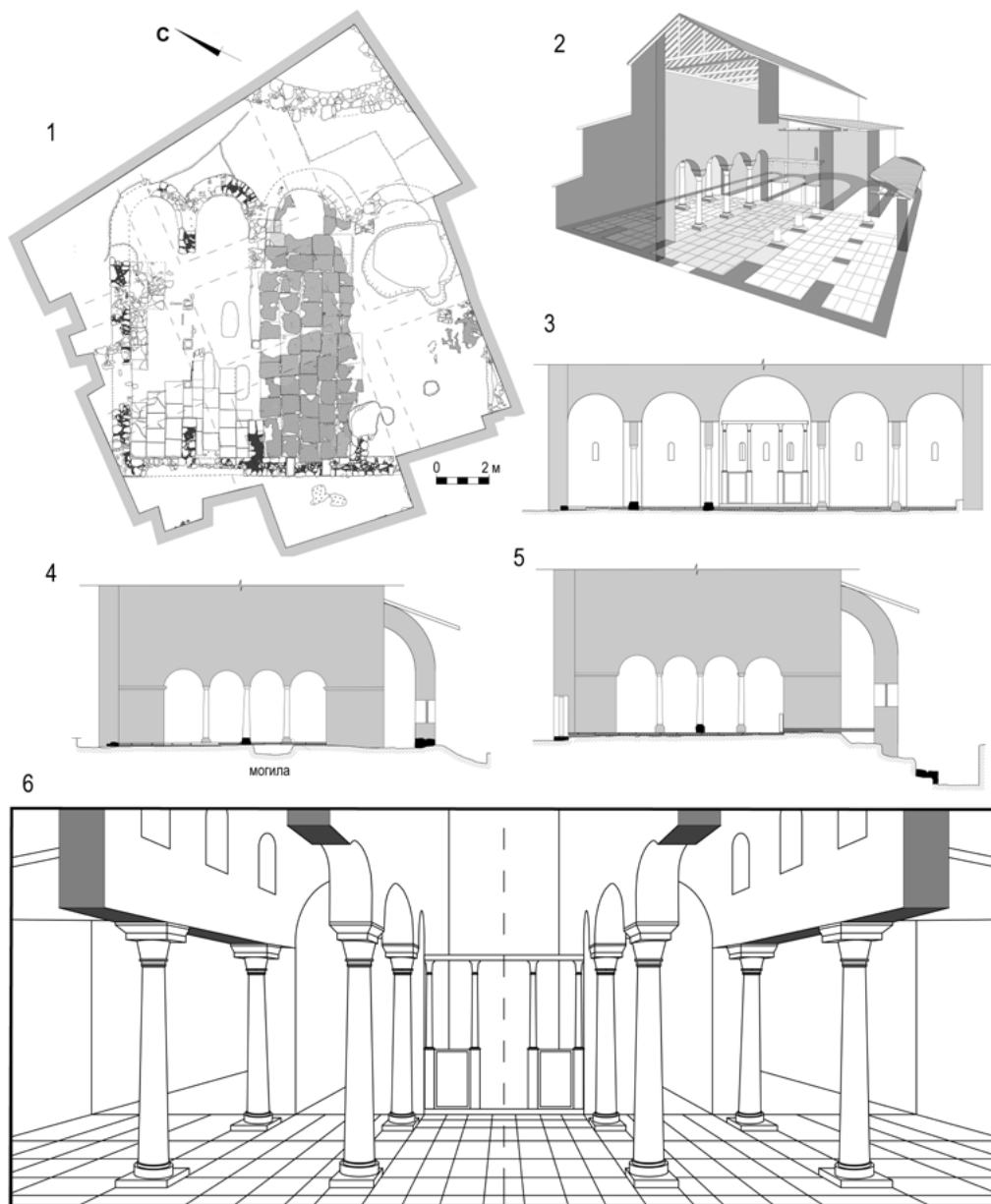

Рис. 3. «Базилика Маркевича»: 1 – общий план участка исследований 2012–2016 гг.; 2 – аксонометрический разрез; 3 – архитектурный разрез восточной части базилики; 4 – архитектурный разрез «северного нефа с колоннадой»; 5 – архитектурный разрез центрального нефа с алтарной частью; 6 – реконструкция алтарной части

Fig. 3. “Markevich basilica”: 1 – general plan of the 2012–2016 research area; 2 – axonometric section; 3 – architectural section of the eastern part of the basilica; 4 – architectural section of the “north aisle with a colonnade”; 5 – architectural section of the nave with the chancel; 6 – reconstruction of the chancel

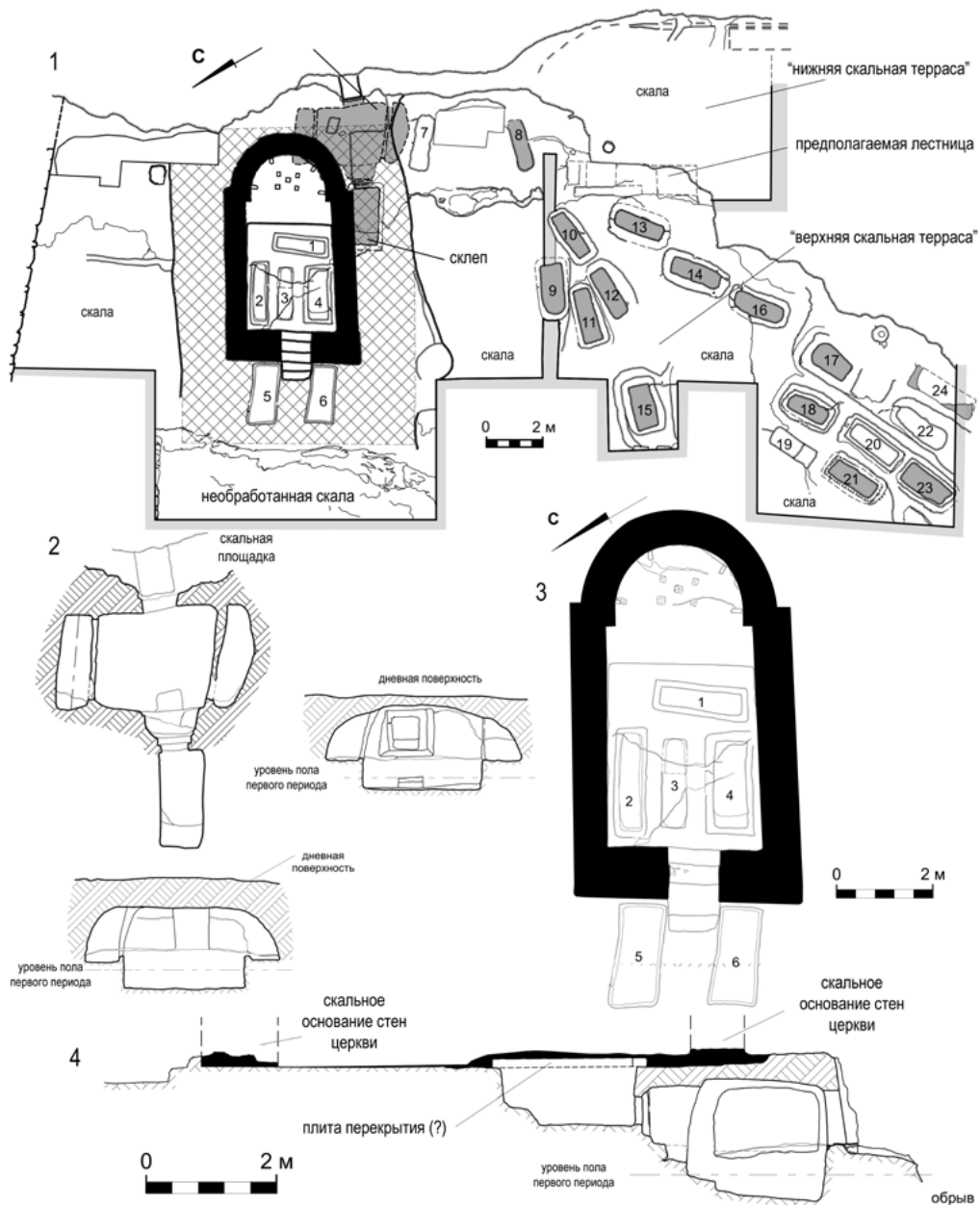

Рис. 4. «Церковь 1967 г.»: 1 – общий план участка исследований 2018 г.; 2 – мемориальный скальный склеп под апсидой храма: план, разрезы; 3 – общий план «церкви 1967 г.»; 4 – архитектурный разрез «церкви 1967 г.» с мемориальным склепом по оси восток–запад

Fig. 4. «1967 church»: 1 – general plan of the 2018 research area; 2 – memorial vault in rock carved under the apse of the church: plan, sections; 3 – general plan of the “1967 church”; 4 – architectural section of the «1967 church» with the memorial vault along the east-west axis

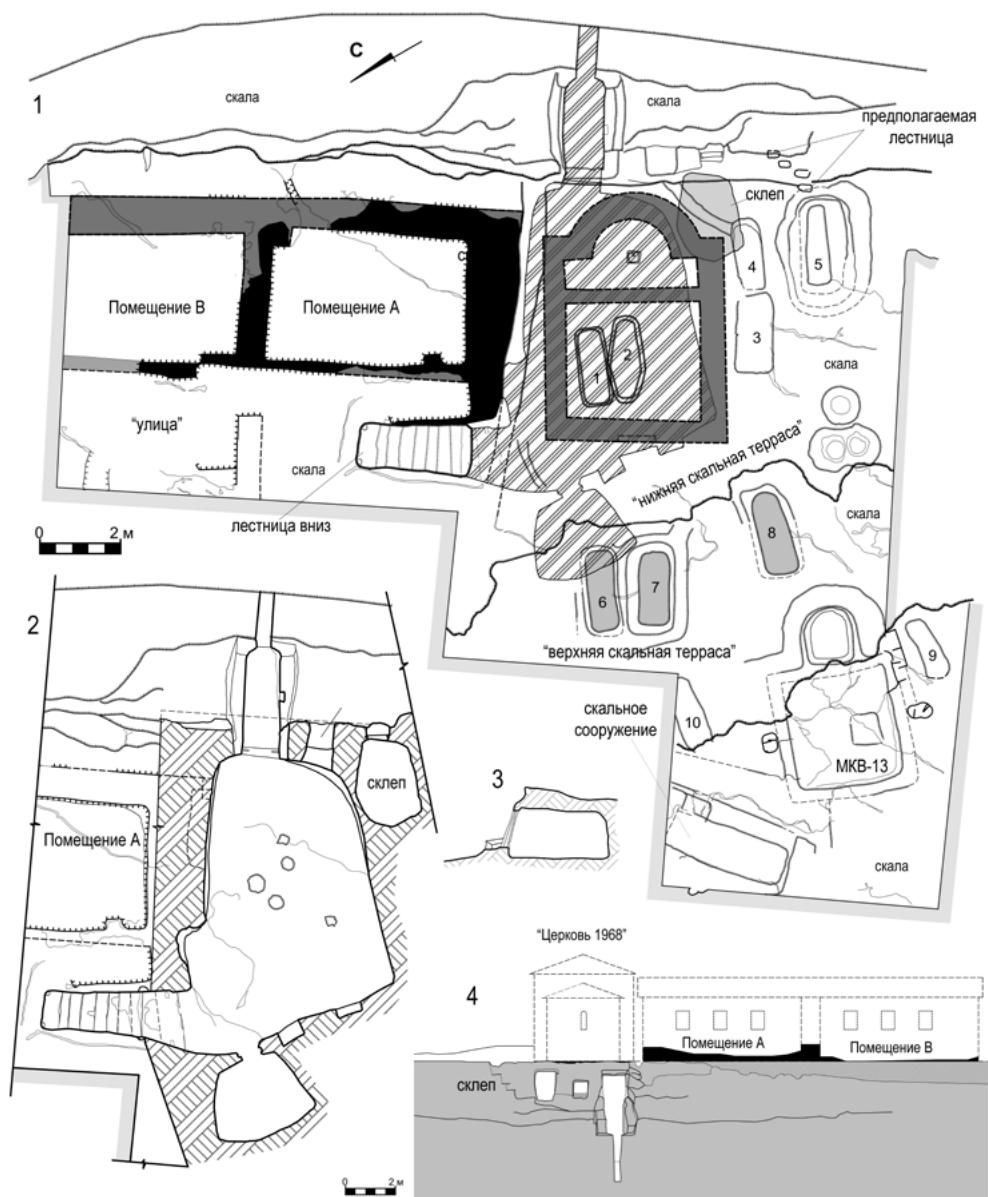

Рис. 5. «Церковь 1968 г.»: 1 – общий план участка исследований 2019 г.; 2 – общий план пещерного оборонительного каземата с боевой амбразурой и мемориальным скальным склепом под апсидой храма; 3 – продольный разрез мемориального склепа под апсидой храма; 4 – реконструкция южного фасада храмового комплекса

Fig. 5. «1968 church»: 1 – general plan of the 2019 research area; 2 – general plan of a cave defensive casemate with a battle embrasure and a memorial vault carved in rock under the apse of the church; 3 – longitudinal section of the memorial vault under the apse of the church; 4 – reconstruction of the southern facade of the church complex

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 615–626.
2. Айбабин А.И. Роль христианства в распространении греческого языка у готов и алан Юго-Западного Крыма // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Вып. XXXIII. Роль религии в формировании социокультурных практик и представлений / Ред. Е.А. Мельникова. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 5–8.
3. Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. 500 с.
4. Бармина Н.И. Этапы жизни Мангупской базилики // ТГЭ. 2008. Т. XLII: Византия в контексте мировой культуры: К 100-летию со дня рождения А.В. Банк: материалы конференции. С. 305–313.
5. Бармина Н.И. Мозаики и фрески Мангупской базилики // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 89–106.
6. Бармина Н.И. Надгробия некрополя Мангупской базилики // АДСВ. 2020. Т. 48. С. 327–348.
7. Виноградов А.Ю. Строительные надписи византийского Крыма. Addenda et corrigenda // Вопросы эпиграфики. 2010. Вып. IV. С. 217–253.
8. Виноградов А.Ю. Византийские надписи Северного Причерноморья. Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/index-ru.html>.
9. Виноградов А.Ю. Основные проблемы и вопросы изучения византийской эпиграфики Мангупа // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 278–298.
10. Герцен А.Г. Описание Мангупа-Феодоро в поэме иеромонаха Матфея // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 562–589.
11. Герцен А.Г. Христианство в Мангупе под властью турок // Таврические духовные чтения: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 140-летию создания Таврической духовной семинарии. Симферополь, 2013. Т. II. С. 305–319.
12. Герцен А.Г. Раннехристианская гемма из Мангупа // Христианство в археологических и письменных источниках: материалы IX международной научной конференции по церковной археологии / Ред.-сост. В.В. Майко, Э.А. Хайрединова, Т.Ю. Яшаева. Симферополь: Антикава, 2020. С. 30–33.
13. Герцен А.Г., Карлов С.В. Дозорный и культовый комплекс под оконечностью мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // Готы и Рим. Сборник научных статей. Киев: СтилоС, 2006. С. 221–253.
14. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Мангупа. Симферополь: Таврия, 1996. 128 с.
15. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ. 1999. Т. 30. С. 95–115.
16. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Октагональная церковь цитадели Мангупа (Крым): вопросы хронологии и архитектурной композиции // ТГЭ. 2010. Т. 53: Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII вв.: материалы международного семинара. С. 227–253.
17. Герцен А.Г., Науменко В.Е. К исторической топографии Мангупского городища: церковь Святого Константина // Международная научная конференция «II Свято-Владимирские чтения», посвященная 1000-летию преставления святого равноапостольного князя Владимира: тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2015. С. 16–18.
18. Герцен А.Г., Науменко В.Е. К вопросу о выделении золотоордынского периода в истории Мангупского городища в Юго-Западном Крыму // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 247–258.
19. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Церковь Св. Георгия Мангупского городища. Общие итоги археологических исследований 2015–2016 гг. // Археология античного и средневекового города: сборник статей в честь С.Г. Рыжова. Севастополь; Калининград: РОСТ-ДООАФК, 2018. С. 12–43.
20. Герцен А.Г., Науменко В.Е. К изучению истории Мангупа VIII–XI вв. Состояние источниковой базы и перспективы исследований // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 615–640.
21. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Сакральная топография Мангупа: история изучения, каталог и периодизация культовых памятников городища // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Вып. 2. Миры Византии: сборник научных трудов / Ред. Н.А. Алексеевко. Симферополь: Колорит, 2019. С. 115–176.

22. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Сакральная топография Мангупа. Некоторые наблюдения над результатами современных исследований памятника // Изучение и сохранение древних сакральных пространств в современном мире (к 1365-летию ссылки папы Мартина в Херсонес): материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.В. Майко, Э.А. Хайрединова, Т.Ю. Яшаева. Симферополь: Антиква, 2020. С. 17–23.
23. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Душенко А.А., Ганцев В.К., Иожица Д.В., Набоков А.И. Раскопки Мангупского городища: дворец, «церковь 1967 г.», могильник Южный II // История и археология Крыма. 2019. Вып. XI. С. 79–90.
24. Герцен А.Г. Науменко В.Е., Душенко А.А., Ганцев В.К., Иожица Д.В., Набоков А.И. Раскопки Мангупского городища: дворец, «церковь 1968 г.», Алмалыкский могильник // История и археология Крыма. 2020. Вып. XIII. С. 111–128.
25. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Шведчикова Т.Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.). М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 272 с.
26. Герцен А.Г., Яшаева Т.Ю. Древнерусские энколпионы из Юго-Западного Крыма // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной. СПб., 2010. С. 355–362.
27. Дортелли д'Асколи. Описание Черного моря и Таврии // ЗООИД. 1902. Т. XIV. С. 95–134.
28. Душенко А.А. Крест из рога оленя с монограммой из раскопок Большой Мангупской базилики // Боспорские исследования. 2013. Вып. XXVIII. С. 363–371.
29. Зайбт В. Иаков, митрополит Готии, и его печать (XIV в.) // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 299–305.
30. Иожица Д.В. Новые материалы к изучению стеновой живописи Мангупского городища: фреска церкви св. Георгия // III Свято-Владимирские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 1030-летию Крещения Руси / Ред.-сост. В.В. Майко, Т.Ю. Яшаева. Севастополь: Телескоп, 2018. С. 40–42.
31. Иожица Д.В. Архитектурно-археологическая реконструкция «базилики Маркевича» // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XI Международный Византийский семинар: материалы научной конференции / Ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Колорит, 2019. С. 115–120.
32. Кирилко В.П. Южный вход Большой Мангупской базилики // АДСВ. 2005. Т. 36. С. 260–271.
33. Крамаровский М.Г. Мангупская находка: сельджукидские отражения в Крыму и на Северном Кавказе // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 457–480.
34. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. 143 с.
35. Мартин Броневский. Описание Крыма (подготовка републикации текста М. Мачинской и А. Герцена, предисловие и комментарий А. Герцена) // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. № 10. С. 156–200.
36. Могаричев Ю.М., Ергина А.С. К вопросу о периодизации фресковых росписей пещерной церкви Южного монастыря Мангупа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 6. С. 47–63.
37. Могаричев Ю.М., Ергина А.С. Пещерная церковь на поляне Кильсе-тубю (округа Мангупа, Крым) // ПИФК. 2019. № 3. С. 166–186.
38. Мыц В.Л. Крестообразный храм Мангупа // СА. 1990. № 1. С. 224–242.
39. Науменко В.Е. К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX вв. (по данным *Notitiae episcopatum*) // АДСВ. 2003. Т. 34. С. 123–145.
40. Науменко В.Е. К вопросу о Готском епископе на VII Вселенском соборе в Никее и церковно-политической ситуации в Крымской Готии в конце VIII – начале IX вв. // *Sacrum et Profanum*. 2005. Вып. I. С. 129–140.
41. Науменко В.Е. Некоторые наблюдения над топографией и погребальной практикой христианских некрополей Мангупского городища (по материалам современных раскопок памятника) // Христианство в археологических и письменных источниках: материалы IX международной на-

- учной конференции по церковной археологии / Ред.-сост. В.В. Майко, Э.А. Хайрединова, Т.Ю. Яшаева. Симферополь: Антика, 2020. С. 99–107.
42. Науменко В.Е. «Латиняне» на Мангупе. Уникальный западноевропейский крест-энколпион из раскопок княжеского дворца Мангупского городища: проблемы атрибуции и датировки // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 6. С. 100–115.
 43. Науменко В.Е. Об исторической топографии и политико-административном статусе Мангупа в золотоордынский период // Оазисы шелкового пути: исторические истоки интеграционных процессов в Евразии / Ред. И.М. Миргалеев. М.; Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. С. 232–249.
 44. Науменко В.Е. Св. Иоанн Готский и учреждение Готской епархии в Крыму: дискуссионные вопросы современной историографии // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Вып. XXXIII. Роль религии в формировании социокультурных практик и представлений / Ред. Е.А. Мельникова. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 207–211.
 45. Науменко В.Е., Герцен А.Г., Иожица Д.В. Основные этапы истории христианской общины Мангупа. Новые материалы исторических и архитектурно-археологических исследований // XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь; Керчь, 2021. С. 278–290.
 46. Науменко В.Е., Душенко А.А. Уникальная византийская костяная иконка из раскопок Мангупского городища // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 217–249.
 47. Науменко В.Е., Иожица (Корзюк) Д.В. Церковь на г. Илька в округе Мангупского городища (Юго-Западный Крым). Архитектурный анализ и объемная реконструкция памятника // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2018. Вып. X. С. 170–196.
 48. Науменко В.Е., Иожица Д.В., Набоков А.И. «Базилика Маркевича» на южной периферии Мангупского городища (по материалам исследований 2012–2016 гг.) // Международная научная конференция «Археология средневекового храма», к 170-летию К.К. Косцюшко-Валожнинича. Севастополь, 2017. С. 50–55.
 49. Сидоренко В.А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 105–118.
 50. Тиханова М.А. Базилика // МИА. 1953. № 34: Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). С. 334–389.
 51. Хайрединова Э.А. Парадный убор жительницы раннесредневекового Дороса (по находкам из Тешкли-бурунского клада Мангупского городища) // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 62–88.
 52. Хрушкова Л.Г. К дискуссии о времени строительства Мангупской базилики // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 107–138.
 53. Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным *Notitiae episcopatum* // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 399–435.
 54. Чхаидзе В.Н. Печати Иоанна, архиепископа Готии (X–XI вв.) // РА. 2016. № 2. С. 169–174.
 55. Albrecht St. Quellen zur Geschichte der Byzantinischen Krim. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2012. 355 s. (Monographien des RGZM, Bd. 101).
 56. Bemmann J., Schneider K., Gercen A.G., Černyš S., Mączyńska M., Urbaniak A., von Freden U. Die frühmittelalterlichen Gräberfelder von Adym-Čokrak, Južnyj I und Južnyj II am Fuss des Mangup. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2013. 100 S. (Monographien des RGZM, Bd. 108).
 57. Darrouzès J. *Notitiae Episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae*. Paris: Institut Français d'Études Byzantines, 1981. 521 p.
 58. Fisher A. The Ottoman Crimea in the Mid-Seventeenth Century: Some Problems and Preliminary Considerations // Harvard University Studies. 1979–1980. Vol. III–IV. Part I. P. 215–226.
 59. Fisher A. The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century // Harvard University Studies. 1981. Vol. V. No. 2. P. 135–170.

60. Mączyńska M., Gercen A., Ivanova O., Černýš S., Sergej S., Urbaniak A., Bemmann J., Schneider K., Jakubczyk I. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fuße des Mangup auf der Südwestkrim. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2016. 205 s. (Monographien des RGZM, Bd. 115).
61. Sidorenko V.A. Funde aus dem Umfeld des Mangup // Byzanz. Pracht und Alltag. Bonn; München, 2010. S. 313–314.
62. Veinstein G. La population du Sud de la Crimée au début de la domination Ottomane // Mémorial Ömer Lutfi Barkal. Paris, 1980. P. 127–149.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Some aspects of the history of Gothian diocese of the South-Western Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2006, vol. 12, pp. 615–626.
2. Aibabin A.I. The role of Christianity in the spread of the greek language among the Goths and Alans of the South-Western Crimea. Mel'nikova E.A. (ed.), *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Chteniia pamiati chlena-korrespondenta AN SSSR V.T. Pashuto. Vyp. XXXIII. Rol' religii v formirovanii sotsiokul'turnykh praktik i predstavlenii* [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages. Readings in memory of V.T. Pashuto. Vol. 33. The role of religion in the formation of socio-cultural practices and ideas], Moscow, Institute of world history RAS Publ., 2021, pp. 5–8.
3. Baier Kh.-F. *Istoriia krymskikh gotov kak interpretatsiia Skazaniia Matfeia o gorode Feodoro* [The history of the Crimean Goths as an interpretation of the Legend of Matthew about the city of Theodoro]. Ekaterinburg, Ural'skii universitet Publ., 2001, 500 p.
4. Barmina N.I. Stages of the evolution of the Mangup basilica. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Transactions of the State Hermitage], St.-Petersburg, 2008, vol. 42, pp. 305–313.
5. Barmina N.I. Mosaics and frescoes of the basilica of the Mangup. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2017, vol. 22, pp. 89–106.
6. Barmina N.I. Tombstones of the cemetery at the basilica of Mangup. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2020, vol. 48, pp. 327–348.
7. Vinogradov A.Iu. Building inscriptions of the Byzantine Crimea. Addenda et corrigenda. *Voprosy epigrafiki* [Questions of epigraphy], 2010, vol. 4, pp. 217–253.
8. Vinogradov A.Iu. *The Byzantine inscriptions from the Northern Black sea. Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. 2015. URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/index-ru.html>.
9. Vinogradov A.Iu. The main research problems and questions of researches in Byzantine epigraphy of Mangup. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2017, vol. 22, pp. 278–298.
10. Gertsen A.G. Mangup-Theodora at the end of the 14th century in the descriptions by celibate priest Matthew. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2003, vol. 10, pp. 562–589.
11. Gertsen A.G. Christianity in Mangup under the rule of the Turks. *Tavricheskie dukhovnye chteniia: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 140-letiiu sozdaniia Tavricheskoi dukhovnoi seminarii* [Taurica spiritual readings: Materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 140th anniversary of the establishment of the Taurica Theological Seminary], Simferopol, 2013, vol. 2, pp. 305–319.
12. Gertsen A.G. Early Christian gem from Mangup. Maiko V.V., Khairedinova E.A., Iashaeva T.Iu. (eds.), *Khristianstvo v arkheologicheskikh i pis'mennykh istochnikakh: materialy IX mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po tserkovnoi arkheologii* [Christianity in archaeological and written sources: Proceedings of the 9th International scientific conference on church archaeology], Simferopol, Antikva Publ., 2020, pp. 30–33.

13. Gertsen A.G., Karlov S.V. Patrol and cult complex at the tip of Teshkli-Burun cape (Mangup). *Goty i Rim. Sbornik nauchnykh statei* [Goths and Rome. Collection of scientific articles], Kiev, Stilos Publ., 2006, pp. 221–253.
14. Gertsen A.G., Mogarichev Iu.M. *Peshchernye tserkvi Mangupa* [Cave churches of Mangup]. Simferopol, Tavriia Publ., 1996, 128 p.
15. Gertsen A.G., Mogarichev Iu.M. On the question of the church history of Taurica in the 8th century. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 1999, vol. 30, pp. 95–115.
16. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Octagonal church of Mangup's citadel: Questions of chronology and architectural composition. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Transactions of the State Hermitage], St.-Petersburg, 2010, vol. 53, pp. 227–253.
17. Gertsen A.G., Naumenko V.E. To the historical topography of the Mangup settlement: the church of St. Constantine. *Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia "II Sviato-Vladimirskie chteniia", posviashchennaia 1000-letiiu prestavleniia sviatogo ravnoapostol'nogo kniazia Vladimira* [International scientific conference "II Holy-Vladimir Readings" dedicated to the 1000th anniversary of the repose of the Holy Prince Vladimir Equal to the Apostles], Sevastopol, 2015, pp. 16–18.
18. Gertsen A.G., Naumenko V.E. On the question of individualization of the Golden Horde period in the history of Mangup ancient settlement in the South-Western Crimea. *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia* [Golden Horde civilization], 2016, vol. 9, pp. 247–258.
19. Gertsen A.G., Naumenko V.E. St. George's church of Mangup fortress. Common results of archaeological research in 2015–2016. *Arkheologiiia antichnogo i srednevekovogo goroda: sbornik statei v chest' S.G. Ryzhova* [Archaeology of the ancient and medieval city: Essays presented in honor of Stanislav Ryzhov], Sevastopol, Kaliningrad, ROST-DOAFK Publ., 2018, pp. 12–43.
20. Gertsen A.G., Naumenko V.E. For the study in the history of Mangup from the 8th to the 11th century. The condition of sources and perspectives for research. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2018, vol. 23, pp. 615–640.
21. Gertsen A.G., Naumenko V.E. The sacral topography of Mangup: research history, catalogue and periodization of religious monuments discovered in the Ancient city. Alekseenko N.A. (ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Vol. 2. Miry Vizantii* [Chersonos Themata. Vol. 2. Worlds of Byzantium], Simferopol, Kolorit Publ., 2019, pp. 115–176.
22. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Sacral topography of Mangup. Some observations on the results of modern studies of the site. Maiko V.V., Khairidinova E.A., Iashaeva T.Iu. (eds.), *Izuchenie i sokhranenie drevnikh sakral'nykh prostranstv v sovremennom mire (k 1365-letiiu ssylki papy Martina v Khersones)* [Study and preservation of ancient sacral spaces in the modern world (to the 1365th anniversary of Pope Martin's Exile in Chersonesos)], Simferopol, Antikva Publ., 2020, pp. 17–23.
23. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Dushenko A.A., Gantsev V.K., Iozhitsa D.V., Nabokov A.I. Excavations of the Mangup settlement: palace, "church of 1967", burial ground Yuzhny II. *Istoriia i arkheologiiia Kryma* [History and archeology of Crimea], Simferopol, 2019, vol. 11, pp. 79–90.
24. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Dushenko A.A., Gantsev V.K., Iozhitsa D.V., Nabokov A.I. Excavations of the Mangup settlement: palace, "church of 1968", Almalyk burial ground. *Istoriia i arkheologiiia Kryma* [History and archeology of Crimea], Simferopol, 2020, vol. 13, pp. 111–128.
25. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Shvedchikova T.Iu. *Naselenie Dorosa-Feodoro po rezul'tatam kompleksnogo arkheologo-antropologicheskogo analiza nekropolei Mangupskogo gorodishcha (IV–XVII vv.)* [The population of Doros-Feodoro according to the results of a comprehensive archaeological and anthropological analysis of the necropolises of the Mangup settlement (4th–17th centuries)]. Moscow, St.-Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2017, 272 p.
26. Gertsen A.G., Iashaeva T.Iu. Ancient Rus' reliquary crosses from South-West Crimea. *Slaviano-russkoe iuvelirnoe delo i ego istoki. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdenia G.F. Korzukhinoi* [Slavic and Old Russian art of jewelry and its roots. Materials of International scientific conference dedicated 100th anniversary of Galina Korzukhina's birth], St.-Petersburg, 2010, pp. 355–362.

27. Dortelli d'Askoli. Description of the Black Sea and Tataria. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* [Notes of the Odessa society of history and antiquities], 1902, vol. 14, pp. 95–134.
28. Dushenko A.A. A cross made of an antler with a monogram from excavations of the Big Basilica of Mangup. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2013, vol. 28, pp. 363–371.
29. Zaibt V. Iakobos, metropolitan of Gothia, and his seal (14th century). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2017, vol. 22, pp. 299–305.
30. Iozhitsa D.V. New materials for the study of the wall painting of the Mangup settlement: a fresco of the church of St. George. Maiko V.V., Iashaeva T.Iu. (eds.), *III Sviato-Vladimirskie chteniia. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 1030-letiiu Kreshcheniia Rusi* [3rd St. Vladimir's Readings. Materials of the International scientific conference dedicated to the 1030th anniversary of the Baptism of Rus], Sevastopol, Teleskop Publ., 2018, pp. 40–42.
31. Iozhitsa D.V. An architectural and archaeological reconstruction of the Markevich Basilica. Alekseenko N.A. (ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis. XI Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar* [11th international Byzantine workshop “Chersonos Themata: the empire and the polis”], Simferopol, Kolorit Publ., 2019, pp. 115–120.
32. Kirilko V.P. South entrance of the Great Mangup Basilica. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2005, vol. 36, pp. 260–271.
33. Kramarovskii M.G. Mangup find: Seljuqs reflections in Crimea and in the Northern Caucasus. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2009, vol. 15, pp. 457–480.
34. Latyshev V.V. *Sbornik grecheskikh nadpisei khristianskikh vremen iz Iuzhnoi Rossii* [Collection of Greek inscriptions of Christian times from Southern Russia]. St.-Petersburg, 1896, 143 p.
35. Martin Bronevskii. Description of the Crimea. *Istoricheskoe nasledie Kryma* [The historical heritage of Crimea], Simferopol, 2005, no. 10, pp. 156–200.
36. Mogarichev Iu.M., Ergina A.S. Reassessing the periodization of mural paintings in the cave church of the Southern Mangup Monastery. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4, Istoriiia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 47–63.
37. Mogarichev Iu.M., Ergina A.S. Cave church at the field of Kielse-tubu (district of Mangup, the Crimea). *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies], 2019, no. 3, pp. 166–186.
38. Myts V.L. The Cruciform temple of Mangup. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet archaeology], 1990, no. 1, pp. 224–242.
39. Naumenko V.E. To the question of the church and administrative structure of Taurica in the 8th–9th centuries (according to Notitiae episcopatum). *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2003, vol. 34, pp. 123–145.
40. Naumenko V.E. On the issue of Gothic Bishop at the VII Ecumenical Council at Nikea and church-political situation at Crimean Gothia at the end of 8th – beginning of 9th century. *Sacrum et Profanum*, Sevastopol, 2005, vol. 1, pp. 129–140.
41. Naumenko V.E. Some observations of the topography and burial practice of the christian necropolises of the Mangup settlement (based on the materials of modern excavations of the monument). Maiko V.V., Khairedinova E.A., Iashaeva T.Iu. (eds.), *Khristianstvo v arkheologicheskikh i pis'mennykh istochnikakh: materialy IX mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po tserkovnoi arkheologii* [Christianity in archaeological and written sources: Proceedings of the 9th International scientific conference on church archaeology], Simferopol, Antikva Publ., 2020, pp. 99–107.
42. Naumenko V.E. The “Latins” on Mangup. Unique Western-European cross-encolpion from the excavations of prince's palace in ancient Mangup: problems of attribution and dating. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4, Istoriiia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 100–115.

43. Naumenko V.E. On the historical topography and political and administrative status of Mangup in the Golden Horde period. Mirgaleev I.M. (ed.), *Oazisy shelkovogo puti: istoricheskie istoki integratsionnykh protsessov v Evrazii* [Oases of the Silk Road: the historical origins of integration processes in Eurasia], Moscow, Kazan, Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2020, pp. 232–249.
44. Naumenko V.E. St. John of Gothia and the establishment of the Gothic eparchy in the Crimea: controversial issues of modern historiography. Mel'nikova E.A. (ed.), *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Chteniia pamiati chlena-korrespondenta AN SSSR V.T. Pashuto. Vyp. XXXIII. Rol' religii v formirovanii sotsiokul'turnykh praktik i predstavlenii* [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages. Readings in memory of V.T. Pashuto. Vol. 33. The role of religion in the formation of socio-cultural practices and ideas], Moscow, Institute of world history RAS Publ., 2021, pp. 207–211.
45. Naumenko V.E., Gertsen A.G., Iozhitsa D.V. The main stages of the history of the Christian community of Mangup. New materials of historical, architectural and archaeological research. Zin'ko V.N., Zin'ko E.A. (eds.), *XXII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Novye otkrytiia, novye proekty* [22th Bosporan Readings. Cimmerian Bosphorus and the world of barbarians in Antiquity and the Middle Ages. New discoveries, new projects], Simferopol, Kerch, 2021, pp. 278–290.
46. Naumenko V.E., Dushenko A.A. A unique Byzantine bone icon excavated at the ancient town of Mangup. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2019, vol. 24, pp. 217–249.
47. Naumenko V.E., Iozhitsa (Korziuk) D.V. The church on the mountain Ilka in the district of Mangup fortress (South-West Crimea). Architectural analysis and bulk reconstruction of a monument. *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury* [Questions of the History of World Architecture], 2018, vol. 10, pp. 170–196.
48. Naumenko V.E., Iozhitsa D.V., Nabokov A.I. “Markevich's basilica” on the southern periphery of the Mangup settlement (based on research materials of 2012–2016). *Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia “Arkheologiia srednevekovogo khrama”, k 170-letiiu K.K. Kostsiushko-Valiuzhinicha* [International scientific conference “Archeology of a Medieval Temple”, dedicated to the 170th anniversary of K.K. Kostsiushko-Valyuzhinich], Sevastopol, 2017, pp. 50–55.
49. Sidorenko V.A. Procopis of Caesarea’s “Goths” in the Region of Dory and the “long walls” in the Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 1991, vol. 2, pp. 105–118.
50. Tikhanova M.A. Basilika. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* [Materials and research on archaeology of the USSR], Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1953, no. 34, pp. 334–389.
51. Khairidinova E.A. Parade attire of a woman residing in Mediaeval Doros (according to the finds from the Teshkli-Burun hoard). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2017, vol. 22, pp. 62–88.
52. Khrushkova L.G. On the discussion about the time when the Mangup basilica was constructed. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2017, vol. 22, pp. 107–138.
53. Zuckerman C. Byzantium’s Pontic Policy in the Notitiae episcopatum. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2010, vol. 16, pp. 399–435.
54. Chkhaidze V.N. The seals of John, archbishop of Gotia (10th–11th cc.). *Rossiiskaia arkheologiia* [Russian archaeology], 2016, no. 2, pp. 169–174.
55. Albrecht St. *Quellen zur Geschichte der Byzantinischen Krim*. (Monographien des RGZM, Bd. 101). Mainz, Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2012, 355 p.
56. Bemmann J., Schneider K., Gercen A.G., Černyš S., Mączyńska M., Urbaniak A., von Freden U. *Die frühmittelalterlichen Gräberfelder von Adym-Čokrak, Južnyj I und Južnyj II am Fuss des Mangup*. (Monographien des RGZM, Bd. 108). Mainz, Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2013, 100 p.

57. Darrouzès J. *Notitiae Episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae*. Paris, Institut Français d'Études Byzantines, 1981, 521 p.
58. Fisher A. The Ottoman Crimea in the Mid-Seventeenth Century: Some Problems and Preliminary Considerations. *Harvard University Studies*, 1979–1980, vol. III–IV, part I, pp. 215–226.
59. Fisher A. The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century. *Harvard University Studies*, 1981, vol. V, no. 2, pp. 135–170.
60. Mączyńska M., Gercen A., Ivanova O., Černyš S., Sergej S., Urbaniak A., Bemmann J., Schneider K., Jakubczyk I. *Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fuße des Mangup auf der Südwestkrim*. (Monographien des RGZM, Bd. 115). Mainz, Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2016, 205 p.
61. Sidorenko V.A. Funde aus dem Umfeld des Mangup. *Byzanz. Pracht und Alltag*, Bonn, München, 2010, pp. 313–314.
62. Veinstein G. La population du Sud de la Crimée au début de la domination Ottomane. *Mémorial Ömer Lütfi Barkal*, Paris, 1980, pp. 127–149.

Сведения об авторах

Науменко В. Е. – кандидат исторических наук, доцент кафедрой археологии и всеобщей истории Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: W-7627-2018, Scopus ID: 57214230180.

Герцен А. Г. – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: AAU-9228-2020.

Иожица Д. В. – младший научный сотрудник Отдела средневековой археологии Института археологии Крыма РАН.

Authors information

Naumenko V. E. – Candidate of Science (History), Associate Professor of Department archaeology and world history of the Taurida Academy of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: W-7627-2018, Scopus ID: 57214230180.

Gertsen A. G. – Candidate of Science (History), Head of the Department archaeology and world history of the Taurida Academy of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: AAU-9228-2020.

Iozhitsa D. V. – Junior Researcher of the Mediaeval Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS.

ГЛАЗУРОВАННАЯ КЕРАМИКА ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДА В ФОНДАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ ТАВРИДЫ: ПОПЫТКА АТРИБУЦИИ ОДНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

Эмиль Исаевич Сейдалиев¹, Джемиле Эльвировна Сейдалиева²

¹Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова; Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
codexcumanicus@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2822-3930>

²Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
djetka65@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9860-4432>

Аннотация. Значительная коллекция керамики из раскопок 1925–1928 гг. городища Солхат под руководством А. С. Башкирова, У. А. Боданинского, И. Н. Бороздина к настоящему времени утеряна. В 2017-м году в Центральном музее Тавриды была организована временная выставка «Крым в Золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи», в экспозиции которой присутствовали материалы, происходящие из раскопок на городище Солхат. Среди прочего были представлены три керамических изделия, происхождение которых до настоящего времени окончательно не ясно. Можно предположить, что эти изделия относятся к коллекции, происходящей из раскопок 20–30-х гг. XX в., поскольку переданы в фонды музея в послевоенное время, в результате расформирования некоего музея в Старом Крыму. Всего обозначенная коллекция включает 343 единицы во фрагментах и целых археологических форм. Коллекция довольно богатая, она содержит около 240 единиц импортного происхождения. В настоящей публикации представлено около 50 фрагментов глазурованной керамики. Самой многочисленной является категория столовой посуды (99,4%). Значительная часть импортной посуды в составе коллекции позволяет предположить, что она происходит либо из раскопок караван-сарая, либо из раскопок архитектурно-археологического комплекса медресе-мечети хана Узбека. Также на это указывают отрывочные сведения в дневниках У. Боданинского за 1928 г. Первичный анализ коллекции и обзор письменных источников по истории археологического исследования Солхата в 20-е гг. XX в. позволяют предположить, что эти музейные материалы могут относиться к результатам археологических раскопок Всесоюзной ассоциации востоковедения и Бахчисарайского музея тюрко-татарской культуры в Старом Крыму. Вероятно, после репрессий по отношению к участникам и руководителям археологических исследований 1925–1928 гг., музейное хранилище в Старом Крыму было ликвидировано, а материалы из него были переданы в фонды Центрального музея Тавриды.

Ключевые слова: Золотая Орда, Крым, Солхат, археологические исследования 1925–1928 гг., глазурованная керамика

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время». Выражаем благодарность В. Е. Науменко, М. Р. Мальгиной, В. А. Сидоренко и И. В. Зайцеву за консультации в процессе подготовки настоящей публикации.

GLAZED WARE FROM THE GOLDEN HORDE PERIOD IN THE CENTRAL MUSEUM OF TAURIDA: AN ATTEMPT OF ATTRIBUTION OF A COLLECTION

Emil I. Seidaliev¹, Dzhemile E. Seidalieva²

¹ *Fevzi Jacobov Crimean Engineering and Pedagogical University; Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia*

² *Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia*

Abstract. A significant collection of ceramic wares excavated at the ancient town of Solkhat in 1925–1928 under the supervision of A. S. Bashkirov, U. A. Bodaninskii, and I. N. Borozdin is lost. In 2017, the Central Museum of Taurida organized a temporary exhibition entitled *The Crimea in the Golden Horde Period. The Crimean Yurt of the Golden Horde: The Legacy of the Vanished Empire*, particularly presenting the materials originating from the excavations at the ancient town of Solkhat. Among other artefacts, there were three ceramic items of the origin still not quite clear. Probably these items belonged to the collection originating from the 1920s–1930s excavations, since they were transferred to the museum collection in the Post-War Period in result of liquidation of some museum in Saryi Krym. In total, the collection in question contains 343 items in fragments or archaeologically complete forms. The collection is rather quite comprising 240 imported items. This publication presents about 50 fragments of glazed ceramic ware: table ware is the most numerous category (99.4%). A significant part of the imported ware in this collection suggests that it originated from the excavations of either a caravanserai or the architectural and archaeological complex of the madrasah-mosque of Khan Uzbek. It is also supported by fragmentary records in U. Bodaninskii's 1928 journals. According to the primary analysis of the collection and analysis of written sources on the history of archaeological researches of Solkhat in the 1920s, there are reasons to suppose that the museum materials in question are related to the archaeological excavations by the All-Union Association for Oriental Studies and the Bakhchisarai Museum of Turkic-Tatar Culture in Saryi Krym. Perhaps following the repressions against the participants and leaders of 1925–1928 archaeological researches, the museum depository in Saryi Krym was liquidated and its materials were transferred to the Central Museum of Taurida.

Keywords: Golden Horde, Crimea, Solkhat, 1925–1928 archaeological researches, glazed pottery

Acknowledgments: This study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 20-18-00076 “The Evolution of the Towns on the Inner Ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages and Modern Period.” We are grateful to V. E. Naumenko, M. R. Mal'gina, V. A. Sidorenko, and I. V. Zaitsev for their consultations during the preparation of the given paper

В 20-е гг. XX в. возрастает интерес к всестороннему изучению крымскотатарской культуры в Крыму. В ноябре 1920 г. в Симферополе был организован Крымский отдел по делам музеев и охране памятников искусства, старины, природы и народного быта (КрымОХРИС) [3, с. 11]. Усеин Боданинский в журнале «Крым» (от 27 июня 1918 г.) писал: «Возродив восточную культуру и историческое наследие, восстановив разрушенные памятники истории, мы придем к процветанию...» [3, с. 10]. В Крыму начинаются систематические археологические исследования памятников эпохи Золотой Орды и Крымского ханства. В июле–августе 1925 г. на территории Солхата проводятся археологические раскопки. Руководителем экспедиции

был назначен член президиума Научной ассоциации востоковедения СССР, профессор И. Н. Бороздин, в состав экспедиции вошли: ученый секретарь Центральной комиссии по изучению татарской культуры при Ассоциации востоковедения, профессор А. С. Башкиров, директор Бахчисарайского музея У. Боданинский, хранитель Центрального музея Тавриды, профессор П. И. Голландский, преподаватель Симферопольского университета О. Акчокраклы. Также в состав экспедиции входили художник К. Ф. Богаевский, инженеры Здоховский и Модин, аспиранты и др. Главной задачей экспедиции было составить генеральный план городища Солхат, а также провести учет сохранившихся памятников [7, с. 285]. Экспедиции удалось собрать внушительное количество надгробных плит, медных и серебряных монет XIV и XV вв. и разнообразной посуды без покрытия и с глазурью [7, с. 290].

И. Н. Бороздин в своей публикации «Солхат» детально описывает исследования, проводившиеся на территории архитектурного комплекса караван-сарая. Отмечает, что здесь в золотоордынский период размещалась ремесленная мастерская. Также исследователь замечает, что наряду с местной керамикой, были обнаружены и импортные изделия [7, с. 290–292]. Вторые разведочные работы были направлены на исследование архитектурного комплекса медресе-мечети хана Узбека, где также отмечено большое количество посуды [7, с. 293]. К сожалению, в иллюстрациях, сопровождающих статью, не отражен керамический материал.

В августе 1926 г. экспедиция продолжила свои исследования на территории Солхата. Работы сосредоточились на территории медресе-мечети хана Узбека [6, с. 258]. И. Н. Бороздин отмечает, что было обнаружено огромное количество керамики местного и импортного производства (возможно, из Малой Азии, Персии, Средней Азии) [6, с. 265–267]. В сохранившихся полевых дневниках У. А. Боданинского имеются иллюстрации некоторых фрагментов и целых археологических форм изделий [4, с. 276, 281, 307–308] (рис. 1,5–8; 2,2).

И. Н. Бороздин отмечал в своих статьях, что обильность массового керамического материала требует дальнейшего исследования и, скорее всего, планировал собрать всю глиняную посуду в отдельную публикацию. Вероятней всего, именно поэтому фотографии керамики и ее анализ полностью исключены из статей. У. А. Боданинский, характеризуя археологическое изучение крымскотатарских памятников, отмечает, что эти материалы были размещены в Старокрымском базисном музейном хранилище [3, с. 203; 36, с. 372]. Также часть находок была представлена на выставке в Музее восточных культур (г. Москва), в том числе «многочисленные образцы керамики» [8, с. 4–5]. После окончания выставки предметы были возвращены в Крым, по некоторым сведениям, в Бахчисарайский дворец-музей. Часть предметов, являющихся так называемыми «дублями», были переданы Музеем восточных культур, что подтверждает соответствующая опись, подписанная У. Боданинским.

Результаты раскопок 1928 г. под руководством У. Боданинского до настоящего времени в полной мере опубликованы не были, но в соответствии с отчетом и обзорной публикацией об «археологическом изучении татар в Крыму», известно, что

экспедиция собрала значительную коллекцию фрагментов «фаянсовой, глиняной посуды», «золотоордынской и мусульманской ввозной керамики, фаянса из Персии, Малой и Средней Азии» [36, с. 163; 3, с. 205]. При камеральном описании У. А. Боданинский в полевых дневниках, когда фиксировал находки, некоторые из них сопровождал иллюстрациями [4, с. 122, 137, 140–141, 145, 147, 153, 155–157, 164, 167] (рис. 1, 1–4; 3, 1–10). В акте от 30 августа 1928 г. работники экспедиции отмечали, что все обнаруженные археологические материалы (кроме лапидарных находок) передавались в фонды Бахчисарайского музея [36, с. 162]. Но в публикации 1930 г. У. А. Боданинский пишет, что собранный материал, состоящий из архитектурных, скульптурных фрагментов, черепков золотоордынской и импортной посуды, фаянса из Персии, Малой и Средней Азии, монет был оставлен в Старокрымском музейном хранилище и лишь частью был взят в Бахчисарай [3, с. 205].

Работы экспедиции под руководством И. Н. Бороздина в 1925–1926 гг. были сосредоточены на исследованиях архитектурных комплексов караван-сарая и медресе-мечети хана Узбека. После анализа большого количества керамического материала из раскопок Солхата 1978–2020 гг. экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством М. Г. Крамаровского [38; 40; 41; 42; 43; 44; 45], где импортный материал в наибольшем количестве происходит именно из раскопок караван-сарая и медресе-мечети хана Узбека, мы предполагаем, что находки, хранящиеся в фондах Центрального музея Тавриды, возможно, происходят именно из этих объектов.

В 2017-м году в Центральном музее Тавриды была организована временная выставка «Крым в Золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи», в экспозиции которой присутствовали материалы, происходящие из раскопок на городище Солхат. Среди прочего были представлены изразцы, мраморные надгробия (из фондов Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника) и три керамических изделия [28, с. 135–136, кат. 40, 48, 49] (рис. 3, 8; 7). Сотрудники Центрального музея Тавриды предполагают, что эти изделия происходят из сохранившейся коллекции, происходящей из раскопок 20–30-х гг. XX в., поскольку переданы в фонды в послевоенное время, в результате расформирования некоего музея в Старом Крыму. Обозначенные изразцы и надмогильные плиты были обнаружены в 1925 г. в ходе исследований мавзолея Инджи-бек-хатун при медресе в Старом Крыму и ранее уже неоднократно опубликованы [8; 7; 21].

Всего обозначенная коллекция в фондах Центрального музея Тавриды содержит 343 фрагмента и целых археологических форм, без учета облицовочных красноглиняных золотоордынских плиток, а также изразцов¹. Коллекция довольно богатая, она содержит около 240 единиц импортного происхождения. 94,5% составляет кашинная керамика, один фрагмент представлен керамикой византийского круга с монограммой, 2 треноги-сепай, 3 фрагмента глиняной обмазки, 2 фрагмента стеклянных сосудов, 3 ме-

¹ В настоящую публикацию изразцы не включены, т.к. они заслуживают отдельного изучения и публикации.

таллических железных ножа (сильно коррозированы) и около 100 фрагментов изделий местного солхатского производства. В настоящей публикации представлено около 50 фрагментов глазурованной керамики, которые, на наш взгляд, наиболее показательны.

Для классификации материала за основу взяты типологические схемы, представленные в работах В. Ю. Коваля [18], И. В. Волкова [11], Н. М. Булатова [10] и А. Н. Масловского [33]. Изначально мы делим все глазурованные изделия на два блока – местного (солхатского) происхождения и импортные (привозные) находки. Далее мы выделяем категории по функциональной сфере применения. Каждая из категорий подразделяется на одну или несколько групп, различающихся по особенностям морфологии и функциональному назначению. Далее группы делятся на типы, также по особым признакам морфологии и особенностям глазурованного покрытия и орнаментации.

БЛОК 1. Изделия местного (солхатского) производства

Столовая керамика представлена кувшинами, чашами, блюдами и пиалами.

Группа I. Кувшины.

Тип I. Кувшин штампованный, красноглиняный, из плотного теста с примесью крупно дробленного шамота и известняка, снаружи покрыт монохромной зеленой глазурью со штампованным орнаментом в виде вертикальных параллельных линий, горло оснащено воротничком, декорированным треугольчатой резьбой, в месте перехода от горла к тулову внутри сосуда помещен т.н. «фильтр», представляющий собой керамический диск с тремя треугольными и одной округлой прорезями (Золотая Орда, XIV в., Солхат; «Monochrome (Green) Shtamped Ware») (рис. 2,1).

На территории Солхатского городища известно множество штампованных аналогичных кувшинов [45, с. 165, 196, рис. 12,1–6]. Некоторые изделия сопровождаются воротничком с треугольчатой резьбой и покрыты не только монохромной зеленой, но и полихромной (зеленой, желтой и коричневой) глазурью. Вероятней всего, кувшины данного типа изготавливались в ремесленной мастерской, предшествующей архитектурному комплексу караван-сарай.

Тип II. Кувшин красноглиняный, из плотного теста с примесью крупно дробленного шамота и известняка, тулово биконическое, с выпуклой верхней и слегка вогнутой нижней частями, на кольцевом поддоне, горло высокое, сформировано в виде раструба, ручка вертикальная с овальным сечением, крепится к основанию горла и середине тулова, внутри сосуда в месте перехода от горла к тулову помещен т.н. «фильтр», представляющий керамический диск с серией радиальных треугольных и прямоугольных прорезей и шаровидным выступом в центре. Сосуд склеен из двух половин. Верхняя часть корпуса и горло покрыты монохромной светло-зеленой глазурью, с орнаментом в технике «сграффито», тулово украшает орнаментальный пояс, состоящий из вертикально вытянутых двойных овалоидных фигур, заполненных встречной штриховкой, пространство между которыми заполняют пять горизонтальных рядов волнистых линий (Золотая Орда, Солхат, XIV в.; «Monochrome (Green) Sgraffito Ware») (рис. 4,2).

Изделия с т.н. «фильтрами» обнаружены на архитектурном комплексе караван-сарай на участке 52–53 в 1991 г. [45, с. 197, 198, рис. 13,6–8; 14,1]. Подобные керамические фильтры для воды были распространены на Ближнем Востоке (Сирия и Египет) в X–XIV вв. Их отличает более тонкая проработка деталей прорезного узора, оформленного в виде геометрических мотивов и изображений животных [48, р. 38–39; 50; 52, р. 133].

Группа II. Чаши.

Tun I. Чаши красноглиняные, из плотного теста с примесью крупно дробленого шамота и известняка, изнутри покрыты полихромной (зеленой, коричневой и желтой) глазурью с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» в виде геометрических и растительных мотивов, фрагменты доньев на кольцевом поддоне и венчика вертикального, слегка отогнутого, заостренного (Золотая Орда, Солхат / Караван-Сарай, XIV в., группа «Polichrome (Brown, Green, Yellow) Sgraffito Ware») (рис. 4,7–13).

Чаши данного типа изготавливались на территории караван-сарая. При раскопках комплекса в 1987–1994 гг. обнаружено множество аналогичных изделий (рис. 8,1–12,14–15), в том числе и бракованных. Некоторые изделия происходят из закрытых комплексов (хозяйственные ямы, землянки), датированных по монетам концом XIII – первой половиной XIV в. [22, с. 34, табл. 1, № 37–57]. Также продукция данного комплекса встречается на сельском поселении Кринички II (рис. 8,13) [26, с. 60, 61, табл. 18,1; 19,3].

Tun II. Чаши красноглиняные, из плотного теста с примесью крупно дробленого шамота и известняка, изнутри покрыты монохромной желтой, коричневой или зеленой глазурью (цвет варьируется от светлого до темного оттенка), с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» и «резерв» в виде геометрических и растительных мотивов, на одном фрагменте имеется антропоморфное изображение в виде воина с копьем (?) в руке (Золотая Орда, XIV в., Солхат (?); «Monochrome (Yellow, Brown or Green) Sgraffito and Shamplave Ware») (рис. 5,1–2).

На данный момент чаша с изображением воина с копьем представлена единственным экземпляром. По формовочной массе (красноглиняный, с примесью крупно дробленного шамота и известняка) мы предполагаем, что изделие изготавливалось в Солхате. К сожалению, на данном этапе исследований нам не известны аналогии, и фрагмент требует дальнейшего изучения.

Tun III. Чаши красноглиняные, из плотного теста с примесью шамота, известняка и отверстиями из-под органики, венчик вертикальный, отогнутый, закругленный, изнутри покрыты монохромной зеленой или коричневой глазурью с различными оттенками, с растительным и геометрическим орнаментом, выполненным в технике «сграффито» линиями разной ширины, на некоторых экземплярах в центре поле сосуда расчерчено на ромбические ячейки или в шахматном порядке, внутри ячейки также расчерчены (Золотая Орда, XIV в., Солхат (?), «Monochrome (Green or Brown) Sgraffito Ware») (рис. 5,3–5,8–10).

Чаши с данным орнаментом наиболее распространены на территории Солхатского городища. Они встречаются на всех исследуемых объектах (рис. 9,7,12) [26, с. 52, табл. 10,1; 25, с. 84, 86, 88, табл. 2,41; 4,4; 6,1–2; 41, с. 201, рис. 17,1].

Тип IV. Чаша темно-красноглиняная, из плотного теста с примесью известняка и обожженного мелкого шамота, изнутри покрыта монохромной светло-коричневой глазурью, имеется орнамент, выполненный в технике «сграффито» в виде растительных мотивов, в центре поля сосуда имеется широкая линия, выполненная темно-коричневой глазурью (Золотая Орда, XIV в., «Юго-Восточный Крым?»; «Monochrome (Brown) Sgraffito Ware») (рис. 5,6).

Тип V. Чаши-кубки (?) красноглиняные, из плотного теста с примесью шамота и известняка, колоколовидной формы, корпус в центральной части оформлен рядом вертикальных вдавлений, изнутри и снаружи по краю покрыты монохромной светло-зеленой глазурью, венчик вертикальный, округлый (Золотая Орда, XIV в., Солхат, «Monochrome (Green) Glazed Ware») (рис. 5,7).

Т.н. чаши-кубки известны пока только на архитектурном комплексе караван-сарай и в округе средневековой бани (рис. 9,10–11).

Тип VI. Чаши темно-красноглиняные, из плотного теста с примесью шамота и известняка, покрыты монохромной зеленой или коричневой глазурью с подглазурной росписью белым ангобом в виде растительных, геометрических или эпиграфических мотивов (Золотая Орда, Солхат, XIV – начало XV в., группа «Slip-Painted Monochrome (Green or Brown) Ware») (рис. 6,1–3).

Чаши с подглазурной росписью белым ангобом также распространены на территории Солхатского городища и округи, на всех исследуемых объектах за время раскопок 1978–2020 гг. обнаружены данные изделия [45, с. 200, рис. 16,6–13] (рис. 9,1–5).

Группа III. Блюда.

Тип I. Блюда красноглиняные, из плотного теста с примесью шамота и известняка, покрыты монохромной зеленой глазурью с подглазурной росписью белым ангобом, венчик горизонтальный, слегка отогнутый, закругленный (Золотая Орда, Солхат, XIV – начало XV в., группа «Slip-Painted Monochrome (Green) Ware») (рис. 7,1).

Похожие по морфологии блюда с подглазурной росписью белым ангобом встречаются на территории средневековой бани в одном из помещений [45, с. 203, рис. 19,13–14].

Тип II. Блюда красноглиняные, из плотного теста с примесью крупно дробленого шамота и известняка, изнутри покрыты полихромной (зеленой, коричневой и желтой) глазурью с орнаментом в технике «сграффито», в виде геометрических и растительных мотивов, венчик слегка горизонтальный (Золотая Орда, Солхат, XIV в., группа «Polichrome (Brown, Green, Yellow) Sgraffito Ware») (рис. 7,2).

Группа IV. Пиалы.

Тип I. Пиалы красноглиняные, из плотного теста с примесью шамота и известняка, тулово полусферической формы на небольшом кольцевом поддоне, край вер-

тикальный, скруглен, изнутри покрыт монокромной коричневой или зеленой глазурью без декорирования (Золотая Орда, XIV в., Солхат, группа «Monochrome (Green or Brown) Glazed Ware») (рис. 7,3–5).

Пиалы широко распространены по всей территории Солхата и округи (рис. 9,8–9) [45, с. 204, рис. 20,1–4].

Керамика специального назначения представлена сепаями и альбарелло.

Группа I. Сепай.

На Солхатском городище и ближайшей округи обнаружено за весь период раскопок с 1978 года более 400 треножных подставок, о которых нам известно. На ножках обычно были следы глазури, которые касались глазурованной поверхности. Обнаруженные сепай достигают 10 см. Они делятся на два типа.

Тип I. Плоские трехлучевые изделия, вписывающиеся в правильный треугольник, с пирамидальными ножками-шипами на концах, бывают подпрямоугольного и подтреугольного сечения, некоторые покрыты густым белым ангобом (рис. 7,6–7).

Тип II. Лучи в сечении треугольной формы, отсутствуют пирамидальные ножки, в центре пересечения изнутри имеется вдавление пальцем.

Тип I самый распространенный в Юго-Восточном Крыму, по находкам, обнаруженным в ремесленных центрах Солхата и округи, его начинают использовать в конце XIII в. Такие изделия были распространены от Китая (в первые столетия нашей эры) до Средиземноморья (начало XIII в.) [46, р. 22]. Второй тип распространен в странах Востока [18, с. 183]. Также встречаются при раскопках Биляра [19, с. 108–157], в Старом Мерве [30, с. 89–93, рис. 16], на территории Азербайджана [17, табл. V,4,5] и др. В рассматриваемой коллекции тип II отсутствует.

Группа II. Альбарелло.

Тип I. Альбарелло темно-красноглиняный, из плотного теста с примесью крупно дробленного шамота и известняка, тулово в форме вогнутого цилиндра с коническим сужением ко дну, на небольшом кольцевом поддоне, венчик (диаметр 8 см) отогнут наружу, снаружи и изнутри по краю покрыто монокромной зеленой (с болотным оттенком) глазурью с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» широким и тонким резцами, тулово разделено шестью вертикальными широкими линиями на секторы, заполненные вдоль центральной оси рядом косых штрихов. Верхнюю часть фигур дополняют симметричные треугольники с мелкими завитками. Плечи украшены рядом радиальных широких полос (Золотая Орда, середина XIV – XV в., Солхат или Юго-Восточный Крым (?), «Monochrome (Green) Sgraffito Ware») (рис. 7,8).

Альбарелло, или «аптекарьские сосуды», предназначались для хранения и транспортировки лекарств, благовоний и т.п. В XIV в. они составляют часть ассортимента поливной керамики золотоордынских городов и известны в Крыму и за его пределами [1; 2, с. 217; 46, с. 220; 47, с. 217]. А. Н. Масловский полагает, что крымские альбарелло были широко распространены на территории Улуса Джучи, так как применялись в качестве торговой тары и перевозились на большие расстояния [34, с. 371].

БЛОК 2. Изделия импортного производства

Строительная керамика.

Группа I. Облицовочные плитки-изразцы.

Тип I. Изразец из белого рыхлого кашина, из плотного теста с примесью известняка, покрытый монокромной бирюзовой глазурью (рис. 4,1). По Е. М. Болдыревой – отдел 2, подотдел 2, класс 1 [5, с. 101–102, рис. 5,13] (Золотая Орда, Поволжье (?), середина XIV (?) в.).

Аналогичные данному изразцу предметы происходят из раскопок и сборов второй половины XIX – XX вв. с территории Царевского городища и в настоящее время хранятся в фондах Государственного исторического музея [5].

Столовая керамика представлена кувшинами, гульбаданом и чашами.

Группа I. Кувшины.

Тип I. Кувшин кашинный, из рыхлого теста сероватого оттенка, с монокромной бирюзовой краской изнутри и снаружи под прозрачной бесцветной глазурью без декорирования, ручка сложнопрофилированная, тулово утеряно (рис. 4,3) (Золотая Орда?).

Тип II. Кувшин желтоглиняный, из плотного теста с высокой пористостью без видимых включений, вероятней всего, имеется штампованный орнамент, снаружи декорирован монокромной бирюзовой глазурью (Золотая Орда, XIV в.) (рис. 4,4).

Такие желтоглиняные штампованные кувшины, у которых детали орнамента выделяли бирюзовой или синей глазурью, изготавливали в Маджаре [12, с. 89–90]. Также аналогичные изделия были обнаружены на Царевском городище и хранятся на данный момент в Государственном Эрмитаже [37, с. 60, рис. 9; 15, с. 145, 203, № 161] и в Солхате при раскопках средневековой бани [32].

Группа II. Гульбадан (ваза для розовой воды).

Тип I. Гульбадан кашинный, из рыхлого теста, имеет биконическую форму, усечено-коническое тулово на кольцевом поддоне, с округлым переходом верхней части в нижнюю, снаружи и изнутри покрыт монокромной бирюзовой глазурью с подглазурной росписью завитками, растительными и геометрическими мотивами черного или темно-синего цвета, ручка оформлена рядом вертикальных вдавлений. Характерной особенностью являются пять конусовидных налепов с ребристой поверхностью, расположенных на плечиках вазы (рис. 4,5–6) (Золотая Орда, середина XIV в.) [15, с. 143]. По В. Ю. Ковалю – вид II [18, с. 90–93], по Н. Ф. Лисовой – отдел III [29, с. 25–26].

Данный сосуд считался парадным изделием, с персидского языка переводится как «сосуд для розовой воды». В него наливали жидкость (воду) с лепестками роз, чтобы гости смачивали в ней пальцы после окончания приема пищи [15, с. 143].

Группа III. Чаши.

Тип I. Чаша темно-красноглиняная, из плотного теста с примесью песка и известняка, тулово полусферической формы на кольцевом поддоне, изнутри покрыта монокромной зеленой глазурью болотного оттенка с орнаментом, в центре поля сосуда расположена греческая буква «β» (Византия, «Elaborate Incised Ware») (рис. 6,4) [31, с. 218–220; 51, р. 122, 8.5].

Колоколовидные кубки с четырьмя греческими буквами «β» обнаружены при раскопках Азака, Сугдеи и Сиркеджи в Стамбуле [31, с. 219]. Отметим, что строительная метка в виде греческой буква «β» фиксируется также на ступенях медресе, что, по мнению М. Г. Крамаровского, связано со строительной артелью из сельджукской Анатолии [20, с. 145]. Вероятно, такие же метки встречаются на средневековой черепице и, по предположению ряда исследователей, являются знаком ремесленника или мастерской, производившей эту продукцию [14, с. 216, 231–232; 35, с. 25–37, 178, 179, 182, 185].

Tun II. Чаши кашинные, из рыхлого теста, с подглазурной росписью завитками, растительными и геометрическими мотивами черного или темно-синего цвета под монохромной бирюзовой глазурью (рис. 6,5–7) (Ближний или Средний Восток, конец XIII – XIV в.). По В. Ю. Ковалю – вид II [18, с. 90–93], по Н. Ф. Лисовой – отдел III [29, с. 25–26].

Tun III. Чаши кашинные, из рыхлого теста, с подглазурной росписью в виде растительных мотивов полихромными красками (черной, бирюзовой и синей) и густым ангобом (рис. 6,8–17). По В. Ю. Ковалю – вариант II [18, с. 93–100], по Н. Ф. Лисовой – отдел I [29, с. 25–26].

Чаши из кашина датируются серединой – второй половиной XIV в. и известны по результатам раскопок городских центров Улуса Джучи в Поволжье [13, с. 45]. Характеристика кашина, аналогичного находкам глазурованной посуды золотоордынского Поволжья, позволяет относить все обнаруженные фрагменты к продукции нижеволжских городов столичных золотоордынских центров.

Таким образом, вся глазурованная керамика золотоордынского периода, обнаруженная в фондах Центрального музея Тавриды, из коллекции, которую, вероятно, можно отнести к исследованиям 1925–1926 или 1928–1929 гг., делится на два блока. Блок 1 (изделия местного производства) включает в себя две категории: столовая керамика (в ней выделяется четыре группы: кувшины, чаши, блюда и пиалы) и керамика специального назначения (в нее входят две группы: сепай и альбарелло). В блоке 2 (импортные изделия) также выделяются две категории – строительная керамика (в нее входит одна группа – облицовочные плитки-изразцы) и столовая посуда (выделяется три группы: кувшины, гульбадан и чаши).

Наиболее многочисленной является категория столовой посуды (99,4%). Значительная часть импортной посуды в составе коллекции позволяет предположить, что она происходит либо из раскопок караван-сарая, либо из раскопок архитектурно-археологического комплекса медресе-мечети хана Узбека. Также на это косвенно указывают отрывочные сведения в дневниках У. Боданинского за 1928 г. Исследователь отмечал, что были обнаружены фрагменты керамики с цветом глины «сероватого оттенка», «кремневого» или «желтоватого» [4, с. 126–127, 132, 137, 138, 148, 160]. Необходимо отметить, что аналогии изделий в своем большинстве встречаются в архитектурном комплексе караван-сарая. Таким образом, проанализировав

обнаруженный в фондах Центрального музея Тавриды керамический материал и сопоставив его с находками, полученными в ходе археологических исследований на Солхатском городище в 1978–2020 гг., мы можем с изрядной долей осторожности предположить, что публикуемая коллекция может относиться к результатам работ второй половины 20-х гг. XX в. Вероятно, после репрессий по отношению к участникам и руководителям археологических исследований 1925–1928 гг. музейное хранилище в Старом Крыму было ликвидировано, а материалы из него, депаспортизированные по неизвестной причине, были переданы в фонды Центрального музея Тавриды.

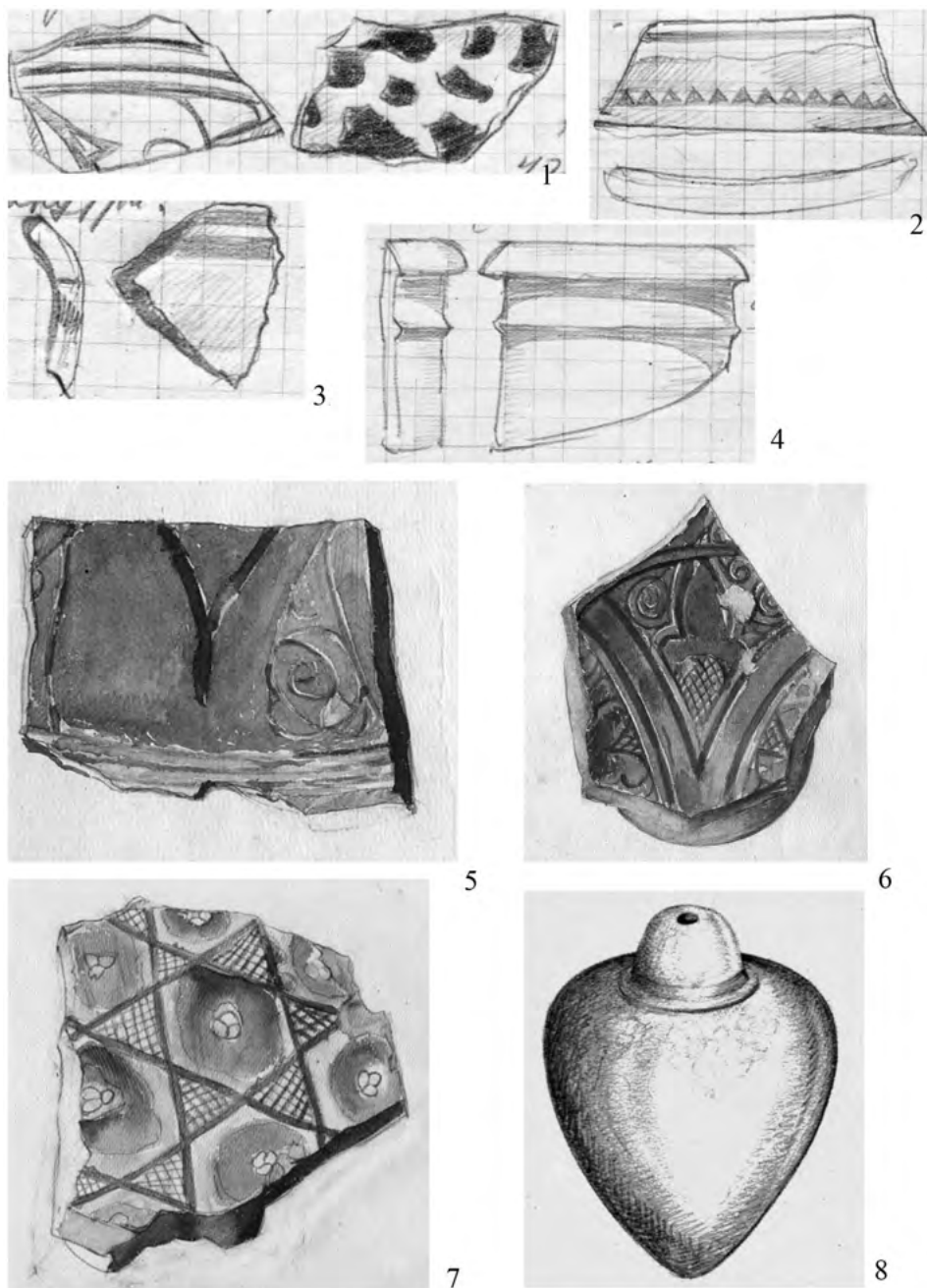

Рис. 1. Рисунки находок из раскопок медресе 1333 г. (Солхат) из дневников У. Боданинского:
1–4 – 1928 г. [по: 4, с. 155, 157, 164, 167]; 5–8 – 1926 г. [по: 4, с. 276, 281]

Fig. 1. Drawings of the finds excavated at the 1333 madrasah (Solkhath) from U. Bodaninskii's journals:
1–4 – the year 1928 [after: 4, p. 155, 157, 164, 167]; 5–8 – the year 1926 [after: 4, p. 276, 281]

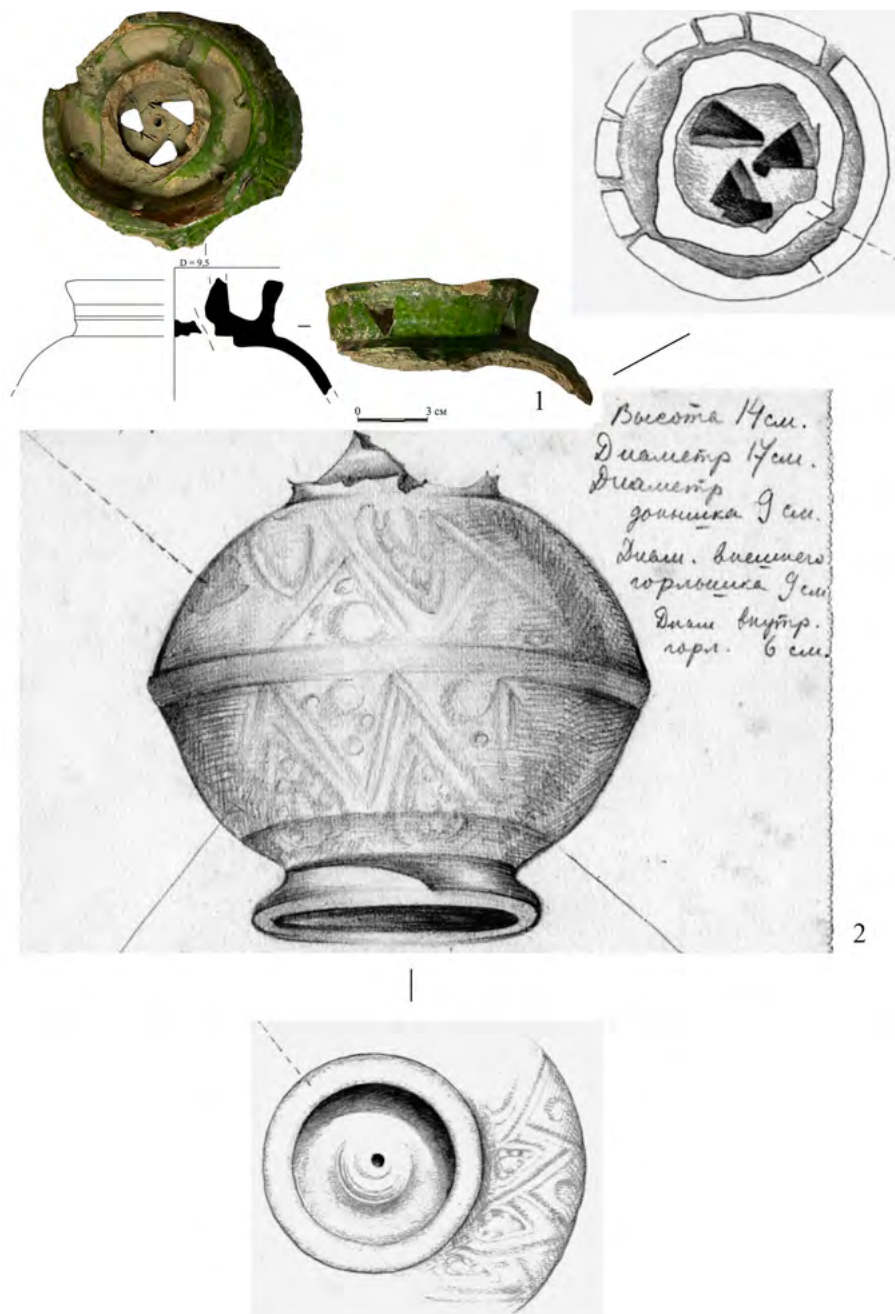

Рис. 2. Горло штампованного кувшина из фондов Центрального музея Тавриды (1). Аналогичный штампованный кувшин из дневника У. Боданинского (2) [по: 3, с. 307–308]

Fig. 2. Stamped pitcher neck from the Central Museum of Tavrida collection (1). An analogous stamped pitcher from U. Bodaninskii's journal (2) [after: 3, p. 307–308]

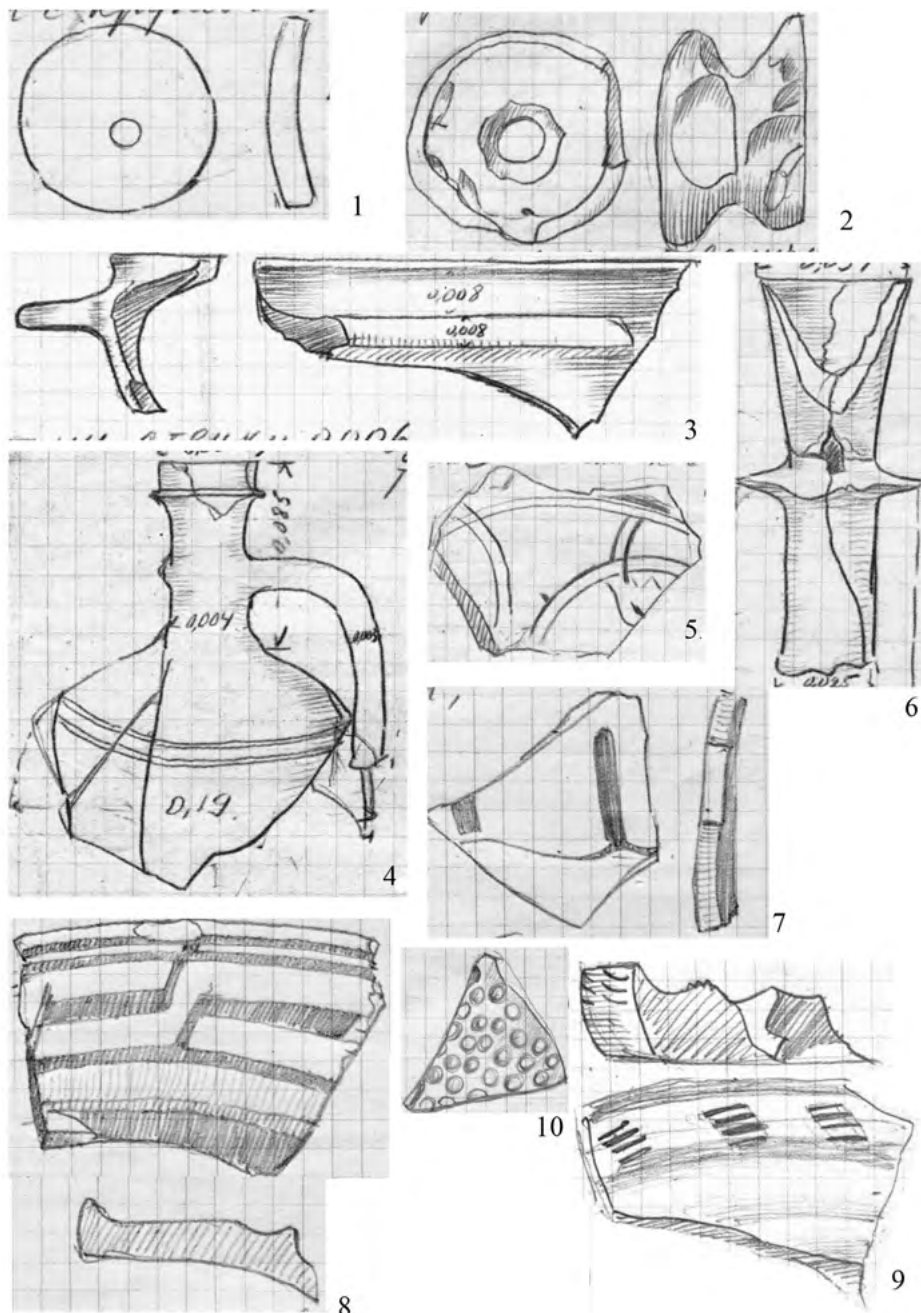

Рис. 3. Рисунки находок из раскопок медресе 1333 г. (Солхат) из дневников У. Боданинского за 1928 г. [по: 4, с. 137, 140–141, 145, 147, 153, 155–156]

Fig. 3. Drawings of the finds excavated at the 1333 madrasah (Solkhat) taken from U. Bodaninskii's 1928 journals [after: 4, p. 137, 140–141, 145, 147, 153, 155–156]

Рис. 4. Фрагменты облицовочной плитки (1), кувшинов (2–4), гулябданов (5–6), чаш (7–13)
 Fig. 4. Fragments of a wall tile (1), pitchers (2–4), gūlabdāns (5–6), bowls (7–13)

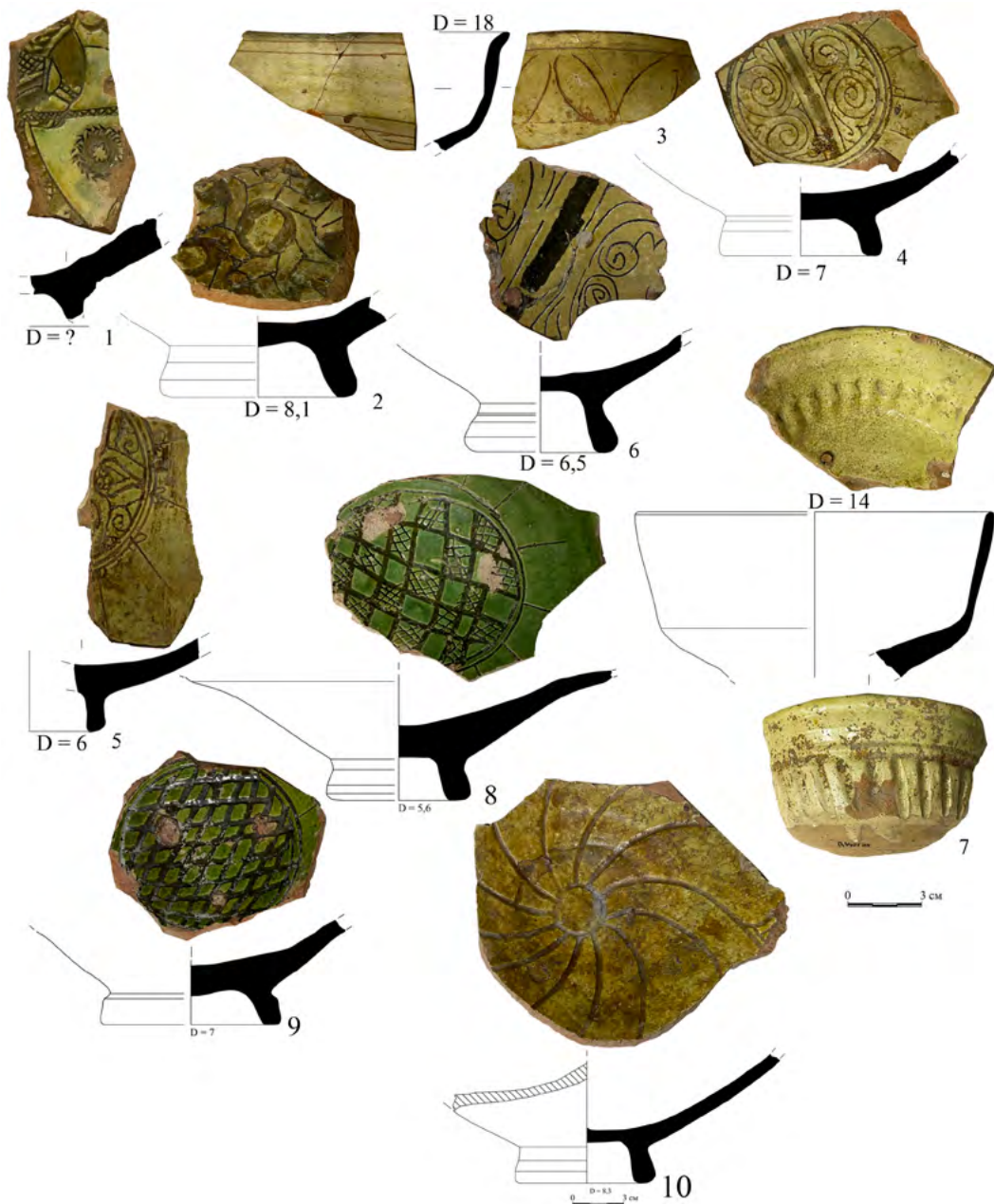

Рис. 5. Фрагменты чаш (1–10)
Fig. 5. Fragments of bowls (1–10)

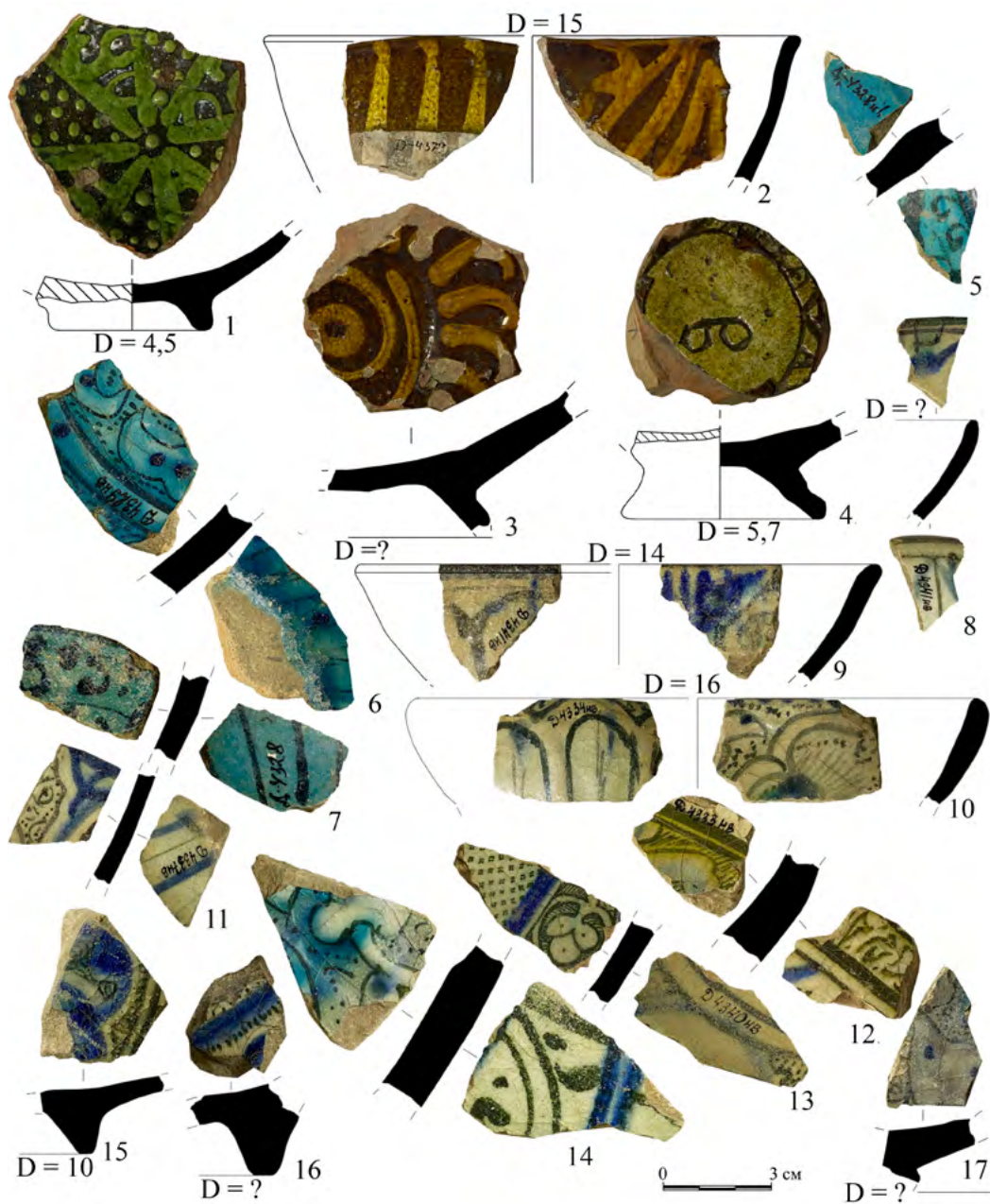

Рис. 6. Фрагменты чаш (1-17)
Fig. 6. Fragments of bowls (1-17)

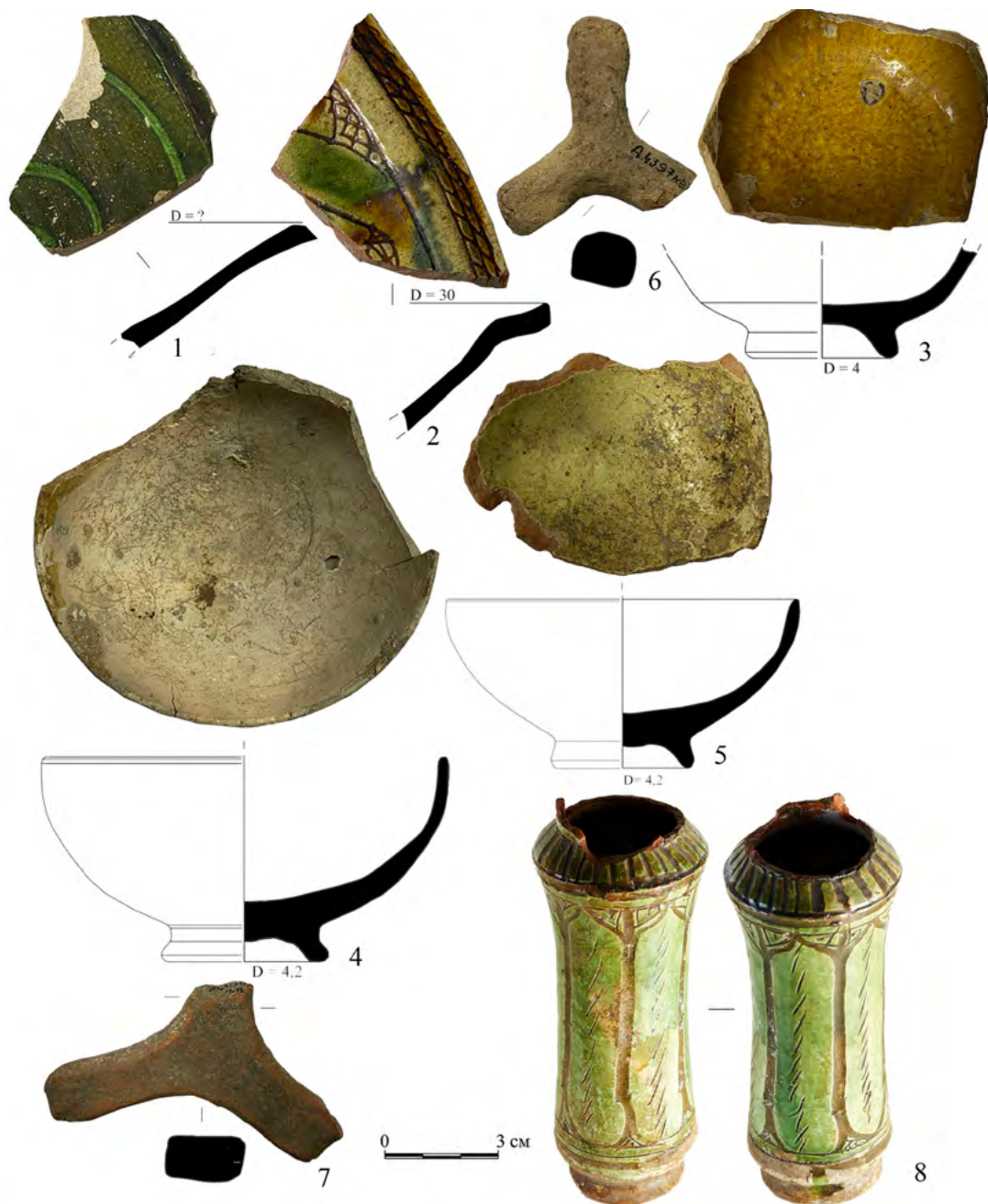

Рис. 7. Фрагменты блюд (1–2) пиал (3–5), треног-сепай (6–7), археологически целый профиль альбарелло (8)
Fig. 7. Fragments of plates (1–2), handleless bowls (3–5), firing tripods (6–7), archaeologically complete profile of an albarello (8)

Рис. 8. Аналогии изделий с городища Солхат и ближайшей округи
Fig. 8. Analogies to the artefacts from the ancient town of Solkhat and its immediate vicinity

Рис. 9. Аналогии изделий с городища Солхат и ближайшей округи
Fig. 9. Analogies to the artefacts from the ancient town of Solkhat and its immediate vicinity

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А. Древности Старого Орхья (золотоордынский период). Кишинев: Штиинца, 1981. 100 с.
2. Белинский И.В., Масловский А.Н. Типологическая характеристика материалов раскопок участка золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Московская 7) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. 1998. Вып. 15. С. 179–251.
3. Боданинский У. Собрание сочинений. Том I. Научное наследие. Казань, Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 272 с.
4. Боданинский У. Собрание сочинений. Том III. Материалы: дневники экспедиций, рисунки, планы, отчеты и др. Бахчисарайского дворца-музея (1920–1934). Казань, Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. 544 с.
5. Болдырева Е.М. Кашинная керамика из Царевского городища в хранении Государственного исторического музея // Поволжская археология. 2021. Вып. 2(36). С. 93–106.
6. Бороздин И.Н. Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму (Работы археологической экспедиции 1926 г. // Историко-этнологический отдел. М., 1927. № 16–17. С. 256–274.
7. Бороздин И.Н. Солхат (Предварительный отчет о работах археологической экспедиции Крымсовнаркома, Крымщика и Научной Ассоциации Востоковедения Союза ССР в 1925 г. // Историко-этнологический отдел. М., 1926. № 13–14. С. 271–301.
8. Бороздин И.Н., Башкиров А.С. Выставка научно-исследовательских работ экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму 1925–1926 гг. М.: [Музей восточных культур], 1927. 7 с.
9. Булатов Н.М. К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах // Вестник МГУ. 1969. № 2. С. 46–59.
10. Булатов Н.М. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья. М.: Наука, 1976. С. 73–107.
11. Волков И.В. Керамика Азова XIV–XVIII вв. (Классификация и датировка): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1992. 24 с.
12. Волков И.В., Панина Э.Л. Штампованная керамика золотоордынских городов // Средняя Азия. История. Археология. Культура: Материалы конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В. Шишкиной. М.: Государственный музей Востока, 2001. С. 89–91.
13. Герцен А.Г., Науменко В.Е. «Между Золотой Ордой и Романией...» // Крым в Золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки. Симферополь: Тарпан, 2016. С. 36–49.
14. Завадская И.А. Проблемы интерпретации рельефных меток на средневековой черепице Крыма // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 213–232.
15. Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи: каталог выставки / Гос. Эрмитаж. М.: Фонд Марджани, 2019. 504 с.
16. Золотая Орда. История и культура: Каталог выставки. СПб.: Славия, 2005. 264 с.
17. Исмизаде О.Ш. О раскопках в Кабале на территории южной части городища в 1960 г. // Материальная культура Азербайджана. 1964. Вып. V. С. 68–110.
18. Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси IX–XVIII веков. М.: Наука, 2010. 269 с.
19. Кокорина Н.А. Гончарное производство Волжской Булгарии X – начала XIII веков: становление и развитие // Средневековая археология евразийских степей. Йошкар-Ола: МарГУ, 2006. С. 108–157.
20. Крамаровский М.Г. Золотоордынская (Старокрымская) экспедиция // Экспедиции. Археология в Эрмитаже. СПб.: Славия, 2014. С. 138–153.
21. Крамаровский М.Г. Крым в XIII–XV вв. Perpetual Glory // Крым в золотоордынский период: Каталог выставки. Симферополь: Тарпан, 2016. С. 9–27.
22. Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1991 г. на городище средневекового Солхата археологической экспедицией Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока Гос. Эрмитажа.

23. Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1992 г. на городище средневекового Солхата археологической экспедицией Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока Гос. Эрмитажа.
24. Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1993 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока Гос. Эрмитажа.
25. Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1994 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока Гос. Эрмитажа.
26. Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Золотоордынское поселение Кринички II (результаты полевых исследований). СПб.: Государственный Эрмитаж, 2002. 184 с.
27. Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Поселение Бокаташ II (результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в 2001–2003 гг.). СПб.: Государственный Эрмитаж, 2004. 391 с.
28. Крым в золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувший империи: каталог выставки. Симферополь: Тарпан, 2016. 160 с.
29. Лисова Н.Ф. Орнамент глазурованной посуды золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Казань: Институт истории АН РТ, 2012. 184 с.
30. Лунина С.Б. Новые сборы тимуридской керамики в Южном Туркменистане // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1969. Вып. 8-9. С. 89–93.
31. Майко В.В. Византийские импортные подглазурные монограммы средневековой Сугдеи // АДСВ. 2020. Вып. 48. С. 212–224.
32. Майко В.В. Отчет об охранных археологических раскопках по трассе газопровода в г. Старый Крым в 2011 г. // Архив Института археологии Крыма РАН.
33. Масловский А.Н. Археологические исследования в Азове и Азовском районе в 2005 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. 2006. Вып. 22. С. 102–126.
34. Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 году. 2005. Вып. 21. С. 308–472.
35. Мойсеев Д.А. Культурные и экономические связи юго-западного Крыма и Таманского полуострова в IX–X вв. на примере археологического изучения центра по производству строительной керамики в балке ручья Суаткан (Крым). Симферополь: Антиква, 2017. 208 с.
36. Мусаева У.К. Народный учитель: Документальный очерк деятельности выдающегося крымско-татарского просветителя Усеина Боданинского. Симферополь: СГТ, 2007. 240 с.
37. Папа-Афаносуполо К.Н. Золотоордынская керамика. (Опыт систематизации и описания золотоордынской посуды) // Ученые записки Саратовского государственного университета. 1925. Т. III. Вып. 3. С. 52–74.
38. Сейдалиев Э.И., Сейдалиева Д.Э. Китайские селадоны из раскопок Солхатского городища и округи // Оазисы шелкового пути: исторические истоки интеграционных процессов в Евразии: материалы VI Международного Золотоордынского форума «Pax Tatarica: генезис и наследие государственности Золотой Орды», круглого стола «“Via Tatarica”: Золотая Орда на Великом Шелковом пути». М., Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. С. 217–224.
39. Сейдалиев Э.И., Сейдалиева Д.Э. Неизвестная коллекция керамики золотоордынского времени из Центрального музея Тавриды: новое открытие старых материалов // XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты / Ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь, Керчь, 2021. С. 371–378.
40. Сейдалиев Э.И., Сейдалиева Д.Э. Торговые связи Крыма и Хорезма (о некоторых керамических находках Солхатского городища) // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2017. Вып. 10. С. 211–218.
41. Сейдалиева Д.Э. Византийская керамика с монограммами группы “Elaborate Incised Ware” из раскопок караван-сарая Солхата // Христианство в археологических и письменных источниках. Материалы IX международной научной конференции по церковной археологии / Ред. В.В. Майко, Э.А. Хайрединова, Т.Ю. Яшаева. Симферополь: Антиква, 2020. С. 137–141.

42. Сейдалиева Д.Э. Вторичное использование глазурованной керамики в быту золотоордынского населения Крыма (на примере находок с Солхатского городища) // Новые исследования молодых археологов в Крыму: материалы научной конференции / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь, 2020. С. 64–71.
43. Сейдалиева Д.Э. Изображение птиц на золотоордынской керамике из городища Солхат и округи // МАИЭТ. 2019. Вып. XXXIV. С. 335–364.
44. Сейдалиева Д.Э. Импортная глазурованная керамика золотоордынского периода из раскопок Солхатского городища и ближайшей округи (по материалам исследований 1978–2019 гг.) // МАИЭТ. 2020. Вып. XXV. С. 359–390.
45. Сейдалиева Д.Э. Производство глазурованной посуды на городище Солхат и его округе в золотоордынский период (по материалам исследований Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа) // Боспорские исследования. 2021. Вып. XLII. С. 150–205.
46. Тесленко И.Б. Поливная посуда Крыма XV в. (местное производство до турецкого периода). Часть I. Типология, распространение, происхождение // Древности. Харьков, 2010. Вып. 9. С. 216–234.
47. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 338 с. (МИА. № 17).
48. Gruber C., Dimmig A. Pearls of Wisdom. The Arts of Islam at the University of Michigan. Ann Arbor, Michigan, 2014. 121 p. (Kelsey Museum Publication, 10).
49. Morgan Ch.H. The Byzantine Pottery. Cambridge, MA: Published for the American school of classical studies at Athens, Harvard University Press, 1942. 373 p. (Corinth. Vol. XI).
50. Olmer M.P. Catalogue general du Musee arabe du Caire: les filtres de gargoulettes de l'Égypte Musalmane. Cairo, 1932. 124 p.
51. Vroom J. Byzantine to Modern Pottery in the Aegean. An Introduction and Field Guide. Bijleveld, 2005. 223 p.
52. Watson O. Ceramics from Islamic Lands. Catalogue of the al-Sabah collection, Kuwait national museum. London: Thames and Hudson, 2004. 512 p.

REFERENCES

1. Abyzova E.N., Byrnia P.P., Nudel'man A.A. *Drevnosti Starogo Orkheia (zolotoordynskii period)* [Antiquities of Old Orhei (Golden Horde period)]. Kishinev, Shtiintsa Publ., 1981, 100 p.
2. Belinskii I.V., Maslovskii A.N. Typological characteristics of materials from the excavations of the site of the Golden Horde Azak. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1995–1997 gg.* [Historical and archaeological research in Azov and the Lower Don in 1995–1997], 1998, vol. 15, pp. 179–251.
3. Bodaninskii U. *Sobranie sochinenii. T. I. Nauchnoe nasledie* [Collected works. Vol. 1. Scientific heritage]. Kazan, Simferopol, Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2019, 272 p.
4. Bodaninskii U. *Sobranie sochinenii. T. III. Materialy: dnevniki ekspeditsii, risunki, plany, otchety i dr. Bakhchisaraiskogo dvortsa-muzeia (1920–1934)* [Collected works. Vol. 3. Materials: expedition diaries, drawings, plans, reports of the Bakhchisarai Palace Museum (1920–1934)]. Kazan, Simferopol, Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2020, 544 p.
5. Boldyreva E.M. The frit ceramic from the Tsarevskoye settlement in storage of the State Historical Museum. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga river region archaeology], Kazan, 2021, vol. 2 (36), pp. 93–106.
6. Borozdin I.N. New data on the Golden Horde culture in the Crimea. Works of the archaeological expedition of 1926. *Istoriko-etnologicheskii otdel* [Historical and ethnological department], Moscow, 1927, no. 16–17, pp. 256–274.
7. Borozdin I.N. Solkhat. Preliminary report on the work of the archaeological expedition of the Crimean people's commissars, Krymstik and the Scientific association of oriental studies of the USSR in 1925.

- Istoriko-etnologicheskii otdel* [Historical and ethnological department], Moscow, 1926, no. 13–14, pp. 271–301.
8. Borozdin I.N., Bashkirov A.S. *Vystavka nauchno-issledovatel'skikh rabot ekspeditsii po izucheniiu tatarskoi kul'tury v Krymu 1925–1926 gg.* [Exhibition of scientific research works of the expedition for the study of Tatar culture in the Crimea in 1925–1926]. Moscow, Muzei vostochnykh kul'tur Publ., 1927, 7 p.
 9. Bulatov N.M. To a question about the formation of ceramic craft in the cities of the Golden Horde. *Vestnik MGU* [Bulletin of Moscow University], 1969, no. 2, pp. 46–59.
 10. Bulatov N.M. Classification of red clay glazed ceramics of the Golden Horde cities. *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia* [Medieval monuments of the Volga river region], Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 73–107.
 11. Volkov I.V. *Keramika Azova XIV–XVIII vv. (klassifikatsiia i datirovka)* [Azov ceramics 14th–18th centuries (classification and dating)]. Abstract of kandidat. diss. Moscow, 1992, 24 p.
 12. Volkov I.V., Panina E.L. Stamped ceramics of the Golden Horde cities. *Sredniaia Aziia. Istoriiia. Arkheologiia. Kul'tura* [Middle Asia. History. Archeology. Culture], Moscow, Gosudarstvennyi muzei Vostoka Publ., 2001, pp. 89–91.
 13. Gertsen A.G., Naumenko V.E. “Between the Golden Horde and Romania...”. *Krym v Zolotoordynskii period. Krymskii Iurt Zolotoi Ordyy: nasledie ischeznuvshei imperii: katalog vystavki* [Crimea in the Golden Horde period. Crimean Yurt of the Golden Horde: the legacy of a vanished empire: exhibition catalog], Simferopol, Tarpan Publ., 2016, pp. 36–49.
 14. Zavadskaia I.A. The Problems of Interpretation of Relief Marks on Mediaeval Roof Tiles in the Crimea. *Materialy po istorii, arkheologii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2015, vol. 20, pp. 213–232.
 15. *Zolotaia Orda i Prichernomor'e. Uroki Chingisidskoi imperii: katalog vystavki* [The Golden Horde and the Black Sea Region. Lessons from the Chinggisid Empire: exhibition catalog]. Moscow, Fond Mardzhani Publ., 2019, 504 p.
 16. *Zolotaia Orda. Istoriiia i kul'tura: katalog vystavki* [The Golden Horde. History and culture: exhibition catalog]. St.-Petersburg, Slaviia Publ., 2005, 264 p.
 17. Ismizade O.Sh. About excavations in Kabala on the territory of the southern part of the settlement in 1960. *Material'naia kul'tura Azerbaidzhana* [Material culture of Azerbaijan], 1964, vol. 5, pp. 68–110.
 18. Koval' V.Iu. *Keramika Vostoka na Rusi IX–XVIII veka* [Ceramics of the East in Russia 9th–18th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 2010, 269 p.
 19. Kokorina N.A. Pottery production of the Volga Bulgaria 10th – early 13th centuries: formation and development. *Srednevekovaiia arkheologiia evraziiskikh stepei* [Medieval archeology of the Eurasian steppes], Moscow, Yoshkar-Ola, MarGU Publ., 2006, pp. 108–157.
 20. Kramarovskii M.G. Zolotoordynskaya (Starokrymskaya) expedition. *Ekspeditsii. Arkheologiia v Ermitazhe* [Expeditions. Archeology in the Hermitage], St.-Petersburg, Slaviia Publ., 2014, pp. 138–153.
 21. Kramarovskii M.G. Crimea in the 13th–15th centuries. *Krym v Zolotoordynskii period. Krymskii Iurt Zolotoi Ordyy: nasledie ischeznuvshei imperii: katalog vystavki* [Crimea in the Golden Horde period. Crimean Yurt of the Golden Horde: the legacy of a vanished empire: exhibition catalog], Simferopol, Tarpan Publ., 2016, pp. 9–27.
 22. Kramarovskii M.G. Research report of 1991 at the medieval settlement of Solkhat by the archaeological expedition of the State Hermitage. *Scientific archive of the East Department of the State Hermitage*.
 23. Kramarovskii M.G. Research report of 1992 at the medieval settlement of Solkhat by the archaeological expedition of the State Hermitage. *Scientific archive of the East Department of the State Hermitage*.
 24. Kramarovskii M.G. Research report of 1993 at the settlement of Solkhat by the archaeological expedition of the State Hermitage. *Scientific archive of the East Department of the State Hermitage*.
 25. Kramarovskii M.G. Research report of 1994 at the settlement of Solkhat by the archaeological expedition of the State Hermitage. *Scientific archive of the East Department of the State Hermitage*.
 26. Kramarovskii M.G., Gukin V.D. *Zolotoordynskoe poselenie Krinichki II (rezul'taty polevykh issledovani)* [Golden Horde settlement Krinichki 2 (results of field research)]. St.-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2002, 184 p.

27. Kramarovskii M.G., Gukin V.D. *Poselenie Bokataş II (rezul'taty polevykh issledovaniĭ Zolotoordynskoi arkheologicheskoi ekspeditsiei Gosudarstvennogo Ermitazha v 2001–2003 g.)* [Settlement Bokataş II (results of field research by the Golden Horde archaeological expedition of the State Hermitage in 2001–2003)]. St.-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2004, 391 p.
28. *Krym v Zolotoordynskiiĭ period. Krymskiiĭ Iurt Zolotoi Ordy: nasledie ischeznuvshei imperii: katalog vystavki* [Crimea in the Golden Horde period. Crimean Yurt of the Golden Horde: the legacy of a vanished empire: exhibition catalog], Simferopol, Tarpan Publ., 2016, 160 p.
29. Lisova N.F. *Ornament glazurovannoi posudy zolotoordynskikh gorodov Nizhnego Povolzh'ia* [Ornament of glazed pottery of the Golden Horde cities of the Lower Volga river region]. Kazan, Institut istorii AN RT Publ., 2012, 184 p.
30. Lunina S.B. New collections of Timurid ceramics in southern Turkmenistan. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane* [Social Sciences in Uzbekistan], Tashkent, 1969, vol. 8–9, pp. 89–93.
31. Maiko V.V. Byzantine imported underglaze monograms in mediaeval Sougdaia. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2020, vol. 48, pp. 212–224.
32. Maiko V.V. Report on archaeological excavations along the gas pipeline route to Stary Krym in 2011. *Archive of the Institute of archeology of Crimea of Russian Academy of Sciences*.
33. Maslovskii A.N. Archaeological research in Azov and the Azov region in 2005. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2005 g.* [Historical and archaeological research in Azov and the Lower Don in 2005], 2006, vol. 22, pp. 102–126.
34. Maslovskii A.N. Ceramic complex of Azak. Brief characteristic. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g.* [Historical and archaeological research in Azov and the Lower Don in 2004], 2005, vol. 21, pp. 308–472.
35. Moiseev D.A. *Kul'turnye i ekonomicheskie sviazi iugo-zapadnogo Kryma i Tamanskogo poluostrova v IX–X vv. na primere arkheologicheskogo izucheniia tsentra po proizvodstvu stroitel'noi keramiki v balke ruch'ia Suatkan (Krym)* [Cultural and economic ties of the southwestern Crimea and the Taman Peninsula in the 9th–10th centuries. on the example of an archaeological study of a center for the production of building ceramics in the gully of the Suatkan brook (Crimea)]. Simferopol, Antikva Publ., 2017, 208 p.
36. Musaeva U.K. *Narodnyi uchitel': Dokumental'nyi ocherk deiatel'nosti vydaiushchegosia krymskotatarskogo prosvetitelia Useina Bodaninskogo* [People's teacher: A documentary sketch of the activities of the outstanding Crimean Tatar educator Usein Bodaninsky]. Simferopol, SGT Publ., 2007, 240 p.
37. Papa-Afanosopulo K.N. Golden Horde ceramics (Experience in the systematization and description of the Golden Horde dishes). *Uchenye zapiski Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of the Saratov State University], 1925, vol. 3, pp. 52–74.
38. Seidaliev E.I., Seidalieva D.E. Chinese celadons from the excavations of the Solkhat settlement and neighborhood. Mirgaleev I.M. (ed.), *Oazisy shelkovogo puti: istoricheskie istoki integratsionnykh protsessov v Evrazii* [Silk road oases: historical origins of integration processes in Eurasia], Moscow, Kazan, Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2020, pp. 217–224.
39. Seidaliev E.I., Seidalieva D.E. An unknown collection of ceramics of the Golden Horde period from the Central Museum of Taurida: a new discovery of old materials. Zin'ko V.N., Zin'ko E.A. (eds.), *XXII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednekov'ia. Novye otkrytiia, novye proekty* [22nd Bosporean Readings. Cimmerian Bosphorus and the world of barbarians in Antiquity and the Middle Ages. New discoveries, new projects], Simferopol, Kerch, 2021, pp. 371–378.
40. Seidaliev E.I., Seidalieva D.E. Trade relations between Crimea and Khwarezm (on some pottery finds from Solkhat). *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia* [Golden Horde civilization], Kazan, 2017, vol. 10, pp. 211–218.
41. Seidalieva D.E. Byzantine ceramics with monograms of the “Elaborate Insised Vare” group from the excavations of the Solkhat caravanserai. Maiko V.V., Khairedinova E.A., Iashaeva T.Iu. (eds.), *Khristianstvo v arkheologicheskikh i pis'mennykh istochnikakh. Materialy IX mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po tserkovnoi arkheologii* [Christianity in archaeological and written sources. Proceedings

- of the 9th International scientific conference on church archeology], Simferopol, Antikva Publ., 2020, pp. 137–141.
42. Seidalieva D.E. Secondary use of glazed ceramics in the everyday life of the Golden Horde population of Crimea (on the example of finds from the Solkhat settlement). Khrapunov I.N. (ed.), *Novye issledovaniia molodykh arkhelogoov v Krymu: materialy nauchnoi konferentsii* [New research of young archaeologists in Crimea: proceedings of a scientific conference], Simferopol, 2020, pp. 64–71.
 43. Seidalieva D.E. Images of Birds on the Golden Horde Pottery from Ancient Solkhat and Its Environs. *Materialy po istorii, arkhelologii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2019, vol. 24, pp. 335–364.
 44. Seidalieva D.E. The Imported Glazed Ceramic Ware from the Golden Horde Period Excavated at Ancient Solkhat and the Sites in Its Vicinity (According to the Materials of 1978–2019 Researches). *Materialy po istorii, arkhelologii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2020, vol. 25, pp. 359–390 .
 45. Seidalieva D.E. Production of the dishes at the Solkhat settlement and its surroundings during the Golden Horde period (based on research materials from Stary Krym archaeological expedition of the State Hermitage). *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2021, vol. 42, pp. 150–205.
 46. Teslenko I.B. Glazed pottery of the Crimea in the 15th century (local production before the Turkish period). Part I. Typology, distribution, origin. *Drevnosti* [Antiquities], Kharkov, 2010, vol. 9, pp. 216–234.
 47. Iakobson A.L. *Srednevekovyi Khersones (XII–XIV vv.)* [Medieval Chersonesos (12th–14th centuries)]. Moscow, Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1950, 338 p.
 48. Gruber C., Dimmig A. *Pearls of Wisdom. The Arts of Islam at the University of Michigan*. Ann Arbor, Michigan, 2014, 121 p.
 49. Morgan Ch.H. *The Byzantine Pottery*. (Corinth. Vol. XI). Cambridge, MA, Published for the American school of classical studies at Athens, Harvard University Press, 1942, 373 p.
 50. Olmer M.P. *Catalogue general du Musee arabe du Caire: les filtres de gargoulettes de l'Égypte Musulmane*. Cairo, 1932, 124 p.
 51. Vroom J. *Byzantine to Modern Pottery in the Aegean. An Introduction and Field Guide*. Bijleveld, 2005, 223 p.
 52. Watson O. *Ceramics from Islamic Lands. Catalogue of the al-Sabah collection, Kuwait national museum*. London, Thames and Hudson, 2004, 512 p.

Информация об авторах

Сейдалиев Э. И. – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории Крымско-го инженерно-педагогического университета им. Февзи Якубова; старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН; старший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, Researcher ID: AAA-3179-2019.

Сейдалиева Д. Э. – младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им В. И. Вернадского; младший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: ААН-7797-2019.

Authors information

Seydaliev E. I. – Candidate of Science (History), Head of the chair of history, Fevzi Jacobov Crimean Engineering and Pedagogical University; Senior Researcher of the Institute of Archeology of the Crimea RAS; Senior Researcher of the Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Researcher ID: AAA-3179-2019.

Seidalieva D. E. – Junior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Junior Researcher of the Institute of Archeology of the Crimea RAS, Researcher ID: ААН-7797-2019.

**КРАСНОГЛИНЯНАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА
С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ПТИЦ ИЗ РАСКОПОК СУДАКА
(коллекция музея-заповедника «Судакская крепость»)**

Ирина Борисовна Тесленко¹, Вадим Владиславович Майко²

Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия

¹ i_teslenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2356-1615>

² vadimmaiko1966@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1065-4836>

Аннотация. В статье предпринят детальный анализ коллекции красноглиняной поливной керамики с изображениями птиц из раскопок Судак, хранящейся в музее-заповеднике «Судакская крепость». Представлено 45 изделий открытой формы и одна керамическая плитка. Из них 22% импортные, преимущественно византийского круга, и 78% – крымского производства. Многие экземпляры публикуются впервые. На изделиях византийского круга, которые датируются XIII и XIV вв., это преимущественно представители семейства ястребиных (вероятнее всего, орел) и голубиных. Голубь нередко изображался в сопровождении пальмовых ветвей и/или гроздей винограда, также имеющих глубокий смысл в христианстве. Голубь наиболее часто встречается и на поливной посуде крымского производства XIV–XV вв., где его образ, наиболее вероятно, также связан с христианской символикой и византийской традицией. Оригинальные рисунки этих птиц демонстрируют индивидуальное творчество местных мастеров, вариантов изображений довольно много. По некоторым рисункам можно определить даже породу птицы, которую изобразил художник-керамист. Кроме того, на продукции крымских мастерских представлены еще как минимум четыре вида птиц, предположительно определяемых как лебедь, дрофа, гусь или утка и цапля или журавль. В результате исследования удалось выделить несколько стилистических декоративных серий с орнитоморфными образами, определить происхождение предметов, а также уточнить векторы влияния различных культурных традиций на местное керамическое производство.

Ключевые слова: Крым, Судак, средневековье, XIII–XV вв., поливная керамика, изображения птиц

**GLAZED RED CLAY CERAMIC WARE
WITH IMAGES OF BIRDS EXCAVATED AT SUDAK
(The Collection of the Museum Preserve of Sudak Fortress)**

Irina B. Teslenko, Vadim V. Mayko

Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia

Abstract. This paper presents a detailed analysis of the collection of red clay glazed ceramic ware featuring images of birds from the excavations of Sudak and now residing in the Museum Preserve of Sudak Fortress. The publication comprises 45 open-shaped vessels and one ceramic tile. Imported artefacts mostly from the Byzantine circle comprise 22% of them and Crimean products form 78%.

Many finds are published for the first time. The products of the Byzantine circle dating back from the thirteenth and fourteenth centuries mostly show a bird of the *Accipitridae* (probably eagle) and *Columbidae*. The dove is often depicted with palm branches and/or bunches of grapes which also have important meaning in Christianity. The dove most often occurred on the fourteenth- and fifteenth-century glazed ware ring of Crimean manufacture, where its image was probably associated with Christian symbols and Byzantine tradition. Original drawings of the birds demonstrate individual creativity of local craftsmen since there are many variants of such images. Some drawings allow the one to determine the breed of bird depicted by ceramic painters. Additionally, at the products of Crimean workshops represent at least four other species of birds, presumably swan, bustard, goose or duck, and heron or crane. The research undertaken allowed us to identify a few stylistic decorative series showing bird-shaped images, to discover the origin of artefacts, and to clarify the directions of various cultural influence on local ceramic production.

Keywords: Crimea, Sudak, Middle Ages, thirteenth to fifteenth centuries, glazed ware, images of birds

Формирование керамической коллекции музея-заповедника «Судакская крепость» относится к первой половине 1980-х гг. Основу собрания составляют материалы раскопок Судакской крепости и ее окрестностей, проводимые М.А. Фронджуло в 1964–1974 гг., И.А. Барановым в 1977–2000 гг., Е.А. Айбабиной в 2001–2002 гг., В.В. Майко 2003–2010 гг., А.В. Джановым и В.Д. Гукиным в 2010–2019 гг. Там же хранится большая часть коллекции М.А. Спендиаровой, собранной в 1948–1954 гг., и все материалы из раскопок Сугдеи 2000–2019 гг.¹ Среди находок существенную долю занимает красноглиняная поливная керамика XII–XV вв. Одной из наиболее аттрактивных ее составляющих являются сосуды с сюжетными рисунками, среди которых изделия с изображениями птиц, пожалуй, наиболее массовые. Образы пернатых встречаются как на привозной посуде, так и на изделиях крымских керамических мастерских. Эти находки частично введены в научный оборот [3, с. 24–28; 9, рис. 1,4,5,8; 2, с. 524–559, рис. 5,1; 9,2; 22,2; 23; 24; 54, fig. 24, BYZ2; 14, рис. 8,3; 27, рис. 26,5; 29,2,3; 33, рис. 2,4; 34, с. 291–332, рис. 10,9; 17,4,5,7], однако в большинстве случаев представлены без должной атрибуции [3, с. 24–28; 9, рис. 1,4,5,8; 2, с. 524–559; 14]. В то же время, интерес к орнитоморфным образам в средневековом керамическом декоративно-прикладном искусстве Причерноморско-Средиземноморского региона и прилегающих территорий довольно высок. Этой теме посвящен ряд специальных работ, продемонстрировавших стилистическое разнообразие и информативность декоративных серий с птицами различных групп и категорий керамических изделий [1; 52; 7, с. 26–28; 11; 12; 13, с. 74–84; 8; 4; 25; 44; 50]. Поэтому систематизация и атрибуция имеющихся материалов, а также публикация новых данных

¹ Следует отметить, что материалы археологических исследований Судакской крепости представлены также в собраниях других музеев. Так, находки из раскопок 1929 г. и отдельные артефакты из раскопок 1927 и 1930 гг. хранятся в фондах ГИМ. Материалы разведок В.П. Бабенчикова в Судаке и его окрестностях 1953 г., а также некоторая часть находок из раскопок 1963–1974 гг. М.А. Фронджуло и 1977–2000 гг. И.А. Баранова находятся в фондах Национального заповедника «София Киевская» (г. Киев) и «Центрального музея Тавриды» (г. Симферополь). В фондах Национального заповедника «София Киевская» также собраны все изделия из драгметаллов и большая часть монет, найденных в 1963–2000 гг.

по-прежнему вызывают интерес. Исходя из этого, одной из задач настоящего исследования станет детальный анализ красноглиняной поливной керамики с изображениями птиц из раскопок Судака, хранящейся в музее-заповеднике «Судакская крепость».

В коллекции выявлено 45 изделий открытой формы с орнитоморфными изображениями и одна керамическая плитка. Из них 22% (10 ед.) импортные, 78% (36 ед.) более или менее уверенно могут быть соотнесены с продукцией крымских керамических мастерских.

Импорт представлен 8 изделиями византийского круга различных групп (рис. 1) и двумя фрагментированными блюдами, происхождение которых определить пока затруднительно (рис. 2). Сосуды византийского круга украшены, преимущественно, в технике сграффито (рис. 1, 1–7), на одной чаше использована выемчатая техника и гравировка (рис. 1, 8). 4 предмета по визуально определяемым характеристикам формовочной массы, морфологическим и стилистическим признакам могут быть соотнесены с группой ‘*Zeuxippos Ware stricto sensu*’, класс II (далее – ZWss) или ‘*genuine*’ (рис. 1, 1–4). Для них характерен плотный, шероховатый желто-красный черепок и тонкодисперсная формовочная масса с мелким песком и блестками. Поддоны низкие, заужены к краю с сегментовидным внутренним абрисом. Гравированный рисунок выполнен тонкой линией по белому ангобу и подцвечен пятнами и потеками коричневой краски. Полива хорошего качества, прозрачная, слабо окрашена в желтый цвет. В центре сосудов помещены орнитоморфные изображения. Хронологическая позиция группы в целом определяется преимущественно в рамках конца XII–XIII в., верхняя дата может быть ограничена временем не ранее середины – третьей четверти XIII в. [детальнее см.: 31, с. 162–164].

1. Одно изображение представляет собой фигуру шагающей вправо птицы с небольшим каплевидным туловом на высоких когтистых лапах, вытянутой шеей и округлой головой с небольшим крючкообразным клювом, развернутой в противоположную движению сторону. Левое крыло поднято вверх, правое сложено вдоль туловища в створе с удлинненным оттопыренным хвостом (рис. 1, 1). Основные контуры изображения переданы парной линией. Левое крыло и хвост заполнены рядом овалов с точкой в центре. Оперение прорисовано в виде небольших чешуек, расположенных хаотично на корпусе, и выстроенных в два плотных ряда на крыле. На голени оно обозначено разомкнутыми окружностями, примыкающими к тулову. Морфологические особенности конечностей и клюва птицы выдают в ней пернатого хищника, представителя семейства ястребиных. Изделие найдено в 2001 г., в слое коричневого плотного суглинка с материалом середины XIV в. (раскоп 2). Размер фрагмента – 7,4x8,7 см; диаметр поддона – 6,0 см; высота поддона – 0,6 см. Шифр: МЗСК КП-755/12, СК-2001, к.о. 165. Ранее не публиковалось. Близкие по иконографии рисунки на керамике ZWss довольно многочисленны [35, с. 197–198, табл. XXVIII, № 111; 21, рис. 104,2; 10, с. 163, 172, №№ 344, 362; 37, fig. 11, no. 283; 48, p. 116, fig. 235; 39; др.]. Результаты химический анализа сырья блюда с подобным декором из раскопок Херсонеса подтверждают принадлежность его к группе ZWss [54, fig. 16, BYZ30].

2. На втором обломке сохранился фрагмент прочерченного рисунка задней части тулова птицы со сравнительно коротким, слегка расширенным, скругленным хвостом, заполненным продольными штрихами (рис. 1,2). Оперение на корпусе прорисовано в виде округлых чешуек, с точкой в каждой из них. Голова и ноги утрачены. Размер фрагмента – 8,1x5,3 см. Шифр: СК-87, к.о. 38. Обломок найден в 1987 г., в заполнении помещения Б комплекса ремесленных мастерских на участке куртины XIV, в слое с материалом конца XIII – третьей четверти XIV в. [2, с. 550, рис. 22,2]. Точные аналогии найти не удалось. В качестве отдаленной параллели можно отметить подобную конфигурацию хвоста у хищных птиц, изображенных на керамике византийского круга более раннего времени из Эгейского региона [52, fig. 12,9].

3. Форма третьего сосуда частично реконструирована. Это довольно глубокая чаша с сегментовидным в сечении корпусом и небольшим, отогнутым наружу прямым венчиком (рис. 1,3). На фрагментах видны следы многочисленных ремонтов в виде парных просверленных отверстий. Все внутреннее поле чаши занимает изображение двух обращенных друг к другу птиц. Манера рисунка имеет некоторое сходство с первым экземпляром. У пернатых каплевидное тулово, высокие ноги, когтистые пальцы, длинная шея, круглая голова с большим глазом и относительно маленьким крючковатым клювом, длинный тонкий хвост, оконтуренный парной линией. Одно крыло прижато к корпусу, второе приподнято вверх. Птицы разделены треугольной фигурой с растительным орнаментом. Оперение на корпусе передано рядами продолговатых чешуек, ориентированных вниз. Параметры изделия: диаметр венчика – 23,0 см; высота – 8,5 см; диаметр поддона – 7,1 см; высота поддона – 1,2 см. Ранее не публиковалось. Сосуд найден в 1986 г. в заполнении хозяйственной ямы к востоку от храма Девы Марии, расположенного в центральной части городища², с материалом конца XIII – первой половины XIV в.

Композиционно близкий рисунок в виде двух обращенных друг к другу птиц, выполненных в иной манере, известен на византийском блюде, происходящем из раскопок Херсонеса [20, с. 415, рис. 12,3]. Сходное по иконографии одиночное изображение птицы удалось найти на сосуде этой же семьи, хранящемся в Берлинском музее Византийского искусства [39, p. 553, kat. 1340].

4. Еще один небольшой фрагмент поля блюда или чаши содержит фрагмент рисунка нижней части тулова и голени шагающей вправо птицы, близкого по манере и некоторым деталям к экземплярам 1 и 3 (рис. 1,4). Размер фрагмента 5,7x5,0 см. Шифр: МЗСК КП-830/4. СК-2006, к.о. 53. Обломок обнаружен в 2006 г. при исследовании жилой застройки городского квартала к югу от храма Девы Марии, в слое второй половины XIV в. и, вероятнее всего, переотложен. Публикуется впервые.

5. Один фрагмент донной части принадлежит сосуду открытой формы, относящемуся к семье керамики сграффито с концентрическими кругами и спиралями в качестве базового элемента декора (“Sgraffito with Concentric Circles”, далее – SCC)

² Детальнее об исследованиях в районе храма см. [15, с. 330–332].

(рис. 1,5)³. По химическому составу сырья он уверенно соотносится с группой, получившей название «Новый Свет» (далее – NS)⁴ [54, fig. 24, BYZ20]. Черепок плотный, приглушенного красно-оранжевого цвета. Формовочная масса тонкодисперсная со значительным количеством мелкого песка и чешуек слюды. Глазурь хорошего качества, коричнево-желтая. В центральном медальоне, образованном парой концентрических кругов, помещено изображение пернатого хищника, развернутого влево. Рисунок довольно натуралистичный, выполнен линией одной толщины, сохранился частично (утрачена нижняя часть корпуса и ноги птицы). Четко прочерчен контур вытянутого туловища, приподнятого крыла, головы с миндалевидным глазом и массивным, загнутым на конце клювом. Тулово заполняет небольшое кольцо, маркирующее центр сосуда. Размер фрагмента – 8,8х7,5 см; диаметр поддона – 5,3 см, высота поддона – 1,2 см. Шифр: МЗСК КП-316/121, СК-66, к.о. 26. Происходит из раскопок средневековой усадьбы в портовой части Солдайи, раскоп III, 1966 г. Детальный контекст не ясен. Аналогичные рисунки на керамике этой группы найти не удалось, хотя изображения птиц в центральном медальоне на византийской посуде семьи SCC не редкость [см., напр.: 45, p. 166–167, no. 23–26, др.].

Датировка рассматриваемого фрагмента может быть предложена в рамках хронологии группы NS в целом. Массовое появление ее в Северном Причерноморье относится ко времени не ранее самого начала 1260-х гг., но не позднее 1270-х гг. Верхняя дата наибольшего распространения, по материалам Азака и Крыма, приходится на последнюю четверть XIII в. В комплексах 1310-х гг. преобладают уже иные группы византийского импорта. Следовательно, период активного обращения NS на рынке составил около четверти столетия. Отдельные экземпляры этих изделий встречаются в слоях более позднего времени, однако здесь они либо вторично использованы, либо переотложены [31, с. 166–167].

6. Следующий небольшой обломок дна также украшает фигура птицы, помещенная в центральный круг (рис. 1,6). Однако, в данном случае, она выполнена в иной манере. На обломке видна нижняя часть тулова с двумя короткими ногами, переданными парой прямых линий, завершающихся пятью растопыренными пальцами, прорисованными в виде ряда коротких дуговидных штрихов. Верхняя часть рисунка утрачена. Тулово заполнено встречной штриховкой. У края фрагмента сохранились остатки подцветки зеленой краской. Полива темно-желтая, неравномерно окрашенная. Размер фрагмента – 5,5х4,5 см; диаметр поддона – 7,0 см. Шифр: МЗСК КП-784/10, СК-87, к.о. 31. Обломок найден в 1987 г. на полу помещения Б, на участке куртины XIV, в слое с материалом конца XIII – третьей четверти XIV в. [2, с. 551, рис. 23,4].

³ Самая распространенная производная «Зевксиповой» керамики класса I (“Zeuxippus Derivative”, “Zeuxippus Influence Ware”, “Zeuxippus Ware Family”, др.)

⁴ Образец сырья этого изделия был отобран для химического анализа в 1998 г. Исследования проводились в Лаборатории керамологии CNRS UMR 5138 (Лион, Франция) под руководством д-ра С.Й. Ваксман, их результаты опубликованы [54]. Детальнее о группе NS см. [55].

Точные аналогии найти не удалось. Подобная техника заполнения тулова птицы представлена на обломке чаши семьи ZW из Берлинского музея Византийского искусства, датированной XIII в. [39, p. 295–296, kat. 694]. В то же время, отдельные элементы рисунка на судакском экземпляре, в частности форма ног пернатого, отличаются. Детальная датировка артефакта затруднительна, верхняя дата предварительно может быть определена не позднее конца XIII – первой четверти XIV в.

7. Другой фрагмент дна глубокой чаши также может быть соотнесен с керамическими изделиями византийского круга, сопоставимыми с иной технологической группой (рис. 1,7). Черепок приглушенного желто-красного цвета. В тесте заметны многочисленные включения песка и мелких крупиц извести, отдельные частицы рыхлого минерала красно-коричневого цвета. Поддон средней высоты, усеченно-конической формы с сегментовидной конфигурацией внутреннего абриса. Рисунок выполнен линией одной толщины. Центральную часть сосуда занимает изображение птицы в профиль, обращенной вправо. Сохранилась часть массивного туловища с плотно прижатым к нему небольшим крылом и нижний участок плавно изогнутой шеи. Остальные элементы фигуры утрачены, из-за чего видовую принадлежность птицы определить сложно. Оперение на туловище и шее передано плотными рядами чешуек, ориентированных вверх. Нижний контур крыла обозначен парной линией, внутреннее пространство заполнено косой штриховкой. Полива приглушенного, коричневатого-зеленого цвета, неравномерно окрашена, с мелкими песчанистыми вкраплениями. Выше тулова птицы виден небольшой фрагмент растительного орнамента, возможно, край древовидной пальметты, аналогичной встречаемым на разновременной керамике византийского круга, в том числе в сочетании с птицами [см., напр.: 20, рис. 13,3; 10, с. 163, № 344; 43, p. 220, no. 174]. Размер фрагмента – 9,7х9,6 см; диаметр поддона – 6,4 см. Шифр: МЗСК КП-132, СК-68, к.о. 134. Обломок происходит из раскопок 1968 г. средневековой усадьбы в портовой части Солдайи, раскоп III. Детальный контекст не ясен. По основным технологическим и морфологическим признакам изделие может быть соотнесено с так называемым кругом керамики «Провинции Византии» (группа 14A?) по А.Н. Масловскому, датированной в целом в рамках конца XIII – первой половины XIV в. [16, с. 392–395, рис. 33].

Точной аналогии рисунку на судакской находке найти не удалось. В то же время, изображения пернатых, близкие по стилю и манере, на керамике византийской культурной традиции известны довольно широко [см., напр.: 16, рис. 33; 48, p. 133–134, no. 271, 273; 39, p. 294, 316–317, kat. 691, 745, 746; др.].

8. И, наконец, донная часть одной чаши, декорированная в выемчатой и графито-технике, относится к поздневизантийским гончарным изделиям стилистической группы “Elaborate Incised Ware” (далее – EIW) (рис. 1,8), в которую объединяют различные по составу формовочной массы, но близкие по технике и стилю оформления сосуды [см., напр.: 28, с. 470–472; 51]. Черепок чаши плотный, желто-красный, тесто со значительным количеством мелкого песка. Центральную часть лицевой поверхности чаши заполняет изображение тулова птицы в выемчатой технике, развернутое впра-

во. Крыло плотно прижато к корпусу. Его контур и детали заполнения в виде завитков, вертикальных и горизонтальных линий выполнены широким и тонким резцами. Рисунок сохранился фрагментарно, голова и ноги пернатого утрачены. Размер фрагмента – 7,8х6,9 см; диаметр поддона – 5,8 см. Шифр: СК-79, к.о. 98. Чаша обнаружена в 1979 г. при раскопках в Безымянной башне № 5, в культурном слое с материалом последней четверти XIV – XVI в., залегавшем на полу этого сооружения. Предмет, вероятно, переотложен из более ранних напластований, возможно, связанных со строительством башни в 1380-е гг. [детальнее о башне см.: 15, с. 283–284].

Аналогии подобному изображению птицы, которую довольно уверенно относят с голубем, на керамике византийского круга известны довольно широко [см., напр.: 46, р. 188–201; 48, р. 129–131; 7, с. 20–23; 39, Т. 94–96: Кат. 751–765; 43, р. 219–220, 240–242, cat. 171–175, 246, 247; др.]. Происхождение изделий принято связывать с мастерскими Салоник [46, р. 188–221], Никеи [42, р. 429–430, fig. 10] или Константинополя [53, р. 148, fig. 2, 54, 97], а также иными не локализованными пока центрами, следовавшими подобным традициям [51]. Очень близкие по морфологии и декору сосуды есть также среди продукции крымских гончарных мастерских [27, с. 472; 51]. К ее производству здесь, вероятно, причастны мастера-мигранты из центральных районов Византии [30, с. 167–170]. Точное происхождение судакской чаши без специальных исследований выяснить затруднительно. Ее хронологическая позиция по аналогиям из Северного Причерноморья может быть определена в рамках середины – второй половины XIV в. [см., напр.: 27, с. 471; 51].

Два других привозных блюда существенно отличаются от представленных выше.

9. Донная часть одного из них в настоящее время находится в фондах музея-заповедника «Судакская крепость» (рис. 2, 9). Черепок изделия желто-красный, слегка мылится. В тесте заметно значительное количество мелкозернистого песка. Стенки сосуда прямые, поддон низкий, в форме усеченного конуса, на плоском основании. Орнамент выполнен в технике сграффито линией одной толщины. В центре блюда в двойном круге помещено изображение шагающей птицы, развернутой вправо, с прижатым к тулову крылом и длинным расширяющимся хвостом. Хвост сохранился частично (край рисунка утрачен), конфигурация его окончания не ясна. Ноги невысокие, с растопыренными, дугообразными, схематично прорисованными пальцами. Шея вытянута, голова слегка приподнята кверху. Оперение на корпусе передано плотными рядами чешуек, на крыле – наклонной штриховкой. Горло украшено горизонтальной полосой, передающей, вероятно, особенности окраса птицы. Ее видовую принадлежность без консультации орнитолога определить затруднительно, возможно, это фазан. Пространство вокруг медальона заполнено растительным орнаментом в виде выющихся спиралей стеблей с пятилопастными пальметтами, выделенных на плотно заштрихованном косой линией фоне (the hatched ground). Полива насыщенного зеленого цвета, на большей части фрагмента утрачена.

Изделия, украшенные в технике сграффито с использованием заштрихованного фона и подобных пальметт, хорошо известны среди ближневосточной керамики,

в частности в Египте и Иране и, как считается, копировали дизайн на бронзовой и серебряной посуде. Хронологическая позиция керамики, декорированной в подобной технике, определяется в рамках XI–XII вв., возможно, несколько позже [см., напр.: 41, р. 82–83, no. 83; 56, р. 254–259, cat. 5–7; 49, fig. 3–5; 38, р. 33–35, fig. 2–7]. В то же время, идея заполнения фона густой штриховкой получает развитие в более поздний период на керамике византийского круга XIII–XIV вв. [см., напр.: 39, р. 469, 508, kat. 1123, 1231]. Определить происхождение и точную дату судакской находки в настоящее время затруднительно, поскольку близкие аналогии ей найти не удалось. Размер фрагмента – 17,8x12,0 см; высота – 6,2 см; диаметр поддона – 7,0 см; высота поддона – 1,1 см. Шифр: МЗСК КП-199, СК-87, к.о. 36. Днище обнаружено в заполнении помещения Б комплекса ремесленных мастерских на участке куртины XIV (раскопки 1987 г.), в слое с материалом конца XIII – третьей четверти XIV в. [2, с. 551, рис. 24], что хронологически сближает ее с кругом византийских древностей. Однако, безусловно, эта находка нуждается в дополнительных исследованиях.

10. Второе блюдо известно только по рисунку, сохранившемуся в личном архиве М.А. Фронджуло (рис. 2,10). Место и контекст этой находки, а также местонахождение самого предмета в настоящее время установить не удалось. Посему, предпринять детальную характеристику изделия, как и оценить достоверность его графической реконструкции, пока не представляется возможным.

Изделия *крымского производства* могут быть соотнесены с группой Юго-Восточный Крым (далее – ЮВК), подгруппами «Солхат», «Каффа» и, вероятно, «Судак» (рис. 3–7). Для них характерен плотный черепок желто-красного цвета различных оттенков, отдельные включения крупиц рыхлого минерала белого цвета (известь) и большая или меньшая концентрация мелкодробленого шамота в глиняном тесте⁵. Это сосуды открытой формы и одна керамическая плитка (рис. 6,30). 10 экземпляров составляют изделия с гравированным орнаментом под монохромной зеленой, коричнево-желтой или желтой глазурью (рис. 3,1–8; 4,9–11); одна чаша украшена в выемчатой технике под слабо окрашенной в желтый цвет поливой (рис. 3,6); 25 сосудов декорированы орнаментом сграффито, дополненным росписью зеленой и коричневой краской под монохромной светло-желтой или зеленовато-желтой глазурью (рис. 4,12–17; 5,18–20; 6; 7,26,34–36). Некоторые изображения обладают общими стилистическими признаками, позволяющими объединять их в серии, другие – индивидуальны в своем роде и не находят пока близких аналогий.

В первом блоке выделяются представители минимум четырех декоративных серий.

1–2. Одна из них представлена частично реконструированной небольшой полусферической чашей на кольцевом поддоне средней высоты (рис. 3,1) и фрагментом стенки сосуда открытой формы (чаши?), особенности конфигурации профиля которого не ясны (рис. 3,2). Внутреннюю поверхность сосудов украшает изображения длин-

⁵ Считается, что в подгруппах «Солхат» и «Судак» шамота больше, чем в подгруппе «Каффа», где он вообще замечен не всегда [детальнее об этом см., напр.: 27].

ноногий птицы среди ветвей граната⁶. Тулово пернатого обратноклаплевидной формы, хвост короткий, не выражен, голова небольшая, с удлинненным, слегка загнутым на конце клювом. Рисунок выполнен преимущественно одиночной тонкой линией. Особенности окраса головы в виде темной полосы вдоль макушки и затылка, а также штриха от глаза к шее, переданы более широкой полосой гравировки. Такой же ширины линией изображены и парные стрельчатые листья гранатовых ветвей. Корпус пернатого заполняет крупная, несколько небрежно выполненная пальметта в круге и сопровождающие ее небольшие завитки. По габитусу и характерным элементам окраса Г.Г. Гаврись довольно убедительно соотносит изображенную средневековым мастером птицу с бегунком, возможно, крокодиловым сторожем (*Cursorius cursor*, *Pluvianus aegyptius?*), обитающим в Северной Африке и известном как перелетная птица в Турции и Крыму [50, fig. 4]⁷. Поливка изделий соответственно зеленого и светлого, зеленовато-желтого цвета. Параметры чаши: высота – 9,5 см; диаметр венчика – около 18,5 см; диаметр дна – 6,8 см; высота поддона – 1,5 см. Шифр: МЗСК КП-372, СК-86, к.о. 129. Происходит из заполнения хозяйственной ямы у храма Девы Марии, исследованной в 1986 г. Неоднократно опубликована [3, с. 27, рис. 3,3; 27, с. 57, рис. 26,5; 30, рис. 3,5; 50, fig. 4]. Размер другого фрагмента – 7,0x5,0 см. Шифр: МЗСК КП-759/14. Это случайная находка из сборов М.А. Спендиаровой, ранее не публиковалась.

Аналогичное изображение птицы, как самостоятельно, так и среди ветвей граната, известно на керамике XIV в., находимой в Крыму и Приазовье [24, рис. 25,76; 17, с. 483, рис. 7,4; 18,2]. Происхождение этих изделий, вероятно, следует связывать с Солхатом [27, с. 57]. Большая коллекция чаш с различными вариантами подобного птичьего образа из раскопок в Старом Крыму служит дополнительным аргументом в пользу этой версии [25, с. 338, рис. 1,1–7; 2,8; 5,31]. Манера изображения ветвей граната, как и сам этот декоративный мотив, а также элементы орнамента в виде пальметт, украшающих тулово птицы, находят близкие аналогии в керамическом искусстве Анатолии [см., напр.: 27, с. 57; 44], что позволяет предположительно связывать появление их в Крыму с анатолийским влиянием в местном гончарстве [30, с. 160]. На основании материалов раскопок Азака, Судака и поселения Кринички в округе Солхата серии керамики с гранатовой ветвью в декоре могут быть отнесены ко второй – началу третьей (?) четверти XIV в. [30, с. 160]. По мнению А.Н. Масловского, наибольшее распространение серий с птицами в группе ЮВК приходится на 1330-е гг. [17, с. 483–484].

3–4. Следующая серия в коллекции музея-заповедника «Судакская крепость» представлена двумя обломками днищ чаш с фрагментарно сохранившимися фигурами шагающих вправо птиц, выполненных в несколько грубоватой манере (рис. 3,3,4). Их объединяет ладьевидной формы тулово, заполненное небрежной штриховкой, довольно

⁶ На фрагменте стенки сохранилась лишь верхняя часть корпуса с головой птицы и небольшой отрезок ветви граната.

⁷ Е.Ю. Яниш предположительно определяет подобных пернатых на керамике из Старого Крыма как чибисов [25].

длинные, прямые ноги, переданные парой линий, прорезавших нижний абрис корпуса, оттопыренный, расширяющийся к окончанию хвост и поднятые над туловом, заостренные крылья, заштрихованные косой линией. У одной из птиц уцелела довольно крупная голова, обращенная к хвосту (рис. 3,4). Глазурь желтовато-зеленая, неравномерно окрашенная, разных оттенков. Параметры одного из фрагментов (рис. 3,4): размер – 8,2x8,8 см; диаметр поддона – 6,5 см, высота поддона – 1,4 см. Другого (рис. 3,3): размер – 5,9x6,6 см; диаметр поддона – 5,5 см; высота поддона – 1,0 см. Шифр: МЗСК КП-759/27 и МЗСК КП-784/5, СК-87, к.о. 30. Происходят соответственно из сборов М.А. Спендиаровой и из раскопок ремесленных мастерских на участке куртины XIV в 1987 г. (материал из слоя на полу помещения Б) [2, с. 551, рис. 23,1]. Хронологическая позиция изделий, исходя из контекста находки второго из них, может быть определена временем не позднее 1360-х гг. Рисунки пернатых, близкие по стилю, манере и технике, известны на других фрагментах керамики из раскопок Судака, хранящихся ныне в фондах заповедника «София Киевская» (рис. 3, А1, А2) [27, рис. 29,2,3]. Аналогии за пределами Крыма обнаружить пока не удалось.

5. Еще одно изделие, которое с определенной долей условности можно отнести к серийным для группы ЮВК, представлено в рассматриваемой коллекции одним обломком днища чаши с частично уцелевшим (утрачена голова и задняя часть тулова) изображением шагающей влево птицы, чью видовую принадлежность определить сложно, возможно, это голубь (рис. 3,5). Рисунок выполнен одинарной тонкой линией. Шею пернатого украшает горизонтальная полоса, передающая, видимо, особенности окраса. Тулово заполняет крупная спираль. Этот специфический мотив, а также манера исполнения рисунка встречены еще на двух сосудах ЮВК с птицами из раскопок городища в Алуште и поселения у западного подножья г. Аю-Даг [27, рис. 29,7,11], что позволяет объединить все три изделия в некую стилистическую серию. Полива чаши коричнево-желтая. Размер фрагмента – 10,0x8,5 см; диаметр поддона – 4,5 см; высота поддона – 1,5 см. Шифр: МЗСК КП-725/3, СК-96, к.о. 82. Найдена в 1996 г. в Судаке при исследовании квартала I в слое, подстилающем печь № 2⁸. Публикуется впервые. Хронологическая позиция, по наблюдениям автора раскопок, предложена в рамках первой половины XIV в.

Прямые аналогии за пределами Крыма пока не найдены. Изображение птицы в подобной манере, декорированной крупной спиралью, встречается на поливной керамике византийского круга на Кипре XIV в. [см., напр.: 47, р. 88, No. 32].

6. Следующий рисунок – шагающая вправо птица, выполнен в выемчатой и сграффито технике (рис. 3,6). На фрагменте сохранилась нижняя часть тулова с двумя широ-

⁸ Квартал 1 Судакской крепости расположен между Привратной башней Якобо Торселло и Безымянной башней № 5. По мнению И.А. Баранова, здесь располагался крупный ремесленный квартал золотоордынского времени. На площади раскопа выделяется стратиграфический горизонт, датированный до 1365 г. и перекрытый небольшой прослойкой пожара этого времени. Начало формирования слоя относится ко второй половине XIII в. Слой связан с функционированием нескольких каменных сооружений, в заполнении которых было зафиксировано большое количество разнообразной столовой посуды. Рассматривать их в качестве торговых лавок или мастерских, как это предлагал И.А. Баранов, нет оснований.

ко расставленными ногами, переданная удалением ангоба, и небольшой участок крыла, выполненного гравировкой. Фигура пернатого сопровождается стилизованным миндалевидным листом с косой штриховкой и гроздью винограда, изображенной в виде овала с сетчатым заполнением. Размер фрагмента – 5,8х4,9 см; диаметр поддона – 4,3 см; высота поддона – 1,1 см. Шифр: КП-692/83, СК-85, к.о. 124. Найден при исследовании квартала I в 1985 г., у башни № 5, в слое серой глины, синхронном возведению башни, т.е. образовавшемуся в последней четверти XIV в. Публикуется впервые.

Эту чашу можно более-менее уверенно отнести к местным подражаниям поздневизантийским изделиям семьи EIW с изображением птиц, известным среди продукции крымских мастерских [28, с. 472; 30, с. 167–170, рис. 10,19,21; 51]. Их хронологическая позиция определяется второй половиной XIV – началом XV в. [28, с. 471–472], что не противоречит контексту судакской находки.

Обломки еще 5 сосудов открытой формы группы ЮБК с монохромной поливой содержат отдельные детали птичьих образов, выполненные в технике сграффито, аналогии которым среди продукции местных мастерских найти пока не удалось (рис. 3,7,8; 4,10–11).

7. Фрагмент дна чаши, на котором сохранилась прорисовка вытянутой шеи, небольшой головы и окончания левого крыла птицы, изображенной, вероятно, в полете (рис. 3,7). Контур фигуры показан тонкой линией, крыло заполнено косой штриховкой. Глазурь оливковая, неравномерно окрашенная. Размер фрагмента – 6,2х5,0 см. Шифр: МЗСК КП-603/11, СК-81, к.о. 8. Найден при исследовании квартала I в 1981 г., в слое последней четверти XIV в. Публикуется впервые.

8. Фрагмент нижней части стенки с изображением головы и окончания приподнятого крыла птицы, развернутой влево, в статической позе (рис. 3,8). Рисунок в целом выполнен тонким одинарным резцом. Особенности окраса макушки пернатого показаны более широкой линией гравировки. Окончание крыла заполнено завитком. Полива коричнево-желтая, неравномерно окрашенная. Размер фрагмента – 7,8х5,0 см. Шифр: МЗСК КП-682/29, СК-83, к.о. 53. Происходит из стратиграфического горизонта, связанного с возведением генуэзской оборонительной стены 1370–1380-х гг. Раскопки 1983 г., квартал I. Публикуется впервые.

9. Чаша на кольцевом поддоне. Форма полусферическая, частично реконструирована из 4-х обломков, венчик утрачен. В центре, в круге, прочерченном широким резцом, сохранилась деталь изображения птицы, развернутой влево, выполненного тонкой гравировкой (рис. 4,9). Видна верхняя часть ее корпуса с длинной шеей, переходящей в небольшую голову. Оперение тулова и нижней части шеи передано плотными рядами чешуек, ориентированных вверх. Особенности окраса шеи показаны горизонтальной заштрихованной полосой, отделяющей чешуйчатое заполнение от лишенной декора головы. Птичий образ дополняет примыкающий к кругу полуовоид, оконтуренный с одной стороны двойной тонкой линией и заполненный прерывистой косой штриховкой в сочетании с небольшой спиралью. Стенки выше круга украшают двойные треугольные фигуры, ориентированные вершинами вниз. Иные детали

орнамента не сохранились. Глазурь внутри коричневато-желтая, снаружи зеленая. На внешней поверхности уцелели остатки прочерченного широкой линией орнамента в виде двух горизонтальных и трех, примыкающих к ним сверху, вертикальных линий. Размер фрагмента – 10,4x10,2 см; сохранившаяся высота – 7,7 см; диаметр поддона – 5,4 см. Шифр: МЗСК КП-661/20, СК-72, к.о. 68. Найдена в 1972 г. при раскопках башни Якобо Торселло 1385 г., в слое первой половины – середины XIV в., подстилающем ее фундаменты. Публикуется впервые.

10. Обломок стенки чаши с фрагментом схематичного, несколько небрежного рисунка птицы, развернутой влево, от которого сохранилась задняя часть тулова, с коротким клиновидным хвостом, двумя ногами и приподнятым над корпусом маленьким крылом (рис. 4,10). Контуры фигуры выполнены одинарной тонкой линией. Оперение на тулове передано редкими дуговидными штрихами. Размер фрагмента – 7,0x5,0 см. Шифр: МЗСК КП-775/3, СК-87, к.о. 48. Происходит из заполнения помещения В (слой на полу первого этажа) комплекса ремесленных мастерских на участке куртины XIV (раскопки 1987 г.), прекративших существование в третьей четверти XIV в. [2, с. 538, рис. 9,2].

11. Крупный обломок дна на кольцевом поддоне чаши, внутреннее поле которой заполняет фигура шагающей вправо птицы с плотно прижатым к телу крылом (рис. 4,11). Уцелело тулово птицы, примыкающая к нему часть хвоста и одно бедро. Четкая линия контура и тщательно проработанные детали, уверенно прочерченные тонкой одинарной линией, выдают в исполнителе рисунка опытного мастера. Оперение на корпусе и бедре передано плотными рядами продолговатых чешуек, ориентированных вниз, с точками в каждой из них. Крыло заполнено четырьмя блоками из прямых горизонтальных линий, разделенными парами вертикальных полос. Хвост подчеркнут рядом косой штриховки, примыкающей к его контуру. Над птицей виден небольшой фрагмент густо заштрихованного овалоида. Размер фрагмента – 8,8x7,5 см; диаметр поддона – 5,3 см; высота поддона – 1,2 см. Шифр: МЗСК КП-784/20, СК-87, к.о. 115. Происходит из культурного слоя, накопившегося на полу помещения В, составляющего часть комплекса ремесленных мастерских на участке куртины XIV, раскопки 1987 г. Здание, как считается, прекратило существование в третьей четверти XIV в., в связи с захватом города генуэзцами [2, с. 535, рис. 5,1].

Манера и детали изображения пернатого находят близкие параллели в керамике византийского круга XIII в. центральных регионов империи и Балкан⁹ [5, обр. 71–76; 48, р. 133–134, no. 271, 273; 39, р. 294, 316–317, 553, kat. 649, 691, 745, 746, 1340, др.].

В полихромном блоке также выделяется 4 серии (15 ед.) и 10 обломков с изображениями, представленными пока в единичных экземплярах.

12–17. В условную серию можно сгруппировать сосуды с птицами, тулово которых заполняют плотные ряды чешуек. Рисунки несколько разнятся по стилю и деталям, а также видам изображаемых пернатых. В то же время, их объединяет манера трактовки оперения на корпусе и крыле, что позволяет предполагать следо-

⁹ См. также позиции 3 и 7 каталога.

вание некоей общей изобразительной традиции, однако переданной, скорее всего, разными мастерами.

12. Фрагмент дна чаши с изображением птицы, вероятно, голубя, развернутой влево (рис. 4,12). Сохранилось частично. Нижняя часть корпуса с ногами, верхушка головы с клювом и окончание хвоста утрачены. Крыло немного приподнято над туловом. Горло выделено кольцом. Тулово заполнено рядами чешуйчатого орнамента, крыло – двумя дуговидными линиями и серией примыкающих к ним горизонтальных штрихов. Корпус подцвечен полосой зеленой краски. Полива светло-желтая. Размер фрагмента – 9,8x7,0 см; диаметр поддона – 7,0 см; высота поддона – 1,5 см. Шифр: МЗСК КП-349/10, СК-84, к.о. 40. Найдена в 1984 г. при раскопках в квартале I, в слое желто-зеленой глины, связанном с разрушением каменного дома в период строительства генуэзской оборонительной стены на этом участке в третьей четверти XIV в. Публикуется впервые.

13. Нижняя часть тарелки или чаши на кольцевом поддоне. Поле заполняет изображение шагающей птицы среди ветвистых побегов, развернутой влево (рис. 4,13). Клюв, хвост и нижняя часть ног утрачены. Тулово густо заполнено рядами чешуек, горло выделено кольцом, оперение на крыле передано двумя дуговидными и серией прямых горизонтальных линий, на небольшом участке у основания выбран ангоб. Крыло и одна нога подцвечены коричневой, тулово и вторая нога – зеленой краской. Полива слабо окрашена в желтый цвет, содержит песчаные примеси. Размер фрагмента – 9,5x9,2 см; диаметр поддона – 6,6 см; высота поддона – 1,0 см. Шифр: МЗСК КП-598/25, СК-67, к.о. 111. Найдена в портовой части Сугдеи (раскоп III, 1967 г.), в заполнении позднесредневековой усадьбы. Детальный контекст не ясен. На основании сравнительного анализа с полихромной поливной керамикой XIV и XV вв. [см.: 27; 32], может быть отнесена ко времени не позднее второй половины XIV в. Более детальная датировка пока затруднительна. Аналогии среди опубликованных находок не найдены. Публикуется впервые.

14. Обломок дна чаши. На лицевой поверхности сохранился небольшой фрагмент тулова птицы, развернутой вправо, заполненного чешуйчатым орнаментом, нижняя часть шеи и основание крыла (рис. 4,14). Перед птицей виден небольшой фрагмент вытянутого заштрихованного листа, интерпретируемого как пальмовая ветвь, часто сопровождающая изображения голубей [см., напр.: 7, с. 21–22], над птицей – край заштрихованного овала. Рисунок подцвечен пятнами зеленой и коричневой краски. Полива слабо окрашена в бледно-зеленый цвет. Размер фрагмента – 7,8x4,7 см; диаметр поддона – 6,2 см, высота поддона – 2,1 см. Шифр: МЗСК КП-343/27, СК-10, к.о. 37. Найдена в портовой части средневековой Солдаи в 2010 г., на раскопе VIII, в слое разрушения позднесредневековых каменных строений. Точная датировка затруднительна. Так же как и предыдущий экземпляр, на основании сравнительного анализа с полихромной поливной керамикой XIV и XV вв., может быть отнесена ко времени не позднее конца XIV – начала XV (?) в. Аналогии среди опубликованных находок не найдены. Публикуется впервые.

15. Обломок дна чаши с изображением птицы, развернутой вправо (рис. 4,15). Сохранилась часть туловища, слегка вытянутого вверх и плотно заполненного чешуйчатым орнаментом, шея с кольцом в верхней части и два крыла. Левое крыло выступает вперед, правое сложено вдоль туловища. Графический рисунок подцветчен мелкими пятнами коричневой и зеленой краски. Видовую принадлежность пернатого определить сложно, однако следует отметить, что в византийском декоративном искусстве подобная поза более характерна для хищных птиц (см., напр., № 1 каталога, а также [22, таб. 137; 7, с. 26–27, рис. 2,5; 40, fig. 4]). Точные аналогии пока не найдены. На основании сравнительного анализа с полихромной поливной керамикой XIV и XV вв. может быть отнесена ко времени не позднее второй половины XIV в. Размер фрагмента – 10,7x10,3 см; диаметр поддона – 6,2 см; высота поддона – 1,5 см. Шифр: МЗСК КП-759/25. Случайная находка из сборов М.А. Спендиаровой. Публикуется впервые.

16. Обломок дна чаши с изображением шагающей птицы, развернутой влево, с выступающим вперед правым крылом (рис. 4,16). Сохранилась нижняя часть туловища, с одной ногой, одним крылом и основанием шеи. Поза пернатого, схема рисунка и подцветки подобны предыдущему экземпляру, в то же время манера изображения иная. Тулово птицы вытянуто по горизонтали, заполняющие его ряды чешуек менее плотные, ориентированы вверх, кольцо на шее располагается у ее основания. Размер фрагмента – 6,8x6,2 см; диаметр поддона – 5,5 см; высота поддона – 1,5 см. Шифр: СК-83. Происходит из стратиграфического горизонта, связанного с возведением генуэзской оборонительной стены 1370–1380-х гг., раскопки 1983 г. в квартале I. Публикуется впервые. Точные аналогии пока не найдены.

17. Обломок стенки сосуда открытой формы с остатками изображения передней части птицы, обращенной влево, с длинной изогнутой шеей, небольшой головой и мощным клювом (рис. 4,17). Тулово заполнено плотными рядами мелких чешуек. По облику пернатое похоже на лебедя. Перед птицей расположена овальная фигура на длинном черенке, возможно, лист какого-то водного растения (лотоса?). Манера прорисовки чешуйчатого заполнения, подкраски насыщенной зеленой краской, цвет и качество поливы, а также обожженного черепка изделия имеют близкое сходство с образцом № 13, что позволяет предполагать принадлежность обоих сосудов к синхронной партии продукции одной мастерской. Размер фрагмента – 7,5x8,0 см; диаметр придонной части – около 6,0 см. Шифр: МЗСК КП-683/41, СК-86, к.о. 65а. Происходит из раскопок 1986 г. на участке храма Девы Марии: прирезка к южному борту раскопа перед алтарем, слой, подстилающий фундаменты алтарной части здания. Согласно условиям находки может быть отнесена ко времени не позднее второй половины XIV в. Аналогии пока не найдены. Публикуется впервые.

Завершая характеристику этой серии, отметим, что в XIV–XV вв. передача оперения пернатых чешуйками, а также использование этого декоративного элемента для заполнения фона иных фигур, выполненных в технике полихромного сграффито, было весьма распространенным явлением в керамике Кипра [см., напр.: 47,

р. 89, 119]. Это, в свою очередь, может свидетельствовать как о проявлении общего источника влияния на керамическое ремесло в двух отдаленных друг от друга регионах – в Крыму и на Кипре (скорее всего, византийской традиции), так и о распространении в границах Восточно-Средиземноморского и Причерноморского регионов схожей керамической моды, осуществившемся благодаря хорошо налаженным морским коммуникациям.

18–20. К наиболее узнаваемой и однообразной относится серия, в которой В.П. Кирилко удалось выделить несколько изделий, принадлежащих руке одного «неизвестного мастера второй половины XV в., создавшего самобытный иконографический тип голубя» (рис. 5,А3) [11, с. 349]. В Судаке она представлена фрагментами трех сосудов (рис. 5,18,19,20). Один из них – это крупный обломок днища чаши, оснащенной довольно высоким кольцевым поддоном (рис. 5,20). На лицевой поверхности сохранилось изображение тулова птицы, развернутой вправо, с плотно прижатым крылом, длинной шеей и пышным хвостом, переданным рядами ломаных линий. Оперение на тулове, шее и крыле показано серией коротких штрихов. Голова, ноги и окончание хвоста утрачены. Пространство вокруг птицы заполняют небольшие завитки. Рисунок выполнен тонким одинарным резцом, подцвечен пятнами зеленой и коричневой красок. Полива практически бесцветная, с легким желтоватым оттенком и мелкими крупными нерастворившегося красителя. Размер фрагмента – 9,0x7,5 см; диаметр поддона – 6,0 см; высота поддона – 2,3 см. Шифр: МЗСК КП-835/7, СК-2011, 8/58, к.о. 68. На двух других мелких фрагментах стенок сохранились только отдельные детали прорисовки головы и шеи (рис. 5,18,19). Размеры обломков – 7,0x4,6 и 3,5x3,2 см. Шифры: МЗСК КП-448, СК-2010, к.о. 38; МЗСК КП-453, СК-2010, к.о. 35. Публикуются впервые. Все эти рисунки имеют близкое сходство с изображениями на чашах и тарелке из раскопок в Алуште и Феодосии/Каффе, представленных В.П. Кирилко, и, соответственно, с большой вероятностью могут быть соотнесены с синхронной продукцией одной и той же мастерской, располагавшейся, скорее всего, в Каффе. По археологическим данным период изготовления серии приходится на 1460–1470-е гг. [11, с. 349–358; 32, с. 88]. Контекст судакских находок не противоречит этой дате. Все три предмета обнаружены в портовой части средневековой Солдайи, в 2010 и 2011 гг., на раскопе VIII, в заполнении позднесредневекового сооружения (днище) и в слоях, связанных с разрушением каменных строений (стенки). Аналоги за пределами Крыма пока неизвестны.

21–25. В следующую серию, с определенной долей условности, можно объединить 5 фрагментированных сосудов с изображением голубей, оперение которых передано прерывистой штриховкой, что роднит их с предыдущей декоративной группой. Однако общие очертания птиц иные (рис. 5,21,22; 6,23,24,25). Крылья во всех случаях украшены небольшим завитком. На трех обломках сохранились элементы сопровождающего растительного декора (рис. 5,21,22; 6,25), среди которых хорошо различимы стилизованные удлинённые копьевидные пальметты, заполненные густой кривой штриховкой вдоль края, символизирующие пальмовые листья (рис.

5,21,22) и миндалевидные фигуры с черенком, заполненные густой сетчатой штриховкой, вероятно, гроздь винограда (рис. 5,22)¹⁰. Параметры фрагментов, шифр и место находки следующие:

21 (рис. 5,21). Фрагменты стенки сосуда открытой формы. Размер – 4,5x2,0–3,7 см. Шифр: МЗСК КП-818/12, СК-2009, п.о. 168. Происходит из раскопок в портовой части Солдаи 2009 г., раскоп VI, заполнение помещения А, не ранее середины XV в.¹¹

22 (рис. 5,22,22а). Крупный обломок дна на кольцевом поддоне и фрагмент венчика одного или подобных сосудов открытой формы. Размер – 12,4x17,5 и 6,3x4,6 см; диаметр поддона – 8,0 см; высота поддона – 2,2 см. Шифр: СК-2009, к.о. 237. Происходит из раскопок в портовой части Солдаи 2009 г., раскоп VI, слой серой рыхлой глины, образовавшейся на полу строения после или в процессе его реконструкции в последней четверти XV в. (помещение В) [34, с. 328, рис. 17,5].

23 (рис. 6,23). Небольшой фрагмент донной части. Размер – 8,5x6,2 см. Шифр: МЗСК КП-317/3, СК-65, к.о. 10. Найден в портовой части Солдаи, на раскопе I, в 1965 г. Детальный контекст не ясен.

24 (рис. 6,24). Обломок дна на кольцевом поддоне. Размер – 4,5x4,5 см; диаметр поддона – 5,0 см; высота поддона – 1,5 см. Шифр: МЗСК КП-759/29, СК-72. Происходит из раскопок на территории Судакской крепости в 1972 г., из заполнения цистерны на участке так называемой «генуэской лоджии», синхронной времени существования постройки, датирующейся в рамках последней четверти XIV в. – 1475 г.

25 (рис. 6,25). Размер фрагмента – 8,5x7,8 см; диаметр поддона – 5,4 см; высота поддона – 1,4 см. Шифр: МЗСК СК-2009, к.о. 238. Происходит из раскопок в портовой части Солдаи в 2009 г., раскоп VI, слой серой рыхлой глины, образовавшейся на полу строения после или в процессе его реконструкции в последней четверти XV в. (помещение В) [34, с. 328, рис. 17,7].

Три изделия (№№ 21, 23, 24) публикуются впервые. Представители этой стилистической серии известны среди керамических находок на цитадели Мангупа, где они происходят из верхних слоев, датируемых преимущественно 1420–1470-ми гг. [6, рис. 14,6,7]. Таким образом, хронологическая позиция серии может быть определена в рамках первой – третьей четверти XV в., чему не противоречит и контекст судакских находок.

Близкие аналогии за пределами Крыма пока не найдены. В то же время, прием изображения оперения птиц мелкими штрихами, часто в сочетании с завитком на крыле, как и чешуйчатое заполнение, хорошо известен на керамике XIII–XIV вв. центральных районов Византии [см., напр.: 22, таб. 144; 48, р. 151, kat. 312; 39, р. 276–277, kat. 446, 448, Tabl. 81], откуда, видимо, проникает в декоративное искусство окрестных регионов [см., напр.: 5, обр. 71–74], в том числе в Крым. В XV–XVI вв. аналогичный способ отмечен в солоникийской полихромной керамике [43, р. 271, No. 338].

¹⁰ О трактовке и символическом смысле изображения см. [7, с. 21–22].

¹¹ О хронологии комплекса см. [34].

26. Еще один вариант сюжетной композиции, включающей голубя среди растительных мотивов в виде полупальметт, также может быть отнесен к серийным. В Судаке он представлен обломком верхней части корпуса с венчиком небольшой чашки с покатыми стенками и утончающимся кверху краем (рис. 7,26). На нем сохранилось изображение головы птицы с небольшим, приподнятым кверху клювом и круглым глазом, опоясанным спиралью, расположенной между двух полупальметт. Рисунок подцвечен мазками коричневой и зеленой краски, заполняющими контуры гравированных фигур, слегка выступая за них, и дополнен крупными точками темно-коричневой краски. Размер фрагмента – 6,8x4,6 см; диаметр венчика – 13,8 см. Шифр: МЗСК КП-692/63, СК-85, к.о. 125. Найден при раскопках в квартале I в 1985 г., на участке перед крыльцом генуэзской башни 5, возведенной в третьей четверти XIV в., в слое, синхронном времени ее сооружения. Публикуется впервые.

Аналогичный по стилю и манере рисунок известен на чаше иного типа из раскопок городища в Алуште (рис. 7,44), что позволяет соотнести оба изделия с одной серией, произведенной, скорее всего, в хронологически близкий период в одной мастерской. Алуштинский экземпляр происходит из слоев, связанных с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов второй половины XIV – XV в. и может быть датирован временем не ранее 1360-х гг. [32, рис. 89,2]¹². Иные параллели пока не обнаружены.

Остальные полихромные изображения, хоть и имеют порой некоторое сходство между собой и с предыдущими серийными экземплярами, однако их пока сложно объединить в какие-то определенные серии.

27. Днище чаши с частично сохранившимся изображением шагающей вправо птицы (голубя?) (рис. 6,27). Голова, окончание хвоста и нижняя часть ног утрачены. Рисунок выполнен одинарной линией, довольно натуралистичный, хорошо передает особенности конфигурации профиля пернатого. Крыло сложено, слегка приподнято над туловом, его верхняя часть отделена парой дуговидных линий, остальная часть и голени заполнены штриховкой. Сверху и спереди от птицы видны фрагменты заштрихованных фигур с округлыми очертаниями, возможно, пальмовых листьев. Рисунок подкрашен мазками зеленой и коричневой краски, примерно совпадающими с прочерченными контурами. Размер фрагмента – 7,0x5,8 см; диаметр дна – 6,2 см; высота поддона – 1,7 см. Шифр: МЗСК КП-475, СК-12, к.о. 170. Найден при раскопках в портовой части Солдайи в 2012 г. (раскоп VIII), в слое, подстилающем фундаменты жилых построек второй половины XIV в. Прямые аналогии обнаружить пока не удалось. Однако сюжет рисунка, конфигурация профиля птицы и отдельные детали, например, прорисовки крыла, находят близкое сходство с серией византийских чаш с голубями в выемчатой и сграффито технике, получившими широкое распространение в середине – второй половине XIV в. (лит. см. к № 8 этого каталога). Не исключено, что в данном случае представлен один из вариантов их местного подражания.

¹² О хронологии позднесредневековой жилой застройки городища см. [26, с. 332–333].

Сюжетные линии на других рисунках не всегда столь очевидны, да и сами изображения порой не поддаются уверенной интерпретации.

28-30. На двух обломках днищ чаш и одной керамической плитке фрагментарно сохранились довольно схематичные, сходные по общим очертаниям и некоторым деталям изображения пернатых, возможно, голубей, в профиль (рис. 6,28–30). У них каплевидной тулово, заполненное вертикальными волнистыми линиями разной конфигурации, и приподнятое над ним маленькое, заштрихованное горизонтально, крыло.

28 (рис. 6,28). Размер фрагмента – 7,3x5,9 см; диаметр поддона – 4,4 см; высота поддона – 1,1 см. Шифр: МЗСК КП-692/84, СК-85, к.о. 125. Происходит из раскопок 1985 г. квартала I на участке у башни № 5, из слоя, подстилающего пол хозяйственного двора. Публикуется впервые.

29 (рис. 6,29). Размер фрагмента – 9,1x8,2 см; диаметр поддона – 8,5 см; высота поддона – 1,2 см. Шифр: СК-87. Найден в 1987 г. у куртины XIV, на участке ремесленных мастерских, разрушенных, предположительно, в 1365 г., в слое, залегавшем на полу помещения Б [2, с. 551, рис. 23,3]. Таким образом, по условиям находки изделие может быть датировано временем не позднее второй трети XIV в.

30 (рис. 6,30). Размер фрагмента – 12,4x3,2 см. Шифр: МЗСК КП-670/12, СК-73, к.о. 111. Найден в 1973 г. в слое разрушения ремесленной мастерской, перекрытой превратной башней Бернабо ди Франки ди Пагано 1414 г. и генуэзскими фортификационными сооружениями третьей четверти XIV в., существовавшими на этом месте до строительства башни.

31. Небольшой обломок придонной части с остатками изображения верхней части корпуса птицы анфас, с развернутой влево головой и двумя мелкими распростертыми крыльями (рис. 6,31). Голова с заостренным клювом приподнята кверху, глаз миндалевидный, дополнен небольшим завитком, шея выделена опоясывающим ее кольцом. Тулово заполнено вертикальными волнистыми линиями, крылья подчеркнуты двумя вертикальными штрихами. Рисунок подцвечен мазками зеленой и коричневой краски. Глазурь светло-желтая. Размер фрагмента – 10,2x8,4 см; диаметр поддона – 8,2 см; высота поддона – 1,2 см. Шифр: СК-87, к.о. 47. Найден в 1987 г. у куртины XIV, на участке ремесленных мастерских, разрушенных, предположительно, в 1365 г., в слое, залегавшем на полу помещения Б [2, с. 551, рис. 23,2]. Соответственно, по условиям находки изделие может быть датировано временем не позднее второй трети XIV в.

Аналогии пока найти не удалось, равно как и определить видовую принадлежность пернатого, поскольку рисунок довольно схематичный. Поза птицы более характерна для представителя семейства ястребиных [см., напр.: 48, р. 107, 131, №№ 214, 269; 7, с. 25–26; 40, р. 335–338], хотя на поздневизантийской керамике распростерты крылья встречаются также и у голубей [46, р. 96, No. 111; 48, р. 157, No. 327].

32. Фрагмент дна блюда с изображением длинноногой шагающей влево птицы (рис. 6,32). Частично уцелело вытянутое по горизонтали туловище, заполненное

вертикальными рядами крупных чешуек, и довольно мощные ноги с прорисованными в виде разомкнутого овала пальцами. Пернатое по габитусу походит на дрофу. Выше птицы сохранился небольшой участок ленточного декора. В дополнительной раскраске графического рисунка использованы три краски: коричневая, зеленая и пурпурно-коричневая (марганец). Глазурь слабо окрашена в желтый цвет, с незначительным количеством мелких коричневых крупиц. Размер фрагмента – 9,5x13,2 см; диаметр поддона – 8,3 см; высота поддона – 0,9 см. Шифр: СК-99, к.о. 59. Обнаружен в 1999 г. при раскопках в квартале 1, на участке 3, в слое, подстилающем генуэзскую оборонительную стену третьей четверти XIV в. Публикуется впервые. Аналогии найти пока не удалось.

33. Крупный фрагмент дна чаши с весьма схематичным изображением птицы, возможно, водоплавающей, в окружении растительности, от которой уцелел выходящий побег с мелкими парными листьями и верхушка треугольной или сердцевидной фигуры, заштрихованной сеткой (рис. 6,33). Рисунок выполнен тонкой одинарной линией. Птица развернута влево. У нее длинное, вытянутое по горизонтали тулово, заполненное вертикальными рядами из мелких штрихов, короткая тонкая шея, опоясанная кольцом, и довольно массивная подтреугольной формы голова с удлиненным клювом и маленьким, смещенным к шее глазом. У основания шеи изображено миниатюрное, выступающее вперед правое крыло, ниже которого прорисована выброшенная вперед правая нога с тремя дугообразными пальцами. Рисунок подцвечен коричневой и зеленой краской. Глазурь светло-желтая с мелкими коричневыми крупицами. Размер фрагмента – 14,3x9,9 см; диаметр поддона – 6,9 см; высота поддона – 1,4 см. Шифр: МЗСК КП-133, СК-83, к.о. 55. Происходит из стратиграфического горизонта, связанного с возведением генуэзской оборонительной стены 1370–1380-х гг., раскопки 1983 г. в квартале I. Публикуется впервые. Точные аналогии не найдены, однако следует отметить близкое по композиции и общей конфигурации корпуса, однако более реалистичное изображение птицы, определяемой как Египетский гусь (*Alopochen aegyptiacus*) на чаше XIV в. из Старого Крыма [50, fig. 5].

34. Следующий крупный обломок поля тарелки, с кольцевым поддоном и выходом на горизонтальный борт, украшен сюжетным рисунком с участием птицы и рыбы (рис. 7,34). Рисунок выполнен одинарной тонкой линией. В центре располагалось изображение птицы, от которой на фрагменте уцелела только верхняя часть тонкой шеи, а также голова с длинным клювом и крупным округлым глазом. Сверху помещено изображение рыбы. Борт украшен расположенными зигзагом миндалевидными лепестками. Рисунок подцвечен пятнами зеленой и коричневой краски. Глазурь бледно-зеленая. Размер фрагмента – 8,2x8,0 см; диаметр поддона – 8,1 см; высота поддона – 1,2 см. Шифр: МЗСК КП-682/27, СК-83, к.о. 51. Происходит из стратиграфического горизонта, связанного с возведением генуэзской оборонительной стены 1370–1380-х гг., раскопки 1983 г. в квартале I. Публикуется впервые. Аналогии не найдены. В то же время, следует отметить, что сюжетная композиция с

участием птицы и рыбы известна, например, на обломке чаши из Старого Крыма [25, рис. 2,13], однако там животные выполнены в иной манере.

35–36. Два мелких фрагмента дна с изображением длинношеих птиц, развернутых вправо (рис. 7,4,5). Частично уцелела верхняя часть корпуса и голова пернатых, а также край копьевидного, скорее всего, пальмового листа, заполненного кривой штриховкой, перед каждой из них. Одна из орнитоморфных фигур заштрихована горизонтальными линиями, вторая – сеткой. Параметры, шифр и условия находки фрагментов следующие:

35. Размер фрагмента – 5,3x5,8 см; диаметр поддона – 5,5 см. Шифр: СК-2009, к.о. 256. Происходит из раскопок в портовой части Солдайи 2009 г., раскоп VI, слой серой рыхлой глины, образовавшейся на полу строения после или в процессе его реконструкции в последней четверти XV в. (помещение В) [34, с. 328, рис. 17,4].

36. Размер фрагмента – 6,2x7,1 см; диаметр поддона – 6,5 см. Шифр: СК-87. Обломок найден в 1987 г. на полу помещения Б комплекса ремесленных мастерских на участке куртины XIV, прекратившем существование, как считается, в связи с захватом крепости генуэзцами в 1365 г. [2, с. 551, рис. 23,5]. Таким образом, может быть датирован временем не позднее второй трети XIV в.

Расположение справа от птиц стилизованных пальмовых листьев свидетельствует в пользу возможной интерпретации пернатых на обеих чашах как голубей, изображенных в комбинации с пальмовой ветвью, то есть в типичной для поздневизантийской традиции манере (см. № 8 из списка импорта). Кроме того, заполнение шеи одной из птиц густой горизонтальной штриховкой (№ 35) также вполне характерно для этого рода керамики [см., напр.: 22, табл. 32,111; 39, р. 366–367, 439, kat. 871–873, 1043, Taf. 108; 109; 131; 43, р. 241, No. 249]. Следовательно, оба изделия являются, скорее всего, вариациями близких подражаний поздневизантийским чашам с соответствующим сюжетом и могут быть датированы второй половиной XIV в.

Таким образом, поливные сосуды с изображением различных пернатых довольно хорошо представлены в коллекции поливной керамики из музея-заповедника «Судакская крепость» как на привозной, так и на посуде крымского производства. На изделиях византийского круга, которые датируются XIII и XIV вв., это преимущественно представители семейства ястребиных (вероятнее всего, орел) и голубиных (голубь). Образы этих птиц имеют древние корни в качестве космологических символов в культуре Востока и в христианском мире, где они наделялись разным семантическим значением.

Хищная птица, в частности – орел, в мировоззрении и изобразительном искусстве народов Востока занимает особое место как символ, связанный с солнцем, высшими божественными силами, верховной властью, победой, воинской отвагой и пр. Имея сходное значение и в византийском мире, орел здесь ассоциируется также с образом Христа во власти, Вознесения, очищения от гре-

хов, своеобразного оберега и пр. [детальнее см., напр.: 7, с. 26]. На продукции крымских мастерских изображения хищных птиц редки. В судакской коллекции к их числу, возможно, принадлежит лишь № 15. Другой вариант рисунка орла на чаше группы ЮВК происходит из Чембало [7, с. 26–27, рис. 2,5]. По мнению Н.В. Гинькут, изображение орла на утилитарных предметах могло играть роль своеобразного апотропея [7, с. 27]. Не исключено, что на сосуде из Судака он выполнял ту же функцию.

Широкая популярность голубя в декоративно-прикладном искусстве Византии связана, скорее всего, с его особым местом в христианском мировоззрении, где голубь, в первую очередь, ассоциируется с библейским Святым Духом, Христом, невинной душой и т.п. [см., напр.: 18, с. 174; 7, с. 20–21]. Голубь нередко изображался в сопровождении пальмовых ветвей и/или гроздей винограда, также имеющих глубокий смысл в христианстве, символизируя, соответственно, духовную победу над смертью и Причастие [7, с. 21–23]. Н.В. Гинькут вполне обоснованно предполагает, что чаши с изображением голубя в композиции с пальмовой или оливковой ветвью следует относить к литургическим сосудам, задействованным, например, в обряде причастия [7, с. 23–25]. Голубь наиболее часто встречается и на поливной посуде крымского производства, как XIV, так и XV вв., где его образ, наиболее вероятно, также связан с христианской символикой и византийской традицией. Манера изображения и сюжетные композиции с голубями на местной посуде подчас имеют близкие параллели в декоративно-прикладном искусстве центрально-византийских земель. В то же время, есть и довольно оригинальные рисунки этих птиц, демонстрирующие индивидуальное творчество местных мастеров. При этом вариантов изображений довольно много [см., напр.: 19, рис. 10,24; 7, с. 26, рис. 1,2; 6, рис. 14,6,7; 11; 17, рис. 7,6,7; 17,3; 18,3,4; 25, рис. 3,18,19; 4,23; 5,30; 27, рис. 29,5,6,10–13; 30, рис. 10,19,21; 32, с. 88, рис. 78,15; 89; 90,5,7; 115; 50, fig. 2 и др.]. По некоторым рисункам можно определить даже породу птицы, которую изобразил художник-керамист. Например, более-менее уверенно идентифицирован почтовый голубь и веерохвост [50, fig. 2], а также, возможно, кольчатая горлица [25, с. 338].

Кроме того, на продукции крымских мастерских в коллекции музея-заповедника «Судакская крепость» представлены еще как минимум четыре вида птиц, предположительно определяемых как лебедь, дрофа, гусь или утка и цапля или журавль (?). Гусю и утке отводилась особая роль в мировоззренческих системах Востока, в том числе в тюркском искусстве [см., напр.: 13, с. 76–77]. Вероятно, использование их в декоре поливной посуды в Крыму связано с влиянием восточных культурных традиций, пришедших на полуостров вместе с многочисленным новым населением в золотоордынское время.

В завершение отметим, что на крымской керамике орнитоморфные образы значительно превосходят по своему стилистическому и видовому разнообразию привозные варианты. К настоящему времени здесь отмечены изображения более

десятка видов пернатых [7, с. 26–29; 25; 50]. При этом, среди них есть не только представители типичной для Крыма фауны, но и экзотические виды, которые не обитают на полуострове (*Acryllium vulturinum*, *Alopochen aegyptiacus* и *Cursorius cursor* или *Pluvianus aegyptius*?) [50]. Изучение их символического смысла и истоков появления в местном декоративно-прикладном искусстве, безусловно, нуждаются в отдельном специальном исследовании.

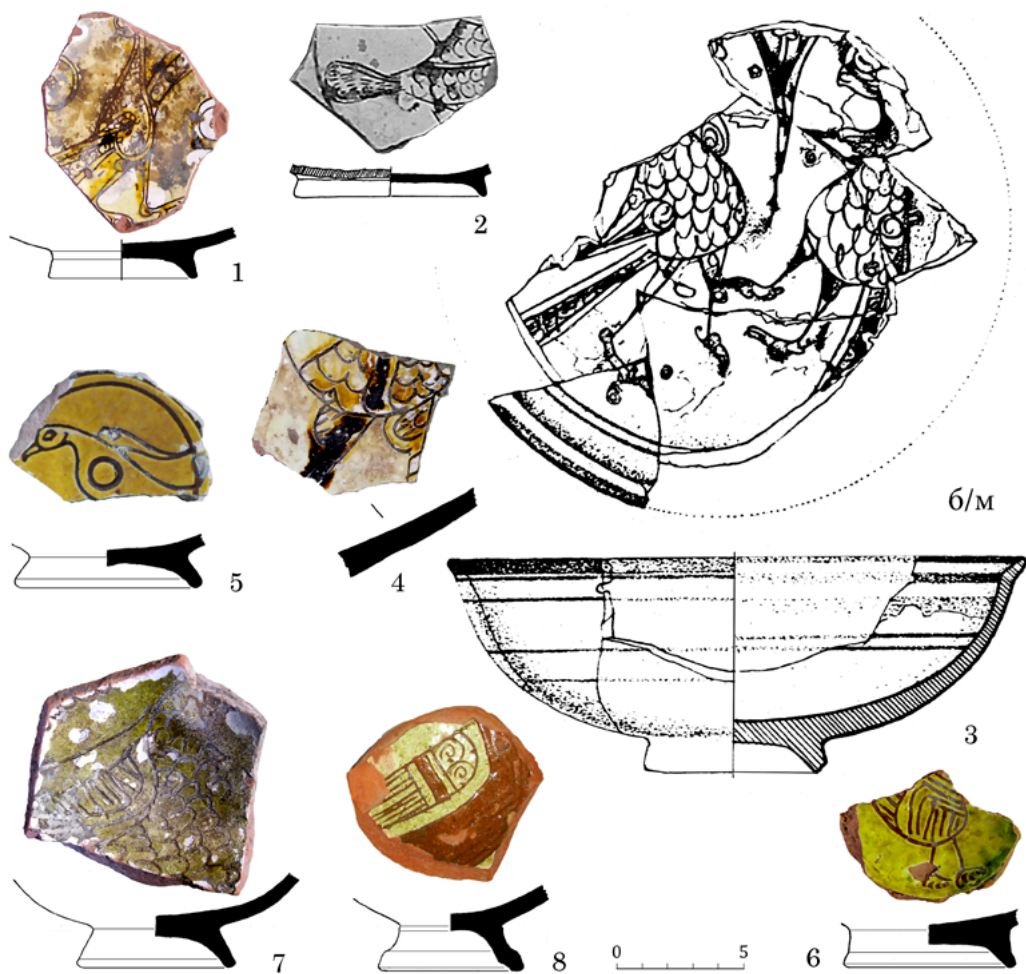

Рис. 1. Коллекция музея-заповедника «Судакская крепость». Красноглиняная поливная керамика с изображением птиц. Импорт
Fig. 1. Museum Preserve of Sudak Fortress collection. Glazed red-clay ceramic ware with images of birds. Imported

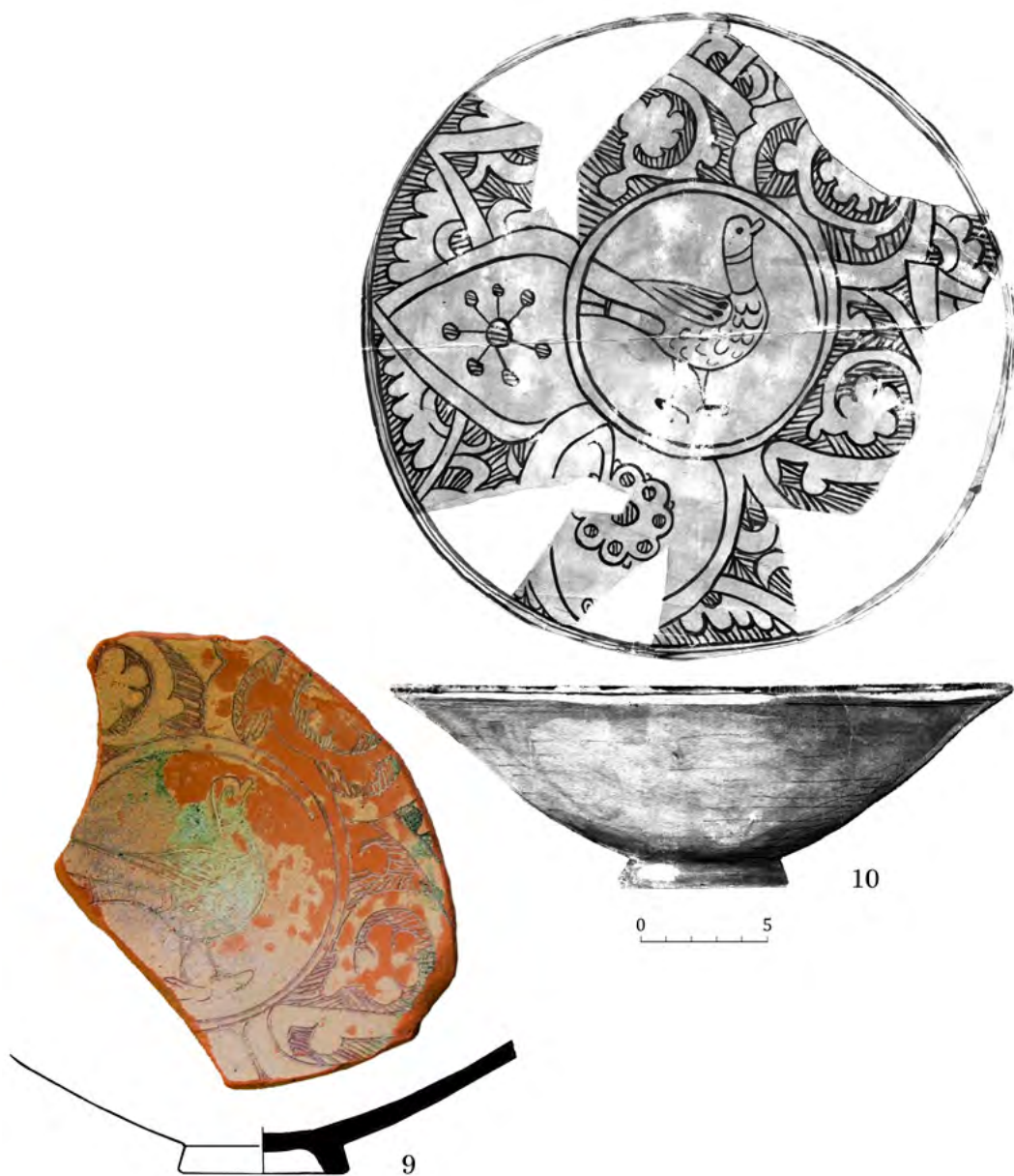

Рис. 2. Коллекция музея-заповедника «Судакская крепость». Красноглиняная поливная керамика с изображением птиц. Импорт

Fig. 2. Museum Preserve of Sudak Fortress collection. Glazed red-clay ceramic ware with images of birds. Imported

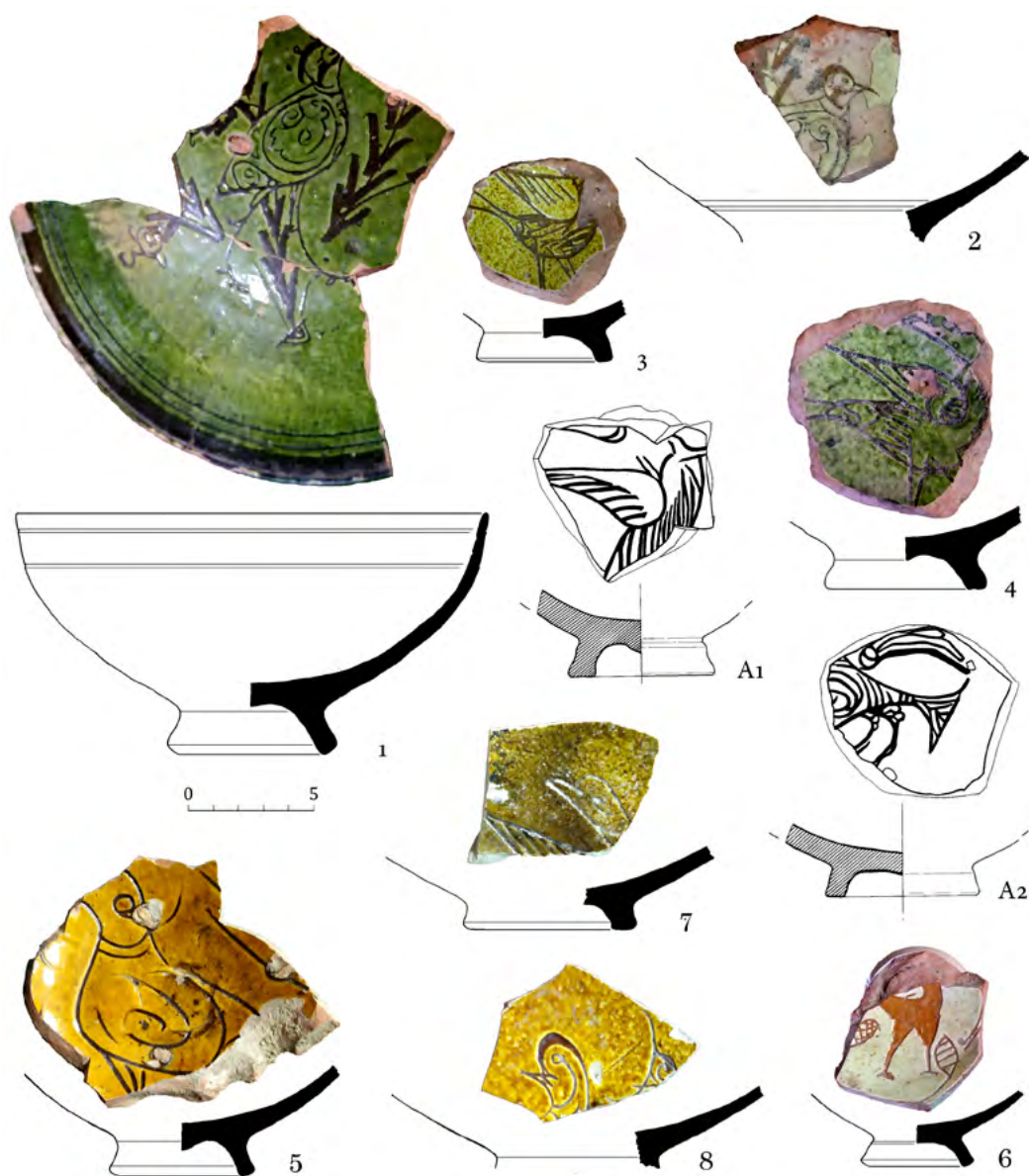

Рис. 3. Коллекция музея-заповедника «Судакская крепость» (1–8) и Национального заповедника «София Киевская» (A1, A2). Красноглиняная поливная керамика с изображением птиц. Группа Юго-Восточный Крым

Fig. 3. Collections of the Museum Preserve of Sudak Fortress (1–8) and the National Preserve of Sophia of Kiev (A1, A2). Glazed red-clay ceramic ware with images of birds. The South-Eastern Crimea group

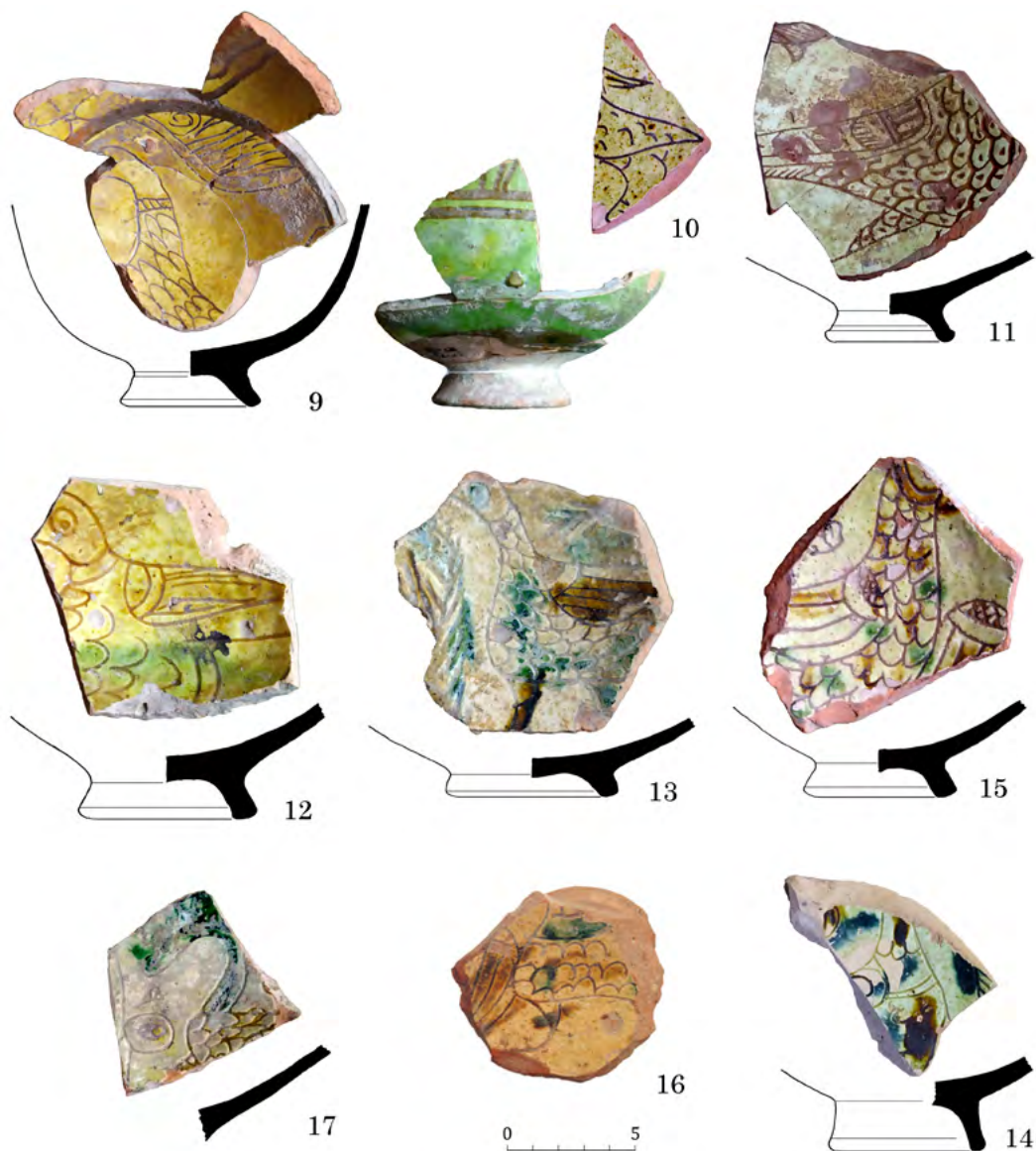

Рис. 4. Коллекция музея-заповедника «Судакская крепость». Красноглиняная поливная керамика с изображением птиц. Группа Юго-Восточный Крым
Fig. 4. Museum Preserve of Sudak Fortress collection.
Glazed red-clay ceramic ware with images of birds. The South-Eastern Crimea group

Рис. 5. Коллекции музея-заповедника «Судакская крепость» (18–22) и Феодосийского краеведческого музея (A3). Красноглиняная поливная керамика с изображением птиц. Группа Юго-Восточный Крым
Fig. 5. Collections of the Museum Preserve of Sudak Fortress (18–22) and Feodosia Regional Museum (A3). Glazed red-clay ceramic ware with images of birds. The South-Eastern Crimea group

Рис. 6. Коллекция музея-заповедника «Судакская крепость». Красноглиняная поливная керамика с изображением птиц. Группа Юго-Восточный Крым
Fig. 6. Museum Preserve of Sudak Fortress collection. Glazed red-clay ceramic ware with images of birds. The South-Eastern Crimea group

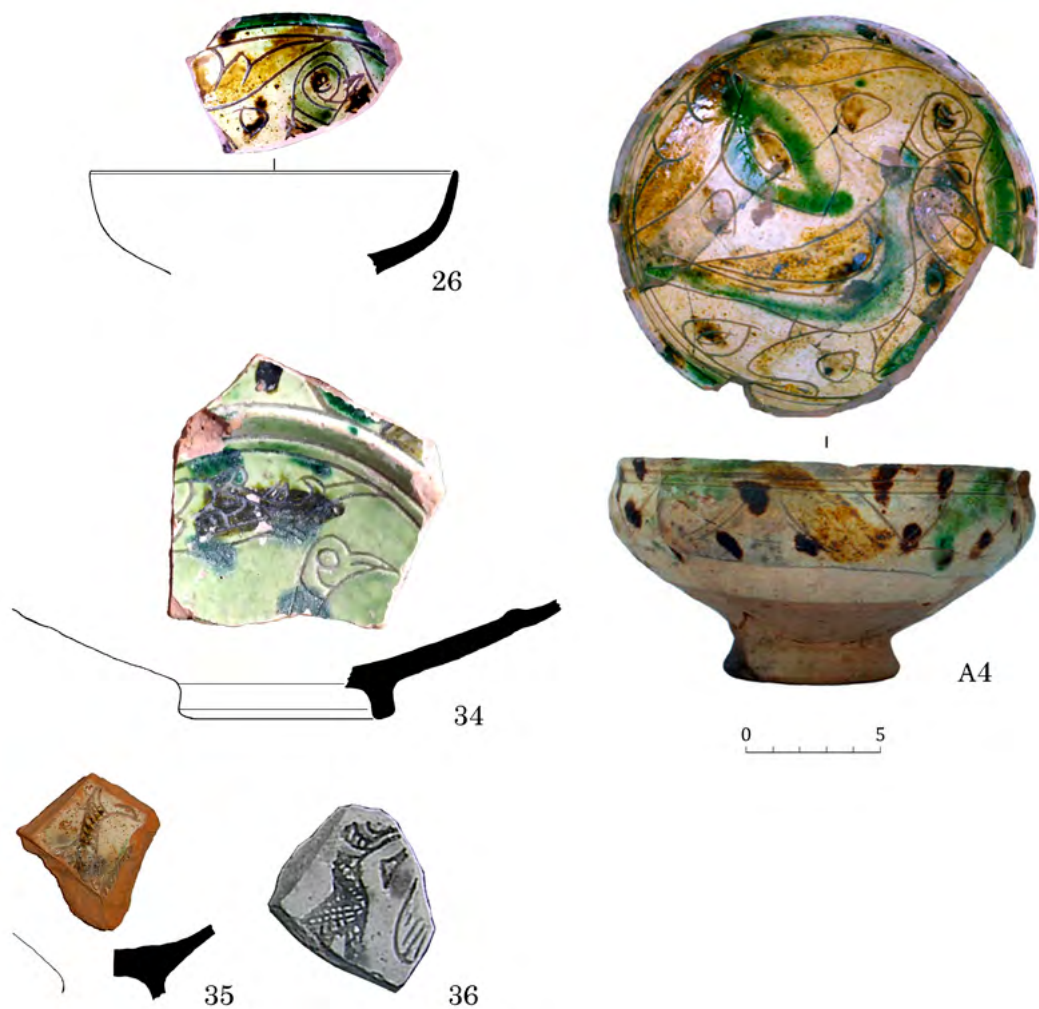

Рис. 7. Коллекции музея-заповедника «Судакская крепость» (26, 34–36) и Алуштинского краеведческого музея (А4). Красноглиняная поливная керамика с изображением птиц. Группа Юго-Восточный Крым
Fig. 7. Museum Preserve of Sudak Fortress (26, 34–36) and Alushta Regional Museum (A4) collections.
Glazed red-clay ceramic ware with images of birds. The South-Eastern Crimea group

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адаксина С.Б. Изображения животных и птиц на средневековой керамике Крыма // Историко-культурные связи Причерноморья в X–XVIII вв. (по материалам поливной керамики). Симферополь, 1998. С. 5–7.
2. Баранов И.А. Комплекс третьей четверти XIV века в Судакской крепости // Сугдейский сборник. Киев, Судак, 2004. Вып. I. С. 524–559.
3. Баранов И.А., Майко В.В. Комплекс поливной керамики из раскопок храма Девы Марии в Сугдее // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики: тезисы докл. науч. конф. (Ялта, 25–29 мая 1998 г.). Симферополь, 1998. С. 24–28.
4. Біляєва С.О., Гаврись Г.Г., Фіалко О.Є. Птахи у витворах середньовічного мистецтва Північного Причорномор'я // Археологія і давня історія України. Київ, 2018. Вип. 3 (24). С. 156–161.
5. Георгиева С. Керамиката от двореца на Царевец // Царевград Търнов: Дворецът на българските царе през Втората българска държава. 2: Керамика, битови предмети и въоръжение, накити и тъкани / Ред. М. Чакърва. София: БАН, 1974. С. 7–186.
6. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Стило, 2005. Т. I. С. 257–287.
7. Гинькут Н.В. Изображение птиц на поливной керамике крепости Чембало: техника, декор, символика // Символ в религии и философии. Севастополь, 2005. С. 19–36.
8. Давлетшина Е.Р. Образ птицы в поливной керамике Золотой Орды XIII–XIV вв. // Золотоордынское наследие. Казань, 2009. Вып. 1. С. 471–478.
9. Джанов А.В. Меднолитейная мастерская XIV века на посаде Сугдеи // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 2001. С. 151–153.
10. Залеская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства. Византийская керамика IX–XV веков. Каталог коллекции. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2011. 256 с.
11. Кирилко В.П. К вопросу об авторской идентификации некоторых средневековых керамических изделий // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Стило, 2005. Т. I. С. 349–358.
12. Лисова Н.Ф. Изображения животных и птиц на золотоордынской бытовой поливной керамике Нижнего Поволжья // История и культура Улуса Джучи. Казань, 2007. С. 202–219.
13. Лисова Н.Ф. Орнамент глазурованной посуды золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Казань: Институт истории АН РТ, 2012. 184 с. (Серия «Археология евразийских степей», 15).
14. Майко В.В. Неизвестные страницы археологического изучения средневековой Сугдеи в 1925–1931 гг. // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев / Ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 232–271.
15. Майко В.В., Джанов В.В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. Симферополь: Ариал, 2015. 448 с.
16. Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 году. 2006. Вып. 21. С. 308–472.
17. Масловский А.Н. Восточнокрымский поливной импорт в золотоордынском Азаке. Вопросы хронологии // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья, X–XVIII века / Ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдииков. Казань, Кишинев: Stratum, 2017. Т. 2. С. 455–490.
18. Муратова К. Средневековый bestiary. М.: Искусство, 1984. 242 с.
19. Паршина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965–1969 гг.) // Феодальная Таврика / Ред. С.Н. Бибииков. Киев: Наукова думка, 1974. С. 56–94.
20. Романчук А.И. Глазурованная керамика поздневизантийского Херсона: к вопросу о гибели города в XIII или XIV в. // АДСВ. 1999. Вып. 30. С. 187–415.
21. Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург: УрГУ, 2000. 266 с.
22. Романчук А.И. Глазурованная посуда поздневизантийского Херсона. Портовый район. Екатеринбург: УрГУ, 2003. 224 с.

23. Романчук А.И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Т. 2: Византийский город. Тюмень: Изд-во Тюменского ГУ, 2008. 544 с.
24. Романчук А.И., Перевозчиков В.И. Глазуванная керамика из Азова (херсоно-азакские параллели в орнаментике) // АДСВ: Византия и сопредельный мир. Свердловск, 1990. С. 94–136.
25. Сейдалиева Д.Э. Изображение птиц на золотоордынской керамике Солхатского городища и округи // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 335–362.
26. Тесленко И.Б. Производство поливной керамики в крепости Алустон (Крым). Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005. Т. I. С. 332–333.
27. Тесленко И.Б. Виробництво поливної посуду в Криму за часів Улуг Улусу // Археологія і давня історія України. 2018. Вип. 4 (29). С. 7–83.
28. Тесленко И.Б. Поливная керамика византийского круга эпохи Палеологов из раскопок крепости в Алуште // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 467–506.
29. Тесленко И.Б. Византийський полив'яний посуд XIII ст. в Криму (короткий огляд) // Археологія і давня історія України. 2020. Вип. 2(35). С. 395–404.
30. Тесленко И.Б. Керамические маркеры миграций в Крыму последней трети XIII–XIV вв. (по материалам местного гончарства) // *Stratum plus*. 2020. № 6. С. 153–176.
31. Тесленко И.Б. Керамика из раскопок центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2019 гг. // Итоги археологических исследований центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. / Ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антиква, 2021. С. 144–281. (Серия «Материалы Эски-Керменской экспедиции», вып. 1).
32. Тесленко И.Б. Керамика Крыма XV в. Киев: ИА НАН Украины, 2021. 308 с.
33. Тесленко И.Б., Майко В.В. «Elaborate Incised Ware» византийского круга из Судака и его окрестностей // *ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Материалы XI научной конференции (Севастополь – Балаклава, 3–7 июня 2019 г.)*. Севастополь, 2019. С. 199–208.
34. Тесленко И.Б., Майко В.В. Керамический комплекс позднесредневековых усадеб в портовой части Судака (по материалам раскопа VI, 2006–2010 гг.) // История и археология Крыма. 2020. Вып. XII. С. 291–311.
35. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). М.: Изд-во АН СССР, 1950. 256 с. (МИА. № 17).
36. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 164 с.
37. Berti G., Gelichi S. “Zeuxippus Ware” in Italy // *Materials Analysis of Byzantine Pottery* / Ed. H. Maguire. Washington D.C., 1997. P. 85–104.
38. Bongianino U. «And their figures and colours should be different». Incised and carved glazed wares from Fatimid Fustāṭ in the Martin Collection (International Museum of Ceramics, Faenza). Part I // *Faenza*. 2014. No. 2. P. 28–48.
39. Böhlendorf-Arslan B. Medieval Cypriot Pottery in Turkey and Germany: an overview of Distribution in Archaeological Sites and Collections // *Cypriot Medieval Ceramics. Reconsiderations and New Perspectives* / Eds. D. Papanikola-Bakirtzi, N. Coureas. Nicosia: Leventis Foundation, 2014. P. 77–103.
40. Bollók Á. The Birds on the Braid Ornaments from Rakamaz: a View from the Mediterranean // *Byzanz – Das Römerreich im Mittelalter. Teil 3: Peripherie und Nachbarschaft* / Hrsg. F. Daim, J. Drauschke. Mainz, 2010. P. 331–368. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Bd. 84).
41. Fehérvári G. *Ceramics of the Islamic World in the Tareq Rajab Museum*. London, New York, N.Y.: I.B. Tauris, 2000. 448 p.
42. François V. Les ateliers de céramique byzantine de Nicée/Iznik et leur production (Xe – début XIVe siècle) // *Bulletin de Correspondance Hellénique*. 1997. Vol. 121(1). P. 411–442.
43. François V. *La vaisselle de terre à Byzance: catalogue des collections du musée du Louvre*. Paris: Le Louvre, Somogy, 2017. 456 p.
44. Karasu Y.E., Özkul Findik N. Figured Ceramics Found at Komana (Tokat) Excavations // *Komana Small Finds (Settlement Archaeology Series 7 – Yerleşim Arkeolojisi Serisi 7)* / Eds. M. Acara Eser, B.D. Erciyas. Istanbul: Ege Yayinlari, 2019. P. 103–130.

45. Özkul Findik N. Iznik Sirli Seramikleri Roma Tiyatrosu Kazisi (1980–1995). Ankara: Bilgin Kültür Sanat; Limited Edition, 2014. 176 p.
46. Papanikola-Bakirtzi D. (ed.). Byzantine Glazed Ceramics. Athens: Archaeological Receipts Fund, 1999. 270 p.
47. Papanikola-Bakirtzi D. Colours of Medieval Cyprus. Through the Medieval Ceramic Collection of the Leventins Municipal Museum of Nicosia. Nicosia: Anastasios G. Levantis Foundation, 2012. 167 p.
48. Papanikola-Bakirtzi D., Mavrikiou F.N., Bakirtzis Ch. Byzantine Glazed Pottery in the Benaki Museum. Athens: Benaki Museum, 1999. 204 p.
49. Rougeulle A. The Sharma horizon: sgraffiato wares and other glazed ceramics of the Indian Ocean trade (ca 980–1150) // Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. 2005. 35. P. 223–246.
50. Teslenko I., Gavis G. Images of birds on the glazed ceramics from the Crimean workshops // Proceeding of 12th International Congress on Medieval & Modern Period Mediterranean Ceramic (Athens, Greece, 21–27.10.2018). Athens, 2021 (in print).
51. Teslenko I., Waksman S.Y., Ginkut N. Late Byzantine imports in the Crimea: archaeological contexts and archaeometric investigations // Proceeding of 12th International Congress on Medieval & Modern Period Mediterranean Ceramic (Athens, Greece, 21–27.10.2018). Athens, 2021 (in print).
52. Von Wartburg M.-L. Bowls and Birds: Some Middle Byzantine Glazed Bowls from Swiss Private Collections // Mosaic: Festschrift for A. H. S. Megaw / Eds. J. Herrin, M. Mullett, C. Otten-Froux. Athens, 2001. P. 115–129. (British School at Athens Studies, 8).
53. Waksman S.Y. The first workshop of Byzantine ceramics discovered in Constantinople/Istanbul: chemical characterization and preliminary typological study // Atti del IX Congresso Internazionale sulla Ceramica Medievale nel Mediterraneo, Venezia, 23–27 novembre 2009. Venezia, 2012. P. 147–151.
54. Waksman S.Y., François V. Vers une redéfinition typologique et analytique des céramiques byzantines du type Zeuxippus Ware // Bulletin de Correspondance Hellénique. 2004. Vol. 128 (21). P. 629–724.
55. Waksman S.Y., Teslenko I. “Novy Svet Ware”, an Exceptional Cargo of Glazed Wares in a 13th Century Shipwreck near Sudak (Crimea, Ukraine). Morphological Typology and Laboratory Investigations // International Journal of Nautical Archaeology. 2010. Vol. 39.2. P. 357–375.
56. Watson O. Ceramics from Islamic Lands. London: Thames & Hudson, 2004. 512 p.

REFERENCES

1. Adaksina S.B. Images of animals and birds on medieval ceramics of Crimea. *Istoriko-kul'turnye svyazi Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (po materialam polivnoi keramiki)* [Historical and cultural ties of the Black Sea region in the 10th–18th centuries (based on materials of Glazed ceramics)], Simferopol, 1998, pp. 5–7.
2. Baranov I.A. Complex of the third quarter of the 14th century in the Sudak fortress. *Sugdeiskii sbornik* [Sugdeja collection], 2004, vol. 1, pp. 524–559.
3. Baranov I.A., Maiko V.V. Complex of Glazed ceramics from the excavations of the Church of the Virgin Mary in Sugdeja. *Istoriko-kul'turnye svyazi Prichernomor'ia i Sredizemnomor'ia X–XVIII vv. po materialam polivnoi keramiki* [Historical and cultural ties of the Black Sea region in the 10th–18th centuries (based on materials of Glazed ceramics)], Simferopol, 1998, pp. 24–28.
4. Biliaeva S.O., Gavrish G.G., Fialko O.E. Birds in the works of medieval art of the Northern Black Sea region. *Arheologiya i davnia istoriya Ukrainy* [Archaeology and ancient history of Ukraine], 2018, vol. 3 (24), pp. 156–161.
5. Georgieva S. Ceramics from Tsarevets Palace. Chakrova M. (ed.). *Carevgrad Trnov: Dvoret na blgarskite care prez Vtorata blgarska drzhava. 2: Keramika, bitovi predmeti i vorzhenie, nakiti i tkani* [Tsarevgrad Tyrnov: Palace of the bulgarian kings of the Second Bulgarian Kingdom 2: Ceramics, household objects and weapons, jewelry and fabrics]. Sofija, BAN Publ., 1974, pp. 7–186.
6. Gertcen A.G., Naumenko V.E. Glazed ceramics from excavations of the Mangupa citadel. Botcharov S.G., Mytc V.L. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia X–XVIII vv.* [Glazed ceramics of the Mediterranean and Black Sea region of the 10th–18th centuries], Kiev, Stilos Publ., 2005, vol. 1, pp. 257–287.

7. Gin'kut N.V. Image of birds on Glazed ceramics of the Chembalo fortress: technique, decor, symbols. *Simvol v religii i filosofii* [Symbol in religion and philosophy], Sevastopol, 2005, pp. 19–36.
8. Davletshina E.R. The image of a bird in Glazed ceramics of the Golden Horde of the 13th–14th centuries. *Zolotoordynskoe nasledie* [Golden Horde heritage], Kazan, 2009, vol. 1, pp. 471–478.
9. Dzhanov A.V. Copper foundry workshop of the 14th century at the Sugdeja landing. *Mezhdunarodnye otnosheniia v basseine Chornogo moria v drevnosti i srednie veka* [International relations in the Black Sea basin in antiquity and the Middle Ages], Rostov-na-Donu, 2001, pp. 151–153.
10. Zalesskaia V.N. *Pamiatniki vizantiiskogo prikladnogo iskusstva. Vizantiiskaia keramika IX–XV vekov. Katalog kollektsii* [Monuments of Byzantine applied art. Byzantine ceramics of the 9th–15th centuries. Collection directory]. St.-Petersburg, State Hermitage Publ., 2011, 256 p.
11. Kirilko V.P. On the issue of the author's identification of some medieval ceramic products. Bocharov S.G., Myc V.L. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia X–XVIII vv.* [Glazed ceramics of the Mediterranean and the Black Sea region of the 10th–18th centuries], Kiev, Stilos Publ., 2005, vol. 1, pp. 349–358.
12. Lisova N.F. Images of animals and birds on the Golden Horde household Glazed ceramics of the Lower Volga region. *Istorija i kul'tura Ulusa Dzhuchi* [History and culture of Ulus Juchi], Kazan, 2007, pp. 202–219.
13. Lisova N.F. *Ornament glazurovannoi posudy zolotoordynskikh gorodov Nizhnego Povolzh'ia* [Ornament of glazed utensils of the Golden Horde cities of the Lower Volga region]. Kazan, Institut istorii AN RT Publ., 2012, 184 p.
14. Maiko V.V. Unknown pages of archaeological study of medieval Sugdeja in 1925–1931. Vishniatskii L.B. (ed.). *Neizvestnye stranitsy arkheologii Kryma: ot neandertal'tsev do genuetsev* [Unknown pages of archeology of Crimea: from Neanderthals to Genoese]. St.-Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2017, pp. 232–271.
15. Maiko V.V., Dzhanov V.V. *Arkheologicheskie pamiatniki Sudakskogo regiona Respubliki Krym* [Archaeological monuments of the Sudak region of the Republic of Crimea]. Simferopol, Arial Publ., 2015, 448 p.
16. Maslovskii A.N. Ceramic complex of Azak. Brief description. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2005 godu* [Historical and archaeological research in Azov and Low Don in 2005], 2006, vol. 21, pp. 308–472.
17. Maslovskii A.N. East Crimea Glazed import in the Golden Horde Azak. Chronology issues. Bocharov S.G., Fransua V., Sitdikov A.G. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia, X–XVIII veka* [Glazed ceramics of the Mediterranean and Black Sea region, 10th–18th centuries]. Kazan, Kishinev, Stratum Publ., 2017, vol. 2, pp. 455–490.
18. Muratova K. *Srednevekovyi bestiarii* [Medieval bestiary]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1984, 242 p.
19. Parshina E.A. Medieval ceramics of South Tavrika (based on excavation and exploration materials 1965–1969). Bibikov S.N. (ed.). *Feodal'naia Tavrika*. [Feudal Taurika], Kiev, Naukova dumka Publ., 1974, pp. 56–94.
20. Romanchuk A.I. Glazed ceramics of the late Byzantine Kherson: to the question of the death of the city in the 13th or 14th centuries. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 1999, vol. 30, pp. 187–415.
21. Romanchuk A.I. *Ocherki istorii i arkheologii vizantiiskogo Khersona* [Essays on the history and archeology of Byzantine Cherson]. Ekaterinburg, Ural State University Publ., 2000, 266 p.
22. Romanchuk A.I. *Glazurovannaia posuda pozdnevizantiiskogo Khersona. Portovyi raion* [Glazed dishes of the late Byzantine Kherson. Port area]. Ekaterinburg: Ural State University Publ., 2003, 224 p.
23. Romanchuk A.I. *Issledovaniia Khersonesa-Khersona. Raskopki. Gipotezy. Problemy. T. 2: Vizantiiskii gorod* [Research of Chersonesos-Cherson. Excavations. Hypotheses. Problems. Vol. 2: Byzantine city]. Tyumen, Tyumen State University Publ., 2008. 544 p.
24. Romanchuk A.I., Perevozchikov V.I. Glazed ceramics from Azov (Cherson-Azak parallels in ornamentics). Poliakovskaia M.A. (ed.). *Antichnaia drevnost' i srednie veka: Vizantiia i sopredel'nyi mir* [Antiquity and the Middle Ages: Byzantium and the adjacent world], Sverdlovsk, 1990, pp. 94–136.

25. Seidalieva D.E. Images of birds on the Golden Horde pottery from ancient Solkhat and its environs. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2019, vol. 24, pp. 335–362.
26. Teslenko I.B. Production of glazed ceramics in the fortress of Aluston (Crimea). Bocharov S.G., Myc V.L. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia X–XVIII vv.* [Glazed ceramics of the Mediterranean and the Black Sea region of the 10th–18th centuries], Kiev, Stilos Publ., 2005, vol. 1, pp. 332–333.
27. Teslenko I.B. Production of glazed ceramics in Crimea during the time of Ulug Ulus. *Arkheologiya i davnia istoriia Ukrainy* [Archeology and ancient history of Ukraine], 2018, vol. 4 (29), pp. 7–83.
28. Teslenko I.B. Glazed ceramics of the Byzantine circle of the Palaeologus era from the excavations of the fortress in Alushta. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2018, vol. 23, pp. 467–506.
29. Teslenko I.B. Byzantine glazed ceramics of the 13th century in the Crimea (short review). *Arkheologiya i davnia istoriia Ukrainy* [Archeology and ancient history of Ukraine], 2020, vol. 2 (35), pp. 395–404.
30. Teslenko I.B. Ceramic markers of migration in Crimea in the last third of the 13th–14th centuries (based on a local pottery manufacturing). *Stratum plus*, 2020, no. 6, pp. 153–176.
31. Teslenko I.B. Pottery from the excavations of the central part of the city on the Eski-Kermen plateau in 2018–2019. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. (eds.). *Itogi arkheologicheskikh issledovaniï tsentral'noi chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2018–2020 gg.* [The results of archaeological research of the central part of the city on the Eski-Kermen plateau in 2018–2020]. Simferopol, Antikva Publ., 2021, pp. 144–281.
32. Teslenko I.B. *Keramika Kryma XV v.* [Ceramics of Crimea of 15th century]. Kiev, Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine Publ., 2021, 308 p.
33. Teslenko I.B., Maiko V.V. “Elaborate Incised Ware” of the Byzantine circle from Sudak and its vicinities. *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperija i polis. Materialy XI mezhdunarodnogo vizantiiskogo seminarâ* [11th international Byzantine workshop “Chersonos Themata: the empire and the polis”], Sevastopol, 2019, pp. 199–208.
34. Teslenko I.B., Maiko V.V. The ceramic complex from the Late Mediaeval houses in the port area of Sudak (According to the materials from excavation trench VI, 2006–2010). *Istoriia i arkheologiya Kryma* [History and archaeology of the Crimea], 2020, vol. 12, pp. 291–311.
35. Iakobson A.L. *Srednevekovyi Kherones (XII–XIV vv.)* [Medieval Chersonesos (12th–14th centuries)]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1950, 256 p.
36. Iakobson A.L. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoi Tavriki* [Ceramics and ceramic production of Medieval Taurica]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 164 p.
37. Berti G., Gelichi S. “Zeuxippus Ware” in Italy. Maguire H. (ed.), *Materials Analysis of Byzantine Pottery*, Washington D.C., 1997, pp. 85–104.
38. Bongianino U. “And their figures and colours should be different”. Incised and carved glazed wares from Fatimid Fustât in the Martin Collection (International Museum of Ceramics, Faenza). Part I. *Faenza*, 2014, no. 2, pp. 28–48.
39. Böhlendorf-Arslan B. Medieval Cypriot Pottery in Turkey and Germany: an overview of Distribution in Archaeological Sites and Collections. Papanikola-Bakirtzi D., Coureas N. (eds.), *Cypriot Medieval Ceramics. Reconsiderations and New Perspectives*, Nicosia, Leventis Foundation, 2014, pp. 77–103.
40. Bollók Á. The Birds on the Braid Ornaments from Rakamaz: a View from the Mediterranean. Daim F., Drauschke J. (Hrsg.), *Byzanz – Das Römerreich im Mittelalter: Teil 3: Peripherie und Nachbarschaft*, Mainz, Römisch-Germanischen Zentralmuseum Verlag, 2010, pp. 331–368.
41. Fehérvári G. *Ceramics of the Islamic World in the Tareq Rajab Museum*. London, New York, I.B. Tauris Publ., 2000, 448 p.
42. François V. Les ateliers de céramique byzantine de Nicée/Iznik et leur production (Xe – début XIVE siècle). *Bulletin de Correspondance Hellénique*, 1997, vol. 121 (1), pp. 411–442.
43. François V. *La vaisselle de terre à Byzance: catalogue des collections du musée du Louvre*. Paris, Le Louvre, Somogy, 2017, 456 p.

44. Karasu Y.E., Özkul Findik N. Figured Ceramics Found at Komana (Tokat) Excavations. Acara Eser M., Erciyas B.D. (eds.), *Komana Small Finds* (Settlement Archaeology Series 7 – Yerleşim Arkeolojisi Serisi 7), Istanbul, Ege Yayinlari, 2019, pp. 103–130.
45. Özkul Findik N. *Iznik Sirlı Seramikleri Roma Tiyatrosu Kazisi (1980–1995)*. Ankara, Bilgin Kültür Sanat, Limited Edition, 2014, 176 p.
46. Papanikola-Bakirtzi D. (ed.). *Byzantine Glazed Ceramics*. Athens, Archaeological Receipts Fund, 1999, 270 p.
47. Papanikola-Bakirtzi D. *Colours of Medieval Cyprus. Through the Medieval Ceramic Collection of the Leventins Municipal Museum of Nicosia*. Nicosia, Anastasios G. Levantis Foundation, 2012, 167 p.
48. Papanikola-Bakirtzi D., Mavrikiou F.N., Bakirtzis Ch. *Byzantine Glazed Pottery in the Benaki Museum*. Athens, Benaki Museum, 1999, 204 p.
49. Rougeulle A. The Sharma horizon: sgraffiato wares and other glazed ceramics of the Indian Ocean trade (ca 980–1150). *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*, 2005, 35, pp. 223–246.
50. Teslenko I., Gavriş G. Images of birds on the glazed ceramics from the Crimean workshops. *Proceeding of 12th International Congress on Medieval & Modern Period Mediterranean Ceramic (Athens, Greece)*, 21–27.10.2018. Athens, 2021 (in print).
51. Teslenko I., Waksman S.Y., Ginkut N. Late Byzantine imports in the Crimea: archaeological contexts and archaeometric investigations. *Proceeding of 12th International Congress on Medieval & Modern Period Mediterranean Ceramic (Athens, Greece)*, 21–27.10.2018. Athens, 2021 (in print).
52. Von Wartburg M.-L. Bowls and Birds: Some Middle Byzantine Glazed Bowls from Swiss Private Collections. Herrin J., Mullett M., Otten-Froux C. (eds.), *Mosaic: Festschrift for A. H. S. Megaw*, Athens, 2001, pp. 115–129.
53. Waksman S.Y. The first workshop of Byzantine ceramics discovered in Constantinople/Istanbul: chemical characterization and preliminary typological study. *Atti del IX Congresso Internazionale sulla Ceramica Medievale nel Mediterraneo, Venezia, 23–27 novembre 2009*, Venezia, 2012, pp. 147–151.
54. Waksman S.Y., François V. Vers une redéfinition typologique et analytique des céramiques byzantines du type Zeuxippus Ware. *Bulletin de Correspondance Hellénique*, 2004, vol. 128 (21), pp. 629–724.
55. Waksman S.Y., Teslenko I. “Novy Svet Ware”, an Exceptional Cargo of Glazed Wares in a 13th Century Shipwreck near Sudak (Crimea, Ukraine). Morphological Typology and Laboratory Investigations. *International Journal of Nautical Archaeology*, 2010, vol. 39.2, pp. 357–375.
56. Watson O. *Ceramics from Islamic Lands*. London, Thames & Hudson, 2004, 512 p.

Информация об авторах

Тесленко И. Б. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: AAF-9347-2019.

Майко В. В. – доктор исторических наук, директор Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: A-8603-2019

Authors information

Teslenko I. B. – Candidate of Science (History), Senior Researcher at the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: AAF-9347-2019.

Maiko V. V. – Doctor of Science (History), Director of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: A-8603-2019.

МНОГОКУПОЛЬНЫЕ МЕЧЕТИ В КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ

Эмма Давидовна Зиливинская

*Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, Москва, Россия,
eziliv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3485-0359>*

Аннотация. Целью данной работы является анализ архитектурных особенностей одной из групп мечетей эпохи Крымского ханства, а именно – многокупольных многосекционных мечетей. Таких мечетей в Крыму известно всего две: мечеть Султана Селима в Феодосии (Кефе) и Джума-Джами в Евпатории (Гёзлеве). Мечеть в Феодосии не сохранилась до наших дней, но известны ее описания и рисунки, которые не всегда совпадают между собой. Основную проблему составляет упоминание у различных авторов разного количества куполов. На основании анализа всех имеющихся письменных и графических источников можно сделать вывод, что центральная часть мечети была перекрыта большим куполом, а боковые нефы – двумя малыми. С южной стороны находился портик, перекрытый пятью куполами. Мечеть Селима имела два минарета. Полностью аналогична ей по плану Султан-Джами в Манисе, а также некоторые другие маниские мечети. Это обстоятельство опровергает высказанное некоторыми исследователями предположение, что мечеть Селима была построена Синаном.

Джума-Джами в Евпатории не была разрушена, и в настоящее время полностью отреставрирована. Здание возведено архитектором Ходжей Мимар Синаном. Композиция его построена по принципу нарастающих объемов. Центральный зал перекрыт большим куполом на высоком барабане, боковые нефы – тремя небольшими куполами. Мечеть также имеет портик с пятью куполами. С двух сторон возвышаются два минарета. По планировке она очень близка Фатих-Джами в Стамбуле и мечети Селима II в Конье. Обе многокупольные мечети Крыма являются типично османскими постройками.

Ключевые слова: Крымское ханство, мечети, многокупольные постройки, османы, Османская империя, Ходжа Синан

MULTI-DOMED MOSQUES IN THE CRIMEAN KHANATE

Emma D. Zilivinskaya

Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. This paper is aimed to analyse architectural features of a group of mosques from the age of the Crimean Khanate, the multi-domed and multi-section mosques. In the Crimea, there are two mosques of the kind: Sultan Selim Mosque in Feodosia (Kefe) and Dzhuma Dzhami (Cuma Camii) in Yevpatoria (Gozlev). Although the mosque in Feodosia does not survive to these days, there are its descriptions and drawings not always coinciding with each other. The main problem is that different authors mention a different number of its domes. The analysis of all available written and graphic sources allows the conclusion that the central part of the mosque was covered with a big dome and the aisles with two small ones. On the south side of it there was a portico covered with five domes. Sultan

Selim Mosque had two minarets. Its ground plan is absolutely analogous to those of Sultan Camii and some other mosques in Manisa. This circumstance disproves the interpretation suggested by some researchers that the Crimean mosque was constructed by Sinan. Dzhuma Dzhami (Cuma Camii) mosque in Yevpatoria escapes destruction, so today it is completely restored. The building was erected by the architect Khoja Mimar Sinan. Its composition features the increasing volumes principle. The central hall is covered with a big dome on a high drum and the aisles with three small domes. Additionally, the mosque has a portico with five domes. There are two minarets towering on both sides of it. Its ground plan is very close to Fatih Camii in Istanbul and Selim II Mosque in Konya. Both multi-domed mosques in the Crimea are typical Ottoman buildings.

Keywords: Crimean Khanate, mosques, multi-domed buildings, Ottomans, Ottoman Empire, Khoja Sinan

Архитектура Крыма XVI–XVIII вв. продолжала традиции предыдущего периода и также была тесно связана с Турцией, что вполне естественно, так как Крымское ханство находилось в зависимости от Османской империи. Зодчие Османской Турции создали новые и очень яркие образцы культовых построек, вершиной которых является зально-купольная мечеть с большим двором, окруженным галереей. Наивысшего расцвета тип «большой османской мечети» достиг в работах архитектора Синана и его последователей. Эти постройки являются символом «великолепного века» Османского государства и вплоть до современности служат образцом при возведении новых культовых сооружений не только в Турции, но и во многих других странах [9].

Крымское ханство являлось для Стамбула далекой провинцией, и здесь не возводились столь же пышные и монументальные здания. В качестве пятничных мечетей служили, в основном, однокупольные постройки [7]. Тем не менее, до Крыма также доходили новые веяния и достижения турецкой архитектуры, свидетельством чего, в частности, является тот факт, что в Кафе и Гёзлеве некоторые здания были построены под руководством великого Синана.

Многокупольные многосекционные мечети

Таких мечетей в Крыму известно всего две. Мечеть Султана Селима в Кефе (Феодосии) и Джума-Джами в Гёзлеве (Евпатории).

Мечеть султана Селима или Сулейман-Хан-Джами или Биюк-Джами – главная пятничная мечеть города Кефе, предположительно была построена до 1520 г. по указанию будущего султана Сулеймана I Великолепного, когда он был правителем Кефе [3, с. 27–28]. Она находилась в пределах внешних оборонительных стен в 100 м северо-восточнее армянской церкви Св. Сергия на центральной площади города [1, с. 127]. Б. Н. Засыпкин высказал предположение, что здание было построено знаменитым архитектором Ходжой Синаном, так как достоверно известно, что он является автором и строителем бань Султана Сулеймана, принадлежащих этой мечети [6, с. 143]. Этой же версии придерживаются некоторые другие исследователи [3, с. 27–28; 1, с. 127]. Однако авторство Синана не доказано: этой мечети нет в списке памятников, воздвигнутых Синаном, и его имя не упоминает Эвлия Челеби при описании мечети в Кефе. О здании он пишет следующее: «Все купола его строений

внутри и снаружи особым образом покрыты свинцом, это светлая, полная света мечеть... Есть двери с двух сторон и кыбловые двери. Над внешней софой на шести колоннах пять искусно устроенных куполов. Внутри мечеть очень просторная, занимает десять тысяч шагов. Но она находится на рынке, посреди базара на узеньком участке земли, и внешний харам ее маленький. Он не соответствует величине мечети. Ее минарет, мимбар и михраб построены в старой форме» [19, с. 181]. Из этого отрывка следует, что у мечети был один минарет.

В последующие годы Биюк-Джами неоднократно описывали различные авторы, и рисовали художники, при этом описания и изображения не всегда совпадают. Можно рассмотреть их по хронологии.

В 1787 г. Феодосию посетил венесуэльский борец за независимость испанских колоний в Южной Америке Франсиско де Миранда. В своем дневнике он пишет следующее: «Мы тотчас же отправились в главную мечеть, каковая является далекой от совершенства имитацией наиболее крупных мечетей Константинополя. По форме это параллелограмм, где малые купола образуют просторный перистиль, а внутренняя центральная часть заканчивается большим куполом наподобие того, что в Св. Софии, и по два малых купола с каждой стороны... Имеются балкон, или кафедра для муфтия, канделябры и т.д., как в константинопольских мечетях» [11, с. 67–68].

П. С. Паллас, побывавший в Феодосии в 1794 г., когда мечеть еще не была перестроена, также оставил ее описание: «...большая, построенная с благородной простотой, прекрасная, еще порядочно сохранившаяся главная мечеть, называемая Биюк-Джами. Она имеет семнадцать саженей (36 м) в длину и четырнадцать (30 м) – в ширину. Главный ее купол – более девяти саженей в поперечнике (19 м), и с трех сторон она еще имеет одиннадцать маленьких куполов. Два минарета вышиной в шестнадцать саженей (34 м) с витой лестницей до самого верха еще существовали, когда я поручил нарисовать вид Кафы со стороны бухты..., но затем они были разрушены. Около этой мечети находится большая турецкая баня с двумя сводчатыми помещениями...» [14, с. 117]. Судя по этому описанию, кроме большого центрального купола в здании было пять малых куполов, перекрывающих портик, и по три купола над боковыми нефами. Это же описание было повторено Дюбуа де Монпере, заставшего мечеть в 1833 г. в полуразобранном состоянии, скорее всего, вообще без куполов [4, с. 83]. На чертеже В. Гесте (рис. 1), снявшего план здания в 1798 г. [5, табл. VII], купола над боковыми нефами почему-то вообще не изображены, однако, судя по плану, очевидно, что боковые нефы могут быть перекрыты только двумя куполами. Для опоры арок трех куполов необходимы две колонны или опоры, а в мечети Селима мы имеем всего одну. Если попытаться перекрыть боковые нефы тремя одинаковыми куполами, то основания поперечных арок попадут как раз на пролет между опорой и контрфорсом. Следовательно, куполов (вместе с большим) всего десять, а малых – девять. О десяти куполах, «из коих на одном главном только осталась в целости свинцовая его крышка», пишет и П. И. Сумароков, который был в Феодосии в 1799 г. [16, с. 62].

В. Гесте не только снял план здания, но и сделал чертежи южного и северного фасадов [5, табл. VII]. Он также зарисовал северный фасад в его первоначальном виде, с открытой пятипролетной арочной галереей и с заложенными арками (рис. 2,1–2) [18, с. 281]. Вероятно, закладка арок предполагалась для укрепления здания, но, скорее всего, эта перестройка так и не была сделана. На рисунке Дюбуа де Монпере 1833 г. арочная галерея разрушена, видны только следы ее примыкания к северной стене и основания колонн (рис. 2,5) [4, л. XXVII]. Также на этом рисунке изображен внешний михраб (аназа), расположенный к западу от входной двери между окнами нижнего яруса.

На многочисленных изображениях панорамы Феодосии также можно разглядеть мечеть султана Селима. Рисунки (и гравюры по ним) Г. Х. Гейслера 1794 г., М. М. Иванова 1803 г., Е. М. Корнеева 1804 г. и абсолютно идентичный последнему А. де Палдо 1805 г., показывают Феодосийскую бухту с севера (рис. 3,1,3,5) [2, с. 26, рис. 122; 17, с. 29, 39]. На них отчетливо виден северный фасад Биюк-Джами с пятью куполами над входной галереей (рис. 3,2,4,6). Рисунок К. Ф. Кюгельхена 1824 г. показывает здание мечети с юго-восточной стороны, и на нем видны три купола над восточным фасадом, два из которых расположены над нефом, а один – над галереей (рис. 3,7–8). Также имеются два рисунка интерьера мечети. А. Воронихин в 1786 г. изобразил южную стену мечети с михрабом и тремя ярусами окон (рис. 2,4) [18, рис. 5]. На зарисовке Н. А. Львова 1803 г. интерьер дан с восточной стороны (рис. 2,5) [17, с. 36]. На нем отчетливо видны михраб в южной стене, мимбар рядом с михрабом, хоры у северной стены и две стрельчатые арки, ведущие в западный неф. Эти два арочных проема также являются подтверждением того, что каждый боковой неф был перекрыт именно двумя, а не тремя куполами.

На основании этих чертежей, рисунков и описаний можно получить представление об архитектонике Биюк-Джами. Постройка была прямоугольной в плане, размерами 36x35 м. В северной части располагался небольшой узкий (шириной 6 м) дворик, «внешний маленьких харам» по Э. Челеби. Молельный зал имел внешние размеры 36x22 м. Интерьер его разделен массивными прямоугольными устоями и контрфорсами северной и южной стен на три нефа. Центральная квадратная часть была перекрыта куполом диаметром около 17 м. Барабан купола возведен на подпружных арках, из которых северная и южная опирались на контрфорсы, причем южная стена была усилена контрфорсами и снаружи. С запада и востока подпружные арки были перекинuty между контрфорсами и устоями в центре зала. Переход к барабану осуществлялся при помощи парусов. Барабан был двухъярусным: на восьмигранный был поставлен шестнадцатигранный с полусферическим куполом, крытым свинцом. В зените купола находился алем. Боковые нефы были перекрыты двумя куполами¹.

¹ В. П. Кирилко в статье, посвященной мечетям города Кефе, настаивает на том, что боковые нефы перекрывались «тремя одинаковыми куполами на подпружных арках и парусах» [8, с. 229]. Мнение Б. Н. Засыпкина о том, что куполов было два [6, с. 140], повторенное затем С. Г. Бочаровым [1, с. 127], он считает ошибочным. В качестве наиболее достоверных, исследователь приводит данные

С северной стороны к мечети примыкала открытая галерея шириной 7 м из пяти стрельчатых арок, опирающихся на колонны. Ее перекрывали пять небольших куполов. Пол галереи («софа» по Э. Челеби) был приподнят над уровнем двора, и к нему вела лестница. Главный (кибловый) вход в мечеть находился по центру южной стены. По сторонам от него находились два внешних михраба в виде ниши с треугольной сталактитовой конхой. Э. Челеби говорит еще о двух боковых входах, но на плане они не видны. Окна имели арочную форму и были расположены в три яруса. Нижний барабан также был прорезан окнами с арочным завершением. Окна, прорезающие купол, видны на изображениях интерьера мечети. Полукруглый в плане михраб находился в южной стене, напротив входа. Он изображен на рисунке А. Воронихина 1786 г. Вдоль северной стены располагались хоры на деревянных колоннах. В северных концах боковых нефов находились лестницы, ведущие на мафиль и минареты.

Не совсем понятен вопрос с количеством минаретов мечети султана Селима. В самом раннем описании Эвлии Челеби говорится об одном минарете. П. С. Паллас в 1794 г. описывает два минарета, более того, они изображены на рисунке Г. Х. Гайслера. Через четыре года В. Гесте зарисовал только один минарет. На рисунках М. М. Иванова, Е. М. Корнеева и А. де Палдо 1803–1805 гг. изображен один минарет, хотя не всегда с правильной стороны. К. Ф. Кюгельхен в 1804 г., судя по изображению, стоящих минаретов уже не застал. В 1834 г. здание мечети было разобрано полностью.

Франсиско де Миранда назвал мечеть султана Селима «далекой от совершенства имитацией наиболее крупных мечетей Константинополя». Однако она имеет довольно точные аналогии среди турецких мечетей, правда, вне Константинополя. Практически идентична ей по плану Султан-Джами в Манисе 1522 г. [22, р. 158–159]. Манисская мечеть также имеет трехнефный зал, центральная часть которого перекрыта большим куполом, а боковые нефы – двумя маленькими. Предваряет его портик, перекрытый пятью куполами (рис. 4,2–4). Сходную планировку имеют мечеть Чешнигир 1474 г. и Хатуние 1479 г. в Манисе [22, р. 158–159].

Несколько меньшие размеры, но более сложную и изысканную архитектуру, чем у Биюк-Джами, имеет Джума-Джами (Хан-Джами) в Гёзлеве (Евпатории), расположенная в прибрежной части города. Она была заложена в 1552 г. Девлет Гераем и освящена в 1562 г. [6, с. 140; 10, с. 61, 64].

Автором проекта здания был выдающийся турецкий архитектор и инженер XVI в. Ходжи Синан. Мечеть Татар-хана в Гёзлеве значится на его надгробной плите под № 77 из 81 культовых построек [20, с. 302]. Об авторстве Синана пишет и Эвлия Челеби: «А самой прекрасной, высокой и восхитительной является соборная мечеть Бехадыр Герай-хана. В длину и в ширину от кыбловых дверей – 150 шагов. С левой стороны в этой мечети есть отстроенное место, где намаз совершают достопочтенные ханы. И всего два высоких минарета. Один из них разрушен землетрясени-

П. С. Палласа об одиннадцати малых куполах, хотя, как было показано выше, в других источниках говорится всего о десяти куполах. При этом, В. П. Кирилко не объясняет, каким образом были расположены три купола над боковыми нефами, и на что опирались их подпружные арки.

ем. Но на сохранившийся теперь минарет с правой стороны, я, недостойный, поднимался... Спускаясь с минарета, я насчитал 105 шагов. Действительно, это высокий, отстроенный минарет. Потому что это строение Коджа Мимар Синана-аги ибн Абд ал-Миннана, который построил в Стамбуле мечеть султана Сулеймана. Действительно, это строение привлекательное и радующее душу. Но [внешний] харам у этой мечети маленький, потому что она находится в многолюдном месте города, посреди базара... В этом городе нет другой такой мечети, крытой чистым свинцом, светлой, украшенной и благоустроенной. На целый фарсах сверкает свинец ее куполов. Перед ее михрабом – место захоронения султанов, их жен и дочерей. Напротив ее харاما, над дорогой, расположено прекрасное здание светлой бани» [19, с. 52–53].

Краткое описание Джума-Джами оставил П. С. Паллас [14, с. 209]. Он пишет, в частности, что ко времени его посещения Козлова (Гёзлева) в 1793 или 1794 г. разрушены были уже оба минарета. К 1798 г. относятся рисунки фасадов и план мечети, выполненные В. Гесте (рис. 5,1–3). На них мечеть изображена с открытой галереей, которая к тому времени уже была заложена, и двумя минаретами. В. А. Кутайсов предполагает, что эти рисунки являются проектами реставрации здания в его первоначальном виде [10, с. 62]. В дальнейшем, начиная с 20-х гг. XIX в., периодически возникали проекты реставрации мечети, и даже выделялись на это деньги. С связи с предполагаемой реставрацией мечеть была зарисована И. Жуковым в 1834 г., И. Якубинским в 1836 г., А. Е. Геккером в 1896 г. (рис. 5,4–5; 6,1–6). Все они показывают северный фасад постройки с заложеной галереей. На рисунках 1830-х гг. изображен восстановленный восточный минарет, но в последующие годы он, вероятно, снова разрушился. Частичная реставрация здания производилась в 1896, 1925 и 1962 гг. В 1969–1985 гг. была сделана полная реставрация, и Джума-Джами был возвращен ее первоначальный облик [подробно об описаниях мечети и проектах реставрации: 10, с. 71–77; 15].

Стены постройки сложены из камня-ракушечника, основные несущие конструкции – из известняка на извести. Здание в плане близко к квадрату: размеры по внешнему обводу стен с севера на юг – 26,11 м, с запада на восток – 26,86 м. С северной стороны находится открытая галерея (шириной 4,35 м) с пятью стрельчатыми арками, опирающимися на тонкие цилиндрические колонны со сталактитовыми капителями. В галерею выходят главные (кибловые) двери. Изначально в здание вели три двери, но в результате реставрации был оставлен только один вход. По сторонам от него находятся два внешних михраба (места для «последней общины») в виде трехгранных ниш с треугольным сталактитовым завершением, окруженных прямоугольной рамой с резьбой в виде «сельджукской цепи». Молитвенный зал прямоугольный в плане, вытянутый вдоль михрабной стены и разделенный на 12 модульных квадратных ячеек. Шесть ячеек, образующих боковые продольные нефы (по три в каждом), перекрыты куполами на парусах; два модульных квадрата, примыкающие к стене киблы, образуют единую михрабную ячейку, перекрытую полукуполом; остальная часть зала отведена подкупольному квадрату.

Снаружи в объеме здания доминирует четверик (13,0x13,9 м), который путем двойного среза углов плавно переходит к невысокому шестнадцатигранному барабану со сферическим куполом (рис. 7,1–2; 8,1–2). Купола боковых нефов, расположенные ниже, опираются на восьмигранные барабаны. Небольшие купола северной галереи на граненых барабанах лежат еще ниже. Такая структура создает эффект постепенного нарастания объемов. С двух сторон здания вплотную к восточной и западной стенам пристроены два минарета высотой 38 м. Их высокие призматические цоколи путем скосов переходят в граненый ствол. В верхней части минаретов имеется балкон (шерефе), над которым возвышается тонкая башенка с коническим шатровым покрытием.

Внутреннее пространство здания разделено двумя двухъярусными аркадами на три нефа (рис. 7,3–4,6; 8,3–6). Центральный неф перекрыт большим куполом диаметром 11,65 м и высотой от пола 22,40 м. В сфере купола устроены 15 окон с полуциркульными арками. Невысокий барабан опирается на паруса и четыре арки, которые своими основаниями стоят на двух контрфорсах северной стены и двух восьмигранных опорах с южной стороны. В этих двух столбах не было капителей, их заменили сталактитовым переходом от восьмигранника к квадрату, который сливается с пятой арки. Южная арка остается открытой, остальные обозначены неглубокими нишами в стенах постройки. При этом западная и восточная псевдоарки перекрывали две более мелкие верхние арки боковых нефов. С внешней стороны эти глухие арки были оформлены в виде неглубоких стрельчатых ниш: в северной из них располагалось восемь стрельчатых и круглых окон, размещенных в три ряда, в западной и восточной – по пять окон в два яруса, в первом – стрельчатые, во втором – круглые. Распор центрального купола гасится уступами, понижающимися боковыми куполами, южным полукуполом и открытой аркадой северной галереи. Арки, поддерживающие полукупол, также опираются на южные восьмигранные опоры и контрфорсы южной стены. Снаружи для погашения распора у южной стены имеются три контрфорса.

Интерьер здания наполнен светом за счет большого количества окон (64), которые служат не только для освещения внутреннего пространства, но и для облегчения несущих стен. Окна расположены в четыре-пять ярусов. Нижние окна прямоугольные, со стрельчатыми наличниками и глухими люнетами над ними, средние – стрельчатые, верхние, расположенные под арками сводов – круглые.

В южной стене, напротив главного входа, находится михраб, оформленный в виде неглубокой пятигранной ниши с полуколоннами по сторонам (рис. 8,5). На капители последних опирается конический полукупол, состоящий из восьми рядов резных сталактитов, покрытых геометрической и растительной росписью. Нишу окружает прямоугольная рама, декорированная «сельджукской цепью». Справа от михраба находится мимбар.

Боковые нефы (шириной по 5 м) на уровне второго этажа разделены арками на три подкупольных квадрата. В нефах устроены деревянные хоры (мафиль).

Вход на «хоры» в виде винтовой лестницы располагается слева от основного входа. Юго-восточная часть балкона, отделенная деревянной перегородкой, служила, по всей видимости, ханской ложей.

Евпаторийская Джума-Джами является типичной османской мечетью. По планировке она очень близка Фатих-Джами в Стамбуле 1463–1471 гг. (рис. 9,1). Разница заключается в том, что у Фатих-Джами к основному зданию примыкает обширный двор, окруженный со всех сторон галереями, перекрытой куполами. При этом галерея вдоль северной стены молельного зала состоит из семи секций. Что касается молельных залов, то планы их почти полностью совпадают. О. Асланапа отмечал, что в Гёзлеве Синан использовал ту же схему, что и в Фатих-Джами, но в меньшем масштабе [21, р. 122]. Такой же план имеет более поздняя мечеть Селима II в Конье 1566–1574 гг., с северной галереей, перекрытой семью куполами, и также не имеющая двора (рис. 9,2).

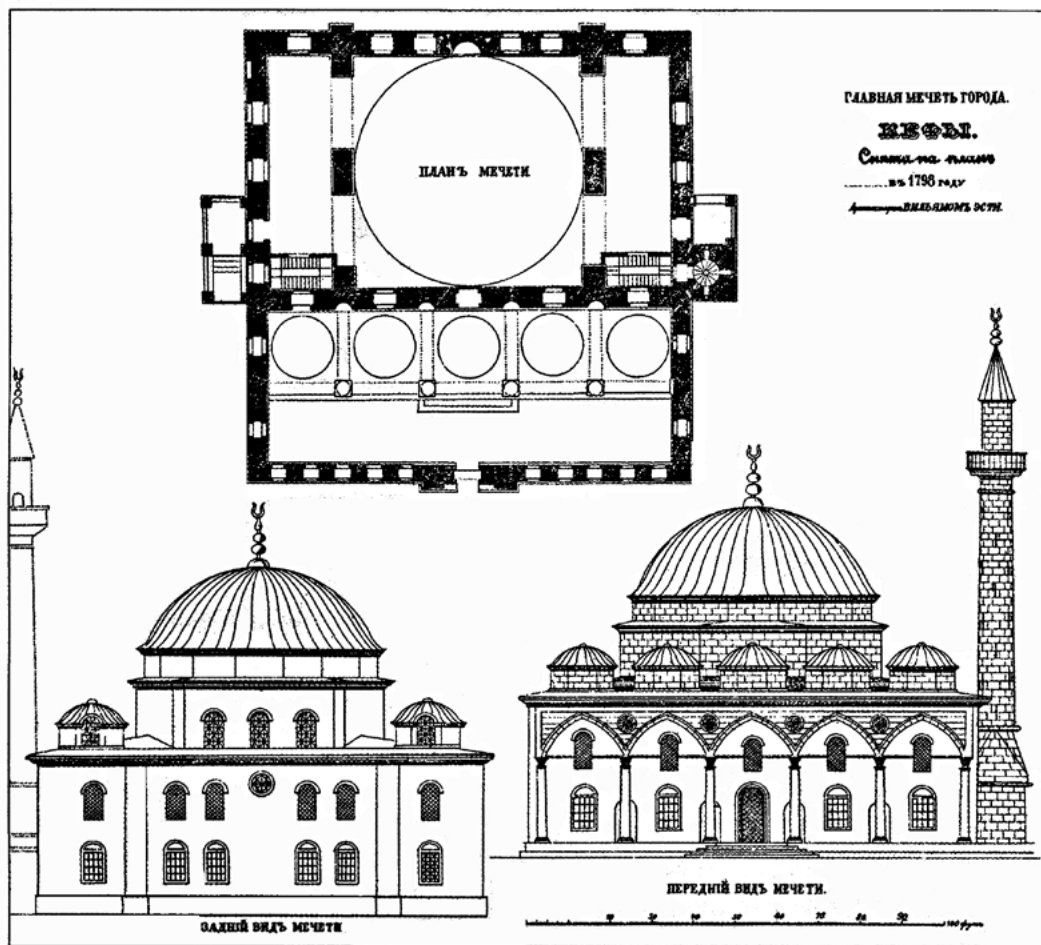

Рис. 1. Мечеть султана Селима, чертеж В. Гесте 1798 г. [5, табл. VII]

Fig. 1. Sultan Selim Mosque, drawing: W. Hastie, 1798 [5, pl. VII]

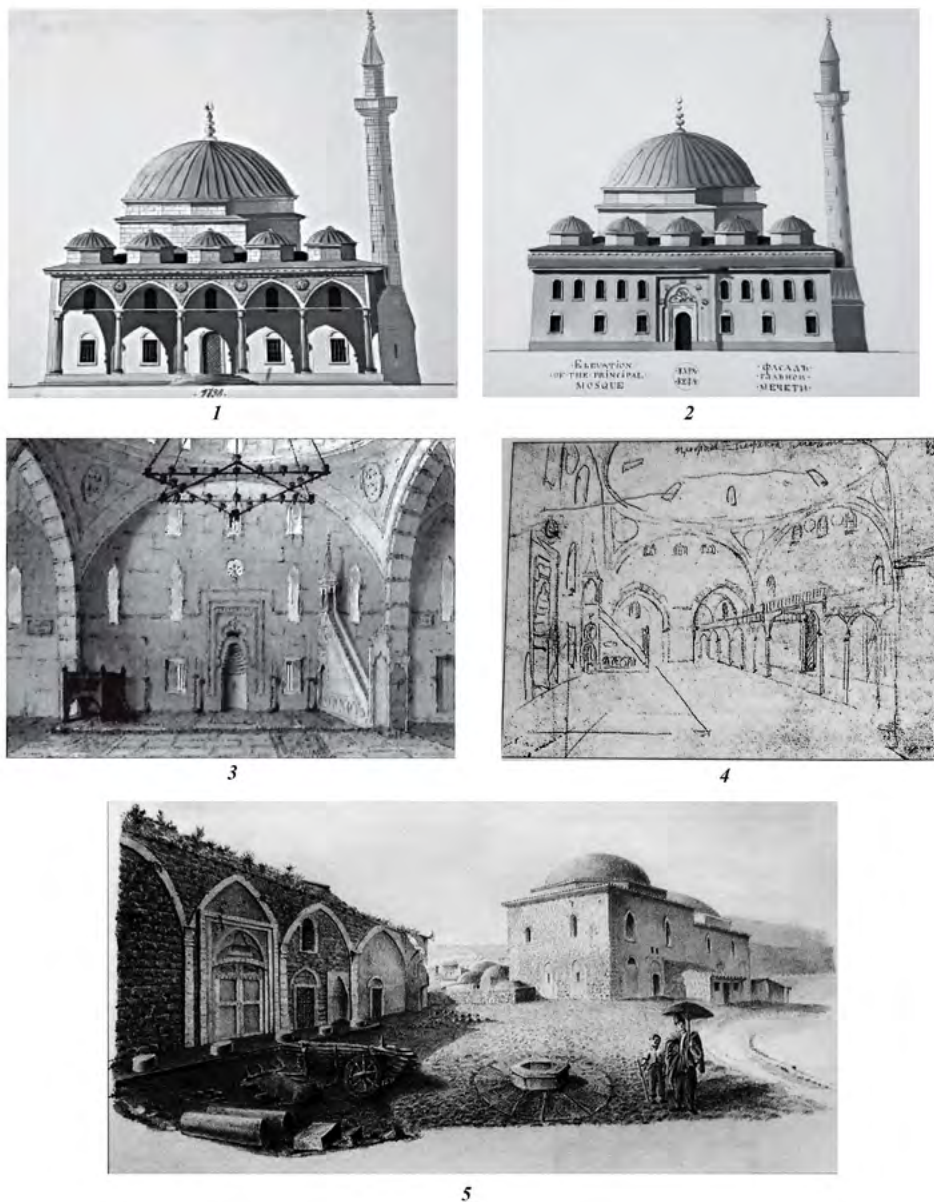

Рис. 2. Мечеть султана Селима: 1 – первоначальный вид фасада; 2 – фасад с заложенными проемами, рисунок В. Гесте 1798 г.; 3 – интерьер мечети, рисунок А. Воронихина 1786 г.; 4 – интерьер, рисунок Н. А. Львова 1803 г.; 5 – разрушенная мечеть и бани в Феодосии, рисунок Дюбуа де Монпере 1833 г. [по: 17, с. 35; 18, рис. 4–5]

Fig. 2. Sultan Selim Mosque: 1 – initial view of the facade; 2 – façade with the openings blocked, drawing: W. Hastie, 1798; 3 – interior of the mosque, drawing: A. Voronikhin, 1786; 4 – interior, drawing: N. A. L'vov, 1803; 5 – destroyed mosque and public baths in Feodosia, drawing: Dubois de Montpéreux, 1833 [after: 17, p. 35; 18, fig. 4–5]

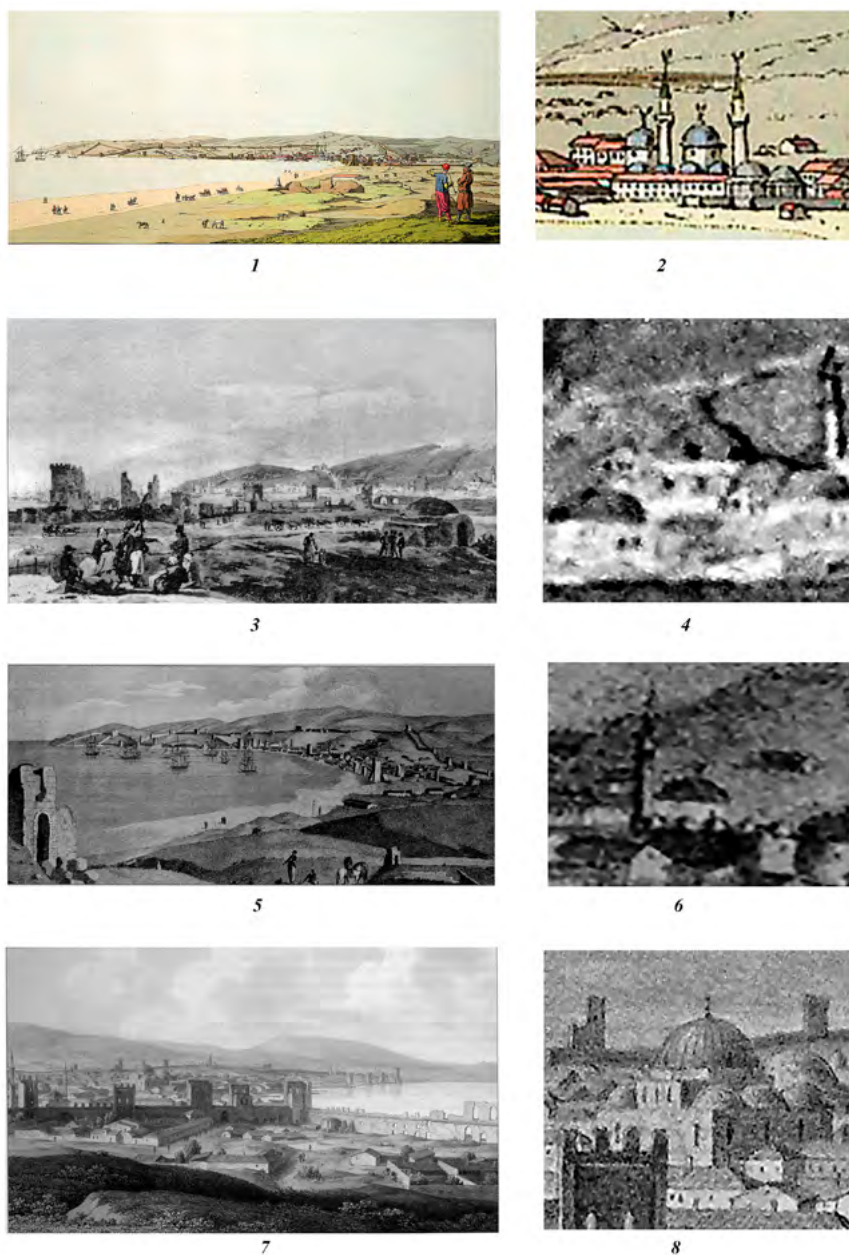

Рис. 3. Виды Феодосии и мечети Селима на них: 1 – рисунок К.Х. Гайслера 1794 г.; 2 – вид мечети; 3 – рисунок М. М. Иванова 1803 г.; 4 – вид мечети; 5 – рисунок А. де Палдо 1805 г.; 6 – вид мечети; 7 – рисунок К. Ф. Кюгельхена 1824 г.; 8 – вид мечети [по: 17, с. 29–45]

Fig. 3. Views of Feodosia with Sultan Selim Mosque: 1 – drawing: C. G. H. Geissler, 1794; 2 – view of the mosque; 3 – drawing: M. M. Ivanov, 1803; 4 – view of the mosque; 5 – drawing: A. de Paldo, 1805; 6 – view of the mosque; 7 – drawing: C. F. Kugelchen, 1824; 8 – view of the mosque [after: 17, p. 29–45]

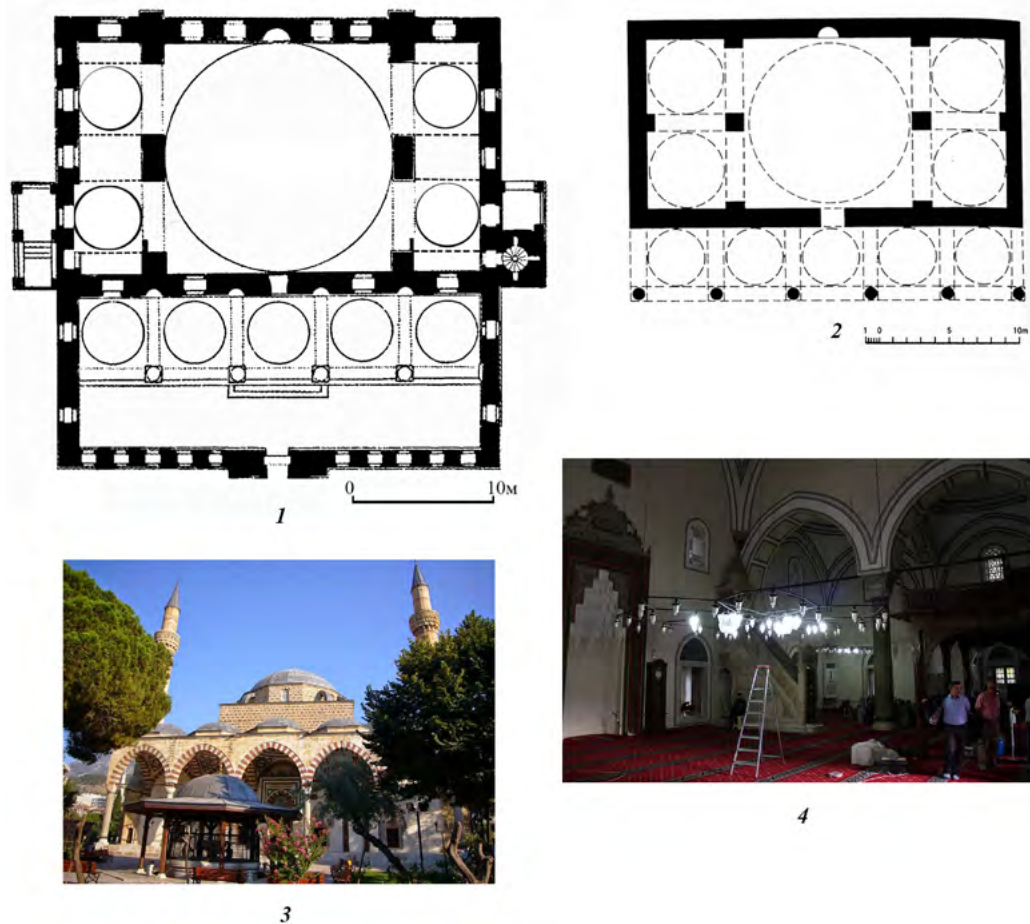

Рис. 4. 1 – мечеть Селима в Феодосии, план с элементами реконструкции автора; 2 – Султан-Джами в Манисе 1522 г., план; 3 – Султан-Джами в Манисе, северный фасад; 4 – интерьер [по: 22, рис. 147; фото Е. И. Кононенко].

Fig. 4. 1 – Sultan Selim Mosque in Feodosia, ground plan with the elements reconstructed by the author; 2 – Sultan Camii in Manisa, 1522, ground plan; 3 – Sultan Camii in Manisa, north facade; 4 – interior [after: 22, fig. 147; photo by E.I. Kononenko].

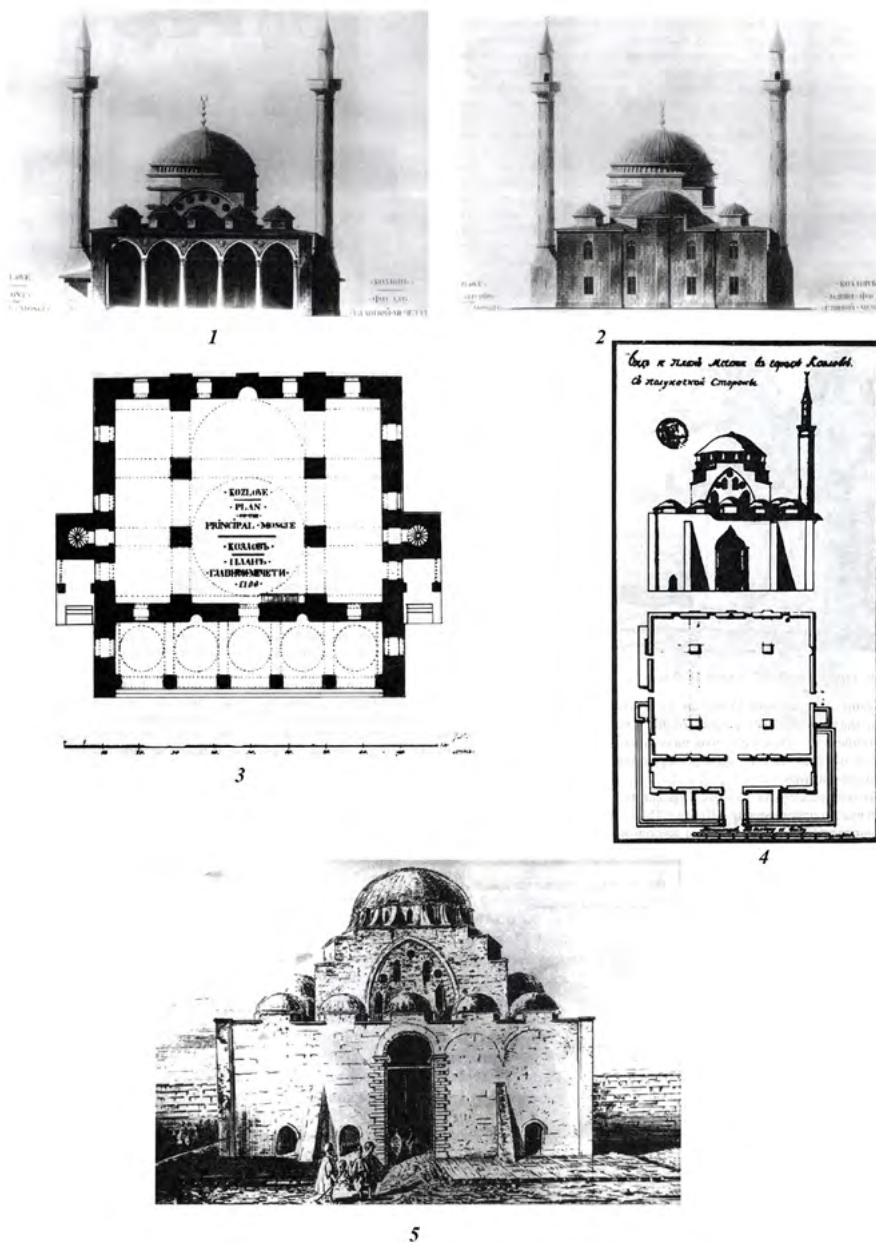

Рис. 5. Джума-Джами в Евпатории: 1 – северный фасад; 2 – южный фасад; 3 – план (рисунки У. Гесте 1798 г.); 4 – северный фасад и план (рисунок И. Жукова 1834 г.); 5 – северный фасад, рисунок И. Якубинского 1836 г. [по: 10, с. 63–65, 67–68]

Fig. 5. Dzhuma-Dzhami (Cuma Camii) in Yevpatoria: 1 – northern facade; 2 – southern facade; 3 – ground plan (drawings: W. Hastie, 1798); 4 – northern facade and ground plan (drawing: I. Zhukov, 1834); 5 – northern facade, drawing: I. Yakubinskii, 1836 [after: 10, p. 63–65, 67–68]

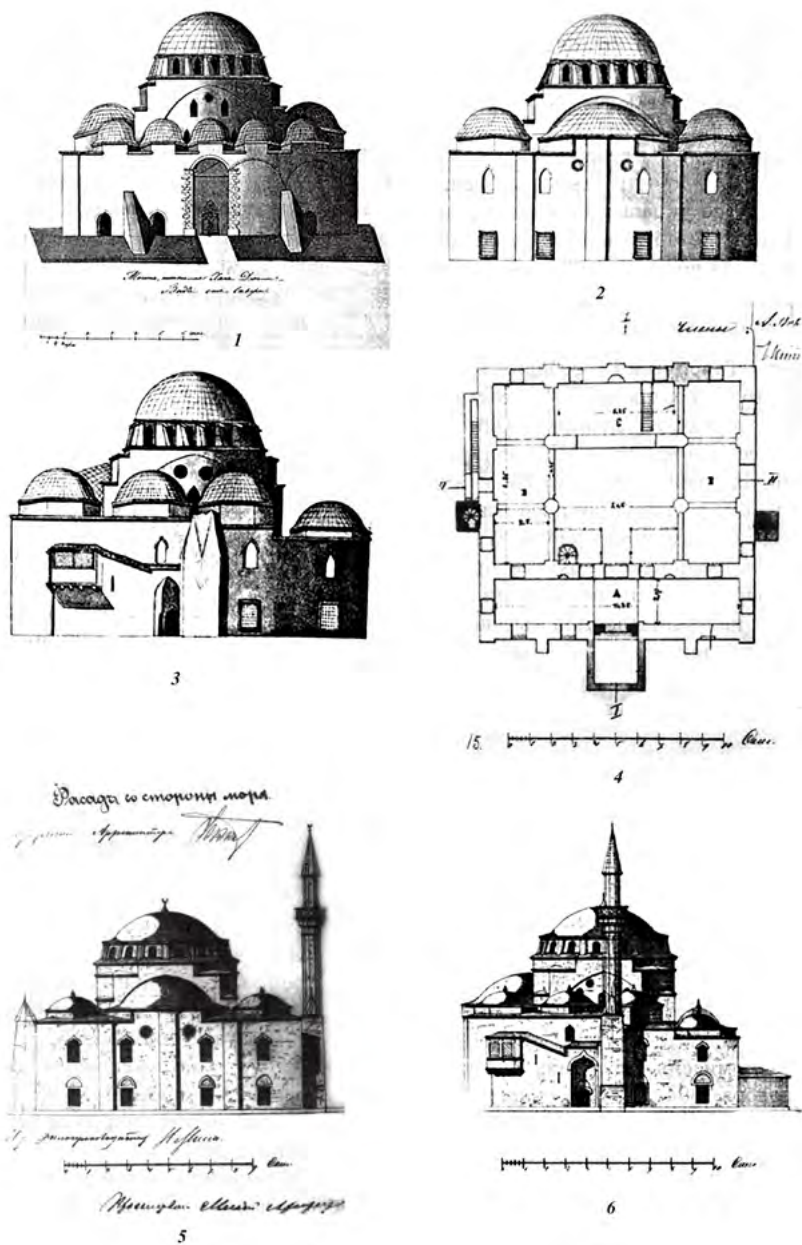

Рис. 6. Джума-Джами в Евпатории: 1 – северный фасад; 2 – южный фасад; 3 – восточный фасад (рисунки И. Якубинского 1836 г.); 4 – план А. Е. Геккера 1892 г.; 5 – южный фасад; 6 – восточный фасад, рисунки А. Е. Геккера 1892 г. [по: 10, с. 60, 71–72]

Fig. 6. Dzhuma-Dzhami (Cuma Camii) in Yevpatoria: 1 – northern facade; 2 – southern facade; 3 – eastern facade (drawings: I. Iakubinskii, 1836); 4 – ground plan by A. E. Gekker, 1892; 5 – south facade; 6 – eastern facade, drawings: A. E. Gekker, 1892 [after: 10, p. 60, 71–72]

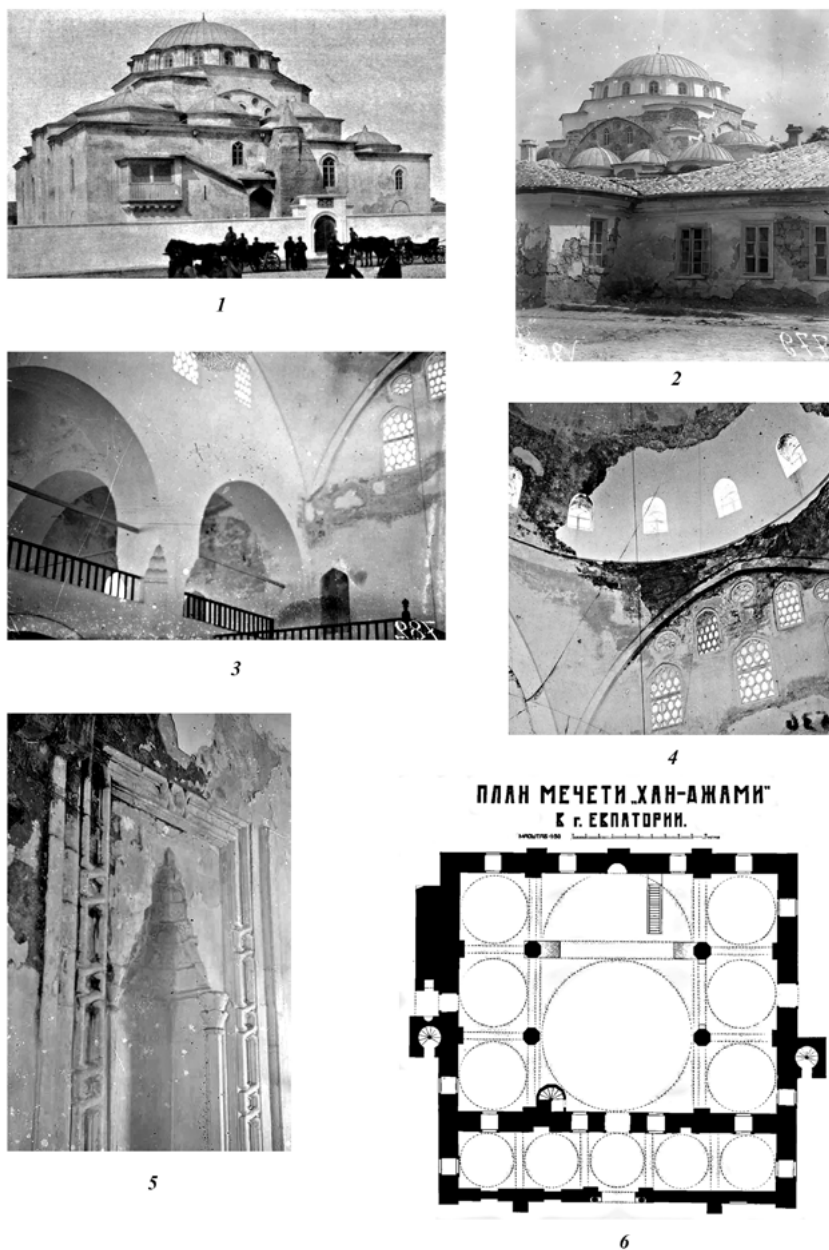

Рис. 7. Джума-Джами в Евпатории: 1 – восточный фасад, фото 1910 г.; 2 – общий вид; 3–4 – интерьер; 5 – внешний михраб (фото 20-х гг. XX в.); 6 – план Б. Н. Засыпкина 1928 г. [по: 10, с. 78; 12, с. 162, рис. 157; 13, с. 184–187, 190, рис. 747–749, 752]

Fig. 7. Dzhuma-Dzhami (Cuma Camii) in Yevpatoria: 1 – eastern facade, photographed in 1910; 2 – general view; 3–4 – interior; 5 – external mihrab (photographed in the 1920s); 6 – ground plan by B. N. Zasyukin, 1928 [after: 10, p. 78; 12, p. 162, fig. 157; 13, p. 184–187, 190, fig. 747–749, 752]

1

2

3

4

5

6

7

Рис. 8. Джума-Джами в Евпатории, современный вид: 1 – северный фасад; 2 – южный фасад; 3–6 – интерьер; 7 – галерея у северного фасада (фото автора 2019 г.)

Fig. 8. Dzhuma-Dzhami (Cuma Camii) in Yevpatoria, current appearance: 1 – northern facade; 2 – southern facade; 3–6 – interior; 7 – gallery at the northern facade (photo: the author, 2019)

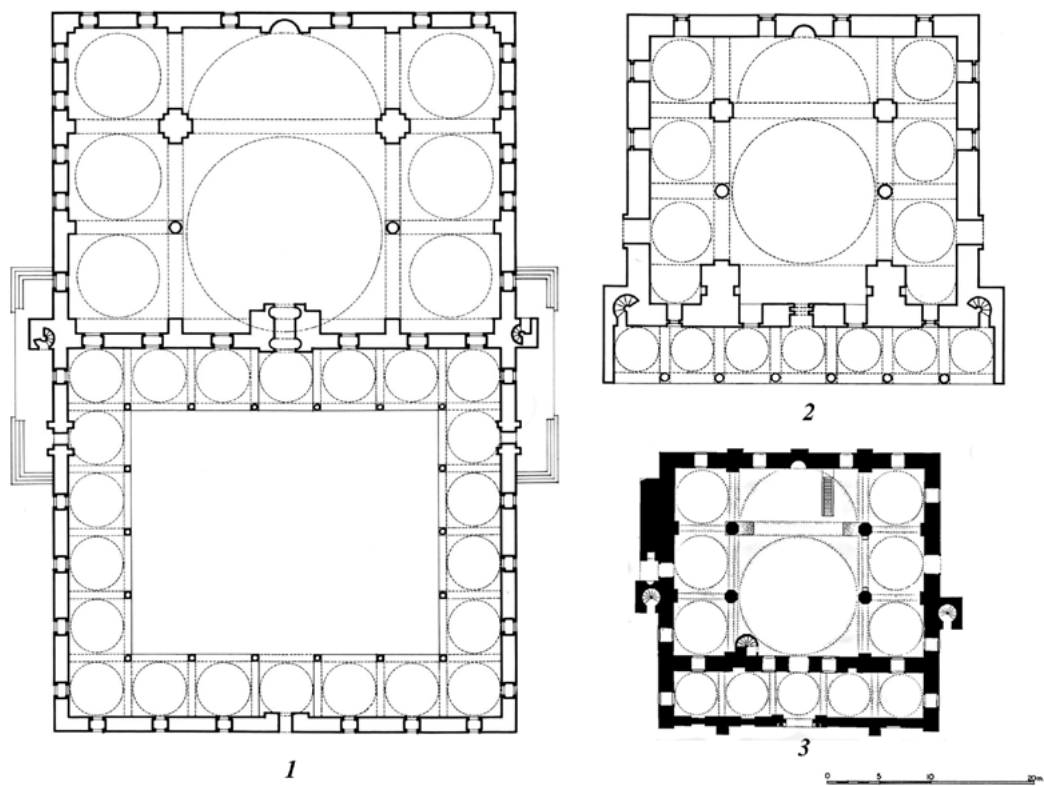

Рис. 9. Османские мечети: 1 – Фатих-Джами в Стамбуле 1463–1471 гг.; 2 – Селимие в Конье 1566–1574 гг.; 3 – Джума-Джами в Евпатории 1552 г. [по: 22, рис. 112, 119]
Fig. 9. Ottoman mosques: 1 – Fatih Camii in Istanbul, 1463–1471; 2 – Selimiye Camii in Konya. 1566–1574; 3 – Dzuma-Dzhami (Cuma Camii) in Yevpatoria, 1552 [after: 22, fig. 112, 119]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочаров С.Г. Мечети города Каффа (Кефе) в 1340–1779 годах // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 120–137.
2. Гончарова Н. Н. Е. М. Корнеев. Из истории русской графики начала 19 века. М.: Искусство, 1987. 381 с.
3. Григорьев А.П. «Книга путешествий» Эвлии Челеби – источник по истории Крыма XII–XVII вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. 1974. Вып. 3. С. 19–28.
4. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие в Крым [Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. В 6 томах. Париж, 1843. Т. 5, 6]. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 368 с.
5. Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1872. Т. VIII. 488 с.
6. Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2. С. 113–168.
7. Зиливинская Э.Д. Однокупольные мечети в Крымском ханстве // МАИЭТ. 2020. Вып. XXV. С. 321–357.
8. Кирилко В.П. Архитектура мечетей османского города Кефе (по материалам письменных и графических источников) // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2018. Вып. 1(10). С. 222–245.
9. Кононенко Е.И. Турецкая мечеть: образ и бренд // ПИФК. 2017. № 1. С. 379–391.
10. Кутайсов В.А. Евпатория: Древний мир. Средние века. Новое время. Киев: Стило, 2007. 282 с.
11. Миранда Франсиско де. Путешествие по Российской империи / Пер. с исп. В.А. Капанадзе, Е.Ф. Толстой. М.: Наука, Интерпериодика, 2001. 362 с.
12. Мирас – Наследие. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Т. 2. Казань: Астер Плюс, 2016. 572 с.
13. Мирас – Наследие. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Т. 3. Казань: Астер Плюс, 2016. 720 с.
14. Паллас Петр Симон. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям Русского государства в 1793–1794 гг. М., 1999. 246 с. (Научное наследие. Т. 27).
15. Сейдаметов Э.Х., Муйдинова Ф.А. Из истории реставрации Хан-Джами в г. Евпатории // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2019. № 1.
16. Сумароков П.И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году, Павлом Сумароковым. С историческим и топографическим описанием всех тех мест. М., 1800. 238 с.
17. Тункина И.В. Открытие Феодосии: страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей, 1771–1871. Киев: Болеро, 2011. 240 с.
18. Храпунов Н.И. Культурное наследие Крыма эпохи Золотой орды и Крымского ханства в описаниях иностранцев рубежа XVIII–XIX вв. // ПИФК. 2017. № 4. С. 270–291.
19. Челеби Эвлия. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Симферополь: Доля, 2008. 270 с.
20. Эссад Д. Константинополь. М., 1919. 336 с.
21. Aslanapa O. Turkish Art and Architecture. New York: Praeger Publ., 1971. 646 p.
22. Goodwin G. A History of Ottoman Architecture. London: Thames & Hudson, 2003 [1971]. 512 p.

REFERENCES

1. Bocharov S.G. Mosques of Caffa (Kefe) City in 1340–1779. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga River Region Archaeology], 2016, no. 2 (16), pp. 120–137.
2. Goncharova N.H. E.M. Korneev. *Iz istorii russkoj grafiki nachala 19 veka* [E.M. Korneev. From the history of Russian graphics at the beginning of the 19th century]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1987, 381 s.
3. Grigor'ev A.P. "Book of Travels" by Evliya Chelebi – a source on the history of Crimea in the 12th–17th centuries. *Istoriografiya i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki* [Historiography and source study of history of Asia and Africa], 1974, vol. 3, pp. 19–28.
4. Dyubua de Monpere F. *Puteshestvie v Krym* [Travel to Crimea]. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2009, 368 p.
5. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostej* [Notes of the Odessa society of history and antiquities], Odessa, 1872, vol. 8, 488 p.

6. Zasyplin B.N. Architectural monuments of the Crimean Tatars. *Krym* [Crimea], 1927, no. 2, pp. 113–168.
7. Zilivinskaya E.D. The Single-Domed Mosques in the Crimean Khanate. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2020, vol. 25, pp. 321–357.
8. Kirilko V.P. Architecture of the mosques of the ottoman city of Kefe (based on written and graphic sources). *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury* [Questions of the history of world architecture], 2018, vol. 1 (10), pp. 222–234.
9. Kononenko E.I. Turkish mosque: image and brand. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies], 2017, no. 1, pp. 379–391.
10. Kutaisov V.A. *Evpatoriya: Drevnij mir. Srednie veka. Novoe vremya* [Evpatoria: Ancient World. Middle Ages. New time]. Kiev, Stilos Publ., 2007, 282 p.
11. Fransisko de Miranda. *Puteshestvie po Rossijskoj Imperii* [Travel through the Russian Empire]. Moscow, Nauka Publ., 2001, 362 p.
12. Bocharov C.G., Sitdikov A.G. (Eds.), *Miras – Nasledie. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoj kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godakh* [Miras – Heritage. Tatarstan – Crimea. The city of Bulgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and Crimea in 1923–1929]. Vol. 2. Kazan, Aster Plus Publ., 2016, 572 p.
13. Bocharov C.G., Sitdikov A.G. (Eds.), *Miras – Nasledie. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoj kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godakh* [Miras – Heritage. Tatarstan – Crimea. The city of Bulgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and Crimea in 1923–1929]. Vol. 3. Kazan, Aster Plus Publ., 2016, 720 p.
14. Pallas Petr Simon. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po izhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 gg.* [Observations made during a trip to the southern governorships of the Russian state in 1793–1794]. Moscow, 1999, 246 p.
15. Sejdametov E.H., Mujdinova F.A. The history of the restoration of Khan-Jami in the city of Evpatoria. *Voprosy krymskotatarskoj filologii, istorii i kul'tury* [Questions of Crimean Tatar philology, history and culture], 2019, no. 1.
16. Sumarokov P.I. *Puteshestvie po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 godu* [Travel through the Crimea and Bessarabia in 1799]. Moscow, 1800, 238 p.
17. Tunkina I.V. *Otkrytie Feodosii: stranitsy arkheologicheskogo izucheniia Iugo-Vostochnogo Kryma i nachal'nye etapy istorii Feodosiiskogo muzeia drevnostei, 1771–1871* [The discovery of Feodosia: Pages of the archaeological study of Southeastern Crimea and the initial stages of the history of the Feodosia Museum of Antiquities, 1771–1871]. Kiev, Bolero Publ., 2011, 240 p.
18. Khrapunov N.I. Moslem cultural heritage from the Golden Horde and the Crimean Khanate periods in the Crimea as described by foreigners ca. 1800. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies], 2017, no. 4, pp. 270–291.
19. Chelebi E. *Kniga puteshestviia. Krym i sopredel'nye oblasti* [Travel book. Crimea and adjacent regions]. Simferopol, Dolia Publ., 2008, 270 p.
20. Essad D. *Constantinople*. Moscow, 1919, 336 p.
21. Aslanapa O. *Turkish Art and Architecture*. New York, Praeger Publ., 1971, 646 p.
22. Goodwin G. *A History of Ottoman Architecture*. London, Thames & Hudson, 2003 [1971], 512 p.

Информация об авторе

Зиливинская Э. Д. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Researcher ID: G-4161-2018.

Author information

Zilivinskaya E. D. – Doctor of Science (History), Leading Researcher at the Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, Researcher ID: G-4161-2018.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ НАДГРОБНЫЕ ПАМЯТНИКИ СТЕПНОГО КРЫМА

Елена Акимовна Айбабина

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
aibabinae@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9965-7234>

Аннотация. На планах конца XVIII в. Эски-Крыма (Солхат, Крым, Старый Крым), исламская община которого сформировалась еще к последней трети XIII в., насчитывалось множество значительных архитектурных объектов и надгробных памятников, где использовался камнерезный декор. Систематизация мусульманских надгробий, составленная О.-Н. А. Акчокраклы и А. С. Башкировым, основана на изучении формы, расположении орнаментальных и эпиграфических частей памятников старокрымских некрополей. Резной декор средневековых надгробных памятников Солхата отличается высоким художественным уровнем резьбы и качеством технического исполнения, оригинальностью орнаментики. Связь с малоазийскими образцами в камнерезной пластике в золотоордынском Крыму проявляется одновременно с развитием мусульманской архитектуры. На фотоснимках и рисунках научной экспедиции 1925 г., обследовавшей старые татарские поселения и некрополи в степном Крыму (западные районы близ Евпатории, на севере полуострова и в восточной части близ г. Старый Крым), представлены разнообразные надгробия, в основном геометрических форм, в виде столбов, увенчанных чалмообразными навершиями. Выделяется небольшая группа надгробных памятников, так называемых двурогих надгробий, представляющих собой грубую форму подобных надгробий, происходящих из мусульманских некрополей золотоордынской столицы Крыма Солхата и других крупных поселений, например, Эски-Юрта. Двурогие надгробия из некрополей крупных поселений имеют развитые формы, надписи, покрыты орнаментами малоазийского сельджукского стиля. Двурогие надгробия из степных могильников имеют высокое основание, столбики повторяют форму вертикальных надгробий с чалмообразными навершиями и с закругленным верхом, надписи и декор отсутствуют.

Ключевые слова: каменная резьба, золотоордынские памятники, Юго-Восточный Крым, Солхат, степные некрополи, двурогие надгробия

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Республики Крым в рамках проекта № 20-49-910004р_а_Республика Крым «Распространение ислама в Юго-Восточном Крыму в золотоордынский период: комплексный подход».

MEDIAEVAL GRAVESTONES FROM THE CRIMEAN STEPPE

Elena A. Aibabina

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Abstract. There are late eighteenth-century maps of the town of Eski-Krym (Solkhat, Krym, Staryi Krym) which Muslim commune shaped by the last third of the thirteenth century showing a

number of significant architectural objects and gravestones with stone-carved decorations. The system of Muslim gravestones developed by O.-N. A. Akchokrakly and A. S. Bashkirov is based on the study of forms and the location of ornamental and epigraphic parts of monuments from the cemeteries of Staryi Krym. Carved decorations of medieval grave monuments of Solkhat show by the high artistic level of carving, the quality of technical execution, and original ornamentation. Their connection of stone carving of the Crimea in the Golden Horde Period with the Asia Minor appeared simultaneously with the development of Muslim architecture. Photographs and drawings made by an academic expedition in 1925 that surveyed ancient Tatar settlements and cemeteries in the Crimean steppe (its western areas close to Yevpatoria, as well as the north of the Crimean Peninsula and its east close to the town of Staryi Krym) show a wide range of gravestones, mostly of geometrical forms like pillars topped with turbans. There is a small group of grave monuments, or the so-called two-horned gravestones, representing a rough form of similar tombstones originating from the Muslim cemeteries of Solkhat as the capital of the Crimea in the Golden Horde Period and other large settlements, such as Eski-Iurt. The two-horned gravestones from the cemeteries of large settlements present elaborate forms and inscriptions; they are covered with ornaments featuring the Seljuk style of the Asia Minor. The two-horned gravestones from the cemeteries in the steppe have a high base, with their pillars following the shape of vertical tombstones with turban-like finials and rounded tops; no inscription or decoration is present.

Key words: stone carvings, Golden Horde monuments, south-eastern Crimea, Solkhat, steppe cemeteries, two-horned gravestones

Acknowledgments: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research and the Republic of the Crimea, project no. 20-49-910004p_a_Respublika_Krym “The Distribution of Islam in the South-Eastern Crimea in the Golden Horde Period: A Complex Approach”.

Со времени проведения первой научной экспедиции, изучающей мусульманские памятники Солхата / Крыма / Эски-Крыма в 1925–1926 и 1928 гг. современному исследователю приходится, в основном, обращаться к тому материалу, основная масса которого была накоплена в результате этих раскопок и сборов. За последующие годы в научный оборот поступали, как правило, раритетные вещи, благодаря изучению которых открывалась возможность постановки очень важных, но единичных вопросов культуры и ремесла мусульманского населения полуострова. Камнерезный материал Солхата, как значительное культурное явление, заслуживает подхода к изучению всех групп памятников во взаимосвязи и в развитии. Материал для исследования дают средневековые городские постройки, которые были декорированы резными архитектурными деталями и эпиграфическими надписями, причем поле для развития камнерезного мастерства было весьма обширным. Так, в конце XVIII в. в Эски-Крыме, исламская община которого сформировалась еще к последней трети XIII в. [11, с. 67], насчитывалось множество значительных архитектурных объектов, где использовался камнерезный декор. Источники сообщают о постройке двух мечетей еще во второй половине XIII в. [8, с. 26; 9, с. 420, 423–425; 10, с. 83], однако в настоящее время среди сохранившихся артефактов выделить определенно фрагменты декора этих построек не представляется возможным.

Другая группа мусульманской декоративной каменной пластики – надгробия. По генеральному плану Эски-Крыма, составленному на основе планов последней четверти XVIII – начала XIX в., там образовалось 14 городских кладбищ [7, с. 123–

124, рис. 2], из которых большинство мусульманские. Изучение мусульманского некрополя старокрымской Зеленой площади проводилось в 1925–1926 гг. и 1928 г. экспедицией И. Н. Бороздина вместе с раскопками медресе Инджи-бек Хатун 1332/1333 гг. и караван-сарая [12, с. 79–108]. Руководство раскопками некрополя осуществлял О.-Н. А. Акчокраклы. На могильнике Зеленой площади и в других местах города в 1925–26 гг. было обнаружено 145 номеров памятников, в 1928 г. – 175, из них с надписями на арабском языке – 65, часть – на старо-тюркском. Из этой коллекции датированных надгробий оказалось 15. Все относятся ко времени первоначального этапа существования могильника – к XIII – первой половине XIV в. Два памятника датированы XIII в. – 1273 г. и 1288 г. Из наиболее ранних, относящихся к началу XIV в., своей орнаментикой, в которой используется мотив косоугольного (или «бегущего») меандра, привлекает внимание надгробие 709 г.х. (= 1310 г.) [6, с. 9].

Резной декор средневековых надгробных памятников Солхата отличается высоким художественным уровнем резьбы и качеством технического исполнения, оригинальностью орнаментики. На большинстве надгробий орнамент и эпиграфика выполнены в низком рельефе, с выборкой фона. Орнамент, в отличие от рисунка архитектурных деталей, как правило, схематичен, с проработкой лишь по контуру. Объемную передачу имеют розетки, сталактиты-мукарны, резьба верхней чалмообразной части надгробий-столбиков. Систематизация мусульманских надгробий, составленная О.-Н. А. Акчокраклы и А. С. Башкировым, основана на изучении формы, расположении орнаментальных и эпиграфических частей памятников старокрымских некрополей [2, с. 152–153; 3, с. 141, рис. 5,15,а,б]. Исследователями были определены наиболее значительные группы по форме и самые яркие памятники, выделяющиеся, прежде всего, эпиграфикой и содержанием надписей. Исследование декора мусульманских надгробий позволяет представить разнообразные образцы камнерезного искусства этой группы памятников, проследить истоки стилистики и пути дальнейшего развития [1, с. 526–532]. Необходимо подчеркнуть, что материал для изучения мусульманского камнерезного ремесла был получен в результате исследований территории столичного города или его ближайшей округи, имеющего условия для его возникновения и большие возможности для его развития. Появление и стилистика камнерезного искусства полуострова, и, ранее всего, в юго-восточной части восходят, главным образом, к малоазийским памятникам. Связь с малоазийскими образцами в камнерезной пластике проявляется в золотоордынском Крыму одновременно с развитием мусульманской архитектуры. Малоазийский, сельджукский компонент стал весомым вкладом в развитие архитектуры полуострова [9, с. 484–486] и камнерезной стилистики золотоордынского периода (рис. 1).

В типологию мусульманских надгробий вошли памятники, обнаруженные в результате разведок этнографической группы научной экспедиции КрымЦИК и СНК, проведенных в июле–сентябре 1925 г. Экспедиция ставила своей задачей выявление тех районов на территории Крыма, «в коих уцелел еще нетронутый исторический, бытовой, фольклорный материал» [13]. Работы производились под руководством У. А. Бода-

нинского, О.-Н. А. Акчокраклы отвечал за исследование эпитафических памятников, экономическое обследование, запись фольклора [4, с. 195]. Карта маршрута экспедиции включала, в основном, степные районы западной части полуострова, северной части Джанкойского района, Присивашья, юго-восточного Крыма. Только в западном регионе было обследовано более 30 татарских поселений. Этими разведками был выявлен целый комплекс архитектурных сооружений (мечетей), некрополей, эпитафические памятники. Работа по фиксации памятников была продолжена в 1926 г. Надгробия степных кладбищ имели ряд отличий от столичных по форме, качеству исполнения. На сохранившихся экспедиционных снимках и рисунках (рис. 2–12) представлены несколько разновидностей памятников, как правило, имеющих призматическую форму, круглый ствол и увенчанных округлыми чалмообразными навершиями. Некоторые надгробия были изготовлены из монолита, иные собраны из двух частей: в нижнюю призматическую часть вставлялся ствол с чалмовидным навершием. На одном из фотоснимков [14, с. 534, рис. 532] – надгробия с рисунками на боковых гранях столбов и с разделкой чалмы кося тонкой линией (рис. 2).

Интересным по форме является двурогий памятник из некрополя селения Кырк-Чолпан¹ (рис. 3). Территория селения Кырк-Чолпан с древним некрополем, была намечена для исследования еще до проведения экспедиции 1925 г. В этом пункте предполагалось произвести археологические раскопки наряду с работами в г. Старый Крым, Карасубазаре² и Эски-Сарае³ [4, с. 54, 116].

Надгробие из некрополя Кырк-Чолпан представляет собой прямоугольную стелу на невысоком основании (эта часть была впущена в землю) с двурогой верхней частью, отделенной широким валиком. Особое внимание привлекает верхняя часть стелы, оформленная как двурогое надгробие: два прямоугольных столбика, соединенных между собой монолитной перемычкой. Один из столбиков завершается круглым стволом с чалмообразным навершием, другой – закруглен. Вероятно, это памятник мужского погребения. Известняковый материал грубо обработан.

У второго подобного двурогого памятника (рис. 4–5) из некрополя деревни Биюк-Калач⁴ сохранившийся столбик имеет треугольное завершение, подобно множеству мусульманских надгробий⁵. Изготовлено из известняка, поверхность грубо обработана. Оба памятника носят следы выветривания.

Среди массы мусульманских надгробий полуострова памятники подобной формы единичны. Двурогие памятники были обнаружены в некрополях степных

¹ Кырк-Чолпан – исчезнувшее село в Первомайском р-не Республики Крым, располагавшееся на западе р-на, примерно в 3 км западнее современного с. Алексеевка. Последний раз упоминается в документах в 1941 г.

² Карасубазар – г. Белогорск Республики Крым.

³ Эски-Сарай – с. Пионерское Симферопольского р-на Республики Крым.

⁴ Биюк-Калач – исчезнувшее село (с 1948 г. – Калачи) в Черноморском р-не Республики Крым, располагавшееся на востоке района, в степной части Крыма, примерно в 3,5 километрах западнее современного села Хмелево.

⁵ На фотоснимке [14, с. 535, рис. 533] местонахождение надгробия указано неверно.

селений Хунгут⁶ (рис. 6), Бурундук⁷ (рис. 7), Токтаба⁸ (рис. 8), Мурза-Кой⁹ (рис. 9), Баксан¹⁰ (рис. 11), Отуз¹¹ (рис. 12). Основание подобных двурогих надгробий могло быть не монолитным, а в виде сложенного из плит пьедестала (рис. 11–12). Двурогие надгробия были зарисованы У. Боданинским, в основном, в 1925–1926 гг. среди многочисленных памятников с призматическим основанием и различными навершиями геометрических форм [5, с. 263–264]. Часть из них имели навершия в форме человеческой головы. Следует упомянуть, что в подавляющем большинстве случаев на надгробия из степных районов были нанесены изображения тамги. По форме двурогие надгробия на высоком основании можно сопоставить с подобными двурогими надгробиями крымских городов и крупных поселений [4, с. 96, 99], в том числе и солхатских. Скорее всего, в их конструкции наблюдается провинциальное огрубление довольно распространенной формы.

Необходимо отметить, что рассмотренные двурогие надгробия были обнаружены научной экспедицией 1925 г. и, видимо, последующими обследованиями, проведенными в 1926 г. в двух степных районах – западном (Первомайский и Черноморский р-ны) и восточном (на границе Белогорского и Кировского р-нов). Проблема датировки рассмотренных памятников связана с вопросами времени и топографии образования поселений, процесса оседания кочевого населения в степной зоне полуострова в золотоордынский и последующий периоды. Двурогие надгробия степного Крыма, являясь, по-видимому, продуктом примитивного копирования совершенных столичных образцов (с разработанными формами, корпусом, покрытым надписями и врезными орнаментами), появились не на первоначальном, а на более позднем этапе этно-конфессионального развития степного населения полуострова.

⁶ Хунгут – исчезнувшее село (Унгут, с 1948 г. – Мучное) в Кировском р-не Республики Крым (с 1924 по 1935 гг. – в составе Феодосийского р-на), располагавшееся на севере района в степном Крыму, в верховье впадающей в Сиваш безымянной балки, примерно в 3 км к юго-западу от современного села Шубино.

⁷ Бурундук – исчезнувшее село (Суслово) в Белогорском р-не Республики Крым (до 1959 г. – в составе Феодосийского р-на), располагавшееся на северо-западе р-на, примерно в 1 км к юго-востоку от современного села Кривцово.

⁸ Токтаба – исчезнувшее село (Тохтаба́, Ток-Таба́, с 1948 г. – Лиманка) в Советском р-не Республики Крым (до 1930 г. – в составе Феодосийского р-на), располагавшееся на северо-востоке района, в степной части Крыма, примерно в 3,5 км к востоку от современного села Урожайное.

⁹ Мурза-Кой – с 1948 г. с. Дивное в Белогорском р-не Республики Крым.

¹⁰ Баксан – с 1945 г. с. Межгорье в Белогорском р-не Республики Крым.

¹¹ Отуз – исчезнувшее село (с 1948 г. с. Староселье) в Черноморском р-не Республики Крым, располагавшееся на северо-востоке р-на, в степной части Крыма, у северной окраины современного села Зоряное.

Рис. 1. Надгробный памятник. Некрополь Кырк-Азизлер. Фото 1924 г. [по: 14, с. 82, рис. 76]
Fig. 1. Grave monument. Kyrk-Azizler cemetery. Photographed in 1924 [after: 14, p. 82, fig. 76]

Рис. 2. Надгробия. Некрополь селения Джамчи (Евпаторийский район) [по: 5, с. 224, рис. 37]
Fig. 2. Gravestones. The cemetery of the settlement of Dzhamchi (Yevpatoria district) [after: 5, p. 224, fig. 37]

Рис. 3. Надгробие. Некрополь селения Кырк-Чолпан. Фото 1925 г. [по: 14, с. 527, рис. 525]
Fig. 3. Gravestone. The cemetery of the settlement of Kyrk-Cholpan. Photographed in 1925 [after: 14, p. 527, fig. 525]

Рис. 4. Надгробие. Некрополь селения Биюк-Калач (Черноморский р-н). Фото 1925 г. [по: 14, с. 535, рис. 533]
Fig. 4. Gravestone. The cemetery of the settlement of Biiuk-Kalach (Chernomorskoe district). Photographed in 1925 [after: 14, p. 535, fig. 533]

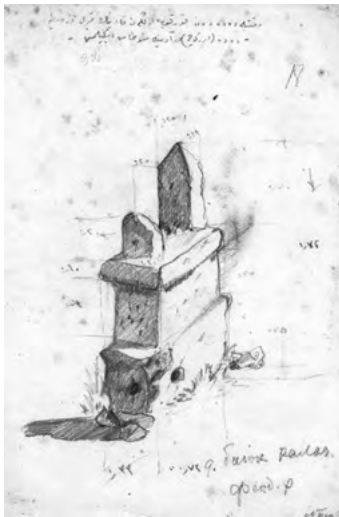

Рис. 5. Надгробие. Некрополь селения Биюк-Калач. Рисунок У.А. Боданинского [по: 5, с. 263, рис. 93]
Fig. 5. Gravestone. The cemetery of the settlement of Biiuk-Kalach. Drawing: U.A. Bodaninskii [after: 5, p. 263, fig. 93]

Рис. 6. Надгробие. Селение Хунгут (Унгут) (Феодосийский р-н). Рисунок У.А. Боданинского. 1926 г. [по: 5, с. 267, рис. 97]
Fig. 6. Gravestone. The settlement of Khungut (Ungut) (Feodosia district). Drawing: U.A. Bodaninskii. 1926 [after: 5, p. 267, fig. 97]

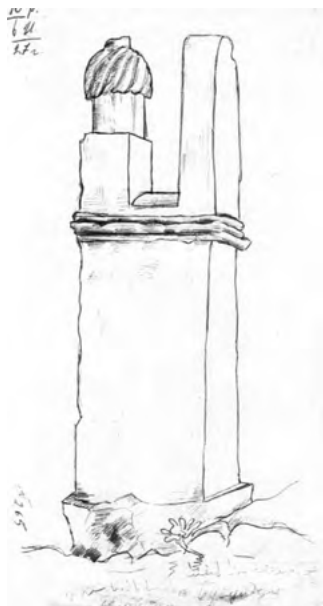

Рис. 7. Надгробие. Селение Бурундук (Феодосийский р-н). Рисунок У.А. Боданинского. 1926 г. [по: 5, с. 270, рис. 101]

Fig. 7. Gravestone. The settlement of Burunduk (Feodosia district). Drawing: U.A. Bodaninskii. 1926 [after: 5, p. 270, fig. 101]

Рис. 8. Надгробие. Селение Токтаба. Рисунок У.А. Боданинского [по: 5, с. 274, рис. 106]

Fig. 8. Gravestone The settlement of Toktaba. Drawing: U.A. Bodaninskii [after: 5, p. 274, fig. 106]

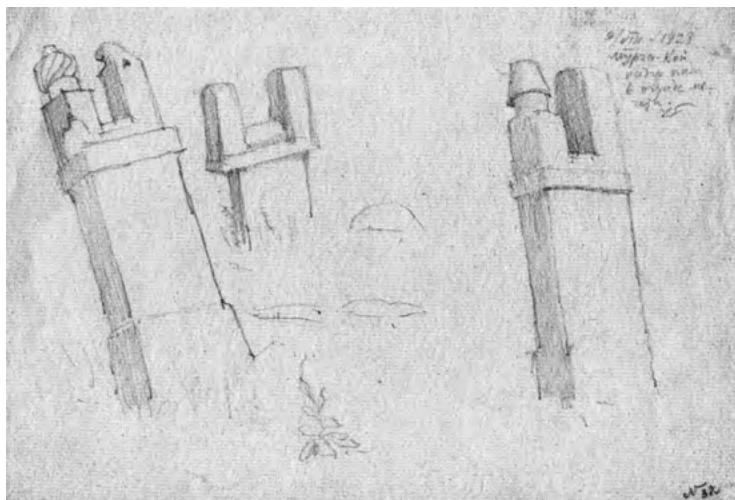

Рис. 9. Двурогие надгробия. Селение Мурза-Кой (Белогорский р-н). Рисунок У.А. Боданинского. 1928 г. [по: 5, с. 299, рис. 144]

Fig. 9. Two-horned gravestones. The settlement of Murza-Koi (Belogorsk district). Drawing: U.A. Bodaninskii. 1928 [after: 5, p. 299, fig. 144]

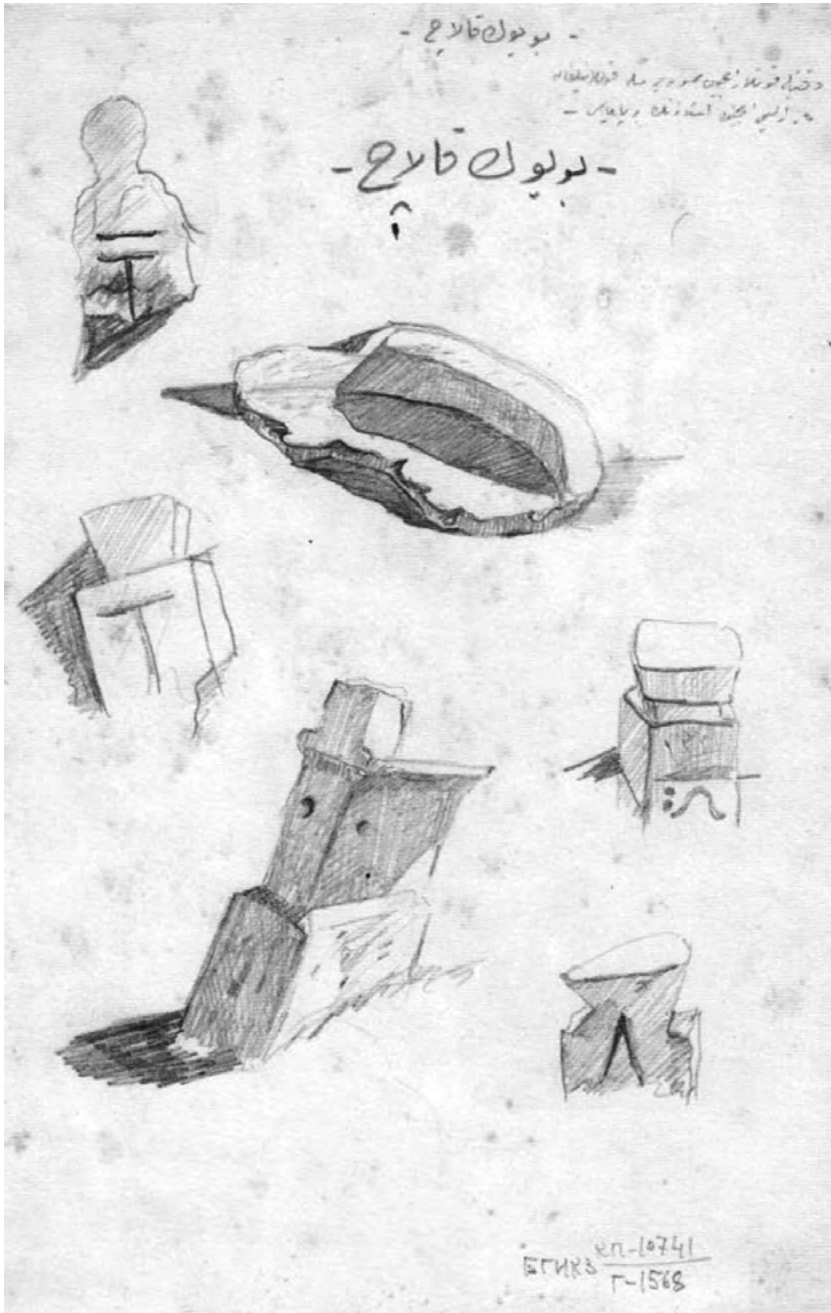

Рис. 10. Надгробие. Селение Бююк-Калач (Черноморский р-н). Рисунок У.А. Боданинского. 1926 г. [по: 5, с. 264, рис. 94]

Fig. 10. Gravestone. The settlement of Biiuk-Kalach (Chernomorskoe district). Drawing: U.A. Bodaninskii. 1926 [after: 5, p. 264, fig. 94]

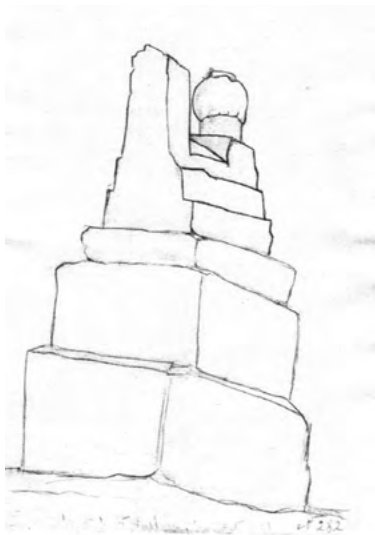

Рис. 11. Двурогое надгробие на постаменте. Селение Баксан (Белогорский р-н). Рисунок У.А. Боданинского. 1926 г. [по: 5, с. 246, рис. 68]

Fig. 11. Two-horned gravestone with a pedestal. The settlement of Baksan (Belogorsk district). Drawing: U.A. Bodaninskii. 1926 [after: 5, p. 246, fig. 68]

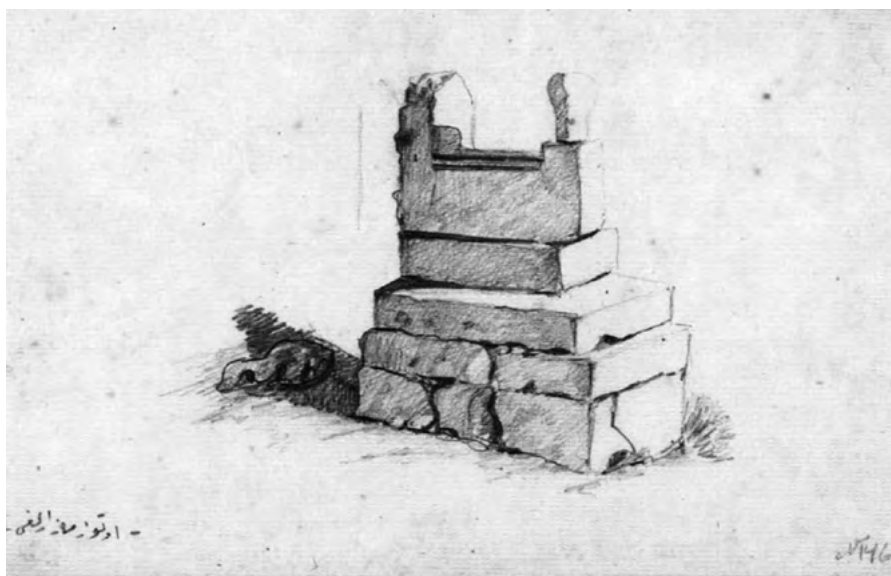

Рис. 12. Двурогое надгробие на постаменте. Селение Отуз (Черноморский р-н). Рисунок У.А. Боданинского. 1925 г. [по: 5, с. 231, рис. 48]

Fig. 12. Two-horned gravestone with a pedestal. The settlement of Otuz (Chernomorskoe district). Drawing: U.A. Bodaninskii. 1925 [after: 5, p. 231, fig. 48]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабина Е.А. Мусульманская каменная резьба Крыма // Мирас – Наследие. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3-х т. / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань: Астер Плюс, 2016. Т. 1. С. 510–543.
2. Акчокраклы О.[Н.-А.] Старо-крымские надписи: По раскопкам 1928 года // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3. С. 152–159.
3. Башкиров А. С. Художественные памятники Солхата // Крым. 1927. № 1(3). С. 122–144.
4. Боданинский Усеин. Собрание сочинений. Т. II. Дневники: 1923–1926 гг. Казань, Симферополь: Институт им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 264 с.
5. Боданинский Усеин. Собрание сочинений. Т. III. Материалы: дневники экспедиций, рисунки, планы, отчеты и др. Бахчисарайского дворца-музея (1920–1934). Казань, Симферополь: Институт им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. 544 с.
6. Бороздин И.Н. Солхат. Предварительный отчет о работах археологической экспедиции Крымсовнаркома, Крымзика и Научной Ассоциации востоковедения Союза ССР в 1925 году. М.: Искра революции. 1926. 32 с.
7. Бочаров С.Г. Эски-Крым: введение в историческую топографию города Крымского ханства // Поволжская археология. 2021. № 2. С. 121–135.
8. Григорьев А.П. «Книга путешествий» Эвлия Челеби – источник по истории Крыма XIII–XVII вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. 1974. Вып. 3. С. 19–28.
9. Кирилко В.П. Архитектура золотоордынского Крыма // Мирас – Наследие. Татарстан–Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3-х т. / Сост. и отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдииков. Казань: Астер Плюс, 2016. Т. 1. С. 420–496.
10. «Книга путешествия». Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.) / Пер. и комм. Е.В. Бахревского. Симферополь: Дар, 1999. 144 с.
11. Крамаровский М.Г. Золотая Орда и Причерноморье. Уроки чингисидской империи: каталог выставки. М.: Фонд Марджани, 2019. 504 с.
12. Ломакин Д.А. Мусульманские памятники Старого Крыма XIII–XV вв.: история изучения, современное состояние. Симферополь: Соло-Рич, 2015. 240 с.
13. Ломакин Д.А. «Крым в беге столетий – благодарная и заманчивая тема...»: исследования золотоордынской культуры в освещении газеты «Красный Крым» (20-е годы XX века) // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2017. Т. 14, вып. 1: «Крымоведение: пространство и время Крыма».
14. Мирас – Наследие. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3-х т. / Сост. и отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдииков. Казань: Астер Плюс, 2016. Т. 2. 572 с.

REFERENCES

1. Aibabina E.A. Muslim stone carving of Crimea. Bocharov S.G., Sitdikov A.G. (eds.), *Miras – Nasledie. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoi kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godakh* [Miras – Heritage. Tatarstan – Crimea. The city of Bolgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and the Crimea in 1923–1929], Kazan, Aster Plius Publ., 2016, T. 1, pp. 510–543.
2. Akchokrakly O.[N.-A.] Old Crimean inscriptions: Based on excavations in 1928. *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii* [Bulletin of the Tauride society of history, archeology and ethnography], 1929, vol. 3, pp. 152–159.
3. Bashkirov A.S. The monuments of Solkhat. *Krym* [Crimea], 1927, no. 1 (3), pp. 122–144.
4. Bodaninskii Usein. *Sobranie sochinenii. T. II. Dnevniky: 1923–1926 gg.* [Collected Works. T. II. Diaries: 1923–1926]. Kazan, Simferopol, 2018, 264 p.
5. Bodaninskii Usein. *Sobranie sochinenii. T. III. Materialy: dnevniki ekspeditsii, risunki, plany, otchety i dr. Bakhchisaraiskogo dvortsa-muzeia (1920–1934)* [Collected Works. Vol. III. Materials: expedition

- diaries, drawings, plans, reports, etc. of the Bakhchisarai Palace Museum (1920–1934)]. Kazan, Simferopol, 2020, 544 p.
6. Borozdin I.N. Solkhat. *Predvaritel'nyi otchet o rabotakh arkheologicheskoi ekspeditsii Krymsovnarkoma, Krymstika i Nauchnoi Assotsiatsii vostokovedeniia Soiuz SSSR v 1925 godu* [Solkhat. Preliminary report on the work of the archaeological expedition of the Crimean People's Commissars, Krymstik and the Scientific Association of Oriental Studies of the USSR in 1925]. Moscow, 1926, 32 p.
 7. Bocharov S.G. Eski-Crimea: an introduction to the historical topography of the city of the Crimean Khanate. *Povolzhskaya arkheologiya* [Volga's archeology], 2021, no. 2, pp. 121–135.
 8. Grigor'ev A.P. "Travel Book" by Evliya Chelebi – a source on the history of Crimea in the 13th–17th centuries. *Istoriografiia i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki* [Historiography and source study of the history of the countries of Asia and Africa], 1974, vol. 3, pp. 19–28.
 9. Kirilko V.P. Architecture of the Golden Horde Crimea. Bocharov S.G., Sitdikov A.G. (eds.), *Miras – Nasledie. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoi kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godakh* [Miras – Heritage. Tatarstan – Crimea. The city of Bolgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and the Crimea in 1923–1929], Kazan, Aster Plus Publ., 2016, T. 1, pp. 420–496.
 10. "Kniga putestviia". *Turetskii avtor Evliia Chelebi o Kryme (1666–1667 gg.)* ["Travel Book". Turkish author Evliya Chelebi about Crimea (1666–1667)]. Transl. E.V. Bakhrevsky. Simferopol, Dar Publ., 1999, 144 p.
 11. Kramarovskii M.G. *Zolotaia Orda i Prichernomor'e. Uroki chingisidskoi imperii: katalog vystavki* [The Golden Horde and the Black Sea Region. Lessons from the Chinggisid Empire: exhibition catalog]. Moscow, Fond Mardzhani Publ., 2019, 504 s.
 12. Lomakin D.A. *Musul'manskie pamiatniki Starogo Kryma XIII–XV vv.: istoriia izucheniia, sovremennoe sostoianie* [Muslim monuments of the Old Crimea of the 13th–15th centuries: history of study, current state]. Simferopol, Solo-Rich Publ., 2015, 240 p.
 13. Lomakin D.A. "Crimea in the run of centuries – a grateful and tempting topic...": studies of the Golden Horde culture in the coverage of the newspaper "Red Crimea" (1920s). *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremia* [Electronic scientific publication Almanac Space and Time], 2017, vol. 14, no. 1.
 14. Bocharov S.G., Sitdikov A.G. (eds.), *Miras – Nasledie. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoi kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godakh* [Miras – Heritage. Tatarstan – Crimea. The city of Bolgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and the Crimea in 1923–1929], Kazan, Aster Plus Publ., 2016, T. 2, 572 p.

Информация об авторе

Айбабина Е. А. – кандидат исторических наук, доцент кафедры геометрического и компьютерного моделирования энергоэффективных зданий Академии строительства и архитектуры Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

Author information

Aibabina E. A. – Candidate of Science (History), Associate professor of the Department of geometric and computer modeling of energy-efficient buildings of the Academy of construction and architecture of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

НУМИЗМАТИКА И СФРАГИСТИКА

DOI: <https://doi.org/10.37279/2413-189X.2021.26.374-401>

МОНЕТНЫЕ СПЛАВЫ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО ПЕРИОДА НЕЗАВИСИМОСТИ

Татьяна Николаевна Смекалова¹, Наталия Леонидовна Демиденко²,
Андрей Николаевич Гаврилюк³

^{1,3} Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия

² Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»,
Севастополь, Россия

¹ tnsmek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5378-5372>

Аннотация. В статье представлены результаты рентгено-флуоресцентного анализа состава сплавов двух крупнейших коллекций монет античного Херсонеса – Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» и Евпаторийского краеведческого музея. Всего было изучено около тысячи монет, что вместе с исследованными ранее 400 монетами из Государственного Эрмитажа составляет солидную базу для выводов. В данной работе анализируются полученные данные для Херсонеса независимого периода, то есть с возникновения чеканки в начале IV в. до н.э. до Диофантовых войн в конце II в. до н.э. Впервые было определено, что периоду экономического расцвета Херсонеса во второй половине IV – III в. до н.э. соответствует особый монетный сплав – двухкомпонентная высокооловянная бронза, из которой чеканились наиболее крупные за весь период независимости дихалки. Именно эти монеты служили финансовой основой важных преобразований на ближней и дальней хоре: размежевания виноградников и территориальной экспансии Херсонеса в Северо-Западную Таврику. Только в III в. до н.э., в период небывалого укрупнения земельных владений и превращения винодельческой отрасли в товарную, начинается чеканка крупных серебряных монет полной металлической стоимости, которые могли понадобиться для финансовых сделок и расчетов при международной торговле. Кризисные явления в чеканке Херсонеса в конце II в. до н.э. коснулись серебряных драхм, подавляющее большинство которых чеканятся из низкопробного серебряного сплава, в котором меди более трети состава. Монеты, таким образом, превратились из полновесных в условные.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, монетные сплавы, чеканка периода независимости Херсонеса, рентгено-флуоресцентный анализ

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 18-18-00193-П «Начальный период истории денег: переход от полновесной монеты к знаку условной стоимости». Приносим нашу искреннюю благодарность руководству и сотрудникам фондов Херсонесского музея-заповедника и Евпаторийского краеведческого музея за предоставленную возможность исследования монет и помощь в процессе измерения состава их сплава и фотографирования.

COIN ALLOYS OF TAURIC CHERSONESE IN THE PERIOD OF INDEPENDENCE

Tatiana N. Smekalova¹, Natalia L. Demidenko², Andrey N. Gavriluk³

^{1,3} V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

² State Historical and Archaeological Museum Preserve of Tauric Chersonese, Sevastopol, Russia

Abstract. This paper presents the results of X-ray fluorescence analysis of the composition of alloys of the two largest collections of coins of ancient Chersonese residing in the State Historical and Archaeological Museum Preserve of Tauric Chersonese and the Yevpatoria Regional Museum. In total, about a thousand coins studied, which, together with the 400 coins previously examined from the State Hermitage Museum, constitutes a solid basis for conclusions. The given paper analyses the data obtained for coins of Chersonese in the Period of Independence, that is from the emergence of local coinage in the early fourth century BC to the wars of Diophantos in the late second century BC. For the first time it has been determined that big dichalkoi were minted from a special coin alloy, two-component high-tin bronze, in the period of economic prosperity of Chersonese in the second half of the fourth and third centuries BC. These coins served as the financial basis for important transformations in the near and distant chora: the land division system of vineyards and territorial expansion of Chersonese into the north-western Taurica. Only in the third century BC, in the period of an unprecedented consolidation of land properties and the transformation of the wine production into a commodity industry, the minting of large silver coins of full metal value began probably for big financial deals and payments in international trade. The crisis in the minting of Chersonese in the late second century BC touched silver drachmae, the overwhelming majority of which were minted from a low-grade silver alloy with the copper comprising more than a third of the composition. Thus, full-weight coins turned to conditional money.

Keywords: Tauric Chersonese, coin alloys, coinage in the Period of Independence of Chersonese, X-ray fluorescence analysis

Acknowledgments: This research was funded by the Russian Science Foundation, project no. 18-18-00193-П “The Initial Period of the History of Money: The Transition from a Coin of a Full Metallic Value to a Sign of Conventional Value.” We are very grateful to the management and workers of the museum storage department of the Museum Preserve of Tauric Chersonese and Yevpatoria Regional Museum for the possibility to study coins and their assistance in measuring the composition and photographing coins.

Введение. Задачи, объекты и методы исследования

Чеканка античного Херсонеса продолжалась почти без перерыва в течение более шести с половиной веков. До конца 1990-х годов состав сплава Херсонесских монет изучался лишь эпизодически и касался только необычных свинцовых монет [7]. Между тем, как показали массовые исследования состава монетных сплавов Херсонеса, сделанные нами на материалах коллекции Государственного Эрмитажа в конце 1990-х годов [13], данные по использованным сплавам могут пролить свет на важные аспекты экономической и политической истории города, помочь при определении относительной и абсолютной хронологии выпусков.

В Государственном Эрмитаже в конце 1990-х годов нам удалось исследовать более 400 монет античного Херсонеса, однако измерения состава сплава проводи-

лись с помощью полуколичественного рентгеновского флуоресцентного анализа (на спектрометре AP-104, разработанном на Ленинградском предприятии «Рудгеофизика»), при котором фиксировалось содержание только четырех элементов: меди, свинца, цинка и золота.

В данной работе мы представляем результаты 2019–2021 гг. изучения состава сплавов еще двух крупнейших коллекций монет античного Херсонеса – Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» и Евпаторийского краеведческого музея. Всего было изучено 96 серебряных и 586 медных херсонесских монет из Херсонесского музея и 185 медных херсонесских монет из Евпаторийского музея. Нумизматические собрания этих музеев отличаются не только полнотой, но и целым рядом уникальных кладов [5; 11]. Таким образом, в научный оборот включены данные по составу около тысячи монет античного Херсонеса, что обеспечивает статистически значимые выводы¹.

В работе был использован современный рентгено-флуоресцентный спектрометр Мистраль М1 (Bruker), позволяющий быстро и качественно определять состав металлических сплавов. Небольшие габариты прибора позволили проводить массовые измерения непосредственно в музейных хранилищах, что обеспечило статистическую значимость результатов и гарантировало сохранность монет. Химический состав сплава монет изучался по методу неразрушающего безэталонного РФА. Изучалось содержание 10 химических элементов: меди (Cu), свинца (Pb), олова (Sn), цинка (Zn), железа (Fe), серебра (Ag), мышьяка (As), золота (Au), марганца (Mn) и сурьмы (Sb). В ходе исследования серебряных монет выяснилось, что содержание Ni и Mn менее сотой доли процента, поэтому мы не приводим в таблицах состава их содержание.

Все полученные при исследовании монет из собраний трех музеев (Государственного Эрмитажа, Херсонесского и Евпаторийского) данные по составу монетных сплавов были совокупно проанализированы и рассмотрены в контексте исторической ситуации в тот или иной период. Для идентификации монет использовалась, в основном, наиболее известная монография В. А. Анохина «Монетное дело Херсонеса» [1]; для хронологических определений также была, в общих чертах, принята хронологическая система, разработанная этим исследователем, а также Е. Я. Туровским [23].

Состав сплава ранних монет Херсонеса

Первая серия херсонесских монет, датирующаяся 390–380 гг. до н.э. [1, с. 134], состояла из нескольких номиналов серебра и меди, объединенных изображениями на лицевой и оборотных сторонах: Голова Девы в керкифале / ХЕР, рыба и палица [1, кат. 1–7]. Серебро самых ранних монет, исследованных нами в коллекции Государственного Эрмитажа, довольно высокопробное: содержание меди в них не превышает 8%, содержание свинца и цинка – на уровне микропримеси [13, с. 111]. В составе спла-

¹ В данной статье из-за недостатка места мы приводим для примера только часть наших результатов по серебряным (табл. 1) и медным монетам из Херсонесского (табл. 2) и Евпаторийского музеев (табл. 3).

ва имеется довольно большое содержание золота, что, вероятно, может указывать на фракийское происхождение металла, так как именно для фракийских месторождений серебра характерны высокие значения микропримеси золота [26, p. 16, 32].

Медные эмиссии – халки и лепты (рис. 1,1,2) [1, кат. 4–7], синхронные первым серебряным монетам, биты из оловянной бронзы, без соблюдения определенной рецептуры. Олова в сплаве содержится от 2 до 31%. Часто в составе сплава почти нет свинца, иногда монеты изготовлены из «чистой» меди (см. табл. 2,1,2; 3,1–11).

Крупные медные монеты (дихалки) с изображениями сидящей Девы, проверяющей стрелу, и лани / ХЕР, бодающегося быка [1, кат. 8], мелкие монеты (дилептоны) с изображениями головы быка / рыбы и палицы (рис. 1,3) [1, кат. 9–12], а также серию из двух или более номиналов с изображениями головы Девы в венке / венка, в нем палицы или дельфина (рис. 1,4–6) [1, кат. 13–18] и кратера и дельфина на аверсах и палицы в венке или без него на реверсах (рис. 1,7) [1, кат. 19–22] относят к древнейшему периоду чеканки, до появления монет с фасовым изображением головы Девы, то есть до 370–360 гг. до н.э. [1, с. 19–20].

Эти серии отличает от наиболее ранних монет то, что они изготовлены из стабильно-высокооловянистой бронзы (олова от 7 до 35%), в составе которой по-прежнему содержится очень мало свинца (не более 2–3%), а в большинстве экземпляров его всего десятые доли процента. Монеты, битые из «чистой» меди или из бронзы с высоким содержанием свинца, выглядят как исключение (см. табл. 2,3–6; 3,12–31).

Серебряные монеты с изображениями головы Девы в $\frac{3}{4}$ влево / бодающегося быка, рыбы [1, кат. 23] датируют 370–364 гг. до н.э. по сходству с типами гераклейских монет, относимых к 415–364 гг. до н.э. [29, tabl. XXIX,11,13,14; 1, с. 135–136; 13, с. 123–127]. Несмотря на то, что исследовались всего три экземпляра из эрмитажной коллекции, удалось заметить, что они изготовлены из высокопробного серебра (не менее 96%) с невысоким содержанием примесного золота [13, с. 112]. Это отличие сплава, по сравнению с составом самого раннего серебра Херсонеса, не дает возможности утверждать, что источник металла оставался тем же самым и находился по-прежнему во Фракийской области. Вероятнее всего, необходимо искать аналогии в составе сплава этих монет Херсонеса с гераклейскими монетами с изображениями головы Геракла в львиной шкуре. В случае совпадения составов сплава монет обоих центров, можно говорить о синхронности их выпусков.

Крупные медные монеты (дихалки) конца второй четверти IV в. до н.э. с изображениями головы Девы в керкифале / морды льва анфас [1, кат. 26] биты из оловянной бронзы того же состава, что и монеты предшествующей серии, то есть из высокооловянистой бронзы. Большой неожиданностью для нас явилось то, что одна из исследованных трех эрмитажных монет этого типа (инв. номер ГЭ 26112) оказалась чеканенной из латуни, причем цинка в составе ее сплава около 20% [13, с. 112]. Данный факт, как нам кажется, может говорить о том, что монета поддельная, так как сплав подобного состава вошел в употребление для чеканки монет значительно позднее – только в I в. до н.э. в греческих городах Малой Азии [16, с. 75–90]. Нель-

зя, конечно, отрицать и случайного использования латуни какого-то изделия для монетной чеканки. Как бы то ни было, данный случай использования латуни следует признать совершенно непреднамеренным, не нарушающим общего вывода об использовании в первой половине IV в. до н.э. в херсонесской чеканке достаточно высокооловянистой бронзы практически без свинца.

Резкое изменение состава сплава произошло в середине IV в. до н.э. при чеканке серии многочисленных мелких монет с изображениями головы льва / пяти- или шестилучевой звезды (рис. 1,8–12) [1, кат. 27–32]. Впервые, с начала чеканки Херсонеса, эти монеты оказываются чеканенными из оловянно-свинцовой бронзы, в которой свинца очень большое количество: в среднем 7–14%, а иногда до половины состава. Только некоторые экземпляры изготовлены из оловянной бронзы с малым содержанием как олова, так и свинца (см. табл. 2,7–11; 3,32–51). Мы разделяем точку зрения Н. Н. Грандмезона и Е. Я. Туровского, которые полагали, что эти монеты «выпускались не один десяток лет и, возможно, сопровождали в качестве мелкого номинала монеты с изображением коленопреклоненного воина и квадриги, коленопреклоненной Девы с луком и скачущего грифона; Девы, поражающей оленя, и бодающего быка» [8, с. 34–35; 23, с. 9]. В пользу того, что монеты со львом и звездой широко обращались в виде мелочи на всем протяжении второй половины IV в. до н.э., свидетельствуют их частые находки на усадьбах Гераклеяского полуострова, жизнь на которых начинается не ранее начала последней четверти IV в. до н.э. [21, с. 11]. Необходимо отметить, что состав сплава большинства разновидностей этих мелких монет (очень большое количество свинца) совершенно отличен от состава сплава последующих монет крупных номиналов, изготовленных, как будет показано ниже, из оловянной бронзы почти без добавления свинца. Поэтому остается сделать заключение, что в сплав монет мельчайших номиналов преднамеренно добавлялись большие порции свинца для того, чтобы, во-первых, удешевить сплав и, во-вторых, облегчить процесс чеканки мелких монет из небольших заготовок.

Состав сплава монет эпохи экономического расцвета Херсонеса середины IV – начала III в. до н.э.

Крупная херсонесская медь

Новый этап в чеканке Херсонеса начинается с поистине триумфальной массовой чеканки медных монет крупных номиналов – дихалков и халков с выразительными и динамичными изображениями, сначала – квадриги и коленопреклоненного воина, а впоследствии – грифона и Девы; Девы, поражающей оленя, и бодающего Быка. Начало выпуска крупных монет относят к середине IV в. до н.э. [9, с. 379, сл.]; эту же датировку предлагают В. А. Анохин [1, с. 136] и Е. Я. Туровский [22, с. 8]. А. М. Гилевич связывала выпуск с военными успехами Херсонеса в Северо-Западном Крыму, ставшие возможными, по ее мнению, только после гибели царя скифов Атея в 339 г. до н.э. [4, с. 6].

В любом случае, очевидно, что мощный и длительный выпуск крупной меди был связан с экономическим подъемом и территориальной экспансией Херсонеса. Вероятно, следует связать рассматриваемые выпуски с такими значимыми событиями в жизни города, как размежевание территории сначала Маячного, а затем и всего Гераклеийского полуострова и, одновременно, с выводом херсонесских усадеб и виноградников в Северо-Западный Крым [17; 18; 19]. Мы склоняемся поэтому к точке зрения А. Н. Зографа и В. А. Анохина и датируем начало выпуска дихалков квадрига / воин серединой IV в. до н.э. Именно в это время происходят перечисленные события в политической и экономической истории Херсонеса.

В. А. Анохин считает дихалки с изображениями квадриги / коленопреклоненного обнаженного воина с копьем и щитом (рис. 1,13) [1, кат. 35–56] и халки с изображениями двуликой головы / льва, терзающего быка [1, кат. 57–59], которые он датирует 350–330 гг. до н.э., переходными сериями от монет без дополнительных знаков к монетам с полными именами.

Изображения на крупных херсонесских монетах второй половины IV в. до н.э. выполнены в высокохудожественной манере. Сам процесс отливки кружков и чеканки монет отличается тщательностью и следованию установленным весовым стандартам. Этим же критериям отвечает и качественный сплав стабильного состава, из которого изготовлены дихалки квадрига / воин. Монеты сделаны из «свежей» двойной оловянистой бронзы, то есть из сплава меди с оловом, которой в сплаве довольно много, в среднем, 11–18% (табл. 2,12; 3,52–88). Возможно, при выборе сплава монет крупных номиналов учитывались не только полезные физико-технические характеристики оловянистой бронзы с высоким содержанием олова (высокая жидкотекучесть, рассеянная пористость, низкая усадка, высокая коррозионная стойкость, податливость ковке и чеканке), но и ее особенный цвет. Как известно, медно-оловянистые сплавы с содержанием олова от 10 до 20% имеют ясный желтый или золотисто-желтый цвет, напоминающий золото [23, с. 81, 106]. Возможно, двухкомпонентный медно-оловянный сплав был выбран по совокупности эстетических и технологических свойств для чеканки крупных монет, являвшихся основой денежного обращения и заменивших отсутствующие в середине IV в. до н.э. в Херсонесе серебряные монеты. Не исключено, что подобный сплав психологически воспринимался как особый металл, возможно, как один из видов золота, а не как разновидность обычной бронзы. Вероятно, ценность дихалков была завышена по сравнению со стоимостью металла в них заключенного. Особый состав сплава служил средством защиты этих кредитных монет от подделок. Полновесные дихалки являлись финансовой опорой для амбициозных хозяйственных проектов по размежеванию всей территории Гераклеийского полуострова, а также выводу херсонесских усадеб в Северо-Западную Таврику для организации взаимодействия с местными земледельцами и вывоза хлеба в Херсонес.

Вероятно, для организации чеканки этих монет была получена крупная партия сплава, возможно, из метрополии Херсонеса – Гераклеи, однако, не исключен

и другой путь монетного металла. Для решения этого вопроса примечательно следующее исключение: два дихалка из 113 исследованных экземпляров чеканены из сплава, который содержит довольно заметное количество цинка – до 1% (ГЭ инв. №№ 26103 и 26107), а один экземпляр из Кучук-Мойнакского клада 1964 г. даже 5,33% (ЕКМ КП 4566/7). Вероятно, цинк попал в сплав в качестве естественной примеси и может указывать на использовании месторождения медной руды с повышенным содержанием цинка. Подобная особенность была нами зафиксирована для некоторых ольвийских монет IV в. до н.э., и особенно для монет с изображением орла с плотно прижатыми к туловищу крыльями, на дельфине [2, кат. 29–52]. Такой характер сплава свидетельствует о возможном общем источнике металла для чеканки херсонесских и ольвийских монет и указывает на одно из месторождений Северо-Фракийской группы, поскольку именно там имеются медные рудники, в которых присутствует большое количество цинка (до 10%, а иногда и более) [24, с. 47–48; 16, с. 122].

На смену этим монетам в 330–320 гг. до н.э. приходят наиболее крупные во всей истории независимого Херсонеса дихалки с изображениями грифона / коленопреклоненной Девы с луком и стрелой (рис. 1,16,17) [1, кат. 60–65]. Вес некоторых экземпляров иногда более 9,5 г. За ними последовали дихалки с изображениями коленопреклоненной Девы / грифона [1, кат. 60–65, 68–74] и вновь грифона / Девы [1, кат. 75–76]. Параллельно выпускались халки с изображениями биги / льва с копьём в зубах (рис. 1,15) [1, кат. 66–67].

Все дихалки чеканены, как и прежде, из стабильного по составу сплава: достаточно высокооловянной бронзы с незначительным содержанием свинца. Однако, намечается тенденция, получившая в дальнейшем свое развитие для последовательных выпусков монет крупных номиналов: количество олова в сплаве от выпуска к выпуску немного падает (до значений, в среднем, 8,8–10,5%), а свинца – также незначительно увеличивается (до 1,2%) (табл. 2,12–13, 15–24; 3, 95–96, 99–103). Это явление можно, вероятно, объяснить «старением» сплава, то есть добавлением в сплав при переплавке прежних монет обычного бронзового лома, что увеличивало процентное содержание свинца и уменьшало содержание олова в монете.

Отливка монетных кружков наиболее крупных и тяжелых бронзовых монет эллинистического Херсонеса с изображениями грифона и Девы проводилась по специфической, новой для Херсонеса, так называемой «сицилийской» технике. Согласно этому методу, для литья заготовок использовалась сложная многоярусная форма, специально сконструированная для более полного использования металла, сокращения времени на обрубку литников и увеличения выхода продукции при каждой отливке. Таким образом, достигалась максимальная эффективность производства большого количества крупных монет. Наряду с одинаковой техникой отливки заготовок [1, с. 25–26], идентичность состава сплава многочисленных монет грифон / Дева и Дева / грифон может служить дополнительным доказательством их хронологической близости.

В. А. Анохин предполагал, что монеты с изображением биги / льва с копьём (рис. 1,15) [1, кат. 66–67] могли появиться только после выпуска монет с изображением квадриги [1, с. 25, кат. 60–65], то есть только после 350–330 гг. до н.э., хотя он не приводит никакого доказательства для подкрепления этого своего мнения. Остановимся более подробно на рассмотрении этих монет, так как их сплав заметно отличается от сплава других, предположительно, синхронных монет по своему составу. По данным наших исследований, монеты с изображением биги чеканены из свинцово-оловянной бронзы (олова в среднем 6%), причем содержание свинца в них – от нескольких процентов до 15% (в среднем, 4,25%) (табл. 2,14; 3,97–98). Сплав этих монет походит на сплав некоторых разновидностей мелких монет типа звезда / голова льва, рассмотренных выше и датированных серединой IV в. до н.э. Поэтому мы можем сделать осторожное предположение об отнесении даты выпуска монет с изображением биги к более раннему, по сравнению с предлагаемым В. А. Анохиным, периоду. В пользу этого, помимо схожести состава сплава, говорят также следующие соображения. Во-первых, как отмечал еще А. Л. Бертъе-Делагард, очевидна близость изображения льва с копьём в зубах реверсному типу боспорских монет, которые, по общепринятому мнению, датируются 375–360 гг. до н.э. [3, с. 51]. Во-вторых, на одной из разновидностей рассматриваемых херсонесских мелких монет с изображениями звезды / морды льва имеется буква “П”. На монетах с бигой же встречается сокращение “ПА”. Впрочем, такие же буквы имеются и на некоторых монетах с изображениями коленопреклоненной Девы / грифона [1, с. 25]. Не исключено, что данное сокращение просто является весьма распространенным, и только на наличии одинаковых букв “ПА” на монетах разных типов нельзя строить никаких предположений об их хронологической близости. Возможен и другой вариант объяснения отличия состава сплава монет с бигой: монеты мелкого номинала (халки) были изготовлены из более дешевого сплава, по сравнению с выскооловянистой бронзой дихалков.

В последние десятилетия IV в. до н.э. в Херсонесе появляются дихалки с изображениями Девы, поражающей копьём лань / бодающегося быка (рис. 1,18) [1, кат. 77–81], которые чеканятся, по-прежнему, из высокооловянистой бронзы. Однако тенденция по снижению количества олова в сплаве (до 9% в среднем) и увеличению свинца (до 1,38%) продолжается (табл. 2,17–24). Их, по-видимому, нужно считать сменяющими монеты с изображениями грифона / Девы, так как на медных монетах Дева, поражающая лань / бык имеется такое же имя магистрата, как на монетах с грифоном: ΕΥΔΡΟΜΟΥ [1, с. 138–139].

Чеканка серебра крупных номиналов на рубеже IV–III вв. до н.э.

Около рубежа IV–III вв. до н.э. в хозяйственной жизни и в монетном деле Херсонеса происходят еще более существенные перемены. Наступает пиковый, наивысший период в экономике города. В известной херсонесской надписи IOSPE I² 403 зафиксировано беспрецедентное укрупнение земельных участков на северной прибрежной части уже размежеванного Гераклеяского полуострова. Разителен

переход от равных единичных гражданских наделов-гекаторюгов (сто-оргиевых участков или 4,3448 га) к огромным владениям, достигающим 90–96 га [15, с. 138]. Эти участки были превращены в сплошные виноградники, о чем свидетельствуют стандартизированные виноградные плантажи, просматривающиеся на архивных аэрофотографиях 1941–1944 гг. [18, с. 96–102; 14, с. 66–68]. Винодельческая отрасль превратилась в товарную и стала приносить огромную прибыль, которая определялась как потреблением производимого продукта самими херсонеситами, так и широтой «варварского» винного рынка в Таврике, о чем красноречиво говорят нарративная традиция (новелла Геродота о Скиле [Hdt. IV.78–80]) и обильный херсонесский амфорный материал, находимый повсеместно на поселениях местных племен Северного Причерноморья.

По мнению исследователей, в это время полис прекращает выпуск медных монет, по-видимому, потребность в них была полностью удовлетворена [1, с. 26–27; 22, с. 9]. Монетный двор переходит к чеканке исключительно полновесного крупного серебра двух серий, битых в различных весовых системах.

С самого начала III в. до н.э. [1, с. 26; 22, с. 9] начинается выпуск серии серебряных монет, состоящей из двух номиналов. Тетрадрахмы имеют изображения головы Девы, сзади колчан и лук / бодрящийся бык, над ним палица и имя города, внизу, под чертой – сокращенное имя магистрата (рис. 2,1) [1, кат. 82–86]. Дидрахмы имеют на лицевой стороне такое же изображение головы Девы, а на обороте – Девы, поражающей копьём лань, как на медных монетах (рис. 2,2) [1, кат. 88–90]. Они прекрасно представлены в Херсонесском музее в составе двух кладов (Стрелецкого 1944 г. и 1-го Камышовского 1945 г.).

Наши измерения 2020 г. состава сплава тетрадрахм и дидрахм из этих кладов показали, что они чеканены из серебряного сплава несколько худшего, по сравнению с наиболее ранними выпусками, состава: меди в них уже более 10%, а иногда даже более 15% (в среднем, 11%) (см. табл. 1,1–18). Тем не менее, монеты достаточно высокопробны, и, несомненно, служили в качестве монет полной металлической стоимости и могли служить для расчетов при международной торговле. Об этом свидетельствует и постоянство их веса, очень редко отходящего от нормативного [20, с. 115–125; 22, с. 10]. Примесь золота, по-прежнему, довольно высокая (0,56–0,61%), это может говорить о том, что источник серебра, возможно, снова фракийский. Остальные примеси составляют чуть больше 1% (олово 0,37–0,41%, свинец 0,77%).

Тетрадрахмы и дидрахмы с головой Девы сменяют три выпуска серебряных монет двух номиналов (тридрахмы и гемиоболы), на которых изображена голова Геракла (рис. 2,3,4) [1, кат. 92, 95–105, 107–119]. Состав сплава этих монет в Херсонесском музее изучался на достаточно многочисленных экземплярах, происходящих из вышеперечисленных и 2-го Камышовского кладов (см. табл. 1,19–76). Все монеты по-прежнему полновесны и биты из серебра не худшего качества, чем предыдущие выпуски (серебра в них в среднем не менее 86%, хотя чаще попадаются экземпляры, в которых меди уже часто 14–15% и даже 19%). Примесей олова и свинца в сплаве в тех же пределах, что и

в предыдущих выпусках, суммарно немного более 1%. Источник серебра для чеканки этих монет, насколько можно судить по достаточно высокому содержанию примесного золота (0,59–0,60%), остался прежним, то есть, вероятно, фракийским.

Можно заключить, что выпуски серебряных монет крупных номиналов демонстрируют соответствие весовым нормам и аккуратно отчеканены из примерно одинакового доброкачественного сплава, что свидетельствует об экономической стабильности и постоянстве поставок серебра из одного и того же источника. Тридрахмы и гемидрахи с головой Геракла представляли заключительный выпуск крупного серебра в Херсонесе, являющегося показателем расцвета экономики и связанного, по-видимому, с максимальным освоением и использованием хоры как на Гераклеяском полуострове, так и в Северо-Западном Крыму [28; 18; 19; 15].

Херсонесская чеканка конца III в. до н.э.

С конца III в. до н.э. в Херсонесе чеканятся серебряные монеты только меньших номиналов (драхмы и гемидрахи). Так, самым ранним из монет подобного типа следует считать выпуск из двух номиналов. Драхмы с изображениями головы Девы в точечном ободке, повернутой вправо / божающегося быка, влево [1, кат. 124] биты из хорошего серебра [13, с. 115], такого же, как и крупные монеты с изображениями головы Геракла / сидящей Девы и головы Геракла / Девы, поражающей лань.

В качестве младшего номинала к указанному серебру, возможно, относятся диалки с изображениями головы Геракла, повернутой вправо / проры, повернутой влево [1, кат. 131–132]. Эти монеты биты из высокооловянной бронзы почти без свинца. Они часто оказываются перечеканенными из предыдущих монет типа Дева / бык, что подтверждается идентичностью состава сплава монет обоих типов [13, с. 115].

В конце III в. до н.э. впервые проявились серьезные кризисные явления в монетном деле Херсонеса: высокую пробу серебра удалось удержать только в драхмах, мелкие номиналы все чаще выпускались из некачественного сплава с низким содержанием серебра. Наблюдается редукция веса и размера монет, часто небрежность в чеканке.

В 210–200 гг. до н.э. [1, с. 143] или, по мнению Е. Я. Туровского, в середине III в. до н.э. [23, с. 10] в Херсонесе выпускаются серебряные монеты двух номиналов с головой Девы на лицевой стороне. Это драхмы с Девой, поражающей копьем лань на обороте [1, с. 143, кат. 133–137] и гемидрахи с колчаном и луком [1, кат. 138–142] (рис. 2,5,6). В то время как драхмы, хорошо представленные в Херсонесском музее, чеканены из достаточно высокопробного сплава, примерно такого же состава, что и предыдущие выпуски (серебра около 80%), гемидрахи биты из низкопробного серебра, содержание меди в котором иногда доходит до 40–60% (табл. 1,77–83)!

Медные монеты крупного номинала с изображениями головы Девы, повернутой вправо / лежащей лани (рис. 2,7) [1, кат. 143–144] биты из оловянно-свинцовой бронзы, содержание свинца в которой – до 6% (табл. 2,25). Похожий состав сплава зафиксирован нами для монет младшего номинала с изображениями головы Геракла, повернутой вправо / палицы (рис. 2,8) [1, кат. 145–146] (табл. 2,26).

Монеты следующего выпуска, датированные В. А. Анохиным 210–200 гг. до н.э., включают два номинала: дихалки голова Геракла в львиной шкуре / бодающийся бык (рис. 2,9) [1, кат. 147–149] и халки голова Геракла в львиной шкуре / палица (рис. 2,10) [1, кат. 150–152]. Они чеканены из свинцово-оловянной бронзы, в которой умеренное количество свинца (в среднем, 5%) и олова (4–12%) (табл. 2,27–30).

Из бронзы примерно такого же состава чеканены монеты 200–190 гг. до н.э. (по В. А. Анохину) с изображениями головы Девы в венке / коленопреклоненной Девы, стреляющей из лука (рис. 2,11) [1, кат. 154] и бодающегося быка, повернутого влево (рис. 2,12) [1, 156–157] (табл. 2,231–233; 3,103). О наличии кризисных явлений в чеканке Херсонеса этого периода говорят надчеканки и перечеканки монет [1, с. 30]. Надчеканиваются и перечеканиваются также серебряные монеты с изображениями головы Девы / Девы и лани [1, кат. 137].

Гемидрахмы с изображением головы Девы / лука и колчана (рис. 2,13) [1, кат. 158], относящиеся по мнению В. А. Анохина к первому десятилетию II в. до н.э., как показали наши исследования, сделаны из очень низкопробного серебра (меди до 70%) (табл. 1,84–88). Теперь уже среди них совсем нет высокопробных экземпляров, как это наблюдалось для монет предыдущего выпуска. Появление на монетном типе головы Девы в башенной короне можно связать с какой-то внешней опасностью, вероятно, с той, о которой упоминается в договоре 179 г. до н.э. с понтийским царем Фарнаком I (IOSPE I², 402). Возможно, о кризисной обстановке свидетельствует также тот факт, что эти монеты претерпели многочисленные надчеканки и перечеканки.

Медные монеты типа: голова Афины / грифон (рис. 2,14) примерно 180–170 гг. до н.э. [1, кат. 159–160] перечеканивались из монет с изображениями Девы и лани / быка и головы Девы / лежащей лани, поэтому не удивительно, что они имеют идентичный состав сплава. Это оловянно-свинцовая бронза с содержанием олова примерно 7% и невысоким содержанием свинца в несколько процентов (табл. 2,34). Из такой же бронзы чеканены монеты той же серии, но более мелкого номинала с изображениями головы Афины / Ники (рис. 2,15) [1, кат. 161–163] и последующих выпусков с изображениями головы Диоскура / проры 170–160 гг. до н.э. (рис. 2,16) [1, кат. 165–166] и головы Девы / лука и колчана 160–150 гг. до н.э. (рис. 2,17) [1, кат. 168] (табл. 2,35–38).

Примерно в 140–130 гг. до н.э. были выпущены монеты двух номиналов: легкие дихалки и халки с одинаковыми изображениями лицевой (голова Гермеса) и оборотной (рог изобилия) сторон (рис. 2,18,19) [1, кат. 173–176], которые условно объединяют в одну серию, несмотря на некоторую разнотипность изображений и фактуры [1, с. 32]. Они чеканены из оловянной бронзы с довольно большим содержанием олова (до 7%). В некоторых экземплярах мелкого номинала зафиксировано довольно большое количество свинца (до 7,7%) (табл. 2,39–41). Мелкие монеты третьей четверти II в. до н.э. (сильно потерявшие в весе дихалки) с изображениями сидящего орла / стоящего козла [1, кат. 177] биты из сплава похожего состава (табл. 3,104–106).

Чеканка Херсонеса периода войн Диофанта

К последнему периоду автономии Херсонеса 120–110 гг. до н.э. по В. А. Анохину или к последней четверти II в. до н.э. по Е. Я. Туровскому [22, с. 12] относятся наиболее многочисленные за всю историю Херсонеса серебряные монеты: драхмы с изображениями головы Девы в башенной короне / стоящей лани [1, с. 146, кат. 179–181] (рис. 2,20) и гемидрахмы с изображениями головы Геракла / палицы [1, кат. 182–183]. Как на крупных, так и на более мелких монетах имеются полные имена магистратов, среди которых есть общие для обоих номиналов (ΜΟΙΡΙΟΣ, ΔΙΟΤΙΜΟΥ). Эти монеты «были выпущены в таком объеме, которого город не знал за всю историю своего существования» [1, с. 33].

В составе сплава этой серии наиболее резко проявились кризисные явления в монетной чеканке, впервые коснувшиеся монет крупного номинала. Некоторые из драхм еще отчеканены из добротного серебра с содержанием меди 5–12%, но подавляющее их большинство чеканятся уже из низкопробного серебряного сплава, в котором меди более трети состава (табл. 1, 89–95). Несомненно, это свидетельствует о сложном положении, в котором оказались городские власти в конце II в. до н.э., окруженные варварскими племенами и вынужденные обратиться за помощью к Митридату VI, который прислал своего стратега Диофанта (IOSPE I², 352). Для увеличения денежной массы при ограниченном запасе драгоценного металла в городе пришлось пойти на такую меру, как «порча» серебра, которое очень сильно было «разбавлено» медью. Монеты, таким образом, превратились из полновесных в условные. Вероятно, выпуск этих монет был вызван необходимостью оплаты войск периода Диофантовых войн в Крыму [10, с. 151; 7; 1, с. 33].

Отметим, что на Боспоре примерно в это же время или несколько позже, в 96/95–89/88 гг. до н.э., Пантикапей, Фанагория и Горгиппия также чеканят многочисленные серебряные монеты с головой Диониса / именем города в венке из очень низкопробного сплава [16, с. 63–66]. Данные выпуски были последними городскими выпусками серебра на Боспоре [27, р. 1046]. Оба явления («порча» серебра городских выпусков Херсонеса и боспорских городов) были, вероятно, связаны с прекращением поставок серебра из Понта в связи с началом чеканки Митридатом VI царских тетрадрахм. В кризисный для городов период Херсонесу и Боспору пришлось обходиться собственными запасами серебра, а не поставками этого драгоценного металла из Понтийского царства.

Только в самом конце II в. до н.э., при установлении зависимости Херсонеса от Митридата VI, в город начали поступать из Понта серебро и бронза для чеканки монет. Так, в период с 102/101 до 96/95 гг. до н.э. в Херсонесе выпускаются драхмы без названия города с изображением головы Артемиды / Девы, поражающей лань и именем магистрата ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ [1, с. 147, кат. 191]². Достаточно высокопробное

² Недавно И. В. Шоным была высказана гипотеза о том, что данные серебряные монеты выпускались не Херсонесом, а Боспором. Это предположение базируется на рассмотрении географии находок монет, которые тяготеют к Боспору [26, с. 415–416]. Мы придерживаемся точки зрения, впервые высказанной

серебро для чеканки этих монет поступало, вероятно, из Понта [13, с. 118]. В связи с тем, что Херсонес находился в это время в подчиненном состоянии по отношению и к Боспору, и к Понту, имени города на рассматриваемых серебряных монетах нет. Это были последние серебряные выпуски Херсонеса.

Одновременно или несколько раньше драхм с изображением головы Девы в башенной короне / лани, вероятно, были выпущены медные дихалки, полностью повторяющие тип серебряных монет [1, кат. 184–190] (рис. 2,21). Они биты из оловянной бронзы почти без свинца (его всего 0,5%) (табл. 2,43–45). Как говорилось выше, бронза такого состава была характерна для предыдущих выпусков херсонесских монет. Таким образом, можно заключить, что в последний период автономии Херсонеса город использовал для чеканки своих монет собственные источники металла, независимые от Понта. Положение, однако, меняется в период зависимости Херсонеса вначале от Митридата VI, а затем от боспорских правителей.

Таблица 1. Состав сплава серебряных монет независимого Херсонеса из собрания ГИАМЗ «Херсонес Таврический»

<i>№ n/n</i>	<i>Инв. №</i>	<i>Происхождение</i>	<i>Вес, г</i>	<i>Анохин 1977</i>	<i>Сu, %</i>	<i>Ag, %</i>	<i>Au, %</i>	<i>Pb, %</i>	<i>Sb, %</i>	<i>Sn, %</i>
Серия 290–280 гг. до н.э. Голова Девы / бодящийся бык, тетрадрахма										
1	6901	Стрел.клад	13,88	84	12,67	85,56	0,68	0,37	0,00	0,72
2	6902	Стрел.клад	13,77	85	9,12	88,75	0,60	0,64	0,00	0,89
3	9150	Отд.находка	12,72	86	8,29	88,77	0,57	0,14	0,00	0,62
	Среднее		13,52		10,82	87,03	0,61	0,37	0	0,77
Голова Девы / Дева, поражающая копьём лань, дидрахма										
4	6913	Стрел.клад	6,73	88	12,02	86,24	0,47	0,58	0,00	0,69
5	7009	1-й Кам. клад	6,73	88	10,00	88,30	0,56	0,41	0,00	0,72
6	7006	1-й Кам. клад	6,82	89	8,42	90,00	0,60	0,21	0,00	0,78
7	7007	1-й Кам. клад	6,85	89	10,24	87,93	0,52	0,47	0,00	0,84
8	7008	1-й Кам. клад	6,74	89	10,56	87,64	0,51	0,48	0,00	0,81
9	7005	1-й Кам. клад	6,85	90	9,99	87,77	0,98	0,43	0,00	0,83
10	6904	Стрел.клад	6,88	90	11,20	86,88	0,60	0,47	0,00	0,85
11	6905	Стрел.клад	6,88	90	7,59	90,81	0,55	0,19	0,00	0,86
12	6906	Стрел.клад	6,85	90	12,50	85,39	0,93	0,35	0,00	0,82
13	6907	Стрел.клад	6,80	90	10,85	87,38	0,47	0,52	0,00	0,77
14	6908	Стрел.клад	6,72	90?	12,41	85,77	0,52	0,54	0,00	0,76
15	6909	Стрел.клад	6,73	90?	11,46	86,65	0,54	0,55	0,10	0,71
16	6910	Стрел.клад	6,78	90?	12,51	85,83	0,37	0,52	0,00	0,77
17	6911	Стрел.клад	6,80	90?	9,98	88,61	0,42	0,31	0,00	0,68
18	6912	Стрел.клад	6,88	90?	13,45	84,88	0,40	0,56	0,00	0,71
	Среднее		6,81		11,19	87,02	0,56	0,45	0	0,77
Выпуск 250–230 гг. до н.э. Голова Геракла / Дева, сидящая на троне, тридрахма										
19	6915	Стрел.клад	9,20	99	8,80	89,41	0,62	0,33	0,10	0,75
20	6916	Стрел.клад	9,30	99	10,24	88,01	0,64	0,31	0,00	0,81
21	6917	Стрел.клад	9,35	95	12,35	86,03	0,55	0,28	0,00	0,80
22	6918	Стрел.клад	9,35	95	9,13	89,32	0,50	0,27	0,00	0,78
23	6919	Стрел.клад	9,00	97	16,46	81,71	0,48	0,48	0,12	0,75
24	6920	Стрел.клад	9,35	100	11,38	86,95	0,59	0,33	0,00	0,75
25	6921	Стрел.клад	9,37	101	10,00	88,21	0,58	0,36	0,00	0,84
26	7010	1-й Кам. клад	9,41	97	14,67	83,58	0,51	0,34	0,09	0,81
27	7011	1-й Кам. клад	9,31	97	19,93	78,27	0,63	0,48	0,00	0,67
28	7012	1-й Кам. клад	9,21	97	8,04	90,07	0,59	0,42	0,00	0,87
29	7013	1-й Кам. клад	9,25	97	16,01	81,94	0,56	0,70	0,00	0,79
30	7014	1-й Кам. клад	9,33	98	16,01	81,94	0,56	0,70	0,00	0,79
31	7015	1-й Кам. клад	9,34	98	13,80	84,26	0,71	0,41	0,12	0,70
32	7016	1-й Кам. клад	9,25	98	12,68	85,39	0,58	0,46	0,10	0,78
33	7017	1-й Кам. клад	9,34	98	11,42	86,92	0,62	0,26	0,10	0,69
34	7018	1-й Кам. клад	9,37	105	14,47	83,67	0,63	0,45	0,00	0,79
35	7019	1-й Кам. клад	9,13	105	10,86	87,19	0,63	0,49	0,00	0,82
36	7020	1-й Кам. клад	9,39	96	13,91	84,16	0,70	0,44	0,10	0,70

Таблица 1 (продолжение)

№ п/п	Инв. №	Происхождение	Вес, г	Анохин 1977	Си, %	Ag, %	Au, %	Pb, %	Sb, %	Sn, %
37	7021	1-й Кам. клад	9,31	95	13,26	84,98	0,62	0,32	0,00	0,82
38	7022	1-й Кам. клад	9,23	95	15,08	83,38	0,43	0,31	0,00	0,80
39	7023	1-й Кам. клад	9,40	103	9,35	89,06	0,51	0,21	0,00	0,87
40	7024	1-й Кам. клад	9,38	102	15,60	82,39	0,68	0,49	0,12	0,73
41	7025	1-й Кам. клад	9,35	102	16,83	81,66	0,42	0,33	0,00	0,76
42	7026	1-й Кам. клад	9,35	102	12,04	86,06	0,69	0,43	0,00	0,78
43	10944	2-й Кам. клад	9,33	97	3,54	94,41	0,74	0,23	0,11	0,73
44	10945	2-й Кам. клад	9,46	96	5,76	92,75	0,62	0,21	0,00	0,67
45	10946	2-й Кам. клад	8,78	96	8,86	89,78	0,57	0,25	0,00	0,54
	Среднее		9,29		12,23	86,00	0,59	0,38	0,03	0,76
Голова Геракла / бодающийся бык, 9 оболов										
46	6923	Стрел. клад	4,63	113	12,12	86,12	0,52	0,34	0,11	0,79
47	6924	Стрел. клад	4,65	112	15,40	82,80	0,53	0,48	0,00	0,80
48	6925	Стрел. клад	4,60	112	14,94	83,09	0,79	0,44	0,00	0,75
49	6926	Стрел. клад	4,63	112	13,36	84,77	0,44	0,60	0,00	0,82
50	6927	Стрел. клад	4,65	113	9,31	88,76	0,63	0,35	0,11	0,84
51	6928	Стрел. клад	4,63	108	18,23	79,79	0,64	0,45	0,00	0,89
52	6929	Стрел. клад	4,64	108	12,08	85,99	0,60	0,46	0,11	0,77
53	6930	Стрел. клад	4,64	?	11,75	86,49	0,62	0,35	0,10	0,69
54	6931	Стрел. клад	4,62	108?	9,18	89,06	0,59	0,35	0,00	0,83
55	6932	Стрел. клад	4,62	?	10,34	87,81	0,57	0,51	0,00	0,76
56	6933	Стрел. клад	4,62	113	11,05	87,27	0,56	0,29	0,00	0,83
57	6934	Стрел. клад	4,65	116	12,33	85,95	0,57	0,22	0,12	0,81
58	6935	Стрел. клад	4,60	?	14,55	83,51	0,68	0,45	0,09	0,72
59	6936	Стрел. клад	4,52	?	9,97	88,38	0,37	0,50	0,00	0,78
60	7027	1-й Кам. клад	4,59	111	11,69	86,41	0,54	0,56	0,00	0,80
61	7028	1-й Кам. клад	4,65	112	8,63	89,19	0,77	0,48	0,13	0,81
62	7029	1-й Кам. клад	4,69	117	10,43	87,90	0,41	0,39	0,00	0,87
63	7030	1-й Кам. клад	4,69	111	9,60	88,74	0,55	0,27	0,00	0,84
64	7031	1-й Кам. клад	4,70	111	15,31	83,05	0,60	0,35	0,00	0,68
65	7032	1-й Кам. клад	4,70	111	8,78	89,30	0,71	0,38	0,00	0,84
66	7033	1-й Кам. клад	4,67	111	19,13	78,80	0,54	0,83	0,00	0,69
67	7034	1-й Кам. клад	4,69	111	14,49	83,61	0,59	0,53	0,00	0,78
68	7035	1-й Кам. клад	4,71	118	14,11	84,04	0,90	0,20	0,00	0,74
69	7036	1-й Кам. клад	4,51	118	10,77	87,26	0,63	0,45	0,00	0,89
70	7037	1-й Кам. клад	4,65	114	8,35	89,66	0,63	0,43	0,00	0,93
71	7038	1-й Кам. клад	4,50	113	9,63	88,29	0,72	0,37	0,10	0,90
72	7039	1-й Кам. клад	4,60	116	8,16	90,22	0,64	0,22	0,00	0,77
73	7040	1-й Кам. клад	4,63	119	13,63	84,32	0,79	0,45	0,00	0,81
74	10948	2-й Кам. клад	4,59	114	11,70	86,64	0,51	0,44	0,00	0,70
75	10947	2-й Кам. клад	4,65	113	5,84	92,66	0,58	0,17	0,00	0,74
76	10948	2-й Кам. клад	4,69	107	4,87	93,69	0,54	0,20	0,00	0,70
	Среднее		4,63		11,71	86,47	0,60	0,40	0,03	0,79

Таблица 1 (окончание)

№ n/n	Инв. №	Происхождение	Вес, г	Анохин 1977	Cu, %	Ag, %	Au, %	Pb, %	Sb, %	Sn, %
Серия 220–210 гг. до н.э.										
<i>Голова Девы / Дева, поражающая копьем лань, драхма</i>										
77	17708	Кол. Орехова	4,49	133	8,62	89,47	0,61	0,37	0,00	0,93
78	1604	Отд. находка	3,02	133-137	61,347	36,735	0,130	1,104	0,398	0,287
79	13953	Отд. находка	2,61	136	13,631	84,267	0,593	0,591	0,181	0,737
80	15475	Отд. находка	3,36	136	4,29	94,22	0,57	0,15	0,00	0,79
81	11925	Отд. находка	3,01	133-137	12,632	84,854	0,385	0,792	0,435	0,903
	Среднее		3,50		18,19	79,84	0,48	0,56	0,17	0,76
<i>Голова Девы / лук тетивой вверх, под ним колчан, гемидрахма</i>										
82	17710	Кол. Орехова	0,93	138-142	70,90	27,46	0,21	0,72	0,26	0,45
83	17709	Кол. Орехова	0,99	141	8,46	89,47	0,58	0,54	0,00	0,96
	Среднее		0,96		39,68	58,47	0,40	0,63	0,13	0,71
Выпуск 190–180 гг. до н.э.										
<i>Голова Девы в баиенной короне / лук тетивой вверх, ниже колчан, гемидрахма</i>										
84	18869	Отд. находка	1,1	158	64,74	33,86	0,09	0,57	0,31	0,44
85	6739	Отд. находка	0,5	158	39,48	58,23	0,44	0,61	0,36	0,88
86	6740	Отд. находка	0,8	158	46,67	50,94	0,96	0,54	0,31	0,58
87	6738	Отд. находка	1,1	158	20,16	77,97	0,47	0,36	0,17	0,86
88	20332	Отд. находка	1,42	158	42,87	52,40	0,31	2,19	0,35	1,89
	Среднее		0,984		42,78	54,68	0,45	0,85	0,3	0,93
Выпуск 120–110 гг. до н.э.										
<i>Голова Девы в баиенной короне / стоящая лань, драхма</i>										
89	7751	Отд. находка	2,98	179	4,98	93,50	0,61	0,23	0,00	0,66
90	8249	Отд. находка	4,07	179	21,11	77,22	0,60	0,28	0,00	0,79
91	9299	Клад 1956 г.	3,87	180	8,251	90,106	0,576	0,125	0,277	0,664
92	9300	Клад 1956 г.	3,46	179	12,98	85,75	0,61	0,06	0,00	0,60
93	9301	Клад 1956 г.	3,63	179	9,56	89,15	0,60	0,10	0,00	0,59
94	9302	Клад 1956 г.	4,00	179	24,617	73,536	0,502	0,360	0,281	0,537
95	17730	Кол. Орехова	3,86	181	9,50	88,27	0,72	0,25	0,19	1,07
	Среднее		3,70		13,00	85,36	0,60	0,20	0,11	0,70

Таблица 2. Состав сплава монет из сплавов на медной основе из собрания ГИАМЗ «Херсонес Таврический» (коллекция В.Н. Орехова)

№ n/n	Инв. №	Анохин 1977	Вес, г	Cu, %	Pb, %	Sn, %	Zn, %	Fe, %	Ag, %	Sb, %
Ранние монеты (до середины IV в. до н.э.)										
1	17683	6	0,46	99,52	0,21	0	0	0,27	0	0
2	17684	7	0,57	99,50	0,40	0	0	0,06	0	0,04
3	17685	12	0,88	81,83	1,88	16,06	0	0,13	0	0,11
4	17686	13, 14	1,66	88,21	0,47	11,23	0	0	0	0,09
5	17687	15	1,88	84,73	0,69	14,45	0	0	0	0,13
6	17688	17	0,45	98,17	0,44	0	0	1,35	0	0,03

Таблица 2 (продолжение)

№ n/n	Инв. №	Анохин 1977	Вес, г	Cu, %	Pb, %	Sn, %	Zn, %	Fe, %	Ag, %	Sb, %
Выпуски около середины IV в. до н.э. Голова льва / пяти- или шестилучевая звезда										
7	17690	27	0,71	57,97	37,80	4,10	0	0	0	0,13
8	17691	28	0,82	71,42	20,57	7,89	0	0	0	0,12
9	17692	29	0,81	86,20	6,98	6,72	0	0	0	0,10
10	17693	31, 32	0,56	72,85	20,30	6,52	0	0,08	0,08	0,17
11	17694	32	0,58	83,92	11,90	4,09	0	0	0	0,10
Серия около 350–330 гг. до н.э.										
<i>Квадрига с Девой с факелом / XEP, коленопреклоненный воин со щитом и копьем</i>										
12	17695	43	5,98	83,99	1,13	14,80	0	0	0	0,09
Серия около 330–320 гг. до н.э. Грифон / XEP, коленопреклоненная Дева										
13	17696	60-63	8,37	87,57	0,33	12,03	0	0	0	0,07
Бига / лев с копьем										
14	17697	67	2,89	88,77	1,35	9,59	0	0	0,06	0,23
Выпуск около 320–310 гг. до н.э. Коленопреклоненная Дева / XEP, грифон										
15	17698	75	5,44	89,80	1,08	9,03	0	0,04	0	0,05
16	17699	76	6,46	89,84	0,72	9,36	0	0	0	0,08
Выпуск около 300–290 гг. до н.э. XEP, Дева, поражающая копьем лань / бодящий бык на палице										
17	17700	77	6,42	90,12	1,05	8,76	0	0	0	0,07
18	17701	77	6,84	90,50	0,45	8,93	0	0,06	0	0,05
19	17702	78	6,69	88,24	1,16	10,46	0	0,08	0	0,06
20	17703	78	6,28	89,32	1,05	9,43	0	0,06	0,04	0,09
21	17704	79	6,61	89,84	0,80	9,21	0	0,06	0	0,10
22	17705	79	6,93	90,27	1,28	8,26	0	0,05	0,04	0,09
23	17706	80	6,37	90,30	0,85	8,62	0	0,13	0	0,10
24	17707	80	5,69	90,15	0,78	8,92	0	0,07	0	0,09
Выпуски после середины III – конца II в. до н.э.										
25	17711	143	3,14	87,79	3,33	8,55	0	0,26	0	0,07
26	17712	146	2,41	95,95	0,88	2,73	0	0,24	0,07	0,14
27	17713	147	2,37	91,22	4,81	3,34	0	0,23	0,09	0,31
28	17714	149	1,81	81,37	6,12	12,12	0	0,25	0	0,14
29	17715	150	1,85	89,49	4,54	4,86	0,07	0	0,19	0,85
30	17716	150	1,85	89,40	5,69	4,38	0	0,11	0,08	0,34
31	17718	156	3,13	93,91	0,84	4,76	0	0,38	0	0,11
32	17719	157	2,13	84,36	8,11	6,87	0	0,28	0,07	0,31
33	17720	157	2,87	96,46	1,62	1,47	0	0,32	0,05	0,08
34	17721	159	3,66	88,29	3,92	7,38	0	0,2	0,06	0,15
35	17722	161-163	1,42	93,44	1,02	5,11	0	0,15	0,07	0,21
36	17723	163	2,82	77,26	15,22	7,25	0	0,13	0	0,14
37	17724	165	2,48	90,49	1,34	7,70	0	0,32	0,05	0,09
38	17725	168	1,58	84,05	8,00	7,61	0	0,09	0,07	0,18

Таблица 2 (окончание)

№ п/п	Инв. №	Анохин 1977	Вес, г	Cu, %	Pb, %	Sn, %	Zn, %	Fe, %	Ag, %	Sb, %
39	17726	174	2,34	95,17	0,62	3,77	0	0,22	0,06	0,17
40	17727	175	0,83	89,44	7,72	2,46	0	0,15	0,06	0,17
41	17728	175	0,53	93,64	5,82	0,23	0	0,18	0,06	0,08
42	17729	176	1,40	86,99	4,81	7,22	0	0,07	0,13	0,78
43	17731	185	1,01	95,41	0,47	3,93	0	0,12	0	0,06
44	17732	188	3,69	94,21	0,34	5,10	0	0	0,11	0,24
45	17733	190	0,67	99,02	0,47	0,04	0	0,05	0,18	0,34

**Таблица 3. Состав сплава монет Херсонеса Таврического из собрания
Евпаторийского краеведческого музея**

№ п/п	Инв. №	Анохин 1977	Вес, г	Cu, %	Pb, %	Sn, %	Zn, %	Fe, %	Ag, %	As, %	Sb, %
Серия около 390–380 гг. до н.э. Голова Девы / рыба и палица											
1	3914	4	1,655	73,69	0,56	24,76	0	0	0	0,77	0,22
2	3834	4-5	1,3	87,04	0,2	12,13	0	0	0,08	0,38	0,16
3	3828	4	2,0	80,76	0,24	18,22	0	0,2	0	0,48	0,11
4	3860	4-5	2,79	88,04	0	11,67	0	0	0	0,24	0,06
5	3858	4-5	2,56	82,46	0,11	16,9	0	0,16	0,04	0,24	0,09
6	3835	4-5	1,5	62,76	0,26	35,83	0	0,12	0,05	0,64	0,34
7	3915	6-7	0,383	67,42	0,63	31,2	0	0,11	0,13	0,19	0,32
8	3740	6-7	0,2	69,88	0,61	27,09	0	1,45	0	0,67	0,31
9	3866	6-7	0,3	83	0,19	15,89	0,08	0	0,11	0,5	0,24
10	3819	6-7	0,1	87,46	0,35	11,5	0	0	0,12	0,26	0,31
11	3734	7	0,49	99,67	0,18	0,02	0	0,13	0,02	0	0,05
		Среднее			0,32	20,52				0,40	0,20
Выпуски около второй четверти IV в. до н.э. Голова быка / рыба и палица											
12	3867	9-12	0,5	79,92	0,17	18,67	0,09	0,11	0,09	0,67	0,29
13	3744	9-12	1,08	81,29	0,25	18,19	0	0,18	0,04	0	0,05
14	3749	9-12	0,72	74	1,24	24,3	0	0,29	0,05	0	0,11
15	3755	9-12	0,3	83,49	0,37	15,78	0	0,15	0,09	0	0,11
16	3840	11-12	1,27	81,19	0,23	17,44	0	0,14	0,04	0,45	0,52
17	3832	9-12	0,3	69,62	0,37	28,24	0	0,39	0,12	0,82	0,45
18	3859	9-12	0,5	94,92	0,23	4,71	0	0,08	0	0	0,06
19	3823	11-12	0,5	69,58	0,31	29,45	0	0	0,11	0,4	0,16
20	3800	11-12	0,71	66,3	0,75	31,73	0	0,67	0,06	0,3	0,19
		Среднее			0,44	20,94				0,29	0,22
Голова Девы / венок, в нем палица											
21	3746	13-14	0,98	82,06	0,16	17,56	0	0	0	0,14	0,08
22	3754	13-14	1,10	82,25	0,54	16,77	0	0	0,08	0,24	0,11
23	3761	13-14	1,01	79,06	0,34	19,88	0	0,21	0,05	0,36	0,11
24	3782	13-14	0,96	84,24	0,24	14,91	0	0,06	0,09	0,3	0,15
25	3822	13-14	1,30	81,15	0,25	17,91	0	0,22	0	0,34	0,12
26	3807	15?	0,8	69,98	0,41	28,68	0	0	0,13	0,61	0,19
27	3805	15?	0,7	88,93	0,22	10,4	0	0,16	0	0,21	0,07

Таблица 3 (продолжение)

№ п/п	Инв. №	Анохин 1977	Вес, г	Cu, %	Pb, %	Sn, %	Zn, %	Fe, %	Ag, %	As, %	Sb, %
Голова Девы / дельфин											
28	3814	17-18	0,15	65,45	0,57	32,36	0	0,47	0,17	0,53	0,45
29	3812	17-18	0,38	70,21	0,4	28,45	0	0,51	0	0,24	0,17
Кратер / палица											
30	3852	19-20	0,45	96,03	0,25	3,37	0	0	0,04	0,18	0,12
Дельфин / палица											
31	3747	21-22	0,68	88,59	0,76	10,13	0	0,22	0	0,21	0,09
Выпуски около середины IV в. до н.э. Голова льва / пяти- или шестилучевая звезда											
32	3728	27-32	0,81	92,15	0,71	6,60	0,00	0,00	0,04	0,42	0,08
33	3912	27-32	0,758	69,38	23,76	4,43	0	0	0	2,36	0,08
34	3911	27-32	0,488	85,27	1,71	12,18	0	0,29	0	0,44	0,11
35	3898	27-32	1,01	89,52	7,63	1,69	0	0	0,06	0,99	0,11
36	3891	27-32	0,72	55,33	36,6	4,45	0,08	0	0	3,43	0,11
37	3890	27-32	0,90	75,26	15,53	7,55	0	0	0	1,59	0,07
38	3850	27-32	1,14	90,2	0,2	9,1	0	0,17	0,05	0,19	0,09
39	3849	27-32	1,20	75,94	0,16	23,43	0	0,08	0	0,3	0,09
40	3846	27-32	0,80	93,36	0,21	6,03	0	0	0	0,2	0,21
41	3841	27-32	0,51	96,67	0,45	2,82	0	0	0	0	0,06
42	3831	27-32	0,52	94,04	0,77	5,10	0	0	0,05	0	0,05
43	3813	27-32	0,71	93,13	0,67	5,51	0	0,14	0,07	0,28	0,19
44	3793	27-32	0,74	93,09	0,95	5,78	0	0,09	0	0	0,09
45	3788	27-32	0,21	77,82	0,33	21,11	0	0,18	0,05	0,34	0,16
46	3787	27-32	0,92	87,50	5,28	7,13	0	0	0	0	0,08
47	3783	27-32	1,09	93,5	0,71	5,72	0	0	0	0	0,07
48	3767	27-32	0,41	93,78	0,63	5,39	0	0	0,08	0	0,13
49	3753	27-32	0,57	92,82	0,47	6,29	0,00	0,00	0,05	0,25	0,12
50	3756	27-32	0,68	47,24	47,55	5,02	0,00	0,00	0,04	0,00	0,16
51	3737	27-32	0,94	92,76	0,34	6,61	0,00	0,00	0,00	0,21	0,09
		Среднее			7,23	7,60				0,56	0,11
Серия около 350–330 гг. до н.э. Квадрига / ХЕР, коленопреклоненный воин со щитом и копьем											
52	3896	35-56	4,6	85,01	0	14,32	0,16	0	0	0,43	0,09
53	3895	35-56	5,9	86,58	0,17	12,72	0,13	0	0	0,3	0,1
54	3829	35-56	1,9	80,73	0,24	18,49	0	0	0	0,43	0,11
55	3827	35-56	4,6	84,73	0	15,13	0	0,07	0	0	0,07
56	3825	35-56	1,9	78,2	0,06	21,47	0	0	0	0,2	0,07
57	3826	35-56	4,6	81,83	0,22	17,53	0	0	0	0,31	0,11
58	3821	35-56	3,3	85,49	0,21	14	0	0	0	0,23	0,07
59	3818	35-56	2,6	89,43	0,26	10,25	0	0	0	0	0,06
60	3863	35-56	4,0	79,72	0	20,03	0	0	0	0,2	0,05
61	3844	35-56	5,0	81,16	0	18,59	0,1	0,08	0	0	0,06
62	3815	35-56	2,7	79,94	0,19	19,54	0	0	0	0,2	0,13
63	3810	35-56	2,9	81,35	0	18,53	0	0,06	0	0	0,06
64	3809	35-56	2,7	79,6	0,44	19,14	0	0,38	0	0,31	0,13
65	3808	35-56	2,4	83,48	0,21	16,17	0	0,1	0	0	0,04
66	3796	35-56	3,3	82,6	0,28	16,71	0	0,08	0	0,2	0,13
67	3738	35-56	2,2	78,38	1,18	20,14	0	0,23	0	0	0,07
68	3794	35-56	3,0	78,29	0,22	21,18	0	0,2	0	0	0,12

Таблица 3 (окончание)

№ n/n	Инв. №	Анохин 1977	Вес, г	Cu, %	Pb, %	Sn, %	Zn, %	Fe, %	Ag, %	As, %	Sb, %
69	3790	35-56	2,7	77,82	0,33	21,11	0	0,18	0,05	0,34	0,16
70	3785	35-56	3,5	82,39	0,33	16,88	0	0	0	0,3	0,1
71	3778	35-56	1,5	75,69	0,42	23,34	0,00	0,12	0,00	0,30	0,14
72	3759	35-56	2,4	79,19	0,24	20,42	0,00	0,07	0,00	0,00	0,08
73	3758	35-56	2,9	85,1	0,14	14,51	0	0,06	0	0,14	0,05
74	3752	35-56	3,0	84,96	0,21	14,79	0,00	0,00	0,00	0,00	0,04
75	3751	35-56	3,5	81,62	0,00	18,31	0,00	0,00	0,00	0,00	0,07
76	3750	35-56	2,7	67,16	0,22	32,06	0,00	0,16	0,00	0,29	0,11
77	3748	35-56	2,0	81,46	0,57	17,04	0,00	0,00	0,00	0,88	0,05
78	3745	35-56	2,5	81,14	0,32	17,99	0,00	0,00	0,07	0,36	0,11
79	3743	35-56	3,1	78,27	0,48	20,16	0,00	0,52	0,05	0,38	0,14
80	3742	35-56	2,0	80,31	0,30	19,02	0,00	0,00	0,00	0,23	0,13
81	3741	35-56	2,5	79,40	0,24	19,95	0,00	0,34	0,00	0,00	0,07
82	3733	35-56	3,0	79,91	0,36	19,26	0,00	0,00	0,00	0,36	0,12
83	3732	35-56	5,2	76,87	0,68	22,03	0,00	0,29	0,04	0,00	0,10
84	3731	35-56	4,9	77,63	0,41	21,78	0,00	0,06	0,04	0,00	0,07
85	3730	35-56	3,0	79,31	0,28	19,84	0,00	0,13	0,05	0,25	0,14
86	3729	35-56	2,3	78,61	0,84	20,38	0,00	0,11	0,00	0,00	0,05
87	3724	35-56	4,4	88,70	0,34	10,79	0,00	0,10	0,00	0,00	0,07
88	3824	35-56	2,9	88,55	0	11,36	0	0,05	0	0	0,05
		Среднее			0,28	18,24				0,18	0,09
<i>Двуликая голова / XEP, лев, терзающий быка</i>											
89	3874	57-59	1,4	77,28	0,91	21,13	0	0	0,04	0,47	0,16
90	3845	57-59	1,7	79,90	0,20	19,29	0	0	0,04	0,43	0,13
91	3833	57-59	1,4	74,92	0,27	24,12	0	0	0,05	0,51	0,14
92	3817	57-59	0,4	82,86	0,48	16,05	0	0,12	0	0,37	0,12
93	3802	57-59	1,5	75,49	0,31	23,77	0	0	0	0,3	0,14
94	3798	57-59	1,1	66,30	0,75	31,73	0	0,67	0,06	0,3	0,19
		Среднее			0,49	22,68					
<i>Серия около 330–320 гг. до н.э. Грифон / XEP, коленопреклоненная Дева</i>											
95	3797	60-62	6,1	86,37	0,55	12,66	0	0,07	0,04	0,22	0,1
96	3725	60	7,8	81,17	1,00	17,47	0,00	0,28	0,00	0,00	0,08
<i>Биза / лев с копьем</i>											
97	3838	66-67	2,5	95,06	1,24	2,64	0	0	0,2	0,34	0,51
98	3799	66-67	1,4	85,85	0,36	13,27	0	0,06	0,06	0,24	0,17
<i>Выпуск около 320–310 гг. до н.э. Коленопреклоненная Дева / XEP, грифон</i>											
99	3847	68	3,1	84,47	0,29	13,96	0	0,12	0,08	0,82	0,25
100	3766	68-74	2,3	87,08	0,14	12,32	0	0	0	0,36	0,11
101	3795	68-74	5,1	97,623	0,426	1,653	0,087	0,022	0	0	0,189
102	3816	73	6,5	85,65	0,69	13,18	0	0,13	0,04	0,2	0,11
<i>Серия конца III в. до н.э.</i>											
<i>Голова Девы в венке влево / XEP, коленопреклоненная Дева, стреляющая из лука вправо</i>											
103	3862	154	0,7	91,97	0,41	6,24	0	0	0,14	0,63	0,63
<i>Выпуск около третьей четверти II в. до н.э. Сидящий орел / XEP, стоящий козел влево</i>											
104	3906	177	0,832	86,86	0,24	12,37	0	0	0	0,41	0,12
105	3837	177	0,8	85,6	0,17	13,69	0	0,18	0,05	0,24	0,07
106	3769	177	0,4	78,49	0,27	20,62	0	0,26	0	0,24	0,12

Рис. 1. Монеты из числа исследованных с помощью рентгено-флуоресцентной спектроскопии (собрание Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»). Фотографии А.Н. Гаврилюка и В.В. Демиденко. Большинство монет – из коллекции В.Н. Орехова [11].
 1 – голова Девы в кекрифале влево / рыба и палица вправо. Под ними ХЕР. Лепта. № 17683. 0,46 г [1, кат. 6]; 2 – То же, что и 1. № 17684. 0,57 г [1, кат. 7]; 3 – голова быка в фас / рыба и палица вправо. Под ними ХЕР. Дилептон. № 17685. 0,88 г [1, кат. 12]; 4 – голова Девы в венке вправо / венки, в нем палица вправо. Под ними ХЕР. Тетралептон? № 17686. 1,88 г [1, кат. 13, 14]; 5 – голова Девы в венке влево / венки, в нем палица вверх, над ней шесть точек. Слева ХЕР. Трилептон? № 17687. 1,66 г [1, кат. 15]; 6 – голова Девы в венке вправо / дельфин вправо. Под ним ХЕР. Лепта. № 17688. 0,43 г [1, кат. 17]; 7 – дельфин вправо / палица вправо. Под ним ХЕР. Дилептон? № 17689. 0,59 г [1, кат. 17]; 8 – голова льва вправо / пятилучевая звезда. Лепта. № 17690. 0,71 г [1, кат. 27]; 9 – как 8, между лучами ХЕР. Лепта. № 17690. 0,82 г [1, кат. 27]; 10 – голова льва вправо / шестилучевая звезда, между лучами ХЕР. Лепта. № 17690. 0,81 г [1, кат. 29]; 11 – как 10. Лепта. № 17693. 0,56 г [1, кат. 31, 32]; 12 – голова льва влево / шестилучевая звезда, между лучами ХЕ. Лепта. № 17694. 0,58 г [1, кат. 32]; 13 – квадрига, в колеснице стоит Дева, сверху – дифферент Е / коленопреклоненный воин, со щитом и копьем, под воином ХЕР. Дихалк. № 17694. 5,98 г [1, кат. 43]; 14 – грифон, влево, под ним надчеканка «дельфин» / коленопреклоненная Дева вправо, с луком и стрелой. Под Девой ХЕР. Дихалк. № 18843. 8,37 г [1, кат. 60–63]; 15 – бига / лев с копьем в пасти. Над ним ΔΑΜ [ΑΡΕ], под ним ХЕР. Халк. № 17697. 2,89 г [1, кат. 67]; 16 – грифон, под ним ХЕР / коленопреклоненная Дева вправо, с луком и стрелой. Слева от Девы ΕΥΔΡΟΜΟ, справа – надчеканка «дельфин». Дихалк. № 18898. 5,44 г [1, кат. 75]; 17 – грифон, влево, под ним ХЕР / коленопреклоненная Дева вправо, с луком и стрелой. Слева от Девы ΕΥΔΡΟΜΟ. Дихалк. № 18899. 6,46 г [1, кат. 76]; 18 – Дева поражает копьём лань влево, под ланью – ХЕР / бодающийся бык влево на палице. Под палицей ΕΥΔΡΟΜΟΥ. Под именем – лук и колчан. Дихалк. № 18900. 6,42 г [1, кат. 70]

Fig. 1. Coins examined using X-ray fluorescence spectroscopy (collection of the State Historical and Archaeological Museum-Reserve “Tauric Chersonesos”) Photos by A.N. Gavriluk and V.V. Demidenko. Most of the coins are from the collection of V.N. Orekhov [11].

1 – head of the Virgin in a kekrifal / fish and club. Below XEP. Lepton. No. 17683. 0.46 g [1, cat. 6]; 2 – same type as 1. No. 17684. 0.57 g [1, cat. 7]; 3 – head of a bull / fish and club. Below XEP. Dilepton. No. 17685. 0.88 g [1, cat. 12]; 4 – head of the Virgin / wreath, in it a club. Below XEP. Tetralepton? No. 17686. 1.88 g [1, cat. 13, 14]; 5 – head of the Virgin / wreath, in it the club is upward, above six dots. To the left XEP. Triplepton? No. 17687. 1.66 g [1, cat. 15]; 6 – head of the Virgin / dolphin. Beneath XEP. Lepton. No. 17688. 0.43 g [1, cat. 17]; 7 – dolphin / club. Beneath XEP. Dilepton? No. 17689. 0.59 g [1, cat. 17]; 8 – lion’s head / five-pointed star. Lepton. No. 17690. 0.71 g [1, cat. 27]; 9 – lion’s / five-pointed star, between the rays XEP. Lepton. No. 17690. 0.82 g [1, cat. 27]; 10 – lion’s head / six-rayed star, between the rays XEP. Lepton. No. 17690. 0.81 g [1, cat. 29]; 11 – lion’s head / six-rayed star. Lepton. No. 17693. 0.56 g [1, cat. 31, 32]; 12 – lion’s head / six-rayed star, between the rays XE. No. 17694. 0.58 g [1, cat. 32]; 13 – quadriga / naked kneeling warrior, with a shield and a spear, under the warrior XEP. Dichalk. No. 17694. 5.98 g [1, cat. 43]; 14 – a griffin running, a countermark “dolphin” / kneeling Virgin with a bow. Under Virgin XEP. Dichalk. No. 18843. 8.37 g [1, cat. 60–63]; 15 – biga / a lion with a spear in its mouth. Above ΔΑΜ [ΑΡΕ], below XEP. Chalk. No. 17697. 2.89 g [1, cat. 67]; 16 – a griffin, below XEP / kneeling Virgin. To the left ΕΥΔΡΟΜΟ, to the right a countermark “dolphin”. Dichalk. No. 18898. 5.44 g [1, cat. 75]; 17 – same as 16. No. 18899. 6.46 g [1, cat. 76]; 18 – a Virgin strikes a doe with a spear, under it XEP / butting bull on the club. Under the club ΕΥΔΡΟΜΟΥ. Under the name – bow and quiver. Dichalk. No. 18900. 6.42 g [1, cat. 70].

Рис. 2. Монеты из числа исследованных с помощью рентгено-флуоресцентной спектроскопии (собрание Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»). Фотографии А.Н. Гаврилюка и В.В. Демиденко. Большинство монет – из коллекции В.Н. Орехова [11].

1 – голова Девы вправо, за ней колчан. Три надчеканки: монограмма ПАР, «дельфин», «молния» / бодающийся бык, влево, на черте, над ним палица, ХЕР. Под чертой [АРТЕМ]ΥΔΟΡΟ[Υ]. Тетрадрахма. № 6902. 13,77 г [1, кат. 85]; 2 – голова Девы в повязке, вправо, за ней колчан. Те же надчеканки / Дева, поражающая копьём лань. Под ней ХЕР, за ней [Α]ΡΤΕΜΥΔΟΡΟ[Υ]. Дидрахма. № 6903. 15,79 г [1, кат. 88]; 3 – голова Геракла вправо, внизу палица. Надчеканка «молния» / ХЕР. Дева, сидящая на троне. Слева: ΑΓΑΘΕΚΛΕΟΣ. Тридрахма. № 7023. 9,40 г [1, кат. 103]; 4 – голова Геракла, внизу палица. Надчеканка «молния» / ХЕР. Бодающийся бык. 9 обол. № 10949. 4,69 г [1, кат. 107]; 5 – голова Девы, сзади лук и колчан / ХЕР. Дева, поражающая копьём лань, влево, внизу ΜΕΝΕΣΤΡΑ. Драхма. № 15475. 3,36 г [1, кат. 136]; 6 – голова Девы / лук и колчан. Гемидрахма. № 17710. 0,93 г [1, кат. 138–142]; 7 – голова Девы вправо, слева – лук и колчан / лежащая лань, влево, вверху ХЕР, внизу [ΞΕ]ΝΟΚ[ΛΕ]. Дихалк. № 17711. 3,14 г [1, кат. 143]; 8 – голова Геракла вправо / палица влево, над ней ХЕР, под ней ΧΟΡΕΙΟΥ. Халк. № 17712. 2,41 г [1, кат. 146]; 9 – голова Геракла вправо / бодающийся бык влево, над ним ХЕР, под ним ΑΡΧ[ΚΛΕ]ΙΟΥ. Дихалк. № 17713. 2,37 г [1, кат. 147]; 10 – голова Геракла вправо / палица влево, над ней ХЕР, под ней ΑΡΧΙΚΛΕ. Дихалк. № 17716. 1,85 г [1, кат. 150]; 11 – голова Девы влево / коленапреклоненная Дева стреляет из лука вправо. Слева ХЕР. Под ней – [Α]ΓΑΣ. Халк. № 17713. 2,05 г [1, кат. 154]; 12 – голова Девы вправо, слева лук и колчан / бодающийся бык влево, над ним ХЕР, под ним ΗΡΩΙ[ΑΑ]. Дихалк. № 17719. 2,13 г [1, кат. 157]; 13 – голова Девы в башенной короне / лук и колчан. Гемидрахма. № 18869. 1,1 г [1, кат. 158]; 14 – голова Афины в шлеме вправо, надчеканка «звезда» / грифон, вправо, над ним Χ[Ε]Ρ, под ним [Α]ΠΟΛΛΟ[ΔΩ]Ρ[ΟΥ]. Дихалк. № 17721. 3,66 г [1, кат. 159]; 15 – голова Афины в шлеме вправо, надчеканка «птица» / Ника, влево, в руке венок. Слева – ХЕР. Справа ΑΠΟΛΛ. Халк. № 17721. 1,42 г [1, кат. 161–163]; 16 – голова Диоскура в пилосе вправо / прора влево. Над ней – ХЕР. Под ней [ΑΛΚΙΝΟΥ]. Дихалк. № 17724. 2,48 г [1, кат. 165]; 17 – голова Девы в венке вправо / лук и колчан влево, над ним – ХЕР, под ним [Σ]ΙΜΑΙ[ΟΥ]. Халк. № 17725. 1,58 г [1, кат. 168]; 18 – голова Гермеса в петасе вправо, слева – кадуцей, точечный ободок / рог изобилия, справа [Χ]Ε[Ρ], слева [ΠΡΟ]ΜΑΙ[ΘΙΩΝΟΣ]. Дихалк. № 17726. 2,34 г [1, кат. 174]; 19 – голова Гермеса в петасе вправо / рог изобилия, справа звезда. Халк. № 17728. 0,53 г [1, кат. 175]; 20 – голова Девы в башенной короне вправо, слева – колчан / олень, стоящий вправо, над ним ХЕР, под ним – ΔΙΟΥΤΙΜΟΥ. Драхма. № 17730. 3,86 г [1, кат. 181]; 21 – голова Девы в башенной короне вправо, слева – колчан / лань, стоящая вправо, справа от нее – трофей (?), над ним ХЕР, под ним – имя не читается. Дихалк. № 17731. 1,01 г [1, кат. 185].

Fig. 2. Coins examined using X-ray fluorescence spectroscopy (collection of the State Historical and Archaeological Museum-Reserve “Tauric Chersonesos”). Photos by A.N. Gavrilyuk and V.V. Demidenko.

Most of the coins are from the collection of V.N. Orekhov [11].

1 – head of the Virgin, behind it is a quiver. Three countermarks: monogram ПАР, “dolphin”, “lightning” / butting bull, on the line, a club above it, ХЕР. Below [АРТЕМ]ΥΔΟΡΟ[Υ]. Tetradrachm. No. 6902.13.77 g [1, cat. 85]; 2 – head of the Virgin, to the right, behind it is a quiver. The same countermarks / Virgin striking a doe with a spear. Below ХЕР, behind [Α]ΡΤΕΜΥΔΟΡΟ[Υ]. Dydrachm. No. 6903. 15.79 g [1, cat. 88]; 3 – head of Hercules, below club. Countermarking “lightning” / ХЕР. Virgin seated on a throne. Left ΑΓΑΘΕΚΛΕΟΣ. Tridrachm. No. 7023. 9.40 g [1, cat. 103]; 4 – head of Hercules, below club. Countermarking “lightning” / ХЕР. Butting bull. 9 obols. No. 10949. 4.69 g [1, cat. 107]; 5 – head of the Virgin, behind a bow and a quiver / ХЕР. Virgin striking a doe with a spear, below ΜΕΝΕΣΤΡΑ. Drachm. No. 15475. 3.36 g [1, cat. 136]; 6 – head of the Virgin / bow and quiver. Hemidrachm. No. 17710. 0.93 g [1, cat. 138–142]; 7 – head of the Virgin, to the left – a bow and a quiver / doe, lying to the left, above ХЕР, below [ΞΕ]ΝΟΚ[ΛΕ]. Dichalk. No. 17711. 3.14 g [1, cat. 143]; 8 – head of Hercules to the right / club to the left, above it – ХЕР, below it – ΧΟΡΕΙΟΥ. Chalk. No. 17712. 2.41 g [1, cat. 146]; 9 – head of Hercules / butting bull to the left, above him – ХЕР, below him – ΑΡΧ[ΚΛΕ]ΙΟΥ. Dichalk. No. 17713. 2.37 g [1, cat. 147]; 10 – head of Hercules in a bandage to the right / club to the left, above it – ХЕР, below it – ΑΡΧΙΚΛΕ.

Dichalk. No. 17716. 1.85 g [1, cat. 150]; 11 – head of the Virgin to the left / kneeling Virgin shoots a bow. XEP on the left. Below [A] ΓΑΣ. Chalk. No. 17713. 2.05 g [1, cat. 154]; 12 – head of the Virgin, on the left is a bow and a quiver / butting bull to the left, above XEP, below ΗΡΩΙ[ΛΑ]. Dichalk. No. 17719. 2.13 g [1, cat. 157]; 13 – head of the Virgin in a tower crown / bow and quiver. Hemidrachm. No. 18869. 1.1 g [1, cat. 158]; 14 – head of Athena in a helmet to the right, countermark “star” / griffin, to the right, above X[E] P, below [A]ΡΟΛΛΟ[ΔΩ]P[OY]. Dichalk. No. 17721. 3.66 g [1, cat. 159]; 15 – head of Athena wearing a helmet to the right, countermark “bird” / Nike, to the left, holding a wreath in his right hand. Left XEP. On the right, perhaps, ΑΡΟΛΛ. Chalk. No. 17721. 1.42 g [1, cat. 161–163]; 16 – head of Dioscurus in pilos to the right / Prora to the left. Above XEP. Below it is [ΑΛΚΙΝΟΥ]. Dichalk. No. 17724. 2.48 g [1, cat. 165]; 17 – head of the Virgin in a wreath to the right / bow and quiver to the left, above XEP, below [Σ]ΙΜΑΙ[OY]. Chalk. No. 17725. 1.58 g [1, cat. 168]; 18 – head of Hermes in a petasa, to the left caduceus, around a beaded rim / cornucopia, to the right [X]E[P], to the left [PRO]ΜΑΙ[ΘΙΩΝΟC]. Dichalk. No. 17726. 2.34 g [1, cat. 174]; 19 – head of Hermes in petasa to the right / cornucopia, to the right – a star. Chalk. No. 17728. 0.53 g [1, cat. 175]; 20 – head of the Virgin in a tower crown to the right, to the left quiver / deer standing to the right, above XEP, below it – ΔΙΟΤΙΜΟΥ. Drachm. No. 17730. 3.86 g [1, cat. 181]; 21 – head of the Virgin in the tower crown to the right, to the left – a quiver / doe, standing to the right, to the right of trophy (?). Dichalk. No. 17731. 1.01 g [1, cat. 185].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1977. 175 с.
2. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 180 с.
3. Бертъе-Делагард А.Л. Монетные новости древних городов Тавриды // ЗООИД. 1912. Т. XXX. С. 39–54.
4. Гилевич А.М. Кучук-Мойнакский клад херсонесских монет IV–III вв. до н.э. // Нумизматика и эпиграфика. 1973. Т. VIII. С. 3–16.
5. Гилевич А.М. Хронология и топография кладов херсонесских монет IV–II вв. до н. э. и некоторые вопросы скифо-херсонесских взаимоотношений // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир: Краткие тезисы докладов к научной конференции. Гос. Эрмитаж, 19–21 ноября 1973 г. Л., 1973. С. 10–11.
6. Голенко К.В. Херсонесские драхмы с именем магистрата Деметрия // Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. 1964. Вып. II. С. 45–50.
7. Грандмезон Н.Н. Свинцовые монеты Херсонеса // Нумизматика и эпиграфика. 1978. Т. XII. С. 41–46.
8. Грандмезон Н.Н. Заметки о монетах Херсонеса Таврического // Нумизматика античного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1982. С. 34–41.
9. Зограф А.Н. Две группы херсонесских монет с заимствованными типами // ИГАИМК. 1927. Т. V. С. 379–397.
10. Зограф А.Н. Античные монеты. Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 308 с. (МИА. № 16).
11. Золотарев М.И., Кочеткова Е.М. Монеты Херсонеса Таврического IV в. до н.э. – XIII в. н.э. Коллекция В.Н. Орехова из собрания Национального заповедника «Херсонес Таврический». Каталог. Севастополь: Каламо, 1999. 142 с.
12. Коваленко С.А. О монетном деле Херсонеса Таврического в классическую эпоху // Нумизматика и эпиграфика. 1999. Т. XVI. С. 108–131.
13. Смекалова Т.Н. Состав сплава монет Херсонеса // ПИФК. Ч. 1: История. 2001. Вып. 10. С. 110–134.
14. Смекалова Т.Н. О величинах площади и единицах ее измерения на хоре Херсонеса Таврического // ВДИ. 2019. № 1. С. 58–76.
15. Смекалова Т.Н. Социально-экономические изменения на хоре Херсонеса Таврического в III в. до н. э. по данным эпиграфики и дистанционного зондирования // ПИФК. 2020. № 4. С. 128–145.
16. Смекалова Т.Н., Дюков Ю.Л. Монетные сплавы государств Причерноморья: Боспор, Ольвия, Тира. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 202 с.
17. Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А. Роль херсонесского полиса в освоении Северо-Западной Таврики в эллинистическое время // Stratum Plus. 2018. № 3. С. 353–370.
18. Смекалова Т.Н., Терехин Э.А. Новые данные о военной организации граждан Херсонеса Таврического, отраженной в структуре его земельного кадастра // Stratum Plus. 2018. № 6. С. 89–105.
19. Смекалова Т.Н., Терехин Э.А., Пасуманский А.Е. Реконструкция античной системы межевания хоры Херсонеса Таврического с использованием методов дистанционного зондирования // ВДИ. 2018. № 2. С. 306–332.
20. Тахтай А.К. Два клада херсонесских античных монет 1944 года (предварительное сообщение) // ХСб. 1948. Вып. IV. С. 115–125.
21. Туровский Е.Я. Хронология сельских усадеб Херсонеса на Гераклеийском полуострове в VI–II вв. до н.э.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06. СПб., 1994. 19 с.
22. Туровский Е.Я. Монеты античного Херсонеса: каталог-определитель. Севастополь, 2018. 105 с.
23. Урвачев В.П., Кочетков В.В., Горина Н.Б. Ювелирное и художественное литье по выплавляемым моделям сплавов меди. Челябинск: Металлургия, 1991. 168 с.
24. Черных Е.Н. Горное дело и металлургия в Древнейшей Болгарии. София: Изд-во БАН, 1978. 387 с.
25. Шонов И.В. «Херсонесские» драхмы с именем Деметрия // XXI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте. Симферополь, Керчь, 2020. С. 415–420.
26. Крауу С.М., Emeleus V.M. The composition of Greek silver coins. Oxford, 1962. 44 p.

27. Smekalova T.N. Evolution of composition of monetary alloys of ancient Greek states on the Black Sea shores, basing on the data of x-ray-fluorescent spectroscopy with the example of Bosporos Cimmerian // *Crystallography Reports*. 2018. Vol. 63. No. 6. P. 1043–1050.
28. Smekalova T.N., Bevan B.W., Chudin A.V., Garipov A.S. The discovery of an ancient Greek vineyard // *Archaeological Prospecting*. 2016. No. 23 (1). P. 15–26.
29. Wroth W. British Museum. Catalogue of Greek Coins. Pontus, Paphlagonia, Bithynia, and the Kingdom of Bosporus. London, 1889.

REFERENCES

1. Anokhin V.A. *Monetnoe delo Khersonesa* [Coinage of Chersonesos]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1977, 175 p.
2. Anokhin V.A. *Monetnoe delo Bospora* [Coinage of Bosporus]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1986, 180 p.
3. Bert'e-Delagard A.L. Coin news of the ancient cities of Taurida. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* [Notes of the Odessa society of history and antiquities], 1912, vol. 30, pp. 39–54.
4. Gilevich A.M. Kuchuk-Moinak hoard of Chersonesos coins of the 4th–3rd centuries BC. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and epigraphy], 1973, vol. 8, pp. 3–16.
5. Gilevich A.M. Chronology and topography of the hoards of the Chersonesos coins of the 4th–2nd centuries BC and some questions of Scythian-Chersonesos relations. *Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ia i varvarkii mir* [Ancient cities of the Northern Black Sea region and the barbarian world], Leningrad, 1973, pp. 10–11.
6. Golenko K.V. Chersonese drachmas with the name of the magistrate Demetrius. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo muzeia izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina* [Reports of the Pushkin State Museum of fine arts], 1964, vol. 2, pp. 45–50.
7. Grandmezon N.N. Lead coins of Chersonesos. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and epigraphy], 1978, vol. 12, pp. 41–46.
8. Grandmezon N.N. Notes on the coins of Tauric Chersonesos. *Numizmatika antichnogo Prichernomor'ia* [Numismatics of the Ancient Black Sea Region], Kiev, Naukova dumka Publ., 1982, pp. 34–41.
9. Zograf A.N. Two types of coins of Chersonesos with borrowed types. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Proceedings of the State Academy of the history of material culture], 1927, vol. 5, pp. 379–397.
10. Zograf A.N. *Antichnye monety* [Antique coins]. Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1951, 308 p.
11. Zolotarev M.I., Kochetkova E.M. *Monety Khersonesa Tavricheskogo IV v. do n.e. – XIII v. n.e. Kolleksiia V.N. Orekhova iz sobraniia Natsional'nogo zapovednika «Khersones Tavricheskii»*. Katalog [Coins of Tauric Chersonesos of the 4th century BC – 13th century AD. Collection of V.N. Orekhov from the collection of the National Reserve “Tauric Chersonesos”. Catalog]. Sevastopol, Kalamo Publ., 1999, 142 p.
12. Kovalenko S.A. About coins types of Tauric Chersonesos in Classical times. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and epigraphy], 1999, vol. 16, pp. 108–131.
13. Smekalova T.N. Coins alloys of Chersonesos. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies], 2001, vol. 10, pp. 110–134.
14. Smekalova T.N. On the sizes of land plots and units of their measurement on the chora of Tauric Chersonesos. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient history], 2019, no. 1, pp. 58–76.
15. Smekalova T.N. Socio-economic changes at the chora of Tauric Chersonesos in the 3rd century B.C. according to epigraphy and remote sensing data. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies], 2020, no. 4, pp. 128–145.
16. Smekalova T.N., Diukov Iu.L. *Monetnye splavy gosudarstv Prichernomor'ia: Bospor, Ol'v'ia, Tira* [Coinage alloys of the Northern Black sea littoral states: Bosporus, Olbia, Tyra]. St.-Petersburg, SPbGU Publ., 2001, 202 p.
17. Smekalova T.N., Kutaisov V.A. Role of chersonessian polis in the development of North-West Taurica in Hellenistic time. *Stratum Plus*, 2018, no. 3, pp. 353–370.
18. Smekalova T.N., Terekhin E.A. New evidences about social-military organization of Tauric Chersonesos as reflected in the structure of its cadaster. *Stratum Plus*, 2018, no. 6, pp. 89–105.

19. Smekalova T.N., Terekhin E.A., Pasumanskii A.E. Reconstructing the ancient land division system of Tauric Chersonesos with the aid of remote sensing. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient history], 2018, no. 2, pp. 306–332. DOI: 10.7868/S0321039118020061.
20. Takhtai A.K. Two hoards of Chersonessian coins from 1944 (preliminary report). *Khersonesskii sbornik* [Chersonesos collection], 1948, vol. 4, pp. 115–125.
21. Turovskii E.Ia. *Khronologiia sel'skikh usadeb Khersonesa na Gerakleiskom poluostruve v VI–II vv. do n.e.* [Chronology of the rural farmhouses of Chersonesos on Heracleian Peninsula in the 4th–2nd centuries BC]. Abstract of kandidat. diss. St.-Petersburg, 1994, 19 p.
22. Turovskii E.Ia. *Monety antichnogo Khersonesa: katalog-opredelitel'* [Coins of ancient Chersonesos: catalog-identifier]. Sevastopol, 2018, 105 p.
23. Urvachev V.P., Kochetkov V.V., Gorina N.B. *Iuvelirnoe i khudozhestvennoe li'e po vyplavlvaemym modeliam splavov medi* [Jewelry and artistic lost wax casting of copper alloys]. Cheliabinsk, Metallurgii Publ., 1991, 168 p.
24. Chernykh E.N. *Gornoe delo i metallurgii v Drevneishei Bolgarii* [Mining and metallurgy in Ancient Bulgaria]. Sofia, Akademiia nauk Publ., 1978, 387 p.
25. Shonov I.V. “Chersonese” drachmas with the name of Demetrius. Zin'ko V.N., Zin'ko E.A. (eds.), *XXI Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Ob'ekty iskusstva v arkhelogicheskom kontekste* [21st Bosporan Readings. Cimmerian Bosphorus and the world of barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Objects of art in an archaeological context], Simferopol, Kerch, 2020, pp. 415–420.
26. Kraay C.M., Emeleus V.M. *The composition of Greek silver coins*. Oxford, 1962. 44 p.
27. Smekalova T.N. Evolution of composition of monetary alloys of ancient Greek states on the Black Sea shores, basing on the data of x-ray-fluorescent spectroscopy with the example of Bosphorus Cimmerian. *Crystallography Reports*, 2018, vol. 63, no. 6, pp. 1043–1050. DOI: 10.1134/S1063774518060299.
28. Smekalova T.N., Bevan B.W., Chudin A.V., Garipov A.S. The discovery of an ancient Greek vineyard. *Archaeological Prospecting*, 2016, no. 23 (1), pp. 15–26. DOI: 10.1002/arp.1732.
29. Wroth W. *British Museum. Catalogue of Greek Coins. Pontus, Paphlagonia, Bithynia, and the Kingdom of Bosphorus*. London, 1889.

Информация об авторах

Смекалова Т. Н. – доктор исторических наук, заведующая отделом естественнонаучных методов в археологии Крыма Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; ведущий специалист лаборатории естественнонаучных методов в гуманитарных науках НИЦ «Курчатовский институт», Researcher ID: R-3665-2016.

Демиденко Н. Л. – главный хранитель Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический».

Гаврилюк А. Н. – лаборант-исследователь отдела естественнонаучных методов в археологии Крыма Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

Authors information

Smekalova T. N. – Doctor of Science (History), Head of the Department of natural science methods in archaeology of Crimea at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Leading Specialist of the Laboratory of Natural Science Methods in the Humanities of the National Research Center Kurchatov Institute, Researcher ID: R-3665-2016.

Demidenko N. L. – Main keeper of the State Historical and Archaeological Museum-Reserve “Tauric Chersonesos”.

Gavriluk A. N. – Research assistant of the Department of natural science methods in archaeology of Crimea at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

КЛАД СЕРЕБРЯНЫХ ХЕРСОНЕССКИХ МОНЕТ 178–157 ГГ. ДО Н.Э.

Игорь Валентинович Шонов

*Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
aspyrg@gmail.com*

Аннотация. В публикации поднят вопрос о вхождении Херсонеса в зону влияния Понтийского царства, опирающийся на появление нового типа херсонесских монет времени правления в Понте Фарнака I с пропонтийской иконографией, где изображение на реверсе обращено влево. Выводы проливают свет на малоизученный период истории Херсонеса, наступивший после Мирного договора 179 г. до н.э. и продолжавшийся до смерти Фарнака I (157 г. до н.э.) с последовавшим принятием власти над Херсонесом (156 г. до н.э.) сирийским царем Деметрием I Сотером.

Ключевые слова: Херсонес, Понт, Фарнак I, Деметрий I Сотер

A HOARD OF SILVER CHERSONESIAN COINS OF 178–157 BC

Igor' V. Shonov

Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia

Abstract: This publication addresses the question of Chersonese's entrance into the zone of influence of the Pontic Kingdom, according to the appearance of a new type of Chersonesian coins under the Pontic King Pharnakes I showing pro-Pontic iconography and the reverse image turned to the left. The conclusions shed light on a little-studied period in the history of Chersonese, which started from the peace treaty of 179 BC and lasted to the death of Pharnakes I (157 BC) with the subsequent assumption of power over Chersonese (156 BC) by the Syrian King Demetrios I Soter.

Keywords: Chersonese, Pontus, Pharnakes I, Demetrios I Soter

Зимой 2010 года на распаханном поле вблизи села Тургеневка Бахчисарайского района был обнаружен небольшой клад из 21 серебряной монеты. Кошелек с монетами был растянут сельскохозяйственной техникой при вспашке в радиусе 15–30 метров. Монеты были собраны жителями окрестных сел при помощи металлодетекторов. Восстановить данный клад в полной комплектации не удалось. Несмотря на незначительное количество известных монет, данный комплекс имеет исключительное значение в исследовании монетного дела Херсонеса, благодаря очень редким, доселе неизвестным типам монет. Несмотря на то, что клад разошелся по частным коллекциям, наиболее значимые монеты для науки удалось получить для

публикации. Большая часть монет из клада (19 экземпляров) относится к одному типу херсонесских монет:

Л. С. Дева в башенной короне вправо, позади лук и колчан.

О. С. Лань с поднятой головой вправо, вверху демотикон ΧΕΡ, внизу имя магистрата ΜΟΙΡΙΟΣ – 10 экз., ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΑ – 8 экз., ΔΙΟΤΙΜΟΥ – 1 экз.

Данный тип монет давно известен нумизматам [4, табл. XIV,1–2; 6, табл. IV,7; 3, с. 240, пр. 1]. Они часто встречаются перечеканенными на предыдущем типе «голова Артемиды вправо, позади лук и колчан / Дева, поражающая лань» с магистратскими именами ΥΜΝΟΥ, ΕΥΡΥΔΑΜΟΥ, ΜΕΝΕΣΤΡΑΤΟΥ.

Рассматривая весовые данные монет типа «голова Девы в башенной короне / лань», А. Л. Бертье-Делагард имел дело с весами перечеканенных монет предыдущего типа «голова Артемиды / Дева, поражающая лань». Ученый обратил внимание на широкий разброс веса (2,50–5,13 г). Предполагая средний вес драхмы 3,88 г, исследователь указывал на попытку перехода к аттической весовой системе и приспособлением ее к римскому динарию. Все это привело к ошибочной датировке этих монет временем Митридата Евпатора [3, с. 258]. А. Н. Зограф сомневался в этих выводах, указывая, что разброс весовых норм зависел от поспешности перечеканки этих монет [7, с. 151].

Иконография данного выпуска указывает на то, что эти монеты относятся к понтийскому влиянию времени правления Фарнака I. Аверс в виде головы богини в башенной короне вправо перенят с драхм Амиса, которые чеканились с IV в. до н.э. [17, р. 3–4]. Драхмы Амиса чеканились вплоть до 125 г. до н.э. [19, № 662–667]. Наличие на них монограмм, близких монетам Фарнака I и Митридата III [12, с. 82], и падение их веса [18, № 1095–1126] подтверждает долгий временной процесс их чеканки. При Митридате III из понтийских городов монету чеканил только Амис, несмотря на то, что его права были ограничены царем Понта [12, с. 67]. Так он сохранял свой высокий статус, который ему давали прежние цари Понта. Изображение стоящей лани вправо на реверсах херсонесских драхм скопировано с драхм и тетрадрахм Фарнака I [12, с. 45–46, № 5–6]. На монетах Фарнака I лань развернута вправо; на драхмах Херсонеса лань также изображена обращенной вправо [1, табл. XII, № 179–181], что, по-видимому, указывает на полную власть Фарнака I над Херсонесом Таврическим в данный период.

В III в. до н.э. значительно укрепились позиции как во внешней, так и во внутренней политике Понтийского царства. Кроме стремления расширить свои земли на юго-западе к Фригии и Галии, Понт стремился к господству и на севере Понтийского побережья, а главной задачей царей Понта во II в. до н.э. становилось обеспечение прохода к Черному морю. Попытки расширения царства наследниками Отана и Дария I были продолжены Фарнаком I, который пришел к власти приблизительно в 185 г. до н.э. Не исключено, что изначально в его планы входили военные действия в Таврике для захвата Херсонеса и союза со скифами [8, с. 32; 10, с. 58; 5, с. 86]. Этот царь продолжил политику своего отца Митридата III, что отразилось в

захвате Синопы в 183 г. до н.э. [11, XII. 3. 11; 9, XXIII. 9]. В 182 г. до н.э. был взят Тий. После Фарнак осуществил захваты Галатии, Фригии, Пафлагонии и Каппадокии, что привело к войне против коалиции, во главе которой стояли поддерживаемые Римом Ариарат и Евмел. В результате переговоров и военных действий Фарнак проиграл эту войну. Мирный договор 179 г. до н.э. обязал понтийского царя не воевать с Галатией, аннулируя все договоры с галатами. Фарнак I должен был освободить Каппадокию и Пафлагонию, выплатив противникам 1200 талантов контрибуции [9, XXV. 2]. В пользу Фарнака был заключен двусторонний договор с Херсонесом и Одесом [22, 402]. Включение Херсонеса и сарматского царя Гатала в текст Мирного договора 179 г. до н.э. укрепляло союз Херсонеса с сарматами, что давало право первому вернуть свои земли в состав государства. Этот союз был недолгим. Вскоре варваров, по-видимому, заменил Понт, приняв на себя заботу о Херсонесе и получив полный контроль над его экономикой и политикой. Ранее 179 г. до н.э. Херсонес входил в зону влияния Селевкидов, которые постепенно или сразу потеряли свои права, получив взамен земли Боспорского царства. Полное экономическое влияние Понта проявлялось в новой серии монет типа «Дева в башенной короне вправо / стоящая лань вправо, внизу имена магистратов, сбоку – ХЕР» (рис. 1,5,6,7). Все эти имена ранее неизвестны херсонесской нумизматике, что наталкивает на вывод об их понтийской принадлежности. Большинство этих монет, как было отмечено еще А.Л. Бертье-Делагардом, перебито на предыдущих драхмах типа «голова Артемиды вправо / Дева, разящая копьем лань влево, внизу, либо по бокам имя магистрата и города». Ранее, помещавшиеся на них имена относили к ставленникам Боспорского царства и царям Сирии [13, с. 100–101].

Перечеканка Фарнака I на монетах Херсонеса является как политическим выпуском, так и решением экономической проблемы при отсутствии средств у Фарнака I. Слабое финансовое положение понтийского царя было связано с войной 183–179 гг. до н.э. и выплатой контрибуции своим противникам. Как афинянам [12, с. 85], так и херсонеситам понтийский царь не смог оказать активную экономическую помощь. Если афинянам Фарнак помогал ежегодными дарами для жертвоприношений [15, р. 100–105], то для херсонеситов, по-видимому, выделялись незначительные средства, которые шли на выпуск билонных диоболов типа «голова Девы в башенной короне вправо / лук и колчан, внизу – ДЕЛФОС» (рис. 1,1). По-видимому, данное имя можно отнести к древнему херсонесскому роду, т.к. оно уже встречалось ранее на медных монетах Херсонеса [1, с. 144, № 153]. В. А. Анохин датировал этот тип 210–200 гг. до н.э. [2, с. 118–119, № 781]. Чуть позднее данная монета надчеканивается «звездой» (рис. 1,2), а затем – «палицей» (рис. 1,3) [2, с. 118–119, № 781]. К гемидрахмам примыкает драхма типа «голова Артемиды вправо / Дева, поражающая лань влево», но уже перечеканенная двумя надчеканками: палица и звезда (рис. 1,4) [2, с. 116–117, № 765]. Датировать эту серию можно временным промежутком 178–169 гг. до н.э., тем временем, когда власть над Херсонесом разделяли Антиох IV и Фарнак I. Еще в самом начале XX века ученые высказывали предположения о союзе Понта и Селевкидов [14,

р. 153–154; 20, р. 156]. Этой серии монет необходимо уделить отдельное внимание, т.к. роль надчеканок на них не очень ясна. Очевидно, надчеканками объединялись в одну серию два разных номинала. Скорее всего, надчеканка звезда принадлежала Понту, а палица была селевкидской. Вся операция по надчеканиванию монет, возможно, предназначалась для увеличения номинала низкопробных диоболов и могла продолжаться до смерти Антиоха IV Эпифана в 164 г. до н.э.

Очевидно, данные действия были недостаточны для улучшения экономики Херсонеса, и после 164 г. до н.э. начинается массовая перечеканка монет в тип «Дева в башенной короне вправо / стоящая лань вправо».

Ранее считалось, что к этой серии примыкает новый тип гемидрахм (рис. 1,8,9). В. А. Анохин датирует его 120–110 гг. до н.э. [1, с. 146, № 182–183]. Этот тип гемидрахмы перечеканивался из предыдущих – типа «голова Девы вправо, за спиной лук и горит / лук и горит влево, сверху имя города ХЕР, снизу имена магистратов, те же что и на драхмах предыдущего типа» [1, табл. X, № 138–142]. Часть известных гемидрахм не над перечеканена, а бита на новых заготовках, что указывает на новые вливания средств в экономику Херсонеса. Подобной гемидрахмы в кладе не оказалось. Несмотря на это, младший номинал интересен своим аверсом, изображающим безбородую голову с короткой прической, повязка на голове указывает, что это какой-то правитель. Сходство портрета на гемидрахме с портретами на сирийских серебряных монетах Деметрия I Сотера позволяет считать, что это именно и есть этот сирийский царь (годы правления 162–150) [16, Pl. 12–20]. Реверс гемидрахмы в виде палицы Геракла влево, сверху имя города ХЕР, внизу имена магистратов. Изображение палицы может указывать на причастность Селевкидов к данным монетам.

Монеты нового типа из клада в количестве трех (рис. 1,10,11,12).

Л. С. Голова Девы в башенной короне вправо.

О. С. Стоящая лань влево, слева демотикон города ХЕР, внизу имя ΔΙΟΥΤΙΜΟΥ.

Как ни странно, но данный тип монет несет на своих реверсах лишь одно имя ΔΙΟΥΤΙΜΟΥ. Остальные два имени неизвестны. Один из четырех известных экземпляров (рис. 1,13) [21, Lot 32, 27 October 2018] не перебит на предыдущей драхме, как все остальные, а чеканен на новой заготовке, что указывает на дополнительные вливания средств в экономику Херсонеса. Возвращение к старой направленности разворота аверса вправо и реверса влево может указывать на заключение союзного договора между Фарнаком I и Деметрием I Сотером.

В 160–159 гг. до н.э. был принят декрет афинян в честь Фарнака I. Из декрета ясно, что в эти годы Фарнак I взял в жены Нису, сестру или племянницу Антиоха IV Эпифана, сына Антиоха III Великого. Причины брака – укрепление связей с Селевкидами, в лице Деметрия I, что позволяло Понту выйти из политической изоляции и улучшить отношения с Римом [12, с. 85–86]. В 156–155 гг. до н.э. в войне между Пергамом и Вифинией участвовал уже как царь Понта Митридат IV Филопатр Филадельф [9, XXXIII. 12. 1]. Исходя из этого, можно предположить, что Фарнак I умер в 157 г. до н.э., либо в самом начале 156 г. до н.э., прожив в браке с Нисой 2–3 года.

По-видимому, этот брак был закреплением договоров между Фарнаком I и Деметрием I, по которому после смерти Фарнака I Херсонес оставался за Селевкидами. Если опираться на мнение А. Л. Бертье-Делагарда, что имена на херсонесских монетах принадлежали единоличным, ежегодно сменяемым магистратам [3, с. 269], нумизматического материала (рис. 1,8–13) хватает лишь на два года чеканки. Брак с Нисой был заключен в 159 г. до н.э., в 158 г. до н.э. была выпущена серия монет драхм и гемидрахм с магистратским именем ΔΙΟΤΙΜΟΥ (рис. 1,9–10). В 157 г. до н.э. отчеканены гемидрахмы с именем ΜΟΙΡΙΟΣ (рис. 1,8). По-видимому, 157 г. до н.э. был последним годом чеканки серебряных монет в Херсонесе. В 156 г. до н.э. Фарнака I уже не было в живых и царь Сирии Деметрий I возвращает Херсонес Таврический под свою эгиду. Отсутствие серебряных монет Херсонеса после 157 г. до н.э. согласуется с его переподчинением Боспору, который также попадает в сферу влияния Селевкидов.

Таблица I. Серебряные монеты Херсонеса 169–157 гг. до н.э.

<i>№</i>	<i>Монета</i>	<i>Вес (г)</i>	<i>Л. С.</i>	<i>О. С.</i>
1	Диобол. Из коллекции Г. С. Косачева	1,78	Голова Тюхе в башенной короне вправо, сзади горит и лук	Лук, горит. Вверху надпись ХЕР, внизу ΔΕΛΦΟΥ
2	Диобол. Частная коллекция	1,38	То же. Надчеканка – восьмиконечная звезда	То же
3	Диобол. Частная коллекция	1,20	То же. Надчеканка – восьмиконечная звезда и палица Геракла	То же
4	Драхма. Из коллекции В. М. Горбатого	3,37	Голова Артемиды вправо. Надчеканка – восьмиконечная звезда и палица Геракла	Дева, поражающая лань влево
5	Драхма. Из коллекции К. Минкина	3,39	Голова Девы в башенной короне вправо, сзади лук и колчан	ХЕР. Стоящая лань вправо, внизу имя – ΜΟΙΡΙΟΣ
6	Драхма. Частная коллекция	4,00	То же	ХЕР. Стоящая лань вправо, внизу имя – ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΑ
7	Драхма. Частная коллекция	3,46	То же	ХЕР. Стоящая лань вправо, внизу имя – ΔΙΟΤΙΜΟΥ
8	Гемидрахма. Частная коллекция	2,03	Голова Деметрия I Сотера вправо	ХЕР. Палица влево, внизу имя – ΜΟΙΡΙΟΣ
9	Гемидрахма. Частная коллекция	2,04	То же	ХЕР. Палица влево, внизу имя – ΔΙΟΤΙΜΟΥ
10	Драхма. Частная коллекция	3,34	Голова Девы в башенной короне вправо, слева лук и колчан	ХЕР. Лань стоит влево, в обрезе – ΔΙΟΤΙΜΟΥ
11	Драхма. Из коллекции К. Минкина	3,35	То же	То же
12	Драхма. Из коллекции К. Минкина	3,33	То же	То же
13	Драхма. Leu Numismatik AG Auction 3, Lot 32, 27 October 2018	3,58	То же	То же

Рис. 1. Серебряные монеты Херсонеса 169–157 гг. до н.э.

Fig. 1. Silver coins of Chersonese of 169–157 BC

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса: (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев: Наукова думка, 1977. 175 с.
2. Анохин В.А. Античные монеты Северного Причерноморья: Каталог. Киев: Стилос, 2011. 328 с.
3. Бертъе-Делагард А.Л. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса // ЗООИД. 1906. XXVI. С. 215–276.
4. Бурачков П.О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям существовавших в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней Южной России. Одесса, 1884. 289 с.
5. Гайдукевич В.Ф. История античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 23–147.
6. Гиль Х.Х. Новые приобретения моего собрания // Записки Русского археологического общества. 1891. Т. V. С. 343–360.
7. Зограф А.Н. Античные монеты. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 264 с. (МИА. № 16).
8. Лепер Р.Х. Херсонские надписи // ИАК. СПб., 1912. Вып. 45. С. 23–70.
9. Полибий. Всеобщая история / пер. Ф.Г. Мищенко. М.: Директ-Медиа, 2008. 3319 с.
10. Ростовцев М.И. Амага и Тиргатао // ЗООИД. 1915. Т. 32. С. 58–77.
11. Страбон. География / Пер. Г.А. Стратановского. М.: Наука, 1964. 944 с.
12. Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М.: Наука, 1996. 348 с.
13. Шонов И.В. Серебряные монетные выпуски Херсонеса Таврического 178–164 гг. до н.э. // История и археология Крыма. 2019. Вып. X. С. 97–104.
14. Bevan E. The House of Seleucus. London, New York, 1902. Vol. I. 330 p.
15. Dürrbach F. Choix d'inscriptions de Délos. T. I: Textes historiques. Paris, 1921. 294 p.
16. Houghton A., Catherin L., Oliver H. Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. Part II: Seleucus IV through Antiochus XIII. Vol. II. New York, Lancaster, PA, 2008. 536 p.
17. Malloy G.A. The coinage of Amisus. New York, 1970. 31 p.
18. Sylloge Nummorum Graecorum. Vol. XI: The William Stancomb collection of coins of the Black Sea region. Oxford University Press, 2000. 146 p.
19. Sylloge Nummorum Graecorum. Vol. IX: The British Museum. Part I: The Black Sea. London: British Museum Press, 1993. 131 p.
20. Tarn W. The First Syrian War // Journal of Hellenic Studies. 1926. Vol. 46 (2). P. 155–162.
21. Leu Numismatik AG Auction 3, Lot 32, 27 October 2018.
22. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae / Ed. B. Latyshev. Vol. 1. Ed. 2. Petropoli, 1916. 594 p.

REFERENCES

1. Anokhin V.A. *Monetnoe delo Khersonesa* [Coinage of Chersonesos]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1977, 175 p.
2. Anokhin V.A. *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ia: Katalog* [Antique coins of the Northern Black Sea region: Catalog]. Kiev, Stilos Publ., 2011, 328 p.
3. Bert'e-Delagard A.L. Several new or little-known coins of Chersonesos. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* [The proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities], 1906, vol. 26, pp. 215–276.
4. Burachkov P.O. *Obshchii katalog monet, prinadlezhashchikh ellinskim koloniam sushchestvovavshikh v drevnosti na severnom beregu Chernogo moria, v predelakh nyneshnei Iuzhnoi Rossii* [Catalog of coins belonging to the Hellenic colonies that existed in antiquity on the northern coast of the Black Sea, within the current southern Russia]. Odessa, 1884, 289 p.
5. Gaidukevich V.F. History of the ancient cities of the Northern Black Sea region. *Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ia* [Ancient cities of the Northern Black Sea region], Moscow, Leningrad, 1955, pp. 23–147.

6. Gil' Kh.Kh. New acquisitions of my collection. *Zapiski Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* [The proceedings of the Russian Archaeological Society], St.-Petersburg, 1891, T. V, pp. 343–360.
7. Zograf A.N. *Antichnye monety* [Antique coins]. Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1951, 308 p.
8. Leper R.Kh. Cherson inscriptions. *Izvestiia Arkheologicheskoi komisii* [News of the Archaeological Commission], St.-Petersburg, 1912, vol. 45, pp. 23–70.
9. *Polibii. Vseobshchaia istoriia* [Polybius. General history]. Transl. F.G. Mishchenko. Moscow, Direkt-Media Publ., 2008, 3319 p.
10. Rostovtsev M.I. Amaga and Tirgatao. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* [The proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities], 1915, vol. 32, pp. 58–77.
11. *Strabon. Geografiia* [Strabo. Geography]. Transl. G.A. Stratanovsky. Moscow, Nauka Publ., 1964, 944 p.
12. Saprykin S.Iu. *Pontiiskoe tsarstvo. Gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [Kingdom of Pontus. State of Greeks and barbarians in the Black Sea region]. Moscow, Nauka Publ., 1996, 348 p.
13. Shonov I.V. Silver Monetary Releases Chersonese Taurian 178–164 BC. *Istoriia i arkheologiiia Kryma* [History and archeology of Crimea], Simferopol, 2019, vol. 10, pp. 97–104.
14. Bevan E. *The House of Seleucus*. Vol. I. London, New York, 1902, 330 p.
15. Dürrbach F. *Choix d'inscriptions de Délos*. T. I: Textes historiques. Paris, 1921, 294 p.
16. Houghton A., Catherin L., Oliver H. *Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue*. Part II: Seleucus IV through Antiochus XIII. Vol. II. New York, Lancaster, PA, 2008, 536 p.
17. Malloy G.A. *The coinage of Amisus*. New York, 1970, 31 p.
18. *Sylloge Nummorum Graecorum*. Vol. XI: The William Stancomb collection of coins of the Black Sea region. Oxford University Press, 2000. 146 p.
19. *Sylloge Nummorum Graecorum*. Vol. IX: The British Museum. Part I: The Black Sea. London: British Museum Press, 1993. 131 p.
20. Tarn W. The First Syrian War. *Journal of Hellenic Studies*, 1926, vol. 46 (2), pp. 155–162.
21. *Leu Numismatik AG Auction 3, Lot 32, 27 October 2018*.
22. Latyshev B. (ed.). *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Vol. 1. Ed. 2. Petropoli, 1916, 594 p.

Информация об авторе

Шонов И. В. – младший научный сотрудник Института археологии Крыма Российской академии наук.

Author information

Shonov I. V. – Junior Researcher, Institute of Archeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences.

ЖАЛОВАНИЕ ГАРНИЗОНА НАЕМНИКОВ ЭПОХИ МИТРИДАТОВЫХ ВОЙН: ФОНТАЛОВСКИЙ КЛАД (IGCH 1143)

Михаил Григорьевич Абрамзон¹, Андрей Михайлович Новичихин²,
Ирина Анатольевна Сапрыкина³, Татьяна Николаевна Смекалова⁴

¹*Институт археологии РАН, Москва, Россия; Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия*

²*Анапский археологический музей, Анапа, Россия*

³*Институт археологии РАН, Москва, Россия*

⁴*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия*

¹ abramzon-m@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6111-048X>

Аннотация. Клад дидрахм из станицы Фонталовская (Краснодарский край) представляет собой уникальный однородный комплекс боспорского серебра самого крупного номинала митридатовского времени. Представлены результаты РФА исследования 480 дидрахм, которые показывают, что их сплав содержал всего около 30–40% драгоценного металла. Место находки клада (рядом с одной из главнейших стратегических дорог, контролируемой крупным поселением Фонталовская 1, 6), беспрецедентный размер суммы и особенности состава (однородность монет, представленных только самым крупным номиналом, отсутствие следов обращения на большинстве их) позволяют с большой долей уверенности говорить о том, что эти деньги предназначались для обеспечения жалованием контингента митридатовских наемников, дислоцированного в пункте, защищающем важный район производства зерна на Фонталовском полуострове.

Ключевые слова: Фонталовский клад, Митридатовская эпоха, серебряные дидрахмы, жалование наемникам

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 18-18-00193-П. Приносим нашу искреннюю благодарность руководству и сотрудникам фондов Анапского археологического музея за предоставленную возможность исследования монет и помощь в процессе измерения состава их сплава и фотографирования.

THE MERCENARIES' SALARY IN THE MITHRIDATIC WARS: FONTALOVSKAIA HOARD (IGCH 1143)

Mikhail G. Abramzon¹, Andrei M. Novichikhin², Irina A. Saprykina³,
Tatiana N. Smekalova⁴

¹ *Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia*

² *Anapa Archaeological Museum, Anapa, Russia*

³ *Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

⁴ *V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia*

Abstract. A hoard of didrachmae from the Cossack village of Fontalovskaia (Krasnodar Region) is a unique homogeneous assemblage of the largest denomination of Bosporan silver coins from the Age of Mithridates VI. The results of X-ray fluorescent investigation of 480 didrachmae presented here suggest that the alloy contained only about 30–40% of the precious metal. From the find-spot of the hoard next to one of the main strategic roads controlled by the large settlement of Fontalovskaia 1, 6, the unprecedented size of the amount and the peculiarities of the hoard composition (the homogeneity of the coins represented only by the largest denomination and the absence of traces of circulation on most of them) there are reasons to be consider with a high degree of confidence that this money was intended to provide a salary for the contingent of Mithridates' mercenaries defending this important area of grain production on the Fontalovskii Peninsula.

Keywords: Fontalovskaia hoard, Age of Mithridates IV, silver didrachmae, salary for mercenaries

Acknowledgments: This research was funded by the Russian Science Foundation, project no. 18-18-00193-П "The Initial Period of the History of Money: The Transition from a Coin of a Full Metallic Value to a Sign of Conventional Value." We are very grateful to the management and staff of the Anapa Archaeological Museum for the opportunity to study the coins and their help in measuring the alloy composition and photographing

Крупнейший клад боспорских серебряных монет высшего номинала (дидрахм) митридатовского времени (рис. 1) (около 1000 монет, из которых в Анапский археологический музей попали 485 монет) был найден в станице Фонталовской Темрюкского района Краснодарского края в 1963 г. (*IGCH* 1143 = *CH* XI 137)¹. Клад отражает процесс унификации монетного дела и денежного обращения Боспора и Понта при Митридате VI и поэтому представляет особый интерес для исследования. В то время как понтийским городам разрешалось чеканить только медь, боспорским полисам, активно поддерживающим царя в первые периоды его правления, было предоставлено право чеканки серебра.

С началом войн Митридата с Римом экономическое положение боспорских полисов резко ухудшается и усиливаются деструктивные процессы на хоре. Непомерно возросшая ставка фороса, взимаемого с боспорян (Strabo. VII. 4. 6), рекрутирование и беспощадные поборы сельского населения, проводимые царскими сборщиками налогов (App. Mithr. 107), привели к всеобщему разорению и сокрытию кладов.

Первым исследователем Фонталовского клада был А. И. Салов, опубликовавший небольшое сообщение о находке [9]. Его визуальные наблюдения выявили разное качество металла монет – большинство дидрахм отчеканено из сплава с большим содержанием меди; другие экземпляры производили впечатление серебряных. Заметим, что ранее А. Н. Зограф также обращал внимание на низкопробный сплав серебра дидрахм [4, с. 187].

Наиболее детальное изучение Фонталовского клада провел К. В. Голенко [3], который разработал хронологическую классификацию дидрахм, выявил общие штампы, связывающие выпуски от имени Пантикапея, Фанагории и Горгиппии (что подтвердило ранее высказанное им предположении о чеканке дидрахм на одном монетном дворе), провел детальный анализ типа, метрологии и особенностей техники чеканки этих монет.

¹ Хранится в Анапском археологическом музее (коллекция КМ 8365/5800-6279; АК 86-565).

В недавнее время впервые к традиционным нумизматическим исследованиям монет этого крупнейшего клада боспорского серебра были добавлены данные рентгено-флуоресцентного анализа (РФА) состава сплава. До сих пор исследовался элементный состав только небольшой выборки дидрахов, драхов и гемидрахов Пантикапея, Фанагории и Горгииппии митридатовского периода из коллекции Государственного Эрмитажа, которые количественно подтвердили низкопробность их сплава [14, с. 63–65]. В этом аспекте анализ металла 480 дидрахов, представляющих уникальный гомогенный комплекс боспорского серебра самого крупного номинала того времени, открывает широкие перспективы для изучения серебряной чеканки Боспора и источников металла, экономики и денежного обращения митридатовской эпохи.

Место Фонталовского клада среди других кладов начала I в. до н.э.

К настоящему моменту нам известно 36 боспорских кладов, сокрытых в период правления Митридата VI (*СН XI 115–147*), из которых только шесть состоят исключительно из серебряных монет. Самый ранний клад серебра этой эпохи происходит, предположительно, из окрестностей Фанагории (хора, до 2009 г.). Он состоял из около 40 пантикапейских драхов конца II в. до н.э., представляя выборку из денежного обращения серебряных монет только одного номинала (*СН XI 115*). По тому же принципу были сформированы и четыре более поздних монетных комплекса с Таманского полуострова: 1) клад дидрахов 89–85 гг. до н.э. из ст. Фонталовской (1963 г.) (*IGCH 1143 = СН XI 137*) [9; 3]; 2) кошелек с пантикапейскими драхами 90–80 гг. до н.э. из некрополя на мысе Тузла (1913 г.) (*IGCH 1140 = СН XI 132*) [ОАК за 1913–1915 гг., с. 140; 7, № 707]; 3) кошелек с серебряными фанагорийскими драхами 90–80 гг. до н.э. из Кеп (1986 г.) (*СН XI 143*); 4) кошелек с серебряными фанагорийскими гемидрахами 70–63 гг. до н.э. из Патрея (1998 г.) (*СН XI 144*) [1, с. 144].

Большой интерес представляет крупный клад пантикапейских драхов конца II в. до н.э. из окрестностей Темрюка (2018 г.), в состав которого входили также дидраховы Пантикапея, Фанагории, Горгииппии и драховы (*СН XI 138*). Присутствие дидрахов говорит о синхронности Темрюкского и Фонталовского кладов.

Все перечисленные кладовы серебра происходят с Таманского полуострова (рис. 2). Следует упомянуть также большой клад медных монет из Керчи (1897 г.), в котором также присутствовали пять пантикапейских и одна фанагорийская дидраховы (*IGCH 1144 = СН XI 139*). Таким образом, на данный момент известно три кладовы с дидраховы – монетами самого крупного номинала.

Фонталовский клад впечатляет объемом суммы, которую он представляет, – около 1000 дидрахов – монет высшего номинала того времени. Учитывая невозможность специальной выборки на денежном рынке редких в обращении дидрахов, К. В. Голенко справедливо рассматривал этот комплекс как явление исключительное [3, с. 154]. Возможно, Темрюкский клад 2018 г. тоже представляет неординарный феномен – почти 180 драхов и десятков дидрахов. Заметной суммой является также клад из почти четырех десятков драхов из окрестностей Фанагории. Кошельки с

суммами от 5 до 10 драхм говорят о меньшей степени состоятельности их владельцев и размерах денежных операций.

Состав металла дидрахм (данные РФА)

Все монеты из Фонталовского клада подверглись исследованию неразрушающим безэталонным методом РФА с помощью спектрометра M1 Mistral (Bruker). Для каждого экземпляра было получено по две-три пробы на поверхности. Стандартное время измерений составило от 30 до 60 сек (напряжение 50kV); методика измерений и обработки результатов опубликована [11]. РФА показал, что 476 из 480 монет клада отчеканены из биллона – сплава меди с серебром (CuAg), в котором содержание серебра варьирует от 21 до 61% (рис. 3). Четыре остальных дидрахмы (№ 25, 192, 340, 452) – с содержанием серебра от 67 до 89% – резко выделяются из общей картины и сопоставимы с другими серебряными монетами митридатовского времени, изготовленными из лучшего по сравнению с дидрахмами металла.

К. В. Голенко разбил дидрахмы на 11 последовательных обособленных групп, каждая из которых представляет собой одновременный выпуск [3, с. 145–149]. Однако выделенные им группы 8 и 9 оказались связаны между собой штемпелем оборотной стороны R34: этим штемпелем отчеканены № 427 из группы 8 и № 428–432, отнесенные к группе 9. Таким образом, мы выделяем 10 групп дидрахм.

Сравнение содержания серебра в монетах разных групп демонстрирует в целом сохранение процентного содержания драгоценного металла в пределах 37–41% (рис. 4). Исключение составляют дидрахмы самой многочисленной группы 4 с пониженным содержанием серебра – в среднем 34% (рис. 4). Именно эта группа демонстрирует апогей чеканки дидрахм, причем интенсификация чеканки сопровождалась понижением процентного содержания серебра в монетном сплаве и увеличением доли меди. Производство дидрахм этой группы было развито до максимальных пределов, и темп чеканки был доведен до наивысшего напряжения, что, по-видимому, ассоциируется с какой-то экстраординарной ситуацией на Таманском / Фонталовском полуострове и необходимостью срочной чеканки денег для военных нужд.

Сплав дидрахм характеризуется крайне низким содержанием микропримесей, таких как олово, свинец, железо, мышьяк, золото, сурьма, цинк. Количество каждого элемента составляет тысячную или сотую доли процента, что указывает на высокую степень очистки как меди – основы сплава, так и серебра. Таким образом, для сплава дидрахм применялась металлургически «чистая» медь, что отражает тенденцию использования «чистой» меди в монетном деле Боспора 80-х гг. до н.э. [20, р. 14; 15, с. 113–116, 120]. Металлургически чистая медь представляет собой технологически сложный продукт, в процессе получения которого происходит ее очистка не только от нежелательных примесей, но и от закиси меди (Cu_2O), что влияет на возможности ее дальнейшей качественной обработки с помощью горячей или холоднойковки [19].

Этот момент представляется нам крайне важным для характеристики дидрахм: процесс получения их монетного сплава включал в себя сплавление серебра и чи-

стой монетной меди, используемой для чеканки монет определенных номиналов (оболов и тетрахалков), а не какого-либо другого сплава на основе меди, бывшего в употреблении в этот период. Возможно, в дело шла «чистая» медь, предназначавшаяся для чеканки боспорских анонимных обол: исследования сплавов последних показали, что значительная часть их чеканилась из «чистой» меди (и латуни), что позволяло заменять ими серебряные монеты при оплате военных расходов. Безусловно, понтийские и боспорские анонимные оболочки можно считать монетами военного назначения, приближавшимися по стоимости к серебряным монетам [15, с. 119–120]. Поскольку схожесть многих монограмм на боспорских анонимных оболках позволяет сократить их число до около 25 [13, с. 644–648], а время окончания этой чеканки – 63 г. до н.э. [Ср.: 18, р. 31; 16, р. 286, tabl. 12], то стартовать она должна была около 88 г. до н.э., т.е. в самом начале Первой Митридатовой войны². Таким образом, запасы «чистой» меди на монетном дворе Пантикапея могли использоваться параллельно как для чеканки анонимных обол, так и дидрахм, чей курс был, конечно, выше. И те, и другие монеты предназначались для оплаты военных расходов.

Поверхность исследованных дидрахм корродирована, что вызывает повышение содержания серебра в металле монет именно в поверхностном и приповерхностном слое [8]. Выявленные на поверхности отдельных монет характерные кракелюры и «чешуйки» являются свидетельством коррозионных процессов в сплаве CuAg, способствующих замещению меди серебром на поверхности (ср., например, дидрахмы № 11, 25, 67, 89, 115, 155, 158, 192, 265, 289, 313, 330, 340, 368, 376, 451, 452). В этих участках отмечается повышенное содержание серебра, по сравнению с другими участками на поверхности исследованных монет. Таким образом, можно говорить о наличии на монетах серебряного поверхностного слоя. Здесь еще раз отметим наблюдение первого исследователя Фонталовского клада А. И. Салова о внешнем виде дидрахм³. Все эти нюансы косвенно указывают на возможность использования технологии дополнительной обработки дидрахм, нацеленной на закрепление серебра на поверхности монеты, подобной технике обогащения поверхностного слоя серебром позднебоспорских статеров [12].

Сравнение металла дидрахм с другими боспорскими выпусками митридатовского времени демонстрирует существенное различие в рецептуре сплавов. В отличие от дидрахм, более ранние драхмы с изображением головы Диониса / бегущей лани и гемидрахмы типа голова Артемиды / цветок отчеканены из хорошего серебра

² Таким образом, чеканка анонимных обол не связана ни с Махаром, ни с представлением о лишении боспорских городов права чеканки Митридатом VI. Это были монеты для оплаты военных расходов, и имени города просто не требовалось. Изготовление их из рафинированной меди и латуни, а не обычной бронзы свидетельствует скорее о завышении их стоимости [15, с. 120].

³ А. И. Салов пишет: «Обращает на себя внимание разное качество металла монет, большинство из них имеет местами зеленую окись, указывающую на большую примесь меди, но есть и экземпляры (их меньше), которые производят впечатление чеканенных из чистого серебра». В примечании: «Одна из монет клада до поступления в музей была в нескольких местах рассверлена, внутренняя поверхность образовавшихся раковин оказалась медно-красного цвета» [9, с. 102].

(980–900 пробы); содержание меди в них составляет от 2 до 10% [14, с. 62]. Но фанагорийские драхмы и гемидрахмы той же серии, что и дидрахмы, демонстрируют резкую порчу металла: они чеканятся уже из сплава, содержавшего около 50–75% серебра и 25–46% меди. Только одна из пяти исследованных фанагорийских монет изготовлена из сплава с содержанием около 85% серебра и 15% меди.

Исторический комментарий и датировка клада

Соккрытие такой крупной суммы – около тысячи дидрахм (=2000 драхм), безусловно, должно было произойти при каких-то экстраординарных обстоятельствах во второй половине – конце 80-х гг. до н.э. На Боспоре 90–80-е гг. до н.э. были наполнены турбулентными историческими событиями. Первый издатель клада К. В. Голенко полагал, что соккрытие клада предпочтительно датируется ближайшими годами накануне восстания боспорских городов против Митридата VI в 79 г. до н.э. [3, с. 154]. После поражения понтийцев в Первой войне с Римом сын царя Митридат Младший и подвластные ему боспоряне и колхи изменили Митридату VI, и последний начал готовить флот против них (App. Mithr. 64; Cic. Pomp. IV. 9).

Невозможно утверждать также, что клад предназначался для гарнизона именно Фонталовской крепости – слои ее остаются неисследованными, а само укрепление принадлежит, скорее всего, к римскому времени, как и все остальные фонталовские «батарейки». С другой стороны, связь клада с наиболее значимым сельским поселением (более 80 га) Фонталовского полуострова – одного из наиболее плодородных районов Боспорского царства [2, с. 135] не случайна. Близость микрорегиона к огромному массиву племен Приазовья, Прикубанья, Прикаспия и Нижнего Подонья создавала угрозу для бесперебойных поставок хлеба в малоазийские владения Митридата и требовала его защиты.

Поскольку в кладе представлены все известные выпуски дидрахм – от ранних до самых поздних, а длительность чеканки составляла не более пяти-шести лет, можно полагать, что клад мог быть зарыт во второй половине 80-х гг. до н.э.

Если допустить, что каждый солдат получал во время Митридатовых войн одну драхму в день [17, р. 259], а клад включал до 1000 дидрахм (=2000 драхм), эта сумма могла бы предназначаться для оплаты, например, месячного жалования воинского контингента, включающего 60–65 воинов (мы понимаем всю условность подобных расчетов)⁴. Такой небольшой гарнизон вполне мог дислоцироваться в поселении Фонталовская 1, 6, через которое проходила одна из главнейших дорог Таманского полуострова, ведущая от пролива к Фанагории.

Упомянем еще раз синхронный клад серебра из окрестностей Темрюка, позднейшими монетами в котором были боспорские дидрахмы и херсонесские драхмы 80-х гг. до н.э. Скорее всего, этот клад тоже связан с наемниками, несшими службу в

⁴ Подобное предположение о том, что клад, включающий только монеты крупнейших номиналов, является жалованьем для выплаты солдатам, уже высказывалось в связи с кладом с поселения «Полянка» [13, с. 645].

одном из поселений, выявленных в округе современных Темрюка и ст. Голубицкой⁵. Через данную территорию проходила другая важнейшая дорога Таманского полуострова, ведущая к поселению Темрюк 4 через поселения Голубицкая 4, Голубицкая 1 и Темрюк 1. Далее южное продолжение дороги шло к конечному пункту – большому поселению Красный Октябрь 1, а отсюда, после переправы через протоку Курка, дорога уходила в Нижнее Прикубанье – область обитания меотских племен [6, с. 218–129].

Наконец, нельзя исключить и предположение о том, что кувшин с тысячей дидрахм мог предназначаться для наемников Фанагории, находившейся ровно в полдня пути от поселения Фонталовская 1, 6. По крайней мере, это единственный гарнизон, засвидетельствованный эпиграфическим источником – эпитафией декрета от 88/87 г. до н.э. Хотя полис, не имевший финансовых возможностей рассчитаться с наемниками, предоставил тем гражданские права и льготы, в дальнейшем содержание царских наемников здесь тоже требовало определенных финансовых затрат, в связи с чем из Пантикапея могла быть направлена большая денежная сумма. Однако ее доставке помешала сложившаяся чрезвычайная обстановка на Фонталовском полуострове, и конвою, перевозившему деньги, пришлось спрятать их близ дороги, проходившей через территорию поселения Фонталовская 1, 6. Возможно, это объясняется активизацией враждебного Митридату сирако-меотского союза в Прикубанье и аорсов в Закубанье и Прикаспии; к тому же, в 81–80 гг. до н.э. митридатовское войско было разгромлено ахейцами. Сложная военная ситуация требовала защиты хлеботорговых районов Синдики [10]. Таким образом, по нашему мнению, клад, скорее всего, представляет жалование наемников либо городища Фонталовская 1, 6, либо Фанагории.

Выводы

Выпуск дидрахм – серебряных монет высшего номинала в митридатовское время на Боспоре представляет беспрецедентное явление в унифицированном денежном обращении Боспора и Понта. Понтийские города в этот период имели право чеканить только медные монеты, а чекан серебра и золота являлся прерогативой царя. Выпуск дидрахм на Боспоре определенно преследовал не коммерческие цели. В то же время иконография дидрахм, заимствованная из понтийской чеканки, отражает мотивы официальной идеологии, связанные с культом Митридата–Диониса. Предоставление Пантикапею, Фанагории и Горгиппии права серебряной чеканки объясняется стремлением Митридата обеспечить себе поддержку трех крупнейших городов Боспора, контролирующих хлеботорговые области этой сатрапии Понтийской державы, а главной задачей царя было обеспечение зерновым хлебом своей армии. Скорее всего, каждый город предоставил на пантикапейский монетный двор какое-то количество серебра для общего выпуска дидрахм. Фонталовский клад (и Темрюкский тоже) ярко демонстрирует пропорцию эмиссий дидрахм с названиями общин городов: Пантикапей – более двух третей, Фанагория – треть, Горгиппия –

⁵ Например, поселения Голубицкая 2 и 4, Темрюк 1, 2, 3, 4 и 5 [см.: 5, № 221, 223, 226–229].

всего 3%. По-видимому, это свидетельствует о количестве серебра, внесенного каждым городом для чеканки дидрахм унифицированного типа.

Место находки клада связано с территорией очень крупного сельского поселения Фонталовская 1, 6, находящегося в середине одной из главнейших стратегических дорог Таманского полуострова, ведущей от Керченского пролива к Фанагории через самые плодородные области Азиатского Боспора. Беспрецедентный размер суммы и особенности состава, исключительная редкость дидрахм и невозможность специальной выборки их из денежного обращения позволяют с большой долей уверенности говорить о том, что эти деньги предназначались не для торговли, а для обеспечения жалованием митридатовских наемников.

Выпуск основной массы дидрахм приходится, скорее всего, на годы Первой войны (89–85 гг. до н.э.). Выплата ежегодного фороса в размере 200 талантов серебра ослабила экономический потенциал Боспора и привела к дефициту монетного серебра, поэтому дидрахмы чеканились из плохого сплава с содержанием серебра в основном около 30–40%. Драхмы и гемидрахмы того же времени чеканились из чуть более лучшего сплава (50–70% серебра).

Синдика и азиатские области около нее представляли самые хлебородные районы Боспора. Близость микрорегиона Фонтала к огромному массиву меотских племен создавала угрозу для бесперебойных поставок хлеба в малоазийские владения Митридата и требовала его защиты. По-видимому, в узловых пунктах сети главных дорог Таманского полуострова (главным образом на Фонталовском полуострове) размещались небольшие контингенты митридатовских наемников (присутствие их в Фанагории подтверждено источником). Отчеканенные дидрахмы из плохого серебра, очевидно, предназначались именно для оплаты жалования наемников.

Фонталовский клад представляет уникальное свидетельство денежного обращения и исторических событий на Боспоре в митридатовский период. Датировка клада относится ко второй половине – концу 80-х гг. до н.э., как и полагал К. В. Голенко, но связывать тезаврацию следует не с действиями понтийцев против боспорцев, а с активностью племен, враждебных Митридату и прорывавшихся на Фонталовский полуостров. Клад, скорее всего, представляет жалование гарнизону наемников городища Фонталовская 1, 6, но можно допустить, что крупную сумму везли из Пантикапея в Фанагорию, где также находился гарнизон царских наемников.

Рис. 1. Серебряная дидрахма 90–80 гг. до н.э.: Пантикапей, Фонталовский клад
Fig. 1. Silver didrachma, 90–80 BC: Pantikapaion, Fontalovskaia hoard

Рис. 2. Клады боспорских серебряных монет митридатского времени

- 1 – клад из ст. Фонталовской (1963 г.); 2 – кошелек драхмами из некрополя на мысе Тузла (1913 г.);
3 – кошелек с драхмами из Кеп (1986 г.); 4 – кошелек гемидрахмами из Патрея (1998 г.);
5 – Темрюкский клад (2018 г.)

Fig. 2. Hoards of silver Bosphoran coins from the Age of Mithridates VI

- 1 – hoard from the Cossack village of Fontalovskaia (1963); 2 – purse with drachmae from the cemetery at cape Tuzla (1913); 3 – purse with drachmae from Kepoi (1986); 4 – purse with hemidrachmae from Patraeus (1998); 5 – Temriuk hoard (2018)

Рис. 3. Содержание серебра в дидрахмах Фонталовского клада
Fig. 3. Silver content in the didrachmae of the Fontalovskaia hoard

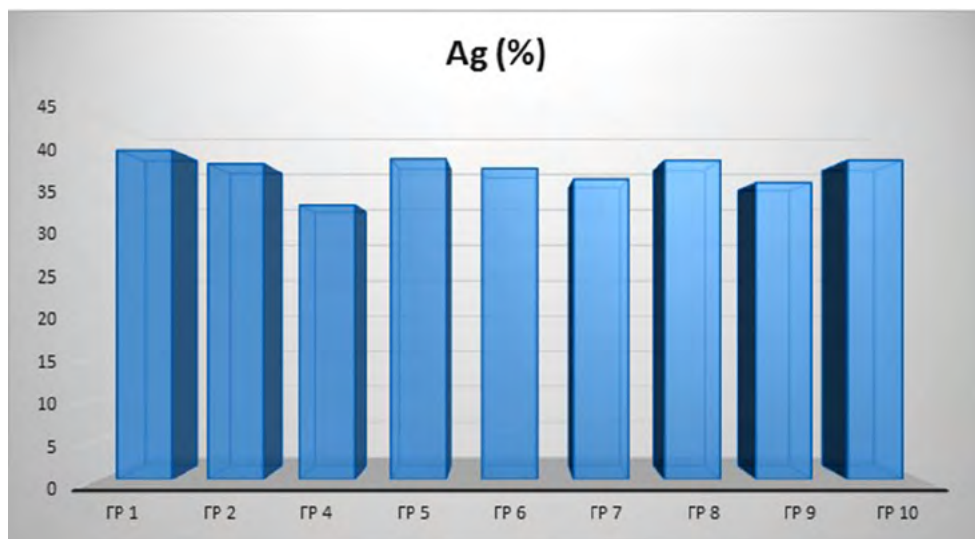

Рис. 4. Среднее содержание серебра в дидрахмах групп 1, 2, 4–10
Fig. 4. Average silver content in the didrachmae from groups 1, 2, 4–10

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов А.П., Болдырев С.И. «Клады» 1998 г. из Патрея // Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. 1. СПб., 2001. С. 141–144.
2. Гарбузов Г.П. Районирование античных агроландшафтов Таманского полуострова // Древности Боспора. М., 2009. Т. 13. С. 123–140.
3. Голенко К.В. Фанталовский клад боспорских дидрахм I в. до н.э. // ВДИ. 1965. № 4. С. 141–158.
4. Зограф А.Н. Античные монеты. Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 308 с. (МИА. № 16).
5. Паромов Я.М. Археологическая карта Таманского полуострова. М., 1992. (Депон. в ИНИОН РАН. № 47103 от 01.10.1992 г.).
6. Паромов Я.М. Главные дороги Таманского полуострова в античное время // Древности Боспора. 1998. Т. 1. С. 216–225.
7. Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. III. Баку, 1940. 92 с.
8. Равич И.Г., Сапрыкина И.А. Особенности состава и техники изготовления боспорских монет, происходящих из клада, найденного в Фанагории // Исследования в консервации культурного наследия. Материалы Международной научно-методической конференции, Москва, 24–26 октября 2017 г. М., 2019. С. 213–222.
9. Салов А.И. Клад боспорских монет, найденный в станице Фанталовской // ВДИ. 1965. № 2. С. 101–102.
10. Сапрыкин С.Ю. Позднеэллинистический и римский периоды // Античное наследие Кубани. Т. 2 / Ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов. М.: Наука, 2010. С. 80–132.
11. Сапрыкина И.А., Гунчина О.Л. Химический состав металла боспорских статеров Фанагорийского клада 2011 г. // Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. Клад позднебоспорских статеров из Фанагории. М.: ИА РАН, 2017. С. 272–483. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 5).
12. Сапрыкина И.А., Пельгунова Л.А., Гунчина О.Л., Равич И.Г., Кичанов С.Е., Козленко Д.П., Назаров К.М. Некоторые замечания о технике изготовления боспорских статеров из Фанагорийского клада 2011 г. // Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. Клад позднебоспорских статеров из Фанагории. М.: ИА РАН, 2017. С. 484–493. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 5).
13. Смекалова Т.Н. Новые данные о чеканке Боспора времени Митридата VI // ВДИ. 2019. № 3. С. 640–652.
14. Смекалова Т.Н., Дюков Ю.Л. Монетные сплавы государств Причерноморья. Боспор, Ольвия, Тира. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2001. 202 с.
15. Смекалова Т.Н., Лобода А.Ю., Быковская Н.В., Трубникова Е.Д. Рентгено-флуоресцентные исследования монетных сплавов Боспора времени Митридата VI // ПИФК. 2019. № 4. С. 112–124.
16. Callataÿ Fr. de. La revision de la chronologie des bronzes de Mithridate Eupator et ses consequences sur la datation des monnayages et des Settlements du Bosphore Cimmerien // Bresson A., Ivantchik A.I., Ferrary J.-L. (eds.), Une koini pontique. Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VIIe s.a.C. – IIIe s.p.C.). Bordeaux, 2007. P. 271–308.
17. Callataÿ Fr. de. The late Hellenistic didrachms of Leukas: another case of Greek coinage for the Roman army // van Alfen P., Bransbourg G., Amandry M. (eds.), FIDES. Contributions to Numismatics in Honor of Richard B. Witschonke. New York, 2015. P. 239–270.
18. Frolova N.A., Ireland S. The Coinage of the Bosporan Kingdom from the First Century BC to the First Century AD. Oxford, 2002. 94 p. (British Archaeological Reports. International Series. 1102).
19. Kelso J.L. Ancient Copper Refining // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. 1951. No. 122 (Apr.). P. 26–28. <https://doi.org/10.2307/3218833>.
20. Treister M.J. Spectroanalytical study of the kingdom of Bosphorus bronze coins // Kinzoku Hakubutsukan Kiyoe = Bulletin of the Metals Museum. 1988. No. 13. P. 3–21.

REFERENCES

1. Abramov A.P., Boldyrev S.I. "Hoards" 1998 from Patrey. *Bosporskij fenomen. Kolonizaciia regiona, formirovanie polisov, obrazovanie gosudarstva* [The Bosporan phenomenon. Colonization of the region, the formation of polis, the formation of the state], part 1, St.-Petersburg, 2001, pp. 141–144.
2. Garbuzov G.P. Division into Districts of the Ancient Agrolandscapes of the Taman Peninsular. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus], Moscow, 2009, vol. 13, pp. 123–140.
3. Golenko K.V. Fantalovsky hoard of the Bosporan didrachmas of the 1st century BC. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], 1965, no. 4, pp. 141–158.
4. Zograf A.N. *Antichnye monety* [Antique coins]. Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1951, 308 p.
5. Paromov Ia.M. *Arkheologicheskaia karta Tamanskogo poluostrova* [Archaeological map of the Taman peninsula]. Moscow, 1992.
6. Paromov Ia.M. The main roads of the Taman peninsula in ancient times. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus], Moscow, 1998, vol. 1, pp. 216–225.
7. Pahomov E.A. *Monetnye klady Azerbaidzhana i drugih respublik, kraev i oblastei Kavkaza* [Coin hoards of Azerbaijan and other republics, territories and regions of the Caucasus]. Vol. III. Baku, 1940, 92 p.
8. Ravich I.G., Saprykina I.A. Features of the composition and technique of making Bosporan coins originating from a hoard found in Phanagoria. *Issledovaniia v konservatsii kul'turnogo nasledii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii, Moskva, 24–26 oktiabria 2017 g.* [Studies in conservation of cultural heritage. Materials of the international scientific and methodological conference]. Moscow, 2019, pp. 213–222.
9. Salov A.I. A hoard of Bosporan coins found in the village of Fantalovskaya. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], 1965, no. 2, pp. 101–102.
10. Saprykin S.Iu. Late Hellenistic and Roman periods. Bongard-Levin G.M., Kuznetsov V.D. (eds.), *Antichnoe nasledie Kubani* [The ancient heritage of the Kuban], vol. 2, Moscow, Nauka Publ., 2010, pp. 80–132.
11. Saprykina I.A., Gunchina O.L. The chemical composition of the metal of the Bosporan staters of the Fanagoria hoard in 2011. Abramzon M.G., Kuznetsov V.D. *Klad pozdnebosporских staterov iz Fanagorii* [Hoard of late Bosporus staters from Phanagoria], Moscow, Institute of Archeology RAS Publ., 2017, pp. 272–483.
12. Saprykina I.A., Pel'gunova L.A., Gunchina O.L., Ravich I.G., Kichanov S.E., Kozlenko D.P., Nazarov K.M. Some remarks on the technique of making Bosporan staters from the Phanagoria hoard in 2011. Abramzon M.G., Kuznetsov V.D. *Klad pozdnebosporских staterov iz Fanagorii* [Hoard of late Bosporus staters from Phanagoria], Moscow, Institute of Archeology RAS Publ., 2017, pp. 484–493.
13. Smealova T.N. New data on the Bosporan coinage in the time of Mithradates VI. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], 2019, no. 3, pp. 640–652.
14. Smealova T.N., Diukov Iu.L. *Monetnye splavy gosudarstv Prichernomor'ia: Bospor, Ol'viia, Tira* [Coinage alloys of the Northern Black Sea littoral states: Bosporus, Olbia, Tyra]. St.-Petersburg, SPbGU Publ., 2001, 202 p.
15. Smealova T.N., Loboda A.Iu., Bykovskaia N.V., Trubnikova E.D. XRF-spectroscopy of Bosporan coin alloys during Mithradates VI's time. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2019, no. 4, pp. 112–124.
16. Callataÿ Fr. de. La revision de la chronologie des bronzes de Mithradate Eupator et ses consequences sur la datation des monnayages et des Settlements du Bosphore Cimmerien. A. Bresson, A.I. Ivantchik, J.-L. Ferrary (eds.), *Une koinu pontique. Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VIIe s.a.C. – IIIe s.p.C.)*, Bordeaux, 2007, pp. 271–308.
17. Callataÿ Fr. de. The late Hellenistic didrachms of Leukas: another case of Greek coinage for the Roman army. P. van Alfen, G. Bransbourg, M. Amandry (eds.), *FIDES. Contributions to Numismatics in Honor of Richard B. Witschonke*, New York, 2015, pp. 239–270.
18. Frolova N.A., Ireland S. *The Coinage of the Bosporan Kingdom from the First Century BC to the First Century AD*. (British Archaeological Reports. International Series. 1102). Oxford, 2002, 94 p.

19. Kelso J.L. Ancient Copper Refining. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*, 1951, no. 122 (Apr.), pp. 26–28. <https://doi.org/10.2307/3218833>.
20. Treister M.J. Spectroanalytical study of the kingdom of Bosphorus bronze coins. *Kinzoku Hakubutsukan Kiyeo = Bulletin of the Metals Museum*, 1988, no. 13, pp. 3–21.

Информация об авторах

Абрамзон М. Г. – доктор исторических наук, профессор, директор НИИ исторической антропологии и филологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова; ведущий научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН, Researcher ID: K-8805-2017.

Новичихин А. М. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Анапского археологического музея, Researcher ID: ABF-9326-2020.

Сапрыкина И. А. – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН, Researcher ID: F-3875-2014.

Смекалова Т. Н. – доктор исторических наук, заведующий отделом естественнонаучных методов в археологии Крыма Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; ведущий специалист лаборатории естественнонаучных методов в гуманитарных науках НИЦ «Курчатовский институт», Researcher ID: R-3665-2016.

Authors information

Abramzon M. G. – Doctor of Science (History), Full Professor, Director of the Research Institute for Historical Anthropology and Philology of the Nosov Magnitogorsk State Technical University; Leading Researcher of the Department of Classical Archaeology of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Researcher ID: K-8805-2017.

Novichikhin A. M. – Candidate of Sciences (History), Senior Researcher at the Anapa Archaeological Museum, Researcher ID: ABF-9326-2020.

Saprykina I. A. – Candidate of Science (History), Researcher of Department of preservation of archaeological heritage of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Researcher ID: F-3875-2014.

Smekalova T. N. – Doctor of Science (History), Head of the Department of natural science methods in archaeology of Crimea at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Leading Specialist of the Laboratory of Natural Science Methods in the Humanities of the National Research Center Kurchatov Institute, Researcher ID: R-3665-2016.

ОБЪЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ МОНЕТНЫХ ЧЕКАНОК ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА И КРЫМА

Валерий Анатольевич Сидоренко

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия,
crimeastor@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7437-2750>*

Аннотация. В статье рассматривается штемпельный метод исследований в нумизматике, который, по определению А. Н. Зографа, является «объективным научным методом». Необходимость обратиться к его освещению связана с тем, что далеко не все авторы публикаций знакомы с его принципами. Освещаются технические особенности использования в монетной чеканке подвижно соединенных механически пар штемпелей, получившие распространение еще в античное время и употреблявшиеся в монетных производствах, начиная с римской эпохи на Боспоре, в Херсонесе – средневековом Херсоне. Переход в Золотой Орде к чеканке не связанными между собой штемпелями создает более сложные пересечения штемпельных связей в методике исследования монет. В статье публикуются два фоллиса Юстина II (565–578) константинопольского монетного двора, отчеканенные общим для них штемпелем лицевой стороны и оборотными – с разными цифровыми дифферентами (Г и Є), понимаемыми как знаки 3-й и 5-й оффицин. Можно предполагать особое значение дифферента пятой оффицины, отличающееся от значений дифферентов 1–4 и объясняющее появление ее дифферента на монетах Льва I и Верины воинских выпусков в Херсоне до организации его полисной чеканки. Исследование монет средневекового Херсона с использованием штемпельного и аналитического методов обнаруживает непрерывность выпусков с 549 г., позволяет выделить из нее выпуски времени Юстина II (565–578) и Тиберия II Константина (578–582), Маврикия Тиберия (582–602), Фоки (602–610), Ираклия (610–641) и Константа II (641–668). Прекращение чеканки Херсона в правление Константа II согласуется с тем упадком экономики, который описывает в своих письмах сосланный сюда в 655 г. как ярый противник монофилитства папа Мартин.

Ключевые слова: штемпельный метод, монетная чеканка средневекового Боспора, монетная чеканка Херсона

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках госзадания № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

OBJECTIVE METHODS IN THE RESEARCH OF COINAGES OF BYZANTINE CHERSON AND THE CRIMEA

Valery A. Sidorenko

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Abstract. This paper considers the coin-die method of numismatic research, which, by A. N. Zograf's definition, is an "objective scientific method." The need to turn to this description is related to

the fact that not all authors of publications are familiar with the principles of this method. The technical features of the use of mechanically connected pairs of dies in coinage, which became widespread in ancient times and were applied in the coinages of Bosphoros and Chersonese (mediaeval Cherson) from the Roman Period on, are highlighted. The transition to the coin production not interconnected by dies under the Golden Horde creates more complex intersections of die connections in the method of research of coins. This paper publishes two folles of Justin II (565–578) of the mint of Constantinople produced by the same obverse die and reverse with different numeric marks (Г and Є) interpreted as the signs of the 3rd and 5th officinae. One can infer a special value of the fifth officina differing from those of the marks 1–4 to explain the appearance of its mark on the coins of Leo I and Verina of military issues in Cherson before the organization of its polis coinage. The study of the coins of mediaeval Cherson by die and analytical methods detects the continuity of issues from 549 on, allows the one to determine the coins of Justine II (565–578) and Tiberios II Constantine (578–582), Maurice Tiberios (582–602), Phokas (602–610), Herakleios (610–641) and Constans II (641–668). The end of the coinage of Cherson under the Emperor Constans II corresponded to the economic crisis described by Pope Martin in his letters, when he was exiled to that city in 655 as an avid opponent of the Monothelism.

Keywords: coin-die method, mediaeval Bosphoros coinage, Cherson coinage

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of the state assignment No. FZEG-2020-0029 “The Byzantine Empire’s Influence on Historical Processes in the Mediaeval Crimea” supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Объективный (по определению А. Н. Зографа) метод исследования монетных штемпелей по оттискам отпечатков индивидуального рисунка их рабочих поверхностей на монетах получил в нумизматике название «штемпельного» [3, с. 107]. Благодаря парности эксплуатации штемпелей (нижнего – лицевой стороны, или аверса монеты, и верхнего – оборотной, или реверса), несинхронности их износа (на время эксплуатации одного нижнего штемпеля приходится выход из строя и замена в среднем шести верхних) и несовпадению времени замены каждого из пары свободно перемещаемых штемпелей в непрерывном производстве, точности передачи монетами индивидуальных особенностей штемпеля (часто – и степени износа) появляется возможность реконструировать связываемую переходными (между двумя лицевыми) штемпелями оборотных сторон цепочку последовательности их эксплуатации и отражаемую ею относительную хронологию монетных видов.

В последней четверти XIX в. Ф. Имхоф-Блумер отмечал, что «монеты, битые одним и тем же штемпелем (хотя бы с одной только стороны), нередко и что, наблюдая подобные случаи, мы можем вывести заключение об изготовлении таких монет в одной мастерской и, во всяком случае, о близости их по времени, поскольку перевоз матриц и долговременность нахождения их в работе маловероятны» [3, с. 22]. Под «матрицами» подразумевались штемпели, независимо от технических особенностей их использования, представлявшиеся свободно перемещаемыми и независимо совмещаемыми в пары. Но уже с античности для качественной чеканки и дочеканок (после промежуточного отжига меди и бронзы) крупных монет появляются подвижно соединенные между собой в пары штемпели, перемещение которых между монетными дворами тем более маловероятно, так как нижний – прочно крепился к устойчивому

основанию, от которого, возможно, не отделялся даже при замене подвижного верхнего или ремонте его с обновлением рабочей поверхности (рис. 1,1–2).

Для механически спаренных – переустановка бывавшего в эксплуатации верхнего штемпеля на новый нижний (лицевых сторон) чаще всего связана с утратой прежнего лицевого по причине его износа или вынужденной сменой монетного типа лицевой стороны (например, с новым правителем) и сопровождается, за некоторыми исключениями, окончательным изъятием нижнего штемпеля из монетного производства. В результате смены лицевого штемпеля появляются пары монет с оттисками «переходного» штемпеля оборотных сторон при разных – лицевых, связывающего смежные монетные виды в цепочки последовательностей их использования. Поскольку эксплуатация нижнего (лицевого) штемпеля более продолжительна, то на время его работы приходится замена большего числа верхних (оборотных) штемпелей: в чеканке медных монет – в среднем около шести, серебряных – иногда и больше. Таким образом, выявляются непереходные штемпели оборотных сторон, связанные с единственным для них лицевым. Хронологическую последовательность таких штемпелей и соответствующее расположение между «переходными» в общей нумерации может подсказать только возрастание степени износа общего для них – лицевого, наблюдаемая по его оттискам на монетах без значительных повреждений их поверхности. Результатом штемпельного исследования должно являться построение непрерывной цепочки штемпельных связей и присвоение штемпелям соответствующей их хронологической последовательности цифровой или алфавитной нумераций, в которых, по выражению А. Н. Зографа, «последовательный порядок не может быть нарушен» [3, с. 107].

В построении схемы штемпельных связей несопряженных и свободных в перемещении штемпелей имеет значение выявление количества одновременно участвующих в работе лицевых, начала и конца цепочек «переходных», оптимальность «перекрестных» и «непереходных» связей в их графическом выражении, после которых может устанавливаться окончательная нумерация. К сожалению, в нумизматике Золотой Орды не все исследователи знакомы с этим принципом, а в работе, посвященной ее методологии, как примеры построения схем соотношений штемпелей приводятся рисунки [6, с. 9–12, рис. 1,3–5], которые не отвечают требованиям их завершенности, обеспечивающей в порядке расположения в рядах и в нумерации минимальный разнос линии штемпельных связей. Но если недоработка схемы до завершенного состояния поправима и может быть отнесена погрешностям при отсутствии ошибок в ее исходных данных, то дискредитацией штемпельного метода является использование недостоверных отраженных сведений, произвольное установление последовательности штемпелей независимо от их связей, вынесение связанных «переходным» оборотным лицевых штемпелей в начало и конец прерывистой цепочки, замыкаемой ими в круг, и тому подобное [7, рис. 2].

Среди продукции монетного двора Константинополя обнаруживаются два фоллиса Юстина II первого (665) года его правления (рис. 1,3–4), чеканенные об-

щим для них штемпелем лицевой стороны, отмеченные на оборотных сторонах разными цифровыми дифферентами – Г (3) и Є (5), размещаемыми под ломаной гостой крупного знака номинала М (40). Можно предположить, что эти дифференты, именуемые официинами, не представляют собой номеров мастерских монетного двора, каковыми обычно считаются, а являются символами, связанными с контролем монетного производства. Одно из предполагавшихся значений «официны» как должности лица, ответственного за выпуск, казалось бы, находит здесь подтверждение. обстоятельное типологическое исследование византийской чеканки, осуществленное В. Ханом, показывает наличие обозначений пяти официн на фоллисах и гемифоллисах Константинополя всех годов правления Юстина II [18, S. 93–97, N 43–44] кроме последнего (13-го), на фоллисах которого известны только два дифферента: А (1) и В (2) [18, S. 95]. Поскольку счисление по годам правлений императоров является индиктовым, и начало индиктного года не совпадает с календарным, то может возникнуть подозрение, не является ли в выпусках крупных медных номиналов нумерация четырех из пяти официн константинопольского монетного двора обозначением кварталов года индикта, а пятая – иметь отличающееся от их функций особое значение? Подобное обстоятельство могло бы объяснить как переход общего лицевого штампа двух константинопольских фоллисов Юстина II первого года его правления (рис. 1,3–4) от цифрового дифферента Г (3) к Є (5), минуя четверку, но и обозначения монетного двора на чеканенных в Херсонесе бронзовых монетах Льва I и Верины, которые в обресе на оборотных сторонах содержат буквы CONE. Обособленный от продолжения херсонской чеканки монет Льва I общий вид монет первого выпуска Льва I и Верины, отсутствие в написании их легенд ошибок предполагают изготовление их парно-сопряженных штампов в византийской столице для чеканки, осуществлявшейся далеко за пределами ее монетного двора. Более нуждающиеся в контроле своего выпуска золотые солиды Константинополя имеют одну декадную индиктацию годов правления. Ответить на назревшие вопросы могло бы исследование штампельным методом константинопольской крупной меди.

В монетной чеканке средневековых Херсона и Боспора дифференты официн не помещаются на монетах, возможно потому, что объемы их производств были значительно меньше столичного, и строгого контроля над учетом продукции для них не требовалось.

При применении для каждого из номиналов только одной пары механически сопряженных штампов, что отличает монетное дело средневековых Херсона и Боспора, при примерном соотношении количества «переходных» оборотных штампов к «непереходным» как 1:6 выстраиваемая цепочка штампельных связей не может быть доведена до неразрывности при неполноте доступного для исследований материала. По этой причине монетная чеканка Херсона и причислявшаяся к ней – средневекового Боспора часто рассматривались как эпизодические выпуски монет с какими-то временными промежутками, в которые прежние штампы утрачивались. По выражению В. Хана, отметившего отсутствие штампельных связей между лицевыми штампами

ми херсонских и принимаемых им за таковые боспорских монет времени Маврикия Тиберия, «следует думать не о непрерывной чеканке между 574 и 602 гг., а о прерывистой» [19, р. 471]. Высказывавшиеся исследователями мнения о том, что монетные выпуски Херсона и относимые к нему, причисленные позже Боспору [8, с. 374–376; 21, р. 94–97, 102, pl. XIII], носили эмпирический характер, строилось на ошибочном представлении о производстве этих монет свободно совмещавшимися штемпелями. В. А. Анохин считал, что фоллисы и гемифоллисы с названием города, выпуск которых начался при Юстине II, продолжали чеканиться и при его преемнике – Тиберии II Константине (574–578), но относил к этой чеканке все фоллисы и гемифоллисы, исключив из нее рассматриваемые как херсонские – с именем Маврикия Тиберия.

До настоящего времени в нумизматике встречается заблуждение, что к чеканенным сопряженными штемпелями монетам относятся только те, соотношение осей которых соответствует строгой ориентации на шесть ($\uparrow\downarrow$, vi) или двенадцать ($\uparrow\uparrow$, xii) часов по часовому циферблату, а другие – появились в результате использования несопряженных штемпелей, меняющих соотношения осей при чеканке. Но для византийских чеканок Боспора и Херсона характерно использование сопряженных штемпелей, что устанавливается при сравнении соотношений осей монет одного вида, т.е. битых общей для них парой штемпелей. При этом наблюдается переход с прямого или обратного соотношения штемпелей на произвольное, наступивший в чеканке Херсона только после времени Маврикия Тиберия, а на Боспоре – наблюдаемый во всей чеканке с ее начала (рис. 3).

Городская монетная чеканка Херсона является порождением и продолжением монетного производства, связанного с военным строительством в Херсоне и Юго-Западной Таврике. Первыми «воинскими» выпусками являлись монеты с общеимперским типом лицевой стороны майорин, их же размера и веса, чеканка которых осуществлялась при императорах Феодосии I и Валентиниане II [10, с. 129; 11, с. 102] в 383–392 гг. [11, с. 111–112]. Следующие «воинские» чеканки производились от имени Льва I (457–474) и Верины (с надписью в обрезе KONE), Льва I (с надписью KON), Зенона (474–491), Юстина I (518–527) и Юстиниана I (527–565). Время перехода при Юстиниане I к городской чеканке позволяет установить наблюдение В. Хана, отметившего стилистическое сходство изображения бюста императора на предполагаемых декануммиях Херсона, снабженных монограммой названия «полис Херсон», с юстиниановскими декануммиями константинопольского монетного двора 22 г. правл. (548/549) [19, S. 415]. Можно заключить, что к 548/549 г. относится получение городом прав городской чеканки и статуса пограничного полиса от Юстиниана I, что совпадает с прекращением «воинских» выпусков, очевидно, знаменующим завершение упоминаемых Прокопием Кесарийским восстановления крепостных стен города и строительства в Юго-Западной Таврике Длинных стен «страны Дори».

Среди фоллисов Херсона, несущих на себе знак стоимости «М» (40), обнаруживается новый подтип, на лицевой стороне которого название города представлено в сокращении Х–Е–Р, а буквы располагаются по сторонам и между фигур импе-

раторской четы (рис. 4,1). Этот фоллис связывается общим штемпелем оборотной стороны с херсонской чеканкой времени Юстина II (565–574) – экземпляром собрания музея-заповедника «Херсонес Таврический» (Инв. № Н-17798) из коллекции В. Н. Орехова (рис. 4,2) [4, с. 78, № 115]. Признаки округленного монетного кружка и полновесность экземпляра, которой отличается и ореховский, позволяют поместить оба в начало чеканки времени Юстина II (рис. 4,1–15).

Одной из причин длительного (до 70-х гг. XX в.) бытования заблуждений в атрибуции херсонских монет с цифрами «М» и «К», первоначально относимых к правлению Маврикия Тиберия, послужила ошибка Ж. Сабатье, опубликовавшего под видом одной монеты рисунки сторон двух разных, происходивших из собрания Эрмитажа: лицевую сторону с именем Маврикия монеты инв. № 2000 [13, табл. IV,2], оборотную – со знаком стоимости «М» [20, р. 249, п. 1, pl. XXVI,21] – с некоторыми изменениями в рисунке, поскольку на всех трех эрмитажных экземплярах (Инв. №№ 1975–1977) посох в руке фигуры святого в нимбе увенчивается не крестом, а хризмой. И. И. Толстой, сомневающийся в существовании такой монеты, полагал, что Ж. Сабатье неправильно прочитал по причине неудовлетворительной сохранности монеты с «М» легенду ее лицевой стороны [14, с. 566]. И. В. Соколова разделяла мнение И. И. Толстого [13, с. 23]. В. А. Анохин констатировал отсутствие таких монет в музейных собраниях [1, с. 100, пр. 5], но позже все же допускал возможность их обнаружения [2, с. 100; 16, р. 91]. Несмотря на это, для херсонских монет с «М» и «К» он принял атрибуцию В. Хана, внося в нее некоторые поправки. В. Хан, деливший всю чеканку на три группы, для которых сохранялась предложенная В. Росом последовательность, датировал первую (с «М» и «К») 574-м и следующими годами, вторую (с легендой «ХЕРСОНΟΣ» и знаками стоимости «Н» и «Δ») – также отнес ко времени правления Юстина II «до 578 г.», предусматривая между второй и третьей (Маврикия) группами значительный временной промежуток отсутствия чеканки Херсона, продолжавшийся до 90-х гг. VI в. [18, S. 471]. Пересмотр атрибуции первой и второй групп делался на основании сходства их иконографии с константинопольскими фоллисами и гемифоллисами, на которых, в отличие от херсонских монет, фигуры Юстина и Софии изображены восседающими на тронах. В заключение своей «Нумизматической истории Херсона» В. Хан рассматривает приписываемые им Херсону монеты Ираклия и Константа II и признаваемые им боспорскими надчеканки с монограммой имени Ираклия на фоллисах Херсона [19], которые были атрибутированы как боспорские К. В. Голенко [17, S. 11].

В. Росом была предложена следующая последовательность выпусков фоллисов и гемифоллисов, причисляемых к Херсону: первыми в ней являлись монеты с обозначениями номинала в нуммиях (40 и 20) и названием города ΧΕΡΣΩΝΟΣ, следующими – монеты с номиналами в кратных пентануммиях единицах «Н» (8) и «Δ» (4) с названием города ΧΕΡΣΟΝΟΣ и выпуски с тем же обозначением номинала, но легендой с именем Маврикия на лицевой стороне [22, р. 291–292]. Все они причислялись к правлению Маврикия Тиберия (582–602) и датировались им 596/597–602 гг.

А. В. Орешников высказывал мнение, что к Херсону с полным основанием могут быть отнесены только монеты, несущие на лицевой стороне название города [5, с. 360]. Осторожность в причислении к нему выпусков со знаками стоимости «Н» и именем Маврикия он мотивировал отсутствием их находок на городище средневекового Херсона, но сам же обесценивал это наблюдение, допуская, что возможное обнаружение таковых в Херсонесе сможет решить вопрос их херсонского происхождения [5, с. 363]. Статистика находок монет с именем Маврикия показывает подавляющее преобладание их на Боспоре, а единичные находки за его пределами, в том числе и в Юго-Западном Крыму, не могут опровергать подобную статистику [8, с. 356–368, 377–378, табл. XIII; 21, р. 82–88, 98–101].

Отнесение выпуска херсонских фоллисов с Н и гемифоллисов с Δ к Маврикию Тиберию строилось на умозрительном причислении к его двадцатилетнему правлению (582–602) всех чеканок фоллисов и гемифоллисов Херсона, включая и выпуски с М (40) и К (20) времени Юстина II, а также и монет с именем Маврикия в их легенде. Первым шагом в пересмотре такого положения явилось выделение из чеканки Херсона монет Юстина II (565–574), сделанное и В. А. Анохиным [2, с. 101–102], и В. Ханом [19, р. 415, 471]. С отказом от атрибуции фоллисов и гемифоллисов с именем Маврикия как херсонских отнесение монет Херсона с «Н» и «Δ» ко времени Маврикия Тиберия теряет обоснование, заключавшееся в подобии их знаков стоимости знакам на боспорских монетах с именем Маврикия. Это особенно наглядно в связи с тем, что, пренебрегая несовместимостью с чеканкой Херсона монет с именем Маврикия и сохраняя за ними херсонскую атрибуцию, И. В. Соколова выделила группу фоллисов «с неправильным написанием Херсона» и знаком стоимости Н, которые отнесла к правлению Фоки (602–610) [12, с. 174; 13, с. 26]. На основании их находок в археологических комплексах и исследованию штемпельных связей они относимы ко времени правления Ираклия. При раскопках могильника Суук-Су, проводившихся Н. И. Репниковым, в комплексе с орлиноголовой пряжкой середины VII в. был найден херсонский фоллис, относящийся к выделенной И. В. Соколовой группе монет. Херсонский фоллис, отчеканенный тем же штемпелем лицевых сторон, что и монета из Суук-Су, происходит из раскопок раннесредневекового могильника вблизи Мангупа (рис. 8/4, Н-аф), где сопутствующий ему материал из ограбленного склепа датируется второй половиной VII в.

Среди византийских фоллисов Ираклия монетного двора Никомедии обнаруживается экземпляр, перечеканенный из анонимного фоллиса Херсона (рис. 2,1,3). Третий год его выпуска, нечитаемый на монете, определяет другой фоллис, отчеканенный общим с первым штемпелем лицевой стороны (рис. 2,2), а следы штемпельных оттисков на перечеканенной монете идентифицируются с оттисками штемпелей херсонского фоллиса, также совпадающим по соотношениям их осей (рис. 2,3,4). Эта перечеканка дает объективные основания для датировки данного вида херсонских фоллисов и его подтипа временем Маврикия Тиберия (582–602). Более раннюю датировку «отсекает» выпуск Херсоном подтипа фоллисов и гемифоллисов с обозначением номинала в нум-

миях М (40) и К (20) и легендой с названием города $\text{X}\epsilon\rho\sigma\acute{\omega}\nu$ (*gen.*: $\text{X}\epsilon\rho\sigma\acute{\omega}\nu\omicron\varsigma$). Вопрос, какие из подтипов херсонских монет могли чеканиться в правление Тиберия II Константина (578–582), – то ли с «М» и «К», то ли с «Н» и «Δ», или в его время монеты не чеканились, – не остается открытым. Переход к обозначению стоимости фоллисов и гемифоллисов в единицах нехарактерного для Византии номинала, приравненного к пяти нуммиям, является общим для Херсона и Боспора явлением, очевидно, связанным с объединением их в военно-административную структуру в ранге дуката, находившегося под командованием дуки Херсона. Прямым указанием на это является строительство дукой Херсона Евпатерием какого-то фундаментального здания-базилеона на азиатской стороне Боспора, о чем сообщает строительная надпись времени Маврикия Тиберия. Таким образом, чеканки фоллисов и гемифоллисов с обозначениями их стоимостей «Н» и «Δ» должны были, как результат одной реформы, начаться одновременно и в Херсоне, и на Боспоре, отражая новую для объединенной территории двойную византийско-боспорскую систему номиналов. Рассуждения, что в Херсоне неожиданно начали считать стоимость фоллиса в пентонуммиях, наивны, не говоря о беспрецедентности такого явления. Для уверенных заключений о чеканке византийского типа монет Маврикия Тиберия на Боспоре и осуществлении в это же время полисно-византийской чеканки Херсона перечеканка херсонского фоллиса в никомедийский – начала правления Ираклия имеет и датирующее (для Херсона), и доказательное (для Боспора) значения. Поскольку же в выпусках Херсона не обнаруживается каких-либо перерывов в монетном производстве, подтверждением чему служит связь через «переходной» верхний штампель чеканок времени Маврикия Тиберия и Фоки, то очевидно, что полисные монеты с обозначением их стоимостей М и К продолжали чеканиться в Херсоне в правление Тиберия II Константина (578–582).

Своеобразным и труднообъяснимым феноменом является появление в первый год правления Фоки на монетах почти всех городов Византийской империи монетного типа аверса, копирующего различные виды боспорских монет Маврикия Тиберия [9, с. 273–274]. Переход на сменивший его новый монетный тип осуществлялся монетными дворами в разное время, и чеканка монет с фигурами императорской четы в рост продолжалась разные сроки: для Константинополя – 1-й (1–4-я оффицины) и 2-й (5-я оффицина) годы, для Фессалоники, Никомедии и Кизика – 1-й год, Антиохии – 1-й–6-й гг. [9, с. 281–283]. Отсутствие в чеканке Боспора монет Фоки менее всего согласуется с влиянием монетных типов Боспора на чеканку Византии. Если при изучении штампельным методом византийских фоллисов подтвердится предположение об особом значении дифферента Ε (5) оффицин, то, возможно, придется заключить, что фоллисы Фоки второго года правления с обозначением 5-й оффицины Константинополя представляют чеканку Боспора времени Фоки, осуществлявшуюся изготовленными на константинопольском монетном дворе штампелями. Разумеется, это только гипотеза, которой противоречит обозначение стоимости фоллисов Фоки в нуммиях, не принятое ни на Боспоре, ни в Херсоне.

Константинопольские выпуски первого года правления Фоки отличаются особой иконографией изображавшихся фигур императорской четы: корону императора украшают парные пендулии (плоды платана), разведенные в стороны под острым углом, а на шее императрицы выделяется кольцо с подвесками (рис. 5,1). Те же иконографические признаки находятся на монетах Херсона, в чеканке которых участвовали один штемпель лицевой стороны для фоллисов (рис. 5,2) и два – для гемифоллисов (рис. 5,3–4). Эти монеты (рис. 6) могли появиться в правление Фоки, первый год которого начинался 23 ноября 602 г., следовательно, херсонская чеканка монет с разведенными в стороны пендулиями не могла производиться раньше 603 г. Следующие за ними выпуски Херсона подражают в иконографическом отношении монетам Фоки, чеканенным в 1-м–5-м гг. в Антиохии (рис. 7,1–4), но у константинопольского выпуска Фоки заимствуют кольцо на груди императрицы и четко выделяющийся в одеянии императора ромбовидный контур складок (рис. 7,5–10). Принципиально новым в их иконографии являются виды корон императора и императрицы. Эти короны незадолго до прекращения чеканки Херсона при Ираклии теряют свою форму, будучи облаченные в нимбы, что, очевидно, было связано с очередным изменением оформления лицевых сторон медных монет Ираклия константинопольской чеканки, заимствуемым с задержкой. Пока мы не имеем возможности разделить выпуски между Фокой и Ираклием.

Представленная на рис. 8/1–4 таблица штемпелей херсонских монет времени Ираклия (610–641) и последней – предположительно Константа II (641–668) имеет предварительную, условную и не окончательную нумерацию. Параллельное рассмотрение фоллисов и гемифоллисов продиктовано иной раз поразительным сходством стиля исполнявшихся, вероятно, одним и тем же мастером штемпелей, а в одном случае – перемещением штампера лицевой стороны от фоллисов к гемифоллисам. Только в одном случае прослеживается переход обратного штампера от одного лицевого – к другому, при котором постепенное разрушение первого лицевого штампера прослеживается на протяжении нескольких смен штемпелей обратных сторон.

Вероятно, что завершающий чеканку Херсона выпуск, представленный битыми одной парой штемпелей фоллисами, приходился на начало правления Константа II. Ни на одном из известных экземпляров этих уменьшившихся в размере фоллисов не встречена боспорская надчеканка с монограммой имени Ираклия. Прекращение монетной чеканки Херсона в правление Константа II согласуется с тем упадком экономики, который описывает в своих письмах сосланный сюда как яркий противник монофилитства и Унии папа Мартин, когда медная монета теряет покупательную способность. В письме, адресованном близкому другу в Италии, он писал: «Ни разу, право, не мог я приобрести в здешнем крае хлеба хоть на тримиссий и равным образом и съестных продуктов иного какого-нибудь рода, кроме как вышесказанным образом с судов, изредка заходящих сюда, чтобы уходить с грузом соли. Таким путем могли мы покупать три или четыре модия за золотой до настоящего сентября месяца (655 г.). Но до сих пор мы не могли купить из нового урожая, кроме четырех модиев за золотой» [15, с. 37].

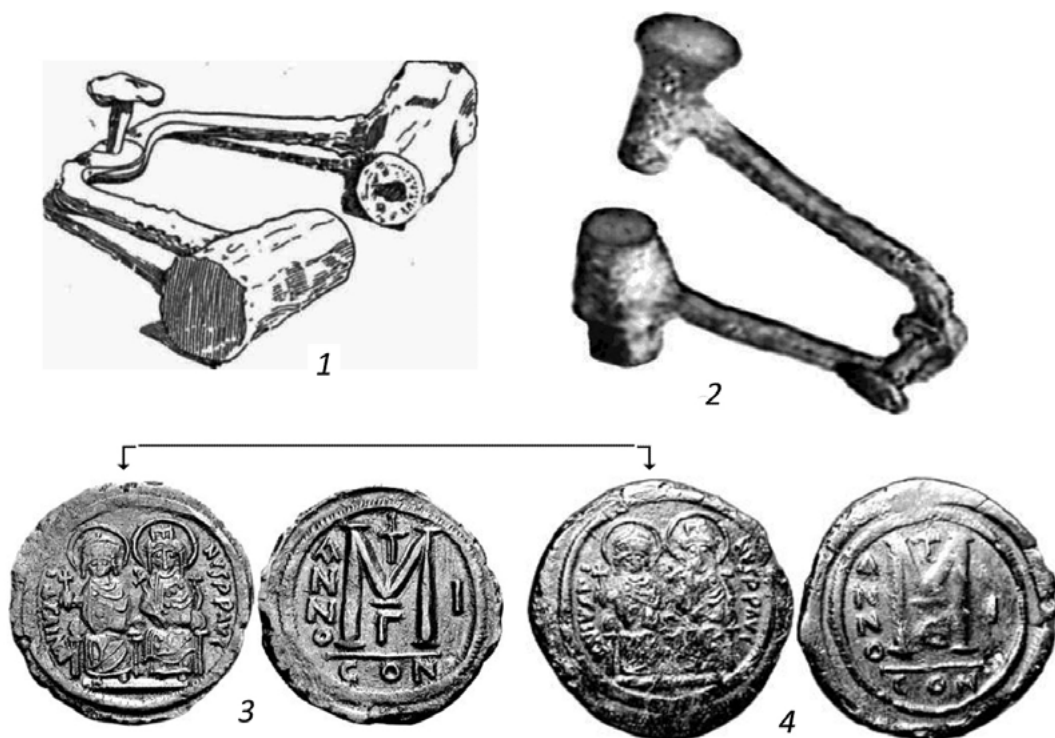

Рис. 1. 1 – сопряженные штемпели для чеканки монет Константа I (337–350) монетного двора Антиохии, найденные во Франции [3, с. 32, рис. 14]; 2 – примерный вид подвижно сопряженных штемпелей византийского времени; 3–4 – фоллисы Юстина II (565–578) константинопольского монетного двора, отчеканенные общим для них штемпелем лицевой стороны и обратными – с цифрой первого года правления и разными цифровыми дифферентами оффицин (3-й и 5-й)

Fig. 1. 1 – conjugate coin-dies for coins of Constans I (337–350) minted in Antioch and found in France [3, p. 32, fig. 14]; 2 – approximate appearance of flexibly conjugate dies from the Byzantine Period; 3–4 – folles of Justine II (565–578) minted in Constantinople with the same obverse die and reverse dies showing the number of the first year of his reign and different numerical marks of the *officinae* (third and fifth)

Рис. 2. 1 – Никомедийский фоллис Ираклия (610–641), перечеканенный из анонимного фоллиса Херсона; 2 – чеканенный тем же штемпелем лицевой стороны никомедийский фоллис Ираклия 3-го года его правления; 3 – оборотная и лицевая стороны фоллиса Ираклия со следами изображений подвергшегося перечеканке типа, развернутые по осям сторон перечеканенной монеты; 4 – херсонский анонимный фоллис времени Маврикия Тиберия (582–602), идентифицируемый по оттиску штемпеля лицевой стороны и соотношению осей (190°) с перечеканенным в фоллис Ираклия экземпляром

Fig. 2. 1 – *follis* of Herakleios minted in Nikomedeia (610–641) reminted from an anonymous *follis* of Cherson; 2 – *follis* of Herakleios of the third year of his reign minted in Nikomedeia by the same obverse die; 3 – reverse and obverse of the *follis* of Herakleios with the traces of images of the reminted type, turned along the axes of the sides of the reminted coin; 4 – anonymous *follis* of Cherson from the age of Maurice Tiberios (582–602) identifiable by the impression of the obverse die and die axis ratio (190°) with the coin reminted into the *follis* of Herakleios

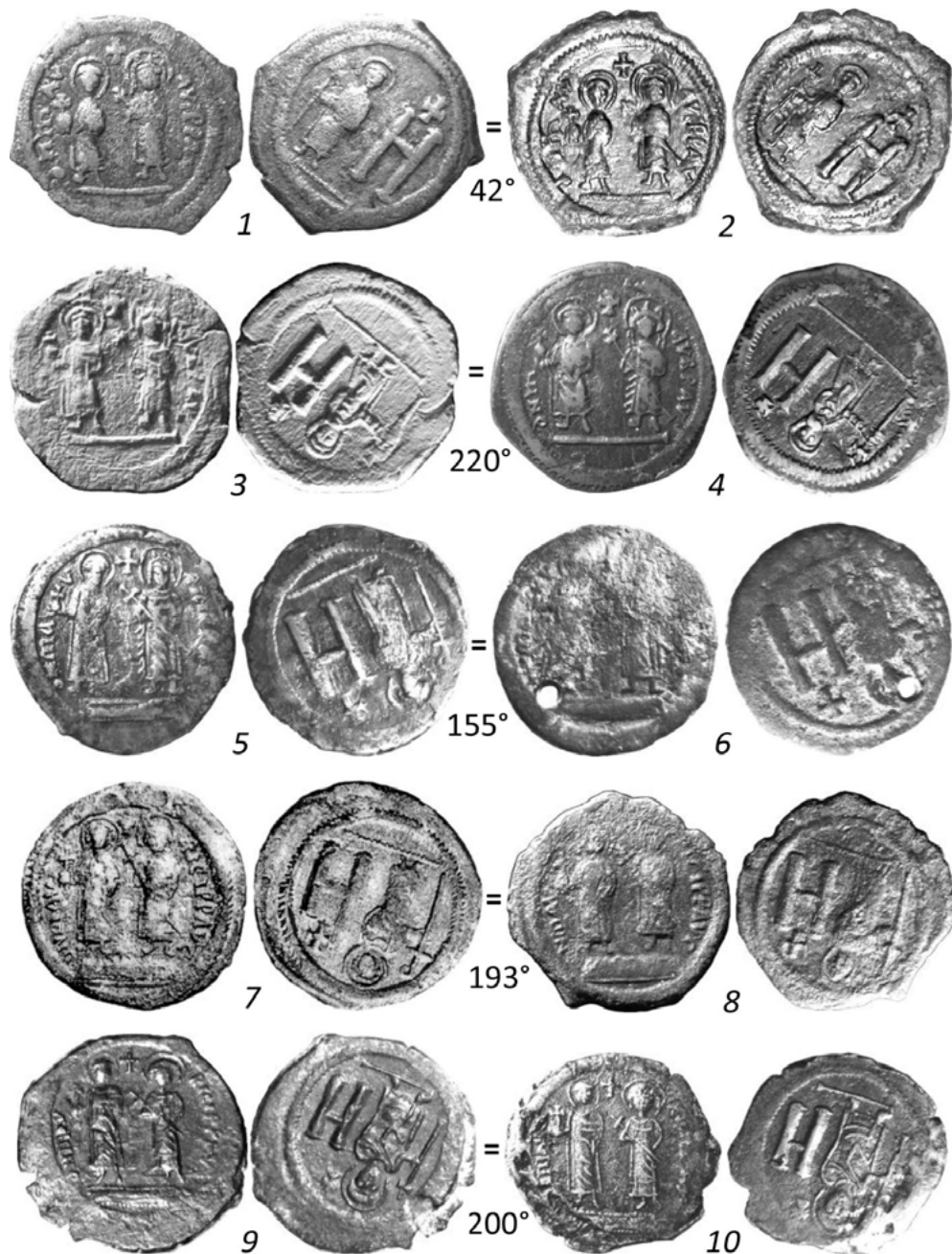

Рис. 3. Фоллисы Боспора времени правления Маврикия Тиберия (582–602), отчеканенные механически сопряженными штампами. Соотношение осей штампов в градусах

Fig. 3. *Folles* of Bosporos from the reign of Maurice Tiberios (582–602) minted with mechanically conjugated dies. Dies axes ratio in degrees

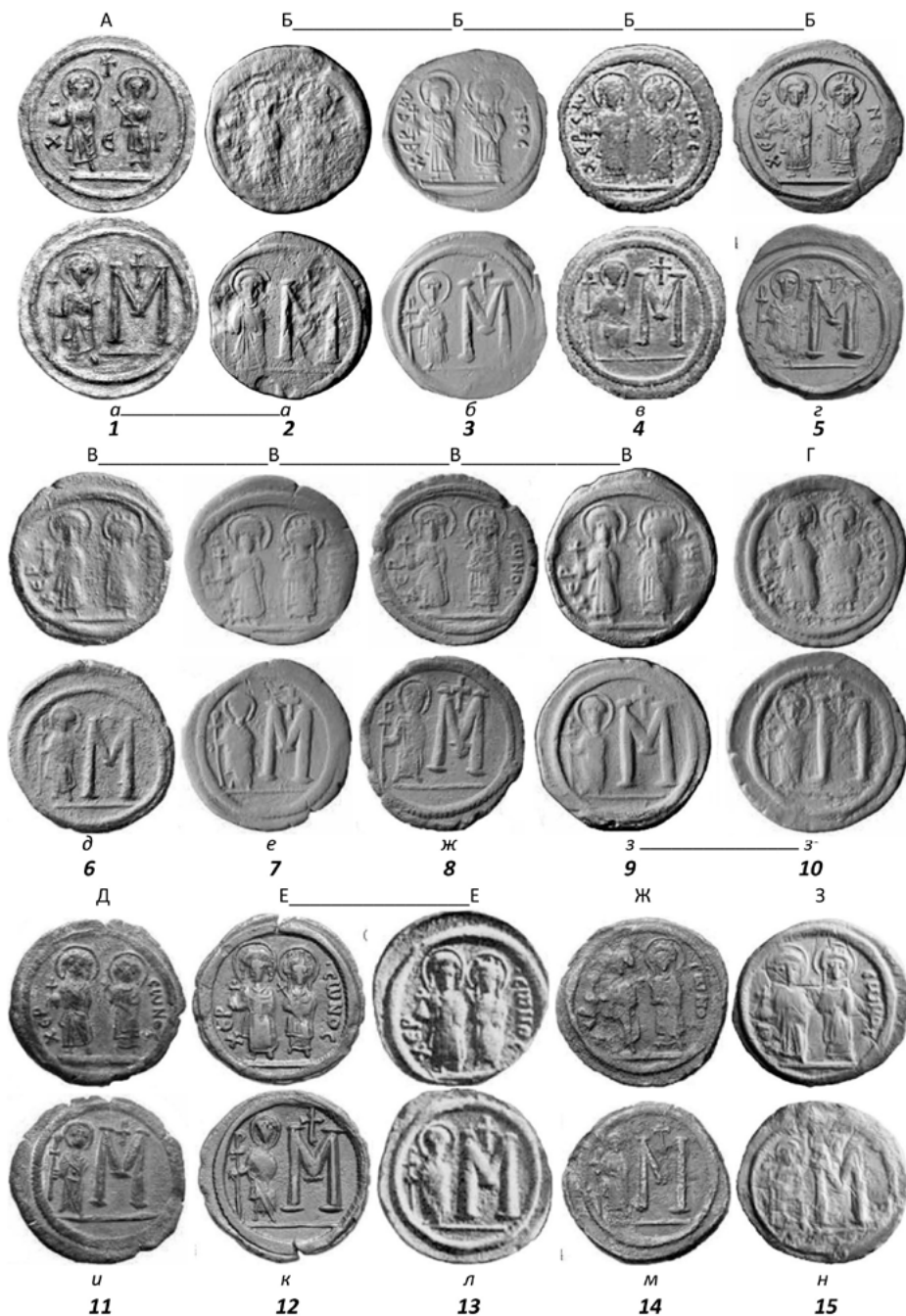

Рис. 4. Фоллисы Херсона времени правлений Юстина II (565–578) и Тиберия II Константина (578–582)

Fig. 4. Folles of Cherson from the reign of Justin II (565–578) and Tiberios II Constantine (578–582)

Рис. 5. Константинопольский фоллис Фоки (602–610) первого года правления (1), херсонские фоллис (2) и гемифоллисы (3–4), относимые к первым годам правления Фоки на основании сходства императорской короны с изображением ее на константинопольском фоллисе Фоки

Fig. 5. Follis of Phocas minted in Constantinople (602–610) from the first year of his reign (1), Cherson's follis (2) and hemifolles (3–4) attributed to the first years of Phokas due to the similarity of the imperial crown with the image at the follis of Phokas minted in Constantinople

Рис. 6. Анонимные выпуски Херсона времени Фоки (602–610)
Fig. 6. Anonymous coins of Cherson from the age of Phokas (602–610)

Рис. 7. Антиохийские фоллисы первого (1), 2-го (2–3) и 5-го годов правления Фоки, херсонские фоллисы (5, 7–9) и гемифоллисы (6, 10) с заимствованными иконографическими особенностями монетного типа (императорские короны, складки одежды и ожерелье императрицы)

Fig. 7. *Folles* of Antioch from the first (1), second (2–3), and fifth years of the reign of Phokas, *folles* (5, 7–9) and *hemifolles* (6, 10) of Cherson with borrowed iconographic features of the coin type (imperial crowns, folds of cloths, and a necklace of the empress)

Рис. 8/1. Анонимные выпуски Херсона времени Ираклия (610–641)
Fig. 8/1. Anonymous coins of Cherson from the age of Herakleios (610–641)

Рис. 8/2. Анонимные выпуски Херсона времени Ираклия (610–641)
 Fig. 8/2. Anonymous coins of Cherson from the age of Herakleios (610–641)

Рис. 8/3. Анонимные выпуски Херсона времени Ираклиоса (610–641)
Fig. 8/3. Anonymous coins of Cherson from the age of Herakleios (610–641)

Рис. 8/4. Анонимные выпуски Херсона времени Ираклия (610–641) и предполагаемый выпуск времени Константа II (641–668) – штемпели П – аы (198°)

Fig. 8/4. Anonymous coins of Cherson from the age of Herakleios (610–641) and the suggested coinage from the age of Constans II (641–668): dies П – аы (198°)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохин В.А. Обзор монетного дела средневекового Херсона // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1968. Вып. 3. С. 99–113.
2. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев: Наукова думка, 1977. 176 с.
3. Зограф А.Н. Античные монеты. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 264 с. (МИА. № 16).
4. Золотарев М.И., Кочеткова Е.М. Монеты Херсонеса Таврического IV в. до н.э. – XIII в. н.э. Коллекция В.Н. Орехова в собрании Национального заповедника «Херсонес Таврический». Каталог. Севастополь, 1999. 143 с.
5. Орешников А.В. Херсоно-византийские монеты // Труды Московского нумизматического общества. М., 1905. Т. III. Вып. 2. Отд. отд. 17 с.
6. Петров П.Н. Метод поштемпельного анализа восточных монет для уточнения их атрибуции // Нумизматика Золотой Орды. Казань, 2011. № 1. С. 7–27.
7. Пономарев А.Л. Крымское ханство и консулат Каффы в 1466 г. (870/871 г.х.): Власть и деньги // Причерноморье в средние века / Ред. С.П. Карпов. СПб., 2015. Вып. 9. С. 44–108.
8. Сидоренко В.А. Медная чеканка византийского Боспора (590–668 гг.) // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 355–392.
9. Сидоренко В.А. Бронзовые монеты с изображением «креста Константина» и «беты», причисляемые средневековому Херсону, и Чамнубурунский клад // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 257–286.
10. Сидоренко В.А. О месте производства находимых в Херсоне и Юго-Западном Крыму бронзовых или медных монет Феодосия (II-?), Валентиниана (III-?), Льва I (457–474), Верины (457–484) и Зенона (474–491) // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. X-й Международный Византийский Семинар. Материалы научной конференции / Ред. Н.А. Алексеенко. Севастополь, Симферополь, 2018. С. 129–132.
11. Сидоренко В.А. Монетная чеканка византийского Херсона 383–392 гг. // ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка. V Международный Нумизматический Симпозиум. Материалы научной конференции / Ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, М., 2018. С. 105–114.
12. Соколова И.В. К датировке типов херсонских монет Маврикия (582–602) и Василия I (867–886) // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977. С. 169–177.
13. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л.: Искусство, 1983. 176 с.
14. Толстой И. Византийские монеты. Вып. V. СПб., 1913.
15. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес: очерки истории материальной культуры. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 364 с. (МИА. № 63).
16. Anokhin V.A. The Coinage of Chersonesus: IV century B.C. – XII century A.D. Oxford, 1980. 182 p. (BAR, IS. 69).
17. Golenko K. Gegenstempel auf chersoner Münzen des Maurikios Tiberios // Hamburger Beiträge zur Numismatik. 1965. Heft 18/19. S. 9–22.
18. Hahn W. Moneta Imperii Byzantini: Rekonstruktion des Prägeaufbaues auf sunoptisch-tabellarischer Grundlage. Teil 2. Wien: Veröffentlichungen der Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1975. 146 S.
19. Hahn W. The numismatic history of Cherson in Early Byzantine times // Numismatic Circular. 1978. September. P. 414–415; October. P. 471–472; November. P. 521–523.
20. Sabatier J. Description générale des monnaies Byzantines. T. I–II. Paris, 1862.
21. Sidorenko V.A. The Copper Coinage of Byzantine Bosphoros (CA 590–659) // Kiev – Cherson – Constantinople. Ukrainian papers at the XXth International Congress of Byzantine Studies (Paris, 19–25 August 2001). Kiev, Simferopol, Paris, 2007. P. 77–120.
22. Wroth W. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. Vol. I. London, 1908.

REFERENCES

1. Anokhin V.A. Review of the coinage of medieval Chersonesus. *Numizmatika i sfragistika* [Numismatic and sfragistics], Kiev, 1968, vol. 3, pp. 99–113.

2. Anokhin V.A. *Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n.e. – XII v. n.e.)* [The Coinage of Chersonesus (4th century BC – 12th century AD)]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1977, 176 p.
3. Zograf A.N. *Antichnye monety* [Ancient Coins]. Moscow, Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1951, 264 p.
4. Zolotarev M.I., Kochetkova E.M. *Monety Khersonesa Tavricheskogo IV v. do n.e. – XIII v. n.e. Kolleksiia V.N. Orekhova v sobranii Natsional'nogo zapovednika «Khersones Tavricheskii»*. Katalog [Coins of Chersonesus Tauric 4th century BC – 13th century AD. Collection of V.N. Orekhov in the collection of the National Reserve “Chersonesos Tauric”. Catalog]. Sevastopol, 1999, 143 p.
5. Oreshnikov A.V. Khersono-vizantiiskie monety [Cherson-Byzantine coins]. *Trudy Moskovskogo numizmaticheskogo obshchestva* [Proceedings of the Moscow Numismatic Society], Moscow, 1905, vol. 3, no. 2. Separate prints. 17 p.
6. Petrov P.N. The method of stamp analysis of oriental coins to clarify their attribution. *Numizmatika Zolotoi Ordyy* [Numismatic of the Golden Horde], Kazan, 2011, no. 1, pp. 7–27.
7. Ponomarev A.L. Crimean Khanate and Consulate of Kaffa in 1466 (870/871 H.): Power and money. Karpov S.P. (ed.), *Prichernomor'e v srednie veka* [The Black Sea region in the Middle Ages], St.-Petersburg, 2015, vol. 9, pp. 44–108.
8. Sidorenko V.A. Copper coinage of the Byzantine Bosphoros (590–668 AD). *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2003, vol. 10, pp. 355–392.
9. Sidorenko V.A. Bronze coins with the image of “the Cross Constantine” and “beta”, classifies medieval Kherson, and the Chamnuburun hoard. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2016, vol. 21, pp. 257–286.
10. Sidorenko V.A. The production place of bronze or copper coins of Theodosius (II-?), Valentinianus (III-?), Leo I (457–474), Verina (457–484), and Zeno (474–491) found in Cherson and in the South-Western Crimea. Alekseenko N.A. (ed.), *X mezhdunarodnyi vizantiiskii seminar “XEPΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis”* [10th international Byzantine workshop “Chersonos Themata: the empire and the polis”], Sevastopol, Simferopol, 2018, pp. 129–132.
11. Sidorenko V.A. The Coinage of Byzantine Cherson in 383–392 AD. Alekseenko N.A. (ed.), *V Mezhdunarodnyi Numizmaticheskii Simpozium “PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka”* [5th International Numismatic Symposium “Pontic money-changer: money of the local market”], Simferopol, Moscow, 2018, pp. 105–114.
12. Sokolova I.V. To dating types of Cherson coins Mauricius (582–602) and Basilios I (867–886). *Proshloe nashei Rodiny v pamiatnikakh numizmatiki* [Past of our homeland in numismatics monuments], Leningrad, 1977, pp. 169–177.
13. Sokolova I.V. *Monety i pechati vizantiiskogo Khersona* [Coins and seals of Byzantine Kherson]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1983, 176 p.
14. Tolstoi I. *Vizantiiskie monety* [Byzantine coins]. Vol. 5. St.-Petersburg, 1913.
15. Iakobson A.L. *Rannesrednekovoyi Khersones: ocherki istorii material'noi kul'tury* [Early-medieval Chersonesus: essays of the history of material culture]. Moscow, Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1959, 364 p.
16. Anokhin V.A. *The Coinage of Chersonesus*. (British Archaeological Reports, International Series, 69). Oxford, 1980, 182 p.
17. Golenko K. Gegenstempel auf chersoner Münzen des Maurikios Tiberios. *Hamburger Beiträge zur Numismatik*, 1965, Heft 18/19, pp. 9–22.
18. Hahn W. *Moneta Imperii Byzantini: Rekonstruktion des Prägeaufbaues auf sunoptisch-tabellarischer Grundiage*. Teil 2. Wien, 1975, 146 p.
19. Hahn W. The numismatic history of Cherson in Early Byzantine times. *Numismatic Circular*, 1978, September, pp. 414–415; October, pp. 471–472; November, pp. 521–523.
20. Sabatier J. *Description générale des monnaies Byzantines*. Vol. I–II. Paris, 1862.

21. Sidorenko V.A. The Copper Coinage of Byzantine Bosphoros (CA 590–659). *Kiev – Cherson – Constantinople. Ukrainian papers at the XXth International Congress of Byzantine Studies (Paris, 19–25 August 2001)*, Kiev, Simferopol, Paris, 2007, pp. 77–120.
22. Wroth W. *Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum*. Vol. 1. London, 1908.

Информация об авторе

Сидоренко В. А. – кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: ААН-7227-2019.

Author information

Sidorenko V. A. – Candidate of Historical Science, Deputy Director at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: ААН-7227-2019.

ВЫПУСК ЛИТЫХ СВИНЦОВЫХ МОНЕТ В ВИЗАНТИЙСКОМ ХЕРСОНЕ: МЕСТНЫЙ ФЕНОМЕН ИЛИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ «БРАК»?

Николай Александрович Алексеенко¹, Анна Витальевна Антипенко²

¹ *Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия,
AlekseyenkoNikolaj@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1992-680X>*

² *Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия,
an.antipenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8699-3132>*

Аннотация. Вопросы производства литых херсоно-византийских монет и технологические нюансы их изготовления неоднократно рассматривались в отечественной литературе, но всякий раз лишь под углом различных гипотез и предположений, большинство из которых и в настоящее время остаются весьма дискуссионными. Отсутствие или труднодоступность специального оборудования для определения монетных сплавов долгое время позволяли исследователям делать выводы о характере монетного материала лишь на основе утвердившихся в библиографии определений и визуальных показателей. Одним из спорных остается и вопрос о литье свинцовых херсоно-византийских монет. В этой связи, было проведено исследование 30 экземпляров монет, но уже с применением лабораторного анализа состава сплава методом рентгенофлуоресцентного анализа. Для изучения были отобраны образцы, по визуальному наблюдению предполагавшие высокое содержание свинца. Установлено, что в исследованных образцах элементный состав монетного сплава схож – это свинец с присадками мышьяка. Возможно, в византийское время свинец в Таврику мог попадать из месторождений кавказского региона, которые характеризуются высоким содержанием этого элемента. В абсолютном большинстве образцов (27 экз.) содержание свинца свыше 2/3 состава, в сплаве трех монет обнаружены в достаточно близких пропорциях медь и свинец. На основании полученных результатов выдвинуто предположение, что «практически чистые» свинцовые монеты, скорее всего, следует считать своеобразным технологическим «браком» херсонесского литейного производства. Не исключено, что при сортировке готовой монетной массы экземпляры, не отвечающие стандартным образцам и имевшие соответствующий брак литья (частичная заливка формы, свинцовые отливки), могли изыматься и возвращаться на переработку. Этим, очевидно, и объясняется относительная редкость так называемых «свинцовых» монет, встречающихся, в основном, в выпусках времени Василия I и Льва VI, а для отдельных серий и вовсе уникальных или же неизвестных.

Ключевые слова: нумизматика, монеты, средневековая Таврика, византийский Херсон, херсоно-византийские монеты, монеты из свинца

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 18-18-00193-П «Начальный период истории денег: переход от полновесной монеты к знаку условной стоимости».

ISSUING CAST LEAD COINS IN BYZANTINE CHERSON: A LOCAL PHENOMENON OR A TECHNOLOGICAL “FLAW”?

Nikolay A. Alekseienco¹, Anna V. Antipenko²

¹ Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia

² V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Abstract. Although the aspects of the production of Byzantine-Cherson cast coins and the technological nuances of their manufacture have been repeatedly studied in Russian scholarship, every time there appeared various hypotheses and assumptions, mostly remain highly debatable so far. For a long time, the lack or difficulties of access to the special equipment allowing the one to determine coin alloys allowed the researchers to draw conclusions about the coin material only against the background of some definitions from the scholarship and visual indicators. Among the disputable aspects is the casting of Cherson-Byzantine lead coins. In this connection, we have studied 30 specimens of coins by laboratory research of the alloy composition by X-ray fluorescent analysis. The samples selected for examination visually suggested a high content of lead. It has been found out that in the samples examined have similar elemental composition of coin alloy, lead with additions of arsenic. It is possible that, in the Byzantine Period, the Taurica received lead from the mines located in the Caucasus area, which were typical of a high content of arsenic. The most part of the of samples (27 specimens) contained more than 2/3 of lead; the alloy of three coins contained similar proportions of copper and lead. Taking the said results into account, we can suppose that the “almost pure” lead coins most likely were a specific kind of technological “flaw” in the casting in Cherson. It is still possible that, in the sorting of the ready-made coins, the specimens not corresponding to the standard samples and having casting defects (partial casting of the mould or lead casts) were withdrawn and returned to remaking. This interpretation explains why the so-called “lead” coins are relatively rare: they occurred mostly in the coinages from the age of Basil I and Leo VI, though in some series they were unique or unknown.

Keywords: numismatics, coins, mediaeval Taurica, Byzantine Cherson, Cherson-Byzantine coins, lead coins

Acknowledgments: This research was funded by the Russian Science Foundation, project no. 18-18-00193-П “The Initial Period of the History of Money: The Transition from a Coin of a Full Metallic Value to a Sign of Conventional Value”

Появление в нумизматическом материале византийского Херсона литых монет, копирующих некоторые городские выпуски VII в., показывает, что местный монетный двор, очевидно, в VIII столетии прекращает традиционную общеимперскую практику чеканки монет, и основным способом производства городских монетных выпусков становится литьё [3, с. 111; 13, с. 181].

Вопросы производства литых херсоно-византийских монет и технологические нюансы их изготовления неоднократно рассматривались в отечественной литературе, но всякий раз лишь под углом различных гипотез и предположений, большинство из которых и в настоящее время остаются весьма дискуссионными.

Одним из спорных остается и вопрос о литье свинцовых херсоно-византийских монет. Отсутствие или труднодоступность специального лабораторного оборудования для определения монетных сплавов долгое время позволяли исследователям

делать выводы о характере монетного материала лишь на основе утвердившихся в библиографии определений и визуальных показателей. Очевидно, по этой причине В. А. Анохин и И. В. Соколова в своих трудах о монетном деле Херсонеса этот вопрос оставили без какого-либо внимания [2; 3; 14; 15].

Первые попытки изучения элементного состава херсоно-византийских монет показали присутствие в монетном сплаве наряду с медью определенного количества свинца [9, с. 43–48]. Позже, уже к непосредственно свинцовым монетам византийского Херсона обратился Н. Н. Грандмезон, отметивший не только высокое содержание свинца в бронзовых монетах Херсона VI–XI вв. (от 23 до 60%), «которое подчас превышает количество меди», но и представивший 8 типов «свинцовых» монет, выпущенных от имени нескольких византийских императоров [6, с. 44, 45, табл. 2, прил. 1, №№ 20–27], заметив при этом, что наиболее часто встречаются «чисто свинцовые монеты» среди выпусков Льва VI.

Свою лепту в изучение состава металла херсоно-византийских монет внес и Л. И. Шерешев, проведший химический и металлографический анализы монет с монограммой «Ро», показавшие, что основные компоненты монетного сплава этих выпусков так же медь и свинец (в среднем 20–30%) [19, с. 42].

В работе десятилетней давности М. В. Ступко и Е. Я. Туровского, специально посвященной литым монетам средневекового Херсона, лишь отмечается, что «в качестве монетного материала использовалась свинцовистая бронза, обладающая неплохой жидкотекучестью, обеспечивавшей приемлемое качество отливки» [17, с. 188]. В то же время интересно наблюдение авторов, что «наличие среди найденных монет Василия I и Льва VI заметного числа экземпляров из свинца следует относить не к специальным выпускам, а к плохому смешиванию сплава, поскольку известны биметаллические монеты данного типа» [17, с. 188]. А вот заявление, что «начиная с Василия I, известны свинцовые монеты практически всех последующих правлений» [17, с. 188], с нашей точки зрения, требует тщательной проверки. Заметим, что несмотря на то, что в статье Н. Н. Грандмезона представлено только 8 типов свинцовых монет (а это далеко не все известные выпуски!), в специализированных изданиях херсонесских монет последние представлены лишь единичными экземплярами, и, как правило, выпусками как раз-таки Василия I и Льва VI. Так, в коллекции В. Н. Орехова, ныне хранящейся в собрании музея-заповедника «Херсонес Таврический», представлено всего лишь по два экземпляра Василия I и Льва VI (один выпуск от имени Льва и Александра) [8, с. 97, 99–101, №№ 153, 157, 158, 160], а в каталоге Е. Я. Туровского и В. М. Горбатова отмечена только одна монета Льва VI [17, с. 138, 139, № 391]. В монографии В. А. Анохина [3] и других его работах [4] монеты из свинца и вовсе никак не обозначены.

Совсем недавно свою версию появления свинцовых херсоно-византийских монет предложил В. А. Сидоренко. По мнению исследователя, среди городских выпусков особую категорию составляют монеты, «бронзовая оболочка которых скрывает под собой свинцовое заполнение, а также монеты из свинца, происходящие

преимущественно из находок в море, где их бронзовая оболочка утрачивается под воздействием неблагоприятной среды... Результатом ликвации свинца в центре литого кружка монеты является избыточное содержание этого легкоплавкого металла в механическом сплавленном соединении его с бронзой и отливка в формы с низкой теплопроводностью их материала» [13, с. 182]. Автор отмечает, что подобные экземпляры представлены в типах монет Льва VI, Льва VI и Александра, Василия II, а также более крупных выпусков с монограммами КВΩ и ΡΩ. Примечательно, что практически не упоминаются типы обильных выпусков 920–980-х гг.

Здесь следует напомнить, что в большинстве случаев определение свинца как металла для изготовления некоторых типов херсоно-византийских монет (или его значительной составляющей во многокомпонентном сплаве) сделано на основе лишь визуальных наблюдений, без применения лабораторного анализа состава монетного сплава.

В этой связи мы хотели бы еще раз обратить внимание на эту проблему, но уже с применением современных технологий и использованием не только данных самой нумизматики и визуальных наблюдений, но и возможностей междисциплинарных исследований. В то же время следует отметить, что предлагаемые сегодня результаты исследований и некоторые наблюдения являются лишь определенной постановкой вопроса и требуют дальнейшего аналитического исследования репрезентативной выборки более значительного числа литых херсоно-византийских монет. Данное исследование уже началось на базе нумизматической коллекции музея-заповедника «Херсонес Таврический» в 2021 г. и будет продолжено в дальнейшем. Тем не менее, полученные сегодня результаты изучения совсем незначительного количества образцов этого типа монет, на наш взгляд, не только подчеркивают перспективу работы в данном направлении, но и позволяют прийти к вполне определенным заключениям.

Первоначально для изучения элементного состава сплава херсоно-византийских монет нам удалось отобрать 15 экземпляров, по визуальному наблюдению предполагавших высокое содержание свинца [1, с. 37–42]. Учитывая замечание В. А. Сидоренко об утрате медной оболочки в агрессивной морской среде [13, с. 182], большая часть образцов была представлена монетами «наземного происхождения» (№№ 1–6, 8, 10, 11, 13) [1, с. 42, табл. 1]. В дальнейшем нам удалось существенно расширить выборку и удвоить количество исследованных объектов (30 экз.), что позволило несколько уточнить выводы, сделанные в предварительной публикации.

Исследование элементного состава монет выполнялось на рентгенофлуоресцентном спектрометре M1 Mistral (Bruker). Определение состава сплава осуществлялось в двух точках на лицевой и на оборотной сторонах (поверхностях) монет. Изучалось содержание основных элементов (Cu, Sn, Pb, Ag, Ni, Zn, Fe, As, Sb, Mn, Au). Полученные результаты, приведенные к средним показателям измерений, представлены в Таблице 1.

Установлено, что в исследованных образцах элементный состав монетного сплава схож (№№ 1, 3–5, 8–13). Это свинец с присадками мышьяка, процентное содержа-

ние которого колеблется в пределах 13–15%. В составе сплава также фиксируются микропримеси олова, железа, цинка, сурьмы и меди. В абсолютном большинстве образцов (27 экз.) содержание свинца колеблется от 77,67 до 99,79% (№№ 1, 3–13, 16–30). В четырех случаях (№№ 3, 8, 9, 25) содержание меди свыше 1% (1,07–2,84%). В двух монетах (№№ 6, 12) сплав в основном состоит лишь из свинца (95,64; 86,18%) и мышьяка с незначительной примесью железа (№ 6). Практически все образцы относятся к выпускам от имени Василия I Македонянина (867–886) и Льва VI Мудрого (886–912). Шесть монет (№№ 17, 18, 23, 26, 28, 29) вместо олова в аналогичной концентрации в сплаве содержат сурьму (0,02–0,14%), а одна (№ 8) – цинк (0,12%).

В сплаве трех монет (№№ 2, 14, 15) обнаружены в достаточно близких пропорциях медь и свинец, при этом процентное содержание мышьяка в двух случаях весьма высокое (9,89–11,81%). Кроме того, в составе сплава фиксируются серебро, сурьма и цинк в следовых концентрациях, а также небольшое количество железа и олова. Присутствие в этих образцах компонентов и микропримесей, характерных для бронз, на фоне высоких долей свинца и мышьяка позволяет предположить, что два последних элемента связаны и попадали в сплав вместе, вероятно, в составе руды или, скорее, свинцовых болванок, поступавших в византийский Херсон из свинцовых рудников.

Примечательно, что все три исследованных образца, отличающиеся составом монетного сплава, принадлежат к следующему за эпохой Василия I и Льва Мудрого хронологическому периоду работы херсонского монетного двора, положившему начало обильным сериям первой четверти X в., выпущенным от имени Романа I Лакапина (920–944), соправителя Константина VII Багрянородного. Не исключено, что к концу первой четверти X столетия херсонские монетарии вынуждены были изменить рецептуру монетного сплава, или же необходимые компоненты стали поступать из другого рудного месторождения. Конечно, это предположение требует доказательств на статистически значимой выборке образцов и сравнении элементного состава херсонского монетного сплава с аналогичными образцами из регионов, вероятных поставщиков в средневековую Таврику руды или самого металла.

Как известно, свинец очень распространенный в природе металл, в силу чего сфера его применения в древности была чрезвычайно широкой. Его использовали в самых разнообразных бытовых или производственных нуждах [11, с. 64]. Однако употребление свинца в качестве самостоятельного материала в производстве монет является довольно редким явлением. В качестве таковых примеров можно назвать лишь чеканенные монетовидные знаки (тессеры), к примеру, выпускавшиеся в том же античном Херсонесе [6, с. 45, прил. 1, №№ 1, 2, 6, 9, 11, 12, 15–19; 18, с. 146–149, №№ 1–28; 4, с. 101–115, №№ 1–33], или же византийские свинцовые выпуски периода правления Никифора II Вотаниата (1078–1081) и реформ Алексея I (1081–1118), которые первоначально тоже считались тессерами [16, с. 208–259].

Второе место по процентному содержанию в нашей выборке занимает мышьяк, который относится к числу сравнительно мало распространенных элементов [12,

с. 7]. Тем не менее, как показывают исследованные образцы нашей выборки (см. табл. 1), в составе сплава монет обнаружены весьма значительные концентрации мышьяка, в целом существенно превышающие показатели, характерные для древних монетных сплавов. Материал такого состава мог сформироваться двумя путями. В первом случае относительно чистый свинец легировали мышьяком для придания твердости и получения более правильной формы изделий после застывания отливки [12, с. 10]. Во втором, мышьяк «перешел» в состав сплава при выплавке из полиметаллических руд [11, с. 62]. Примером такого рудного месторождения могут служить Садонские рудники в Северной Осетии. В промышленных масштабах добыча металла здесь началась лишь в 30-е гг. XX в. Однако, по мнению исследователей, руду здесь добывали и значительно раньше [7, с. 27, 28; 10, с. 54]. Не исключено, что в византийское время свинец в Таврику мог попадать именно из месторождений кавказского региона.

Как было отмечено, три наших образца (№№ 2, 14, 15) по составу сплава отличаются от других монет. В то же время, большинство изученных нами образцов (характерный состав компонентов и микропримесей) по качеству монетного металла относятся к разряду бронз, хотя и с высокими долями свинца и мышьяка. То есть монеты с высоким содержанием свинца не являются продуктом специального технологического процесса.

В 2021 г. Т. Н. Смекалова провела исследования на статистически более значимой выборке (на базе трех кладов херсоно-византийских монет X в. из музея-заповедника «Херсонес Таврический»), направленные не только на уточнение состава монетного сплава литых херсоно-византийских выпусков IX–X вв., но и получение весомых доказательств в подтверждение нашего тезиса. Получены достаточно интересные результаты, которые мы планируем в ближайшее время проанализировать и опубликовать.

Специфические особенности элементного состава херсоно-византийских монет (наличие кроме свинца и меди микропримесей серебра, сурьмы и цинка, сопоставимых с количеством олова) возвращают нас к наблюдению М. В. Ступко и Е. Я. Туровского «о плохом смешивании сплава», послужившим появлению свинцовых экземпляров в некоторых херсоно-византийских выпусках [17, с. 188].

Современные ученые констатируют, что свинец практически не растворим в твердой меди. По данным диаграммы состояния, растворимость свинца в меди не превышает 0,02%, а при затвердевании такой механической смеси жидких фаз также получается механическая смесь твердых фаз меди и свинца [20, с. 10, 171]. В то же время известно, что частичная взаимная растворимость свинца и меди в жидком состоянии существенно повышается при повышении температуры [5, с. 106].

Применительно к нашему случаю, интересны замечания и наблюдения современных специалистов-исследователей, занимающихся составом и свойствами промышленных сплавов, о том, что «в сплавах как с ограниченной, так и с полной нерастворимостью в жидком состоянии в условиях медленного охлаждения наблю-

дается расслоение жидких металлов: более тяжелый металл опускается вниз, а более легкий располагается сверху. Во избежание такого расслоения и ликвидации свинцовистые бронзы подвергают после заливки быстрому охлаждению, чтобы получить свинец в мелких равномерно распределенных выделениях в основной массе из меди» [5, с. 106]. Судя по всему, именно такую картину демонстрируют нам образцы нашей выборки.

Как нам представляется, при литье приготовленного в тигле сплава в вертикальную форму происходило осаждение более тяжелого элемента (свинца), и в первую очередь в форму попадали верхние слои сплава с высоким содержанием меди; затем доля свинца постепенно увеличивалась и к окончанию отливки (в литейной форме это должны быть верхние ряды литейной «елочки») остатки сплава практически полностью состояли из свинца.

Как можно видеть в Таблице 1, именно в такую колонку выстраиваются показатели содержания свинца в исследованных нами монетах: 99,79–99,04; 98,04; 97,58–97,10; 96,98–96,82; 95,27; 94,66; 86,18; 85,26–85,00; 84,98–84,43; 83,87–83,71; 82,82; 81,3; 77,67%. Не противоречат этому и их характерные особенности по форме отливки. Многие из них имеют признаки брака литья (неполное заполнение формы, тонкая отливка и т. п.).

Даже если мы рассмотрим три монеты Романа Лакапина, то и там наблюдается аналогичная картина: количество свинца варьируется от половины до трети от общей массы: 51,06; 40,27; 27,39%. Уверены, что при новых измерениях будут выявлены экземпляры, значительно расширяющие эту линейку.

В этой связи появление «практически чистых» свинцовых монет, скорее всего, следует считать своеобразным технологическим «браком» местного литейного производства. Не исключено, что при сортировке готовой монетной массы экземпляры, не отвечающие стандартным образцам и имевшие соответствующий брак литья (частичная заливка формы, свинцовые отливки), могли изыматься и возвращаться на переработку. Этим, очевидно, и объясняется относительная редкость так называемых «свинцовых» монет, известных в основном для выпусков времени Василия I и Льва VI, а для отдельных серий и вовсе уникальных или же неизвестных.

Дальнейшие исследования элементного состава литых херсоно-византийских монет на основе большой репрезентативной выборки, вне всякого сомнения, позволят дополнить и уточнить полученные сегодня результаты, а также проверить справедливость наших предположений.

Таблица 1. Элементный состав херсоно-византийских монет IX–X вв. Звездочкой (*) отмечены образцы, представленные в иллюстрациях

№ п/п	Описание	Примечание	Вес (g)	Размер (mm)	Элементный состав, мас. %					
					Cu	Fe	As	Pb	Sn	прочие
1	Анохин, 1977., № 365 (Б)	неполная отливка	2,19	12,5×15,5	0,1	-	14,64	85,26	-	-
2	Анохин, 1977., № 411	край обломан	2,88	14,5×17,5	42,4	2,96	11,81	40,27	1,63	0,19 (Ag), 0,56 (Sb), 0,18 (Zn)
3	Анохин, 1977., № 387 (АЕ)	неполная отливка	2,82	14×17	1,26	0,05	15,72	82,82	0,16	-
4	Анохин, 1977., № 389 (АА)	коррозирована	3,00	17,5×18	0,07	0,07	15,25	84,43	0,18	-
5*	Анохин, 1977., № 382 (Б·?)	помята, тонкая отливка	1,15	14,5×16	-	-	15,14	84,84	0,02	-
6	Анохин, 1977., № 387					0,88	3,48	95,64	-	-
7*	Анохин, 1977., № 389 (АА)		3,32	15×16,5			14,63	84,98	0,390	
8	Анохин, 1977., № 398 КЮ (?)	обломок (1/2)	1,56	9,5×14,5	1,07	1,08	14,02	83,71		0,12 (Zn)
9	Анохин, 1977., № 387 (АЕ)	с края обломана	3,03	13,5×18	2,84	1,54	14,06	81,30	0,27	
10*	Анохин, 1977., № 387 (АЕ)	края неровные	3,65	14×16,5	0,33	0,26	13,79	85,18	0,45	
11	Анохин, 1977., № 387 (АЕ·?)	коррозирована	2,67	13,5×15,5	0,34	0,63	13,64	85,00	0,38	
12	Анохин, 1977., № 390 (АА·?)	коррозирована	3,60	17×18	0,07		13,75	86,18		
13	Анохин, 1977., № 434 ВА(?)	с края утрата поля	3,97	17×18	0,29	0,94	13,47	83,87	1,33	0,10 (Sb)
14*	Анохин, 1977., № 411	края неровные	4,73	18,5×19,5	35,82	1,29	9,89	51,06	1,66	0,08 (Zn), 0,11 (Ag), 0,09 (Sb), 0,15 (Zn), 0,23 (Ag), 0,148 (Sb)
15*	Анохин, 1977., № 409		2,89	17,5	68,56	0,35	2,38	27,39	0,79	
16*	Анохин, 1977., № 343 (?)	зеркальное отображение	1,56	9,5×11	0,11		2,86	96,82	0,21	
17*	Анохин, 1977., № 387 (Ю)		4,06	17,5×17		2,11	3,1	94,66		0,14 (Sb)
18	Анохин, 1977., № 387 (АЕ)	коррозирована	3,29	16×16,5	0,25	19,68	2,38	77,67		0,02 (Sb)
19*	Анохин, 1977., № 387 (АЕ)	деформирована	3,42	15,5×17	0,21	0,25	1,99	96,98	0,49	0,09 (Sb)
20*	Анохин, 1977., № 367 (Б)	отверстие	3,26	ок 17		0,11	2,01	97,58	0,26	
21	Анохин, 1977., № 387 (АЕ)	отверстие	2,72	ок 16	0,2	0,25		99,56		
22*	Анохин, 1977., № 387 (АЕ)	тонкая отливка	1,55	15,5×16				99,77	0,23	
23	Анохин, 1977., № 387 (АЕ)	края неровные	3,00	16×17		0,15		99,79		0,07 (Sb)
24	Анохин, 1977., № 390 АА	неполная отливка	2,11	14,5×18	0,35	0,37		99,04	0,25	
25*	Анохин, 1977., № 389 АА	края неровные	3,13	15,5×18	1,46	1,06		97,10	0,16	0,12 (Sb), 0,1 (Zn)
26	Анохин, 1977., № 37·Б·	неполная отливка	3,39	13×15,5	0,29	0,17		99,51		0,03 (Sb)
27	Анохин, 1977., № 385 (АЕ)	край обломан (?)	2,78	14×6,5	0,03	0,34		99,27	0,3	0,06 (Sb)
28	Анохин, 1977., № 387 (АЕ)	неполная отливка	0,79	10,5×12	0,15			99,72		0,13 (Sb)
29*	Анохин, 1977., № 387 (АЕ)	неполная отливка	1,39	10×13,5	0,1	0,05		99,71		0,14 (Sb)
30	Анохин, 1977., № 387 (АЕ)	неполная отливка	1,81	13×16		0,07	1,79	98,04	0,11	

Рис. 1. Херсоно-византийские монеты IX–X вв. с высоким содержанием свинца
 1 – выпуск времени правления Михаила III (842–867), № 16; 2–3 – выпуски времени правления Василия I (867–886), №№ 5, 20; 4–9 – выпуски времени правления Льва VI (886–912), №№ 7, 10, 19, 22, 25, 29; 10–11 – выпуски времени правления Романа I (920–944), №№ 14, 15; 12 – анонимный выпуск начала XIII в., № 17

Fig. 1. Ninth- and tenth-century Cherson-Byzantine coins with a high contents of lead
 1 – issue from the age of Michael III (842–867), no. 16; 2–3 – issues from the age of Basil I (867–886), nos. 5, 20; 4–9 – issues from the age of Leo VI (886–912), nos. 7, 10, 19, 22, 25, 29; 10–11 – issues from the age of Romanos I (920–944), nos. 14, 15; 12 – anonymous issue from the early thirteenth century, no. 17

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеевко Н.А., Антипенко А.В. К вопросу о выпуске херсоно-византийских монет из свинца // ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка. VIII международный нумизматический симпозиум (Керчь, 2–6 октября 2021 г.). Материалы научной конференции / Ред. Н.А. Алексеевко. Симферополь: Ариал, 2021. С. 37–42.
2. Анохин В.А. Обзор монетного дела средневекового Херсонеса // Нумизматика и сфрагистика. 1968. Вып. 3. С. 99–113.
3. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев: Наукова думка, 1977. 176 с.
4. Анохин В.А. Монеты Северного Причерноморья и царей Колхиды. Киев: Стило, 2016. 280 с.
5. Болховитинов Н.Ф. Металловедение и термическая обработка. М.: Машиностроение, 1965. 503 с.
6. Грандмезон Н.Н. Свинцовые монеты Херсонеса // Нумизматика и эпиграфика. 1978. Т. XII. С. 41–46.
7. Гурбанов А.Г., Шаззо Ю.К., Лексин А.Б., Газеев В.М., Докучаев А.Я., Цуканова Л.Е., Якушев Я.И., Семенова И.В., Исаков С.И. Промышленные отходы Мизурской горно-обогатительной фабрики Садонского свинцово-цинкового комбината (геохимические особенности, оценка их воздействия на экологическую обстановку прилегающих территорий (почвы и воды р. Ардон) // Вестник Владикавказского научного центра. 2012. Т. 12. № 4. С. 27–40.
8. Золотарев М.И., Кочеткова Е.М. Монеты Херсонеса Таврического IV в. до н.э. – XIII в. н.э. Коллекция В.Н. Орехова в собрании Национального заповедника «Херсонес Таврический». Каталог. Севастополь, 1999. 142 с.
9. Кадеев В.И., Солнцев Л.А., Фомин Л.Д. О технологии изготовления некоторых изделий из цветных металлов в позднеантичном Херсонесе // СА. 1963. № 1. С. 43–48.
10. Кузнецов Е.А., Захаров Е.Е. Садонское свинцово-цинковое месторождение // Труды Института прикладной минералогии. 1930. Вып. 46. 154 с.
11. Минасян Р.С. Металлургия в древности и средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. 472 с.
12. Немодрук А.А. Аналитическая химия мышьяка. М.: Наука, 1976. 244 с.
13. Сидоренко В.А. Новые данные для изучения техники литья херсоно-византийских монет // ХΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XI международный византийский семинар. Материалы научной конференции / Ред. Н.А. Алексеевко. Симферополь, 2019. С. 181–186.
14. Соколова И.В. Датировка некоторых монет Херсона // Нумизматика и сфрагистика. 1968. Вып. III. С. 86–98.
15. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л.: Искусство, 1983. 176 с.
16. Соколова И.В. Византийские свинцовые монеты конца XI – начала XII в. из собрания Эрмитажа // ТГЭ. 2010. Т. LI. Византия в контексте мировой культуры. С. 208–259.
17. Ступко М.В., Туровский Е.Я. Литые монеты средневекового Херсона // Stratum plus. 2010. № 6. С. 187–200.
18. Туровский Е.Я., Горбатов В.М. Монеты античного и средневекового Херсонеса. Каталог-определитель. Симферополь: ДИАЙПИ, 2013. 155 с.
19. Шерешев Л.И. О технике изготовления в средневековом Херсонесе монет типа «Ро» // АДСВ. 1982. Вып. 19. Византия и ее провинции. С. 38–47.
20. Федотьев Н.П., Бибииков Н.Н., Вячеславов П.М., Грилихес С.Я. Электролитические сплавы. М.: Л.: Машгиз, 1962. 312 с.

REFERENCES

1. Alekseenko N.A., Antipenko A.V. On the issue of Cherson-Byzantine lead coins. Alekseenko N.A. (ed.), *PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka. VIII mezhdunarodnyi numizmatischeeskii simpozium* [Pontic money-changer: money of the local market. VIII international numismatic symposium], Simferopol, Aerial Publ., 2021, pp. 37–42.

2. Anokhin V.A. Review of the coinage of medieval Chersonesos. *Numizmatika i sfragistika* [Numismatics and sphragistics], 1968, vol. 3, pp. 99–113.
3. Anokhin V.A. *Monetnoe delo Khersonesa* [Coinage of Chersonesos]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1977, 175 p.
4. Anokhin V.A. *Monety Severnogo Prichernomor'ia i tsarei Kolkhidy* [Coins of the Northern Black Sea Region and the kings of Colchis]. Kiev, Stilos Publ., 2016, 280 p.
5. Bolkhovitinov N.F. *Metallovedenie i termicheskaia obrabotka* [Metallurgy and heat treatment]. Moscow, Mashinostroenie Publ., 1965, 503 p.
6. Grandmezon N.N. Lead coins of Chersonesos. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and epigraphy], 1978, vol. 12, pp. 41–46.
7. Gurbanov A.G., Shazzo Iu.K., Leksin A.B., Gazeev V.M., Dokuchaev A.Ia., Tsukanova L.E., Iakushev Ia.I., Semenova I.V., Isakov S.I. Industrial waste from the Mizorsk ore mining and processing plant of the Sadonsk lead-zinc plant. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra* [Vladikavkaz Scientific Center Bulletin], 2012, vol. 12, no. 4, pp. 27–40.
8. Zolotarev M.I., Kochetkova E.M. *Monety Khersonesa Tavricheskogo IV v. do n.e. – XIII v. n.e. Kolleksiia V.N. Orekhova iz sobraniia Natsional'nogo zapovednika «Khersones Tavricheskii». Katalog* [Coins of Tauric Chersonesos of the IV century BC – XIII century AD. Collection of V.N. Orekhov from the collection of the National Reserve “Tauric Chersonesos”. Catalog]. Sevastopol, Kalamo Publ., 1999, 142 p.
9. Kadeev V.I., Solntsev L.A., Fomin L.D. On the technology of manufacturing some products from non-ferrous metals in late antique Chersonesos. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet archaeology], 1963, no. 1, pp. 43–48.
10. Kuznetsov E.A., Zakharov E.E. Sadonsk lead-zinc deposit. *Trudy instituta prikladnoi mineralogii* [Proceedings of the Institute of Applied Mineralogy], 1930, vol. 46, 154 p.
11. Minasian R.S. *Metallurgiiia v drevnosti i srednevekov'e* [Metallurgy in antiquity and the Middle Ages]. St.-Petersburg, Gos. Ermitazh Publ., 2014, 472 p.
12. Nemodruk A.A. *Analiticheskaia khimiia mysh'iaka* [Analytical chemistry of arsenic]. Moscow, Nauka Publ., 1976, 244 p.
13. Sidorenko V.A. New data for the researches in the casting technology of Cherson-Byzantine coins. Alekseenko N.A. (ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis. XI mezhdunarodnyi vizantiiskii seminar* [11th international Byzantine workshop “Chersonos Themata: the empire and the polis”], Simferopol, 2019, pp. 181–186.
14. Sokolova I.V. Dating of some coins of Cherson. *Numizmatika i sfragistika* [Numismatics and sphragistics], 1968, vol. 3, pp. 86–98.
15. Sokolova I.V. *Monety i pechati vizantiiskogo Khersona* [Coins and seals of Byzantine Cherson]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1983, 176 p.
16. Sokolova I.V. Byzantine lead coins of the late 11th – early 12th century from the Hermitage collection. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Transactions of the State Hermitage], 2010, vol. 51, pp. 208–259.
17. Stupko M.V., Turovskii E.Ia. Cast coins of medieval Cherson. *Stratum plus*, 2010, no. 6, pp. 187–200.
18. Turovskii E.Ia., Gorbatov V.M. *Monety antichnogo i srednevekovogo Khersonesa. Katalog-opredelitel* [Coins of ancient and medieval Chersonesos. Catalog]. Simferopol, 2013, 155 p.
19. Shereshev L.I. On the technique of making coins of the “Ro” type in medieval Chersonesos. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 1982, vol. 19, pp. 38–47.
20. Fedot'ev N.P., Bibikov N.N., Viacheslavov P.M., Grilikhes S.Ia. *Elektroliticheskie splavy* [Electrolytic alloys]. Moscow, Leningrad, Mashgiz Publ., 1962, 312 p.

Информация об авторах

Алексеенко Н. А. – dr. Etudes Médiévales (Paris IV-Sorbonne), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: AAB-2881-2020.

Антипенко А. В. – младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; младший научный сотрудник отдела реализации грантов Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: U-2937-2019.

Authors information

Alekseenko N. A. – dr. Etudes Médiévales (Paris IV-Sorbonne), Candidate of Science (History), Leading Researcher at the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: AAB-2881-2020.

Antipenko A. V. – Junior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Junior Researcher of the Grants Implementation Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: U-2937-2019.

ОБРАЗ ГРИФОНА НА ВИЗАНТИЙСКИХ ПЕЧАТЯХ (на примере коллекции Государственного Эрмитажа)

Елена Владимировна Степанова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

StepanovaESPb@yandex.ru

Аннотация. В византийской сфрагистике X в. наряду с классическим иконографическим репертуаром (образами Богородицы, святых, процветшего креста) появляются изображения птиц, реальных и фантастических животных и даже портреты собственников печатей. Среди них немаловажное место занимают печати с грифоном, персонажем фантастического пантеона, соединяющим черты орла и льва. Его изображения на печатях представлены в трех вариантах: 1) одиночное изображение грифона, 2) грифон, попирающий животное, 3) парные грифоны в сцене с полетом Александра Македонского. Среди моливдовулов Государственного Эрмитажа первый вариант представлен на печатях Теофилакта Аргири, анфипата патрикия; Стефана, протоспафария, епискепитита и анаграфевса богохранимых императорских поместий; Константина, императорского спафарокандидата и коммеркиария Фессалоники; Теофилакта, патрикия, императорского протоспафария, ἐπί τοῦ Χριστοτρικλίνου и хартулария дрома; Димитрия, императорского спафарокандидата и ἐπί τῆς μεγάλης ἐταιρείας; Георгия; Теофила (?). Второй вариант мы видим на печатях Льва, императорского протоспафария, ἐπί τῆς μεγάλης ἐταιρείας, и Ставракия, императорского протоспафария, ἐπί τῶν οἰκειακῶν и ἐπί τῶν βαρβάρων. Третий вариант представлен на уникальной эрмитажной печати, с изображением святых Константина и Елены на лицевой стороне. Привлекая наряду с эрмитажными сфрагистическими памятниками печати из других коллекций, автор приходит к выводу, что появление на них изображения грифона в X в. совпадает со временем Македонского возрождения и было, главным образом, связано с оживлением интереса к античному прошлому. В это время данное изображение, по всей видимости, сохраняло лишь свою апотропеическую и декоративную функцию. Помещали его на свои печати светские чиновники, гражданские и военные.

Ключевые слова: Византия, сфрагистика, византийские печати, грифон

THE IMAGE OF GRIFFIN ON BYZANTINE SEALS (On the Example of the State Hermitage Museum Collection)

Elena V. Stepanova

State Hermitage, Saint-Petersburg, Russia

Abstract. In the tenth-century Byzantine sigillography, along with the classical iconographic repertoire (images of the Mother of God, saints, and cross potent), there appeared images of birds,

real animals and monsters, and even portraits of the owners of seals. An important place among them belongs to the seals showing griffin, an imaginary monster combining the features of an eagle and a lion. Its images on seals comprise three variants: 1) single image of a griffin, 2) griffin trampling an animal, 3) paired griffins in the flight scene of Alexander the Great. Among the lead seals in the State Hermitage Museum collection, the first variant is represented by the seals of Theophylaktos Argyros, *anthypatos patrikios*; Stephen, *protospatharios, episkeptites* and the *anagrapheus* of the imperial domains protected by God; Constantine, imperial *spatharokandidatos* and *kommerkiarios* of Thessalonike; Theophylaktos, *patrikios*, imperial *protospatharios*, ἐπὶ τοῦ Χρυσοτρικλίνου and *chartoularios* of the *dromos*; Demetrios, imperial *spatharokandidatos* and ἐπὶ τῆς μεγάλης ἐταιρείας; George; and Theophilus (?). The second variant occurs on the seals of Leo, imperial *protospatharios*, ἐπὶ τῆς μεγάλης ἐταιρείας, and Staurakios, imperial *protospatharios*, ἐπὶ τῶν οἰκειᾶκῶν and ἐπὶ τῶν βαρβάρων. The third variant shows a unique seal from the State Hermitage Museum featuring an image of SS. Constantine and Helena on the obverse. Taking the seals from other collections along with the sigillographic monuments from the State Hermitage Museum into account, the author of this paper has run to the conclusion that the appearance of the image of a griffin in the tenth century coincided with the Macedonian Renaissance and was connected mainly with the revival of interest in the antique past. It was the time when this image retained only its apotropaic and decorative function. It was placed on the seals of secular officials, civilian and the military persons.

Key words: Byzantium, sigillography, Byzantine seals, griffin

X век в византийской сфрагистике ознаменован очень интересным явлением. В это время ее иконографический репертуар расширяется, видоизменяется, и, наряду с классическими образами Богородицы, святых, процветшего креста, на византийских печатях появляются изображения птиц, реальных и фантастических животных и даже портреты собственников печатей [25, p. 14]. Истоки этого феномена еще не изучены в полной мере, хотя отдельные, разные по своей направленности его аспекты достаточно очевидны и в ряде случаев уже нашли отражение в научной литературе. К примеру, появление таких, нетипичных, изображений, возможно, связано с деятельностью определенных групп чиновников. В. С. Шандровская это проследила на печатях X в., принадлежавших чиновникам ведомства ἐπὶ τῶν βαρβάρων, где, наряду с религиозными сюжетами, фигурируют светские: слон, лев, орел, грифон, дракон, сцены борьбы животных, изображения заказчиков печатей [18]. Подобное же своеобразие наблюдается и на печатях чиновников Фессалоники X в. Осмысление этого явления на сфрагистических памятниках второго по значимости города Византии – тема будущего исследования.

Довольно значительной группе моливдовулов, датированных X в., с изображением, ранее условно обозначаемым как «птица с флагом и(ли) с веткой в клюве», была посвящена статья В. П. Степаненко [13]. Автор показал, что своим появлением на византийских печатях оно обязано влиянию иранского искусства. Образ птиц с повязкой с лентами в клюве или на шее – пативом, изначально связанным с зороастрийским культом, постепенно превращается просто в благопожелательный мотив. Как отмечает В. П. Степаненко, «...сохранившие в той или иной степени благопожелательную символику сасанидские мотивы, непосредственный религиозный

смысл которых достаточно быстро был забыт, органично вписались в византийскую культурную традицию V–VI вв. и вновь были востребованы в IX–X вв. в связи как с так называемым сасанидским возрождением в Иране, так и с возвращением в состав Византии восточных провинций халифата, некогда ей принадлежавших» [13, с. 342]. При переносе на византийскую почву, в том числе на печати, изображение птицы сохраняется, а патив трансформируется в некое подобие флага или топорика.

Иным, на наш взгляд, и удивительным образом сложилась судьба в византийской сфрагистике другого очень популярного иранского изображения – сенмурва, собаки-птицы, с хвостом павлина. Исследователи не раз отмечали его популярность в византийском искусстве, в том числе македонского периода. Изображение появляется в скульптуре, на тканях, на предметах прикладного искусства [21, no. 302; 40, no. 148, 217]. Тем не менее, даже беглый просмотр сфрагистических каталогов показывает, что на печатях изображение сенмурва практически отсутствует (за исключением тех случаев, когда их сохранность не позволяет точно определить иконографию). В коллекции Государственного Эрмитажа определенно можно говорить только об одной печати, где изображен этот персонаж.

...императорский протоспафарий, ἐπὶ τοῦ Χρυσοτρικλίνου и стратиг Само-са (имя владельца не сохранилось, X в.) (рис. 1, I).

M-3768. D – 24 мм. Сохранность: щербини, трещина на л.с. Из коллекции РАИК. Место находки неизвестно. Ранее не издавалась.

Л.с. В ободке из крупных точек между двумя линиями изображение сенмурва, повернутого вправо.

О.с. Надпись в пять строк:

...|ΑΣΠΑΘ,Ε|ΠΗΤ,ΧΡΥC|ΟΤΡ,CΤΡ|..ΓCΑΜΘ

... [β(ασιλικὸς)] (πρωτο)σπαθ(άριος) ἐπὶ τ(οῦ) Χρυσοτρ(ικλίνου) (καὶ) στρ(α)[τ(η)] γ(ὸς) Σάμου

В противоположность сенмурву, использование в сфрагистике другого, достаточно близкого ему по иконографии персонажа фантастического пантеона – грифона, соединяющего черты орла и льва, было довольно интенсивно. Его изображения появлялись на печатях несравнимо более часто и представлены в трех ипостасях: 1) одиночное изображение грифона, 2) грифон, попирающий животное, 3) парные грифоны в сцене с полетом Александра Македонского.

Среди печатей Государственного Эрмитажа первый вариант представлен на следующих памятниках:

1. Феофилакт Аргир, анфипат патрикий (X в.) (рис. 1, 2).

M-5114. D – 25 мм. Сохранность: сквозная трещина, прорывы металла вдоль канала на л.с., неполные оттиски. Из коллекции РАИК. Место находки неизвестно. Ранее не издавалась. Упомянута: [37, p. 128; 24, no. 25 = 22, p. 534, no. 11].

Л.с. Грифон, обращенный вправо, голова повернута влево. Туловище покрыто точечным орнаментом. Следы круговой надписи: +K.ΡΘ,-ΓW.....Λ = K[(ύρι)ε] β(οή) θ(ει) τῷ [σῶ] δού]λ(ω)

О.с. Надпись в пять строк:

.ΕΟ..|.ΑΚΤΩ..|..ΠΑΤΩΠΑ|.ΡΙΚΙΩΤ|ΩΑΡΓΥΡΩ

[Θ]εο[φυλ]άκτω [ἀνθ]ύπ[ά]τω πα[τ]ρικίω τῷ Ἀργυρῷ

2. Стефан, протоспафарий, епискепит и анаграфевс богохранимых императорских поместий (X в.) (рис. 1,3).

М-5111. D – 23 мм. Сохранность: утраты металла по краю, большие вмятины сбоку на л.с. и о.с. Из коллекции РАИК. Место находки неизвестно. Ранее не издавалась.

Л.с. Грифон, обращенный вправо. Голова стерта. Грудь и крылья украшены орнаментом. Необычной формы «ветвистый» хвост загнут вверх. Круговая надпись слева: +.....CΩΔΟΥΛΩ = [+Κ(ύρι)ε β(οή)θ(ει) τῷ] σῷ δούλω

О.с. Надпись в пять строк:

..ΕΦΑ..|...ΑΘ'ΕΠΙ..Κ'ΑΝΑΓΡΑ|,Τ,ΘΕΟΦΥΛΑ|,Τ,Ρ'ΚΤΙΜ'

[Στ]εφά[ν(ω)] [(πρωτο)σπ]αθ(αρίω) ἐπι[σκ(επτίτη)] κ(αί) ἀναγρα[φ(εί)] τ(ῶν) θεοφυλά[κ]τ(ων) β(ασιλικῶν) κτ(η)μ(άτων)

Большинство епискепитов были управляющими императорскими доменами, в том числе в разных областях империи [23, р. 87-117]. Анаграфевс занимался инспектированием земель, в данном случае императорских поместий [23, р. 92-95].

3. Константин, императорский спафарокандидат и коммеркиарий Фессалоники (X в.) (рис. 1,4).

М-8616. D – 28 мм (общ.), 27 мм (поля). Сохранность: в двух частях, обломана по краям, прорывы вдоль канала на л.с. и о.с. Из коллекции Н. П. Лихачева. Место находки неизвестно. Ранее не издавалась.

Л.с. Грифон, обращенный вправо, голова повернута назад. Туловище и крылья орнаментированы. В клюве грифона патив. По краю ободок из крупных точек между линиями.

О.с. Надпись в шесть строк:

+ΚΩ.ΣΤ.|ΝΤ,Ρ'Σ.Α..|ΡΟΚΑΝΔΙ..|ΚΟΜΕΡΚΙΑ.|ΘΕΣΣΑΛΟ|.

+Κω[v]στ[α]ντ(ίνω) β(ασιλικῷ) σ[π]α[θ]αροκандιδ[δ(άτω) (καί)] κο(υ)μ(μ)ερκια[ρ(ίω)] Θεσσαλο[v(ίκης)]

Вверху и внизу украшения. Из надписи не следует, что она стоит в дательном падеже, однако это общее правило для легенд печатей коммеркиариев, лишенных invocative надписей.

Изображение грифона встречается и на других печатях коммеркиариев, таможенных чиновников Фессалоники [26, по. 18.36, 50].

4. Феофилакт, патрикий, императорский протоспафарий, ἐπὶ τοῦ Χρυσотρικλίνου и хартуларий дрома (X в.) (рис. 1,5).

М-5112. D – 23 мм. Сохранность: утраты металла вдоль канала. Из коллекции РАИК. Место находки неизвестно. Издана: [16, ил. 32; 17, № 855].

Л.с. Грифон, обращенный вправо, шея и грудь орнаментированы. Между туловищем и задним крылом орнаментальное украшение в виде завитка. По краю ободок из крупных точек, заключенных между линиями.

О.с. Надпись в пять строк:

+ΕΟΦΥ|ΔΑΚΤ,ΠΑΤΡΙΚ|Ρ'Α'ΣΠΑΘ'ΕΠΙΤ/|ΧΡ,ΣΧΡΑΤ'ΘΛ/|Τ'ΘΔΡΟΜ/

+|Θ|εοφυλάκτ(ω) πατρικ(ίω) βασιλικῶ) (πρωτο)σπαθ(αρίω) ἐπὶ τ(οῦ)
Χρ(υσοτρικλίνου) (καὶ) χαρτουλ(αρίω) τοῦ δρόμ(ου)

В предпоследней строке буквы «Р» и «А» переставлены местами.

Хартуларии дрома были чиновниками ведомства дрома, глава которого руководил внешними сношениями и почтой.

5. Димитрий, императорский спафарокандидат и ἐπὶ τῆς μεγάλης ἐταιρείας (X в.) (рис. 1,б).

М-10595. D – 20 мм. Сохранность: значительные утраты металла по краю. Оттиск о.с. сдвинут влево. Из коллекции Н. П. Лихачева. Место находки неизвестно. Ранее не издавалась.

Л.с. Грифон, обращенный вправо. По краю ободок из крупных точек, заключенных между линиями.

О.с. Надпись в пять строк:

ΔΗΜΙ|...ΟΡ,СП|Θ,ΚΑΝΔ|.ΕΠΙΤ,Μ|.Γ..ΕΡΙ

Δημι[τρί](ω) βασιλικῶ) σπ[α]θ(αρο)κανδ(ιδάτω) [(καὶ)] ἐπὶ τ(ῆς) μ[ε]γ(άλης) [ἐτ](αι)
ρ(ε)ί(ας)

Этерии (в том числе большая этерия) занимались охраной дворца и самого императора, состояли в основном из иноземцев, включая хазар, варягов, славян и т.д. Заказчик печати Димитрий, по-видимому, был заместителем этериарха, главы большой этерии [38, S. 211-218. Nr. 89-95; 11].

6. Георгий (X в.) (рис. 2,1).

М-7777. D – 19 мм. Сохранность: утраты металла по краю и вдоль канала на о.с. Из коллекции Г. Шлюмберже, позже Н. П. Лихачева. Место находки неизвестно. Издана: [36, p. 27].

Л.с. Грифон, обращенный вправо, голова повернута назад. Под лапами грифона буквы ΓΕ

О.с. Лев (?), обращенный влево. По сторонам от туловища буквы: .-Ρ-Γ-Ι-Ο = Γε[ω]ργί(ο)

7. Феофил (?) (X в.) (рис. 2,2).

М-10593. D – 19 мм. Сохранность: утраты металла в местах выходов канала. Оттиски сильно сдвинуты вбок и вверх. Из коллекции Г. Шлюмберже, позже Н. П. Лихачева. Место находки неизвестно. Издана: [36, p. 27].

Л.с. Грифон, идущий влево. Изображение фрагментарно: видны крылья, задняя часть туловища и хвост, загнутый вверх.

О.с. Птица на длинных ногах (страус?, журавль?). Изображение фрагментарно: видны ноги и нижняя часть туловища. По сторонам от изображения буквы: Θ-Ε||WΦ/ = Θεόφ(ίλος) (?)

Наиболее близкая аналогия – анонимная печать под № BZS.1955.1.4465 из коллекции Дамбартон Оукса, датированная X/XI в., без каких-либо надписей.

Как мы видим, несмотря на значительные лакуны в деталях, на печатях №№ 1–7 даны стилистически очень разные изображения грифона. Одни повернуты влево, другие вправо; одни изображены шагающими, другие статично, третьи на полусогнутых лапах. На печатях №№ 1, 3 и 5 грифон имеет отчетливо выраженную орлиную голову, а на печати № 4 она, скорее, похожа на собачью. Некоторые грифоны держат в клюве патив (№№ 3, 8). Различаются расположение крыльев, характер декора туловища и крыльев и т.д., т.е. при изготовлении матриц печатей перед глазами резчика в каждом случае находились разные образцы изображений грифона.

Второй вариант изображения грифона, при котором он попирает лапами животное, мы видим на следующих печатях коллекции Государственного Эрмитажа.

8. Лев, императорский протоспафарий, ἐπὶ τῆς μεγάλης ἑταιρείας (X в.) (рис. 2,3).

М-5120. D – 22 мм. Сохранность: утраты металла по краю, сильно потерта. Печать оттиснута на двух очень тонких пластинах. Из коллекции РАИК. Место находки неизвестно. Издана: [12, с. 365, № 204(208), табл. VIII, 9 (Б.А. Панченко не смог восстановить надпись оборота)].

Л.с. Грифон, обращенный влево. В клюве, возможно, держит патив. Лапами грифон попирает животное неопределенного типа. Изображение окружено ободком из крупных точек, заключенных между линиями.

О.с. Надпись в пять строк:

+ΛΕΟΝ|ΤΙΡ'Α'ΣΠΑ|Θ'ΣΕΠΗΤΗ|СМЕГЕТ|ΕΡΗΙС

+Λέοντι β(ασιλικῶ) (πρωτο)спаθ(αρίω) (καὶ) ἐπὶ τῆς μεγ(άλης) ἐτ(αι)ρ(ε)ί(α)ς

Надпись окружена ободком из крупных точек, заключенных между линиями.

9–11. Ставракий, императорский протоспафарий, ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν и ἐπὶ τῶν βαρβάρων (X в.) (рис. 2,4–6).

9) М-3773. D – 33 мм (общий), 20 мм (поля). Сохранность: потерта. Оттиски намного меньше заготовки. Из коллекции РАИК. Издана: [33, р. 260, no. 526; 18, с. 110–111 = 20, с. 28. ил. 3]. Близкий, но не параллельный экз.: [41, пг. 26 (с библиографией)].

10) М-6372. D – 24 мм. Сохранность: в двух частях, часть отпечатков не оттиснулась. Из коллекции Г. Шлюмберже, позже Н. П. Лихачева. Издана: [36, р. 448, 2; 33, р. 260, no. 526]. Упомянута: [18, с. 110–111 (с ошибочным номером М-7372) = 20, с. 28].

11) М-11445. Размер: 26x16 мм. Сохранность: фрагментирована, выбоины, потертости. Из коллекции Н. П. Лихачева. Издана: [33, р. 260, no. 526]. Упомянута: [18, с. 110–111 = 20, с. 28].

Л.с. Грифон, обращенный в левую сторону. Голова повернута вправо. Он попирает животное (дракона, как полагают В. Лоран и А. Вассилиу – В. Зайбт).

О.с. Крестообразная инвокативная монограмма (тип XII по В. Лорану) с именем заказчика по сторонам: СТ-ΑV-ΡΑ-ΚΙW. Круговая надпись: +R,Α,ΣΠΑΘ,..... ΚΟΝΣΕΠΗΤ,ΡΑΡΡΑΡ, = + Κύριε βοήθει Σταυρακίω β(ασιλικῶ) (πρωτο)спаθ(αρίω) [ἐπὶ τ(ῶν) (οἰ)κ(ε)ι]κ(ῶ)ν (καὶ) ἐπ(ὶ) τ(ῶν) βαρβάρ(ων) – «+Господи, помоги Ставракию, императорскому протоспафарию, управляющему императорскими доменами и главе бюро варваров».

Ставракий возглавлял бюро варваров – специальное ведомство, которое имело непосредственное отношение к связям с «варварскими народами». Это бюро занималось всеми иностранцами, находящимися на территории империи, включая посольства иностранных государств, прибывающие на ее территорию [о печатях Ставракия см.: 18, с. 110–111, 115–116; 41, nr. 26–28; 14].

Смысловое значение сцены попираания хищным зверем жертвенного животного до конца не понятно. Часто встречающаяся в скифском и античном искусстве, она по-разному интерпретируется различными исследователями, которые усматривают в ней космологическую или магическую основу [подробно: 8]. Так, Г. А. Федоров-Давыдов, рассуждая о сценах терзаний и борьбы зверей в памятниках скифо-сибирского искусства, предполагал, что «одной из основных задач этого явно единого в своей основе искусства было создание особых синтетических существ, обладающих усиленной магической силой апотропея, или помощника человека» [15, с. 27].

Разные варианты сцены преследования хищником жертвы (от так называемого звериного гона и до терзания) на разного рода памятниках сохраняются и в византийское время. Интерпретировать ее в рамках христианской религии достаточно сложно. Авторы приводят различные объяснения, рассматривая эту композицию как охотничий мотив, популярный со времен античности [21, no. 70], или предполагая апотропеический смысл. Другой точки зрения придерживается Г. К. Вагнер. Автор рассматривает мотив «когтящего грифона» не как символ злых сил: «грифоны не терзают животное, а возносят его вверх. Это либо символы победы над язычеством, либо феодально-покровительственные охранительные эмблемы» [5, с. 88].

Третий вариант изображения этого мифического персонажа в византийской сфрагистике – парные грифоны в сцене полета Александра Македонского на небо – представлен на уникальной эрмитажной печати М-4506.

12. Анонимная, с изображением Свв. Константина и Елены (X в.) (рис. 2,7).

М-4506. D – 27 мм. Сохранность: утраты металла по краю и вдоль канала. Из коллекции РАИК. Место находки неизвестно. Издана: [2; 19].

Л.с. Святые Константин и Елена в лоратных одеяниях в рост. Справа от изображения святого Константина буквы KWN = Κων(σταντῖνος), по сторонам от изображения святой Елены буквы HAΓ-EΛEN = Ἡ ἀγ(ία) Ἐλένη.

О.с. Александр Македонский сидит в колеснице, запряженной двумя грифонами. В обеих руках он держит копьё, с насаженными на них тушками мелких животных – приманкой для грифонов.

Не касаясь анализа и смыслового значения композиций, представленных на печати (они подробно исследованы в статье А. В. Банк с важными дополнениями В. С. Шандровской), отметим, что в первоначальном варианте, восходящем к Роману Псевдо-Каллисфена, написанному, предположительно, в III в. до н.э. в Александрии, Александр поднимался ввысь на огромных белых птицах. Однако уже в середине X в. в латинском переводе произведения, осуществленном архиепископом Львом Неаполитанским (известно, что около 950 г. он побывал в Константинополе, где переписал

греческий текст Романа об Александре [3, с. 90–120]), вместо птиц фигурируют грифоны.

Уникальная на печати сцена полета Александра Македонского на небо получила широкое распространение в искусстве Византии, Древней Руси и средневековой Западной Европы, однако, как отмечала А. В. Банк, эта печать едва ли не наиболее раннее фиксированное свидетельство этого эпизода [2, с. 193].

Историография вопроса возникновения, бытования и значения образа грифона в разных культурах на протяжении нескольких тысячелетий настолько обширна, что нет возможности привести даже краткий перечень научных работ, посвященных этой теме. Предполагают, что прообраз грифона появился еще в Месопотамии, его изображения многократно встречаются в Древнем Египте, в скифском искусстве, в античности, на Ближнем Востоке в эллинистическое и средневековое время, этот «блуждающий» «интернациональный» образ был популярен в Византии, Древней Руси и средневековой Европе. Символика образа грифона различалась в разное время и в разных культурах: в Месопотамии его, вероятно, рассматривали как солярный символ власти, в греческой мифологии он ассоциировался с Зевсом и Аполлоном, грифоны были стражами сокровищ (Геродот), охраняли гробницы и служили психопомпами, возносящими душу к небу [10, с. 18]; в сасанидском искусстве были связаны с идеей царственности и власти; для позднего западного средневековья двусоставность грифона, совмещающего львиную и орлиную природу, была аллегорией двух естеств Христа [1, с. 602].

В византийском искусстве примеры появления фигуры грифона на разного рода памятниках весьма многочисленны на протяжении всего существования империи. Это светильники IV в. [35]; мозаики из Большого императорского дворца в Константинополе VI–VII вв.; пряжка X в. [6, № 99]; браслеты XI в. [39, по. 174]; группа серебряных чаш XII в. из собрания Эрмитажа [7]; шелковые ткани X–XIII вв. [39, по. 150, 344; 34]; миниатюры рукописей; поливная керамика [39, по. 185, 219], в том числе найденная в Херсонесе [6, № 127]; рельефы Сан-Марко в Венеции и Малой Метрополии в Афинах (см. также [7, с. 191–194]) и т.д.

А. Уолкер, посвятившая статью исследованию исламизирующих мотивов на византийских печатях, включила изображение грифона, наряду с сенмурвом, павлином, птицей с лентой, мантикорой, в число изображений, появившихся на византийских памятниках под влиянием иранского искусства [40]. Изображения львов, орлов, грифонов, по представлениям автора, служили свидетельством высокого социального статуса владельцев печатей и были в основном связаны с константинопольской придворной культурой [40, р. 402–403]. Ранее подобную же мысль в отношении использования изображений грифонов в древнерусской культуре высказывал Г. К. Вагнер. По его мнению, они были особенно тесно связаны с княжеской средой [5, с. 87].

Сохранившиеся памятники показывают, однако, что распространение изображения грифона было повсеместно, включая церковную и народную культуру. При императорском дворе изображение грифона, безусловно, также культивировалось,

что мы видим в исторических источниках (ткани с такими изображениями упоминаются в книге «О церемониях» Константина Багрянородного) и на миниатюрах рукописей (например, протовестиарий на миниатюре, изображавшей императора Никифора III Вотаниата, носит одеяние с грифонами, 1078–1081 [39, no. 143], см. также изображение Алексея V Дуки Мурзуфла из Хроники Никиты Хониата. Рукопись XIII в. [7, ил. 369]). Однако подтверждения устоявшемуся мнению о том, грифоны были геральдической эмблемой кесарского чина [9, с. 360; 7, с. 194], мы не нашли ни в «Книге церемоний» Константина Багрянородного [30. I, 43, p. 217–225], ни в работах исследователей [31, p. 25–42, особ. 36–37].

На печатях изображение грифона появляется только в X в. Всплеск его популярности на сфрагистических памятниках совпадает со временем Македонского возрождения, когда оживляется интерес к античному прошлому. «В художественной культуре возрождаются мотивы античной мифологии, но уже не в их культово-религиозной значимости, а как явления сугубо художественно-эстетического порядка... Возникают многочисленные произведения искусства (светского прежде всего, но также нередко и религиозного), ориентирующиеся на эти принципы» [4, с. 436]. Видимо, этот интерес к собственному прошлому и стал основным стимулом к появлению изображения грифона в византийской сфрагистике X в.

Преимущество сфрагистического материала состоит в том, что он очень часто, на основе содержания легенд, позволяет понять, с каким именно кругом заказчиков печатей связано использование того или иного изображения. Рассматривая данный вопрос в отношении печатей с изображениями грифонов, в меньшей степени следует исходить из наличия титулов заказчиков, которые давали им право участвовать в придворных церемониях (это ведет к не совсем верному предположению о том, что образ грифона был связан, прежде всего, с придворной средой). Более важным критерием являются должности, которые эти заказчики занимали. Базируясь на доступном материале, отчетливо видно, что изображение грифона помещали на своих печатях светские чиновники, гражданские и военные, занимавшие должности в столице (в том числе при дворе) и провинциальные. Среди них – коммеркиарий Фессалоники [26, no. 18.50] (№ 3 в данной статье); коммеркиарий Абидоса и Салоники [26, no. 18.36], протонотарий Кивирриотов [27, no. 59.17], протонотарий Эллады [27, no. 8.38], стратиг Фессалоники [42, no. 931; 32, no. 1212], стратиг Хасанара [28, no. 80.1], турмарх Корики [42, no. 937; 29, no. 8.1]; эпопт Армениака [42, no. 911], хартуларий дрома (№ 4 в данной статье), императорский куратор (DO No. BZS 1955.1.4479), прагматевт [42, no. 926], императорский нотариус бестиария [32, no. 906], епискепит и анаграфевс императорских поместий (№ 2 в данной статье), ἐπί τῶν βαρβάρων [32, no. 864] (№№ 9–11 в данной статье). Довольно много печатей частных [32, no. 2163] (DO No. BZS 1955.1.4499; №№ 6, 7 в данной статье) и даже анонимных (DO No. BZS 1953.1.4464). Пожалуй, из всей серии особо следует выделить печати этериархов и ἐπί τῆς μεγάλης ἐταιρείας (DO No. BZS 1955.1.4475; №№ 5, 8 в данной статье). Учитыв-

вая их значительное количество, можно предположить, что грифон, действительно, мог быть эмблемой большой этерии.

По всей видимости, ко времени своего появления на печатях в X в. изображение грифона сохранило, в основном, лишь свое апотропеическую и декоративную функцию. Его бытование было, главным образом, связано с оживлением интереса к античному прошлому. Исходя из доступного материала, можно предположить, что использовали его светские чиновники, гражданские и военные. К XI в. это изображение, как впрочем и другие зооморфные образы, постепенно исчезает из византийской сфрагистики, уступая место более традиционному набору сфрагистических типов и определенному кругу изображений духовного содержания.

Рис. 1. Печати X в. из Государственного Эрмитажа: 1 – Печать императорского протоспафария, ἐπὶ τοῦ Χρυσοτρικλίνου и стратига Самоса; 2 – Печать Теофилакτα Аргири, ипата и патрикия; 3 – Печать Стефана, протоспафария, эпискептита и анаграфевса богохранимых императорских поместий; 4 – Печать Константина, императорского спафарокандидата и коммеркиария Фессалоники; 5 – Печать Теофилакτα, патрикия, императорского протоспафария, ἐπὶ τοῦ Χρυσοτρικλίνου и хартулария дрoма; 6 – Печать Димитрия, императорского спафарокандидата и ἐπὶ τῆς μεγάλης ἐταιρείας.

Фото Д.В. Сироткина

Fig. 1. The tenth-century seals from the State Hermitage Museum: 1 – seal of an imperial protospatharios, ἐπὶ τοῦ Χρυσοτρικλίνου and the strategos of Samos; 2 – seal of Theophylaktos Argyros, hypatos and patrikios; 3 – seal of Stephen, protospatharios, episkeptites and anagrapheus of the imperial domains protected by God; 4 – seal of Constantine, imperial spatharokandidatos and kommerkiarios of Thessalonike; 5 – seal of Theophylaktos, patrikios, imperial protospatharios, ἐπὶ τοῦ Χρυσοτρικλίνου and chartoularios of the dromos; 6 – seal of Demetrios, imperial spatharokandidatos and ἐπὶ τῆς μεγάλης ἐταιρείας. Photo: D.V. Sirotkin

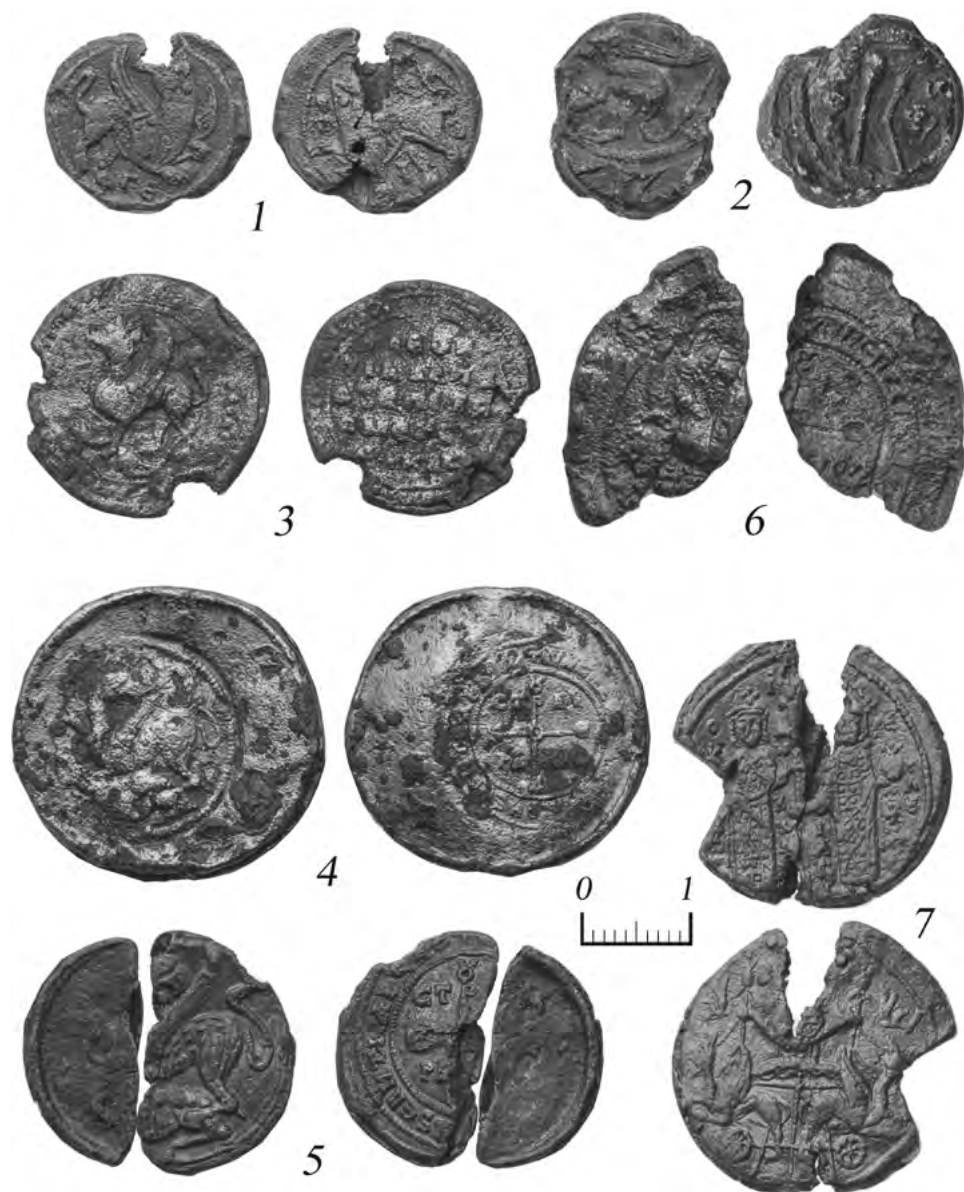

Рис. 2. Печати X в. из Государственного Эрмитажа: 7 – Печать Георгия; 8 – Печать Феофила (?); 9 – Печать Льва, императорского протоспафария, ἐπι τῆς μεγάλης ἑταιρείας; 10–12 – Печати Ставракия, императорского протоспафария, ἐπι τῶν οἰκειακῶν и ἐπι τῶν βαρβάρων; 13 – Печать анонимная с изображением Свв. Константина и Елены. Фото Д.В. Сироткина

Fig. 2. The tenth-century seals from the State Hermitage Museum: 7 – seal of George; 8 – seal of Theophilos (?); 9 – seal of Leo, imperial protospatharios, ἐπι τῆς μεγάλης ἑταιρείας; 10–12 – seals of Staurakios, imperial protospatharios, ἐπι τῶν οἰκειακῶν and ἐπι τῶν βαρβάρων; 13 – anonymous seal with the image of SS. Constantine and Helena. Photo: D.V. Sirotkin

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С.С. Христианская мифология // Мифы народов мира: Энциклопедия / Ред. С.А. Токарев. М., 1991. Т. 2. С. 598–604.
2. Банк А.В. Моливдовул с изображением полета Александра Македонского на небо // Труды Отдела Востока Эрмитажа. 1940. Т. III. С. 181–194.
3. Блескина О.Н. Латинские «Александрии»: истоки и версии // Византинороссика. Т. 2. Деяния царя Александра. Уникальный памятник средневековой торевтики из села Мужы Ямало-Ненецкого автономного округа: Материалы коллоквиума, проведенного Санкт-Петербургским Обществом византино-славянских исследований 10–12 сентября 1998 г. / Ред. К.К. Акентьев, Б.И. Маршак. СПб., 2003. С. 90–120.
4. Бычков В.В. Эстетика // Культура Византии. Вторая половина VII – XII в. / Ред. З.В. Удальцова, Г.Г. Литаврин. М.: Наука, 1989. С. 401–469.
5. Вагнер Г.К. Грифон во владими́ро-суздальской фасадной архитектуре // СА. 1962. № 3. С. 78–90.
6. Византийский Херсон. Каталог выставки / Ред. И.С. Чичуров. М.: Наука, 1991. 256 с.
7. Даркевич В.П. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII века. М.: Искусство, 1975. 350 с.
8. ДИАЛОГ 2017–2018. Дихотомия искусства в археологии: локус, образы, генезис: Материалы объединенного семинара Института археологии РАН и Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург, 6–7 декабря 2017 г.; Москва, 6–7 декабря 2018 г.) / Ред. Е.С. Леванова, Н.Ю. Смирнов. М.: ИА РАН, 2020. 252 с.
9. Кондаков Н.П. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага: Изд-во Чеш. акад. наук и искусств, 1929. 455 с.
10. Маршак Б.И. Серебряное блюдо со сценой полета Александра Македонского // Византинороссика. Т. 2. Деяния царя Александра / Ред. К.К. Акентьев, Б.И. Маршак. СПб., 2003. С. 1–41.
11. Мохов А. Дворцовая стража в Византии первой половины IX века: манглиты и императорская этерия // АДСВ. 2016. Вып. 44. С. 124–136.
12. Панченко Б.А. Каталог моливдовулов. Коллекция Русского археологического института в Константинополе // Известия Русского Археологического института в Константинополе. София, 1908. Т. XIII. С. 78–151.
13. Степаненко В.П. Сасанидские образы в византийской сигиллографии X в. // ТГЭ. 2010. Вып. LI: Византия в контексте мировой культуры. Материалы конференции, посвященной памяти А.В. Банк. С. 334–343.
14. Степанова Е.В. Карьера Ставракия: из провинции в столицу // АДСВ. 2006. Вып. 37. С. 155–163.
15. Федоров-Давыдов Г.А. О сценах терзаний и борьбы зверей в памятниках скифо-сибирского искусства // Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1975. Вып. 3. С. 23–28.
16. Шандровская В.С. Византийские печати в собрании Эрмитажа. Л., 1975. 15 с.
17. Шандровская В.С. Сфрагистика // Искусство Византии в собраниях СССР: каталог выставки. Т. 2. Искусство эпохи иконоборчества. Искусство IX–XII веков. М.: Советский художник, 1977. С. 16–17.
18. Шандровская В.С. Печати ΕΠΙ ΤΩΝ ΒΑΡΒΑΡΩΝ в Эрмитаже // АДСВ. 2000. Вып. 31. С. 105–116.
19. Шандровская В.С. Моливдовул с изображением полета Александра Македонского на небо // Византинороссика. Т. 2. Деяния царя Александра / Ред. К.К. Акентьев, Б.И. Маршак. СПб., 2003. С. 42–44.
20. Византийская сфрагистика в трудах В.С. Шандровской / Ред. Е.В. Степанова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2019. 526 с.
21. Age of Spirituality: Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century: Catalogue of the Exhibition at the Metropolitan Museum of Art, November 19, 1977 – February 12, 1978 / Ed. K. Weitzmann. New York, 1978. 735 p.
22. Cheynet J.-Cl. La Société Byzantine: l'apport des sceaux. Paris, 2008. Vol. 2. 732 p.
23. Cheynet J.-Cl. Épiskeptai et autres Gestionnaires des Biens Publics (d'après Les Sceaux de l'IFEB) // Studies in Byzantine Sigillography. 2002. Vol. 7. P. 87–117.

24. Cheynet J.-Cl., Vannier J.F. Les Argyroï // Сборник радова Византолошког института. 2003. Vol. 40. P. 57–90.
25. Cheynet J.-Cl., Morrisson C. Texte et image sur les sceaux byzantins: les raisons d'un choix iconographique // Studies in Byzantine Sigillography. 1995. Vol. 4. P. 9–32.
26. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 1. Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea / Eds. J. Nesbitt, N. Oikonomides. Washington, 1991. 276 p.
27. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 2. South of the Balkans, the Islands, South of Asia Minor / Eds. J. Nesbitt, N. Oikonomides. Washington, 1994. 248 p.
28. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 4. The East / Eds. E. McGeer, J. Nesbitt, N. Oikonomides. Washington, 2001. 248 p.
29. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 5. The East (continued) / Eds. E. McGeer, J. Nesbitt, N. Oikonomides. Washington, 2005. 215 p.
30. Constantini Porphyrogenniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae / Ed. I.I. Reiske. Bonnae, 1829 – 1830.
31. Guiland R. Recherches sur les Institutions byzantines. Berlin, Amsterdam, 1967. T. II. 397 p.
32. Jordanov I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Vol. 3. Part 1–2. Sofia: Bulgarian Academy of Science, National Institute of Archaeology with Museum, 2009. 1282 p.
33. Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin. Vol. II. L'administration centrale. Paris: CNRS, 1981. 740 p.
34. McClanan A.L. Illustrious Monsters: Representations of Griffins on Byzantine Textiles // Animals in Text and Textile. Storytelling in the Medieval World / Eds. E. Wetter, K. Starkey. Abegg-Stiftung, 2019. P. 133–145. (Riggisberger Berichte. T. 23).
35. Radovanović D. Lamp with the Representation of the Griffin: the Christianisation of Pagan Motifs during Late Antiquity // Zbornik radova Filozofskog fakulteta u Prištini. 2018. Vol. 48. Part 3. P. 219–234.
36. Schlumberger G. Sigillographie de l' Empire byzantin. Paris, 1884.
37. Seibt W. Beinamen, "Spitznamen", Herkunftsnamen, Familiennamen bis ins 10. Jahrhundert: Der Beitrag der Sigillographie zu einem prosopographischen Problem // Studies in Byzantine Sigillography. 2002. Vol. 7. P. 119–136.
38. Seibt W. Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich. 1. Teil: Kaiserhof. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1978. 355 p.
39. The Glory of Byzantium: Art and Culture of the Middle Byzantine Era, A.D. 843–1261 / Eds. H.C. Evans, W.D. Wixom. New York: Metropolitan Museum of Art, 1997. 576 p.
40. Walker A. Islamicizing Motifs in Byzantine Lead Seals: Exoticizing Style and the Expression of Identity // Medieval History Journal. 2012. Vol. 15.2. P. 381–408.
41. Wassiliou A.-K., Seibt W. Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich. 2. Teil: Zentral- und Provinzialverwaltung. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2004. 404 p.
42. Zacos G. Byzantine Lead seals. Vol. II. Nos. 1–1089. Berne: Beuteli, 1984. 543 p.

REFERENCES

1. Averintsev S.S. Christian mythology. Tokarev S.A. (ed.), *Mify narodov mira: Entsiklopediia* [Myths of the peoples of the world: Encyclopedia], Moscow, 1991, T. 2, pp. 598–604.
2. Bank A.V. Molyvdovol depicting the flight of Alexander the Great to the sky. *Trudy Otdela Vostoka Ermitazha* [Proceedings of the Oriental Department of the Hermitage], 1940, vol. 3, pp. 181–194.
3. Bleskina O.N. Latin "Alexandria": origins and versions. Akentiev C.C., Marshak B.I. (eds.), *Vizantinorossika. T. 2. Deianiia tsaria Aleksandra. Unikal'nyi pamiatnik srednevekovoi torevtiki iz sela Muzhi Iamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga: Materialy kollokviuma, provedennogo Sankt-Peterburgskim Obshchestvom vizantino-slavianskikh issledovaniï 10–12 sentiabria 1998 g.* [Byzantinorossica. Vol. 2. The Acts of Alexander the Great. The unique monument of medieval torevtics found in the village Muzhi of Yamal-Nenetz Autonomic district: Proceedings of the Colloquium held by

- the Saint-Petersburg Society for Byzantine and Slavic Studies, September 10–12, 1998], St.-Petersburg, 2003, pp. 90–120.
4. Bychkov V.V. Aesthetics. Udal'tsova Z.V., Litavrin G.G. (eds.), *Kul'tura Vizantii. Vtoraia polovina VII–XII v.* [Culture of Byzantium. Second half of the 7th–12th centuries], Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 401–469.
 5. Vagner G.K. The griffin in the Vladimir-Suzdal facade architecture. *Sovetskaia arkhologiiia* [Soviet archaeology], 1962, no. 3, pp. 78–90.
 6. Chichurov I.S. (ed.). *Vizantiiskii Kherson. Katalog vystavki* [Byzantine Kherson. Exhibition catalog]. Moscow, Nauka Publ., 1991, 256 p.
 7. Darkevich V.P. *Svetskoe iskusstvo Vizantii. Proizvedeniia vizantiiskogo khudozhestvennogo remesla v Vostochnoi Evrope X–XIII veka* [Secular art of Byzantium. Works of Byzantine arts and crafts in Eastern Europe 10th–13th centuries]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1975, 350 p.
 8. Levanova E.S., Smirnov N.Iu. (eds.), *DIALOG 2017–2018. Dikhotomiia iskusstva v arkhologii: lokus, obrazy, genesis: Materialy ob'edinennogo seminara Instituta arkhologii RAN i Instituta istorii material'noi kul'tury RAN (Sankt-Peterburg, 6–7 dekabria 2017 g.; Moskva, 6–7 dekabria 2018 g.)* [DIALOGUE 2017–2018. The dichotomy of art in archeology: locus, images, genesis: Materials of the joint seminar of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences and the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, December 6–7, 2017; Moscow, December 6–7, 2018)]. Moscow, IA RAS Publ., 2020, 252 p.
 9. Kondakov N.P. *Ocherki i zametki po istorii srednevekovogo iskusstva i kul'tury* [Essays and notes on the history of medieval art and culture]. Praga, Cheshskaia akademiia nauk i iskusstv Publ., 1929, 455 p.
 10. Marshak B.I. Silver dish with a scene of Alexander the Great's flight. Akentiev C.C., Marshak B.I. (eds.), *Vizantinorossika. T. 2. Deianiia tsaria Aleksandra* [Byzantinorossica. Vol. 2. The Acts of Alexander the Great], St.-Petersburg, 2003, pp. 1–41.
 11. Mokhov A. Palace guards in Byzantium in the first half of the 9th century: manglabites and imperial heterea. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2016, vol. 44, pp. 124–136.
 12. Panchenko B.A. Catalog of molivdovuls. Collection of the Russian Archaeological Institute in Constantinople. *Izvestiia Russkogo Arkheologicheskogo instituta v Konstantinopole* [Bulletin of the Russian Archaeological Institute in Constantinople], Sofia, 1908, vol. 13, pp. 78–151.
 13. Stepanenko V.P. Sassanian images in the Byzantine sigillography of the 10th century. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Transactions of the State Hermitage], St.-Petersburg, 2010, vol. 51, pp. 334–343.
 14. Stepanova E.V. The carreer of Staurakios: from province into Constantinople. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2006, vol. 37, pp. 155–163.
 15. Fedorov-Davydov G.A. On the scenes of torment and struggle of animals in the monuments of Scythian-Siberian art. *Uspekhi sredneaziatskoi arkhologii* [Successes of Central Asian archaeology], Leningrad, 1975, vol. 3, pp. 23–28.
 16. Shandpovskaia V.S. *Vizantiiskie pečati v sobranii Ermitazha* [Byzantine seals in the Hermitage collection]. Leningrad, 1975, 15 p.
 17. Shandrovskaia V.S. Sphragistics. *Iskusstvo Vizantii v sobraniakh SSSR: katalog vystavki* [Art of Byzantium in the collections of the USSR: exhibition catalog]. T. 2. Moscow, Sovetskii khudozhnik Publ., 1977, pp. 16–17.
 18. Shandrovskaia V.S. Seals of ΕΠΙ ΤΩΝ ΒΑΡΒΑΡΩΝ in the Hermitage. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2000, vol. 31, pp. 105–116.
 19. Shandrovskaia V.S. Molyvdovul depicting the flight of Alexander the Great to the sky. Akentiev C.C., Marshak B.I. (eds.), *Vizantinorossika. T. 2. Deianiia tsaria Aleksandra* [Byzantinorossica. Vol. 2. The Acts of Alexander the Great], St.-Petersburg, 2003, pp. 42–44.
 20. Stepanova E.V. (ed.). *Vizantiiskaia sfragistika v trudakh V.S. Shandrovskoii* [Byzantine sphragistics in the works of Valentina Šandrovskaia]. St.-Petersburg, State Hermitage Publ., 2019, 526 p.
 21. Weitzmann K. (ed.), *Age of Spirituality: Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century: Catalogue of the Exhibition at the Metropolitan Museum of Art, November 19, 1977 – February 12, 1978*. New York, 1978, 735 p.

22. Cheynet J.-Cl. *La Société Byzantine: l'apport des sceaux*. Vol. 2. Paris, 2008, 732 p.
23. Cheynet J.-Cl. Épiskeptitai et autres Gestionnaires des Biens Publics (d'après Les Sceaux de l'IFEB). *Studies in Byzantine Sigillography*, 2002, vol. 7, pp. 87–117.
24. Cheynet J.-Cl., Vannier J.F. Les Argyroi. *Zbornik Radova Vizantoloshkog Institute*, 2003, vol. 40, pp. 57–90.
25. Cheynet J.-Cl., Morrisson C. Texte et image sur les sceaux byzantins: les raisons d'un choix iconographique. *Studies in Byzantine Sigillography*, 1995, vol. 4, pp. 9–32.
26. Nesbitt J., Oikonomides N. (eds.). *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 1. Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea*. Washington, 1991, 276 p.
27. Nesbitt J., Oikonomides N. (eds.). *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 2. South of the Balkans, the Islands, South of Asia Minor*. Washington, 1994, 248 p.
28. McGeer E., Nesbitt J., Oikonomides N. (eds.). *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 4. The East*. Washington, 2001, 248 p.
29. McGeer E., Nesbitt J., Oikonomides N. (eds.). *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 5. The East (continued)*. Washington, 2005, 215 p.
30. *Constantini Porphyrogenniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae*. Bonnae, 1829–1830.
31. Guiland R. *Recherches sur les Institutions byzantines*. T. II. Berlin, Amsterdam, 1967, 397 p.
32. Jordanov I. *Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria*. Vol. 3. Part 1–2. Sofia, Bulgarian Academy of Science, National Institute of Archaeology with Museum Publ., 2009, 1282 p.
33. Laurent V. *Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin*. Vol. II. L'administration centrale. Paris, CNRS Publ., 1981, 740 p.
34. McClanan A.L. Illustrious Monsters: Representations of Griffins on Byzantine Textiles. Wetter E., Starkey K. (eds.), *Animals in Text and Textile. Storytelling in the Medieval World*, Riggisberger Berichte. T. 23, Abegg-Stiftung, 2019, pp. 133–145.
35. Radovanović D. Lamp with the Representation of the Griffin: the Christianisation of Pagan Motifs during Late Antiquity. *Zbornik radova Filozofskog fakulteta u Prištini*, 2018, vol. 48, part 3, pp. 219–234.
36. Schlumberger G. *Sigillographie de l' Empire byzantin*. Paris, 1884.
37. Seibt W. Beinamen, “Spitznamen”, Herkunftsnamen, Familiennamen bis ins 10. Jahrhundert: Der Beitrag der Sigillographie zu einem prosopographischen Problem. *Studies in Byzantine Sigillography*, 2002, vol. 7, pp. 119–136.
38. Seibt W. *Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich. 1. Teil: Kaiserhof*. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1978, 355 p.
39. Evans H.C., Wixom W.D. (eds.). *The Glory of Byzantium: Art and Culture of the Middle Byzantine Era, A.D. 843–1261*. New York, Metropolitan Museum of Art, 1997, 576 p.
40. Walker A. Islamicizing Motifs in Byzantine Lead Seals: Exoticizing Style and the Expression of Identity. *Medieval History Journal*, 2012, vol. 15.2, pp. 381–408.
41. Wassiliou A.-K., Seibt W. *Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich. 2. Teil: Zentral- und Provinzialverwaltung*. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2004, 404 p.
42. Zacos G. *Byzantine Lead seals. Vol. II. Nos. 1–1089*. Berne, Beuteli, 1984, 543 p.

Информация об авторе

Степанова Е. В. – ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа.

Author information

Stepanova E. V. – Leading Researcher of the Oriental Department of the State Hermitage.

ИСТОРИЯ

DOI: <https://doi.org/10.37279/2413-189X.2021.26.475-497>

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ И ХАЗАРСКИЙ ПЕРИОДЫ ЭВОЛЮЦИИ ГОРОДОВ НА ВНУТРЕННЕЙ ГОРНОЙ ГРЯДЕ КРЫМА

Александр Ильич Айбабин

*Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
aleksandraibabin@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4116-8198>*

Аннотация. Значительные археологические исследования отдельных городских центров на Внутренней горной гряде Крыма на плато Мангуп, Эски-Кермен и Бакла позволяют с достаточным основанием выявить и конкретно представить ранневизантийский и хазарский периоды эволюции названных городов. Рассмотренные письменные источники и материалы археологических раскопок позволяют аргументировать хронологию первых двух периодов истории городов на Внутренней горной гряде: 1) ранневизантийского – 582 г. – начало VIII в. и 2) хазарского – начало VIII в. – 841 г. В начале VI в. в регионе известен только oppidum или civitatum Dory. Очевидно, укрепления соорудили готы, жившие на плато Мангуп с середины III в. В ранневизантийский период в конце VI в., после включения области Дори в состав пограничной провинции империи, выполнявшие государственную программу военные инженеры построили укрепления и храм в крепости (κάστρον) Δόρος, а на горах Эски-Кермен и Бакла – разнотипные укрепленные города (πόλιςμα). Если на большей части незаселенного плато Эски-Кермен инженеры сразу спланировали и в короткий срок соорудили укрепления, подъездные дороги, ворота, калитки, храм, улицы и другие объекты, то на уже заселенной террасе плато Бакла – только цитадель. В хазарский период Δόρος сохранил статус столицы Готии и епископскую кафедру. На Эски-Кермене, вероятно, архонт руководил застройкой города по единому плану, а на Бакле рядом с цитаделью создается так называемый «посад», на территории которого возводят жилые дома. Архонты городов на Эски-Кермене и Бакле, так же как и ранее, выполняли управленческие государственные и церковные функции в своих Климатах.

Ключевые слова: Внутренняя гряда Крымских гор, Дорос, Эски-Кермен, Бакла, крепость (κάστρον), город (πόλιςμα), архонты

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время».

THE EARLY BYZANTINE AND KHAZAR PERIODS IN THE EVOLUTION OF THE TOWNS ON THE INNER MOUNTAIN RIDGE IN THE CRIMEA

Alexander I. Aibabin

Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia

© Айбабин А.И., 2021

Abstract: From the large-scale archaeological researches of individual urban centres located on the Inner Mountain Ridge of the Crimea, atop of the plateaus of Mangup, Eski-Kermen, and Bakla, there are enough reasons to identify and reconstruct the Early Byzantine and Khazar Periods in the evolution of these towns. The analysis of written sources and materials of archaeological excavations allows the one to substantiate the chronology of the two initial periods in the history of the evolution of the towns located on the Inner Mountain Ridge as: 1 – Early Byzantine, from 582 AD to the early eighth century; 2 – Khazar, from the early eighth century to 841 AD. In the early sixth century, there was the only *oppidum* or *civitatium* Dory known in the region in question. Obviously, its fortifications were built by the Goths living atop of the plateau of Mangup from the mid-third century on. In the Early Byzantine Period, in the late sixth century, when the region of Dory was incorporated into the Empire's borderland province, military engineers realised the state-sponsored program and constructed fortifications and a church in the castle (κάστρον) of Δόρος and fortified towns of various types (πόλισμα) atop of the mountains of Eski-Kermen and Bakla. Although the engineers immediately planned and constructed fortifications, access roads, gates, sally ports, a church, streets, and other objects on a greater part of the uninhabited plateau of Eski-Kermen, only the citadel was built on the already inhabited terrace of the plateau of Bakla. In the Khazar Period, Δόρος kept the status of the capital of Gothia and the bishop's see. At Eski-Kermen there probably was an archon supervising the building of the town according to a single plan, while at Bakla there appeared suburban area covered by residential houses. The *archontes* of the towns located atop of Eski-Kermen and Bakla were civil and church governors of the *klimata*, just as their predecessors had done earlier.

Keywords: Inner Ridge of the Crimean Mountains, Doros, Eski-Kermen, Bakla, castle (κάστρον), town (πόλισμα), archontes

Acknowledgments: This study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 20-18-00076 “The Evolution of the Towns on the Inner Ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages and Modern Period”.

Различные аспекты истории городов Византии анализируются в многочисленных российских [27; 43; 32 и др.] и зарубежных [68; 77 и др.] публикациях. Авторы рассматривали трансформацию известных в Малой Азии, на Балканах, в Южной Италии и в Северной Африке позднеантичных городов в византийские, изменение их градостроительного облика, особенности экономического, социального, политического развития города на разных этапах истории Византии. В монографиях А. Л. Якобсона всесторонне представлен главный форпост империи на полуострове Херсон [59; 60].

В настоящее время, благодаря поступлению нового, преимущественно массового археологического материала, открываются большие возможности для изучения расположенных в византийской приграничной провинции на Внутренней гряде Крымских гор «пещерных городов» и уяснения сущности и характера происходивших в них изменений. Уже более двух столетий «пещерными городами» именуют все совершенно изолированные, круто обрывающиеся во все стороны эрозионные останцы, на поверхности и склонах которых вырублены пещерные сооружения: Каламита, Мангуп-Кале, Эски-Кермен, Шулдан, Чилтера, Качи-Кальен, Тепе-Кермен, Чуфут-Кале, Сюрень и Бакла. Историки объединяли их в цепь горных укреплений, крепостей, возведенных по повелению Юстиниана I на Второй гряде Крымских гор

для защиты горных проходов к Херсону [28, с. 44–46, 61; 84, р. 72–73; 49, с. 324; 61, с. 11]. Между тем, на горах Шулдан, Чилтера и Качи-Кальен находились пещерные монастыри, а укрепления на останцах Сюрень, Каламита и Тепе-Кармен созданы после кончины Юстиниана I.

Значительные археологические исследования отдельных городских центров на плато Мангуп, Эски-Кермен и Бакла позволяют с достаточным основанием выявить и конкретно представить ранневизантийский и хазарский периоды эволюции названных городов.

Первый ранневизантийский период начался в VI в. Историк Прокопий Кесарийский в написанном в 560 г. сочинении поместил в горном регионе между Херсоном и Боспором населенную союзниками империи готами область Дори «Δόρυ» [79, III, VII,10–17; 7, с. 311, 312; 13, с. 6–7]. Строительная активность времени правления императора Юстиниана I (527–565) выявлена на плато Мангуп и Бакла и у их подножий.

Мангуп. Вероятно, самой ранней информацией об укрепленном городе или поселении Дори, локализуемом на Внутренней гряде на плато Мангуп [1, с. 111, 114, 117, 119; 7, с. 311, 314], является упоминание в созданной в первой трети VI в. грамматике Присциана: «Dory ... nomen oppidi и Dory ... nomina civitatum» [78, VI,1, S. 195; VII,1, S. 283].

В 1913 г. на плато Мангуп в раскопе, слева от центрального нефа базилики нашли известняковую плиту с надписью: «[Γ]ουστινιαν[οῦ ...] Αὐτοκράτο[ρος ... Σεβ]ά[στοῦ] – Юстиниана ... императора ... августа» [34, с. 18–19]. Плита перекрывала позднесредневековую могилу [35, с. 74–75]. По словам А. А. Васильева, доверившегося недостоверным сведениям в «Путеводителе по Крыму» об обстоятельствах находки плиты, в надписи идет речь о постройке по повелению императора Юстиниана I базилики на Мангупе [84, р. 71–72]. А. Л. Якобсон полагал, что надпись могла быть ктиторовской, находившейся над входом в базилику [58, с. 215]. Он отмечал «стилистическую и архитектурную» близость Мангупской базилики VI в. раннесредневековой архитектуре Херсона [58, с. 216]. Как подчеркнул А. Л. Якобсон, датировка Мангупской базилики VI в. «указывалась и раньше рядом авторов, но без достаточной аргументации». Она не появилась и в почти всех работах, изданных после 1940 г.

Только в опубликованном М. А. Тихановой отчете об исследовании в Доросе в 1938 г. базилики и соседней крещальни их строительная периодизация обоснована по зафиксированной в раскопах стратиграфии строительных остатков двух периодов, отнесенных к VI в. и к VII в. Согласно М. А. Тихановой, храм с крещальней соорудили в VI в. [50, с. 382–386]. В крещальне в I период сделали пол из мозаики красного, черного и белого цветов и вырубили в скале две гробницы IV–V, а позднее – гробницу VI. Время совершения захоронения в гробнице V она определяет по единственной находке – золотой серьге с тремя зернинками, отнесенной к VI–VII вв. Во II период поверх мозаики на слой

известкового раствора уложили новый пол из хорошо обтесанных прямоугольных плит [50, с. 382–386]. К этому периоду необходимо причислить гробницы, прорезающие мозаичный пол и накрытые плитами вторичного пола. В заполнении гробниц содержались кубики мозаики и фрагменты штукатурки стен крещальни со следами фресок. Извлеченная из гробницы V золотая серьга типична не для VI–VII в., а для VII–IX в. [51, с. 98]. Крещальню могли разрушить при захвате Дороса хазарским отрядом, подавившим восстание готов под руководством епископа Иоанна Готского после 784 г., но до 787 г. [5, с. 218–221]. В конце VIII в. крещальню перестроили в храм. В нем поверх мозаичного пола сделали новый пол из больших плит и вырубili гробницы.

Многие годы базилику изучала Н. И. Бармина, так и не опубликовавшая материалы раскопок, но несколько раз менявшая свое мнение о хронологии и строительной периодизации храма. В недавней статье она повторила предложенную М. А. Тихановой дату базилики [15, с. 95–96].

По утверждению В. А. Сидоренко, плиту с именем Юстиниана I могли взять из руин раскрытой им византийской стены, защищавшей вход в балку Каралез под Мангупом [41, с. 115]. А. Ю. Виноградов отнес эту надпись к 547–548 гг. По его уверению, поскольку в надписи идет речь об описанной Прокопием деятельности Юстиниана I, то она происходит из юстиниановской стены у главного въезда на плато [18, № V 171].

А. Г. Герцен считал плиту с именем Юстиниана I свидетельством сооружения в последнее десятилетие его правления (555–565 гг.) на Мангупе крепости и большой базилики [19, с. 100, 101]. Время возведения оборонительной стены в расселине Демир-Капу (Железные ворота) А. Г. Герцен определял по керамике III–VII вв. и монете Юстиниана I, извлеченных из верхнего слоя заполнения расположенного рядом грота [21, с. 328]. Однако дата сброса содержавшегося в гроте слоя определяется не по монете, а по найденной в нем самой поздней керамике. То есть, слой сбросили в грот не при Юстиниане I, а позднее. Поскольку опубликованные находки VI в. из раскопок на плато Мангуп не связаны с оборонительными сооружениями, а комплексы керамики из слоев, возникших в процессе строительства оборонительных стен, не выделены, то отсутствуют основания для игнорирования информации из сочинения Прокопия. Как подчеркнул Прокопий в повествовании о деяниях императора в готской области Дори: «Император не построил ни города или крепости ни в какой части этой земли, так как люди страны не терпят сами, чтобы быть заключенными в каких-нибудь укрепленных местах, но всегда жили наиболее счастливо на открытой равнине. Но везде, где область казалась легкодоступной для нападавших, он преградил эти подступы длинными стенами и таким образом освободил готов от страха перед вторжением» [79, III, VII, 10–17; 7, с. 311, 312; 13, с. 6–7]. Как мы видим, по приказу Юстиниана I могли соорудить оборонительную стену в балке Каралез близ Мангупа, но на плато византийцы стен не возводили. Очевидно, плиту с именем Юстиниана I на плато Мангуп вторично использовали для перекрытия поздней могилы у базилики [1, с. 114; 7, с. 312–313].

Бакла. На рубеже IV–V вв. возникли поселения на вытянутой вдоль обрыва останца террасе с крутыми откосами (ширина – до 60 м, длина – до 200 м) и у подножия горы. Вероятно, жители поселения на террасе хоронили на некрополе Скалистое [1, с. 82]. Возможно, с начала VI в. [13, с. 158–160] на плато функционировал винодельческий комплекс, состоявший из тарапанов, цистерн, чанов и водоотводных желобов [44, с. 58].

Дукат Херсона. В последней четверти VI в. Византия реформировала управление своими владениями на полуострове и включила во вновь созданный приграничный Херсонский дукат Боспор, а также союзную область Дори. Территорию Дори разделили на районы – архонтии [8, с. 38–45].

На Внутренней горной гряде на плато Эски-Кермен, Бакла и Мангуп раскопаны укрепления, сооруженные не ранее последней четверти VI в. Не исключено, что одновременные фортификационные сооружения находились и на плато Чуфут-Кале.

На плато **Эски-Кермен** византийские инженеры спроектировали типичную для горных регионов империи оборонительную систему [68, р. 638, 639; 77, р. 193; 25, с. 271–273; 26, обр. 7, 11–23, 25–34, 36, 40, 79, 81, 93–95]. В ней важную роль играли пещерные башни с бойницами и казематы, вырубленные в скальном массиве мысов, выступающих на восточном и западном фасадах горы. Участки между многими пещерными башнями по краю плато защищали оборонительные стены. Дата возведения оборонительных стен определяется по комплексу керамики конца VI в. из нижнего слоя нивелировочной подсыпки у восточной оборонительной стены [3, с. 132–138; 13, с. 163]. На южном склоне в скале вырубили подъемную дорогу и создали мощный оборонительный комплекс, защищающий основной въезд в город, а также крупные общественные хранилища зерна. На плато, в соответствии с еще античной гипподамовой системой, запланировали прямоугольные кварталы, ограниченные улицами, пересекавшимися под прямым углом. В центре были спланированы большая базилика с поперечным притвором (нартексом) и тремя нефами, перед западной стеной базилики – городская площадь, от которой к воротам проложена широкая (до 4,8 м) главная улица. На площади могли собираться горожане. В 2020 г. в ее юго-западной части, напротив базилики, зачищены скамьи. В месте соединения поперечной улицы и площади, напротив центрального входа в базилику стояла каменная стела – гномон солнечных часов. По ней горожане могли определять полдень и даты привязанных к дням равноденствий и солнцестояний праздников [53, с. 127–128, рис. 90–94]. Расположенные по обе стороны продольных главной и параллельной ей улиц кварталы ограничены проулками шириной до 2 м. Византийцы могли воплотить проект за довольно непродолжительное время. Согласно А. Гийу, город Анастасиополис с крепостными стенами и храмом в начале VI в. соорудили за два или три года [25, с. 271–272]. В процессе раскопок храма не выделен ранний культурный слой. Очевидно, его удалили в процессе неоднократных перестроек. В какой-то степени о дате постройки базилики приходится судить по характеру кладки уцелевших участков первоначальных

стен нефов. Они сложены так же, как стены херсонесских базилик VI–VII вв. [64, S. 183; 6, с. 241]. Оборонительные стены, общественные и жилые здания строились из известняковых прямоугольных блоков и камней, вырубленных в каменоломнях, созданных на плато. Одну из них расчистили на нижнем марше дороги к городским воротам. В ней вырубали большие блоки для оборонительных стен. Показательно, что размеры вырубавшихся блоков базируются на византийской системе мер длины [52, с. 193–196]. Красноречивые свидетельства активной жизнедеятельности на плато в первый период найдены как на центральной площади и в перемещенных к оборонительным стенам культурных слоях, так и в склепах и могилах крепостного некрополя [4, с. 60–70; 64, S. 183–191].

На плато **Бакла** в юго-западной части террасы Д. Л. Талис раскрыл руины цитадели, вытянутой вдоль обрыва (ширина – 60 м, длина – 200 м). По предположению Д. Л. Талиса, фундаменты двухпанцирной стены с забутовкой из бутового камня и башни сложены поверх засыпанного раннего винодельческого комплекса. Фундамент цитадели лежит на глиняной прослойке, нивелирующей поверхность скалы. Сохранившиеся нижние ряды панцирей фундамента сложены из камней (размером до 1,0x0,8x0,6 м), у которых подтесана одна нижняя сторона. Камни панцирей и забутовки после заливки известковым раствором образовали ровную горизонтальную поверхность фундамента. За время существования этих сооружений на протяжении двух строительных периодов образовался слой зеленого цвета, в котором Д. Л. Талис не фиксировал стратиграфию. По керамике из него он обосновывал даты и уничтожения винодельни, и возведения оборонительной стены [45, с. 112; 47, с. 65–66; 48, с. 57–62]. Следует обратить внимание на то, что слой возник одновременно с винодельней, еще до постройки стены. Судя по керамике из зеленого слоя, если винодельню создали в первой половине VI в., то перекрывающую ее стену цитадели вряд ли соорудили ранее конца того же века [13, с. 159–160]. К цитадели примыкает участок городища, названный Д. Л. Талисом «посадом». На его территории обнаружены винодельческие комплексы [47, с. 65] и общественное зернохранилище из десятков вырубленных в скале пифосовидных ям.

На плато **Мангуп**, как уже отмечалось выше, так и не выявлены закрытые комплексы керамики или надписи, дающие возможность отнести к последним годам правления Юстиниана I ранневизантийские укрепления и базилики. Скорее всего, после включения области Дори и ее столицы Дороса в новый дукат, византийские инженеры в последней четверти VI в., так же как на Эски-Кермене, спроектировали и соорудили на плато Мангуп оборонительную систему и крупнейшую на Внутренней гряде базилику и крещальню.

На плато **Чуфут-Кале** жизнедеятельность продолжалась и после Великой Отечественной войны. Вероятно, все раннесредневековые постройки, в том числе оборонительные, уничтожили в процессе поздних перестроек. Самое узкое место на плато перегораживает Средняя стена, большая часть которой восстановлена в XVIII в.

На ее южном фланге сохранился нижний ярус лицевой кладки из одного-трех рядов известняковых блоков размером 1,0x0,7 м, по определению А. Л. Якобсона похожий на стены византийских крепостей, возведенных в Крыму Юстинианом I [62, с. 111–113].

У сооруженных в поздний период Южных ворот выявлены постели от снесенной более ранней стены [22, с. 188]. На северо-западный край плато можно подняться по двум расселинам. Они перекрыты стенами, возведенными на крутом склоне ниже кромки плато. У стен скапливается культурный слой, смыаемый с плато. В нижней надскальной части слоя, образовавшейся сразу же после возникновения стен, обнаружены мелкие обломки керамики [22, с. 185–186].

А. Г. Герцен и Ю. М. Могаричев опубликовали невыразительные рисунки керамики из шурфов, раскопанных в разные годы в не застроенной части плато и на склоне. Фрагменты керамики описаны весьма обще: «ранневизантийская керамика VI–VII в.» или «характерные для раннего средневековья VI–X вв.» [23, с. 76–89, рис. 48,68]. По кладке облицовки Срединной стены и мелким неопределенным фрагментам керамики из шурфов невозможно установить время строительства укреплений на плато.

Жившие на плато аланы и готы хоронили на расположенному ниже по склону могильнике. Зачищенные на его территории захоронения позволяют судить о дате возникновения на плато укрепленного поселения или крепости. На его территории самый ранний склеп с золотым субэратным подражанием монеты с изображением Юстиниана I 527–565 гг. [29, с. 210] перекрывала подбойная могила с большой пряжкой с прямоугольным щитком III варианта и двухпластинчатыми фибулами варианта Пв-3 первой половины VII в. Вероятно, поселение на плато и принадлежавший его жителям некрополь на склоне возникли не ранее конца VI в. Быть может, тогда же соорудили его первые оборонительные стены [1, с. 111, 114; 63, S. 98, 100–102].

Д. Л. Талис считал находящийся на высоком останце «пещерный город» Тепе-Кермен аналогичным и одновременным городищам на плато Мангуп и Эски-Кермен. С юга и запада плато ограничено вертикальными обрывами высотой 8–12 м. На городище можно пройти по северному и северо-восточному склонам. По его словам, для контроля за ними использовали верхние сторожевые пещерные помещения. В северной части зачищены участок высеченной в скале дороги, вырубки от ворот, постели и сохранившийся на месте блок (0,8x0,4x0,4 м) от огады. Д. Л. Талис обосновал время возникновения городища в V–VI вв. двумя не определенными фрагментами амфор. Однако в раскопах он обнаружил керамику и вещи не ранее XI в. [46, с. 98, 103, рис. 4,3,4].

Хронология возведения новых крепостей на плато Мангуп, Эски-Кермен и Бакла согласуется с датами строительных надписей из Херсона и Тамани, информирующих о реализации византийцами в правление императора Маврикия (582–602 гг.) на территории дуката программы строительства оборонительных сооружений и общественных зданий. В рамках этой программы для назначенных дукой Херсона

архонтов новых архонтий и были возведены новые крепости, ставшие административными, экономическими и религиозными центрами близлежащих территорий (архонтий) [63, S. 130; 8, с. 42]. Характерный для малых городов Византии VII в. градостроительный облик прослеживается только на плато Эски-Кермен [12, с. 9]. На плато Мангуп, Бакла и Чуфут-Кале до настоящего времени не найдены жилые дома и улицы VII в. Архонты возглавляли византийскую гражданскую администрацию своего региона и командовали местными войсками. находка на плато Мангуп печати императорского лагофета геникона патрикия Дорофея первой половины VII в. [20, с. 61–64] подтверждает существование переписки между налоговым чиновником и архонтом Дороса. Очевидно, архонты крепостей собирали имперские налоги.

В описаниях событий второй половины VII в. соседний с Херсоном регион стали называть Климатами Херсона – «ἐν Χερσῶνι τοῖς κλίμασιν или τῆς Χερσῶνος κλίματα» [54, с. 36, 59, 60, 106; 81, р. 462–463, 491; 11, с. 8].

На территории упомянутых крепостей все еще не найдены остатки резиденций архонтов. В средне- и поздневизантийский периоды управление городами империи осуществлялось не только из находившейся на акрополе резиденции местного правителя, в которой размещались сокровищница, архив, помещение для охраны и тюрьма, но и из церкви. Согласно новелле Юстиниана I, в церкви могли проходить собрания горожан и храниться весовые и метрические стандарты [68, р. 645; 77, р. 196]. Очевидно, также использовали и главные базилики в данных крепостях. Сооружение новых храмов в конце VI – VII в. свидетельствовало об упрочении положения христианской церкви в Юго-Западном Крыму. В документах Трулльского Вселенского собора 692 г. зафиксирована принадлежность приходов Дори (Климатов) к епархии Херсона: «Γεώργιος ἀνάξιος ἐπίσκοπος Χερσῶνος τῆς Δόραντος» [76, S. 151].

Во второй хазарский период Климаты Херсона принадлежали хазарам. Дискуссия о дате захвата ими региона продолжается уже более века. Историки по-разному интерпретируют повествования Феофана и Никифора о злоключениях посланного в 695 г. в Херсон императора Юстиниана II Ринотмета (Ρινότμητος – с отрезанным носом) в ссылке [54, с. 39–41/62–65, 154–157/163–166].

Никифор писал о бегстве в 704/705 г. Юстиниана II из Херсона в соседнюю страну готов в крепость Дорос: «εἰς τὸ φρούριον λεγόμενον τὸ Δόρος πρὸς τῇ Γοτθικῇ κείμενον χώρα ἀλέδρασεν – ...в крепости, называемой Дорос и лежащей в стране готов», где оказался не только вне досягаемости византийской администрации, но и получил возможность связаться с каганом Хазарии, который разрешил Юстиниану II поселиться в Фанагории и выдал за него свою сестру [54, с. 155/163; 75, 42,6–8, р. 100, 101]. Феофан также сообщал о том, как Юстиниан II спасался бегством из Херсона: «...καὶ εἰς τὸ Δαρᾶς καταδραμὼν ἠτήσατο τῇ τῶν Χαζάρων Χαγάνῳ συνοψισθῆναι – ...и достигнув Дараса, потребовал свидания с хаганом хазар» [54, с. 39/62; 81, р. 520]. В 705 г. Юстиниан II бежал из Фанагории и с помощью хана булгар Тервеля вновь захватил власть в империи. В 711 г. Юстиниан II предпринял попытку силой вернуть соседние с Херсоном архонтии (климаты). Посланная

Юстинианом II карательная экспедиция под командой патрикия Стефана пленила в Херсоне «Τουδοῦνον δέ, τὸν ἄρχοντα Χερσῶνος ὡς ἐκ προσώπου τοῦ Χαγάνου ὄντα – Тудуна – архонта Херсона, бывшего там от лица Хагана» [54, с. 40/64; 81, р. 527] или «Τουδοῦνον δὲ τὸν Χερσῶνος ἄρχοντα καὶ Ζωῖλον πρωτοπολίτην λεγόμενον καὶ ἑτέρους ἄνδρας τεσσαράκοντα τῶν ἐμφανεστέρων δεσμώτας σὺν γυναιξὶ καὶ παισὶ πρὸς Ἰουστινιανὸν ἔπεμψεν ... Τοὺς δὲ τῶν ἐτέρων προστατεύοντας πολισμάτων ἄνδρας ἄχρι καὶ εἰς εἴκοσι ἀκατίῳ ἐμβαλῶν... – Тудуна – архонта Херсона, Зоила, называемого протополитом, и прочих сорок мужей известных вместе с женами и детьми, связанными послал к Юстиниану ... Он также двадцать мужей управляющих другими городами...» посадил в лодку и утопил [54, с. 156/164; 75, 45,15, р. 108, 109].

В составленном в X в. греческом словаре лексемой «тудун» обозначен наместник у тюрков: «Τουδοῦνοι: Οἱ τοποτηρηταὶ παρὰ Τοῦρκους» [69, S. 763,24]. Титул тудун известен в древнетюркских и китайских источниках (tu-tun – на китайском) [74, S. 318, 319].

Согласно Феофану и Никифору, выдвиженец императора архонт спафарий Илья сменил пленённого хазарского тудуна. Сам факт назначения архонтом Херсона видного военачальника спафария дорифора Ильи дает основание говорить о намерении Юстиниана II не только наказать жителей Херсона и соседних крепостей, но и вернуть регион империи. Вероятно, император включил Херсон и крепости во вновь образованную архонтию. Подобный статус имели некоторые другие укрепленные приморские города в Греции и Албании [83, р. 17]. Для улучшения отношений с каганом Юстиниан II решил вернуть в Херсон тудуна и бывшего главу самоуправления протополита Зоила. Император отправил их в сопровождении патрикия и министра финансов Георгия Сирийца, эпарха города Иоанна и 300 стратиотов под командой турмарха Фракийцев Христофора. Тудун на обратном пути умер.

По Феофану, жители Херсона и других крепостей отреклись от Юстиниана II и провозгласили императором сосланного в город Вардана. Примечательно, что херсонцы, стремясь остаться в составе Византии, не разрешили возглавлявшему при хазарах местное самоуправление протополиту Зоиле вернуться в город. Херсонцы убили Георгия и Иоанна, а протополита Зоилу и турмарха вместе с телом тудуна и стратиотами передали подступившим к городу хазарам. Разгневанный Юстиниан II отправил в Херсон флот во главе с патрикием Мавром. Войска ромеев разбили тараном две городские башни. Призванные на помощь войска хазар заставили ромеев прекратить осаду. Патрикий Мавр и его воины отреклись от Юстиниана II и провозгласили новым императором бежавшего к кагану Вардана, прозванного Филиппиком. Каган потребовал от ромеев дать клятву верности Вардану и уплатить по одному аспру за каждого воина. Вардан с войском патрикия Мавра на кораблях отплыл к г. Византию, сверг и казнил Юстиниана II [54, с. 41/64,65; 75, 45,32–65].

По предположению В. Г. Васильевского, хазары, завладевшие в начале VIII в. Херсоном и Горным Крымом, вскоре (в 711 г.?), «по-видимому», не желая ссориться с Византией, вернули город и Климаты империи [17, с. 388–390]. С В. Г. Васильевским согласился А. А. Васильев [84, р. 87]. Несмотря на отсутствие в письменных источ-

никах каких-либо сведений о возвращении византийской администрации в Климаты после окончательного свержения Юстиниана II или после женитьбы в 732 г. сына императора Льва III Исаврянина на дочери хазарского кагана, предположения В. Г. Васильевского и А. А. Васильева поддержали и некоторые современные историки [54, с. 125, прим. 312; 24, с. 620–621].

Однако содержащиеся в приведенном выше рассказе факты говорят о доминировании хазар в Горном Крыму. Ведь именно к хазарам жители Херсона, Боспора «и других Климатов – καὶ τῶν λοιπῶν κλιμάτων» или «жители Херсона и других крепостей – τότε Χερσῶνος καὶ τῶν λοιπῶν κάστρων» дважды обращались за военной помощью для защиты от карателей Юстиниана II [54, с. 40, 41, 63, 64; 81, р. 520, 527, 528; 86, р. 218–220]. Хазары не только фактически поддержали «лояльного» кандидата на Константинопольский престол, но и вынудили византийские войска захватить для него престол. Поэтому многие историки пришли к выводу о подчинении Горного Крыма хазарами с начала VIII в. [31, с. 286; 61, с. 27–29, 35; 14, с. 196–199, 200, 252–258; 71, р. 60; 36, с. 109, 111; 55, с. 675; 1, с. 185, 187–189; 63, S. 170–183].

Хазары признали принадлежность Херсона империи, но установили свою власть над остальным Крымом и не желали мириться с присутствием крупных византийских войск даже в Херсоне. В отображении происходившего в VIII–X вв. византийцы называли Климаты Херсона Готией и ее Климатами [1, с. 196; 9, с. 74]. Хазары подчинили Климаты Херсона архонту Дороса, которому поручили сбор дани.

В утраченном Горном Крыму Византия активизировала идеологическую и культурную экспансию. В созданном между 815 и 842 г. «Житии Святого Иоанна Готского» сказано об уже существовавшей в 754 г. епархии с кафедрой в Доросе. Ее епископ (Γοτθίας ἐπίσκοπος) на иконоборческом соборе 754 г. подписал решение об отмене иконопочитания и был возведен в сан митрополита Гераклеи Фракийской [67, р. 78–79; 2, с. 617–618; 5, с. 214, 215].

В «Житии Святого Иоанна Готского» идет речь о нежелании прихожан контролируемой хазарами Готии признавать решения иконоборческого собора 754 г. В 755 г. прихожане предложили Иоанна в епископы и послали его в Иверию, где в 758 или 760 г. католикос рукоположил Иоанна в сан епископа. После смерти в 780 г. Льва IV Хазарина, сторонница иконопочитания императрица Ирина позволила Иоанну посетить столицу, где он встречался с патриархом Павлом (780–784 гг.). По словам автора жития, после восстановившего иконопочитание VII Вселенского (II Никейского) собора 787 г., епископа Готии вместе с паствой выдали хазарским властителям. Епископ Иоанн примкнул к заговору «τῷ κυρῷ τῆς Γοτθίας καὶ τοῖς ἄρχουσι αὐτοῦ – господина Готии и ее архонтов» и ее народа против захвата хазарами Готии. Каган ввел «τὸ κάστρον αὐτῶν τὸ λεγόμενον Δόρος – в крепость, называемую Дорос» хазарский военный отряд. Не смирившиеся с этим епископ Готии Иоанн и его паства изгнали хазар из Дороса и «завладели горными проходами – τὰς κλεισοῦρας ἐκράτησεν». Жители одного селения предали архирея. Каган пощадил господина Готии, но казнил «семнадцать рабов – δεκαεπτὰ δὲ δούλους». Иоанна же отправили в хазарскую тюрьму

в Фулы, из которой он бежал в Амастриду, где через четыре года скончался. Епископ Амастриды святой Георгий возглавлял торжественную процессию по отправлению мощей святого Иоанна на родину в Партениты, к месту погребения в монастыре свв. Апостолов Петра и Павла [17, с. 396–398; 67, р. 78–81]. В Партените в 1871 г. Д. М. Струков раскопал предалтарную часть базилики. В вымостке пола Партенитской базилики нашли плиту с надписью, сообщающей о возобновлении митрополитом города Феодоро и Готии Дамианом в 1427 г. храма Апостолов Петра и Павла, основанного «...архиепископом города Феодоро и всея Готии Иоанном Исповедником...» [33, с. 77, 78, № 70]. Н. И. Репников исследовал храм, раскрыв трехнефную трехапсидную базилику с резными мраморными капителями и мозаиками. Судя по выявленной в раскопе стратиграфии, храм дважды разрушали (в конце X в. и в 1475 г.) и восстанавливали в 1472 г. и в XVI в. [37, с. 91–137].

Изложенная в житии последовательность событий противоречит данным протоколов VII Вселенского (II Никейского) собора. Как установил изучавший протоколы Э. Ламберц, их подписал монах Кирилл по поручению епископа Готии Никиты, а в более позднее время в один из протоколов дописали имя Иоанна [72, S. 31, 46, 47]. Учитывая вывод Э. Ламберца, следует предположить, что Иоанн отсутствовал на заседаниях собора, поскольку он уже находился в хазарской тюрьме. Очевидно, епископ Иоанн участвовал в восстании против хазар не по окончании заседаний VII Вселенского (II Никейского) собора, а до его созыва (но после 784 г.). Восстание против хазар могло произойти в период после возвращения Иоанна из Константинополя в 784 г. и до созыва VII Вселенского собора в 787 г. Новым епископом Готии назначили Никиту. Его и представлял на заседаниях собора монах Кирилл [2, с. 619].

Несмотря на ведущую роль в восстании епископа Готии, каган не препятствовал деятельности Константинопольской патриархии в традиционно христианских регионах Хазарии. Хранящаяся в архиве ИИМК (Санкт-Петербург) фотография строительной надписи из Эски-Кермена [5, с. 219–220] «В царствован[и]е (?) .ута хагана, Иза (?)тудуна, воздвигнут храм Божий 14 апреля...» [18, № V 226], показывающая толерантное отношение правителей Хазарии к населению Готии. Вероятно, зафиксированный в Нотиици 3 свода Жана Даррузеса [69, р. 31, 232], составленной после Седьмого Вселенского собора между 787 и 805 г. [56, с. 402–405] проект преобразования Готской епархии в метрополию отражает стремление Константинополя через Готию распространить христианство в других регионах Хазарии.

Агиографические источники подтверждают сохранение во второй период иконоборчества клириками и паствой Готской епархии приверженности к иконопочитанию. В написанном между 821 и 826 г. ответном письме архимандриту Готии Филарету Федор Студит обличал нарушителей правил монашеской жизни в монастырях Готии [80, № 486, S. 443–444, 714–716]. Интересен сам факт обращения архимандрита Готии с просьбой разрешить спор к опальному во второй период иконоборчества духовному вождю иконопочитателей. В составленном в 816 г. житии поборника иконопочитания Святого Стефана Нового дан совет монахам после со-

бора 754 г. искать убежище в регионе близ Херсона [66, р. 125,19, 219]. А. А. Васильев, А. Л. Якобсон и другие используют данные свидетельства для доказательства массовой эмиграции в период иконоборчества монахов-иконопочитателей в Готию и связывают с этим событием возникновение в горах новых пещерных монастырей в Шулдане, Качи-Кальоне и других [84, р. 88, 89; 61, с. 32–33]. Однако М.-Ф. Озепи отметила весьма приблизительное отражение в тексте жития Стефана Нового ситуации времени его создания [65, р. 283]. Достоверно известно только о создании во второй половине VIII в. монастыря в Партенидах.

Нарративные источники свидетельствуют о сохранении в Готии после подавления антихазарского восстания уже существовавшей административной системы. В «Житии Святого Иоанна Готского» отмечены страна Готов (χώρας τῶν Γότθων), господин Готии (κύριος τῆς Γοτθίας), архонты крепостей и крепость, называемая Дорос (τὸ κάστρον αὐτῶν τὸ λεγόμενον Δόρος) [67, р. 78–81; 2, с. 617–618]. Феодор Студит в 808 г. упоминал архонта Готии и ее климатов (Γοιθία καὶ τοῖς κλίμασιν αὐτῆς) [80, Vol. I, Еπιστ. 31, 95, р. 84, 88; 86, р. 106], а Игнатий (умер вскоре после 845 г.) в житии патриарха Никифора (808–815 гг.) писал о правителе народа Таврических климатов [85, Т. 100, Р. Col. 72]. Патриарх Никифор в 808 г. в Константинополе встречался с правителем Готии [73, р. 37, п. 377a]. Должности архонт или «господин Готии (κύριος τῆς Γοτθίας)» и «правитель народа Таврических климатов» отсутствуют в византийских табелях о рангах.

Следует отметить, что лишь однажды в «Житии Святого Иоанна Готского» в рассказе о казни хазарами, участвовавших в восстании «δὲ δούλους – рабов», очевидно шла речь о крестьянах.

В рассмотренных нарративных источниках упомянуты расположенные на Внутренней гряде Крымских гор столица Готии **φρούριον** или **κάστρον** Дорос, а также безымянные другие населенные пункты – **κάστρον** или двадцать **πόλισμάτων** (gen pl. от **πόλισμα** – город). Скорее всего, город (**πόλισμα**) находился на каждом из трех плато (Эски-Кермен, Бакла, Чуфут-Кале) и на других останцах Внутренней гряды. Можно предположить, что Никифор писал о двадцати архонтах городов и поселений Климатов. По словам А. П. Каждана, византийцы в рассказах о первой четверти IX в. лексемой **κάστρον** именовали как большие и маленькие поселения Фракии и Македонии, так и приграничные и другие крепости и города, например, Авидос и Адрианополь [27, с. 176]. Он считает лексемы **κάστρον**, **πόλις** и **πόλισμα** взаимозаменяемыми [82, Vol. 3, р. 1692]. По заключению М. Я. Сюзюмова, центральная власть признавала **κάστρον** городом (**πόλις** и **πόλισμα**), в котором выполнялись какие-либо управленческие – государственные и церковные – функции. По его мнению, поскольку в обстановке постоянной военной опасности ни один город не мог существовать без солидных укреплений, равно как ни один военный центр не мог обходиться без соответствующего развития экономики, то в терминологии источников VII – середины IX в. наименования «кастрон» и «полис» переплетаются [43, с. 40]. Об эквивалентности терминов **κάστρα** (крепость) и **πολίματα** писал и К. Цукерман [86, р. 218, note 28].

Наше представление о городах Готии дополняют материалы археологических раскопок.

Φρούριον или κάστρον Δόρος на плато Мангуп. В хазарский период Дорос был столицей Готии. В городе находилась резиденция епископа Готии. По мнению А. Г. Герцена и В. Е. Науменко, Дорос являлся крепостью-убежищем для относительно немногочисленного населения, с редкими усадьбами и хозяйственными комплексами, сосредоточенными в основном в северо-восточной части Мангупского плато. Они отнесли к хазарскому периоду вырубленные в скале тарапаны, свидетельствующие о занятии населения виноградарством и экспортным виноделием [24, с. 624–626]. В ходе восстания против хазар боевые столкновения происходили лишь в Доросе и клисурах. Захватившие Дорос хазары разрушили участки городских оборонительных стен. В конце VIII в. в Доросе ремонтировались разрушенные хазарами оборонительные стены. Видимо, одновременно восстановили кафедральный храм Готской епархии, а на руинах крещальни построили храм [50, с. 382–386].

Πόλις на плато Эски-Кермен. В хазарский период на плато продолжалась жизнедеятельность в возведенных в предшествующий период жилых кварталах, и функционировала базилика [3, с. 137]. Немногочисленные находки этого периода встречены и в слоях, перемещенных жителями Эски-Кермена к оборонительным стенам [5, с. 218–221]. Ф. И. Шмит синхронизировал с подавлением хазарами в конце VIII в. восстания под руководством епископа Иоанна Готского слой пожара, обнаруженный при зачистке притвора и центрального нефа базилики [57, с. 223, 253]. Однако слой разрушения, выявленный в помещениях усадеб, раскрытых на главной улице и на противоположной от западной стены базилики стороне площади, образовался не в конце VIII в., а в конце XIII в. [5, с. 214–239; 10, с. 277–304; 6, с. 240–277; 53, с. 27–31].

Как установлено в результате раскопок восточной оборонительной стены, ее внутреннюю сторону засыпали в конце VIII в., вполне вероятно, по приказу хазарского военачальника. На вновь образованной дневной поверхности соорудили усадьбу. Участок ее двора с ямами для четырех пифосов для хранения зерна и северо-восточную часть прямоугольного подвала, вплотную пристроенного к внутренней облицовке оборонительной стены, зачистили в 2006 г. Северо-восточный борт котлована подвала был облицован кладкой, сооруженной в перевязь с плитой перекрытия оборонительной стены [5, с. 218].

Судя по раскопаным на территории некрополя на юго-восточном склоне плато многочисленным захоронениям хазарского времени, численность населения города, по крайней мере, не сократилась. На плато Эски-Кермен в исследованных с 2003 г. усадьбах этого периода имелись зернохранилища, кормушки для домашних животных. В двух усадьбах раскрыты тарапаны [5, с. 219–222]. Жители города на плодородных землях в прилегающих к плато долинах выращивали злаки, возделывали сады и виноградники, а также содержали домашний скот.

Πόλις на горе Бакла. Проводившие на плато раскопки Д. Л. Талис и В. Е. Рудаков раскрыли в примыкающем к цитадели посаде дома, отнесенные ими по ке-

рамике к VIII–IX вв. [44, с. 60–61; 38, с. 25–28; 39, рис. 2,1,3–5]. К сожалению, в публикациях и отчетах авторы не отразили зафиксированную в помещениях стратиграфию и не указали из каких построек происходят комплексы керамики. По публикациям можно лишь с уверенностью говорить об активной жизнедеятельности на плато в хазарский период.

В 600 м от подножия склона Баклы находится одновременное поселение. На его территории раскрыты строительные остатки однефного храма с притвором. В зачищенных в храме и рядом с ним плитовых могилах найдены салтовские перстень со стеклянной вставкой, подвеска и украшения VIII–IX вв. [40, с. 40]. В храме и рядом с ним зачищены гробницы, сложенные из грубо обтесанных блоков местного известняка. В гробнице, изученной мною вместе с И. А. Барановым в 1984 г. на храмовом некрополе, на блоках боковой стены врезано граффити [42, с. 642–643]: «+Υπὲρ μνήμης (καὶ) ἀναλαύσεως τοῦ δούλου σου Θεωδώρα (καὶ) τῆς συβίου αὐτοῦ Τζᾶλ βανδᾶ, ἀμήν – +Ради памяти и вечного покоя раба твоего Феодора и жены его Чал мастерил. Аминь!». На другом блоке из склепа врезаны буквы двухстрочного граффити ...ΟΤΑΧΙ... ΜΑΝ... и фигура лошади. На полу лежали кости четырех погребенных по христианскому обряду, фрагменты стеклянного бокала, бронзовые салтовские поясные пряжка, наколочник и бляшка второй половины VIII – IX в. и другие вещи, типичные для готов и алан. В склепе, несомненно, погребены местные аланы.

Πόλισμα на плато Чуфут-Кале. Достоверные свидетельства продолжения жизнедеятельности на плато обнаружены только в погребальных сооружениях на расположенному ниже по склону могильнике. Отмечу позолоченное подражание солидам Константина V 741–751 гг. из склепа 110 [30, с. 110, 114, рис. 44,3,4].

А. Л. Бертье-Делагард, А. А. Васильев и другие локализовали на Чуфут-Кале известное по агиографическим источникам поселение Фулы [16, с. 91, 127; 84, р. 98]. Как явствует из текста «Жития Святого Иоанна Готского», Фулами был приморский город, которым управлял хазарин, назначенный каганом. В тексте жития «ὁ κύριος τῶν αὐτῶν Φούλων – правитель (господин) тех же самых Фул» освобождает из хазарской тюрьмы Святого Иоанна [67, р. 84–85]. Поскольку Чуфут-Кале расположен далеко от моря в горах, то Фулы следует локализовать на холме Тепсень в современном Коктебеле [1, с. 215].

Второй этап завершился в 841 г. с возвращением Готии в состав Византии и включением региона в созданную императором Феофилом фему Климатов [86, р. 214–215; 11, с. 10].

Рассмотренные письменные источники и материалы археологических раскопок позволяют аргументировать хронологию первых двух периодов истории эволюции городов на Внутренней гряде Крымских гор: 1) ранневизантийский – 582 г. – начало VIII в. и 2) хазарский – начало VIII в. – 841 г.

Суммируя вышесказанное, следует отметить, что в начале VI в. в регионе известен только *oppidum* или *civitatium Dory*. В переводе с латыни обе лексемы оз-

начают укрепление, город или крепость. Очевидно, укрепления соорудили готы, жившие на плато с середины III в.

В ранневизантийский период в конце VI в., после включения области Дори в состав пограничной провинции империи, выполнявшие государственную программу военные инженеры построили укрепления и храм в крепости (κάστρον) Δόρος, а на горах Эски-Кермен и Бакла – разнотипные укрепленные города (πόλις). Если на большей части незаселенного плато Эски-Кермен инженеры сразу спланировали и в короткий срок соорудили укрепления, подъездные дороги, ворота, калитки, храм, улицы и другие объекты, то на уже заселенном террасе плато Бакла – только цитадель.

В хазарский период Δόρος, несмотря на восстание и оккупацию хазарами, сохранил статус столицы Готии и епископскую кафедру. На Эски-Кермене, вероятно, архонт руководил застройкой города по единому плану, а на Бакле рядом с цитаделью создается так называемый «посад», на территории которого возводят жилые дома. Наступившая в конце VIII в. стабильность в Горном Крыму способствовала росту основных отраслей экономики городов: земледелия, виноделия, скотоводства и ремесел. Архонты городов на Эски-Кермене и Бакле, так же, как и ранее выполняли управленческие государственные и церковные функции в своих Климатах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
2. Айбабин А.И. Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 615–626.
3. Айбабин А.И. Проблемы хронологии византийской крепости на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 129–150.
4. Айбабин А.И. Ранневизантийские воинские фибулы с подвязной ножкой из Юго-Западного Крыма // АДСВ. 2009. Т. 39. С. 60–70.
5. Айбабин А.И. Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 214–239.
6. Айбабин А.И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 240–277.
7. Айбабин А.И. О локализации области Дори // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 311–332.
8. Айбабин А.И. О реформе системы управления владениями Византии в Крыму в последней четверти VI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22, № 5. С. 38–45. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.4>.
9. Айбабин А.И. О дате образования Крымской Готии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 5. С. 71–78. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.5.6>.
10. Айбабин А.И. Раскопки усадьбы 2 в квартале I на городище на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 277–304.
11. Айбабин А.И. Топоним климаты в средневековом Крыму // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 6. С. 6–17. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.1>
12. Айбабин А.И. Изучение центральной части города на плато Эски-Кермен // Итоги археологических исследований центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. Симферополь: Антиква, 2021. С. 5–25. (Материалы эски-керменской экспедиции. Вып. I).
13. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 366 с.
14. Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 522 с.
15. Бармина Н.И. Мозаики и фрески мангупской базилики // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 89–106.
16. Бертъе-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоумённых вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. Симферополь, 1920. № 57. С. 1–135.
17. Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // Труды. Том II. Вып. 2. СПб.: Императорская Академия Наук, 1912. С. 351–427.
18. Виноградов А. Византийские надписи Северного Причерноморья // *Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*. Vol. V. Лондон, 2015. URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/index-ru.html> (дата обращения: 07.10.2021).
19. Герцен А.Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 94–112.
20. Герцен А.Г., Алексеенко Н.А. Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале // АДСВ. 2002. Вып. 33. С. 59–65.
21. Герцен А.Г., Манаев А.Ю. Демир-Капу (укрепление А.XIX) в системе оборонительных сооружений Мангупа // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 314–345.
22. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Еще раз о дате возникновения крепости на плато Чуфут-Кале // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму / Ред. Ю.М. Могаричев. Симферополь: Таврия, 1992. С. 182–193.
23. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Кырк-Ер – Чуфут-Кале. Крепость на краю седьмого климата. Симферополь: Антиква, 2016. 312 с.

24. Герцен А.Г., Науменко В.Е. К изучению истории Мангупа VIII–XI вв. Состояние источниковой базы и перспективы исследований // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 615–640.
25. Гийу А. Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005. 546 с.
26. Динчев В. Ранновизантийские крепости в България и съседните земи (в диоцезите Thracia и Dacia). София: АИМ БАН, 2006. 140 с. (Разкопки и проучевания. Кн. 35).
27. Каждан А.П. Византийские города в VII–XI вв. // СА. 1954. XXI. С. 164–188.
28. Кеппен П.И. О древностях Южного Берега и гор Таврических. СПб.: Императорская Академия наук, 1837. 409 с.
29. Кропоткин В.В. Из истории средневекового Крыма // СА. 1958. XXVIII. С. 198–218.
30. Кропоткин В.В. Могильник Чуфут-Кале в Крыму // КСИА. 1969. Вып. 100. С. 108–115.
31. Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 3: (602–717). Киев: Типо-лит. С.В. Кульженко, 1915. 457 с.
32. Курбатов Г.Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. (конец античного города в Византии). Л., 1971. 220 с.
33. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. 143 с.
34. Латышев В.В. Эпиграфические новости из южной России // ИАК. Петроград, 1918. Вып. 65. С. 9–21.
35. Моисеев Л.А. Раскопки в Мангупе // Отчет Археологической комиссии за 1913–1915 годы. Петроград, 1918. С. 72–84.
36. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 256 с.
37. Репников Н.И. Партенитская базилика // ИАК. СПб., 1909. Вып. 32. С. 91–137.
38. Рудаков В.Е. Исследования Баклинского городища в 1971–1972 гг. // АДСВ. 1975. Вып. 11. С. 23–29.
39. Рудаков В.Е. Элементы салтово-маяцкой культуры на посаде Баклинского городища // АДСВ. 1979. Вып. 16. Социальное развитие Византии. С. 105–111.
40. Рудаков В.Е. Христианские памятники Баклы. Храмовый комплекс X–XIII вв. // АДСВ. 1984. Вып. 21. С. 35–57.
41. Сидоренко В.А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 105–118.
42. Сидоренко В.А. Средневековая надпись с именем Τζῶλ из баклинского склепа // МАИЭТ. 1997. Вып. VI. С. 642–645.
43. Сюзюмов М.Я. Византийский город (середина VII – середина IX в.) // ВВ. 1967. Т. 27. С. 38–70.
44. Талис Д.Л. Раскопки Баклинского городища в 1961–1965 гг. // КСИА. 1969. Вып. 120. С. 57–63.
45. Талис Д.Л. Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974. С. 89–113.
46. Талис Д.Л. Городище Тепе-Кермен // КСИА. 1977. Вып. 148. С. 98–104.
47. Талис Д.Л. Материалы к экономической и социальной истории Юго-Западного Крыма (цитадель Баклинского городища) // Античный и средневековый город. Свердловск, 1981. С. 64–72.
48. Талис Д.Л. Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории Горного Крыма в IV–IX вв. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982. С. 57–62.
49. Тиханова М.А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. 1953. № 34. Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). С. 319–333.
50. Тиханова М.А. Базилика // МИА. 1953. № 34. Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). С. 334–389.
51. Хайрединова Э.А. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 91–133.
52. Хайрединова Э.А. Каменоломня на подъемной дороге городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 193–207.
53. Хайрединова Э.А. Археологические раскопки центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 г. // Итоги археологических исследований центральной части города на плато

- Эски-Кермен в 2018–2020 гг. Симферополь: Антиква, 2021. С. 26–143. (Материалы эски-керменской экспедиции. Вып. I).
54. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: “Хронография” Феофана, “Бревиарий” Никифора. М.: Наука, 1980. 216 с.
55. Цукерман К. Венгры в стране Леведия: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 гг. // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 663–688.
56. Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным *Notitiae episcopatum* // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 399–435.
57. Шмит Ф.И. Эски-Керменская базилика // ИГАИМК. 1932. Вып. XII. С. 213–254.
58. Якобсон А.Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму // СА. 1940. VI. С. 205–226.
59. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 338 с. (МИА. № 17).
60. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес: Очерки истории материальной культуры. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 364 с. (МИА. № 63).
61. Якобсон А.Л. Средневековый Крым. М.; Л.: Наука, 1964. 232 с.
62. Якобсон А.Л. О раннесредневековых крепостных стенах Чуфут-Кале // КСИА. 1974. Вып. 140. С. 110–114.
63. Ajbabin A.I. Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit. Mainz, 2011. 318 S. (Monographien der RGZM. Band 98).
64. Ajbabin A.I. Die mittelalterliche Siedlung auf dem Plateau Ėski Kermen // Die Höhsiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch am Nordrand des Byzantinischen Reiches / Hrsg. S. Albrecht, F. Daim, M. Herdik. Mainz, 2013. S. 165–222. (Monographien der RGZM. Band 113).
65. Auzépy M.-F. (ed.). *La Vie d'Étienne le Jeune par Étienne le Diacre*. Introduction, édition et traduction. Aldershot: Variorum, 1997. 357 p. (Birmingham Byzantine and Ottoman Monographs, 3).
66. Auzépy M.-F. *L'hagiographie et l'icoclisme byzantin. Le cas de la Vie d'Étienne le Jeune*. London: Routledge, 1999. 368 p. (Birmingham Byzantine and Ottoman Monographs, 5).
67. Auzépy M.-F. *La vie de Jean de Gothie (BHG 891) // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar*. Paris: Assoc. des amis du Centre d'histoire et civilisation de Byzance, 2006. P. 69–86.
68. Bouras Ch. *City and Village: Urban Design and Architecture // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. Wien, 1981. 31/2. XVI. Internationaler Byzantinistenkongress. Acten 1/2. P. 611–653.
69. Darrouzès J. *Notitiae Episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae*. Paris: Institut Français d'Études Byzantines, 1981. 521 p.
70. *Etymologicon Magnum* / Ed. Th. Gaisford. Oxonii Typographeo academico, 1848. 1388 S.
71. Golden P.B. *Khazar Studies: An Historio-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars*. Vol. 1–2. Budapest: Akademiai Kiado, 1980. 291 p.
72. Lamberz E. *Die Bischofslisten des VII. Ökumenischen Konzils (Nicaenum II)*. München, 2004. 88 S. (Bayerische Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse, Abhandlungen N.F. 124).
73. *Les régestes des actes du Patriarcat de Constantinople*. Vol. I. *Les Actes des Patriarches*. Fasc. 2–3. *Les Regestes de 715 à 1206* / Eds. J. Darrouzès, V. Grumel. Paris, 1989.
74. Moravesik Gy. *Byzantinoturcica*. II. Berlin: Akademie Verlag, 1958. 376 S.
75. Nikephoros patriarch of Constantinople short history / Text, transl. and comment. by C. Mango. Washington, 1990. 247 p.
76. Ohme H. *Das Concilium Quinisextum und seine Bischofsliste: Studien zum Konstantinopeler Konzil von 692*. Berlin; New York: De Gruyter, 1990. 425 p.
77. Ousterhout R. G. *Secular Architecture // The Glory of Byzantium* / Eds. H.C. Evans, W.D. Wixom. New York, 1997. P. 192–217.
78. *Prisciani Grammatici Caesariensis. Institutionum Grammaticarum* / Ed. M. Hertzii. Leipzig, 1855. Libri XVIII. 288 p.
79. *Procopius. On Buildings* / Transl. by H.B. Dewing, G. Downey. Loeb Classical Library. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1940.

80. Theodori Studitae. Epistulae / Rec. G. Fatouros. Berolini, Novi Eboraci, 1992. (Corpus fontium historiae Byzantinae. Vol. 31. Ser. Berolinensis).
81. The Chronicle of Theophanes Confessor: Byzantine and Near Eastern History AD 284–813 / text, transl. and comment. by C. Mango, R. Scott. Oxford: Clarendon Press, 1997. 747 p.
82. The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A.P. Kazdan. New York, Oxford, 1991. Vol. 1–3.
83. Treadgold W. The Byzantine Revival 780–842. Stanford, 1988. 504 p.
84. Vasiliev A.A. The Goth in the Crimea. Cambridge, MA: The Medieval Academy of America, 1936. 292 p.
85. Vita Sancti Nicephori ex Actis Sanctorum Bollandianis // Migne J.P. Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca. 1865.
86. Zuckerman C. Short notes. Two notes on the early history of the thema of Cherson // Byzantine and Modern Greek Studies. Birmingham, 1997. Vol. 21. P. 217–219.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma* [Ethnic history of the early Byzantine Crimea]. Simferopol, Dar Publ., 1999, 352 p.
2. Aibabin A.I. Some Aspects of the History of Gothian Diocese of the South-Western Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2006, vol. 12, pp. 615–626.
3. Aibabin A.I. Problems on Chronology of Byzantine Fortress on Eski-Kermen Plateau. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2007, vol. 13, pp. 129–150.
4. Aibabin A.I. Early Byzantine military fibulas with a returned foot from the South-Western Crimea. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2009, vol. 39, pp. 60–70.
5. Aibabin A.I. Site on the Plateau of Eski-Kermen during the Period of Khazars' Predominance in Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2010, vol. 16, pp. 214–239.
6. Aibabin A.I. City on the Plateau of Eski-Kermen in XIII century. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2014, vol. 19, pp. 240–277.
7. Aibabin A.I. On the Location of the Region of Dory. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2015, vol. 20, pp. 311–332.
8. Aibabin A.I. On the reform of the administrative system of Byzantium's possessions in the Crimea in the last quarter of the 6th century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriiia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 5, pp. 38–45. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.4>.
9. Aibabin A.I. About the date of the Crimean Gothia creation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriiia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 5, pp. 71–78. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.5.6>.
10. Aibabin A.I. The Excavation of Urban House 2 in Quarter I at Eski-Kermen Plateau. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2018, vol. 23, pp. 277–304.
11. Aibabin A.I. Toponym klimata in the Medieval Crimea. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriiia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 6–17. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.1>
12. Aibabin A.I. Research the central part of the city on the Eski-Kermen plateau. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. (eds.), *Itogi arkheologicheskikh issledovanii tsentral'noi chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2018–2020 gg.* [Results of archaeological research of the central part of the city on the Eski-Kermen plateau in 2018–2020], Simferopol, Antikva Publ., 2021, pp. 5–25.

13. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Krymskie goty strany Dori (seredina III – VII v.)* [Crimean Goths in the region of Dory (mid-third to seventh century)]. Simferopol, Antikva Publ., 2017, 366 p.
14. Artamonov M.I. *Istoriia khazar* [The history of the Khazars]. Leningrad, Ermitazh Publ., 1962, 522 p.
15. Barmina N.I. Mosaics and frescoes of the Basilica of the Mangup. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2017, vol. 22, pp. 89–106.
16. Bert'e-Delagard A.L. Investigation of some puzzled questions of the Middle Ages in Taurida. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [News of the Tauride Scientific Archival Commission], Simferopol, 1920, vol. 57, pp. 1–135.
17. Vasil'evskii V.G. The Life of John of Gothic. *Trudy* [The works of V.G. Vasilievsky], Tom 2, vol. 2, St.-Petersburg, Akademiia Nauk Publ., 1912, pp. 351–427.
18. Vinogradov A. Byzantine Inscriptions from the Northern Black Sea. *Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*. Vol. V. London, 2015. URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/index-ru.html>.
19. Gertsen A.G. Doros-Theodoro (Mangup): from an early Byzantine fortress to a feudal city. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2003, vol. 34, pp. 94–112.
20. Gertsen A.G., Alekseenko N.A. Byzantine molivdovul from the excavations of Mangup-Kale. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2002, vol. 33, pp. 59–65.
21. Gertsen A.G., Manaev A.Iu. Demir-Kapu (Fortification A. XIX) in the System of Defensive Constructions of Mangup. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2005, vol. 11, pp. 314–345.
22. Gertsen A.G., Mogarichev Iu.M. Once again about the date of the emergence of the fortress on the Chufut-Kale plateau. Mogarichev Iu.M. (ed.), *Problemy istorii "peshchernykh gorodov" v Krymu* [Problems of the history of "cave cities" in Crimea], Simferopol, Tavriia Publ., 1992, pp. 182–193.
23. Gertsen A.G., Mogarichev Iu.M. *Kyrk-Er – Chufut-Kale. Krepost' na kraiu sed'mogo klimata* [Kyrk-Er - Chufut-Kale. A fortress on the edge of the seventh Klimata]. Simferopol, Antikva Publ., 2016, 312 p.
24. Gertsen A.G., Naumenko V.E. For the Study in the History of Mangup from the Eighth to the Eleventh Century: The Condition of Sources and Perspectives for Research. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2018, vol. 23, pp. 615–640.
25. Guillou A. *Vizantiiskaia tsivilizatsiia* [Byzantine civilization]. Ekaterinburg, 2005, 546 p.
26. Dinchev V. *Rannovizantiiskite kreposti v Bŭlgaria i sŭsednite zemi (v diotsezite Thracia i Dacia)* [Early Byzantine Fortresses in Bulgaria and its neighbouring territories (in the Dioceses of Thracia and Dacia)]. Sofia, AIM BAN Publ., 2006, 140 p.
27. Kazhdan A.P. Byzantine cities in the 7th–11th centuries. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet archaeology], 1954, XXI, pp. 164–188.
28. Keppen P.I. *O drevnostiakh Iuzhnogo Berega i gor Tavricheskikh* [About the antiquities of the South Coast and the Tauride Mountains]. St.-Petersburg, Akademiia nauk Publ., 1837, 409 p.
29. Kropotkin V.V. From the history of the medieval Crimea. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet archaeology], 1958, XXVIII, pp. 198–218.
30. Kropotkin V.V. Chufut-Kale cemetery in Crimea. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief communications of the Institute of archaeology], 1969, vol. 100, pp. 108–115.
31. Kulakovskii Iu.A. *Istoriia Vizantii* [History of Byzantium]. T. 3: (602–717). Kiev, 1915, 457 p.
32. Kurbatov G.L. *Osnovnye problemy vnutrennego razvitiia vizantiiskogo goroda v IV–VII vv. (konets antichnogo goroda v Vizantii)* [The main problems of the internal development of the Byzantine city in the 4th–7th centuries (end of the ancient city in Byzantium)]. Leningrad, 1971, 220 p.
33. Latyshev V.V. *Sbornik grecheskikh nadpisei khristianskikh vremen iz Iuzhnoi Rossii* [Collection of Greek Inscriptions of Christian Times from Southern Russia]. St.-Petersburg, 1896, 143 p.
34. Latyshev V.V. Epigraphic news from Southern Russia. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii* [Bulletin of the Imperial Archaeological Commission], Petrograd, 1918, vol. 65, pp. 9–21.
35. Moiseev L.A. Excavations in Mangup. *Otchet Arkheologicheskoi komissii za 1913–1915 gg.* [Report of the Archaeological Commission for 1913–1915], Petrograd, 1918, pp. 72–84.

36. Novosel'tsev A.P. *Khazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoi Evropy i Kavkaza* [Khazar state and its role in the history of Eastern Europe and the Caucasus]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 256 p.
37. Repnikov N.I. The Partenit Basilica. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii* [Bulletin of the Imperial Archaeological Commission], St.-Petersburg, 1909, vol. 32, pp. 91–137.
38. Rudakov B.E. Exploration of the city of Bakla in 1971–1972. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 1975, vol. 11, pp. 23–29.
39. Rudakov B.E. Elements of Saltovo-Mayak culture at the trading quarter of Bakla. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 1979, vol. 16, pp. 105–111.
40. Rudakov B.E. Christian monuments Bakla. Church complex 10th–13th centuries. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 1984, vol. 21, pp. 35–57.
41. Sidorenko V.A. Procopis of Caesarea's "Goths" in the Region of Dory and the "Long Walls" in the Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 1991, vol. 2, pp. 105–118.
42. Sidorenko V.A. The medieval inscription with name Τζάλ from the cemetery Bakla. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 1997, vol. 6, pp. 642–645.
43. Siuziumov M.Ia. Byzantine city (mid-7th – mid-9th century). *Vizantiiskii vremennik* [Byzantine temporary book], 1967, vol. 27, pp. 38–70.
44. Talis D.L. Excavations of the Bakla settlement in 1961–1965. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief communications of the Institute of archaeology], 1969, vol. 120, pp. 57–63.
45. Talis D.L. Defensive structures of South-West Taurica as a historical source. *Arkheologicheskie issledovaniia na iuge Vostochnoi Evropy* [Archaeological research in the south of Eastern Europe], Moscow, 1974, pp. 89–113.
46. Talis D.L. Tepe-Kermen city. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief communications of the Institute of archaeology], 1977, vol. 148, pp. 98–104.
47. Talis D.L. Materials for the economic and social history of Southwestern Crimea (the citadel of the city of Bakla). *Antichnyi i srednevekovyi gorod* [Antique and medieval city], Sverdlovsk, 1981, pp. 64–72.
48. Talis D.L. Ceramic complex of the city of Bakla as a source on the ethnic history of the Mountain Crimea in the 4th–9th centuries. *Arkheologicheskie issledovaniia na iuge Vostochnoi Evropy* [Archaeological research in the south of Eastern Europe], Moscow, 1982, pp. 57–62.
49. Tikhanova M.A. Doros-Feodoro in the history of medieval Crimea. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* [Materials and research on the archaeology of the USSR], 1953, no. 34, pp. 319–333.
50. Tikhanova M.A. Basilica. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* [Materials and research on the archaeology of the USSR], 1953, no. 34, pp. 334–389.
51. Khairedinova E.A. Woman's costume with Southern-Crimean eagle-headed buckles. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2000, vol. 7, pp. 91–133.
52. Khairedinova E.A. A Quarry on the Road Ascending to the Ancient Town of Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2016, vol. 21, pp. 193–207.
53. Khairedinova E.A. Archaeological excavations of the central part of the city on the Eski-Kermen plateau in 2018–2020. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. (eds.), *Itogi arkheologicheskikh issledovaniit sentral'noi chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2018–2020 gg.* [Results of archaeological research of the central part of the city on the Eski-Kermen plateau in 2018–2020], Simferopol, Antikva Publ., 2021, pp. 26–143.
54. Chichurov I.S. *Vizantiiskie istoricheskie sochineniia: "Khronografiia" Feofana, "Breviarii" Nikifora* [Byzantine historical works: "Chronography" of Theophanes, "Breviaries" of Nicephorus]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 216 p.
55. Zuckerman C. Hungarians in the country of Lebedia: a new state on the borders of Byzantium and Khazaria about 836–889. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 1998, vol. 6, pp. 663–688.

56. Zuckerman C. Byzantium's Pontic Policy in the Notitiae episcopatum. *Materials po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2010, vol. 16, pp. 399–435.
57. Shmit F.I. The Eski-Kermen Basilica. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Bulletin of the State Academy of the History of Material Culture], 1932, vol. 12, pp. 213–254.
58. Iakobson A.L. From the history of medieval architecture in Crimea. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet archaeology], 1940, VI, pp. 205–226.
59. Iakobson A.L. *Srednevekovi Kherones (XII–XIV vv.)* [Medieval Chersonese (12th–14th centuries)]. Moscow, Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1950, 338 p.
60. Iakobson A.L. *Rannesrednevekovi Kherones: Ocherki istorii material'noi kul'tury* [Early Medieval Chersonesos: Essays on the History of Material Culture]. Moscow, Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1959, 364 p.
61. Iakobson A.L. *Srednevekovi Krym* [Medieval Crimea]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964, 232 p.
62. Iakobson A.L. About the early medieval fortress walls of Chufut-Kale. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief communications of the Institute of archaeology], 1974, vol. 140, pp. 110–114.
63. Ajbabin A.I. *Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit*. Mainz, RGZM, 2011, 318 p.
64. Ajbabin A.I. Die mittelalterliche Siedlung auf dem Plateau Ėski Kermen. Albrecht S., Daim F., Herdik M. (Hrsg.), *Die Höhsiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch am Nordrand des Byzantinischen Reiches*. Mainz, RGZM, 2013, pp. 165–222.
65. Auzépy M.-F. (ed.). *La Vie d'Étienne le Jeune par Étienne le Diacre. Introduction, édition et traduction*. Aldershot, Variorum, 1997, 357 p.
66. Auzépy M.-F. *L'hagiographie et l'iconoclasme byzantin. Le cas de la Vie d'Étienne le Jeune*. London, Routledge, 1999, 368 p.
67. Auzépy M.-F. La vie de Jean de Gothie (BHG 891). *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar*, Paris, Assoc. des amis du Centre d'histoire et civilisation de Byzance, 2006, pp. 69–86.
68. Bouras Ch. City and Village: Urban Design and Architecture. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, Wien, 1981, 31/2. XVI. Internationaler Byzantinistenkongress. Acten 1/2, pp. 611–653.
69. Darrouzès J. *Notitiae Episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae*. Paris, Institut Français d'Études Byzantines, 1981, 521 p.
70. Gaisford Th. (ed.). *Etymologicon Magnum*. Oxonii Typographeo academico, 1848, 1388 p.
71. Golden P.B. *Khazar Studies: An Historio-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars*. Vol. 1–2. Budapest, Akademiai Kiado, 1980, 291 p.
72. Lamberz E. *Die Bischofslisten des VII. Ökumenischen Konzils (Nicaenum II)*. Bayerische Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse, Abhandlungen N.F. 124. München, 2004, 88 p.
73. Darrouzès J., Grumel V. (eds.). *Les régestes des actes du Patriarcat de Constantinople. Vol. I. Les Actes des Patriarches. Fasc. 2–3. Les Regestes de 715 à 1206*. Paris, 1989.
74. Moravcsik Gy. *Byzantinoturcica. II*. Berlin, Akademie Verlag, 1958, 376 p.
75. *Nikephoros patriarch of Constantinople short history*. Text, transl. and coment. by C. Mango. Washington, 1990, 247 p.
76. Ohme H. *Das Concilium Quinisextum und seine Bischofsliste: Studien zum Konstantinopeler Konzil von 692*. Berlin, New York, De Gruyter, 1990, 425 p.
77. Ousterhout R. G. Secular Architecture. Evans H.C., Wixom W.D. (eds.), *The Glory of Byzantium*, New York, 1997, pp. 192–217.
78. *Prisciani Grammatici Caesariensis. Institutionum Grammaticarum*. Libri XVIII. Leipzig, 1855, 288 p.
79. *Procopius. On Buildings*. Transl. by H.B. Dewing, G. Downey. Loeb Classical Library. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1940.
80. *Theodori Studitae. Epistulae*. Rec. G. Fatouros. Berolini, Novi Eboraci, 1992.
81. *The Chronicle of Theophanes Confessor: Byzantine and Near Eastern History AD 284–813*. Text, transl. and coment. by C. Mango, R. Scott. Oxford, Clarendon Press, 1997, 747 p.
82. Kazdan A.P. (ed.). *The Oxford Dictionary of Byzantium*. Vol. 1–3. New York, Oxford, 1991.
83. Treadgold W. *The Byzantine Revival 780–842*. Stanford, 1988, 504 p.

84. Vasiliev A.A. *The Goth in the Crimea*. Cambridge, MA, The Medieval Academy of America, 1936, 292 p.
85. Vita Sancti Nicephori ex Actis Sanctorum Bollandianis. Migne J.P. (ed.), *Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca*. 1865.
86. Zuckerman C. Short notes. Two notes on the early history of the thema of Cherson. *Byzantine and Modern Greek Studies*, Birmingham, 1997, vol. 21, pp. 217–219.

Информация об авторе

Айбабин А. И. – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института археологии Крыма РАН (295007, Симферополь, пр. Академика Вернадского, 2), Researcher ID: Y-8384-2018, Scopus ID: 57214235725.

Author information

Aibabin A. I. – Dr. Hab. (History), Professor, Chief Researcher of the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences (2 Academician Vernadsky Ave, Simferopol, 295007, Russia), Researcher ID: Y-8384-2018, Scopus ID: 57214235725

КРЫМСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ВИКТОРА ДЕ КАРАМАНА

Никита Игоревич Храпунов

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
khrapunovn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6141-9487>*

Аннотация. В статье рассматривается малоизвестный источник по истории Крыма – путевые записки француза Виктора де Карамана, осмотревшего полуостров в конце марта – начале апреля 1784 г. 22-летний путешественник ездил по Европе в рамках образовательной программы, предусматривающей практическое знакомство с жизнью чужих стран и народов. Его дневник предназначался для памяти, а не для печати. Впоследствии де Караман сделал блестящую карьеру на дипломатической службе. Крымский фрагмент травелога был опубликован уже после смерти автора. Хотя де Караман пользовался покровительством Г. А. Потёмкина и служивших в Крыму русских генералов, его оценки происходившего на полуострове нередко нелицезны для России. Он обратил внимание на ряд кризисных явлений, возникших накануне и в ходе присоединения региона к России. Одновременно француз отметил действия властей, направленные на интеграцию полуострова в структуру империи, и возможные варианты его хозяйственного развития. Путешественник подробно описал опорные пункты русской армии и флота. Особое внимание де Караман уделил природе и населению Крыма. Любопытны наблюдения о древностях полуострова и, в частности, рассказ о попытке произвести «раскопки» на Мангупском городище. Публикуется русский перевод сочинения де Карамана с необходимыми комментариями.

Ключевые слова: Виктор де Караман, травелог, Крым, Российская империя, крымские татары, крымские караимы

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках госзадания № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

VICTOR DE CARAMAN'S CRIMEAN TRAVEL

Nikita I. Khrapunov

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Abstract. This paper analyses a poorly-known source on the history of the Crimea, the travelogue by French Victor de Caraman, who visited the peninsula in spring 1784. The 22-year-old traveller made a tour of Europe as a part of the educational programme foreseeing practical acquaintance with the life of foreign countries and strange peoples. His travel diary was intended for memory and not for publication. Later on, de Caraman made an outstanding career on the French diplomatic service. The Crimean fragment of his travelogue was published after his death. Although de Caraman was under protection of almighty Grigorii Potemkin and Russian generals in the Crimea, his evaluations of the

events on the peninsula were often unpleasant to Russia. He paid attention to a series of crises events appearing on the eve and after the unification of the Crimea with Russia. Simultaneously, the traveller marked the government's actions towards the integration of the region into the imperial structure and opportunities of the economic development of the country. De Caraman described the strongholds of the Russian army and Black Sea navy in the Crimea in details. He also studied the natural environment and population of the peninsula. Interesting are his reflections on the Crimean antiquities and particularly an episode with "excavations" at the ancient town atop Mangup plateau. The Russian translation of de Caraman's travelogue with necessary comments is published.

Key words: Victor de Caraman, travelogue, Crimea, Russian Empire, Crimean Tatars, Crimean Karaites

Acknowledgments: This work was carried out within the framework of the state assignment No. FZEG-2020-0029 "The Byzantine Empire's Influence on Historical Processes in the Mediaeval Crimea" supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

К числу малоизвестных документов, описывающих Крым после присоединения к России, относятся записки Виктора де Карамана – французского аристократа, побывавшего на полуострове весной 1784 г. Этот документ был опубликован во Франции уже после смерти автора, осенью 1854 г., когда Крым вновь оказался в центре внимания всей Европы – на полуостров высадились войска союзников, только что отгремело Альминское сражение, французы и англичане занимали позиции вокруг Севастополя, готовясь к осаде города. Критическая интонация де Карамана, зафиксировавшего в дневнике ряд обстоятельств, не лучшим образом характеризующих действия России в Крыму, вполне соответствовала антироссийским настроениям читателей его записок. Документ не остался незамеченным в России – уже через две недели появился его русский перевод, в котором, впрочем, были опущены некоторые наиболее нелестные пассажи. Ныне оба издания стали библиографической редкостью и почти не используются историографией. Этим и объясняется актуальность предлагаемого ниже нового перевода источника со вводной статьёй и необходимыми комментариями. Подобно большинству путешественников, француз концентрировал внимание читателя прежде всего на собственных приключениях. Тем не менее, ему удалось отметить некоторые факты из жизни Крыма сразу после драматических событий 1783 г., которые могут быть использованы в исторических или этнографических исследованиях. Наконец, его записки интересны тем, что они показывают особенности восприятия полуострова как отдаленной страны на краю «цивилизованного мира» представителями западной культуры и, следовательно, могут пригодиться для изучения образа Крыма в общественном сознании.

Путешественник принадлежал к знатному роду Рике / Рикетти, основатель которого в XIII в. переселился во Францию из Флоренции. Его дальним родственником был знаменитый деятель Французской революции граф Оноре-Габриэль Рикети де Мирабо. Среди Рике де Караманов были офицеры, инженеры, философы и историки [45, с. 439]. Луи-Шарль-Виктор де Рике де Караман (1762–1839) должен был стать дипломатом. Педагогика эпохи Просвещения считала зарубежное путешествие идеальным способом

получения практических знаний о мире и формирования личности. Поэтому молодой де Караман отправился в длительную поездку, в ходе которой посетил Германию, Польшу, Австрию, Россию и Османскую империю. Происхождение позволило ему заручиться рекомендациями главы французской дипломатии графа Шарля де Верженна, благодаря которым путешественник был принят при дворах Фридриха II Прусского, Иосифа II Австрийского и Екатерины II. Во время Французской революции де Караман уехал в эмиграцию. Имущество его семьи было конфисковано. После реставрации королевской власти Людовик XVIII восстановил де Карамана в его наследственных правах, после чего тот сделал дипломатическую карьеру, в частности, занимая пост посла в Вене в 1816–1828 гг. (рис. 1), стал членом верхней палаты французского парламента, получил герцогский титул и звание командора ордена Почетного легиона [54, р. 260–261; 55, р. 576–577; 14, с. 164–165].

Хотя де Караман вёл дневники, большая их часть не опубликована. Очевидно, он сам не предназначал свои записки для печати. Хотя в Крыму француз побывал в 22-летнем возрасте, дневник характеризует его как эрудированного, любопытного и, в общем, беспристрастного наблюдателя. Поездка в Крым стала частью его путешествия по России. На полуострове де Караман провёл около двух недель в конце марта – начале апреля 1784 г. по старому стилю. За это время путешественнику удалось изучить значительную часть полуострова, за исключением его западных районов и южного берега. Случившаяся в это время эпидемия чумы помешала ему подробно осмотреть ряд городов. Маршрут де Карамана можно описать как Перекоп – русский военный лагерь у Карасубазара (Белогорска) – Бахчисарай – Севастополь – Балаклава – Карасубазар – Судак – Феодосия – Керчь – Ени-Кале. Недавно было опубликовано письмо командующего российскими войсками в Крыму, осуществлявшего общее управление областью, генерал-поручика барона Осипа Андреевича Игельстрому к правителю Юга России Григорию Александровичу Потёмкину, из которого следует, что де Караман пользовался покровительством светлейшего князя. *«Повеление Вашей светлости, коим меня удостоить изволили в письме, врученное мне от виконта де Карамана, я всевозможно старался исполнить, и всем тем господам путешественникам оказал по моей возможности все угождения, которыми только мог выполнить волю Вашей светлости. По чему они объезжали весь Таврический полуостров, и с немалым удовольствием здешние древности и Севастопольскую гавань видели. Четвертого ж числа сего месяца (апреля. – Н. Х.) поехали оне чрез Судак и Кефу в Еникале, откуда осьмого числа водою отправились в Таганрог для дальнего своего путешествия»* [24, с. 121, № 44]. Между прочим, в своих записках путешественник тепло отзывался об Игельстроме и других российских чиновниках, сделавших всё от них зависящее, чтобы сделать его странствия лёгкими и приятными. По-видимому, Потёмкин имел резоны покровительствовать французу – и дело не только в рекомендациях де Верженна. Светлейший князь был заинтересован в том, чтобы его амбициозные мероприятия на Юге России получили позитивную огласку в Западной Европе. Он мог рассчитывать на то, что путешественник, по обыкновению своего времени,

впоследствии издаст книгу путевых записок. Именно так поступил другой француз по имени Шарль де Бар, ездивший по России и Северной Европе в компании де Карамана. Записки де Бара о поездке по России и Крыму были опубликованы в 1798 г. [42]. Третьим компаньоном в путешествии был француз Жан-Батист Тавернье де Булонь [14, с. 163–164]. Интересно, что де Караман о своих спутниках не упоминает – по крайней мере, в опубликованном отрывке дневников.

Неизвестно, сохранился ли оригинал записок де Карамана до нашего времени и если да, то где он находится. Отрывок, повествующий о Крыме, был издан французским востоковедом Ксавье Раймоном в газете *Journal des débats*, выпуск за 23 сентября 1854 г. [47]. По словам публикатора, текст был взят из семейного архива де Караманов. Судя по всему, это именно отрывок из дневника путешествия – Раймон выбрал для публикации лишь то, что касалось Крыма. Интересен орган, в котором опубликован травелог: *Journal des débats* была популярной газетой, освещавшей события политики и науки, литературы и искусства. Её позиция была последовательно антироссийской – впрочем, были основания считать, что за определённую мзду газета согласится опубликовать и материалы пророссийской направленности [43, с. 146, 166, 236–237]. Таким образом, критические пассажи де Карамана должны были прийтись по вкусу и редакции, и читателям газеты. Показательно, с каким вниманием следили в России в это время за западной прессой. Уже через несколько дней, 25 и 28 сентября (по старому стилю, то есть 7 и 10 октября по западноевропейскому календарю) в «Московских ведомостях» был опубликован перевод записок французского путешественника [15]. Если во французском издании травелог был оставлен без названия, то русский перевод был озаглавлен «Поездка в Крым в 1784 году». Правда, в русской публикации отсутствует ряд фрагментов, наиболее нелестных для России. Так, например, «исчезли» рассуждения де Карамана об антисанитарии и болезнях в русском лагере близ Севастополя, или о карательной акции, проведённой албанцами (т.е. греками) против крымских татар.

Текст травелога характеризует де Карамана как спокойного, рационального, вполне эрудированного и любопытного человека. Однако ясно, что его путевой дневник не редактировался после возвращения на родину, как часто поступали путешественники. Примером может быть сочинение товарища и спутника де Карамана – де Бара. Последний радикально переработал свои путевые записки, используя сведения, взятые из сочинений «кабинетных» авторов и публикации исторических документов. Он придал травелогу аналитическую форму, отказавшись от структуры дневника. В итоге получился набор статей, освещавших разные аспекты жизни Крыма. Здесь же можно отыскать довольно подробные размышления об изменениях в международной политике в связи с новым статусом Крыма и открывшихся для России и Франции возможностях. Наконец, де Бар постарался убрать свою фигуру со страниц текста, что нехарактерно для путевой литературы [42, с. 397–398]. В этом отношении записки де Карамана куда более традиционны и по форме, и по содержанию.

Де Караман описывал то, что видел сам, или же о чём слышал от своих русских знакомых. Иногда он передавал какие-то местные предания – например, рассказ о французе-вероотступнике, взявшемся строить для османов укрепления Ени-Кале и казнённом ими за святотатство. Поскольку строительство крепости относится к началу XVIII в. [2, с. 73–76], француз мог почерпнуть эти известия у её обер-коменданта генерал-майора Андрея Григорьевича Розенберга, которого упомянул в своих мемуарах, а тот узнал об этом от местных жителей. И хотя о французе – архитекторе упомянул путешественник Обри де ля Мотре (январь 1712 г.), у него ничего не говорится о казни строителя [см.: 37, с. 414, прим. 2], как нет и никаких свидетельств того, что де Караман читал его книгу. К числу местных преданий можно отнести и рассказ о караимах крепости Чуфут-Кале, державших в заключении, а иногда и казнивших пленников крымских ханов. Ни в одном другом источнике подобных сведений не встречается. Очевидно, в основе легенды, попавшей в травелог от местных жителей через посредство русских спутников путешественника, лежали смутные воспоминания о том, что в Чуфут-Кале была тюрьма, где держали, например, знатных военнопленных. Её связывали с разными искусственными пещерами, а соответствующие «страшные истории» рассказывали и в XIX в. [9, с. 225–232].

Однажды де Караман упомянул о том, что ему очень пригодилось знание немецкого – очевидно, для общения с русскими офицерами. Некоторые из них, вероятно, знали и родной для путешественника французский. Общаться же с местными жителями путешественникам приходилось, вероятно, при помощи своего казачьего конвоя. Во всяком случае, нет никаких сведений о том, что кто-то из трёх французов знал турецкий или татарский язык. Форма записи некоторых «экзотичных» для автора имён и географических названий показывает, что делал он это со слуха и потому нередко возникали искажения, например, Мекензи (англ. MacKenzie) стал *Menkinsey*, Игельстром (нем. Igelström) – *Engestræm*, Дашков – *d'Aschkoff*, Розенберг – *Rosemberg*, Мангуп – *Markoup*, Чуфут-Кале – *Zoufoukale*, Анатолия – *Natolie* и пр.

Исследователи очень редко анализировали травелог де Карамана. Так, Т. М. Фадеева изучила источник в контексте присоединения Крыма к России и деятельности российских властей на полуострове в двух статьях, почти идентичных по содержанию [30; 31]. Н. И. Репников и автор данной статьи рассматривали записки француза в контексте истории изучения археологических памятников Крыма [26, с. 321; 41]. Отдельно следует сказать о работе В. Е. Возгина, в которой известия де Карамана используются для стереотипного обвинения России в «варварстве», выразившемся в уничтожении памятника крымско-татарской архитектуры – загородного дворца крымских ханов Ашлама-Сарай близ Бахчисарая [6, с. 851–853]. Отметим две вещи. Во-первых, сочинения Возгина по истории крымских татар – это не научные исследования, но «национальная история» / «национальный нарратив», использующий историю для национальной мобилизации [об этом жанре: 51, р. 1–40], а потому не заинтересованный в объективности и наполненный вымыслами, передёргиваниями и искажениями фактов [см., например, рецензию на одну из книг: 10]. Во-вторых,

обвинения России и русских в варварском и бессмысленном уничтожении памятников культурного наследия имеют давнюю историю: этот дискурс возник на рубеже XVIII–XIX вв., во многом под влиянием личных, субъективных переживаний западноевропейских путешественников и их вполне эгоистичных амбиций [36; 22, с. 84–252]. Что касается непосредственно Ашламы-Сарая, российские власти изначально собирались отреставрировать обветшавший дворец, но то ли оказалось, что это сложно сделать технически, то ли требуемую сумму сочли чрезмерной, так что в итоге от ремонта решили отказаться, использовав камень из разрушенного дворца для строительства в Симферополе по случаю готовящегося прибытия в Крым Екатерины II [21, с. 285–286, № 100; с. 301–302, № 130; 24, с. 94–95, № 21; с. 359, прим. 50; 26, с. 320–321; 49, р. 338]. В первой половине – середине XIX в. английские путешественники и писатели не раз использовали судьбу Ашламы-Сарая, чтобы обвинить Россию и русских в «варварстве» [48, р. 172–173; 57, р. 20; 53, р. 248–250]. Как видим, в данном случае Возгрин неоригинален и небеспристрастен.

Не менее любопытна иллюстрация, на которой, по мнению современного автора, изображён уничтоженный русскими дворец. *«Возможно, пожелтевший от времени лист, скопированный на этой странице, передаёт тогдашнюю реальность вполне точно»*, – отметил он [6, с. 852–853]. Источником иллюстрации Возгрин назвал цитированную выше книгу Эдмунда Спенсера 1837 г. (правда, исказив имя автора как «Spenger» вместо *Spencer*). Вот только в 1836 г., когда Спенсер ездил по Крыму, от дворца оставались одни развалины, а на рисунке здание совершенно цело (рис. 2). Ясно, что художник доверился своей фантазии. Да и построек в стиле, который можно условно определить как (нео)мавританский, в Крымском ханстве быть не могло. Интересно, что в книге Спенсера, на которую ссылается Возгрин, такого рисунка не было; нет его описания и в списке иллюстраций на нумерованной странице в начале тома, следующей за содержанием [57]. По мнению украинского исследователя В. М. Филаса, это иллюстрация к другой книге того же автора – историческому роману о покорении Крыма и первом имаме Северного Кавказа шейхе Мансуре в издании 1857 г. [32, с. 143, 337]. Это издание оказалось мне недоступным, а в первой публикации романа иллюстраций нет вообще. Описание Ашламы-Сарая в книге есть, оно восторженно-романтическое, причём в подстрочном примечании автор цитирует турецкого историка Халим-пашу [58, р. 12–14, 19–21]. Как бы то ни было, нет оснований считать, что рисунок, атрибутируемый Спенсеру, достоверно изображает дворец Ашлама-Сарай. Зато проанализированный эпизод показывает механизмы формирования дискурсов.

Приводимый ниже перевод источника выполнен по оригинальному французскому изданию [47, р. 2–3]. Он позволяет, в частности, заполнить лакуны русского перевода 1854 г., автор которого не назвал своего имени [15]. В этих лакунах, как уже было сказано, обычно находились сведения, нелестные для России. Перевод 1854 г. высокого уровня, но его автор предпочёл сгладить те места, где француз излишне многословен или его текст не вполне гладок. Это вполне легитимный подход. Я же старался следовать принципу, сформулированному однажды А. Л. Бертье-Делагардом и

С. Л. Белявской, авторами, вероятно, самого цитируемого из переводов крымских травелогов – записок Петера-Симона Палласа: не исправлять и не улучшать текст источника, а также не корректировать даже очевидных неточностей [23, с. 17]. Иначе говоря, при таком подходе точность предпочтительнее литературности. Помимо всего прочего, это позволяет продемонстрировать особенности текста де Карамана – не предназначавшихся для печати и потому неприглаженных дневниковых записей.

Название травелога условно, поскольку французскому изданию не предпослано вообще никакого заголовка. Сохранено краткое предуведомление к тексту, написанное его издателем Кс. Раймоном. В квадратных скобках [] отмечены дополнения переводчика, а также приведены использованные де Караманом варианты написания имён, топонимов и других терминов, если они не соответствуют современным вариантам, в первый раз, когда они появляются на страницах источника. В русском тексте формы имён и названий приведены к современному написанию. Выделения *курсивом* в основном тексте принадлежат автору источника. Необходимые комментарии, по возможности краткие, помещены в подстрочные примечания. За исключением особо оговорённых случаев, источниками послужили энциклопедические издания по археологии Крыма [3] и исторической географии Северного Причерноморья [52], а также биографические справочники [27; 18].

Виктор де Караман **Дневник путешествия в Крым в 1784 году**

Среди бумаг, завещанных герцогом де Караманом его семье, находится дневник путешествия в Крым, которое он предпринял в 1784 году, через некоторое время после того, как великая Екатерина успешно присоединила эту провинцию к своей империи. Этот небольшой документ, написанный ещё совсем молодым человеком, который наверняка и не помышлял о его публикации, в нынешних обстоятельствах¹ сделался особенно интересным, и мы рады возможности опубликовать любезно предоставленный нам следующий отрывок. Мы делаем это тем более охотно, поскольку для нас это не только способ предоставить некоторые сведения о стране, где сегодня сражаются наши войска; мы видим здесь случай ещё раз напомнить обществу о благородном человеке, который на протяжении жизни немало послужил родной стране, и чьё достойнейшее поведение при отступлении из Константины², когда ему было уже более семидесяти лет, стало для всех примером мужества, преданности и милосердия, не должно быть забыто.

Ксавье Раймон

¹ Издатель имеет в виду начало Крымской войны 1853–1856 гг.

² Речь идёт о событиях, развернувшихся во время французского завоевания Алжира. Константины – город на северо-востоке страны, центр провинции (вилаята) Османской империи. В 1836 г. французы предприняли поход на Константину, проходивший в тяжёлых условиях. Осада и попытка штурма города закончились неудачей, а во время отступления французы страдали от голода и нападений преследовавших их арабов. Отрывок из мемуаров де Карамана, повествующий об этом походе, был издан в 1841 г. в *Journal des débats* [46].

Я быстро проехал 75 вёрст³, отделяющих Кизикермен⁴ [Kisikerwann] от Перекопа⁵ [Pérecop], и прибыл около полудня к этой знаменитой линии обороны, взятие которой⁶ недавно продемонстрировало как доблесть русской⁷ армии, так и бесславие турок и татар [Tartares⁸], которые должны были их защищать. Она⁹ тянется примерно на два французских льё¹⁰ от одного края до другого, а ров необычайно глубок и крут. Городские укрепления защищают центр, и все вместе представляет собой превосходную систему обороны. Перекоп – жалкое местечко, состоящее из сорока или пятидесяти домов, построенных из глины, с каменной цитаделью, относящейся к тем временам, когда генуэзцы овладели Крымом¹¹. [Однако] я не нашёл там ничего, кроме нескольких турецких надписей.

От Перекопа до Карасубазара¹² [Karasou-bazar] 160 вёрст по ровной и невозделанной местности, настоящему продолжению степей¹³, где нет ничего, кроме нескольких татарских селений. Русский подполковник – комендант Перекопа¹⁴ прово-

³ Старинная русская мера длины, равна 1067 м.

⁴ Османская крепость на правом берегу Днепра, близ места его впадения в Чёрное море. Перешла к России по итогам русско-турецкой войны 1768–1774 г., после чего утратила военное значение. На этом месте возник город Берислав, ныне районный центр Херсонской области Украины. Ошибку в латинском написании топонима мог допустить не де Караман, а Раймон, спутав стоявшую в рукописи букву m с w (ср. прим. 87).

⁵ В эпоху Крымского ханства в северной части Перекопского перешейка, соединяющего Крым с материком, существовала система укреплений, защищающих полуостров с севера. Центром обороны была крепость Ор или Ор-Капу, на месте которой сейчас находится село Перекоп городского округа Армянск Республики Крым [12, с. 39–83].

⁶ Вероятно, речь идёт о событиях русско-турецкой войны 1768–1774 гг., когда русская армия во главе с князем Василием Михайловичем Догорокувым (1722–1822) штурмом взяла Перекопские укрепления 14 июня 1771 г. и затем заняла весь Крым.

⁷ Подобно подавляющему большинству своих современников, де Караман не делал разницы между «русскими» (этническая принадлежность) и «россиянами» (подданство).

⁸ Это написание демонстрирует традицию, порождённую шоком, который жители Европы испытали в результате нашествия монголов в XIII в., осмысленного как предвестие конца света. В результате в слова *татары*, *Татария* добавили лишнюю букву «р», получив *тартары*, *Тартария*, чтобы подчеркнуть связь с Тартаром – преисподней древнегреческих мифов. Фобия оказалась стойкой и дожила до XVIII в. – ей были подвержены, в частности, классики Просвещения Готфрид-Вильгельм Лейбниц и Жан-Жак Руссо [38, с. 144–146].

⁹ Линия обороны.

¹⁰ Льё – старинная французская мера длины. Сухопутное льё равняется 4445 м.

¹¹ Нет никаких научных данных о том, что укрепления Перекопа связаны с генуэзской колонизацией Крыма XIII–XV вв. Однако у крымских татар были распространены предания, приписавшие генуэзцам многие в реальности не принадлежавшие им памятники [например: 37, с. 418–419], в том числе и Перекоп [44, с. 23]. От них эти сведения попадали к путешественникам.

¹² Ныне г. Белогорск, районный центр Республики Крым, расположен в центральной части полуострова. В начале российской эпохи там находилась административное руководство Таврической областью и командование расквартированных в регионе войск.

¹³ Кажется, де Караман считал, что «степями» называют местность к северу от Крыма.

¹⁴ В это время пост обер-коменданта Перекопской крепости занимал полковник Фридрих фон Фок.

дил меня до первой почтовой станции¹⁵. Татары приняли его с особым почтением, на что он ответил с большой надменностью, которая, на мой взгляд, сильно отличалась от того, что я недавно наблюдал в Турции со стороны турок по отношению к христианам. По дороге подполковник показал мне шубы, которые татары нарочно выбросили, чтобы распространить чуму, и которые он тотчас же приказал сжечь¹⁶.

Близ Карасубазара местность становится гористой и в долинах появляются группы деревьев. Этот город, построенный из дерева и напоминающий скверные турецкие селения, лежит в прекрасном месте. Главный лагерь¹⁷ [российских войск] располагался в 4 верстах [оттуда], а командовавший здесь генерал барон Игельстром¹⁸ [Engeström] ещё спал; я приказал поставить свою палатку посреди красивой лужайки в ожидании того, как он сможет меня принять; это случилось несколько позже, со всем вниманием и всеми возможными почестями.

Дом, который он занимал, раньше принадлежал знатному татарину; жить там было довольно неудобно, но располагался он в очаровательном месте, на берегу красивого ручья, орошавшего обширный луг, и вблизи долины, где естественным образом росли всякого вида плодовые деревья. Под сенью этих цветущих деревьев я вскоре позабыл об усталости. Три пехотных полка располагались поблизости, в маленькой деревушке, которую они выстроили для себя, а остальная часть армии стояла лагерем ещё дальше.

За проведённый здесь краткий промежуток времени я успел свести самое тесное знакомство с генералом и его главными офицерами и получить сведения, которые должны были помочь мне при изучении Крыма. Это провинция недавно перешла под власть русских. Немецкий язык, на котором я свободно говорю, очень пригодился в моих расспросах и моих прогулках. Во время одной из них я оказался в очень тесной ложбине между двумя крутыми скалами, у водопада близ Судака [Soudak¹⁹]; бассейн, куда он падает, обладает весьма любопытной особенностью: на его поверхность всплывают, главным образом в летнюю жару, куски очень прозрачного льда. Об этом необычном явлении говорили мне все русские офицеры, удостоверившиеся в нём с большой для себя пользой в жаркое время года.

¹⁵ То есть до места, где путешественник сменил лошадей.

¹⁶ Эпидемия чумы, начавшаяся на Юге России в 1783 г., вызывала большую обеспокоенность у российских властей [24, №5, с. 83]. Не исключено, что крымские татары вовсе не предпринимали самоубийственных действий, направленных на распространение заболевания, а просто выбрасывали вещи больных, чтобы тем самым, наоборот, уберечься от заразы.

¹⁷ *quartier general*. В русских источниках встречается вариант, явно навеянный французским термином, – «генеральная квартира» [например: 24, № 52, с. 127].

¹⁸ Осип Андреевич Игельстром (1737–1823), российский военачальник и государственный деятель, представитель обосновавшегося в Прибалтике шведского рода. В описываемое время – командующий российскими войсками в Крыму, осуществлявший общее управление Таврической областью.

¹⁹ Город в юго-восточном Крыму, на морском побережье, ныне центр городского округа Судак Республики Крым.

Я уехал из главного лагеря 27 марта (7 апреля)²⁰. Барон Игельстром предоставил мне конвой²¹ из младшего офицера – француза по рождению, донского казака и нескольких украинских казаков; кроме того, он распорядился насчёт смены лошадей в разных местах и предпринял все меры, чтобы моё путешествие обошлось без трудностей. По случаю чумы я не поехал в Карасубазар, второй в Крыму город, но смог осмотреть его местоположение – в низине, окружённой бесплодными мергельными возвышенностями и орошаемой ручьём, благодаря которому пастбища [здесь] хороши. Несколько мечетей и базар – вот и всё, что можно увидеть в [этом городе]. Повернув налево, я продолжил свой путь по долине меж лысых и безводных гор, оставляя степи справа, и, наконец, приехал на первую станцию, где для меня уже приготовили лошадей.

Эту несколько более гористую местность в низменных местах пересекают многочисленные ручьи, орошающие великолепные луга; возвышенности же совершенно голые. Приближаясь к Акмечети²² [Achmetchet], почва показалась более каменистой, однако она возделана; я видел множество плодовых деревьев, а этот край показался мне более населённым. Чума также не позволила нам захватить в Акмечеть, город менее значительный, чем Карасубазар, отстоящий от него на 52 версты, так что лошади [взятые] с другого казачьего поста²³ привезли нас в Бахчисарай [Bakhtchissarai], столицу Крыма²⁴ и резиденцию ханов. Город открывается с высоты птичьего полёта, с вершины горы, через которую нужно перебраться, а его местоположение – самое необыкновенное, в глубине сжатой [горами] долины, которую он занимает по всей ширине, между двумя грядами скал высотой от 50 до 60 туазов²⁵; размытые водой, [скалы эти] образовали своды и пещеры самых причудливых форм. Я проехал через разрушенные предместья; даже внутренняя часть города, как мне показалось, была в очень плохом состоянии, а её конструкция напоминала турецкие города с не менее грязными и не менее сырыми улицами – обстоятельство, которому способствует большое количество фонтанов, из которых, впрочем, течёт чистойшая вода; в этом узком пространстве воздух почти не движется. Я обнаружил, что татарам присуща учтивость, которая туркам несвойственна. Дальше в той же долине располагается ряд небольших домов, кладбищ и садов вплоть до самой Ашламы²⁶ [Aslama], загородной резиденции древних ханов, сделавшейся обиталищем г-на

²⁰ Де Караман приводит даты как по старому (принятому в России), так и по новому (западноевропейскому) стилю.

²¹ Это свидетельствует о том, что обстановка в Крыму оставалась беспокойной.

²² В Крыму было несколько населённых пунктов с таким названием. В данном случае имеется в виду селение в центральной части полуострова, переименованное в город Симферополь, в 1784 г. ставший административным центром Таврической области.

²³ Эта фраза показывает, что из себя представляли крымские почтовые станции.

²⁴ Де Караман ошибается: после присоединения к России Бахчисарай (город в юго-западной части полуострова, ныне районный центр Республики Крым) перестал быть столицей региона, которую сначала фактически перенесли в Карасубазар, а затем уже формально – в Симферополь.

²⁵ Туаз – старинная французская мера длины, равняется 1,949 м.

²⁶ Ашлама-Сарай – загородный летний дворец крымских ханов, находившийся в долине Ашлама-Дере к востоку от Бахчисарая [28, с. 17–19].

Уиллиса²⁷ [Wilis], английского купца, которого я знал по Константинополю²⁸, и князя Дашкова²⁹ [d'Aschkoff], с которым я познакомился в Вене. Он занимался снятием плана [Ашламы] для производства впоследствии некоторых ремонтных работ по указанию князя Потёмкина³⁰. Они приняли меня с выражением совершенного удовольствия, которое испытываешь, обнаружив знакомое лицо в далёкой стране, и вместе с ними я осмотрел город и [ханский] дворец, выстроенный из дерева и крытый черепицей, как и все турецкие дома, и состоящий из небольших жилых корпусов, у которых всего один этаж и нет ни плана, ни порядка³¹.

Покои, где прежде жил хан, обширны, украшены в турецком стиле, [они] освещались цветными стёклами, облицованы искусной узорчатой кладкой, а местами вызолочены; диваны расставлены так, чтобы с них открывался самый лучший вид; гарем ничем не примечателен, а сад очень мал, с большим неглубоким прудом, где хан забавлялся катанием своих жён, одетых в самое лёгкое платье, на лодках, которыми он правил сам и очень веселился, когда при этой навигации лодки переворачивались. Несколько обломков балюстрад и террас посреди нынешнего беспорядка свидетельствуют о былом изяществе, а это изукрашенное жилище должно было иметь особую прелесть на фоне дикого облика окрестностей.

Мы посетили гробницы ханов в том же городе Бахчисарае. Тела, заключённые в каменные гробы, покрытые черным бархатом и увенчанные тюрбаном, помещены были в небольших ротондах, купола которых отделаны свинцом. Большая мечеть, которую князь Дашков по-хозяйски отворил, и сам дворец³² расположены недалеко от этого места погребения; и то и другое показалось мне ничем не примечательным по сравнению с подобными постройками, виденными мною в Константинополе; зала с диванами³³, женские покои и полный цветочный сад – вот то единственное, что

²⁷ Недавно опубликован документ, в соответствии с которым некий Стюарт Уиллис владел поместьями в Крыму, «в окружности Карасубазара». Согласно этой бумаге, Уиллис умер не позднее 1802 г. [17, № 62, с. 255].

²⁸ Столица Османской империи официально именовалась «Константинополем», тогда как «Стамбул» был неофициальным названием города до 1930 г.

²⁹ Князь Павел Михайлович Дашков (1863–1807), в описываемое время находившийся на юге России в чине полковника, впоследствии дослужился до генерал-лейтенанта, но был более известен блеском своей светской жизни.

³⁰ Князь Григорий Александрович Потёмкин (1739–1791) – российский государственный деятель и военачальник, фаворит Екатерины II, с 1775 г. генерал-губернатор Новороссийского края и фактически полноправный правитель Юга России. Опубликован документ, согласно которому, хотя поручение начать ремонт Ашламы-Сарая исходило от Потёмкина, указание князю П. М. Дашкову о производстве соответствующих работ дал О. А. Игельстром [24, № 21, с. 94–95].

³¹ Резиденция крымских ханов в Бахчисарае представляет собой совокупность нерегулярных построек XVI–XVIII вв., в числе которых залы для приёмов, жилые и служебные помещения, гарем, сады, внутренний двор, две мечети и ханское кладбище [28, с. 76–97].

³² Де Караман, кажется, не понял, что ханское кладбище и большая мечеть входят в единый комплекс с жилыми помещениями ханского дворца.

³³ *salle de divans* – очевидно, Караман имеет в виду зал совета и суда (или дивана) во дворце [о нём: 28, с. 79–80], возможно, не понимая, что диван – это не только предмет мебели, но и ханский совет.

заслуживает внимания. И всё-таки я заметил среди архитектурных украшений следы работы иностранных мастеров, продемонстрировавших вкус, который пока ещё не проявил себя в России.

Поднявшись над городом с северной стороны, мы отправились верхом к порту Ахтиар³⁴ [Akhtiar] (это древнее название города Севастополя), проехав между горами по долинам, которые занимают луга и цветущие плодовые деревья, среди которых виднеются жилища татар, всегда расположенные в низинах. В двадцати верстах от Бахчисарая мы въехали в селение на маленькой речке Бельбек³⁵ [Belbec], вдоль которой мы ехали до самого моря по приятнейшей дороге.

Здесь я увидел первые виноградники с тех пор, как выехал из Петербурга. Полк князя³⁶ устроил свой лагерь, или скорее свою маленькую деревню на горе, возвышающейся над долиной [на высоте] в сто туазов над уровнем моря. Я был поражён внешней опрятностью этих небольших казарм, как следует выбеленных [и] расположенных на ровной и посыпанной песком земле; но об их внутренней части этого не скажешь. Солдаты теснились без кроватей, в маленьких, низких, плохо проветриваемых помещениях; в госпитале же они лежали на своих шинелях, [так что] меня не слишком удивили опустошения, произведённые болезнями среди этих войск несмотря на все заботы князя. С сожалением приходится говорить о том, что на общее содержание госпиталя для полка в 2000 человек императрица³⁷ выделила лишь 100 рублей. Любые планы, связанные с постепенным увеличением и без того столь обширной империи, не придавали никакого значения солдатам, бывшим для этого главным средством; [так что] за некоторое облегчение своего печального положения они могли благодарить только гуманность [своего] командира, который таким образом пошёл против своих личных интересов.

День 27 марта (9 апреля) я провёл с князем Дашковым, который произвёл манёвры двумя ротами, имевшими превосходную выправку. Затем мы осмотрели батареи, которые должны прикрывать порт Ахтиар; они занимают два выдающиеся [в море] мыса, крутизну которых планируют уменьшить. Однако, как мне показалось, они уязвимы с тыла. Затем, проехав вдоль залива, мы достигли Инкермана [Inkermann], [пробравшись] через очень тесное ущелье между бесплодными горами, которое в случае нападения лишь затруднило бы связь с войсковым корпусом, назначенным защищать порт и его сооружения.

³⁴ Ахтиар (Ак-Яр) – историческое название татарского селения на северном берегу Севастопольской бухты, расположенной на юго-западной оконечности Крымского полуострова. Севастополь, основанный на её южном берегу, также иногда называли «Ахтиаром».

³⁵ Бельбек – река в юго-западной части Крыма; начинается на северном склоне главной гряды Крымских гор, течёт на северо-запад и впадает в Чёрное море к северу от Севастополя. Не названное по имени де Караманом селение, вероятно, находилось в нижнем течении р. Бельбек, где проходила дорога из Бахчисарая в Севастополь – это могло быть, например, с. Бельбек (ныне Фруктовое) или с. Дуванкой (ныне Верхнесадовое, оба входят в Нахимовский район Севастопольского городского совета) [об этой дороге: 56, р. 129].

³⁶ Очевидно, имеется в виду полк, которым командовал П. М. Дашков.

³⁷ Екатерина II (1729–1796, правила с 1762 г.).

Инкерман – маленькое селение, расположенное у истока Ахтиарского залива³⁸, близ болота, образованного устьем маленькой речушки. Здесь видны остатки замка, сооружённого генуэзцами на крутой скале, который, должно быть, был неприступен до изобретения артиллерии³⁹. Отвесная скала по всей своей высоте пронизана маленькими кавернами, которые изначально находились внутри [неё], но со временем обнажились, так что теперь она напоминает пчелиные соты⁴⁰. Они служили убежищем для христиан в эпоху гонений⁴¹; их количество удивительно; они сообщались между собой сверху донизу, [а также] и с замком по очень узкой и очень крутой лестнице, высеченной в скале. Посреди этих келий устроена довольно большая церковь, свод которой поддерживают четыре колонны⁴². Здесь ещё видны кресты и остатки росписи, изображающей Деву Марию, [которая находится] между двумя гробницами, где мы видели несколько костяков; в окрестных скалах имеются каверны такого же вида, помимо тех, что созданы самой природой и служат жилищем для казаков.

В Инкермане я сел в шлюпку, присланную контр-адмиралом Мекензи⁴³ [Menkinsey], англичанином на русской службе; я пересёк залив по всей его длине – он окружён достаточно высокими горами, которые защищают его от всех ветров, кроме западных; в нём есть множество ответвлений или бухточек, вдающихся в сушу, настолько удачно устроенных природой, что самые большие суда могут заходить в них, причаливать к берегу и кренговаться⁴⁴ без применения каких-либо механизмов. Помимо всего прочего, этот порт имеет ещё то преимущество, что здесь нет червей, столь распространённых в Черном море – по крайней мере, так говорили

³⁸ Имеется в виду Севастопольская бухта.

³⁹ Крепость Каламита (позднее получившая название Инкерман) находилась на вершине скалы у восточной оконечности Севастопольской бухты, близ места впадения р. Черная, на её правом берегу. Укрепление построили в византийское время; с конца XV в. его захватили османы, перестроившие оборонительные сооружения [20, с. 68–72]. Хотя генуэзцы действительно владели Каламитой в течение несколько лет во второй четверти XV в., очевидно, де Караман передаёт не исторические сведения, но местные крымско-татарские предания, связывавшие с генуэзцами большинство древних крепостей в Крыму, в том числе Каламиту [см.: 44, с. 60], Перекоп (см. прим. 11) или Мангуп (см. прим. 59).

⁴⁰ В склонах крепостного утёса Инкермана и в окрестных скалах расположены многочисленные искусственные пещеры, главным образом – остатки средневековых монастырей, которые, вопреки церковному преданию, вряд ли древнее X в., а в большинстве своём XIV–XV вв. [20, с. 73–88].

⁴¹ Размышления де Карамана весьма характерны: о связи между «пещерными монастырями» (не только Инкерманским) и искавшими убежища гонимыми монахами впоследствии писали путешественники конца XVIII–XIX вв., породив тем самым историографическую традицию, которую стали развивать исследователи XX в. [8, с. 435–444]. По-видимому, причина подобных выводов – специфический облик искусственных пещер. Однако большинство современных учёных скептически относятся к рассуждениям о «беглых» монахах.

⁴² Это так называемая «базилика св. Георгия» (ныне, после возобновления обители, «базилика св. Климента»), самая крупная пещерная церковь Инкерманского монастыря [20, с. 77].

⁴³ Фома Фомич Мекензи (1740–1786), шотландец по происхождению, контр-адмирал российского флота, возглавлял Севастопольскую эскадру с 1783 г. и руководил основанием Севастополя.

⁴⁴ Кренгование или килевание – наклон стоявшего у берега судна так, чтобы его борт оказался над водой, для последующего ремонта или очистки.

в то время; но известно, что опыт доказал обратное⁴⁵. Здесь были заложены такие важные флотские учреждения, как каменные мастерские, казармы и склады. Распоряжавшийся работами адмирал Мекензи живёт в красивом доме и имеет под своей командой восемнадцать 36–44-пушечных фрегатов. Он очень хорошо меня принял, в дополнение к чему его офицеры сопровождали меня повсюду, где были вещи, заслуживающие внимания, или планируемые [работы], требующие объяснения.

Назавтра, 30 марта (10 апреля), когда русские отмечали Пасху, пушечный залп в два часа ночи возвестил о празднике и вскоре после того зазвучали религиозные песнопения. Адмирал и все экипажи эскадры отправились в церковь, а после богослужения меня отвезли на шлюпке к месту, где находился древний Херсон⁴⁶ [Kherston], в 4 или 5 верстах от нынешнего поселения, у самого входа в порт. Тщетно искал я среди развалин, появившихся вследствие пережитых этим городом различных перемен и которые русские разбирают для строительства нового⁴⁷, остатки храма Дианы, где Ифигения была жрицей, пока её не отыскал брат⁴⁸. Этот драматичный сюжет, который недавно был воспроизведён в разных наших театрах, живо охватил моё воображение, перенеся мысли мои на родину, от которой я был так далеко. Я осмотрел подземелья, которые ещё сохраняются под стенами этого древнего города⁴⁹ на таврическом Херсонесе⁵⁰

⁴⁵ Червь-древоточец (*Teredo navalis*), или шашень, двустворчатый моллюск, истачивающий и приводивший в негодность обшивку деревянных судов. Об этой проблеме не раз писали путешественники [например: 23, с. 38, 200].

⁴⁶ Развалины древнегреческого города Херсонеса, который в византийское время назывался Херсоном (VI/V в. до н. э. – XIV/XV в. н. э.), находились примерно в 2,5 км по прямой линии к западу от городских кварталов XVIII в. (сегодня их окружает современная городская застройка). Расстояние, которое указал де Караман, по-видимому, измерено по извилистой дороге, так как путешествовавшим по суше приходилось петлять между балок и холмов. В конце XVIII в. местоположение древнего Херсонеса было предметом споров – его искали в разных местах в Крыму и за его пределами [39, с. 243–244]. Показательно, что в записках де Карамана оно определено точно; по всей видимости, путешественник использовал информацию, полученную от русских флотских офицеров.

⁴⁷ Нехватка строительных материалов в окрестностях строящегося Севастополя заставила моряков разбирать постройки Херсонеса и его сельской территории, хоры, используя добытый камень для новых сооружений [11, с. 77–78; 23, с. 47; однако: 22, с. 86–127].

⁴⁸ Согласно античному мифу, переданному в драме Еврипида «Ифигения в Тавриде», дочь предводителя греков в Троянской войне царя Агамемнона Ифигения служила жрицей в храме богини Артемиды (Дианы) в земле тавров, то есть в южной части Крыма. В конце концов туда прибыл её брат Орест и они вместе вернулись на родину. Этот сюжет использовали многие популярные литературные и оперные произведения Нового времени [33, с. 93–94]. Поиски легендарного храма были любимым занятием путешественников по Крыму [39, с. 251–252]. Де Караман смешал известия о святилище таврской богини из классической трагедии Еврипида и рассказ античного географа Страбона о храме женского божества в Херсонесе [29, с. 282]. В результате древний миф оказался связан не с таврами, а с греческим городом. Точно также поступил и де Бар – товарищ де Карамана по путешествию [42, с. 410], так что, возможно, у них был один информатор из числа русских офицеров.

⁴⁹ По-видимому, де Караман спускался в подземные склепы на загородном некрополе Херсонеса, который находился за пределами городских стен к югу от города, чтобы отыскать там какие-нибудь древние вещи.

⁵⁰ Любопытно, что француз использует этот топоним в соответствии с античной традицией (хотя и пишет прилагательное со строчной буквы) – для обозначения всего Крымского полуострова, а не го-

[Chersonèse taurique], но без всякого результата. Поэтому я поспешил вернуться, чтобы присутствовать на данном адмиралом торжественном обеде, где, под звуки пушечных залпов, было произнесено множество задравных тостов, среди которых я удостоился чести сказать и свой, а затем мы все вместе сели на лошадей и отправились ужинать в Балаклаву⁵¹ [Balaclava], маленький порт в 15 верстах [werstes⁵²] от Ахтиара. В довольно гористой части страны, через которую мы проезжали, живут албанцы⁵³. Здесь есть превосходные пастбища, где пасутся стада овец и коз.

Этот порт, расположенный на южном берегу Крыма и защищённый от всех ветров отвесными скалами, между которыми остаётся лишь очень узкий, однако доступный для самых больших судов проход, был бы во всех отношениях хорош, если бы там не водились в огромном количестве черви⁵⁴, что делает невозможной стоянку даже торговых судов. Генуэзцы построили почти неприступную крепость на скалах красивого красного мрамора, которые ограничивают порт с восточной стороны⁵⁵. Туда ведёт вырубленная в скале узкая тропинка, извинаясь вдоль обрыва над морем. Древние укрепления, по большей части всё ещё сохранившиеся, сложены из больших тёсаных камней. С высоты укреплений открывается вид на Чёрное море в кайме из огромных, живописнейших скал.

Все албанцы, которых привезли русские, чтобы заселить и возделывать эту провинцию, скучают по своей родине. Они исповедуют греческую религию, искусны, ловки и очень хороши для войны. Костюм их довольно красив; почти все они носят серебряные кирасы с разными украшениями и вооружены длинными ружьями, которые стреляют на большое расстояние. От природы весёлые, они очень любят танцевать, и я был свидетелем собрания, где они предавались этому занятию, которое состояло в том, что все они, взявшись за руки и опустив голову, в точности повторяют движения самого видного танцора, который и ведёт [всю] группу. Он показывает различные фигуры с помощью платка, который держит в свободной руке. Однако выражение их лиц не выказывает особенного веселья.

Майор этих албанцев⁵⁶, с которым я имел случай беседовать, дал мне точный отчёт о нескольких событиях, в которых он принимал участие, и, в частности, о

рода на его юго-западной оконечности, что зачастую делают современные авторы [см.: 35].

⁵¹ Селение на берегу одноимённой бухты на юго-западной оконечности Крымского полуострова, к югу от Севастополя. Ныне входит в состав Балаклавского района г. Севастополя.

⁵² Здесь написание слова «верста» (во множественном числе) отличается от других фрагментов источника, где использована форма *verstes*; не исключено, что это опечатка.

⁵³ После окончания русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в крепости Керчь и Еникале в Восточном Крыму, которые были получены Россией по условиям мирного договора, поселили выходцев из Греции и Эгейских островов – греков и албанцев, которые образовали Албанское (Греческое) войско (1775 г.). В 1784 г. значительная их часть была переведена в Балаклаву и окрестности [25, с. 15–41].

⁵⁴ Ср. прим. 45.

⁵⁵ По современным археологическим данным, крепость Чембало выстроили генуэзцы, владевшие ею в XIV–XV вв. В конце XV в. крепость захватили османы; после этого её стали называть Балаклавой.

⁵⁶ Очевидно, командир балаклавских греков (Албанского войска), премьер-майор Константин Чапони [см.: 24, № 97, с. 182; № 136, с. 223; № 144, с. 231; № 160, с. 249; прим. 227, с. 374–375].

резне татар, совершенной в мирное время по приказу императрицы и под пустым предлогом; до сих пор я сомневался в достоверности известий об этом [событии], ставшем ужасом и позором её царствования, но меня убедило свидетельство человека, чья рота (он был тогда капитаном) самостоятельно истребила 1400 [человек].

Я покинул Балаклаву 1-го (12) апреля и отправился по дороге на Мангуп⁵⁷ [Markoup], ещё одну крепость, также построенную на вершине горы, положение которой должно было сделать её неприступной. В долинах [здесь] всегда прохладно, есть много плодовых деревьев и много воды; горы бесплодны или покрыты одним только кустарником; леса же, откуда можно взять древесину для строительства небольших зданий, имеются лишь у моря. Я проехал через несколько селений, где когда-то было много жителей, но [сейчас] они совершенно обезлюдели из-за войн и эмиграции⁵⁸, так что от них остались лишь груды камней. Татары, которые ещё остаются [здесь], разводят скот, который прячется на ночь в естественных пещерах. Нигде эти [пещеры] не встречаются так часто и нигде они так не красивы, как в Крыму; я видел те, что могут вместить шестьдесят лошадей. Татары, хорошо знакомые с этими убежищами в глубине [скал], [в борьбе] против русских смогли использовать данное преимущество, позволявшее им скрыться и в нужный момент с лёгкостью напасть на ничего не подозревавших врагов и нанести им значительные потери.

Крепость Мангуп – ещё одно творение генуэзцев⁵⁹ – находится на вершине одной из самых высоких в тех местах гор, округлой с одной стороны и имеющей три длинных, очень узких выступа с другой⁶⁰. Такие же как в Инкермане кельи и аналогичная церковь были вырублены в природной скале самого длинного выступа; здесь ещё видны явные признаки жилья, такие как двери, окна, шкафы, скамьи и входные лестницы⁶¹. Остальную часть плато занимает наполовину татарское, наполовину еврейское⁶² селение, в прошлом служившее ханам [kans⁶³] государственной

⁵⁷ Крупнейший «пещерный город» юго-западного Крыма, находится на вершине одноимённой горы близ села Ходжа-Сала Бахчисарайского района Республики Крым. Первые жители появились здесь, вероятно, в III–IV вв., а во второй половине VI в. под руководством византийских инженеров здесь построили крепость, служившую ставкой местного правителя и убежищем для окрестных жителей. В 1475 г. она была захвачена османами.

⁵⁸ Согласно исследованиям демографов, к концу XVIII в. население Крыма сократилось втрое по сравнению с 1760-ми–1770-ми гг. Очевидно, причиной этого были не только последствия присоединения к России, но и внутренние смуты и эмиграции в последние годы существования ханства [5, с. 85–91, 120–122].

⁵⁹ Подобно многим другим средневековым крепостям в Крыму, например, Перекопу (см. прим. 11) или Каламите-Инкерману (см. прим. 39), крымско-татарское предание приписывало строительство Мангупа генуэзцам [44, с. 75; 37, с. 418–419]. Де Караман доверился подобной легенде, возможно, услышанной от его русских знакомых.

⁶⁰ Де Караман ошибся: на северной стороне Мангупского плато имеется не три, а четыре выступа (или мыса), причём они хорошо заметны снизу, из долины Джан-Дере.

⁶¹ Речь идёт о пещерных сооружениях, высеченных на вершине восточного мыса Мангупа Тешкли-Бурун, представляющих собою остатки монастыря, церкви и оборонительных казематов [7, с. 145].

⁶² «Евреями» де Караман назвал живших на Мангупе неталмудических иудаистов – караимов, говоривших на тюркском языке.

⁶³ Де Караман транслитерирует титул хана по французской традиции своего времени, через началь-

тюрьмой⁶⁴. Здесь я пообедал у одного турка, который принял нас достаточно хорошо, но по своему религиозному фанатизму неодобрительно отнёсся к тому, что мы стали пить вино под его крышей. [Однако] несколько рублей успокоили его совесть, которая [иначе] могла бы доставить нам проблемы. После обеда я велел раскопать несколько могил, высеченных в скале и засыпанных землёй; но мне пришлось удовлетворить своё любопытство древними, полуразрушенными костяками вместо медалей⁶⁵ и украшений, которые я надеялся найти, откапывая [могилы]. Затем я с большими трудностями спустился по исключительно крутому склону, усеянному небольшими каменными осыпями, ведущему обратно к прекрасным долинам в направлении Ашламы. Я заметил небольшие карликовые вишни, в то время покрытые цветами, но меня уверяли, что их ягоды превосходны. Близ Бахчисарая, где я оказался снова, есть городок, в котором живут евреи, называющийся Чуфут-Кале⁶⁶ [Zoufoukalé], расположенный на одной из возвышающихся над городом [Бахчисараем] высоких скал, куда ханы некогда отправляли тех, от кого хотели избавиться, так что еврей⁶⁷, кормившие [узников] на протяжении известного времени, в назначенный день отравляли их или же сбрасывали с вершины скал. Братья и ближайшие родственники ханов не были застрахованы от печальной судьбы тех, кто оказался под подозрением, а при каждом внезапном перевороте кровь жертв тирании и узурпации текла ручьями⁶⁸.

1 (12) апреля я заночевал в Ашламе, а на следующий день расстался с князем Дашковым, который повсюду сопровождал меня, чтобы вернуться в Акмечеть и совершить прогулку на высочайшую во всем Крыму гору, имеющую форму палатки⁶⁹,

ную букву *k*. Например, в статье «Крым» из «Энциклопедии» Дени Дидро и Жана д'Аламбера сказано, что местными жителями «управляет хан, которого мы называем *kam*, назначаемый Оттоманской Портой, которого смещают, по словам г-на Волгера, если татары на него жалуются, а ещё скорее, если он слишком непопулярен» [50, р. 470]. Англичанин Уильям Итон, бывавший в Крымском ханстве и составивший интересное его описание, не упустил возможности посмеяться над французами: «В отношении титула <...> хан (французы, которые не отличают звук *m* от *n*, если за ним не следует гласная, обычно пишут его как кам [*kam*] или хам [*cham*], вроде того, как они пишут Эдinburgh [Edimbourg] и пр.)...» [40, с. 582].

⁶⁴ Крымские ханы действительно использовали Мангуп как узилище, где держали знатных пленных; де Караману могли рассказать об этом российские офицеры или местные жители. Возможно, «тюрьма» находилась в нижнем ярусе искусственных пещер на мысе Тешкли-Брун (см. прим. 61) [7, с. 145].

⁶⁵ médailles, т. е. монет. Любительские «раскопки» де Карамана – одни из первых, документально зафиксированных на Мангупе.

⁶⁶ Пещерный город», расположенный на вершине горного плато на окраине Бахчисарая, в 3 км к востоку-юго-востоку от ханского дворца. Предположительно возник в VI в. н. э. как крепость, построенная византийцами для своих союзников. Во время де Карамана единственными его жителями были караимы [9].

⁶⁷ т. е. караимы (ср. прим. 62).

⁶⁸ Вымышленная история, очевидно, рассказанная де Караману его русскими спутниками или местными жителями. Возможно, она навеяна тем историческим фактом, что на Чуфут-Кале действительно находилась ханская тюрьма [см.: 8, с. 225–232].

⁶⁹ Чатырдаг – горный массив в южной части Крыма, к северу от Алушты. В переводе с тюркского –

которую замечаешь почти сразу после того, как покидаешь Босфор [Bosphore]⁷⁰. По дороге к ней я пересёк возделанную страну и луга, где паслись бесчисленные стада, которые составляют богатство татар. Я миновал развалины мощного замка, который построил последний хан⁷¹ чтобы держать там двух своих любимых жён⁷², и, после долгих петляний, достиг подножия горы, с вершины которой, как мне обещали, я надеялся насладиться великолепной панорамой всего Крыма; но эта гора окружена другими крутыми горами и весьма труднодоступна. К тому же выпало немного снега; дороги стали труднопроходимыми, и я был вынужден вернуться в Карасубазар, так и не сумев подняться на гору, как планировал. Я проехал 60 вёрст по гористой стране, частично возделанной, но очень мало населённой. В местах, лучше всего подходящих для земледелия, отряды барона Игельстрома построили небольшие, весьма опрятные селения, с которых и началась подлинная колонизация [края].

Во время своего второго пребывания в главном лагере, я присутствовал на смотре лучшей части армии и был поражён совершенством, которое она продемонстрировала на марше и при обращении с оружием. Справедливо [говорят], что ничто не может отвлечь внимание русских солдат, так что если бы офицеры были столь же хороши, это были бы наилучшие в мире войска.

После парада я уехал, увозя с собой воспоминания о доброте генерала, в его дрожках⁷³ [droschki], запряжённых единственно лошадыю, [данных мне] чтобы удобнее преодолевать ущелья между Карасубазаром и Судаком⁷⁴, и с конвоем, который пока ещё был полезен из-за [нынешнего] состояния этой страны. Я видел почти не возделанную [местность], несколько разрушенных селений и развалины греческих⁷⁵ и армянских церквей, оставшихся от древнего населения, рассеявшегося из-за [случившихся] несчастий. В 40 верстах от Карасубазара начинаются горы, которые становятся всё более и более суровыми и дикими. Посреди огромных скал встречаются маленькие рощицы, а дороги почти непроходимы.

Красивая долина, засаженная всеми видами плодовых деревьев, привела нас к берегу моря, а оттуда – в Судак, некогда очень значительный город, укреплённый генуэзцами; на его стенах до сих пор сохранились гербы консулов, которые распорядились ремонтными работами. Почти полностью разрушенный город лежит меж-

«шатёр-гора».

⁷⁰ Босфор Киммерийский – древнее название Керченского пролива, отделяющего Крым от Тамани и соединяющего Чёрное море с Азовским.

⁷¹ Шагин-Гирей (ок. 1745/1755–1787), крымский хан в 1777–1783 гг.

⁷² Возможно, имеется в виду Эски-Сарай – комплекс построек ханского времени, центром которого являлась мечеть, а функциональное назначение остаётся предметом дискуссии. Он находится на правом берегу р. Салгир, в 10 км к юго-востоку от Симферополя, на территории нынешнего с. Пионерское Симферопольского района Республики Крым [16].

⁷³ Русское название лёгкого четырёхколёсного открытого экипажа, запряжённого одной лошадыю.

⁷⁴ В XIV–XV вв. Судак был крупной генуэзской колонией, жители которой построили до сих пор сохранившиеся внушительные укрепления, привлекавшие западноевропейских путешественников. В эпоху Крымского ханства город находился в глубоком упадке.

⁷⁵ т. е. православных.

ду крутыми возвышенностями; его окружает фланкированная башнями стена. Над ним господствует крепость, защищающая участок берега, наиболее удобный для высадки [с кораблей]. Изгнанные из города татары живут в самых жалких предместьях. В городе до сих пор сохранились две прекрасные и весьма глубокие цистерны, куда вода подавалась по трубам, проходившим сквозь стены. В окрестностях Судака растут очень хорошие виноградники, которые приобрёл князь Потёмкин⁷⁶ и поручил заботу о них французскому виноделу⁷⁷.

Чтобы поехать в Кафу⁷⁸ [Kaffa], мне пришлось вернуться на 30 вёрст тем же путём, по которому я приехал [сюда]; заставшая меня по дороге ночь была очень темна, к тому же собиралась гроза, так что я счёл более невозможным продолжать поездку по горам, где [мои дрожки] уже дважды опрокидывались, а некоторые участки [дороги] таили реальную опасность. Не желая входить в татарские дома из-за чумы, я прибегнул к помощи моих казаков, которые развели отличный костёр посреди сада, соорудили для меня убежище из попон⁷⁹, натянув их на свои пики, и дали мне седло вместо подушки; так что моя ночь прошла бы прекрасно, если бы не сильный дождь, во время которого мы испытали все возможные неприятности; к тому же ужасная грязь усугубила дурное состояние дорог и в конце концов стала причиной происшествия, которого мы [так] боялись и которое чуть не привело к печальным последствиям. Итак, задние колеса дрожек соскользнули по краю обрыва, куда мы, младший офицер и я, и упали, а я перевернулся вниз головой, стараясь поддержать своего товарища и оказавшись под остальной частью своего экипажа, ведь вследствие этого толчка лошадь повалилась на нас, что доставило нам немало беспокойства, пока, оказавшись зажатой в овраге, она больше не смогла двигаться. В конце концов один из сопровождавших меня казаков пришёл к нам на помощь с верёвками; всех успешно достали из бездны, так что следами происшествия остались лишь несколько рытвин [в земле] и очень грязный экипаж, так что я от всего сердца возблагодарил небо, когда смог спокойно оценить место падения и опасность, которой я подвергся. Испытывая отвращение к дрожкам, я шёл пешком до казачьего поста, который находился всего в трёх верстах, а татарин – деревенский староста, увидев жалкое моё состояние, учтиво принёс мне под дерево сухих дров, развёл хороший костёр и таким об-

⁷⁶ Князь Григорий Александрович Потёмкин (1739–1791) – российский государственный деятель, в описываемое время бывший генерал-губернатором Новороссийского края, то есть фактическим правителем юга нынешних России и Украины.

⁷⁷ Француз Жозеф Банк (ок. 1750 – после 1793) был приглашён Потёмкиным для развития виноградарства и виноделия в России. В 1784–1787 гг. он постоянно проживал в Судаке, занимая должность директора казённых садов в Крыму, а также управляя садами во владении частных лиц. Не достигнув ожидаемых результатов, был уволен, но остался жить в Крыму [34; 19, с. 3–4].

⁷⁸ Средневековое название генуэзской колонии в юго-восточном Крыму. В османское время город именовался Кефе, а после присоединения к России его переименовали в Феодосию, по названию античного поселения, существовавшего на том же месте. Тем не менее, название Кафа также оставалось в ходу.

⁷⁹ *souvertures*; возможный вариант – «из одеял».

разом помог мне высушиться, насколько это было возможно; затем, решив продолжить свой путь верхом, я сел в казацкое седло, приподнявшее меня вверх, на фут над моим конём, так что я мог смотреть вокруг словно с высоты башни, и направился через страну, которая постоянно была весьма гористой и покрытой небольшими рощами, к Старому Крыму [Vieux-Crimee]⁸⁰; оказалось, что при выезде из гор [начинается] совершенно плоский участок земли, которым и завершается [Крымский] полуостров на берегу Азовского моря [mer d'Azoff]. Старый Крым, который, должно быть, в прошлом был достаточно значительным местом, если судить по развалинам домов и количеству мечетей и церквей, существующих доныне, теперь не более чем скромное селение, занятое русскими войсками, которые частично восстановили его, а все первоначальные жители её покинули. Через 15 вёрст, за обширными лугами, попадаешь в Кафу.

Этот город, один из самых больших и лучше всего построенных в Крыму, некогда был местом торговли, которую в этой стране вели генуэзцы, выстроившие его стены. Порт, который больше похож на [простой] рейд, должно быть, не слишком безопасен при южных ветрах. На западной стороне город граничит с горами, а на востоке тянется по равнинной местности. Его стена весьма обширна и фланкирована мощными башнями. Вторая стена, кажется, окружала своего рода цитадель, чьи хорошо сохранившиеся ворота ведут к морю, а другие – к северной части города. До сих пор сохранились десять ханов [khans]⁸¹, где купцы хранят товары; их количество свидетельствует об обширной торговле, которая велась здесь в прошлом. Остальные здания сделаны из дерева, за исключением двух мечетей, одна из которых – самая красивая из тех, что я видел после Константинополя. Образующий вход в неё портик поддерживают шесть мраморных колонн, на одной из которых имеется греческая надпись с датой «342»⁸². Внутреннее пространство [мечети] увенчано прекрасным куполом очень хорошей сохранности. Две каменные сводчатые турецкие бани находятся рядом с мечетью. Базар мал и весьма некрасив. Армяне и греки взяли в свои руки всю торговлю, которая не очень значительна. Татар выселили в предместья, откуда им разрешается выходить лишь при наличии разрешения; [это сделано] для того, чтобы избежать контактов, которые могут привести к распространению чумы.

⁸⁰ Эски-Крым или Старый Крым – город в восточной части Крымского полуострова, ныне городское поселение в составе Кировского района Республики Крым. Интересно, что де Караман перевёл название города.

⁸¹ Хан – персидское название караван-сарая, т. е. постоянного двора для купцов-караванщиков, обычно представлявшего собой монументальное строение.

⁸² Речь идёт о самой большой в городе мечети – Шахзаде-Сулейман-Хан-Джами (или Султан-Селим-Джами), построенной в начале XVI в. До наших дней она не сохранилась. Француз оказался первым автором Нового времени, обратившим внимание на вторично использованную в колоннаде мечети колонну с греческой надписью. В действительности дата в надписи, проставленная греческими буквами, была другой – 6327 г. «от Адама» = 819 г. н. э. [4]. Неизвестно, знал ли путешественник греческий, а потому ошибка может объясняться сведениями, полученными от местных информаторов.

В 3 верстах от Кафы, на берегу моря, находятся фундаменты каменного дворца, который хан [khan⁸³] собирался выстроить для себя, когда ему пришлось отказаться от власти⁸⁴.

Дорога из Кафы в Керчь [Kertch] и Еникале [Ienikalé]⁸⁵ идёт по равнине, через прекрасные пастбища, где пасутся многочисленные стада тучных овец, а их ягнята дают высоко ценимые шкурки, которые татары продают по хорошей цене. В Керчи имеются старые укрепления, устроенные русскими, когда те впервые получили владения [в Крыму] согласно условиям [Кючук]-кайнарджийского договора⁸⁶ напротив острова Тамани [Tawan]⁸⁷, нынешнего убежища последнего хана⁸⁸, которому теперь больно смотреть на свои бывшие владения – печальный и болезненный предмет для размышлений. Керчь весьма велика. Её крепость построена по-турецки, окружена фланкированными башнями стенами и вооружена пушками. Русские ничего здесь не изменили; но они почти восстановили город, который выглядит лучше, чем то что обычно можно наблюдать в Крыму. Рейд очень хорош, а корабли здесь находятся в безопасности. От Кафы до Керчи – 107 вёрст, а оттуда ещё 10 [вёрст] до Еникале, которая была уступлена русским одновременно с Керчью и имеет почти такое же значение. Город вытянут вдоль моря и населён лишь греками и армянами, которые ведут не слишком прибыльную торговлю, основным предметом которой всё ещё является сушёная рыба. Крепость обширна, примыкает к горе и защищает проход [через пролив] фланговой батареей. Самая высокая часть [крепости] построена вероотступником-французом; однако он, к несчастью, [при этом] отвёл родник, служивший туркам для омовения, и ему отрубили голову на том самом месте, где можно было увидеть его искусство.

В Еникале я нашёл генерала Розенберга⁸⁹ [Rosemberg], который также командовал в Керчи и оказал мне приём, заставивший забыть о задержке, вызванной посто-

⁸³ В данном случае де Караман точно передал звучание ханского титула – ср. прим. 63.

⁸⁴ Де Караман (а точнее, его информатор) ошибся: по свидетельству караимской хроники, Шагин-Гирей (см. прим. 71) начал строить дворец близ Кафы, ещё будучи ханом, чтобы перенести туда свою столицу [1, с. 159].

⁸⁵ Османская крепость, построенная в начале XVIII в. на берегу Керченского пролива для контроля над проходом кораблей из Азовского в Чёрное море. Находится в северной части современного городского округа Керчь Республики Крым [2, с. 69–107].

⁸⁶ Кючук-Кайнарджийский мирный договор от 10 июля 1774 г. завершил русско-турецкую войну 1668–1774 гг. По его условиям Крымское ханство получило независимость от Османской империи, а Россия, в частности, – крепости Керчь и Ени-Кале на восточной оконечности Крыма, контролировавшие навигацию между Чёрным и Азовским морями [13, с. 349–360].

⁸⁷ Таманский полуостров, расположенный на восточном берегу Керченского пролива, в конце XVIII в. считался островом, ограниченным Азовским морем и руслами р. Кубань. Ошибку в латинском написании топонима мог допустить не де Караман, а Раймон, спутав стоящую в рукописи букву m с w (ср. прим. 4).

⁸⁸ После отречения от престола хан Шагин-Гирей (см. прим. 71) отправился на Тамань и долгое время не хотел уезжать оттуда в один из предложенных ему российских городов – Воронеж, Орёл или Калугу, что вызывало беспокойство у Екатерины II [24, с. 32, 117–118, № 40].

⁸⁹ Андрей Григорьевич Розенберг (1739–1839) – российский военачальник из курляндских дворян, в

янными противными ветрами. На этих обширных равнинах я охотился на прекрасных черкасских лошадях [chevaux cherchasses] или «черкесах»⁹⁰ [circassiens], которых одолжил мне генерал, с борзыми, быстрота которых вошла в поговорку. Наконец, 8 (19) апреля поднялся восточный бриз, я смог поставить паруса на галиоте⁹¹, присланном за мной адмиралом по приказанию императрицы, и отплыл в Таганрог.

Так закончилась моё краткое знакомство с этим важным полуостровом, недавно перешедшим под власть России вследствие ловко спровоцированного ими обращения хана, [пригласившего русские войска] якобы для того, чтобы помочь ему замирить возникшие [в Крыму] волнения, грозившие перерасти в гражданскую войну. Утвердившись в этой стране, русские стали вести себя как хозяева, преследуя того самого хана, который призвал их на помощь, опустошили его государство и, в конце концов, принудили его к отречению, которое Шагин-Гирей [Chahyn-Ghérai] подписал после того, как собрал своих мурз⁹² [mourzas], упрекнул их в малодушии и, перед [самым] своим отъездом, казнил многих из тех, кого считал изменниками. Получив пенсию в 200 000 рублей, от которой он в конце концов отказался, он вместе с теми татарами, кто оставался ему верен, отправился на остров Тамань, который сделал своей резиденцией; с тех пор имперская армия заняла эту страну, которая полностью покорена, а Порта⁹³, которая должна была гарантировать права хана, не осмелилась протестовать.

Татары, не пожелавшие покинуть страну вслед за ханом или отправиться в Анатолию⁹⁴ [Natalie], остались мирными владельцами своего имущества после того, как принесли клятву верности [императрице]; они сохранили свою религию, свои обычаи, свои гаремы и до сих пор не платят никаких податей. Но после того, как прежде опасались их доблести, теперь опасаются их слабости, и русская политика следит за приумножением этого населения, которое она стремится заменить благодаря новой колонизации.

Из этих заметок можно увидеть, что в своей южной⁹⁵ части, то есть от Перекопа до Ахтиара, Крым включает примерно 120 вёрст равнинной и малонаселённой местности, где лишь пасутся многочисленные стада, но которая не может развиваться в полной мере, пока не сооружены доставляющие воду каналы – обязательный элемент для любого серьёзного предприятия. Южная часть [полуостро-

описываемое время обер-комендант крепостей Керчь и Ени-Кале, генерал-майор.

⁹⁰ По-видимому, путешественник имеет в виду лошадей кабардинской (или черкасской) породы, отличавшихся выносливостью, ловкостью и силой, которых привозили с Северного Кавказа.

⁹¹ Плоскостное парусно-гребное судно, имевшее от одной до трёх мачт и смешанное парусное вооружение.

⁹² Мурза – аристократический титул в Крымском ханстве; Российской империей официально не признавался.

⁹³ Высокая / Блистательная / Оттоманская порта – принятое в европейской дипломатии название правительства Османской империи.

⁹⁴ Традиционное название Малой Азии, берущее начало с античных времён.

⁹⁵ méridionale, хотя по смыслу здесь должно быть слово *septentrionale*, «северная», «северной». Де Караман хорошо представлял себе географию Крыма, потому, вероятно, просто описался.

ва], занимающая [площадь] 190 на 60 вёрст между Ахтиаром, Кафой, Акмечетью и Балаклавой, включает, как мы видели, места благоприятные для земледелия, с хорошим орошением, с изобилием фруктов, но населения там до сих пор не хватает. Многие улучшения уже сделаны или [только] готовятся; торговля должна получить свободу от обложения; будут приняты меры для оздоровления страны, в которой все ещё свирепствует чума, и для обеспечения благополучия армии, которую ежегодно истребляют климат и болезни; наконец, даже названия подвергнутся изменению, так что Крым отныне будет называться *Тавридой* [*Tauride*]⁹⁶, Кафа превратится в *Феодосию* [*Theodosia*], а Ахтиар назовётся *Севастополем*⁹⁷.

⁹⁶ Это название образовано от не существовавшего в древности греческого **Ταυρίς*, -ίδος. В античности Крым называли несколько иначе – *Ταυρικὴ*, *Taurica*, *Таврика*. Вероятно, появление неточного названия связано с традиционным переводом названия классической трагедии Еврипида Ἰφίγενεια ἐν Ταύροις, которое в западноевропейской традиции передавали как *Iphigenia in Tauris*, «Ифигения в Тавриде», то есть в стране (тавров), тогда как корректная версия включала бы название народа – «Ифигения у тавров». Отсюда английская форма *Taurida*, французская *Tauride* или русская *Таврида*. Российские власти использовали это название, чтобы подчеркнуть как классическое наследие региона, так и начало нового этапа в его жизни.

⁹⁷ Правительство Екатерины II систематически давало новые, славянские или греческие, названия южным городам, как отвоёванным у турок и татар, так и вновь основанным. Этим подчёркивалось классическое наследие региона и одновременно «права» на него России как «наследницы» эллинов, византийцев и Древней Руси [см.: 59; 60].

Рис. 1. Маркиз Виктор де Караман, посол Франции в Вене.

Литография Фридриха Лидера, ок. 1830 г. (Собрание Музея Альбертина, Вена)

Fig. 1. Marquis Victor de Caraman, French ambassador to Vienna. Lithograph by Fredrich Lieder, ca 1830 (Albertina Museum collection, Vienna)

Рис. 2. Летний дворец хана Крымской Татари в Бахчисарае. Рисунок неизвестного происхождения (Wikimedia Commons)

Fig. 2. Summer Palace of the Khan of Krim Tartary at Bagtche-Serai. Drawing of unknown provenance (Wikimedia Commons)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахизер Г. Завоевание Крыма Российской империей глазами караимских хронистов. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2015. 240 с.
2. Белик Ю.Л. Османские оборонительные сооружения на Керченском полуострове (XVII–XVIII вв.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2016. 236 с.
3. Буров Г.М. Энциклопедия крымских древностей: археологический словарь Крыма. Киев: Стило, 2006. 527 с.
4. Виноградов А.Ю. Первый эпитафист, «год от Адама» и воспорский Апостолейон. История фео-досийской колонны // Образ Византии. Сборник статей в честь О.С. Поповой. М.: Северный паломник, 2008. С. 67–72.
5. Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков: численность, размещение, этнический состав. М.: ИРИ РАН, 2003. 159 с.
6. Возгрин В.Е. История крымских татар. Т. I. 3-е изд. Симферополь: Тезис, 2013. 872 с.
7. Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 87–169.
8. Герцен А.Г., Могаричёв Ю.М. Херсон и его округа в конце X–XI вв. «Пещерные города» // Русский исторический сборник: Средневековый Херсон X–XI вв. М.: Киммерийский центр, 2015. С. 433–481.
9. Герцен А.Г., Могаричёв Ю.М. Кырк-Ер – Чуфут-Кале. Крепость на краю седьмого климата. Ис-следование. Путеводитель. Альбом. Симферополь: Антиква, 2016. 312 с.
10. Герцен А.Г., Храпунов И.Н. Рец. на кн.: Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар // РА. 1994. № 1. С. 219–225.
11. Головачов В.Ф. История Севастополя как русского порта. СПб.: Типография Департамента уде-лов, 1872. 260 с.
12. Дмитров Л.Д. Перекоп. Ров и вал. Киев: Изд-во АН УССР, 1940. 105 с.
13. Дружинина Е.И. Кючюк-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М.: Изд-во АН СССР, 1955. 366 с.
14. Кадо М., Режемортер Ж.Л. ван. Внешняя торговля России в 1784 г. по путевому дневнику Баера дю Оллана // Франко-русские экономические связи. М.; Париж: Наука, 1970. С. 162–188.
15. [Караман В.-Л.-Ш. де.] Поездка в Крым в 1784 году // Московские ведомости. 1854. 25 сентября. С. 481–482; 28 сентября. С. 485–486.
16. Кирилко В.П. Мечеть в Эски-Сарае (Пионерское) // Stratum plus. 2012. № 6. С. 261–297.
17. Крым в развитии России: история, политика, дипломатия. Документы Архивов МИД России. Ижевск: Принт, 2018. 600 с.
18. Макидонов А.В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII в. Запо-рожье: Просвіта, 2011. 336 с.
19. Маркевич А.И. Из прошлого крымского виноградарства и виноделия // Вестник виноделия Укра-ины. 1927. С. 1–32.
20. Могаричёв Ю.М. «Пещерные города» в Крыму. Симферополь: Сонат, 2005. 192 с.
21. Муззакевич Н. Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таври-ческого касательно устройства Таврической области с 1781 по 1786 год // ЗООИД. 1881. Т. 12. С. 249–329.
22. Орехов В.В. В лабиринте крымского мифа. Великий Новгород; Симферополь; Нижний Новгород, 2017. 579 с.
23. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русско-го государства в 1793–1794 годах / пер. с нем. С.Л. Белявская, А.Л. Бертье-Делагард. М.: Наука, 1999. 244 с.
24. Присоединение Крыма к России, 1783–1796 гг.: сборник документов / сост. Н.Ю. Болотина. М.: Кучково поле, 2019. 432 с.
25. Пряхин Ю.Д. Греки в истории России XVIII–XIX веков. Исторические очерки. СПб.: Алетей, 2008. 272 с.

26. Репников Н.И. Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма. Рукопись // НА ИИМК РАН. Ф. 10. Д. 10. 1939/40.
27. Русский биографический словарь / ред. А.А. Половцов: в 25 т. СПб., 1896–1918.
28. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Т. I: г. Бахчисарай. Симферополь: Форма, 2016. 168 с.
29. Страбон. География в 17 книгах / пер. с др.-греч. Г.А. Стратановский. М.: Наука, 1964. 940 с.
30. Фадеева Т.М. Князь П.М. Дашков и герцог Караман, или о некоторых аспектах присоединения Крыма к России // Е.Р. Дашкова и екатерининская эпоха: Культурный фундамент современности. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2011. С. 72–81.
31. Фадеева Т.М. Крым, 1784 год в «Записках» герцога Карамана, или о придворных интригах вокруг Г.А. Потемкина // Воронцовы и русское дворянство: между Западом и Востоком. Симферополь: Н. Орианда, 2012. С. 186–190.
32. Філас В. М. Візуальне освоєння Північного Причорномор'я останньої чверті XVIII – середини XIX ст.: джерелознавчий аналіз. Запоріжжя: Видавництво Хортицької національної академії, 2018. 460 с.
33. Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986. 240 с.
34. Французский винодел в екатерининской России (письма Ж. Банка князю Г.А. Потемкину). Из фондов Российского государственного архива древних актов – РГАДА / публ. и вступ. ст. Ж. Олливе; пер. с франц. А.В. Чудинов // Россия и Франция XVIII–XX вв. 2008. Вып. 8. С. 46–63.
35. Храпунов Н.И. О древнем названии города: Херсонес Таврический или Херсонес в Таврике? // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 571–584.
36. Храпунов Н.И. Крымские древности глазами Эдварда-Даньела Кларка: от археологии к идеологии // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 3. С. 116–132.
37. Храпунов Н.И. Мангупское городище в трудах путешественников конца XVIII – начала XIX в.: исследование и иллюзии // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 412–433.
38. Храпунов Н.И. Центральная Азия в воображении Запада в XVIII в. // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв. М.: ОнтоПринт, 2020. С. 143–163.
39. Храпунов Н.И. Крымские древности глазами западноевропейских путешественников конца XVIII – начала XIX в. // Российская империя и Крым. Симферополь: ИД КФУ, 2020. С. 241–258.
40. Храпунов Н.И. Уильям Итон и его описание Крыма накануне присоединения к России // МАИЭТ. 2020. Вып. XXV. С. 560–588.
41. Храпунов Н.И. Виктор де Караман – исследователь крымских древностей (1784 г.) // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XIII международный византийский семинар. Симферополь: Ариал, 2021. С. 283–290.
42. Храпунов Н.И., Гинькут Н.В. Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 395–430.
43. Черкасов П.П. Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой, 1791–1867. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. 453 с.
44. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области / пер. со староосм. Е.В. Бахревский. Симферополь: Доля, 2008. 272 с.
45. Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XIV: Калака – Кардам. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1895. 480 с.
46. [Caraman V. L. Ch. de.] L'Expédition de Constantine en 1836 / éd. M. Azaïs // Journal des débats politiques et littéraires. 1841. Samedi 12 juin. P. 3.
47. [Caraman V. L. Ch. duc de.] Journal d'un voyage en Crimée / éd. X. Raymond // Journal des débats politiques et littéraires. 1854. Samedi 23 septembre. P. 2, 3.
48. Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. I: Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London: T. Cadell and W. Davies, 1816. 524 p.

49. Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Vol. VI. Paris: Librairie de Gide, 1843. 461 p.
50. Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers / éd. D. Diderot, J. d'Alembert. T. 4. Paris, [1751]. 1098 p.
51. Geary P. The Myth of Nations: The Mediaeval Origins of Europe. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2002. 199 p.
52. Jankowski H. A Historical-Etymological Dictionary of Pre-Russian Habitation Names of the Crimea. Leiden, Boston: Brill, 2006. 1233 p.
53. Milner Th. The Crimea, Its Ancient and Modern History: The Khans, the Sultans, and the Czars. With Notices of Its scenery and Population. London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1855. 368 p.
54. Mullié Ch. Biographie des célébrités militaires des armées de terre et de mer de 1789 à 1850. T. 1. Paris: Poignavant et Comp., 1852. 574 p.
55. Robert A., Cougny G. Dictionnaire des parlementaires français. T. 1. Paris: Bourloton, 1889. 622 p.
56. Romme Ch.-G. Voyage en Crimée en 1786 / pr. par M. Deschanet, G. Bekirova. Paris: L'Harmattan, 2016. 149 p.
57. Spencer Ed. Travels in Circassia, Krim-Tartary, & c., Including a Steam Voyage down the Danube, from Vienna to Constantinople and round the Black Sea, in 1836. Vol. 2. London: Henry Colburn, 1837. 425 p.
58. Spencer E. The Prophet of the Caucasus; An Historical Romance of Krim-Tartary. Vol. I. London: Whittaker & Co., 1840. 294 p.
59. Unbegaun B. Les noms des villes russes: la mode slavonne // Revue des études slaves. 1936. T. 16. Fasc. 1–2. P. 65–75.
60. Unbegaun B. Les noms des villes russes: la mode grecque // Revue des études slaves. 1936. T. 16. Fasc. 3–4. P. 214–235.

REFERENCES

1. Akhiezer G. *Zavoevanie Kryma Rossiiskoi imperiei glazami karaimskikh khronistov* [The conquest of the Crimea by the Russian Empire through the eyes of Karaite chroniclers]. Jerusalem, Gesharim Publ.; Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2015, 240 p.
2. Belik Iu.L. *Osmanskije oboronitel'nye sooruzhenija na Kerchenskom poluostrove (XVII–XVIII vv.)* [The Ottoman defensive structures in the Kerch Peninsula, Seventeenth and Eighteenth centuries]. Kazan, Institut istorii im. Sh. Mardzhani Publ., 2016, 236 p.
3. Burov G.M. *Entsiklopediia krymskikh drevnostei: arheologicheskii slovar' Kryma* [An encyclopaedia of Crimean antiquities: the archaeological dictionary of the Crimea]. Kiev, Stilos Publ., 2006, 527 p.
4. Vinogradov A.Iu. The first epigrapher, the “year from Adam,” and the Bosporan Apostleion: a history of a column from Feodosia. *Obraz Vizantii. Sbornik statei v chest' O.S. Popovoi* [The image of Byzantium: the articles collected in honour of O. S. Popova], Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2008, pp. 67–72.
5. Vodarskii Ia.E., Eliseeva O.I., Kabuzan V.M. *Naselenie Kryma v kontse XVIII – kontse XX vekov: chislennost', razmeshchenie, etnicheskii sostav* [The population of the Crimea from the late eighteenth to the late twentieth centuries: the number, distribution, ethnic structure]. Moscow, IRI RAN Publ., 2003, 159 p.
6. Vozgrin V.E. *Istoriia krymskikh tatar* [A history of the Crimean Tatars]. Vol. 1. 3rd ed. Simferopol, Tezis Publ., 2013, 872 p.
7. Gertsen A.G. The Ensemble of Fortifications at Mangup. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 1990, vol. 1, pp. 87–169.
8. Gertsen A.G., Mogarichev Iu.M. Cherson and its environs in the late tenth and eleventh centuries: the “cave towns”. *Russkii istoricheskii sbornik. Srednevekovi Kherson X–XI vv.* [Russian historical collection: mediaeval Cherson in the tenth and eleventh centuries], Moscow, Kimmeriskii tsentr Publ., 2015, pp. 433–481.

9. Gertsen A.G., Mogarichev Iu.M. *Kyrk-Er – Chufut-Kale. Krepost' na kraiu sed'mogo klimata. Issledovanie. Putevoditel'. Al'bom* [Kyrk-Er – Chufut-Kale: a castle on the edge of the seventh klima: the research; guide; album]. Simferopol, Antikva Publ., 2016, 312 p.
10. Gertsen A.G., Khrapunov I.N. Review of the book: Vozgrin V.E. Historical fate of the Crimean Tatars. *Rossiiskaia arkhеologіia* [Russian archaeology], 1994, no. 1, pp. 219–225.
11. Golovachov V.F. *Istoriia Sevastopolia kak russkogo porta* [A history of Sevastopol as a Russian port]. St.-Petersburg, Tipografiia Departamenta udelov Publ., 1872, 260 p.
12. Dmitrov L.D. *Perekop. Rov i val* [Perekop: the moat and rampart]. Kiev, AN USSR Publ., 1940, 105 p.
13. Druzhinina E.I. *Kjuchuk-kajnardzhіjskij mir 1774 goda* (ego podgotovka i zakljuchenіe) [The Kucuk-Kainarca treaty of 1774: its preparation and conclusion]. Moscow, AN SSSR Publ., 1955, 366 p.
14. Cadot M., van Regemorter J.L. *Russia's foreign trade in 1784 according to Baert du Hollant's travel journal. Franko-russkie ekonomicheskie sviazi* [French-Russian economic connections], Moscow, Paris, Nauka Publ., 1970, pp. 162–188.
15. [Caraman V.-L.-Ch. de] A journey to the Crimea in the year 1784. *Moskovskie vedomosti* [Moscow gazette], 1854, September 25, pp. 481–482; September 28, pp. 485–486.
16. Kirilko V.P. The mosque in Eski-Sarai (Pionerskoe). *Stratum plus*, 2012, no. 6, pp. 261–297.
17. *Krym v razvitiі Rossii: istoriia, politika, diplomatiia. Dokumenty Arkhivov MID Rossii* [The Crimea in the development of Russia: the history, politics, and diplomacy. The documents form the archives of the Foreign Ministry of Russia]. Izhevsk, Print Publ., 2018, 600 p.
18. Makidonov A.V. *Personal'nyi sostav administrativnogo apparata Novorossii XVIII v.* [The personnel of the administrative staff of New Russia in the eighteenth century]. Zaporizhzhia, Prosvita Publ., 2011, 336 p.
19. Markevich A.I. From the past of the Crimean viticulture and wine-making. *Vestnik vinodeliia Ukrainy* [The Ukrainian wine-making herald], 1927, pp. 1–32.
20. Mogarichev Iu.M. “Peshchernye goroda” v Krymu [The “cave towns” in the Crimea]. Simferopol, Sonat Publ., 2005, 155 p.
21. Murzakevich N. His Highness the Prince Grigorii Aleksandrovich Potemkin-Tavricheskii's orders concerning the Taurida Oblast' from 1781 to 1786. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* [The proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities], 1881, vol. 12, pp. 249–329.
22. Orekhov V.V. *V labirinte krymskogo mifa* [In the labyrinth of the Crimean myth]. Veliky Novgorod, Simferopol, Nizhny Novgorod, Rastr Publ., 2017, 579 p.
23. Pallas P.S. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Rossiiskogo gosudarstva v 1793–1794 godakh* [The observations made during the travel through the southern governorates of the Russian Empire in 1793–1794]. Moscow, Nauka Publ., 1999, 244 pp.
24. *Prisoedinenie Kryma k Rossii, 1783–1796 gg.: sbornik dokumentov* [The unification of the Crimea with Russia, 1783–1796: a collection of documents]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2019, 432 p.
25. Priakhin Iu.D. *Greki v istorii Rossii XVIII–XIX vekov. Istoricheskie ocherki* [The Greeks in the history of Russia, eighteenth and nineteenth centuries]. St.-Petersburg, Aleteia Publ., 2008, 269 p.
26. Repnikov N.I. The materials for the archaeological map of the south-western highland in the Crimea: manuscript. *The archive of the Institute of the Material Culture History of RAS*, F. 10, D. 10, 1939/40.
27. Polovtsov A.A. (ed.). *Russkii biograficheskii slovar'* [A Russian biographic dictionary], 25 vols., St.-Petersburg, 1896–1918.
28. *Svod pamiatnikov istorii, arkhitektury i kul'tury krymskikh tatar* [A codex of the sites of history, architecture, and culture of the Crimean Tatars]. Vol. 1. Simferopol, Forma Publ., 2016, 168 p.
29. Strabo. *Geografiia v 17 knigakh* [Geography in 17 books]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 940 p.
30. Fadeeva T.M. Prince P.M. Dashkov and Duke Caraman, or on some of the aspects of the unification of the Crimea with Russia. *E.R. Dashkova i ekaterininskaia epokha: Kul'turnyi fundament sovremennosti* [E.R. Dashkova and the Catherinian Age: the cultural base of the contemporaneity], Moscow, 2011, pp. 72–81.
31. Fadeeva T.M. The Crimea, 1784, according to Duke Caraman's “Memoir,” or about the court intrigues around G. A. Potemkin. *Vorontsovy i russkoe dvorianstvo: mezhdu Zapadom i Vostokom* [The Vorontsovs and the Russian nobility: between West and East], Simferopol, N. Orianda Publ., 2012, pp. 186–190.

32. Filas V.M. *Vizual'ne osvovennia Pivnichnogo Prichornomor'ia ostann'oï chverti XVIII – seredini XIX st.: dzhereloznavchii analiz* [Visual opening of the Northern Black Sea Area from the last quarter of the eighteenth to the mid-nineteenth centuries]. Zaporizhzhia, Khortits'ka natsional'na akademiia Publ., 2018, 460 p.
33. Formozov A.A. *Stranitsy istorii russkoi arkheologii* [Pages in the history of Russian archeology]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 240 p.
34. A French wine-maker in Catherinian Russia: J. Banc's letters to Prince G. A. Potemkin, from the collections of the Russian State Archive of Ancient Acts. *Rossiiia i Frantsiia XVIII–XX vv.* [Russia and France, eighteenth to twentieth centuries], 2008, vol. 8, pp. 46–63.
35. Khrapunov N.I. The Ancient Name of the City: Tauric Chersonesos or Chersonesos in Taurica? *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2006, vol. 12, pp. 571–584.
36. Khrapunov N.I. Crimean antiquities through the eyes of Edward Daniel Clarke: from archaeology to ideology. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University journal. Series 2. Humanities and arts], 2016, vol. 18, no. 3, pp. 116–132.
37. Khrapunov N.I. The ancient site of Mangup in the works of travellers from the late eighteenth and early nineteenth centuries: researches and illusions. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2017, Vol. 22, pp. 412–433.
38. Khrapunov N.I. Central Asia in Western imagination: eighteenth century. *Tsentral'naia Aziia na perekrestke evropeiskikh i aziatskikh politicheskikh interesov: XVIII–XIX vv.* [Central Asia on the crossroads of European and Asian political interests: eighteenth and nineteenth centuries], Moscow, OntoPrint Publ., 2020, pp. 143–163.
39. Khrapunov N.I. The Crimean antiquities through the eyes of Western European travellers in the late eighteenth and early nineteenth centuries. *Rossiiskaia imperiia i Krym* [The Russian Empire and the Crimea], Simferopol, Izdatel'skii dom KFU Publ., 2020, pp. 241–258.
40. Khrapunov N.I. William Eton and his account of the Crimea on the eve of its unification with Russia. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2020, vol. 25, pp. 560–588.
41. Khrapunov N.I. Victor de Caraman as a researcher of Crimean antiquities (1784). *XIII mezhdunarodnyi vizantiiskii seminar "ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis"* [13th international Byzantine workshop "Chersonos Themata: the empire and the polis"], Simferopol, Arial Publ., 2021, pp. 283–290.
42. Khrapunov N.I., Ginkut N.V. The Crimea in 1784 according to the French traveller Baron de Baert's account. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2015, Vol. 20, pp. 395–430.
43. Cherkasov P.P. *Russkii agent vo Frantsii. Iakov Nikolaevich Tolstoi, 1791–1867* [A Russian agent in France: Iakov Nikolaevich Tolstoi, 1791–1867]. Moscow, Tovarishchestvo nauchnykh izdaniï KMK Publ., 2008, 453 p.
44. Evliia Chelebi. *Kniga puteshestvii: pokhody s tatarami i puteshestviia po Krymu (1641–1667 gg.)* [A book of travels: the campaigns with the tatars and travels through the Crimea, 1641–1667]. Simferopol, Tavriia Publ., 1996, 239 p.
45. *Entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopaedic dictionary]. Vol. 14. St.-Petersburg, Tipolitoografiia I.A. Efrona Publ., 1895, 480 p.
46. [Caraman V. L. Ch. de.] L'Expédition de Constantine en 1836. *Journal des débats politiques et littéraires*, 1841, 12 juen, p. 3.
47. [Caraman V. L. Ch. duc de.] Journal d'un voyage en Crimée. *Journal des débats politiques et littéraires*, 1854, 23 septembre, pp. 2–3.
48. Clarke E. D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey*. 4th ed. Vol. 2. London, T. Cadell and W. Davies, 1816, 524 p.
49. Dubois de Montpéreux F. *Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée*. Vol. 6. Paris, Librairie de Gide, 1843, 461 p.

50. *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*. Т. 4. Paris, [1751], 1098 p.
51. Geary P. *The Myth of Nations: The Mediaeval Origins of Europe*. Princeton, Oxford, Princeton University Press, 2002, 199 p.
52. Jankowski H. *A Historical-Etymological Dictionary of Pre-Russian Habitation Names of the Crimea*. Leiden, Boston, Brill, 2006, 1233 p.
53. Milner Th. *The Crimea, Its Ancient and Modern History: The Khans, the Sultans, and the Czars. With Notices of Its scenery and Population*. London, 1855, 368 p.
54. Mullié Ch. *Biographie des célébrités militaires des armées de terre et de mer de 1789 à 1850*. Т. 1. Paris, 1852, 574 p.
55. Robert A., Cougny G. *Dictionnaire des parlementaires français*. Т. 1. Paris, 1889, 622 p.
56. Romme Ch.-G. *Voyage en Crimée en 1786*. Paris, L'Harmattan, 2016, 149 p.
57. Spencer Ed. *Travels in Circassia, Krim-Tartary, & c., Including a Steam Voyage down the Danube, from Vienna to Constantinople and round the Black Sea, in 1836*. Vol. 2. London, 1837, 425 p.
58. Spencer E. *The Prophet of the Caucasus; An Historical Romance of Krim-Tartary*. Vol. 1. London, 1840, 294 p.
59. Unbegaun B. *Les noms des villes russes: la mode slavonne*. *Revue des études slaves*, 1936, t. 16, fasc. 1–2, pp. 65–75.
60. Unbegaun B. *Les noms des villes russes: la mode grecque*. *Revue des études slaves*, 1936, t. 16, fasc. 3–4, pp. 214–235.

Информация об авторе

Храпунов Н. И. – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: Q-8101-2017.

Author information

Khrapunov N. I. – Candidate of Science (History), Leading Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: Q-8101-2017.

**«...ОБЛАСТЬ СЯ ЕСТЬ ПОЧТИ ЕДИНСТВЕННАЯ
КЛАССИЧЕСКАЯ СТРАНА, КАКОЮ МЫ ОБЛАДАЕМ»:
ЗАПИСКА БАРОНА Б. Б. КАМПЕНГАУЗЕНА
«О ДРЕВНОСТЯХ НОВОРОССИЙСКОГО КРАЯ» (1817 Г.)**

Денис Валерьевич Конкин

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
denis_konkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6966-9963>

Аннотация. В публикации впервые вводится в научный оборот записка барона Б. Б. Кампенгаузена (1772–1823) «О древностях Новороссийского края». Государственный контролер Российской империи Кампенгаузен побывал в Новороссийском крае и Крыму летом 1816 г. По результатам своего путешествия подготовил обширные заметки по преобразованию региона. Посвященную древностям Новороссии часть Кампенгаузен составил вполне традиционно для подобного рода обзоров. В начале кратко изложил общую историю края, далее акцентировал внимание на актуальных проблемах Новороссии, описал современное состояние памятников старины, а также высказал собственные рекомендации по сохранению и изучению древностей. Особую ценность данная записка имеет в силу того обстоятельства, что одним из первых ее читателей стал российский император Александр I.

Ключевые слова: Российская империя, Новороссия, Крым, охрана памятников, археология, Б. Б. Кампенгаузен, Александр I, А. А. Аракчеев

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках госзадания № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму». Выражаю глубокую признательность своему коллеге канд. ист. наук Никите Игоревичу Храпунову за помощь и важные замечания при работе над комментариями источника.

**“...THIS AREA IS ALMOST THE ONLY CLASSICAL COUNTRY IN
OUR POSSESSION”: BARON B. B. KAMPENGAUZEN’S MEMOIR
“ON THE ANTIQUITIES IN THE NEW RUSSIA REGION” (1817)**

Denis V. Konkin

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Abstract. This publication introduces into the scholarship Baron B. B. Kampengauzen’s (Campenhausen, 1772–1823) memoir “On the Antiquities in the New Russia Region.” The state controller of the Russian Empire Kampengauzen visited the New Russia Region and the Crimea in summer 1816. In result of this trip, he prepared a long memoir discussing possible transformation of the country. Kampengauzen compiled the part addressing the antiquities of New Russia in a traditional way

of the observations of the kind. In the beginning, he stated the general history of the country; later on, he called the reader's attention to the topical problems of New Russia, discussed the current status of the ancient sites, and expressed his own recommendations for the protection and research of antiquities. This memoir is especially valuable since one of its first readers was the Russian Emperor Alexander I.

Key words: Russian Empire, New Russia, monuments and sites protection, archaeology, B. B. Kampengauzen (Campenhausen), Alexandre I, A. A. Arakcheev

Acknowledgments: This work was carried out within the framework of the state assignment No. FZEG-2020-0029 "The Byzantine Empire's Influence on Historical Processes in the Mediaeval Crimea" supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. I am grateful to my colleague CSc Nikita I. Khrapunov for his assistance and important remarks concerning the commentaries to the source.

Время правления Александра I хронологически совпадает с периодом становления классической археологической науки в Российской империи, началом систематического изучения местных памятников старины, включая античные, византийские, средневековые объекты Северного Причерноморья [21, с. 319–330, 607–608; 25, с. 34–43; 13, с. 61–62]. Помимо личной инициативы отдельных энтузиастов-любителей, важнейшим условием профессионального, методически обоснованного подхода к изучению археологического наследия в России являлась государственная поддержка, официальное утверждение программ, направленных на сохранение культурно-исторических ценностей, личная заинтересованность и осознание высшими чиновниками империи необходимости системно изучать древние артефакты. В условиях просвещенного самодержавия, затем правомерной монархии (по определению Б. Н. Миронова [см.: 14, с. 141–149]) александровской эпохи, главным выразителем общего настроения элит, по-прежнему, оставался российский император, и его позиция определяла конечную стратегию в отношении актуальных проблем государства.

Применительно к проблеме изучения и сохранения древностей Новороссийского края и Крыма точку зрения имперской власти можно оценить как по частным откликам, так и при анализе официальных указов, апробированных императором. Так, с самого начала своего правления утверждаемые Александром I законы и распоряжения в отношении исторического наследия Северного Причерноморья были направлены на сохранение культурных ценностей, демонстрировали понимание монархом уникальности археологических памятников и необходимости их фиксации и восстановления [21, с. 67, 71, 75, 81–83, 87, 114, 613–614; 28, с. 39–41].

Квалифицированная осведомленность, готовность реагировать проявилась как в результате личного опыта императора, в 1818 г. непосредственно осмотревшего крымские античные древности [27], так в немалой степени и благодаря прочтению и анализу предложений и проектов, регулярно поступавших к нему на рассмотрение. В этой связи особую значимость имеют те документы, которые исходили от первых лиц государства, столичных сановников, имевших возможность гарантированно донести свои идеи непосредственно до монарха.

К категории подобных лиц, безусловно, относился барон Бальтазар Бальтазарович Кампенгаузен (1772–1823), записка которого «О древностях Новороссийского края» впервые вводится в научный оборот в данной публикации. Родился он в Лифляндии и являлся внуком шведского дворянина Иогана Бальтазара Кампенгаузена, который еще в 1711 г. перешел на русскую службу и занимал высокие посты в финляндских, а затем прибалтийских владениях Российской империи [9, с. 445]. Кампенгаузен – яркая историческая личность своего времени, по-западному образованный, заметный представитель «высшего света» российской столицы, сторонник либерального направления внутренней политики государства, связанный со М. М. Сперанским, М. А. Балугьяниновым и др. реформаторами эпохи Александра I [6, с. 6–7]. Император неизменно прислушивался к его мнению, в том числе касательно преобразований и политики в южных провинциях России, с проблемами которых Кампенгаузен был хорошо знаком, поскольку сам несколько лет был градоначальником Таганрога [23, с. 187–189] и крупным местным землевладельцем (в 1811 г. барону было отведено 12 000 дес. земли в Днепровском уезде Таврической губернии) [18, 98–99]. С 1811 и вплоть до 1823 г. Кампенгаузен занимал должность Государственного контролера. Известный мемуарист эпохи Ф. Ф. Вигель, крайне придирчивый и язвительный в отношении персонажей своих воспоминаний, Кампенгаузена характеризовал исключительно с положительной стороны, отмечал, что Бальтазар Бальтазарович обладал «...умом сухим, холодным, но весьма обширным, с характером твердым, соединял он старинную, прежнюю, пространную, добросовестную немецкую ученость, неутомимость в трудах и все познания, нужные для государственного человека» [4, с. 318], что свидетельствовало об очевидных достоинствах барона.

«Немецкая ученость» не была пустым звуком, и Кампенгаузен действительно получил отличное образование, сначала обучаясь на дому [34, р. 50], а затем в течение 1789–1792 гг. посещая лекции в Лейпцигском, Виттенбергском и Геттингенском университетах [9, с. 443]. Небезлюбопытно, что одним из значимых достижений студенческих лет, за которое он был избран в члены Прусского Королевского Общества наук и корреспондентом Королевского Института исторических знаний, стала описательная работа о физическом и культурном пространстве Российской империи «*Entwürfe zu physikalischen Völker-Religions und Kultur-Karten des russischen Reichs*» [6, с. 5]. Кроме того, в начале своей служебной карьеры Кампенгаузен издал несколько исторических, статистических и юридических работ на немецком языке [9, с. 444–445]. Таким образом, барон был подготовлен к экскурсу в историю Новороссийского края и понимал влияние культурной, физической, географической среды на развитие исторического процесса и государственной экономики.

Высокому образовательному уровню Кампенгаузен был обязан отцу, который внимательно следил за системой обучения своих детей и даже корректировал ее в соответствии со своими представлениями о необходимых знаниях и умениях для достижения успешной карьеры. Например, еще в период домашнего обучения сы-

новой специально акцентировал внимание на изучении ими классических языков: латинского для глубокого понимания античного мира и, в особенности, для лучшего восприятия тонкостей юриспруденции, и древнегреческого для свободного изложения и осмысления Нового Завета [34, с. 51–52].

Неудивительно, что и младший брат Кампенгаузена – Герман, также оказался не чужд исторической науке. Обладая обширными знаниями в богословии, юриспруденции, пользуясь заслуженным авторитетом среди лифляндских дворян, он был избран первым президентом «Общества истории и древностей Остзейских губерний» [31, р. 50–58]. Кроме того, один из родственников Бальтазара Бальтазаровича – Пирс-Бальтазар Кампенгаузен – писатель-путешественник, который состоял секретарем при Г. А. Потемкине, в своей книге о России несколько страниц посвятил описанию Крыма, где нашлось место и экскурсам в историю полуострова [см.: 26].

Побудительной причиной для составления Кампенгаузенем записок о Новороссии стало посещение им летом 1816 г. южных российских провинций, включая Крым. Поездка, по-видимому, была связана с необходимостью оздоровления. В своем письме от 24 мая 1816 г. к А. А. Аракчееву, с которым Кампенгаузен был дружен, барон жаловался, что не смог присутствовать на заседании Комитета министров, «по случившейся мне тяжелой болезни» [7, с. 173]. Точные сроки путешествия по Крыму неясны. Между тем, в сопроводительном послании императору Александру I с текстом путевых заметок, составленных по результатам поездки, Кампенгаузен сожалел, что «не имел счастья встретить во время путешествия моего Его Высочество Великого Князя Николая Павловича, который посетил этот край почти одновременно со мной...» [РГИА, Ф. 1409, Оп. 1, Д. 1905, л. 3 об.]. Как известно, в свое ознакомительное путешествие по России, которое предусматривало также посещение Новороссии и Крыма, великий князь отправился 9 мая 1816 г. [см.: 29, с. 68]. В Бахчисарае Николай Павлович побывал 26 июня [17, с. 23], в Керчи – 1-2 июля [21, с. 147], в конечный пункт своей поездки – Тулу – прибыл 15 августа 1816 г. [29, с. 72]. В связи с чем можно предположить, что визит государственного контролера в Крым состоялся в июле – августе 1816 г.

На обратном пути в столицу Кампенгаузен на некоторое время остановился в Одессе, где, помимо отдыха, размышлял над результатами своего путешествия. Прославленный российский генерал И. В. Сабанеев в письме М. С. Воронцову от 22 сентября 1816 г. сообщал, что барон в это время все еще находился в Одессе: «... Здесь живет Бальтазар Бальтазарович фон Кампенгаузен и пр.; живет и думает, как бы лучше. Увидим, что выдумает» [2, с. 422].

Свои «думы» барон систематизировал уже весной следующего года. В письме к Аракчееву от 30 апреля 1817 г. он сообщал: «Я сегодня представляю Его Величеству первую часть путевых моих замечаний, о которых Ваше Сиятельство при последнем нашем свидании упоминать изволили, и приступаю теперь, неспеша, к сочинению второй части» [РГИА, Ф. 1409, Оп. 1, Д. 1904, Л. 61 об.–6]. Первая часть сочинения была воспринята монархом благосклонно, поэтому продолжение было

презентовано достаточно оперативно. В вышеупомянутом сопроводительном письме царю от 23 мая 1817 г. Кампенгаузен пояснял содержание уже второй части путевых заметок: «Всемилоостивый Государь! Милоостивое внимание, которое Ваше Величество изволило обратить на первую часть моего путевого дневника, дает мне смелость повергнуть ныне к Вашим столам продолжение, заключающее в себе три записки о Новороссийском крае, касательно его управления, успехов промышленности и древностей» [РГИА, Ф. 1409, Оп. 1, Д. 1905, Л. 2].

В планах Кампенгаузена было сочинение еще и третьей части путевых заметок. В послании к Аракчееву от 30 августа 1817 г., кроме высказанной благодарности сановнику «за столь лестный Ваш отзыв» по поводу прочитанного сочинения «о прошлогоднем вояже моем в Полуденном краю России...», Кампенгаузен также сообщал, что хочет закончить «последнюю часть сих записок». «Когда сии последние записки присовокупятся к первым..., – мечтал Кампенгаузен, – то я весьма рад буду, если Его Величеству когда-либо угодно будет их с Вашим Сиятельством пересматривать, особливо когда, как о том слухи носятся, Государю угодно будет в будущем году посетить Полуденный край России» [РГИА, Ф. 1409, Оп. 1, Д. 1904, л. 14–14 об.]. Как известно, Александр I действительно в 1818 г. совершил путешествие по причерноморским провинциям.

В настоящей публикации вводится в научный оборот посвященная историческому наследию заключительная часть обширной «Записки о Новороссийском крае», которую Кампенгаузен в мае 1817 г. презентовал российскому императору. Данная часть имеет самостоятельную ценность и получила название «О древностях Новороссийского края».

Начало публикуемой записки представляет собой обзор исторических известий о регионе, в основу которых легли сведения античных авторов, по-видимому, хорошо знакомых Кампенгаузену, и которых он мог читать в оригинале. В вышецитированном сопроводительном письме императору барон вполне убедительно обосновывал необходимость подобного экскурса. «Если я поместил в записках этих некоторые исторические сведения, то без сомнения не для того, чтобы блеснуть ученостью. Я полагал, – пояснял Кампенгаузен, – что описывая край, который был в продолжении двух тысяч лет посещаем народами весьма образованными и просвещенными, небезразлично было бы перенестись мыслью к их деяниям. Если бы лица поставленные во главе управления краем всегда давали себе труд ознакомиться с теми деяниями, то было бы сделано менее ошибок» [РГИА, Ф. 1409, Оп. 1, Д. 1905, л. 2–2 об.]. Но, конечно, Бальтазар Бальтазарович, обладая умом государственным, практичным, даже в контексте исторического изложения акцентировал внимание на актуальных проблемах региона, описывал современное состояние памятников старины, а также высказывал рекомендации по сохранению и изучению древностей. Причем это были не абстрактные замечания стороннего наблюдателя, а вполне здравые и конкретные предложения. Например, обращал внимание на необходимость формирования общих региональных центров по хранению и изучению пред-

метов старины, организации систематических археологических раскопок, изданию периодических научных журналов.

Необходимо отметить, что данные предложения во многом пересекаются и точно созвучны со знаменитой запиской И. А. Стемпковского «Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае» [19], поданной несколько позднее, в 1823 г., новороссийскому и бессарабскому губернатору М. С. Воронцову [24, с. 44; 21, с. 137], и которую по праву расценивают как «первую научно-исследовательскую программу русской науки о классических древностях» [21, с. 139]. Как известно, результатом записки Стемпковского стало учреждение двух археологических музеев в Одессе и Керчи. Несколько позже, уже в конце 30-х гг. XIX в. было организовано «Одесское общество истории и древностей», начавшее издавать собственные одноименные «Записки» [21, с. 138; 24, с. 44]. Таким образом имперская власть с готовностью откликнулась на инициативу Стемпковского. Но нужно иметь в виду, что позитивная реакция на обращение, в общем-то, мало кому известного ученого-энтузиаста последовала в том числе и потому, что сама власть, включая царскую семью, уже была хорошо знакома с проблемой и готова предпринимать конкретные шаги по сохранению и изучению античного наследия. Подтверждением чему служит записка «О древностях Новороссийского края» барона Кампенгаузена и интерес к ее содержанию со стороны императора и такого влиятельного сановника, как Аракчеев.

Оригинал документа хранится в Российском государственном историческом архиве [РГИА, Ф. 1409, Оп. 1, Д. 2461, л. 41–46 об.]. При публикации сохранены особенности оригинальной орфографии, синтаксиса и пунктуации, а также специфика написания терминов, понятий и имен, которые, при необходимости, прокомментированы автором публикации.

(л. 41)

О древностях Новороссийского края

Новороссийский край есть действительно классическая страна. Карияне и клазоменяне посещали уже пределы ея еще издавна¹. Во времена Дария и Ксеркса греки из Отечества своего удалившиеся, особливо из Малой Азии и более из Милета, основывали там большое число колоний, знаменитейшие из коих были: Ольвия, или город Счастливый, при соединении Буга с Днепром; Пантикапея, близь нынешней Керчи при входе в Меотис или Азовское море; Фанагория, при устье Кубани; Та-наис, при входе в реку сего названия, Доном (41 об.) именуемую, подле нынешнего Азова, – все колонии Милетиянами устроенные; и Херсон поблизости нынешнего Севастополя, составлял колонию гераклеян и делиян². Превосходная тут пристань,

¹ Сведения, по-видимому, почерпнуты у Плиния Старшего (VI.20) [16, с. 187], так как только этот античный писатель сообщал о проникновении карийцев в Северное Причерноморье [16, с. 547–548]. О присутствии клазоменцев в регионе, кроме Плиния, сообщал также Страбон (XI.II.4) [20, с. 469]. См. об этом: [10].

² Имеются в виду гераклеоты и делосцы. О выходах с о. Делос среди основателей Херсонеса сви-

казалось, решила сих последних основать здесь главнейшее поселение. Все прочие вышеупомянутые, находились при самых устьях больших рек и озер; и как здесь-то именно и бывает наиболее удобства к сношениям внутренним, почему и нельзя не согласиться, что древние греки были гораздо счастливее в выборе знатнейших хранилищ своей торговли. В сии времена Феодосия, или Кефа, не что иное была сперва, как скопище (42) Босфорских изгнанников, и если славилась, то кратковременно, привилегиями для облегчения вывоза хлеба знаменитым царем Левконом³ ей пожалованными. Ордиссус⁴, о котором и доселе еще сомневаются, на том ли он был месте, которое занимает теперь Одесса, или же находился, как и вероятнее, при устье Теленгула⁵, никогда не почитался местом значительным.

При императорах Западной империи⁶, Судаia, названная потом итальянцами Солдайя (ныне же Судак), и Симболон, который в последствие итальянцы назвали (42 об.) Чембало (ныне же Балаклава), важную роль играли. Сии два места простирали власть над всей полуденною и гористою стороною Крыма, Таматарха (ныне Тамань), имя которое наши десятого века завоеватели превратили в Тьмутаракань, сделалась также местом весьма значительным.

Когда венециане успели взять верх в Константинополе⁷, и когда они завладели почти всей навигацией Черного моря, тогда обратили они внимание главнейшее на Азовское море. Оно им открывало сношения с северными странами, с Китаем, с Индией. (43) По чрезвычайному изобилию в рыбе и по множеству соли, на берегах его находимой, море сие само-собою доставляло им важный предмет торговли. Воспро (что ныне Керчь) и Аспримонт (Ак-Бурун)⁸, Матрига (испорчен-

детельствовал только Псевдо-Скимн (Перипл. 822–827) [11, с. 88–89; 1, с. 51]. Не самое известное на тот момент свидетельство Кампенаузен мог прочесть у Тунманна [35, с. 20] или же в неоднократно издававшихся первоисточниках [см.: 30, р. 48–71], например, в наиболее полном на тот момент оксфордском издании т. н. «малых греческих географов» (*Geographi graeci minores*), где был опубликован отрывок анонимного «Перипла Понта Эвксинского» с известиями о Херсонесе [33, *Periplus Ponti Euxini*, р. 6–7; см. также: 32, р. 146], представлявшего собой компиляцию из Арриана, Мениппа, Пс.-Скимна, Пс.-Скилака и Артемидора [15].

³ О боспорском царе Левконе I известно, что он активно снабжал понтийским хлебом Афины, с этой целью подчинил себе Феодосию, в которой устроил большой торговый порт [8, с. 66].

⁴ Об Ордиссе, размещенном выше р. Аксиак в северо-западном Причерноморье, сообщал Птолемей (III.V.14) [12, с. 232].

⁵ Имеется в виду р. Тилигул в Одесской области (совр. Украина).

⁶ Под «Западной империей» у Кампенаузена, по-видимому, следует понимать в целом Римскую империю, включая ее восточную преемницу – Византию. Так, например, в другой части записок, он отмечал, что греческие колонии в Крыму и на Боспоре последовательно подверглись сначала «владычеству великого Митридата, потом владычеству Рима, и наконец, Западной империи... под покровительством которых и продолжали они быть торговыми владениями», вплоть до того момента, «когда во время крестовых походов Венециане и потом Генуэзцы сделались могущественными в Константинополе» [РГИА, Ф. 1409, Оп. 1, Д. 2461, л. 3, 3 об.].

⁷ В 1204 г. крестоносцы при поддержке Венеции захватили Константинополь.

⁸ По-видимому, имеется в виду Аспромити, упомянутый на средневековых картах-портоланах, который действительно соотносится с мысом Ак-Бурун [5, с. 100–101].

ное имя Таматархи) при устье Меотиса, или Азовского моря, и Тана, при впадении Дона, были главнейшие заведения Венециан, которым, наконец, зависть Генуэзцев противопоставила Кефу.

Многие из памятников древности презирали разрушительную силу перехода народов, которые начиная со II века по нашему летоисчислению (43 об.) собираться стали из самой внутренности Азии и наводнять Европу⁹. Некоторые из памятников сих, равно как и из тех, кои принадлежат среднему веку, частию сохранились во время долговременного владычества турок и татар. Немногих лет было для нас достаточно, чтобы разрушить большую часть оных.

Доселе развалины, особенного внимания достойные, представлялись подле Севастополя, Балаклавы, Судака, также как в Кефе, Опуке, Качике, Манкупе, Инкермане и проч. От одного года к другому они тем более исчезали. (44) Есть даже такие, кои уже не имеют сходства с рисунками, какие сделал им Паллас в журнале последнего своего путешествия. Если встречается человеку надобность сделать забор вокруг своего сада или двора, этого уже и довольно, чтобы он святотатственными руками своими прикасался к памятникам древности самым драгоценным, какие только ближе к нему. Это очень жалко, ибо область сия есть почти единственная классическая страна, какою мы обладаем, одна, в которой просвещенные народы положили свое основание гораздо прежде нашего (44 об.) летоисчисления, и в такую эпоху, когда густые мраки покрывали еще Север.

Если древности Ольвии не имели совсем той же участи, какую испытали другие, то за сие обязаны мы земле, которая покрывает остатки сего древнейшего города, остатки, коих не открывают по правилам. Крестьяне соседственной деревушки продают приезжим монеты, сосуды, вазы, камни и проч., которые собирают они по мере того, как воды Буга, подмывая основание холмов, древнюю Ольвию покрывающих, выбрасывают их на берег.

Ежели у кого есть теперь (45) самое большое собрание сих древностей, то это у г. Блалемберга¹⁰, таможенного инспектора в Одессе. Есть также коллекция оных у многих других частных людей.

Музеум в Николаеве заключает в себе древности, найденные в различных сей страны местах. Тот, который г. Броневским учрежден в Кефе, содержит особенно такие древности, которые принадлежат к эпохе генуэзцев и венециан, и найдены в Кефе, Керчи и пр. Иногда встречаются драгоценные в сем роде вещи в руках черни, которая и сама не понимает, что стоят они. (45 об.) Весьма желательно было бы иметь возможность соединить все сии коллекции, сохранить более системы и про-

⁹ Очевидно, автор говорит об эпохе Великого переселения народов, «пролог» которого традиционно увязывают с активизацией германских племен, начиная со второй половины II в. [3, с. 34–78].

¹⁰ Так в тексте оригинала – «Блалемберг». Жан (Иван Павлович) Море де Бларамберг – известный коллекционер антиков в период путешествия Кампенгаузена. Позднее, в 1820-е гг. стал чиновником особых поручений при М. С. Воронцове, занимался археологическими раскопками. См. о нем: [21, с. 108–120; 22].

должительности в разыскании и собрании сих древностей, и наконец, сберечь то, что еще у нас остается.

Везде знатоки в древностях обращались прежде всего к тому, что в собственной их земле находится. Если нельзя предполагать, что наши Академии и Университеты сделают непродолжительно [т.е. в скором времени – Д.К.] новые открытия в науках умозрительных, могущие устремить на себя внимание иностранцев; то также невозможно сего сказать и о том, что относится (46) до истолкований, которые могли бы они дать в рассуждение древностей, в стране нашей замыкающихся. – Что же касается в сем отношении до Новороссийского края, то Харьковский университет всего бы ближе мог тем заняться, и для того желательно, чтобы именно на сей конец было при оном учреждено Ученое Общество, подобное Академии истории и древностей в Стокгольме существующей. Сие общество приложило бы старание к приобретению всех коллекций сего рода, из найденных в Новороссийском крае древностей составленных. Оно не упускало бы дополнять их от времени до времени. Оно отряжало бы ежегодно некоторых из своих сочленов на самые места для произведения новых изысканий. Оно (46 об.) не оставило бы издавать к общему сведению свои исследования и свои открытия, в виде Комментариев или других периодических сочинений.

С тем вместе следовало бы воспретить всем и каждому прикасаться на будущее время, без особенного дозволения Правительства, к тому, что осталось еще у нас из древностей, доколе сами они не разрушатся. Иначе вскоре исчезнут они.

Не однажды встречался я с такими людьми, кои утверждали, что в отношении к наукам надобно заниматься только тем одним, что имеет прямое влияние на приращение выгод человеческих, и кои почитали бесполезными и бесплодными все разыскания относительно древностей, укоряя их в том, что они ни мало тому не содействуют. Если бы даже укоризна сия и была совершенно основательна, то чтобы вывести из оной заключение о бесполезности сих разысканий, уже ли должно начать изъятием вообще наслаждений ума из числа вещей, благополучие человека составляющих, и ограничить оное роскошью, хорошим столом и удобствами житейскими.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агбунов М.В. Античная география Северного Причерноморья. М.: Наука, 1992. 237 с.
2. Архив князя Воронцова. Кн. 39. М.: Университет. типография, 1893. 532 с.
3. Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты. СПб.: Алетейя, 2011. 336 с.
4. Вигель Ф.Ф. Записки / ред. и вступ. ст. С.Я. Штрайха. Т. 1. М.: Круг, 1928. 378 с.
5. Гордеев А.Ю., Терещенко А.А. Топонимия побережья Чёрного и Азовского морей на картах-портланах XIV–XVII веков: в 2-х т. Т. 2. Киев, 2017. 312 с.
6. Государственный контроль. 1811–1911: [Обзор деятельности]. СПб.: Госуд. тип., 1911. XVI, 358 с.
7. Дубровин Н.Ф. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (с 1807–1829 год). СПб.: Тип. Императорской АН, 1883. 533 с.
8. История Крыма: в 2-х т. / отв. ред. А.В. Юрасов. Т. 1. М.: Кучково поле, 2019. 600 с.
9. Кампенгаузен, барон Бальтазар Бальтазарович // Русский биографический словарь. Т. 8. Ибак-Ключкарев. СПб.: Тип. Главн. Упр. Уделов, 1897. С. 443–445.
10. Кулакова А.П. Клазомены и Северное Причерноморье (к вопросу о σκολαί Κλαζομενίων Страбона) // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. 2003. № 2. С. 297–306.
11. Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1. Греческие писатели. СПб.: Тип. Императорской АН, 1890. 947 с.
12. Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 2. Латинские писатели. Вып. 1-й. СПб.: Тип. Императорской АН, 1904. 271 с.
13. Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1971. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. 464 с.
14. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2-х т. Т. 2: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 568 с.
15. Подосинов В.А. К вопросу об источниках «Перипла Понта Эвксинского» Псевдо-Арриана // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2015. № 19. С. 754–766.
16. Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2011. 504 с.
17. Сафонов С. Описание пребывания императорской фамилии в Крыму в сентябре 1837 года. Одесса: Гор. типография, 1840. 83 с.
18. Сеницкий А.И. Описание дел Таврического Исторического Архива. (Продолжение) // ИТУАК. 1894. № 21. С. 96–106.
19. Стемповский И.А. Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае. СПб.: Типография Карла Крайя, 1827. 35 с.
20. Страбон. География в 17 книгах / пер. [с греч.] и комм. Г.А. Стратановского. М.: Наука, 1964. 944 с.
21. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.
22. Тункина И.В. Позднескифские памятники Симферополя (открытия на Керменчике в 1783–1831 гг.) и их интерпретация в современной археологии // Грани гуманитарного знания. Сборник статей к 60-летию профессора Сергея Павловича Щавелева. Курск: Изд-во КГМУ, 2014. С. 295–343.
23. Филевский П.П. История города Таганрога [Репр. изд. 1898 г.]. Таганрог: Сфинкс, 1996. 392 с.
24. Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 128 с.
25. Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986. 240 с.
26. Храпунов Н.И. Крымский полуостров после присоединения к России в сочинении Бальтазара фон Кампенгаузена // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 456–473.
27. Шаманаев А.В. Путешествия в Крым Екатерины II и Александра I и становление системы сохранения исторического наследия Северного Причерноморья // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014. Т. 16. № 3(130). С. 79–89.
28. Шаманаев А.В., Зырянова С.Ю. Охрана культурного наследия в Российской империи: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 132 с.

29. Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 1. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1903. 800 с.
30. Diller A. The Tradition of the Minor Greek Geographers. Oxford: Charles Batey, 1952. 200 p.
31. Grave K.L. von. Zur Feier des Präsidenten, Landraths Baron Campenhausen, am 14. October 1836 // Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurland's, herausgegeben von der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der russischen Ostsee Provinzen. Band 1, Heft 1. Riga, 1837. S. 50–58.
32. [Gronow J.] Geographica antiqua. Leiden [Lugduni Batavorum], 1700. XXIII+300+63 p.
33. [Hudson J.] Geographiae veteris scriptores graeci minores. Vol. I. Oxford [Oxoniae], 1698. 675 p.
34. Whelan H. Balthasar, Baron Campenhausen, and sons: Making the Baltic civil servant // Journal of Baltic Studies. 1987. Vol. 18. No. 1. P. 45–62.
35. Тунманн. Крымское ханство / пер. с нем. Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской; прим., предисл. и прилож. Н.Л. Эрнста. Симферополь: Крымполиграфтрест, 1936. 107 с.

REFERENCES

1. Agbunov M.V. *Antichnaia geografiia Severnogo Prichernomor'ia* [Ancient geography of the Northern Black Sea region]. Moscow, Nauka Publ., 1992, 237 p.
2. *Arkhiv kniazia Vorontsova* [Archive of Prince Vorontsov]. Vol. 39. Moscow, 1893, 532 p.
3. Budanova V.P., Gorskii A.A., Ermolova I.E. *Velikoe pereselenie narodov: Etnopoliticheskie i sotsial'nye aspekty* [Great Migration of Peoples: ethnopolitical and social aspects]. St.-Petersburg, Aleteiia, 2011, 336 p.
4. Vigel' F.F. *Zapiski* [Notes]. Vol. 1. Moscow, Krug Publ., 1928, 378 p.
5. Gordeev A.Iu., Tereshchenko A.A. *Toponimiia poberezh'ia Chernogo i Azovskogo morei na kartakh-portolanakh XIV–XVII vekov* [Toponymy of the coast of the Black and Azov seas on portolan maps of the 14th–17th centuries]. Vol. 2. Kiev, 2017, 312 p.
6. *Gosudarstvennyi kontrol'. 1811–1911: Obzor deiatel'nosti* [State control. 1811–1911: Overview of activities]. St.-Petersburg, 1911, XVI+358 p.
7. Dubrovin N.F. *Pis'ma glavneishikh deiatelei v tsarstvovanie imperatora Aleksandra I (s 1807–1829 god)* [Letters of the main figures in the reign of Emperor Alexander I (from 1807–1829)]. St.-Petersburg, 1883, 533 p.
8. Iurasov A.V. (ed.) *Istoriia Kryma* [History of Crimea]. Vol. 1. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2019, 600 p.
9. Kampengauzen, baron Bal'tazar Bal'tazarovich. *Russkii biograficheskii slovar'* [Russian biographical dictionary]. Vol. 8. St.-Petersburg, 1897, pp. 443–445.
10. Kulakova A.P. Clazomenes and the Northern Black Sea Region. *Mnemon: issledovaniia i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon: research and publications on the history of the ancient world], 2003, no. 2, pp. 297–306.
11. Latyshev V.V. *Izvestiia drevnikh pisatelei grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze. Vol. 1. Grecheskie pisateli* [News of ancient Greek and Latin writers about Scythia and the Caucasus. Vol. 1. Greek writers]. St.-Petersburg, 1890, 947 p.
12. Latyshev V.V. *Izvestiia drevnikh pisatelei grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze. Vol. 2. Latinskie pisateli* [News of ancient Greek and Latin writers about Scythia and the Caucasus. Vol. 2. Latin writers]. St.-Petersburg, 1904, 271 p.
13. Lebedev G.S. *Istoriia otechestvennoi arkheologii. 1700–1971* [History of Russian archeology. 1700–1971]. St.-Petersburg, St.-Petersburg university Publ, 1992, 464 p.
14. Mironov B.N. *Sotsial'naia istoriia Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [The social history of Russia during the period of the empire (18th – early 20th century)]. Vol. 2. St.-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ, 2000, 568 p.
15. Podosinov V.A. To the question of the sources of the “Periplus of Pontus Euxinus” Pseudo-Arrian. *Indoevropskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiia* [Indo-European linguistics and classical philology], 2015, no. 19, pp. 754–766.
16. Podosinov A.V., Skrzhinskaia M.V. *Rimskie geograficheskie istochniki: Pomponii Mela i Plinii Starshii. Teksty, perevod, kommentarii* [Roman geographical sources: Pomponius Mela and Pliny the Elder. Texts, translation, comments]. Moscow, Indrik Publ., 2011, 504 p.

17. Safonov S. *Opisanie prebyvaniia imperatorskoi familii v Krymu v sentiabre 1837 goda* [Description of the stay of the imperial family in the Crimea in September 1837]. Odessa, 1840, 83 p.
18. Senitskii A.I. Description of the files of the Tauride Historical Archive. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [News of the Taurida Scientific Archival Commission], 1894, no. 21, pp. 96–106.
19. Stempkovskii I.A. *Mysli otositel' no izyskaniia drevnostei v Novorossiiskom krae* [Thoughts regarding the research of antiquities in the Novorossiysk territory]. St.-Petersburg, 1827, 35 p.
20. *Strabon. Geografiia v 17 knigakh* [Strabo. Geography in 17 books]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 944 p.
21. Tunkina I.V. *Russkaia nauka o klassicheskikh drevnostiakh iuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.)* [Russian science about the classical antiquities of the south of Russia (18th – mid 19th century)]. St.-Petersburg, Nauka Publ., 2002, 676 p.
22. Tunkina I.V. Late Scythian monuments of Simferopol (discoveries on Kermenchik in 1783-1831) and their interpretation in modern archeology. *Grani gumanitarnogo znaniia. Sbornik statei k 60-letiiu professora S.P. Shchhaveleva* [Facets of humanitarian knowledge. Collection of articles dedicated to the 60th anniversary of Professor S.P. Shchhaveleva]. Kursk, 2014, pp. 295–343.
23. Filevskii P.P. *Istoriia goroda Taganroga* [History of the city of Taganrog]. Taganrog, Sfinks Publ., 1996, 392 p.
24. Formozov A.A. *Ocherki po istorii russkoi arkheologii* [Essays on the history of Russian archeology]. Moscow, AN SSSR Publ., 1961, 128 p.
25. Formozov A.A. *Stranitsy istorii russkoi arkheologii* [Pages of the history of Russian archeology]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 240 p.
26. Khrapunov N.I. The Crimean peninsula after the Russian annexation according to the book by pierce Balthasar von Campenhausen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archeology, history and ethnography of Tauria], 2013, vol. 18, pp. 456–473.
27. Shamanaev A.V. Catherine II's and Alexander I's journeys to Crimea as a factor in the establishment of the system of North Black Sea region historic preservation. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2014, vol. 16, No. 3(130), pp. 79–89.
28. Shamanaev A.V., Zyrianova S.Iu. *Okhrana kul'turnogo nasledii v Rossiiskoi imperii: uchebnoe posobie* [Protection of cultural heritage in the Russian Empire: a tutorial]. Ekaterinburg, Ural. university Publ., 2018, 132 p.
29. Shil'der N.K. *Imperator Nikolai I. Ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Nikolai I. His life and reign]. Vol. 1. St.-Petersburg, 1903, 800 p.
30. Diller A. *The Tradition of the Minor Greek Geographers*. Oxford, Charles Batey, 1952, 200 p.
31. Grave K.L. von. Zur Feier des Präsidenten, Landraths Baron Campenhausen, am 14. October 1836. *Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurland's, herausgegeben von der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der russischen Ostsee Provinzen*, Band 1, Heft 1, Riga, 1837, S. 50–58.
32. [Gronow J.] *Geographica antiqua*. Leiden [Lugduni Batavorum], 1700, XXIII+300+63 p.
33. [Hudson J.] *Geographiae veteris scriptores graeci minores*. Vol. I. Oxford [Oxoniae], 1698, 675 p.
34. Whelan H. Balthasar, Baron Campenhausen, and sons: Making the Baltic civil servant. *Journal of Baltic Studies*, 1987, vol. 18, no.1, pp. 45–62.
35. Tunmann. *Krymskoe khanstvo* [Crimean Khanate]. Simferopol, 1936, 107 p.

Информация об авторе

Конкин Д. В. – кандидат исторических наук, заведующий отделом новой истории Крыма Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: AAC-3468-2019.

Author information

Konkin D. V. – Candidate of Science (History), Head of the Modern History Department at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: AAC-3468-2019.

К РАННЕЙ ИСТОРИИ БАХЧИСАРАЯ: ЭСКИ-ЮРТ

Дмитрий Анатольевич Ломакин

*Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
LomakinDA@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8832-4867>*

Аннотация. Аккумулирован и систематизирован опыт изучения поселения Эски-Юрт – крупнейшего золотоордынского центра на территории Крымского полуострова после снижения роли Солхата как экономического, военного, культурного и административного центра и переноса столицы в западный Крым. Используются различные группы исторических источников: путевые записи многочисленных вояжеров, посетивших Крымский полуостров, как в личных целях, так и по долгу службы (Мартин Броневский, Ф. Дюбуа де Монпере, Иаков Лызлов, П. С. Паллас, С. И. Тарбеев, Эвлия Челеби и др.), научные разработки отечественных исследователей в сфере памятниковедения Крымского полуострова периода Золотой Орды, в частности, изучения территории поселения Эски-Юрт (А. С. Башкиров, У. А. Боданинский, П. И. Голландский, Б. Н. Засыпкин, А. А. Иванов, С. В. Карлов, В. П. Кирилко и др.), архивные материалы из фондов центральных и ведомственных архивохранилищ. Представлен опыт археологического изучения памятника (экспедиции под руководством А. С. Башкирова и У. А. Боданинского 1924 г., В. Л. Мыца 1991 г., С. В. Карлова 2005 г.). Выделены и проанализированы основные этапы изучения памятника: 1) Конец XVIII – начало XX в.: зарисовки в путевых записках ученых-энциклопедистов, массово посещавших Крым после его присоединения к России (П. С. Паллас, Ф. Дюбуа де Монпере и др.). Первый научный опыт изучения памятника А. Ф. Негри, В. Д. Смирнова и др.; 2) 20-е гг. XX в.: начало археологических исследований на территории поселения (экспедиция А. С. Башкирова и У. А. Боданинского 1924 г.). Попытки привлечь внимание власти и общественности к проблеме сохранения объектов культурного наследия на территории Эски-Юрта (деятельность А. С. Башкирова, У. А. Боданинского, П. И. Голландского, Б. Н. Засыпкина); 3) Последняя четверть XX в. – современный этап: возрождение научного интереса к поселению (разработки А. А. Иванова, В. П. Кирилко, О. М. Стойковой, М. М. Чорефа и др.), продолжение археологических исследований памятника (экспедиции С. В. Карлова, В. Л. Мыца). Постановка архитектурно-археологических памятников поселения на государственный учет. Рассмотрено современное состояние объектов культурного наследия.

Ключевые слова: Эски-Юрт, Бахчисарай, памятник архитектуры, объект культурного наследия, история изучения, современное состояние

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время».

TO THE EARLY HISTORY OF BAKHCHISARAI: ESKI-YURT

Dmitry A. Lomakin

Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia

Abstract. This paper has accumulated and systematized the experience of studying the settlement of Eski-Yurt as the largest Golden Horde centre on the Crimean Peninsula when the role of Solkhat as an economic, military, cultural, and administrative centre declined and the capital was transferred to the western Crimea. The research has used various groups of historical sources: travelogues of numerous voyagers who visited the Crimean Peninsula for personal or official purposes (Marcin Broniewski, F. Dubois de Montpéreux, Iakov Lyzlov, P. S. Pallas, S. I. Tarbeev, Evliya Celebi, and others), scholarly works of local researchers of the Crimean sites in the Golden Horde Period, particularly those who investigated the settlement of Eski-Yurt (A. S. Bashkirov, U. A. Bodaninskii, P. I. Gollandskii, B. N. Zasytkin, A. A. Ivanov, S. V. Karlov, V. P. Kirilko, and others), and the materials from the collections of central and departmental archival depositories. The experience of archaeological researches at the site (expeditions supervised by A. S. Bashkirov and U. A. Bodaninskii in 1924, V. L. Myts in 1991, and S. V. Karlov in 2005) is presented. The main stages of the researches at the site have been distinguished and analysed: 1) Late eighteenth to early twentieth centuries: sketches in travelogues of encyclopaedic scholars who visited the Crimea after its unification with Russia (P. S. Pallas, F. Dubois de Montpéreux, etc.); the first scholarly experience of exploration of the site by A. F. Negri, V. D. Smirnov, and others; 2) 1920s: the beginning of the archaeological studies of the settlement (the expedition of A. S. Bashkirov and U. A. Bodaninskii, 1924); the attempts of attracting attention of the government and public to the cultural heritage preservation in Eski-Yurt (the works of A. S. Bashkirov, U. A. Bodaninskii, P. I. Gollandskii, and B. N. Zasytkin); 3) current stage, or the last quarter of the twentieth century: the revival of the academic interest to the settlement (the works of A. A. Ivanov, V. P. Kirilko, O. M. Stoikova, M. M. Choref, and others); the continuation of the archaeological studies of the site (the expeditions of S. V. Karlov and V. L. Myts); state registration of the architectural and archaeological monuments of the settlement. The present state of the cultural heritage objects has been considered.

Key words: Eski-Yurt, Bakhchisarai, architectural site, cultural heritage site, history of researches, current condition

Acknowledgments: This study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 20-18-00076 “The Evolution of the Towns on the Inner Ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages and Modern Period.”

Ранняя история Бахчисарая до настоящего момента не только досконально не исследована, но и продолжает вызывать у современных исследователей множество вопросов. Один из наиболее спорных – время основания города. По этому поводу существует множество точек зрения, основанных не только на подтвержденных фактах, но и зачастую, ввиду фрагментарности и малочисленности источников, на предположениях и догадках. Приведем лишь некоторые из них.

М. Г. Крамаровский упомянул о «застройке Бахчисарая Улу-Мухаммадом» [35, с. 524] в 847 г. х. (1443–1444). Такой вариант развития событий видится маловероятным, поскольку к указанной дате Улу-Мухаммад, потерпев ряд поражений (1436 г. – от Сейид-Ахмеда, 1437 г. – от Кучук-Мухаммада), вынужден был отойти к р. Волге, где в 1438 г. стал правителем образованного Казанского ханства [28, с. 720, 882]. А. Г. Герцен предложил считать условной датой основания будущего центра Крымского ханства 1503 г. [18] – год создания итальянским мастером Алоизо да Монтаньяно портала Демир-Капу, наиболее раннего датированного архитектурного фрагмента на территории современного комплекса бахчисарайского дворца. При

этом вероятно его вторичное использование. Сооружение, где он находился первоначально, достоверно не идентифицировано. Таковым могла быть ханская резиденция в Салачике или более ранняя постройка на месте современного комплекса. Д. М. Исхаков предположил, что город был основан во время правления Сахиб Гаярия I (1532–1550) [30, с. 39]. А. Е. Гайворонский утверждает, что основание Бахчисарая необходимо соотносить с периодом возведения наиболее ранних датированных построек на территории города – Зынджирлы-медресе (1500 г.) и бани Сары-Гюзель (1532 г.) [15]. А. Л. Якобсон был склонен считать, что история Бахчисарая началась в Салачике и Кырк-Ере [62, с. 147; 63, с. 141].

В. Д. Смирнов, обратив внимание на расположение Бахчисарая между Эски-Юртом и Чуфут-Кале, заключил, что «не может быть и поднимается вопроса о времени основания его, как города» [53, с. 118]. Далее справедливо подчеркнул, что «археологические исследования на пространстве Эски-Юрта и Азиза, усеянном древними развалинами, без сомнения, могут открыть много данных, которые должны будут уяснить, истинное значение этой местности в истории утверждения татарского элемента в Крыму в догерайскую эпоху» [53, с. 119]. Бесспорно, поселение Эски-Юрт и горная крепость Кырк-Ер / Чуфут-Кале сыграли значительную, возможно, определяющую роль в становлении и формировании Бахчисарая. В настоящей работе рассмотрены основные этапы изучения первого из них.

Эски-Юрт (с крымскотатарского – «старое селение», «старая ставка») – средневековое поселение в юго-западном Крыму, в настоящее время – исторический район в западной части Бахчисарая. В эпоху Золотой Орды имел характер крупного, возможно, городского поселения, расположенного на торговом пути от портов Херсона и Каламиты к внутренним областям Крымского полуострова. О его значительном размере свидетельствуют масштабы мусульманского кладбища Кырк-Азизлер в 1 км к северо-западу от города. Поселение сохраняло свое значение и в ранний период истории Крымского ханства (вторая половина XV в.). Возможно, наряду с расположенной неподалеку крепостью Кырк-Ер, оно использовалось как ставка первых крымских ханов после перенесения столицы из восточной части полуострова (г. Солхат, ныне – Старый Крым) в западную. Впоследствии, после основания Бахчисарая, селение утратило свой прежний экономический и административный статус.

Вплоть до начала XX в. Эски-Юрт сохранял значение одного из важных центров мусульманского культа в Крыму благодаря наличию в его центральной части святыни – азиза Малик-Аштера¹. При нем была сооружена мечеть, служившая одновремен-

¹ Малик Аштер (Малик Аждер, Мелек Гайдер, Аджидер-мелек-султан) – по одной из версий являлся воином (знаменосцем) в войске пророка Мухаммеда. Был послан проповедовать ислам на территорию Крымского полуострова, отсюда отправился на территорию Поднестровья, где был ранен / погиб в сражении с неверными. Согласно преданиям, впервые прославился, победив дракона в Йемене. Затем с большим войском двинулся проповедовать ислам на Волгу и в Крым. Добившись там немалых успехов, продолжил путь к Днестру, где ему довелось сразиться с великаном по имени Сапсал. Победив его, сам был поражен вражеской стрелой. Смертельно раненый, он добрался до Крыма и умер на руках у Гази-Мансура, кем и был погребен. Его могила долгое время была сокрыта от глаз непосвященных.

но в качестве текие общины суфиев (перестроена в 1914 г., разрушена в 1955 г.). На территории кладбища до настоящего времени сохранилось 4 дюрбе². Вероятно, Азиз являлся местом захоронения представителей ханской династии и их родственников. Кроме того, имеются косвенные свидетельства о погребении здесь Чингизидов. Культурный центр на Азизе просуществовал до 20-х гг. XX в. К настоящему моменту большая часть надгробных памятников бесследно исчезла.

К северо-западу от Эски-Юрта располагалось кладбище Кырк-Азизлер. Наиболее ранний из выявленных здесь надгробных памятников датирован 1316 г. Скорее всего, одновременно с упадком поселения в конце XV в. данную территорию перестали использовать для захоронений (в отличие от Азиза, где были зафиксированы погребения вплоть до XIX в.). Практически весь культурный слой уничтожен в результате сельскохозяйственных и строительных работ. Сохранены лишь 23 надгробия, перевезенные У. А. Боданинским в бахчисарайский музей.

В 1948 г. село Эски-Юрт переименовано в Подгородное, Азиз – в Задорожное. Последнее в период с 1954 по 1968 гг. включено в состав Подгородного, которое впоследствии вошло в городскую черту Бахчисарая. Земли, скрывавшие руины средневекового поселения, были в большинстве использованы под одноэтажную застройку и промышленные зоны, на территории Азиза в 1980-х возник стихийный рынок (прекратил функционировать в 2006 г.). В 2004 г. Бахчисарайским государственным историко-культурным заповедником³ разработан проект создания государственного музея на базе сохранившихся историко-архитектурных памятников, который до настоящего момента не реализован.

Письменные источники о поселении Эски-Юрт малочисленны и крайне фрагментарны. Первые зафиксированные упоминания о нем относятся к концу XVI в. Посол польского короля Стефана Батория Мартин Бронеvский, посетивший полуо-

По свидетельству В. Д. Смирнова, погребение было обнаружено во время правления Мухаммед Герая IV (1641–1644, 1654–1666): «Во время копания земли для фундамента могилы всех крымских ханов была найдена мраморная квадратная доска с надписью на джагатайском языке, указывающая, что это была могила Малик Аштера. <...> Мухаммед-Гирей, найдя эту могилу, оставил мысль устроить усыпальницу для себя, а воздвиг купол над ней с надписью длинными буквами и основал монастырь с тюрбе и блюстителем монумента при нем» [53, с. 29–30]. По иной версии, могила была обнаружена «неким шейхом суфийского ордена накшбендийе» [1, с. 140]. Зафиксированы сведения о реальном историческом персонаже Малике Аштере (618–657). Выходец из Йемена являлся прославленным военачальником при халифе Али (умер в 661 г., двоюродный брат Пророка).

² Дюрбе Мухаммед-Шах-бея-Бен-Юде-Султан – ул. Фрунзе, д. 10А. Дюрбе Мухаммед-бея («Малый восьмигранник») – пер. Первомайский, д. 1А. Дюрбе Ахмед-бея («Кубовидное») – ул. Буденного, д. 16А. Имеют статус памятников федерального значения согласно распоряжению Правительства Российской Федерации № 2073-р от 17 октября 2015 г. Дюрбе Мухаммед-Гирея II («Большой восьмигранник») – на пересечении ул. Нахимова и Буденного. Усыпальницы поставлены на учет постановлением Совета Министров УССР от 24.08.1963 г. № 970. Решением Крымского областного исполнительного комитета от 22.05.1979 г. № 284 установлена граница охранной зоны, которая ограничена окружностью радиусом 50 м вокруг каждого памятника [54, с. 407–408].

³ Ныне – Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник» (БИКАМЗ).

стров в 1578 г., повествуя о столице Крымского ханства, отметил, что «возле города [Бахчисарая – Д..Л.] построены каменная мечеть и гробницы ханов из развалин христианских» [10, с. 68; 44, с. 345].

Записки московского посла в Крым С. И. Тарбеева (пребывал в Крыму в 1626–1628 гг.), опубликованные Л. М. Савёловым в 1905 г. на страницах «Известий Таврической ученой архивной комиссии», содержат информацию о том, что в апреле – мае 1628 г. во время осады Бахчисарая Кантемиром⁴ его ставка была расположена в Эски-Юрте [51, с. 70]. Детально рассматривая те же события весны 1628 г., А. А. Новосельский не указывает конкретное расположение войска Кантемира [43, с. 120].

Священник Иаков Лызлов, посетивший полуостров в 1634–1635 гг. в составе русского посольства к ханскому двору, в своих путевых записях оставил следующие строки: «Эски-Юрт от Бахчисарая с версту, церковь зело велика и украшена хорошо была, ныне же сделана мечетью, а кладут в ней крымских царей и царевичей, а простые мурзы и татары отнюдь не кладутся. Около тех мест многие христианские церкви иные разорены» [52, с. 691].

Значимое и информативное описание поселения оставил турецкий путешественник Эвлия Челеби, побывавший в Крыму в 1666–1667 гг.: «Вниз на запад от города Бахчисарая, на краю садов, в древние времена был большой город Эски-Юрт, в две тысячи шагов в длину. И теперь там во многих тысячах мест – отличные строения. Сейчас это деревня лишь 300 домами, садами и виноградниками, в каждом здании там протекают живые воды. В этом месте на кладбище под тремя куполами, крытыми свинцом лежат <...> шахиншахи-ханы. Каждый купол полон света, там есть искусно сделанные подвески и светильники. <...> Полные света усыпальницы стоят на разноцветных коврах, а вокруг они украшены прекрасными изречениями, написанными изысканным почерком. <...> При каждой из усыпальниц есть тюрбедары. Это место паломничества знати и простолюдинов» [34, с. 60; 60, с. 122]. Далее автор детально остановился на описании осмотренных им захоронений⁵: «Под этими куполами и со всех сторон от них похоронены калги и нуреддахры, султаны, их жены и дочери <...>, в общем, все благородные люди Бахчисарая, а также прочие богачи и нищие. Потому что со времен святой Опоры Пророчества в этом месте кладбище. Зиярет Берекет-хана⁶: <...> над его могилой нет куполов. О дате известно из тариха прямо на могильном камне. Зиярет Тогар-хана⁷. <...> Затем идут зияреты

⁴ Кантемир (Кан-Темир, Кантимур) (ум. 10 июля 1637) – основатель Буджацкой (Аккерманской или Белгородской) орды. Прозван «Ханом Темиром» и «Кровавым Мечом». Один из беев ногайского рода Мансур. Вёл родословную от золотоордынского темника и основателя Ногайской орды Едигея.

⁵ М. М. Чорев склонен считать большую часть сведений о приведенных захоронениях неправдоподобной, утверждая, что «стремясь угодить как крымским властям, так и своим отечественным покровителям, Эвлия Челеби приводит явно ложную информацию о ханах и их родственниках, похороненных в этих тюрбе или близ них. <...> Наличие в Крыму этих могил дало автору возможность высказать свои суждения о родстве предков Гераев и Османов» [61, с. 146].

⁶ Вероятно, автор имеет в виду хана Берке (умер в 1267/68 г.).

⁷ О ком идет речь – не установлено.

Баки-Бея <...> и Гюзбай Дюзбая⁸» [34, с. 60; 60, с. 124]. Также, со слов Эвлии Челеби, «в Эски-Юрте находится могила двоюродного брата Муза бен Джебеля⁹ – зиярет полководца, храброго султана, святого Малика Аштера. <...> Но над его могилой нет и следа купола тюрбе или высокой постройки. Он похоронен на обустроенной площадке около светлой мечети нашего господина Мухаммед-Герай-хана. В головах и в ногах его вкопаны столбы, посвященные его памяти. Размер их – все 50 аяков¹⁰» [34, с. 66; 60, с. 126]. По мнению турецкого путешественника, Эски-Юрт был основан ханом Берке (правил в 1256–1266 гг.): «Берекет-хан построил в Крымской стране город Эски-Сала, сад Ашлама, Бахчисарай и Эски-Юрт» [34, с. 120; 60, с. 232]. Исследованию эски-юртских сюжетов в повествовании турецкого путешественника посвящена отдельная публикация Е. В. Бахревского [2].

Записка полковника русской армии Х. Г. Манштейна с детальным описанием бахчисарайского дворца, составленная в 1736 г. по распоряжению графа Б. К. Миниха, позволяет предположить, что к первой трети XVIII в. поселение Эски-Юрт являлось крупным пригородом Бахчисарая. Описывая подход русской армии к ханской столице, автор говорит о том, что «дороги в город прорублены в каменных горах, и того ради, очень трудны и худы, а с западной стороны имеется большое предместье, через которое мы к Бахчисараю маршировали» [40, с. 75]. При этом Х. Г. Манштейн в своих мемуарных записях о России, впервые опубликованных в 1770 г. в Лондоне, Эски-Юрт не упоминает [39].

В начале 90-х гг. XVIII в. значимое описание поселения оставил П. С. Паллас: «Ниже Бахчисарая, в двух верстах от него, находится деревня Дозис [Азиз – Д.Л.], подле Джурюк-су с капустными огородами; между нею и южными высотами видны древние ханские мавзолеи, называемые татарами Эски-юрт. <...> Новые стремления к уничтожению много содействовали совершенному разрушению этих значительных памятников, частью совершенно развалившихся. Окна и дверь новейшей и красивейшей из этих ханских усыпальниц, покрытой купольным сводом, были отделаны наличниками из белого с серыми прожилками мрамора, его следы еще приметны; невежественные руки кошунственно выломали большую их часть для обделки каминов. Между этими строениями находятся многие надмогильные столбы и камни, из коих немало мраморных с листовым орнаментом лучшего вкуса. Как бы то ни было, в настоящее время деревенские татары внимательно блюдут за этими остатками, чтобы уберечь их от конечного истребления» [46, с. 34]. По мнению исследователя, ряд дюрбе возведен для представителей одного из знатных родов Бахчисарая: «Надо думать, что именно для бывших яшлаув-беев воздвигли две из могильных часовен, видных в Эски-Юрте» [46, с. 34].

⁸ Вероятно, речь идет о Гюндюзе Алп-бее (умер в 1306 г.) и Сары-Баты Савджи-бее (умер в 1288 г.), братьях Османа, сыновьях Эртогула.

⁹ Муаз бен Джебель (605–640) – сподвижник пророка Мухаммеда. Проповедовал в Йемене, занимая пост наместника. После смерти пророка вернулся в Медину к Абу Бакру и был отправлен в Сирию и Палестину, где умер от чумы.

¹⁰ Аяк (тюрк. «ступня») – мера длины, равная половине строительного аршина, т. е. около 38 см.; 50 аяков = примерно 1,9 м.

Турецкий историк начала XIX в., представитель династии Гераев, сын Шахбаза Герая, Халим Герай в своем исследовании о династии Крымских ханов (составлено в 1811 г., дважды издавалось в Стамбуле – 1870 и 1909 гг.) указал, что «могила хана Семин Мухаммад Герая¹¹ находится в селе Эски-Юрт возле Бахчисарая» [17, с. 40].

Швейцарский натуралист Ф. Дюбуа де Монпере, посетивший западное предместье Бахчисарая весной 1833 г., оставил следующую запись: «Прежние ханы, имевшие свою резиденцию, весьма вероятно, в Кыркоре, воздвигали свои гробницы у выхода из долины в степь, вокруг небольшого селения Эски-Юрт. Некоторые из этих старинных сооружений замечательны» [22, с. 276]. Путешественник детально остановился в своих записках на усыпальницах поселения.

Дюрбе Мухаммед-Шах-бей-Бен-Юде-Султан: «Здание, квадратное в основании, переходит в восьмигранник благодаря тому, что его четыре угла срезаны к вершине. Свод представляет собой не купол, а составлен из восьми треугольных граней, соединяющихся на вершине. Под полом находится подвал, куда помещали гробы. Туда вела маленькая низкая дверь, предваряемая портиком, боковые стенки которого были вырезаны в виде ниш, подобных михрабу мечетей» [22, с. 277]. Автор сожалел, что ему не удалось перевести арабскую надпись над входом в дюрбе: «Надпись над входом между двумя розетками написана еще более сложной вязью, чем надпись над входом в гробницу Потоцкой. Никто не мог мне ее перевести. Тем не менее она представляет интерес, и я не теряю надежды на то, что однажды она будет расшифрована» [22, с. 277].

Дюрбе Мухаммед Герая II («Большой восьмигранник»): «Около этих древних дюрбе группируются три мавзолея, более современные и богатые. Самый красивый, вне всякого сомнения, тот, что находится ближе к мечети Эски-Юрта. Он построен в самом изящном мавританском стиле. <...> Нижние окна были обрамлены прекрасным белым мрамором, лучшие куски которого похищены. Саркофаги из белого мрамора прекрасной работы, покрытые рельефно высеченным узором из цветов и розеток, были ограблены. Железная крыша сильно пострадала» [22, с. 277].

Дюрбе Мухаммед-бей («Малый восьмигранник») и дюрбе Ахмед-бей («Кубовидное»): «Две другие гробницы менее замечательные и образующие одну группу с вышеописанной, довольно хорошо сохранились. Одна из них находится во дворе мечети. Здесь была принята мера предосторожности – лучшие мраморные плиты были замурованы в оконных проемах» [22, с. 277].

Ф. Дюбуа де Монпере вокруг дюрбе застал множество разнообразных надгробий, аналогии которым он до этого обнаружил в Старом Крыму: «Эти большие дюрбе <...> окружены значительной массой саркофагов, как из мрамора, так и их обычного камня, разбросанных в кажущемся беспорядке, либо объединенных внутри прямоугольных, сложенных из камня оград, подобно семейным гробницам. Лишь немногие остались нетронутыми. Я не видел плит с надписями. <...> Этот род та-

¹¹ Автор имеет в виду Мехмеда II Герая (1532–1584) – сына и наследника Девлета I Герая, крымский хан в 1577–1584 гг.

тарских надгробий отличается от встречавшихся до сих пор: своды, углубленные в землю, напоминали мне гробницы, которые я видел в Старом Крыму» [22, с. 277].

Благодаря подвижничеству членов Одесского общества истории и древностей во втором томе «Записок» общества в 1848 г. впервые были опубликованы два эпиграфических памятника из Эски-Юрта и Азиза. Их перевод был выполнен вице-президентом общества А. Ф. Негри [3, с. 527–528].

Фрагментарную информацию содержит исследование отечественного этнографа А. В. Терещенко. Автор причислил место бывшего поселения к особо почитаемым святыням среди мусульман Крыма: «Салачик, Эски-Юрт и Азиз – благоговейные места для мусульман, завалены кучами надгробных камней, разбитыми гробницами и мавзолеями, между которыми есть прекрасной работы. Славившиеся богатством усыпальницы стоят в запустении. Я видел валяющиеся в пыли мраморные от гробниц обломки с изображением цветов и узоров, видел многие ханские обелиски и мавзолеи» [56, с. 54].

В 1890 г. в районе станции «Бахчисарай» (ныне – район железнодорожного вокзала) был обнаружен клад из 282 серебряных монет, датированных в Императорской археологической комиссии XIII в. [49, с. 147–149]. Там же в 1891 г. местным жителем был обнаружен клад из 87 серебряных монет XIV в. [50, с. 184–185]. Оба клада детально исследованы не были, дальнейшая их судьба не известна. По справедливому замечанию М. М. Чорефа, «такие крупные по тем временам клады могли быть сокрыты только вблизи какого-то поселения. Следовательно, некий населенный пункт в западной части Бахчисарайской долины мог существовать уже в тот период. Другие упомянутые клады и отдельные монетные находки нам не столь интересны. Само их нахождение только подтверждает существование поселения в XIII–XV вв.» [61, с. 150].

В октябре 1890 г. член Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК) И. С. Журьяри по поручению комиссии, с целью «проверки заявления об открытых будто бы в окрестностях Бахчисарая проводником Брянцевым предметов и мест, заслуживающих внимания археологов, но еще неисследованных» [23, с. 109], посетил урочище Кырк-Азизлер. Он отметил, что «памятники этого кладбища, занимающего пространство несколько более пяти десятин, совершенно сходны с памятниками, находящимися в Качи-Кальёне <...>. Склепы значительных размеров в большом количестве разбросаны группами по всему кладбищу, входы в них остаются закрытыми» [23, с. 109]. К моменту осмотра один из памятников оказался разграбленным: «разобран верх и через образовавшееся отверстие можно спуститься во внутрь. Этот склеп сферической формы, имеет по дну около четырех шагов. Стены его покрыты толстым слоем извести. По северной стороне, сбоку, находится полукруглой формы вход, высотой менее аршина [0,7 м – Д.Л.], заваленный камнями. У западной стены лежат два камня <...>, а близ них – человеческие кости, изорванная в клочки черная, по-видимому, козловая кожа, ломающаяся при слабом давлении на нее, и кусочки совершенно истлевших досок» [23, с. 109]. По утверждению Брянцева, склеп был обрушен недавно, а

он одним из первых проник внутрь, где обнаружил «остов человека, зашитый в кожу. Голова его была обращена на юг, а ноги покоились в двух упомянутых выше камнях» [23, с. 109]. Череп, со слов проводника, был изъят профессором Н. П. Кондаковым. Эпиграфических памятников И. С. Журьяри обнаружено не было.

Важнейшим периодом в исследовании поселения стали 20-е гг. XX в., когда наряду с первыми археологическими изысканиями были предприняты попытки организации эффективной системы сбережения и охраны объектов культурного наследия. Качественно новый этап памятникоохранной работы на полуострове связан с деятельностью Крымского отдела по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта (КрымОХРИС). 21 ноября 1920 г. первый руководитель отдела, петроградский ученый, антрополог и этнограф Г. А. Бонч-Осмоловский в своем докладе на заседании отдела народного образования сформулировал основную задачу начального этапа деятельности КрымОХРИС – «изъятие предметов культурно-исторической ценности, брошенных на произвол судьбы или находящихся в ненадежных руках частного владельца путем реквизиции» [59, с. 7]. Был составлен первый план Отдела по охране памятников старины. Он включал в себя пункты о необходимости учета всех археологических памятников, налаживанию их технической охраны (обмеры, зарисовки, фотографирование, нанесение на план, ремонт и реставрация), о подготовке материалов для издания археологической карты Крыма, изыскания средств для наружной охраны памятников. 21 августа 1921 г. приказом КрымРевкома № 450 в ведение КрымОХРИС был передан ряд археологических объектов полуострова, среди которых «Бахчисарайский дворец и все дюрбе» [47, с. 116]. Запрещалось «занятие, использование, переделки, перестройки, раскопки всех вообще памятников и исторических мест в Крыму без разрешения КрымОХРИСа» [47, с. 117]. В 1922 г. был произведен первый учет археологических памятников – список содержал 130 наименований. Ключевую роль в этой работе сыграл председатель ТУАК А. И. Маркевич [48, с. 176].

В 1923–1926 гг. остро стал вопрос наружной охраны памятников. Местные власти и коммунальные хозяйства неоднократно инициировали перестройки в непосредственной близости от исторических объектов, случалось санкционированное использование архитектурных памятников для нового строительства, активизировались кладоискатели. Невозможность полноценной охраны памятников привела к необходимости их срочной графической фиксации, что было поручено феодосийскому художнику К. Ф. Богаевскому [47, с. 118]. Первыми были зарисованы памятники Феодосии, Судака, Старого Крыма. В собраниях Бахчисарайского музея-заповедника и Феодосийского музея древностей выявлено 12 акварелей с видами памятников Эски-Юрта, выполненные художником в 1925 г. Объекты изображены с нескольких ракурсов, что позволяет восстановить полную картину их состояния в середине 20-х гг. XX в.: дюрбе Мухаммед-Шах-бея – 3 акварели¹², дюрбе Ахмед-бея – 4¹³,

¹² БИКАМЗ. Инв. №№ Г-1, Г-28, Г-29.

¹³ БИКАМЗ. Инв. №№ Г-4, Г-19, Г-32; ФМД. Инв. № Г-1.

«Малый восьмигранник» – 3¹⁴, «Большой восьмигранник» – 5¹⁵. Высокий уровень профессионализма и доскональный подход к работе обеспечили ряд достоинств собрания: точность рисунков и передачи архитектоники памятников, детализация изображений. Учитывая отсутствие единовременных цветных фотоснимков, работы К. Ф. Богаевского являются важным источником при проведении реконструкции и реставрации объектов, восстановлении их первоначального облика. «Охрисовская» серия работ художника наиболее полно и качественно опубликована М. А. Ломакиной [37; 38].

Одним из ключевых центров в сфере изучения и охраны древностей полуострова с момента его организации в 1917 г. стал Бахчисарайский дворец-музей тюрко-татарской культуры. Руководитель музея У. А. Боданинский на протяжении десятилетия в 20-х гг. XX в. находился в центре организационной работы по спасению от разрушения, изучению и реставрации мусульманских памятников. Информативным источником о деятельности музея по изучению древностей Крыма является личный дневник его директора, выявленный в фондах БИКАМЗ¹⁶, задуманный первоначально как ежедневный отчет о работе организации. Дневник выполнен на страницах трех стандартных тетрадей, нумерация сквозная, всего 307 листов. Охватывает хронологический промежуток с 5 декабря 1923 г. по 31 января 1926 г. У. А. Боданинским представлены сведения об экспедиции по изучению могильника Кырк-Азизлер в октябре 1924 г., подробно изложен организационный этап, присутствует смета¹⁷ и план изысканий¹⁸. Детально освещен ход работ, приведены описания выявленных надгробных памятников, тексты эпитафий, часть из них сопровождается схематичными рисунками¹⁹. Исходя из дневниковых записей, сотрудниками Бахчисарайского музея осуществлялся регулярный контроль за состоянием памятников древности города. На страницах присутствуют неоднократные сведения о проводимых осмотрах памятников, хлопотах об их ремонте, зарисовках и фотофиксации. Значительное внимание уделялось объектам Эски-Юрта²⁰. Дневниковые записи У. А. Боданинского опубликованы в 2018 г. [58].

28 марта 1924 г. на заседании Ученого совещания при заведующем Крым-ОХРИСом был рассмотрен план археологических работ на текущий год, озвученный в докладе А. И. Полканова. Предполагалось осуществить работы на Гераклеиском полуострове, в Старом Крыму и Бахчисарае, где планировалось исследовать погребения в районе Азиза и Эски-Юрта. Помимо крымских специалистов было предложено привлечь к работам сотрудников Всесоюзной научной ассоциации

¹⁴ БИКАМЗ. Инв. №№ Г-22, Г-23, Г-44.

¹⁵ БИКАМЗ. Инв. №№ Г-6, Г-20, Г-32, Г-44; ФМД. Инв. № Г-1.

¹⁶ БИКАМЗ. КП. 9521. Инв. № 380; КП. 9522. Инв. № 381; КП. 9569. Инв. № 386.

¹⁷ БИКАМЗ. КП. 9569. Инв. № 386. Л. 78–79.

¹⁸ БИКАМЗ. КП. 9569. Инв. № 386. Л. 80–81.

¹⁹ БИКАМЗ. КП. 9569. Инв. № 386. Л. 94–121.

²⁰ БИКАМЗ. КП. 9569. Инв. № 386. Л. 36–38; 52–54; 62–63

востоковедения при ЦИК СССР²¹. Работы 1924 г. были профинансированы ЦИК Крымской АССР, СНК Крымской АССР и Научной ассоциацией востоковедения [9, с. 23]. Начальником экспедиции был назначен член Президиума, заведующий историко-этнологическим отделом ВНАВ, профессор И. Н. Бороздин. Открытый лист на право проведения археологических раскопок в пределах Северного Кавказа и Крыма был выдан Отделом по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Главнауки Наркомпроса РСФСР 20 июня 1924 г. А. С. Башкирову²². В экспедиции принимали участия О.-Н. А. Акчокраклы, У. А. Боданинский, Н. Л. Эрнст.

Детальный ход работ позволили восстановить дневниковые записи А. С. Башкирова²³ и У. А. Боданинского [58]. 24 сентября в Бахчисарай прибыли И. Н. Бороздин и Н. Л. Эрнст для предварительного осмотра места предполагаемых раскопок. Была представлена смета работ, составившая 437 р. 60 к. [58, с. 94]. 25 сентября на научном совещании в Бахчисарае было решено, что «памятники Эски-Юрта должны быть подвергнуты детальному археологическому исследованию с применением всех новейших методов археологической науки» [58, с. 94]. Был выработан предварительный план работ, включивший в себя: топографическую съемку, составление краткого описания памятников, фотофиксацию объектов, их обмеры и зарисовку. Лишь после этого предполагалось начать археологические разведки. Исследования проводились всего 10 дней, с 5 по 15 октября. После тщательного осмотра территории и выработки дальнейшего плана предстоящего исследования, его выполнение было возложено на А. С. Башкирова и У. А. Боданинского. После топографической фиксации территории городища работа была сосредоточена в западной части, на мусульманском могильнике Кырк-Азизлер.

4 ноября 1924 г. на страницах газеты «Красный Крым» А. С. Башкиров и У. А. Боданинский опубликовали краткий предварительный отчет об исследовании поселения Эски-Юрт [5]. Был «составлен детальный топографический план <...> с нанесением на него сохранившихся на поверхности и открытых в земле памятников древности, произведен ряд архитектурных съемок с древних сооружений, произведены первые зондажные раскопки. Работы сопровождалась детальнейшими зарисовками и фотографированием» [5]. Авторы публикации отметили, что «в результате археологических работ был изучен тип монументальных дюрбе, тип купольных гробниц с их погребениями, погребения в грунтовых могилах и огромное количество разнотипных надгробных памятников, покрытых богатой орнаментацией, нередко снабженных надписями на татарском, арабском и персидском языках, часто с точным указанием года смерти умершего, а, следовательно, и времени изготовления того или иного памятника» [5]. Большинство надгробий исследователями было датировано второй половиной XIV – началом XV в.

Учитывая разведывательный характер работ, отсутствие времени на обработку материала, отмечено, что «пока еще не пришло время говорить о деталях научного

²¹ ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 107. Л. 2–3.

²² ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 111. Л. 20.

²³ ГИМ ОПИ. Ф. 598. Оп. 1. Д. 25. Л. 95–111.

значения открытых памятников. Предстоит кропотливая лабораторная их обработка. Нужны еще длительные дальнейшие изыскания <...>, но и то, что сделано во время первой рекогносцировочной работы <...>, является весьма ценным показателем того, что дальнейшие исследования могут дать богатый материал к пониманию прошлого» [5]. Авторы публикации подчеркнули значительный интерес к работам в научной среде и общественности: «Потянулись к месту работ не только экскурсионные учащиеся, работники просвещения, но и представители профсоюзов, члены местного исполкома и просто граждане массами перебивали на месте открытий» [5]. 11 октября Эски-Юрт посетили председатель СНК СССР А. И. Рыков и член президиума ВЦИК и ЦИК СССР П. Г. Смидович.

Более детальный, но отнюдь не обстоятельный отчет об исследовании поселения был опубликован в журнале «Новый Восток» в 1925 г. [6]. По результатам работ участниками экспедиции была предложена классификация выявленных надгробных памятников, выделены их следующие группы:

I. Горизонтальные надгробия:

1. «Каменная плита или одиноко лежащая над могилой, или огороженная камнями, мелкими плитами, поставленными на ребро» [6, с. 296]. Не имели надписей и резьбы.

2. «Надгробия длинные, низкие и широкие гробовидной формы с отлогой двускатной вершиной-крышей, высеченные с продолговато-квадратной плитой-цоколем. Последняя иногда двухступенчатая» [6, с. 297]. Сосредоточены в южной части могильника, без надписей.

3. Надгробия широкой формы с двускатной вершиной на высоком цоколе, узкие стороны которых выполнены в форме т. н. «рогов». Зачастую украшены резьбой, имели надписи. Исследователями была предпринята попытка проследить эволюцию оформления подобного типа памятников «от простейших форм к архитектурной миниатюрности. <...> Основной корпус их и двурогие части постепенно принимают формы архитектурных деталей и не каких-либо фантастических, а вполне реальных образцов монументальных сооружений» [6, с. 300]. Был сделан вывод о сельджукском влиянии на становление подобных надгробных форм.

4. Отдельно выделено надгробие Хасене-Хатун, дочери имама, погребенной в 1369/1397? г. Памятник состоял из четырех блоков: на массивный известняковый постамент с поясом меандрового орнамента установлен мраморный фрагмент сундукообразной формы с двускатным верхом, где размещалась надпись: «Пророк сказал: смерть есть чаша, которую должен каждый испить; смерть есть дверь, которую должен каждый пройти». По концам надгробия были установлены мраморные плиты, специальными вырезами закрепленные в постаменте. На них – имя и дата смерти покойной. Здесь же была расположена надпись на фарси, вероятно – стихотворной формы.

II. Вертикальные надгробия: «имеют форму круглой или гранной колонки, увенчанной часто в богатой резьбе головным убором, который у поздних надгро-

бий обычно чалмовидный, <...> под чалмой обычно на шейке надпись. <...> Укрепляются прямо в землю между крупными камнями, но часто для них сооружаются особые плиты, в выдолбленные отверстия которых вставляются эти памятники; иногда эти плиты покрываются орнаментом; например, в виде круга с вырезанной в его поле шестиконечной звездой» [6, с. 307]. После окончания работ часть выявленных надгробий была перевезена в бахчисарайский музей (всего 25 номеров по инвентарной описи).

Авторы публикации указали на наличие на территории кладбища т. н. «аллеи купольных гробниц»: «“Аллея” эта занимает место в западной части могильника и выделяется видом небольших груд архитектурных фрагментов, среди которых видны остатки стен, огораживающих небольшие квадратные площадки. Иногда площадки зияют темными провалами от обвалившихся куполов, находящимися под площадками» [6, с. 309]. Участниками экспедиции были обследованы руинированные остатки дюрбе, составлен общий план памятников, выявлен ряд закономерностей: «из осмотра руин мы вывели следующие данные: разрушившиеся сооружения кубовидной формы, обычно впущенные в почву и скалу, перекрыты куполами на сферических парусах, перевернутая вершина которых на уровне пола. В восточной стенке камеры посередине выкладывается с арочным верхом замурованный ход, через который только и возможно проникнуть в камеру. Поверх купола камеры выложен пол верхнего помещения, которое или было открытое, только огороженное тонкой стенкой <...> или же поверх было другое наружное купольное сооружение» [6, с. 309]. Склеп одного из подобных памятников был детально исследован, обнаружено пять костяков. Подвергнут изучению ряд грунтовых захоронений [6, с. 311].

Фрагментарную информацию об «аллее» содержит «заметка» непосредственного участника археологических исследований В. Н. Чепелева. По его сведениям, всего было выявлено около 30 дюрбе, расположенных в северо-западном углу кладбища. Сооружения представляли собой в плане правильные прямоугольники, возвышающиеся над поверхностью на 0,7–1 м²⁴. 9 октября 1924 г. участниками экспедиции была предпринята фотографическая съемка мавзолеев и их зарисовка, выполненная художницей Бонч-Осмоловской. На основании осмотра строений В. Н. Чепелев высказал мысль о том, что данные строения являются современниками древнейших памятников Кырк-Азизлера [33, с. 450], при этом отметив, что «древность этих дюрбе Азиза очень гадательная, близка к “Эски-Дюрбе” (Старый дюрбе)²⁵ в Бахчисарае; они еще, по-видимому, носят все следы восточного зодчества, в то время, как более поздние дюрбе во дворце, уже совершенно другого стиля»²⁶.

²⁴ БИКАМЗ. Архив отдела охраны памятников. Фонд Е. В. Веймарна. Папка № 42. Д. 15/42. Л. 40 об.–41.

²⁵ Автор имеет в виду памятник федерального значения гробницу «Эски Дюрбе», расположенный на улице Зои Космодемьянской, д. 12А.

²⁶ БИКАМЗ. Архив отдела охраны памятников. Фонд Е. В. Веймарна. Папка № 42. Д. 15/42. Л. 42 об.

В фондах Отдела письменных источников ГИМ (Москва) выявлен «План окрестностей Бахчисарая»²⁷, составленный в 1924 г., вероятно, накануне или во время археологических работ. На чертеже, кроме могильника Кырк-Азизлер, обозначен Азиз, где арабскими цифрами отмечены сохранившиеся дюрбе. В Архиве отдела охраны памятников БИКАМЗ хранятся планы, выполненные В. Н. Чепелевым в 1979 г. Документы подготовлены в разном масштабе: 1) План окрестностей Бахчисарая с указанием расположения Кырк-Азизлера, Азиза и Эски-Юрта (условными обозначениями и арабскими цифрами отмечено расположение дюрбе на территории Азиза)²⁸, 2) План кладбища Кырк-Азизлер (красным карандашом отмечены различные комплексы памятников с указанием арабскими цифрами их количества, условными обозначениями указано расположение склепов)²⁹, 3) План юго-восточной части Кырк-Азизлер, наиболее насыщенной памятниками³⁰. Чертежи В. Н. Чепелева зафиксировали состояние могильника в конце 70-х гг. XX в., сравнительный анализ их с более ранними документами позволяет проследить изменения, произошедшие с территорией поселения на протяжении более чем полувека.

В августе 1926 г. по заданию Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ) из Москвы в Крым был направлен архитектор, член правления РОПИК Б. Н. Засыпкин. В его задачу входило ознакомление с архитектурными памятниками крымских городов, анализ их состояния и выработка предложений по их защите и изучению [45, с. 13]. 9–10 августа 1926 г. Б. Н. Засыпкин совместно с У. А. Боданинским провели осмотр памятников древности Бахчисарая. Результаты отражены в отдельном акте, отложившемся в фондах Центрального государственного архива города Москвы³¹. Участники комиссии не оставили без внимания памятники Азиза, был озвучен ряд предложений: «Большой восьмигранник» – произвести облицовку купола камнем с последующей промазкой швов и флюатированием, выполнить укрепление сохранившегося пилона портала путем промазки швов и добавления одного ряда, очистить внутреннее пространство. По дюрбе Мухаммед-бея («Малый восьмигранник») – осуществить снятие поздней штукатурки купола и восстановить его облицовку камнем, «произвести очистку покрытий от зарослей, исправление и дополнение карнизов и выстилку покрытий плитами. Произвести открытие заделанных окон со вставкой сетчатых решеток. Произвести укрепление мраморных наличников путем промазки швов. Вставить в цоколь недостающие камни. По дюрбе № 3 [дюрбе Ахмед-бея («Кубовидное») – Д.Л.] произвести капитальный ремонт черепичной крыши и очистку кругом от позднейших наслоений земли. По дюрбе № 4 [дюрбе Мухаммед-Шах-бея – Д.Л.] произвести капитальный

²⁷ ГИМ ОПИ. Ф. 598. Оп. 1. Д. 26. Л. 51.

²⁸ БИКАМЗ. Архив отдела охраны памятников. Фонд Е. В. Веймарна. Папка № 42. Д. 15/42. Л. 35.

²⁹ БИКАМЗ. Архив отдела охраны памятников. Фонд Е. В. Веймарна. Папка № 42. Д. 15/42. Л. 22.

³⁰ БИКАМЗ. Архив отдела охраны памятников. Фонд Е. В. Веймарна. Папка № 42. Д. 15/42. Л. 37.

³¹ ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 512. Л. 31–32.

ремонт каменной части купола. Открыть заделанные окна и вставить решетки. Произвести мелкие исправления каменных деталей»³².

По окончании экспедиции в ЦГРМ был отправлен отчет Б. Н. Засыпкина о проделанной работе³³. В нем архитектор констатировал бедственное и аварийное состояние ряда памятников полуострова, предметы старины расхищались местным населением. Всего было обследовано 69 памятников, сделано 289 фотографий. Были составлены технические акты и описания, произведено 53 обмера (из них семь – древности Азиза: по одному чертежу – дюрбе Малый и Большой восьмигранники, Ахмед-бея, четыре – Мухаммед-Шах-бея: план, два фасада, архитектурный фрагмент)³⁴. Обобщенный материал проделанной работы в Крыму составил более 51 страницы печатного текста. Б. Н. Засыпкин вел его обработку в двух направлениях: «по линии научно-исследовательской выяснялся характер и значение памятников, разрабатывались практические мероприятия по их консервации, и по линии составления общего для Крыма плана ремонтных работ»³⁵. Сотрудниками ЦГРМ планировалась подготовка более десятка докладов по наиболее острым вопросам охраны памятников в Крыму.

В фондах Государственного научно-исследовательского музея архитектуры имени А. В. Щусева выявлен альбом Б. Н. Засыпкина³⁶, в который вошли чертежи и рисунки, выполненные архитектором во время его командировки в Крым в 1926 г. Среди них обмерные кроки мавзолеев, расположенных на территории Азиза («Малый восьмигранник»³⁷ и «Большой восьмигранник»³⁸). В фондах музея также хранятся разрозненные листы с чертежами Б. Н. Засыпкина, в т. ч. планы мавзолеев Эски-Юрта (1926 г.)³⁹. В фондах отложились и более ранние планы памятников (по одному чертежу дюрбе Мухаммед-Шах-бея⁴⁰, Ахмед-бея⁴¹, Большого⁴² и Малого⁴³ восьмигранников). Их точное авторство не установлено, вероятно, выполнены одним из участников археологической экспедиции 1924 г. по изучению древностей могильника Кырк-Азизлер (А. С. Башкиров, У. А. Боданинский, Н. Л. Эрнст?). Данную группу источников дополняют документы 1924 г., выявленные в ОПИ ГИМ: план дюрбе Мухаммед-Шах-бея (авторство не установлено)⁴⁴, рисунок мимбара Ахмед-бея⁴⁵, рисунки отдельных надгробных памятников с указанием размеров (5 шт.)⁴⁶.

³² ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 512. Л. 31–32.

³³ ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 509. Л. 18.

³⁴ ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 509. Л. 24.

³⁵ ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 509. Л. 24.

³⁶ ГНИМА. Инв. № Арх. 1235.

³⁷ ГНИМА. Инв. № Арх. 1235/4.

³⁸ ГНИМА. Инв. №№ Арх. 1235/5, Арх. 1235/8, Арх. 1235/9.

³⁹ ГНИМА. Инв. №№ РВ 3801, Арх. 1767.

⁴⁰ ГНИМА. Инв. № Арх. 1689.

⁴¹ ГНИМА. Инв. № Арх. 1690.

⁴² ГНИМА. Инв. № Арх. 1692-1.

⁴³ ГНИМА. Инв. № Арх. 1692-2.

⁴⁴ ГИМ ОПИ. Ф. 598. Оп. 1. Д. 26. Л. 45.

⁴⁵ ГИМ ОПИ. Ф. 598. Оп. 1. Д. 26. Л. 52.

⁴⁶ ГИМ ОПИ. Ф. 598. Оп. 1. Д. 26. Л. 43, 45–47, 49.

Архитектурный анализ четырех сохранившихся дюрбе на Азизе был представлен Б. Н. Засыпкиным в 1927 г. На страницах журнала «Крым» опубликованы чертежи усыпальниц, подчеркнута влияние сельджукской архитектуры, памятники датированы XIV–XVI вв. [25]. У. А. Боданинский, рассматривая общую архитектуру мавзолеев Крыма, предположил наличие тесных взаимосвязей между Чуфут-Кале (Кырк-Ером) и Эски-Юртом, по сути, объединив их в единое поселение, превратив горную крепость в его цитадель. По мнению автора, Эски-Юрт имел название «Кырк», а «его верхняя крепость – Кырк-Ер» [8, с. 197]. Детальные чертежи усыпальниц, расположенных на территории поселения, включившие данные обмеров, а также ряд предложений по консервации памятников были выполнены П. И. Голландским. В настоящий момент документы являются частью фондов Научного архива Института археологии Крыма РАН (Симферополь), впервые опубликованы В. П. Кирилко [33, с. 443–450].

Очередной попыткой крымских краеведов привлечь внимание властей и общественности к проблемам изучения, сохранения и охраны памятников стала Керченская археологическая конференция, проходившая с 5 по 10 сентября 1926 г., созданная в честь столетнего юбилея Керченского археологического музея [16; 27; 36; 41; 42]. Конференция стала первым археологическим съездом с момента установления советской власти. На нем присутствовало 135 делегатов от 73 учреждений и организаций из семи республик СССР.

Работа конференции была устроена по четырем секциям: доисторической, ирано-эллинской, средневековой и тюрко-татарской археологии. В плане изучения древностей Эски-Юрта особый интерес вызывает работа последней. Ее председателем являлся И. Н. Бороздин, заместителем – У. А. Боданинский, функции секретаря выполнял О.-Н. А. Акчокраклы [11, с. 1]. На второй день работы конференции, 6 сентября, с докладом «Некоторые малоазийские художественные традиции в искусстве крымских татар по изысканиям в Крыму 1924, 1925 и 1926 годов», значительное внимание в котором было уделено исследованию Эски-Юрта в 1924 г., выступил А. С. Башкиров [4]. Б. Н. Засыпкин представил делегатам археологического форума доклад «Состояние татарских памятников в Крыму» [26], где в очередной раз заострил внимание на угрожающем положении древностей на территории полуострова и на необходимости принятия срочных мер для их охраны и реставрации.

Итоги обсуждения проблемы охраны памятников проявились в ряде резолюций конференции. Ее участники признали необходимым начать «скорейшую разработку единого производственного плана в области крымской археологии, <...> продолжить научно-техническое обследование, фиксацию и поддержание памятников с отпуском госкредитов, издание неопубликованного материала раскопок, <...> приступить к составлению археологической карты Крыма» [12, с. 7]. Участники секции тюрко-татарской археологии признали необходимым продолжить археологические работы в Эски-Юрте и Старом Крыму, опубликовать результаты экспедиций на русском и татарском языках. Принимая во внимание доклад Б. Н. Засыпкина,

секция постановила «обратиться через Пленум Конференции в Главнауку и КрымЦИК с ходатайством о принятии срочных мер охраны и мер по приостановлению катастрофического разрушения памятников крымскотатарской архитектуры» [12, с. 10]. Участниками Керченского археологического съезда была сделана попытка привлечь внимание ученых, научных организаций, а также общественности к проблемам крымской археологии. Благодаря докладам А. С. Башкирова и Б. Н. Засыпкина удалось обратить внимание на катастрофическое состояние мусульманских древностей в Крыму, подчеркнуть их важность для изучения средневековой истории полуострова, отметить практически полную неизученность поселения Эски-Юрт, сыгравшего значительную роль в формировании столицы Крымского ханства.

20-е гг. XX в. являются значимым этапом в исследовании поселения Эски-Юрт. Были предприняты первые попытки сохранения и охраны памятников, силами крымских и столичных ученых производилась фотофиксация, выполнялись обмеры. По заказу КрымОХРИС осуществлена зарисовка памятников К. Ф. Богаевским. В октябре 1924 г. произведены первые археологические работы. Несмотря на то, что полные результаты изысканий до настоящего момента не введены в научный оборот, руководителями экспедиции представлены лишь краткие предварительные отчеты, можно утверждать, что десятидневные работы дали значительный материал для дальнейшей исследовательской деятельности по истории поселения.

А. Л. Якобсон связал поселение Эски-Юрт с «первым очагом татарской оседлости в Крыму» [62, с. 134; 63, с. 129], существовавшее, по его мнению, во второй половине XIV – XV в. до возникновения Бахчисарая. Автор подчеркнул, что «насыщенный культурный слой в восточной половине урочища позволяет говорить об интенсивной жизни; следы каменных фундаментов указывают на основательность отдельных построек» [62, с. 135; 63, с. 129]. А. Л. Якобсон отметил наличие разнообразных по форме надгробных памятников в западной части урочища: «цилиндрические (увенчанные чалмой), в виде стелы, гробовидные на монолитной плите, гробовидные с двускатным верхом, с выступами на концах (“рогами”) или без них; нередко этим выступам на надгробиях придавали архитектурные формы в виде модели мавзолея-дюрбе, а горизонтальная часть надгробия обрабатывалась в виде удлиненного здания мечети. Многие из надгробий богато украшены резьбой в виде жгутиков с петлями, розетками, сложными плетенками, сплетенными пальметками и пр.» [62, с. 134; 63, с. 129]. Автор заострил внимание на архитектуре дюрбе Мухаммед-бея – «одного из наиболее древних памятников раннетатарской архитектуры. Это приземистый куб со срезанными углами <...>, дающими переход к узкому восьмигранному верху, перекрытому куполом. С южной стороны к зданию примыкает небольшой портал в виде пилонов с пиштаком <...>. Под полом – глубокая сводчатая усыпальница с замурованным входом. Облицовка из гладко тесаного камня придает мавзолею черты монументальности» [62, с. 134; 63, с. 129]. На основании архитектурного анализа дюрбе А. Л. Якобсон пришел к выводу о «полной зависимости раннетатарской архитектуры от сельджукского искусства, формы которого к тому

же крайне упрощались. В этом отношении дюрбе Эски-Юрта очень характерно. Архитектура татар-кочевников в XIV и XV вв. лишь зарождалась, как зарождалось в это время и их государство в Крыму» [62, с. 134; 63, с. 129].

Исследование эпиграфических памятников Эски-Юрта было продолжено лишь по прошествии более 60 лет с момента первых археологических изысканий. В 1989 г. А. А. Ивановым осуществлена идентификация и классификация надгробных памятников, выполнено повторное прочтение эпитафий, произведен их научный анализ. Из внесенных в 1924 г. в инвентарную книгу 25 могильных камней (№№ 2449–2473) в бахчисарайском музее было выявлено 23 шт. (не обнаружены надгробия, изображенные на рисунках № 4 и 8а в публикации А. С. Башкирова, У. А. Боданинского [6, с. 298, 307]). Большинство (20 из 23) представляли собой вырубленные из монолитного известняка сундукообразные саркофаги на платформе с двускатным верхом и т. н. «рогатыми» выступами, надписей не имели лишь 3 памятника из 23, 12 из них датированы. Наиболее ранний имел две надписи: «Это гробница покойной, прощенной, счастливой мученицы за веру Шах-хатун, дочери Махмуда ал-Кирими, милость Аллаха всевышнего [да будет над нею]...» и «Сказал Пророк, мир над ним: “Верующие не умирают, но переходят из мира тленного в мир вечный”». В конце стоит дата: месяц джумази-уль-ахыр 716 – т.е. 1316 г. [29, с. 26]. Надгробие выполнено из мрамора, установлено на известняковой плите, впервые перевод опубликован во втором томе ЗООИД. А. А. Иванов отметил, что «нет твердой уверенности в происхождении этого камня с городища Эски-Юрта» [29, с. 27]. Наиболее поздний памятник датирован 1419 г.

На основе полученного материала был сделан ряд выводов и предположений:

1. Жизнь на городище Эски-Юрта шла достаточно активно с 70-х гг. XIV в. до 20-х гг. XV в.

2. На десяти камнях удалось установить имена покойных, лишь пять из них сопровождалась нисбами: три – «Кырыми», в одном случае – «ас-Семаи», одна не прочитана. Данная приставка к имени погребенного, зачастую указывающая его географическое происхождение, могла бы помочь в определении названия поселения в XIV–XV вв., но полученный малоинформативный материал, по мнению А. А. Иванова, не позволил этого сделать: «Можно полагать, что это название [Эски-Юрт – Д.Л.] более позднее и старым это городище стало считаться по отношению к Бахчисараю, возникшему в начале XVI в., или по отношению к крепости Кырк-Ор, где была ставка Крымских ханов в XV в. Вряд ли это место тоже называлось “Крым” (Кирим) наряду с Солхатом-Крымом (позднее – Эски-Крым), где было найдено 10 могильных камней с нисбом “ал-Кирими”» [29, с. 30]. Е. В. Бахревский придерживается диаметрально противоположной точки зрения: «На наш взгляд, при переходе политического центра страны в юго-западную часть полуострова туда же должно было перейти и название столицы. Таким образом, Бахчисарай с предместьями должен был носить и название Крыма, Нового Крыма. <...> Эски-Юрт и Бахчисарай при перенесении сюда политического центра должны были именоваться

“городом Кырымом”, и надгробия с кладбища в Эски-Юрте носят нисбу “Кырыми” именно по этой причине» [2, с. 189–190].

3. Эски-Юрт являлся значительным поселением в XIV–XV вв., «ведь кроме могильных памятников здесь сохранились четыре мавзолея и прекрасный каменный мимбар, что говорит о существовании мечети в свое время. <...> План кладбища Кырк-Азизлер дает возможность подсчитать, что это кладбище занимало около 16 га. <...> Употребление тюркских имен покойных и числительных в датах позволяет говорить о нарастании (преобладании) тюркского населения в Эски-Юрте» [29, с. 30].

4. В Эски-Юрте во второй половине XIV – первой четверти XV в. существовала хорошо развитая школа обработки камня, о чем «свидетельствуют прекрасно выполненные могильные камни и мавзолеи. Художественные связи этой школы были направлены на юг – в Анатолию, хотя здесь в надписях на могильных памятниках мы не находим выходцев из этого региона» [29, с. 31].

Пятая нисба из Эски-Юрта была переведена в 2014 г. Е. Ю. Гончаровым и И. В. Зайцевым. Среди обнаруженных на территории кладбища Кырк-Азизлер памятников было сундукообразное надгробие с двускатной высокой стрельчатой вершиной, которое по первоначальной описи материалов имело седьмой порядковый номер. На обеих его торцевых сторонах имелись надписи. А. С. Башкиров и У. А. Боданинский ограничились в своей статье воспроизведением восточной торцевой стороны: «Надпись надгробия № 7 указывает на то, что под ней лежат кости ученого представителя мусульманского философско-религиозного ордена мевлевийцев; читается она так: на западной торцевой стороне памятника – “сей покойный прощенный мевлиана Ахмед бин-Махмуд эль-Балигый бин-Хусейн” и на восточной стороне – “года 793” = 1390 г. н.э. “Да помилует, его бог”» [6, с. 307]. А. А. Иванов выполнил более точный перевод эпитафии: «Покойный господин наш Ахмад ибн Махмуд ал...» и «год 793, да помилует его Аллах». Ученый отметил, что «начало и конец надписи с именем покойного пока не понятны. В конце явно должна стоять нисба, но А. С. Башкиров и У. А. Боданинский предлагали чтением этого места как “...ал-Балигый ибн Хусейн”, но в надписи явно нет слов “ибн Хусейн”, а остается непонятная нисба» [29, с. 27]. Е. Ю. Гончарову и И. В. Зайцеву удалось перевести нисбу и выполнить полный перевод всей эпитафии: «[Это могила] покойного мевляны Ахмада ибн Махмуда Барчинлыкского⁴⁷» и «В год семьсот девяносто третий. Да помилует его Господь!» [21, с. 177].

Подкрепляя свои рассуждения нумизматическим материалом, авторы пришли к выводу о существовании обширных связей между регионами Золотой Орды в пер-

⁴⁷ Барчинлык (Барчин, Барчинлык-кент, Баркенд) – один из крупнейших городов на территории сьрдарьинских владений Джучидов. В эпоху монгольского завоевания упоминается среди городов, взятых армией Чингизхана. После административных и финансово-экономических реформ, проведенных в Великой Монгольской империи в 1251 г., здесь чеканились золотые и серебряные монеты, город имел статус центра провинции. В результате соглашений, достигнутых на Курултае 1267 г., отошел в Улус Джучидов, на его серебряных монетах появилась тамга хана Менгу-Тимура, потомка Бату. Археологическими остатками является городище Кыз-Тобе, находящееся западнее г. Кзыл-Орда в бассейне р. Жана-дарья.

вой половине XIV в. Не отрицая возможность переезда мавляны Ахмада б. Махмуда в Крым в иные годы, отмечено начало 1380-х гг., «как период большей вероятности такого путешествия. В 1380 г. хан Токтамыш ушёл с армией из Ак-Орды и Хорезма на завоевание западных областей Улуса Джучидов. В войсковом обозе, скорее всего, ехали не только лица военного сословия, но и всевозможные сопровождающие, включая духовенство. Это было, возможно, самое крупное перемещение жителей из среднеазиатских вилайетов Золотой Орды в ее западные районы, достигнувшее, в том числе и Крыма» [21, с. 179].

Первые результаты исследования керамического материала поселения Эски-Юрт получены лишь в конце XX в. и отражены в совместной публикации крымских археологов [7]. В 1990 г. на северо-восточной окраине современного г. Бахчисарай на территории винодельческого завода в заполнении средневековой ямы, частично разрушенной строительной траншеей, выявлены два фрагмента поливной посуды. Первый отнесен исследователями к придонной части открытого сосуда, на который нанесен геометрический орнамент в виде косой сетки, в заполнении которой изображены спиралевидные завитки. Второй фрагмент – донная часть красноглиняной миски на кольцевом поддоне. Внутренняя сторона сосуда была покрыта тонким слоем прозрачной зеленой поливы. Под ней по белому ангобу прочерчен стилизованный растительный орнамент. На дне имеется след от ножки подставки. Оба фрагмента были отнесены к XIV – началу XV в. [7, с. 185].

В 1991 г. в рамках программы по реставрации памятников мусульманской архитектуры региона сотрудники Крымской комплексной архитектурно-реставрационной мастерской института «Укрпроектреставрация»⁴⁸ совместно с Научно-производственным предприятием «Къысмет» выполнили обмеры ряда мавзолеев Салачика и Эски-Юрта. На двух из них – Мухаммед-Шах-бея и Хаджи-Гирея – силами Горно-Крымской археологической экспедиции Института археологии Академии наук Украины под руководством В. Л. Мыца проведены археологические исследования [33, с. 451]. Работы на первом из них производились на двух участках: внутри строения и перед южным фасадом.

К моменту раскопок дюрбе погребения были практически полностью утрачены. Выявлены лишь отдельные фрагменты нескольких костяков. На дне усыпальницы в южной части помещения обнаружены детали надгробного памятника (по классификации А. Е. Гайворонского – тип № 2 [14, с. 18]), ряд архитектурных фрагментов из известняка. Исследования позволили получить дополнительные сведения об архитектонике здания. В результате археологических работ за пределами усыпальницы на дневной поверхности строительного горизонта обнаружены две бронзовые монеты, одна из которых датирована М. Б. Северовой 1778 г. (второй год правления Шагин Герая). На основании проведенных исследований проведена реконструкция портала сооружения, возведение мавзолея отнесено к последней четверти XVIII в. [33, с. 463].

⁴⁸ Ныне – Государственное унитарное предприятие Республики Крым «Комплексная архитектурно-реставрационная мастерская Крымпроектреставрация» (Симферополь).

В 2005 г. сотрудниками Бахчисарайского заповедника проведены разведывательные археологические изыскания на западной окраине Бахчисарая в районе пищевого комбината по ул. Подгородней. Исследуемый участок в 30–50-х гг. XX в. был занят фруктовым садом, подвергался интенсивной распашке, в 70-х гг. стал частью промышленной окраины города, что привело к серьезному повреждению культурного слоя, на значительной площади – к его полному уничтожению. В процессе работ было зачищено 12 траншей, общей площадью 135 кв. м, разбиты четыре квадрата [31, с. 182]. Обнаружены остатки поселения золотоордынского времени, выявлены части разрушенных тандыров, четыре хозяйственные ямы, заполненные пластами обмазочной глины, почвой, бутовым камнем. В засыпи найдены обломки бытовой посуды и кости домашних животных. В составе общего керамического комплекса преобладали фрагменты гончарной посуды золотоордынского времени. Она представлена частями горшков и кувшинов коричневого обжига, красноглиняных поливных кувшинов, поливных монокромных чаш с подглазурной росписью белым ангобом, полихромных и монокромных чаш, украшенных геометрическим или растительным орнаментом. На исследованном участке обнаружено 36 медных золотоордынских монет, датированных XIV – началом XV в. [31, с. 183]. Руководитель археологических исследований С. В. Карлов с уверенностью констатировал: «Открытые раскопками части тандыров и хозяйственные ямы свидетельствуют о том, что в средневековье на этом участке Эски-Юрта находились жилые дома и хозяйственные комплексы. Полученный археологический материал дает возможность предварительно датировать исследованную часть поселения хронологическим интервалом от начала XIV до начала XV в., что не противоречит данным эпиграфики» [31, с. 184]. Детальный отчет о проведенных исследованиях представлен руководителем экспедиции в 2010 г. на международной научно-практической конференции «Сохранение культурного и исторического наследия Крыма» (г. Старый Крым) [32].

Итогам изучения отдельного артефакта, обнаруженного в процессе археологических исследований 2005 г., посвящен доклад О. М. Стойковой, представленный на третьих Бахчисарайских научных чтениях памяти Е. В. Веймарна в 2015 г. [55]. Экспедицией С. В. Карлова была обнаружена поливная миска со стилизованным изображением птицы, датированная XIV в., собранная из нескольких фрагментов. Декорирована по внутренней части дна зооморфным изображением в виде птицы с расправленными крыльями. По четко прорисованному контуру автором сделано предположение, что птица относится к совообразному отряду хищных. На поверхности миски изображение получено путем гравировки по ангобу. После нанесения рисунка сосуд был покрыт прозрачной светло-зеленой поливой. По мнению О. М. Стойковой, вполне вероятным является производство миски в одном из гончарных центров Крыма, к примеру – в Солхате [55, с. 25–26].

Оригинальную версию локализации поселения Эски-Юрт предложил М. М. Чо-реф, предположивший его возникновение и становление на землях разоренного Кырк-Ер: «Золотоордынское городище возникло в западной части долины и посте-

пенно заняло ее всю. <...> Уже в начале XIV в. это было довольно большое поселение, жители которого вели значительную торговлю. <...> Возможно, оно являлось административным центром или было резиденцией татарского феодала, вероятно, наместника правителя Золотой Орды. <...> Вероятно, в результате бурных событий конца XIV – начала XV в. Кырк-Ер был razoren. Оставшиеся в живых жители покинули западную часть долины и переселились на ее восточную сторону, ближе к горам. Эти районы ранее были заселены, но не являлись центром городища. Теперь же на восточной окраине поселения появилась новая резиденция, а укрепление на плато стало убежищем в случае опасности. Так как все эти районы входили в состав Кырк-Ера, то старое название сохранилось и за ними. В это время центр поселения практически обезлюдел. <...> На территории прежнего укрепления, у входа в долину, там, где некогда была ставка, возникло селение Эски-Юрт, давшее название западным районам некогда существовавшего городища» [61, с. 150].

М. М. Чорев также заключил, что «Кырк-Ер может быть локализован в районе современного железнодорожного вокзала Бахчисарая. Дело в том, что его укрепление могло находиться только на возвышенности, закрывающей подходы в долину; близ его предполагаемого местонахождения были найдены три клада, а неподалеку находятся остатки золотоордынских некрополей. А наличие на месте т.н. Эски-Юрта, по словам путешественников, христианских культовых центров, позволяет нам предполагать, что какое-то поселение существовало на его территории до XIII в. и было захвачено монголами» [61, с. 150].

Крымские исследователи А. Г. Герцен и Ю. М. Могаричев однозначно связывают появление «первого татарского поселения в Юго-Западном Крыму – Эски-Юрта» с временем захвата татарами Кырк-Ера: «Скорее всего, появление Эски-Юрта и подчинение Кырк-Ера – звенья одной цепи – проникновения золотоордынцев в юго-западный Крым, своего рода нейтральную территорию между Золотой Ордой и генуэзскими владениями» [19, с. 57], что произошло, по мнению авторов, не ранее второй половины XIV в. По мнению И. В. Зайцева, впервые город был проверен на прочность ордынскими войсками в 1238 г., когда он пал под натиском войска Шибана, внука Чингизхана, младшего брата Батые, после чего, скорее всего, представлял собой полуавтономное аланское владение во главе с ханским наместником, обложенное налогом на манер русских княжеств, который поступал лично ханам [24, с. 499]. А. Г. Герцен связывает окончательный захват Кырк-Ера со временем правления Джанибека в период между 1342 и 1363 гг. [20, с. 140].

В 2006 г. опубликован каталог памятников Ханского кладбища Бахчисарайского дворца [14]. В него были включены надгробия, перевезенные сюда экспедицией У. А. Боданинского осенью 1924 г. с территории практически уничтоженного ныне кладбища Кырк-Азизлер (кроме хранившихся на тот момент в лапидарии музея). Приведена датировка памятников, имена погребенных (если эти данные было возможно установить), указано их схематическое расположение на общей карте Ханского кладбища, каждому объекту присвоен отдельный номер [14, с. 34–40].

Ряд оригинальных предположений о характере поселения Эски-Юрт выдвинул А. Е. Гайворонский, в большинстве своем не подкрепленные научными фактами, но имеющие убедительную логическую основу. Отмечен ряд общих черт в развитии Солхата и Эски-Юрта, важнейших ордынских центров в восточном и западном Крыму соответственно: «Два города не просто имели черты сходства в своей топографии, но и находились во взаимодействии. Это факт, доказанный материалами эски-юртской эпиграфики: в Эски-Юрте жили и умирали люди из Кырыма, а также их потомки. <...> Эски-Юрт по своему расположению имел много общего с Кырымом и даже был отчасти населен выходцами из этого города» [13, с. 90].

А. Е. Гайворонским были изложены сомнения о возможности расположения ставки Хаджи Герая на современной территории крепости Чуфут-Кале: «Это безводное и труднодоступное место, не годящееся для многолюдной ханской резиденции – а тем более в период, когда архаичные ордынские традиции кочевья еще играли определенную роль как в жизни первых лиц государственной структуры, так отчасти и самого ханского двора» [13, с. 91]. Наиболее вероятным направлением поиска резиденции указан Эски-Юрт: «Малый “двойник” Кырыма прекрасно отвечал всем требованиям для устройства новой столицы – даже, пожалуй, лучше, чем крепость Кырк-Ера и ущелье Салачика. <...> Итак, Кырк-Ер являлся сокровищницей и убежищем на случай опасности, в то время как сама ханская ставка находилась в низине, в местности, подобной Солхату. <...> Постоянное пребывание ставки на скалах Кырк-Ера сопряжено с затруднениями, которые лишены смысла в мирное время» [13, с. 91]. Справедливо отмечено практически полное отсутствие шансов обнаружить место расположения ханского дворца: «Если четко выявляемых остатков дворца не найдено даже в Кырыме, то в Эски-Юрте такая вероятность еще меньше уже в силу меньшей масштабности самого города. Если же ханская ставка имела вид известного в описании ордынских городов “города шатров”, то шансы такой находки становятся и вовсе ничтожными» [13, с. 92].

На основании изложенного имеются основания сделать ряд выводов. Бесспорно, Эски-Юрт имел характер крупного, возможно, городского поселения. На его размеры указывает кладбище Кырк-Азизлер, располагавшееся на площади более 15 га. Основу населения составляла мусульманская община, о чем говорит абсолютное преобладание погребений, совершенных по мусульманскому обряду. На значимость ордынского центра указывает статус погребенных. Исходя из немногочисленных эпиграфических данных, можно говорить о том, что здесь проживали представители знати (на надгробиях упоминаются титулы «султаны», «бек») и духовенства (мевляна Ахмед, имам мевляна Анис эд-Дин эс-Семаи). Дополнительным доводом в пользу данного тезиса является обнаружение двух монетных кладов в районе современного железнодорожного вокзала Бахчисарая в 1890 и 1891 гг. в общей сложности из 369 серебряных монет, предварительно датированных XIII–XIV вв. Столь крупные монетные находки могут служить весомым аргументом, подтверждающим на-

личие близости крупного поселения. Ввиду неустановленной дальнейшей судьбы кладов и вероятной их утраты, остается лишь сожалеть об отсутствии возможностей детального всестороннего анализа нумизматических находок, их подробной датировки и определения.

Не ясно, был ли «предшественник» у Эски-Юрта. Выявление в дальнейшем следов раннесредневековых поселений в этой местности не исключено. Данный тезис особо актуален ввиду сообщений М. Броневского и священника Иакова о руинах христианских построек в этом районе. Об этом свидетельствует и мраморный архитектурный фрагмент с изображением креста, явно вторичного использования, обнаруженный в начале 20-х гг. экспедицией У. А. Боданинского.

Наиболее ранняя дата, зафиксированная на надгробных камнях – 1316 г., наиболее поздняя – 1419 г. Указанный хронологический промежуток, вероятно, является периодом расцвета и наиболее интенсивного развития поселения. Существенную роль в его становлении сыграло расположение на тракте из Юго-Западного Крыма в центральный район полуострова, оттуда – в его северную и восточную части. Упадок Эски-Юрта связан с основанием Бахчисарая, превратившегося в административный, экономический и военный центр Крымского ханства. Вероятно, именно после этого поселение стало «Эски-Юртом», т. е. «старой ставкой» по отношению к «новой» – Бахчисарая. Первоначальный топоним до настоящего момента не установлен.

Отечественными нумизматами отмечено существование монет второй половины XIV в., отчеканенных в т. н. «Новом Крыму» (Кырым-ал-Джадид). До настоящего момента локализовать данный монетный двор не удалось. Не исключено, что подобная монетная чеканка велась на территории Эски-Юрта. Учитывая масштабы и количество проживающего здесь населения, вероятно, именно это поселение было наиболее крупным после столичного Солхата на территории ордынского Крыма и вполне могло претендовать на звание «Нового Крыма». Кроме того, поселение было действительно «более новым» по сравнению с Солхатом: на территории Эски-Юрта наиболее ранний памятник датирован 1316 г., в Солхате уже к середине 60-х гг. XIII в. достоверно подтверждено строительство мечети по распоряжению Бей-Хаджи Умара эль-Бухари. Обращает на себя внимание наличие значительного количества нисб «Кырыми» (три из пяти выявленных). Не ясно, данный факт указывает на наличие тесных связей с Солхатом, либо указывает на местное происхождение погребенных и, соответственно, – топоним. Две оставшиеся нисбы подтверждают имеющиеся обширные связи поселения с иными регионами золотоордынского государства.

Не установлено отношение Эски-Юрта к Кырк-Еру / Чуфут-Кале. Имеются лишь слабо аргументированные догадки и предположения. Согласно одному из них, оба поселения составляли единый конгломерат, где горная крепость являлась укрепленной цитаделью на случай военной угрозы, а также выполняла функцию хорошо защищенного места хранения казны. Из данной гипотезы возможен вывод о существовании единого топонима для всего обширного поселения. У. А. Бода-

нинский, являясь автором данного предположения, склонялся к варианту «Кырк». А. Г. Герцен и Ю. М. Могаричев связывают появление Эски-Юрта с захватом Кырк-Ера, считая это «звеньями одной цепи».

Эски-Юрт вплоть до начала XX в. сохранял значение крупного культового религиозного центра. Этому способствовало расположение на территории Азиза захоронения Малика Аштера. При этом имеется вероятность того, что последнее таковым не было в прямом смысле слова, а являлось макамом – местом явления святого, где с ним можно вступить в духовное общение. Согласно Дж. С. Тримингему, «душа святого задерживается у его гробницы и мест (макам), связанных с его земной жизнью, или там, где он после смерти являлся народу. В таких местах можно получить его заступничество» [57, с. 33]. В настоящее время известны макамы Малика Аштера на территории Турецкой Республики – в провинциях Кахраманмараш и Диярбакыр [1, с. 141]. Могло ли быть реальностью присутствие сподвижников Пророка (сахабов) на территории полуострова в середине VII в.? Учитывая подтвержденный факт участия в осаде Константинополя арабами в 668/669 г. сподвижника Мухаммеда Абу Айюба Ансари, погибшего в одном из сражений, Н. Абдульваап считает, что «некоторые из сахабов, как во время, так и после осады Константинополя, во исполнение призыва Пророка как можно далее пронести свет ислама, вполне могли, переплыв Чёрное море, ступить на землю Крымского полуострова» [1, с. 141]. Наличие погребения сахаба привело к постепенному превращению территории Азиза в священный некрополь, предназначенный, как правило, для захоронения представителей местной знати. Не исключено наличие на территории могильника погребений представителей чингизидов. Здесь же располагалась мечеть и текие общины суфиев. Символическим фактом для самосознания мусульман Крымского ханства являлось основание Бахчисарая между двумя захоронениями сподвижников Пророка – на востоке от города, в ущелье Марьям-дере у подножия Чуфут-Кале находится азиз Гази-Мансура.

Учитывая практически полную застройку территории средневекового поселения, значительное (на отдельных участках – полное) повреждение культурного слоя, что исключает проведение масштабных археологических исследований, на современном этапе изучения городища важнейшее значение приобрели результаты работ середины 20-х гг. XX в. Экспедицией под руководством И. Н. Бороздина и А. С. Башкирова был получен основной объем информации о поселении, имеющийся к настоящему моменту у исследователей. Неотъемлемым источником стали доставленные в Бахчисарайский музей надгробные камни с территории могильника Кырк-Азизлер, что уберегло их от неминуемой утраты для научного сообщества. Тогда же проводились обмеры сохранившихся объектов, производились эстампажи, осуществлялась графическая зарисовка и фотофиксация.

Стоит лишь надеяться, что представленные выше рассуждения обретут реальную основу, появятся неопровержимые факты в пользу того или иного тезиса. Наиболее эффективным инструментом поиска подобных доказательств могут стать лишь планомерные археологические исследования на городище средневекового поселения Эски-Юрт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулвапов Н. Суфизм и начальный этап активного распространения ислама в Крыму // Культура народов Причерноморья. 2006. № 79. С. 140–149.
2. Бахревский Е.В. Кладбище в Эски-Юрте: по материалам «Книги путешествия» Эвлии Челеби // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 185–191.
3. Бахчисарайские арабские и турецкие надписи // ЗООИД. 1848. Т. 2. С. 480–528.
4. Башкиров А.С. Некоторые малоазийские художественные традиции в искусстве крымских татар по изысканиям в Крыму 1924, 1925 и 1926 годов // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. Керчь, 1926. № 2. 6 сентября. С. 3.
5. [Башкиров А.С., Боданинский У.А.] Изучение материальной культуры крымских татар // Красный Крым. Симферополь, 1924. № 155(1174). 4 ноября. С. 2. Изд. под псевд.: Б. Б.
6. Башкиров А.[С.], Боданинский У.[А.] Памятники Крымско-Татарской старины. Эски-Юрт // Новый Восток. 1925. № 8–9. С. 295–311.
7. Белый А.В., Волошинов А.А., Карлов С.В. Поливная керамика золотоордынского времени из Эски-Юрта // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005. Т. 1. С. 183–190.
8. Боданинский У.[А.]. Татарские «Дурбе»-мавзолей в Крыму: из истории искусства крымских татар // ИТОИАЭ. 1927. № 1(58). С. 195–201.
9. Бочаров С.Г., Ситдигов А.Г. Экспедиция по изучению татарской культуры в Крыму // Мирас – Наследие. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3-х т. / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдигов. Казань: Астер Плюс, 2016. Т. 1. С. 22–54.
10. Броневский Мартин. Описание Крыма // Историческое наследие Крыма. 2005. № 10. С. 156–200.
11. Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. Керчь, 1926. № 1. 5 сентября. 6 с.
12. Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. Керчь, 1926. № 3. 7 сентября. 11 с.
13. Гайворонский О. Мысли об Эски-Юрте // Восточная нумизматика на Украине. Ч. 2: Монеты Джучидов XIII – XV веков и сопредельных государств / Ред. К. К. Хромов. Киев: Купола, 2007. С. 85–98.
14. Гайворонский О. Ханское кладбище в Бахчисарайском дворце: схема и каталог памятников. Симферополь: Доля, 2006. 64 с.
15. Гайворонский А.Е. К дискуссии о дате основания Бахчисарая // II Таврические научные чтения, посвященные 80-летию Центрального музея Тавриды. Симферополь, 2002. С. 44–46.
16. Гелах Т. Керченская археологическая конференция // Историк-марксист. 1927. № 3. С. 248–251.
17. Герай Халим султан. Розовый куст ханов или история Крыма. Симферополь: Доля. 2004. 288 с.
18. Герцен А.Г. К вопросу о времени основания Бахчисарая // Слава труду. Бахчисарай, 2001. Октябрь. С. 3.
19. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Крепость драгоценностей. Кырк-Ор. Чуфут-Кале. Симферополь: Таврия, 1993. 128 с.
20. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Кырк-Ер – Чуфут-Кале. Крепость на краю седьмого климата: исследование, путеводитель, альбом. Симферополь: Антиква, 2016. 312 с.
21. Гончаров Е.Ю., Зайцев И.В. Из Барджинлыка в Эски-Юрт: мевляна Ахмад бин Махмуд ал-Барджинлыги // Золотоордынская цивилизация. 2014. № 7. С. 176–180.
22. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и Крым: в 6 т. Париж, 1843. Т. 5–6 / Под ред. Т.М. Фадеевой. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 328 с.
23. Журьяри И.[С.] Поездка в ближайшие окрестности Бахчисарая // ИТУАК. 1890. № 9. С. 108–111.
24. Зайцев И.В. Кырк-Йер / Кырк-Ор (Чуфут-Кале) и ранняя история Крымского ханства // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи: к 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского / Ред. В.П. Степаненко, А.Г. Юрченко. М.: ИД Марджани, 2013. С. 494–505.
25. Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2. С. 113–168.
26. Засыпкин Б.Н. Состояние татарских памятников в Крыму // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. Керчь, 1926. № 3. 7 сентября. С. 6.

27. Захаров Н. Керченская археологическая конференция 1926 года // Труды Северо-Кавказской научной ассоциации. 1927. № 26. С. 119–124.
28. Золотая Орда в мировой истории / Ред. Р. Хакимов, М. Фаверо. Казань, 2016. 968 с.
29. Иванов А.А. Надписи из Эски-Юрта // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках / Ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Ростов-на-Дону: Изд-во ростовского ун-та, 1989. С. 24–31.
30. Исаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань, 2004. 132 с.
31. Карлов С.В. Археологические исследования средневекового поселения Эски-Юрт в г. Бахчисарае // Археологічні дослідження в Україні 2004–2005 рр. / Ред. Н.О. Гаврилюк. Вип. 8. Київ; Запоріжжя: Дике поле, 2006. С. 182–184.
32. Карлов С.В. Новые данные о средневековом поселении Эски-Юрт в Бахчисарае // Откровения древнего Солхата: материалы Международной научно-практической конференции «Сохранение культурного и исторического наследия Крыма. Солхат – центр золотоордынской культуры Крыма: итоги и перспективы исследования, проблемы сохранения памятников» / Ред. А.Г. Герцен. Харьков, 2010. С. 35–76.
33. Кирилко В.П. Археологическое исследование мусульманских мавзолеев-дюрбе Бахчисарая // Stratum Plus. 2009. № 6. С. 439–466.
34. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме: 1666–1667 гг. / Пер. и комм. Е.В. Бахревского. Симферополь: Дар, 1999. 144 с.
35. Крамаровский М.Г. Джучиды и Крым: XIII–XV вв. // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 506–532.
36. Ломакин Д.А. Всесоюзная конференция археологов СРСР у Керчі та мусульманські пам'ятки Старого Криму: невідомі сторінки історії вивчення // Праці Центру пам'яткознавства. Київ, 2011. Вип. 20. С. 234–238.
37. Ломакина М.А. Крымские древности в акварелях К. Ф. Богаевского: к 150-летию со дня рождения художника. Симферополь: Н. Орианда, 2020. 448 с. (Серия «Биобиблиография крымоведения»; вып. 30).
38. Ломакина М.А. Памятники Эски-Юрта в акварелях К. Ф. Богаевского // МАИЭТ. 2020. Вып. XXV. С. 638–659.
39. [Манштейн Х.Г.] Записки о России генерала Манштейна: 1727–1744. СПб.: типография В. С. Балашева, 1875. 378 с.
40. [Манштейн Х.Г.] Описание дворца Хана Крымского и столичного его города Бахчисарая, учиненное по приказу графа Миниха капитаном Манштейном // Отечественные записки. М., 1824. Ч. 19, № 51. С. 75–100.
41. Маркевич А.И. Керченская конференция археологов // Непомнящий А.А. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. С. 324–326. (Серия «Биобиблиография крымоведения»; вып. 3).
42. Непомнящий А.А. Керченская археологическая конференция по воспоминаниям участников: крымоведческие коммуникации первого советского десятилетия // Боспорские исследования. 2019. Вып. XXXIX. С. 404–423.
43. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 448 с.
44. Описание Крыма (Tartariqе descriptio) Мартина Броневского // ЗООИД. 1867. Т. 6. С. 333–367.
45. Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: исследования и документы / Авт.-сост. А.В. Хливнюк; Ред. А.А. Непомнящий. Симферополь: СГТ, 2008. 240 с. (Серия «Биобиблиография крымоведения»; вып. 11).
46. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М.: Наука, 1999. 246 с. (Серия: «Научное наследие»; вып. 27).
47. Полканов А.И. История музейного дела и охраны памятников культуры за десять лет Советской власти в Крыму // ИТОИАЭ. 1930. № 4. С. 93–123.
48. Полканов А.И. Охрана памятников старины в Крыму за советский период // ИТОИАЭ. 1928. № 2(59). С. 173–180.

49. Распределение случайных археологических находок, доставленных в Археологическую комиссию, местными учреждениями и частными лицами // Отчет Имп. археологической комиссии за 1890 г. СПб., 1893. С. 134–151.
50. Распределение случайных археологических находок, доставленных в Археологическую комиссию, местными учреждениями и частными лицами // Отчет Имп. археологической комиссии за 1891 г. СПб., 1893. С. 174–187.
51. Савёлов Л.М. Из истории сношений Москвы с Крымом при Михаиле Федоровиче. Посольство С.И. Тарбеева в Крым 1626–1628 гг. // ИТУАК. 1905. № 39. С. 1–105.
52. Сказание священника Иакова // ЗООИД. 1850. Т. 2. С. 685–692.
53. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII в. СПб., 1887. 772 с.
54. Список памятников местного и национального значения, расположенных на территории Автономной Республики Крым: по состоянию на 01.01.2004 г. Симферополь: Форма, 2004. 488 с.
55. Стойкова О.М. Красноглиняная поливная миска XIV в. с изображением птицы // III Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна: тезисы докладов и сообщений. Бахчисарай, 9–11 сентября 2015 г. Бахчисарай, 2015. С. 25–26.
56. Терешенко А.[В.] Очерки Новороссийского края. IV. Некоторые местности Южного Крыма // Журнал Министерства народного просвещения. 1854. Ч. 84. С. 34–78.
57. Тримингэм Дж.С. Суфийские ордены в исламе / Пер. с англ.; Ред. и предисл. О.Ф. Акимускин. М.: Наука, 1989. 328 с.
58. Усейн Боданинский. Собрание сочинений. Т. 2: Дневники 1923–1926 гг. / Ред. И.В. Зайцев. Казань; Симферополь: Константа, 2018. 264 с.
59. Хливнюк А.В. Памятники Крыма. Из истории охраны культурных ценностей в Крыму в 20-е годы XX века: по материалам Центрального муниципального архива Москвы // Историческое наследие Крыма. 2007. № 20. С. 7–18.
60. Челеби Эвлия. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.) / Пер. и комм. Е.В. Бахревского. Симферополь: Доля, 2008. 272 с.
61. Чореф М.М. К Истории Эски-Юрта // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2008. Вып. 1. С. 145–153.
62. Якобсон А.Л. Крым в средние века. М.: Наука, 1973. 174 с.
63. Якобсон А.Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л.: Наука, 1964. 233 с.

REFERENCES

1. Abdul'vapov N. Sufism and the initial stage of the active spread of Islam in the Crimea. *Kul'tura narodov Prichernomor'ia* [Culture of the peoples of the Black Sea region], 2006, vol. 79, pp. 140–149.
2. Bakhrevskii E.V. Cemetery in Eski Yurt: based on the materials of the “Book of Travel” by Evlia Celebi. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archeology, history and ethnography of Tauria], 1996, vol. 5, pp. 185–191.
3. Bakhchisarai Arabic and Turkish inscriptions. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* [The proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities], 1848, vol. 2, pp. 480–528.
4. Bashkirov A.S. Some Asia Minor art traditions in the art of Crimean Tatars according to research in the Crimea of 1924, 1925 and 1926. *Biulleten' Konferentsii arkheologov SSSR v Kerchi* [Bulletin of the Conference of archaeologists of the USSR in Kerch], 1926, vol. 2, p. 3.
5. [Bashkirov A.S., Bodaninskii U.A.]. Study of the material culture of Crimean Tatars. *Krasnyi Krym* [Red Crimea], 1924, vol. 155 (1174), p. 2.
6. Bashkirov A.[S.], Bodaninskii U.[A.]. Monuments of Crimean-Tatar antiquity. Eski Yurt. *Novyi Vostok* [New East], 1925, vol. 8–9, pp. 295–311.

7. Belyi A.V., Voloshinov A.A., Karlov S.V. Watering ceramics of the Golden Horde time from Eski Yurt. *Poliivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia X–XVIII vv.* [Glazed ceramics of the Mediterranean and the Black Sea region of the 10th–18th centuries]. Kiev, Stilos Publ., 2005, vol. 1, pp. 183–190.
8. Bodaninskii U.[A.]. Tatar «Durbe»-slaves in Crimea: from the history of art of Crimean Tatars. *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkhologii i etnografii* [News of the Tauride society of history, archeology and ethnography], 1927, vol. 1 (58), pp. 195–201.
9. Bocharov S.G., Sitdikov A.G. Expedition to study Tatar culture in Crimea. *Miras – Nasledie. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoi kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godakh* [Miras – Heritage. Tatarstan – Crimea. The city of Bulgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and Crimea in 1923–1929]. Vol. 1, Kazan, Aster Plus Publ., 2016, pp. 22–54.
10. Bronevskii Martin. Description of Crimea. *Istoricheskoe nasledie Kryma* [Historical heritage of Crimea], 2005, vol. 10, pp. 156–200.
11. *Biulleten' Konferentsii arkhologov SSSR v Kerchi* [Bulletin of the Conference of archaeologists of the USSR in Kerch]. Kerch, 1926, vol. 1, 6 p.
12. *Biulleten' Konferentsii arkhologov SSSR v Kerchi* [Bulletin of the Conference of archaeologists of the USSR in Kerch]. Kerch, 1926, vol. 3, 11 p.
13. Gaivoronskii O. Thoughts on Eski Yurt. *Vostochnaia numizmatika na Ukraine* [Eastern numismatics in Ukraine]. Vol. 2, Kiev, Kupola Publ., 2007, pp. 85–98.
14. Gaivoronskii O. *Khanskoe kladbishche v Bakhchisaraiskom dvortse: skhema i katalog pamiatnikov* [Khan cemetery in Bakhchisarai palace: scheme and catalog of monuments]. Simferopol, Dolia Publ., 2006, 64 p.
15. Gaivoronskii A.E. To the discussion on the founding date of Bakhchisaray. *II Tavricheskie nauchnye chteniia, posviashchennye 80-letiiu Tsentral'nogo muzeia Tavridy* [2nd Tavrida scientific readings dedicated to the 80th anniversary of the Central Museum of Tavrida], Simferopol, 2002, pp. 44–46.
16. Gelakh T. Kerch archaeological conference. *Istoriik-marksist* [Marxist historian], 1927, vol. 3, pp. 248–251.
17. Gerai Khalim sultan. *Rozovyi kust khanov ili istoriia Kryma* [Pink bush of khans or the history of Crimea]. Simferopol, Dolia Publ., 2004, 288 p.
18. Gertsen A.G. To the question of the time of the founding of Bakhchisaray. *Slava trudu* [Glory to labor], 2001, October, p. 3.
19. Gertsen A.G., Mogarichev Iu.M. *Krepost' dragotsennostei. Kyrk-Or. Chufut-Kale* [Jewel fortress. Kirk-Or. Chufut-Calais]. Simferopol, Tavriia Publ., 1993, 128 p.
20. Gertsen A.G., Mogarichev Iu.M. Kyrk-Er – Chufut-Kale. *Krepost' na kraiu sed'mogo klimata: issledovanie, putevoditel', al'bom* [Kyrk-Er – Chufut-Calais. Fortress on the edge of the seventh climate: study, guide, album]. Simferopol, Antikva Publ., 2016, 312 p.
21. Goncharov E.Iu., Zaitsev I.V. From Barjinlyk to Eski Yurt: Mevlyan Ahmad bin Mahmud al-Barjinlygi. *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia* [Golden Horde civilization], 2014, vol. 7, pp. 176–180.
22. *Diubua de Monpere F. Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziiu, Armeniiu i Krym* [Travel to the Caucasus, Circassians and Abkhazians, Georgia, Armenia and Crimea]. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2009, 328 p.
23. Zhur'iari I.[S.]. A trip to the immediate vicinity of Bakhchisaray. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [News of the Taurida Scientific Archival Commission], 1890, vol. 9, pp. 108–111.
24. Zaitsev I.V. Kirk-Yer / Kirkor (Chufut-Kale) and the early history of the Crimean Khanate. *Ot Onona k Temze. Chingisidy i ikh zapadnye sosedi* [From Onon to the Thames. Genghis and their western neighbors]. Moscow, Mardzhani Publ., 2013, pp. 494–505.
25. Zasyppkin B.N. Architectural monuments of Crimean Tatars. *Krym* [Crimea], 1927, vol. 2, pp. 113–168.
26. Zasyppkin B.N. State of Tatar monuments in Crimea. *Biulleten' Konferentsii arkhologov SSSR v Kerchi* [Bulletin of the Conference of archaeologists of the USSR in Kerch]. Kerch, 1926, № 3, p. 6.
27. Zakharov N. Kerch Archaeological Conference in 1926. *Trudy Severo-Kavkazskoi nauchnoi assotsiatsii* [Works of the North Caucasus scientific association], 1927, vol. 26, pp. 119–124.
28. *Zolotaia Orda v mirovoi istorii* [The Golden Horde in World History]. Kazan, 2016, 968 p.

29. Ivanov A.A. Inscriptions from Eski Yurt. *Severnoe Prichernomor'e i Povolzh'e vo vzaimootnosheniakh Vostoka i Zapada v XII–XVI vekakh* [Northern Black Sea and Volga region in the relationship between East and West in the 12th–16th centuries]. Rostov-na-Donu, University Publ., 1989, pp. 24–31.
30. Iskhakov D.M. *Tiurko-tatarskie gosudarstva XV–XVI vv.* [Turkic-Tatar states of the 15th–16th centuries]. Kazan, 2004, 132 p.
31. Karlov S.V. Archaeological researches of the medieval settlement Eski-Yurt in Bakhchisarai. *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini 2004–2005 rr.* [Archaeological research in Ukraine. 2004–2005], Kiev, Zaporizhzhia, 2006, pp. 182–184.
32. Karlov S.V. New data on the medieval settlement of Eski Yurt in Bakhchisarai. *Otkroveniiia drevnego Solkhata* [Revelations of ancient Solhat], Kharkov, 2010, pp. 35–76.
33. Kirilko V.P. Archaeological study of Muslim mausoleum-durbe Bakhchisaray. *Stratum Plus*, 2009, vol. 6, pp. 439–466.
34. *Kniga puteshestviia. Turetskii avtor Evliia Chelebi o Kryme: 1666–1667 gg.* [Travel book Turkish author Evliya Celebi about Crimea: 1666–1667]. Simferopol, Dar Publ., 1999, 144 p.
35. Kramarovskii M.G. Juchids and Crimea: 13th–15th centuries. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archeology, history and ethnography of Tauria], 2003, vol. 10, pp. 506–532.
36. Lomakin D.A. All-Union Conference of archaeologists of the USSR in Kerch and Muslim monuments of the Stary Krym: unknown pages of the history of study. *Pratsi Tsentru pam'iatkoznavstva* [Works of the Center for monument studies], 2011, vol. 20, pp. 234–238.
37. Lomakina M.A. *Krymskie drevnosti v akvareliakh K.F. Bogaevskogo: k 150-letiiu so dnia rozhdeniia khudozhnika* [Crimean antiquities in watercolors of K.F. Bogaevsky: on the 150th anniversary of the artist's birth]. Simferopol, N. Orianda Publ., 2020, 448 p.
38. Lomakina M.A. Monuments of Eski-Yurt in watercolors of K.F. Bogaevsky. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archeology, history and ethnography of Tauria], 2020, vol. 25, pp. 638–659.
39. [Manshtein Kh.G.] *Zapiski o Rossii generala Manshteina: 1727–1744* [General Manstein's notes on Russia: 1727–1744]. St.-Petersburg, 1875, 378 p.
40. [Manshtein Kh.G.] Description of the palace of Khan Krymsky and his capital city Bakhchisaray. *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes], 1824, vol. 19, issue 51, pp. 75–100.
41. Markevich A.I. Kerch Conference of Archaeologists. *Arsenii Markevich: stranitsy istorii krymskogo kraevedeniia* [Arseniy Markevich: pages of the history of Crimean local history], Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2005, pp. 324–326.
42. Nepomniashchy A.A. Kerch archaeological conference on the memoirs of participants: Crimean studies communications of the first soviet decade. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2019, vol. 39, pp. 404–423.
43. Novosel'skii A.A. *Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoi polovine XVII veka* [The struggle of the Moscow state with the Tatars in the first half of the 17th century]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1948, 448 p.
44. Description of Crimea (Tartariqe descriptio) Martin Bronevsky. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* [The proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities], 1867, vol. 6, pp. 333–367.
45. *Okhrana i izuchenie pamiatnikov istorii i kul'tury v Krymskoi ASSR: issledovaniia i dokumenty* [Protection and study of historical and cultural monuments in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic: research and documents]. Simferopol, SGT Publ., 2008, 240 p.
46. Pallas P.S. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnyim namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh* [Observations made during a trip to the southern governorates of the Russian state in 1793–1794]. Moscow, Nauka Publ., 1999, 246 p.
47. Polkanov A.I. History of museum affairs and protection of cultural monuments for ten years of Soviet power in Crimea. *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii* [News of the Tauride Society of history, archeology and ethnography], 1930, vol. 4, pp. 93–123.
48. Polkanov A.I. Protection of antiquities in Crimea for the Soviet period. *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii* [News of the Tauride Society of history, archeology and ethnography], 1928, vol. 2 (59), pp. 173–180.

49. Distribution of accidental archaeological finds delivered to the Archaeological commission, local institutions and individuals. *Otchet Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1890 g.* [Report of the Imperial Archaeological commission for 1890], St.-Petersburg, 1893, pp. 134–151.
50. Distribution of accidental archaeological finds delivered to the Archaeological commission, local institutions and individuals. *Otchet Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1891 g.* [Report of the Imperial Archaeological commission for 1891], St.-Petersburg, 1893, pp. 174–187.
51. Saviolov L.M. From the history of relations between Moscow and Crimea under Mikhail Fedorovich. Embassy of S.I. Tarbeev to Crimea 1626–1628. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [News of the Tauride Scientific Archival Commission], 1905, vol. 39, pp. 1–105.
52. The Legend of Priest Iacov. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* [The proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities], 1850, vol. 2, pp. 685–692.
53. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhoventvom Ottomanskoi porty do nachala XVIII v.* [Crimean Khanate under the rule of Ottoman Ports until the beginning of the 18th century]. St.-Petersburg, 1887, 772 p.
54. *Spisok pamiatnikov mestnogo i natsional'nogo znachenii, raspolozhennykh na territorii Avtonomnoi Respubliki Krym: po sostoianiiu na 01.01.2004 g.* [List of monuments of local and national significance located on the territory of the Autonomous Republic of Crimea: as of 01.01.2004]. Simferopol, Forma Publ., 2004, 488 p.
55. Stoikova O.M. Red-lined watering bowl of the 14th century with the image of a bird. *III Bakhchisaraiskie nauchnye chteniia pamiati E.V. Veimarna: tezisy dokladov i soobshchenii* [Bakhchisarai scientific readings in memory of E.V. Weimarn: abstracts of reports and messages], Bakhchisarai, 2015, pp. 25–26.
56. Tereshchenko A.[V.] Essays of the Novorossiysk Territory. IV. Some areas of southern Crimea. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia* [Journal of the Ministry of public education], 1854, vol. 84, pp. 34–78.
57. Trimingem Dzh. S. *Sufiiskie ordeny v islame* [Sufi orders in Islam]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 328 p.
58. Usein Bodaninskii. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Vol. 2, Kazan, Simferopol, Konstanta Publ., 2018, 264 p.
59. Khlivniuk A.V. Monuments of Crimea. From the history of the protection of cultural property in Crimea in the 1920s: based on the materials of the Central Municipal Archive of Moscow. *Istoricheskoe nasledie Kryma* [Historical heritage of Crimea], 2007, vol. 20, pp. 7–18.
60. Chelebi Evliia. *Kniga puteshestviia. Krym i sopredel'nye oblasti (izvlecheniia iz sochineniia turetskogo puteshestvennika XVII v.)* [Travel book. Crimea and adjacent regions (extracts from the essay of the Turkish traveler of the 17th century)]. Simferopol, Dolia Publ., 2008, 272 p.
61. Choref M.M. Stories of Eski Yurt. *Materialy po arkeologii i istorii antichnogo i srednekovogo Kryma* [Materials on archeology and history of ancient and medieval Crimea], 2008, vol. 1, pp. 145–153.
62. Iakobson A.L. *Krym v srednie veka* [Crimea in the Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., 1973, 174 p.
63. Iakobson A.L. *Srednekovyi Krym. Ocherki istorii i istorii material'noi kul'tury* [Medieval Crimea. Essays on the history and history of material culture]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964, 233 p.

Информация об авторе

Ломакин Д. А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела реализации грантов Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: Q-4428-2017; Scopus ID: 57205205898

Author information

Lomakin D. A. – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Grants Implementation Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: Q-4428-2017; Scopus ID: 57205205898.

ЮГО-ВОСТОЧНОЕ ПРЕДМЕСТЬЕ БАХЧИСАРАЯ В АКВАРЕЛЯХ К. Ф. БОГАЕВСКОГО: САЛАЧИК И ЧУФУТ-КАЛЕ

Мария Александровна Ломакина

Крымский этнографический музей, Симферополь, Россия, Aibabina87@mail.ru

Аннотация. Акварели и карандашные рисунки существующих и уже утраченных архитектурных строений, созданные К. Ф. Богаевским в 20-е годы XX века, хотя и более скромные по сравнению с его живописными полотнами, составляют золотой фонд крымской старины. Зарисовки памятников архитектуры являются особой частью наследия художника, несомненно, оказавшие свое воздействие на развитие его творческого подхода к крымскому пейзажу – это работа, которую он выполнял по заказу учреждения, ведавшего в 20–30-х годах всем культурным наследием края – Крымского отдела по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта (КрымОХРИС). В статье представлены акварели К. Ф. Богаевского, выявленные в фондах Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника и Феодосийской картинной галереи им. И. К. Айвазовского, с видами средневековых памятников юго-восточных предместий Бахчисарая – Салачика и Чуфут-Кале. Выполнен искусствоведческий анализ работ, рассмотрена их история создания. Подчеркнута значимость рисунков при научном исследовании объектов культурного наследия Бахчисарая, воссоздании их идентичного вида, локализации и идентификации, изучении памятникоохранной деятельности в Крыму в 20-е годы XX века. Не вызывают сомнений художественные достоинства рассматриваемых работ художника – точность рисунка, передачи архитектоники построек, необходимая детализация изображений, не только определялись задачей, они соответствуют высокому профессиональному подходу К. Ф. Богаевского к работе. Акварели и рисунки создают художественный образ памятника, композиционно включенный в существующий природный контекст. К. Ф. Богаевский – художник-пейзажист, мастер с академическим образованием, прошедший школу А. И. Куинджи.

Ключевые слова: К. Ф. Богаевский, акварель, КрымОХРИС, Бахчисарай, Салачик, Чуфут-Кале, медресе, дюрбе, историко-архитектурный памятник

THE SOUTH-EASTERN SUBURB OF BAKHCHISARAI THROUGH K. F. BOGAEVSKII'S WATERCOLOURS: SALACHIK AND CHUFUT-KALE

Mariia A. Lomakina

Crimean Ethnographic Museum, Simferopol, Russia

Abstract. Although the watercolours and pen drawings of still existing and already lost architectural buildings created by K. F. Bogaeviskii in the 1920s are more modest than his pictures,

they still form the golden collection of the Crimean past. The sketches of architectural monuments are a specific part of the painter's heritage, which certainly made an impact on the development of his creative approach to the Crimean landscape, were the job he did by an order from the institution responsible for all cultural heritage in the region, or the Crimean Department for the Museum Affairs and Protection of the Sites of Art, Past, Nature, and People's Daily Life (KrymOKHRIS). This paper presents K. F. Bogaevskii's watercolours discovered in the collection of the Bakhchisarai Historical, Cultural, and Archaeological Museum Preserve and I. K. Aivazovskii Feodosiia Art Gallery: they show mediaeval monuments located in the south-eastern suburbs of Bakhchisarai, Salachik, and Chufut-Kale. The art historical analysis of these works has been done; the history of their creation has been explored. The author underlines the significance of these drawings for the scholarly studies of the cultural heritage sites of Bakhchisarai, reconstruction of their authentic appearance, localization and identification, and the studies in the cultural heritage site protection works in the Crimea in the 1920s. Artistic value of the painter's works under analysis is beyond any doubt: the precision of drawing, reproduction of architectonics of buildings, necessary details of pictures were caused by the task and corresponded to K. F. Bogaevskii's high professional attitude to works. The watercolours and drawings create an artistic image of the monuments with the composition incorporated into the existing natural setting. K. F. Bogaevskii was a landscape painter, a master with academic education, who passed through A. I. Kuindzhi's school.

Keywords: K. F. Bogaevskii, watercolour, KrymOKHRIS, Bakhchisarai, Salacik, Chufut-Kale, madrasa, türbe, historical and archaeological monument

Акварели К. Ф. Богаевского с памятниками поселения Салачик и городища Чуфут-Кале отражают виды наиболее древних предместий будущей столицы Крымского ханства. Салачик, расположенный в юго-восточной части современного Бахчисарая, являлся древним обособленным местом поселения татар на этой территории. До возникновения будущей столицы Крымского ханства в 1532 г. [3, с. 5] в Салачике располагался дворец Ашлама-Сарай (впоследствии разрушенный), а также ханская мечеть, медресе, банный комплекс. В 1501 г. ханом Менгли I Гирем сооружен мавзолей. Первоначальный столичный ханский комплекс – кюллие, включал в себя ряд необходимых общественных построек, составляющих традиционный ансамбль значительного мусульманского центра [2, с. 12, 147].

История заселения плато Чуфут-Кале и строительства на нем крепости в раннесредневековый период связана со стремлением Византийской империи укрепить свое политическое и религиозно-культурное влияние в Крыму, на подступах к крупнейшему византийскому центру на полуострове Херсону и дальних рубежах, на территории страны Дори. Среди сооруженных в этот период крупных крепостей в горной Юго-Западной Таврике (Эски-Кермен) и более мелких (Бакла, Тепе-Кермен, Каламита) возникла крепость Чуфут-Кале. Название крепости, приводимое в разных источниках – Кырк-Ор, Кырк-Ер, Чуфут-Кале, Топрак-Кале, Бутмай, Гевхер-Кермен. Территория осваивалась, вероятно, с западной части возвышенности (мыс Бурунчак). Вблизи плато, в ущелье Майрам-Дере образовалось раннесредневековое поселение, под юго-западным склоном – могильник, функционировавший со второй половины – конца VI по X

век [4, с. 19–21, 30]. В первые века своего существования укрепление представляло собой убежище с постоянным гарнизоном. Поселение было и культовым центром для окрестного аланского населения, среди которого распространялось христианство. Строительство наиболее древней части оборонительных сооружений на плато, т. н. Средней стены, датировано концом VI – VII в. [4, с. 42]. В XI–XIV вв. у Южных ворот Средней линии обороны, предположительно, действовал христианский пещерный монастырь, для чего были перестроены пещерные сооружения первоначальной раннесредневековой оборонительной линии. Здесь, в одной из пещер, вероятно, находился христианский храм. После захвата крепости татарами монастырь прекратил свое существование, с XV в. на противоположном склоне ущелья Майрам-Дере начал действовать Успенский монастырь, его преемник. Характер оборонительной системы этого участка изменился, была возведена Южная стена [4, с. 116–129].

В XII–XIII вв. Кырк-Ор (Кырк-Ер) являлся центром княжества в аланской области Юго-Западной Таврики. В период между 1342 и 1363 годами Кырк-Ор был взят татарами [4, с. 139–140], которым к этому времени на полуострове принадлежали Крым (Солхат), Судак, Карасубазар. Во второй половине XIV в. в 4 км на запад от Кырк-Ора возникло поселение Эски-Юрт, с захватом чуфут-кальской крепости произошло укрепление золотоордынцев на территории Юго-Западного Крыма. Кырк-Ор стал центром бейлика беков Яшлау, которые и к первой половине XVII в. считались владельцами крепости.

С образованием Крымского ханства и утверждением на престоле хана Хаджи-Гирея основой государства стал Юго-Западный Крым. Центр Крымского улуса Золотой Орды город Крым (Солхат) утратил свое прежнее значение, Хаджи-Гирей избрал столицей Кырк-Ор, где построил дворец [4, с. 178]. При первых крымских ханах крепость стала торгово-ремесленным центром. В этот период были перестроены и реконструированы уязвимые части оборонительного комплекса, обновлены крепостные стены. Статус столицы ханства и становление ее как торгово-ремесленного центра способствовали развитию градостроительной структуры. Перед воротами Орта-Капу (т. н. «Средние ворота») возник ансамбль центральной площади Старого города, к которой сходились основные улицы поселения. Здесь появились мечеть и, предположительно, медресе при ней [4, с. 183–184], в 1438 г. сооружен мавзоль Джанике-ханым на территории мусульманского некрополя [10, с. 87]. Через все городище, застроенное усадьбами осваивавшего плато мусульманского населения, проходит основная ось, т. н. Средняя улица. Предположительно, у восточной стороны Средней оборонительной стены находился монетный двор. Здесь возникло торгово-ремесленное предместье, т. н. Новый город.

В XVI в. ханская ставка была перенесена в Бахчисарай, в Старом городе оставался татарский гарнизон. Существовавшая с XIV в. полиэтничность и многоконфессиональность городского населения (мусульманская, христианская и иудейская общины) в дальнейшем сменилась доминированием караимской общины. Ко второй

половине XVII в. название Чуфут-Кале («Иудейская крепость») стало общеупотребительным в документах и обиходе. Город превратился в религиозный и культурный центр крымских караимов. Предместье с восточной стороны в XVI в. было укреплено т. н. Восточной оборонительной стеной, которая впоследствии неоднократно перестраивалась [4, с. 193]. В течение XVI–XVII вв. складывалась система усадебной застройки Нового города, сохраняющаяся вплоть до середины XIX в., когда произошло запустение города.

Салачик

1. *Богаевский К. Ф. Зынджирлы Медресе. 1925. Бумага, акварель. 33,5x50,0. Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник, инв. № Г-53 (№ по КП – 1784). Из довоенных поступлений. В нижнем правом углу авторская подпись: К.Б. 25 (рис. 1–2).*

Вид внутреннего двора Зынджирлы медресе с северо-западной стороны. Изображены боковые помещения, перекрытые арочными сводами, помещения для занятий, вход со ступенями, спускающимися вниз (справа). Уровень пола, покрытого плитами, ниже входа. Слева от входа видна дверь в учебное помещение. Арки сводов полуциркульные, опираются на столбы. Консоли, невысокие цоколи столбов, карнизы стен простого профиля. Нижние части арок стянуты железными прутами и деревянными балками. Двор перекрытия не имеет: виден край черепичной кровли боковых галерей. На акварели показаны основные элементы архитектуры медресе – часть двора с входом, боковые галереи, закрытые учебные помещения. Разрушенная обмазка стен целого, в основном, помещения говорит о необходимости ремонта памятника.

Акварель выполнена в светлом, синевато-охристом колорите. Свет поступает через световой колодец в центре двора, он ярко освещает столбы и арки, боковые помещения погружены в тень. Легкие тени четко обрисовывают архитектуру, подчеркивая ее монументальность.

Медресе – высшая мусульманская школа – квадратное в плане одноэтажное здание, состоящее из комплекса четырнадцати закрытых и десяти открытых с арочными сводами помещений, группирующихся вокруг прямоугольного двора (25x27 м). В центре были размещены фонтан и колодец, предназначенный для сбора дождевой воды. Внешние стены глухие с небольшими окнами. На южной стене расположен арочный входной проем. Сводчатые помещения перекрыты десятью куполами. Крыша со скатом и купола были покрыты листовым свинцом, дымоходы оформлены в виде каменных пинаклей. Стены сложены из известняковых блоков с прослойками мелкого плоского камня, столбы и арки – из тесаного, внутренние стены – из буттового камня на известковом растворе. В архитектуре медресе прослеживается контраст между глухими внешними стенами, формирующими обособленность и массивность внешнего объема, и архитектурно-усложненным решением внутреннего пространства. Это отвечало назначению здания, призванного создавать обстановку уединенности и сосредоточенности в учебных занятиях религиозного содержания.

Название памятника происходит от тюркского слова «зынджир» – «цепь», так как под притолокой внешнего входа подвешена железная цепь, принуждавшая каждого входящего почтительно склонить голову. Дата постройки указана в надписи на плите, вставленной над дверным проемом: «Это медресе при помощи Аллаха Всемилостивого велел построить Менгли Гирей-хан сын Хаджи Гирей-хана – да увековечит Аллах его царство на все времена! Год 906» (1500/1501 г.).

Зынджирлы медресе не раз претерпевало перепланировки и ремонты, функционировать прекратило в 1923 году. 9–10 августа 1926 г. Б. Н. Засыпкиным и У. А. Боданинским были осмотрены памятники Бахчисарая с целью выработки мер по их поддержанию и ремонту, наблюдения зафиксированы в специальном акте. В Зынджирлы медресе было необходимо сделать следующее: «1. Произвести капитальный ремонт черепичной крыши, желобов и водосточных труб; 2. С целью приспособления здания для экспонирования надмогильников и крупных скульптурных и архитектурных фрагментов произвести ремонт оконных переплетов и вставку стекол; 3. Произвести пробную очистку одного угла медресе от штукатурки и побелок с целью выявить фактуру каменной кладки; 4. Произвести ремонт плитной выстилки двора с устройством правильных скатов для воды и очисткой поглощающего колодца». В дальнейшем здание использовалось для нужд педагогического техникума и медицинского училища. В годы Великой Отечественной войны на территории памятника были размещены склады немецкой армии, в результате чего повреждены части стен и арки (рис. 3–4).

В 50-х гг. XX в. территория медресе была передана психоневрологической больнице-интернату. В 1961 г. с целью выявления первоначальных архитектурных форм памятника проведены исследования Республиканскими специальными научно-реставрационными производственными мастерскими. В 1965–1966 гг. произведены частичные ремонтно-реставрационные работы: восстановлена кладка стен, отведены грунтовые воды. В 1990 г. силами института «Укрпроектреставрация» предпринято комплексное обследование медресе с целью разработки проектной документации для последующей реставрации. В 2006–2010 гг. Бахчисарайской археологической экспедицией под руководством А. М. Ибрагимовой проводились полномасштабные археологические раскопки Зынджирлы медресе [5, с. 114–116]. Исследованы конструкции полов, уложенных на культурные слои XIII–XIV вв. Перед южным фасадом памятника выявлены остатки мечети, предварительно датированной XIII в. Со стороны южного фасада был обнаружен фонтан (шадерван), представляющий собой полукруглое каменное сооружение, обрамляющее юго-западный угол здания. Исследована система водоснабжения памятника. В 2003–2008 гг. проведена реставрация: восстановлены поврежденные участки стен, три аварийных купола, остальные семь отреставрированы. Воссозданы сводчатые потолки и каминны в помещениях, заменены плиты пола и участки водопровода [9, с. 25–29].

2. *Богаевский К. Ф. Дюрбе Хаджи Гирея, Менгли Гирея, Сахиб Гирея. 1925. Бумага, акварель. 33,5x43,5. Бахчисарайский историко-культурный археологический*

музей-заповедник, инв. № Г-25 (№ по КП – 1622). Из довоенных поступлений. В нижнем правом углу авторская подпись: К.Б. 25 (рис. 5–6).

Мавзолей первых крымских ханов, окруженный пышными деревьями в осеннем уборе. Крытое черепицей строение с граненым куполом и выдающимся вперед высоким порталом. Яркое дневное солнце заливает светом стены и портал, выделяя карнизы, колонки, каменную резьбу арок и ниш. Деревья отбрасывают на стены кружевные тени. Автор выполнил акварель в необычной для бахчисарайского цикла работ манере, используя вместо четкой передачи объемов и прорисовки деталей мягкую светотеневую моделировку. Вместе с тем, изображение памятника отличается точностью и достоверностью. Фон в виде цветовых сине-зеленых, красновато-коричневых пятен подчеркивает архитектурный объем. Автор пишет легкий и светлый лирический этюд, передавая присущие строению гармонию и изысканность форм.

Мавзолей расположен в историческом квартале Салачик (рис. 7), находящемся у подножия средневековой крепости Чуфут-Кале (Кырк-Ер). Восьмигранник в плане с порталом-пиштаком, пристроенном с южной стороны. Внешние грани постройки украшены резными полуколоннами различного рисунка. Портал представляет собой величественную арку стрельчатой формы с боковыми нишами. Внешняя плоскость украшена резьбой: «сельджукская цепь», полуколонки. Верхняя часть портала утрачена. Потолок и ниши портала завершаются рядами мукарн. На внутренних боковых плоскостях пилонов над дверным проемом – пышный резной стилизованный неповторяющийся растительный орнамент. В венце над входом – плита с арабской надписью: «Это благородное, прекрасное тюрге счастья приказал соорудить величайший хан и прославленный хахан, властелин мира, Менгли Гирей хан, сын Хаджи Гирея хана, в благословенном месяце шеввале 907 г.» (1501 г.). Надпись на наличнике по периметру портала – первые пять аятов суры № 48 «Аль-Фатх» («Победа»). Над нишами боковых пилонов расположены по два рельефных картуша (медальона) с зеркальными надписями арабской вязью: «Помощь от Аллаха, победа же близка», выполненными на основе первого аята суры № 110 «Помощь». Архитектурные формы мавзолея Хаджи Гирея находят параллели в малоазийских культовых постройках сельджукского круга [2, с. 65]. В резьбе мавзолея отмечен отход от сельджукских малоазийских традиций, характерных для золотоордынской пластики полуострова, здесь проявляются черты ренессансной стилистики, связанной с османским культурным влиянием [1, с. 523–525].

Дюрбе построено в двух уровнях: надземный, предназначенный для поминального обряда, и подземный – для погребения. Надземное внутреннее помещение дюрбе имеет ступенчатую структуру с купольным завершением. Вероятно, погребальная камера мавзолея была сооружена до 1466 г. для захоронения Хаджи Гирея. Дата, обозначенная на надписи над входом, скорее свидетельствует о перестройке дюрбе, а не первоначальном строительстве. В 1505 г. в мавзолее погребен Нур-Девлет, в 1515 г. – Менгли Гирей. Четвертым (последним упоминаемым в письменных источниках) ханом, похороненным в дюрбе, является Сахиб Гирей (1501–1551). Из-

вестны указания на погребение в мавзолее членов ханских семей. В дальнейшем дюрбе, как место захоронения, не упоминалось. В советский период здание использовалось в качестве складского помещения.

В 90-х годах XX века произведена частичная реставрация памятника. В 2003 г. проведены обследования внешних архитектурных элементов дюрбе, выявлено наличие глубоких конструктивных трещин на северной стене. Верхняя часть портала по центру значительно просела, а внешняя поверхность стен имела следы поздних набелов и покраски. Блоки цокольного пояса и венчающего карниза были частично разрушены. Обрамление центрального входа имело многочисленные сколы и повреждения. Полы портала из известковых плит находились в неудовлетворительном состоянии. Конструкции внутри здания также имели заметные повреждения: трещины на северной и южной частях свода и на гранях дюрбе, оконные проемы и внутренняя лестница оказались заложенными. После проведения противоаварийных мероприятий в 2003–2005 гг., следующий этап работ был начат в 2007 г. Между северным фасадом дюрбе и Зынджирлы медресе проведены полномасштабные археологические исследования с целью восстановления исторического ландшафта, открыт средневековый некрополь. В 2009 г. были завершены реставрационно-археологические работы. Воссоздан внешний и внутренний интерьер дюрбе, укреплены стены, переложен пол, купол и кровля покрыты свинцовыми пластинами. Внутри здания воспроизведены два известняковых саркофага по типу аналогичных деревянных саркофагов, обнаруженных в склепе под дюрбе. Внешняя часть стен демонстрирует прежний вид отделки с росписью архитектурных деталей, граффити в виде парусника и надписей арабской вязью. Расчищено цокольное помещение и вход с восточной стороны. В мавзолее обнаружено 18 захоронений. Погребальный инвентарь – остатки тканей и кожи, металлические крепления для тканей, костяные, деревянные изделия, остатки одеял и подушек, серебряная монета Менгли Гирея. Мавзолей являлся династической ханской усыпальницей Гиреев в течение второй половины XV – первой половины XVI в. В общей сложности, склеп использовался для погребения ханов и членов их семей не менее 50 лет [2, с. 16–18; 9, с. 32–34].

3. *Богаевский К. Ф. Минарет XVI века. 1925. Бумага, акварель. 33,5x44,0. Бахчисарайский историко-культурный археологический музей-заповедник, инв. № Г-5 (№ по КП – 1602). Из довоенных поступлений. В нижнем правом углу авторская подпись: К.Б. 25 (рис. 8–9).*

Мечеть махалле (квартала) Салачик Асма-кую с пристроенным минаретом, вид с северо-запада. Здание мечети с вальмовой, покрытой черепицей крышей. По краю проходит деревянный карниз. К зданию мечети примыкает двенадцатигранный минарет с граненым шерфе и узкой башенкой с заостренной шатровой крышей. Минарет сложен из тесаного камня, украшен профилированными и округлыми выступающими карнизами. Его основание в виде квадратного столба и поставленного на него восьмигранника со скошенными ребрами и резными гранями. Минарет возвышается над постройками и деревьями на фоне скал.

В композиции акварели четко проявляется взгляд художника на изображаемый памятник: здание мечети простой архитектуры показано не полностью, оно занимает правую часть листа, минарет на пьедестале с широким столбом, массивным шерффе и высоким навершием расположен в центре. Объемность минарета еще более подчеркивается легкими бегущими облаками на горизонте, тонкими ветвями деревьев. Утреннее солнце ярким светом заливает горный пейзаж и строения. Заметно, что художник уделяет изображению минарета основное внимание: более тонко выписывает детали, достоверно передает цвет и фактуру его кладки из белого камня. Как многие акварели бахчисарайской серии, эта работа отражает колорит местности, насыщенной светлыми оттенками известняковых скал, почвы, белёных построек с красными черепичными крышами.

Мечеть Салачик Асма-кую располагалась в историческом районе Салачик (перед современными домами по ул. Басенко, 101 и 60), в восточной части г. Бахчисарая. Упоминается в исторических источниках с начала XVIII в. Здание мечети прямоугольное в плане, ориентировано с севера на юг. Минарет был пристроен к северной стене здания [7, с. 76, рис. 638], вход в него, предположительно, был из помещения мечети, датирован XVI в. Минареты с подобным граненым основанием были построены в восточном Крыму, например, у Колечь-мечети (XVI в.), мечети в Карагозе, время их постройки отнесено к раннеосманскому периоду [6, рис. 467, 469, 470–474, 502–508, 510]. При мечети располагался небольшой дворик с фонтаном, с севера и запада к нему примыкало большое мусульманское кладбище, на котором еще в середине прошлого века сохранялись остатки каменного склепа. В 1867 г. здание мечети пострадало в результате наводнения, в 1927 г. – в результате землетрясения. В 1929 г. памятник состоял на учете КрымОХРИСа под названием «Древняя мечеть/минарет в Салачик Асма-Кую». 27 августа 1937 г. на заседании президиума Бахчисарайского районного исполнительного комитета здание было разрешено использовать Салачикскому сельскому совету в качестве клуба. После закрытия мечети в одном ее крыле располагался сельский совет, в другом находилась школа. В дальнейшем памятник был разобран на строительные материалы для постройки близлежащих жилых домов. В 2005 г. Духовное управление мусульман Крыма поставило в известность Бахчисарайский городской совет о намерении осуществить восстановление мечети и выступило с просьбой не выделять территорию расположения бывшей мечети для иных целей [9, с. 19–20].

Чуфут-Кале

4. *Богаевский К. Ф. Развалины стен Чуфут-Кале. Ворота. 1920-е. Бумага, акварель. 30,6x50,0. Феодосийская картинная галерея им. И. К. Айвазовского, инв. №РГ 518. Поступила в 1944 г. из Управления по делам искусств СНК Крымской АССР, г. Симферополь [8, с. 92] (рис. 10–12).*

Средняя оборонительная стена крепости Чуфут-Кале с воротами Орта-Капу («Средние ворота»), вид с востока, со стороны Нового города. К воротному проему, венчающемуся полуциркулярной аркой, подходят куртины. С северной стороны

ворота укреплены прямоугольным выступом, с обеих сторон – высокими стенами, дополнительно укрепляющими проход внутрь городской территории. К воротам подходит центральная улица города – въездная дорога, выбитая на скальном плато, с тротуарами, окаймленными растущей травой. Кладка стен из тесаного камня. На стене справа видны следы некогда примыкавших к крепостной стене помещений в виде темных пятен и пробитых на лицевой поверхности стены пазов и ниш для крепления конструкций, повторяющих формы скатных крыш. Слева от ворот – остатки помещений. Величественные руины создают впечатление грозного неприступного форпоста.

Охристые тона стен и примыкающей площади подчеркивают пятна весенней свежей зелени. Кладки облицовки оборонительной стены из тесаного камня и пристроенных подпорных стен из бутового камня выделены разными тонами, что помогает передать архитектурную неоднородность памятника.

Средняя оборонительная стена возведена в конце VI – VII в. Внешний панцирь сложен из хорошо отесанных известняковых крупных блоков, плотно пригнанных и уложенных ровными рядами. Застройка местности к югу от Средней стены началась в тот период, когда она утратила свое боевое значение, т. е. после возведения Восточной стены. Длина каждой куртины Средней стены – 60 м. Проезд перекрыт полуциркульным сводом. С северной стороны ворот был пристроен эпикампий – привратный выступ, прикрывающий ворота. В северной куртине устроена вылазная калитка. Перед флангом Средней стены в скальном основании, на расстоянии 10,5 м от нее, вырублена система рвов. На небольшом участке стены южного фланга сохранилась кладка из мощных блоков, находящаяся в основании стены в ее средней части. Эта кладка отличается от других частей Средней стены. Она может относиться к византийскому строительству и датироваться раннесредневековым временем [4, с. 42, 50–51].

Второй ярус Средней оборонительной стены датирован IX–X вв. и относится к строительной деятельности византийских властей в Крыму в период создания на полуострове феми – военно-административного округа Византии. Средняя оборонительная линия была до появления Нового города внешним защитным рубежом. В XVII в. эспланада (незастроенное пространство перед оборонительной линией) застроена жилыми усадьбами: на стенах северного фланга сохранились следы построек. Лицевые поверхности куртин Средней стены носят следы разновременного строительства оборонительной линии в виде различной системы кладок, различного кладочного материала, размеров каменных блоков. Раскопки Средней оборонительной стены проводились в 1956–1959 гг. Е. В. Веймарном, археологический материал датирован временем не ранее XIV в., основная часть артефактов – XVII–XIX вв.

Рис. 1. Богаевский К. Ф. Зынджирлы медресе. 1925. Бумага, акварель. 33,5x50,0. Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник

Fig. 1. Bogaevskii K. F. Zindzhirli Medrese (Zincirli madrasa). 1925. Paper, watercolour. 33.5x50.0. Bakhchisarai Historical, Cultural, and Archaeological Museum Preserve

Рис. 2. Зынджирлы медресе. Колонны внутреннего двора. Вид с северо-востока.
Фото 1928 г. [по: 7, с. 63, рис. 625]

Fig. 2. Zindzhirli Medrese. Columns in the courtyard. Viewed from the north-east.
1928 photo [after: 7, p. 63, fig. 625]

Рис. 3. Зынджирлы медресе. Вид с юго-запада. Фото 1928 г. [по: 7, с. 57, рис. 619]
Fig. 3. Zindzhirli Medrese. Viewed from the south-west. 1928 photo [after: 7, p. 57, fig. 619]

Рис. 4. Зынджирлы медресе. Центральный вход. Вид с юга.
Фото 1928 г. [по: 7, с. 94, рис. 656]

Fig. 4. Zindzhirli Medrese. Central entrance. Viewed from the south.
1928 photo [after: 7, p. 94, fig. 656]

Рис. 5. Богаевский К. Ф. Дюрбе Хаджи Гирея, Менгли Гирея, Сахиб Гирея. 1925. Бумага, акварель. 33,5x43,5. Бахчисарайский историко-культурный археологический музей-заповедник

Fig. 5. Bogaevskii K. F. Türbe of Hadzhi Girei (Hacı Girey), Mengli Girei, Sakhib Girei (Sahib Girey). 1925. Paper, watercolour. 33.5x43.5. Bakhchisarai Historical, Cultural, and Archaeological Museum Preserve

Рис. 6. Дюрбе Хаджи Гирея. Вид с юго-востока. Фото 1928 г. [по: 7, с. 251, рис. 813]
Fig. 6. Türbe of Hadzi Girei. Viewed from the south-east. 1928 photo [after: 7, p. 251, fig. 813]

Рис. 7. Салачик. Вид с юго-запада. Фото 1926 г. [по: 7, с. 16, рис. 578]
Fig. 7. Salachik (Salacik). Viewed from the south-west. 1926 photo [after: 7, p. 16, fig. 578]

Рис. 8. Богаевский К. Ф. Минарет XVI века. 1925. Бумага, акварель. 33,5x44,0. Бахчисарайский историко-культурный археологический музей-заповедник

Fig. 8. Bogaevskii K. F. A sixteenth-century minaret. 1925. Paper, watercolour. 33.5x44.0. Bakhchisarai Historical, Cultural, and Archaeological Museum Preserve

Рис. 9. Салачик. Мечеть. Вид с северо-запада. Фото 1928 г. [по: 7, с. 47, рис. 609]
Fig. 9. Salachik. A mosque. Viewed from the north-west. 1928 photo [after: 7, p. 47, fig. 609]

Рис. 10. Богаевский К. Ф. Развалины стен Чуфут-Кале. Ворота. 1920-е. Бумага, акварель. 30,6x50,0.
Феодосийская картинная галерея им. И. К. Айвазовского

Fig. 10. Bogaevskii K. F. Ruins of the walls of Chufut-Kale (Çufut Qale). Gate. 1920s. Paper, watercolour.
30.6x50.0. I. K. Aivazovskii Feodosiia Art Gallery

Рис. 11. Чуфут-Кале. Средняя оборонительная стена и ворота Орта-Капу.
Вид с юго-востока. Фото 1928 г. [по: 7, с. 334, рис. 896]

Fig. 11. Chufut Kale. Middle defensive wall and Orta Kapu gate. Viewed from the south-east. 1928 photo
[after: 7, p. 334, fig. 896]

Рис. 12. Чуфут-Кале. Средняя оборонительная стена и ворота Орта-Капу.
Вид с востока. 2019. Фото автора

Fig. 12. Chufut-Kale. Middle defensive wall and Orta Kapu gate.
Viewed from the east. 2019. Photo: the author

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабина Е.А. Мусульманская каменная резьба Крыма // Мирас – Наследие. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3-х т. / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Т. 1. Казань: Астер-Плюс, 2016. С. 510–543.
2. Гаврилюк Н.А., Ибрагимова А. М. Тюрбе хана Хаджи Герая: по материалам археологических исследований 2003–2008 гг. Киев; Запорожье: Дикое Поле, 2010. 176 с.
3. Гайворонский О. Ханское кладбище в бахчисарайском дворце. Симферополь: Доля, 2006. 64 с.
4. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Кырк-Ер – Чуфут-Кале. Крепость на краю седьмого климата: исследование, путеводитель, альбом. Симферополь: Антиква, 2016. 312 с.
5. Ибрагимова А.М. Архитектурный комплекс Зынджирлы медресе и Дюрбе хана Хаджи Герая в свете новейших исследований // Откровения древнего Солхата: Материалы международной научно-практической конференции «Сохранение культурного и исторического наследия Крыма. Солхат – центр золотоордынской культуры Крыма: итоги и перспективы исследования, проблемы сохранения памятников» / Ред. А.Г. Герцен. Симферополь, 2010. С. 114–116.
6. Мирас – Наследие. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3-х т. / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Т. 2. Казань: Издат-Принт, 2016. 572 с.
7. Мирас – Наследие. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3-х т. / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Т. 3. Казань: Астер-Плюс, 2017. 720 с.
8. Памятники крымской старины в графике К.Ф. Богаевского. Альбом иллюстраций / Авт.-сост. И. Баранов. Киев: Энергия плюс, 2006. 95 с.
9. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Т. 1: Бахчисарай / Ред. Р. С. Хакимов. Симферополь: Форма, 2016. 168 с.
10. Сидоренко В.А. Монетная чеканка Крымского ханства (1442–1475 гг.). Симферополь: Бизнес-Информ, 2016. 384 с.

REFERENCES

1. Aibabina E.A. Muslim stone carvings of Crimea. Bocharov S.G., Sitdikov A.G. (eds.), *Miras – Nasledie. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoi kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godakh* [Miras – Heritage. Tatarstan – Crimea. The city of Bulgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and Crimea in 1923–1929]. Vol. 1, Kazan, Aster-Plus Publ., 2016, pp. 510–543.
2. Gavriiliuk N.A., Ibragimova A.M. *Tiurbe khana Khadzhi Gerai: po materialam arkheologicheskikh issledovaniy 2003–2008 gg.* [Turbe Khan Haji Gerai: based on archaeological research of 2003–2008]. Kiev, Dikoe Pole Publ., 2010, 176 p.
3. Gaivoronskii O. *Khanskoe kladbishche v bakhchisaraiskom dvortse* [Khan cemetery in the Bakhchisarai palace]. Simferopol, Dolia Publ., 2006, 64 p.
4. Gertsen A.G., Mogarichev Iu.M. *Kyrk-Er – Chufut-Kale. Krepost' na kraiu sed'mogo klimata: issledovanie, putevoditel', al'bom* [Kirk-Er – Chufut-Calais. Fortress on the edge of the seventh climate: study, guide, album]. Simferopol, Antikva Publ., 2016, 312 p.
5. Ibragimova A.M. Architectural complex of Zynjirli Madrasa and Durbe Khan Haji Gerai in light of the latest research. Gertsen A.G. (ed.), *Otkroveniia drevnego Solkhata* [Revelations of ancient Solhat]. Simferopol, 2010, pp. 114–116.
6. Bocharov S.G., Sitdikov A.G. (eds.). *Miras – Nasledie. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoi kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godakh* [Miras – Heritage. Tatarstan – Crimea. The city of Bulgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and Crimea in 1923–1929]. Vol. 2, Kazan, Izdat-Print Publ., 2016, 572 p.
7. Bocharov S.G., Sitdikov A.G. (eds.). *Miras – Nasledie. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoi kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godakh* [Miras – Heritage. Tatarstan – Crimea.

- The city of Bulgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and Crimea in 1923–1929]. Vol. 3, Kazan, Aster-Plus Publ., 2017, 720 p.
8. Baranov I. (ed.) *Pamiatniki krymskoi stariny v grafike K. F. Bogaevskogo. Al'bom illustratsii* [Monuments of Crimean antiquity in the schedule of K.F. Bogaevsky. Album of illustrations]. Kiev, Energiia plus Publ., 2006. 95 p.
 9. Khakimov R.S. (ed.). *Svod pamiatnikov istorii, arkhitektury i kul'tury krymskikh tatar* [Set of historical, architectural and cultural monuments of Crimean Tatars]. Vol. 1. Simferopol, Forma Publ., 2016, 168 p.
 10. Sidorenko V.A. *Monetnaia chekanka Krymskogo khanstva (1442–1475 gg.)* [Coin minting of the Crimean Khanate (1442–1475)]. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2016, 384 p.

Информация об авторе

Ломакина М. А. – младший научный сотрудник Крымского этнографического музея, Researcher ID: Y-9364-2019.

Author information

Lomakina M. A. – Junior Researcher at the Crimean Ethnography Museum, Researcher ID: Y-9364-2019.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ «ПЕЩЕРНОГО ГОРОДА» КАЧИ-КАЛЬОН В XIX–XX ВВ.

Наталья Анатольевна Абрамова

*Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербург, Россия
risorius-01@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5110-078X>*

Аннотация. «Пещерные города» располагаются на вершинах столовых гор, которые сложены из известняка или же в скальных известковых обрывах на небольшом участке Внутренней гряды Крымских гор на территории юго-западного Крыма. Письменных источников по истории средневекового Крыма крайне мало, в основном это нарративные источники, поэтому тщательное археологическое изучение памятников крайне необходимо. Только анализ полученных таким образом данным сможет пролить свет на историю создания, развития и угасания этих загадочных пещерных сооружений. Данная научная статья посвящена истории исследования «пещерного города» Качи-Кальон. Этот памятник расположен в Бахчисарайском районе (Республика Крым). Многочисленные упоминания Качи-Кальона встречаются в многочисленных записках путешественников XVIII – начала XX вв. Но первые археологические изыскания на памятнике были проведены только в 1930 г. Раскопки были произведены на небольшой площади на мысе перед четвертым гротом Качи-Кальона, где предположительно размещалось укрепление городища. Работы были проведены силами Эски-Керменской экспедиции ГАИМК под руководством Н. И. Репникова. В начале осени 1933 г. археологические изыскания на Качи-Кальоне были продолжены экспедицией ГАИМК. Кроме исследований на территории городища, в местах нарушения культурного слоя, была проделана огромная работа по изучению и описанию всего памятника. В статье рассмотрены обстоятельства проведения исследований на памятнике и проанализированы результаты этих работ. Дискуссионным продолжает оставаться вопрос о времени возникновения и функциональном назначении этого «пещерного города». В статье впервые публикуются фотографии из фондов научного архива ИИМК РАН.

Ключевые слова: Качи-Кальон, «пещерный город», Н. И. Репников, Е. В. Веймарн, П. П. Бабенчиков, Эски-Керменская экспедиция

FROM THE HISTORY OF THE STUDIES OF THE “CAVE TOWN” OF KACHI-KAL’ON IN THE NINETEENTH AND TWENTIETH CENTURIES

Natalia A. Abramova

St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia

Abstract. The “cave towns” are located atop of table mountains built of limestone, or in rocky limestone precipices, within a small section of the Inner Range of the Crimean Mountains in the southwestern Crimea. Among a very few written sources on the history of mediaeval Crimea there are

mostly narratives, so thorough archaeological study of the sites is essential. Only the analysis of the data obtained by archaeology will shed light on the history of the creation, development, and decline of these enigmatic cave structures. This paper addresses the history of the study of the “cave town” of Kachi-Kal'on. This site is located in the Bakhchisarai District (Republic of the Crimea). Although the travelogues from the eighteenth to the early twentieth century regularly mentioned Kachi-Kal'on, the first archaeological studies of the site were carried out only in 1930. The excavations were conducted at a small square on the promontory in front of the fourth grotto of Kachi-Kal'on, where fortifications of the fortress were allegedly located. The excavations were carried out by the Eski-Kermen Expedition of the State Academy of the History of the Material Culture under the supervision of N. I. Repnikov. In the early autumn 1933, the archaeological researches at Kachi-Kal'on continued by the same expedition. Apart from the investigations in the territory of the ancient town where the cultural layer was disturbed, a great work was done to study and describe the whole site. This paper analyses the circumstances of the said researches of the site and examines the results of these works. The origin and functional purpose of the “cave town” is still disputable. The paper is the first to publish the photographs from the collections of the Institute of the History of the Material Culture of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: Kachi-Kal'on, “cave town”, N. I. Repnikov, E. V. Veimarn, P. P. Babenchikov, Eski-Kermen Expedition

«Пещерные города» являются основными, но недостаточно и неравномерно изученными памятниками крымского средневековья. Так называют объекты, являющиеся историко-культурными и археологическими памятниками эпохи раннего и развитого средневековья – города, крепости, пещерные монастыри, наиболее заметная особенность которых – расположение в местах, отличающихся природной неприступностью и наличием искусственных пещер различного назначения, которые изначально сочетались с наземными строениями из камня. Именно наличие большого количества пещер стало причиной появления термина, принятого для обозначения этой группы памятников – «пещерные города». Исследователями это словосочетание берется в кавычки, что подчеркивает условность данного понятия.

Одним из памятников такого рода является городище Качи-Кальон¹. Он находится в 8 км от Бахчисарая, в долине реки Кача, между селами Предушельное и Баштановка, на юго-восточном склоне возвышенности Фыцкин-кая-баш², которая является высшей точкой правого берега реки. Существует две основные трактовки топонима Качи-Кальон: первая – «крестовый корабль» – основана на зрительной ассоциации (данный массив напоминает нос корабля, на котором виден огромный «католический» крест, созданный природой), вторая – «корабль на Каче» – та же ассоциация, но с привязкой к конкретному местоположению на реке Кача. Впервые такое толкование этому топониму дал А. Л. Бертье-Делагард [5, с. 7]. Крымовед В. Х. Кондраки (1834–1886) привел еще одну версию происхождения топонима Ка-

¹ Также известна форма Качи-Кальен, которая сейчас реже употребляется.

² Фыцкин-кая-баш – платообразная возвышенность, с востока и северо-запада ограниченная балками, с юга – скальным обрывом. Юго-восточный выступ образует горный мыс Качи-Кальон, в подножии, которого высечены пещеры.

чи-Кальон. Он сообщил, что в древности здесь существовало капище с истуканом по имени Кальен, поэтому скалу стали называть его именем [10, с. 58].

Сам скальный массив Качи-Кальона состоит из пяти естественных гротов (их нумерация идет с запада на восток). Первый представляет собой огромную неглубокую пещеру. На площадке возле него находятся скальные усыпальницы и небольшая пещерная церковь Святой Софии. Второй грот схож с первым: пещеры в нем отсутствуют, имеются следы использования деревянных конструкций. В третьем – остатки трех полупещерных³ церквей и ряд помещений хозяйственного назначения. В полу одного из храмов выбита гробница, еще пять гробниц расположены на площадке перед ним. Между третьим и четвертым гротами располагается средневековое кладбище. В четвертом, самом большом из пяти, расположен источник воды. Здесь и ниже по склону в XIX – начале XX вв. располагался скит Св. Анастасии Узорешительницы. Доступ к пятому гроту без специального альпинистского снаряжения невозможен. Ранее к нему вела опасная тропа, называемая Кыл-Копыр, что означает «волосяной мост».

Краткая информация о Качи-Кальоне содержится в трудах многих путешественников и исследователей Крыма XVIII – начала XX вв. Первые сведения в литературе об этом «пещерном городе» привел шведский историк Иоганн Эрих Тунманн (1746–1778) в работе «Крымское ханство», изданной в 1784 г. Сам он в Крыму не бывал, но, используя обширный круг источников, сумел собрать подробную информацию о Крымском ханстве. Его труд содержит многочисленные неточности и фактические ошибки, но автор отмечал, что пещеры Качи-Кальона являются, вероятно, «погребальными местами» (сооружениями – Н. А.), подобными римским колумбариям [24, с. 36].

Академик П. И. Кёппен (1793–1864), побывав здесь, был поражен увиденным. Особенно ученого заинтересовал источник Св. Анастасии в четвертом гроте. Тарары называли этот родник Суук-су, что означает «холодная вода». Исследователь измерил температуру воды в источнике. Это произошло 14 сентября 1833 г. в 3 часа дня в пасмурную погоду; температура воды составила +12,5°C при температуре воздуха +20°C [9, с. 307].

Директора училищ Таврической губернии, путешественника Евгения Маркова (1835–1903) городище впечатлило своей природной красотой и необычным ландшафтом. Осмотрев памятник, он с горечью констатировал: «Качи-кальонские скалы находятся в состоянии хронического разрушения» [16, с. 428].

По мнению историка Г. Э. Караулова (1824–1883), Качи-Кальон, как и другие «пещерные города», изначально были местами обитания первобытных людей. Позднее, в средневековье, в их пещерах жили монахи и отшельники. Он отмечал, что на поверхности городища явно читаются улицы и переулки [8, с. 73–76].

А крымский краевед В. Х. Кондараки, имя которого уже упоминалось выше, считал, что это была крепость тавроскифов, в которой размещались ка-

³ То есть частично церковь вырублена в скале, а частично сложена из камня.

зармы, а затем на этом месте появился христианский монастырь Св. Анастасии [11, с. 62].

Посетив Качи-Кальон в 1893 г., профессор Университета Св. Владимира в Киеве А. А. Коротнёв (1854–1915) сообщал о специальной хижине в четвертом гроте, где, по его заключению, принимали роды [12, с. 2]. По преданию Св. Анастасия Узорешительница является покровительницей беременных женщин. Считалось, что источник в четвертом гроте Качи-Кальона являлся целебным и помогал роженицам быстрее разрешиться от бремени. К нему приходили рожать как христианки, так и мусульманки.

Выдающийся отечественный эпиграфист В. В. Латышев (1855–1921) собрал и опубликовал немногочисленные надписи Качи-Кальона [14, с. 62; 15, с. 76]. Они дают ценную информацию для понимания хронологии памятника.

Первые разведочные раскопки на Качи-Кальоне были произведены в 1930 г. силами сотрудников Эски-Керменской экспедиции⁴, которая в тот год была организована ГАИМК и ЦГРМ. Возглавлял экспедицию сотрудник ГАИМК Федор Иванович Шмит (1866–1937) [25, с. 34–36]. Руководство работами на городище было поручено Николаю Ивановичу Репникову (1882–1940) [20, с. 6–10; 27, с. 182–191, 247–327; 7, с. 16–24]. Примечательно, что должность Н. И. Репникова в сезон работ экспедиции 1930 г. была обозначена как прораб.

Раскопки 1930 г. были произведены на небольшой площади на мысе перед четвертым гротом, где предположительно размещалось укрепление. Этот мыс представляет собой изолированное пространство с отвесными обрывами, подход к которому возможен только с западной стороны, из долины по балке. Здесь, т. е. в единственном доступном месте, он был защищен линией оборонительной стены из тесаного камня. Кладка стены двухпанцирная с забутовкой, толщина, в среднем, составляла 1 м, высота – до 4,5 м. На скале были сделаны вырубки под основание стены – «постели». Облицовка стены была сделана из известковых тесаных блоков на известковом растворе. Забутовка состояла из бутового камня на таком же растворе [22, с. 109]⁵.

На западном конце стены располагалась прямоугольная башня, от которой сохранилось основание. Из нее был возможен обстрел противника при подъеме его из долины. В восточной стороне мыса находились входные ворота. От них сохранились «стояки» из тесаного камня, на внутренней части которых имелись пазы для закрепления деревянной дверной коробки и выемка для бруса засова, запиравшего ворота.

За линией оборонительной стены были заложены шурфы. Выявленная здесь стратиграфия напластований состояла из трех основных слоев. Нижний, зольный

⁴ Эски-Керменская экспедиция работала в 1928–1934, 1936, 1937 гг., исследуя «пещерный город» Эски-Кермен, а также другие памятники округа. Организаторами экспедиции выступали ГАИМК, ЦГРМ, Севастопольский музей краеведения, Музея антропологии и этнографии АН СССР и другие организации. Начальниками экспедиции в разные годы были Н. И. Репников, Ф. И. Шмит, В. И. Равдоникас.

⁵ Сейчас стена сильно разрушена и задернована. Ворот и основания башни уже нет.

слой с примесью камней лежал прямо на скале. В нем обнаружены фрагменты сосудов из красной глины с орнаментом из волнистых и горизонтальных полосок. Они были датированы Н. И. Репниковым второй половиной I тыс. н. э., но, к сожалению, им нигде не приведено ни рисунков, ни фотографий фрагментов керамики. Второй слой представлял собой мощную зольную прослойку, перекрытую толстым слоем овечьего навоза. Верхний слой, состоявший из земли с камнем, содержал обломки поливной керамики желтого и зеленого окраса, а также фрагменты черепицы.

На этом же мысу располагается могильник. Он был тщательно описан Н. И. Репниковым, отметившим, что все надгробные плиты сделаны из местного известняка. Надгробия он разделил на два типа: 1) крупные двускатные, гладкие или разделенные продольными гранями; 2) «домообразные» памятники с нишей в одном из концов. В последнем типе встречаются плиты, орнаментированные плетеным узором, звездами и розетками. Надписи на надгробиях обнаружены не были. Надгробия описанных типов лежали поверх гробниц, сложенных из плохо обработанных камней, толщина их 0,07–0,10 м. Сами гробницы впущены «в осыпь» (т. е. в грунт – Н. А.) до скалы [22, с. 109–111]. Большая часть плит, обнаруженных ученым, до сегодняшнего дня не уцелела. Н. И. Репников не сообщил, проводилось ли вскрытие погребений, но указал, что размеры гробниц соответствуют росту погребенного, а костяки лежали головой на северо-запад [22, с. 111], то есть по христианскому погребальному обряду, но с небольшим отклонением.

На осыпи склона этого могильника Н. И. Репников обнаружил медную пряжку с растительным орнаментом. Археолог сравнил ее с пряжкой, ранее найденной им в погребении могильника Суук-Су [21, с. 19, табл. X]. По современной типологии она относится к типу «Сиракузы». А. И. Айбабин датирует эти пряжки не ранее второй половины VI – VII в. [1, с. 185–187]. По мнению Э. А. Хайрединовой, пряжки этого варианта в юго-западной Таврике продолжали использоваться вплоть до начала VIII в. В раннем средневековье пряжки этого типа имели очень широкое распространение. В Крыму они найдены в раннесредневековых могильниках Суук-Су, Чуфут-Кале, Лучистом, Скалистом, в Херсонесе и на Боспоре [26, с. 242, 245]. Находка пряжки в Качи-Кальоне представляет немалый научный интерес, поскольку является единственным хронологическим репером для данного могильника, но, к сожалению, обнаружена она была не в слое.

С 1929 г. постоянным участником Эски-Керменской экспедиции стал сотрудник Государственного исторического музея (г. Москва) Евгений Владимирович Веймарн (1905–1990) [19, с. 144–148; 3, с. 53–55]. В 1930 г. он принял участие в разведках на Качи-Кальоне и снял буссольный план городища, который хранится в Научном архиве ИИМК РАН (Рукописный отдел НА ИИМК РАН, Ф. Р I, Д. 126)⁶. Помимо того, Е. В. Веймарн занимался техническими работами (исследование подъемного материала, зачистка культурных наслоений и др.).

⁶ Этот чертеж до сих пор не опубликован.

В 1932 г. в долине реки Кача велась прокладка новой шоссейной дороги Бахчисарай – Коуш. В результате этих работ произошло нарушение культурного слоя. На северо-западной окраине Качи-Кальона образовался вертикальный срез мощностью до 2,5 м. В месте нарушения слоя были обнаружены зерновые ямы и пифосы. Судя по рисунку этих сосудов из дневника директора Бахчисарайского дворца-музея У. А. Боданинского (1877–1938) (Рукописный отдел НА ИИМК РАН, Ф. 2, Оп. 1-1933, Д. 297, Л. 29), их можно отнести к группе пифосов из раскопок крепости Алустон (группа 1, тип 2). Пифосы датируются XIV–XV вв. [23, с. 134–135].

Разрушения памятника были осмотрены Н. И. Репниковым летом 1933 г. Культурные слои поселения содержали кости животных, фрагменты черепицы и керамики. Найденная керамика была датирована им от конца I тыс. н. э. до XVIII в. [22, с. 102].

В начале осени того же 1933 г. археологические изыскания на Качи-Кальоне были продолжены экспедицией ГАИМК под руководством Н. И. Репникова. Кроме исследований на территории городища, в местах нарушения культурного слоя, была проделана огромная работа по изучению и описанию всего памятника. Именно тогда массив Качи-Кальона был условно разделен на 5 гротов. Археологами были сделаны обмеры, описаны и классифицированы все важные пещерные и каменные сооружения: церкви, надгробия, усыпальница, оборонительные и хозяйственные сооружения, в том числе и тарапаны. Николай Иванович обратил внимание на сильное разрушение многих пещер на территории памятника и отметил, что кроме естественных причин на это повлияла и деятельность Анастасиевского монастырского скита, возникшего в первой половине XIX в., и близость деревни Пычки (совр. село Баштановка, Верхореченское с/п). Он особо отметил большое количество виноградавилен на территории Качи-Кальона и сделал вывод о «наличии здесь в древности виноделия массового характера». С развитием виноделия исследователь связывал и отсутствие яслей для скота, столь характерных для других «пещерных городов» [22, с. 102, 107].

В ходе исследования Качи-Кальона в 1933 г. немалое внимание было уделено культовым памятникам городища. Е. В. Веймарн сделал подробные чертежи церквей и пещерной усыпальницы (Рукописный отдел НА ИИМК РАН, Ф. Р I, Д. 126). В дальнейшем эти планы были опубликованы Н. И. Репниковым [22].

Н. И. Репникова приводил в недоумение факт существования укрепления под обрывом Фыцкин-кая-баш и волновал вопрос, как можно было «предотвратить не только обстрел из лука, но и простое скатывание камней» с бровки плато. И поэтому еще в 1930 г. Е. В. Веймарн, проведя осмотр плато Фыцкин-кая-баш, нашел там «остатки сооружений боевого назначения». А в 1933 г. «более углубленную разведку» и проверку наблюдений Е. В. Веймарна произвел В. П. Бабенчиков (1885–1974). В. П. Бабенчиков со своим братом П. П. Бабенчиковым были одними из основателей Севастопольского музея краеведения (1923–1939) и постоянными участниками Эски-Керменской экспедиции [4, с. 25–48]. Он пришел к выводу, что плато над Качи-Кальоном «практически неприступно», а доступ на него имеется лишь с

юго-восточной стороны. Вдоль почти всего юго-западного края плато была найдена сильно разрушенная стена. Высота ее составляла до 1 м, а толщина – до 1,5 м, от нее «строго по горизонталям» отходили «раскаты камня» на северо-восток. Подъемного материала, необходимого для датировки стены, в достаточном объеме обнаружить не удалось [22, с. 112–113].

В археологический сезон 1933 года на Эски-Кермене проводилась совместная Советско-Американская экспедиция. Американскую сторону представлял научный сотрудник Пенсильванского музея археологии и антропологии Евгений Александрович Голомшток (1897–1950) [13, с. 48–55; 27, с. 310–312]. В один из выходных дней он вместе с У. А. Боданинским [18] и другими сотрудниками экспедиции посетил Качи-Кальон и сделал ряд фотографий городища, а также запечатлел ход археологических исследований. Фотографии хранятся в архиве Института истории материальной культуры РАН (Рукописный отдел НА ИИМК РАН, Ф. 2, Оп. 1-1933, Д. 297, Л. 28), они никогда не публиковались.

К сожалению, после 1933 г. Эски-Керменская экспедиция больше не проводила работ на Качи-Кальоне. Что стало этому причиной, мы можем только догадываться.

В 1954 г. Крымским филиалом АН УССР совместно с Бахчисарайским историко-археологическим музеем и Отделом культуры при Крымском облисполкоме были проведены археологические исследования в Бахчисарайском районе, в том числе и разведывательные работы на Качи-Кальоне. Отрядом на городище руководил Е. В. Веймарн, бывший участник Эски-Керменской экспедиции. В результате этих работ был произведен учет 60 тарапанов⁷, составлено подробное описание их месторасположения, пять из них были зачищены. Собранный при зачистке тарапанов керамический материал был отправлен в Бахчисарайский музей (НА ИА НАНУ, Ф. 1954, Д. 39, Л. 31–35).

В мае 1970 г. в 0,5 км к западу от Качи-Кальона при нивелировке почвы для посадки нового сада был открыт гончарный производственный комплекс, состоявший из 7 печей и 3 хозяйственных ям. Снаружи печи № 2 были обнаружены обломки раннесредневековых сосудов. В печах обжигалась преимущественно керамическая тара: амфоры, кувшины, фляги. Комплекс был обследован сотрудниками Бахчисарайского историко-археологического музея (НА ИА НАНУ, Ф. 1970, Д. 91, Л. 11–13). Конкретных датировок этого комплекса в отчете не указывается. В том же 1970 г. был открыт крупный гончарный центр близ с. Трудолюбовка Бахчисарайского района. Там найдены 12 гончарных печей, судя по массовой керамике, датируются они VIII–IX вв. Важно отметить, что расстояние от Качи-Кальона до с. Трудолюбовка составляет около 20 км [28, с. 377–379; 29, с. 53–56].

В настоящее время изучение «пещерных городов» не теряет своей актуальности. Храмы Качи-Кальона были изучены Ю. М. Могаричёвым в 1990-е гг. Он составил подробные планы церквей, систематизировал все сведения, имеющие к ним отно-

⁷ Сейчас известно свыше 120 тарапанов, в которых можно одновременно перерабатывать 250 тонн винограда. До сих пор в окрестностях Качи-Кальона можно встретить одичавшие лозы [6, с. 36].

шение. Исследователь датирует строительство церквей на городище XI–XIV вв. [17, с. 82]. Такое заключение весьма спорно, поскольку он не использует общепринятые методы датировки пещерных церквей. Им была разработана авторская концепция хронологической атрибуции сооружений на территории «пещерных городов» Крыма. Ю. М. Могаричёв делит их на три типа – А, Б, В, каждому типу соответствует своя техника обработки скалы внутри помещения. Пещерные сооружения периода А (VI–VII вв.) имеют размеры от 3 до 11 м², их форма овальная. Площадь помещений периода Б (конец X–XI – середина XIV вв.) составляет от 6 до 100 м². Помещения этого периода являются самыми многочисленными – их насчитывается до 700 (86% из них использовались как загоны для скота). Помещения периода В (середина XIV–XVIII вв.) отличаются прямоугольной формой с резко выраженными углами и плоским потолком [17, с. 5]. Размеры пещер третьего периода Ю. М. Могаричёв не указывает.

Подводя итог всему сказанному, следует признать, что самый большой вклад в изучение Качи-Кальона внесли работы, произведенные под руководством Н. И. Репникова. Однако в его исследованиях, наряду с важными открытиями и успехами, имеются и некоторые недостатки. Датировка собранного керамического материала дана в слишком широком диапазоне «вторая половина I тысячелетия» [22, с. 110], хотя, справедливости ради, стоит отметить, что значительный прорыв отечественная (как и западная) керамология совершила значительно позже смерти исследователя.

Н. И. Репников полагал, что руины Качи-Кальона являются «остатками крупного поселения». Археолог не был до конца уверен в факте существования здесь полноценного укрепления по причине сомнений в его «боеспособности» [22, с. 102–103]. Очевидно, он считал, что укрепления городища были неэффективными вследствие их уязвимости и невозможности защитить «весь район поселения и укрепления», находящегося под обрывом, в случае угрозы, исходящей с плато. Как сказано выше, в 1930 г. Е. В. Веймарн впервые произвел рекогносцировочный осмотр на плато Фыцкин-кая-баш, где нашел остатки оборонительных сооружений, находящихся над гротами Качи-Кальона. В 1933 г. В. П. Бабенчиков провел более углубленную разведку и подтвердил данные, сообщенные ранее Е. В. Веймарном [22, с. 111–113]. Сам же Николай Иванович эти укрепления не осматривал и, возможно, не придал им значения.

Н. И. Репников полагал, что основным занятием обитателей Качи-Кальона было производство вина, которое изготавливалось крупными партиями, судя по количеству тарапанов (более 100) и применению деревянных прессов для давки винограда [22, с. 105]. Не стоит забывать и про находки керамического производства неподалеку от «пещерного города».

С установлением власти хазар в конце VIII в. в горном Крыму наступает политическая стабильность, которая способствовала подъему экономической жизни. Появляются новые поселения, развивается земледелие, виноделие, скотоводство и ремесла. Высокий спрос на продукцию виноделия в VIII–IX вв. способствовал развитию гончарного производства на местах. Доказательством этому служит обнару-

жение крупных гончарных центров на всей территории Готии, т.е. в юго-западной части Крыма [2, с. 212].

Е. В. Веймарн, обобщив полевые материалы, полученные в 1954 г., пришел к выводу, что Качи-Кальон являлся самым большим центром по производству вина в горном Крыму в средневековье (НА ИА НАНУ Ф. 1954. Д. 39. Л. 35). Этим он подтвердил гипотезу, выдвинутую ранее Н. И. Репниковым [22, с. 107].

С другой стороны, Е. В. Веймарн был уверен в ошибочности вывода Н. И. Репникова, полагавшего, что Качи-Кальон является «остатками раннесредневековой крепости», т. к. он ошибочно принимал стену на плато мыска «за оборонительную». Сам Е. В. Веймарн считал, что территория мыска была средневековым монастырем, а остальная территория Качи-Кальона к северу и западу от него была занята большим раннесредневековым поселением (НА ИА НАНУ Ф. 1954. Д. 39. Л. 30). Однако его упрек нельзя считать обоснованным, т. к. сам Н. И. Репников не был до конца уверен в своей гипотезе по причине слабой изученности Качи-Кальона.

В наше время трудно представить историю исследований древностей Крыма без Эски-Керменской экспедиции ГАИМК и без Н. И. Репникова. Жизнь этого ученого в немалой степени была посвящена изучению истории Крыма, в том числе и «пещерных городов». Археологические материалы, полученные в результате работ экспедиции ГАИМК в 1930 и 1933 гг. на Качи-Кальоне, являются единственной базой, на основании которой можно судить о функциональном назначении городища, его хронологии и т. д. Сохраняет свою значимость и подробное описание городища, сделанное ученым. Многие вопросы истории Качи-Кальона продолжают оставаться открытыми, а материалы экспедиций XX в. еще ждут публикации.

Рис. 1. Качи-Кальон, 1933 г. Фото Е. А. Голомшток (Рукописный отдел
НА ИИМК РАН, Ф. 2-1933, Д. 295, Л. 95)

Fig. 1. Kachi-Kal'on, 1933. Photo: E. A. Golomshtok (Department of Manuscripts of the Scholarly Archive of the Institute of the History of the Material Culture of the Russian Academy of Sciences, F. 2-1933, D. 295, L. 95)

Рис. 2. Остатки оборонительной стены перед четвертым гротом Качи-Кальона, 1930 г. (Фотографи-
ческий отдел НА ИИМК РАН, Р. II, Негатив 1201)

Fig. 2. Remains of a defensive wall at the fourth grotto of Kachi-Kal'on, 1933 (Department of Photographs of the Scholarly Archive of the Institute of the History of the Material Culture of the Russian Academy of Sciences, R. II, Negative 1201)

Рис. 3. Остатки башни в западном конце оборонительной стены, 1930 г. (Фотографический отдел НА ИИМК РАН, Р. II, Негатив 1203)

Fig. 3. Remains of a tower in the western end of the defensive wall, 1930 (Department of Photographs of the Scholarly Archive of the Institute of the History of the Material Culture of the Russian Academy of Sciences, R. II, Negative 1203)

Рис. 4. Средневековое кладбище на поляне перед четвертым гротом Качи-Кальона, 1930 г. (Фотографический отдел НА ИИМК РАН, Р. II, Негатив 1205)

Fig. 4. Mediaeval cemetery on the glade in front of the fourth grotto of Kachi-Kal'on, 1930 (Department of Photographs of the Scholarly Archive of the Institute of the History of the Material Culture of the Russian Academy of Sciences, R. II, Negative 1205)

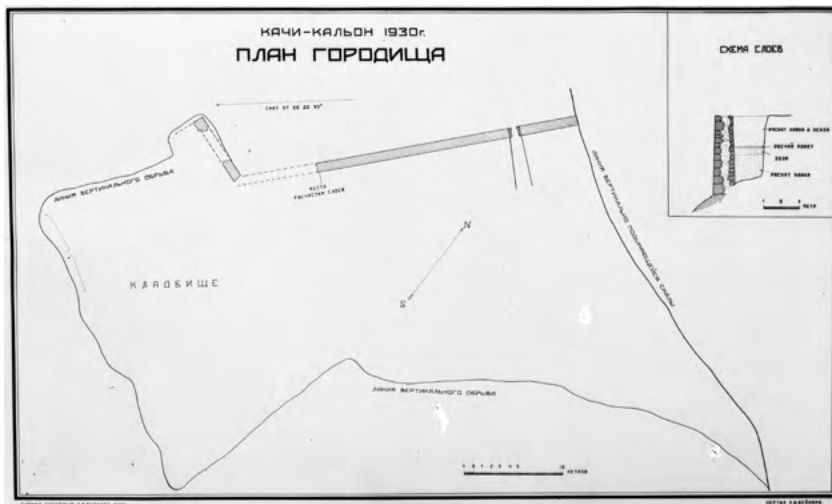

Рис. 5. План городища Качи-Кальон, 1930 г. (Фотографический отдел НА ИИМК РАН, Р. II, Негатив 9000)

Fig. 5. Ground plan of the ancient town of Kachi-Kal'on, 1930 (Department of Photographs of the Scholarly Archive of the Institute of the History of the Material Culture of the Russian Academy of Sciences, R. II, Negative 9000)

Рис. 6. Осмотр среза культурного слоя Качи-Кальона, 1933 г. Фото Е. А. Голомшток (Рукописный отдел НА ИИМК РАН, Ф. 2-1933, Д. 295, Л. 94)

Fig. 6. Viewing the section of the cultural layer of Kachi-Kal'on, 1933. Photo: E. A. Golomshtok (Department of Manuscripts of the Scholarly Archive of the Institute of the History of the Material Culture of the Russian Academy of Sciences, F. 2-1933, D. 295, L. 94)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Погребения конца VII – первой половины VIII в. в Крыму // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII вв. / Ред. А.К. Амброз. М.: Наука, 1987. С. 165–192.
2. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
3. Акимченков В.В. Историко-археологическое изучение древностей Юго-Западного Крыма в 20–30-е годы XX века: Евгений Владимирович Веймарн // «Гераклейский сборник» 1936 г. / Ред. Ю.А. Виноградов, Т.Н. Смекалова. СПб.: Алетей, 2019. С. 53–55. (Гераклейский сборник. Вып. 1).
4. Акимченков В.В. «Старые опытные археологические разведчики»: братья Бабенчиковы // «Гераклейский сборник» 1936 г. / Ред. Ю.А. Виноградов, Т.Н. Смекалова. СПб.: Алетей, 2019. С. 25–48. (Гераклейский сборник. Вып. 1).
5. Бертъе-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоумённых вопросов средневековья в Таврике // ИТУАК. 1920. № 57. С. 1–135.
6. Веймарн Е.В., Чореф М.Я. «Корабль» на Каче. Симферополь: Таврия, 1976. 85 с.
7. Виноградов Ю.А. Н.И. Репников. Штрихи к портрету // «Гераклейский сборник» 1936 г. / Ред. Ю.А. Виноградов, Т.Н. Смекалова. СПб.: Алетей, 2019. С. 16–24. (Гераклейский сборник. Вып. 1).
8. Караулов Г.А. Крымские пещерные города и крипты // ЗООИД. 1872. Т. VIII. С. 39–108.
9. Кёппен П.И. О древностях Южного берега и гор Таврических. СПб.: Императорская Академия наук, 1837. 409 с.
10. Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. Ч. 1. Николаев: Тип. В.М. Краевского, 1873. 253 с.
11. Кондараки В.Х. Новый обстоятельный путеводитель по Крыму. М.: Тип. М.М. Борисенко и К°, 1885. 160 с.
12. Коротнев А.А. Экскурсия в Крым весною 1893 года (пещеры Качи-кальена и Черкес-кермена) // Университетские известия. 1895. № 5. Май. Часть II. С. 1–12.
13. Кузьминых С.В., Вдовин А.С. В.А. Городцов и Е.А. Гольмшток: к истории советско-американских связей в области археологии в 1920–30-е годы // Проблемы изучения и сохранения археологического наследия Центральной России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения В.А. Городцова. Рязань, 20–22 апреля 2010 г. Рязань, 2010. С. 48–55.
14. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб: типография Императорской Академии наук, 1896. 143 с.
15. Латышев В.В. Заметки к христианским надписям из Крыма (Продолжение) // ЗООИД. 1901. Т. XXIII. С. 74–78.
16. Марков Е.Л. Очерки Крыма: Картины крымской жизни, истории и природы. Киев: Стилос, 2006. 512 с.
17. Могаричев Ю.В. Пещерные церкви Таврики. Симферополь: Таврия, 1997. 384 с.
18. Мусаева У.К. Народный учитель: Документальный очерк деятельности выдающегося крымско-татарского просветителя Усеина Боданинского. Симферополь: СГТ, 2007. 240 с. (Биобиблиография крымоведения. Вып. 9).
19. Піоро І.С. Складна доля археолога (до 85-річчя Євгена Володимировича Веймарна) // Археологія. Київ, 1990. № 4. С. 144–148.
20. Равдоникас В.И. Памяти Н.И. Репникова // Старая Ладога / Ред. В.И. Равдоникас. Л.: Тип. им. Ивана Федорова, 1948. С. 6–10.
21. Репников Н.И. Некоторые могильники области Крымских Готов // ИАК. 1906. Вып. 19. С. 1–80.
22. Репников Н.И. Городище Качи-Кальен // ИГАИМК. 1935. Вып. 117. Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931–1933 гг. С. 102–113.
23. Тесленко И.Б. Пифосы из археологических комплексов Таврики XIV–XV вв. // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдилов. Казань, Симферополь, Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 125–163.
24. Тунманн Иоганн. Крымское ханство. Симферополь: Таврия, 1991. 20 с.
25. Филиппенко Р.И., Боброва М.И. Федор Иванович Шмит: Заметки к биографии ученого // Современное общество и власть. 2016. № 4 (10). С. 34–36.

26. Хайрединова Э.А. Пряжки типа «Сиракузы» из Керчи // Боспорские исследования. 2016. Вып. XXXIII. С. 242–265.
27. Юрочкин В.Ю. Готский вопрос. Симферополь: Сонат, 2017. 496 с.
28. Якобсон А.Л., Чорев М.Я. Гончарные печи VIII–IX вв. в юго-западном Крыму // Археологические открытия 1971 г. М.: Наука, 1972. С. 377–379.
29. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 164 с.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Burials of the late 7th – first half of the 8th century in Crimea. Ambroz A.K. (ed.), *Drevnosti epokhi Velikogo pereseleniia narodov V–VIII vv.* [Antiquities of the era of the Great Migration of peoples of the 5th–8th centuries], Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 165–192.
2. Aibabin A.I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma* [Ethnic history of the Early Byzantine Crimea]. Simferopol, Dar Publ., 1999, 352 p.
3. Akimchenkov V.V. Historical and archaeological study of antiquities of the South-West Crimea in the 20–30s of the XX century: Evgeny Vladimirovich Veimarn. Vinogradov Iu.A., Smekalova T.N. (eds.), *“Gerakleiskii sbornik” 1936 goda* [“Heracleian Collection” 1936], St.-Petersburg, Aletheia Publ., 2019, pp. 53–55.
4. Akimchenkov V.V. “Old experienced archaeological scouts”: the Babenchikov brothers. Vinogradov Iu.A., Smekalova T.N. (eds.), *“Gerakleiskii sbornik” 1936 goda* [“Heracleian Collection” 1936], St.-Petersburg, Aletheia Publ., 2019, pp. 25–48.
5. Bert'e-Delagard A.L. Investigation of some puzzling questions of the Middle Ages in Taurica. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [News of the Taurida scientific archival commission], 1920, no. 57, pp. 1–135.
6. Veimarn E.V., Choref M.Ia. *“Korabl” na Kache* [“Ship” on the Kacha river]. Simferopol, Tavriia Publ., 1976, 85 p.
7. Vinogradov Iu.A. N.I. Repnikov. Strokes for the portrait. Vinogradov Iu.A., Smekalova T.N. (eds.), *“Gerakleiskii sbornik” 1936 goda* [“Heracleian Collection” 1936], St.-Petersburg, Aletheia Publ., 2019, pp. 16–24.
8. Karaulov G.A. Crimean cave cities and crypts. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* [Notes of the Odessa society of history and antiquities], 1872, vol. 8, pp. 39–108.
9. Keppen P.I. *O drevnostiakh Iuzhnogo berega i gor Tavricheskikh* [About the antiquities of the South Coast and the Tauride Mountains]. St.-Petersburg, Akademiia Nauk Publ., 1837, 409 p.
10. Kondaraki V.Kh. *Universal'noe opisanie Kryma* [Universal description of Crimea]. Part 1. Nikolaev, Tipographia V. M. Kraevskogo, 1873, 253 p.
11. Kondaraki V.Kh. *Novyi obstoiatel'nyi putevoditel' po Krymu* [A new comprehensive guide to Crimea]. Moscow, Tipographia M.M. Borisenko i K°, 1885, 160 p.
12. Korotnev A.A. Excursion to Crimea in the spring of 1893 (caves of Kachi-kalen and Cherkes-kermen). *Universitetskie izvestiia* [University news], 1895, no. 5, pp. 1–12.
13. Kuz'minykh S.V., Vdovin A.S. V.A. Gorodtsov and E.A. Holmstock: on the history of Soviet-American relations in the field of archeology in the 1920s–1930s. *Problemy izucheniia i sokhraneniia arkheologicheskogo naslediia Tsentral'noi Rossii: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchonnoi 150-letiiu so dnia rozhdeniia V.A. Gorodtsova* [Problems of studying and preserving the archaeological heritage of Central Russia. Materials of the All-Russian scientific-practical conference dedicated to the 150th anniversary of the birth of V.A. Gorodtsov], Riazan, 2010, pp. 48–55.
14. Latyshev V.V. *Sbornik grecheskikh nadpisei khristianskikh vremen iz Iuzhnoi Rossii* [Collection of greek inscriptions of christian times from Southern Russia]. St.-Petersburg, Akademiia nauk Publ., 1896, 143 p.

15. Latyshev V.V. Notes on christian inscriptions from Crimea (continued), *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnosti* [Notes of the Odessa society of history and antiquities], 1901, vol. 23, P. 74–78.
16. Markov E.L. *Ocherki Kryma. Kartiny krymskoi zhizni, istorii i prirody* [Study on Crimea. Pictures of Crimean life, history and nature]. Kiev, Stilos Publ., 2006, 512 p.
17. Mogarichev Iu.V. *Peshchernye tserkvi Tavriki* [Cave churches of Taurica]. Simferopol, Tavriia Publ., 1997, 384 p.
18. Musaeva U.K. *Narodnyi uchitel': Dokumental'nyi ocherk deiatel'nosti vydaiushchegosia krymskotatarskogo prosvetitelia Useina Bodaninskogo* [People's teacher: A documentary sketch of the activities of the outstanding Crimean Tatar educator Usein Bodaninsky]. Simferopol, SGT Publ., 2007, 240 p.
19. Pioro I.S. Difficult fate of an archaeologist (to the 85th anniversary of E.V. Veimarn). *Arkheologiya* [Archeology], Kiev, 1990, no. 4, pp. 144–148.
20. Ravdonikas V.I. In memory of N.I. Repnikov. Ravdonikas V.I. (ed.), *Staraiia Ladoga* [Ancient Ladoga], Leningrad, Tipografiiia im. Ivana Fedorova, 1948, pp. 6–10.
21. Repnikov N.I. Some burial grounds of the Crimean Goths. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii* [Bulletin of the Imperial Archaeological Commission], 1906, vol. 19, pp. 1–80.
22. Repnikov N.I. Kachi-Kalen settlement. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Bulletin of the State academy of the history of material culture], 1935, vol. 117, pp. 102–113.
23. Teslenko I.B. Pythos from the archaeological complexes of Taurica of the 14th–15th centuries. Bocharov S.G., Sitdikov A.G. (eds.), *Genuezskaiia Gazariia i Zolotaia Orda* [Genoese Gazaria and the Golden Horde], Kazan, Simferopol, Kishinev, Stratum Plus Publ., 2015, pp. 125–163.
24. Tunmann Iogann. *Krymskoe khanstvo* [Crimean Khanate]. Simferopol, Tavriia Publ., 1991, 20 p.
25. Filippenko R.I., Bobrova M.I. Fedor Ivanovich Schmitt: Notes on the biography of a scientist. *Sovremennoe obshchestvo i vlast'* [Modern society and power], 2016, no. 4 (10), pp. 34–36.
26. Khairedinova E.A. “Syracusae” buckle type from Kerch. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2016, vol. 33, pp. 242–265.
27. Iurochkin V.Iu. *Gotskii vopros* [Gothic question]. Simferopol, Sonat Publ., 2017, 496 p.
28. Iakobson A.L., Choref M.Ia. Pottery kilns of the 8th–9th centuries in southwestern Crimea. *Arkheologicheskie otkrytiia 1971 g.* [Archaeological discoveries in 1971], Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 377–379.
29. Iakobson A.L. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoi Tavriki* [Pottery and ceramic production of medieval Taurica]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 164 p.

Информация об авторе

Абрамова Н. А. – младший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива РАН.

Author information

Abramova N. A. – Junior Researcher, St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences.

СЕМИНАРИУМ ИМЕНИ Н. П. КОНДАКОВА – ЕВРОПЕЙСКИЙ КРЫМОВЕДЧЕСКИЙ ЦЕНТР (20-е годы XX столетия)

Андрей Анатольевич Непомнящий

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь, Россия; Институт истории имени Ш. Марджани АН Республики Татарстан, Казань, Россия, dr.aan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4031-232X>

Аннотация. Историк искусства, специалист в области реставрации архитектурных объектов Н. П. Кондаков эмигрировал в Чехословакию, где вокруг него сложился кружок историков-эмигрантов. Научное сообщество, возникшее из домашнего кружка византиниста Н. П. Кондакова в Праге, называют на византийский манер – Семинариум Кондаковианум (*Seminarium Kondakovianum*). Небольшое по количеству участников ученое содружество оформилось после его смерти в феврале 1925 года при содействии чехословацких властей в зарубежную школу византологов и историков-русистов. В Праге появилось русское учреждение с международным уставом. Изучение переплетений западных и восточных влияний в русской истории стало характерным мотивом русской научной мысли в эмиграции. В этой связи Крым стал во многом интересным объектом для исследований и исторических обобщений членов Семинариума. В научный оборот вводятся материалы архива Семинариума (Института) Кондакова, отложившиеся в Архиве Академии наук Чешской Республики. Используются документы личного фонда Н. П. Кондакова из Литературного архива памятников народной письменности Славянской библиотеки в Праге. Интерес представляют неопубликованные рукописи членов Семинариума, выявленные автором. В работе Семинариума выделено три круга ученых-крымоведов: проживавшие в Праге историки, которые занимались средневековой историей полуострова, историей науки (Н. М. Беляев, Г. В. Вернадский, А. П. Калитинский, Д. А. Расовский, Н. П. Толль); привлеченная Г. В. Вернадским группа историков из СССР, которые присылали для обсуждения свои доклады (Д. В. Айналов, С. А. Жебелёв, Н. В. Измайлова, А. И. Маркевич и др.); русские историки-эмигранты, проживавшие в других странах (М. И. Ростовцев, позже Г. В. Вернадский). Главным организатором Семинариума и научным куратором его работы являлся Г. В. Вернадский. Умелая практика привлечения Г. В. Вернадским к работам в Семинариуме ведущих советских специалистов-крымоведов позволила публиковать в ежегоднике научной организации их работы, расширяя тем самым сферу ученых коммуникаций историков. Были налажены контакты (переписка) с Таврическим обществом истории, археологии и этнографии (Симферополь), Государственным Херсонесским музеем (Севастополь). Истерия, раздутая советскими спецслужбами и партноменклатурой вокруг «дела С. А. Жебелёва», непосредственно связанного с сотрудничеством советских историков и историков в эмиграции, привела к ликвидации этих контактов и прекращению книгообмена. В 1931 году Семинариум был реорганизован в Институт имени Н. П. Кондакова, изменился состав участников, крымоведческий аспект исчез с повесток дня заседаний.

Ключевые слова: *Seminarium Kondakovianum*, Семинариум Кондаковианум, историки в эмиграции, крымоведение, Н. П. Кондаков, Н. М. Беляев, Г. В. Вернадский, А. П. Калитинский

SEMINARIUM KONDAKOVIANUM AS A EUROPEAN CENTRE FOR THE CRIMEAN STUDIES (1920s)

Andrei A. Nepomniashchy

*Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russia;
Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia*

Abstract. An art historian and an expert in architectural objects restoration N. P. Kondakov emigrated to Czechoslovakia where a circle of emigrant historians shaped around him. This scholarly society developing from the Byzantologist N. P. Kondakov's home circle in Prague was titled in Byzantine way, Seminarium Kondakovianum. After his death in February 1925, this small-in-number academic community with support from the Czechoslovak government developed into a foreign school of Byzantologists and Russian historians. Thus, there appeared a Russian institution with international statute in Prague. The study of intertwined western and eastern influences in Russian history became a typical motif of Russian scholarly thought in emigration. In this connection, the Crimea became an interesting object for the researches and historical generalizations by the Seminarium members. The paper introduces into the scholarship the materials from the archive of the Seminarium Kondakovianum (Kondakov Institute) now residing in the Archives of the Czech Academy of Sciences. The analysis attracts the documents from N. P. Kondakov's personal collection at the Literary Archives of Written National Monuments of the Slavonic Library in Prague. There are interesting unpublished manuscripts by the Seminarium members discovered by the author. There were three circles of Crimean researchers determined at the Seminarium's works: historians living in Prague who studied the mediaeval history of the Crimea and the history of research (N. M. Beliaev, G. V. Vernadsky, A. P. Kalitinskii, D. A. Rasovskii, N. P. Toll'); a group of historians from the USSR attracted by G. V. Vernadsky to send their papers for discussion (D. V. Ainalov, S. A. Zhebelev, N. V. Izmailova, A. I. Markevich, and others); Russian emigrant historians living in other countries (M. I. Rostovtsev, alter on G. V. Vernadsky). G. V. Vernadsky was the chief organizer and the academic curator of the Seminarium. G. V. Vernadsky's skillful practice on attraction to the Seminarium of leading Soviet experts in the Crimean studies allowed the annual to publish their works thus enlarging the sphere of the historians' scholarly communications. The contacts (correspondence) with the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnography (Simferopol) and the State Museum of Chersonese (Sevastopol) were established. Hysteria made by the Soviet secret service and Communist party leaders around the "case of S. A. Zhebelev," directly connected with the cooperation of Soviet and emigrant historians, resulted in the cease of the said contacts and book exchange. In 1931, the Seminarium was reshaped into N. P. Kondakov Institute with the change of the participants and the disappearance of the Crimea aspect from the agenda for sessions.

Keywords: Seminarium Kondakovianum, emigrant historians, Crimean studies, N. N. Kondakov, N. M. Beliaev, G. V. Vernadsky, A. P. Kalitinskii

Выдающийся представитель российской исторической науки Никодим Павлович Кондаков (1844–1925) – крупный специалист в области реставрации архитектурных объектов – в 70–90-е гг. XIX столетия руководил в качестве научного консультанта памятникоохранными и реставрационными работами в Крыму (Евпатория, Керчь, Севастополь, Феодосия) [19; 20]. События 1917 г. вынудили ученого оставить Петроград и переехать в собственный особняк в Ялте (достался ему от старшего брата), где

он прожил с 14 октября 1917 по 9 сентября 1918 г. [45, с. 345]. В личном архивном фонде ученого, отложившемся в Литературном архиве памятников народной письменности Славянской библиотеки в Праге, сохранился дневник за этот период¹. Зная о попытках основать в Ялте филиальное отделение Университета Святого Владимира, Н. П. Кондаков рассматривал возможность чтения лекций в этом вузе. Он связывался по этому поводу с представителями киевского университета. Однако вскоре стало понятно, что университет откроют в Симферополе. Дальние перемещения для пожилого ученого были некомфортны², и он стал рассматривать иные варианты устройства своего бытия. Переехав в Одессу, где его хорошо помнили по периоду профессорства в Новороссийском университете (1869–1887), и осознав неизбежность эмиграции, ученый в 1919 г. переехал в Софию. Коллега Н. П. Кондакова по цеху исторического крымоведения, историк-античник и археолог М. И. Ростовцев, находясь тогда в Оксфорде, в отдельной публикации, отдавая дань «загубленным коллегам», упомянул Н. П. Кондакова: «бегут глубокие старики» [37, с. 236].

Вскоре, благодаря контактам среди коллег-эмигрантов, Никодим Павлович получил приглашение на должность сверхштатного профессора Карлова Университета в Праге. При непосредственном участии Президента Чехословацкой Республики Т. Масарика Н. П. Кондаков переехал в Прагу и с осени 1922 г. стал читать лекции в Карловом Университете [39, с. 28–29].

Авторитетный специалист, русский по духу Н. П. Кондаков стал в Праге центром притяжения для коллег-историков, вынужденных покинуть Родину. Ученые, оказавшиеся лишенными привычного круга общения, устоявшегося быта, личных библиотек, а зачастую и средств к существованию, тянулись к метру. Как заметил коллега Никодима Павловича – профессор Карлова Университета, чешский археолог, этнограф и историк-славист Любор Нидерле: «Мы любили Н. П. Кондакова за его золотое русское сердце» [28, с. 1]. Он много делал для организации помощи русским ученым-беженцам, особенно молодежи. Вот почему дом Кондакова в Праге стал своеобразным центром, вокруг которого концентрировались русские ученые, русская молодежь.

Сам метр не прекращал научной деятельности. В его личном архивном фонде, сохранившемся в Праге, отложились рукописные материалы для монографии «Очерки средневекового христианского искусства и культуры»³, книги «Скифо-сарматская культура и искусство»⁴, рабочие материалы и картотека по крымско-татарским архитектурным памятникам⁵. Соратники Никодима Павловича Г. В. Вернадский и А. П. Калитинский вспоминали: «<...> на дому у Н. П. Кондакова образовался как

¹ Literární archive Památníkurodního písemnictví v Praze, Slovanský ústav (Литературный архив памятников народной письменности Славянской библиотеки в Праге). 1 kus, 198/11, 12.

² Literární archive Památníkurodního písemnictví v Praze, Slovanský ústav. 198/11, 12. L. 8–10.

³ Literární archive Památníkurodního písemnictví v Praze, Slovanský ústav. 2/11, 12.

⁴ Literární archive Památníkurodního písemnictví v Praze, Slovanský ústav. 42/11.

⁵ Literární archive Památníkurodního písemnictví v Praze, Slovanský ústav. 14/11.

бы особый семинар *privatissima* – некоторые из тех слушателей его курса или участников семинария постоянно посещали Н. П. Кондакова, вместе или порознь, вновь и вновь поучаясь, в беседах с Никодимом Павловичем. Никодим Павлович всегда охотно раскрывал сокровищницу своего ума, таланта и знания, увлекаясь сам работами и планами работ своими и своих учеников. Для этого ближайшего тесного кружка Никодим Павлович был средоточием духовной жизни, учителем, с которым можно было говорить обо всем, не боясь своего незнания; живую совестью, перед лицом которой нельзя было кривить душою» [11, с. 297].

Научное сообщество русских историков в эмиграции, которое возникло из домашнего кружка русского историка искусства, византиниста Н. П. Кондакова в Праге, принято называть на византийский манер – Семинариум Кондаковианум. Небольшое по количеству участников ученое содружество (кружок при жизни Н. П. Кондакова) оформилось после его смерти в феврале 1925 г. при содействии чехословацких властей в зарубежную школу византологов и историков-русистов – Семинариум имени Н. П. Кондакова (*Seminarium Kondakovianum*). Так в Праге появилось русское учреждение с международным уставом. Особенные черты сообществу придавал интерес к изучению «исторического лика Руси», на котором ясно просматривались черты византийского христианства, и вольная гармония языческого Востока. Изучение переплетений западных и восточных влияний в русской истории стало характерным мотивом русской научной мысли в эмиграции. В этой связи Крым (византийский период его прошлого) стал во многом интересным объектом для исследований и исторических обобщений членов Семинариума.

Общий обзор организации и основных направлений деятельности Кондаковского семинариума (института) представлены в работах западных авторов (Rhineland L. H., 1974 [46], Skálová Z., 1991 [48]), которые первыми начали изучать русские эмигрантские архивы. Пытаясь охватить все стороны деятельности научного союза русских историков в Праге, эти исследователи не обращались к фиксации межличностных коммуникаций, не упоминали крымоведческий аспект деятельности Семинариума. Так же в самых общих чертах деятельность эмигрантского ученого сообщества рассматривал В. Т. Пашуто, который одним из первых советских историков разбирал оставшийся архив этой организации. При всем негативном отношении к эмигрантской историографии В. Т. Пашуто, оценивая культурно-просветительскую, исследовательскую и археографическую деятельность членов Семинариума имени Н. П. Кондакова, признал, что она «отнюдь не была стогнированным участком эмигрантской историографии, ибо довольно долго сохраняла традиции русского византиноведения и антиковедения» [30, с. 44].

Более фундаментальные исследования основных этапов деятельности Семинариума принадлежат С. А. Беляеву [5; 7]. Поздний период истории Семинариума – Института Кондакова, попытки его реорганизации на основе хорошо сохранившейся переписки рассмотрены в исследованиях Е. П. Аксёновой [3] и В. А. Росова [34]. Однако эти публикации относятся к тому периоду деятельности Института,

когда состав его членов поменялся и крымоведческий аспект исчез с повести научных заседаний.

До сегодняшнего дня в научный оборот маловведенным остается архив Семинариума (Института) Кондакова (отдельный фонд), отложившийся в Архиве Академии наук Чешской Республики. В частности, там сохранились неопубликованные рукописи членов Семинариума. Выявленные нами труды, связанные с изучением Крыма, как опубликованные на страницах ежегодника Семинариума, так и сохранившиеся в рукописях, позволили вычленив в научной деятельности учреждения крымоведческое направление и значительно дополнить общий корпус крымоведческой библиографии 20–30-х гг. XX столетия. Заметим, что В. Т. Пашуто составил библиографию трудов русских историков-эмигрантов по истории России до 1861 года, которая была опубликована после его смерти [30, с. 114–190]. Ученый систематизировал только опубликованную часть наследия. Рукописные труды, отложившиеся в фондах Кондаковского института и личном архивном фонде Н. П. Кондакова в Литературном архиве памятников народной письменности в Праге, не были им учтены. Эти материалы, касающиеся крымоведения, были введены в научный оборот в 2015 г. [24].

Говоря о крымоведении в работе Семинариума, мы выделяем три круга ученых: во-первых, проживавшие в Праге историки, которые занимались средневековой историей полуострова, историей науки (Н. М. Беляев, Г. В. Вернадский, А. П. Калитинский, Д. А. Расовский, Н. П. Толль); во-вторых, привлеченная Г. В. Вернадским группа историков из СССР, которые присылали для обсуждения свои доклады (Д. В. Айналов, С. А. Жебелёв, Н. В. Измайлова, А. И. Маркевич и др.); в-третьих, русские историки-эмигранты, проживавшие в других странах (М. И. Ростовцев, позже Г. В. Вернадский). Присланные в Прагу исследования и информационные статьи обсуждались на заседаниях, а затем публиковались на страницах ежегодника Общества.

Семинариум имени Н. П. Кондакова объединил ученых разных уровней и возрастов. Их роднили общая судьба изгнанников и жуткий личный опыт гражданской войны, которые нивелировали имевшиеся различия. Научные собрания начали регулярно проводиться с апреля 1925 г. Ими руководили Г. В. Вернадский и А. П. Калитинский. Заседания прекращались на период июль – сентябрь из-за разъезда большинства участников и вновь возобновлялись с октября. На них заслушивалось два типа сообщений – о ходе научной работы членов Семинариума и обзоры новейшей научной литературы по археологии и византиноведению. За первый год работы состоялось 15 заседаний [11, с. 298]. Сохранившиеся в архивном фонде Института Н. П. Кондакова протоколы заседаний Семинариума малосодержательны. Это только перечень присутствующих (обычно 10–15 участников), упоминания кто и что доложил, кто выступил (иногда без названия доклада). Однако всегда точно указано время заседания. Председательствовали по очереди.

В Кондаковском кружке, прежде всего, выделялся историк Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973). Сын известного ученого-геолога, ректора Тавриче-

ского университета, сам работал в этом вузе в Симферополе на должности профессора. Он также возглавлял отдел печати при Гражданском управлении Крыма в правительстве П. Н. Врангеля. Справедливо опасаясь репрессий большевиков, он в августе 1920 г. выехал в Стамбул. Работал затем в Афинах и позже переехал в Прагу, где получил должность на Русском юридическом факультете Карлова Университета [15, с. 32–37]. Г. В. Вернадский стал главным организатором Семинариума. Им были подготовлены проекты концепции будущей научной институции. При этом, местом пребывания Института ему в большей мере виделись Афины. Три проекта развития будущего Семинария, составленные Г. В. Вернадским, подробно проанализировала М. Ю. Сорокина [40, с. 335–337]. Георгий Владимирович пытался найти и источники финансирования русского эмигрантского научного учреждения, которое виделось ему центральным для научного общения русской ученой гуманитарной эмиграции.

Исследования членов Семинариума Кондакова были ориентированы на Восток. В частности, последователь евразийства (также оформившегося в Праге) Г. В. Вернадский стал автором ряда работ о монголах. Уже в первом томе сборника «*Seminarium Kondakovianum*» (1927 г.) опубликована его статья «Золотая Орда, Египет и Византия, в их взаимоотношениях в царствие Михаила Палеолога». Н. П. Толль выбрал для исследования восточные ткани. Н. М. Беляев, А. А. Васильев и М. И. Ростовцев были захвачены восточными сюжетами.

Г. В. Вернадский поместил на страницах сборника трудов Семинариума две статьи о творчестве видных историков-крымоведов, которых он лично знал. Публикации посвящены 60-летию М. И. Ростовцева [10] и 70-летию А. А. Васильева [9]. Общая информация о жизни и основных моментах творчества этих деятелей переплетается в изложении автора с личными воспоминаниями о совместной работе и дружеском общении.

Историк-византист, искусствовед Николай Михайлович Беляев (1899–1930) в 1916 г. поступил на историко-филологический факультет Петроградского университета. Начавшаяся смута помешала ему завершить образование. Юноша присоединился к Белому движению на Юге России. Он был неоднократно ранен, попадал в плен. В ноябре 1920 г. Н. М. Беляев эвакуировался из Крыма в Стамбул, а затем перебрался в Прагу. В Чехословакии он возобновил учебу на философском факультете Карлова Университета, избрав специализацией византийское искусство (окончил курс в 1927 г.). Н. М. Беляев – один из основателей Семинариума Кондакова, его ученый секретарь [29, с. 255–258]. В третьем томе трудов Семинариума Н. М. Беляев опубликовал пространные «Очерки по византийской археологии». Очевидно, автор предполагал серию публикаций под общим названием, но она не состоялась. В данном случае, рассматривался вопрос о фибулах в Византии. Проанализирована роль этого атрибута одежды как застежки и как украшения, а также значение фибул в военно-походном быту. Переходя на крымский материал, исследователь остановился на истории находки в 1897 году серебряной херсонесской мощехранилища. Анализируется изображение на сохранившемся саркофаге, и на этой основе автор

высказывает предположение, откуда могли везти мощи в Херсонес. Кроме фото мощехранительницы с четырех сторон в статье помещены рисунки разреза гробницы, в которой она была найдена, мраморного саркофага для мощей из Херсонеса (находка 1891 года) и аналогичных памятников, раскопанных в Болгарии, для сравнения [6, с. 131].

В архивном фонде Института имени Н. П. Кондакова нами выявлено несколько неопубликованных работ историка, посвященных характеристике отдельных памятников византийского периода из Крыма, рукописи не датированы. Это отдельное дело с выписками и черновыми заметками о различных археологических памятниках Херсонеса⁶, статьи «Три древнегреческих сосуда из Керчи»⁷ и «Херсонесские реликвии»⁸. Автор проанализировал археологические находки, произведенные Р. Х. Лёпером, информация о которых содержалась в журнале «Известия Императорской Археологической комиссии» и поэтому оказалась доступной. Отдельная статья «Херсонес» представляет собой рукописный текст – общий очерк истории и характеристика византийских памятников⁹. Николай Михайлович, как секретарь Семинариума, вел активную переписку со многими организациями в СССР и Европе, отдельными историками, в частности, он налажил общение с директором Государственного Херсонесского музея К. Э. Гриневицем, благодаря чему начался обмен изданиями [27]. Н. М. Беляев живо интересовался ходом раскопок городища. Его трагическая смерть в автомобильной катастрофе в конце 1930 г. стала тяжелым ударом по Семинариуму.

К истории крымоведения обращался и один из руководителей Семинариума, археолог-искусствовед Александр Петрович Калитинский (1879–1946). Выпускник физико-математического факультета Новороссийского университета служил в 1909–1910 гг. после окончания вуза преподавателем математики и естественной истории в Одесской частной женской гимназии Е. Е. Констан. Однако интерес к древностям Понта Эвксинского брал свое. В мае 1910 г. он был зачислен действительным слушателем в Московский археологический институт по археологическому отделению. В стенах института А. П. Калитинский начал активно заниматься научной деятельностью в области первобытной археологии. Благодаря этому молодой историк был избран на преподавательскую должность в Институте сразу по двум кафедрам – Бытовой и Первобытной археологии, сменив там известного археолога В. А. Городцова. Одновременно он подрабатывал в Московской женской гимназии и Московском городском народном университете имени А. Л. Шанявского. Благодаря жене, известной актрисе М. М. Германовой, А. П. Калитинский в 1917 г. после потери должностей в учебных заведениях из-за их закрытия стал директором частной

⁶ Ústav dějin umění Akademie věd České Republiky (Архив Академии наук Чешской Республики), KI-35, sv. 1, л. 1–3.

⁷ Ústav dějin umění Akademie věd České Republiky, KI-35, sv. 11, л. 1–9.

⁸ Ústav dějin umění Akademie věd České Republiky, KI-33, sv. 10, л. 1–7.

⁹ Ústav dějin umění Akademie věd České Republiky, KI-32, sv. 6, л. 1–15.

Оперы С. И. Зимина и вошел в правление Московского художественного театра. Вместе с труппой семья эмигрировала в Европу. Они осели в Праге, где А. П. Калитинский получил должность в Карловом Университете [34, с. 26–27].

В первом томе трудов Семинария А. П. Калитинский поместил некролог Прасковье Сергеевне Уваровой, которую он хорошо знал, умершей в эмиграции в 1924 г. Автор показал, как из ученицы и ассистента своего супруга, основателя научной археологии в России А. С. Уварова, его супруга выросла в организатора работы Московского археологического общества, выделил подвижническую миссию графини в деле организации, финансирования и проведения всероссийских археологических съездов [16]. Отмечено, что особенную роль для развития крымоведения сыграл VI археологический съезд, проходивший в Одессе (15 августа – 1 сентября 1884 года), большая часть докладов на котором была посвящена изучению, охране и реставрации крымского культурного наследия и архивной реформе [26, с. 581–584]. В опубликованный очерк, к сожалению, не попала часть доклада А. П. Калитинского, где он воссоздал историю совместной работы П. С. Уваровой с Н. П. Кондаковым по сохранению (изучение, консервация, реставрация) памятников Херсонеса Таврического.

Отметим и вступительную статью А. П. Калитинского к переведенной и отредактированной им книге палеонтолога Морица Гернеса (1815–1868) по истории первобытного общества [17], где упоминаются стоянки первобытных людей на Крымском полуострове. А. П. Калитинскому принадлежит и авторство некролога Б. В. Фармаковского, которого он лично знал и вел переписку [18].

А. П. Калитинский, в отличие от Г. В. Вернадского, не имел в Праге серьезного авторитета. Он обладал непривычными для старой профессуры качествами менеджера от науки. Однако коллеги видели в нем выскочку, получившего свое положение благодаря вненаучным факторам. Работа А. П. Калитинского в Семинариуме Кондакова продолжалась до 1930 г. Он очередной раз уехал к жене, проживавшей в Париже, и от внезапного удара там надолго слег в больницу. В Прагу он уже не возвращался.

Благодаря усилиям Г. В. Вернадского и его сестры Нины Владимировны в Прагу приехал и активно начал сотрудничать в Семинариуме археолог и историк Николай Петрович Толль (1894–1985). После окончания гимназии в Нижнем Новгороде, в связи с началом Первой мировой войны и необходимостью отбывать воинскую повинность, юноша прошел ускоренное обучение в Константиновском артиллерийском училище в Петрограде. Он участвовал в боевых действиях на фронте. Оказавшись в эмиграции, Н. П. Толль осел в Праге, где вступил в брак с дочерью В. И. Вернадского Ниной (январь 1926 г.) [41, с. 214, 219].

Не являясь специалистом в области исторического крымоведения, Н. П. Толль не представлял для обсуждения в Семинариуме обширных исследований. Отметим лишь две его публикации историографического характера. Это небольшой некролог историку-византисту Федору Ивановичу Успенскому – «одному из славнейших ученых, создавших русское византиноведение, мировое значение которого ныне не-

сомненно» [42, с. 328]. Автор лишь упомянул роль ученого в руководстве Русским археологическим институтом в Константинополе, но не остановился на занятиях этого учреждения по исследованию Херсонеса. Н. П. Толль также опубликовал небольшую рецензию, скорее анонс (эссе), на переиздание на немецком языке в Берлине в 1931 г. первой части исследования Михаила Ивановича Ростовцева «Скифия и Боспор», содержащей критику источников по проблеме [43].

Итогом активной работы Г. В. Вернадского по привлечению к сотрудничеству в Семинариуме ученых из СССР стали и контакты русских историков, оказавшихся в Праге, с Таврическим обществом истории, археологии и этнографии, которым руководил Арсений Иванович Маркевич (1855–1942). После отъезда из Крыма в ноябре 1920 г. Г. В. Вернадский оставался действительным членом Таврической ученой архивной комиссии (с 1923 г. переименована в Общество). Он активно переписывался с коллегами, живо интересовался научной жизнью на полуострове. Г. В. Вернадскому хотелось, чтобы его симферопольский приятель, который, как он знал из писем, был лишен в то время возможности что-либо опубликовать, смог напечататься в издании, которое распространялось в европейских столицах. Три письма, напечатанных на фирменных бланках Общества, подписанные А. И. Маркевичем, выявлены нами в архиве Семинариума Кондакова в Архиве Чешской академии наук. В первом выпуске сборника Семинария опубликовано сразу две статьи А. И. Маркевича. Обзор «Археологические исследования и раскопки в Крыму» содержит свод данных о нашумевших исследованиях Г. А. Бонч-Осмоловского и Н. Л. Эрнста палеолитических стоянок в горном Крыму. Автор не обошел вниманием разыскания Н. И. Репникова в Байдарской долине и К. Э. Гриневича в Херсонесе. Отдельно выделены результаты крупномасштабной экспедиции по изучению памятников золотоордынской культуры под руководством И. Н. Бороздина и А. С. Башкирова в Старом Крыму. В целом, А. И. Маркевич с удовлетворением заметил, что активно идут работы по «выяснению и полной регистрации памятников древности в Крыму и составлению археологической карты или атласа Крыма» [21, с. 319].

Вторая статья метра крымоведения была посвящена итогам состоявшейся в сентябре 1926 г. Конференции археологов СССР в Керчи (фактически попытка советских ученых возродить традиции всероссийских археологических съездов). А. И. Маркевич был одним из организаторов форума и ему, безусловно, хотелось поделиться информацией об успешном опыте проведения конференции. В досоветское время шла речь о возможности созвать археологический съезд в Крыму, но начавшаяся Первая мировая война разрушила эти планы [25]. Поэтому состоявшаяся конференция с более чем 180 участниками была воплощением чаяний местных историков о привлечении внимания к объектам культурного наследия региона. В небольшой заметке автор был лишен возможности подробно охарактеризовать работу всех секций и дать характеристику основных докладов. В статье перечислены только сообщения, сделанные наиболее значимыми участниками. Обозначены принятые конференцией резолюции [22].

Г. В. Вернадский стал инициатором приезда в Прагу еще одного из членов Таврической ученой архивной комиссии, с которым он имел дружеские отношения в годы жизни в Симферополе, Сергея Николаевича Булгакова (1885–1944). Общение двух незаурядных деятелей эпохи оформилось благодаря совместной работе в Таврическом университете. С. Н. Булгаков посещал собрания Семинариума до лета 1925 г., когда переехал в Париж.

Работавший в 20-е годы в Эрмитаже историк искусства Дмитрий Власьевич Айналов (1862–1939) был хорошо знаком Г. В. Вернадскому по совместному преподаванию на историко-филологическом факультете Таврического университета в 1918–1920-х гг. Д. В. Айналов служил в 1918–1921 гг. профессором кафедры истории и теории искусств. Совместно с профессором А. Н. Деревницким он занимался разработкой учебной программы по мусульманскому искусству для специальности «Востоковедение» [23, с. 693–694]. Георгий Владимирович пригласил коллегу к участию в сборнике статей Семинариума. Д. В. Айналов предложил к публикации небольшую заметку о мраморе, хранящемся в Херсонесском историко-археологическом музее. Историк отметил, что этот мрамор, найденный в 1898 году у древней оборонительной стены, не стал объектом изучения, а между тем «обломок группы представляет крайне редкий и наиболее ранний экземпляр древнехристианской храмовой скульптуры, о которой доселе можно скорее догадываться, чем положительно утверждать о ее существовании» [2, с. 187]. Несмотря на плохую сохранность памятника, по отдельным его сохранившимся фрагментам автор доказал, что остатки мрамора, это группа жертвоприношения Исаака – сюжет, довольно часто встречающийся на раннехристианских саркофагах. Приведены сравнительные описания аналогичных композиций в мраморе из европейских музеев, показаны особенности херсонесской группы. Во втором томе Д. В. Айналов разместил обстоятельный обзор творчества Н. П. Кондакова в области истории искусства и методологии реставрации объектов культурного наследия [1]. Однако, участие в эмигрантском ежегоднике повысило интерес советских карательных структур к личности ученого. Спустя некоторое время его репрессировали. Тогда-то историку напомнили и профессорство в Белом Крыму, и статьи из эмигрантского издания, опубликованные в Праге.

Историк, археолог Дмитрий Александрович Расовский (1902–1941) получил образование в Карловом Университете, где он защитил магистерскую диссертацию. В сборнике трудов Семинариума он поместил несколько содержательных публикаций. Это достаточно пространное исследование о происхождении «Codex Sinaiticus», где приведена наиболее полная для того времени библиография изучения текста [31]. Историк отметил, что памятник неоднократно подвергался анализу с точки зрения лингвистических особенностей. Он же попытался обозначить место происхождения документа и разобрать его «со стороны историко-культурной». Автор справедливо поделил текст на языковой справочник и сборник религиозных текстов. Он подробно рассказал про кумано-кыпчаков, их расселение и зарождение государственности. Д. А. Расовский с первых строк, го-

вора про язык текста, определяет его как куманский (половецкий). Кумано-кыпчакская гегемония охватывала и большую часть Крыма. Как и в других областях, их интересы в Крыму были преимущественно коммерческими. В дочингизидский период они собирали дань с крымских городов. Судак, древний торговый центр, воспринимался Ибн аль-Асиром (начало XIII в.) как «город кыпчаков». На основе текста документа исследователь подробно охарактеризовал состояние торговли средневекового Крыма. В рецензии на публикацию Д. А. Расовского профессор философского факультета Карлова Университета, филолог-востоковед Ян Рыпка (1886–1968) отметил, что исследование имеет важнейшее значение для изучения кыпчакских и огузских говоров. Современников приятно поразили глубокое знание автором истории вопроса о происхождении «Codex Cumanicus» и приведенная в статье библиография использования текста (его цитирования) в европейской историографии XIX – начала XX в. [47].

Находясь в эмиграции, Д. А. Расовский вступил в переписку с сотрудником Исторического музея в Москве, крымоведом Алексеем Васильевичем Орешниковым, с которым консультировался по различным аспектам средневековья. А. В. Орешников информировал молодого коллегу об интересовавших его материалах из фондов музея. Участие московского историка в консультациях отражено в небольшом некрологе А. В. Орешникову, опубликованном Д. А. Расовским в 1933 г. [32]. Еще одной работой, связанной с крымоведением, стала рецензия Д. А. Расовского на книгу М. И. Артамонова по истории хазар, вышедшую в 1936 г. Имевший к этому времени уже серьезные научные наработки по истории половцев, печенегов, торков, автор рецензии положительно оценил работу советского ученого [33].

Крупный русский историк Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952) принимал непосредственное участие в создании Семинариума (позже – Института) имени Н. П. Кондакова. Он организовал при нем Российско-американский комитет, членом которого состоял [8, с. 36]. Находившийся с 1920 г. в эмиграции в США, М. И. Ростовцев (в 1920–1925 гг. преподавал в Висконсинском университете Мэдисона, с 1925 г. – в Йеле) поддерживал активную научную связь с Семинариумом. Уже в первом томе трудов пражского эмигрантского центра историков М. И. Ростовцев опубликовал статью «Бог-всадник на Юге России, в Индо-Скифии и в Китае». Статья посвящена С. А. Жебелёву: «Узы дружбы и общность интересов продолжают соединять нас и через океан» [35, с. 141]. Она повторяет опубликованный им ранее материал [36]. Автор доказал на основе ряда новооткрытых памятников из разных районов Евразии, что на золотых и серебряных вещах из скифских курганов IV–III вв. до н.э. изображалась божественность царской власти. Анализируется художественный стиль и особенности изображения разных сословных групп. М. И. Ростовцев продемонстрировал, что Юг России (Крым и часть Кавказа) одинаково близки как к Европе, так и к азиатской культуре. В этой связи оценить культурное наследие региона возможно лишь досконально зная историю культуры и восточной, и западной цивилизаций.

Интересна публикация на страницах трудов Семинариума небольшой статьи М. И. Ростовцева «Скифский роман». В прамбуле к статье сквозил политический оттенок: «Сборник в память Якова Ивановича Смирнова! Больно думать, что, не будь происшедшего «переворота» и всего с этим «переворотом» связанного: голода, отчаяния, разочарования в настоящем и будущем, Яков Иванович был бы еще с нами и мы писали бы статьи в его честь, а не в его память» [38, с. 135]. Автор обобщил греческую традицию о древней Скифии, где, как он правильно заметил, переплетаются географические, этнографические наблюдения, а правдивые факты из преданий перемешаны со сказочными сюжетами или сценами из романов. Разбирая занимательные полусторические анекдоты (греческие «романы»), которые появились в эллинистический период, М. И. Ростовцев выделил общие тенденции повествования. Он поместил перевод выявленных остатков одного из «романов», где фигурируют боспорские цари Левканор и его приемник Евбиот, навеянные историческими Левконом и Евмелом. Автором проведены аналогии с похожими по сюжету сочинениями Лукиана, высказаны предположения по содержанию утерянных фрагментов.

Достаточно трагично сложился опыт сотрудничества с Семинариумом историка античности и филолога-классика Сергея Александровича Жебелёва (1867–1941). Он поддерживал научные контакты с коллегами в эмиграции изначально. Уже в первом томе трудов Семинариума Кондакова была напечатана его статья «Оронта: к вопросу о возникновении типа». Автор получил из Праги не только сборник, но и оттиски статьи, которые разослал специалистам по разным городам. Один из экземпляров оттиска с дарственной надписью С. А. Жебелёва достался профессору Крымского госуниверситета имени М. В. Фрунзе Алексею Николаевичу Деревницкому. Он сохранился в отдельной коллекции деятеля в Музее истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского¹⁰. Во втором томе сборника статей Семинариума С. А. Жебелёв опубликовал некролог коллеге, историку византийского искусства Якову Ивановичу Смирнову (1869–1918), в связи с десятилетием его смерти. Собственно, весь сборник был посвящен Я. И. Смирнову. В нем участвовали 14 советских ученых, в том числе и некоторые академики. С. А. Жебелёв заметил, что Я. И. Смирнов скончался, «когда у нас началось лихолетье» (речь про 1918 год). Отмечалось, что Я. И. Смирнов – блестящий ученик Н. П. Кондакова (эмигранта), приведены характеристики ученого, данные «общим нашим с Я. И. Смирновым другом» М. И. Ростовцевым (эмигрантом) [12]. После выхода сборника академик С. А. Жебелёв в СССР подвергся жесточайшей травле [44]. Участие советских ученых в работе Семинариума становилось для них опасным.

Еще один пример последствий для советского исследователя публикации на страницах издания Семинариума – судьба археолога Н. В. Измайловой. Работавшая с 1919 г. в Государственной академии истории материальной культуры и Государственном Эрмитаже искусствовед, археолог Наталия Васильевна Измайлова

¹⁰ Музей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, фонды, КП. 984.

(1890–1942) поместила в первом выпуске сборника статей Семинария описания византийской капители из Херсонесского археологического музея [14]. Об этой ученой-крымоведе, погибшей в блокадном Ленинграде, известно немного. Выпускница Женского педагогического института в Санкт-Петербурге по историческому отделению (1912 г.), она продолжила обучение в Сорбонне. Оттуда вернулась в мае 1914 г. для сдачи экзаменов за курс университета. Диплом получен ею в 1915 г. Работала сестрой милосердия на фронтах Первой мировой и в приютах для беженцев в Петрограде. Перспективный археолог – Н. В. Измайлова стала автором ряда исследований о состоянии раскопок в Херсонесе, которые сохранились в рукописном виде¹¹. Статья, опубликованная ею в Праге, дублирует текст, напечатанный два года ранее в появившемся в единичных экземплярах машинописном сборнике, изданном в честь С. А. Жебелёва [13]. В ходе психоза, раздутого из-за «дела Жебелёва», Измайлову уволили сначала из ГАИМК, а в следующем году из Государственного Эрмитажа. После недолгой работы в библиотеке консерватории Наталия Васильевна с трудом смогла найти место библиотекаря в Трамвайно-троллейбусном управлении, где и служила в дальнейшем [4].

Бывший Кондаковский кружок жил довольно замкнуто. Русская эмигрантская община в Праге относилась к Семинарию настороженно. Скорее, недоброжелательно. Соотечественников отпугивали слухи о связях ряда ученых с ГПУ. Подозрительность, а во многом зависть коллег по цеху, чья деятельность не имела значительного резонанса, необходимость постоянно решать многие финансовые трудности, отравляли атмосферу не только вокруг, но и в самом Семинарии [40, с. 340].

Неуютно в Чехословакии чувствовал себя и главный организатор этого ученого сообщества Г. В. Вернадский. Он не имел присуждаемой университетом докторской степени, что делало в Праге его профессиональный статус, в условиях конкуренции и большого предложения русских ученых на рынке труда, несколько сомнительным. Краткое экстраординарное профессорство Георгия Владимировича в Перми в расчет не бралось, а статус профессора Таврического университета в 1918–1920 гг. ставился под сомнением в связи с условиями создания и деятельности этого вуза на осколках империи и при разных властях. В этой ситуации ученый пытался защитить на юридическом факультете Карлова Университета в качестве докторской диссертации одну из опубликованных им книг. Однако эта попытка вызвала жесткое неприятие его отца [40, с. 340].

Неудачи в реализации проектов Г. В. Вернадского по преданию Семинарию более значимого статуса, недоброжелательная атмосфера в среде коллег вынудили его принять предложение из США. В августе 1927 г. он уехал в Америку – первым покинул Семинаrium. Однако до 1935 г. Г. В. Вернадский официально оставался председателем Семинария, сохранял научные и дружеские контакты с пражски-

¹¹ Институт истории материальной культуры РАН, научный архив, рукописный отдел, ф. 2, (1923 г.), д. 103, л. 1, 6–8 об., 9–12 об.

ми коллегами. В архиве научной организации сохранилась обширная переписка Георгия Владимировича. Но коллеги восприняли его отъезд как измену общему делу.

В конце 20-х годов страны Европы охватил мировой экономический кризис. Эмигрантские организации, находившиеся на протяжении десятилетия в довольно благополучных финансовых условиях, благодаря проводившейся Чехословакией «Русской акции», стали угасать из-за прекращения финансирования. Государственная программа помощи русским беженцам сворачивалась. Уже широко известный в научном мире Семинариум имени Кондакова также оказался в бедственном положении. В 1929 г. появился проект преобразования Семинариума в Археологический институт имени Н. П. Кондакова как структуру Музея Н. Рериха в Нью-Йорке.

Таким образом, в Праге на протяжении второй половины 20-х годов XX века сложился и развивал научную деятельность небольшой коллектив историков, занимавшихся изучением памятников византийского Крыма, историей крымоведения (Н. М. Беляев, А. П. Калитинский, Д. А. Расовский, Н. П. Толль). Организатором Семинариума и научным куратором его работы являлся Г. В. Вернадский. Умелая практика привлечения Г. В. Вернадским к работам в Семинариуме ведущих советских специалистов-крымоведов (Д. В. Айналов, С. А. Жебелёв, Н. В. Измайлова, А. И. Маркевич) позволила публиковать в ежегоднике научной организации их работы, расширяя тем самым сферу ученых коммуникаций историков. Активно сотрудничали с Семинариумом имени Н. П. Кондакова и русские историки-эмигранты из иных стран (М. И. Ростовцев, сам Г. В. Вернадский после переезда в США). В 1931 г. Семинариум был реорганизован в Институт имени Н. П. Кондакова. Предметом изучения стали исключительно иконы и раннехристианские тексты, проводились экспедиции в Печоры и на греческий Афон.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айналов Д.В. Академик Н.П. Кондаков, как историк искусства и методолог // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием им. Н.П. Кондакова = *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1928. Т. 2. С. 311–321.
2. Айналов Д.В. Мраморная группа жертвоприношения Исаака // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова = *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1927. Т. 1. С. 187–190.
3. Аксенова Е.П. Институт им. Н.П. Кондакова: попытки реанимации: по материалам архива А.В. Флоровского // *Славяноведение*. 1993. № 4. С. 63–74.
4. Башурова О.А. Измайлова Наталия Васильевна // *Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: биографический словарь*. Т. 3: Государственная Публичная библиотека в Ленинграде – Государственная Публичная библиотека имени М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1931–1945 / Ред. Л.А. Шилов. СПб., 2003. С. 249–250.
5. Беляев С.А. Из истории становления Семинария имени академика Н.П. Кондакова // *Русская эмиграция в Европе, 20-е–30-е годы XX века* / Ред. Л.В. Пономарева. М., 1996. С. 3–34.
6. Беляев Н.М. Очерки по византийской археологии // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова = *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1929. Т. 3. С. 49–132.
7. Беляев С.А. Семинарий имени академика Н.П. Кондакова – неотъемлемая часть русской национальной культуры // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. М., 2000. № 1. С. 95–105.
8. Бонгард-Левин Г.М. Архивы США и Европы // *Скифский роман* / Ред. Г.М. Бонгард-Левин. М.: РОССПЭН, 1997. С. 35–39.
9. Вернадский Г.А. А. Васильев: к семидесятилетию его, (родился 22 сентября 1867 года) // *Анналы Института имени Н.П. Кондакова = Annales de L'Institut Kondakov (Seminarium Kondakovianum)*. Прага, 1938. Т. 10. С. 1–11.
10. Вернадский Г.В. М.И. Ростовцев: к шестидесятилетию его // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова = *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1931. Т. 4. С. 239–252.
11. Вернадский Г.В., Калитинский А.П. Отчет о работе Семинария имени Н.П. Кондакова в Праге за первый год его существования (по 17 февраля 1926 года) // Сборник статей, посвященный памяти академика Н.П. Кондакова: Археология, история искусства, византиноведение. Прага, 1926. С. 296–301.
12. Жебелёв С.А. Яков Иванович Смирнов // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием им. Н.П. Кондакова = *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1928. Т. 2. С. 1–16.
13. Измайлова Н. Византийская капитель в Херсонесском музее // Сборник в честь Сергея Александровича Жебелёва. [Б. м.], 1926. С. 513–523.
14. Измайлова Н. Византийская капитель в Херсонесском музее // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1927. Т. 1. С. 121–125.
15. История Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского в документах и фотографиях / Авт.-сост. А.А. Непомнящий, А.С. Кравчук. Белгород: Константа, 2018. 352 с.
16. Калитинский А. Графиня Прасковья Сергеевна Уварова // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1927. Т. 1. С. 303–306.
17. Калитинский А.П. От редакции // Гернес М. История первобытного человека / Перераб. Ф. Бен; пер., ред. А.П. Калитинский. Берлин; Рига: Наука и жизнь, 1923. С. 4.
18. [Калитинский А.П.] Б.В. Фармаковский // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова = *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1929. Т. 3. С. 283–284. Изд. под псевд.: А.К.
19. Кондаков Н.П. Дворец в имении «Дюльбер» на Южном берегу Крыма // *Искусство и художественная промышленность*. 1899. № 9/10. С. 731–734.

20. Кондаков Н.П. О Бахчисарайском дворце и его реставрации // Искусство и художественная промышленность. 1899. № 6. С. 435–452.
21. Маркевич А.И. Археологические исследования и раскопки в Крыму в 1923–6 годах // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова = *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1927. Т. 1. С. 318–319.
22. Маркевич А.И. Керченская конференция археологов // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова = *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1927. Т. 1. С. 319–321.
23. Непомнящий А.А. Восточный факультет Крымского госуниверситета им. М.В. Фрунзе: неизвестные страницы истории вуза // МАИЭТ. 2020. Вып. XXV. С. 691–703.
24. Непомнящий А.А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). Симферополь: Антиква, 2015. 936 с.
25. Непомнящий А.А. Керченская археологическая конференция по воспоминаниям участников: крымоведческие коммуникации первого советского десятилетия // Боспорские исследования. 2019. Вып. XXXIX. С. 404–423.
26. Непомнящий А.А. Крымоведческие исследования на всероссийских археологических съездах (вторая половина XIX – начало XX века) // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 579–590.
27. Непомнящий А.А. «Я собираюсь приват-доцентствовать в Таврическом университете»: К.Э. Гриневич в Крыму (1919–1921) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Исторические науки. 2017. Т. 3(69), № 2. С. 111–122.
28. Нидерле Л. Предисловие // Кондаков Н.П. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929. С. 1–3.
29. Острогорский Г.А. Николай Михайлович Беляев // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова = *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1931. Т. 4. С. 253–260.
30. Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1992. 400 с.
31. Расовский Д.А. К вопросу о происхождении *Codex Cumanicus* // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова = *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1929. Т. 3. С. 193–214.
32. [Расовский Д.А.] Памяти А.В. Орешникова // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом им. Н.П. Кондакова = *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1933. Т. 6. С. 238. Изд. под псевд.: Д.Р.
33. Расовский Д.[А.] [Рецензия] // *Анналы Института имени Н.П. Кондакова = Annales de l'Institut Kondakov (Seminarium Kondakovianum)*. Белград, 1940. Т. 11. С. 292–294. Рец. на кн.: Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. М.: Соцэкгиз, 1936. 136 с.
34. Росов В.А. Семинариум Кондаковианум: хроника реорганизации в письмах, 1929–1932. СПб., 1999. 168 с.
35. Ростовцев М.И. Бог-всадник на Юге России, в Индо-Скифии и в Китае: посвящается С.А. Жебелёву // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова = *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1927. Т. 1. С. 141–146.
36. Ростовцев М.И. Иранский конный бог на Юге России // Сборник в честь Сергея Александровича Жебелёва. [Б. м.], 1926. С. 533–545.
37. Ростовцев М. Памяти загубленных друзей и коллег // *Современные записки = Annales Contemporaines*. 1920. Вып. 2. С. 235–241.
38. Ростовцев М.И. «Скифский» роман // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием им. Н.П. Кондакова = *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1928. Т. 2. С. 135–138.
39. Ростовцев М.И. Странички воспоминаний // Никодим Павлович Кондаков, 1844–1924: к 80-летию со дня рождения. Прага: Пламя, 1924. С. 23–29.
40. Сорокина М.Ю. Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» // *Российская научная эмиграция: двадцать портретов*. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 330–347.

41. Сорокина М.Ю., Стоюхина Н.Ю. К биографии историка Николая Петровича Толля (1894–1985): новые архивные данные // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2013. М., 2014. С. 209–220.
42. Толль Н.П. Академик Федор Иванович Успенский // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием им. Н.П. Кондакова = *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1928. Т. 2. С. 328.
43. [Толль Н.П.] [Рецензия] // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием им. Н.П. Кондакова = *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1932. Т. 5. С. 329. Изд. под псевд.: Н.Т. Рец. на кн.: Rostovtzev M. *Skythien und der Bosphorus*. Bd. 1: *Kritische Übersicht der schriftlichen und archäologischen Quellen*. Berlin, 1931. XI, 651 s.
44. Тункина И.В. «Дело» академика Жебелёва // Древний мир и мы: классическое наследие в Европе и России. СПб.: Алетейя, 2000. С. 116–161.
45. Шаманаев А.В. «Наш дом очутился в зоне военных действий»: Н.П. Кондаков о жизни Ялты зимой 1917/18 года // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2016. С. 343–351.
46. Rhineland L.H. Exiled Russian Scholars in Prague: the Kondakov Seminar and Institute // *Canadian Slavonic Papers*. 1974. Vol. 16, No. 3. P. 331–352.
47. Rupka J. [Рецензия] // *Archiv orientální*. 1933. Vol. 5. S. 78–84. Рец. на: Расовский Д.А. К вопросу о происхождении Codex Cumanicus // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова = *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1929. Т. 3. С. 193–214.
48. Skálová Z. Das Prager Seminarium Kondakovianum, später das Archäologische Kondakov-Institut und sein Archiv (1925–1952) // *Slavica Gandensia*. 1991. No. 18. S. 21–29.

REFERENCES

1. Ainalov D.V. Academician N.P. Kondakov, as an art historian and methodologist. *Seminarium Kondakovianum* [Collection of articles on archeology and Byzantine studies, published by the Seminary named after N.P. Kondakov], Praga, 1928, vol. 2, pp. 311–321.
2. Ainalov D.V. Isaac Marble Sacrifice Group. *Seminarium Kondakovianum* [Collection of articles on archeology and Byzantine studies, published by the Seminary named after N.P. Kondakov], Praga, 1927, vol. 1, pp. 187–190.
3. Aksenova E.P. N.P. Kondakov Institute: attempts at resuscitation: based on the materials of the archive of A.V. Florovsky. *Slavianovedenie* [Slavic Studies], 1993, no. 4, pp. 63–74.
4. Bashurova O.A. Izmailova Natalia Vasilievna. *Sotrudniki Rossiiskoi natsional'noi biblioteki – deiateli nauki i kul'tury: biograficheskii slovar'* [Employees of the Russian National Library – figures of science and culture: biographical dictionary], St.-Petersburg, 2003, vol. 3, pp. 249–250.
5. Beliaev S.A. From the history of the formation of the Seminary named after academician N.P. Kondakov. *Russkaia emigratsiia v Evrope, 20-e–30-e gody XX veka* [Russian emigration in Europe, 1920s–1930s], Moscow, 1996, pp. 3–34.
6. Beliaev N.M. Essays on Byzantine archeology. *Seminarium Kondakovianum* [Collection of articles on archeology and Byzantine studies, published by the Seminary named after N.P. Kondakov], Praga, 1929, vol. 3, pp. 49–132.
7. Beliaev S.A. Academician N.P. Kondakov Seminaries – an integral part of Russian national culture. *Drevniaia Rus': voprosy medievistiki* [Ancient Russia: Questions of Medieval Studies], Moscow, 2000, no. 1, pp. 95–105.
8. Bongard-Levin G.M. Archives of the USA and Europe. *Skifskii roman* [Scythian novel], Moscow, Rosspen Publ., 1997, pp. 35–39.
9. Vernadskii G.A. A.A. Vasiliev: to his seventies, (born September 22, 1867). *Annales de l'Institut Kondakov* (*Seminarium Kondakovianum*), Praga, 1938, vol. 10, pp. 1–11.

10. Vernadskii G.V. M.I. Rostovtsev: by his sixtieth birthday. *Seminarium Kondakovianum* [Collection of articles on archeology and Byzantine studies, published by the Seminary named after N.P. Kondakov], Praga, 1931, vol. 4, pp. 239–252.
11. Vernadskii G.V., Kalitinskii A.P. Report on the work of the N.P. Kondakov Seminary in Prague for the first year of its existence (until February 17, 1926). *Seminarium Kondakovianum* [Collection of articles on archeology and Byzantine studies, published by the Seminary named after N.P. Kondakov], Praga, 1926, pp. 296–301.
12. Zhebelev S.A. Yakov Ivanovich Smirnov. *Seminarium Kondakovianum* [Collection of articles on archeology and Byzantine studies, published by the Seminary named after N.P. Kondakov], Praga, 1928, vol. 2, pp. 1–16.
13. Izmailova N. Byzantine capital in the Museum of Chersonesos. *Sbornik v chest' Sergeia Aleksandrovicha Zhebeleva* [Collection in honor of Sergei Alexandrovich Zhebelev], 1926, pp. 513–523.
14. Izmailova N. Byzantine capital in the Museum of Chersonesos. *Seminarium Kondakovianum* [Collection of articles on archeology and Byzantine studies, published by the Seminary named after N.P. Kondakov], Praga, 1927, vol. 1, pp. 121–125.
15. *Istoriia Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo v dokumentakh i fotografiakh* [History of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University in documents and photographs]. Belgorod, Konstanta Publ., 2018, 352 p.
16. Kalitinskii A. Countess Praskovya Sergeevna Uvarova. *Seminarium Kondakovianum* [Collection of articles on archeology and Byzantine studies, published by the Seminary named after N.P. Kondakov], Praga, 1927, vol. 1, pp. 303–306.
17. Kalitinskii A.P. From the editorial office. Gernes M. *Istoriia pervobytnogo cheloveka* [The history of primitive man], Berlin, Riga, Nauka i zhizn' Publ., 1923, p. 4.
18. [Kalitinskii A.P.] B.V. Farmakovskiy. *Seminarium Kondakovianum* [Collection of articles on archeology and Byzantine studies, published by the Seminary named after N.P. Kondakov], Praga, 1929, vol. 3, pp. 283–284.
19. Kondakov N.P. Palace on the estate “Dulber” on the southern coast of Crimea. *Iskusstvo i khudozhestvennaia promyshlennost'* [Art and the art industry], 1899, no. 9/10, pp. 731–734.
20. Kondakov N.P. About the Bakhchisarai Palace and its restoration. *Iskusstvo i khudozhestvennaia promyshlennost'* [Art and the art industry], 1899, no. 6, pp. 435–452.
21. Markevich A.I. Archaeological research and excavations in Crimea in 1923–1926. *Seminarium Kondakovianum* [Collection of articles on archeology and Byzantine studies, published by the Seminary named after N.P. Kondakov], Praga, 1927, vol. 1, pp. 318–319.
22. Markevich A.I. Kerch Conference of Archaeologists. *Seminarium Kondakovianum* [Collection of articles on archeology and Byzantine studies, published by the Seminary named after N.P. Kondakov], Praga, 1927, vol. 1, pp. 319–321.
23. Nepomniashchy A.A. Eastern Faculty of the M.V. Frunze Crimean State University: unknown pages of the history of the university. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archeology, history and ethnography of Tauria], 2020, vol. 25, pp. 691–703.
24. Nepomniashchy A.A. *Istoriia i etnografiia narodov Kryma: bibliografiia i arkhivy (1921–1945)* [History and ethnography of the peoples of Crimea: bibliography and archives (1921–1945)]. Simferopol, Antikva Publ., 2015, 936 p.
25. Nepomniashchy A.A. Kerch Archaeological Conference on the Memoirs of Participants: Crimean Studies Communications of the First Soviet Decade. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporus Studies], 2019, vol. 39, pp. 404–423.
26. Nepomniashchy A.A. Crimean studies at all-Russian archaeological congresses (second half of the 19th – beginning of the 20th century). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archeology, history and ethnography of Tauria], 2002, vol. 9, pp. 579–590.
27. Nepomniashchy A.A. “I am going to work as a privat-docent at the University of Tauride”: K.E. Grinevich in Crimea (1919–1921). *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I.*

- Vernadskogo. Istoricheskie nauki* [Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical sciences], 2017, vol. 3 (69), no. 2, pp. 111–122.
28. Niderle L. Preface. Kondakov N.P. *Ocherki i zametki po istorii srednevekovogo iskusstva i kul'tury* [Essays and notes on the history of medieval art and culture], Praga, 1929, pp. 1–3.
 29. Ostrogorskii G.A. Nikolai Mikhailovich Belyaev. *Seminarium Kondakovianum* [Collection of articles on archeology and Byzantine studies, published by the Seminary named after N.P. Kondakov], Praga, 1931, vol. 4, pp. 253–260.
 30. Pashuto V.T. *Russkie istoriki-emigranty v Evrope* [Russian emigrant historians in Europe]. Moscow, Nauka Publ., 1992, 400 p.
 31. Rasovskii D.A. On the origin of Codex Cumanicus. *Seminarium Kondakovianum* [Collection of articles on archeology and Byzantine studies, published by the Seminary named after N.P. Kondakov], Praga, 1929, vol. 3, pp. 193–214.
 32. [Rasovskii D.A.] In memory of A.V. Oreshnikov. *Seminarium Kondakovianum* [Collection of articles on archeology and Byzantine studies, published by the Seminary named after N.P. Kondakov], Praga, 1933, vol. 6, pp. 238.
 33. Rasovskii D.[A.] Review. *Annales de l'Institut Kondakov (Seminarium Kondakovianum)*, Belgrad, 1940, vol. 11, pp. 292–294.
 34. Rosov V.A. *Seminarium Kondakovianum: khronika reorganizatsii v pis'makh, 1929–1932* [Seminarium Kondakovianum: chronicle of reorganization in letters, 1929–1932]. St.-Petersburg, 1999, 168 p.
 35. Rostovtsev M.I. Horseman God in the South of Russia, in Indo-Scythia and in China: dedicated to S.A. Zhebelev. *Seminarium Kondakovianum* [Collection of articles on archeology and Byzantine studies, published by the Seminary named after N.P. Kondakov], Praga, 1927, vol. 1, pp. 141–146.
 36. Rostovtsev M.I. Iranian horse god in the South of Russia. *Sbornik v chest' Sergeia Aleksandrovicha Zhebeleva* [Collection in honor of Sergei Alexandrovich Zhebelev], 1926, pp. 533–545.
 37. Rostovtsev M. Memory of fallen friends and colleagues. *Sovremennye zapiski = Annales Contemporaines* [Modern notes], 1920, vol. 2, pp. 235–241.
 38. Rostovtsev M.I. «Scythian» novel. *Seminarium Kondakovianum* [Collection of articles on archeology and Byzantine studies, published by the Seminary named after N.P. Kondakov], Praga, 1928, vol. 2, pp. 135–138.
 39. Rostovtsev M.I. Pages of memories. *Nikodim Pavlovich Kondakov, 1844–1924: k 80-letiiu so dnia rozhdeniia* [Nikodim Pavlovich Kondakov, 1844–1924: to the 80th anniversary of birth], Praga, Plamia Publ., 1924, pp. 23–29.
 40. Sorokina M.Iu. George Vernadsky in search of a «Russian idea». *Rossiiskaia nauchnaia emigratsiia: dvadtsat' portretov* [Russian scientific emigration: twenty portraits], Moscow, Editorial URSS Publ., 2001, pp. 330–347.
 41. Sorokina M.Iu., Stoiukhina N.Iu. To the biography of historian Nikolai Petrovich Toll (1894–1985): new archival data. *Ezhгодnik Doma russkogo zarubezh'ia im. Aleksandra Solzhenitsyna* [Yearbook of the House of Russian Abroad named after Alexander Solzhenitsyn], 2013, Moscow, 2014, pp. 209–220.
 42. Toll' N.P. Academician Fedor Ivanovich Uspensky. *Seminarium Kondakovianum* [Collection of articles on archeology and Byzantine studies, published by the Seminary named after N.P. Kondakov], Praga, 1928, vol. 2, pp. 328.
 43. [Toll' N.P.] Review. *Seminarium Kondakovianum* [Collection of articles on archeology and Byzantine studies, published by the Seminary named after N.P. Kondakov], Praga, 1932, vol. 5, p. 329.
 44. Tunkina I.V. “Affairs” by Academician Zhebelev. *Drevnii mir i my: klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii* [The ancient world and we: the classical heritage in Europe and Russia], St.-Petersburg, Aleteia Publ., 2000, pp. 116–161.
 45. Shamaev A.V. “Our house was in the war zone”: N.P. Kondakov about the life of Yalta in the winter of 1917/18. *1917 god v Rossii: sotsialisticheskaiia idea, revoliutsionnaia mifologiya i praktika* [1917 in Russia: socialist idea, revolutionary mythology and practice], Ekaterinburg, 2016, pp. 343–351.

46. Rhineland L.H. Exiled Russian Scholars in Prague: the Kondakov Seminar and Institute. *Canadian Slavonic Papers*, 1974, vol. 16, no. 3, pp. 331–352.
47. Rupka J. Review. *Archiv orientální*, 1933, vol. 5, pp. 78–84.
48. Skálová Z. Das Prager Seminarium Kondakovianum, später das Archäologische Kondakov-Institut und sein Archiv (1925–1952). *Slavica Gandensia*, 1991, no. 18, pp. 21–29.

Информация об авторе

Непомнящий А. А. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова; ведущий научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, Researcher ID: A-4928-2019.

Author information

Nepomniashchy A. A. – Doctor of Science (History), Professor of the Department of History of the Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University; Leading Researcher at the Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Researcher ID: A-4928-2019.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ КРЫМСКИХ КАРАИМОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Дмитрий Анатольевич Прохоров

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
prohorovlda@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9162-4705>

Аннотация. Внимание исследователей к прошлому крымских караимов вызвано тем, что указанная проблематика, несмотря на значительную отечественную и зарубежную историографию, комплексно никогда не рассматривалась. Обращение к истории караимов имеет выраженную научную значимость, поскольку до сих пор она является не только предметом научных дискуссий, но зачастую сопровождается малонаучными спекуляциями и полемикой. При этом освещение ряда сюжетов и эпизодов прошлого караимов носит ангажированный характер и сопровождается сознательным искажением многих исторических фактов и событий. Речь идет прежде всего о таких вопросах, как этногенез караимов, время появления их в Крыму, догматические принципы и особенности караимской религии, специфика просветительских, культурных и экономических контактов с мусульманским населением, а также с общинами евреев – приверженцами раввинистического иудаизма. Несмотря на очевидные достижения российских и зарубежных ориенталистов, вне поля их зрения остались многие проблемы, связанные с историей караимов. В ряде публикаций содержатся устаревшие, с точки зрения современной науки, исторические и этнологические положения. Еще в дореволюционной историографии получила развитие проблема этногенеза караимов и их появления в Северном Причерноморье, в итоге приведшая к появлению нескольких, с различной степенью аргументации, научных теорий этногенеза караимов (А. Я. Гаркави, В. В. Григорьев, И. И. Казас, В. Д. Смирнов, Д. А. Хвольсон, С. М. Шапшал и др.). Эта дискуссия, наряду с юридическими коллизиями в отношении правового статуса караимов и евреев-раввинистов, в немалой степени способствовала размежеванию крымских иудейских общин и в итоге привела к процессу деиудайзации караимов, утрате ими этнической и конфессиональной идентичности. В советской историографии история караимов фактически негласно замалчивалась, и серьезные исследования по этой тематике появляются лишь в конце 1980-х гг. Появился ряд работ, в которых рассматривается караимская проблематика (В. Л. Вихнович, М. И. Гаммал, А. Г. Герцен, М. Б. Кизилов, В. В. Лебедев, М. Я. Медведева, А. М. Федорчук). Достижения западной историографии нашли отражение в публикациях Ц. Анкори, Г. Ахизер, Ф. Миллера, Ю. Олшви-Шлангер, Д. Шапира. В то же время, наряду с работами профессиональных историков, востоковедов, этнографов, археологов, печатается большое количество краеведческой и национально ориентированной литературы, в которой вновь на первый план выходят псевдонаучные теории о происхождении, культуре и религиозных обычаях караимов Крыма.

Ключевые слова: Крым, караимы, история и основные аспекты изучения, отечественная и зарубежная историография

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках госзадания № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

THE STUDY OF THE HISTORY OF THE CRIMEAN KARAITES IN THE HOME AND FOREIGN HISTORIOGRAPHY

Dmitry A. Prokhorov

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Abstract. Researchers' attention to the past of the Crimean Karaites comes from the fact that this problem, despite considerable home and foreign historiography, has never been analysed comprehensively. The turn to the history of the Karaites is of pronounced scholarly significance, since so far it has not only been the subject of scholarly debate, but is often accompanied by non-scientific speculation and polemics. Moreover, the studies of a number of cases and episodes of the Karaites' past are biased and accompanied by a deliberate distortion of many historical facts and events. This refers primarily to such problems as the ethnogenesis of the Karaites, the chronology of their appearance in the Crimea, the dogmatic principles and features of the Karaite religion, the specificity of educational, cultural, and economic contacts with the Muslim population, as well as with the Jewish communities confessing Rabbinic Judaism. Despite the obvious achievements of Russian and foreign specialists in the Oriental Studies, many problems related with the history of the Karaites lay out of their sight. There is a number of publications presenting historical and ethnological observations outdated from the point of view of modern research. As early as in the pre-revolutionary historiography, the problem of the ethnogenesis of the Karaites and their appearance in the Northern Black Sea Area was addressed, which eventually led to the emergence of several academic theories of the Karaites ethnogenesis providing varying degrees of argumentation (A. Ia. Garkavi, V. V. Grigor'ev, I. I. Kazas, V. D. Smirnov, D. A. Khvol'son, S. M. Shapshal, and others). Along with the legal collisions over the legal status of the Karaites and the Rabbinic Jews, the said discussion contributed to the separation of the Crimean Jewish communities and finally led to the de-Judaization of the Karaites and their loss of ethnic and confessional identity. In Soviet historiography, the history of the Karaites was silenced; serious researches discussing this subject appeared only in the late 1980s. There was a number of works examining the problems of the Karaites (V. L. Vikhnovich, M. I. Gammal, A. G. Gertsen, M. B. Kizilov, V. V. Lebedev, M. Ia. Medvedeva, and A. M. Fedorchuk). The achievements of Western historiography are published by T. Ankori, G. Akhiezer, F. Miller, J. Olszowy-Schlanger, and D. Shapira. Simultaneously, along with the works of professional historians, orientalists, ethnographers, and archaeologists, there appeared a large amount of local and nationally oriented publications with pseudoscientific theories of the origin, culture, and religious customs of the Karaites of the Crimea.

Key words: Crimea, Karaites, history and main aspects of its study, home and foreign historiography

Acknowledgments: This work was carried out within the framework of the state assignment No. FZEG-2020-0029 "The Byzantine Empire's Influence on Historical Processes in the Mediaeval Crimea" supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

В литературе о караимах имеется определенное число публикаций различного уровня, однако многие эпизоды истории этого старожильческого народа Крымского полуострова до сих пор остаются вне поля зрения исследователей. Существует и проблема интерпретации источников, в частности, это касается полемики относительно вопроса этногенеза караимов и о времени их появления в Крыму, которая ве-

дется уже более столетия. С сожалением приходится констатировать, что зачастую данная дискуссия выходит за рамки научной аргументации.

Этапы научного изучения прошлого крымских караимов насчитывают несколько периодов, отличающихся различной динамикой и интенсивностью. Впервые интерес к этой проблеме возник у представителей российских академических кругов в первой половине XIX в. История караимов привлекала внимание властей еще и потому, что идеи европейского Просвещения, во многом определявшие политику российского правительства по ряду ключевых направлений, подразумевали распространение русской культуры и образованности среди «азиатских народов». Тогда же началась широкомасштабная деятельность известного собирателя иудейских древностей А. С. Фирковича, положившего начало созданию обширной коллекции рукописей, связанных с историей иудейских общин, в том числе и Крымского полуострова.

Непосредственно в самом Крыму научную деятельность в разное время вели такие российские и зарубежные ученые, как Ф. А. Браун, Ф. К. Брун, А. Я. Гаркави, А. Я. Гидалевич, Э. Дейнард, А. А. Куник, Р. Х. Лепер, В. В. Радлов, В. Д. Смирнов, А. С. Уваров, Д. А. Хвольсон, Г. Л. Штрак, а ее результаты впоследствии нашли отражение в опубликованных трудах. Именно в этот период были сформулированы и основные версии этногенеза крымских караимов. В частности, историку и ориенталисту В. Д. Смирнову и гебраисту В. В. Григорьеву принадлежит теория о происхождении караимов, в соответствии с которой этнически караимы названы потомками хазар, половцев, а также других тюркских народов и этносов (впоследствии именно эта версия послужила моделью для процесса деиудаизации истории караимов, инициированного некоторыми караимскими идеологами в XIX – начале XX в., причем ее и сегодня придерживаются некоторые современные специалисты-историки и краеведы). Тем не менее, данная концепция не имеет достаточно серьезных доказательств. К тому же, ее позиции значительно ослабляет ситуация, связанная с деятельностью А. С. Фирковича и его археографическим наследием в связи с многочисленными фактами фальсификации источников [69, с. 46, 47, 56–64].

Согласно другой теории, аргументированной данными письменных источников и подкрепленной многочисленными археологическими и эпиграфическими находками, караимы могли появиться на Крымском полуострове не ранее второй половины XIII в. В академической литературе принято считать, что первые караимы поселились в Крыму во время существования Улуса Джучи, а их дальнейшая эмиграция на полуостров происходила уже после завоевания Константинополя турками-османами в 1453 г. Помимо вышеперечисленных теорий, существует еще одна, так называемая «синтетическая» версия этногенеза крымских караимов – ее приверженцы попытались объединить отдельные постулаты первых двух теорий [69, с. 89–91].

В конце XIX – начале XX в. углубленное внимание к прошлому Крыма привело к созданию ряда научных и краеведческих организаций, национально-культур-

ных и историко-краеведческих обществ, издававших печатную продукцию различной специфики и направленности. Одним из старейших историко-краеведческих учреждений Крыма по праву считается Таврическая ученая архивная комиссия (ТУАК), учрежденная 24 января 1887 г. в Симферополе. Помимо основных задач по сохранению археографического и археологического наследия Крымского полуострова, приоритетным направлением ее деятельности стало изучение прошлого караимов. С ТУАК, позднее переименованной в Таврическое Общество археологии, истории и этнографии (ТОИАиЭ), сотрудничали многие известные российские, а затем и советские ученые и краеведы: О. Акчокраклы, У. А. Боданинский, П. И. Голландский, Н. И. Засыпкин, И. И. Казас, И. С. Кая, Ф. Ф. Лашков, А. И. Маркевич, П. В. Никольский, В. Д. Смирнов, С. М. Шапшал, и многие другие. Этим исследователям принадлежит серия статей и заметок, в которых рассматриваются вопросы истории, этнографии, языкознания и фольклора крымских караимов [65, с. 162–177].

Помимо деятельности научно-академических и краеведческих организаций, отечественных и зарубежных ученых, одним из важных компонентов в контексте сохранения караимского историко-культурного наследия стала публикация в начале XX в. на страницах караимо- и русскоязычных журналов (таких, как «Караимская жизнь», «Караимское слово» и др.) образцов народного творчества караимов, а также статей и очерков, посвященных их истории, культуре и традициям [66, с. 141–169].

В 1920–1930-е гг. основную лепту в изучение истории, культуры, религиозных обычаев караимов внес журнал «Myśl Karaimska» («Караимская мысль»), издававшийся на польском языке с 1924 по 1939 гг. в Вильно (Вильнюсе) и во Вроцлаве (в 1946–1947 гг.). Инициатором его издания стал видный ориенталист, профессор А. Зайончковский, а сотрудниками журнала – ученые-тюркологи, ориенталисты и историки, среди которых Й. Вежинский, Т. Ковальский, Т. С. Леви-Бабович, М. Мореловский, С. М. Шапшал и др. [87, с. 315–321]. С 1931 г. в Луцке по инициативе поэта, писателя и общественного деятеля А. Мардковича (1875–1944) на караимском языке издавался журнал «Karaj Awazy» («Голос караима»). В этом издании печатались исторические статьи, рассказы, стихи, очерки о современниках, публиковалась информация о текущем положении в караимских общинах. Специальные выпуски посвящались поэтическим произведениям Я. Малецкого, С. Рудковского, а также образцам караимского фольклора. До 1938 г. было выпущено 12 номеров журнала.

Зарубежная историография 1920–1940-х гг. также представлена трудами Я. Манна и С. Шишмана. В частности, в двухтомном издании Якоба Манна, второй том которого полностью посвящен караимам [110], автор репрезентировал коллекцию текстов, относящихся к периоду от возникновения караимизма и до его распространения на протяжении нескольких веков на территории ряда стран Азии, Африки и Европы. Этот труд, в течение длительного времени пользующийся большим спросом из-за постоянно растущего интереса к караимам, был переиздан в 1972 г. [111; 112]. Что касается публикаций химика по образованию, караима Симона Шишмана,

в 1930-е гг. работавшего в редакции журнала «Myśl Karaimska», то они отличаются во многом поверхностным и необъективным подходом к караимской истории, а также неподтвержденными историческими гипотезами. С. Шишману также принадлежит авторство двух монографий, изданных уже в 80-х гг. XX в., и нескольких десятков статей по истории восточно-европейских караимов; на свои средства он также издавал журнал «Bulletin d'études Karaites» («Вестник караимоведения») [121].

В послевоенные годы история караимов практически не изучалась. Вызвано это было, прежде всего, событиями 1944 г. и депортацией из Крыма крымских татар, крымских немцев, греков, болгар, армян и представителей других народов, в том числе и караимов. Изъятие этого вопроса из академической повестки обуславливалось и постановлениями объединенной научной сессии отделения истории и философии Крымского филиала АН СССР по вопросам истории Крыма (1952 г.), призвавшей «решительно бороться против идеализации хазар, печенегов, половцев и татар в истории Крыма» [9, с. 182]. Так, в докладе профессора Б. А. Рыбакова утверждалось, что «крымские краеведческие организации в 1920–1930 годах уделяли излишнее внимание изучению и любованию средневековой татарской культурой»; «доверчиво изучались ханские ярлыки, носящие явные следы фальсификаций, преувеличивалось значение и высокий уровень татарского искусства» [71, с. 8, 15]. Перед учеными ставилась новая задача: пересмотреть историю кочевников, «очистив ее от идеализации Хазарии», а также половцев и Крымского ханства. Разумеется, изучение истории караимов, в связи с нежелательностью исследования «мелкобуржуазных националистических групп», к которым они были отнесены, тоже не приветствовалось. Негласное табуирование указанной темы привело к тому, что исследования прошлого караимов, их быта, религиозных традиций, а также дальнейшее формирование музейных и этнографических коллекций на долгие годы были фактически приостановлены.

Лишь в конце 1980-х – начале 1990-х гг., в связи с трансформациями в отечественной науке и избавлением от стереотипов прошлого, ситуация кардинально изменилась. В этот период издается несколько заслуживающих внимания трудов, в которых рассматривается караимская проблематика. Одними из первых, кто вновь обратился к караимской тематике, стал российский историк, этнограф, лингвист, президент Европейской ассоциации иудаики (2002–2006), сотрудник Института всеобщей истории РАН Р. М. Капланов. Он активно занимался изучением различных аспектов еврейской истории, в том числе и караимской [31, с. 95–106; 32, с. 160–165]. Значителен вклад в изучение прошлого караимов крымских исследователей. Например, А. Г. Герцен, В. Е. Науменко и Ю. М. Могаричев подготовили серию работ, в которых проанализировали состояние древних иудейских некрополей Мангупа и Чуфут-Кале, а также изучили различные аспекты, связанные с историей крымских караимских общин [22–25; 59]. А. В. Гаврилов, В. В. Майко, М. Г. Крамаровский, исследовав древности Солхата, в своих публикациях сделали ряд интересных наблюдений и выводов относительно истории

возникновения там караимской и еврейской общин, основанных на анализе новейших данных археологии и сфрагистики [16; 47; 48].

Помимо этого, сотрудники КФУ им. В. И. Вернадского А. Г. Герцен и В. Е. Науменко, на протяжении многих лет занимающиеся изучением памятников средневековой археологии Юго-Западного Крыма, используя результаты проведенных ими исследований, сделали вывод о том, что в последние годы из-за активной позиции отдельных караимских национально-культурных обществ и их представителей, игнорирующих очевидные археологические и эпиграфические открытия в сфере иудаики, наметился курс на политизацию и мифологизацию истории караимов. Тем самым осуществляется попытка присвоить монопольное право на изучение и интерпретацию прошлого одного из старожильческих народов Крыма [25, с. 21]. Одновременно симптоматичной выглядит позиция ряда современных исследователей, обратившихся к караимской тематике, которые, тем не менее, уходят от принятия однозначного решения по традиционному полемическим вопросам, ограничиваясь перечнем всех существующих версий этногенеза крымских караимов и их дальнейшей истории, либо конструируют компромиссные теории об их происхождении [82, с. 79–87].

В работах М. С. Куповецкого, Н. В. Кашовской, А. Л. Львова, Д. Шапира, А. Б. Федорчука и других авторов, стоящих на позициях научной объективности, аргументированно, с использованием накопленного археографического и эпиграфического материала, рассматривается состояние караимских общин в XIV – середине XIX в. В работах приведены сведения относительно взаимоотношений караимов и российского еврейства, прослежены этапы трансформации национально-конфессионального самосознания караимов [49, с. 76–94; 78, с. 212–227; 98, р. 11–35; 99, р. 37–82; 37, с. 65–71; 38, с. 239–277]. В статьях В. Г. Зарубина рассмотрены ключевые проблемы существования караимских общин в условиях Гражданской войны в Крыму [28, с. 97–108; 29, с. 180–189]. В работах Н. А. Давыдовой, Н. М. Терещук, Е. В. Катуниной и Ю. А. Катунина затронуты вопросы, связанные с историей взаимоотношений советского административно-бюрократического аппарата со служителями культа этнических и конфессиональных групп Крыма, в том числе и с караимским духовенством [26, с. 184–192; 75, с. 217–226; 36, с. 74–81].

Серия публикаций об архитектурных достопримечательностях Евпатории и о видных деятелях караимской общины Крыма XIX в. принадлежит В. А. Кутайсову и М. В. Кутайсовой. Тем не менее, несмотря на широкий исторический фон, представленный в этих работах, и ценные сведения о караимской общине Евпатории, следует заметить, что приводимые в публикациях указанных авторов данные о караимах не во всем точны. Это касается, прежде всего, использования самого этнонима «караимы», а также данных о численности караимского населения Евпатории в XIX в. Например, сообщая данные о наличии в Евпатории в 1783 г. 97 караимских домов [50, с. 54], авторы отсылают читателя к работе Ф. Ф. Лашкова «К вопросу о количестве населения Таврической губернии вначале XIX столетия», однако при визуальным

ознакомлении с указанным фрагментом из этой работы выясняется, что в труде Ф. Ф. Лашкова речь идет об общем количестве разоренных домов в Гезлеве в 1783 г. (97 из 953), при этом о караимах в отрывке не упоминается [51, с. 103, 104, 122, 123].

Многочисленные публикации по караимской проблематике предприняты М. Б. Кизиловым. В частности, им прослежена история караимских общин Евпатории, Чуфут-Кале, Феодосии, Симферополя, Старого Крыма, Армянского Базара, Керчи, Карасубазара, Тепе-Кермена, а также история караимов Литвы и Галиции [41–44; 107; 108]. В своей исследовательской деятельности автор использовал малодоступные нарративы из библиотек ближнего и дальнего зарубежья. Однако существенным недостатком работ М. Б. Кизилова является ограниченная источниковая база, поскольку автору не знакомы материалы по караимской тематике большинства российских и украинских архивов, что приводит к игнорированию и поверхностному рассмотрению им многих сюжетов истории караимов.

Публикации редких архивных документов и письменных источников по истории караимов осуществлены О. Б. Белым [6, с. 30–35; 7, с. 105–121]. Краткий обзор караимских рукописей, находящихся в Ленинградском (ныне – Санкт-Петербургском) отделении Института востоковедения РАН после расформирования в 1929 г. евпаторийской караимской национальной библиотеки «Карай-Битиклиги», принят в статье известного гебраиста и семитолога Л. Я. Медведевой. В частности, ею приведено описание караимских шетаров, каталогизированных в библиотеке отделения в количестве 93 экземпляров, а также хранящихся там актов обручений и копий актов обручений и разводов [56, с. 89–102]. Л. Я. Медведевой также принадлежит авторство публикации о литературном наследии известного караимского поэта И. И. Эрака [57, с. 42–46].

В публикациях В. В. Вихновича и В. Л. Лебедева исследуется обширное научное наследие А. С. Фирковича, а также рассмотрен контент коллекций караимских рукописей [13; 14, с. 130–140; 52, с. 10–21; 53, с. 57–63; 54, с. 32–44]. Каталог «Книги караимов Крыма» (каталог выставки книг из фондов Российской государственной библиотеки), изданный в 2016 г. К. Ю. Бурмистровым (с комментариями М. Б. Кизилова), является ретроспективой караимской книжной коллекции РГБ. В этом каталоге представлены фотографии и описания книг, написанных и изданных караимами Крыма, а также публикации, посвященные их истории и религии. Основу экспозиции составляют издания, напечатанные в XIX – начале XX в. в караимских типографиях в Евпатории, Севастополе, Одессе и др. [45]. Необходимо также упомянуть монографию Н. Абдульваапа, который выявил и классифицировал образцы караимского рукописного и литературного наследия. Часть караимской книжной коллекции Бахчисарайского историко-археологического музея в июне 1976 г. была передана в Государственную Публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина [77, с. 85].

В статьях научного сотрудника кафедры иудаики Института стран Азии и Африки (г. Москва) М. И. Гаммала осуществлена квалифицированная научная ре-

конструкция раннего этапа существования караимской общины Крыма после присоединения его к России, а также основные периоды ее развития в XIX в. [17–21]. Диссертационное исследование и публикации Б. Е. Рашковского, проанализировавшего в числе прочего и караимский контент, посвящено еврейским источникам X–XVI вв. [70, с. 152–166]. В работах Д. З. Фельдмана, Д. И. Петерса и К. Г. Капкова рассмотрены обнаруженные авторами в российских архивах данные о караимах Российской империи в период с конца XVIII до начала XX в. [79, с. 493–506; 80, с. 130–155; 81].

Из наиболее заметных научных публикаций, затрагивающих дискуссионные вопросы истории караимских общин Крыма в различные исторические периоды, а также исследующих караимское этнографическое и литературное наследие, прежде всего, необходимо указать на труды Ц. Анкори [2, с. 255–304; 95], Ф. Миллера [113; 114, р. 82–88], Д. Шапира [83–86; 119; 120], Г. Ахиезер [3–5; 90–94], Ю. Олшови-Шлангер [117; 118], И. Барталя [96, р. 57–67], П. Люкка [109, р. 69–90], Т. Харвиайнена [100–102], Е. Котляра [46, с. 181–199], Х. Янковского [103; 104], О. В. Васильевой и др. [10, с. 217–238; 63]. Так, например, используя в своих исследованиях широкий круг архивных документов, а также рукописные сочинения караимских авторов конца XVIII – начала XIX в., Г. Ахиезер (Ариэльский университет, Израиль) реконструировала историю взаимоотношений караимов Крыма с представителями ханской власти и российской военной администрацией. Ей также удалось выявить значительное число ранее неизвестных эпизодов, относящихся как к средневековому периоду истории караимских общин, так и к моменту возникновения гражданского и военного конфликта, произошедшего в Крыму накануне его присоединения к России [4].

Различным эпизодам прошлого караимской общины Крыма посвятил свои труды профессор истории Ближнего Востока в университете Бар-Илан Д. Шапира (Рамат-Ган, Израиль). В частности, он изучил тексты нескольких редакций письменного источника под названием «Песнь о Мангупе», который ранее фигурировал в штудиях, предпринятых караимским краеведом Д. М. Гумушем [83, с. 283–294]. Аутентичность рукописей из коллекции А. С. Фирковича и его биография также стали темой исследований Д. Шапира [84, с. 533–555; 85, с. 102–130; 119; 120, р. 156–169]. Труды по вопросам караимского брачно-семейного права принадлежат перу Ю. Олшови-Шлангер, осуществившей анализ караимских брачных документов различного происхождения [117; 118]. Этой же проблеме посвятили свои исследования Т. Харвиайнен и Г. Хален [102, р. 267–282].

В статьях специалиста по гебраистике и иудаике, профессора Висконсинского университета М. Носоновского приведены информативные сведения о еврейских эпиграфических памятниках Восточной Европы, в том числе и караимских [60; 61, с. 29–50; 115, р. 237–261; 116, р. 120–147]. За некоторыми общими тенденциями деятельности караимских светских и духовных лидеров по конструированию новой конфессиональной и этнической идентичности в русле государственной

законотворческой деятельности позволяют проследить материалы монографии О. Ю. Минкиной [58]. В публикациях А. Кефели (Израиль) рассмотрены различные вопросы истории просветительской деятельности караимских педагогов и ученых, а также аспекты сохранения историко-культурного наследия караимов [35; 39, с. 65–75; 40, с. 39–42; 73].

В сборники статей специалистов по караимской тематике, вышедшие в последние годы и объединенные под эгидой различных академических структур (как отечественных, так и зарубежных), включено значительное число статей по караимской тематике. Например, в 2002 г. увидел свет сборник трудов, изданных по материалам международной конференции «Караїми Галича: історія та культура», проходившей в сентябре 2002 г. во Львове. Среди авторов сборника – О. Б. Белый, А. Кефели, М. Б. Кизилов, Д. Шапира, Х. Янковский и др. [34]. В 2003 г. в издательстве «Brill» (Нидерланды) напечатан коллективный труд под названием «Karaites Judaism. A Guide to Its History and Literary Sources» (редактор М. Поллак), куда вошли публикации Г. Ахиезер, Б. Волфиша, М. Кизилова, Ф. Миллера и других специалистов по иудаике [105]. В сборнике «Израиль древний и новый» (редактор А. Б. Ковельман), подготовленном в 2015 г. кафедрой иудаики Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, нашли отражение современные новации в сфере изучения еврейских и неашкеназских общин Российской империи [30].

В «Истории еврейского народа в России: от древности до раннего Нового времени», выпущенной издательством «Мосты культуры» (Москва–Иерусалим, 2010), представлены статьи, в которых проанализированы различные периоды истории караимских общин, существовавших на территории современной России в эпоху Средневековья и Новое время. В числе авторов монографии – Г. Ахиезер, М. И. Гаммал, Д. Шапира [3, с. 292–320; 18, с. 204–223; 86, с. 13–43]. В академический сборник «Studia Anthropologica», посвященный научному наследию известного российского этнографа М. А. Членова (способствовавшего возрождению академической иудаики в России в 1980-х гг., являвшегося инициатором и организатором проведения многих научных изысканий в этой области), включены статьи и по караимской тематике. Так, Д. Васютинская опубликовала несколько уникальных документов из собрания А. С. Фирковича, хранящихся в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге. Они происходят из Мангупа, датируются 1642–1771 гг. и содержат целый ряд подробностей о профессиональных и бытовых особенностях местной караимской общины [11, с. 143–173].

В коллективной монографии «Евреи: Другая история», подготовленной в 2013 г. группой российских, израильских, американских и европейских специалистов, исследующих разные области иудаики, представлен несколько иной взгляд на еврейскую историю, альтернативный общепринятому религиозноцентричному канону. В частности, в публикации М. И. Гаммала дан краткий экскурс в историю контактов между представителями караимских общин Российской империи и польскими караимами, определивших дальнейшее распространение просветительских идей среди караимов Крыма [20, с. 265–286].

В вышедшей в 2018 г. книге «Караимы Феодосии» [33] собраны статьи по истории, религии и культуре феодосийской караимской общины. Рассматривая различные аспекты многовековой истории местных караимов, авторы книги (В. Вахонеев, В. Ельяшевич, М. Гольденберг, М. Кизилов, А. Туров и др.) в популярной форме излагают сведения о наиболее интересных традициях общины, памятниках архитектуры. В книге приведены малодоступные сведения о биографиях караимских общественных деятелей, ученых и предпринимателей.

Помимо всего прочего, аннотированная библиография публикаций по истории, религии, просвещению, этнографии крымских караимов, охватывающих широкий хронологический диапазон, была подготовлена и издана в 2011 г. М. Б. Кизиловым и Б. Волфишем, хотя в указанной монографии нашли отражение не все работы по караимской тематике [106].

Нельзя не упомянуть и о деятельности научного ежегодника «Цайтшрифт» («Tsaytshrift / Ćasopis»), выходящего под эгидой Центра иудаики Европейского Гуманитарного Университета и Центра Еврейских Исследований. Издание позиционирует себя как единственный журнал в Беларуси, посвященный еврейским исследованиям. Презентация первого номера состоялась в июне 2011 г. в рамках международной научной конференции «Social sciences, humanities and higher education in Eastern Europe after 1991». Ежегодник, издающийся в Вильнюсе, освещает исследовательские вопросы, специфичные для белорусской и восточноевропейской иудаики, и в то же время редакционная политика позволяет помещать их в более широкий контекст новых трендов в гуманитарных науках начала XXI в. Международная редакционная коллегия ежегодника «Цайтшрифт» рассматривает собственное издание как продолжение традиций белорусской иудаики, заложенных еврейским академическим журналом «Цайтшрыфт», который, в свою очередь, первоначально издавался еврейским сектором Академии наук БССР в 1926–1931 гг. [122]. В числе авторов журнала – Д. Щевелев, В. Градинская, Д. Прохоров, В. Ельяшевич, А. Полян и др.

Активную работу по публикации материалов, связанных с историей еврейских и караимских общин постсоветского пространства, ведет редколлегия журнала «Kwartalnik Historii Żydów» («Ежеквартальный вестник еврейской истории»), выходящего с 2001 г. в Варшаве. Издание является продолжателем журнала «Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego» («Вестника Еврейского исторического института»), издававшегося в Польше с 1949 г. (до 1950 г. «Biuletyn» печатался на польском языке и на идише, имел форму информационного бюллетеня, где размещались в основном короткие заметки о деятельности «Еврейского исторического института»). Сегодня в «Kwartalnik Historii Żydów» публикуются статьи по иудейской тематике польских и зарубежных авторов [123]. В ежеквартальном общественном культурно-историческом журнале польских караимов «Awazumyz» («Наш голос»), который с перерывами издается с 1989 г., размещаются материалы по истории и культуре караимских общин Польши и других стран, публикуются образцы караимской поэзии, мемуары, печатаются публицистические и биографические материалы.

Сведения, касающиеся различных аспектов прошлого караимов, их истории, религии, быта, традиций, этнокультурных и лингвистических особенностей, проанализированы в ряде диссертационных исследований. Например, в диссертации Ш. И. Бердиева рассмотрен такой сложный вопрос, как этнокультурная и этноязыковая идентификация караимов. Заметим, что автору все же не удалось избежать ряда неточностей при изложении материала. Например, довольно спорным выглядит вывод Ш. И. Бердиева о формировании религиозного сословия у караимов, которое, по его мнению, «представляет собой сложный процесс перехода от древнетюркской религиозной традиции к новой вере», а также о существовании у караимов Крыма отдельных элементов шаманизма [8, с. 21]. В диссертации А. Л. Львова «Простонародное движение иудействующих в России XVIII–XX веков: методологические аспекты этнографического изучения» автором уделено внимание контактам караимов и иудействующих, усвоивших ряд специфических караимских религиозных практик, отличных от раввинистических [55]. Д. Е. Примаков в своем диссертационном исследовании «Особенности еврейской правовой системы: сравнение еврейского и мусульманского права (VII–XIII вв.)» сделал акцент на основных моментах религиозной дискуссии между караимами и евреями-талмудистами [64, с. 11, 19, 61, 67, 93, 132].

В докторской диссертации А. Ф. Гавриленкова «Политика государственной власти Российской империи в отношении Православной церкви, инославных конфессий и авраамических (нехристианских) вероисповеданий в 1721–1917 гг.; сущность, принципы, эволюция» затрагиваются важные проблемы, связанные с историей взаимоотношений между государственной бюрократической машиной и различными конфессиями. В частности, автором рассмотрена проблема контактов между российской властью и носителями неталмудического иудаизма (караимизма), а также между раввинистическим иудаизмом и караимизмом. Например, А. Ф. Гавриленков констатирует, что по отношению к караимам государственная власть первоначально использовала репрессивные меры, как и против иудеев. Однако во второй половине XIX в. на караимов никакие правовые ограничения не распространялись [15, с. 33]. Последнее утверждение не вполне соответствует действительности, что становится очевидным при ознакомлении с массивом проанализированных автором настоящей публикации архивных документов. В диссертационных работах Е. В. Абакумовой и А. К. Тихонова исследуется правовое положение евреев, католиков и мусульман в Российской империи в конце XVIII – начале XIX в.; помимо всего прочего, рассмотрен и такой важный вопрос, как правовой и податной статус караимов [1, с. 270–273; 76, с. 18].

Фундаментальное исследование предпринял С. М. Якерсон. В его диссертации, а затем и в изданной в 2016 г. монографии детально рассмотрены еврейские письменные источники и самые ранние из сохранившихся датированных рукописей. Автор осуществил анализ репертуара бытовавших в X–XV вв. письменных источников. С. М. Якерсон выявил основные группы памятников, переписка и пе-

чатание которых определили дальнейшее развитие еврейской книжной культуры. К этим памятникам, в первую очередь, относятся сакральные как для караимов, так и для раввинистов библейские тексты [88; 89].

Что касается диссертационных работ Т. Г. Солодухиной «Иудейские общины сирийских провинций Османской империи как объект влияния великих держав в конце XVIII – середине XIX в.» и Е. А. Вишленковой «Религиозная политика в России, первая четверть XIX века», то необходимо подчеркнуть, что несмотря на заявленные их авторами темы исследования, правовое положение караимов, история их взаимодействия с различными ветвями власти как в Османской, так и в Российской империях, законодательные акты, принимавшиеся относительно караимов, отражения в указанных работах не нашли [74; 12]. В диссертационных исследованиях Д. Михайловой «Пример культурного национализма в Восточной Европе: караимские исследования и их роль в развитии караимской идентичности в XIX–XXI веках» (Хельсинки, 2018 г., на английском языке) и М. М. Мартына «“Хазарский миф” в исторической мысли и национальном дискурсе крымских караимов (конец XVIII – начало XXI в.)» (Дрогобыч, 2021 г., на украинском языке) предпринят анализ этапов трансформации этноконфессиональной идентичности караимов в конце XVIII – начале XXI в. Тем не менее, помимо очевидных достоинств вышеназванных работ, в которых поднимаются такие важные аспекты истории караимов, как формирование и трансформация этноконфессионального самосознания, следует отметить недостаточную источниковую базу этих исследований, поскольку многочисленные архивные материалы по данной теме авторами задействованы не были.

Таким образом, литература, касающаяся различных векторов исторического прошлого караимов Крыма и Российской империи в целом, отличается недостаточной источниковой базой и не позволяет создать целостное представление о этапах исторического развития караимских общин в эпоху Средневековья и Новое время. Несмотря на довольно обширный объем статей и монографий по караимской тематике, многие эпизоды исторического прошлого этого старожильческого народа Крыма были изучены недостаточно, либо не были исследованы вовсе. Так, например, этапы развития государственной системы народного образования караимов нуждались в более детальном, с использованием многочисленных архивных материалов, анализе. Отсутствовал в литературе и обзор деятельности караимов в органах городского управления как Таврической губернии, так и соответствующих учреждений в других регионах Российской империи. Роль представителей караимских общин в развитии промышленности и сельского хозяйства Российской империи также не получила должного освещения. Подробного рассмотрения заслуживала история участия представителей караимских общин в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг., Русско-японской и Первой мировой войнах.

Критически используя уже накопленный материал, содержащийся в работах предшественников, а также привлекая многие, ранее неопубликованные документы, археологические, археографические и эпиграфические материалы, у автора на-

стоящей публикации появилась возможность составить более полную картину происходивших событий, проведя научную реконструкцию истории караимов. В 2019 г. вышли из печати монографии «Караимы в Российской империи в конце XVIII – начале XX века» и «Караимские общины: биографии, факты и документы (конец XVIII – начало XX века)», а в 2020 г. – защищена диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему «Крымские караимы в эпоху Средневековья и в Новое время» [67–69]. В указанных работах, на основе анализа широкого комплекса источников, исследован значительный хронологический период – от времени появления караимов в Крыму и до начала XX в. Все это позволило воссоздать целостную картину развития караимских общин Крымского полуострова, раскрыть основные факты и события их истории, провести научную реконструкцию многих малоизвестных эпизодов их прошлого.

Уникальность караимов как этноконфессиональной общности состоит в том, что на протяжении длительного времени они сохраняли свой генофонд, религиозные и культурные традиции. Геополитические трансформации и социальные потрясения, происходившие в конце XVIII – первой половине XX в., серьезно повлияли на ситуацию внутри караимской общины, ускорив процесс её этнической и социальной ассимиляции. Историческое прошлое караимов позволяет видеть в них не только диаспорную группу, но и представителей многоэтничного и поликонфессионального населения, обитавшего ранее и проживающего ныне на территории современной России, которые внесли свой вклад в социально-экономическое развитие региона, сыграв важную роль в освоении новых территорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абакумова Е.В. Правовое положение евреев в Российской империи в конце XVIII – начале XIX вв.: Дисс. ... канд. юр. наук: 12.00.01. М., 2014. 361 с.
2. Анкори Ц. Крымские караимы и хазары (из книги «Происхождение караимов в Византии») // Вихнович В.Л. Караим Авраам Фиркович: Еврейские рукописи. История. Путешествия. 2-е изд. СПб.: Академия исследования культуры, 2012. С. 255–304.
3. Ахиезер Г. Караимы Польско-Литовского государства до конца XVII в. // История еврейского народа в России: от древности до раннего Нового времени. Т. 1: От Древности до раннего Нового времени / Ред. А. Кулик. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2010. С. 292–320.
4. Ахиезер Г. Завоевание Крыма Российской Империей глазами караимских хронистов. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2015. 240 с.
5. Ахиезер Г. Караимские и раббанитские переписчики периода генуэзской Каффы по материалам рукописных собраний // Караимы Феодосии: история, религия, культура / Ред. и сост. В.А. Ельяшевич, М.Б. Кизилов. Симферополь, Феодосия: Таврида, 2018. С. 12–22.
6. Белый О.Б. Из истории караимской общины Крыма в конце XVIII – нач. XIX в. (По материалам фонда Таврического и Одесского караимского духовного правления в ЦГАК) // Крымский музей. Симферополь, 1994. № 1. С. 30–35.
7. Белый О.Б. Обзор архивных документов по истории караимской общины в первой половине XIX века (по материалам фонда Таврического и Одесского караимского духовного правления в ГА-АРК) // Крымский музей: 1995–1996. Симферополь, 1996. С. 105–121.
8. Бердиев Ш.И. Караимы: проблемы этнокультурной и этноязыковой идентификации: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.07. Нальчик, 2012. 22 с.
9. Брайчевський М. Кримська сесія 1952 року // Ruthenica / Ред. В. Ричка, О. Толочко. Киев, 2002. Т. I. С. 175–184.
10. Васильева О.В. Восточные рукописные фонды Российской национальной библиотеки // Письменные памятники Востока. 2005. № 1. С. 217–238.
11. Васютинская Д. Manguq-Qal'eh Jewish Community Documents in the First Firkowicz Collection // Studia Anthropologica: сборник статей в честь М.А. Членова / Ред. А.М. Федорчук, С.Ф. Членова. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Gesharim, 2010. С. 143–173.
12. Вишленкова Е.А. Религиозная политика в России, первая четверть XIX века: Дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.02. Казань, 1998. 466 с.
13. Вихнович В.Л. Караим Авраам Фиркович: еврейские рукописи. История. Путешествия. 2-е изд. СПб.: Академия исследования культуры, 2012. 368 с.
14. Вихнович В.Л., Лебедев В.В. Загадка 15000 древних рукописей // МАИЭТ. 1992. Вып. II. С. 130–140.
15. Гавриленков А.Ф. Политика государственной власти Российской империи в отношении Православной церкви, инославных конфессий и авраамических (нехристианских) вероисповеданий в 1721–1917 гг.; сущность, принципы, эволюция: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.02. М., 2010. 44 с.
16. Гаврилов А.В., Майко В.В. Средневековое городище Солхат-Крым: Материалы к археологической карте города Старый Крым. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. 212 с.
17. Гаммал М. Реформы традиционной обрядности караимов Российской империи в XIX – начале XX в. // «Старое» и «новое» в славянской и еврейской культурной традиции / Ред. О.В. Белова. М., 2012. С. 85–102.
18. Гаммал М. Караимы в Российской империи // История еврейского народа в России. Т. 2: От разделов Польши до падения Российской империи, 1772–1917 / Ред. И. Лурье. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2012. С. 204–223.
19. Гаммал М. Караимская историография в первой половине XIX века на примере полемических произведений А.С. Фирковича // Новые исследования по еврейской истории. Материалы XIX Международной ежегодной конференции по иудаике. М., 2012. Т. III. С. 288–305 (Академическая серия, Вып. 42).

20. Гаммал М.И. Интеллектуалы против прагматиков: польские караимы в Крыму // Евреи: другая история / Ред. Г. Зеленина. М.: РОССПЭН, 2013. С. 265–286.
21. Гаммал М.И. Караимы и империя: освобождение караимов от рекрутской повинности 1827 года // Израиль древний и новый / Ред. А.Б. Ковельман. М.: Индрик, 2015. Вып. 1. С. 144–165.
22. Герцен А.Г. Археологические исследования караимских памятников в Крыму // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 744–751.
23. Герцен А.Г. У истоков иудейской общины Мангупа // IV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2003. С. 69–79.
24. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Кырк-Ер – Чуфут-Кале. Крепость на краю седьмого климата: Исследование. Путеводитель. Альбом. Симферополь: Антиква, 2016. 312 с.
25. Герцен А.Г., Науменко В.Е. К дискуссии о ранней этнической истории крымских караимов: археологический аспект // Этнография Крыма XIX–XXI вв. и современные этнокультурные процессы: тезисы IV Международной научно-практической конференции (Симферополь, 28–30 сентября 2017 г.) / Ред. Ю.Н. Лаптев, Л.А. Науменко. Симферополь: Антиква, 2017. С. 21–23.
26. Давыдова Н.А. Отношение органов Советской власти к служителям религиозных культов в Севастополе в 1920–1930 годы // В поисках утраченного единства. Симферополь: Крымский архив, 2005. С. 184–192.
27. Дуван С.Э. Я люблю Евпаторию / Вступ. статья М.В. Кутайсова, В.А. Кутайсов. 2-е изд-е. Симферополь: Феникс, 2013. 204 с.
28. Зарубин В.Г. Соломон Крым и второе Крымское краевое правительство (1918–1919 гг.) // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. № 10. С. 97–108.
29. Зарубин В.Г. Караимы – жертвы красного террора в годы Гражданской войны в Крыму // Труды по еврейской истории и культуре. Материалы XXI Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2014. С. 180–189. (Академическая серия. Вып. 50).
30. Израиль древний и новый: труды кафедры иудаистики / Ин-т стран Азии и Африки, Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова; науч. ред. А. Б. Ковельман. М.: Индрик, 2015. 206 с.
31. Капланов Р.М. К истории караимского литературного языка // Малые и дисперсные этнические группы в Европейской части СССР. М., 1985. С. 95–106.
32. Капланов Р.М., Гаммал М.И. Новое о произношении иврита у караимов Восточной Европы // Рашид Мурадович Капланов: Труды. Интервью. Воспоминания / Центр науч. работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Ред. В. Мочалова]. М.: Пробел-2000, 2011. С. 160–165.
33. Караимы Феодосии: история, религия, культура / Ред. В.А. Ельяшевич, М.Б. Кизилов. Симферополь, Феодосия: Таврида, 2018. 376 с.
34. Караїми Галича: історія та культура: Матеріали міжнародної конференції. Львів, Галич: Простір-М, 2002. 158 с.
35. Караїмське кладовище біля Галича: Каталог надмогильних пам'яток / І. Юрченко, О. Кефелі, Н. Юрченко, О. Береговський; М-во культури і мистецтв України, Нац. заповідник «Давній Галич», Галицьк. наук. іст.-культур. т-во. Львів, Галич: Сполом, 2000. 256 с.
36. Катунина Е.В., Катунин Ю.А. Причины ликвидации религиозных общин караимов в 40–60-е гг. XX в. // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2005. № 62. С. 74–81.
37. Кашовская Н.В. Караимская коллекция фондов ГМИР // Труды Государственного музея истории религии. СПб., 2015. С. 65–71.
38. Кашовская Н.В. К итогам изучения караимского некрополя в ущелье Табана-дере (Мангуп): проблемы хронологии и периодизации // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 239–277.
39. Кефели А. О становлении глобальной караимской ученой мысли в регионах современных Западной Украины и Литвы // Караїми Галича: історія і культура. Матеріали міжнар. наук. конф.; Галич, 6–9 вересня 2002. Львів, Галич: Сполом, 2002. С. 65–75.
40. Кефели А. Роль караимских общин Иерусалима, Константинополя, Крыма, Литвы и Польши в развитии караимской и общемировой литературы // Caraimica: Quarterly Review / International Institute Of The Crimean Karaites. Слипери-Рок, Симферополь, 2007. Vol. 1. С. 39–42.

41. Кизилев М.Б. Караимская община Гезлева (Евпатория) в XVIII–XIX вв. по свидетельству очевидцев // Тирош: Труды по иудаике. М., 2001. Вып. 5. С. 245–256.
42. Кизилев М.Б. К истории караимской общины Мангула // Вестник Еврейского университета. 2002. № 7 (25). С. 113–122.
43. Кизилев М.Б. К истории малоизвестных караимских общин Крымского полуострова // Тирош: Труды по иудаике. М., 2003. Вып. 6. С. 127–140.
44. Кизилев М. Крымская Иудея: Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен и до наших дней. Симферополь: Доля, 2011. 336 с.
45. Книги караимов Крыма = Books of the Crimean Karaites: каталог выставки книг из фондов Российской государственной библиотеки / сост. К.Ю. Бурмистров. М.: Российская гос. б-ка, 2016. 79 с.
46. Котляр Е. Караимская община Харькова и «Родовое гнездо» караимов в Крыму: опыт изучения историко-архитектурных связей // Параллели: русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. М., 2007. № 8–9. С. 181–199.
47. Крамаровский М.Г. Религиозные общины в истории и культуре Солхата XIII–XIV вв. // *Archeologia abrahamica*: исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М.: Индрик, 2009. С. 395–431.
48. Крамаровский М.Г. Солхатская иудаика // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. М., 2016. № 5. С. 6–24.
49. Куповецкий М.С. Динамика численности и расселение караимов и крымчаков за последние двести лет // География и культура этнографических групп татар в СССР. М., 1983. С. 76–94.
50. Кутайсов В.А., Кутайсова М.В. Евпатория: Древний мир. Средние века. Новое время. Киев: Стилюс, 2007. 284 с.
51. Лашков Ф.Ф. Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 г. // ЗООИД. 1886. Т. XIV. С. 92–156.
52. Лебедев В.В. Из истории формирования коллекции восточных рукописей Государственной Публичной Библиотеки // Восточный сборник. 1990. Вып. 4. С. 10–21.
53. Лебедев В.В. К источниковедческой оценке некоторых рукописей А.С. Фирковича // Палестинский сборник. Л., 1987. Вып. 29. С. 57–63.
54. Лебедев В.В. Новые данные о собирательской деятельности А.С. Фирковича // Восточный сборник (Государственная Публичная Библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). 1990. Вып. 4. С. 32–44.
55. Львов А.Л. Простонародное движение иудействующих в России XVIII–XX веков: методологические аспекты этнографического изучения: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. СПб., 2007. 239 с.
56. Медведева Л.Я. О коллекции караимских и крымчакских рукописей в ЛО Института Востоковедения АН СССР // Советская тюркология. 1988. № 6. С. 89–102.
57. Медведева Л.Я. Литературное наследие караимского поэта И.И. Эрака // Советская тюркология. 1977. № 2. С. 42–46.
58. Минкина О.Ю. «Сыны Рахили»: еврейские депутаты в Российской империи, 1772–1825. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 344 с.
59. Могаричев Ю.М. «Пещерные города» Горной Юго-Западной Таврики в описании А.С. Уварова. Симферополь: Бизнес-Информ, 2019. 344 с.
60. Носоновский М.И. Еврейские эпиграфические памятники Восточной Европы. Бостон, 2002. 170 с.
61. Носоновский М., Шабаровский В. Караимская община XVI–XVIII веков в Деражном на Вольни // Вестник Еврейского университета в Москве. 2004. № 9 (27). С. 29–50.
62. Образцы народной литературы северных тюркских племен: в 10 ч. / сост. В. Радлов. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1896. Ч. VII: Наречия Крымского полуострова. XVIII, 408, 507 с.
63. Орнамент древнееврейских рукописей = Hebrew manuscript ornament / Сост. О. Васильева, Б. Зайковский, А. Канцелиас. М., Тель-Авив: Российская нац. б-ка, 2003. 137 с.
64. Примаков Д.Я. Особенности еврейской правовой системы: сравнение еврейского и мусульманского права (VII–XIII вв.): Дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01. СПб., 2011. 154 с.

65. Прохоров Д.А. Деятельность ТУАК–ТОИАЭ по изучению истории, этнокультурных и конфессиональных традиций крымских караимов (1887–1930 гг.) // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2007. № 19. С. 162–177.
66. Прохоров Д.А. Фольклорные сюжеты и мотивы на страницах караимских периодических изданий середины XIX – начала XX века // Устное и книжное в славянской и еврейской культурной традиции / Ред. О.В. Белова. М., 2013. С. 141–169.
67. Прохоров Д.А. Караимы в Российской империи в конце XVIII – начале XX века. Симферополь: Антиква, 2019. 632 с. (Сер.: «Золотой век» крымских караимов).
68. Прохоров Д.А., Воронков С.М., Кузин В.А. Караимские общины: биографии, факты и документы (конец XVIII – начало XX века). Симферополь: Антиква, 2019. 456 с. (Сер.: «Золотой век» крымских караимов).
69. Прохоров Д.А. Крымские караимы в эпоху Средневековья и в Новое время. Дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.03. Симферополь, 2020. 773 с.
70. Рашковский Б.Е. «До генуэзцев...» Письмо А.С. Фирковича М.С. Воронцову о времени появления общины крымских караимов // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2018. № 1. С. 152–166.
71. Рыбаков Б.А. Об ошибках в изучении истории Крыма и о задачах дальнейших исследований. Тезисы доклада д-ра исторических наук, профессора Б.А. Рыбакова на сессии по истории Крыма. Крымиздат, 1952. 17 с.
72. Смирнов В.Д. Татарско-ханские ярлыки из коллекции Таврической Ученой Архивной комиссии // ИТУАК. 1918. № 54. С. 1–19.
73. Сиври Сэнек Саз. Сборник музыкального фольклора крымских караимов. Собраны, записаны и переведены А. Кефели. Симферополь: ИП Зуева Т.В., 2018. 432 с.
74. Солодухина Т.Г. Иудейские общины сирийских провинций Османской империи как объект влияния великих держав в конце XVIII – середине XIX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2017. 29 с.
75. Терещук Н.М. Взаимоотношение религиозных общин нехристианских конфессий с органами Советской власти в 20-е годы // В поисках утраченного единства. Симферополь: Крымский архив, 2005. С. 217–226.
76. Тихонов А.К. Политика Российской империи по отношению к католикам, мусульманам, иудеям в последней четверти XVIII – начале XX в.: Дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2007. 495 с.
77. Указатель рукописных и старопечатных книг, переданных в 1976 г. из Бахчисарайского историко-археологического музея в Государственную Публичную библиотеку им. М.Е. Салтыкова-Щедрина / сост., вступ. ст., коммент. Н. Абдульваапа. Симферополь: Доля, 2007. 160 с.
78. Федорчук А.М. Еврейские некрополи Крыма: история исследования и современное состояние // Евроазиатский еврейский ежегодник – 5768 (2007/2008) / Ред. В. Лихачев, В. Палей, А. Федорчук, С. Чарный, М. Членов. М.: Паллада, 2008. С. 212–227.
79. Фельдман Д.З. Документы РГАДА по истории крымских караимов XVIII–XIX вв.: опыт архивного исследования // Источниковедение и историография истории Крыма XV–XVIII вв.: проблемы и перспективы. Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2016. С. 493–506.
80. Фельдман Д.З., Капков К.Г. О награждении руководителей еврейских и караимских общин в царствование императора Николая II // Архив еврейской истории / Ред. О.В. Будницкий. М.: Политическая энциклопедия, 2016. Т. 8. С. 130–155.
81. Фельдман Д.З., Петерс Д.И. На пользу Отечества. О заслугах евреев Российской империи и их награждении. М.: Дом еврейской книги, Древлехранилище, 2016. 324 с.
82. Чижова Л.В. Караимы // Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки / Ред. С.Я. Козлов, Л.В. Чижова. М.: Наука, 2003. С. 12–135.
83. Шапира Д. «Песнь о Мангупе» 1793 года: неизвестный источник по истории караимов Крыма // Вестник Еврейского университета. 2002. № 7 (25). С. 283–294.

84. Шапира Д. Йицхак Сангари, Сангарит, Бецалель Штерн и Авраам Фиркович: история двух поддельных надписей // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 533–555.
85. Шапира Д. Нынешнее состояние ряда приписок к колофонам на библейских рукописях из первого собрания А.С. Фирковича // Материалы одиннадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М.: Сефер, 2004. Т. 1. С. 102–130.
86. Шапира Д. Евреи в Северном Причерноморье от древности до раннего Средневековья // История еврейского народа в России: от древности до раннего Нового времени. Т. 1: От Древности до раннего Нового времени / Ред. А. Кулик. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2010. С. 13–43.
87. Яблоновська Н.В. Журнал «Myśl karaïmska»: висвітлення життя караїмської громади Криму // Творчі та організаційні особливості функціонування сучасного медійного простору. 2008. Т. 2. С. 315–321.
88. Якерсон С.М. Еврейская рукописная и первопечатная книга X–XV вв. как историко-культурный источник: Дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.09. СПб., 2005. 461 с.
89. Якерсон С.М. От буквы к литере = From letter to type: очерки по истории еврейской средневековой книги. СПб.: Контраст, 2016. 391 с.
90. Akhiezer G. The Karaite Isaac ben Abraham of Troki and His Polemics against the Rabbanites // Tradition, Heterodoxy and Religious Culture: Judaism and Christianity in the Early Modern Period / Eds. C. Goodblatt, H. Kreisel. Ben-Gurion University of the Negev Press, 2007. P. 437–468.
91. Akhiezer G. Historical Research and Forgeries in the Age of Nationalism: The Case of the Russian Empire between Jews and Russians // East European Jewish Affairs. 2018. No. 48, 2. P. 101–117.
92. Akhiezer G. Intellectual Life and Cultural Milieu of Jewish Communities in the Medieval Kaffa and Solkhat // AJS Review. 2019. Vol. 43, Issue 1. P. 1–21.
93. Akhiezer G. Between Samaritans and Karaites: Abraham Firkovich and His Perception of Samaritanism // The Samaritans in Historical, Cultural and Linguistic Perspectives / Ed. J. Dusek. Berlin, Boston, 2018. P. 235–244. (Studia Samaritana, Bd. 11; Studia Judaica, Bd. 110).
94. Akhiezer G. Karaites in Poland Lithuania until the 17th Century // History of the Jews in Russia from the Modern Times to the Early Modern Ages / Ed. A. Kulik. Jerusalem: The Zalman Shazar Center for Jewish History, 2010. P. 233–258 (in Hebrew).
95. Ankori Z. Karaites in Byzantium: The Formative Years, 970–1100. New York, Jerusalem, 1959. 546 p.
96. Bartal I. Eastern European Haskalah and the Karaites: Christian Hebraism and Imperial Politics // Kara'ei mizrakh Eiropa ba-dorot ha-akharonim / Eds. D.Y. Shapira, D.J. Lasker. Jerusalem: Ben-Zvi Institute, 2011. P. 57–67.
97. Kaplanov R.M. Karaite ethnic identity in Russia and Poland in the XX century // Рашид Мурадович Капланов: Труды. Интервью. Воспоминания / Центр науч. работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Ред. В. Мочалова. М.: Пробел-2000, 2011. С. 152.
98. Fedorchuk A., Shapira D.Y. The Tombstone Inscriptions №№ 1–326 from the Book Avnei Zikkaron by Avraham Firkowicz, According to their Authentic Texts and with their Real Dates (in hebrew) // Eastern European Karaites in the Last Generations / Eds. D.Y. Shapira, D.J. Lasker. Jerusalem, 2011. P. 11–35.
99. Fedorchuk A. Jewish Tombstone Inscriptions from the Crimean Peninsula in the First Ottoman Century (1475–1577) // Eastern European Karaites in the Last Generations / Eds. D.Y. Shapira, D.J. Lasker. Jerusalem, 2011. P. 37–82.
100. Harviainen T. Abraham Firkovich and the Karaite Community in Jerusalem in 1864 // Manuscripta Orientalia: International Journal for Oriental Manuscript Research 2. St. Petersburg, Helsinki: Thesa, 1998. Vol. 4, June. P. 66–70.
101. Harviainen T. Abraham Firkovich as a Collector of Dispersed Minorities and Their Manuscripts in the Light of His Archive in St. Petersburg // Jewish Studies. Journal of the World Union of Jewish Studies. Jerusalem, 1999. Vol. 39. P. 97–106.
102. Harviainen T., Halen H. An 1843 Karaim Dowry List from the Crimea – Turkic in Hebrew Appearance // Studia Orientalia. 2009. Vol. 108. P. 267–282.

103. Jankowski H. The contents of Katyk's mejuma // Тюркская и смежная лексикология и лексикография. Сборник к 70-летию Кенесбая Мусаева / Ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо, Р.А. Тадинов. М., 2004. С. 103–119.
104. Jankowski H. Karaim mejumas in Eupatoria // Unknown Treasures of the Altaic World in Libraries, Archives and Museums. 53rd Annual Meeting of the Permanent International Altaistic Conference, Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg, July 25–30, 2010. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2013. P. 246. (Studien zur Sprache, Geschichte und Kultur der Türkvölker, 13).
105. Karaite Judaism. A Guide to Its History and Literary Sources / Ed. M. Polliack. Leiden, Boston: Brill, 2003. 981 p.
106. The Karaites and Karaism: an Annotated Bibliography / Ed. B. Walfish with assistance of M. Kizilov. Leiden, Boston: Brill, 2011. 810 p.
107. Kizilov M. Karaites Through the Travelers' Eyes: Ethnic History, Traditional Culture and Everyday Life of the Crimean Karaites According to the Description of the Travelers. N.Y.: Al-Qirqisani Center for the Promotion of Karaite Studies, 2003. 270 p.
108. Kizilov M. The Karaites of Galicia: an Ethnoreligious Minority among the Ashkenazim, the Turks, and the Slavs, 1772–1945. Leiden, Boston, 2009. 458 p.
109. Lucca P. I caraiti nella Crimea imperiale russa. Rappresentazioni e costruzioni identitarie // La Crimea tra Russia, Italia e Impero ottoman / Eds. A. Ferrari, E. Pupulin. Venezia: Edizioni Ca' Foscari – Digital Publishing, 2017. P. 69–90. (Eurasiatica. Quaderni di studi su Balcani, Anatolia, Iran, Caucaso e Asia Centrale 8).
110. Mann J. Texts and Studies in Jewish History and Literature. Vol. II. *Qaraitica*. Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1935. XXIII, 1600 p.
111. Mann J. Texts and studies in Jewish history and Literature. Introduction by Gerson D. Cohen. Vol. 1. New York: Ktav Publishing House, 1972. 728 p.
112. Mann J. Texts and studies in Jewish history and Literature. Introduction by Gerson D. Cohen. Vol. II. New York: Ktav Publishing House, 1972. 1600 p.
113. Miller P. Karaite Separatism in Nineteenth-Century Russia. Cincinnati: Hebrew Union College Press, 1993. 252 p.
114. Miller Ph. Agenda in Karaite printing in the Crimea during the Middle Third of the Nineteenth Century // Studies in Bibliography and Booklore. 1998. Vol. XX. P. 82–88.
115. Nosonovsky M. Old Jewish Cemeteries in Ukraine: History, Monuments, Epitaphs // The Euro-Asian Jewish Yearbook – 5768 (2007/2008) / Ed. M. Chlenov. Moscow, 2009. P. 237–261.
116. Nosonovsky M. Folk beliefs, mystics and superstitions in Ashkenazi and Karaite tombstone inscriptions from Ukraine // Markers. 2009. No. 26. P. 120–147.
117. Olszowy-Schlanger J. Early Karaite Family Law // Karaite Judaism. A Guide to Its History and Literary Sources / Ed. M. Polliack. Leiden: Brill, 2003. P. 275–289.
118. Olszowy-Schlanger J. Karaite Legal Documents // Karaite Judaism. A Guide to Its History and Literary Sources / Ed. M. Polliack. Leiden: Brill, 2003. P. 255–274.
119. Shapira D. Avraham Firkowicz in Istanbul (1830–1832): paving the way for Turkic nationalism. Ankara: KaraM, 2003. 120 p.
120. Shapira D. On Firkowicz, Forgeries and Forging Jewish Identities // Manufacturing a Past for the Present. Forgery and Authenticity in Medievalist Texts and Objects in Nineteenth-Century Europe / Eds. J.M. Bak, P.J. Geary, G. Klaniczay. Leiden, Boston: Brill, 2015. P. 156–169.
121. Szyszman S. Les karaites d'Europe. Uppsala: Centre d'études multiethniques de l'Université d'Uppsala, 1989. 94 p.
122. Tsaytshrift / Časopis is the Belarusian peer-reviewed annual journal for Jewish studies [Электронный ресурс]. URL: <https://tsaytshrift.blogspot.com/?view=magazine> (дата обращения 05.07.2021).
123. Kwartalnik Historii Żydów [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jhi.pl/nauka/kwartalnik-historii-zydow> (дата обращения 05.07.2021).

REFERENCES

1. Abakumova E.V. *Pravovoe polozhenie evreev v Rossiiskoi imperii v kontse XVIII – nachale XIX vv.* [The legal status of Jews in the Russian Empire at the end of the 18th – on the beginning of the 19th centuries]. Text of kandidat. diss. Moscow, 2014, 361 p.
2. Ankori C. Krymskie karaimy i hazary (iz knigi «Proishozhdenie karaimov v Vizantii») Crimean Karaites and Khazars (from the book “The Origin of the Karaites in Byzantium”). Vihnovich V.L. *Karaim Avraam Firkovich: Evreiskie rukopisi. Istorii. Puteshestviia* [Karaim Avraham Firkovich: Jewish Manuscripts. History. Travels], St.-Petersburg, Akademija issledovanija kul'tury Publ., 2012, pp. 255–304.
3. Ahiezer G. Karaites of the Polish-Lithuanian state until the end of the 17th century. Kulik A. (ed.), *Istorii evreiskogo naroda v Rossii: ot drevnosti do rannego Novogo vremeni* [History of the Jewish people in Russia: from Antiquity to Early Modern times], vol. 1, Jerusalem, Gesharim Publ., Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2010, pp. 292–320.
4. Ahiezer G. *Zavoevanie Kryma Rossiiskoi Imperiei glazami karaimskih khronistov* [The conquest of Crimea by the Russian Empire through the eyes of Karaite chroniclers]. Jerusalem, Gesharim Publ., Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2015, 240 p.
5. Ahiezer G. Karaite and Rabbanite scribes of the Genoese Kaffa period based on materials from manuscript collections. El'jashevich V.A., Kizilov M.B. (eds.). *Karaimy Feodosii: istoriia, religiia, kul'tura* [Karaites of Feodosia: history, religion, culture], Simferopol, Feodosia, Tavrida Publ., 2018, pp. 12–22.
6. Belyi O.B. From the history of the Karaite community of Crimea at the end of the 18th – in the beginning of 19th century. Based on materials from the fund of the Tauride and Odessa Karaite spiritual government at the Central State Archive of Crimea. *Krymskii muzei* [Crimean Museum], Simferopol, Tavria Publ., 1994, vol. 1, pp. 30–35.
7. Belyi O.B. A review of archival documents on the history of the Karaite community in the first half of the 19th century (based on the materials of the Taurida and Odessa Karaite spiritual government in the GAARK). *Krymskii muzei: 1995–1996* [Crimean Museum: 1995–1996], Simferopol, 1996, pp. 105–121.
8. Berdiev Sh.I. *Karaimy: problemy etnokul'turnoi i etnoiazykovoii identifikatsii* [Karaites: problems of ethnocultural and ethno-linguistic identification]. Abstract of of kandidat. diss. Na'chik, 2012, 22 p.
9. Braichevs'kii M. Crimean session of 1952. Richka V., Tolochko O. (eds.), *Ruthenica*, Kyev, 2002, vol. 1, pp. 175–184.
10. Vasil'eva O.V. Oriental manuscript funds of the Russian National Library. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka* [Written monuments of the East], 2005, vol. 1, pp. 217–238.
11. Vasiutinskaia D. Mangup-Qal'eh Jewish Community Documents in the First Firkowicz Collection. Fedorchuk A.M., Chlenova S.F. (eds.), *Studia Anthropologica: sbornik statei v chest' M.A. Chlenova* [Collection of articles in honor of M.A. Chlenov], Moscow, Mosty kul'tury Publ., Jerusalem, Gesharim Publ., 2010, pp. 143–173.
12. Vishlenkova E.A. *Religioznaia politika v Rossii, pervaiia chetvert' 19 veka* [Religious policy in Russia, first quarter of the 19th century]. Text of doctor. diss. Kazan, 1998, 466 p.
13. Vikhnovich V.L. *Karaim Avraam Firkovich: evreiskie rukopisi. Istorii. Puteshestviia* [Karaim Avraham Firkovich: Jewish manuscripts. History. Travels]. St.-Petersburg, Akademija issledovanija kul'tury Publ., 2012, 368 p.
14. Vikhnovich V.L., Lebedev V.V. The riddle of 15,000 ancient manuscripts. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 1992, vol. 2, pp. 130–140.
15. Gavrilencov A.F. *Politika gosudarstvennoi vlasti Rossiiskoi imperii v otnoshenii Pravoslavnoi tserkvi, inoslavnykh konfessii i avraamicheskikh (nekhristianskikh) veroispovedanii v 1721–1917 gg.; sushchnost', printsipy, evoliutsiia* [The policy of the state power of the Russian Empire in relation to the Orthodox Church, heterodox confessions and Abrahamic (non-Christian) religions in 1721–1917; essence, principles, evolution]. Abstract of doctor. diss. Moscow, 2010, 44 p.
16. Gavrilov A.V., Maiko V.V. *Srednevekovoe gorodishche Solkhat-Krym: Materialy k arkhologicheskoi karte goroda Staryi Krym* [Medieval settlement Solkhat-Crimea: Materials for the archaeological map of the city of Old Crimea]. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2014, 212 p.

17. Gammal M. Reforms of the traditional ritual of the Karaites of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries. Belova O.V. (ed.), «Staroe» i «novoe» v slavjanskoj i evrejskoj kul'turnoj tradicii [“Old” and “new” in the Slavic and Jewish cultural tradition], Moscow, 2012, pp. 85–102.
18. Gammal M. Karaites in the Russian Empire. Lur'e I. (ed.), *Istoriia evreiskogo naroda v Rossii* [History of the Jewish people in Russia], vol. 2, Moscow, Mosty kul'tury Publ., Jerusalem, Gesharim Publ., 2012, pp. 204–223.
19. Gammal M. Karaite historiography in the first half of the 19th century on the example of the polemical works of A.S. Firkovich. *Novye issledovaniia po evreiskoi istorii. Materialy XIX Mezhdunarodnoi ezhegodnoi konferentsii po iudaike* [New research on Jewish history. Materials of the 19th International Annual Conference on Jewish Studies], Moscow, 2012, vol. 3, pp. 288–305.
20. Gammal M.I. Intellectuals versus pragmatists: Polish Karaites in Crimea. Zelenina G. (ed.), *Evrei: drugaia istoriia* [Jews: another story], Moscow, ROSSPEN Publ., 2013, pp. 265–286.
21. Gammal M.I. Karaites and empire: the liberation of the Karaites from conscription in 1827. Kovelman A.B. (ed.), *Izrail' drevnii i novyi. Izdanie Instituta stran Azii i Afriki MGU im. M.V. Lomonosova. Trudy Kafedry iudaiki* [Ancient and new Israel. Publishing House of the Institute of Asian and African Countries, Moscow State University M.V. Lomonosov. Proceedings of the Department of Judaica], Moscow, Indrik Publ., 2015, vol. 1, pp. 144–165.
22. Gertsen A.G. Archaeological research of Karaite monuments in Crimea. *Materialy po arkeologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 1998, vol. 6, pp. 744–751.
23. Gertsen A.G. At the origins of the Jewish community of Mangup. *IV Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia* [Bosporus Cimmerian and barbarian world in the period of antiquity and the Middle Ages. Materials of the IV Bosporus readings], Kerch, 2003, pp. 69–79.
24. Gertsen A.G., Mogarichev Iu.M. Kyrk-Er – Chufut-Kale. *Krepost' na kraiu sed'mogo klimata: Issledovanie. Putevoditel'. Al'bom* [Kyrk-Er - Chufut-Kale. A Fortress at the Edge of Climate Seven: An Exploration. Guide. Album]. Simferopol, Antikva Publ., 2016, 312 p.
25. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Towards a discussion about the early ethnic history of the Crimean Karaites: an archaeological aspect. Laptev Iu.N., Naumenko L.A. (eds.), *Etnografiia Kryma XIX–XXI vv. i sovremennye etnokul'turnye protsessy. Tezisy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, [Ethnography of the Crimea in the 19th – 21st centuries and modern ethnocultural processes. Abstracts of the 4th International scientific and practical conference], Simferopol, Antikva Publ., 2017, pp. 21–23.
26. Davydova N.A. The attitude of the Soviet authorities to the ministers of religious cults in Sevastopol in 1920–1930. *V poiskah utrachennogo edinstva* [In search of the lost unity], Simferopol, Krymskij arhiv Publ., 2005, pp. 184–192.
27. Duvan S.E. *Ia liubliu Evpatoriiu* [I love Evpatoria]. Simferopol, Feniks Publ., 2013, 204 p.
28. Zarubin V.G. Solomon Crimea and the second Crimean regional government (1918–1919). *Istoricheskoe nasledie Kryma* [Historical heritage of Crimea], Simferopol, 2005, vol. 10, pp. 97–108.
29. Zarubin V.G. Karaites – Victims of the Red Terror during the Civil War in Crimea. *Trudy po evreiskoi istorii i kul'ture. Materialy XXI Ezhegodnoi Mezhdunarodnoi Mezhdistsiplinarnoi konferentsii po iudaike* [Works on Jewish History and Culture Materials of the 21st Annual International Interdisciplinary Conference on Jewish Studies], Moscow, 2014, pp. 180–189.
30. Kovelman A.B. (ed.). *Izrail' drevnii i novyi: trudy kafedry iudaistiki Instituta stran Azii i Afriki MGU* [Israel ancient and new: works of the Department of Judaism of Institute of Asian and African countries of Moscow State University], Moscow, Indrik Publ., 2015, 206 p.
31. Kaplanov R.M. On the history of the Karaite literary language. *Malye i dispersnye etnicheskie gruppy v Evropeiskoi chasti SSSR* [Small and dispersed ethnic groups in the European part of the USSR]. Moscow, 1985, pp. 95–106.
32. Kaplanov R.M., Gammal M.I. New about the pronunciation of Hebrew among the Karaites of Eastern Europe. Mochalova V. (ed.), *Rashid Muradovich Kaplanov: Trudy. Interv'iu. Vospominaniia* [Rashid Muradovich Kaplanov: Proceedings. Interview. Memories], Moscow, Probel-2000 Publ., 2011, pp. 160–165.

33. El'iashevich V.A., Kizilov M.B. (eds.). *Karaimy Feodosii: istoriia, religiia, kul'tura* [Karaites of Feodosia: history, religion, culture], Simferopol, Feodosia, Tavrida Publ., 2018, 376 p.
34. *Karaimy Galycha: istoriia ta kul'tura. Materialy mizhnarodnoi konferentsii* [Karaites of Halych: History and Culture. Proceedings of the International Conference], L'viv, Galych, Prostir-M Publ., 2002, 158 p.
35. Iurchenko I., Kefeli O., Iurchenko N., Beregovsky O. (eds.). *Karaimy'ke kladovyshche bilia Galycha: Katalog nadmogil'nyh pam'iatnykiv* [Karaites cemetery near Halych: Catalog of tombstones]. L'viv, Galych, Spolom Publ., 2000, 256 p.
36. Katunina E.V., Katunin Iu.A. The reasons for the liquidation of the Karaite religious communities in the 1940s–1960s. *Kul'tura narodov Prichernomor'ia* [Culture of the peoples of the Black Sea region], Simferopol, 2005, vol. 62, pp. 74–81.
37. Kashovskaia N.V. Karaite collection of funds of the State Museum of the History of Religion. *Works of State Museum of the History of Religion*, St. Petersburg, 2015, pp. 65–71.
38. Kashovskaia N.V. On the results of the study of the Karaite necropolis in the Tabana-dere gorge (Mangup): problems of chronology and periodization. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2017, vol. 22, pp. 239–277.
39. Kefeli A. On the formation of global Karaite scholarly thought in the regions of modern Western Ukraine and Lithuania. *Karaimy Galycha: istoriia ta kul'tura. Materialy mizhnarodnoi konferentsii* [Karaites of Halych: History and Culture. Proceedings of the International Conference], L'viv, Galych, Prostir-M Publ., 2002, pp. 65–75.
40. Kefeli A. The role of the Karaite communities in Jerusalem, Constantinople, Crimea, Lithuania and Poland in the development of Karaite and world literature. *Caraimica: Quarterly Review / International Institute of the Crimean Karaites*, Slipperi-Rock, Simferopol, 2007, vol. 1, pp. 39–42.
41. Kizilov M.B. Karaite community of Gezlev (Evpatoria) in the 18th–19th centuries according to eyewitnesses. *Tirosh: Trudy po iudaike* [Tirosh: Works on Jewish Studies], Moscow, 2001, vol. 5, pp. 245–256.
42. Kizilov M.B. To the history of the Karaite community of Mangup. *Vestnik Evreiskogo universiteta* [Bulletin of the Jewish University], 2002, vol. 7 (25), pp. 113–122.
43. Kizilov M.B. On the history of little-known Karaite communities of the Crimean Peninsula. *Tirosh: Trudy po iudaike* [Tirosh: Works on Jewish Studies], Moscow, 2003, vol. 6, pp. 127–140.
44. Kizilov M. *Krymskaia Iudeia: Ocherki istorii evreev, khazar, karaimov i krymchakov v Krymu s antichnykh vremen i do nashikh dnei* [Crimean Judea: Essays on the history of Jews, Khazars, Karaites and Krymchaks in Crimea from ancient times to the present day]. Simferopol, Dolia Publ., 2011, 336 p.
45. Burmistrov K.Iu. (ed.). *Knigi karaimov Kryma: katalog vystavki knig iz fondov Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki* [Books of the Karaites of Crimea: catalog of the exhibition of books from the holdings of the Russian State Library]. Moscow, RGB Publ., 2016, 79 p.
46. Kotliar E. The Karaite community of Kharkov and the “Family nest” of the Karaites in Crimea: the experience of studying historical and architectural ties. *Paralleli: russko-evreiskii istoriko-literaturnyi i bibliograficheskii al'manakh* [Parallels: Russian-Jewish historical, literary and bibliographic almanac], Moscow, 2007, vol. 8–9, pp. 181–199.
47. Kramarovskii M.G. Religious communities in the history and culture of Solkhat 13th–14th centuries. *Archeologia abrahamica: issledovaniia v oblasti arkheologii i khudozhestvennoi traditsii iudaizma, khristianstva i islama* [Archeologia abrahamica: Research in the Archeology and Artistic Tradition of Judaism, Christianity and Islam], Moscow, Indrik Publ., 2009, pp. 395–431.
48. Kramarovskii M.G. Solkhat Judaica. *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'* [East. Afro-Asian Societies: Past and Present], Moscow, 2016, vol. 5, pp. 6–24.
49. Kupovetskii M.S. Dynamics of the number and settlement of Karaites and Krymchaks over the past two hundred years. *Geografiia i kul'tura etnograficheskikh grupp tatar v SSSR* [Geography and culture of ethnographic groups of Tatars in the USSR], Moscow, 1983, pp. 76–94.
50. Kutaisov V.A., Kutaisova M.V. *Evpatoriia: Drevnii mir. Srednie veka. Novoe vremia* [Eupatoria: Ancient World. Middle Ages. New time]. Kiev, Stilos Publ., 2007, 284 p.

51. Lashkov F.F. Statistical information about Crimea, reported by the Kaymakans in 1783. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* [Notes of the Odessa society of history and antiquities], Odessa, 1886, Vol. 14, pp. 92–156.
52. Lebedev V.V. From the history of the formation of the collection of oriental manuscripts of the State Public Library. *Vostochnyi sbornik* [Oriental collection], 1990, vol. 4, pp. 10–21.
53. Lebedev V.V. To the source study assessment of some of the manuscripts of A.S. Firkovich. *Palestinskii sbornik* [Palestinian Collection], Leningrad, 1987, vol. 29, pp. 57–63.
54. Lebedev V.V. New data on the gathering activity of A.S. Firkovich. *Vostochnyi sbornik* [Oriental Collection], 1990, vol. 4, pp. 32–44.
55. L'vov A.L. *Prostonarodnoe dvizhenie iudeistvuiushchikh v Rossii XVIII–XX vekov: metodologicheskie aspekty etnograficheskogo izucheniia* [Common People's Movement of Judaizers in Russia in the 18th – 20th centuries: Methodological Aspects of Ethnographic Study]. Text of kandidat. diss. St.-Petersburg, 2007, 239 p.
56. Medvedeva L.Ia. On the collection of Karaite and Krymchak manuscripts in the Leningrad Region of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences. *Sovetskaia tiurkologiia* [Soviet Turkology], Moscow, 1988, no. 6, pp. 89–102.
57. Medvedeva L.Ia. The literary heritage of the Karaite poet I.I. Erak. *Sovetskaia tiurkologiia* [Soviet Turkology], 1977, no. 2, pp. 42–46.
58. Minkina O.Iu. “*Syny Rahili*”: *evreiskie deputaty v Rossiiskoi imperii, 1772–1825* [“Sons of Rachel”: Jewish Deputies in the Russian Empire, 1772–1825]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011, 344 p.
59. Mogarichev Iu.M. “*Peshhernye goroda*” *Gornoi Iugo-Zapadnoi Tavriki v opisanii A.S. Uvarova* [“Cave cities” of the Mountain South-West Taurica in the description of A.S. Uvarova]. Simferopol, *Biznes-Inform Publ.*, 2019, 344 p.
60. Nosonovskii M.I. *Evreiskie epigraficheskie pamiatniki Vostochnoi Evropy* [Hebrew epigraphic monuments from East Europe], Boston, 2002, 170 p.
61. Nosonovskii M., Shabarovskii V. Karaite community of the XVI–XVIII centuries in Derazhny in Volyn. *Vestnik Evreiskogo universiteta v Moskve* [Bulletin of the Hebrew University in Moscow], Moscow, 2004, vol. 9 (27), pp. 29–50.
62. Radlov V. (ed.). *Obrazcy narodnoi literatury severnykh tiurkskikh plemen: v 10 ch.* [Samples of folk literature of the northern Turkic tribes: at 10 parts], vol. 7, St.-Petersburg, Akademia nauk Publ., 1896, XVIII, 408, 507 p.
63. Vasil'eva O., Zaikovskii B., Kantsedikas A. (eds.). *Ornament drevneevreiskikh rukopisei* [Hebrew manuscript ornament]. Moscow, Tel'-Aviv, RGB Publ., 2003, 137 p.
64. Primakov D.Ia. *Osobennosti evreiskoi pravovoi sistemy: sravnenie evreiskogo i musul'manskogo prava (VII–XIII vv.)* [Features of the Jewish legal system: comparison of Jewish and Muslim law (7th–13th centuries)]. Text of kandidat. diss. St.-Petersburg, 2011, 154 p.
65. Prokhorov D.A. Activities of TUAК–TOIAE in the study of history, ethnocultural and confessional traditions of the Crimean Karaites (1887–1930). *Istoricheskoe nasledie Kryma* [Historical heritage of Crimea], Simferopol, 2007, vol. 19, pp. 162–177.
66. Prokhorov D.A. Folklore plots and motives on the pages of Karaite periodicals of the mid-19th – on early 20th centuries. Belova O.V. (ed.), *Ustnoe i knizhnoe v slavianskoi i evreiskoi kul'turnoi traditsii* [Oral and book in the Slavic and Jewish cultural tradition], Moscow, 2013, pp. 141–169.
67. Prokhorov D.A. *Karaimy v Rossiiskoi imperii v kontse XVIII – nachale XX veka* [Karaites in the Russian Empire at the end of the 18th – beginning of the 20th century]. Simferopol, Antikva Publ., 2019, 632 p.
68. Prokhorov D.A., Voronkov S.M., Kuzin V.A. *Karaimskie obshchiny: biografii, fakty i dokumenty (konets XVIII – nachalo XX veka)* [Karaite communities: biographies, facts and documents (late 18th – early 20th centuries)]. Simferopol, Antikva Publ., 2019, 456 p.
69. Prokhorov D.A. *Krymskie karaimy v epohu Srednevekov'ja i v Novoe vremja* [Crimean Karaites in the Middle Ages and in Modern Times]. Text of doctor. diss. Simferopol, 2020, 773 p.
70. Rashkovskii B.E. “Before the Genoese...” Letter to A.S. Firkovich M.S. Vorontsov about the time of the emergence of the Crimean Karaite community. *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'* [Vostok. Afro-Asian Societies: Past and Present], 2018, vol. 1, pp. 152–166.

71. Rybakov B.A. *Ob oshibkakh v izuchenii istorii Kryma i o zadachakh dal'neishikh issledovaniĭ* [On mistakes in studying the history of Crimea and on the tasks of further research]. Simferopol, Krymizdat Publ., 1952, 17 p.
72. Smirnov V.D. Tatar-Khan labels from the collection of the Taurida Scientific Archive Commission. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [News of Taurida Scientific Archive Commission], Simferopol, 1918, vol. 54, pp. 1–19.
73. Kefeli A. *Sivri Sienek Saz. Sbornik muzykal'nogo fol'klora krymskikh karaimov* [Collection of musical folklore of the Crimean Karaites]. Simferopol, 2018, 432 p.
74. Solodukhina T.G. *Iudeiskie obshchiny siriiskikh provintsii Osmanskoi imperii kak ob'ekt vliianiia velikikh derzhav v kontse XVIII – seredine XIX v.* [Jewish communities of the Syrian provinces of the Ottoman Empire as an object of influence of the great powers in the late 18th – mid-19th centuries]. Abstract of kandidat. diss. Moscow, 2017, 29 p.
75. Tereshchuk N.M. The relationship of religious communities of non-Christian confessions with the bodies of Soviet power in the 1920s. *V poiskakh utrachennogo edinstva* [In search of the lost unity], Simferopol, Krymskii arkhiv Publ., 2005, pp. 217–226.
76. Tikhonov A.K. *Politika Rossiiskoi imperii po otnosheniiu k katolikam, musul'manam, iudeiam v poslednei chetverti XVIII – nachale XX v.* [The policy of the Russian Empire in relation to Catholics, Muslims, Jews in the last quarter of the 18th – early 20th centuries]. Text of doctor. diss. St.-Petersburg, 2007, 495 p.
77. Abdul'vaap N. (ed.). *Ukazatel' rukopisnykh i staropechatnykh knig, peredannykh v 1976 g. iz Bakhchisaraiskogo istoriko-arkheologicheskogo muzeia v Gosudarstvennuiu Publichnnuiu biblioteku im. M.E. Saltykova-Shchedrina* [Index of handwritten and early printed books transferred in 1976 from the Bakhchisarai Historical and Archaeological Museum to the State Public Library named after M.E. Saltykov-Shchedrin]. Simferopol, Dolia Publ., 2007, 160 p.
78. Fedorchuk A.M. Jewish necropolises of Crimea: history of research and current state. *Evroaziatskii evreiskii ezhegodnik – 5768 (2007/2008)* [Eurasian Jewish Yearbook – 5768 (2007/2008)], Moscow, Pallada Publ., 2008, pp. 212–227.
79. Fel'dman D.Z. RGADA documents on the history of the Crimean Karaites of the 18th–19th centuries: the experience of archival research. *Istochnikovedenie i istoriografiia istorii Kryma XV–XVIII vv.: problemy i perspektivy* [Source study and historiography of the history of the Crimea in the 15th–18th centuries: problems and prospects], Simferopol, Mediacentr im. Gasprinskogo Publ., 2016, pp. 493–506.
80. Fel'dman D.Z., Kapkov K.G. On rewarding the leaders of Jewish and Karaite communities during the reign of Emperor Nicholas II. Budnitskii O.V. (ed.), *Arkhiv evreiskoi istorii* [Archives of Jewish history], Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2016, vol., 8, pp.130–155.
81. Fel'dman D.Z., Peters D.I. *Na pol'zu Otechestva. O zaslugakh evreev Rossiiskoi imperii i ikh nagrazhdenii* [For the benefit of the Fatherland. On the merits of the Jews of the Russian Empire and their reward]. Moscow, Dom evreiskoi knigi Publ., 2016, 324 p.
82. Chizhova L.V. Karaites. Kozlov S.Ia., Chizhova L.V. (eds.), *Tiurkskie narody Kryma: Karaimy. Krymskie tatory. Krymchaki* [Turkic peoples of the Crimea: Karaites. Crimean Tatars. Krymchaks], Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 12–135.
83. Shapira D. “Song of Mangup” of 1793: an unknown source on the history of the Karaites of Crimea. *Vestnik Evreiskogo universiteta* [Bulletin of the Jewish University], 2002, vol. 7 (25), pp. 283–294.
84. Shapira D. Yitzhak Sangari, Sangarit, Bezalel Stern and Avraham Firkovich: the story of two fake inscriptions. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], Simferopol, 2003, vol. 10, pp. 533–555.
85. Shapira D. The current state of a number of colophon additions on biblical manuscripts from the first collection of A.C. Firkovich. *Materialy odinnadtsatoi ezhegodnoi mezhdunarodnoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii po iudaïke* [Proceedings of the Eleventh Annual International Interdisciplinary Conference on Jewish Studies], Moscow, 2004, vol. 1, pp. 102–130.
86. Shapira D. Jews in the Northern Black Sea Region from Antiquity to the Early Middle Ages. Kulik A. (ed.), *Istoriia evreiskogo naroda v Rossii: ot drevnosti do rannego novogo vremeni* [History of the

- Jewish People in Russia: from Antiquity to the Early Modern Age], vol. 1, Jerusalem, Gesharim Publ., Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2010, pp. 13–43.
87. Iablonovs'ka N.V. Bulletin “Mysl' karaimska”: coverage of the life of the Karaite community of Crimea. *Tvorchi ta organizaciini osoblyvosti funkcionuvannia suchasnogo mediinogo prostoru* [Creative and organizational features of the functioning of the modern media space], 2008, vol. 2, pp. 315–321.
 88. Iakerson S.M. *Evreiskaja rukopisnaia i pervopechatnaia kniga X–XV vv. kak istoriko-kul'turnyi istochnik* [Jewish manuscript and first printed book of the 10th – 15th centuries as a historical and cultural source]. Text of doctor. diss. St.-Petersburg, 2005, 461 p.
 89. Iakerson S.M. *Ot bukvy k litere: ocherki po istorii evreiskoi srednevekovoi knigi* [From letter to type: essays on the history of the Jewish medieval book]. St.-Petersburg, Kontrast Publ., 2016, 391 p.
 90. Akhiezer G. The Karaite Isaac ben Abraham of Troki and His Polemics against the Rabbanites. Goodblatt C., Kreisel H. (eds.), *Tradition, Heterodoxy and Religious Culture: Judaism and Christianity in the Early Modern Period*, Ben-Gurion University of the Negev Press, 2007, pp. 437–468.
 91. Akhiezer G. Historical Research and Forgeries in the Age of Nationalism: The Case of the Russian Empire between Jews and Russians. *East European Jewish Affairs*, 2018, vol. 48, 2, pp. 101–117.
 92. Akhiezer G. Intellectual Life and Cultural Milieu of Jewish Communities in the Medieval Kaffa and Solkhat. *AJS Review*, 2019, vol. 43, iss. 1, pp. 1–21.
 93. Akhiezer G. Between Samaritans and Karaites: Abraham Firkovich and His Perception of Samaritanism. Dusek J. (ed.), *The Samaritans in Historical, Cultural and Linguistic Perspectives*, Studia Samaritana 11, Studia Judaica 110, Berlin, Boston, 2018, pp. 235–244.
 94. Akhiezer G. Karaites in Poland Lithuania until the 17th Century. Kulik A. (ed.), *History of the Jews in Russia from the Modern Times to the Early Modern Ages*, Jerusalem, Zalman Shazar Center for Jewish History Publ., 2010, pp. 233–258.
 95. Ankori Z. Karaites in Byzantium: *The Formative Years, 970–1100*. New York, Jerusalem, 1959, 546 p.
 96. Bartal I. Eastern European Haskalah and the Karaites: Christian Hebraism and Imperial Politics. Shapira D.Y., Lasker D.J. (eds.), *Kara'ei mizrakh Eiropa ba-dorot ha-akharonim*, Jerusalem, Ben-Zvi Institute Publ., 2011, pp. 57–67.
 97. Kaplanov R.M. Karaite ethnic identity in Russia and Poland in the XX century. Mochalova V. (ed.), *Rashid Muradovich Kaplanov: Trudy. Interv'iu. Vospominaniia* [Rashid Muradovich Kaplanov: Works. Interview. Memories], Moscow, Probel-2000 Publ., 2011, p. 152.
 98. Fedorchuk A., Shapira D.Y. The Tombstone Inscriptions №№ 1–326 from the Book Avnei Zikkaron by Avraham Firkowicz, According to their Authentic Texts and with their Real Dates (in hebrew). Shapira D.Y., Lasker D.J. (eds.), *Eastern European Karaites in the Last Generations*, Jerusalem, 2011, pp. 11–35.
 99. Fedorchuk A. Jewish Tombstone Inscriptions from the Crimean Peninsula in the First Ottoman Century (1475–1577). Shapira D.Y., Lasker D.J. (eds.), *Eastern European Karaites in the Last Generations*, Jerusalem, 2011, pp. 37–82.
 100. Harviainen T. Abraham Firkovich and the Karaite Community in Jerusalem in 1864. *Manuscripta Orientalia: International Journal for Oriental Manuscript Research* 2. St.-Petersburg, Helsinki, Thesa Publ., 1998, vol. 4, June, pp. 66–70.
 101. Harviainen T. Abraham Firkovich as a Collector of Dispersed Minorities and Their Manuscripts in the Light of His Archive in St. Petersburg. *Jewish Studies. Journal of the World Union of Jewish Studies*, Jerusalem, 1999, vol. 39, pp. 97–106.
 102. Harviainen T., Halen H. An 1843 Karaim Dowry List from the Crimea – Turkic in Hebrew Appearance. *Studia Orientalia*, 2009, vol. 108, pp. 267–282.
 103. Jankowski H. The contents of Katyk's mejuma. Tenishev E.R., Dybo A.V., Tadinov R.A. (eds.), *Tiurkskaia i smezhnaia leksikologiia i leksikografiia. Sbornik k 70-letiiu Kenesbaia Musaeva* [Turkic and related lexicology and lexicography. Collection for the 70th anniversary of Kenesbay Musaev], Moscow, 2004, pp. 103–119.
 104. Jankowski H. Karaim mejumas in Eupatoria. Unknown *Treasures of the Altaic World in Libraries, Archives and Museums. 53rd Annual Meeting of the Permanent International Altaistic Conference*,

- Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg, July 25–30, 2010.* Berlin, Klaus Schwarz Verlag, 2013, pp. 246.
105. Polliack M. (ed.), *Karaite Judaism. A Guide to Its History and Literary Sources*. Leiden, Boston, Brill, 2003, 981 p.
106. Walfish B. with assistance of M. Kizilov (ed.). *The Karaites and Karaism: an Annotated Bibliography*. Leiden, Boston, Brill, 2011, 810 p.
107. Kizilov M. *Karaites Through the Travelers' Eyes: Ethnic History, Traditional Culture and Everyday Life of the Crimean Karaites According to the Description of the Travelers*. N.Y., Al-Qirqisani Center for the Promotion of Karaite Studies, 2003, 270 p.
108. Kizilov M. *The Karaites of Galicia: an Ethnoreligious Minority among the Ashkenazim, the Turks, and the Slavs, 1772–1945*. Leiden, Boston, 2009, 458 p.
109. Lucca P. I caraiti nella Crimea imperiale russa. Rappresentazioni e costruzioni identitarie. Ferrari A., Pupulin E. (eds.), *La Crimea tra Russia, Italia e Impero ottoman*, Venezia, Edizioni Ca' Foscari – Digital Publ., 2017, pp. 69–90.
110. Mann J. *Texts and Studies in Jewish History and Literature. Vol. II. Karaitica*. Philadelphia, Jewish Publication Society of America, 1935. XXIII, 1600 p.
111. Mann J. *Texts and studies in Jewish history and Literature*. Introduction by Gerson D. Cohen. Vol. I. New York, Ktav Publishing House, 1972, 99, 728 p.
112. Mann J. *Texts and studies in Jewish history and Literature*. Introduction by Gerson D. Cohen. Vol. II. New York, Ktav Publishing House, 1972. 23, 1600 p.
113. Miller P. *Karaite Separatism in Nineteenth-Century Russia*. Cincinnati, Hebrew Union College Press, 1993, 252 p.
114. Miller Ph. Agenda in Karaite printing in the Crimea during the Middle Third of the Nineteenth Century. *Studies in Bibliography and Booklore*, 1998, vol. 20, pp. 82–88.
115. Nosonovsky M. Old Jewish Cemeteries in Ukraine: History, Monuments, Epitaphs. Chlenov M. (ed.), *The Euro-Asian Jewish Yearbook – 5768 (2007/2008)*, Moscow, 2009, pp. 237–261.
116. Nosonovsky M. Folk beliefs, mystics and superstitions in Ashkenazi and Karaite tombstone inscriptions from Ukraine. *Markers*, 2009, vol. 26, pp. 120–147.
117. Olszowy-Schlanger J. Early Karaite Family Law. Polliack M. (ed.), *Karaite Judaism. A Guide to Its History and Literary Sources*, Leiden, Brill, 2003, pp. 275–289.
118. Olszowy-Schlanger J. Karaite Legal Documents. Polliack M. (ed.), *Karaite Judaism. A Guide to Its History and Literary Sources*, Leiden, Brill, 2003, pp. 255–274.
119. Shapira D. *Avraham Firkowicz in Istanbul (1830–1832): paving the way for Turkic nationalism*. Ankara, KaraM Publ., 2003, 120 p.
120. Shapira D. On Firkowicz, Forgeries and Forging Jewish Identities. Bak J.M., Geary P.J., Klaniczay G. (eds.), *Manufacturing a Past for the Present. Forgery and Authenticity in Medievalist Texts and Objects in Nineteenth-Century Europe*, Leiden, Boston, Brill, 2015, pp. 156–169.
121. Szyszman S. *Les karaites d'Europe*. Uppsala, Centre d'études multiethniques de l'Université d'Upsal, 1989, 94 p.
122. Tsaytshrift / Časopis is the Belarusian peer-reviewed annual journal for Jewish studies. Available at: <https://tsaytshrift.blogspot.com/?view=magazine>.
123. Kwartalnik Historii Żydów. Available at: <https://www.jhi.pl/nauka/kwartalnik-historii-zydow>.

Информация об авторе

Прохоров Д. А. – доктор исторических наук, доцент кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Researcher ID: AAC-6172-2019.

Author information

Prokhorov D. A. – Doctor of Science (History), Associate Professor at the Department chair of document science and archive science at the Taurida Academy and Senior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: AAC-6172-2019.

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

DOI: <https://doi.org/10.37279/2413-189X.2021.26.656-672>

О ЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ ЗНАНИЯ «МЕЛОЧЕЙ». ОТВЕТ А. Ю. МИТРОФАНОВУ

Валерий Павлович Степаненко

*Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
v.stepanenko49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8399-5530>*

WHY KNOWLEDGE OF «SMALL THINGS» MATTERS: A RESPONSE TO A. IU. MITROFANOV

Valery P. Stepanenko

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Благодаря любезности редакции журнала «Христианское чтение» я получил возможность познакомиться с ответом А. Ю. Митрофанова (в дальнейшем – автор) на мою рецензию на его монографию в МАИЭТе [14]. К сожалению, он столь же сумбурен, как и сама монография. Стилистика же ответа, отнюдь не академическая, напоминает характер дискуссий в столь нелюбимую автором «эпоху тоталитаризма» [12] и вряд ли приемлема для автора, претендующего на пресловутый академизм и разделяющего либеральные ценности. Все это *«заставляет нас сожалеть о том, что мы вынуждены честно и беспристрастно оценивать публикацию, подписанную его именем. Но иного выхода нет, тем более что практически каждая страница монографии А. Митрофанова усыпана многочисленными фактическими, стилистическими и методологическими ошибками»*¹. Как кажется, основной целью г. Митрофанова было опустить рецензента до своего уровня. Отсюда и данная ему характеристика – *«Почтенный возраст рецензента и его авторитет уважаемого ученого заставляют нас сожалеть о том, что мы вынуждены честно и беспристрастно оценивать публикацию, подписанную его именем. Но иного выхода нет, тем более что практически каждая страница рецензии В. П. Степаненко усыпана многочисленными фактическими, стилистическими и методологическими ошибками, некоторая забывчивость и странные «фигуры умолчания» становятся отличительной чертой дальнейшего изложения В. П. Степаненко на страницах рассматриваемой рецензии. Эта отличительная черта, к сожалению, нередко влияет на стиль автора, придавая ему удивительную небрежность и временами даже не-*

¹ В дальнейшем тексты в кавычках и выделенные курсивом принадлежат А. Ю. Митрофанову. В данном случае мы цитируем автора, так как данное замечание применимо и к его труду.

ряшливость. При чтении рецензии В. П. Степаненко складывается впечатление, что эта рецензия была написана в спешке, текст ее подвергался достаточно небрежному редактированию и не был как следует прочитан перед публикацией».

Как известно, нападение – лучший метод защиты. Но переход г. Митрофанова «на личности» ни в коей мере не может отразиться на оценке его работы, ранее данной в рецензии. Повторю. Работа эклектична и вторична как по фактам, так и по выводам (см. Ф. Шаландон). Все это давно уже сделано. Так что претензии автора на новое прочтение давно известного материала вряд ли оправданны. Структура работы не продумана. Если бы ее появлению предшествовали не две работы автора, но серия статей, в коих были бы рассмотрены вопросы, существенные для разработки главной проблематики труда – стратегии Алексея Комнина, не было бы необходимости обращаться к ним в самой работе, как-то: предыстория сельджуков, социальная структура союза огузских племен, их тактика и вооружение², история варягов, облик византийских красавиц и прочее, и прочее³.

Будучи не в состоянии ответить на все претензии автора (для этого пришлось бы писать отдельную работу), отметим лишь основные проблемы, требующие ответа. Предшествующая историография используется крайне избирательно и субъективно. «Многочисленные» работы Р. А. Гусейнова и К. Каэна по общей истории сельджуков, рекомендованные В. П. Степаненко в качестве «обязательных», впервые вышли более пятидесяти лет назад и на сегодняшний день безнадежно устарели. Более поздние переиздания этих работ не содержат ничего принципиально нового, по сравнению с первыми публикациями указанных авторов. Если, конечно, не считать историческим открытием такую бессмысленную категорию, как «геополитическое пространство Евразии», в которое, с точки зрения Р. А. Гусейнова, вошли Армения и Грузия после сельджукского нашествия... Вот такие, с позволения сказать, «исследования» рекомендует нам в качестве «обязательных» В. П. Степаненко».

Инвектива автора в адрес Р. А. Гусейнова откровенно неприлична. Основные его работы, как ученика Н. В. Пигулевской, были опубликованы в «Палестинском сборнике» в Ленинграде в советский период. Позднейшая эволюция его (и не только!) воззрений на историю Закавказья печальна, но вряд ли может служить основанием для отрицания значения его ранних работ по сельджукской проблематике. Для

² «Некомпетентность В. П. Степаненко в области военной археологии кочевников раннего Средневековья делает его пленником нарративного повествования и не позволяет ему представить подлинные масштабы развития защитного вооружения, в частности ламеллярного доспеха, у кочевников евразийских степей в сельджукскую эпоху. В связи с этим В. П. Степаненко делает неправильные выводы относительно тактики сельджукской армии и необоснованно ставит под сомнение существование у сельджуков тяжеловооруженной конницы». Так как наши знания о тяжеловооруженной коннице крайне смутны, использовать здесь как аналогии вооружение «кочевников евразийских степей» крайне рискованно. Скорее, аналогии следует искать в Иране данного периода.

³ Кстати, византийскую принцессу Анну Комнину вряд ли можно назвать «августейшей великой княжной». Это что-то из недавней истории России.

своего времени они были значительны, так как в советской историографии ничего подобного тогда не было, и ныне нет. Что касается К. Казна, то ему ставится в вину то, что он находился под влиянием марксизма и даже некоторое время был членом французской компартии! *«Подобные лакуны в исследованиях К. Казна объясняются определенной идеологической ангажированностью исследователя, бывшего, как известно, до последних дней активным деятелем французской коммунистической партии. Ортодоксальные марксисты всегда недооценивали самостоятельное значение кочевых культур в развитии средневековой цивилизации. К. Казн не стал исключением, и его идеологические взгляды влияли на его научные выводы. Во-первых, К. Казн, по верному замечанию А. Пикока, не уделил должного внимания ранней истории сельджуков и других туркменских кочевых племен в Средней Азии, не предложил никакого объяснения причинам сельджукских завоеваний и успехам этих завоеваний. Во-вторых, К. Казн, как многие востоковеды его поколения, недооценивал значение археологии и ее данных в своих научных построениях. В силу указанных обстоятельств мы сознательно не ссылались на работы К. Казна, тем более что наша книга посвящена все-таки не сельджукам, а стратегии императора Алексея Комнина. Тот факт, что сомнительная хронология сельджукской экспансии К. Казна остается на данный момент, по словам В. П. Степаненко, единственной, никоим образом не делает ее «обязательной» для цитирования. Возможно, В. П. Степаненко заимствовал представления об «обязательности» цитирования тех или иных работ из советских времен, когда тоталитарный режим обязывал историков давать на страницах своих работ «цитатник» из так называемых «классиков», чем с успехом занимался и сам В. П. Степаненко. Мы же ссылаемся на работы современных исследователей, занимавшихся сельджуками, в частности на работы А. Пикока, П. Голдена и С. Г. Агаджанова».* Я рад, что С. Г. Агаджанов реабилитирован. Но работы А. Пикока ни в коей мере не в состоянии заменить труды К. Казна. В лучшем случае – дополнить.

Следует также отметить, что изучение ранней истории огузов ДО их появления на территории Малой Азии не входило в сферу научных интересов К. Казна, что следует из названия его работы – «Сельджукский Румский султанат. 1071–1330». Археология сельджукской Малой Азии в 1960-е гг. была в зачаточном состоянии. Даже в наше время положение немногим улучшилось. Это видно хотя бы по тому, что автор вынужден использовать археологические материалы кочевников Передней Азии и реконструкции (того же М. Горелика), так как малоазийский материал отсутствует⁴.

Что касается классиков, то, будучи человеком среднего возраста, г. Митрофанов имеет весьма смутные представления об особенностях научных публикаций периода т.н. тоталитарного режима. Для уяснения оных достаточно открыть работы его учителей или обратиться к здравствующим рецензентам его опуса. Без этих

⁴ В музеях Коньи и Стамбула хранятся каменные барельефы румского периода, как, например, со сражающимися воинами [42, р. 80].

реверансов ни одна работа не могла быть издана. Боюсь, что с тех времен мало что изменилось. Достаточно открыть автореферат любой современной диссертации. Т.н. классиков сменил невнятный набор методов и приемов, использованных при сотворении того или иного труда. И это не вина авторов, но требования свыше.

Работы ряда исследователей объявляются устаревшими, тенденциозными или несущественными, если они в чем-то не устраивают автора. Но почему тогда эти устаревшие работы постоянно переиздаются [22; 23; 24] и присутствуют в библиографии всех позднейших работ? Избирательность автора показательна, ибо труды Г. Шлюмберже (1905), Бартольда (1927), Гордлевского (1941) таковыми им не считаются. Повторюсь, для того, чтобы ответить на претензии автора, сформулированные излишне эмоционально, нужно писать отдельную работу. Но показательно, что на ряд замечаний, как-то: 1) участие князя Владимира в военных действиях в Малой Азии, 2) существование фем в Первом болгарском царстве, уничтоженных при завоевании Болгарии Василием II, и 3) мятеж некоего Адама Севастийского, автор не считал нужным или возможным ответить по существу.

1) *«К сожалению, В. П. Степаненко демонстрирует незнание фундаментальной историографии в области внутренней византийской истории как в этом вопросе, так и в вопросе участия варяго-русской дружины князя Владимира в битве при Абидосе. Участие варяго-русской дружины в битве при Абидосе засвидетельствовано у Михаила Пселла, в других источниках, например у Иоанна Зонары и Георгия Кедрина и кроме того исследовано в работах В. Г. Васильевского. Личное участие князя Владимира в битве при Абидосе на основании сведений упомянутых источников представляется вполне возможным. Ибо условия договора между императором Василием II и князем Владимиром предполагали не только участие в боевых действиях варяго-русской дружины князя Владимира, но и незамедлительное вступление князя Владимира в беспрецедентный династический брак с принцессой Анной. «Открытия», приписанные нам в рецензии В. П. Степаненко, были давно сделаны учеными XIX в., на работы которых мы только что сослались».*

Несомненной заслугой автора является указание на личное участие князя Владимира в борьбе с мятежами в Малой Азии даже, как *post factum*, в качестве гипотезы. Данный тезис желательно развить со ссылками на источники и «на открытия, давно сделанные учеными XIX в.», так как до сих пор ни византинистам, ни русистам этот эпизод не был известен и в жизнеописаниях князя досадно отсутствует.

2) *«После 1018 г (падение Охриды, тогда – столицы Болгарии – В.С.) печенеги были отделены от Константинополя лишь выжженной пустыней и горами развалин, в которые Василий II превратил болгарские фемы» (с. 158). В ответ на наше замечание последовала следующая сентенция – «Выражение «болгарские фемы» означает на страницах нашей книги именно византийские фемы, располагавшиеся на территории бывшего Болгарского царства, а не какие-либо иные фемы. Книга написана для компетентной аудитории, а не для неучей».* Рецензент, что неоднократно констатирует автор, явно принадлежит к числу последних, так как не смог

уяснить какие «византийские фемы на территории бывшего Болгарского царства» обратил в груды развалин Василий II, так как царство стало бывшим только после 1018 г., и именно после этого на его территории были **созданы** византийские фемы, вероятнее всего, катепанат Болгария [последняя работа: 10, с. 154–181; см. также: 35]. Что до печенегов, то их первый набег на территорию Добруджи датируется 1026 г. [см.: 9, с. 141–164]. Человеку свойственно ошибаться...

Источники

«Автор настоящей статьи не нуждается в современном английском переводе хроники Матфея Эдесского, так как владеет древнеармянским языком на уровне, необходимом для чтения этого произведения. Кроме того, существует хороший французский перевод хроники Матфея Эдесского, выполненный Эдуардом Делорье еще во второй половине XIX в., который значительно превосходит «современные английские переводы». Хроника Матфея Эдесского использовалась нами при написании главы о восточной политике императора Иоанна I Цимисхия (с. 767). При этом те части хроники Матфея Эдесского, которые повествуют о событиях царствования императора Алексея Комнина, чрезвычайно тенденциозны и носят на себе сильный отпечаток идей армянского патриотизма. Эти части хроники Матфея Эдесского не слишком ценны для исследования военной и политической стратегии императора Алексея Комнина, так как армянин из Эдессы в силу естественных причин не обладал источниками информации об этой стратегии, которыми обладали Анна Комнина и Никифор Вриенний. Как Матфей Эдесский, так и Михаил Сириец (1126–1199) не обладали доступом к синхронным источникам по истории царствования императора Алексея». Автору осталось «совершенно непонятно то, какое отношение к проблеме источников Анны Комниной имеет текстология столь любимой В. П. Степаненко хроники Матфея Эдесского». «Складывается впечатление, что о внутренней критике источника автор не имеет ни малейшего представления, а задачи исторического исследования видит в простом пересказе сведений из различных нарративных текстов, преимущественно из «Алексиады».

К сожалению, мы вынуждены сделать данное замечание самому автору, считающему «Хронографию» Урхайеци поздней и несущественной для анализа ситуации в Малой Азии во второй половине XI в., хотя об АCOPE Санаинеци он что-то и слышал.

Напомним автору, что «Хронография» Урхаеци состоит из трех отдельных хроник [подробнее: 8, с. 367–376]. Нас интересует первая. Давно известен список армянских хронистов, чьи работы не сохранились или пока не найдены. Одним из них до недавнего времени и был АКОП Санаинеци. В 1974 г. Л. С. Хачикян обнаружил в собрании Матенадарана позднюю рукопись из эсцептами из армянских хроник [см.: 18, с. 16–24]. Среди них были фрагменты, автором некоторых, текстуально совпадавших с текстом «Хронографии» Урхайеци, назван АКОП Санаинеци, умерший, кстати, в Урхе-Эдессе в 1086 г., что отмечено в тексте Маттеоса. Т.е., по мнению Л. С. Хачикяна, весь текст, предшествующий этой дате, принадлежит именно АКОПУ. В тексте воспро-

изведены не только документы из архива шаханшахов Ани, но и из архива католикосата. Акоп был настоятелем Санаина и имел доступ к этим документам. Вывезли ли их в изгнание последний шаханшах Ани Гагик II и католикос Петрос Гетадардз, то нам неизвестно. Скорее всего, нет. Напомним об обстоятельствах их появления в Византии [15, с. 83, 85; см. также: 6, с. 207–216]. Как следствие, «Хронография», по крайней мере в первой ее части, остается одним из наиболее авторитетных источников по истории армяно-византийских отношений и собственно ситуации в Малой Азии как минимум до 70-х гг. XI в. Акоп Санаинеци был современником и участником описываемых событий. Как следствие, его труд в составе «Хронографии» Урхайеци вряд ли может считаться поздним. Все это уже присутствовало в тексте рецензии и по неизвестным причинам было проигнорировано автором. «Хронография» Урхайеци всюду объявляется поздней, что явно ошибочно. Обладая знанием грабара, как он утверждает, автор всюду ссылается на французский перевод Э. Дюлорье, тогда как доступно переиздание текста по вагаршапатскому изданию с переводом на современный армянский язык Р. М. Бартикяна [13].

«Мы же можем только удивляться тому, что византинист В. П. Степаненко, который на страницах своей рецензии постоянно ссылается на армянскую хронику Матфея Эдесского, либо не знает, либо сознательно игнорирует сведения византийских авторов. Быть может, причина этого странного обстоятельства заключается в том, что хронографии Иоанна Зонары и Георгия Кедрина до сих пор не изданы в полном переводе на современный русский язык?» Должно знать, что для событий XI в. эти авторы основывались преимущественно на труде Скилицы. Поэтому до появления критического текста последнего при ссылках на данный труд исследователи цитировали текст Кедрина. Скилица в последние годы переведен на английский и французский языки [34; 33].

3) Ситуация в Малой Азии в первой половине XI в.

«Вопреки мнению В. П. Степаненко, Адам Севастийский и его мятеж против Византийской империи были такой же исторической реальностью, как и существование варяжской гвардии. События, связанные с историей Адама Севастийского и участием варяжской гвардии в подавлении армянского мятежа, были реконструированы еще Густавом Шлюмбергером на основании сведений Матфея Эдесского [Schlumberger, 1905, III, 200–201; Matthieu d'Édesse, 1858, 62, 67–68], поздней хронике которого можно доверять как раз тогда, когда речь заходит об истории армянских династий, а не о политической стратегии византийских императоров или о передвижении сельджукских отрядов».

Здесь придется огорчить автора. Во-первых, данный труд Г. Шлюмберже (так!) давно никто не использует по причине его крайней устарелости. Французский исследователь известен как отец византийской сигиллографии, но не как историк. Его ссылку на Урхайеци относительно Адама Севастийского следовало бы проверить. Перевод Э. Дюлорье к этому времени был доступен. Доступен он и сейчас в интернете и как репринт на Озоне. На с. 62 речь идет о распре католикоса Петра с шаханша-

хом Иовханнэсом-Смбатом, а на с. 67–68 о том, что некий зловердный придворный, принадлежавший к окружению Сенекерима Арцруни, отправился к императору и оклеветал (наследников Сенекерима) братьев Атома (не Адама!) и Абусахла, якобы замысливших мятеж. Император Михаил отправил в Севастию аколужа с 15 тысячным контингентом, чтобы схватить их. Но, задоблив его дарами, они отправились с ним в Константинополь, укрылись на могиле Василия II (в Силимври) и в конечном счете получили прощение. Знание автором грабара (что можно только приветствовать) дало бы ему возможность проверить текст по ереванскому изданию «Хронографии» Урхайеци [13, с. 92–93]⁵.

Ссылка автора на изданный более ста лет назад труд Г. Шлюмберже дает основание предположить, что огромный массив работ по ситуации в Малой Азии в 20–70-х гг. XI в., изданных относительно недавно, ему неизвестен или проигнорирован. Так, в 2003 г. была издана монументальная двухтомная диссертация-монография Ж. Дедеяна, полностью учитывающая предшествующую историографию, в том числе и советскую [30]. Излишне говорить, что этому предшествовала длительная и тщательная работа с источниками, включая сигиллографические, что нашло отражение в массе публикаций [28; 29]. Тема «армяне в Византии» до 1071 г. и позже – «вне ее» раскрыта здесь с исчерпывающей полнотой. По данной проблематике постоянно появляются новые работы тех же Ж.-Кл. Шене и В. Зайбта⁶.

Что касается казуса Адама Севастийского, то нужно обратиться к истории Севастии данного периода. Как известно, в 1021 г.⁷ после поражения Грузии в войне с Византией царь Васпуракана Сенекерим Арцруни был вынужден, явно под давлением Василия II, обменять царство на «Севастию, Лариссу, Авару и много деревень», сан магистра и пост стратига Каппадокии [32, р. 354; 17, р. 178–191]. С ним переселились многочисленные родственники, в том числе жена Хушуш, дочь шаханшаха Ани Гагика I, сыновья Давид, Атом, Абусахл и Константин, дети брата царя Дереника, множество представителей знати. Напомним, что старшая дочь царя Мариам осталась в Грузии как жена царя Георгия I. Севастия стала центром владений Арцруни, известных в Византии как Сенахеримы. Позже были вынуждены переселиться в Византию шаханшах Ани Гагик II (1045) и царь Вананда (Карс) Гагик (1064) уже в обстановке сельджукского завоевания Закавказья. В 1064 г. сельджуки захватили Ани, тогда уже центр византийской фемы Иверия и Великая Армения. Армянские правители передавали Византии свои царства в обмен на владения на территории в Малой Азии. Будучи все более автономными по мере ослабления здесь позиций центральных властей и – будучи приверженцами армянской апостольской церкви, считавшейся в им-

⁵ Должность Аколужа здесь превратилась в имя собственное.

⁶ Об этом много написано в последнее время [см., например: 25; 27]. В научный оборот введены многочисленные сигиллографические памятники, в том числе из коллекции Г. Шлюмберже – Н. П. Лихачева в собрании Отдела Востока Эрмитажа.

⁷ Давление империя началось с 1000 г. – аннексии владений Багратида Давида куропалата. В 1014 г. еще до падения Охриды Василий II направил в Закавказье на границы Васпуракана плененных болгарских воинов [4, с. 88–96].

перии еретической, чем дальше, тем больше они игнорировали центральные власти. Более того, Сенекеримы приютили в своих владениях католикосов Петра Гетадардза и позже – Хачика Анеци, изгнанных из Ширака – фемы Иверия и Великая Армения. Их взаимоотношения с центральной властью в Константинополе ухудшались по мере усиления попыток последней нивелировать специфику новых армянских владений, начало которым положили попытки навязать армянам официальное православие, преследование клириков армяно-григорианской церкви вплоть до католикоса, насильственное обращение в православие паствы. В 30–50-х гг. XI в. отношение армянских владетелей к центральной власти оставалось более или менее лояльным. Они получали византийские саны и посты [39, р. 270; 41, р. 119–133]. Но в 60-е гг. они чувствовали себя уже достаточно независимо, свидетельством чего явилось убийство митрополита Кесарии Марка, инициатора гонений на армяно-григориан, по приказу экс-шаханшаха Ани Гагика II. Итог – грабеж Севастии в присутствии Атома и Абусахла армией императора Романа Диогена во время похода против сельджуков, что явно было реакцией на все более растущий сепаратизм армянских владетелей Малой Азии, лидером которых до своей гибели оставался Гагик II. А так как знания автора о ситуации в Малой Азии в данный период весьма поверхностны, то он пишет: *«Интенсивность сельджукских набегов на район Севастии в 1059–1060 гг., отмеченная В. П. Степаненко на основании сведений Матфея Эдесского, никак не исключает тот факт, что резня, устроенная войсками Романа Диогена в Севастии могла быть в действительности вызвана совместными действиями враждебных армян и сельджукских банд. Резня в Севастии, по-видимому, имела место в период первого похода Романа Диогена, так как новый император в преддверии большой войны с сельджуками прежде всего стремился очистить свой тыл от враждебного элемента. Этот первый поход произошел вскоре после воцарения Романа Диогена в 1068 г., а не в 1070-е гг., как полагает В. П. Степаненко»*. У Маттэоса Урхайеци это событие датируется 520 г. арм. эры (4 марта 1071 – 2 марта 1072) [13, с. 214, 215].

Армия

«Утверждение В. П. Степаненко о том, что кризис византийской армии был следствием восточной политики Константина IX Мономаха, противоречит Михаилу Пселлу, который сообщает о патологической скупости Константина X Дуки, оставившего воинские части (наемников, а не стратиотов) без средств к существованию, что было равносильно их расформированию». Излишне говорить, что кризис фемной структуры и связанного с ней стратиотского ополчения были следствием провала аграрной политики Македонской династии. Императорам не удалось остановить рост динатского землевладения. Уже Василий II был вынужден привлекать наемников – варяго-русскую дружину, немногим позже появились норманны (Урсель-Руссель, Жерве и пр.). Во-первых, это утверждение не рецензента, но Скилицы [32, р. 476]⁸ и Атталиата [36, р. 44–45]. В свое время данный вопрос детально рассмо-

⁸ Константин Мономах через Льва Сервлия распустил иверийское войско, состоявшее из около 50

трел К. Н. Юзбашян [21, с. 197–198]. Во-вторых, сводить все к субъективным факторам – жадности Константина Мономаха или Константина Дуки, уменьшавших выплаты армии или распускавших стратиотские ополчения фем, вряд ли возможно [об императорских кураториях после 1021 г. см.: 7]. Рост династического землевладения имел следствием сокращение налоговой базы центральной власти. Отсюда и рост налогообложения мелких земледельцев, и их разорение.

«Контингенты восточных фем, преданные Роману Диогену и Филарету, состояли не из крестьян-стратиотов, как, по-видимому, предполагает В. П. Степаненко, а из дружин армянской знати, на которую опирался император Роман IV, например из дружин Хачатура, в случае же с Филаретом эти контингенты включали даже норманнских рыцарей-наемников. Мы не будем здесь цитировать источники, подтверждающие нашу правоту, – Никифора Вриенния и Анну Комнину, так как это уже было сделано на страницах нашей книги».

Все это, как минимум, не точно. Провинциальная военная знать армянского происхождения к 1071 г. возглавляла преимущественно восточные фемы, но не только. Речь идет о той ее части, которая перешла на византийскую службу и достаточно органично вошла в состав провинциалов, будучи связанной с администрацией этих фем в качестве стратигов (Торос, сын Хетума, позже Гавриил – в Мелитене, тот же Торос, позже Васил, сын Апухапа – в Эдессе, Васак Пахлавуни и Хачатур – в Антиохии). Как следствие, своих дружин они не имели. В их распоряжении оставались контингенты восточных фем, либо еще не разгромленных сельджуками или не перешедшие еще под контроль Врахамия [см.: 26, р. 22–23 (стратиги Антиохии), р. 59 (стратиги Эдессы); последняя по времени работа: 1], как позже варяги, оставшиеся у него вместе с греческими отрядами после 1071 г. [о норманнах в византийской армии накануне и после Манцикерта см.: 37; из последних работ: 31]. Как отметил И. Иорданов, вся информация о фемной администрации в Византии окончательно исчезает к 90-м гг. XI в. [см.: 10]⁹. Так что о дружинах у стратигов фем в это время речи быть еще не может. При Манцикерте и в гражданской войне 1071–1072 г участвовали еще именно фемные контингенты, в 1090-е гг. исчезнувшие вместе с фемами. После Манцикерта представители армянской служилой знати оказались на территории владений Филарета Врахамия (Васил, сын Апухапа, Торос, сын Хетума, Гавриил и пр.). Армянские владетели – Багратиды Ани и Карса, Сенекеримы – Арцруни были в оппозиции центральной власти. Они-то дружинами обладали и вели частные войны с соседями (казус братьев Мандалов). Лишь некоторые представители армянской элиты остались позже на византийской службе, как, например, Пакурианы (Григор, Татул), те же Сенахеримы (Феодор) [см.: 2, с. 143–146], но с утратой малоазийских фем роль армян в управлении империей резко уменьшилась.

«Мятеж Никифора Мелиссина упомянут нами. De facto Никифор являлся стратигом Вифинии, несмотря на то, что, насколько нам известно, в нашем рас-

тысяч человек, и вместо стратиотов собрал в тех местах многочисленные налоги.

⁹ Фемы исчезли, но администрация осталась.

поряжении пока нет печатей Никифора с подобным титулом. Никифор Мелиссен на самом деле предал Никею Сулейману, если не *de iure*, то во всяком случае *de facto*. Какому именно Сулейману? Сулейману Кутулмышу или же, как полагает В. П. Степаненко, его сыну? Этот вопрос остается дискуссионным. В «обстановке мятежей» 1080-х гг. размещение сельджуковских наемников в городе могло быть только следствием соглашения между византийской администрацией (Никифором) и Сулейманом, которое и привело к захвату Сулейманом Никеи». Стратиг не титул, но пост. Сулейман не Кутлумиш, но ибн Кутлумиш (сын). Информации о Мелиссине мало, но известны его печати как василевса ромеев и чеканенные в Никее монеты (одна в Эрмитаже) [16, с. 78–91]. Императором он не стал. Его опередил родственник – Алексей Комнин. Сельджуков как наемников в города Вифинии, будучи мятежником, вводил уже Вотаниат. Мелиссин лишь продолжил эту политику.

«Договор 1081 г. на реке Дракон с византийской точки зрения был временным соглашением. Он никогда не рассматривался в Византии в качестве легитимного договора, фактически не соблюдался обеими сторонами, а потому и не оказал влияния на военную стратегию императора Алексея Комнина». Позволю напомнить, что договор гарантировал относительную стабильность границы – и Византии, и Рума, что дало возможность Сулейману увести войска на восток и ввязаться в борьбу за Сирию. Там он и погиб в 1086 г.

«Старая статья Вернера Зейбта, упомянутая В. П. Степаненко, нам известна, как известна нам также и другая статья, в которой сам В. П. Степаненко в соавторстве с В. С. Шандровской на основании серии моливдовулов пытается отождествить Аспиета Анны Комниной с Аспиетом Пакурианом. Нас интересовала не вероятность подобной идентификации и не родственные связи Пакурианов, а вероятные причины высокого назначения, которое, по свидетельству Анны Комниной, получил Аспиет. Как известно, В. П. Степаненко не является специалистом в области ранневизантийской истории и в силу данного обстоятельства, вероятно, не знает о сообщении про армянских Аршакидов Прокопия Кесарийского». [Знает, но см.: 38, S. 349–359].

Автору должно быть известно, что к Аршакидам придворные льстецы возводили родословную армянина Василия I [5, с. 47–54]. Поэтому представители армянской аристократии, добровольно или насильственно переселявшиеся в Византию во время правления императоров Македонской династии, объявили себя Аршакидами, а некоторые даже Хайказнами, т.е. прямыми потомками прародителя армян Хайка (как Григор Магистр Пахлавуня) [3, с. 132]¹⁰. Так что исторические Аршакиды здесь ни при чем.

«В отличие от В. П. Степаненко, который пытается доказать реальность социально-экономического кризиса в Византии в XI в., А. П. Каждан недвусмысленно утверждал, что в действительности в XI–XII вв. Византия переживала экономический подъем, связанный, в частности, с активным развитием городского хозяйства».

¹⁰ В нем Григор называет себя Аршакидом.

Эволюция взглядов А. П. Каждана по данному вопросу со временем может стать предметом специального исследования. Для его ранних работ характерна абсолютизация социально-экономического и политического кризиса империи в последней четверти XI в. Напомним название его главы в «Истории Византии» (Т. 2. М., 1967) – «Внутриполитический кризис в конце XI в. и внешнеполитический разгром». Тогда как в последней работе речь идет об экономическом подъеме XI–XII вв., так, как будто не было ни кризиса, ни разгрома, но плавный и непрерывный подъем экономики, преимущественно, городской. Это не совсем так. Был период, когда на территориях, оставшихся в составе Византии, экономика начала только восстанавливаться. Так что между подъемами XI и XII вв. был существенный хронологический разрыв. При этом А. П. Каждан отметил фрагментарность фактических данных относительно ситуации в экономике данного периода [11, с. 41].

«Степаненко не знаком со старыми исследованиями В. Г. Васильевского, предположившего интересную интерпретацию сведений из Картлис Цховреба о походе варяжской гвардии в Грузию и об участии варягов в войне против Баграта IV на стороне Липарита». Рецензент не только знаком, но и владеет первоизданием трудов В. Г. Васильевского, но после них появился ряд работ, как например статья К. Н. Юзбашьяна об участии варяго-русской дружины в военных действиях в Грузии [20, с. 14–28]. Более того, В. Зайбт издал печать Иване, сына Липарита, как византийского функционера [40, р. 123–131].

«То обстоятельство, что Мариам Арцруни – мать Баграта IV, по выражению В. П. Степаненко, «приближалась к пенсионному возрасту», не может опровергнуть свидетельств как письменных источников, так и Хахульского триптиха, о ее красоте».

Не совсем понятна ссылка на статью Н. Беручашвили и Н. Бичикашвили относительно красоты Мариам Арцруни. В статье авторы ссылаются на каталог перегородчатых эмалей государственного музея искусств Грузии [19]. В нем изданы три эмали, украшающие Хахульский триптих. Атрибуция их смутна и противоречива. На них изображены: 1) Богоматерь, коронующая две женские фигуры в одеянии византийских императриц (п. 68). Это могут быть как последние, так и грузинская царица Мариам и ее дочь Мария как византийская императрица. 2) Императрица, стоящая около Иоанна Предтечи (п. 69) и 3) Императрица как бы замещающая Богоматерь в сцене Благовещения (п. 70). Эмали атрибутированы грузинской мастерской. Одеяния персонажей не могут свидетельствовать в пользу того, что изображены византийские императрицы, как, например, Зоя и Феодора, что, казалось бы, вполне логично в сцене небесной инвеституры¹¹. Изображение Иоанна Предтечи может свидетельствовать в пользу того, что мастерская работала в Хахули при храме Иоанна Предтечи. Наконец, имя императрицы в сцене Благовещения, вероятно, Мария. В этом случае напрашивается ассоциация с Мариам Арцруни или ее дочерью Марфой

¹¹ Их присваивали все или почти все правители государств византийского культурного круга от Сицилии (Рожер I в сцене инвеституры в Марторане, Рожер II в Монреале и пр.) до Болгарии и Грузии.

/ Марией Аланской / Грузинской. Архангелу Михаилу соименен император Михаил Дука. Он с Марией изображен на знаменитой пластине того же триптиха (п. 39). Нюанс в том, что Хахули в это время находился на территории византийской фемы Иверия и Великая Армения, а грузинские искусствоведы атрибутируют весь этот комплекс византизирующей мастерской [19, с. 13, 60]. Высота пластин от 5 до 8 см. Так что красоту изображенных персонажей можно лишь предположить.

«Путаница, вызванная упоминанием в рецензии В. П. Степаненко битвы при Босворте вместо битвы при Гастингсе, лишний раз подтверждает наши предположения о том, что эта рецензия писалась в спешке, возможно, несколькими «литературными неграми», и писалась весьма небрежно, что и обусловило наличие почти студенческих ошибок, столь странных для профессора с почти пятидесятилетним преподавательским стажем, с 2007 г. носящего звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации». Инвектива хороша. Где-то даже филиппика. Автор абсолютно прав. Рецензента подвела память, что и не мудрено. Описка действительно досадная. Студенты бы ее не сделали, открыв соответствующий том учебника. «Негров» оставим на совести автора.

И финал

«Если это так, отчего же рецензент уделил столько внимания подобной книге вместо того, чтобы употребить свои силы на написание собственной по-настоящему достойной монографии, дабы изданная им тридцать три года назад единственная монография не стала его первым и последним опытом написания собственной монографии и творчески разнообразила его многолетний опыт постоянного рецензирования чужих монографических исследований? В силу нашей исследовательской деятельности мы не считаем нужным более подробно останавливаться на цитатах памфлетного характера. Конечно же, мы ценим свободу слова каждого из наших критиков, но при этом мы оставляем такую же свободу слова и за собой. Это дает нам возможность честно и откровенно оценивать «научные» тексты, подобные рецензии В. П. Степаненко, которая, к сожалению, является удивительным примером научной недобросовестности и вызывает сомнения не только в компетентности ее автора, но и в научном уровне опубликованного эту рецензию сборника. Videant consules! Нам остается пожелать В. П. Степаненко наконец-то отрешиться от работ коллег и заняться, видимо, давно забытым делом – научным творчеством». Эти патетические строки с полным основанием можно отнести к монографии автора, вспомнив басню Крылова о сапожнике и пирожнике....

На это можно было бы не отвечать, если бы автор более внимательно ознакомился с библиографией работ рецензента. Что касается монографий, то ранее отношение авторов к себе было более строгим и адекватным. Много ли монографий написано ведущими советскими византистами? Теми же А. П. Кажданом и Г. Г. Литавриным, И. П. Медведевым и Г. Е. Лебедевой, Е. К. Пиотровской? Список

можно продолжить. Их можно пересчитать по пальцам. Что-то устарело, что-то еще живо. Например, К. Н. Юзбашян издал одну книгу, все еще не утратившую своего значения, хотя позже источниковая база существенно пополнилась, в основном благодаря сфрагистике. Был популярен другой жанр – научная статья. Лишь в последнее время, взяв на вооружение *variogum gerint*, наши издательства стали собирать и публиковать сборники статей здравствующих или ушедших исследователей. Так появились сборники работ Г. Г. Литаврина, три тома работ Р. М. Бартияна (140 статей, рецензий и публикаций источников из 300, им написанных). Ныне же монографии пишут и издают все. Научное редактирование исчезло. Профессионализм – тоже. Так что монографии эти, *«усыпанные многочисленными фактическими, стилистическими и методологическими ошибками»*, проживут не долго. А их авторам можно пожелать лишь одно – Будьте проще, и к вам потянутся люди. Меньше пафоса ¹². Любите науку в себе, а не себя в науке.

¹² Наполеон в свое время не без схиства сказал о Франсуа Жозефе Тальма, ведущем трагике Комеди Франсез: «Его пафос требует дистанции». Это остается актуальным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеенко Н.А. Моливдовулы армянского аристократа Филарета Врахамия в контексте исторических событий XI в. // Боспорские исследования. 2014. Вып. XXX. С. 316–328.
2. Алексеенко Н.А., Степаненко В.П. Сенахеримы в Византии. Новая печать Феодора Сенахерима из Болгарии // Вестник Волгоградского университета. Серия 4. История, регионоведение, международные отношения. 2020. Т. 25. № 6. С. 142–149.
3. Бартикян Р.М. Ответное послание Григория Магистра Пахлавуну сирийскому католикосу // Палестинский сборник. 1962. Вып. 7. С. 130–145. [= Bartikian Н.М. *Studia armeno-byzantina*. Vol. 2. Yerevan, 2002. С. 75–90].
4. Бартикян Р.М. О болгарском войске в Васпуракане и последних годах царства Арцрунидов // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. 1973. № 10. С. 88–96.
5. Бартикян Р.М. К разгадке загадки о «славянском» происхождении основателя Македонской династии Василия I (867–886) // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. 1985. № 7. С. 47–54. [= Bartikian Н.М. *Studia armeno-byzantina*. Vol. 2. Yerevan, 2002. С. 359–366].
6. Бартикян Р.М. Накануне падения армянского царства Багратидов Ширака (к миссии католикоса Петра I в Константинополь) // Мировая культура. Традиции и современность. М.: Наука, 1991. С. 207–216. [= Bartikyuan Н.М. *Studia armeno-byzantina*. Vol. 2. Yerevan, 2002. С. 443–452].
7. Бартикян Р.М. О царском кураторе “Μανζικέρτ και Εσω Ιβηρίας” Михаиле. В связи с восточной политикой Василия II (976–1025 гг.) // Историко-филологический журнал НАН Армении. 2000. № 1. С. 130–148. [= Bartikian Н.М. *Studia armeno-byzantina*. Vol. 2. Yerevan, 2002. С. 453–472].
8. Бартикян Р.М. Маттэос Урхайеци // Bartikian Н.М. *Studia armeno-byzantina*. Vol. 1. Yerevan, 2002. С. 367–376. (на арм.).
9. Божилев И., Гюзелев В. История на Добруджа. Т. 2. Средновековие. Велико Тырново, 2004. 468 с.
10. Иорданов И. Печати на византийската администрация в България (971–1118). Шумен, 2019. 375 с.
11. Каждан А.П. Никита Хониат и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 536 с.
12. Кондратьев С., Кондратьева Т. Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовый борьбе (20-е – начало 50-х гг. XX в.). Тюмень, 2003. 272 с.
13. Маттэос Урхайеци. Хронография / Древнеарм. текст подг. М. Мелик-Адамян и Н. Тер-Микаелян; арм. пер. и комм. Р.М. Бартикяна. Ереван, 1991.
14. Митрофанов А.Ю. С благодарностью и сожалением. Очередной спор на руинах российской византистики. Ответ на статью В. П. Степаненко «Рецензия на: Митрофанов А.Ю. Император Алексей I Комнин и его стратегия. – СПб.: Изд-во СПбДА, 2020» // Христианское чтение. Научный журнал Санкт-Петербургской духовной академии Русской православной церкви. 2021. № 2. С. 296–312.
15. «Повествование» вардапета Аристакееса Ластивертци / Пер. с арм., вступ. ст., комм. К.Н. Юзбашяна. М.: Наука, 1968. 194 с.
16. Степаненко В.П. Никифор Мелиссин. «Деспот и автократор ромеев» // Сфрагистика и история культуры. Сборник научных трудов, посвященный юбилею В.С. Шандровской. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 78–91.
17. Степаненко В.П. Владиславичи, Арцруниды и Багратиды в Византии в XI в. // АДСВ. 2015. Вып. 43. С. 178–191.
18. Хачикян Л.С. Об одной уникальной рукописи Матенадарана // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. 1974. М.: Наука, 1975. С. 16–24.
19. Хускивадзе Л.З. Средневековые перегородчатые эмали из собрания Государственного музея искусств Грузии. Тбилиси: Хеловнеба, 1984. 160 с.
20. Юзбашян К.Н. “Варяги” и “прония” в сочинении Аристакееса Ластивертци // ВВ. 1960. Т. XVI. С. 14–28.
21. Юзбашян К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия (IX–XI вв.). М.: Наука, 1988. 304 с.
22. Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey: A general survey of the material and spiritual culture and history, с. 1071–1330. London, 1968. 480 p.

23. Cahen Cl. La Turquie pré-ottomane. Paris, 1984. 409 p.
24. Cahen Cl. The formation of Turkey: The Seljukid Sultanate of Rûm: Eleventh to Fourteenth Century. Harlow; New York, 2001. 302 p.
25. Cheynet J.-Cl. Les Arméniens de l'Empire en Orient de Constantin X a Alexis Comnene (1059–1081) // *Arménie at Byzance: Historie et culture*. Paris, 1996. P. 67–78.
26. Cheynet J.-Cl. Sceaux de la collection Zacos (Bibliothèque Nationale de France) se rapportant aux provinces orientales de l'Empire byzantin. Paris: Bibliothèque Nationale de France, 2001. 103 p.
27. Cheynet J.-Cl. De Tziliapert à Sébastè // *Studies in byzantine sigillography*. 2006. Vol. 9. P. 213–226.
28. Dedeyan G. Les pouvoirs arméniens dans le proche-Orient méditerranéen (1068–1144): Thèse de doctorat d'Etat. Paris: Université Paris I, 1990.
29. Dedeyan G. Les princes arméniens de l' Euphrate et Empire Byzantin (fin XIe – milieu XIIe c.) // *Arménie at Byzance: Historie et culture*. Paris: Publ. de la Sorbonne, 1996. P. 79–88.
30. Dedeyan G. Les Arméniens entre Grecs, Musulmans et Croisés. Etude sur les pouvoirs arméniens dans le Proche-Orient méditerranéen (1068–1150). Vol. 1: Aux origines de l'État cilicien: Philarete et les premiers roubenien. Vol. 2: De l'Euphrate au Nil: Le réseau diasporique. Lisbonn: Fondation Calouste Gulbenkian, 2003.
31. Haldon J. Warfare, state and society in the Byzantine world 565–1204. London, New York, 2003. 390 p.
32. Ioannis Scylitzae. Synopsis Historiarum / Rec. I. Thurm. Berlin, New York, 1973. 642 p.
33. Jean Skylitzes. Empereurs de Constantinople / Texte traduit par B. Flusin; annote par of J.-C. Cheynet. Paris, 2003. 467 p.
34. John Scylitzes. A synopsis of Byzantine history. 811–1057 / Transl. by J. Wortley; with introductions of J.-C. Cheynet and B. Husin and notes by of J.-C. Cheynet. Cambridge, 2010. 526 p.
35. Krsmanovic B. The byzantine province in change (on Threshold between the 10th and the 11th century). Belgrade, Athens, 2008. 232 p.
36. Michaelis Attalioetae Historia / Rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1853.
37. Schlumberger G. Deux chefs normands des armées byzantines au XIe siècle: Sceaux de Herve et de Raoul de Bailleul // *Revue Historique*. 1881. Vol. 16. P. 289–303.
38. Seibt W. Ἀρσάκιδης / Aršakuni – Armenische Aristokraten in byzantinischen Diensten // *Jahrbuch der Osterreichischen Byzantinistik*. 1994. Bd. 44. S. 349–359.
39. Seibt W. Armenische personlichkeiten auf byzantinischen Siegeln // *Armenian perspectives: 10th Anniversary conference of the association international des Etudes Armeniens / Ed. N. Awde*. Richmond, Surrey, 1997. P. 269–272.
40. Seibt W. Liparites als „byzantinischer“ Familienname in der Komnenenzeit // *Dedicatio. Ist'oriul-pilologiuri dziebani (= Festschrift Mariam Lortkipanidze)*. Tbilisi, 2001. P. 123–131.
41. Seibt W. The sons of Senekerim Yovhannes, the last King of Vaspurakan, as byzantine aristocrats // *Revue des Études Arméniennes*. 2016–2017. Vol. 37. P. 119–133.
42. The museum of Turkish and Islamic Art. Guide. Istanbul, 2011.

REFERENCES

1. Alekseenko N.A. The molybdoboulloi of armenian aristocrat Philaretos Brachamios in the context of the historical events in the 11th century. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporos Studies], 2014, vol. 30, pp. 316–328.
2. Alekseenko N.A., Stepanenko V.P. Senachereim in Byzance: new seals of Theodoros Senachereim from Bulgaria. *Vestnik Volgogradskogo universiteta. Seria 4. Istorii, regionovedenie, mezhdunarodnye otnosheniia* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 142–149.
3. Bartikian R.M. Reply message from Gregory Magister Pahlavuni to the Syrian Catholicos. *Palestinskii sbornik* [Palestinian compilation], 1962, vol. 7, pp. 130–145.
4. Bartikian R.M. About the Bulgarian army in Vaspurakan and the last years of the Artsrunid kingdom. *Vestnik obshchestvennykh nauk AN Armianskoi SSR* [Bulletin of Social Sciences of the Academy of Sciences of the Armenian SSR], 1973, no. 10, pp. 88–96.

5. Bartikian R.M. By unraveling the mysteries of the “Slavic” origin of the founder of the Macedonian dynasty Basil I (867–886). *Vestnik obshchestvennykh nauk AN Armianskoi SSR* [Bulletin of Social Sciences of the Academy of Sciences of the Armenian SSR], 1985, no. 7, pp. 47–54.
6. Bartikian R.M. On the eve of the fall of the Armenian kingdom of Bagratids of Shirak (to the mission of Catholicos Peter I to Constantinople). *Mirovaia kul'tura. Traditsii i sovremennost'* [World culture. Tradition and modernity], Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 207–216.
7. Bartikian R.M. About the tsarist curator “Μανζικέρτ και Εσω Ιβηρίας” Michael. In connection with the eastern policy of Vasily I (976–1025). *Istoriko-filologicheskii zhurnal NAN Armenii* [Historical and Philological Journal of the National Academy of Sciences of Armenia], 2000, no. 1, pp. 130–148.
8. Bartikian R.M. Matteos Urkhaietsi. Bartikian H.M. *Studia armeno-byzantina*, Vol. 1, Yerevan, 2002, pp. 367–376. (in Armenian).
9. Bozhilov I., Giuzelev V. *Istoriia na Dobrudzha* [History of Dobrogea]. T. 2. Veliko Tyrnovo, 2004, 468 p. (in Bulgarian).
10. Iordanov I. *Pechati na vizantiiskata administratsiia v B'lgariia (971–1118)* [Seals of the Byzantine administration in Bulgaria (971–1118)]. Shumen, 2019, 375 p. (in Bulgarian).
11. Kazhdan A.P. *Nikita Khoniat i ego vremia* [Nikita Choniates and his time]. St.-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2005, 536 p.
12. Kondrat'ev S., Kondrat'eva T. *Nauka «ubezhdat'», ili Spory sovetskikh istorikov o frantsuzskom absolutizme i klassovoi bor'be (20-e – nachalo 50-kh gg. XX v.)* [Science “to convince”, or spores of Soviet historians of the French absolutism and the class struggle (1920s – early 1950s)]. Tiumen, 2003, 272 p.
13. Matteos Urkhaietsi. *Khronografiia* [Chronography]. Erevan, 1991.
14. Mitrofanov A.Iu. With Gratitude and Regret. Another Controversy on the Ruins of Russian Byzantine Studies. A reply to the article by V.P. Stepanenko “A Review of Mitrofanov A.Yu. Emperor Alexei I Komnin and His Strategy. St. Petersburg, 2020”. *Khristianskoe chtenie* [Christian Reading], 2021, no. 2, pp. 296–312.
15. “*Povestvovanie*” vardapeta Aristakesa Lastivertsi [“Narrative” by vardapet Aristakes Lastivertzi]. Moscow, Nauka Publ., 1968, 194 p.
16. Stepanenko V.P. Nikifor Melissin. “Despot and autocrat of the Romans”. *Sfragistika i istoriia kul'tury. Sbornik nauchnykh trudov, posviashchennyi iubileiu V.S. Shandrovskoii* [Sphragistics and cultural history. Collection of scientific papers dedicated to the anniversary of V.S. Shandrovskaia], St.-Petersburg, State Hermitage Publ., 2004, pp. 78–91.
17. Stepanenko V.P. John Vladislav dynasty (Vladislavichi), Arcrunids, Bagratids in the Byzantium of 11th century. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2015, vol. 43, pp. 178–191.
18. Khachikian L.S. About one unique manuscript of Matenadaran. *Pamiatniki kul'tury. Nove otkrytiia. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiia. 1974* [Monuments of culture. New discoveries. Writing. Art. Archeology. 1974], Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 16–24.
19. Khuskivadze L.Z. *Srednekovye peregorodchatye emali iz sobraniia Gosudarstvennogo muzeia iskusstv Gruzii* [Medieval cloisonné enamels from the collection of the State Museum of Art of Georgia]. Tbilisi, Khelovneba Publ., 1984, 160 p.
20. Iuzbashian K.N. [“Varangians” and “pronia” in the work of Aristakes Lastivertzi]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantine vremennik], 1960, vol. 16, pp. 14–28.
21. Iuzbashian K.N. *Armianskie gosudarstva epokhi Bagratidov i Vizantiia (IX–XI vv.)* [Armenian states of the Bagratid and Byzantium era (9th–11th centuries)]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 304 p.
22. Cahen Cl. *Pre-Ottoman Turkey: A general survey of the material and spiritual culture and history, c. 1071–1330*. London, 1968, 480 p.
23. Cahen Cl. *La Turquie pré-ottomane*. Paris, 1984, 409 p.
24. Cahen Cl. *The formation of Turkey: The Seljukid Sultanate of Rūm: Eleventh to Fourteenth Century*. Harlow, New York, 2001, 302 p.

25. Cheynet J.-Cl. Les Arméniens de l'Empire en Orient de Constantin X a Alexis Comnene (1059–1081). *Arménie at Byzance: Histoire et culture*, Paris, 1996, pp. 67–78.
26. Cheynet J.-Cl. *Sceaux de la collection Zacos (Bibliothèque Nationale de France) se rapportant aux provinces orientales de l'Empire byzantin*. Paris, Bibliothèque Nationale de France, 2001, 103 p.
27. Cheynet J.-Cl. De Tziliapert à Sébastè. *Studies in byzantine sigillography*, 2006, 9, pp. 213–226.
28. Dedeyan G. *Les pouvoirs arméniens dans le proche-Orient méditerranéen (1068–1144)*. Thèse de doctorat d'Etat. Paris, Université Paris I, 1990.
29. Dedeyan G. Les princes arméniens de l' Euphrate et Empire Byzantin (fin XIe – milieu XIIe c.). *Arménie at Byzance: Histoire et culture*, Paris, Publ. de la Sorbonne, 1996, pp. 79–88.
30. Dedeyan G. *Les Arméniens entre Grecs, Musulmans et Croisés. Etude sur les pouvoirs arméniens dans le Proche-Orient méditerranéen (1068–1150)*. Vol. 1: Aux origines de l'État cilicien: Philarete et les premiers roubenien. Vol. 2: De l'Euphrate au Nil: Le réseau diasporique. Lisbonn: Fondation Calouste Gulbenkian, 2003.
31. Haldon J. *Warfare, state and society in the Byzantine world 565–1204*. London, New York, 2003, 390 p.
32. Ioannis Scylitzae. *Synopsis Historiarum*. Rec. I. Thurm. Berlin, New York, 1973, 642 p.
33. Jean Skylitzes. *Empereurs de Constantinople*. Texte traduit par B. Flusin, annoté par J.-C. Cheynet. Paris, 2003, 467 p.
34. John Scylitzes. *A synopsis of Byzantine history. 811–1057*. Trad. by J. Wortley, with introductions of J.-C. Cheynet and B. Husin and notes by of J.-C. Cheynet. Cambridge, 2010, 526 p.
35. Krsmanovic B. *The byzantine province in change (on Threshold between the 10th and the 11th century)*. Belgrade, Athens, 2008, 232 p.
36. *Michaelis Attaliothae Historia*. Rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1853.
37. Schlumberger G. Deux chefs normands des armées byzantines au XIe siècle: Sceaux de Herve et de Raoul de Bailleul. *Revue Historique*, 1881, 16, pp. 289–303.
38. Seibt W. Ἀρσάκιδης / Aršakuni – Armenische Aristokraten in byzantinischen Diensten. *Jahrbuch der Osterreichischen Byzantinistik*, 1994, 44, pp. 349–359.
39. Seibt W. Armenische personlichkeiten auf byzantinischen Siegeln. Awde N. (ed.), *Armenian perspectives: 10th Anniversary conference of the association international des Etudes Armeniennes*, Richmond, Surrey, 1997, pp. 269–272.
40. Seibt W. Liparites als „byzantinischer“ Familienname in der Komnenenzeit. *Dedicatio. Ist'oriul-pilologiuri dziebani (= Festschrift Mariam Lortkipanidze)*, Tbilisi, 2001, pp. 123–131.
41. Seibt W. The sons of Senekerim Yovhannes, the last King of Vaspurakan, as byzantine aristocrats. *Revue des Études Arméniennes*, 2016–2017, 37, pp. 119–133.
42. *The museum of Turkish and Islamic Art. Guide*. Istanbul, 2011.

Информация об авторе

Степаненко В. П. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков департамента «Исторический факультет» Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета.

Author information

Stepanenko V. P. – Doctor of Science (History), Professor of Ancient and Mediaeval History Department of Ural Federal University.

О НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ПЕРЕВОДАХ ТЕКСТОВ ИБН ‘АБД АЗ-ЗАХИРА

Игорь Александрович Спивак

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
ispivaq@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7141-0347>*

Аннотация. Начало дипломатических отношений Золотой Орды с мамлюкским Египтом и факт принятия ислама ханом Берке (1257–1266 гг.) нашли свое отражение в письменных источниках. Важнейшим из них является «Видный сад в жизнеописании аль-Малик аз-Захира». Жизнеописание было составлено секретарем султана аль-Малика аз-Захира Рукн ад-Дина Бейбарса аль-Бундукдари (1260–1277 гг.) Мухьи ад-Дином Абуль-Фадлом ‘Абдаллахом ибн ‘Абд аз-Захиром (ум. в 1293 г.). Его труд послужил основой для более поздних сочинений представителей арабоязычной исторической традиции. Отрывки из этих сочинений, касающиеся истории Золотой Орды, были опубликованы в 1884 г. В. Г. Тизенгаузеном. Следует отметить, что перевод источников, выполненный В. Г. Тизенгаузеном на высоком уровне, не является подстрочником. Литературный характер перевода оставляет возможности для различных исторических интерпретаций текстов. Одна из попыток подобной интерпретации представлена в работе В. А. Сидоренко, опубликованной в 2020 г. Целью настоящего исследования является грамматический, исторический и религиоведческий анализ предлагаемых автором конъектур и выводов, сделанных на их основе. Результаты исследования подтверждают вывод о том, что наиболее вероятной датой принятия ислама ханом Берке, нашедшей отражение в письменных источниках, следует считать 1263 г. Вместе с тем, подвергаются критике, предложенные В. А. Сидоренко конъектуры текста Ибн ‘Абд аз-Захира. Наибольшие возражения вызывает перевод содержания первого письма египетского султана к хану Берке. Делается вывод о том, что аль-Малик аз-Захир Бейбарс на момент составления письма к Берке не сомневался в профессиональной принадлежности хана. Данный вывод ставит под сомнение хронологическую последовательность дипломатических миссий и обмена письмами между Египтом и Золотой Ордой, предложенную В. А. Сидоренко. Причину противоречий между содержанием послания султана к хану Золотой Орды и содержанием писем, которые были доставлены в Египет послами Берке, следует искать в особенностях религиозной политики монгольских правителей. Вероятно, основанием для написания письма к Берке, учитывая симпатии хана к исламу, послужила неверная интерпретации сведений о его религии, которые поступали в Египет.

Ключевые слова: ‘Абд аз-Захир, аль-Малик аз-Захир, Берке, джихад, Золотая Орда, ислам, конъектура, Хулагу

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Республики Крым в рамках проекта № 20-49-910004р_а_Республика Крым «Распространение ислама в Юго-Восточном Крыму в золотоордынский период: комплексный подход».

ON THE NEW TRENDS IN TRANSLATION OF ABD AL-ZAHIR'S TEXTS

Igor A. Spivak

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Abstract. The beginning of diplomatic relations between the Golden Horde and Mamluk Egypt and the conversion to Islam by Khan Berke (1257–1266) are reflected in written sources. The most important of these is the Garden of Flowers in the Biography of al-Malik al-Zahir, compiled by Muhyi d-Din Abu-l-Fadl 'Abdallah ibn 'Abd az-Zahir, the secretary of the Sultan al-Malik al-Zahir Rukn al-Din Baybars al-Bunduqdari (1260–1277). This work became the basis for later books of those who represented Arabic-speaking historical tradition. The excerpts from these works uncovering the history of the Golden Horde were published in 1884 by V. G. Tizengausen. It should be noted that the translation of the sources made by V. G. Tizengausen at a high level is not a word-by-word translation. The literary translation leaves room for various historical interpretations of the texts. In 2020, V. A. Sidorenko published an attempt of interpretation of the kind. The aim of the present research is grammatical, historical, and religious analysis of the conjectures given by V. A. Sidorenko and the conclusions drawn against this background. The results of the research undertaken support the conclusion that the most likely date of conversion to Islam by Khan Berke reflected in the written sources is 1263. Moreover, the author criticises the conjectures of Ibn Abd al-Zahir's text suggested by V. A. Sidorenko. The greatest objection is the translation of the content of the first letter of the Egyptian Sultan to Khan Berke. The conclusion is made that, at the moment when the letter to Berke was written, al-Malik al-Zahir Baybars had no doubts about the religion of the Khan. This conclusion suggests doubts concerning the chronological sequence of diplomatic missions and exchange of letters between Egypt and the Golden Horde suggested by V. A. Sidorenko. One should search for the reason for the contradictions between the content of the Sultan's message to the Khan of the Golden Horde and the content of the letters delivered to Egypt by Berke's ambassadors among the features of religious policy of Mongolian rulers. Taking the Khan's sympathy for Islam into account, the reason behind the letter to Berke probably was the misinterpretation of the information concerning his religion received in Egypt.

Key words: Abd al-Zahir, Al-Malik al-Zahir, Berke, jihad, Golden Horde, Islam, conjecture, Hulagu

Acknowledgments: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research and the Republic of the Crimea, project no. 20-49-910004p_a_Respublika_Krym "The Distribution of Islam in the South-Eastern Crimea in the Golden Horde Period: A Complex Approach".

В 2020 г. была опубликована объемная статья В. А. Сидоренко, посвященная проблемам принятия ислама Золотой Ордой и началу дипломатических отношений между Берке и Бейбарсом [16, с. 513–559]. В основу авторского анализа были положены соответствующие фрагменты жизнеописания султана аль-Малик аз-Захира Бейбарса аль-Бундукдари (1260–1277 гг.), составленного его секретарем, кади Мухйи ад-Дином ибн 'Абд аз-Захиром (ум. 1293 г.). Стремясь выяснить дату принятия ислама Берке, установить количество и очередность дипломатических миссий, В. А. Сидоренко предложил свои варианты переводов отрывков указанного сочинения, отличающиеся от опубликованных в свое время В. Г. Тизенгаузенем. Целью на-

стоящей работы является анализ того, насколько оправдана данная ревизия, с точки зрения арабской грамматики, религиозных и исторических реалий. Предлагая свой порядок обмена письмами и послами между Берке и аль-Маликом аз-Захиром, В. А. Сидоренко начинает рассмотрение сообщений Ибн 'Абд аз-Захира с содержания писем первого посольства Берке. Следуя авторскому порядку, еще раз приведем отрывок из сообщения Ибн 'Абд аз-Захира [18, с. 49–50]:

قرأ كتابه الذى على يد الامير جلال الدين و كتابه الذى على يد الشيخ نور الدين و مضمونهما السلام والشكر و طلب الانجاد على هلاون و الاعلام بما هو عليه من مخالفة سنكر خان و شريعة اهله و ان كل فعله متلاف النفوس بطريق العدوان منه و انني قد قمتانا و اخوتى الاربعة بحربه من سائر الجهات لاقامة منار الاسلام.

В нашем распоряжении имеются три, различающихся в деталях, которые, между тем, оказывают существенное влияние на понимание его общего смысла, варианта перевода данного текста на русский язык: В. Г. Тизенгаузена, Д. Р. Зайнуддинова и В. А. Сидоренко. Самый ранний перевод, осуществленный В. Г. Тизенгаузенем, выглядит следующим образом: «...прочитал письмо, которое было при эмире Джелаледдине, и письмо, находившееся в руках шейха Нуреддина. Содержали они оба привет и благодарение, требование помощи против Хулавуна, извещение о том, как он (Берке) действует против ясы Чингизхановой и закона народа своего, о том, что все совершаемое им (Берке) душегубство вызвано только враждой к нему, что «я и четыре брата мои принялись воевать против него со всех сторон, чтобы восстановить опять маяк правоверия...» [18, с. 59].

Д. Р. Зайнуддинов, исходя из того, что Берке-хан, будучи мусульманином, не мог сказать о своих действиях *تلاف النفوس* (душегубство), приходит к выводу, что эти слова в тексте Ибн 'Абд аз-Захира относятся к Хулаву [8, с. 113]. В результате, автор предлагает следующий вариант интерпретации текста: «...что все действия, совершаемые им (Хулаву), из числа душегубства, исходят из несправедливости его (Хулаву)...» [8, с. 114]. Одним из основных аргументов Д. Р. Зайнуддинова является то, что «исходя из критериев ислама душегубство является тягчайшим преступлением» [8, с. 113]. В качестве опоры для своего аргумента он приводит текст коранического аята: «...кто убил душу не за душу или не за порчу на земле, тот как будто бы убил людей всех...» (V: 35(32)) [12].

Применительно к интерпретации содержания текста послания хана Берке, передаваемого Ибн 'Абд аз-Захиром, подобная аргументация вызывает определенные возражения. Действительно, в кораническом тексте употреблено выражение *مَنْ قَتَلَ نَفْسًا*, однако, как справедливо отмечает В. А. Сидоренко, слово *نَفْسٌ* используется здесь в значении «человек» [16, с. 522]. Подобное понимание нашло свое отражение не только в различных современных переводах и толкованиях Корана, оно зафиксировано уже в текстах средневековых тафсиров. Так, например, Ибн Касир (1302–1373 гг.), комментируя приведенный аят, писал: «...убийство одного человека не в отместку за убийство другого человека или распространения на земле нечестия, а безо всякого на то права, подобно убийству всего человечества, так как для него нет разницы между убитым и остальными людьми» [9, с. 598]. Таким образом, термин «душегубство»

появляется в тексте как результат буквального перевода и может быть заменен, по предложению В. А. Сидоренко, на «гибель народонаселения/населения» [16, с. 522]. Как следует из приведенного айата, убийство, совершенное мусульманином, может быть оправдано в двух случаях: в ответ на несправедливое убийство и с целью предотвратить «порчу на земле».

Д. Р. Зайнуддинов считает, что В. Г. Тизенгаузен совершена ошибка при переводе слова العدوان, которое следует переводить не «вражда», но «агрессия» [8, с. 114]. Таким образом, действия хана Берке против Хулавуна являются ответом на агрессию со стороны последнего, а, следовательно, легитимными с точки зрения ислама, включая убийство/гибель людей. В качестве дополнительного аргумента приведем фрагмент 217 айата II суры: «Искушение хуже, чем убийство (وَ الْفِتْنَةُ أَكْبَرُ مِنَ الْقَتْلِ)». Они не перестанут сражаться с вами, пока не отвратят вас от вашей религии, если только смогут» [13]. Подводя итог сказанному, отметим, что тезис Д. Р. Зайнуддинова о том, что мусульманин Берке не мог сказать о своих действиях «гибель населения» является противоречивым и основан на буквальном прочтении текста, что в данном случае, на наш взгляд, неоправданно.

Вместе с тем, нельзя не согласиться с соображением грамматического порядка, приводимыми Д. Р. Зайнуддиновым. По его мнению: «В. Г. Тизенгаузен допустил ошибку, связав местоимение третьего лица, единственного числа, мужского рода (هو – он) с именем Берке-хана. Это объясняется следующими фактами. Во-первых, исходя из правил грамматики арабского языка, местоимение указывает на ближайшее от него слово, а таковым является Хулавуна» [8, с. 113]. Таким образом, действительно, в тексте послания хана Берке слова: «الإعلام بما هو عليه» (сообщение о том, что он против него) относятся к Хулагу-хану. Однако дальнейший перевод отрывка, предложенный Д. Р. Зайнуддиновым, вызывает определенные возражения. Его конъектура выглядит следующим образом: «... извещение о том, что он (Хулаву) идет против ясы Чингизхановой и закона народа своего, о том, что все действия, совершаемые им (Хулаву), из числа душегубства, исходят из несправедливости его (Хулаву)...» [8, с. 114]. Отметим, что при данном прочтении текста автором игнорируется слитное местоимение третьего лица, единственного числа, мужского рода – هُوَ – в слове عليه «против него». Если, как было сказано, часть предложения «он против» относится к Хулаву, то закономерен вопрос: против кого? Считать, вслед за Д. Р. Зайнуддиновым, что речь идет о «ясе Чингизхановой», по нашему мнению, не позволяет предлог مِنْ, находящийся в предложении между словами عليه и مخالفة سنكر خان (нарушение/противоречие [закона] Чингизхана). Очевидно, что выражение «он против него» в данном контексте должно означать – Хулаву против Берке. Предлог مِنْ в арабском языке имеет несколько значений, одно из которых – причина, повод [19, с. 307; 7, с. 406]. Таким образом, смысл этой части предложения (و الإعلام بما هو عليه من مخالفة سنكر خان) становится понятен, если перевести ее как: «сообщение о том, что он (Хулаву) против него (Берке), по причине/из-за нарушения закона Чингизхана».

Наиболее важна, на наш взгляд, следующая часть предложения – «و شريعة اهله» (и шари'ата его людей). В. Г. Тизенгаузен, а вслед за ним и Д. Р. Зайнуддинов, как и в случае с «من قَتَلَ نَفْسًا» (душегубство), перевели это словосочетание дословно – «и закона народа своего» [18, с. 59; 8, с. 114]. Более взвешенную позицию в отношении перевода этой фразы занимает В. А. Сидоренко, оставивший в своем варианте слово «шари'ат» без перевода [16, с. 523]. Если опереться на прочтение Д. Р. Зайнуддинова, в соответствии с которым нарушение «закона Чингизхана» и «закона народа своего» совершено одним и тем же субъектом – Хулаву – налицо смысловая тавтология. Принять подобную конъектуру можно было бы, если бы вместо слова «закон» (شريعة) в тексте использовалось, например, слово «обычай» (عادة). Стремление избежать тавтологии заставляет нас либо признать тот факт, что в сообщении Ибн 'Абд аз-Захира вышеозначенные деяния совершены разными людьми, либо то, что слово «шари'ат» в тексте следует трактовать шире его буквального значения. Первое предположение приходится отбросить по соображениям, вытекающим из правил арабской грамматики. Что касается второго, то, действительно, в арабском языке слово شريعة имеет значение «законоположение, церковный закон; шари'ат» [3, с. 400]. При этом, нельзя не учитывать то обстоятельство, что наряду со словом شريعة для выражения понятия «закон» существуют и другие слова, несущие ту же смысловую нагрузку, например: 6] فَاثْوُونَ، سُنَّةٌ، نَامُوسٌ [с. 267]. Нам представляется, что присутствие термина شريعة в тексте Ибн 'Абд аз-Захира неслучайно. Ко времени составления послания хана Берке термин «шари'ат» получил более узконаправленное значение: «прямой, правильный путь»; закон, предписания, авторитетно установленные в качестве обязательных – шари'ат, комплекс закрепленных, прежде всего Кораном и сунной, предписаний, которые определяют убеждения, формируют нравственные ценности и религиозную совесть мусульман, а также выступают источниками конкретных норм, регулирующих их поведение» [17, с. 292]. Иными словами, под термином «шари'ат» следует понимать систему мусульманского права. Таким образом, в сообщении Ибн 'Абд аз-Захира понятие «шари'ат» семантически противостоит понятию «яса Чингизханова». Учитывая сказанное, часть предложения الاعلام بما هو عليه من مخالفة سنكر خان و شريعة اهله, по нашему мнению, следует переводить так: «Сообщение о том, что он (Хулаву) против него (Берке) по причине/из-за нарушения закона Чингизхана и шари'ата (ислама) его (Берке) людей». Действующим лицом в следующей части текста – و ان كل فعله منتلاف النفوس بطريق العدوان منه – как справедливо отметил Д. Р. Зайнуддинов, является Хулагу [8, с. 14].

Трудно согласиться с вариантом перевода последней фразы, предложенным В. А. Сидоренко: «и что (و ان) все его действия (كل فعله) по уничтожению народонаселения (منتلاف النفوس) начальником войска (بطريق), который враждебен (العدوان) ему (منه) и т. д.» [16, с. 523]. Путаница в данном случае возникает из-за двух одинаковых по написанию, при опущенных огласовках, но различных по значению арабских слов – 2] بَطْرِيْقٌ. ист. начальник войска» и 1] طَرِيْقٌ. путь, дорога» со слитным предлогом 3] ب، с.75; с.473]. Одно из значений данного предлога – средство или орудие

действия, образ действия [19, с. 300–301; 7, с. 394]. Например, выражение بطريق البرّ означает «сухопутным путем», а بطريق الجوّ – «воздушным путем» [3, с. 75; с. 473]. Таким образом, традиционный перевод выражения بطريق العدوان منه означает: «путем враждебности/злости/агрессии/несправедливости [исходящей] от него». Конъектура В. А. Сидоренко предполагает наличие в конструкции относительного местоимения الَّذِي – «который», помещенного соответственно между словами بطريق و العدوان. Стремясь обосновать его отсутствие, автор ссылается на правило арабского языка, согласно которому: «В ряде случаев функцию относительного местоимения الَّذِي выполняет артикль الّ. Это бывает в том случае, когда сказуемым именного придаточного предложения является причастие страдательное» [7, с. 385]. В качестве такого сказуемого А. В. Сидоренко указывает на слово العدوان. Как известно, причастия страдательного залога в арабском языке образуются от соответствующих пород глагола по определенным формулам. Исходной формой в данном случае мог бы стать недостаточный глагол III породы عَادَى – «враждовать» [22, с. 337]. Формула, по которой образуются причастия страдательного залога, м. р., ед. ч. от глаголов III породы: مُفَاعِلٌ – فَاعِلٌ (для причастия действительного залога) – مُفَاعِلٌ (для причастий страдательного залога) [22, с. 663]. Таким образом, искомое причастие в определенном состоянии должно иметь форму الْمُعَادَى. Учитывая сказанное, нам представляется рациональным остановиться на варианте перевода разбираемого выражения, который был предложен Д. Р. Зайнуддиновым.

Один из основных выводов, к которому приходит В. А. Сидоренко, заключается в том, что: «Укоренившееся в научной литературе мнение о датировке этого знаменательного для Золотой Орды события (принятие ислама ханом Берке – И.С.) ранее 1263 г. ошибочно...» [16, с. 519]. Полемизируя с Д. Р. Зайнуддиновым, В. А. Сидоренко считает, что письма, привезенные послами Берке, не отражают факта его принадлежности к исламу [16, с. 521–522]. Обратимся к дальнейшему содержанию послания Берке в передаче Ибн 'Абд аз-Захира, с целью подтвердить или опровергнуть это утверждение. «Я и четыре моих брата (انا و اخوتى الاربعة) принялись воевать против него (بحربه) (Хулавуна) со всех сторон (من سائر الجهات), чтобы восстановить маяк ислама (لإقامة) [18] «منار الاسلام», с. 50]. Далее в послании детально раскрывается содержание того, что названо «восстановлением маяка ислама»: «возвратить обитателям правды прежнее состояние» (إعادة مواطن الهدى ما كانت) и поминание Аллаха (وذكر الله) и азан (و الاذان) и чтение (Корана) (و القراءة) и молитву (و الصلاة), и отомстить (و اخذ ثار) за имамов и религиозную общину [18] «الائمة و الأمة», с. 50].

На первый взгляд, текст насыщен исламскими реалиями, не оставляющими сомнения в конфессиональной принадлежности автора. Вместе с тем, на что обратил внимание Д. Р. Зайнуддинов, удивляет отсутствие в тексте специфически исламского термина «джихад» (جهاد), вместо которого использован оборот [8] انا...بحريره, с. 113]. Действительно, с точки зрения исламской правовой системы война с язычниками, которым, безусловно, являлся Хулагу, совершившими агрессию в отношении мусульман, обязательна. Ситуация, однозначно превращающая джихад в индиви-

дуальную обязанность (الفرض العين), наступает в случае нападения неприятеля на территорию мусульманской уммы (دار الإسلام). Известный факих Абуль-Хусейн Ахмад ибн Мухаммад аль-Кудури аль-Багдади, живший на рубеже X–XI вв., в своем фундаментальном труде по ханафитскому мазхабу (مختصر) сформулировал это положение следующим образом: «Обязанность участвовать в джихаде не распространяется на: детей, рабов, женщин, слепых, хромых, безруких. Если же враг нападет на страну – обязанность на всех мусульманах выступить для его отражения. Тогда женщина выступает без разрешения ее мужа, раб без позволения господина (فان هجم العدو على بلد وجب على جميع المسلمين الدفع تخرج المرأة بغير إذن زوجها و العبد بغير إذن المولى)» [23, с. 231].

Учитывая сказанное, закономерен вопрос: позволяет ли текст Ибн ‘Абд аз-Захира сделать вывод о том, что военные действия хана Берке, совершаемые в ответ на агрессию со стороны Хулагу-хана, можно квалифицировать как «джихад меча» (جهاد بالسيف)? На наш взгляд, ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Как известно, исламская правовая мысль при определении правовой категории «джихад» придает большое значение целям, ради которых ведется борьба, и намерению, с которым она ведется. О том, каким должно быть намерение участников джихада, ясно говорится в текстах мусульманского предания. Так, сообщается, что некий бедуин задал Пророку вопрос: «О посланник Аллаха, один человек сражается ради военной добычи, другой сражается ради того, чтобы люди говорили о его храбрости, а третий сражается напоказ, так кто же из них находится на пути Аллаха? – и в ответ ему посланник Аллаха, صلى الله عليه وسلم, сказал: «На пути Аллаха находится тот, кто сражается ради того, чтобы превыше всего было слово Аллаха» [14, с. 540]. В тексте другого, не менее известного хадиса, повествуется об участии человека, погибшего во время джихада, который сражался ради славы, заявляя, что сражается ради Аллаха. Уличенный в «День воскресения» Аллахом во лжи, он будет свергнут в огонь [14, с. 541]. Таким образом, по мнению мусульманских ученых, Аллах «примет» джихад того человека, чье намерение, во-первых, искренне, а, во-вторых, наполнено желанием бороться исключительно ради Аллаха.

Практически все мусульманские ученые, говоря о целях джихада, опираются на следующий коранический текст: «Сражайтесь с ними, пока не исчезнет искушение и пока религия целиком не будет принадлежать Аллаху. Но если они прекратят, то посягать можно только на беззаконников» (وَقَاتِلُوهُمْ حَتَّى لَا تَكُونَ فِتْنَةٌ وَيَكُونَ الدِّينُ لِلَّهِ فَإِنْ وَقَاتِلُوهُمْ حَتَّى لَا تَكُونَ فِتْنَةٌ وَيَكُونَ الدِّينُ لِلَّهِ فَإِنْ (II: 193). Не менее значимым в этом вопросе является текст известного хадиса, в котором Пророк сообщает: «Мне было велено сражаться с этими людьми до тех пор, пока они не засвидетельствуют, что нет бога, кроме Аллаха, и что Мухаммад – посланник Аллаха, и не станут совершать молитвы и выплачивать закят, а если они будут делать все это, то защитят от меня свою жизнь и свое имущество, которых впредь их могут лишить не иначе как по праву ислама, и тогда отчета с них вправе будет требовать только Аллах» [2, с. 34–35]. Таким образом, помимо отражения прямой агрессии, одна из возможных

целей джихада заключается в распространении ислама. Другая, легитимная с точки зрения шари'ата, цель вооруженного джихада заключается в обеспечении религиозного, политического, экономического и военного господства мусульманской уммы над представителями иных религиозных общин. Согласно сообщениям исторических источников, во время похода на Табук (630 г.) Мухаммад заключил договор с жителями Айлы, обязав их платить джизью [10, с. 396]. Основываясь на практике Мухаммада, именно в уплате иноверцами из числа «людей писания» подушного налога представители мусульманской правовой мысли видели механизм реализации господства своей общины [4, с. 219]. Позднее мусульманскими правоведами были выработаны дополнительные условия, необходимые к соблюдению теми, кто обязан был платить джизью [1, с. 226–227].

Возвращаясь к содержанию послания хана Берке в передаче Ибн 'Абд аз-Захира, следует отметить, что в нем из всех возможных целей джихада, при желании, можно увидеть только отражение агрессии. В тексте послания ясно говорится, что агрессия (العدوان) совершена Хулагу в отношении Берке. Для признания ответных действий джихадом, с точки зрения мусульманского права, нам пришлось бы не только признать факт принадлежности к исламу самого Берке, но то, что подвластная ему территория входила в понятие дар аль-ислам (دار الإسلام), однако, как известно, последнее стало фактом только во времена правления хана Узбека (1314–1341 гг.). Учитывая сказанное, следует признать, что ни одна из целей, превращающих вооруженную борьбу в джихад, не обозначена в тексте послания Берке. Более того, зафиксированное Ибн 'Абд аз-Захиром намерение Берке – «отомстить за имамов и религиозную общину» – полностью не соответствует тому намерению, которым должны руководствоваться участники джихада. Таким образом, в тексте Ибн 'Абд аз-Захира в пользу того, что хан Берке на момент составления послания являлся мусульманином свидетельствуют, во-первых, обилие мусульманских религиозных терминов, во-вторых, упоминание о приверженности шари'ату «его людей» (و شريعة اهله). С другой стороны, в тексте послания Берке нигде не говорит прямо о своей принадлежности к исламу. Кроме того, как мы показали, его военные действия против Хулагу, с правовой точки зрения, не могут быть квалифицированы как джихад.

По нашему мнению, между этими фактами отсутствуют противоречия. Очевидно, что на подвластных Берке территориях проживали мусульмане, что, впрочем, не означает его собственной принадлежности к исламу. Следовательно, упоминание о «шари'ате его людей» следует расценивать как дипломатический аргумент, призванный убедить султана аль-Малика аз-Захира Бейбарса вступить в союз против Хулагу-хана. Обилие сугубо исламских понятий и выражающих их терминов в послании хана Берке также находит свое объяснение. Вероятно, прав А. Г. Юрченко, когда предполагает, что: «Если такое письмо (Берке к аль-Малику аз-Захиру Бейбарсу – И.С.) и имело место, то при переложении с монгольского на арабский язык его перевели в особом ключе: с политического языка на религиозный... Поскольку письмо Берке было публично зачитано в присутствии послов Михаила Палеолога,

иконийского султана 'Изз-ад-дина Кейкавуса II и представителя Генуи, то, вероятнее всего, сообщение о мусульманском благочестии Берке им и предназначалось» [21, с. 86]. Таким образом, на наш взгляд, анализ текста Ибн 'Абд аз-Захира, передающий содержание послания хана Берке к султану аль-Малику аз-Захиру Бейбарсу, не позволяет сделать однозначный вывод о принадлежности правителя Золотой Орды к исламу на момент составления этого послания.

Косвенно это подтверждает сообщение аль-Муфаддаля, на что обратил внимание В. А. Сидоренко [16, с. 527]. В передаче аль-Муфаддаля, Берке, обращаясь к султану, говорит:

انت تعلم ائى محبٌ لهذا الديب و ان هذا العدو يعنى هولاءون كافر و قد تعدى قتل المسلمين و استولى على بلادهم...

«Знай, что я друг правове́рия, а что этот супостат, т. е. Хулавун, неверный; он уже злодейски избил мусульман и овладел их землями» [18, с. 189]. Следует отметить, что литературно правильный перевод этого отрывка, осуществленный В. Г. Тизенгаузенем, все же не является подстрочником. Так, в нем выражение *انت تعلم* переводится со значением «знай», в то время как глагол *علم* присутствует в тексте не в повелительном наклонении. Постановка глагола в изъявительном наклонении настоящего-будущего времени в сочетании с личным местоимением *انت* (ты) заставляет перевести это выражение как «ты знаешь». Далее, нуждается в коррекции перевод слов *الدیب لهذا الديب*, которые в конъектуре В. Г. Тизенгаузена представлены как «я друг правове́рия». Известно, что *محبٌ* означает «любящий» [3, с. 153]. Таким образом, дословный перевод этой фразы означает: «Ты знаешь, поистине, я – любящий эту религию (الدیب لهذا الديب)». Смысл данной декларации становится понятным при учете того обстоятельства, что в вопросах конфессиональной принадлежности ислам отрицает любые промежуточные состояния. Напомним, что принимающий ислам должен с искренним намерением и пониманием, в присутствии достойных доверия свидетелей произнести по-арабски шахаду (الشهادة) – «Свидетельствую, что нет Бога, кроме Аллаха, свидетельствую, что Мухаммад посланник Аллаха» [15, с. 9]. Иными словами, человек, посредством произнесения свидетельства, открыто провозглашает себя мусульманином. Очевидно, что в устах мусульманина фраза: «я – любящий эту религию» звучала бы двусмысленно. Берке, если допустить, что на момент составления послания он уже был мусульманином, должен был бы открыто объявить об этом. Тогда в тексте его послания анализируемая фраза выглядела бы следующим образом: «Ты знаешь, я – мусульманин».

Практически никаких новых сведений не добавляет к сказанному сообщение о содержании послания Берке аль-Бирзали, сохранившееся в передаче Ибн Касира.

فيها (يعنى فى سنة ٦٦١) قدمت رسل بركة فان الى الظاهر يقول له قد علمت محبتى الدين الاسلام و ...علمت ما فعل هولاءو بالمسلمين...

«В 661 году...прибыли к (Эльмалик-) Эззахыру послы Беркекана, чтобы сказать ему (от имени Берке): ты уже узнал о моей любви к религии ислама и узнал, что сделал Хулаку с мусульманами...» [18, с. 275]. Как видно, Берке и в сообщении

аль-Бирзали не называет себя мусульманином, а говорит только о своей любви к исламу (محبتي الدين الاسلام). Затронув текст аль-Бирзали, нельзя не остановиться на той конъектуре, которую предложил В. А. Сидоренко. По его мнению: «Причиной затруднений с переводом является то, что I порода глагола قدم не вписывается в классическую форму предложения. Можно предполагать, что глагол قدم «прибывать», «приезжать», с суффиксом совершенного времени 1-го или 2-го лица ед. ч. имеет не отражаемую в лишенном гласных написании каузативную II породу (قَدَّمَ), что связывает выраженное им сказуемое «предпосылаю» с подлежащим «я... Беркекоан» [16, с. 525]. Руководствуясь данным соображением, автор предложил следующий вариант перевода: «В этом (то есть в 661 году) я предпосылаю послов, Беркекаан к аз-Захиру: говорящий ему...» [16, с. 525]. Подобное прочтение вызывает ряд возражений. Мнимая трудность перевода данного выражения могла бы быть обусловлена рассогласованием в числе между глаголом قدم (ед. ч.) и существительным رسل (мн. ч.) [3, с. 296]. Однако в глагольном предложении по правилам арабского языка: «Если сказуемое находится в препозиции (перед подлежащим), то глагол всегда употребляется в форме единственного числа соответствующего рода независимо от числа имени (подлежащего)... Если глагол-сказуемое находится в постпозиции (после подлежащего), то он (глагол) согласуется с подлежащим в роде и числе...» [19, с. 381]. Еще одна, кажущаяся, сложность заключается в том, что глагол в анализируемом выражении употреблен в женском роде, тогда как обычно используется мужской – قدم، но не قدمت. Однако: «Если подлежащее имеет форму разбитого множественного числа, глагол может быть в форме любого рода единственного числа, независимо от того, обозначает ли подлежащее мужчин, женщин или неодушевленные предметы... Пример с глаголом в форме женского рода: قَالَتْ بَنُو تَمِيمٍ «сказали сыны Тамима» [7, с. 485]. Как видно, в анализируемом случае нет никакой нужды в «играх» с породами глагола, как нет оснований предполагать, что глагол в тексте выражает настоящее-будущее время. Если бы это было действительно так, то смысл выражения «я предпосылаю» передавался бы глаголом 1-го лица, ед. ч., муж. р. настоящего-будущего времени – أَقَدِّمُ.

Далее, на наш взгляд, смысловая законченность выражения «в 661 году... прибыли послы Беркекана к аз-Захиру» позволяет рассматривать его в качестве целого предложения. Новое предложение начинается с глагола يَقُولُ, который В. А. Сидоренко предлагает перевести как «говорящий», что предполагало бы грамматическую форму قَائِلٌ. Однако в данном случае глагол употреблен в третьем лице, мужского рода, настоящего-будущего времени – يَقُولُ – «говорит» [7, с. 149–150]. Необоснованными, с нашей точки зрения, являются рассуждения автора о породах и временах глагола علمت. «В соответствии с I породой глагола дается перевод В. Г. Тизенгаузеном – «ты уже узнал», «ты узнал», но относя его ко II породе, мы переводим в соответствии настояще-будущему времени – «ты, наверное, знаешь» и «ты знаешь» [16, с. 526]. Как известно, в арабском языке: «глаголы производных пород при спряжении в настояще-будущем времени имеют те же аффиксы, что и

глаголы I породы... префиксы II, III, и IV пород имеют гласный [u], а в остальных породах – [a]» [19, с. 41–42]. Следовательно, глагол II породы عَلِمَ во 2-м лице, муж. р., ед. ч., настояще-будущего времени должен иметь форму تُعَلِّمُ. Очевидно, что в тексте глагол употреблен в форме прошедшего времени, независимо от своей породы. Сказанное, учитывая частицу قَدْ перед глаголом в прошедшем времени, возвращает нас к варианту прочтения текста, который был предложен В. Г. Тизенгаузенем.

Как следует из текста Ибн ‘Абд аз-Захира, появлению послов Берке при дворе султана предшествовало письмо последнего, отправленное хану в 660 г. х. (26 ноября 1261– 14 ноября 1262 г.) [18, с. 46]. Адекватное понимание содержания этого письма имеет принципиальное значение для решения вопроса о времени принятия ислама ханом Берке. «В 660 г. ... он (Эльмелик Эззахыр) написал к Берке, великому царю Татарскому, письмо, которое я писал со слов его (и в котором) он подстрекал его против Хулавуна, возбуждал между ними вражду и ненависть, да разбирал довод тому, что для него обязательна священная война с Татарами, так как получают одно за другим известия о принятии им ислама и что этим вменяется ему в долг воевать с неверными, хотя бы они были его родичи. Ведь и пророк – над ним благословение Аллаха и мир – сражался со своими соплеменниками родичами и воевал против Курейшитов; ему было повелено (Аллахом) биться с людьми до тех пор, пока они скажут: нет божества, кроме Аллаха! Ислам не состоит только в одних словах; священная война есть одна из (главных) опор его. Пришло уже несколько известий о том, что Хулавун, ради своей жены и вследствие того, что она христианка, установил (у себя) религию креста и предпочел твоей религии почитание веры жены своей, да поселил католикоса неверного в жилищах халифов, ставя жену свою выше тебя. В этом письме было много подстрекательств и изложение того, как султан действует по части священной войны. Письмо это он отправил с одним доверенным лицом из аланских купцов» [18, с. 55]. На первый взгляд, содержание этого послания в переводе В. Г. Тизенгаузена не оставляет ни малейших сомнений в конфессиональной принадлежности хана Берке. Таким образом, возникает принципиальное противоречие: в письме султана, которое, если следовать порядку событий, установленному в тексте Ибн ‘Абд аз-Захира, предшествовало посольству Берке, засвидетельствован ислам хана, а письма Берке, доставленные султану послами позже, как мы видели, этот факт не подтверждают.

Стремясь обосновать предложенную им относительную хронологию событий, В. А. Сидоренко предложил авторскую конъектуру данного фрагмента из текста Ибн ‘Абд аз-Захира, существенно отличающуюся от перевода В. Г. Тизенгаузена [16, с. 529]. Так, по его мнению, фразу о получаемых султаном одно за другим сведениях, относительно принятия Берке ислама – *على أنه يجب عليه جهاد التتار لانهواترت الخبار* – возможно перевести как: «...с тем, чтобы ему следовало против него вести священную войну с татарами. О, чтобы ему (султану – В.С.) постоянно поступали известия о вступлении его в ислам. И будет вменяться в обязанность со времени этого вести священную войну с неверными...» [16, с. 529]. Ар-

гументация автора выглядит следующим образом: «Вводное именное предложение (لأنهتواترت الخبر بإسلامه) начинается с частицы ل и предлога أن «что, чтобы», где ل (с гласным i) могло бы выражать приказание при глаголе в усеченном наклонении... и переводиться «пусть чтобы ему...» или «обязательно, чтобы ему (султану) постоянно поступали известия о вступлении в его ислам!». Но глагол, отражающий повторяющееся действие, побуждает рассматривать частицу ل как восклицание «О!». По той же причине заключающее предложение слитное местоимение 3-го л. ед. ч., косвенных падежей) не может относиться к Берке: принятие ислама и сопутствующая тому инициация не могут быть повторяющимися (особенно – второе) по отношению к одному лицу. Очевидно, речь идет о религии эль-Малик аз-Захира Бейбарса, высказывающим пожелание ее распространению в Золотой Орде, а не только принятию правителем» [16, с. 528]. Подобную аргументацию трудно принять. Действительно, по правилам арабской грамматики: «повелительное наклонение глаголов 1-го и 3-го лица образуется путем добавления предлога ل к глаголу... , например: أَفْتَحُ я открываю – لِأَفْتَحُ пусть я открою!» [20, с. 325]. Как справедливо отмечает автор, в данном случае подобное правило не имеет силы. Известно, что союз لَئِنَّ с арабского языка переводится со значением «потому что; так как» [3, с. 708; 19, с. 327]. Учитывая наличие в конструкции слитного местоимения هُ, ее следует переводить как «потому, что он/ему/им». Для выражения пожелания со значением «О, если бы» принято использовать предлог لَيْتَ, входящий в группу وَأَخَوَاتُهَا إِنَّ وَ, который употребляется с именем в винительном падеже [19, с. 341; 20, с. 43]. Пожелание может быть передано использованием частицы لُو «в сочетании с глаголом в форме сослагательного наклонения», а также в сочетании с أَنَّ, если за لُو следует безглагольное предложение, в сочетании لَ «для выражения побуждения или вежливой просьбы» [19, с. 357–358]. Как, например, в широко известном высказывании халифа Умара ибн аль-Хаттаба: «لُو كَانَ الْفَقْرُ رَجُلًا لَقَاتَلْتُهُ». Очевидно, указанные случаи не имеют отношения к разбираемому предложению, в силу того, что в нем, по нашему мнению, не содержится побуждения или пожелания. Подобный правильным глагол VI породы ثَوَاتَرَ имеет значение «непрерывно приходиться, последовательно поступать, прибывать подряд; следовать друг за другом; повторяться» [3, с. 870]. Выше мы уже останавливались на значениях слитного предлога ب. Следует считать, что в словосочетании بِإِسْلَامِهِ он отражает причину или основание. Приведенные аргументы заставляют предложить конъектуру, близкую по смыслу к предложенной В. Г. Тизенгаузенем: «Потому, что им (султаном – И.С.) получают одно за другим известия, по причине его (Берке – И.С.) ислама». Что же касается остроумного замечания В. А. Сидоренко о том, что принятие ислама является действием, совершаемым лишь однажды, то с этим трудно не согласиться. Однако известия об этом могут приходиться (повторяться), в том числе и непрерывно, из разных источников, не говоря уже о том, что инициация (циркумцизия – خَتَان), которой, по мнению автора, непременно должно сопровождаться принятие ислама, не является обязательной [11, с. 94].

Дальнейшее содержание письма, на наш взгляд, только подтверждает тот факт, что султан не сомневается в конфессиональной принадлежности Берке. В противном случае, ссылка на пример пророка, воевавшего с курейшитами, утрачивает силу аргумента, обязывающего Берке к джихаду. О том же, по нашему мнению, говорит и фраза: «و قدّم مراعاة دين زوجته على دينك» – «и предпочел твоей религии почитание веры жены своей» [18, с. 55]. О какой религии Берке может идти речь, учитывая, что она противопоставлена в тексте послания христианству? Очевидно – ислам или язычество. Однако дальнейшее содержание текста однозначно заставляет сделать выбор в пользу ислама: «و اسكن الجائليق الكافر مواطن الخلفاء» – «и поселил неверного католика в жилище халифов» [18, с. 55]. Как известно, фигура халифа к XIII в. в исламе олицетворяла не столько светскую, сколько духовную власть [4, с. 35]. Таким образом, духовному лидеру мусульман в тексте противопоставлен духовный лидер христиан. Христианство же в послании султана антагонистично и религии Берке.

Отдельно следует остановиться на содержании известий Руки ад-Дин Бейбарса, аль-Айни и Ибн аль-Фората, которые, на наш взгляд, подтверждают сведения, сообщаемые последним [18, с. 77].

فيها (يعنى فى سنة ٦٥٩) كتب السلطان (الظاهر) الى بركة بن صاين قان كتابًا يغيره بهولاكو و يعرفه ان جهاده واجب عليه لتواتر الاخبار باسلامه و يلزمه اذ دخل فى دين الاسلام ان يجاهد الكفار و أهتال هذا الكلام و نحوه من التحريض و الاغراء و بعث به اليه مع احد تجار العلان فورد جوابه فيما بعد بما سنذكره

«В 659 году (= 6 дек. 1260 – 25 нояб. 1261г.) султан (Эльмелик Эззахыр) написал к Берке, сыну Саинкана, письмо, возбуждая против Хулаку, уведомляя его (Берке), что, вследствие непрерывно получаемых известий о принятии им ислама для него (Берке) обязательна религиозная война (с Хулаку), так как он, вступив в религию ислама, должен воевать с неверными, и т. п. по части возбуждения и подстрекательства. Отправил он к нему это (послание) с одним из Алланских торговцев. Получен был впоследствии ответ его, о котором мы скажем ниже» [18, с. 98]. Стремясь подтвердить свое понимание текста Ибн 'Абд аз-Захира, В. А. Сидоренко предлагает конъектуру, отличающуюся от предложенной В. Г. Тизенгаузеном. Так, выражение «ان جهاده واجب عليه» автор считает возможным перевести как: «чтобы вести священную войну сделалось обязательным для него» [16, с. 530]. В соответствии с правилами арабской грамматики: «Для соотнесения конструкции, содержащей глагол долженствования يَجِبُ или заменяющий его предлог على, с прошедшим или будущим временем используется глагол كَانَ в качестве вспомогательного... Роль глагола يَجِبُ может выполнять и образованное от него причастие действительного залога 19] «وَأَجِبُ», с. 64]. Действительно, глагол يَجِبُ может быть использован для передачи необходимости возникновения определенной ситуации (должно быть так, чтобы...), но тогда глагол используется без предлога 19] على, с. 64]. Как видно, для анализируемой грамматической ситуации последнее правило неприемлемо. Невозможно также, по причине отсутствия в конструкции глагола كَانَ, соотнести возложение обязанности джихада на Берке с будущим временем. Таким образом, сказанное диктует следующий перевод выражения «ان جهاده واجب عليه»: «что джихад его обязателен ему». Далее,

выражение *اذ دخل فى دين الاسلام ان يجاهد الكفار* В. А. Сидоренко переводит со значением: «когда вступит в религию ислама, чтобы велась священная война с неверными» [16, с. 530]. Как известно, значение союзного слова *إِذْ* – «раз, так как; тогда как, когда; как вдруг; *اذ ذلك* тогда, в то время; *اذ أَنْ* так как» [3, с. 29]. Обратим внимание на тот факт, что глагол *دخل*, стоящий после союзного слова, находится в 3-мл., м. р., ед. ч., прошедшего времени, имея значение совершенного действия – «вступил». При употреблении с глаголом (перед ним) *إِذْ* приобретает значение «так как; поскольку» [19, с. 327]. Следовательно, данное выражение должно быть переведено как: «так как он вступил в религию ислам». Вероятно, союз *أَنَّ* в данном случае указывает на содержащееся во второй части предложения приказание и побуждение [19, с. 327].

Сказанное возвращает нас к пониманию текста, предложенному В. Г. Тизенгаузенем. Таким образом, и в пересказе сведений Ибн 'Абд аз-Захира подтверждается то, что на момент составления султаном послания к Берке, он считал последнего мусульманином.

Решение обозначенной проблемы, как представляется, лежит не столько в сфере переводческой деятельности, сколько в правильном установлении точки отсчета дипломатических отношений между аль-Малик аз-Захиром Бейбарсом и Берке. Так, В. А. Сидоренко полагает, что посланию султана предшествовало письмо Берке. Свою точку зрения он аргументирует тем, что Ибн 'Абд аз-Захир, передавая содержание султанского письма, упоминает о том, что султан разделял довод (*و يقسم* *والدليل*)¹ о необходимости ведения джихада. Этот довод, предполагает В. А. Сидоренко, содержался в письме Берке, полученном султаном ранее. Кроме того, по его мнению: «Только из него (письма – И.С.) султан мог узнать о расположенности Берке к исламу и готовности принять его для ведения религиозной войны-джихада в оправдание военных действий против татар» [16, с. 531]. Не соглашаясь с таким ходом рассуждений, обратим внимание на тот факт, что в письмах Берке, доставленных султану эмиром Джалал ад-Дином и шейхом Нур ад-Дином, как мы уже говорили, термин джихад отсутствует. Это не находит своего объяснения, если допустить, что довод о джихаде содержало предполагаемое предыдущее письмо Берке. Более того, в тексте Ибн 'Абд аз-Захира не говорится, с кем именно султан разделял довод о необходимости джихада. Учитывая его анонимность, можно предполагать, что это общеизвестный в мусульманском мире аргумент в пользу необходимости священной войны с неверными, с опорой на опыт пророка. Далее, узнать о «любви» Берке к исламу и расположенности к мусульманам султан мог из различных источников, например, из сообщений купцов, подобных тем, которые упомянуты у Ибн 'Абд аз-Захира. Последнее предположение как раз косвенно подтверждается фразой о получаемых султаном «непрерывно известиях» про ислам Берке.

Все становится на свои места, если предположить, что никакого письма Берке, предшествовавшего посланию аль-Малик аз-Захира, не было, а султан на момент

¹ В. Г. Тизенгаузен некорректно переводит: «разбирал довод» [с. 55]. 1) – *فَسَمَّ*. делить... 2. разделять (с кем-л., напр. о горе)...[3, с. 637].

составления этого послания не располагал достоверной информацией о конфессиональной принадлежности хана, принимая желаемое за свершившийся факт. Косвенное подтверждение этому можно найти в сообщении Ибн 'Абд аз-Захира о прибытии ко двору султана отряда татар Берке.

لَمَّا وَصَلَتْ جَمَاعَةُ التَّتَارِ الَّذِينَ وَصَلُوا أَوَّلًا إِلَى السُّلْطَانِ وَاسْتَطْلَعُوا مِنْهُمْ الْحَالَ وَعَرَفُوا أَحْوَالَ الْمَلِكِ بِرَكَّةَ وَ...مَقَامَهُ وَ الطَّرِيقَ إِلَيْهِ

«Когда прибыл отряд татар, впервые явившихся к султану, и он расспросил их о положении дела, да узнал от них обстоятельства царя Берке, местопребывания его и путь к нему...» [18, с. 56]. Таким образом, узнать об «обстоятельствах царя Берке» султан смог, только расспросив его подданных, подчеркнем: «впервые явившихся к султану» (وَصَلُوا أَوَّلًا إِلَى السُّلْطَانِ). Следует отметить, что султан аль-Малик аз-Захир Бейбарс не единственный, допустивший ошибку в определении конфессиональной принадлежности монгольских правителей. Так, например, В. В. Бартольд, оценивая религиозную политику Мункэ (1251–1259 гг.), писал: «Замечательно, что последователи всех религий считали великого хана своим. По словам Гайтона, он крестился; Гайтон даже присутствовал при совершении обряда крещения; по словам Джузджани, он при вступлении на престол, по настоянию Беркея, произнес мусульманский символ веры; по одному буддийскому сочинению, он признавал превосходство буддизма перед всеми остальными религиями: «Как все пять пальцев выходят из ладони, так буддизм есть ладонь, а все прочие веры – пальцы». Эти три известия как нельзя лучше подтверждают слова Рубрука о Мункэ и представителях различных религий: «Все следуют за его двором, как мухи за медом; всем он дает, все считают его своим, и все предсказывают ему всякие блага» [5, с. 562–563]. Конечно, религиозная политика Берке отличалась от политики, проводимой Мункэ. Не приходится сомневаться в его симпатиях к исламу, сведения о которых дошли до султана и были им неверно интерпретированы.

Нельзя не согласиться с В. А. Сидоренко в том, что посольств, направленных ханом Берке к султану аль-Малику аз-Захиру, должно было быть несколько. Действительно, лакуны в тексте Ибн 'Абд аз-Захира привели к тому, что у большинства компиляторов разновременные события часто объединяются в рамках одного посольства. Так, например, Таки ад-Дин аль-Макризи спустя сотню лет после описываемых событий в своей «Книге путей для познания царских династий сообщает:

سنة ٦٦١) و قدمت رسل الملك بركة بطلب النجدة على هولاء وهم الامير جلال الدين بن القاضى و الشيخ [419]. نور الدين على فى عدة يخبرون باسلامه واسلا قومه... [18].

«В 661 г. х. прибыли послы царя Берке, в поисках помощи против Хулаку. Они – амир Джалал ад-Дин ибн аль-Кади и шейх Нур ад-Дин с некоторым числом (людей – *И.С.*). Они сообщили о его (Берке – *И.С.*) исламе и исламе его народа». Вероятно, что реальную дату принятия ислама ханом Берке сообщает Рукн ад-Дин Бейбарс, рассказывая о письме Берке, которое содержало сообщение о принятии ислама ханом и перечисление тех, кто сделал это вместе с ним, датированное 1-м раджаба 661 г.х. (11 мая 1263 г.) [18, с. 98–99]. Следует отметить, что в этом послании, в отличие от предыдущего, Берке уже интерпретирует свою войну против Хулагу как джихад,

говоря: «И да узнает султан, что я сразился с Хулаку, который от плоти и крови моей, для вознесения превыше всего слова Аллахова, из усердия к исповеданию ислама...» [18, с. 99]. Как видно, хан внял «доводу», приведенному султаном в его первом послании к нему.

Подведем итоги. Содержание писем, доставленных впервые султану ал-Малику аз-Захиру послами хана Берке, действительно не может свидетельствовать о том, что на момент их составления Берке принял ислам. В пользу такого вывода говорит отсутствие в тексте термина «джихад», а также несоответствие целей и мотива Берке в войне с Хулагу этому понятию. Об этом же свидетельствует сообщение аль-Муфаддала, в котором Берке не объявляет себя мусульманином, а говорит о себе как о «любящем эту религию». При этом конъектура, предложенная Д. Р. Зайнуддиновым в части, относящей слова о «нарушении ясы, несправедливости (агрессии)» к Хулагу, выглядит обоснованной. Обоснованность эта имеет грамматический характер и не связана с выражением «душегубство», появившимся в тексте, как справедливо указал В. А. Сидоренко, в результате буквального перевода. В конъектуре, предложенной последним, на наш взгляд, не может быть принято выражение «...начальником войска, который враждебен ему», по грамматическим причинам, на которые мы указали в тексте работы.

Неоправданной, по нашему мнению, является попытка В. А. Сидоренко умотреть в сообщении аль-Бирзали использование глагола второй породы – *فَدَّمَ*. В результате чего, фраза «прибыли послы Берке хана к аз-Захиру» приобретает в авторском переводе странный вид: «я предпосылаю послов, Берке хан к аз-Захиру». Нельзя согласиться и с переводом выражения *يقول له* (говорю ему), как: «говорящий ему». Несогласие вызывает и предположение В. А. Сидоренко о том, что и глагол прошедшего времени *علمت* с предшествующей частицей *قد* употреблен аль-Бирзали в качестве глагола II-ой породы, что позволяет автору перевести выражение «ты уже узнал», как: «ты, наверное, знаешь». Сказанное, на наш взгляд, при переводе текста аль-Бирзали заставляет сделать выбор в пользу конъектуры, предложенной В. Г. Тизенгаузенем.

Наибольшие возражения грамматического характера вызывает перевод В. А. Сидоренко выражения *لأنه* – «потому, что ему» как: «О, чтобы ему». Последнее, вероятно, необходимо автору для обоснования предложенного им хронологического порядка событий, где прибытие посольства Берке в Египет предшествует посланию султана, отправленному «с доверенным лицом из аланских купцов» [16, с. 526]. По той же причине выражение «раз он вступил в религию ислама» у аль-Фората В. А. Сидоренко неверно переводит как: «когда вступит в религию ислама». Очевидно, что после прочтения писем Берке, доставленных послами в Египет, султан не мог бы составить послания, в котором признавал бы Берке мусульманином. Вместе с тем, как мы попытались показать в тексте работы, новая конъектура не имеет под собой надежных грамматических оснований. Исходя из текста Ибн 'Абд аз-Захира, следует признать, что в момент составления султаном письма к хану у него не было сомнений в исламе Берке. На наш взгляд, это противоречие может быть разрешено, если вер-

нуться к тому порядку событий, который представлен у Ибн ‘Абд аз-Захира: письмо султана, отправленное Берке, а после – прибытие послов хана в Египет. В этом случае следует полагать, что «поступающие одно за другим известия», по причине ислама Берке, не соответствовали действительности и были неверно истолкованы при дворе султана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абу Йусуф Йа'куб б. Ибрахим ал-Куфи. *Китаб ал-Харадж* / Пер. с арабск., коммент. А.Э. Шмидта. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. XXXIII+415 с.
2. аль-Бухари. *Сахих* / Пер. с арабск., прим., указ. А. Нирша. М.: Умма, 2005. 960 с.
3. Баранов Х.К. *Арабско-русский словарь*. 6-е изд., стереотипн. М.: Русский язык, 1985. 944 с.
4. Бартольд В.В. *Работы по истории ислама и Арабского халифата*. М.: Восточная литература, 2002. 784 с.
5. Бартольд В.В. *Туркестан под владичеством монголов (1227–1269гг.)* // Бартольд В.В. *Сочинения*. Т. I. Ч. 1. М.: Восточная литература, 1963. 763 с.
6. Борисов В.М. *Русско-арабский словарь* / Под. ред. В.М. Белкина. М.: Советская энциклопедия, 1967. 1120 с.
7. Гранде Б.М. *Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении*. 2-е изд. М.: Восточная литература РАН, 2001. 592 с.
8. Зайнуддинов Д.Р. *Арабоязычные источники по истории Золотой Орды: анализ переводов В.Г. Тизенгаузена // Золотоордынская цивилизация*. 2010. Вып. 3. С. 110–120.
9. Ибн Касир. *Толкование Корана: в 4-х тт. Т. I* / Пер. А.А. Шипиловой. М.: Аль-Китаб, 2021. 768 с.
10. Ибн Хишам. *Жизнеописание пророка Мухаммада* / Пер. с арабск. Н.А. Гайнулин. М.: Умма, 2002. 485 с.
11. Керимов Г.М. *Шариат. Закон жизни мусульман*. М.: Ленем, 1999. 304 с.
12. *Коран* / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. Баку: Язычы, 1990. 744 с.
13. *Коран. Перевод смыслов* / Пер. Э. Кулиев. М.: Умма, 2012. 1168 с.
14. *Муслим. Сахих* / Пер. с арабск., прим., указ. А. Нирша. М.: Умма, 2011. 1216 с.
15. Родионов М.А. *Ислам классический*. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. 256 с.
16. Сидоренко В.А. *Принятие религии ислама Золотой Ордой и начальный этап дипломатических отношений между Берке и Бейбарсом по документальным сведениям Абд аз-Захира* // МАИЭТ. 2020. Вып. XXV. С.513–559.
17. Сюкийнен Л.Р. *аш-Шари'а* // *Ислам: Энциклопедический словарь*. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 292–294.
18. Тизенгаузен В.Г. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Тип. Имп. АН, 1884. XVI+566 с.
19. Тюрева Л.С. *Практическая грамматика арабского литературного языка*. М.: Изд-во ВКН, 2017. 448 с.
20. Хайбулин И.Н. *Грамматика арабского языка*. Уфа: Салям, 2012. 500 с.
21. Юрченко А.Г. *Золотая Орда: между Ясой и Кораном (начало конфликта)*. Книга-конспект. СПб.: Евразия, 2012. 368 с.
22. Яковенко Э.В. *Неправильные глаголы арабского языка: Грамматический справочник*. М.: Восточная литература РАН, 2000. 727 с.
23. аль-Кудури. *Мухтасар фи аль-фикхи аль ханафи*. Бейрут: Дар аль-Китаб, 1997. 255 с. (арабск. текст).

REFERENCES

1. Abu Jusuf Ja'kub b. Ibrahim al-Kufi. *Kitab al-Haradz* [Abu Yusuf. *Kitab al-kharaj*]. Transl. A.E. Shmidt. St.-Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2001, XXXIII+415 p.
2. al'-Buhari. *Sahih* [al-Bukhari. *Sahih*]. Transl. A. Nirsh. Moscow, Umma Publ., 2005, 960 p.
3. Baranov H.K. *Arabsko-russkii slovar'* [Arabic-russian dictionary]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1985, 944 p.
4. Bartol'd V.V. *Raboty po istorii islama i Arabskogo halifata* [Works on the history of Islam and the Arab Caliphate]. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2002, 784 p.

5. Bartol'd V.V. Turkestan pod vladychestvom mongolov (1227–1269 gg.) [Turkestan under the rule of the Mongols], *Bartol'd V.V. Sochineniia* [Essays]. Vol. I. Part 1. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 1963, 763 p.
6. Borisov V.M. *Russko-arabskij slovar'* [Russian-Arabic dictionary]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1967, 1120 p.
7. Grande B.M. *Kurs arabskoj grammatiki v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii* [Arabic grammar course in comparative historical coverage]. Moscow, Vostochnaia literatura RAN Publ., 2001, 592 p.
8. Zaynuddinov D.R. Arabic sources on the history of the Golden Horde: analysis of V. Tiesenhausen translations. *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia* [Golden Horde Review], 2010, vol. 3, pp. 110–120.
9. Ibn Kasir. *Tolkovanie Korana* [Ibn Kathir. Tafsir al-Qur'an al-Azim]. Transl. A.A. Shipilina. Vol. I. Moscow, Al'-Kitab Publ., 2021, 768 p.
10. Ibn Hisham. Zhizneopisanie proroka Muhammada [Ibn Hisham. The Life of the Prophet (Al-sira al-Nabawiyya)]. Transl. N.A. Gajnulin. Moscow, Umma Publ., 2002, 485 p.
11. Kerimov G.M. Shariat. *Zakon zhizni musul'man* [Sharia. The law of life for Muslims]. Moscow, Lenom Publ., 1999, 304 p.
12. *Koran*. Trasl., comments I.Iu. Krachkovskogo. Baku, Iazychy Publ., 1990, 744 p.
13. *Koran*. Perevod smyslov [Koran. Translation of meanings]. Transl. E. Kuliev. Moscow, Umma Publ., 2012, 1168 p.
14. Muslim. *Sahih* [Sahih]. Transl. A. Nirsh. Moscow, Umma Publ., 2011, 1216 p.
15. Rodionov M.A. *Islam klassicheskii* [Islam classic]. St.-Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2001, 256 p.
16. Sidorenko V.A. The Golden Horde's conversion to Islam and the initial stage of the diplomatic relation between Berke and Baibars according to Abd az-Zahir's documentary account. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2020, vol. 25, pp. 513–559.
17. Siukiiainen L.R. Sharia. Islam: *Entsiklopedicheskii slovar'* [Islam: an encyclopedic dictionary]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 292–294.
18. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy. T. I. Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh* [Collection of materials related to the history of the Golden Horde. Vol. I. Extracts from the works of the Arab]. St.-Petersburg, Akademiia Nauk Publ., 1884, XVI+566 p.
19. Tiureva L.S. *Prakticheskaiia grammatika arabskogo literaturnogo iazyka* [Practical Arabic literary grammar]. Moscow, VKN Publ., 2017, 448 p.
20. Khaibulin I.N. *Grammatika arabskogo iazyka* [Arabic grammar]. Ufa, Saliyam Publ., 2012, 500 p.
21. Iurchenko A.G. *Zolotaia Orda: mezhdou Iasoi i Koranom (nachalo konflikta). Kniga-konspekt* [Golden Horde: between Yasa and the Koran (beginning of the conflict). Book-synopsis]. St.-Petersburg, Evrazaia Publ., 2012, 368 p.
22. Iakovenko E.V. *Nepravil'nye glagoly arabskogo iazyka: Grammaticheskii spravocchnik* [Irregular Arabic Verbs: Grammar Guide]. Moscow, Vostochnaia literatura RAN Publ., 2000, 727 p.
23. al-Quduri. Muhtasar al-fiqhi al-hanafi. Bejrut, Dar al'-Kitab Publ., 1997, 255 p. (in Arabic).

Информация об авторе

Спивак И. А. – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Author information

Spivak I. A. – Candidate of Science (History), Docent of the Department archaeology and world history of the Taurida Academy of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University.

MEMORIA

ДМИТРИЙ АФИНОГЕНОВ (28.08.1965–28.08.2021)

ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ, УЧИТЕЛЯ И ДРУГА

DMITRII AFINOGENOV (28.08.1965–28.08.2021)

IN MEMORY OF OUR COLLEAGUE, TEACHER, AND FRIEND

С Дмитрием Евгеньевичем мы познакомились, когда я училась на последнем курсе университета, а он приехал из долговременной зарубежной командировки и, к великой нашей радости, читал нам спецкурс. Это был праздник филологии, читали письма Фотия, Феодора Метохита и Арефу Кесарийского. Некоторые тексты были со скрытыми цитатами, в том числе из Аристотеля, которые мы редко опознавали при домашней подготовке и поэтому не могли передать всю полноту смысла, а профессор Афиногенов вскрывал нам их словно любимых им устриц, предлагая полакомиться красотой мысли автора и тонкостью ее выражения. У меня сохранился конспект по некоторым занятиям, из которого видно, что Дмитрий Евгеньевич нас учил видеть и чувствовать греческий так же как он, со всеми противоречиями, возможными поздними вставками, стилистическими особенностями, замечаниями об ошибках издателя и увлекательными деталями.

Дима, как он предложил мне его называть лет десять назад, всегда был очень энергичен, кипел идеями и для всех, кто с ним дружил, был кладезем не только научных знаний, но и источником всевозможных фактов о разных областях жизни. Он был гурманом, любил жизнь, умел получать удовольствие не только от вкусной еды, которую сам прекрасно готовил, но и от путешествий и прогулок. До сих пор все, кто были причастны, вспоминают не только его гостеприимные вечера, когда он угощал блинами или мясом собственного приготовления, но и посиделки с ним во время конференций. Последние были наполнены его увлекательными рассказами о мире, о жизни, о Византии или интересными дискуссиями по научным вопросам.

Если проанализировать все статьи, напечатанные при жизни Дмитрия Евгеньевича, то во многих из них он предстает перед нами как

тонкий знаток языков, умело сочетающий лингвистические методы анализа с историческими, и нередко предлагающим более точные переводы сложных запутанных мест оригинального текста или восстанавливающим текст оригинала по дошедшим до нас переводам на другие языки. Многие коллеги сетуют, что мало кто может на таком же высоком уровне знаний и умений продолжить его, к сожалению, не оконченный труд над текстом хроники Амартола.

Огромный пласт статей Дмитрия Евгеньевича был посвящен филологическим, лингвистическим и историческим проблемам византийских текстов иконоборческого периода. Главным отличием этих работ, помимо колоссальных знаний автора и его фантастического лингвистического чутья, было использование методологии, которую он описал в одной из своих статей «Еще раз о пользе чтения “между строк”: Методологические размышления», опубликованной в 2001 г. журнале «Византийский временник». Эта методология и уникальное знание греческого языка позволили ему очень много сделать и для развития переводов агиографических сочинений. Он активно реализовывал идею об использовании их в качестве исторических источников, особенно для иконоборческого времени, по которому сохранилось относительно мало исторических сочинений, написанных очевидцами событий. Еще в своей книге «Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис Византии (784–847)» (М., 1997) показал, как внимательное отношение к такого рода источникам может изменить интерпретацию некоторых фактов, которые подаются за таковые в исторических источниках.

Дмитрий Евгеньевич много внимания уделял в своих работах проблеме нормы, их различиям и ориентировался на таковые при анализе переведенных на древнерусский византийских произведений различного жанра. По некоторым из выделенных им признаков он мог датировать как сам перевод, так и сузить регион его происхождения.

Одним из важных его лингвистических наблюдений в рамках процессов итализации и монофтонгизации дифтонгов, было выделение в отдельную группу «*u*» и «*ou*», которые по анализируемым им славянским источникам произносились переводчиками лабиально ([*ü*]), и не смешивались с другими до XII века. Что также в ряде статей позволяло профессору Афиногенову уточнить дату перевода по лингвистическим данным или сопоставить два текста и доказать его тождественность, как в его статье, посвященной переводу жития преп. Евфимия Великого (Славянский перевод жития преп. Евфимия Великого: наблюдения о языке и авторе // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 4, История. 2015. № 3 (33). С. 38–42).

У него было очень трепетное отношение к деталям, многие его статьи об этом свидетельствуют. Иногда одна маленькая деталь в тексте давала ему не только новое прочтение его, но и позволяла написать целый детективный филологический рассказ. Эта особенность сказывалась и при обращении к рукописным собраниям, как греческим, так и славянским, и по отмеченным профессором Афиногеновым деталям складывался либо образ автора, его национальная принадлежность, пристра-

ствия, либо подсвечивались другие свидетельства происхождения текста, происходило отождествление инородных вставок. Блестящая память Дмитрия Евгеньевича позволяла ему филигранно определять скрытые цитаты авторов античного и византийского периодов, вычленять их даже в случае редактуры изначальных текстов авторами произведений или переводчиками. Благодаря скрупулезному вниманию к стилистическим особенностям авторов не только в филологическом аспекте, но и в лингвистическом, он мог вычленять вставки в текст от лица переводчика в качестве пояснения или иллюстрации переведенных фрагментов, а также все возможные редактуры исходного текста, как в переводе, так и при позднейшем переписывании.

В один из моих последних приездов в гости показывал старую книгу Монфокона, наличием которой в своей домашней библиотеке он гордился, как и остальными с любовью собранными с разных мест книгами, не только потому, что это старый красивый фолиант, но и потому, что с ним для него была связана своя история, словно книга была для него особенным старинным другом, отдельным миром с греческим текстом, с красотой его оформления и сочетанием шрифтов... Так и Дмитрий Евгеньевич, Дима, для всех, кто имел счастье с ним работать, дружить, общаться на конференциях, будет отдельным миром, галактикой.

А. А. Евдокимова

P.S. Редакция «Материалов по археологии, истории и археологии Таврии» глубоко скорбит о безвременной кончине Дмитрия Евгеньевича Афиногенова, выдающего византиниста, истинного знатока письменных источников. Мы сотрудничали с Дмитрием Евгеньевичем в нашем издании, он был неременным участником наших византиноведческих семинаров. Он навсегда останется в наших сердцах как прекрасный отзывчивый товарищ.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / LIST OF ABBREVIATIONS

АДСВ	— Античная древность и средние века
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БИКАМЗ	— Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник
ВВ	— Византийский временник
ВДИ	— Вестник древней истории
ГИАМЗХТ	— Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)
ГИМ ОПИ	— Государственный исторический музей, отдел письменных источников (Москва)
ГНИМА	— Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева (Москва)
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК	— Известия Императорской археологической комиссии
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИТОИАЭ	— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР / РАН
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
НА ИА НАНУ	— Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины (Киев)
НА ИИМК РАН	— Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук (Санкт-Петербург)
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры
РА	— Российская археология
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа
ХСб.	— Херсонесский сборник
ЦГА Москвы	— Центральный государственный архив города Москвы
АИHV	— Association internationale pour l'histoire du verre
СН XI	— Abramzon M.G., Kuznetsov V.D. Coin Hoards. Vol. XI. Greek Hoards. The Cimmerian Bosphorus. Leuven, Paris, Bristol, 2021. (Colloquia Antiqua 32).
IAA	— Israel Antiquities Authority
IGCH	— Thompson M., Mørkholm O., Kraay C.M. (eds.). An Inventory of Greek Coin Hoards. New York, 1973.
ICAANE	— International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East
JGS	— Journal of Glass Studies
SAOC	— Studies in Ancient Oriental Civilization
RGZM	— Römisch-Germanisches Zentralmuseum

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Герцен А.Г., Душенко А.А., Руев В.Л. Наскальное панно у с. Красный Мак в Крыму.....	5
Стоянова А.А. Фибулы Опущинского могильника и их роль в костюме (по материалам раскопок 2003–2020 гг.).....	22
Ворошилова О.М., Ворошилов А.Н. Золото в женском погребальном костюме элиты позднеантичного Боспора: новые материалы из Фанагории.....	40
Казанский М.М. Ранневизантийские элементы престижного конского снаряжения с декором в стиле перегородчатой инкрустации в постгуннское время (Восточная Европа, Подунавье и евразийские степи).....	57
Зинько В.Н., Зинько А.В. Турбулентность этнополитических процессов в Восточной Таврике в VI–VII вв.....	71
Седикова Л.В., Рыжов С.Г. Комплекс находок начала XI в. из цистерны в IX квартале Херсонеса.....	90
Голофаст Л.А. Несколько групп стеклянных сосудов из слоя пожара второй половины XIII в. в Херсонесе.....	107
Завадская И.А. Особенности числовых пропорций плана Эски-Керменской базилики.....	143
Лобода А.Ю., Грунькин И.Н., Светогоров Р.Д., Пожидаев В.М., Камаев А.В., Малахов С.Н., Пельве К.Ю., Терещенко Е.Ю., Хайрединова Э.А., Айбабин А.И., Яцишина Е.Б. Исследование пигментов и связующих красочных слоев росписей храма X–XIII вв. на плато Эски-Кермен.....	156
Евдокимова А.А. Погребальное граффито из храма на плато Эски-Кермен (предварительная публикация).....	175
Радочин В.Ю. Предварительные результаты исследования антропологического материала из гробницы 1 однефного квартального храма на плато Эски-Кермен.....	184
Хайрединова Э.А. Кольца и перстни XII–XIV вв. из Эски-Кермена.....	205
Антипенко А.В., Лобода А.Ю., Хайрединова Э.А., Исмагулов А.М., Ващенко Е.С., Терещенко Е.Ю., Яцишина Е.Б. Золотные нити из плитовых могил XIV в. на плато Эски-Кермен.....	229
Пожидаев В.М., Камаев А.В., Лобода А.Ю., Терещенко Е.Ю., Хайрединова Э.А., Яцишина Е.Б. Исследование материала сердечника золотных нитей из плитовых могил XIV в. на плато Эски-Кермен.....	246
Науменко В.Е., Герцен А.Г., Иожица Д.В. Христианский Мангуп. Современная источниковая база и основные этапы истории.....	255
Сейдалиев Э.И., Сейдалиева Д.Э. Глазурованная керамика золотоордынского периода в фондах Центрального музея Тавриды: попытка атрибуции одной коллекции.....	282
Тесленко И.Б., Майко В.В. Красноглиняная поливная керамика с изображениями птиц из раскопок Судака (коллекция музея-заповедника «Судакская крепость»).....	308

Зиливинская Э.Д. Многокупольные мечети в Крымском ханстве.....	343
Айбабина Е.А. Средневековые надгробные памятники степного Крыма.....	362

НУМИЗМАТИКА И СФРАГИСТИКА

Смекалова Т.Н., Демиденко Н.Л., Гаврилюк А.Н. Монетные сплавы Херсонеса Таврического периода независимости.....	374
Шонов И.В. Клад серебряных херсонесских монет 178–157 гг. до н.э.	402
Абрамзон М.Г., Новичихин А.М., Сапрыкина И.А., Смекалова Т.Н. Жалование гарнизона наемников эпохи митридатовых войн: Фонталовский клад (IGCH 1143)	411
Сидоренко В.А. Объективные методы исследований монетных чеканок византийского Херсона и Крыма.....	424
Алексеенко Н.А., Антипенко А.В. Выпуск литых свинцовых монет в византийском Херсоне: местный феномен или технологический «брак»?	447
Степанова Е.В. Образ грифона на византийских печатях (на примере коллекции Государственного Эрмитажа).....	459

ИСТОРИЯ

Айбабин А.И. Ранневизантийский и хазарский периоды эволюции городов на Внутренней горной гряде Крыма.....	475
Храпунов Н.И. Крымское путешествие Виктора де Карамана.....	498
Конкин Д.В. «...Область сия есть почти единственная классическая страна, какою мы обладаем»: записка барона Б.Б. Кампенгаузена «О древностях Новороссийского края» (1817 г.).....	528
Ломакин Д.А. К ранней истории Бахчисарая: Эски-Юрт.....	540
Ломакина М.А. Юго-восточное предместье Бахчисарая в акварелях К. Ф. Богаевского: Салачик и Чуфут-Кале.....	571
Абрамова Н.А. Из истории изучения «пещерного города» Качи-Кальон в XIX–XX вв.	594
Непомнящий А.А. Семинариум имени Н. П. Кондакова – европейский крымоведческий центр (20-е годы XX столетия).....	609
Прохоров Д.А. Изучение истории крымских караимов в отечественной и зарубежной историографии.....	629

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

Степаненко В.П. О желательности знания «мелочей». Ответ А.Ю. Митрофанову.....	656
Спивак И.А. О новых тенденциях в переводах текстов Ибн ‘Абд аз-Захира.....	673

MEMORIA

Евдокимова А.А. Дмитрий Афиногенов (28.08.1965–28.08.2021). Памяти коллеги, учителя и друга.....	692
Список сокращений.....	695
Содержание.....	696

CONTENTS
ARCHAEOLOGY

Gertsen A.G., Dushenko A.A., Ruev V.L. A Rock Art Panel near the Village of Krasnyi Mak in the Crimea.....5

Stoianova A.A. Brooches from the Cemetery of Opushki and Their Role in Costume (According to the 2003–2020 Excavation Materials).....22

Voroshilova O.M., Voroshilov A.N. Gold in a Woman’s Burial Costume of the Late Ancient Bosporan Elite: New Materials from Phanagoreia.....40

Kazanski M.M. Early Byzantine Elements of the Prestigious Horse Harness with Cloisonné Inlaid Decoration in the Post-Hunnic Period (Eastern Europe, Danube Area, and Eurasian Steppes).....57

Zin’ko V.N., Zin’ko A.V. Turbulent Ethnopolitical Processes in the Eastern Taurica in the Sixth and Seventh Centuries.....71

Sedikova L.V., Ryzhov S.G. A Complex of the Early-Eleventh Century Finds from a Cistern in Quarter IX of Chersonese.....90

Golofast L.A. A Few Groups of Glass Vessels from the Second Half of the Thirteenth Century Fire Layer in Chersonese.....107

Zavadskaya I.A. The Particulars of the Numeric Proportions of the Ground Plan of the Basilica of Eski-Kermen.....143

Loboda A.Yu., Trunkin I.N., Svetogorov R.D., Pojidaev V.M., Kamaev A.V., Malakhov S.N., Pelve K.Yu., Tereschenko E.Yu., Khairedinova E.A., Aibabin A.I., Yatsishina E.B. A Study of the Pigments and Cohesive Colour Layers of the Paintings in a Church from the Tenth to Thirteenth Centuries on the Plateau of Eski-Kermen.....156

Evdokimova A.A. A Funeral Graffito from a Church atop of the Plateau of Eski-Kermen (Preliminary Information).....175

Radochin V.Yu. Preliminary Results of the Research of Anthropological Material from Tomb I of an Aisleless Quarter Church at Eski-Kermen Plateau.....184

Khairedinova E.A. The Twelfth-Fourteenth-Century Finger-Rings and Signet-Rings from Eski-Kermen.....205

Antipenko A.V., Loboda A.Yu., Khairedinova E.A., Ismagulov A.M., Vashchenkova E.S., Tereschenko E.Yu., Yatsishina E.B. Metal Threads from the Fourteenth-Century Slabbed Graves at the Plateau of Eski-Kermen.....229

Pojidaev V.M., Kamaev A.V., Loboda A.Yu., Tereschenko E.Yu., Khairedinova E.A., Yatsishina E.B. A Research of the Material of the Core of Metal Threads from the Fourteenth-Century Slabbed Graves at the Plateau of Eski-Kermen.....246

Naumenko V.E., Gertsen A.G., Iozhitsa D.V. Christian Mangup: The Modern Source Base and the Main Stages of Its History.....255

Seidaliiev E.I., Seidaliieva D.E. Glazed Ware from the Golden Horde Period in the Central Museum of Taurida: An Attempt of Attribution of a Collection.....282

Teslenko I.B., Mayko V.V. Glazed Red Clay Ceramic Ware with Images of Birds Excavated at Sudak (The Collection of the Museum Preserve of Sudak Fortress).....308

Zilivinskaya E.D. Multi-Domed Mosques in the Crimean Khanate.....	343
Aibabina E.A. Mediaeval Gravestones from the Crimean Steppe.....	362

NUMISMATICS AND SPHRAGISTICS

Smekalova T.N., Demidenko N.L., Gavrilyuk A.N. Coin Alloys of Tauric Chersonese in the Period of Independence.....	374
Shonov I.V. A Hoard of Silver Chersonesian Coins of 178–157 BC.....	402
Abramzon M.G., Novichikhin A.M., Saprykina I.A., Smekalova T.N. The Mercenaries' Salary in the Mithridatic Wars: Fontalovskaia Hoard (IGCH 1143).....	411
Sidorenko V.A. Objective Methods in the Research of Coinages of Byzantine Cherson and the Crimea.....	424
Alekseienko N.A., Antipenko A.V. Issuing Cast Lead Coins in Byzantine Cherson: A Local Phenomenon or a Technological “Flaw”?	447
Stepanova E.V. The Image of Griffin on Byzantine Seals (On the Example of the State HermitageMuseumCollection).....	459

HISTORY

Aibabin A.I. The Early Byzantine and Khazar Periods in the Evolution of the Towns on the Inner Mountain Ridge in the Crimea.....	475
Khrapunov N.I. Victor de Caraman's Crimean Travel.....	498
Konkin D.V. “...This Area Is almost the only Classical Country in Our Possession”: Baron B. B. Kampengauzen's Memoir “On the Antiquities in the New Russia Region” (1817)....	528
Lomakin D.A. To the Early History of Bakhchisarai: Eski-Yurt.....	540
Lomakina M.A. The South-Eastern Suburb of Bakhchisarai though K. F. Bogaevskii's Watercolours: Salachik and Chufut-Kale.....	571
Abramova N.A. From the History of the Studies of the “Cave Town” of Kachi-Kal'on in the Nineteenth and Twentieth Centuries.....	594
Nepomniashchy A.A. Seminarium Kondakovianum as a European Centre for the Crimean Studies (1920s).....	609
Prokhorov D.A. The Study of the History of the Crimean Karaites in the Home and Foreign Historiography.....	629

SCHOLARLY DISCUSSIONS

Stepanenko V.P. Why Knowledge of “Small Things” Matters: A Response to A.Iu. Mitrofanov.....	656
Spivak I.A. On the New Trends in Translation of Abd al-Zahir's Texts.....	673

MEMORIA

Evdokimova A.A. Dmitrii Afinogenov (28.08.1965–28.08.2021). In memory of our colleague, teacher, and friend.....	692
Abbreviations.....	695
Content.....	696

Научное издание

Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

Вып. XXVI

Перевод на английский: *Н.И. Храпунов*
Корректор: *С.И. Власова*
Компьютерная верстка: *В.С. Смирнова*

Издательство:

ООО «Соло-Рич»

295000, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Пушкина, 9, оф. 89
тел.: +7 (978) 817 39 39, +7 (978) 817 05 50, +7 (978) 722 63 66
e-mail: solo-88888@yandex.ru
www.design-solo.ru

Отпечатано в ООО «Прондо»
109316, Москва, ул. Волгоградский пр-т, д.45, офис 542
тел.: +7 (977) 805-63-95

Подписано в печать: 1.12.2021 г.
Выход в свет: 20.12.2021 г.
Формат 70x100 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 56.88
Тираж 300 экз. Заказ № 92
Распространяется бесплатно

Представитель типографии ООО «Прондо»

в Республике Крым:

ООО «Соло-Рич»

295000, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Пушкина, 9, оф. 89
тел.: +7 (978) 817 39 39, +7 (978) 817 05 50, +7 (978) 722 63 66
e-mail: solo-88888@yandex.ru
www.design-solo.ru